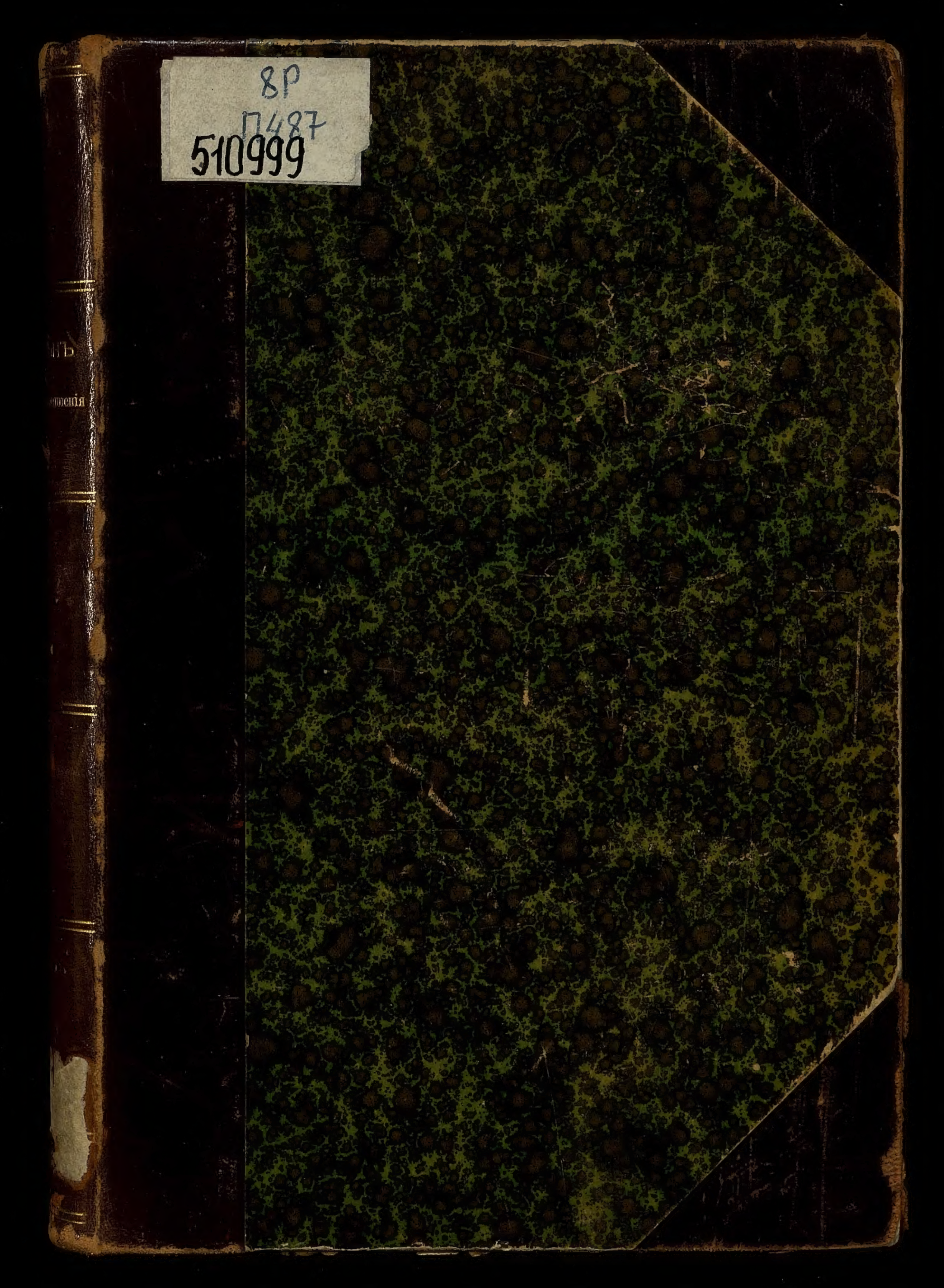

Александръ Сергѣевичъ
ПУШКИНЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

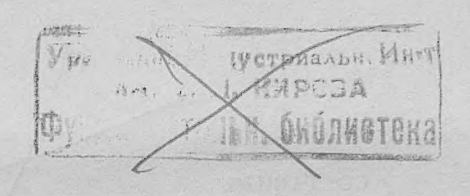
Сборникъ историко-литературныхъ статей.

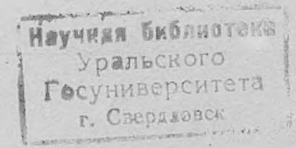
СОСТАВИЛЪ
В. Покровскій.

Изданіе второе дополненное.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛ
Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова.
Телефонъ 120—95.
1909.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ IV части «Сокращенной исторической хрестоматіи» составитель поставилъ себѣ задачею дать біографію Пушкина, останавливаясь преимущественно на такихъ моментахъ его жизни, которые имѣютъ связь съ его духовнымъ развитіемъ и творчествомъ, опредѣлить сущность и значеніе его поэзіи, указать на его отношеніе къ писателямъ русскимъ и иностраннымъ и установить нравственный его обликъ, раскрывъ особенности его духовной организаціи.

Во третьемъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи:

Творчество Пушкина и отзывчивость его художественнаго генія, *Овсянико-Куликовскаго.* — Славянскій элементъ въ языкѣ Пушкина, *Карскаго.* — Народный элементъ въ языкѣ Пушкина, *его же.* — Пушкинъ, какъ воспитатель, *Айхенвальда.* — Поэтическая теорія Пушкина, *Евлахова.* — Содержаніе, источники поэмы «Русланъ и Людмила» и ея историко-литературныя отношенія, *Халанскаго.* — Отношеніе поэмы «Русланъ и Людмила», какъ романтическаго произведенія къ опытамъ предшественниковъ-ложноклассиковъ, *Владимирова.* — «Русланъ и Людмила» и богатырскія сказки, *его же.* — Сказки Гамильтона и «Русланъ и Людмила», Пушкина, *Поливанова.* — «Orlando Furioso» Аріоста и «Русланъ и Людмила» Пушкина, *Черняева.* — Pucelle d' Orleans Вольтера и «Русланъ и Людмила» Пушкина, *Кирпичникова.* — Тонъ и мораль поэмы «Русланъ и Людмила», *Котляревскаго.* — Стиль и языкъ поэмы, *Халанскаго.* — Встрѣча поэмы среднимъ читателемъ, *его же.* — Историко-литературное значеніе «Руслана

и Людмилы», *Черняева.* — «Русланъ и Людмила» въ оцѣнкѣ самого поэта, *Шеффера.* — Личныя настроенія Пушкина предъ созданіемъ «Кавказскаго плѣнника», *Морозова.* — Отраженіе психическихъ состояній поэта въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», *Котляревскаго.* — Аналогичность минорнаго настроенія поэта, сказавшаяся въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» съ направленіемъ европейской поэзіи Байрона и Шатобріана, *Морозова.* — Романтическая психика Алеко, *Котляревскаго.* — Народныя черты въ поэмѣ «Полтава», *Владимирова.* — Характеристика Мазепы и Петра Великаго по поэмѣ «Полтава», *Жданова.* — Евгеній Онѣгинъ, какъ національный типъ, *Овсянико-Куликовскаго.* — Онѣгинъ, какъ бытовой типъ, *Добровскаго.* — Евгеній Онѣгинъ и его предки, *Ключевскаго.* — Татьяна, какъ національный типъ, *Овсянико-Куликовскаго.* — Бытовыя и историческія картины въ Евгеніѣ Онѣгинѣ, *Владимирова.* — Душевное настроеніе Бориса передъ вступленіемъ его на престолъ, *Запольскаго.* — Борисъ Годуновъ, въ кругу своего семейства, *его же.* — Эпоха смутнаго времени, изображенная Пушкинымъ въ «Борисѣ Годуновѣ» и характеристика дѣйствующихъ лицъ, *Лукъяненко.* — Смѣна душевныхъ состояній барона въ «Скупомъ рыцарѣ» подъ вліяніемъ охватившей его страсти, *Запольскаго.* — Завѣты Пушкина молодому поколѣнію, *Степовича.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

Первоначальныя вліянія, подъ которыми выростала геніальная личность Пушкина.*

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ въ 1799 году, мая 26. Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, до 1798 года служилъ въ Измайловскомъ полку. Свадьба его и Надежды Осиповны Ганнибалъ, вѣроятно, происходила въ Петербургѣ, потому что первенецъ ихъ — дочь Ольга Сергѣевна родилась въ 1798 году, именно въ то время, какъ Сергѣй Львовичъ состоялъ еще на службѣ въ Петербургѣ. Въ 1798 году Сергѣй Львовичъ вышелъ въ отставку; въ слѣдующемъ 1799 году Марья Алексѣевна (мать Надежды Осиповны) продала село Кобрино (родовое село своего мужа), и все семейство Пушкиныхъ переѣхало въ Москву, гдѣ на деньги, вырученныя отъ продажи имѣнія, Марія Алексѣевна пріобрѣла сельцо Захарово, верстахъ въ сорока отъ Москвы. При продажѣ петербургскаго имѣнія, общая няня всѣхъ молодыхъ Пушкиныхъ, знаменитая Арина Родіоновна, записанная по Кобрину, получила отпускную, вмѣстѣ съ двумя сыновьями и двумя дочерьми, но никакъ не хотѣла воспользоваться вольною. Приставленная сперва къ сестрѣ поэта, потомъ къ нему и, наконецъ, къ брату его, Родіоновна вынянчила все новое поколѣніе этой семьи. Въ какихъ трогательныхъ отношеніяхъ съ нею находился второй изъ ея питомцевъ, прославившій ея имя на Руси — извѣстно всякому.

Родіоновна принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ русскаго міра. Соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположенія къ молодости съ притворной строгостью оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовью и, въ годы возмужалости и славы, бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется еще и другимъ важнымъ достоинствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ какъ нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, — слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны. Можно сказать съ увѣренностію, что онъ обязанъ своей нянѣ первымъ знакомствомъ съ источниками народной поэзіи и впечатлѣніями ея, которыя, однакожъ, были замѣтно ослаблены послѣдующимъ воспоминаніемъ.

Въ числѣ писемъ къ Пушкину, почти отъ всѣхъ знаменитостей русскаго общества, находятся и записки отъ старой няни, которыя онъ берегъ наравнѣ съ первыми. Вотъ что писала она около 1826 года. Мысль и самая форма мысли видимо принадлежатъ Аринѣ Родіоновнѣ, хотя она и позаимствовала руку для ихъ изложенія.

„Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ, я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна — вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ, и только когда засну, забуду васъ. Пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ въ Михайловское — всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобы Онъ далъ намъ свидѣться. Прощай мой, батюшка, Александръ Сергѣевичъ. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебенъ отслужила — *поживи, дружечекъ, хорошенько, — самому слюбится*. Я, слава Богу, здорова — цѣлую ваши руки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша Арина Родіоновна. (Тригорское, марта 6)“.

Какимъ чуднымъ отвѣтомъ на это письмо служитъ отрывокъ Пушкина, который мы здѣсь приводимъ:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя ворота,
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь...
То чудится тебѣ...

Почтенная старушка умерла въ 1828 году 70 лѣтъ въ домѣ питомицы своей, Ольги Сергѣевны Павлищевой.

Другимъ путемъ къ раннему сближенію съ народными обычаями и пріемами могло служить само сельцо Захарово, проданное въ 1811 году, когда молодой Пушкинъ увезенъ былъ въ С.-Петербургъ для опредѣленія въ Лицей. Семейство его, постоянно жившее въ Москвѣ съ 1798 года, проводило лѣто въ новой деревнѣ Марьи Алексѣевны. Зажиточные крестьяне Захарова не боялись веселиться: пѣсни, хороводы и пляски пѣлись и плясались тамъ часто. Въ двухъ верстахъ отъ Захарова находится богатое село Вязёма. По неимѣнію церкви, жители Захарова считаются прихожанами села Вязёмы, гдѣ похороненъ братъ Пушкина, Николай, умершій въ 1807 году (род. въ 1802) и куда Александръ Сергѣевичъ самъ часто ѣздилъ къ обѣднѣ. Село Вязёма принадлежало Борису Годунову и сохраняется доселѣ память о немъ. Тамъ указываютъ еще на пруды, будто бы вырытые по его повелѣнію, и на церковную колокольню, имъ построенную. Вѣроятно, молодому Пушкину часто говорили о прежнемъ царѣ — владѣтелѣ села. Такимъ образомъ мы встрѣчаемся, еще въ дѣтствѣ Пушкина, съ предметами, которые впослѣдствіи оживлены были его геніемъ.

Пушкинъ вспоминалъ о Захаровѣ на скамьяхъ Лицея и въ одномъ изъ многочисленныхъ легкихъ посланій, тамъ написанныхъ, говоритъ:

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами, въ рѣкѣ волнистой
Съ мостомъ и рощею тѣнистой,
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.

Гораздо позже, въ 1831 году, передъ женитьбою своей, Александръ Сергѣевичъ побывалъ въ Захаровѣ, и, покуда Марья, дочь няни его, готовила ему сельскій завтракъ изъ яичницы, онъ обѣгалъ рощицу возлѣ дома и всѣ мѣста, напоминавшія ему дѣтство его: „Все наше рушилось, Марья, сказалъ онъ по возвращеніи: все поломали, все заросло...“ Черезъ два часа онъ уѣхалъ. Дѣйствительно, флигель, гдѣ жили дѣти прежняго помѣщика, уже былъ тогда за ветхостію разобранъ, и оставался одинъ большой домъ. Многія березки на берегу пруда порублены. Впрочемъ, еще недавно одинъ путешественникъ видѣлъ тамъ старую липу Пушкина; съ этого пункта можно было наслаждаться прекраснымъ видомъ на прудъ и на противоположный берегъ его, покрытый зеленымъ еловымъ лѣсомъ.

Отецъ его, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, былъ человѣкъ отъ природы добрый, но вспыльчивый. При малѣйшей жалобѣ гувернеровъ или гувернантокъ онъ сердился, выходилъ изъ себя, но гнѣвъ его проистекалъ отъ врожденнаго отвращенія ко всему, что нарушало его спокойствіе, и скоро проходилъ. Вообще, Сергѣй Львовичъ не любилъ заниматься серіозными дѣлами по дому, воспитанію и хозяйству, предоставивъ все это супругѣ своей, Надеждѣ Осиповнѣ; никогда не бывалъ онъ въ дальнихъ своихъ деревняхъ, какъ, напримѣръ, Болдинѣ (Нижегородской губ.), предоставивъ имѣніе въ полное распоряженіе управляющему, своему крѣпостному человѣку, и отдавалъ все свое время только удовольствіямъ общества и наслажденіямъ городской жизни.

Съ другой стороны, Сергѣй Львовичъ, какъ и братъ его, поэтъ Василій Львовичъ, были душою общества, неистощимы въ каламбурахъ, остротахъ и тонкихъ шуткахъ. Онъ любилъ многолюдныя собранія. Связи Сергѣя Львовича были довольно обширны. Чрезъ Пушкиныхъ онъ былъ въ родствѣ со всею этою фамиліею, а чрезъ Ганнибаловъ съ Ржевскимъ и ихъ свойственниками — Бутурлиными, Черкасскими и проч. Онъ даже жилъ домъ-о-домъ съ графомъ Дмитріемъ Петровичемъ Бутурлинымъ, и гости послѣдняго были его гостями. Въ числѣ посѣтителей его были: Карамзинъ, Батюшковъ, Дмитріевъ и молодой Пушкинъ, который всегда внимательно прислушивался къ ихъ сужденіямъ и разговорамъ, — зналъ корифеевъ нашей словесности не по однимъ произведеніямъ ихъ, но и по живому слову, выражающему характеръ человѣка и западающему часто въ юный умъ невольно и неизгладимо.

Вмѣстѣ со всѣмъ лучшимъ обществомъ Москвы, домъ Сергѣя Львовича, какъ всѣ избранные дома тогдашнаго времени, былъ открытъ

для французскихъ эмигрантовъ: новое средство развлеченія, котораго всѣ искали. Между этими эмигрантами отличалось лицо графа Ксавье де-Мэстра. Онъ уже напечаталъ тогда свое „Voyage autour de ma chambre“, и, въ промежуткахъ между литературными занятіями, любилъ посвящать свои досуги друзьямъ. Самъ Сергѣй Львовичъ былъ извѣстенъ, какъ острякъ и человѣкъ необыкновенно находчивый въ разговорахъ. Владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, онъ писалъ на немъ стихи такъ легко, какъ французъ, и дорожилъ этою способностью. Много альбомовъ, вѣроятно, сохранили его произведенія; и есть слухи, что въ это время онъ написалъ даже цѣлую книжку, въ которой разсуждалъ по-французски — стихами и прозой — о современной ему русской литературѣ. Чрезвычайно любезный въ обществѣ, онъ торжествовалъ особенно въ играхъ (jeux de société), требующихъ бѣглости ума и остроты, и былъ необходимымъ человѣкомъ при устройствѣ праздниковъ, собраній и, особенно, домашнихъ театровъ, на которыхъ, какъ онъ, такъ и братъ, Василій Львовичъ, отличались искусствомъ игры и декламаціи. Въ обществѣ Сергѣя Львовича находились также и двѣ извѣстныя піанистки, блиставшія вмѣстѣ съ тѣмъ и талантомъ остроумной бесѣды.

Памятникомъ веселости, оживлявшей это общество, осталась даже печатная книжка. Извѣстно, что когда дядя нашего поэта, Василій Львовичъ Пушкинъ, собирался ѣхать за-границу, то И. И. Дмитріевъ предупредилъ, такъ сказать, весь будущій разсказъ путешественника въ стихотворной шуткѣ, подъ названіемъ: „Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія“. Книжка эта, напечатанная только для друзей, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, сдѣлалась теперь библіографическою рѣдкостью. Шутка И. И. Дмитріева особенно поражаетъ соединеніемъ веселости, мѣткости и вмѣстѣ благородства, что очень рѣдко встрѣчаемъ въ нашихъ печатныхъ произведеніяхъ этого рода. За три дня до отъѣзда своего за-границу Василій Львовичъ обѣщалъ, на дружескомъ ужинѣ, вѣрно передать свои впечатлѣнія пріятелямъ. И. И. Дмитріевъ возразилъ, что письма его всегда будутъ драгоцѣнны для нихъ, но что содержаніе корреспонденціи почти уже извѣстно. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ сочинилъ „Путешествіе“, къ которому приложилъ еще картинку, изображавшую будущаго туриста въ Парижѣ, за урокомъ декламаціи у Тальмы. Чрезвычайно остроумно и вѣрно изображенъ тамъ авторъ „Опаснаго сосѣда“, съ его жаждой новостей, слѣпымъ поклоненіемъ иностраннымъ диковинкамъ, усвоеніемъ всѣхъ возможныхъ модъ и вмѣстѣ неизмѣннымъ добродушіемъ и прямотою сердца. Вотъ начало этой книжки, которая можетъ дать понятіе о всемъ ея тонѣ:

Друзья! сестрицы! я въ Парижѣ,
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе
Мой маленькій журналъ читать.
Я былъ въ музеѣ, Пантеонѣ,
У Бонапарта на поклонѣ,
Стоялъ близехонько къ нему,
Не вѣря счастью своему.
Вчера меня князь Долгоруковъ
Представилъ милой Рекамье,
Я видѣлъ корпусъ мамелюковъ,
Сіеса, Вестриса, Мерсье, и т. д

Воспитаніе дѣтей въ семействѣ Пушкиныхъ ничѣмъ не отличалось отъ общепринятой тогда системы. Какъ во всѣхъ хорошихъ домахъ того времени, имъ наняли гувернантокъ, учителей и подчинили ихъ совершенно этимъ воспитателямъ съ разныхъ концовъ свѣта.

До семилѣтняго возраста Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ не предвѣщалъ ничего особеннаго; напротивъ, своею неповоротливостью, своею тучностью, робостью и отвращеніемъ къ движенію, онъ приводилъ въ отчаяніе Надежду Осиповну, женщину умную, прекрасную собой, страстную къ удовольствіямъ и разсѣяніямъ общества, какъ и всѣ окружающіе ее, но имѣвшую въ характерѣ тѣ черты, которыя заставляютъ дѣтей повиноваться и вѣрнѣе дѣйствуютъ на нихъ, чѣмъ мгновенный гнѣвъ и вспышки. Впрочемъ, она не могла скрыть предпочтительной любви сперва къ дочери, а потомъ къ меньшому сыну, да и на самое воспитаніе дѣтей, кромѣ ея, гувернеровъ и гувернантокъ, имѣли вліяніе еще и двѣ тетки Александра Сергѣевича — Анна Львовна Пушкина и Елизавета Львовна, по мужѣ Солнцева. Анна Львовна собирала въ домѣ своемъ часто всѣхъ родныхъ и умѣла вселять искренния привязанности къ себѣ.

Мужъ Елизаветы Львовны, Матвѣй Михайловичъ Солнцевъ, былъ искреннимъ другомъ Сергѣя Львовича, съ которымъ могъ состязаться въ любезности, тонкихъ шуткахъ и французскихъ каламбурахъ. Правильной системы воспитанія тутъ уже не могло быть, и если существовало какое-либо единство, то развѣ въ общемъ недовѣріи къ характеру и способности молодого Александра Пушкина. Это обстоятельство, однакожъ, имѣло впослѣдствіи благодѣтельное вліяніе на послѣдняго. Не избалованный въ дѣтствѣ излишними угожденіями, онъ легко переносилъ лишенія и рано привыкъ къ мысли — искать опоры въ самомъ себѣ. Надежда Осиповна заставляла маленькаго Пушкина бѣгать и играть съ сверстниками, съ трудомъ побѣждая и лѣность его и молчаливость. Разъ на прогулкѣ онъ, не замѣченный никѣмъ, отсталъ отъ общества и преспокойно усѣлся посреди улицы. Сидѣлъ онъ такъ до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ, что изъ одного дома кто-то смотритъ на него и смѣется. „Ну, нечего скалить зубы!“ сказалъ онъ съ досадой и отправился домой. Когда настойчивыя требованія быть поживѣе превосходили мѣру терпѣнія ребенка, онъ убѣгалъ къ бабушкѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, залѣзалъ въ ея корзинку и долго смотрѣлъ на ея работу. Въ этомъ убѣжищѣ уже никто не тревожилъ его. Марья Алексѣевна была женщина замѣчательная, столько же по приключеніямъ своей жизни, сколько по здравому смыслу и опытности. Она была первой наставницей въ русскомъ языкѣ. Баронъ Дельвигъ еще въ Лицеѣ приходилъ въ восторгъ отъ ея письменнаго слога, отъ ея сильной, простой русской рѣчи. Къ несчастію, мы не могли отыскать ни малѣйшаго образчика того безыскусственнаго и мужественнаго выраженія, которымъ отличались ея письма и разговоры. Вторымъ русскимъ учителемъ Пушкина, нѣсколько позже, былъ, по странному случаю, нѣкто г. *Шиллеръ*. Впрочемъ, труды г. Шиллера не могли

принести особенныхъ плодовъ въ это время, потому что маленькій Пушкинъ и сестра его, воспитывавшіеся вмѣстѣ, говорили, писали и твердили уроки изъ всѣхъ предметовъ по-французски.

Главнымъ руководителемъ дѣтей былъ сперва графъ Монфоръ, образованный эмигрантъ, бывшій въ то же время музыкантомъ и живописцемъ; за нимъ г. Русло, писавшій французскіе стихи; потомъ г. Шедель и другіе. Настоящимъ, дѣльнымъ наставникомъ въ русскомъ языкѣ, ариѳметикѣ и въ Законѣ Божіемъ былъ у нихъ почтенный священникъ Маріинскаго института Александръ Ивановичъ Бѣликовъ, извѣстный своими проповѣдями и изданіемъ: „Духа Массильона“ (1806). Когда наняли англичанку (миссъ Бели) для Ольги Сергѣевны, Пушкинъ учился по-англійски, но плохо, а по-нѣмецки и вовсе не учился. Была у нихъ гувернантка нѣмка, да и та почти никогда не говорила на своемъ родномъ языкѣ. Вообще ученье подвигалось медленно.

Возлагая всѣ свои надежды на память, молодой Пушкинъ повторялъ уроки за сестрой, когда ее спрашивали; ничего не зналъ, когда начинали экзаменъ съ него; заливался слезами надъ четырьмя правилами ариѳметики, которую вообще плохо понималъ. Особенно дѣленіе, говорятъ, стоило ему многихъ слезъ и трудовъ.

Но съ 9-го года начала развиваться у него страсть къ чтенію, которая и не покидала его во всю жизнь. Онъ прочелъ, какъ водится, сперва Плутарха, потомъ Иліаду и Одиссею, въ переводѣ Битобе, потомъ приступилъ къ библіотекѣ своего отца, которая наполнена была французскими классиками XVII вѣка и произведеніями философовъ послѣдующаго столѣтія. Сергѣй Львовичъ поддерживалъ въ дѣтяхъ это расположеніе къ чтенію и вмѣстѣ съ ними читывалъ избранныя сочиненія. Говорятъ, онъ особенно мастерски передавалъ Мольера, котораго зналъ почти наизусть, но еще и этого было недостаточно для Александра Пушкина. Онъ проводилъ безсонныя ночи, тайкомъ забирался въ кабинетъ отца и безъ разбора пожиралъ всѣ книги, попадавшіяся ему подъ-руку. Вотъ почему замѣчаніе Льва Сергѣевича, что на 11-мъ году, при необычайной памяти своей, Пушкинъ уже зналъ наизусть всю французскую литературу, можетъ быть принято съ нѣкоторымъ ограниченіемъ.

Первыя попытки авторства, вообще рано появляющіяся у дѣтей, пристрастившихся къ чтенію, обнаружились у Пушкина, разумѣется, на французскомъ языкѣ и отзывались вліяніемъ знаменитаго комическаго писателя Франціи. Пушкинъ любилъ импровизировать комедійки и, по общему согласію съ сестрой, устроилъ нѣчто въ родѣ театра, гдѣ авторомъ и актеромъ былъ братъ, а публикой — сестра. Разъ какъ-то публика освистала его пьесу L'Escamoteur. Авторъ отдѣлался отъ оскорбленій эпиграммой, сохранившейся доселѣ въ памяти тогдашняго судьи:

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par la parterre?
Hélas — c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

Стишки гладенькіе и легкіе. Они были предшественниками такихъ же русскихъ стиховъ, которые Пушкинъ началъ писать уже въ Лицеѣ. Авторство шло параллельно съ его чтеніемъ. Ознакомившись съ Лафонтеномъ, Пушкинъ сталъ писать басни. Начитавшись Генріады, онъ задумалъ поэму въ 6 пѣсняхъ, но здѣсь останавливаетъ насъ одна характеристическая особенность. Эта была не героическая поэма, какъ слѣдовало бы ожидать, а шуточная. Содержаніемъ послужила война между карлами и карлицами во времена Дагоберта. Карло послѣдняго, по имени Toly, былъ героемъ ея, почему и вся поэма называется La Tolyade. Стихотворная шутка начинается такъ:

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche.

Все это было во вкусѣ того, что слышалъ Пушкинъ вокругъ себя и чему онъ довольно долго подражалъ. Гувернантка похитила тетрадку поэта и отдала Шеделю, жалуясь, что M-r Alexandre за подобными вздорами забываетъ о своихъ урокахъ. Шедель расхохотался при первыхъ стихахъ. Раздраженный авторъ тутъ же бросилъ въ печку свое произведеніе. *Анненковъ.*

Царствованіе Екатерины, при всемогущемъ вліяніи у насъ власти, нѣсколько упорядочило русскую дворянскую семью, внесла въ нее чужія, господствовавшія тогда формы общежитія, смягчило нравы. То было время торжества французской общественности, знакомства съ языкомъ и литературою французовъ. Идейное вліяніе Франціи сказывалось въ господствѣ французскаго литературнаго вкуса. Ему подчинялась только что начавшая жить наша словесность. Немудрено поэтому, что отецъ и дядя Пушкина стали не только русскими, но и французскими стихотворцами, въ томъ легкомъ родѣ, какой господствовалъ въ обществѣ, въ салонахъ. Серіозная сторона французской литературы, ея философская мысль, ея скептицизмъ были недоступны и по недостатку умственнаго развитія и по недостатку для пониманія ея элементовъ въ русскомъ обществѣ. Въ этихъ литературныхъ занятіяхъ не было ничего серіознаго; въ нихъ была та же пустота, что и въ жизни; это была мода, но мальчикъ Пушкинъ росъ посреди литературныхъ привычекъ близкой родни, усвоилъ ихъ и невольно, безсознательно съ дѣтства сталъ писать стихи. „Если ты въ родню“, говорилъ онъ впослѣдствіи меньшому своему брату Льву, „такъ ты литераторъ“.

Но французскіе стихи, остроты и каламбуры были чѣмъ-то внѣшнимъ въ семейной жизни Пушкина. Она была такъ же нелѣпа и пошла, какъ и у множества полубогатыхъ дворянскихъ семей, проживавшихъ въ Москвѣ не только доходы съ крѣпостныхъ, но и ихъ

самихъ, искавшихъ лишь пустыхъ удовольствій. Семейный гнетъ былъ по прежнему тяжелъ, несмотря на то, что гнѣвъ владыки дома выражался, можетъ-быть, совершенно правильно на языкѣ Корнеля и Расина. Единственная сестра поэта, съ дѣтства имъ страстно любимая, съ которой, по всей вѣроятности, рисовалъ онъ первоначальную Татьяну, даже на тридцатомъ году жизни, должна была бѣжать изъ родительскаго дома, чтобъ тайно обвѣнчаться съ тѣмъ, кого она выбрала. Такимъ образомъ „сопротивленіе злу" становилось необходимымъ для личнаго счастія, и недовольство родною обстановкою, борьба Пушкина съ нею развивала въ немъ самостоятельность характера и чувство независимости.

Намъ, къ сожалѣнію, вовсе неизвѣстно дѣтство поэта; это — пора самыхъ живыхъ и прочныхъ впечатлѣній, остающихся болѣе или менѣе навсегда. Біографы Пушкина, обыкновенно фантазируютъ объ этомъ времени на основаніи позднихъ соображеній. Такъ, говорятъ они о развращающемъ дѣйствіи на геніальнаго мальчика многихъ французскихъ писателей прошлаго вѣка. Съ кѣмъ изъ нихъ онъ былъ знакомъ въ отцовскомъ домѣ — мы не знаемъ, но ни Мольеръ, ни Генріада, ни Лафонтенъ, о знакомствѣ съ которыми есть свѣдѣнія, никакъ не могли дѣйствовать развращающимъ образомъ. Читали ихъ тогда всѣ русскіе люди, воспитываемые французскими гувернерами. Эти французскіе гувернеры, безъ всякаго сомнѣнія, имѣли весьма существенное вліяніе на развитіе ума, идеи и на складъ характера поэта: не даромъ въ Лицеѣ его называли французомъ.

Со времень Фонвизина и сатирическихъ журналовъ Екатерининской эпохи сложилось въ литературѣ убѣжденіе, что французскіе гувернеры у насъ были насадителями какой-то особенной нелюбви и даже презрѣнія ко всему родному, русскому. Извѣстны и типы русскихъ людей, воспитанныхъ иностранцами въ обличительной литературѣ прошлаго вѣка и начала нынѣшняго. Мы вполнѣ увѣрены, что эти типы вообще преувеличены и карикатурны. Нелюбовь и презрѣніе къ родному совершенно несвойственны человѣческой природѣ; никакое иностранное воспитаніе, особенно посреди своей же, родной обстановки, не въ состояніи ихъ породить и развить. Толки объ этомъ доказываютъ, какъ намъ кажется, тенденціозность. Напротивъ, столкновеніе неразвитаго и непосредственнаго ума съ развитою и сознательною чужою мыслію можетъ развить только дѣятельную любовь къ родному и ненависть развѣ къ историческимъ его недостаткамъ. Сколько сильныхъ умовъ и хорошихъ душою и сердцемъ, даже дѣятельною любовью къ роднѣ людей вышло изъ рукъ французскихъ гувернеровъ! Впрочемъ, говорить о вліяніи ихъ на Пушкина въ дѣтствѣ можно лишь гадательно. Мы знаемъ только имена ихъ, но, во всякомъ случаѣ, они стояли выше тогдашнихъ русскихъ учителей и по знаніямъ и по идеямъ. Сама Франція переживала въ то время такой глубокій историческій переворотъ, что мысль каждаго француза невольно становилась напряженнѣе. Замѣчательно, что только приго-

зоръ француза Жиле, гувернера въ домѣ графа Бутурлина, сохранился для насъ о Пушкинѣ изъ его ранняго дѣтства. „Чудное дитя", говорилъ онъ писателю Карамзинской школы М. Макарову, „какъ онъ рано началъ все понимать".

Арина Родіоновна играла не послѣднюю роль въ жизни Пушкина. Она была ему сердечно дорога, она внушила ему чудные, полные глубокаго чувства стихи, свидѣтельствующіе о томъ, какъ много нѣжности заключалось въ его сердцѣ. Употребляя собственныя выраженія поэта, мы можемъ сказать о ней, что она была „подругою его юности", „подругою его суровыхъ дней", его „голубкою". Нельзя не поблагодарить поэта, что онъ въ стихахъ своихъ сохранилъ для насъ въ образѣ, напримѣръ, Татьяниной няни, и въ задушевныхъ строфахъ, обращенныхъ къ своей собственной, этотъ уже исчезнувшій, но необходимый типъ старой дворянской семьи. Тѣмъ болѣе мы должны быть благодарны Пушкину, что въ отношеніяхъ его къ этому типу незамѣтно той разлагающей рефлексіи, которая, естественно, пришла вмѣстѣ съ развитіемъ жизни и ея историческимъ скептицизмомъ. Другой русскій поэтъ, въ позднѣйшихъ условіяхъ жизни, уже совершенно иначе выражался о своей нянѣ, когда, не находя любви къ семьѣ, онъ съ оскорбленнымъ чувствомъ убѣгалъ къ ней:

„Ахъ, няня! сколько разъ
Я слезы лилъ о ней въ тяжелый сердцу часъ,
При имени ея впадая въ умиленье,
Давно не чувствовалъ я къ ней благоговѣнья!
Ея безсмысленной и вредной доброты
На память мнѣ пришли немногія черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой".

На долю няни въ русскихъ дворянскихъ семьяхъ до времени освобожденія выпадала нерѣдко завидная миссія развивать въ дѣтяхъ чувство любви и нѣжной привязанности, просыпающееся рано въ ребенкѣ и не находившее отголоска въ лицахъ, гораздо болѣе близкихъ къ нему по кровному родству. Изучая старую русскую жизнь (теперь слагаются новые типы, но они еще не успѣли опредѣлиться), нельзя не придти къ убѣжденію, что въ жизни русской семьи стараго времени, въ прежнихъ, крѣпостныхъ ея условіяхъ, очень рѣдко найдемъ мы и сердечность и эту нѣжность отношеній между двумя поколѣніями, которыя, связуя ихъ въ одно цѣлое, являются въ жизни источникомъ развитія человѣчности. Дѣти росли, чуждаясь родителей; между тѣми и другими не было откровенности. Возраставшая съ лѣтами въ сердцѣ ребенка потребность привязанности и любви сердечной не находила отзвука ни въ отцѣ, занятомъ хозяйствомъ, охотою, картами, свѣтомъ, и полагавшаго, что онъ исполнилъ обязанности, сдавъ дѣтей на руки гувернеровъ, ни у матери, погруженной съ утра до вечера въ свѣтскую болтовню, въ романы, воображаемые и дѣйствительные, и въ постоянную погоню за удовольствіями, считавшимися единственною цѣлью пустой жизни. И ребенокъ, дѣйствительно, убѣгалъ къ нянѣ.

ница въ ея ласкахъ, простыхъ и чуждыхъ эгоизма, отвѣта на неудовлетворяемую потребность любви. И на долю Пушкина выпали эти обычныя условія русской дворянской семьи. У каждаго почти старииннаго помѣщичьяго домашняго очага стояла эта непосредственная, глубокодѣятельная, чуждая личныхъ привязанностей фигура (обыкновенно, въ няни брали или одинокую или покончившую съ собственными интересами женщину). Она вся уходила въ старческую привязанность, глубокую, безсознательную и безкорыстную. Понятно, что только отъ нея первый русскій ребенокъ могъ слышать и родныя сказки и заунывныя пѣсни родины. Ничего особеннаго не представляютъ поэтому отношенія Пушкина къ его нянѣ (они были общими для всѣхъ), но его могучій талантъ умѣлъ облечь ихъ прелестью поэтическаго творчества.

Изъ всей родной семьи, окружавшей Пушкина въ дѣтствѣ, гораздо съ большимъ правомъ, чѣмъ на нянѣ Родіоновнѣ, мы должны остановиться на его бабкѣ по матери — Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, по роду тоже Пушкиной.

Почти одинаковое съ няней положеніе въ жизни, неимѣніе прямыхъ домашнихъ обязанностей часто дѣлало этихъ бабокъ въ старыхъ семьяхъ первыми воспитательницами ребенка. Старуха Ганнибалъ умерла въ 1817 году. Она переписывалась съ внукомъ, когда тотъ учился въ Лицеѣ, но письма ея, къ сожалѣнію, не сохранились. Эта бабка была хранительницею семейныхъ преданій, старыхъ разсказовъ, которые передавала внуку. Она была и его первой наставницей въ русскомъ языкѣ. Сохраняя живую связь съ прошедшимъ, эта именно бабка, какъ мы въ томъ увѣрены, больше всего способствовала тому непосредственному чувству старины, похожее на свѣжее чувство современника, какимъ проникнуты историческія повѣсти Пушкина. О ней, по всей вѣроятности, вспоминаетъ и самъ поэтъ въ стихахъ:

„Но каюсь, новый Ходаковскій,
Люблю отъ бабушки московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ“...

Эта бабка Пушкина и видѣла много на своемъ вѣку и испытала многое. Она выходила замужъ за Осипа Абрамовича Ганнибала въ самый разгаръ пугачевщины и притомъ въ мѣстности, непосредственно охваченной пламенемъ бунта. Эта кровавая и жестокая историческая драма съ ея потрясающими эпизодами, сохранившимися въ семейной памяти дворянскихъ фамилій, преимущественно, восточной полосы Россіи, по всей вѣроятности, въ нѣкоторыхъ ужасающихъ подробностяхъ своихъ, съ дѣтства была знакома Пушкину изъ разсказовъ бабки. Они запечатлѣлись въ его памяти, и по нимъ задумалъ онъ написать и „Капитанскую дочку“ и „Исторію Пугачевскаго бунта“. Какъ для француза разсказы и мемуары изъ эпохи великой революціи составляютъ полное интереса и драматизма чтеніе, такъ и въ нашихъ дворянскихъ семьяхъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка и даже въ 30-хъ

его годахъ эпизоды пугачевщины, особенно на востокѣ Россіи, передавались и воспринимались съ потрясающимъ интересомъ. Няня Пушкина была родомъ изъ новгородской деревни; она не знала, не испытала этой бури; бабка же была свидѣтельницей событій, сама пережила многое. Ея процессъ съ мужемъ, тайно женившимся на своей крѣпостной, дошелъ до свѣдѣнія императрицы Екатерины, и вызвалъ ея личное участіе въ послѣдніе годы ея царствованія. По всей вѣроятности, Марья Алексѣевна лично просила императрицу, и извѣстная сцена въ „Капитанской дочкѣ“ (гл. XIV), гдѣ героиня повѣсти встрѣчается съ государыней въ царскосельскихъ аллеяхъ, кажется, была написана по разсказамъ бабушки.

Эти старые семейные разсказы и дворянскія преданія имѣли прежде оригинальную прелесть. Пушкинъ любилъ ихъ записывать, пользовался ими для высокихъ художественныхъ образовъ. У него, кромѣ другихъ источниковъ, какъ у художника, было непосредственное историческое чутье. *Буличъ.*

Пушкинъ въ Царскосельскомъ лицеѣ.

Родители Пушкина нарочно поѣхали въ Петербургъ, чтобы развѣдать, куда бы лучше помѣстить сына. Въ Петербургѣ уже нѣсколько лѣтъ пользовался извѣстностью благородный іезуитскій институтъ; но въ высшемъ обществѣ, къ коему принадлежалъ Сергѣй Львовичъ, особенно славился одинъ частный пансіонъ, учрежденный и прекрасно устроенный аббатомъ Николемъ, впослѣдствіи устроителемъ Ришельевскаго лицея, и въ то время находившійся въ вѣдѣніи аббата Макара. Тамъ воспитывались дѣти изъ лучшихъ семействъ. Туда же намѣревались отдать и Пушкина. Невольно подумаешь о томъ, что стало бы съ нимъ, какое бы получилъ онъ направленіе подъ руководствомъ аббата! Кажется, не ошибемся, если скажемъ, что, къ счастію его, въ то время открывался Лицей въ Царскомъ Селѣ.

Лицей, прекрасный памятникъ заботливости государя Александра Павловича о просвѣщеніи Россіи, имѣлъ на Пушкина вліяніе рѣшительное. Не говоримъ уже о томъ, что постоянная жизнь въ царскосельскомъ уединеніи, посреди прекрасныхъ тамошнихъ садовъ, питала въ немъ чувство изящнаго и любовь къ природѣ, — Лицей подѣйствовалъ и на умъ его, сообщивъ его мыслямъ опредѣленное направленіе, и на сердце, давъ возможность рано развиться нѣжнымъ склонностямъ дружбы, чувствамъ чести и товарищества, однимъ словомъ, онъ вполнѣ раскрылъ всѣ его способности. Пушкинъ вспоминалъ о Лицеѣ, какъ объ отеческомъ кровѣ, какъ о родимой обители.

12-го августа 1810 года постановленіе о Лицеѣ было Высочайше утверждено. Изъ этого постановленія, излагающаго въ 149 параграфахъ всѣ подробности административной и учебной части заведенія, узнаемъ, что „учрежденіе лицея имѣло цѣлью образованіе юношества,

особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной", что въ немъ „преподавались предметы ученія, важнымъ частямъ государственной службы приличные и для благовоспитаннаго юноши необходимо нужные", что „лицей и члены его приняты подъ особенное Его Императорскаго Величества покровительство и состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія", который въ концѣ каждой недѣли получалъ отъ директора подробную вѣдомость о состояніи Лицея.

Августа 19-го, именнымъ указомъ, даннымъ министру народнаго просвѣщенія, предписано было привести въ дѣйствіе постановленіе о Лицеѣ. Въ концѣ этого указа читаемъ: „Я питаю твердое упованіе, что заведеніе это вскорѣ процвѣтетъ подъ управленіемъ начальства, коему оное ввѣряется".

Государь подарилъ Лицею собственную библіотеку, въ которой нѣкоторыя книги находились прежде въ личномъ его употребленіи и сохранили драгоцѣнныя собственноручныя его замѣчанія и отмѣтки. Но высокое покровительство августѣйшаго учредителя выразилось особенно въ томъ, что для помѣщенія Лицея отведена была часть Царскосельскаго дворца. Невозможно было сдѣлать лучшаго выбора. Лицей такимъ образомъ пользовался и необходимымъ въ теченіе большей части года уединеніемъ, и близостью столицы, открывавшею доступъ ко всѣмъ учебнымъ средствамъ и пособіямъ. Дворцовыя зданія Царскаго Села, построенныя еще при Елизаветѣ Петровнѣ (1744) славнымъ художникомъ Растрелли, особенно украшены и возвеличены были въ дни Екатерины, коей память еще такъ свѣжо сохранялась въ то время. Слава ея имени и царствованія одушевляла лицеистовъ. Какъ сильны были эти впечатлѣнія, видно изъ стихотворенія Пушкина: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*. и особенно изъ слѣдующихъ:

И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою Женою,
Ея любимые сады
Стоятъ населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининскихъ гербовъ!...
Садятся признаки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ;
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ Кагульскихъ береговъ!
Вотъ, вотъ могучій вождь полуночнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ и леталъ!
Вотъ, вѣрный братъ его, герой архипелага,
Вотъ наваринскій Ганнибалъ!

2-го іюня 1811 года именнымъ указомъ, даннымъ сенату, статскій совѣтникъ Малиновскій, находившійся при государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, назначенъ былъ директоромъ Лицея. Ва-

силій Өедоровичъ Малиновскій, братъ извѣстнаго Алексѣя Өедоровича, управляющаго Московскимъ архивомъ иностранныхъ дѣлъ, издавна былъ пріятелемъ Пушкиныхъ. Уже это одно должно было расположить Сергѣя Львовича къ помѣщенію сына въ Лицей. Сверхъ того, Лицей, какъ заведеніе вновь открываемое и при такой благопріятной обстановкѣ, внушалъ родителямъ довѣріе. Наконецъ нельзя упустить изъ виду и того обстоятельства, что лицеисты воспитывались безплатно.

Лѣтомъ 1811 года молодой Пушкинъ въ первый разъ оставилъ родной свой городъ, Москву. Дядя, Василій Львовичъ, повезъ его въ Петербургъ.

До половины августа онъ готовился къ вступительному экзамену. Доступъ въ Лицей былъ довольно затруднителенъ: въ постановленіи сказано, что „на первый случай полагалось принять въ лицей не менѣе 20 и не болѣе 30 воспитанниковъ, а впослѣдствіи времени по соображенію съ хозяйственнымъ состояніемъ лицея“. Многіе родители пріѣхали въ Петербургъ для опредѣленія дѣтей своихъ; но только 38 человѣкъ были допущены къ экзамену, и въ это число Василію Львовичу удалось включить племянника своего, благодаря совѣтамъ и ходатайству Александра Ивановича Тургенева, въ то время служившаго при министрѣ духовныхъ дѣлъ, князѣ А. Н. Голицынѣ. Могъ ли Тургеневъ думать, что этотъ мальчикъ, которому по добротѣ своей онъ открывалъ доступъ въ Лицей, сдѣлается знаменитымъ поэтомъ, и что чрезъ 26 лѣтъ онъ окажетъ ему другую услугу: отвезетъ его тѣло на послѣднее жилище!

Августа 12-го 38 мальчиковъ были подвергнуты предварительному испытанію, и 30 изъ нихъ, въ томъ числѣ Пушкинъ, удостоены принятія въ Лицей, на что и послѣдовало Высочайшее утвержденіе, испрошенное директоромъ Лицея.

Лицей торжественно открылся 19 октября 1811 года, — день, незабвенный для Пушкина и его товарищей, день, который они потомъ ежегодно праздновали, и памяти котораго Пушкинъ посвятилъ нѣсколько лучшихъ стихотвореній своихъ.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для васъ открылъ чертогъ Царицынъ —
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.

Съ утра всѣ члены августѣйшей фамиліи, первые чины двора, министры, члены государственнаго совѣта и проч. собрались въ придворную царскосельскую церковь, которая вмѣстѣ была и лицейскою церковью, находясь въ серединѣ зданія и соединяя комнаты лишь съ государевыми покоями. Директоръ Лицея привелъ въ церковь всѣхъ воспитанниковъ, профессоровъ и чиновниковъ открываемаго заведенія. Отслушана была литургія, и потомъ все собраніе прошло по комнатамъ Лицея, въ предшествіи придворныхъ пѣвчихъ и духовенства,

которое освятили ихъ кропленіемъ святой воды. Затѣмъ всѣ собрались въ залу, гдѣ прочитаны были нѣкоторыя мѣста изъ Высочайше пожалованной Лицею грамоты. Министръ просвѣщенія передалъ эту грамоту директору для храненія. За рѣчью, которую произнесъ директоръ, профессоръ Кошанскій прочелъ списокъ чиновниковъ Лицея и принятыхъ въ оный воспитанниковъ. Наконецъ къ симъ послѣднимъ обратился съ рѣчью профессоръ Куницынъ. Впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, сохранилось въ памяти Пушкина черезъ 25 лѣтъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ стиховъ, написанныхъ въ 1836 году. Въ этой рѣчи, между прочимъ, читаемъ: „Познанія ваши должны быть обширны, ибо вы будете имѣть непосредственное вліяніе на благо цѣлаго общества. Государственный человѣкъ долженъ знать все, что только прикасается къ кругу его дѣйствія... Государственный человѣкъ, будучи возвышенъ надъ прочими, обращаетъ на себя взоры своихъ согражданъ; его слова и поступки служатъ для нихъ примѣромъ. Если нравы его безпорочны, то онъ можетъ образовать народную нравственность болѣе собственнымъ примѣромъ, нежели властію... Благорастворенный воздухъ, безмолвное уединеніе, воспоминаніе о великой въ женахъ и о воспитаніи въ семъ мѣстѣ августѣйшаго внука ея, воскриляетъ младые таланты... Вы ли не устрашитесь быть послѣдними въ вашемъ родѣ? Вы ли захотите смѣшаться съ толпою людей обыкновенныхъ, пресмыкающихся въ неизвѣстности и каждый день поглощаемыхъ волнами забвенія? Нѣтъ! да не развратитъ мысль сія вашего воображенія. Любовь къ славѣ и отечеству должна быть вашимъ руководителемъ!“ По окончаніи рѣчи, государь осмотрѣлъ помѣщеніе воспитанниковъ и удостоилъ своего присутствія обѣденный столъ ихъ. Торжество заключилось иллюминаціею.

Это происходило въ четвергъ. Черезъ четыре дня, въ понедѣльникъ 23-го октября, началось въ Лицеѣ ученье. Преподаваніе наукъ въ Лицеѣ, какъ и все внутрее устройство его, имѣло особенный характеръ. Уравненный въ правахъ съ русскими университетами, онъ не походитъ на сіи послѣдніе уже по самому возрасту своихъ питомцевъ, которые при поступленіи имѣли отъ 10 до 12 лѣтъ; но, съ другой стороны, въ высшемъ, четвертомъ курсѣ Лицея преподавалось ученіе, обыкновенно излагаемое только съ университетскихъ каѳедръ. Такимъ образомъ онъ соединялъ въ себѣ характеры называемыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Лицеистъ, въ теченіе шести лѣтъ, узнавалъ науки отъ первыхъ начатковъ до философическихъ обозрѣній.

Въ „постановленіи о лицеѣ“ подробно изложены предметы, способъ и распредѣленіе преподаванія. Тамъ сказано, что „самое большое число часовъ въ недѣлю должно посвящать обученію грамматикѣ, наукъ историческихъ и словесности, особливо языкамъ иностраннымъ, которые должны быть преподаваемы ежедневно не менѣе 4 часовъ“. Директору вмѣнялось въ обязанность стараться о томъ, чтобы воспитанники разговаривали между собой на французскомъ и нѣмецкомъ

языкахъ поденно. Языкамъ греческому, англійскому и итальянскому вовсе не учили. Латинскому было дано второстепенное мѣсто; его причислили къ каѳедрѣ русской словесности, которую занималъ профессоръ Николай Ѳедоровичъ Кошанскій. Онъ училъ также и языку церковно-славянскому. Въ § 45 постановленія читаемъ: „Ученіе славянской грамматики для коренного познанія россійскаго слова необходимо; а потому и должно быть обращено на часть сію особенное вниманіе". На послѣднемъ курсѣ лицеисты слушали исторію изящныхъ искусствъ по Винкельману. Вообще въ преподаваніи словесности или „изящныхъ письменъ", какъ названа въ постановленіи, главнымъ почиталось чтеніе образцовъ. Рядомъ съ нимъ дѣятельно шли практическія упражненія, и ученики подавали Кошанскому свои сочиненія не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, обычай, можетъ-быть, перенесенный изъ Московскаго университетскаго пансіона, въ которомъ Кошанскій учился. Объ этихъ стихотворныхъ упражненіяхъ въ классѣ, сохранился забавный анекдотъ. Профессоръ задалъ въ классѣ написать сочиненіе на тему: *восходъ солнца*. Всѣ ученики написали, кто какъ умѣлъ, и подали профессору свои листки и тетрадки. Остановка была за однимъ ученикомъ, который никакъ не могъ совладать съ трудною темною; у него была написана только одна фраза: „Грядетъ съ заката царь природы". Онъ сталъ просить Пушкина помочь ему. „Изволь", отвѣчалъ Пушкинъ, и въ одну минуту прибавивъ къ приведенному началу слѣдующіе три стиха:

И изумленные народы
Не знаютъ, что начать,
Ложиться спать или вставать,—

подалъ листокъ префессору.

Объ исторіи, которую преподавалъ столь извѣстный впослѣдствіи профессоръ Иванъ Козьмичъ Кайдановъ, сказано въ постановленіи: „Во второмъ курсѣ исторія должна быть дѣломъ разума. Предметъ ея есть представить въ разныхъ превращеніяхъ государствъ шествіе нравственности, успѣхи разума и паденіе его въ разныхъ гражданскихъ постановленіяхъ". На чертвертомъ курсѣ лицеисты слушали философское обозрѣніе знатнѣйшихъ эпохъ всемірной исторіи по Боссюэту и Феррану. Кайдановъ преподавалъ также и географію.

Что касается до способа преподаванія, то профессорамъ вмѣнялось въ обязанность „не затемнять умъ дѣтей пространнымъ изъясненіемъ, но возбуждать собственное его дѣйствіе", „не диктовать уроковъ" и „избѣгать высокопарности". „Все пышное, высокопарное, школьное, совершенно удаляемо было отъ понятія и слуха воспитанниковъ".

Въ какой степени и какимъ образомъ все это примѣнялось къ самому дѣлу, остается неизвѣстнымъ. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что лицейское преподаваніе было плодотворно. Лицеисты получили и многіе изъ нихъ навсегда сохранили любовь къ наукѣ и просвѣщенію.

Выше назвали мы двухъ профессоровъ Лицея. Слѣдуетъ упомянуть и объ остальныхъ. Законоучителемъ сначала былъ священникъ Николай Васильевичъ Музовской, мѣсто его въ Лицеѣ заступилъ священникъ Гавріилъ Полянскій, а потомъ одинъ изъ ученѣйшихъ членовъ нашего духовенства Герасимъ Петровичъ Павскій. Психологію, логику, нравственную философію, науки политическія преподавалъ Александръ Петровичъ Куницынъ, самый замѣтный изъ всѣхъ лицейскихъ профессоровъ по талантамъ, дару слова и по новости идей, которыя онъ излагалъ въ статьяхъ и, безъ сомнѣнія, въ лекціяхъ своихъ. Онъ получилъ образованіе въ Геттингенскомъ университетѣ и былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ А. И. Тургеневу. О лекціяхъ Куницына Пушкинъ вспоминалъ всегда съ восхищеніемъ и лично къ нему до смерти своей сохранилъ неизмѣнное уваженіе. Мы увѣрены, что въ утраченныхъ запискахъ Пушкина много о немъ говорилось. Каѳедру философіи и эстетики занималъ Александръ Ивановичъ Галичъ; объ отношеніяхъ къ нему лицеистовъ можно судить по двумъ посланіямъ Пушкина. Преподавателемъ наукъ математическихъ былъ Яковъ Ивановичъ Карповъ.

Большое вліяніе, уже вслѣдствіе частнаго обращенія, вѣроятно имѣли на лицеистовъ преподаватели обоихъ иностранныхъ языковъ. Нѣмецкому языку училъ директоръ лицейскаго пансіона, Ѳедоръ Матвѣевичъ фонъ-Гауэншильдъ, который по смерти Малиновскаго, послѣдовавшей въ началѣ 1814 года, около двухъ лѣтъ исправлялъ должность директора Лицея. Онъ хорошо зналъ по-русски и впослѣдствіи по желанію государственнаго канцлера, графа Н. И. Румянцева, перевелъ на нѣмецкій языкъ первые 6 томовъ исторіи Карамзина. Но нѣмецкій языкъ не полюбился Пушкину. Несмотря на то, что лицеистовъ обязывали говорить по-нѣмецки, несмотря на примѣръ и внушенія Дельвига, онъ почти вовсе не зналъ этого языка. Всѣхъ занимательнѣе и веселѣе были уроки профессора французскаго языка, человѣка пожилыхъ лѣтъ, эмигранта, уже давно жившаго въ Россіи, оставившаго, съ изволенія Екатерины II, свое настоящее имя Марата, столь страшно прославленное роднымъ его братомъ, и назвавшагося Бури, по мѣсту своего рожденія во Франціи. Давыдъ Ивановичъ де-Бури училъ во всѣхъ женскихъ заведеніяхъ Петербурга и всюду былъ любимъ за живой и веселый характеръ. Онъ, между прочимъ, переводилъ съ лицеистами на французскій языкъ „Недоросля“ Фонвизина.

При исчисленіи людей, имѣвшихъ вліяніе на лицеистовъ, нельзя пройти молчаніемъ ихъ неразлучнаго собесѣдника, учителя рисованія и гувернера, Сергѣя Гавриловича Чирикова, который занималъ эту должность въ теченіе многихъ лѣтъ. Лицеисты любили его. У него бывали литературныя собранія. Въ его гостиной, надъ диваномъ, долго сохранялось нѣсколько шуточныхъ стиховъ, написанныхъ на стѣнѣ Пушкинымъ. — Чистописанію училъ Фотій Петровичъ Калиничъ.

Всѣ эти люди, посреди которыхъ протекло отрочество Пушкина, имѣли или, по крайней мѣрѣ, могли имѣть на него всякаго рода

вліяніе. Прямыхъ, положительныхъ свѣдѣній о пребываніи его въ Лицеѣ, несмотря на все наше стараніе, мы не могли собрать много. Собственныя его записки, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, онъ говоритъ подробно о лицейской своей жизни, сожжены; изъ его товарищей до сихъ поръ еще только нѣкоторые подѣлились съ публикою воспоминаніями о томъ времени. Мы принуждены довольствоваться и указаніями, разсѣянными въ сочиненіяхъ Пушкина и немногими собранными свѣдѣніями.

Едва только возникъ Лицей, едва устроилось въ немъ правильное преподаваніе (затрудняемое сначала неравенствомъ въ познаніяхъ воспитанниковъ), какъ внѣшнія политическія событія отвлекли отъ него вниманіе высшаго правительства. Но гроза двѣнадцатаго года плодотворно подѣйствовала и на молодыхъ лицеистовъ. Она оживляла и питала въ нихъ высокое чувство патріотизма, и, конечно, въ это время пробудилась въ душѣ Пушкина его горячая любовь къ роднѣ.

Вы помните, текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ...

Съ какимъ чувствомъ говоритъ пятнадцатилѣтній поэтъ о пожарѣ Москвы:

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь, и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Блистательный конецъ отечественной войны, кровавыя славныя битвы 1813 года, наконецъ, взятіе Парижа, — всѣ эти чудныя событія подымали духъ народный, волновали всѣхъ и каждаго. Въ 1814 году лицеисты были ближайшими свидѣтелями народнаго торжества. Въ 20-хъ числахъ іюля государь возвратился изъ-за границы. Въ Павловскѣ устроенъ былъ праздникъ въ честь гвардіи. Въ Царскомъ Селѣ воздвигались тріумфальныя ворота.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!

То было время всеобщаго одушевленія. Такое время, плодотворное для всѣхъ, пробуждаетъ въ отдѣльныхъ лицахъ душевныя силы, вызы-

ваетъ къ дѣятельности природою данныя способности. Мы не обинуясь, приписываемъ вліянію тогдашнихъ славныхъ событій быстрое развитіе поэтическаго таланта Пушкина; конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ признавая, что вліяніе это не было единственнымъ, что сему развитію способствовали и лицейское уединеніе, и счастливое дружество даровитыхъ отроковъ, и поощренія просвѣщенныхъ наставниковъ. Муза, любившая Пушкина въ младенчествѣ, не забыла его и въ отрочествѣ.

Бартеневъ.

Воспитательное и образовательное значеніе Царскосельскаго лицея.

Велико значеніе поэта, который проводитъ въ сознаніе народа жизнь его и изъ тайниковъ родного слова вызываетъ новый міръ идей, образовъ и звуковъ. Царскосельскій лицей, давшій Россіи нѣсколько замѣчательныхъ людей на разныхъ поприщахъ, болѣе всего однакожъ привлекаетъ вниманіе потомства тѣмъ, что въ немъ началъ свое развитіе геніальный русскій поэтъ. Лицей былъ назначенъ для приготовленія молодыхъ людей „къ важнымъ частямъ государственной службы", но иронія судьбы устроила, что первымъ блестящимъ плодомъ его воспитанія былъ юноша, вовсе не годившійся для службы, и однакоже болѣе всѣхъ прославившій это заведеніе. Еще прежде нежели произносились имена знаменитыхъ въ наше время питомцевъ первоначальнаго Лицея, Пушкинъ былъ извѣстенъ всей Россіи, какъ воспитанникъ перваго выпуска его. Въ позднѣйшее время нашлись люди, которые стали собирать подробности пребыванія въ немъ нашего поэта и его товарищей. И не мудрено: цѣлый отдѣлъ стихотвореній Пушкина, отдѣлъ, исполненный блеска и игривости молодой жизни, отмѣченъ именемъ Лицея; всякая черта, служащая къ разъясненію этого періода пушкинской поэзіи, становится драгоцѣнна.

Имена Лицея и Пушкина неразрывно связаны между собою въ культурной исторіи Россіи, и трудно сказать, кто кому болѣе обязанъ: Пушкинъ Лицею или Лицей Пушкину.

Вся обстановка новаго училища была необыкновенно благопріятна для развитія поэтическаго таланта. Царское Село соединяло въ себѣ двойное обаяніе свѣжихъ историческихъ воспоминаній и живописныхъ красотъ мѣстности, хотя и созданныхъ болѣе чудесами искусства, чѣмъ природой. Съ одной стороны сады и рощи, очаровательно-тихое уединеніе, величавые памятники военной славы; съ другой — невидимый, но присущій, исполинскій и прекрасный образъ геніальной Екатерины. Понятно, какъ сильно это двойное обаяніе должно было дѣйствовать на воспріимчивую душу одного изъ первенцевъ Лицея. Удивительно ли, что обѣ стороны такой обстановки ярко отразились въ творчествѣ молодого поэта? Онѣ и впослѣдствіи не утратили своего живительнаго вліянія на его фантазію. Лицейскія воспоминанія до конца жизни

съ неизмѣнною силою возвращаются въ его стихотвореніяхъ. Сущность его отношеній къ Лицею и Царскому Селу прекрасно выражена въ стихахъ, написанныхъ имъ при возвращеніи послѣ многихъ лѣтъ къ дорогимъ мѣстамъ:

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи, безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ...

Среди суетныхъ увлеченій и въ тяжелыя минуты поэтъ обращался къ святынѣ своихъ воспоминаній:

И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою женою,
Ея любимые сады
Стоятъ населены чертогами, столпами... и проч.

Пушкинъ не остался въ долгу у заведенія, въ которомъ видѣлъ колыбель своей славы. Значеніе поэта для позднѣйшаго Царскосельскаго лицея заключалось не въ одномъ блескѣ его имени, которымъ это учрежденіе гордилось, не въ одной любви, съ какою онъ прославлялъ Лицей въ стихахъ своихъ: воспоминаніе о Пушкинѣ дало основной тонъ и цвѣтъ всей внутренней жизни Лицея. Конечно, и послѣ него, какъ при немъ, строго-научное направленіе не пустило корня въ стѣнахъ этого разсадника министровъ и гвардіи. Лицей по ученію оставался далекъ даже отъ того идеала высшаго учебнаго заведенія, который имѣли въ виду при его основаніи. Но преданіе о Пушкинѣ и его товарищахъ удержало Лицей на томъ пути, на который онъ твердо сталъ съ самаго начала. Имя Пушкина было для Лицея палладіумомъ и спасло его отъ духовнаго паденія въ ту нерадостную пору, когда желѣзная рука Аракчеева исторгла Лицей изъ-подъ вліянія князя Голицына и отдала его подъ военную опеку. Несмотря на измѣнившійся духъ управленія, чтеніе и авторство остались любимыми занятіями лицеистовъ. Правда, что это мѣшало пріобрѣтенію основательныхъ школьныхъ познаній, но такая самодѣятельность неоспоримо имѣла все-таки свою полезную сторону, изощряя умственныя способности, развивая и питая любознательность; изъ чтенія также почерпались свѣдѣнія, хотя и не систематическія; стремленіе же къ авторству заставляло юношей работать и прилагать знанія на практикѣ. А это также не маловажные элементы умственнаго воспитанія.

Впрочемъ и ученіе шло не дурно по тѣмъ предметамъ, которые были въ рукахъ способныхъ и дѣятельныхъ преподавателей. Но, къ сожалѣнію, таковы были далеко не всѣ представители наукъ въ Лицеѣ,

хотя онъ и считался лучшимъ изъ закрытыхъ учебныхъ заведеній въ Россіи. При качественной скудости педагогическихъ силъ, лицеисты охотно обращались къ такимъ самостоятельнымъ занятіямъ, которыя наиболѣе соотвѣтствовали духовнымъ потребностямъ ихъ возраста. Бывали, конечно, и примѣры прискорбныхъ увлеченій, когда бездарность тратила время на безплодное риѳмоплетство, или когда чтеніе не шло далѣе романовъ, ничего не дававшихъ взамѣнъ упущенныхъ уроковъ. Но это только частные случаи. При такомъ направленіи Царскосельскій лицей никогда не доходилъ до той пустоты и суетности, до той любви къ праздности, къ наслажденіямъ и разгулу, которыя могутъ овладѣть закрытымъ заведеніемъ, когда оно лишится благотворной силы преданія и умственныхъ интересовъ, когда всякая духовная жизнь въ немъ подавлена преобладаніемъ грубыхъ страстей и цинизма. Такому печальному паденію Царскосельскаго лицея всегда противодѣйствовало жившее въ немъ, благодаря хранительнымъ традиціямъ, уваженіе къ умственному превосходству, къ литературному таланту и труду.

Но какимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ существованія Лицея, въ немъ пробудилась та замѣчательная самодѣятельность, о которой единогласно говорятъ всѣ свидѣтельства? Вотъ вопросъ чрезвычайно любопытный и до сихъ поръ почти еще не затронутый. Предположеніе Анненкова, что воспитанники, скучая отъ бездѣлья, искали въ занятіяхъ спасенія отъ скуки, еще не разрѣшаетъ этого вопроса: отъ скуки охотнѣе прибѣгаютъ къ другимъ развлеченіямъ. Собираться для того, чтобы вмѣстѣ сочинить пѣсню или чтобъ общими силами разсказать повѣсть, которую всякій продолжаетъ развивать по-своему съ того мѣста, гдѣ другой остановился, это значило любить умственныя забавы, чувствовать потребность въ упражненіи ума и воображенія. Было ли это слѣдствіемъ присутствія одного необыкновеннаго таланта, или соединенія нѣсколькихъ даровитыхъ юношей, или возбужденіе исходило извнѣ отъ кого-нибудь изъ наставниковъ? Талантливые воспитанники, страстно любившіе литературу, бывали въ Лицеѣ и послѣ, однакожъ явленіе подобной авторской производительности въ такой степени никогда болѣе въ немъ не повторилось. Въ рукахъ моихъ находится начало самого ранняго сборника лицеистовъ перваго курса, подъ заглавіемъ *Вѣстникъ*; тамъ упомянуто, что „Инспекторъ лицея Мартынъ Ст. Пилицкій предложилъ учредить собраніе всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ общество найдетъ довольно способными къ исполненію должности сочинителя, и чтобы всякій членъ сочинилъ что-нибудь въ продолженіе по крайней мѣрѣ двухъ недѣль, безъ чего его выключатъ“. Трудно однакожъ вывести отсюда заключеніе, чтобы главнымъ виновникомъ литературнаго движенія въ кругу первыхъ лицеистовъ былъ Пилецкій, человѣкъ съ весьма плохимъ образованіемъ и до того нелюбимый ими, что они, наконецъ, вступили съ нимъ въ открытую борьбу и принудили его удалиться.

Были, кажется, два обстоятельства, которыми, кромѣ даровитости воспитанниковъ, объясняется ихъ оживленная литературная дѣятельность. Отецъ Пушкина былъ знакомъ съ извѣстнѣйшими московскими писателями; этимъ путемъ тамошній литературный міръ сдѣлался легко доступенъ для лицейскихъ поэтовъ, и съ 1814 года ихъ опыты начинаютъ являться въ печати: понятно, какъ перспектива такой чести должна была возбуждать молодые умы и перья. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ было то, что семеро изъ товарищей Пушкина до поступленія въ Лицей были въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ: двое (Масловъ и Яковлевъ) были доставлены прямо оттуда, вслѣдствіе распоряженія министра; остальные пятеро (Вальховскій, Данзасъ, Ломоносовъ, Матюшкинъ и Ржевскій) прибыли въ Лицей частнымъ образомъ изъ родительскихъ домовъ. Извѣстно, что въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ было сильно развито литературное направленіе. Еще въ 1780-хъ годахъ труды его воспитанниковъ *печатались* въ сборникахъ, носившихъ разныя заглавія; а въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, когда въ этомъ заведеніи воспитывался Жуковскій, между пансіонерами образовалось даже литературное общество, или „собраніе“ для чтенія и разбора ихъ сочиненій и переводовъ. Оно имѣло свой особенный уставъ. Основателемъ и первымъ предсѣдателемъ этого общества былъ Жуковскій. Ученическіе труды его и нѣкоторыхъ изъ его таварищей, напримѣръ, Грамматина и Петина (прославленнаго Батюшковымъ), были впослѣдствіи изданы въ видѣ сборника, состоявшаго изъ нѣсколькихъ томовъ, подъ заглавіемъ *Утренняя Заря*

Случайно ли было сходство между литературными собраніями Московскаго пансіона и Лицея? Тогдашній профессоръ русской словесности въ новомъ царскосельскомъ заведеніи, Кошанскій, былъ самъ питомецъ Московскаго университета и преподаватель при его пансіонѣ; онъ придавалъ особенную важность письменнымъ упражненіямъ, и по его желанію книга „Утренняя Заря“, при самомъ открытіи Лицея, была пріобрѣтена какъ одно изъ пособій по русской каѳедрѣ. Наконецъ, и первый директоръ Лицея, В. Ѳ. Малиновскій, также воспитывался нѣкогда въ Московскомъ университетѣ. Происходя изъ духовнаго сословія, онъ получилъ основательное образованіе, для котораго важными средствами служили ему смолоду, подъ руководствомъ профессора Барсова, практическія упражненія прозой и стихами, такъ что онъ рано привыкъ съ самодѣятельности. Онъ обладалъ замѣчательною способностію къ языкамъ и въ зрѣломъ возрастѣ постоянно продолжалъ распространять свои свѣдѣнія: читалъ, авторствовалъ и переводилъ. Такимъ образомъ при основаніи Лицея мы видимъ и въ начальствѣ его, и на одной изъ главныхъ каѳедръ, и между воспитанниками элементы, перенесенные изъ Московскаго университетскаго пансіона, и трудно не предположить нѣкоторой взаимной связи въ быту того и другого заведенія. Все соединилось, чтобы въ новомъ разсадникѣ наукъ приготовить самую благородную почву для занятій литературою. Удивительно ли, что первые плоды этого разсадника были взлелѣяны поэзіей, а не наукой?

Внутренняя жизнь перваго курса Лицея хорошо отражается въ письмахъ воспитанника Илличевскаго, писанныхъ во время самаго пребыванія его въ заведеніи и потому составляющихъ драгоцѣнный источникъ для занимающаго насъ предмета.

Илличевскій, сынъ томскаго губернатора, попавъ въ Лицей изъ петербургской гимназіи (тогда единственной, нынѣ 2-й), переписывался съ оставшимся тамъ бывшимъ товарищемъ своимъ Фуссомъ, впослѣдствіи непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ. Въ литературѣ Илличевскій оставилъ послѣ себя только небольшой томикъ „Опытовъ въ антологическомъ родѣ", изданный въ 1827 году, но, находясь въ Лицеѣ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его литераторовъ. Онъ писалъ басни, эпиграммы, посланія и, кромѣ того, отличался искусствомъ рисовать карикатуры. При журналѣ „Лицейскій Мудрецъ" сохранились его акварельныя иллюстраціи, которыя и теперь не потеряли своего относительнаго достоинства. Илличевскій, уже въ первые мѣсяцы послѣ поступленія въ Лицей, сознавался, что много былъ обязанъ Пушкину, который уже тогда заявилъ свое значеніе и вліяніе въ кругу товарищей. Кратковременное запрещеніе сочинять, о которомъ Илличевскій вслѣдъ затѣмъ сообщаетъ, было, конечно, вызвано тѣмъ, что молодые люди, увлекаясь примѣромъ своего даровитаго собрата, слишкомъ неумѣренно предавались страсти къ авторству во вредъ урокамъ. Безъ этого предположенія трудно допустить, чтобы такой просвѣщенный начальникъ, какъ Малиновскій, сталъ запрещать своимъ питомцамъ подобныя занятія. Да и Кошанскій всегда считалъ умѣнье писать самой существенной стороной литературнаго образованія. Въ своей „Общей Риторикѣ" Кошанскій считаетъ нужнымъ начинать сочиненія съ періодовъ, которые и называетъ „началами прозы". Вотъ чѣмъ объясняется, что Илличевскій, извѣстивъ своего друга о снятіи помянутаго заперщенія, прибавляетъ: „и мы начали періоды!"

Вотъ въ какихъ строкахъ Илличевскій изображаетъ учебный бытъ новаго заведенія: „въ праздное время гуляемъ, а нынче жъ начинается лѣто: снѣгъ высохъ, трава показывается, и мы съ утра до вечера въ саду, который лучше всѣхъ лѣтнихъ петербургскихъ". Чтобы понять эти слова, надобно вспомнить, что тогда при Лицеѣ еще не было своего сада (который устроенъ былъ позже, по старанію Энгельгардта): воспитанники въ свободные часы ходили въ большой царскосельскій садъ и тамъ располагались особенно на такъ называемомъ *розовомъ полѣ* — вправо отъ мраморнаго мостика, гдѣ въ царствованіе Екатерины II дѣйствительно сажали розы, но при первомъ курсѣ Лицея ихъ уже не было; тамъ лицеисты гуляли, рѣзвились, играли въ лапту и пр.

То же положеніе учебной части въ Лицеѣ продолжалось и послѣ. По смерти перваго директора Лицея, Малиновскаго, долго не было настоящаго начальства. Профессора, исправлявшіе эту должность, не умѣли пріобрѣсти авторитета. Притомъ воспитанники были какъ свои

во многихъ царскосельскихъ домахъ и видѣли профессоровъ на равной съ собою ногѣ, и потому тѣ являлись передъ ними безъ всякаго ореола величія. Таковъ былъ, напримѣръ, домъ управляющаго Царскимъ Селомъ графа Ожаровскаго, жившаго очень открыто; тамъ воспитанники часто встрѣчались съ Кошанскимъ.

Употребляя мало времени на уроки, лицеисты зато много читали. Фуссъ въ одномъ письмѣ спрашивалъ Илличевскаго, доходятъ ли до Лицея новыя книги. На это тотъ отвѣчаетъ размышленіями о пользѣ чтенія и прибавляетъ: „Мы стараемся имѣть всѣ журналы, и впрямь получаемъ: „Пантеонъ“, „Вѣстникъ Европы“, „Русскій Вѣстникъ“ и пр.“. Далѣе онъ говоритъ, что они наслаждаются не только современными поэтами: Жуковскимъ, Батюшковымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, но заглядываютъ также въ сочиненія Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева, а иногда бесѣдуютъ и съ иностранными пѣвцами: Расиномъ, Вольтеромъ, Делилемъ. „Не худо“, заключаетъ онъ, „заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія“. Здѣсь Илличевскій слегка намѣчаетъ то, что такъ поэтически и прелестно развито въ „Городкѣ“ Пушкина. Понятіе о пользѣ чтенія было твердо усвоено лицеистами. Еще въ 1822 году Пушкинъ писалъ изъ Кишинева брату: „Чтеніе — вотъ лучшее ученіе“. Но къ этому слѣдовало бы прибавить, что чтеніе должно производится не такъ, какъ оно производилось въ Лицеѣ. О томъ, что въ немъ необходима система, что оно должно быть въ связи съ ученіемъ и имѣть какой-нибудь заранѣе опредѣленный господствующій характеръ, лицеисты не думали и никто имъ этого не объяснялъ. Впрочемъ, и разнообразное чтеніе безъ плана можетъ, конечно, имѣть образовательное дѣйствіе. Это направленіе продолжалось въ Лицеѣ, и послѣ воспитанники читали русскіе журналы, читали поэтовъ, историческія сочиненія, книги по политической экономіи, путешествія, романы, драмы и пріобрѣтали довольно обширное знакомство съ литературой главныхъ европейскихъ народовъ. Нехорошо только то, что многіе исподтишка читали во время лекцій даже хорошихъ профессоровъ, плохо готовили уроки и охладѣвали къ ученію.

Вся формальная и офиціальная часть при первомъ курсѣ шла очень плохо, но зато бойко работали внутреннія силы и пружины, приводимыя въ движеніе духомъ времени, исключительными обстоятельствами и присутствіемъ нѣсколькихъ недюжинныхъ личностей. Вотъ разгадка той странности, на которую указываетъ графъ Корфъ, говоря: „Нашъ курсъ, болѣе всѣхъ запущенный, вышелъ едва ли не лучше всѣхъ другихъ, по крайней мѣрѣ, несравненно лучше всѣхъ современныхъ ему училищъ... Какъ это сдѣлалось, трудно дать ясный отчетъ: по крайней мѣрѣ ни наставникамъ нашимъ ни надзирателямъ не можетъ быть приписана слава такого результата“.

Изъ писемъ Илличевскаго мы видимъ далѣе, что посылать свои произведенія въ московскіе и петербургскіе журналы, даже еще во время пребыванія въ младшемъ курсѣ, было между лицеистами перваго

пріема дѣломъ обыкновеннымъ. Кромѣ сочиненій Пушкина, уже печатались также труды Дельвига, Кюхельбекера, Яковлева, Пущина и самого Илличевскаго. Послѣдній пытался даже поставить въ Петербургѣ на сцену свой переводъ какой-то оперы и затѣвалъ большія литературныя предпріятія, какъ, напримѣръ, изданіе „Новаго Плутарха для юношества“ и составленіе біографіи математика Эйлера. По всему видно, что стремленіе создать что-нибудь крупное, капитальное было общею чертою молодыхъ лицейскихъ авторовъ. Пушкинъ также за полтора года до выпуска затѣваетъ большое сочиненіе. 16 января 1816 года Илличевскій сообщаетъ: „Онъ пишетъ теперь комедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ „Философъ“. Планъ довольно удаченъ, и начало, т.-е. первое дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее; стихи — и говорить нечего, а острыхъ словъ сколько хочешь!“ Отъ этого, только начатаго Пушкинымъ труда, не осталось никакихъ слѣдовъ; конечно онъ, будучи недоволенъ своимъ планомъ, скоро бросилъ работу и принялся за поэму „Русланъ и Людмила“, первыя пѣсни которой были, какъ извѣстно, написаны еще въ Лицеѣ.

Журналъ „Лицейскій Мудрецъ“ долго считали потеряннымъ вмѣстѣ съ бумагами, оставшимися послѣ умершаго въ Италіи Корсакова, къ которому относится мѣсто „19-го октября“, начинающееся словами:

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной.

Сохранившійся „Лицейскій Мудрецъ“ составляетъ небольшую тетрадь или книжку, въ формѣ продолговатаго альбома, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ. На лицевой сторонѣ переплета, въ золотомъ вѣнкѣ, читается заглавіе и подъ нимъ означенъ годъ: „1815“.

Въ январѣ этого года воспитанники перешли въ старшій курсъ, а возобновленный журналъ сталъ выходить осенью и продолжался еще въ началѣ 1816 года. Въ этотъ періодъ явилось четыре номера, которые всѣ и содержатся въ описанной книжкѣ. Въ концѣ каждаго раскрашенные рисунки работы Илличевскаго, представляющіе то воспитанниковъ, то наставниковъ въ разныхъ сценахъ, отчасти описанныхъ въ статьяхъ журнала. Издателями, по словамъ Матюшкина, были: Данзасъ (будущій секундантъ Пушкина) и Корсаковъ. Статьи, по большей части, писаны красивымъ почеркомъ перваго, почему въ началѣ книжки и означено: „Въ типографіи Данзаса“. Изъ прибавленной къ этому шутки: „Печатать позволяется. Цензоръ баронъ Дельвигъ“, можно заключить, что этотъ товарищъ, всѣми уважаемый за свою основательность, просматривалъ статьи до переписки ихъ начисто. Почти вся проза принадлежитъ, кажется, самому Данзасу; по крайней мѣрѣ, во 2-мъ уже номерѣ онъ бранитъ своихъ читателей за то, что они ничего не даютъ въ журналъ, и грозитъ имъ, что если это будетъ продолжаться, „если, говоритъ онъ, ваши Карамзины не развернутся и не дадутъ мнѣ какихъ-нибудь смѣшныхъ разговоровъ, то

я сдѣлаю вамъ такую штуку, отъ которой вы не скоро отдѣлаетесь Подумайте. — Онъ не будетъ издавать журнала? — Хуже. — Онъ натретъ ядомъ листочки „Лицейскаго Мудреца". — Вы почти угадали: я подарю васъ усыпительною балладою г. Гензеля" (т.-е. Кюхельбекера). Послѣдній, то подъ приведеннымъ именемъ, то съ намекомъ на пристрастіе къ дерптскимъ студентамъ или на дурное произношеніе русскаго языка, служитъ постояннымъ предметомъ насмѣшекъ на страницахъ „Лицейскаго Мудреца". Одна изъ статей любопытна, какъ современное свидѣтельство о толкахъ, которые возбуждало недавнее паденіе Наполеона. Она имѣетъ форму письма къ издателю, подъ заглавіемъ: „Занятіе Наполеона Боунапарте на Нортумберландѣ". Авторъ воображаетъ, что онъ, плывя на одномъ кораблѣ съ экс-императоромъ, отдѣленъ только перегородкою отъ его каюты и видитъ сквозь щелку все, что онъ дѣлаетъ: „властелинъ Франціи, бичъ вселенной, родоначальникъ великой династіи Наполеонидовъ... поймалъ двѣ крысы и, бросивъ межъ ними кусокъ сахару, занимался тѣмъ, что эти твари ссорились и дрались за него съ остервененіемъ!... Порадовавшись удали французской крысы, онъ ихъ опять запираетъ въ свой ящикъ и, гуляя по комнатѣ, говоритъ: „Oh, le maudit vieillard de Blücher! il m'a fait bien du mal... Bien mal fait d'avoir quitté Elbe. J'avais tout ce que je voulais. Mon unique plaisir à présent composent ces deux rats, que je fais combattre; aujourd'hui c'est le Français qui a le dessus, j'en suis bien aise... Бѣдный монархъ: тебя разбили, посадили на корабль и везутъ въ вѣчную тюрьму, а твое утѣшеніе въ двухъ крысахъ!"

Стóитъ также упомянуть объ одной мысли въ статьѣ „Апологія". Авторъ защищаетъ слѣдующимъ образомъ вызовъ въ Россію иностранныхъ преподавателей: „Стоялъ я столбнякомъ въ лѣсу и думалъ, помнится мнѣ, о томъ, какъ бы выгнать всѣхъ профессоровъ и чужестранцевъ изъ матушки Русской земли, а на мѣсто ихъ поставить въ университеты самоѣдовъ и чукчей. Ахъ, постойте, любезные чтецы, я перерву мой разсказъ коротенькимъ размышленіемъ. Какую пользу это принесетъ Россіи, а особенно намъ, школьникамъ? Теперь въ классахъ говорятъ о правахъ естественныхъ, а преподаютъ только теорію; а подъ профессорствомъ г. Чукчи мы, раздирая ногтями мясо кобылье, повторяли бы естественное право на самой лучшей практикѣ".

Стихотворная часть „Лицейскаго Мудреца" принадлежитъ, по преданію, Корсакову, Илличевскому и др. Всего любопытнѣе переписанныя въ этомъ журналѣ „національныя пѣсни" (замѣчательное для того времени названіе) перваго курса, до сихъ поръ еще остающіяся не напечатанными въ цѣлости. По свидѣтельству Пущина, знаменитый поэтъ принималъ участіе въ сочиненіи національныхъ пѣсенъ, которыя, какъ извѣстно, сочинялись сообща.

Въ слѣдующемъ куплетѣ:

Но кто нѣмецкихъ бредней томъ
Покроетъ вѣчной пылью?

Пилецкій, пастырь душъ съ крестомъ,
Иконниковъ съ бутылью...

покойный Матюшкинъ признаъ себя авторомъ послѣдняго стиха. О лицахъ, къ которымъ относится это мѣсто, было уже не разъ упоминаемо въ печати. Выраженіе „нѣмецкія бредни" намекаетъ на героя пѣсни Гауэншильда, профессора нѣмецкой литературы, который одно время исправлялъ должность директора. О Гауэншильдѣ Илличевскій писалъ Фуссу: „Попечитель вашъ Уваровъ нарочно призвалъ его изъ Вѣны въ Россію и доставилъ ему мѣсто въ Лицеѣ". Мы можемъ пояснить теперь, что этотъ вызовъ былъ не во благо русскому юношеству. Чуждый новому поприщу своей дѣятельности, этотъ австріецъ думалъ только о личной своей выгодѣ и, успѣвъ снискать довѣренность графа Разумовскаго, достигъ такого положенія, въ которомъ ничего не было легче, какъ употребить ее во зло. Ранняя смерть перваго директора, уже въ мартѣ 1814 года, была истиннымъ несчастіемъ для новаго заведенія, хотя, можетъ-быть, онъ и не вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію. „В. Ѳ. Малиновскій, пишетъ графъ Корфъ, „былъ человѣкъ добрый и съ образованіемъ, хотя нѣсколько семинарскимъ, но слишкомъ простодушный, безъ всякой людкости, слабый и вообще не созданный для управленія какою-нибудь частію, тѣмъ болѣе высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Значеніе свое онъ получилъ, кажется, оттого, что былъ женатъ на дочери извѣстнаго протоіерея Андрея Аѳанасьевича Самборскаго, сперва священника при церкви нашего посольства въ Лондонѣ, потомъ законоучителя и духовника великихъ князей Александра и Константина Павловичей, и, наконецъ, духовника великой княгини Александры Павловны по вступленіи ея въ бракъ съ эрцгерцогомъ палатиномъ Венгерскимъ. Есть, впрочемъ, вся вѣроятность думать, что и въ выборѣ Малиновскаго не обошлось безъ участія тогдашняго государственнаго секретаря (Сперанскаго), который издавна былъ близокъ къ Самборскимъ и въ ихъ домѣ впервые познакомился съ тою, которая послѣ сдѣлалась его женою, сиротою бѣднаго англійскаго пастора Стивенса".

Несмотря на нѣкоторые недостатки, Малиновскій былъ человѣкъ просвѣщенный и честный: потерявъ его черезъ два съ небольшимъ года послѣ своего основанія, Лицей вдругъ осиротѣлъ, и начались его невзгоды. Двухлѣтнее „междуцарствіе", о которомъ долго жила память въ Лицеѣ, отозвалось на немъ весьма печальными послѣдствіями. Графъ Разумовскій, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, впалъ въ непростительную ошибку, не пріискавъ тотчасъ же способнаго преемника Малиновскому; но онъ сдѣлалъ еще бо́льшую ошибку, когда, видя плоды анархіи, ввѣрилъ судьбу двухъ высшихъ заведеній своекорыстному иностранцу, не знавшему порядочно русскаго языка. Новообразованный лицейскій пансіонъ возникъ (1814 года) изъ частнаго приготовительнаго училища, устроеннаго первоначально на собственныя средства этимъ находчивымъ пришельцемъ. Кандидатомъ на должность директора пансіона, преобразованнаго въ казенное заведеніе, явился

было Кошанскій; но связи и привилегія иноземнаго происхожденія заставили предпочесть Гауэншильда, преподававшаго въ Лицеѣ нѣмецкую литературу по-французски. Результатомъ его управленія пансіономъ былъ черезъ нѣсколько лѣтъ долгъ въ 10.000 руб. По словамъ графа Корфа, „Гауэншильдъ, при довольно заносчивомъ нравѣ, былъ человѣкъ скрытный, хитрый, даже коварный".

Къ счастію, бразды лицейскаго правленія не долго были въ рукахъ Гауэншильда; въ началѣ 1816 года директоромъ Лицея назначенъ былъ Е. А. Энгельгардтъ. При разстройствѣ, до котораго дошли дѣла въ періодъ междуцарствія, при совершенномъ упадкѣ дисциплины, нужно было необыкновенное умѣніе, чтобы возстановить правильный ходъ жизни и порядокъ во всѣхъ ея отправленіяхъ. Будучи лично извѣстенъ государю и пользуясь его довѣріемъ, бывшій директоръ Педагогическаго института находился, конечно, въ особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ для выполненія трудной задачи; но къ тому присоединялись и рѣдкія способности его къ административному и педагогическому дѣлу. Напечатанная въ „Русскомъ Архивѣ" записка его объ обязанностяхъ воспитателя показываетъ, какъ разумно онъ смотрѣлъ на предстоящій ему трудъ въ послѣднемъ отношеніи. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, Энгельгардъ успѣлъ вскорѣ снискать въ такой степени любовь и уваженіе воспитанниковъ, что имя его сдѣлалось навсегда дорого Лицею, и вокругъ этого имени впослѣдствіи сгруппировались всѣ самыя свѣтлыя воспоминанія лицеистовъ. Хотя бы въ дѣйствіяхъ Энгельгардта и было нѣкоторое суетное стремленіе къ эффекту, хотя бы въ нихъ и можно было указать на кое-какіе промахи и увлеченія, иногда и ошибки въ частныхъ отношеніяхъ къ тому или другому воспитаннику (напримѣръ къ Пушкину, котораго онъ не понималъ и который ему не сочувствовалъ), все же нельзя отказать „Егору Антоновичу" въ вѣрномъ пониманіи молодежи и средствъ вести ее. Одинъ годъ управленія его при первомъ курсѣ заслонилъ собою прежнія замѣшательства, и для послѣдующихъ поколѣній лицеистовъ имя его знаменательно слилось со всею первою эпохою существованія Лицея.

Понятно, что для нихъ этотъ періодъ, озаренный и славою историческихъ событій, и блестящею извѣстностью нѣкоторыхъ изъ первенцевъ Лицея, являлся въ поэтическомъ свѣтѣ, и преданія о первомъ курсѣ переходили „изъ рода въ родъ" не безъ прикрасъ воображенія. Они пріобрѣли еще болѣе значенія послѣ того, какъ Лицей въ 1822 году былъ причисленъ къ военно-учебнымъ заведеніямъ. *Гротъ.*

Воспитаніе въ Лицеѣ было вполнѣ закрытое: воспитанники не отпускались къ родителямъ ни на праздники ни на каникулы. Ихъ міръ ограничивался царскосельскими садами, гдѣ, по выраженію нашего поэта, онъ и „расцвѣталъ безмятежно". Эти сады имѣютъ особенное значеніе въ развитіи его генія. Въ нихъ, на пространствѣ нѣсколь-

кихъ верстъ, соединилась природа и искусство: вѣковыя рощи, луга, пруды, длинныя, прямыя и широкія аллеи, которыя пересѣкаются въ различныхъ направленіяхъ, сходятся и расходятся, узкія извилистыя дорожки и тропинки, мосты и мостики черезъ ручейки, живописные берега огромнаго пруда, похожаго на озеро, бесѣдки, шалаши, гроты, искусственныя развалины, съ высоты которыхъ представляются пустынныя окрестности, цвѣтники со множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ, китайская деревня съ театромъ, собачье кладбище съ шутливыми затѣйливыми эпитафіями на могильныхъ камняхъ, наконецъ, два огромныхъ дворца, изъ которыхъ одинъ съ большими и роскошными залами, бывшее жилище Елизаветы и Екатерины II, свидѣтель шумной, веселой, богатой жизни дворовъ прошедшаго столѣтія, свидѣтель великолѣпныхъ праздниковъ, пиршествъ, побѣдныхъ торжествъ дѣятельной и умной императрицы. Надо всѣмъ этимъ потрудились и руки садовника, и искусственный умъ архитектора, и талантъ художника.

Вотъ что представляли царскосельскіе сады:

Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышитъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.
Плыветъ и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ;
Аллеи древнихъ лѣтъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ...
Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются Наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ въ безмолвіи огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?

Такъ представлялъ царскосельскіе сады нашъ шестнадцатилѣтній поэтъ передъ другимъ поэтомъ Державинымъ, уже готовымъ сойти въ могилу; а спустя много лѣтъ, онъ вспоминалъ:

Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ.

Эти мраморная слава и мѣдныя хвалы даютъ особенное значеніе царскосельскимъ садамъ. Памятники русскихъ побѣдъ, которыя одерживали надъ врагами екатерининскіе полководцы, дѣйствовали на юное воображеніе, и вызывали чувство народной славы, связывая настоящее съ историческими фактами недавняго прошлаго, о которомъ еще слышались живые разсказы, едва успѣвшіе перейти въ преданія. Для пылкой фантазіи такія впечатлѣнія также имѣютъ воспитательное зна-

ченіе. За неимѣніемъ исторіи, они только и могли пробуждать патріотическое чувство въ молодомъ поколѣніи; а тѣ времена оно питалось лишь военною славою Россіи. Такимъ именно характеромъ отличалось наше патріотическое чувство еще въ XVIII столѣтіи. Оно было одностороннее, чуждое всей массѣ народа, хотя военная слава и покупалась ея силами и жертвами; но пользоваться ея выгодами могло только одно сословіе, которое еще съ XVIII столѣтія удержало за собою значеніе военно-служилое. Этотъ патріотизмъ возбуждался только въ столкновеніи съ внѣшними врагами Россіи, связывался только съ идеей ея матеріальной силы и государственнаго могущества, и потому долженъ назваться патріотизмомъ государственнымъ или политическимъ. Ему недоставало той нравственной силы, которая связываетъ всѣ сословія въ одинъ народъ общими интересами. Но тогда вся масса народа была безправною, въ унизительномъ рабскомъ состояніи. Къ ней служилое, оно же и помѣщичье, сословіе относилось такъ, какъ обыкновенно господа относятся къ рабамъ, — съ полнымъ презрѣніемъ. Какими же особенными выгодами могла она пользоваться отъ военной славы, добытой ея силами: отъ нея никакого облегченія она не получала, и конечно, никакого патріотизма въ ней не могло и быть. Настоящая любовь къ отечеству можетъ развиться только въ сердцѣ человѣка свободнаго и въ средѣ свободной, зато и лучшій плодъ отъ нея — любовь ко всему народу, а не барское высокомѣріе.

За неимѣніемъ такой любви въ то время патріотизмомъ называлось государственное чувство, вызываемое побѣдами и дворянскими стремленіями къ военной славѣ, вмѣстѣ съ оскорбительными отзывами о своихъ врагахъ. Но и этотъ патріотизмъ, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько, возвышалъ духъ человѣка и наводилъ на мысль, что можно гордиться народнымъ именемъ передъ иностранцами, онъ все же связывалъ нѣкоторыхъ хоть какими-нибудь связями, если не съ народомъ, то хоть страной и государственной исторіей.

Въ этомъ духѣ воспитывали царскосельскіе сады и фонтаны Пушкина:

Протекшіе лѣса мелькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищеньи духъ.
Онъ видитъ: окруженъ волнами,
Надъ твердой мшистою скалой
Вознесся памятникъ. Ширяяся крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой.
И цѣпи тяжкія и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились,
Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись.
Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поносенъ
И славенъ родинѣ драгой!
Безсмертны вы вовѣкъ, о росски исполины,
Въ бояхъ воспитаны средь бурныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,

Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.
О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
Потомки грозные славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигомъ, страшась, дивился міръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

Стонинъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ начала курса неожиданно объявлено запрещеніе выѣзжать изъ Лицея. Это распоряженіе, неудобство котораго вполнѣ уже сознано въ наше время, отнимая возможность развлеченій внѣ Царскаго Села и разобщая лицеистовъ съ остальнымъ міромъ, который, по выраженію Пушкина, дѣйствительно былъ для нихъ „чужбиною", связало ихъ неразрывною дружбою и заставило искать въ своемъ кругу средствъ къ наполненію досуговъ и развлеченію. Дѣйскія игры, преимущественно военныя, въ которыхъ первенствовалъ Илличевскій, командовавшій маленькимъ войскомъ въ качествѣ генерала отъ инфантеріи, смѣнялись забавами ума и воображенія, и малу-по-малу устроились домашніе спектакли. Первою исполненною пьесою была вызванная тогдашними обстоятельствами комедія „Ополченіе". Представленіе это происходило безъ особенныхъ приготовленій, въ незатѣйливой костюмировкѣ шинелями, вывороченными наизнанку. Потомъ играли „Новаго Стёрна", комедію князя Шаховского, при исполненіи которой служили, вмѣсто декорацій, разноцвѣтныя ширмы. Для этого же театра было написано нѣсколько пьесъ гувернеромъ Иконниковымъ, внукомъ знаменитаго актера Дмитревскаго. Но домашніе спектакли скоро прекратились: министръ народнаго просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій, узнавъ стороною о драматическомъ представленіи, 30-го августа, въ присутствіи постороннихъ лицъ, выразилъ директору Лицея Малиновскому крайнее свое неудовольствіе, находя, что безъ вѣдома его не слѣдовало дѣлать распоряженій, имѣвшихъ дѣло съ нравственнымъ воспитаніемъ. Въ концѣ того же года гувернеръ Чириковъ, который сочинилъ трагедію въ стихахъ „Герой сѣвера", ходившую тогда въ рукописи, и у котораго собирались иногда воспитанники, передалъ директору просьбу ихъ о дозволеніи имъ въ свободное время сочинять и представлять театральныя пьесы, но министръ не согласился, опасаясь, чтобъ это не отвлекло отъ уроковъ. Однакожъ, спустя нѣкоторое время, спектакли возобновились, и въ 1815 году представленія давались съ декораціями, писанными придворнымъ живописцемъ Брунн. На этомъ театрѣ были представлены: передѣланная изъ старинной французской пьесы Patelin комедія „Стряпчій Щетило", комедія „Ссора или два сосѣда" князя Шаховского, старинныя драмы „Le juge bienfaisant" и L'abbé de l'Epée"

(знаменитый воспитатель глухонѣмыхъ и изобрѣтатель ихъ языка). О представленіи послѣдней драмы находимъ слѣдующія подробности въ „Замѣткахъ“ барона Корфа: „Въ послѣдніе уже годы намъ вздумалось сыграть предлинную и довольно скучную драму „L'Abbé de l'Epée“, въ которой де-Будри передѣлалъ всѣ женскій роли въ мужскія и любовниковъ превратилъ въ друзей. Бодрый старичокъ цѣлый мѣсяцъ мучилъ насъ, по этому случаю, репетиціями и былъ для насъ, поддѣльныхъ актеровъ, совершенно тѣмъ же, что князь Шаховской для настоящихъ. И декламація обоихъ, какъ поклонниковъ старой школы, была въ одномъ родѣ: и слишкомъ высокопарна и на ходуляхъ“.

Въ то же время, т.-е. до 1815 года, у одного изъ царскосельскихъ жителей, графа В. В. Толстого, былъ домашній театръ, на которомъ играла труппа, составленная изъ крѣпостныхъ людей. Подобныя затѣи, для которыхъ сгоняли

От матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей,

были тогда не рѣдкость, и царскосельскій любитель театра не представлялъ въ этомъ случаѣ исключенія. Лицеисты посѣщали его спектакли.

Но первое мѣсто между развлеченіями занимали общія бесѣды, устроенныя воспитанниками въ самомъ началѣ курса. Эти бесѣды, на которыхъ каждый обязанъ былъ разсказать что-нибудь, выдуманное или прочитанное, развивали воображеніе и наклонность къ литературѣ. Запасъ разсказовъ, анекдотовъ и стиховъ, читанныхъ въ дружескомъ кругу, мало-по-малу увеличивался; нѣкоторые изъ нихъ записывались и переходили изъ рукъ въ руки, и такимъ образомъ 3 декабря 1811 года явился первый листъ перваго лицейскаго журнала подъ названіемъ „Вѣстникъ“, издателемъ котораго былъ Корсаковъ. Есть поводъ думать, что еще до изданія этого листка, хотя и выставленъ на немъ № 1, существовали другіе, потому что въ немъ дважды упоминается о „лицейскихъ газетахъ“, которыя издавалъ тотъ же Корсаковъ.

Хотя первый опытъ журналистики ограничился однимъ листомъ, да и тотъ остался недописаннымъ, но образовавшееся, по предложенію Пилецкаго, литературное общество горячо принялось за свое дѣло, и въ слѣдующемъ (1812) году явилось уже два журнала: „Для удовольствія и пользы“ и „Неопытное перо“. Издателями перваго, продолжавшагося и въ 1813 году и вышедшаго въ числѣ 12 нумеровъ, были: Вольховскій, Есаковъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ, Масловъ и Яковлевъ; второй же, въ которомъ помѣщено стихотвореніе Пушкина: „Роза“, издавался Пушкинымъ, Дельвигомъ и Корсаковымъ и вышелъ въ нѣсколькихъ нумерахъ. По прекращеніи упомянутыхъ журналовъ, въ 1813 году явился новый, „Юные Пловцы“, издателями котораго были Пушкинъ, Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Вышло только два нумера. О содержаніи „Юныхъ Пловцовъ“ даетъ нѣкоторое понятіе найденная въ сообщенныхъ намъ бумагахъ записка

Иконникова, который уже былъ уволенъ отъ должности гувернера, но, несмотря на это, не охладѣлъ къ литературнымъ затѣямъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ. Иконниковъ пишетъ, что онъ „съ сердечнымъ удовольствіемъ“ видѣлъ успѣхи ихъ въ изданіи журнала, „сочиненія, въ ономъ помѣщаемыя, читалъ съ равномѣрнымъ удовольствіемъ“ и сохранилъ въ памяти „баллады: „Громобой или Буревой“, „Галебъ и Кантемира“, прозаическія сочиненія: „Изяславъ“ кн. Горчакова, „Полордъ“ г. Есакова, „Освобожденіе Полоцка, Бѣлграда, Кіева“, писанныя участвующими или сотрудниками обществъ, такъ и „Гренобль“ г. Маслова, басни гг. Яковлева и Дельвига“. Желая участвовать въ этихъ занятіяхъ, Иконниковъ просилъ принять его въ корреспонденты. Въ томъ же году изданіе журналовъ, какъ отвлекавшее воспитанниковъ отъ ученья, было запрещено. Ученіе, однакожъ, не выиграло отъ этого, а запрещеніе издавать журналы не только не достигло цѣли, но вызвало противодѣйствіе. Съ 1813 года, немедленно по прекращеніи „Юныхъ Пловцовъ“, являются всевозможные сборники. Нѣкоторые члены общества „издали“ свои сочиненія отдѣльными тщательно переписанными тетрадями. Одинъ изъ нихъ переписалъ свои басни въ особую тетрадь съ эпиграфомъ: „Хоть худо, но свое“. Илличевскій, изливавшій эпиграммы

На недруга и друга,

написалъ по этому случаю слѣдующую:

Ты выбралъ къ басенкамъ заглавіе простое:
„Хоть худо, но свое“.
И этакъ хорошо, но этакъ лучше вдвое:
Что худо, то твое,
Что хорошо — чужое.

Баснописецъ, желая видѣть свои произведенія въ печати, посылалъ ихъ, для помѣщенія въ „Россійскомъ музеумѣ“, В. Измайлову, котораго просилъ скрыть его имя; но басни не явились въ журналѣ. Обстоятельство это вызвало новую эпиграмму Илличевскаго, напечатанную въ его „Опытахъ въ антологическомъ родѣ“, изданныхъ въ 1827 году:

УВАЖЕННАЯ СКРОМНОСТЬ.

Нагромоздивши басенъ томъ,
Клеонъ давай пускать въ журналъ свои тетради,
Прося изъ скромности издателя о томъ,
Чтобъ имени его не выставлялъ въ печати,
Издатель скромностью такою тронутъ былъ:
И имя онъ и басни — скрылъ.

Отъ одного изъ подобныхъ сборниковъ, подъ заглавіемъ „Лицейская антологія, собранная трудами пресловутаго *йийй*“, съ эпиграфомъ: Genus irritabile vatum, уцѣлѣло нѣсколько листковъ. Подъ псевдонимомъ *йийй* скрывался тотъ же Илличевскій, напечатавшій въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 года эпиграмму съ этою подписью. Эта

тетрадь заключала 111 мелкихъ стихотвореній, остальныя — эпиграммы, не напечатанныя и весьма слабыя. Вотъ двѣ изъ нихъ, сравнительно лучшія:

I.

„Больны вы, дядюшка?“ — Нѣтъ мочи,
Какъ безпокоюсь я! три ночи,
Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ.
— Да слышалъ, слышалъ: въ банкъ игралъ.

II.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья, простите! завѣщаю
Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ:
Обиды, пѣсни — все прощаю,
А мнѣ пускай долги простятъ.

Вопреки запрещенію издавать журналы, въ томъ же (1813) году Данзасъ, Корсаковъ, Мартыновъ и Ржевскій начали новый журналъ „Лицейскій Мудрецъ“, который выходилъ неправильно: то прекращался, то возобновлялся, но существовалъ съ небольшими промежутками въ теченіе трехъ лѣтъ, т.-е. до конца 1816 года. Частое прекращеніе журнала вызывало многочисленныя эпиграммы и, между прочимъ, помѣщенную въ немъ пародію на „Пѣвца“ Жуковскаго:

На печкѣ дудка и вѣнецъ.
Восплачемте, друзья! Могила
Прахъ мудреца навѣкъ сокрыла.
Бѣдный мудрецъ!

Содержаніе уцѣлѣвшихъ четырехъ нумеровъ „Лицейскаго Мудреца“ незанимательно, потому что они имѣютъ совершенно мѣстный и слишкомъ личный характеръ. Въ составъ журнала входили такъ называемая „изящная словесность“, иногда критика и смѣсь съ карикатурами. Пушкинъ, по истеченіи десяти лѣтъ, въ одной изъ зачеркнутыхъ строфъ стихотворенія „19 октября 1825 года“ вспоминаетъ:

Златые дни, уроки и забавы,
И черный столъ, и бунты вечеровъ,
И нашъ словарь, и плески мирной славы,
И критики лицейскихъ мудрецовъ.

Предметами карикатуръ были преимущественно товарищи, въ особенности Кюхельбекеръ и возбуждавшій безпощадныя насмѣшки своею анекдотическою ограниченностью М — въ, которому Дельвигъ совѣтовалъ по этой причинѣ праздновать свои именины въ день „усѣкновенія главы“. Большая часть журнала занята шуточными стихотвореніями и „національными пѣснями“, заключающими намеки, имѣющіе значеніе лишь для кружка, въ которомъ составлялись. Изъ множества эпиграммъ

приводимъ лучшую, написанную Илличевскимъ на одного изъ товарищей, сочинившаго басню „Ослы“:

О чемъ ни сочинитъ, бывало,
Марушкинъ, борзый стихотворъ,
То вѣрь, что ни солжешь нимало,
Когда заранѣ скажешь: вздоръ!
Марушкинъ объ ослахъ вдругъ басню сочиняетъ,
И басня — хоть куда! Но страненъ ли успѣхъ?
Свой своего всѣхъ лучше знаетъ
И, слѣдственно, опишетъ лучше всѣхъ.

Кромѣ упомянутыхъ журналовъ издавался еще карикатурный, въ которомъ, подъ руководствомъ гувернера и учителя рисованія Чирикова, участвовали Илличевскій, Мартыновъ и Пушкинъ.

Главнымъ дѣятелемъ всѣхъ этихъ журналовъ былъ Илличевскій, который, въ началѣ курса, по легкости писать стихи превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей и считался въ ихъ кружкѣ первымъ поэтомъ. Они называли его Державинымъ, а Пушкина — Дмитріевымъ и раздѣлились на двѣ партіи, спорившія о томъ, которому изъ нихъ отдать преимущество. Вопреки однакожъ похваламъ, которыя вызвало раннее его развитіе, Илличевскій никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго поэтическаго таланта и, не подвинувшись ни на одинъ шагъ далѣе первыхъ своихъ опытовъ, былъ до конца жизни только острякомъ, и притомъ довольно пошлымъ.

Несравненно труднѣе давались стихи Дельвигу и Кюхельбекеру, принимавшимъ, послѣ Пушкина и Илличевскаго, самое дѣятельное участіе въ описываемомъ литературномъ обществѣ.

Къ числу ревностныхъ дѣятелей описываемаго общества принадлежалъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ. Знакомый съ германскою литературою, онъ старался распространять въ своемъ кружкѣ классическія ея произведенія и читалъ ихъ съ своими товарищами. Дельвига онъ познакомилъ съ антологическими стихотвореніями Гёльти и съ идилліями Геснера, давшими болѣе опредѣленное настроеніе его музѣ, блуждавшей во мракѣ. Съ нимъ же читалъ онъ Клопштока; но чтеніе „Мессіады“, требующее извѣстнаго настроенія, внѣ котораго она невыносима, шло вяло, потому что Дельвигъ, любившій только языческую миѳологію, былъ не охотникъ до мистической поэзіи, замѣчая, что „чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе“. Удивленіе Кюхельбекера Клопштоку дало поводъ къ довольно забавной карикатурѣ, бойко нарисованной Илличевскимъ. Кюхельбекеръ началъ поздно учиться по-русски, и хоть изучилъ этотъ языкъ въ совершенствѣ, но въ выговорѣ навсегда сохранилъ признаки нѣмецкаго происхожденія. Русскіе стихи, при слабомъ знаніи языка, давались ему съ величайшимъ трудомъ до конца лицейскаго воспитанія. Пушкинъ, постоянно смѣявшійся надъ его безплодными усиліями, совѣтовалъ ему писать по-нѣмецки, но Кюхельбекеръ возражалъ, что въ Германіи уже много поэтовъ, а въ Россіи такъ еще мало, что и онъ будетъ нелишнимъ. Изъ лицей-

скихъ стихотвореній Кюхельбекера уцѣлѣли весьма немногія. О его страсти къ стихотворству гораздо болѣе говорятъ эпиграммы, которыми осыпали его товарищи, въ особенности Пушкинъ и Илличевскій. Передъ нами цѣлая тетрадь стихотвореній, написанныхъ, преимущественно, на Кюхельбекера. Сборникъ этотъ: „Жертва Мому, или Лицейская Антологія“ переписанъ въ 1814 году Пущинымъ. Большая часть этихъ стихотвореній принадлежитъ Пушкину, но они не имѣютъ никакого достоинства, и потому не приводимъ ихъ. Не только литературныя неудачи, но даже наружность бѣднаго метромана, худого, высокаго и довольно неуклюжаго, навлекала на него эпиграммы. Вотъ одна изъ нихъ, написанная Илличевскимъ:

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Нѣтъ, полно, мудрецы, обманывать вамъ свѣтъ
И утверждать свое, — что совершенства нѣтъ
 На свѣтѣ въ твари тлѣнной.
Явися, Вилинька, и докажи собой,
Что ты и тѣломъ и душой
 Уродъ пресовершенный.

Въ 1814 году произошли перемѣны въ Лицеѣ: 23 марта скончался Малиновскій, а исправленіе должности директора было поручено Кошанскому; но „трезвый Аристархъ“, какъ назвалъ его Пушкинъ, въ маѣ заболѣлъ бѣлою горячкою, и обязанности по управленію Лицеемъ возложены были на конференцію. Члены ея, изъ которыхъ многіе жили въ Петербургѣ, не имѣли ни возможности, ни охоты, ни умѣнья исполнять эти обязанности, старались сваливать ихъ другъ на друга, перессорились между собою и привели заведеніе въ крайнее разстройство. Поэтому, въ сентябрѣ того же года, министръ назначилъ къ исправленію должности директора лицея Гауеншильда, который, сверхъ обязанностей преподавателя, состоялъ директоромъ открытаго въ январѣ того же года благороднаго лицейскаго пансіона. Порученіе одному лицу, и притомъ неспособному, управленія двумя заведеніями повлекло безпорядки въ обоихъ, и „по необходимой надобности имѣть безпрерывный надзоръ въ пансіонѣ“, Гауеншильдъ 11 января 1816 года уволенъ отъ исправленія должности директора Лицея, которое было поручено отставному подполковнику С. С. Фролову, опредѣленному въ Лицей незадолго передъ тѣмъ, по мощному слову Аракчеева, надзирателемъ по учебной и нравственной части. Черезъ двѣ недѣли послѣ своего назначенія, Фроловъ былъ освобожденъ отъ обязанностей директора, а въ началѣ 1817 году совершенно уволенъ изъ Лицея.

Неурядица въ управленіи Лицеемъ продолжалась до назначенія директоромъ Энгельгардта, 27 января 1816 года. По поводу этихъ безпрестанныхъ перемѣнъ, Пушкинъ написалъ басню о душѣ, которая вслѣдствіе излишняго усердія заботившихся о ней, пошла по рукамъ всѣхъ чертей...

Въ этотъ промежутокъ времени литературная дѣятельность лицейскаго кружка получила бо́льшій просторъ: журналы, имѣя цѣлью только препровожденіе времени и забаву, не были полнымъ выраженіемъ литературной дѣятельности описываемаго общества, и въ особенности Пушкина, который, съ самаго начала курса, уже сознательно понималъ свое призваніе. Въ 1814 году явились въ печати стихотворенія Пушкина, Дельвига, Илличевскаго и Яковлева. Патріотическое настроеніе, возбужденное въ литературѣ тогдашними событіями, выразившееся въ стихотвореніяхъ Карамзина, Жуковскаго и многихъ другихъ писателей, отразилось и въ Лицеѣ. Воспитанники его, съ самаго начала войны 1812 года, съ волненіемъ слѣдили за всѣми ея случайностями, жадно перечитывали каждую реляцію и проливали горячія слезы при вѣсти о Бородинской битвѣ, выдававшейся тогда за побѣду, но въ которой они инстинктивно видѣли другое... Стихъ Пушкина:

Вы помните: текла за ратью рать,

не былъ поэтическою прикрасою: весною и лѣтомъ 1812 года почти ежедневно шли черезъ Царское Село войска, между которыми особенно поражалъ видъ ополченцевъ съ крестами на шапкахъ и иррегулярныхъ казачьихъ полковъ съ бородами. Юноши прощались съ отправлявшимися на войну, дѣйствительно „завидуя тому“, кто умирать шелъ мимо ихъ.

Подъ осень стали ихъ самихъ собирать въ походъ. Предполагалось, въ опасеніи непріятельскаго нашествія на Петербургъ, перевезти Лицей куда-то дальше на сѣверъ, кажется, въ Архангельскую губернію или Петрозаводскъ. Явился портной Мальгинъ примѣрять имъ китайчатые тулупы на овечьемъ мѣху; но побѣды Витгенштейна скоро возвратили воинственную молодежь къ форменнымъ шинелямъ, и походъ, къ сожалѣнію патріотовъ, не состоялся. Успѣхи русскаго оружія, прославленіемъ которыхъ занималась почти вся тогдашняя наша литература, дали толчокъ и лицейской музѣ, которая, разумѣется, ничего не выиграла отъ этого искусственнаго возбужденія. До насъ дошли двѣ оды на взятіе Парижа, сочиненныя Илличевскимъ и Дельвигомъ. Первая изъ нихъ, написанная по рецепту ломоносовскихъ и державинскихъ одъ и сохранившаяся въ рукописи съ замѣчаніями и поправками Кошанскаго, весьма, однакожъ, умѣренными, можетъ-быть, и не дурна въ своемъ родѣ, но только родъ самъ по себѣ невыносимъ. Вторая, написанная бѣлыми стихами и весьма слабая, напечатана въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ 1814 года (№ 12, стран. 272), съ подписью *Русскій*. Въ слѣдующей, іюльской книжкѣ, напечатано стихотвореніе Пушкина „Къ другому стихотворцу“, съ подписью *Александръ Н. к. ш. п.* Оба стихотворенія были посланы редактору „Вѣстника Европы“, В. Измайлову, одновременно, и первое изъ нихъ, какъ патріотическое и имѣвшее современный интересъ, было немедленно напечатано. Такимъ образомъ, Дельвигъ раньше всѣхъ своихъ товарищей явился въ печати.

Съ назначеніемъ въ директоры Энгельгардта все измѣнилось въ Лицеѣ. Онъ горячо принялся за дѣло и, поддерживаемый расположеніемъ государя, который иногда съ нимъ разговаривалъ, встрѣчаясь въ саду, могъ дѣйствовать довольно самостоятельно, не опасаясь интригъ и непріятностей. Весьма естественное разъединеніе между юношествомъ и тупымъ, невѣжественнымъ начальствомъ, которому оно до тѣхъ поръ было ввѣрено, мало-по-малу исчезло по мѣрѣ того, какъ Энгельгардтъ пріобрѣталъ довѣріе. Посвятивъ себя совершенно дѣлу воспитанія, онъ въ самое короткое время успѣлъ близко ознакомиться съ порученными его надзору юношами, и въ сохранившейся въ его бумагахъ рукописи Etwas über die Zöglinge der höheren Abtheilung des Lyceums, написанной 22 марта 1816 года, слѣдовательно менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ опредѣленія Энгельгардта, находимъ довольно вѣрную характеристику каждаго изъ нихъ. Представляемъ въ переводѣ нѣсколько выдержекъ изъ нея, не лишенныхъ интереса, какъ наблюденія опытнаго педагога надъ внутреннимъ міромъ замѣчательныхъ личностей. Самое строгое осужденіе выпало на долю Пушкина, въ которомъ Энгельгардтъ видѣлъ только дурныя стороны, и котораго охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ: „Его высшая и конечная цѣль — блестѣть, и именно поэзіею; но едва ли найдетъ она у него прочное основаніе, потому что онъ боится всякаго серіознаго чтенія, и его умъ, не имѣя ни проницательности ни глубины, совершенно поверхностный, французскій умъ. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце. Нѣжныя и юношескія чувствованія унижены въ немъ воображеніемъ, оскверненнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ при поступленіи въ Лицей зналъ почти наизусть, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія“. Энгельгардтъ, конечно, смотрѣлъ на Пушкина слишкомъ односторонне, только съ педагогической точки зрѣнія, и къ этому взгляду примѣшивалась еще совершенная дисгармонія между ними, вслѣдствіе противоположности религіозныхъ воззрѣній; но при всемъ томъ въ проведенной характеристикѣ есть значительная доля правды, и если Энгельгардтъ не распозналъ въ поэтѣ проникнутаго гуманностью артистическаго чувства, управлявшаго каждымъ внутреннимъ его движеніемъ, то былъ правъ касательно недостаточности серіознаго образованія. Пушкинъ съ своей стороны, чувствуя нерасположеніе къ нему Энгельгардта, также не любилъ его и, вопреки убѣжденіямъ своихъ товарищей, постоянно избѣгалъ сближенія съ нимъ. Чтобы возстановить себя въ мнѣніи Энгельгардта въ религіозномъ отношеніи, онъ написалъ „Безвѣріе“, холодное дидактическое стихотвореніе, которое читалъ на выпускномъ экзаменѣ, и которое Бѣлинскій справедливо причисляетъ къ самымъ слабымъ.

Съ первыхъ же дней директорства Энгельгардта бытъ воспитанниковъ совершенно измѣнился. Замкнутый кружокъ ихъ, предоставлен-

ный собственному развитію, мало-по-малу расширялся въ соприкосновеніи съ обществомъ, нравственное вліяніе котораго Энгельгардтъ считалъ однимъ изъ важныхъ элементовъ въ дѣлѣ образованія. Онъ приглашалъ къ себѣ воспитанниковъ, въ увѣренности, что домашнее обращеніе и привычка быть въ кругу семейства принесутъ имъ пользу, тѣмъ болѣе, что недостатокъ общества и необходимыхъ развлеченій нерѣдко вызывалъ игру въ карты и другія запретныя удовольствія.

Въ домѣ Энгельгардта, говоритъ Пущинъ въ своихъ „Запискахъ“ мы познакомились съ обычаями свѣта, ожидавшаго насъ у порога Лицея, находили пріятное женское общество“. Въ семействѣ Энгельгардта, состоявшемъ изъ жены и пятерыхъ дѣтей, жила овдовѣвшая незадолго передъ тѣмъ Марія Смитъ, урожденная Charon-Larose, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Паскаля. Весьма миловидная, любезная и остроумная, она умѣла оживлять и соединять собиравшееся у Энгельгардта общество. „Лѣтомъ, продолжаетъ Пущинъ, въ вакантный мѣсяцъ, директоръ дѣлалъ съ нами дальнія, иногда двухдневныя, прогулки по окрестностямъ; зимой, для развлеченія, ѣздили на нѣсколькихъ тройкахъ за городъ завтракать или пить чай въ праздничные дни; въ саду, на прудѣ, катались съ горъ и на конькахъ. Во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ участвовало его семейство и близкія ему дамы и дѣвицы, иногда и родные наши“... Въ числѣ послѣднихъ было и пріѣзжавшее на короткое время изъ Москвы семейство Дельвига, восьмилѣтней сестрѣ котораго, баронессѣ Марьѣ Антоновнѣ, Пушкинъ написалъ 22 декабря 1815 года посланіе: „Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было“, а въ слѣдующемъ году стихотвореніе „Къ Машѣ“. „Отъ сближенія нашего съ женскимъ обществомъ, говоритъ Пущинъ, зарождался платонизмъ въ чувствахъ. Этотъ платонизмъ не только не мѣшалъ занятіямъ, но придавалъ даже силы въ классныхъ трудахъ, нашептывая, что успѣхомъ можно порадовать предметъ воздыханій“. Вліяніе женскаго общества, всегда дѣйствующаго благотворно и гуманно, особенно въ юношескіе годы, выразилось въ поэзіи Пушкина крутымъ поворотомъ отъ безсмысленныхъ пировъ и воинственнаго патріотизма къ художественному и нѣсколько элегическому созерцанію жизни, вызванному любовью, въ которой таится главный источникъ поэзіи.

Въ самомъ началѣ своего директорства Энгельгардтъ, сознавая нелѣпость совершеннаго разъединенія учащейся молодежи съ дѣйствительною жизнью, разрѣшилъ отпуски изъ Лицея въ предѣлахъ Царскаго Села, и, по примѣру директора, нѣсколько семейныхъ домовъ открылись для лицеистовъ, именно: дома Вельо, Севериной и барона Теппера де-Фергюсона, находившихся въ родственныхъ между собою отношеніяхъ и постоянно жившихъ въ Царскомъ Селѣ. Послѣдній, женатый на дочери Севериной, былъ сынъ богатаго, потомъ разорившагося варшавскаго банкира, и поступилъ въ Лицей, по протекціи стариннаго своего пріятеля Энгельгардта, учителемъ музыки и пѣнія. Онъ, хотя не имѣлъ голоса, хорошо училъ пѣнію и сочинялъ для

воспитанниковъ духовные концерты. Въ его классѣ соединялись оба курса Лицея, старшій и младшій, не сходившіеся ни на лекціяхъ ни въ рекреаціонное время. Тепперъ былъ большой оригиналъ, но человѣкъ образованный, и лицеисты часто заходили въ его домикъ, принадлежащій нынѣ г-жѣ Липранди, возлѣ дачи князя Барятинскаго. У Теппера каждый вечеръ собиралось по нѣскольку человѣкъ, пили чай, болтали, занимались музыкой и пѣніемъ. У него же, по воскресеньямъ, происходили литературныя бесѣды, задавались темы, на которыя приготовлялось къ слѣдующему воскресенью нѣсколько сочиненій, и такимъ образомъ совершались литературныя состязанія, на которыхъ Пушкинъ первенствовалъ. Темы представлялись само собою, и на одну изъ такихъ, заданную при прощаньѣ: jusqu'au plaisir de nous revoir, Пушкинъ написалъ въ 1817 году легкіе и остроумные куплеты, помѣщенные въ послѣднемъ изданіи его сочиненій въ отдѣлѣ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ. Въ отвѣтъ на нихъ Пушкинъ получилъ слѣдующее посланіе, кажется самого Теппера.

Lorsque je vois de vous, monsieur,
Les vers faits avec tant de grâce,
Je me résigne, et de bon cœur,
A vous céder sitôt la place.
Votre talent, sans grand pouvoir,
De beaucoup le mien efface.
Je n'en ai vu que la surface,
Mais c'est pour lui dire *à revoir*
Est-ce avec vous qu'il me convient,
En riman de rompre une lance?
Si mon courage me soutient,
Phébus me condamne au silence.

Il me dit que j'ai beau vouloir,
Je risque trop en conscience
Et mes couplets, quoique j'en pense,
Seront *des couplets à revoir*
Au revoir est un vieux dicton,
Qui jamais ne passe de mode
S'il est souvent dit sans raison,
Dans bien des cas il est commode.
Un parleur au loin se fait voir
Dont le jargon peu m'accomode:
Pour prévenir sa période
Rien de meilleur qu'un *au revoir*.

Такимъ образомъ темы представлялись само собою, и иногда самое ничтожное обстоятельство вызывало стихотвореніе.

Литературныя собранія у царскосельскихъ жителей обыкновенно бывали зимою, а лѣтомъ предпринимались прогулки, или все общество собиралось на музыкѣ передъ дворцомъ. *Гаевскій.*

Лицейскіе наставники Пушкина: Галичъ и Кошанскій.

Галичъ былъ молодой человѣкъ, очень умный и прекрасно образованный; незадолго передъ своимъ опредѣленіемъ въ Лицей онъ возвратился изъ-за границы, куда былъ посланъ для подготовленія къ занятію каѳедры философіи въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Онъ обладалъ несомнѣнными способностями къ академическому преподаванію, но вовсе не годился для элементарныхъ занятій латинскимъ языкомъ съ учениками, изъ которыхъ не всѣ достигли даже юношескаго возраста. Галичъ, „вмѣсто педагогическихъ способностей,

которыхъ ему недоставало, развернулъ въ Лицеѣ свой характеръ, знакомый болѣе съ поэтическою, чѣмъ съ практическою стороною жизни, характеръ общительный, кроткій, въ высшей степени беззаботный, съ значительною долею юмора и ироніи и съ полнымъ нерасположеніемъ къ школьной дисциплинарности“. Въ Лицеѣ онъ увидѣлъ предъ собой толпу юношей милыхъ, веселыхъ, нѣкоторыхъ съ замѣчательными дарованіями, но вообще не слишкомъ обременявшихъ себя механизмомъ науки и тотчасъ понялъ, что ему тутъ трудно будетъ насадить древо познанія латыни. Юноши, въ свою очередь, примѣтили, что ихъ новый наставникъ болѣе философъ, чѣмъ сколько нужно было для того, чтобъ занимать ихъ супинами и герундіями, и постарались взамѣнъ ихъ извлечь изъ него другое добро, его теплое сочувствіе къ юношескимъ свѣтлымъ интересамъ жизни. Но какъ они были молодые люди благовоспитанные, то въ отношеніяхъ къ нему не могло быть ничего грубаго, а тѣмъ болѣе оскорбительнаго для человѣка, высокій умъ и неподдѣльная доброта котораго не могли не дѣйствовать укротительно на пылкія, но еще не успѣвшія испортиться молодыя сердца. Какъ бы то ни было, однако Галичъ былъ плохимъ преподавателемъ латинскаго языка въ Лицеѣ, а вмѣсто того очень пріятнымъ собесѣдникомъ лицейскихъ воспитанниковъ, которые весело проводили съ нимъ время, иногда за чтеніемъ своихъ произведеній, въ свободные часы, нимало не пугаясь его профессорской осанки, которую они умѣли щадить, а его также не пугая слишкомъ шумною и игривою бесѣдой[1]). „Ну, господа, — говорилъ онъ имъ послѣ оживленной, далеко не школьной бесѣды, взявъ въ руки Корнелія Непота, — теперь потреплемъ старика“. И юноши, по возможности, спѣшили удѣлить старику малую толику своего вниманія и времени. Пушкинъ, кажется, особенно полюбилъ молодого философа, который не истязалъ ни его ни товарищей склоненіями и спряженіями и былъ уменъ, веселъ, остроуменъ, какъ самъ будущій поэтъ, и притомъ обладалъ многими знаніями, если и недоступными тогдашнему положенію и возрасту автора „Онѣгина“, то не чуждыми его умственнымъ инстинктамъ. Галичъ прослужилъ въ Лицеѣ одинъ годъ (съ 10 мая 1814 по 1 іюня 1815), но оставилъ по себѣ самую свѣтлую память въ сердцѣ лицейскихъ учениковъ: этимъ объясняется какъ обращеніе къ нему Пушкина въ „Пирующихъ студентахъ“, такъ и два посланія, написанныя юношей-поэтомъ къ нему въ 1815 году.

Баронъ М. А. Корфъ, въ своихъ лицейскихъ воспоминаніяхъ, даетъ объ А. И. Галичѣ слѣдующій отзывъ: „Этотъ предобрый, но презабавный чудакъ прдподавалъ въ Лицеѣ русскую и латинскую словесность, и мы очень надъ нимъ посмѣивались, однако и очень его любили за почти младенческое простосердечіе и добродушіе“. Это было,

[1]) Галичъ, живя въ Петербургѣ, для уроковъ пріѣзжалъ въ Царское Село и долженъ былъ, въ промежутокъ времени отъ однихъ классныхъ часовъ до другихъ, оставаться въ Лицеѣ, отчего у него была возможность особенно сближаться съ воспитанниками и внѣ классовъ.

такъ сказать, среднее мнѣніе о Галичѣ, принадлежавшее большинству его лицейскихъ учениковъ; но нѣкоторые изъ нихъ, болѣе одаренные чувствомъ изящнаго, цѣнили въ немъ еще нѣчто, кромѣ привлекательныхъ чертъ его нрава; съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что именно, при содѣйствіи Галича, который любилъ литературныя бесѣды, Пушкинъ, даже при ограниченномъ знаніи латинскаго языка, научился вѣрно понимать духъ древнихъ авторовъ, и что этотъ безпечный, но умный, живой человѣкъ являлся въ глазахъ юноши-поэта какъ бы представителемъ того эпикуреизма, который такъ усердно воспѣвался Пушкинымъ въ лицейскіе годы. Этимъ объясняется какъ происхожденіе посланій Пушкина къ Галичу, такъ и отчасти самый характеръ ихъ.

Галичъ участвовалъ въ поэтическихъ состязаніяхъ своихъ учениковъ. Дѣйствительно, Пушкинъ называетъ его „парнасскимъ бродягою", своимъ „сосѣдомъ въ Пиндѣ" и, наконецъ, прямо „поэтомъ"; на самомъ дѣлѣ неизвѣстно никакихъ поэтическихъ произведеній Галича, и весьма вѣроятно, что словамъ Пушкина слѣдуетъ придавать нѣсколько иной смыслъ. Дѣло въ томъ, что Галичъ, кромѣ развитого эстетическаго чувства, обладалъ еще даромъ оригинальнаго изложенія, обнаруживавшимся какъ въ его оживленной басѣдѣ, такъ и въ его печатныхъ сочиненіяхъ. Одно изъ нихъ, психологическая монографія подъ заглавіемъ „Картина человѣка", было представлено авторомъ на Демидовскую премію, и Академія наукъ признала его за плодъ многолѣтнихъ трудовъ и изысканій и заявила, что „во уваженіе большой общеполезности сочиненія Галича и удачно во всѣхъ отношеніяхъ избранной и обработанной имъ матеріи она не преминула бы опредѣлить автору полную премію, если бы онъ умѣлъ только лучше согласовать внѣшнюю форму съ достоинствомъ своего предмета". Только по этой причинѣ авторъ получилъ премію въ половинномъ размѣрѣ. „Начертывая картину человѣка, Галичъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, не могъ преодолѣть своей врожденной наклонности къ ироніи и юмору. Что онъ способенъ былъ и умѣлъ поставить себя въ приличное и благоговѣйное отношеніе ко всѣмъ великимъ предметамъ и изображать ихъ съ одушевленіемъ глубокаго поэтическаго чувства, это доказываютъ уже тѣ мѣста въ „Картинѣ человѣка", гдѣ онъ, напримѣръ, говоритъ о нравственной свободѣ, о геніи, о характерѣ, объ эстетическомъ и религіозномъ чувствѣ и проч. Но, спускаясь въ низменную сферу текущихъ дѣлъ человѣческихъ, онъ не могъ воздержаться отъ насмѣшливой улыбки при видѣ зрѣлища, гдѣ человѣкъ дѣйствительно бываетъ очень забавенъ и впадаетъ истинно въ комическія положенія, то играя въ маленькія страсти, то гоняясь на шумной ловлѣ за житейскими благами... Академія поступила даже снисходительно, простивъ Галичу частыя нарушенія строгихъ дидактическихъ обычаевъ и наклонность къ поэтическимъ образамъ". Нѣтъ сомнѣнія, что именно эта присущая Галичу способность живого пониманія и нагляднаго изображенія самыхъ отвлеченныхъ предметовъ,

способность, столь рѣдкая въ тѣ времена педантическаго знанія, особенно нравилась Пушкину, и за то-то онъ и породнилъ Галича съ поэтами.

Профессоромъ русскаго и латинскаго языка и словесности въ Лицеѣ былъ Николай Ѳедоровичъ Кошанскій. Въ памяти позднѣйшихъ поколѣній сохранилось его имя, главнымъ образомъ, какъ составителя учебниковъ по латинскому языку, классическимъ древностямъ и словесности; учебники эти очень уважались въ свое время, и нѣкоторые изъ нихъ выдержали много изданій, пока не были замѣнены новыми, и пока не было отвергнуто самое преподаваніе реторики. Въ тридцатыхъ годахъ уже много потѣшались надъ учебникомъ реторики Кошанскаго, а въ 1845 году Бѣлинскій напечаталъ разборъ этой книги, окончательно уронившій ея авторитетъ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать ни о полной несостоятельности автора, какъ преподавателя, ни о совершенномъ ничтожествѣ составленныхъ имъ учебныхъ книгъ для своего времени. Кошанскій былъ хорошій классикъ, основательно знакомый съ древними языками, литературами и вообще всѣмъ тѣмъ кругомъ знаній, который встарину разумѣлся подъ названіемъ humaniora и полагался въ основу всякаго ученія. Чтобы служить дѣлу классическаго образованія, котораго онъ былъ энтузіастомъ, Кошанскій былъ подготовленъ не только усиленнымъ трудомъ на школьной скамьѣ, но и усердными самостоятельными занятіями въ молодые годы. Питомецъ Московскаго университета, онъ пользовался особымъ покровительствомъ его попечителя, М. Н. Муравьева, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, и былъ имъ предназначенъ къ посылкѣ за границу, главнымъ образомъ, въ Италію, для приготовленія себя къ каѳедрѣ археологіи и изящныхъ искусствъ; но война 1805 г. помѣшала этой поѣздкѣ, и взамѣнъ ея Кошанскій былъ оставленъ на годъ въ Петербургѣ, чтобы изучать древности Эрмитажа и заниматься въ Академіи художествъ. Этимъ временемъ онъ воспользовался также для составленія докторской диссертаціи, темою которой онъ избралъ миѳъ о Пандорѣ. Въ началѣ 1807 года онъ защитилъ ее въ Москвѣ, но послѣдовавшая затѣмъ смерть Муравьева остановила назначеніе Кошанскаго на университетскую каѳедру, и ему пришлось ограничиться преподаваніемъ въ московскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ профессорской должности въ Царскосельскомъ лицеѣ.

Согласно постановленію о вновь основываемомъ заведеніи питомцамъ его предполагалось давать, по преимуществу, гуманное образованіе, особливо въ младшемъ курсѣ, (все лицейское ученіе было раздѣлено на два курса, по три года каждый). Кошанскій былъ какъ нельзя болѣе подходящимъ человѣкомъ для такого дѣла: по-латыни онъ занималъ учениковъ младшаго курса грамматикой и легкими переводами, а по русскому языку и словесности изученіемъ отрывковъ изъ образцовыхъ писателей и ихъ разборомъ, началами реторики и упражненіями въ сочиненіи прозы и даже стиховъ. Въ то время Кошанскій

еще не составилъ своего учебника реторики, и его преподаваніе имѣло, по преимуществу, практическій характеръ. По замѣчанію Я. К. Грота, „Кошанскій всегда считалъ умѣнье писать самою существенной стороной литературнаго образованія". Онъ умѣлъ возбуждать вниманіе и самодѣятельность своихъ учениковъ, то задавая темы для ихъ сочиненій, то представляя самимъ учащимся придумывать ихъ и всегда требуя изобрѣтательности въ сюжетѣ и изящества въ изложеніи. „По временамъ, разсказываетъ Гротъ, онъ поощрялъ насъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ и потомъ читалъ наши опыты вслухъ передъ всѣмъ классомъ. Правило, которому онъ слѣдовалъ при ихъ обсужденіи, самимъ имъ выражено въ его учебникѣ: попытки учащихся, по его словамъ, „не должны охлаждаться порицаніемъ, но согрѣваться участіемъ друга-наставника, который всегда говоритъ *прежде*, что хорошо и почему, а *послѣ* показываетъ, что должно быть иначе и *какимъ образомъ*. Воспоминаніе Грота относится къ исходу двадцатыхъ годовъ, когда Кошанскій обладалъ уже большою педагогическою опытностію; но, очевидно, то же происходило на урокахъ его и за полтора десятка лѣтъ раньше, во время Пушкина. Кошанскій, въ началѣ 1812 года, привѣтствовалъ первые литературные опыты Пушкина; сохранился и образчикъ тѣхъ исправленій, которыя преподаватель дѣлалъ на стихотворныхъ упражненіяхъ своихъ учениковъ. „До насъ дошло, сообщаетъ Гаевскій, одно неизданное стихотвореніе Илличевскаго „Освобожденіе Бѣлграда", съ отмѣтками и поправками Кошанскаго. Онѣ показываютъ, какъ, сообразно съ духомъ времени, поощрялась напыщенность и ходульность и порицалась простота, считавшаяся низкою, и свидѣтельствуютъ, между прочимъ, съ какою ревностію на первыхъ порахъ Кошанскій занимался своимъ дѣломъ. Жаль, что вкусъ педагога не равнялся его усердію. Вѣруя въ непогрѣшимость правилъ, предписывавшихъ поэту парить, а прозаику течь, Кошанскій требовалъ того же отъ своихъ учениковъ, и въ одѣ Илличевскаго замѣнилъ выраженія: *двѣнадцать дней, колодцы выкопавъ, напрасно, площади, говорить*, по его мнѣнію болѣе, эпическими: *дванадцать кратъ, изрывши кладези, тщетно, шумные стогны, вѣщать* и т. д. Кошанскому особенно понравилась слѣдующая строфа, возлѣ которой онъ приписалъ: „Вотъ поэзія! Прекрасно!"

Спускалось солнце; день ужъ къ вечеру клонился.
Въ Бѣлградѣ жители въ одинъ столпились сонмъ;
Глухой, на площади, печальный шумъ носился,
Подобный вечера осення шуму волнъ.

О томъ, какъ исправлялъ Кошанскій стихи, можно судить по слѣдующей строфѣ:

Уныло граждане другъ на друга смотрѣли,
Что въ крайности такой имъ было предпринять;
Въ отчаяньи врата отверзть хотѣли
И, преклоня главу, о жизни умолять.

Противъ послѣдняго стиха Кошанскій отмѣтилъ: „Le plus beau vers", а остальное исправилъ такъ:

Уныло граждане *съ высокихъ стѣнъ взирали*
Колеблясь мыслями, чтò въ *бѣдствахъ* предпринять
Уже врагу отверзть врата они *желали*
И, преклоня главу, о жизни умолять.

Эти исправленія наглядно представляютъ намъ, какъ учебные пріемы Кошанскаго, такъ и слабыя стороны въ его литературныхъ понятіяхъ и преподаваніи. Впрочемъ, изданная имъ книга „Цвѣты греческой поэзіи" (1811 годъ), въ которой помѣщены, въ подлинникѣ съ комментаріемъ и въ переводѣ, произведенія Біона и Мосха и переводы отрывка изъ Софокловой трагедіи „Клитемнестра" и эпизода о Навзикаѣ изъ VI пѣсни „Одиссеи", — можетъ служить доказательствомъ, что ему не совсѣмъ чуждо было пониманіе красотъ античнаго творчества. Но Кошанскій не въ состояніи былъ возвыситься надъ устарѣлыми школьными привычками и предразсудками, надъ тѣми натянутыми и искусственными толкованіями, какимъ подвергалась древность въ періодъ псевдоклассицизма, и переносилъ ихъ въ собственное преподаваніе. А между тѣмъ онъ не желалъ, чтобы его считали старомоднымъ педантомъ и, изъ опасенія прослыть имъ, старался даже усвоить себѣ тонъ и привычки свѣтскаго человѣка.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Кошанскій поощрилъ первые опыты какъ Пушкина, такъ и другихъ лицейскихъ стихотворцевъ: это входило въ его учебную программу. По словамъ лицеиста Комовскаго, Кошанскій, предвидя необыкновенный успѣхъ поэтическаго таланта Пушкина, старался все достоинство онаго приписать отчасти себѣ и для того употреблялъ всѣ средства, чтобы какъ можно болѣе познакомить его съ теоріей отечественнаго языка и съ классическою словесностью древнихъ, но къ послѣдней не успѣлъ возбудить въ немъ такой страсти, какъ въ Дельвигѣ. Въ ноябрѣ 1812 года Кошанскій далъ слѣдующій отзывъ о своемъ геніальномъ ученикѣ: „Больше имѣетъ понятливости, чѣмъ памяти; больше вкуса къ изящному, нежели прилежанія къ основательному, почему малое затрудненіе можетъ остановить его, но не удержать: ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми воспитанниками; успѣхи его въ латинскомъ языкѣ довольно хороши, въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны". „Если исключить первое замѣчаніе о недостаткѣ памяти у Пушкина", говоритъ Гротъ, сообщая вышеприведенныя строки, „то нельзя не признать этого свидѣтельства справедливымъ". Прибавимъ съ своей стороны, что отзывъ Кошанскаго не только справедливъ, но очень благопріятенъ для Пушкина. Такъ, однако, было до поры, до времени. Мало-по-малу между профессоромъ и его способнѣйшими учениками стали возникать недоразумѣнія, и въ концѣ концовъ сложились отношенія недружелюбныя.

Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что на измѣненіе отношеній лицеистовъ къ Кошанскому повліяло, между прочимъ, временное появленіе Галича на его каѳедрѣ въ 1814—1815 годахъ. Конечно, преподаваніе Галича на его каѳедрѣ было небрежное и распущенное, ученики мало успѣвали у него въ фактическихъ занятіяхъ, но лучшіе, болѣе даровитые почерпали изъ разговоровъ съ нимъ много поучительнаго для своего развитія. Такъ, напримѣръ, если въ посланіи „Моему Аристарху“ Пушкинъ говоритъ о „непринужденномъ упоеньи“ творчества, то можно съ большимъ вѣроятіемъ утверждать, что подобная мысль явилась у него вслѣдствіе бесѣдъ съ шеллингистомъ Галичемъ о свободѣ искусства. Правда, поэты, послѣдователемъ которыхъ заявляетъ себя Пушкинъ въ посланіи „Моему Аристарху“, поэты беззаботнаго наслажденія жизнью —

любезные пѣвцы
Сыны безпечности лѣнивой —

издавна пользовались его предпочтеніемъ; но теперь ихъ произведенія могли получить въ его глазахъ болѣе глубокій смыслъ, какъ правдивое искреннее выраженіе ихъ душевнаго настроенія и міросозерцанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ лучше осмыслились и собственныя влеченія нашего автора къ этому роду лирики. А между тѣмъ возвратившійся на каѳедру Кошанскій продолжалъ держать лицейскихъ стихотворцевъ въ строгой школѣ и по прежнему требовалъ отъ нихъ вниманія преимущественно къ слогу, къ внѣшней отдѣлкѣ стиховъ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ до нѣкоторой степени правъ; но все же понятно, что его требованія возмущали молодежь, и ея негодованіе Пушкинъ выразилъ въ посланіи „Моему Аристарху“. Я. К. Гротъ, нѣкогда самъ слушавшій уроки Кошанскаго, беретъ въ данномъ случаѣ его сторону противъ Пушкина. „Изъ многихъ мѣстъ посланія“, говоритъ онъ, „видно, что Кошанскій, между прочимъ, упрекалъ Пушкина за излишнюю поспѣшность въ сочиненіи стиховъ. Ради необыкновеннаго таланта, выразившагося и въ этой пьесѣ, можно, конечно, простить ее молодому поэту, но надо сознаться, что она вовсе не бросаетъ тѣни на профессора, заботившагося о болѣе серіозномъ направленіи и совершенствованіи юнаго дарованія. Добрыя намѣренія Кошанскаго не подлежатъ сомнѣнію; но очевидно, что то поколѣніе лицеистовъ, къ которому принадлежалъ Пушкинъ, скоро обогнало наставника въ художественномъ развитіи, и вслѣдствіе того разладъ между методическимъ преподавателемъ и нетерпѣливыми учениками сдѣлался неизбѣжнымъ.

Майковъ.

„Арзамасъ“ и его вліяніе на Пушкина.

Съ 1820 года Пушкинъ повлекъ за собою блестящими и быстро смѣняющимися своими произведеніями, изъ которыхъ каждое открывало новые источники поэзіи и неожиданныя соображенія эстетическаго,

моральнаго и частію даже политическаго характера, — повлекъ, говоримъ, за собой такъ же точно читающую публику, какъ и литературныя общества, и писателей, и во многихъ случаяхъ противъ воли и желанія послѣднихъ, уже свыкшихся съ покоемъ литературныхъ собраній. Гораздо позже описываемаго нами времени, и уже домогаясь позволенія на изданіе политической газеты (1833 года), Пушкинъ въ проектѣ своей офиціальной просьбы по этому поводу чертилъ о себѣ слѣдующія строки, которыя онъ имѣлъ, по нашему мнѣнію, полное право сказать, но которыя онъ, однакоже, вымаралъ, какъ, вѣроятно, отзывающіяся отчасти хвастливостью: „Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя (Александра I), я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ *министерство* (т.-е. м-во просвѣщенія), несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ“.

Исключеніе составляло одно только литературное общество, именно „Арзамасъ“. Значеніе этого знаменитаго общества не только не разъяснено у насъ вполнѣ, но врядъ ли еще и понято достаточно ясно и правильно, благодаря тому, что историки и судьи „Арзамаса“ видѣли въ немъ одну только шутливую сторону, и сочли его на этомъ основаніи за сборище веселыхъ и праздныхъ собесѣдниковъ. Шутливость „Арзамаса“ прикрывала однакоже очень серіозную мысль, что именно и даетъ ему право на вниманіе въ исторіи нашего просвѣщенія.

Извѣстно, что „Арзамасъ“ основанъ былъ для противодѣйствія Державинско-Шишковской „Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ и для поддержанія не только переворота въ языкѣ и литературѣ, произведеннаго Карамзинымъ, который поэтому и считался какъ бы невидимой главой „Арзамаса“, но и для защиты правъ русскихъ писателей на свободную, независимую дѣятельность. Пушкинъ былъ членомъ „Арза„маса“ еще съ лицейской скамьи; но ко времени появленія его въ свѣтъ „Арзамасъ“ и „Бесѣда существовали только номинально, и на литературной аренѣ уже болѣе не встрѣчались. Время уничтожило между ними яблоко раздора. Бо́льшая часть нововводителей въ сферѣ русской мысли и слова успѣли уничтожить предубѣжденіе своихъ враговъ и побѣдоносно выйти изъ смуты и наговоровъ, которые вызваны были ихъ появленіемъ.

Много разъ приводится въ литературѣ нашей доносъ куратора московскаго университета Голенищева-Кутузова, въ которомъ онъ указывалъ на Карамзина, какъ на заговорщика, помышляющаго о ниспроверженіи законной власти и присвоеніи ея себѣ, съ помощью многочисленныхъ своихъ поклонниковъ. Поводы къ такого рода чудовищностямъ крылись столько же въ личныхъ вопросахъ, сколько и въ условіяхъ тогдашняго быта. Неизбѣжная связь всякой литературы съ внутреннею политикою, т.-е. съ состояніемъ умовъ и жизнію страны вообще, какъ бы ни старались мѣшать образованію этой связи, давала поводъ ужасаться всякій разъ, какъ эта связь обнаруживалась сама собою. Тогда поднимались вопли и жалобы съ двухъ сторонъ: со стороны

слѣпыхъ, боязливыхъ умовъ, и со стороны смѣлыхъ пройдохъ, имѣвшихъ своекорыстныя цѣли. И тѣ и другіе разрѣшались одинаково нелѣпѣйшими подозрѣніями и обвиненіями. Нѣчто подобное доносу Кутузова повторялось и позже, въ эпоху появленія романтизма. „Вѣстникъ Европы“ Каченовскаго, человѣка вполнѣ честнаго и благороднаго, видѣлъ въ попыткѣ уничтоженія піитическихъ правилъ, проповѣдываемой новой школой романтиковъ, затаенное ея намѣреніе высвободиться изъ-подъ власти іерархическихъ и всякихъ другихъ авторитетовъ. Это было только заблужденіе; но еще позже, извѣстный Булгаринъ уже пользовался страхомъ администраціи передъ тѣнью политической литературы, просто выдумывая сплетни и разоблачая небывалые политическіе замыслы, для погубленія своихъ критиковъ и недоброжелателей, и успѣвалъ въ томъ не разъ, какъ показываетъ исторія его съ Дельвигомъ (1831 года), бывшая одной изъ причинъ преждевременной смерти послѣдняго.

Карамзинъ уже переѣхалъ въ Петербургъ и пользовался высокимъ уваженіемъ государя; Жуковскій, пенсіонеръ двора съ 1816 года, уже приготовлялся къ занятію поста воспитателя въ царской семьѣ; друзья и ревнители ихъ славы — Уваровъ, Блудовъ, Дашковъ и друг. — уже стояли на дорогѣ, которая повела ихъ на высокія ступени въ государствѣ. Въ виду все болѣе усиливающагося ихъ вліянія и значенія, „Бесѣда“ потеряла часть своей энергіи въ преслѣдованіи новаторовъ, ту энергію, которой обнаружила такъ много еще не очень давно, именно въ 1815 году, когда „Липецкія воды“ кн. Шаховского, ея сторонника, съ своимъ нѣсколько топорнымъ обличіемъ балладистовъ и сентименталовъ, дѣлили публику на два лагеря. „Бесѣда“, въ лицѣ Шишкова, обнаружила даже попытки итти навстрѣчу прежнимъ врагамъ, а съ другой стороны, „Арзамасъ“ совсѣмъ замолкъ и не собирался болѣе съ 1817 года столько же потому, что прямыя цѣли его основанія были достигнуты, столько и по другому обстоятельству. Въ нѣдра его внесена была рознь съ прибытіемъ новыхъ членовъ яркой современной политической окраски (М. Ѳ. Орлова, Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева), членовъ, которые не хотѣли ограничиться узкой, либерально-литературной задачей „Арзамаса“, упрекали его въ безцвѣтности, пустотѣ и праздности и указывали политическія и соціальныя цѣли для дѣятельности. Но „Арзамасъ“ именно и занимался ими, стоя на почвѣ литературныхъ, ученыхъ и художническихъ вопросовъ, и не уступилъ намѣренію втянуть его въ колею тайныхъ обществъ. Онъ предпочелъ лучше не собираться вовсе, чѣмъ собираться для скорыхъ приговоровъ и рѣшеній, которые неспособны были измѣнить строя нашей жизни ни на одну іоту къ лучшему, и Д. И. Блудовъ, отстранившій предложеніе М. Ѳ. Орлова — обратиться къ вопросамъ политическаго содержанія, — конечно, неизмѣнялъ дѣлу прогресса и развитія въ отечествѣ, выразивъ въ долгой рѣчи по этому поводу желаніе остаться на почвѣ критики, изученія русскаго слова и литературы.

Какъ бы то ни было, но духъ этихъ двухъ знаменитыхъ литературныхъ центровъ не исчезъ вмѣстѣ съ ними. Главнѣйшіе представители обоихъ направленій, выражаемыхъ этими центрами, не измѣнили своихъ убѣжденій, и борьба между ними продолжалась и тогда, когда знаменъ, подъ которыми они сражались прежде, не было уже видно на литературной аренѣ; только споръ былъ перенесенъ теперь изъ области теоретическихъ разсужденій и словесности вообще, гдѣ все смолкло, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ времени, на служебную и дѣловую арену.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что „Арзамасъ“ не имѣлъ собственно никакой, ни эстетической ни политической, теоріи, чѣмъ и отличался отъ своего соперника, „Бесѣды Любителей“. Послѣдняя, благодаря А. С. Шишкову, обладала полнымъ кодексомъ воззрѣній на лучшія формы языка, на предметы, которыми должно заниматься искусство, и на пути, которыми слѣдуетъ вести и русскую жизнь и русскую словесность къ ихъ вящшему преуспѣянію въ духѣ благочестія, народности и нравственности. Каковы были требованія и опредѣленія этого кодекса — теперь уже разобрано и оцѣнено по достоинству; но онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣлъ нѣкоторую обольстительную сторону для своего времени, потому что мы встрѣчаемъ въ числѣ приверженцевъ „Бесѣды“ и враговъ „Арзамаса“ такихъ людей, какъ А. Н. Катенинъ и А. С. Грибоѣдовъ, не говоря уже объ А. Н. Оленинѣ и т. д. Можетъ-быть, это зависѣло отъ полноты и цѣльности системы Шишкина, которая давала готовые отвѣты на самые трудные вопросы русскаго просвѣщенія и быта. Какъ бы то ни было, но Катенинъ при всѣхъ называлъ книгу Шишкова, „О старомъ и новомъ слогѣ“ своимъ литературнымъ евангеліемъ, а модно-архаическія, славянофильскія тенденціи Грибоѣдова достаточно обнаруживаются въ нѣкоторыхъ выходкахъ „Чацкаго“, что и объясняетъ холодность, съ которой встрѣтили нѣкоторые истые арзамасы, какъ напр. князь Вяземскій, его безсмертную комедію. Чѣмъ же былъ собственно „Арзамасъ“, не имѣвшій противопоставить „Бесѣдѣ“ никакой равносильной эстетической и философской теоріи, а тайнымъ обществамъ никакой не только выработанной, но и намѣченной политической темы?

„Арзамасъ“ представлялъ собственно партію молодыхъ людей, которые, опираясь на примѣръ Карамзина, отстаивали право каждаго человѣка, сознающаго въ себѣ нравственныя силы, открывать для себя новыя дороги къ жизни и литературѣ. „Арзамасъ“ ставилъ ни во что напыщенность и торжественность выраженія, которыми многіе тогда удовлетворялись, и ненавидѣлъ пустую, трескучую фразу во всякомъ ея видѣ — либеральномъ или консервативномъ. Болѣе всего сопротивлялся онъ намѣренію водворить обязательныя правила для умственной и общественной дѣятельности своего времени, подозрѣвая тутъ замыселъ управлять нравственными стремленіями эпохи, не справляясь съ ней, и утвердить за нѣсколькими личностями право безапелляціоннаго суда надъ всѣми мнѣніями и начинаніями ея. Вотъ почему

„Арзамасъ“ неукоснительно принималъ подъ свое покровительство все, что появлялось съ ясными задатками развитія, съ несомнѣнными признаками способности завоевать себѣ будущность. Онъ очень любилъ противопоставлять новыя имена и таланты старымъ извѣстностямъ, да не отступалъ и передъ разоблаченіемъ упроченныхъ, но все-таки фальшивыхъ репутацій, обнаруживая при этомъ, сколько кумовства, дружескихъ подкуповъ и самохваленія издержано было для составленія ихъ. Въ лицѣ Жуковскаго „Арзамасъ“ привѣтствовалъ и *романтизмъ* въ нашей литературѣ, а когда воздвигнуто было гоненіе на самую идею романтизма — „Арзамасъ“, уже явно не существовавшій, выслалъ, однакоже, горячаго защитника новому виду творчества, князя Вяземскаго, и поддерживалъ его своимъ согласіемъ. Вотъ въ чемъ заключались всѣ теоріи „Арзамаса“. Къ этому надо прибавить, что орудіемъ борьбы служили для него, когда онъ собирался еще въ свои засѣданія, острота, насмѣшка, ироническое восхваленіе въ стихахъ и въ прозѣ, при чёмъ, заставляя хохотать до упаду и такихъ людей, какъ Карамзинъ, „Арзамасъ“ самъ называлъ „галиматьей“ свои произведенія. Ничто не могло быть болѣе по вкусу Пушкину, тоже расположенному отмщать мѣткимъ эпитетомъ, эпиграммой или пародіей безсильныя или отсталыя претензіи: „Арзамасъ“ шутилъ, но по тогдашнему времени воспитывающими и образующими шутками.

Въ области пониманія и представленія гражданскихъ обязанностей, вліяніе „Арзамаса“ на людей обнаружилось не менѣе сильно. Тутъ опять мы не находимъ ничего похожаго на систему или ученіе, съ точностью опредѣляющее всѣ свои основы. Подобно тому, какъ на литературной почвѣ чувство изящнаго, пониманіе таланта и силы въ изображеніяхъ замѣняло „Арзамасу“ эстетическія теоріи, такъ на политической, вмѣсто обдуманной программы, онъ обладалъ только живыми *инстинктами* свободы, стремленіями къ образованію и крѣпкими надеждами на общечеловѣческую, европейскую *науку*, какъ на лучшую исправительницу народныхъ и государственныхъ недостатковъ, а главное — онъ отличался непоколебимой вѣрой въ возможность соединенія коренныхъ основъ русской жизни и русскаго законодательства — монархизма и православія съ свободой лицъ, сословій и учрежденій. Проводя эти убѣжденія, „Арзамасъ“ выражалъ истинную мысль своей эпохи или, по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства ея людей, между которыми были и руководители ея судебъ.

Конечно, несправедливо было бы смѣшивать характеръ и убѣжденія честнаго, прямодушнаго, хотя и упорнаго А. С. Шишкова съ характеромъ и проповѣдями такихъ честолюбцевъ и проходимцевъ, какъ Магницкій и Руничъ; но оба эти реформатора все-таки прикрывали свои мрачныя цѣли началами, сходными съ воззрѣніями Шишковской „Бесѣды“. „Арзамасъ“, можно сказать, цѣликомъ вступилъ въ борьбу съ старымъ своимъ врагомъ, очутившимся уже на административной почвѣ. Недавно опубликовано было письмо къ государю бывшаго попечителя с.-петербургскаго округа С. С. Уварова (отъ 17 поя-

бря 1821 года), смѣло объяснявшее средства, употребляемыя Руничемъ для возведенія простыхъ ученыхъ и учебныхъ положеній въ преступныя заявленія и въ уголовные проступки, — письмо, не оставшееся безъ непріятныхъ послѣдствій для его автора. Позже, когда съ назначеніемъ министромъ самого А. С. Шишкова (1824 года), пресловутая „Бесѣда" очутилась, такъ сказать, во главѣ управленія вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія — она нашла всѣхъ старыхъ своихъ противниковъ на своихъ мѣстахъ. Новый министръ, какъ видно изъ его записокъ, до конца своей жизни сохранилъ убѣжденіе, что шаткость общественнаго порядка въ Россіи находится въ зависимости отъ ослабленія основъ старой русской жизни, стараго русскаго воспитанія и образованія, потрясенныхъ литературной реформой послѣдняго времени, которая открыла будто бы двери всяческому легкомыслію и вольнодумству. Слѣдствіемъ этихъ убѣжденій было появленіе цензурнаго устава 1826 года, съ его извѣстнымъ, крайне притѣснительнымъ характеромъ. Въ особенной смѣшанной комиссіи, которая была поставлена для просмотра иностраннаго цензурнаго устава, тогда же выработаннаго министромъ, засѣдали два арзамасца, Уваровъ и Дашковъ. Подъ ихъ вліяніемъ комиссія занялась не только иностраннымъ цензурнымъ уставомъ, но подняла вопросъ и о русскомъ недавно вышедшемъ, и строго разобрала его положенія и основанія. Комиссія подготовила, такимъ образомъ, возможность новаго проекта съ болѣе благопріятными условіями для русской ученой и художественной дѣятельности, который дѣйствительно вскорѣ и появился. Это былъ тотъ знаменитый цензурный уставъ 1828 года, который стоялъ такъ выше людей своего времени и укоренившейся цензурной практики, что никогда не былъ вполнѣ примѣненъ къ дѣлу и, большею частью, оставался мертвой буквой вплоть до своего уничтоженія 1865 году.

Вообще, „Арзамасъ" представляетъ въ исторіи нашей общественности поучительный примѣръ собранія съ однѣми нравственными и образовательными цѣлями, формально просуществовавшаго менѣе трехъ лѣтъ, но оставившаго послѣ себя долгій слѣдъ и живую мысль, которая питала людей его, когда они уже были разсѣяны по свѣту. Долго сохранили они свою либеральную окраску, одинаковое пониманіе европейскихъ идей и неотлагательныхъ нуждъ русскаго общества. Только гораздо позже, въ половинѣ слѣдующаго царствованія, начинаетъ тускнѣть и загрубѣвать между ними единившая ихъ мысль; люди „Арзамаса" наживаютъ себѣ противоположныя цѣли, расходятся въ разныя стороны и даже становятся отъявленными врагами другъ друга. Что касается Пушкина, онъ остался ему вѣренъ всю жизнь.

Первые примѣры свѣтлыхъ общественныхъ стремленій, полученные имъ въ общеніи съ Жуковскимъ, Карамзинымъ, Блудовымъ, Дашковымъ и другими членами „Арзамаса", залегли глубоко въ его душѣ, вмѣстѣ съ твердымъ пониманіемъ исторической почвы, на которой стремленія эти могутъ быть осуществляемы. Если это созерцаніе не тотчасъ же выразилось на первыхъ порахъ въ его сужде-

ніяхъ и поступкахъ, то причиною были непреодолимые соблазны жизни, вмѣстѣ съ порывами и увлеченіями молодости; но оно пустило корни въ его мысль, въ нравственную его природу, и при первой возможности дало свои отпрыски. Можно полагать, какъ уже было сказано нами, что атмосфера тайныхъ обществъ, окружавшая нѣкогда его существованіе, сообщила впослѣдствіи его слову ту прямоту, смѣлость и откровенность, съ какими онъ отвѣчалъ на всякій вопросъ, откуда бы онъ ни исходилъ. „Арзамасъ" далъ ему нѣчто другое. Онъ научилъ его свободно, самостоятельно и независимо подчиняться условіямъ русскаго быта, желать имъ наиболѣе разумнаго содержанія, искать для этихъ условій основъ въ мысли, философской поддержки, теорическаго оправданія, и въ то же время сохранять за собой право судить отдѣльныя явленія самаго быта по своему разумѣнію. Никогда онъ не былъ болѣе смѣлъ и независимъ, какъ въ то время, когда добровольно признавалъ необходимость покориться тому или другому требованію установленнаго порядка, потому что основывалъ эти уступки на представленіяхъ и мотивахъ, еще казавшихся многимъ ересями и опасными идеями.

Но до всего этого еще было далеко, а теперь покамѣстъ невидимо копились только и отлагались въ душѣ Пушкина всѣ тѣ начала, которыя составляли его послѣдующій характеръ. Онъ продолжалъ пробовать людей, искать впечатлѣній, либеральничать и потѣшаться жизнію. Даже В. А. Жуковскій терпѣлъ большія выходки молодого человѣка и баловалъ его, можетъ-быть, пуще всѣхъ. Онъ, между прочимъ, первый смѣялся его пародіямъ и эпиграммамъ на себя. П. А. Катенинъ разсказываетъ въ своихъ (неизданныхъ) „Воспоминаніяхъ" о Пушкинѣ, что Александру Сергѣевичу очень нравилось, когда его сравнивали съ Вольтеромъ, и особенно доволенъ онъ былъ каламбуромъ, который выходилъ изъ шуточнаго прозвища, даннаго переводчикомъ „Андромахи" своему молодому другу. Катенинъ часто называлъ его: un monsieur à rouer (Arouet), и Пушкинъ всякій разъ заливался при этомъ веселымъ смѣхомъ, но собственно ни на какого, даже микроскопическаго Аруэта ни тогда ни послѣ поэтъ нашъ не походилъ. Въ описываемую эпоху онъ представляется намъ веселымъ молодымъ человѣкомъ, у котораго было гораздо болѣе своевольства, чѣмъ нажитыхъ принциповъ, и гораздо болѣе наклонности къ задирающей шуткѣ или къ производству эффектныхъ либеральныхъ гимновъ, чѣмъ революціоннаго одушевленія или дѣйствительной ненависти къ людямъ и установленіямъ.

Уваженіе къ самостоятельному сужденію и независимымъ мнѣніямъ Катенина пережило у Пушкина эпоху молодости и продолжалось въ зрѣлые годы его, но критическія воззрѣнія Катенина не имѣли большого вліянія на Пушкина, какъ на поэта, потому что стѣсняли его свободу творчества и фантазіи. Одинъ примѣръ такихъ воззрѣній находится и въ „Воспоминаніяхъ" П. А. Катенина. Такъ, упоминая о пьесѣ „Моцартъ и Сальери", критикъ осуждаетъ Пушкина за то,

что построилъ свой драматическій этюдъ на сомнительномъ анекдотѣ и оклеветалъ Сальери. Другой учитель Пушкина отъ этой эпохи, Чаадаевъ, кажется, дѣйствительно имѣлъ нѣкоторыя права на это званіе, признанныя за нимъ и нашимъ поэтомъ, какъ извѣстно, но, конечно, не въ той степени, въ какой обыкновенно провозглашалъ ихъ самъ наставникъ. П. Я. Чаадаевъ уже тогда читалъ въ подлинникѣ Локка, и могъ указать Пушкину, воспитанному на французскихъ сенсуалистахъ и на Руссо, — какъ извратили первые философскую систему англійскаго мыслителя своимъ упрощеніемъ ея, и какъ мало научнаго опыта и изслѣдованія лежитъ у второго въ его теоріяхъ происхожденія обществъ и государствъ. Выводы и соображеніе, которыя рождались изъ анализа этихъ предметовъ, конечно, должны были поражать Пушкина новостью и сдѣлать въ глазахъ его „мудрецомъ“ самого ихъ проповѣдника. Въ перечнѣ людей, у которыхъ Пушкинъ искалъ тогда наставленій, нельзя забыть объ А. Н. Оленинѣ. Почтенный предсѣдатель академіи художествъ, будучи родственникомъ и почитателемъ Г. Р. Державина, разумѣется, склонялся на сторону „Бесѣды“ и не совсѣмъ одобрительно смотрѣлъ на полемическія замашки „Арзамаса“, но онъ имѣлъ важное качество. По знанію артиста и по прямому знакомству съ классическимъ искусствомъ, онъ понималъ эстетическіе законы, которые лежатъ въ основаніи художническаго производства вообще, а потому могъ уразумѣть изящество произведенія, если бы даже оно явилось и не съ той стороны, откуда онъ привыкъ его ожидать. Такъ, онъ былъ одинъ изъ первыхъ, которые признали поэтическое достоинство „Руслана и Людмилы“. Качество это сдѣлало самый домъ его нейтральной почвой, на которой сходились люди противоположныхъ воззрѣній, что облегчалось еще необычайной любезностью хозяйки, урожденной Полторацкой, а потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ привѣтливостью красавицы, — дочери, воспѣтой Пушкинымъ. Поэтъ нашъ былъ у нихъ, какъ свой человѣкъ и, по семейнымъ ихъ преданіямъ, часто бесѣдовалъ съ А. Н. Оленинымъ объ искусствѣ. Впрочемъ, ни одно изъ этихъ лицъ не провело никакой глубокой черты на его характерѣ или на его талантѣ, по которой можно было бы судить о родѣ и степени ихъ вліянія. Одинъ „Армазасъ“ оставилъ только на немъ неизгладимые слѣды своего политическаго и литературнаго направленія, а все прочее сгладилось или пропало въ его дальнѣйшемъ, самостоятельномъ развитіи.

Несчастіе Пушкина состояло въ томъ, что современная литература не отвѣчала ни на одинъ вопросъ, существовавшій уже въ обществѣ: читать было нечего, а еще менѣе чему-либо учиться у нея.

Нѣтъ сомнѣнія, что періодъ петербургскаго броженія, который можно назвать „искусомъ“, пережитымъ мыслію Пушкина, ранѣе бы кончился для него, если бы тогда существовало какое-либо серіозное литературное направленіе, которое обыкновенно понуждаетъ людей собирать свои силы и ставить задачи для ихъ дѣятельности. Но эпоха живыхъ, горячихъ литературныхъ споровъ, мы уже сказали, кончи-

лась, и на аренѣ русской печати не стояло никакого вопроса. Мѣсто Карамзина, какъ основателя школы, оставалось пусто съ 1815 года, когда онъ покинулъ его для главнаго своего труда, и было пусто лѣтъ десять, когда его занялъ самъ Пушкинъ. *Анненковъ.*

Петербургскій періодъ жизни и дѣятельности Пушкина.

Воспитанный въ семьѣ, которой были близки умственные и литературные интересы своего времени, съ дѣтства знакомый съ Дмитріевымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ, какъ друзьями своего отца и поэта-дяди, еще ранѣе поступленія въ Царскосельскій лицей уже успѣвшій съ жадностью перечитать почти всѣхъ старыхъ французскихъ поэтовъ, начиная съ Мольера и продолжая Вольтеромъ, Шенье, Грессе и Парни, Пушкинъ въ отроческіе годы, на школьной скамьѣ, пробуетъ писать стихотворенія, которыя по своему содержанію представляютъ подражанія названнымъ поэтамъ, а по формѣ — отголоски стиховъ Батюшкова, Жуковскаго, Державина, Дмитріева и даже Карамзина. Стихъ его мало-по-малу вырабатывается, пріобрѣтаетъ гладкость и звучность; это еще „перепѣвы", но уже такіе, въ которыхъ иногда слышатся самостоятельныя, своеобразныя нотки; игривыя эротическія темы Парни и Батюшкова обрабатываются Пушкинымъ легко и оригинально; томная мечтательность Жуковскаго и напыщенная реторика Державина воспроизводятся имъ одинаково вѣрно и выдержанно, — хотя, въ сущности, уже ни та ни другая не привлекаютъ его сочувствій. Окруженный въ Лицеѣ даровитыми товарищами, изъ которыхъ многіе также очень рано начали пробовать свои литературныя силы и въ прозѣ и въ стихахъ, посреди постоянныхъ споровъ и разсужденій о современной литературѣ, — юноша Пушкинъ сразу всѣми своими симпатіями становится на сторону того литературнаго лагеря, во главѣ котораго стояли тогда Карамзинъ и его сподвижники, — того новаго литературнаго движенія, къ которому примкнули Жуковскій и князь Вяземскій. Это движеніе было направлено противъ стараго классицизма, котораго рутинность и бездарное педантство успѣли уже всѣмъ надоѣсть; но и оно само заключало въ себѣ прогрессивные элементы лишь чисто-формальнаго характера: покуда это былъ только еще споръ „о старомъ и новомъ слогѣ"; старинный узкій взглядъ на поэзію оставался еще неприкосновеннымъ; понятія о литературномъ вкусѣ все еще вырабатывались на основаніи Лагарпа и Батте; даже старыя „правила стихотворства" еще не утратили своей обязательности, хотя ихъ фальшивость уже чувствовалась; лицейскія стихотворенія Пушкина полны миѳологическихъ именъ и сравненій совершенно во вкусѣ анакреонтическихъ пьесъ Державина; но въ то же время онъ уже подсмѣивается надъ похвальными одами и „бѣшеными" трагедіями отечественныхъ риѳмачей. Насмѣшки надъ бездарными стихо-

творцами, которыхъ классическая манера окрестила Бавіями и Мевіями, надъ литературными староверами, Шишковымъ и его „Бесѣдой" и съ другой стороны — преклоненіе передъ литературнымъ авторитетомъ Карамзина и Жуковскаго и прямо заявленное желаніе итти по ихъ слѣдамъ, — таковы характерныя черты литературныхъ взглядовъ лицеиста-Пушкина. Въ этомъ признаніи передовыхъ дѣятелей нашей литературы того времени своими руководителями заключалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и признаніе впервые ими провозглашеннаго принципа свободы, знамя которой было поднято извѣстнымъ „арзамасскимъ" кружкомъ молодыхъ писателей. Будущій литературный путь Пушкина былъ, такимъ образомъ, уже намѣченъ въ то время, когда юный поэтъ еще „безмятежно расцвѣталъ въ садахъ Лицея".

Кромѣ поэтовъ-руководителей, произведеніями которыхъ вдохновлялся молодой Пушкинъ, кромѣ чуткихъ и даровитыхъ товарищей, съ которыми дѣлилъ онъ свои поэтическіе досуги, кромѣ лицейскихъ преподавателей, которые умѣли зажигать пламя въ сердцахъ своихъ юныхъ учениковъ, немалое вліяніе на Пушкина имѣлъ и тотъ кругъ военной молодежи, съ которымъ онъ близко сошелся въ Царскомъ Селѣ. Военное сословіе того времени, безспорно, было самымъ передовымъ въ нашемъ обществѣ. Военная служба, еще недавно обязательная для всѣхъ дворянъ, считалась единственно-возможною для порядочнаго человѣка, такъ что лицейскому другу Пушкина, Ив. Ив. Пущину, дѣйствительно, было нужно немало самоотверженія, чтобы, отказавшись отъ мундира, занять приказную должность надворнаго судьи. Молодые гвардейцы, аристократы не только по рожденію, но и по воспитанію, выросшіе среди либеральныхъ вѣяній первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія, затѣмъ близко и непосредственно познакомившіеся съ европейскимъ обществомъ и его идеями во время памятнаго похода Россіи въ Европу, — вернулись на родину съ готовымъ запасомъ новыхъ воззрѣній, совершенно чуждыхъ и враждебныхъ старинному складу нашего общества. То было время политическаго романтизма, юношески-пылкихъ, но смутныхъ и черезчуръ отвлеченныхъ мечтаній о всеобщей свободѣ и братствѣ народовъ, когда низверженіе наполеоновской тираніи казалось только прологомъ къ окончательному разрушенію средневѣковыхъ традицій въ политической жизни европейскаго общества. Друзья Пушкина, царскосельскіе лейбъ-гусары, также съ увлеченіемъ предавались этимъ вольнолюбивымъ мечтамъ и надеждамъ, и бесѣды съ ними оставили глубокій слѣдъ въ воспріимчивой душѣ молодого поэта. Въ числѣ этихъ офицеровъ находился одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, П. Я. Чаадаевъ, къ которому Пушкинъ навсегда сохранилъ дружеское чувство и искреннее уваженіе, какъ къ своему „учителю". Чаадаевъ былъ всего на три года старше Пушкина; но его блестящій умъ, обширная начитанность, ѣдкое, парадоксальное остроуміе, не могли не дѣйствовать на его младшаго друга обаятельнымъ и подчиняющимъ образомъ. Въ политическомъ воспитаніи Пушкина, ему, конечно,

принадлежитъ видная роль. Юношеская вѣра въ возможность осуществленія свободныхъ идеаловъ на русской почвѣ была темою безконечныхъ бесѣдъ объ этомъ предметѣ среди людей, осужденныхъ тогдашнимъ строемъ русскаго общества на безплодную праздность, людей, которые, получивъ возможность общественной дѣятельности, дѣйствительно, могли бы проявить богатыя умственныя и нравственныя силы. Чаадаевъ, который, по словамъ Пушкина, „въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ — Периклесъ“, въ тогдашней Россіи долженъ былъ оставаться только гусарскимъ офицеромъ; геттингенскій студентъ Каверинъ, который, подобно Ленскому, также „изъ Германіи туманной привезъ вольнолюбивыя мечты“, тратилъ свои силы на гомерическіе кутежи; другіе, болѣе энергичные, въ родѣ М. Ѳ. Орлова, Никиты Муравьева, Н. И. Тургенева, пытались поставить политическіе и общественные вопросы на практическую почву и уже задумывали „Союзъ Благоденствія“. Между тѣмъ, новое время становилось все менѣе и менѣе похожимъ на недавнее прошлое. „Дней Александровыхъ прекрасное начало“ быстро приближалось къ концу; вопреки убѣжденію поэта, что „на поприщѣ ума нельзя намъ отступать“, — мы усиленно отступали, и изъ вѣка свободы и просвѣщенія уже готовы были переселиться въ средніе вѣка. Принципы „Священнаго Союза“, послужившіе фундаментомъ для общей европейской реакціи, получали широкое примѣненіе и на русской почвѣ; вліяніе ханжей и обскурантовъ усиливалось, Аракчеевъ стоялъ уже очень высоко... Въ такую-то пору Пушкинъ 18-лѣтнимъ юношей вышелъ изъ стѣнъ Лицея. Въ обществѣ онъ сразу занялъ мѣсто въ кругу тогдашней „золотой молодежи“, которая единственною цѣлью жизни ставила безшабашное ея прожиганіе. Разсѣянная свѣтская жизнь, такъ живо описанная въ первой главѣ „Онѣгина“, холостыя пирушки, театральныя похожденія, дружескій кружокъ „Зеленой Лампы“, съ его вычурными затѣями по части веселаго препровожденія времени, — все это поглотило значительную часть первыхъ трехъ лѣтъ петербургской жизни поэта. Но, несмотря на такую обстановку, талантъ его росъ и развивался, быстро освобождаясь отъ постороннихъ вліяній и приводя въ изумленіе прежнихъ его руководителей. „Стихи чертенка-племянника чудесно-хороши“, — писалъ въ 1818 году кн. Вяземскій къ Жуковскому. „Этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ“. Безъ преувеличенія можно сказать, что пушкинскіе стихи, появляясь въ журналахъ того времени, — въ этихъ тощихъ книжечкахъ, напоминающихъ ученическія тетради, — одни давали имъ гораздо больше содержанія, чѣмъ всѣ остальныя статьи, которыя едва ли кѣмъ и читались. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ былъ близокъ и къ „обществу умныхъ“ или, какъ онъ ихъ называлъ, „молодыхъ якобинцевъ“, — будущихъ декабристовъ, и сохранялъ прежнюю тѣсную связь съ Жуковскимъ и Карамзинымъ, какъ своими литературными руководителями. Среди эротическихъ стихотвореній этой эпохи поражаютъ изяществомъ мысли и формы поэтическія обращенія къ Жуковскому, этому „глубоко вдохновенному пѣвцу

всего прекраснаго"; на ряду съ ними стоитъ знаменитое стихотвореніе „Деревня", въ которомъ такъ ярко выразился благородный образъ мыслей поэта и его политическій идеалъ:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Въ этихъ словахъ заключается, можно сказать, программа, которой Пушкинъ не измѣнялъ во всю свою жизнь: уничтоженіе крѣпостного рабства царскою властью и установленіе тою же властью гражданской свободы, основанной на просвѣщеніи. Прочитавъ эти стихи, императоръ Александръ сказалъ: „Поблагодарите Пушкина за *добрыя чувства*, внушаемыя его поэзіей" (I, 306), слова, о которыхъ поэтъ вспомнилъ семнадцать лѣтъ спустя, говоря о своихъ заслугахъ передъ родиной:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что *чувства добрыя* я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

„Вольнолюбивыя" мечты и надежды, вмѣстѣ съ вѣрою въ лучшее будущее, жили въ душѣ поэта и разгорались тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе сгущался мракъ, нависшій надъ умственною жизнью русскаго общества. Въ 1818 году онъ писалъ Чаадаеву:

Мы ждемъ съ волненьемъ упованья
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья...

а въ 1820 году, въ то самое время, когда Магницкій, Руничъ и ихъ достойные сотрудники уже совсѣмъ приготовились погасить русское просвѣщеніе и настойчиво совѣтовали такъ „оградить Россію отъ Европы, чтобы и слухъ происходящихъ тамъ неистовствъ не достигалъ до нея", — изъ-подъ пера Пушкина выливается восторженный гимнъ свободѣ. Въ эпоху общей реакціи, которая особенно тяжело отозвалась у насъ, въ такую эпоху, когда поэтъ повсюду видитъ „бичи, желѣзы, законовъ гибельный позоръ, неволи немощныя слезы", — онъ смѣло возвышаетъ голосъ въ защиту законности (I, 220):

Лишь тамъ
Не слышится людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ крѣпкій щитъ...

Онъ не лукавитъ самъ съ собой и не боится бросать убійственныя эпиграммы въ лицо властнаго временщика и ханжей-гасильниковъ

просвѣщенія. Извѣстно, что эти эпиграммы и вольнолюбивыя стихотворенія Пушкина, столь же рѣзко противорѣчившія тогдашнему настроенію, сколько они были согласны съ идеалами первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія, навлекли на него тяжелую кару. О немъ стали говорить, будто онъ „наводнилъ всю Россію возмутительными стихами“, и ему уже грозила ссылка въ Сибирь, или даже заточеніе въ Соловецкомъ монастырѣ, отъ котораго онъ былъ спасенъ только хлопотами Чаадаева и заступничествомъ Карамзина и благороднаго графа Каподистріи. Карамзинъ, говоря его собственными словами, „спасъ несчастнаго, обреченнаго Року и Немезидамъ“, — и грозившее поэту наказаніе было замѣнено ссылкой въ далекій, дикій Кишиневъ.

Такъ закончился первый періодъ жизни и дѣятельности Пушкина.

Въ числѣ людей, имѣвшихъ несомнѣнное вліяніе на Пушкина въ первомъ періодѣ его петербургской жизни, мы назвали два имени — Чаадаева и Карамзина. Отношенія поэта къ этимъ людямъ, столь непохожимъ одинъ на другого, заслуживаютъ вниманія. При тѣхъ особенныхъ, своеобразныхъ условіяхъ, въ какія было поставлено развитіе нашей литературы въ первой половинѣ минувшаго столѣтія, въ русскомъ обществѣ никогда не переводились люди, которые своею высокою личностью имѣли на современниковъ чрезвычайно сильное и благотворное вліяніе, а между тѣмъ въ литературѣ оставляли по себѣ лишь весьма скромный и невыразительный слѣдъ. Это, говоря словами Некрасова, тѣ два-три человѣка, которые выносятъ на своихъ плечахъ все поколѣніе. Таковъ былъ Н. В. Станкевичъ; таковъ былъ Т. Н. Грановскій; первымъ по времени въ ряду этихъ людей стоитъ П. Я. Чаадаевъ. Просвѣщенный умъ, художественное чувство, благородное сердце, открытое для всего высокаго, — вотъ тѣ качества, которыя всѣхъ къ нему привлекали; по словамъ писателя совершенно иной школы, — по словамъ Хомякова[1]), Чаадаевъ былъ особенно дорогъ тѣмъ, что въ „такое время, когда мысль, повидимому, погружалась въ тяжкій и невольный сонъ, онъ и самъ бодрствовалъ и другихъ пробуждалъ, — тѣмъ, что въ сгущающемся сумракѣ того времени онъ не давалъ потухать лампадѣ и игралъ въ ту игру, которая извѣстна подъ именемъ „живъ курилка“. Есть эпохи, въ которыя такая игра есть уже большая заслуга...“ Съ Чаадаевымъ Пушкинъ близко сошелся еще въ бытность свою въ Лицеѣ, и съ тѣхъ поръ на всю жизнь сохранилъ къ нему чувство самаго искренняго дружескаго расположенія. Продолжительныя и горячія бесѣды, несомнѣнно оставившія слѣдъ въ душѣ Пушкина, романтическія мечты о свободѣ и о служеніи благу родины, одинаковые литературные вкусы — вотъ что соединяло обоихъ друзей, и вотъ какъ самъ Пушкинъ говоритъ о значеніи этой дружбы въ знаменитомъ посланіи къ Чаадаеву изъ Кишинева, 1821 года (I, 242).

Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;

---

[1]) Сочиненія, I, 720.

Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.

Во-время узнавъ объ угрожавшей Пушкину опасности, Чаадаевъ бросился къ Карамзину и успѣлъ уговорить его вступиться за поэта. Воспоминаніе объ этой дружеской услугѣ также, конечно, было дорого Пушкину:

Въ минуту гибели, надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой...

На листкѣ, случайно сохранившемся отъ дневника, который Пушкинъ велъ въ Кишиневѣ, набросаны слѣдующія строки: „Получилъ письмо отъ Чаадаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье, — одного тебя можетъ любить холодная душа моя". По всей вѣроятности, дѣло идетъ объ отвѣтѣ Чаадаева на одно изъ писемъ Пушкина, который именно въ это время жаловался, что петербургскіе друзья относятся къ нему слишкомъ невнимательно. Изъ дальнѣйшаго видно, что Чаадаевъ не получилъ нѣсколькихъ писемъ Пушкина; подобные случаи нерѣдко бывали въ это время въ почтовой перепискѣ поэта, и однажды даже вызвали у него энергическое восклицаніе по адресу любопытныхъ читателей чужой переписки (VII, 28). Весьма вѣроятно, что именно къ Чаадаеву относится и отрывокъ письма, сохранившійся на томъ же листкѣ кишеневскаго дневника: „Мой достойный наставникъ, смѣлый, ѣдкій, злой, — но этого еще недостаточно: нужно быть жестокимъ, тираномъ, мстительнымъ; къ этому-то и я прошу васъ привести меня", и т. д. (VII, 25).

Съ своей стороны и Чаадаевъ, уже долгое время спустя послѣ смерти поэта, съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ о дружбѣ Пушкина. „Эта дружба, говорилъ онъ, принадлежитъ къ лучшимъ годамъ жизни моей, къ тому счастливому времени, когда каждый мыслящій человѣкъ питалъ живое сочувствіе ко всему доброму, какого бы цвѣта оно ни было, когда каждая разумная, безкорыстная мысль чтилась выше самаго безкорыстнаго поклоненія прошедшему и будущему"[1]).

Инымъ характеромъ отличались отношенія Пушкина къ Карамзину и Жуковскому. Молодой поэтъ съ дѣтства привыкъ уважать этихъ людей, какъ друзей своего отца и какъ даровитыхъ писателей, внесшихъ новое слово въ русскую литературу. Въ Карамзинѣ онъ видѣлъ прежде всего — преобразователя русскаго языка и слога и, вмѣстѣ съ другими членами „Арзамаса", ратовалъ противъ его литературныхъ антагонистовъ; затѣмъ, когда въ 1818 году появились первые восемь томовъ „Исторіи государства россійскаго", Пушкинъ высоко оцѣнилъ въ этомъ трудѣ „не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ

[1]) Письмо къ С. П. Шевыреву, „Вѣстникъ Европы", 1871, XI, 343.

честнаго человѣка, уединившагося въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившаго цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ“ (V, 41). Впослѣдствіи Пушкинъ горячо отстаивалъ Исторію Карамзина противъ нападокъ Полевого и посвятилъ памяти исторіографа свою „Комедію о царѣ Борисѣ“, — „трудъ, геніемъ его вдохновленный“. Озлобленіе противъ редактора „Вѣстника Европы“, Каченовскаго, вызвавшее у Пушкина столько рѣзкихъ эпиграммъ, въ значительной степени объясняется нападками придирчиваго критика на исторію Карамзина.

Впрочемъ, уже при появленіи „Исторіи“ Пушкинъ видѣлъ ея слабыя стороны и далеко не безусловно передъ нею преклонялся. Въ отрывкахъ изъ своей автобіографіи, говоря о толкахъ, вызванныхъ появленіемъ „Исторіи“, Пушкинъ вспоминаетъ, что основная мысль карамзинскаго труда возбудила негодованіе среди „молодыхъ якобинцевъ“ — будущихъ декабристовъ, которые пародировали Тита Ливія слогомъ Карамзина. Конечно, подъ вліяніемъ этихъ якобинцевъ Пушкинъ написалъ извѣстную свою эпиграмму: „Въ его исторіи изящность, простота“, о которой онъ замѣчаетъ: „Мнѣ приписали *одну изъ лучшихъ* русскихъ эпиграммъ“. Впрочемъ, онъ тутъ же и сознается, что эта эпиграмма — не лучшая черта его жизни: конечно, потому, что она была написана въ минуту личнаго неудовольствія противъ исторіографа. „Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе (самолюбіе?), и мою сердечную къ нему привязанность“, — писалъ Пушкинъ по этому поводу, много лѣтъ спустя: „до сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить“ (VII, 182). Размолвка, можетъ быть, была вызвана однимъ изъ тѣхъ споровъ, о которыхъ Пушкинъ разсказывалъ въ своихъ запискахъ: Карамзинъ защищалъ „свои любимые парадоксы“ о русской государственности, противъ которыхъ Пушкинъ горячо возражалъ...

Вообще, Карамзинъ относился къ молодому Пушкину благосклонно и снисходительно, смотрѣлъ на него какъ на увлекающагося юношу, въ шутку называлъ либераломъ, но при случаѣ не прочь былъ „отечески“ пожурить его за ту или другую выходку, показавшуюся слишкомъ неумѣстной. Большая разница въ годахъ и въ общественномъ положеніи не могла не сказываться, несмотря на добродушіе и сдержанность Карамзина. Заступаясь за Пушкина по просьбѣ Чаадаева, Карамзинъ объявилъ, что дѣлаетъ это „въ послѣдній разъ“, и взялъ съ поэта слово — по крайней мѣрѣ два года ничего не писать противъ правительства. Этимъ и закончились личныя сношенія Пушкина съ Карамзинымъ, который, по словамъ Пушкина, въ послѣдніе годы былъ ему уже совершенно чуждъ (VI, 258). Высоко уважая его какъ писателя, Пушкинъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ него какъ отъ человѣка.

Обстоятельства, непосредственно предшествовавшія ссылкѣ Пушкина, довольно извѣстны; мы напомнимъ здѣсь только то, что говорилъ объ этомъ времени, пять лѣтъ спустя, онъ самъ, въ черновомъ наброскѣ прошенія къ государю (VII, 131—132). Въ обществѣ рас-

пространился слухъ, приведшій поэта въ крайнее отчаяніе. „Я считалъ себя погибшимъ въ глазахъ общества, — говоритъ онъ, — я готовъ былъ на все, и думалъ, — не долженъ ли я убить себя“... Чаадаевъ совѣтовалъ своему молодому другу оправдаться передъ правительствомъ; но Пушкинъ, сознавая безполезность оправданій, рѣшилъ, напротивъ, поступать такъ, чтобы вызвать со стороны правительства суровыя мѣры: „я жаждалъ Сибири или крѣпости, какъ возстановленія чести“, — говорилъ онъ, объясняя свое тогдашнее поведеніе. Благодаря Карамзину и Жуковскому, дѣло кончилось иначе: Пушкина отправили на югъ, къ генералу Инзову, при чёмъ даже въ офиціальной, Высочайше утвержденной бумагѣ похвалили „величайшія красоты концепціи и слога“ въ той самой „Одѣ на вольность“, которая была одной изъ причинъ ссылки поэта!...

Морозовъ.

Пушкинъ на югѣ.

Первое время ссылки было для Пушкина вовсе не тягостно. Случайная встрѣча съ семействомъ Раевскихъ, путешествіе съ ними на Кавказъ, жизнь въ Крыму и у Давыдовыхъ въ Каменкѣ — все это дало поэту много новыхъ впечатлѣній, а новые люди, встрѣченные имъ здѣсь, скоро заставили его позабыть своихъ петербургскихъ пріятелей изъ „золотой молодежи“ — добрыхъ малыхъ, но совершенно беззаботныхъ по части литературныхъ и умственныхъ интересовъ; къ тому же, и сами эти пріятели не особенно старались напоминать о себѣ: „преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ“, писалъ Пушкинъ объ этомъ времени. „Общество наше — разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей, извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ“... Но послѣ этого оживленнаго интермеццо еще болѣе мрачною и душною должна была показаться юношѣ-поэту жизнь въ пустынной для него Бессарабіи, гдѣ онъ скоро почувствовалъ всю тяжесть одиночества. Единственнымъ развлеченіемъ становятся для него шутки надъ полуазіатами, молдавскими „куконами“, и разныя шалости, за которыя Инзовъ такъ часто сажалъ его подъ арестъ; единственною отрадою — переписка съ петербургскими друзьями изъ круга литературнаго, съ братомъ, съ княземъ Вяземскимъ, Гнѣдичемъ, Дельвигомъ, Плетневымъ. Литературные интересы пробуждаются въ немъ съ новою силою; онъ начинаетъ внимательно слѣдить за журналами и вообще много читаетъ, стараясь

вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Онъ перечитываетъ критическія статьи, вызванныя появленіемъ „Руслана и Людмилы", пишетъ на нихъ замѣчанія, задаетъ вопросы, освѣдомляется о судьбѣ своихъ стихотвореній, посланныхъ въ Петербургъ, безпокоится насчетъ цензуры, проситъ высылать ему журналы, книги, стихи. Грустное чувство одиночества, горькое разочарованіе въ людяхъ, для которыхъ поэтъ пѣлъ свои вольнолюбивыя пѣсни, и которые съ такимъ робкимъ эгоизмомъ отвернулись отъ него, когда „средь оргій жизни шумной" его постигнулъ остракизмъ, презрѣніе къ этому пустому обществу, связанному предразсудками, состоящему изъ людей корыстныхъ или самодовольныхъ глупцовъ — вотъ преобладающій мотивъ душевнаго настроенія Пушкина въ годы его кишеневской жизни:

Пиры, любовницы, друзья
Исчезли съ милыми мечтами;
Одинъ, одинъ остался я!
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами...
. . . .
Я говорилъ предъ хладною толпой;
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный, —
Я замолчалъ...
. . . .
Вездѣ яремъ, сѣкира, иль вѣнецъ,
Вездѣ злобный иль малодушный,
Предразсужденья —
Тиранъ, — льстецъ, —
Предразсужденій рабъ послушный... (I, 287).

Этому настроенію вполнѣ соотвѣтствовалъ мрачный разочарованный тонъ поэзіи Байрона, съ которою Пушкинъ познакомился въ это время и которая слишкомъ сильно задѣвала струны его собственнаго сердца, чтобы не отразиться въ его произведеніяхъ. Въ эту пору былъ написанъ „Кавказскій Плѣнникъ", первая поэма Пушкина, въ которой замѣтно сказалось байроновское вліяніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразились личныя чувства самого автора. Пушкинъ самъ указываетъ на эту личную сторону поэмы. „Характеръ Плѣнника неудаченъ, — говоритъ онъ въ письмѣ В. П. Горчакову (VII, 25): — это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души"... Признавая всѣ недостатки своего произведенія, поэтъ все-таки прибавляетъ: „люблю его, самъ не зная за что; въ немъ есть стихи моего сердца". И дѣйствительно, нельзя не признать именно такими стихами, напримѣръ, слѣдующіе:

Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви — безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ;
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и къ лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою,
И съ вѣрой, съ пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ. (II, 280).

Байронизмъ и романтическія мечты о свободѣ отразились также и въ отношеніяхъ Пушкина къ греческому возстанію, въ то время только что начавшемуся, и къ карбонарскому движенію итальянцевъ. Восторженно привѣтствуя эти политическія движенія, Пушкинъ готовъ былъ видѣть въ нихъ, по примѣру Байрона, зарю новой жизни для Европы, воскресеніе свободы, повсюду подавленной реакціей Священнаго Союза:

Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но нѣтъ, — мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся,
И я скажу: Христосъ воскресъ! (VII, 21).

Скоро, однакоже, присмотрѣвшись поближе къ греческому возстанію и его вождямъ, Пушкинъ сталъ разочаровываться. „Дѣло Греціи меня живо трогаетъ, писалъ онъ въ 1823 году: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ мизераблей выпала священная обязанность быть защитниками свободы“ (VII, 67). А еще годъ спустя, онъ отзывался о грекахъ еще рѣзче: „Греція мнѣ огадила... Іезуиты натолковали намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ, и мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы“... (VII, 80). Съ отъѣздомъ изъ Одессы, Пушкинъ какъ будто бы совсѣмъ пересталъ интересоваться греческимъ возстаніемъ; по крайней мѣрѣ, ни въ его сочиненіяхъ ни въ перепискѣ мы не встрѣчаемъ уже ни слова о Греціи, даже и тогда, когда она завоевала себѣ свободу и политическую самостоятельность. Такимъ образомъ, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что увлеченіе Греціей было только подсказано Пушкину Байрономъ, отъ котораго онъ, по собственному его выраженію, въ то время, „съ ума сходилъ“ (V, 121), и прошло безслѣдно, когда Пушкинъ пережилъ свой байронизмъ.

Годы кишиневской и затѣмъ одесской жизни поэта были для него вообще эпохою „бурныхъ стремленій“, своего рода Sturm-und Drang Periode противорѣчій и разочарованій. „Сближеніе съ Александромъ Раевскимъ, который своимъ холоднымъ, скепическимъ умомъ напоминалъ Чаадаева, конечно, немало содѣйствовало развитію въ Пушкинѣ отрицательнаго взгляда на жизнь; недаромъ же поэтъ посвятилъ своему другу стихотвореніе „Демонъ“:

Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ,
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ...

Въ объясненіи къ этому стихотворенію онъ говоритъ, что „въ лучшее время жизни сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекрас-

наго, легковѣрно и нѣжно; мало-по-малу вѣчныя противорѣчія существенности (т.-е. противорѣчія дѣйствительности съ идеаломъ) рождаютъ въ немъ сомнѣніе, — чувство мучительное, но не продолжительное. Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души"... (II, 292). Неудовлетворенность окружающею жизнью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исканіе какихъ-нибудь положительныхъ нравственныхъ основъ для дальнѣйшаго существованія — вотъ сущность того душевнаго процесса, какой переживалъ въ то время Пушкинъ на переходѣ отъ юношества къ болѣе зрѣлому возрасту, — сущность этого „логическаго романа", который неизбѣжно переживается каждымъ мыслящимъ человѣкомъ. Эти блужданія оставили яркій свѣтъ въ литературной дѣятельности поэта. Онъ то увлекается байроновскими героями и рисуетъ Гирея, надъ которымъ такъ ядовито смѣялся А. Раевскій (V, 121), то возвращается къ темѣ „Руслана" и создаетъ планъ фантастической поэмы изъ древне-русскаго міра, на маперъ Аріосто (дѣйствующія лица — Илья Муромецъ, Мстиславъ и косожская царевна-амазонка Армида), то мечтаетъ о поэмѣ или драмѣ „Вадимъ", — на этотъ разъ, конечно, подъ вліяніемъ своихъ друзей, будущихъ декабристовъ (и въ особенности — Рылѣева), которые идеализировали легендарнаго представителя древне-славянской вольности; задумываетъ другую поэму (а можетъ быть — драму) изъ эпохи стрѣлецкаго бунта, но вовсе не политическаго содержанія (II, 320—321); издѣваясь надъ вошедшимъ въ моду ханжествомъ, пишетъ поэму въ стилѣ Вольтера и Парни, полную крайняго религіознаго вольнодумства и въ то же время обаятельную по прелести стиха (II, 342); наконецъ опять возвращается къ Байрону и сначала въ лицѣ Онѣгина изображаетъ „москвича въ гарольдовомъ плащѣ", а затѣмъ даетъ, въ лицѣ Алеко, типъ, въ которомъ съ особенною рельефностью отразились наиболѣе характерныя черты байроновскихъ героевъ — презрѣніе къ людямъ съ ихъ рабскою и безнравственною цивилизаціей и стремленіе къ простой, безыскусственной природѣ. Припомнимъ монологъ Алеко, — его обращеніе къ сыну:

Расти на волѣ, безъ уроковъ,
Не знай стѣснительныхъ палатъ
И не мѣняй простыхъ пороковъ
На образованный развратъ...

Поэтъ не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ для этой ничтожной и пустой толпы, называющейся „обществомъ", для этихъ людей, которые „любви стыдятся, мысли гонятъ — и просятъ денегъ да цѣпей": это — не болѣе, какъ стадо, котораго не пробудитъ призывъ чести, и среди котораго „сѣятель свободы" только напрасно сталъ бы терять время, благія мысли и труды. Если и уцѣлѣла гдѣ-нибудь, случайно, „капля блага", то она все-таки недоступна: „тамъ на стражѣ — иль просвѣщеніе (т.-е. образованный развратъ), иль тиранъ"...

Тотъ же безотрадный взглядъ высказывается и въ наставленіяхъ Пушкина своему младшему брату: „будь о людяхъ самаго худшаго мнѣнія; не суди о нихъ по внушеніямъ своего добраго и благороднаго

сердца, которое еще очень молодо; презирай ихъ какъ можно вѣжливѣе.. Со всѣми будь холоденъ", и пр. (VII, 43).

Впрочемъ, поэтъ уже сознавалъ, что въ этомъ отчужденіи отъ людей главная роль принадлежитъ эгоизму, и высказалъ это въ поучительномъ обращеніи стараго цыгана къ Алеко.

Ты для себя лишь хочешь воли...

Отрицательное міровоззрѣніе не удовлетворяло Пушкина; онъ чувствовалъ, что оно оставляетъ пустоту въ сердцѣ, и что жизнь безъ положительныхъ цѣлей и стремленій не имѣетъ цѣны; что если человѣкъ дѣйствительно хочетъ воли, то долженъ хотѣть ея не для себя только, но и для другихъ. Но что значитъ хотѣть воли, и что можетъ дать ее? Вотъ основной вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ вся дальнѣйшая дѣятельность на поприщѣ общественномъ, — а поэтъ уже сознавалъ себя общественнымъ дѣятелемъ, и во время своихъ вольныхъ и невольныхъ скитаній по Россіи могъ воочію убѣдиться, какъ высоко его цѣнятъ и какъ много отъ него ждутъ всѣ грамотные люди. Идеалъ „просвѣщенной свободы", о которомъ онъ мечталъ въ юности, подсказывалъ ему средство для достиженія этой высокой цѣли — въ просвѣщеніи, въ „пробужденіи добрыхъ чувствъ"; работать въ этомъ направленіи на поприщѣ, на которое онъ былъ призванъ, на поприщѣ литературы, — Пушкинъ и считалъ нравственною обязанностью писателя, который, по его словамъ, долженъ быть всегда впереди, и не впадать въ малодушіе при неудачахъ. Этому идеалу онъ и остался вѣренъ въ продолженіе всей своей жизни. Но по свойствамъ своего характера онъ далеко не былъ тѣмъ, что называется „цѣльной натурой": русская жизнь вообще, а въ его время въ особенности, вовсе не благопріятствовала выработкѣ такихъ цѣльныхъ натуръ, людей aus einem Guss (много ли подобныхъ типовъ представляетъ и теперь наша литература?). Оттого-то, въ минуты вдохновеннаго творчества, въ немъ часто пробуждались прежнія сомнѣнія, вносили въ его душу разладъ, приводили къ разочарованію, заставляли замыкаться въ самомъ себѣ, и съ презрѣніемъ, подобно Алеко, отвертываться отъ толпы, равнодушной къ усиліямъ литературы.

Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь... (1823)
. . . .
Въ развратѣ каменѣйте смѣло,
Не оживитъ васъ лиры гласъ! (1828).

Затѣмъ въ поэтѣ снова воскресала вѣра и снова звала его „въ набѣги просвѣщенія, на приступы образованности", къ борьбѣ на литературной аренѣ, которую онъ такъ сильно желалъ и такъ тщетно старался расширить. Такихъ противорѣчій, приливовъ и отливовъ, у Пушкина было немало. Чтобы правильно понять и оцѣнить ихъ, необходимо имѣть въ виду характеръ поэта, событія его личной

жизни и общій духъ того времени, въ особенности же — тѣ условія, въ какія было поставлено тогда развитіе нашей литературы. Постараемся же взглянуть на тогдашнюю литературу съ точки зрѣнія Пушкина.

Тяжелымъ временемъ для русскихъ писателей была первая половина двадцатыхъ годовъ. „Литераторы", говоритъ Пушкинъ, вспоминая объ этой эпохѣ, — „были оставлены на произволъ цензурѣ своенравной и притѣснительной; *рѣдкое сочиненіе доходило до печати.* Весь классъ писателей (классъ важный у насъ, ибо, по крайней мѣрѣ, составленъ онъ изъ грамотныхъ людей) перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство его не хотѣло замѣчать, отчасти изъ великодушія, отчасти изъ непростительнаго небреженія"... (VII, 278). Между тѣмъ, въ обществѣ „либеральныя идеи сдѣлались необходимой вывѣской хорошаго воспитанія; подавленная литература превратилась въ рукописные пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни" (V, 43). Подобно тому, какъ университетская наука связана была изумительными требованіями обскурантовъ, — и печати старались указать самые тѣсные предѣлы и подчинить ее самой тягостной опекѣ. По мѣткому выраженію поэта, литературу обратили въ гаремъ, а цензора — въ докучнаго евнуха. Извѣстный Магницкій ревностно сочинялъ и проводилъ въ практику свои проекты „борьбы съ лжеумствованіями", — проекты, благодаря которымъ изъ скуднаго умственнаго обихода русскаго общества безпощадно вычеркивались цѣлыя области знанія. Сатиру, какъ говоритъ поэтъ, называли пасквилемъ, поэзію — развратомъ, гласъ правды — мятежемъ, Куницына — Маратомъ... Понятно, что при такихъ условіяхъ печатная литература не могла имѣть значенія просвѣтительной общественной силы; тѣмъ большее значеніе получала литература рукописная, въ которой самое видное мѣсто занимали произведенія Пушкина:

...Пушкина стихи въ печати не бывали, —
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали!

Любопытно, что рядомъ съ этими словами Пушкинъ поставилъ имя писателя, который впервые въ нашей литературѣ выступилъ съ горячимъ протестомъ противъ крѣпостного права:

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ.

То же имя вспомнилось ему двѣнадцать лѣтъ спустя, когда онъ говорилъ о своихъ заслугахъ передъ русскимъ обществомъ,

Вслѣдъ *Радищеву* возславилъ я свободу.

Дѣйствительно, идеалы обоихъ писателей были одинаковы. Какъ въ свое время книга Радищева жадно читалась въ рукописи, такъ и теперь стихи Пушкина въ сотняхъ и тысячахъ списковъ расходились по всѣмъ уголкамъ грамотной Россіи и, по свидѣтельству современниковъ, не было въ арміи прапорщика, который бы не зналъ ихъ

наизусть. Увлекательные по формѣ, эти гармоническіе звуки, неслыханные до тѣхъ поръ на русскомъ языкѣ, содержаніемъ своимъ отвѣчали завѣтнымъ мечтамъ русскаго общества, и поэтъ едва ли много преувеличивалъ, говоря, что въ послѣднія 5 или 10 лѣтъ александровскаго царствованія онъ имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство народнаго просвѣщенія, несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ. Цензура — это больное мѣсто литературы того времени — составляетъ предметъ постояннаго, хоть иногда и невольнаго, вниманія Пушкина. Еще въ самомъ раннемъ изъ напечатанныхъ его стихотвореній, въ посланіи „Къ другу стихотворцу“ (1814 года), поэтъ, предостерегая своего друга отъ литературныхъ увлеченій, совѣтуетъ ему брать примѣръ съ человѣка, не чувствующаго охоты къ стихамъ и не гуляющаго „по высотамъ Парнасса:“ такой человѣкъ счастливъ, между прочимъ, уже и потому, что „его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшитъ“. Въ имени Рамакова слѣдуетъ, кажется, видѣть анаграмму: „*Мараковъ*“ и намекъ на *марающую* цензуру. Въ пѣсенкѣ „Noël“, въ числѣ сказокъ, которыя разсказываетъ „отецъ“, есть обѣщанія и насчетъ цензоровъ:

Лаврову дамъ отставку,
А Сопа — въ желтый домъ...

Имена Бирукова „Грознаго“, Тимковскаго, впослѣдствіи Красовскаго, имѣвшія роковое значеніе для нашихъ писателей 20-хъ годовъ, можно сказать, не сходятъ у Пушкина съ языка:

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ, „не Русью пахнетъ“, —
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ...

„Пишу теперь новую поэму... Бируковъ ея не увидитъ за то, что онъ фи — дитя, блажной дитя“ (VII, 59). „Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія. Лучше объ ней и не думать“ (VII, 56). „Богатая мысль — напечатать „Наполеона“: да цензора... лучшія строфы потопутъ“ (VII, 122). „Vale sed delenda est censura“ (VII, 31).

Мелочныя придирки причиняли много непріятностей всѣмъ писателямъ, но Пушкину въ особенности, потому что за нимъ, какъ за человѣкомъ, явно неблагонадежнымъ, цензура считала нужнымъ смотрѣть внимательнѣе, чѣмъ за другими. Подозрительность ея простиралась даже на отдѣльныя слова: такъ, напримѣръ, ей не нравилось слово „вольнолюбивый“, несмотря на то, что, по замѣчанію Пушкина, „оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral, и притомъ слово прямо русское“ (VII, 24); не допускалось, въ стихотвореніи о земной любви, выраженіе: „небесный пламень“ (VII, 33). „Въ Кавказскомъ Плѣнникѣ“ Бируковъ ни за что не соглашался пропустить два стиха о черкешенкѣ:

Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала.

находя ихъ крайне неприличными и требуя, чтобы было напечатано: „Немного радостныхъ *ей дней* судьба на долю ниспослала“. Такъ и напечатали въ первомъ изданіи поэмы, несмотря на возраженія Пушкина, что нельзя сказать *ей дней* въ концѣ стиха, и что днемъ черкешенка не видалась съ плѣнникомъ. И чѣмъ же ночь неблагопристойнѣе дня — спрашивалъ поэтъ. — Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры?“ (VII, 53). Эти и другія подобныя придирки нерѣдко вызывали у Пушкина очень энергическія выраженія и заставляли его даже скрывать отъ цензуры свое имя; стихи его часто представлялись въ цензуру его друзьями, выдававшими за свои, и печатались безъ подписи: „старушку можно и обмануть, — писалъ поэтъ Бестужеву (VII, 32): не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого угодно; главное дѣло въ томъ, чтобы имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено“. Такимъ образомъ, поэтъ въ самомъ дѣлѣ былъ „послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ“, если для того, чтобы сберечь нѣсколько лишнихъ строчекъ въ томъ или другомъ стихотвореніи, ему приходилось отказываться даже отъ своего имени. Припомнимъ, наконецъ, его знаменитое „Первое посланіе къ цензору“, въ которомъ онъ такъ ярко изобразилъ печальное положеніе литературы и такъ энергично заявилъ требованіе просвѣщеннаго писателя (I, 365):

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать.

Но вотъ, въ 1824 году, во главѣ министерства народнаго просвѣщенія становится человѣкъ, который хотя и слыветъ старовѣромъ, но высказываетъ рѣшимость разорвать съ прошедшимъ и энергически приняться за новое дѣло. При всей исключительности взглядовъ и понятій Шишкова, онъ отличался неподкупною честностью своихъ убѣжденій и, несмотря на крайнее, зловѣщее раздраженіе обскурантовъ противъ пишущей братіи, требовалъ огражденія литературы отъ невѣжественнаго произвола ея суровыхъ опекуновъ. „Необходимо нужно, — говорилъ онъ, чтобы цензура составлена была изъ немалаго круга людей ученыхъ, честныхъ, благоразумныхъ, отъ которыхъ бы никакіе цвѣты не закрыли змѣю и, напротивъ, простая травка не казалась бы имъ змѣиными жалами... Слабая цензура будетъ пропускать вредныя внушенія, а строгая — не дастъ говорить ни уму ни правдѣ. Не довольно имѣть строгую цензуру, но надобно, чтобы она была *умная* и осторожная“.

Подобныя мысли, естественно, располагали представителей тогдашней литературы въ пользу ветерана-писателя, которому было ввѣрено главное управленіе цензурою. Пушкинъ, во второмъ посланіи къ цензору, указывая на „Наказъ“ Екатерины, какъ на лучшій законъ для цензуры, горячо привѣтствовалъ Шишкова именно какъ уцѣлѣвшаго

свидѣтеля екатерининскаго времени, и вслѣдъ за нимъ повторялъ своему офиціальному цѣнителю: „Будь строгъ, но будь *уменъ*". Но, соглашаясь, что Шишковъ оживилъ нашу литературу, Пушкинъ, въ то же время, не могъ скрыть своего недовѣрія къ ея силамъ. „Жаль, — говоритъ онъ: la coupe était pleine. Бируковъ и Красовскій невтерпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продолжаться... Я и радъ и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.* Оппозиція русская, составившаяся изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я исподтишка поддразнивалъ, ожидая чего-нибудь. А теперь какъ позволятъ NN говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя и что любовь есть священное чувство, — вся эта сволочь опять утомится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ"... (VII, 79, 81).

Въ самомъ дѣлѣ, трудно было надѣяться на силы этой литературы, въ которой еще все нужно было творить, начиная съ языка и слога, и которой еще не доставало самосознія въ видѣ критики. „Мы не имѣемъ ни единаго комментарія ни единой критической книги", — писалъ Пушкинъ въ 1825 году. „Литература кой-какая у насъ есть, а критики — нѣтъ". Эти слова въ примѣненіи къ тѣмъ жидкимъ и безсодержательнымъ обзорамъ „россійской словесности", какіе появлялись въ журналахъ двадцатыхъ годовъ, были совершенно справедливы, такъ какъ авторы этихъ обзоровъ стояли очень далеко позади литературнаго движенія. Представители стариннаго классицизма, строгіе литературные формалисты, ополчились на Пушкина за то, что онъ сразу и такъ рѣшительно отказался отъ преданій школьной піитики: они видѣли въ немъ главу новаго литературнаго направленія, — того нечестиваго „романтизма", отрицающаго пригодность тѣсныхъ рамокъ творчества, который казался имъ порожденіемъ сатанинскаго, революціоннаго духа. Нежеланіе подчинять поэтическое вдохновеніе мелочнымъ правиламъ допотопной „науки стихотворства" было въ глазахъ многихъ людей едва ли не равносильно отрицанію всякихъ правилъ общественнаго порядка, т.-е. — полной нравственной распущенности, при которой, говоря словами одного изъ литературныхъ староверовъ, поэзія обращается въ вертепъ разбойниковъ. Упорно замыкаясь въ тѣсномъ кругу отжившихъ теорій, критика 20-хъ годовъ, закоснѣлая въ сухомъ школьномъ педантизмѣ, продолжала твердить литературные зады и послѣдовательно договаривались до положеній самыхъ комическихъ. Дальше чисто-формальной, внѣшней точки зрѣнія она и не хотѣла ничего видѣть, да и не могла ничего разглядѣть, и молодыя литературныя силы, сплотившіяся вокругъ Пушкина (князь Вяземскій, А. Бестужевъ и др.), только напрасно тратили свое остроуміе на полемику въ защиту новаго литературнаго направленія въ защиту свободы поэтическаго творчества. Литературные „отцы и дѣти" говорили на разныхъ языкахъ; они слишкомъ далеко расходились между собою

въ воззрѣніяхъ на литературу — и какое бы то ни было соглашеніе представлялось, очевидно, невозможнымъ. Высокое художественное значеніе поэзіи Пушкина, точно такъ же какъ и его идеи, оставалось непонятнымъ и неоцѣненнымъ; поэтъ былъ совершенно правъ, говоря, что „у насъ критика не имѣетъ никакой самостоятельности, и почти никакого вліянія на судьбу литературныхъ произведеній"; она „можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія"; но эти статьи „являлись отдѣльно, на разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло". Какъ на характерную особенность литературныхъ сужденій своего времени, Пушкинъ указываетъ на отсутствіе общихъ руководящихъ началъ и на бездоказательность: „Критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно; а это дурно, потому что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь" (V, 108—112). Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе читатели того времени въ отношеніи къ литературѣ стояли далеко впереди критики, и своимъ непосредственнымъ чутьемъ умѣли цѣнить выдающіяся произведенія гораздо вѣрнѣе своихъ журнальныхъ руководителей. То же явленіе повторилось, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и въ 30-хъ годахъ, когда Пушкинъ выступилъ уже во всей силѣ и зрѣлости своего генія, когда онъ явился, во главѣ блестящей плеяды молодыхъ писателей творцомъ новой литературы, и когда остатки прежнихъ отжившихъ теорій были практически уже совершенно упразднены изъ литературнаго обихода.

При такомъ положеніи нашей критики, Пушкинъ, конечно, имѣлъ право не считаться съ ея мнѣніями и требованіями, не обращать на нихъ серіознаго вниманія, и если отвѣчалъ своимъ „журнальнымъ пріятелемъ", то только эпиграммами. Гораздо внимательнѣе относится онъ къ русской литературѣ, никогда не теряя вѣры въ ея будущее. Однимъ изъ важныхъ залоговъ будущаго развитія считалъ онъ отсутствіе въ нашей литературѣ той приниженности и лести, какою характеризуется, напримѣръ, литература французская, про которую Пушкинъ говорилъ, что она „родилась въ передней".— „Мы можемъ праведно гордиться,— писалъ онъ Бестужеву; наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія... Наши таланты благородны, независимы... О нашей лирѣ можно сказать, что Мирабо сказалъ о Сіиесѣ: son silence est une calamité publique (VII, 127).

Независимость — вотъ что больше всего цѣнилъ Пушкинъ въ писателѣ и чего онъ требовалъ отъ литературы вмѣстѣ съ признаніемъ свободы поэтическаго творчества. Но для того, чтобы писатель могъ быть свободенъ и независимъ въ своей дѣятельности, необходимо, чтобы литература пріобрѣла самостоятельное положеніе, чтобы она перестала быть пріятнымъ препровожденіемъ времени „въ досужные отъ занятій часы", и сдѣлалась бы жизненнымъ дѣломъ и источникомъ существованія для цѣлаго класса людей, всецѣло отдающихъ ей свои силы.

Наша литература 20-хъ годовъ еще очень далека была отъ такой самостоятельности. „Не должно русскихъ писателей судить какъ иноземныхъ,— говоритъ Пушкинъ: тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ, кромѣ меня,— изъ тщеславія. Тамъ ѣсть нечего, такъ служи, да не сочиняй" (VII, 171). Расширить кругъ читателей, вызвать въ обществѣ интересъ къ литературѣ, поставить ее, какъ службу общественную, на ряду съ службой государственной, которая одна только и признавалась въ то же время серіознымъ дѣломъ,— вотъ въ чемъ видѣлъ Пушкинъ ближайшую цѣль литератора и, высоко цѣня это званіе, самъ прежде другихъ и больше другихъ старался содѣйствовать возвышенію литературы. Изъ всѣхъ нашихъ писателей до Пушкина одинъ только Карамзинъ можетъ быть названъ литераторомъ въ нынѣшнемъ значеніи слова, потому что онъ посвятилъ себя исключительно литературному и научному труду, отъ котораго и получалъ средства къ жизни; онъ первый высказалъ мысль, что литература есть такое же серіозное и полезное занятіе, какъ и служба государственная, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по выраженію Пушкина, „показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ". Пушкинъ въ этомъ отношеніи явился прямымъ продолжателемъ Карамзина: подобно Карамзину, онъ считалъ авторство единственнымъ своимъ занятіемъ, своими произведеніями значительно увеличилъ число читателей и, смотря на литературу, какъ на великую силу образовательную, въ то время видѣлъ въ ней и „видъ частной промышленности, покровительствуемой законами" (VII, 279). Это покровительство законовъ должно прежде всего выражаться въ огражденіи права литературной собственности, которое, по отношенію къ Пушкину, очень часто и самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушалось. Не говоря уже о мелкихъ стихотвореніяхъ, которыя безнаказанно перепечатывались „альманашниками", со списковъ, часто искаженныхъ,— одинъ чиновникъ III Отдѣленія преспокойно перепечаталъ всего „Кавказскаго Плѣнника", прибавивъ къ поэмѣ нѣмецкій переводъ; Пушкинъ лишился такимъ образомъ трехъ тысячъ рублей, и нигдѣ не могъ найти управы на своевольнаго контрафактора. „Это былъ,— говоритъ поэтъ — первый примѣръ плутовства". За исключеніемъ „Исторіи" Карамзина, которой 3000 экземпляровъ было раскуплено въ одинъ мѣсяцъ, ни одно сочиненіе не вызвало на нашемъ книжномъ рынкѣ такого спроса, какъ произведенія Пушкина; такимъ образомъ, онъ практически содѣйствовалъ и оживленію книжной торговли, и установленію понятія о литературной собственности. „Ради Бога, не думайте,— говорилъ онъ,— чтобъ я сталъ смотрѣть на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риомача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно — просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, составляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость... Кромѣ независимости, я ничего не желаю, и увѣренъ, что, при помощи мужества и терпѣнія, въ концѣ концовъ добьюсь ея. Я поборолъ въ себѣ неохоту писать стихи для продажи; самый важный шагъ, такимъ образомъ, уже сдѣланъ. Правда, я пишу подъ каприз-

нымъ вліяніемъ вдохновенія; но разъ стихи написаны,— я смотрю на нихъ уже только какъ на товаръ, по стольку-то за штуку, и не понимаю, отчего друзья мои этимъ смущаются... Мнѣ надоѣло зависѣть отъ хорошаго или дурного пищеваренія того или другого начальника,— я хочу принадлежать самому себѣ...“ (VII, 77), „Смущеніе“ друзей Пушкина объясняется необычностью высказаннаго имъ взгляда на литературный трудъ, какъ на серіозную работу, которая должна быть оплачиваема. Они не могли понять, отчего Пушкинъ сердится на распространеніе его поэмъ въ рукописи раньше ихъ появленія въ печати; имъ казался страннымъ тонъ, какимъ дѣлалъ поэтъ свои предложенія журналистамъ: „Хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы („Кавказскій Плѣнникъ“)? Длиною въ 800 стиховъ, стихъ шириною — четыре стопы; разрѣзано на двѣ пѣсни. Дешево отдамъ, чтобы товаръ не залежался“ (VII, 25). Въ то время писатели почти на знали гонорара, да и заводить о немъ рѣчь считали неприличнымъ, говоря, что цѣнить вдохновеніе на деньги значить — унижать драгоцѣнный даръ божества. Пушкинъ первый посмотрѣлъ на дѣло съ практической точки зрѣнія и прямо указалъ, что вдохновенное творчество — само по себѣ, а печать и книжная торговля — сами по себѣ: и не только можно,

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать,—

но и должно, потому что писатель такимъ образомъ удовлетворяеть спросу публики, даетъ доходъ книгопродавцу и пріобрѣтаетъ средства, доставляющія ему независимость. Всѣ эти положенія, теперь уже для всякаго азбучныя, въ то время нужно было еще серіозно доказывать и отстаивать,— и заслуга Пушкина въ этомъ отношеніи не подлежитъ спору. Онъ практически показалъ, что русскій писатель имѣетъ возможность добиться независимаго и почетнаго положенія въ обществѣ внѣ той узкой служебной сферы, которая въ тѣ времена считалась единственно возможнымъ поприщемъ дѣятельности. Онъ сознавалъ, что для того, чтобы представители литературы могли упрочить за собою такое положеніе, необходимо прежде всего поднять уровень самой литературы и усилить интересъ къ ней въ обществѣ, а слѣдовательно,— сдѣлать это общество болѣе просвѣщеннымъ, развить въ немъ умственныя потребности. Въ этомъ и видѣлъ Пушкинъ ближайшую задачу русскаго писателя.

Такимъ образомъ, прежній романтически-мечтательный идеалъ „просвѣщенной свободы“ мало-по-малу принимаетъ для поэта опредѣленныя очертанія, осязательную форму, соотвѣтствующую насущнымъ, жизненнымъ потребностямъ русской дѣйствительности: и высокая цѣль и средства для ея достиженія все болѣе и болѣе выясняются.

При такомъ взглядѣ на положеніе и значеніе поэта, Пушкинъ, конечно, не могъ ужиться съ графомъ Воронцовымъ, который не хотѣлъ видѣть въ немъ ничего другого, кромѣ коллежскаго секретаря,

своего подчиненнаго, присланнаго на югъ для исправленія, и нерадиваго къ служебнымъ обязанностямъ. Положеніе Пушкина въ Одессѣ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ. Онъ, по собственнымъ его словамъ, „карабкался", просился хоть на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ, — но получилъ рѣшительный отказъ. „О, други, Августу мольбы мои неспте!" говоритъ онъ въ письмѣ къ брату, повторяя свой стихъ изъ посланія къ Овидію, — и тутъ же прибавляетъ: „Ты не приказываешь жаловаться па погоду — въ *августѣ* мѣсяцѣ, — такъ и быть; а вѣдь непріятно сидѣть взаперти, когда гулять хочется" (VII, 48). Въ началѣ 1824 года у поэта явилась даже мысль о побѣгѣ за границу: „Осталось одно, говоритъ онъ: писать прямо на его имя — такому-то въ З. Дв., что напротивъ П. Кр., не то — взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть Константинополь. Святая Русь мнѣ становится невтерпежъ"... То же мы видимъ и въ строфахъ первой главы „Онѣгина":

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! взываю къ ней...
Пора покинуть скучный брегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей,
Вздыхать о сумрачной Россіи...

Но исполненію этого плана помѣшала — любовь:

Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я...

Эта же могучая страсть, надолго оставившая слѣдъ въ душѣ поэта, повидимому, ускорила и перемѣну въ его судьбѣ. Личныя отношенія Пушкина къ графу Воронцову сдѣлались совсѣмъ невозможными, и поэтъ долженъ былъ отправиться „въ далекій сѣверный уѣздъ".

Морозовъ.

Въ сопровожденіи своего вѣрнаго Никиты, въ русской рубашкѣ и поярковой шляпѣ, имѣя въ карманѣ видъ на свободный проѣздъ и рекомендательное письмо гр. Каподистріи къ Инзову, мчался Пушкинъ на перекладныхъ по Бѣлорусскому тракту. Дорога длилась около десяти дней, и 16-го или 17-го мая онъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія, въ городъ Екатеринославъ, гдѣ находился новый его начальникъ, генералъ-лейтенантъ Иванъ Никитичъ Инзовъ. Сердечная доброта и дружеское участіе, съ какими принялъ этотъ достойный человѣкъ молодого изгнанника, въ значительной мѣрѣ облегчили послѣднему первыя тяжелыя минуты ссылки въ бѣдномъ городкѣ, какимъ былъ Екатеринославъ.

Счастливое стеченіе обстоятельствъ избавило Пушкина отъ долгаго пребыванія въ уныломъ провинціальномъ захолустьѣ: черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, катаясь въ лодкѣ по Днѣпру, онъ выкупался и схватилъ горячку. Одинокій, забытый всѣми, кромѣ старика

Никиты, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкой оледянѣлаго лимонада лежалъ больной поэтъ въ грязной жидовской хатѣ, гдѣ пріютился на время, пріѣхавъ въ Екатеринославъ. Въ такомъ положеніи нашелъ его молодой Раевскій, знавшій его еще въ то время, когда онъ изъ Лицея хаживалъ на пирушки гусарскихъ офицеровъ, стоявшихъ въ Царскомъ Селѣ, и уже имѣвшій случай оказать ему какія-то важныя услуги. Этотъ Раевскій былъ младшимъ сыномъ знаменитаго героя отечественной войны, генерала Николая Николаевича Раевскаго, извѣстнаго тѣмъ, что въ сраженіи при Салтановкѣ онъ вывелъ на поле битвы двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ, Александра и Николая, того самаго, о которомъ идетъ рѣчь. Генералъ Раевскій, проѣзжая съ семействомъ на Кавказъ, остановился на нѣсколько дней въ Екатеринославѣ, и тутъ-то сынъ его и разыскалъ больного пріятеля. Старикъ Раевскій былъ человѣкъ образованный; онъ былъ хорошо знакомъ съ отечественною словесностью, чѣмъ болѣе всего обязанъ своимъ сношеніямъ съ поэтами Давыдовымъ и Батюшковымъ, и умѣлъ цѣнить литературныя заслуги. Онъ былъ радъ оказать помощь больному поэту и съ удовольствіемъ согласился на предложеніе сына взять Пушкина съ собою на Кавказъ. Со стороны Инзова препятствій не встрѣтилось. Добрый старикъ, не колеблясь, далъ своему чиновнику отпускъ и принялъ на себя отвѣтственность за такое потворство, которое могло весьма не понравиться въ Петербургѣ. Сборы были не долги, и путешественники тронулись въ путь.

Общество, къ которому присоединился Пушкинъ, состояло, кромѣ самого генерала и его сына, о которыхъ уже говорено, еще изъ двухъ сестеръ послѣдняго, четырнадцатилѣтней Марьи Николаевны и Софьи Николаевны, бывшей еще ребенкомъ, и медика Рудыковскаго. При дѣвочкахъ находилась гувернантка-англичанка и компаньонка. Перемѣна мѣста, разнообразіе впечатлѣній и заботы доктора благопріятно отразились на здоровьѣ Пушкина: въ теченіе недѣли онъ оправился совершенно, и единственнымъ слѣдомъ перенесенной горячки осталась обритая голова, для прикрытія которой онъ носилъ ермолку или молдаванскую феску.

Въ началѣ іюня въ Пятигорскѣ къ путешествующему обществу присоединился старшій сынъ Раевскаго, Александръ Николаевичъ, отставной гвардейскій полковникъ. Знакомство съ этою выдающеюся личностью произвело на Пушкина сильное впечатлѣніе. Оригинальный, скептическій умъ, безпощадность сарказма и кажущаяся цѣльность и законченность міровоззрѣнія придавали Александру Раевскому какое-то обаяніе, противъ котораго не могли устоять даже люди, менѣе Пушкина склонные подчиняться чужому вліянію. О направленіи ума его лучше всего можно судить по тому, что многіе изъ современниковъ думали узнать портретъ Раевскаго въ Пушкинскомъ „Демонѣ". Слѣдуетъ замѣтить, что Раевскому обязанъ Пушкинъ ближайшимъ знакомствомъ съ Байрономъ, котораго до тѣхъ поръ зналъ только понаслышкѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что самая личность Раевскаго,

при эффектномъ освѣщеніи Байроновой поэзіи, производила на нашего поэта какое-то подавляющее дѣйствіе. Онъ считалъ своего друга человѣкомъ недюжиннымъ, предсказывалъ ему будущность, выходящую изъ ряда обыкновенныхъ, и безпрекословно покорялся его вліянію. Два мѣсяца, проведенные на Кавказѣ, въ постоянныхъ бесѣдахъ съ Александромъ Раевскимъ, въ обществѣ его брата и отца, въ которомъ Пушкинъ не только чтилъ героя, славу русскаго войска, но и любилъ человѣка безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ, яснымъ умомъ и простою прекрасною душой, — эти два мѣсяца навсегда остались для Пушкина однимъ изъ самыхъ поэтическихъ воспоминаній его жизни. Новизна обстановки увеличивала прелесть путешествія; величавая красота Кавказа, своеобычная жизнь полудикихъ народовъ, постоянный отголосокъ недалекой войны, многочисленные конвои, свидѣтельствующіе о близкой опасности, — все нравилось мечтательному воображенію поэта и давало ему массу впечатлѣній, которыя до поры до времени укладывались въ его памяти.

Окончивъ курсъ лѣченія у подножія Бештау, Раевскіе, кромѣ Александра, оставшагося на Кавказѣ, отправились на южный берегъ Крыма, и поэтъ нашъ послѣдовалъ за ними. Дорогой посѣтилъ онъ развалины Митридатова гроба и видѣлъ остатки Пантикапеи. Изъ Керчи путешественники наши поѣхали моремъ вдоль южнаго роскошнаго берега Крыма въ Гурзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Корабль плылъ въ виду горъ, покрытыхъ тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарская селенія. Наконецъ, показался Гурзуфъ. „Гурзуфъ есть очаровательный уголокъ южнаго крымскаго берега, нынѣ извѣстный богатыми виноградниками. Онъ лежитъ на восточной оконечности южнаго берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Горы небольшимъ полукругомъ облегаютъ тамошнее море. Съ сѣвера его загораживаетъ Чатырдагъ; съ востока Аюдагъ заслоняетъ отъ палящихъ лучей солнца; оттого въ Гурзуфѣ такой превосходный, умѣренный климатъ и такая роскошь растительности... Гурзуфъ расположенъ на скатѣ. Лучшая дача принадлежала тогда бывшему одесскому генералъ-губернатору герцогу Ришелье, который и предложилъ ее на лѣтнее житье своему товарищу по военной службѣ, генералу Раевскому. Это былъ довольно большой двухъэтажный домъ, съ двумя балконами, однимъ на море, другимъ въ горы, и съ обширнымъ садомъ. Кругомъ и ближе къ морю разбросана татарская деревушка“.

Въ Гурзуфѣ нашихъ путниковъ ожидали остальные члены семейства Раевскаго: супруга его, Софья Алексѣевна, и двѣ дочери — Екатерина Николаевна, о которой Пушкинъ писалъ брату, что она женщина необыкновенная, и скромная, серіозная шестнадцатилѣтняя красавица, Елена Николаевна. Въ Гурзуфѣ Пушкинъ провелъ три недѣли. Дружеское отношеніе къ нему всѣхъ спутниковъ и спутницъ, серіозныя бесѣды съ Екатериной Николаевной о литературѣ, съ самимъ генераломъ, живымъ памятникомъ Екатерининскаго вѣка, — объ отечественной исторіи, изученіе англійскаго языка съ помощью младшаго

Раевскаго, прогулки, катанья и другія развлеченія въ веселомъ и умномъ обществѣ — все это навсегда оставило въ Пушкинѣ самое отрадное воспоминаніе.

Въ Гурзуфѣ же его посѣтила любовь. Имя той, которая возбудила это чувство, осталось неназваннымъ; поэтъ сумѣлъ сберечь любовь свою отъ постороннихъ взоровъ, и о предметѣ ея можно только догадываться. Любовь эта идеальная и чистая, безъ надежды, безъ бурныхъ порывовъ, ясная и спокойная, не помрачала того безмятежнаго счастія, которымъ наслаждался Пушкинъ въ Гурзуфѣ. „Суди, былъ ли я счастливъ", пишетъ онъ брату изъ Кишинева отъ 24-го сентября: „свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которою никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе, — горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда — увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго"... То же настроеніе звучитъ и въ письмѣ къ Дельвигу: „Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ", пишетъ онъ, „и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество".

Кипарисъ этотъ пережилъ Пушкина. Онъ существуетъ до сихъ поръ, и жители Гурзуфа почтили память поэта трогательнымъ преданіемъ, донынѣ переходящихъ изъ устъ въ уста. Они разсказываютъ, что когда поэтъ приходилъ посидѣть подъ тѣнью любимаго дерева, то прилеталъ соловей и пѣлъ ему свои пѣсни. Поэтъ уѣхалъ, но соловей продолжалъ ежегодно прилетать на прежнее мѣсто. Когда же Пушкина не стало, — умолкъ и соловей на вѣтвяхъ кипариса.

Изъ Гурзуфа старикъ Раевскій съ сыномъ уѣхалъ раньше жены и дочерей. Пушкинъ тоже присоединился къ нимъ. Остальные члены семьи Раевскаго, оставшіеся на время въ Гурзуфѣ, нагнали ихъ на пути. Проѣзжая Бахчисарай, вновь соединившееся общество осматривало остатки ханскаго дворца, гдѣ испорченный фонтанъ и развалины гарема особенно привлекли вниманіе поэта; затѣмъ всѣ вмѣстѣ тронулись въ обратный путь. Пушкинъ проводилъ своихъ друзей до с. Каменки, Кіевской губ., гдѣ жила мать генерала Раевскаго, по второму мужу Давыдова, съ двумя сыновьями своими отъ второго брака, Александромъ и Василіемъ Львовичами.

Въ Каменкѣ Пушкинъ долго оставаться не могъ; пора было возвратиться къ Инзову. Онъ распростился съ милымъ семействомъ, къ которому успѣлъ всею душой привязаться, и отправился къ мѣсту своего служенія, увозя тоску разлуки въ сердцѣ, а въ головѣ — богатый запасъ поэтическаго матеріала.

Покуда Пушкинъ странствовалъ по Кавказу и Крыму, имя его гремѣло въ обѣихъ столицахъ. Причиной этого было появленіе въ свѣтъ „Руслана и Людмилы". Уѣзжая изъ Петербурга, онъ не

успѣлъ окончить печатаніе своей поэмы и оставилъ ее на попеченіе своего брата Льва, который въ то время былъ еще въ благородномъ пансіонѣ при педагогическомъ институтѣ, и его товарища С. А. Соболевскаго. Въ хлопотахъ по изданію юношамъ помогали А. Н. Оленинъ и Н. И. Гнѣдичъ. Общими стараніями поэма была издана, и появилась въ свѣтъ во второй половинѣ мая 1820 года, когда авторъ ея уже былъ далеко. Публика приняла „Руслана и Людмилу“ съ восторгомъ; очарованная роскошью фантазіи и живою прелестью разсказа, она упивалась дивною причудой молодого генія, не мудрствуя лукаво о томъ, къ какому роду произведеній слѣдуетъ причислить эту литературную новость. Не такъ отнеслась критика. Поклонники старины пришли въ ужасъ и разразились негодованіемъ; горячіе нападки вызвали не менѣе горячую защиту; завязалась ожесточенная борьба, до виновника которой долетали только слабые ея отголоски.

А онъ, между тѣмъ, изъ Каменки проѣхалъ въ Кишиневъ; во время его отсутствія былъ переведенъ и Попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края. Причиной этого перевода было назначеніе Инзова намѣстникомъ Бессарабской области, что и побудило его переселиться на жительство въ Кишиневъ. Пушкинъ былъ очень доволенъ этою перемѣной, такъ какъ Кишиневъ съ его многочисленнымъ пестрымъ населеніемъ и своеобразною жизнью въ сравненіи съ безлюднымъ Екатеринославомъ представлялъ несравненно болѣе интереса для молодого человѣка, привыкшаго къ обществу.

Двадцать перваго сентября прибылъ Пушкинъ въ Кишиневъ и пріютился въ мазанкѣ русскаго переселенца, Ивана Николаева. По пріѣздѣ въ Кишиневъ Пушкинъ сразу очутился въ кругу совершенно незнакомыхъ личностей. Но природная общительность характера вывела его изъ этого затрудненія, и онъ очень скоро перезнакомился и освоился съ окружающими. Первымъ поводомъ къ сближенію были служебныя отношенія. Съ непосредственнымъ начальникомъ своимъ, Иваномъ Никитичемъ Инзовымъ, Пушкинъ познакомился еще въ Екатеринославѣ и, несмотря на кратковременность этого знакомства, имѣлъ уже случай испытать на себѣ его доброту и чисто отеческую заботливость. Теперь онъ узналъ его еще ближе и могъ оцѣнить эту достойную личность. Инзовъ былъ человѣкъ образованный и начитанный; разговоръ его не былъ блестящъ, но зато отличался привѣтливостью, привлекавшею къ нему всѣхъ. Неподкупная честность, прямота характера, простота и мягкость въ обращеніи, соединявшаяся съ прекрасною душой, всегда готовою на всякое доброе дѣло, заслужили ему всеобщую любовь и уваженіе. Пушкинъ нашелъ въ Инзовѣ не строгаго начальника, но заботливаго друга, который, понявъ добрымъ сердцемъ своимъ всю тягость несоразмѣрнаго винѣ наказанія, всѣми силами старался облегчить участь молодого изгнанника. Онъ помѣстилъ его въ одномъ домѣ съ собою, ходатайствовалъ за него передъ начальствомъ, дозволялъ ему на свой страхъ отлучки изъ Кишинева и всегда старался затушить въ самомъ началѣ многочисленныя исторіи,

которыя безъ его вмѣшательства могли бы сильно повредить опальному поэту. Благодаря Инзову, много проказъ и шалостей Пушкина сходило ему съ рукъ безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ снисходительныхъ выговоровъ добраго старика, который при этомъ часто говаривалъ: „свернуть тебѣ голову, Александръ Сергѣевичъ!“ Трогательнымъ памятникомъ отеческаго къ Пушкину отношенія Инзова осталось письмо его къ Константину Яковлевичу Булгакову, писанное еще изъ Екатеринослава по поводу поѣздки на Кавказъ: „Милостивый государь мой, Константинъ Яковлевичъ“, пишетъ онъ: „доставленныя отъ васъ тысячу рублей для г. Пушкина я получилъ, которыя къ нему отправлю на кавказскія воды. Разстроенное его здоровье въ столь молодыя лѣта и непріятное положеніе, въ коемъ онъ по молодости находится, требовали, съ одной стороны, помощи, а съ другой, безвредной разсѣянности, а потому отпустилъ я его съ генераломъ Раевскимъ, который въ проѣздъ свой туда чрезъ Екатеринославъ охотно взялъ его съ собою. При оказіи прошу сказать объ ономъ графу Ивану Антоновичу Каподистріи. Я надѣюсь, что за сіе меня не побранитъ и не назоветъ баловствомъ; онъ малый, право, добрый, жаль только, что скоро кончилъ курсъ наукъ; одна ученая скорлупа останется навсегда скорлупою...“ Не меньшимъ доброжелательствомъ дышитъ письмо Инзова, написанное нѣсколько позже (28 апрѣля 1821 года) въ отвѣтъ на запросъ гр. Каподистріи о поведеніи Пушкина: „Милостивый государь, графъ Иванъ Антоновичъ! На почтеннѣйшій отзывъ вашего сіятельства отъ (14) 26 апрѣля, я пріемлю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что присланный ко мнѣ изъ С.-Петербурга коллежскій секретарь Пушкинъ, живя въ одномъ со мною домѣ, ведетъ себя хорошо и, при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ, не оказываетъ никакого участія въ сихъ дѣлахъ. Я занялъ его переводомъ на русскій языкъ составленныхъ по-французски молдавскихъ законовъ, и тѣмъ, равно другими упражненіями по службѣ, отнимаю способы къ праздности... Въ бытность его въ столицѣ онъ пользовался отъ казны 700 рублями на годъ; но теперь, не получая сего содержанія и не имѣя пособій отъ родителя, при всемъ возможномъ отъ меня вспомоществованіи, терпитъ, однакожъ, иногда недостатокъ въ приличномъ одѣяніи. По сему уваженію я долгомъ считаю покорнѣйше просить распоряженія вашего, милостивый государь, къ назначенію ему отпуска здѣсь того жалованья, какое онъ получалъ въ С.-Петербургѣ“... Пушкинъ съ своей стороны платилъ Инзову самою искреннею привязанностью и уваженіемъ. Въ запискахъ его находимъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ благодарному воспоминанію о добромъ начальникѣ: „Инзовъ меня очень любилъ“, пишетъ онъ, „и за всякую ссору съ молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ — скуки ради — французскіе журналы... Генералъ Инзовъ — добрый, почтенный... Онъ русскій въ душѣ. Онъ не предпочитаетъ перваго англійскаго шелопая своимъ соотечественникамъ. Онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ ихъ; не боится

насмѣшекъ, потому что выше ихъ, и никогда не подвергается заслуженной колкости, потому что онъ со всѣми вѣжливъ"...

Знакомство Пушкина съ кишиневскимъ обществомъ началось съ его сослуживцевъ — чиновниковъ канцеляріи Инзова.

Кишиневское общество, столь разнообразное по своему составу и столь оригинальное по образу своей жизни, нравилось молодому поэту.

Противовѣсомъ пошлости и пустотѣ кишиневской жизни является для Пушкина военный кружокъ, состоявшій изъ людей образованныхъ и умныхъ, изъ которыхъ многіе имѣли весьма серіозное вліяніе на нашего поэта.

Общество этихъ образованныхъ и серіозныхъ людей имѣло на Пушкина благотворное вліяніе. Здѣсь затѣвались горячіе споры и затрогивались серіозные вопросы. Слѣдствіемъ постояннаго общенія съ людьми образованными было то, что Пушкинъ яснѣе сознавалъ всю несостоятельность своего собственнаго образованія и, движимый отчасти самолюбіемъ, отчасти природною любознательностью, усиленно старался пополнить пробѣлы своихъ знаній. По свидѣтельству офицера Липранди, для этой цѣли онъ прибѣгалъ даже къ хитрости: если разговоръ касался предмета, мало ему извѣстнаго, онъ тотчасъ же вмѣшивался въ споръ и искусно поставленными вопросами заставлялъ своего собесѣдника высказываться о томъ, что̀ его интересовало. Помимо этой уловки, онъ обращался и къ книгамъ. Послѣ всякаго интереснаго спора, онъ доставалъ себѣ сочиненіе, трактующее о затронутомъ вопросѣ, и прочитывалъ его самымъ внимательнымъ образомъ. Въ этомъ стремленіи къ самообразованію особенно поддерживали Пушкина А. Ѳ. Вельтманъ и В. Ѳ. Раевскій, преимущественно послѣдній. Ни съ кѣмъ не спорилъ Пушкинъ такъ горячо, какъ съ нимъ, и никто лучше его не умѣлъ натолкнуть поэта на глубокіе вопросы жизни, политики и искусства. Слѣдствіемъ всего этого было то, что Пушкинъ сталъ смотрѣть серіознѣе и на себя и на свое призваніе. Онъ принялся читать внимательно и много. Для этого онъ бралъ книги у Инзова, у Орлова, главнымъ же образомъ у Липранди, обладавшаго довольно обширною библіотекой, по преимуществу этнографическаго и историческаго содержанія. Но, помимо всѣхъ этихъ научныхъ сочиненій, настольною книгой Пушкина былъ Байронъ.

Пустота и безсодержательность кишиневской жизни нерѣдко тяготили Пушкина, и тогда онъ запирался дома и искалъ спасенія въ своихъ кабинетныхъ трудахъ. Онъ жилъ въ это время въ нижнемъ этажѣ дома, занимаемаго Инзовымъ. Ему отведены были двѣ небольшія комнаты съ рѣшетчатыми окнами, выходившими въ садъ. Видъ изъ оконъ былъ прекрасный. Обстановку одной изъ комнатъ составляли: столъ у окна, нѣсколько стульевъ, кровать и голубыя стѣны, облѣпленныя восковыми пулями — слѣды упражненій хозяина въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Въ другой комнатѣ жилъ Никита. Таково было жилище Пушкина, куда спасался онъ отъ праздной суеты общественной жизни. Здѣсь предавался онъ чтенію или писалъ. Поэтическаго матеріала

у него накопилось много. Не говоря уже о впечатлѣніяхъ, вывезенныхъ съ Кавказа и Крыма, которымъ онъ далъ мѣсто въ своихъ поэмахъ, — въ самомъ Кишиневѣ было много такого, что̀ говорило воображенію. Пѣсни, преданія и разсказы бессарабскихъ туземцевъ и разныхъ выходцевъ, въ особенности сербовъ, которыхъ во вторую половину пребыванія поэта въ Кишиневѣ появилось множество, живо интересовали Пушкина. Онъ собиралъ и записывалъ все, что ему казалось достойнымъ вниманія. Но, къ сожалѣнію, изъ этой богатой коллекціи сохранилось весьма немного: остальное онъ все растерялъ, не успѣвъ воспользоваться. Извѣстно, что многія его произведенія, какъ напримѣръ „Черная шаль“, пѣсня „Рѣжь меня, жги меня“ въ „Цыганахъ“, отчасти „Кирджали“ и многія другія, обязаны своимъ происхожденіемъ именно этимъ кишиневскимъ впечатлѣніямъ.

Но къ усидчивому труду Пушкинъ еще мало былъ способенъ. Не надолго удавалось ему запереться въ своемъ кабинетѣ, — и онъ возвращался къ шумной общественной жизни съ ея страстями и треволненіями. Когда же общество ему снова наскучивало, онъ выпрашивалъ у Инзова отпуски и уѣзжалъ на время изъ Кишинева или въ Одессу — подышать европейскимъ воздухомъ, — или въ Аккерманскія степи. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ Пушкинъ посѣтилъ устье Днѣпра, Аккерманъ и противолежащій Овидіополь; въ другую поѣздку, въ Измаилъ, онъ видѣлъ цыганское кочевье. Охотнѣе же всего бывалъ онъ у Давыдовыхъ въ Каменкѣ. Сюда влекли его радушный пріемъ хозяевъ, умное, просвѣщенное общество и дружба Раевскихъ.

Отлучки изъ Кишинева не могли повторяться очень часто, а между тѣмъ Пушкинъ начиналъ все болѣе и болѣе тяготиться кишиневскою жизнью. Многочисленныя его ссоры и столкновенія съ людьми различныхъ слоевъ общества не прошли безслѣдно, и онъ не могъ не замѣчать непріязненнаго къ нему отношенія многихъ изъ окружающихъ. Это его тяготило. Враговъ было много, а друзей — ни одного. Были, правда, пріятели изъ числа военныхъ, но ни съ однимъ изъ нихъ Пушкинъ не могъ сблизиться до настоящей дружбы, а между тѣмъ потребность въ ней ощущалась. Не съ кѣмъ было ему подѣлиться задушевными мыслями, некому открыть свою душу съ ея наболѣвшею тоской; не было такихъ друзей, какъ Кюхельбекеръ, Дельвигъ, Пущинъ, а ихъ-то именно и нужно было Пушкину. Все это томило бѣднаго изгнанника и порождало въ немъ душевный разладъ и недовольство собою и другими. Къ этому присоединялись и другія, чисто внѣшнія, причины, какъ напр., постоянное безденежье. Въ письмахъ его къ брату то и дѣло встрѣчаемъ жалобы на стѣсненныя обстоятельства и просьбы о высылкѣ денегъ.

Двадцать восьмого іюля 1823 года Инзовъ сдалъ свою должность графу М. С. Воронцову, и Пушкинъ, зачисленный въ канцелярію генералъ-губернатора, переѣхалъ въ Одессу.

Переходъ изъ Кишинева въ Одессу былъ сдѣланъ Пушкинымъ добровольно, но онъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что положеніе

его перемѣнилось къ худшему. Надо было быть сердечнымъ и гуманнымъ Инзовымъ, чтобы ладить съ такимъ чиновникомъ, какъ Пушкинъ. Новый начальникъ его, графъ Воронцовъ, сразу поставилъ себя въ строго офиціальныя отношенія со своими подчиненными. Для Пушкина не было сдѣлано исключенія. Высокомѣрный начальническій тонъ „милорда", какъ прозвалъ Пушкинъ Воронцова, оскорблялъ самолюбиваго поэта, претендовавшаго на привелигированное положеніе. Избалованный патріархальными отношеніями, царившими въ канцеляріи Инзова, онъ не могъ мириться съ новыми порядками: все его раздражало и приводило въ мрачное настроеніе духа. Не разъ пришлось пожалѣть о покинутомъ Кишиневѣ.

Одесское высшее общество не могло развлечь поэта въ его унынiи. Онъ уже отвыкъ отъ чопорности свѣтскихъ собраній, и ему трудно было отказаться отъ свободы обращенія, усвоенной въ Кишиневѣ. Поэтому въ обществѣ онъ показывался рѣдко, а если показывался, то бывалъ мраченъ и золъ. Веселость возвращалась къ нему только тогда, когда онъ бывалъ со своимъ новымъ знакомцемъ, мавромъ Али, или же когда встрѣчался съ кѣмъ-нибудь изъ старыхъ кишиневскихъ знакомыхъ. Изъ новыхъ знакомствъ, ожидавшихъ Пушкина въ Одессѣ, нельзя не упомянуть о г-жѣ Ризничъ. Встрѣча съ этою женщиною оставила въ душѣ Пушкина глубокое чувство, которое выразилось въ четырехъ чудныхъ стихотвореніяхъ.

Стихотворенія „Иностранкѣ", „Заклинаніе". „Для береговъ отчизны дальней", „Простишь ли мнѣ" служатъ выраженіемъ чувства, внушеннаго Пушкину красавицей-иностранкой. Таковы были сердечныя отношенія Пушкина къ Одессѣ.

А между тѣмъ отношенія его къ начальству становились все хуже и хуже. Презрительныя отзывы графа Воронцова о поэтическихъ занятіяхъ Пушкина подливали масла въ огонь. Плодомъ его озлобленнаго чувства было нѣсколько злыхъ эпиграммъ, изъ которыхъ едва ли не большая часть была имъ только сказана, но попала на бумагу и стала извѣстною. „Эпиграммы эти касались многихъ и изъ канцеляріи графа: такъ напр., эпиграмма на начальника отдѣленія, Артемьева, особенно отличалась своими убійственными, но вѣрными выраженіями. Стихи Пушкина на нѣкоторыхъ дамъ, бывшихъ на балу у графа, своимъ содержаніемъ раздражали всѣхъ. Начались сплетни, интриги, которыя еще болѣе тревожили поэта. Говорили, что будто бы графъ черезъ кого-то изъявилъ Пушкину свое неудовольствіе, и что это было поводомъ злыхъ стиховъ о самомъ графѣ. Услужливость нѣкоторыхъ тотчасъ распространила ихъ. Не нужно было искать, къ чьему портрету они мѣтили. Графъ не показалъ вида какого-либо негодованія, по прежнему приглашалъ Пушкина къ обѣду, по прежнему обмѣнивался съ нимъ нѣсколькими словами"... Но во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ слышалось уже скрытное раздраженіе.

Поводомъ къ взрыву послужило появленіе въ области саранчи. Для борьбы съ этимъ врагомъ понадобилась особая комиссія, и Во-

ронцовъ предложилъ Пушкину принять въ ней участіе. Этого было достаточно. Поэтъ почелъ предложеніе графа за обидную насмѣшку и отвѣтилъ дерзкимъ письмомъ. Раздосадованный „милордъ" тотчасъ же послалъ въ Петербургъ на имя графа Нессельроде слѣдующее письмо:

„Графъ! Вашему сіятельству извѣстны причины, по которымъ нѣсколько времени тому назадъ молодой Пушкинъ былъ посланъ съ письмомъ отъ графа Каподистріи къ генералу Инзову. Во время моего пріѣзда сюда генералъ Инзовъ предоставилъ его въ мое распоряженіе, и съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ Одессѣ, гдѣ находился еще до моего пріѣзда, когда генералъ Инзовъ былъ въ Кишиневѣ. Я не могу пожаловаться на Пушкина за что-либо; напротивъ, казалось, онъ сталъ гораздо сдержаннѣе и умѣреннѣе прежняго, но собственный интересъ молодого человѣка, не лишеннаго дарованій, и котораго недостатки происходятъ скорѣе отъ ума, нежели отъ сердца, заставляетъ меня желать его удаленія изъ Одессы. Главный недостатокъ Пушкина — честолюбіе. Онъ прожилъ здѣсь сезонъ морскихъ купаній и имѣетъ уже множество льстецовъ, хвалящихъ его произведенія; это поддерживаетъ въ немъ вредное заблужденіе и кружитъ его голову тѣмъ, что онъ замѣчательный писатель, въ то время, какъ онъ только слабый подражатель писателя, въ пользу котораго можно сказать очень мало (лорда Байрона). Это обстоятельство отдаляетъ его отъ основательнаго изученія великихъ классическихъ поэтовъ, которые имѣли бы хорошее вліяніе на его талантъ, въ чемъ ему нельзя отказать, и сдѣлали бы изъ него со временемъ замѣчательнаго писателя.

Удаленіе его отсюда будетъ лучшая услуга для него. Я не думаю, что служба при генералѣ Инзовѣ поведетъ къ чему-нибудь, потому что, хотя онъ и не будетъ въ Одессѣ, но Кишиневъ такъ близко отсюда, что ничто не помѣшаетъ его почитателямъ поѣхать туда; да и, наконецъ, въ самомъ Кишиневѣ онъ найдетъ въ молодыхъ болгарахъ и въ молодыхъ грекахъ дурное общество.

По всѣмъ этимъ причинамъ я прошу ваше сіятельство довести объ этомъ до свѣдѣнія государя и испросить его рѣшенія по оному.

Ежели Пушкинъ будетъ жить въ другой губерніи, онъ найдетъ болѣе поощрителей къ занятіямъ и избѣжитъ здѣшняго опаснаго общества. Повторяю, графъ, что я прошу это только ради его самого; надѣюсь, моя просьба не будетъ истолкована ему во вредъ, и вполнѣ убѣжденъ, что только, согласившись со мною, ему можно будетъ дать болѣе средствъ обработать его рождающійся талантъ, удаливъ его въ то же время отъ того, что ему такъ вредно, отъ ласки и столкновенія съ заблужденіями и опасными идеями. Имѣю честь пребыть и проч. Графъ Михаилъ Воронцовъ. Одесса 28 марта 1824 года".

Тринадцатаго іюля 1824 года выѣхалъ Пушкинъ изъ Одессы въ Михайловское, давъ подписку нигдѣ не останавливаться на пути и по пріѣздѣ во Псковъ явиться къ мѣстному начальству, которому былъ порученъ бдительный надзоръ за изгнанникомъ.

Нельзя не согласиться съ Липранди въ томъ, что удаленіе Пушкина изъ Одессы было для него большимъ счастіемъ, ибо вслѣдъ за его выѣздомъ поселился въ Одессѣ князь С. Т. Волконскій, женившійся на Раевской; пріѣхали оба графа Булгари, Поджіо и другіе; изъ Петербурга изъ гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Корниловичъ делегатомъ Сѣвернаго общества; изъ арміи являлись генералъ-лейтенантъ Юшневскій, полковники Пестель, Абрамовъ, Бурцевъ и другіе. Всѣ они посѣщали князя Волконскаго, и Пушкинъ, съ его мрачно-ожесточеннымъ духомъ, легко могъ быть свидѣтелемъ революціонныхъ замысловъ и невинно сдѣлаться жертвой общаго увлеченія. Судьба до времени хранила поэта. *Венкстернъ.*

Пушкинъ и Новороссійскій край.

Моя задача въ дѣятельности Пушкина найти моменты, о которыхъ умѣстно было бы напомнить во время празднованія памяти его здѣсь, въ Одессѣ, культурномъ центрѣ Новороссіи, а именно — хотя бы въ краткихъ чертахъ указать значеніе, какое имѣлъ Новороссійскій край въ жизни нашего величайшаго поэта, и, насколько это доступно, выяснить вліяніе, какое онъ оказалъ на Новороссію.

Недобровольный пріѣздъ Пушкина на югъ Россіи состоялся весною 1820 года. Въ это время Пушкинъ уже былъ высоко цѣнимъ въ кружкахъ нашихъ вліятельныхъ тогда литераторовъ; замѣтили его, къ сожалѣнію, и еще болѣе важныя сферы; но большой публикѣ онъ въ сущности былъ мало извѣстенъ; довольно напомнить, что первое доставившее ему крупную популярность произведеніе — „Русланъ и Людмила“ — окончено было имъ уже на Кавказѣ, а напечатано въ бытность Пушкина въ Кишиневѣ. Бойкія эпиграммы и нецензурныя произведенія и не могли получить въ то время очень широкаго распространенія; и Пушкинъ, кажется, раньше сталъ извѣстенъ крупными шалостями, нежели мелкими стихотвореніями. Между тѣмъ, уѣзжая изъ Одессы (тоже недобровольно) лѣтомъ 1824 года на сѣверъ, Пушкинъ былъ уже знаменитымъ поэтомъ, даже болѣе популярнымъ, чѣмъ впослѣдствіи. На югѣ созданы лучшія его поэмы и лирическія произведенія, и матеріалъ для нихъ былъ доставленъ Пушкину главнымъ образомъ этимъ же югомъ, т.-е. Новороссіей. На это, разумѣется, имѣлись свои причины, для выясненія которыхъ я и позволю себѣ сдѣлать краткій абрисъ того, чѣмъ былъ въ это время югъ Россіи, гдѣ Пушкину довелось прожить четыре года, самыхъ поэтичныхъ въ его жизни. Новороссійскій край такъ сравнительно недавно вошелъ въ составъ Россіи, что во времена Пушкина въ немъ еще сохранялось очень много чертъ, рѣзко выдѣлявшихъ его изо всего государства; именно эти-то черты и отразились лучше всего въ поэзіи Пушкина. На югъ отъ предѣловъ Малороссіи, въ то время уже достаточно на-

селенной и небѣдной культурнымъ обществомъ (припомнимъ, напр., Каменку Раевскихъ, находившуюся почти на границѣ Новороссіи), лежали широкія, почти безлюдныя Новороссійскія степи, такъ недавно еще бывшія мѣстомъ борьбы Запорожья и татаръ. Теперь объ этомъ не было и рѣчи; но въ степяхъ Новороссіи все же было небезопасно: здѣсь укрывались бѣглецы и формировались шайки разбойниковъ, дѣлавшія проѣздъ или пребываніе здѣсь довольно рискованными. По степямъ были кое-гдѣ разбросаны города и села, но большинство городовъ тоже напоминало села, какъ напоминаетъ ихъ и въ настоящее время Екатеринославъ, нѣкогда предназначенный служить столицею обширнаго Новороссійскаго края и своими памятниками затмить самый Римъ, не вышелъ изъ положенія маленькаго и неблагоустроеннаго городка, въ которомъ среди бѣлаго дня могли убѣжать скованные парами разбойники; немногимъ отличались отъ него и другіе города Новороссіи — кромѣ Одессы, о которой мнѣ предстоитъ говорить особо. Тѣмъ не менѣе край этотъ уже былъ русскимъ, порядки въ немъ вообще были русскіе, и особенности его не могли такъ рѣзко бросаться въ глаза, какъ особенности тѣхъ мѣстностей, которыя вошли въ составъ государства значительно позже, чѣмъ Новороссія, и строй которыхъ во многомъ еще не былъ русскимъ. Мѣстности эти: Кавказъ, Крымъ и Бессарабія. О Кавказѣ мнѣ не приходится очень распространяться; въ сущности, во время перваго пребыванія на югѣ Россіи, Пушкинъ на Кавказѣ не былъ; онъ остановился въ Предкавказьѣ, на группѣ минеральныхъ водъ. Величественныя кавказскія горы видѣлъ онъ лишь издали. А то, что нынѣ придаетъ особую красоту этой группѣ, сдѣлано было уже во времена гр. Воронцова. Но все же на путника, явившагося сюда съ сѣвера, могли произвести впечатлѣніе и такія горы, какъ Бештау. Предкавказье могло представить своимъ климатомъ значительный контрастъ съ петербургскимъ, а, главное, въ окрестностяхъ Пятигорска путешественникъ могъ еще основательно познакомиться съ бытомъ черкесовъ, столь отличнымъ отъ русскаго, могъ видѣть борьбу ихъ съ нами, могъ даже лично испытать опасность пребыванія въ этой мѣстности. Извѣстенъ случай, когда, спустя свыше 20 лѣтъ послѣ пребыванія Пушкина въ Предкавказіи, гр. Воронцовъ со всѣмъ высшимъ кавказскимъ обществомъ чуть не сталъ во время бала въ Кисловодскѣ добычею неожиданно набѣжавшихъ черкесовъ. Во всякомъ случаѣ страна эта была еще мало похожею на Россію, и вольный образъ жизни здѣшняго населенія могъ дать достаточно матеріала для поэтическихъ произведеній.

Крымъ присоединенъ былъ къ Россіи лишь за 37 лѣтъ до пріѣзда сюда Пушкина. Хотя великолѣпный князь Тавриды и его сотрудники ввели здѣсь русскіе порядки, но они были, если можно такъ выразиться, поверхностными, ибо управляемое населеніе было нерусское. Главную массу составляли татары, рѣзко отличавшіеся образомъ жизни отъ русскихъ, а обширныя, розданныя въ Крыму высокопоставленнымъ лицамъ имѣнія или лежали пустыми, или колонизованы были людьми

самыхъ разнообразныхъ національностей и меньше всего русскими Административный центръ Крыма — Симферополь былъ небольшой грязноватый городокъ; Севастополь и не думалъ о своемъ послѣдующемъ значеніи; правда, Ѳеодосія была немаловажнымъ торговымъ пунктомъ, мечтавшимъ даже о конкуренціи съ Одессой, но на внѣшнемъ видѣ ея это отражалось весьма мало; въ еще бо́льшей степени то же можно сказать о Керчи. Казалось бы, что Крымъ тогда былъ мѣстностью мало интересною, тѣмъ болѣе, что не были еще приложены труды гр. Воронцова къ благоустройству южнаго берега; не было ни его прекраснаго шоссе ни многочисленныхъ красивыхъ дачъ.

Но мы, одесситы, смотрящіе нынѣ на южный берегъ Крыма, какъ на наши дачныя мѣста, и легко совершающіе туда экскурсіи, хорошо знаемъ поэзію Крыма, и притомъ поэзію вѣчную. Его омываетъ море, одинаково чудное и въ тихую и въ бурную погоду и незнакомое сѣверянамъ. Море это необыкновенно гармонируетъ и съ южнымъ небомъ и съ невысокими малолѣсистыми горами. Горы даютъ возможность развиться на южномъ берегу поэтичной растительности кипарисовъ и магнолій, совершенно необычной для сѣвернаго жителя, который найдетъ здѣсь въ изобиліи и янтарный виноградъ, еще такъ недавно, на моей памяти, представлявшій величайшую рѣдкость даже въ Малороссіи, куда его привозили изъ Крыма въ арбахъ на верблюдахъ въ очень помятомъ видѣ и продавали по баснословно дорогой цѣнѣ. На дикомъ южномъ берегу уже были построены кое-гдѣ въ живописныхъ мѣстностяхъ дачи, напр. дюкомъ де-Ришелье возлѣ Гурзуфа, а между дачами, часто надъ морскимъ берегомъ, вились тропинки, приводившія путника то къ глубокимъ таинственнымъ ущельямъ, то къ веселымъ полянамъ, то къ кипарисовымъ рощамъ. Пріѣзжій въ Крымъ могъ любоваться поразительною по красотѣ панорамою, открывающеюся изъ Георгіевскаго монастыря, могъ проѣхать въ глубь полуострова и посѣтить своеобразный татарскій Бахчисарай съ пустыннымъ, но полнымъ поэзіи дворцомъ, могъ дивиться загадочнымъ памятникамъ Чуфутъ-Кале или Мангупа, а на другой сторонѣ Крыма развалинами Судака или керченскими курганами.

Совершенно другую картину представляла въ то время Бессарабія. Она была присоединена къ Россіи лишь за 8 лѣтъ до пріѣзда сюда Пушкина, почему не могла не имѣть обособленнаго характера. Правда, она и до формальнаго присоединенія къ Россіи находилась въ нашихъ рукахъ лѣтъ шесть; но и это немного, да мы и не предпринимали тогда ничего для ея реорганизаціи. Несмотря на то, что въ Бессарабіи было не болѣе 40.000 семействъ, она, послѣ присоединенія къ Россіи, не превратилась въ обыкновенную губернію, а, по благосклонному отношенію къ извѣстнымъ политическимъ порядкамъ Императора Александра I, управлялась сходно съ Финляндіей или Польшей. Небольшая гористая часть сѣверной Бессарабіи населена была малороссами; но затѣмъ вся остальная область, какъ центральная — волнистая, такъ и южная, равнины которой представляютъ продолженіе Ново-

россійскихъ, населена была молдаванами, образъ жизни которыхъ хотя и болѣе схожъ съ русскимъ (точнѣе съ малорусскимъ), нежели черкесскій или татарскій, но все же имѣетъ и значительныя отличія. Сверхъ того въ Бессарабіи, преимущественно южной, какъ и во всей Новороссіи, поселено было множество разнообразныхъ колонистовъ, особенно болгаръ; оставались отъ турецкихъ временъ греки и армяне, а по степямъ Бессарабіи часто кочевали цыганскіе таборы; словомъ, и эта страна была для коренного русскаго совершенно необычная.

Бессарабія, можетъ быть, не столь поэтична, какъ южный берегъ Крыма. Поэзія Новороссійскихъ степей (впрочемъ, вдохновившихъ Мицкевича) требуетъ большой къ нимъ привычки, тогда какъ море, горы, роскошная растительность чаруютъ сразу. Но Бессарабія имѣла еще одну особенность: среди ея небольшихъ городовъ, зачастую сохранившихся еще въ турецкомъ видѣ, былъ Кишиневъ — городъ тоже небольшой и грязноватый, но не лишенный характера столицы. Здѣсь былъ довольно самостоятельный Верховный Совѣтъ, крупныя административныя власти съ цѣлой свитой чиновниковъ, бо́льшею частью, молодыхъ и образованныхъ; здѣсь находилось управленіе расположенными въ Бассарабіи войсками, съ весьма образованными же офицерами генеральнаго штаба. Во главѣ края стоялъ генералъ Инзовъ, извѣстный своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ, и въ томъ числѣ къ Пушкину: у Инзова и у другихъ офицеровъ были прекрасныя библіотеки. Въ Кишиневѣ же былъ значительный слой молдавской знати, можетъ быть, и недостаточно культурной въ дѣйствительности, но не лишенной того внѣшняго налета, которой дается заграничнымъ воспитаніемъ и политическимъ значеніемъ. Здѣсь дамы держали себя аристократками. Все это окрашивало кишиневскую жизнь какою-то необычною для русской провинціи свѣтскостью: жизнь била ключомъ, процвѣталъ флиртъ, затѣвались интриги, доводившія до дуэлей, велась крупная игра; но зато здѣсь жили и политическими интересами, устраивались не только масонскія ложи, но даже прямые заговоры: начиналось возстаніе угнетенныхъ балканскихъ народностей противъ турокъ. Здѣсь зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ западной Европѣ, и не могли помириться съ фактомъ, что за Прутомъ уже иное государство, тѣмъ болѣе, что народъ былъ одинъ и тотъ же; многіе помѣщики владѣли и тамъ и здѣсь имѣніями. Кишиневъ и Яссы казались двумя половинами одного цѣлаго.

Наконецъ, на самой окраинѣ государства и Новороссіи находилась еще одна точка, которая по характеру жизни довольно рѣзко отличалась отъ остальной Россіи. Это была наша Одесса. Когда культурные и преимущественно коммерческіе интересы государства потребовали, чтобы на южной окраинѣ его было прорублено новое окно за границу, менѣе тусклое, чѣмъ Петербургъ, выборъ нѣсколькихъ разумныхъ администраторовъ палъ на Гаджибей — Одессу, которая, особенно благодаря заботамъ приснопамятнаго дюка де-Ришелье, стала центромъ Новороссіи. Обладая великими организаторскими способностями, де-Ри-

шелье развилъ въ бывшей очаковской степи широкую иностранную колонизацію и въ молодую Одессу привлекъ массу иностранцевъ же, трудами которыхъ она естественно приняла видъ обычнаго для нихъ западно-европейскаго города, и притомъ, по желанію герцога, очень веселаго. Развитію Одессы помогли и политическія обстоятельства, сдѣлавшія изъ нея единственныя ворота для торговыхъ сношеній Россіи съ западной Европой. Преемникъ и послѣдователь де-Ришелье гр. Ланжеронъ, осуществляя его предначертанія, сдѣлалъ Одессу какъ умственнымъ центромъ Новороссіи, устроивъ здѣсь Ришельевскій лицей, такъ и „дешевымъ городомъ“ — вслѣдствіе учрежденія портофранко. Съ того времени значеніе Одессы, какъ культурнаго центра Новороссіи, и притомъ очень своеобразнаго, не похожаго на другіе крупные центры Россіи, было надолго обезпечено. Что же однако представляла собою Одесса ко времени пребыванія въ ней Пушкина? Городъ былъ еще весьма невеликъ. Хотя онъ занималъ мѣсто нынѣшнихъ лучшихъ его частей, въ предѣлахъ внѣшняго бульвара, но сохранившіеся рисунки 20-хъ годовъ показываютъ, что дома, даже на главной тогда улицѣ Одессы — Ришельевской, были небольшіе и рѣдкіе и перемежались съ хлѣбными магазинами, особенно частыми и большими на окраинахъ города. Предмѣстья Одессы — Пересыпь и Молдаванка, отдѣлялись отъ нея пустырями, и хотя тоже были частью застроены, но скорѣе походили на села, нежели на отдѣлы города. За Преображенскою улицею, отъ такъ называемаго „Чудного дома“, уже начинались пустыри, среди которыхъ построены были дома нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, напр. гр. Потоцкаго (нынѣ архіерейскій), а еще далѣе — обширная усадьба Нарышкиныхъ. На Херсонской улицѣ было нѣсколько недурныхъ домовъ, напр. негоціанта Ризнича; но далѣе шли хлѣбные магазины, и расположены были большія зданія городской больницы. Соборъ уже существовалъ, и была застроена мѣстность по Дворянскую улицу, а затѣмъ шли плохіе домики и пустыри, среди которыхъ начиналась постройка института. Дерибасовская улица, хоть и существовала, но пріобрѣла нѣкоторое значеніе лишь съ того времени, когда на углу ея и Преображенской улицы поселился начальникъ края гр. Воронцовъ. Дерибасовскій городской садъ, примыкавшій къ зданіямъ генералъ-губернаторской канцеляріи, и въ то время не былъ особенно посѣщаемъ. На той же улицѣ были расположены зданія Ришельевскаго лицея, сохранившіяся донынѣ среди дома Вагнера. Бульвара еще не было, но мѣсто подъ него, занятое растительностью, гдѣ еще недавно можно было охотиться, уже начали расчищать, для чего сломаны были остатки турецкой крѣпости; не было ни памятника де-Ришелье, ни гранитной лѣстницы къ морю, ни ряда домовъ на бульварѣ, ни дворца гр. Воронцова, ни зданія городской думы, ни прежняго зданія музея Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Вмѣсто этого были зданія одесской таможни и карантина и казармы. Внизу бульвара былъ портъ, представлявшій, конечно, только слабый очеркъ нынѣшняго; зато море

въ то время было для одесситовъ гораздо доступнѣе. На нынѣшней Театральной площади стоялъ театръ, мѣстность вокругъ котораго была завалена камнями отъ развалинъ бывшаго дома де-Ришелье, а въ началѣ Ришельевской улицы находилась популярная кофейня.

Улицы въ Одессѣ были еще немощеныя; поэтому осенью она тонула въ грязи, а лѣтомъ купалась въ облакахъ пыли. Правда, въ 20-хъ годахъ начали ее замащивать по модной тогда системѣ Макъ-Адама, но, какъ матеріалъ для мостовой, употребляли мѣстный камень — и результаты оказались чрезвычайно плачевными. На моей еще памяти экипажи, загрузшіе въ грязи на Преображенской улицѣ, противъ зданія университета, вытаскивались волами; обыватели незамощенныхъ частей города во время грязи переѣзжали на жительство въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ гостиницы или къ знакомымъ въ болѣе благоустроенныя части города. Вспоминалось тогда, какъ запиралась цѣпями Почтовая улица, ибо проѣздъ по ней во время грязи могъ грозить гибелью; да и Дерибасовская улица была въ этомъ отношеніи небезопасною. Овраги, пересѣкающіе Одессу, были особенно грязными, и черезъ нихъ проложены были жалкіе мостики. Въ довершеніе всего Одесса страдала отъ безводья, и хотя городское управленіе изыскивало уже разные способы, чтобы обезопасить населеніе отъ недостатка въ водѣ, но изъ этого выходило мало проку. Я опять-таки могу припомнить, какъ во времена продолжительнаго бездождія вода доставлялась въ Одессу съ Днѣпра въ бочкахъ и продавалась по 1 рублю за бочку, а щедрые домовладѣльцы отпускали квартирантамъ по ведру въ день на семейство. Растительность Одессы, хоть и воспѣтая Туманскимъ, а въ сущности была жалкою (такою она была и на моей памяти); даже акацій на улицахъ еще не было. Недуренъ былъ Ботаническій садъ, теперь, къ сожалѣнію, погибшій, но и въ немъ господствовала акація. За предѣлами Одессы было нѣсколько оазисовъ-дачъ: де-Ришелье — на Водяной Балкѣ и на Мало-Фонтанской дорогѣ, гр. Ланжерона (мѣстность сохранила донынѣ это названіе), нѣсколькихъ богатыхъ негоціантовъ (также по Мало-Фонтанской дорогѣ), напр. Рено, гдѣ Пушкинъ будто бы прощался съ Чернымъ моремъ. Но все это было, можно сказать, въ самомъ примитивномъ видѣ, и по Мало-Фонтанской же дорогѣ были лужи, похожія на озера, гдѣ лицеисты охотились за дичью; поздно вечеромъ здѣсь проходить было далеко небезопасно, какъ и вообще въ окрестностяхъ Одессы — впрочемъ, даже и не въ столь отдаленное время.

Итакъ, Одесса 20-хъ годовъ была городомъ сравнительно еще не очень благоустроеннымъ; но, во-первыхъ, таковы были въ то время и другіе города Россіи, а во-вторыхъ, жизнь въ Одессѣ представляла многія привлекательныя стороны, почему о пребываніи здѣсь съ восторгомъ вспоминали люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, и нашъ городъ имѣлъ счастье быть воспѣтымъ стихами Туманскаго, Пушкина, Воейкова, Бороздны и др.

Что же было въ Одессѣ привлекательнаго?

Прежде всего, разумѣется, ея море. Хотя крымское приморье еще красивѣе, но, какъ я сказалъ, Крымъ въ то время представлялъ большую глушь, и люди, не искавшіе сильныхъ ощущеній, всегда могли предпочесть ему болѣе культурную Одессу. Намъ, одесситамъ, хорошо знакомо наслажденіе любоваться своимъ моремъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, бродить по этому еще довольно пустынному берегу, испытывая чувства, трудно поддающіяся анализу. Но море давало и болѣе конкретное наслажденіе: въ то время въ Одессѣ можно было еще пользоваться морскими купаньями; они славились на всю Россію и привлекли въ Одессу массы пріѣзжающихъ; поставляла ихъ даже и западная Европа.

Лиманы тоже функціонировали, хотя не столь замѣтно, частью вслѣдствіе малаго развитія въ то время вообще лѣченія лиманами, частью же изъ-за труднаго къ нимъ доступа, ибо на моей памяти низина у Пересыпи постоянно была залита водою, непросыхавшею и лѣтомъ, и приходилось объѣзжать ее черезъ гору по весьма сквернымъ дорогамъ, доставившимъ ей не даромъ названіе Шкодовой. Лѣчились въ Одессѣ и фруктами.

Другую силу Одессы составляло ея географическое положеніе: здѣсь все дышало югомъ, пестрѣло разнообразными красотами. И въ этомъ отношеніи Одесса тогда была тоже внѣ конкуренціи, хотя и претендовалъ нѣсколько на это Таганрогъ, куда такъ неудачно была въ половинѣ 20-хъ годовъ отправлена царская семья ради климатическаго лѣченія.

Затѣмъ Одесса была веселымъ городомъ. Здѣсь былъ театръ съ модною итальянскою оперой, пѣвцы которой распѣвали сладкіе мотивы любимца европейской публики Россини; у театра было кафе, откуда въ антрактахъ приносили къ театру мороженое, и публика ѣла его, располагаясь на разбросанныхъ вокругъ театра камняхъ. Другое кафе Оттона, на углу Дерибасовской и Екатерининской улицъ, пользовалось еще бóльшею популярностью и, повидимому, было очень хорошее; имъ восхищались люди, знакомые не только съ петербургскими, но и съ заграничными ресторанами. Въ Одессѣ нерѣдко бывали балы и маскарады, устраиваемые какъ ея администраторами, такъ и публичные; до насъ дошли, напримѣръ, описанія празднованія масленицы при гр. Ланжеронѣ и костюмированнаго бала у гр. Воронцова, и видно, что жилось тогда въ Одессѣ весело. У Оттона шла подъ сурдинкой крупная игра, да и вообще въ Одессѣ были для нея соотвѣтственные притоны. Легкостью же нравовъ нашъ городъ особенно славился издавна и недаромъ былъ центромъ „невѣнчаннаго" края; деньги здѣсь зарабатывались легко, а потому и тратились съ легкимъ сердцемъ, въ особенности на то, „чѣмъ жизнь красна". Наконецъ, Одесса была и дешевымъ городомъ вслѣдствіе порто-франко. Сюда пріѣзжали для закупокъ дешевыхъ, преимущественно модныхъ, товаровъ, окрестные въ широкомъ смыслѣ помѣщики и безъ труда провозили ихъ къ себѣ; сюда переселялись на зиму помѣщики и

изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, привлекаемые и сравнительною культурностью города и его дешевизною: иные пріѣзжали въ Одессу ради воспитанія дѣтей въ Лицеѣ и въ многочисленныхъ и разнообразныхъ пансіонахъ, другіе черезъ Одессу выѣзжали за границу, особенно на востокъ, въ святыя мѣста, и подолгу жили въ Одессѣ въ ожиданіи удобной погоды или подходящаго корабля, — извѣстны случаи, что изнутри Россіи ѣхали за границу черезъ Одессу на Радзивиловъ и Броды.

Самое одесское общество въ 20-хъ годахъ представляло для Россіи совершенно необычное и своеобразное; въ среднемъ, оно было культурнѣе и образованнѣе общества любого русскаго города, не исключая Петербурга или Москвы; хотя въ то же время верхній слой одесскаго населенія былъ менѣе образованъ, нежели таковой даже въ иныхъ провинціальныхъ городахъ, напр. въ Харьковѣ. На культурность коммерческаго класса въ Одессѣ, самаго въ ней замѣтнаго, вліяло и господствующее занятіе торговлею, преимущественно заграничною. Тогда какъ громадное большинство населенія русскихъ городовъ занято было примитивнымъ земледѣліемъ, а главная торговля въ нихъ производилась „распивочно и на выносъ", посѣтители Одессы не могли удивляться, встрѣчая въ одесскомъ коммерсантѣ не знакомаго имъ купца Абдулина, а джентльмена западно-европейской складки, съ изящными манерами, съ знаніемъ иностранныхъ языковъ, съ извѣстнымъ политическимъ развитіемъ, воспитаннымъ на чтеніи иностранныхъ газетъ, столь далеко опередившихъ нашу „Пчелку" или ея сверстниковъ. Такой характеръ одесскихъ коммерсантовъ почти сливалъ ихъ въ одну группу съ жившею въ Одессѣ „аристократіей", что и дѣлало такъ называемое одесское „общество" широкимъ и при общемъ типическомъ сходствѣ въ частностяхъ достаточно разнообразнымъ.

Въ Одессѣ жилъ и начальникъ всего Новороссійскаго края. Дюкъ де-Ришелье давно уже покинулъ Одессу и умеръ вдали отъ нея, все мечтая сюда возвратиться. Гр. Ланжеронъ тоже пересталъ быть генералъ-губернаторомъ, хотя и продолжалъ жить въ Одессѣ, составляя, такъ сказать, одну изъ ея достопримѣчательностей. Временное управленіе ген. Инзова прошло въ Одессѣ безслѣдно, а затѣмъ сюда назначенъ былъ графъ Воронцовъ.

Время генералъ-губернаторства гр. Воронцова до высылки отсюда Пушкина было слишкомъ непродолжительно, чтобы по этому поводу рисовать характеристику его управленія краемъ; тогда мало было и сдѣлано; поэтому я ограничусь лишь немногими замѣчаніями, необходимыми для пониманія отношеній гр. Воронцова къ Пушкину.

Гр. Воронцовъ былъ дѣйствительно полу-милордъ, и не по одному только происхожденію. Это былъ человѣкъ образованный, съ широкимъ взглядомъ на общественную самодѣятельность, понимавшій значеніе торговли и промышленности, всегда и во всемъ гуманный, желавшій освобожденія крестьянъ, другъ образованія, даже среди солдатъ; но въ то же время это былъ прежде всего придворный, поэтому иногда

видѣвшій предметы въ искусственномъ освѣщеніи. Затѣмъ, русскій по самосознанію, гр. Воронцовъ вовсе не былъ таковымъ по образованію; онъ недостаточно хорошо зналъ русскую жизнь и не могъ понять многаго въ исторіи умственнаго развитія нашего общества, мѣряя все на западно-европейскую мѣрку, да еще и на такую, которая видѣла въ провозглашенныхъ французскою революціей принципахъ однѣ лишь утопистическія бредни, въ Наполеонѣ — исчадіе революціи и въ священномъ союзѣ — оплотъ отъ величайшихъ бѣдъ. При такихъ условіяхъ онъ и не могъ отнестись къ Пушкину иначе, нежели отнесся.

Хотя къ половинѣ 20-хъ годовъ гр. Воронцовъ еще не создалъ возлѣ себя дворцовой атмосферы, которая окружала его въ послѣдующіе годы, но частью около него, частью около гр. Е. К. Воронцовой складывался уже кружокъ образованныхъ людей, по преимуществу, изъ числа чиновниковъ канцеляріи гр. Воронцова, или изъ богатой фланировавшей въ Одессѣ молодежи. Настоящей родовитой аристократіи въ Одессѣ было немного: нѣсколько польскихъ семействъ (Потоцкіе, Понятовскіе, Сабанскіе и др.), да полу-польская семья Нарышкиныхъ. Они имѣли огромныя помѣстья или возлѣ Одессы, или въ юго-западномъ краѣ, т.-е. были связаны съ нею экономическими интересами. Многихъ поляковъ привлекли въ Одессу и тѣ ея преимущества, о которыхъ было сказано выше. При гр. Воронцовѣ же число жившихъ здѣсь поляковъ еще болѣе увеличилось. Изъ русскихъ бáръ отмѣтимъ семью гр. В. П. Кочубея, загостившуюся въ Одессѣ въ 1824 году, да извѣстную кн. Зинаиду Волконскую, поселившуюся въ Одессѣ ради воспитанія дѣтей. Было и мѣстное русское дворянство, хоть и не очень обильное.

Гораздо многочисленнѣе была здѣсь коммерческая аристократія, составившаяся изъ иностранныхъ негоціантовъ, преимущественно грековъ, частью далматинцевъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Ризничъ, такъ неожиданно для себя попавшій въ исторію русской литературы. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ образованный, и на его средства была издана въ 1826 году извѣстная „Сербіанка“ С. Милутиновича вмѣстѣ съ первою книжкою его стихотвореній. Да и греческое общество жило въ Одессѣ не одними коммерческими интересами: какъ разъ въ это время здѣсь сформировалась знаменитая гетерія; иностранная, а частью и русская интеллигенція участвовала въ масонской ложѣ (находившейся въ такъ называемомъ „Чудномъ“ домѣ), а среди офицеровъ, жившихъ въ Одессѣ или недалеко отъ нея, было не мало членовъ тайныхъ обществъ. Появились въ Одессѣ и такія исключительныя достопримѣчательности, какъ аѳей Гутчинсонъ, или корсаръ въ отставкѣ мавръ Али, тоже увѣковѣченные памятью о Пушкинѣ. Разумѣется, было въ Одессѣ и мелкое чиновничество, мало отличавшееся отъ обычнаго русскаго, и русское купечество, и, наконецъ, простонародье, очень разнообразное по племенному составу; но для біографіи Пушкина эти элементы имѣютъ мало значенія. Жила Одесса, главнымъ образомъ, вывозною торговлею. Здѣсь были самые

существенные ея интересы, и сношенія ея съ за границей настолько окрашивали общій характеръ ея жизни, что на улицахъ италіанскій, греческій или французскій языкъ слышался чаще, нежели русскій. Въ ея учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и Лицея, ученье шло на французскомъ языкѣ; на этомъ же языкѣ издавались у насъ и первая газета и первый журналъ; были магазины, гдѣ продавались иностранныя книги, тогда какъ русскія приходилось пріобрѣтать въ посудныхъ лавкахъ. Я могъ бы значительно распространить свой разсказъ объ Одессѣ 20-хъ годовъ, имѣя для этого немало собранныхъ даже мною самимъ матеріаловъ, — но, полагаю, сказаннаго совершенно достаточно для выясненія, что могъ Пушкинъ найти въ Одессѣ. Какъ же однако нашъ югъ встрѣтилъ Пушкина? Говорить подробно о пребываніи его въ Новороссійскомъ краѣ, и въ частности въ нашемъ городѣ, я тоже считаю излишнимъ, ибо предметъ этотъ, можно сказать, исчерпанъ въ печатныхъ трудахъ Анненкова, Бартенева и Яковлева; я только напомню объ этомъ въ самыхъ краткихъ словахъ.

Въ маѣ 1820 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ и пробылъ тамъ недѣли двѣ, заболѣвъ при этомъ; объ отношеніяхъ его къ мѣстному обществу сохранилось развѣ нѣсколько анекдотовъ изъ ряда такихъ, какіе вообще разсказываютъ о Пушкинѣ. Въ Екатеринославѣ онъ почти не работалъ: очевидно, свѣжи были еще впечатлѣнія постигшаго его удара, впрочемъ, изъ здѣшнихъ впечатлѣній позже явилась поэма „Братья-Разбойники“. Въ послѣднихъ числахъ мая Пушкинъ уѣхалъ съ семьею Раевскихъ на Кавказъ, гдѣ пробылъ до начала августа; на Кавказѣ онъ какъ бы сталъ оживать; здѣсь написанъ имъ эпилогъ къ „Руслану и Людмилѣ“ и начатъ „Кавказскій плѣнникъ“, по мѣстнымъ впечатлѣніямъ. Августъ — сентябрь 1820 года Пушкинъ проводитъ въ Крыму, главнымъ образомъ, въ Гурзуфѣ, съ Раевскими же, и здѣсь начинается расцвѣтъ его поэтическаго творчества. Съ одной стороны чудная природа Крыма и его оригинальность разсѣиваютъ дотолѣ мрачное настроеніе поэта; съ другой — онъ испытываетъ увлеченіе, далеко не похожее на тѣ, какія имѣли мѣсто раньше въ Петербургѣ. Подъ вліяніемъ любви и Крыма Пушкинъ создаетъ цѣлый рядъ прелестныхъ стихотвореній; другія, того же характера и внушенныя тою же любовью, написаны имъ въ Каменкѣ.

Вліяніе кружка Раевскихъ сказалось въ Пушкинѣ и созрѣваніемъ его политическихъ взглядовъ, которые однако не привели его къ участію въ серіозныхъ тайныхъ обществахъ; на это были свои причины, на которыхъ нѣтъ цѣли здѣсь останавливаться. Въ сентябрѣ 1820 года Пушкинъ уѣхалъ въ Кишиневъ, гдѣ прожилъ до лѣта 1823 года. Это время, несмотря на бурный образъ жизни Пушкина и на мучительный процессъ, совершавшійся въ его душѣ, было особенно благопріятно для его поэтическаго творчества: здѣсь созданы Пушкинымъ едва ли не лучшія его лирическія произведенія, оконченъ „Кавказскій плѣнникъ“, написаны „Братья-Разбойники“ и „Бахчи-

сарайскій фонтанъ“, начатъ „Евгеній Онѣгинъ“, задуманы „Цыганы“. Чѣмъ обусловлена такая дѣятельность? Очевидно, только что пережитыми впечатлѣніями, возбудившими въ душѣ Пушкина творческій процессъ, которому не было основанія прекратиться въ городѣ, жившемъ столь бойкою политическою и общественною жизнью; скорѣе всего, именно здѣсь созрѣваютъ политическія воззрѣнія Пушкина. Не думаю, впрочемъ, чтобы молдаванская или даже греческая аристократія того времени могла оцѣнить въ Пушкинѣ великаго поэта; скорѣе въ немъ видѣли правительственную жертву, по „несчастому случаю“ заброшеннаго въ Кишиневъ молодого аристократа, очень интереснаго въ обществѣ по своему остроумію, волокиту, игрока; съ нимъ не церемонились выходить на дуэль; но русское общество въ Кишиневѣ, начиная съ Инзова и не исключая дамъ, стало уже понимать значеніе Пушкина и дѣлало, что могло, чтобы облегчить ему тернистый путь его изгнанія и неудобства пребыванія въ отдаленныхъ мѣстахъ. Затѣмъ изъ Кишинева Пушкинъ постоянно выѣзжалъ, то въ Кіевъ, то въ Каменку, то — три раза — въ Одессу, то въ Южную Бессарабію, и всякая поѣздка его порождаетъ какія-либо чудныя произведенія. Наконецъ, въ началѣ 1823 года Пушкинъ переселяется въ Одессу, гдѣ остается свыше года; здѣсь имъ создано нѣсколько главъ „Онѣгина“ и опять-таки много прекрасныхъ стихотвореній мѣстнаго содержанія, заканчивающихся знаменитымъ прощаніемъ Пушкина съ Чернымъ моремъ. Этотъ бѣглый перечень достаточно убѣдителенъ для отвѣта: насколько было благопріятно для Пушкина вообще пребываніе на югѣ Россіи? Здѣсь подъ вліяніемъ поэтическаго и своеобразнаго характера посѣщенныхъ Пушкинымъ мѣстностей окрѣпло и развилось его творчество, а вслѣдствіе политической жизни края укрѣпились идеалы, хоть и навѣянные ему раньше нѣкоторыми лицейскими профессорами, напр., Куницынымъ, а потомъ близкими людьми, въ родѣ Чаадаева, и даже общею атмосферою того времени; тѣмъ не менѣе до переселенія Пушкина на югъ они были еще въ немъ очень неустойчивыми. Только на югѣ Россіи окончательно опредѣлилась личность Пушкина въ томъ видѣ, въ какомъ она всѣмъ намъ дорога; только послѣ этого періода творчества могъ сказать о себѣ Пушкинъ, что

Чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Вскорѣ послѣ этого въ поэзіи Пушкина, при всей ея геніальности, зазвучатъ другія ноты, утратится присущая ему и развитая югомъ жизнерадостность, почувствуется сложная и тяжелая душевная драма; но анализъ всего этого вывелъ бы меня изъ предѣловъ моей задачи.

Теперь для меня представляетъ спеціальный интересъ вопросъ о томъ, какъ принятъ былъ Пушкинъ въ Одессѣ, или, точнѣе, какъ на него здѣсь смотрѣли?

Графъ Воронцовъ сперва отнесся къ поэту чрезвычайно любезно; въ сущности, онъ перезвалъ его въ Одессу изъ Кишинева; но вскорѣ между ними пошли нелады, обнаружившіе, что гр. Воронцовъ тоже видѣлъ въ Пушкинѣ скорѣе свѣтскаго юношу, случайно наказаннаго за шалости, нежели великаго поэта. Дивиться тутъ нечему: какъ я уже сказалъ, гр. Воронцовъ имѣлъ тѣ взгляды на литературу, какіе вообще господствовали въ правительственныхъ сферахъ въ эпоху Священнаго союза. Исходя изъ такихъ взглядовъ, онъ могъ лишь враждебно отнестись къ поэзіи Байрона и тѣмъ болѣе не въ состояніи былъ оцѣнить значеніе поэтической дѣятельности его послѣдователя, и притомъ такого, за которымъ еще не было полнаго „Онѣгина“. Хотя гр. Воронцовъ и признавалъ счастливыя дарованія Пушкина и надѣялся, что изученіе имъ истинно великихъ классическихъ поэтовъ можетъ сдѣлать его выдающимся писателемъ. Между тѣмъ поведеніе Пушкина не могло не шокировать гр. Воронцова, не говоря уже о столкновеніяхъ чисто личнаго свойства, обидномъ отношеніи къ гр. Воронцову самого Пушкина (у котораго, кстати сказать, встрѣчаются и похвалы ему) и нежеланіи его хоть сколько-нибудь войти въ извѣстныя служебныя рамки, что очень цѣнилось въ свое время, и несмотря на то, что онѣ широко раздвигались для него гр. Воронцовымъ[1]). Вопреки общепринятымъ мнѣніямъ, выскажусь, что гр. Воронцовъ съ точки зрѣнія начальника края и западно-европейскаго вельможи отнесся къ Пушкину довольно снисходительно, и постигшая поэта кара была по тому времени сравнительно не строгою. Приведемъ въ параллель, во-первыхъ, что англійское общество и до сихъ поръ не можетъ простить Байрону ни его біографіи ни его произведеній; что къ поэзіи Байрона отрицательно относился Жуковскій (хотя сперва и переводившій его); что не только Императоръ Александръ I, совершенный западно-европеецъ по воспитанію и образованію, совсѣмъ не знавшій ни русской жизни ни русской литературы (хотя сперва и благосклонный къ Пушкину изъ-за нѣсколькихъ доведенныхъ до его свѣдѣнія стиховъ), но и многіе тогдашніе русскіе *литераторы* относились къ произведеніямъ Пушкина отрицательно, какъ напр., И. И. Дмитріевъ къ „Руслану и Людмилѣ“, Рылѣевъ къ „Онѣгину“, Н. Полевой къ „Борису Годунову“. Императоръ Николай I, видѣвшій въ Пушкинѣ хоть и своеобразнаго, не укладывающагося въ точно опредѣленныя рамки, но очень умнаго человѣка и выдающагося поэта, совершенно искренно находилъ, что ему слѣдовало бы заняться болѣе серіознымъ дѣломъ, нежели стихотворство, напр. написать трактатъ о воспитаніи, — несмотря на то, что поэтъ въ то время женатъ не былъ, ни своихъ ни чужихъ дѣтей никогда не воспитывалъ, и вся предшествующая біографія мало подготовляла его къ этому, почтенному, конечно, занятію. Очень расположенный къ Пуш-

[1]) Неужели можно сочувствовать Пушкину въ его поведеніи въ дѣлѣ о саранчѣ только потому, что онъ написалъ остроумный рапортъ? Вѣдь саранча на югѣ Россіи страшное общественное бѣдствіе, и къ нему нельзя не относиться серіозно.

кину Инзовъ требовалъ отъ него перевода на русскій языкъ молдавскихъ законовъ и пр. Собственный отецъ Пушкина поступалъ съ нимъ гораздо хуже, нежели гр. Воронцовъ, а какъ потомъ отнеслось къ поэту высшее петербургское общество, атмосфера котораго такъ систематически послѣдовательно привела Пушкина къ роковой дуэли, это не нуждается въ напоминаніи.

Съ другой стороны слѣдуетъ вспомнить и то, что Пушкину уже раньше грозило наказаніе, гораздо болѣе суровое, нежели водвореніе на жительство въ собственную деревню, а онъ (предполагается) не исправился; что за одесскія выходки осуждали его такія близкія къ нему лица, какъ кн. П. А. Вяземскій и А. И. Тургеневъ, при чёмъ послѣдній уже не разъ отклонялъ отъ него высылку изъ Одессы, которой сперва только и добивался гр. Воронцовъ; что ссылка Пушкина въ Псковскую губернію тоже придумана была А. И. Тургеневымъ; что Карамзинъ пострадалъ въ то же самое время гораздо сильнѣе, скорѣе за докучливость, чѣмъ за предположительно приписанный ему проступокъ, въ которомъ онъ былъ невиноватъ, и что вообще подобныхъ примѣровъ для 20-хъ годовъ можно бы привести не мало.

Графиня Воронцова болѣе благоволила къ Пушкину, нежели ея мужъ: она сумѣла оцѣнить поэта, и ея вліяніе на него сказалось добрыми послѣдствіями. Въ ея кружкѣ былъ молодой Раевскій — близкій къ Пушкину человѣкъ, даже сильно вліявшій на его умственное развитіе; близки къ Пушкину были и служившіе при канцеляріи гр. Воронцова два поэта Туманскіе, Казначеевъ, Синявинъ и др. Къ сожалѣнію, никто изъ этого кружка не оставилъ намъ о Пушкинѣ воспоминаній; мнѣ выпало на долю застать въ Одессѣ въ живыхъ лишь одного изъ такихъ чиновниковъ — г. Пикулова; но онъ былъ очень старъ и притомъ человѣкъ не пушкинскаго покроя. Г. Пикуловъ разсказывалъ мнѣ, что гр. Воронцовъ сперва очень благоволилъ къ Пушкину и прощалъ ему чиновничьи грѣхи, что Пушкинъ былъ очень неаккуратнымъ служащимъ, наконецъ, что причиною неудовольствія гр. Воронцова на Пушкина была ревность, — словомъ, то, что и безъ этого хорошо извѣстно.

Немногимъ полнѣе и воспоминанія о Пушкинѣ гр. М. Д. Бутурлина, который въ то время жилъ безъ всякаго дѣла въ Одессѣ; онъ былъ даже дальній родственникъ Пушкина, но мало имъ интересовался, случайно узналъ о пребываніи его въ Одессѣ, случайно видѣлся съ нимъ и не попытался даже стать съ нимъ въ болѣе близкія отношенія. Если присоединить къ этому извѣстное свидѣтельство А. А. Скальковскаго, прибывшаго въ Одессу вскорѣ послѣ выѣзда отсюда Пушкина и почти (по его словамъ) не заставшаго уже здѣсь людей, которые хранили бы память о немъ, то можно бы подумать, что дѣйствительно въ Одессѣ посмотрѣли на Пушкина только какъ на свѣтскаго человѣка, съ которымъ интересно встрѣчаться въ обществѣ, а не какъ на поэта. Тѣмъ менѣе могла понять его, напр., г-жа Ризничъ, которую онъ такъ любилъ и поэтически воспѣлъ и которая — увы! — даже не

могла прочесть посвященныхъ ей стихотвореній. Не думаю также, чтобы семья Кочубеевъ, гдѣ, можетъ быть, слѣдовало бы искать первообразъ Татьяны, или гр. Потоцкая могла оцѣнить Пушкина, какъ поэта: свѣтскія дамы того времени были насчетъ русской литературы почти невмѣняемы.

Къ счастью, имѣются твердыя доказательства, что въ Одессѣ 20-хъ годовъ уже было кому оцѣнить Пушкина, какъ поэта, и главнѣйшее изъ нихъ принадлежитъ самому гр. Воронцову. Въ роковомъ письмѣ къ гр. Нессельроде онъ такъ мотивируетъ необходимость высылки Пушкина изъ Одессы: „Здѣсь проживаетъ множество людей, и количество ихъ еще увеличится во время сезона купанья; они, будучи экзальтированными поклонниками его (Пушкина) поэзіи, думаютъ ему выразить этимъ свою дружбу и оказываютъ услугу непріятеля, способствуя его самоувлеченію и убѣждая его, что онъ выдающійся писатель“. Что гр. Воронцовъ былъ правъ, подтверждается и воспоминаніями бывшихъ лицеистовъ Сумарокова и Н. Г. Тройницкаго. Первый сообщаетъ, что о Пушкинѣ много говорили въ городѣ и зачитывались его „Русланомъ и Людмилою“; поэтому, увидя Пушкина, Сумароковъ испыталъ особенное волненіе. Второй разсказываетъ, что во время его отрочества въ Одессѣ имя Пушкина произносилось, какъ имя прославленнаго поэта; его читали, перечитывали, переписывали, затверживали на память; нѣкоторые изъ его ненапечатанныхъ стиховъ ходили по рукамъ въ рукописи, какъ запрещенные; особенно же зачитывались „Онѣгинымъ“, надъ чѣмъ смѣялся самъ авторъ его. Когда Тройницкій былъ въ младшемъ отдѣленіи Лицея и сидѣлъ въ классѣ, кто-то крикнулъ: „Пушкинъ идетъ!“ и всѣ малыши кинулись къ окошку. Такія показанія объясняютъ намъ, въ комъ въ Одессѣ Пушкинъ нашелъ себѣ поклонниковъ: это была учащаяся, преимущественно русская молодежь, а также и русскія семьи въ родѣ Тройницкихъ, Кирьяковыхъ, Бларамберговъ и, наконецъ, личныя друзья Пушкина: Раевскій, Туманскіе, Пущинъ и др., о которыхъ было сказано выше.

Образъ жизни Пушкина въ Одессѣ лучше всего обрисованъ имъ самимъ въ знаменитыхъ строфахъ „Онѣгина“. Его страстная любовь къ г-жѣ Ризничъ и отношенія къ гр. Воронцовой и къ инымъ одесситкамъ также давно стали литературнымъ достояніемъ. Поэтому я перехожу къ вопросу, какія воспоминанія нашъ край оставилъ въ Пушкинѣ?

Крымъ и общество Раевскихъ заставили Пушкина немедленно по разставаніи съ ними уже вспоминать о нихъ въ такихъ чудныхъ стихотвореніяхъ, какъ „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда“ или „Нереида“; затѣмъ онъ вспоминаетъ о Крымѣ и въ періодъ кишиневской и одесской жизни; такъ въ 1820 году имъ написано стихотвореніе „Фонтану Бахчисарайскаго дворца“, въ 1821 году — „Желанье“ въ 1822 году — тѣ мѣста субъективнаго характера, которыя находятся въ поэмѣ „Бахчисарайскій фонтанъ“; въ 1823 году (?) нѣкоторые стихи въ первой пѣснѣ „Онѣгина“, напр.: „Я видѣлъ море предъ грозою“; къ этому же

году относится и отзывъ о Крымѣ въ письмѣ къ кн. Вяземскому; въ 1824 году — такой же въ письмѣ къ бар. Дельвигу; въ 1825 году — стихотвореніе „Ты видѣлъ дѣву на скалѣ" (я не упоминаю объ отрывкахъ и набноскахъ). Воспоминанія эти заканчиваются отрывками изъ путешествія Онѣгина, посѣтившаго между прочимъ Тавриду. Отыскать хоть одинъ неблагосклонный отзывъ Пушкина о Крымѣ мнѣ не удалось.

Иное дѣло Бессарабія и Кишиневъ; они вызвали въ Пушкинѣ довольно сложныя впечатлѣнія. Сначала Бессарабія напоминаетъ ему объ Овидіи, и онъ рисуетъ нашъ югъ съ симпатіей; потомъ онъ пишетъ сатиры на кишеневскихъ дамъ — и въ то же время въ посланіи къ Баратынскому называетъ пустынную Бессарабію страной, священной для души поэта: „Она Державинымъ воспѣта и славой русскою полна". Переселившись въ Одессу, Пушкинъ то вздыхаетъ о Кишиневѣ (въ письмѣ къ брату), то посылаетъ Вигелю извѣстную сатиру на этотъ городъ, впрочемъ въ такой инструкціи, которая не позволяетъ серіозно относиться къ этому стихотворенію. Изъ Михайловскаго въ 1826 году Пушкинъ пишетъ кн. Н. С. Алексѣеву: „Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ моихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшётчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой твоей избушкѣ... я за новости кишиневскія стану тебя потчевать новостями московскими". Оканчивая „Цыганъ", Пушкинъ въ эпилогѣ съ большимъ чувствомъ говоритъ о Бессарабіи и о своемъ пребываніи въ цыганскомъ таборѣ. Еще позже онъ вспоминаетъ о цыганахъ въ VIII главѣ „Онѣгина" и пишетъ стихотвореніе „Цыгане", гдѣ опять съ удовольствіемъ вспоминаетъ о похожденіяхъ въ цыганскомъ таборѣ.

Столь измѣнчивое отношеніе Пушкина къ одному и тому же предмету вовсе не представляетъ исключенія. Извѣстно, какъ онъ любилъ Петербургъ (см. хотя бы „Люблю тебя, Петра творенье" и т. д.); но можно подобрать немало мѣстъ, гдѣ онъ осыпаетъ его жесточайшею бранью. (Проклятый Петербургъ... Я золъ на Петербургъ и радуюсь каждой его гадости... свинскій Петербургъ); Пушкинъ не долюбливалъ Москвы, но случалось ему хвалить ее (напр. въ „Онѣгинѣ"); онъ любилъ Россію — и жаловался, что родился русскимъ.

Одесса во всякомъ случаѣ пользовалась у Пушкина бо́льшею благосклонностью, нежели Кишеневъ. Тотчасъ по переселеніи въ Одессу Пушкинъ сообщаетъ брату, что Инзовъ отпустилъ его въ Одессу: „Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Ресторація и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу... Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни". Немедленно по пріѣздѣ въ Михайловское, онъ проситъ Д. М. Княжевича писать ему изъ Одессы: „Объ Одессѣ ни слуху ни духу. Сердце вѣсти проситъ... Ради Бога, слово живое объ Одессѣ; скажите мнѣ, что у Васъ дѣлается; скажите, во-первыхъ, выздоровѣла ли Катенька (Гика)".

Вскорѣ Пушкинъ сталъ получать изъ Одессы письма отъ графини Воронцовой, украшенныя печатью съ кабалистическими знаками (т.-е. въ дѣйствительности съ караимскими письменами); тогда Пушкинъ запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Письма эти онъ сжигалъ, о чемъ онъ и говоритъ въ стихотвореніи „Сожженное письмо", а о гр. Воронцовой вспоминаетъ въ двухъ стихотвореніяхъ: „Ангелъ" и „Талисманъ". Двумя еще болѣе поэтическими произведеніями: „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной" и „Для береговъ отчизны дальней", почтилъ онъ память скончавшейся одесситки, г-жи Ризничъ. Но самое подробное воспоминаніе объ Одессѣ находится въ извѣстныхъ строфахъ „Евгенія Онѣгина", посвященныхъ его путешествію. Приводить ихъ не рѣшаюсь, такъ какъ онѣ слишкомъ извѣстны одесситамъ, а замѣчу лишь, что въ нихъ господствуетъ самое свѣтлое воспоминаніе объ одесской жизни, не омрачаемое и нѣкоторыми недостатками Одессы: пылью, грязью, отсутствіемъ растительности, безводіемъ, — тѣмъ болѣе, что можно было тогда ожидать и скораго избавленія ея отъ этихъ бѣдъ. Впрочемъ одесская грязь настолько поразила Пушкина, что онъ припомнилъ ее гораздо позже, во время второго путешествія на Кавказъ, проѣзжая между Орломъ и Ельцомъ: „Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи одесской". Затѣмъ одинъ изъ варіантовъ путешествія Онѣгина указываетъ, что еще у Пушкина оставило объ Одессѣ хорошую и плохую память:

А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
И, слава Богу, отъ вельможъ
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ тригорскихъ.

Въ 30-хъ годахъ воспоминанія Пушкина о посѣщенныхъ имъ мѣстахъ Юга Россіи тускнѣютъ; но все же и въ это время можно найти у него стихи, гдѣ онъ говоритъ о югѣ съ большимъ чувствомъ и, посѣтивъ Михайловское незадолго до смерти, онъ на берегу озера вспоминаетъ съ грустью иные берега, иныя волны. И немудрено: тамъ протекла свѣтлая пора его юности, тамъ онъ жилъ болѣе естественною жизнью, тамъ, наконецъ, онъ былъ счастливѣе, нежели въ это время.

Но помнилъ ли югъ великаго поэта, такъ неожиданно сюда залетѣвшаго? И если помнилъ, то какъ относился къ его памяти? Я остановлюсь главнымъ образомъ на Одессѣ, такъ какъ относительно другихъ, упомянутыхъ мною выше, мѣстностей располагаю лишь позднѣйшими данными.

Гр. Воронцовъ продолжалъ относиться къ Пушкину недоброжелательно, что особенно сказалось по случаю его смерти. Извѣстенъ разсказъ бывшаго редактора газеты „Одесскій Вѣстникъ" Н. Г. Троицкаго (записанный мною съ его словъ) о томъ, какъ онъ принесъ на просмотръ гр. Воронцову некрологъ Пушкина, заключавшій глу-

боко прочувствованныя похвалы ему и скорбь по поводу его безвременной кончины; гр. Воронцовъ разрѣшилъ печатать некрологъ, но выразилъ недоумѣніе, заслужилъ ли Пушкинъ этотъ некрологъ, — тѣмъ болѣе, что подобнаго не было, напр., по смерти Державина или Хераскова. Несмотря на данное разрѣшеніе, редакція газеты опасалась, не будетъ ли нахлобучки за некрологъ изъ Петербурга, и можетъ быть, не безъ основанія, такъ какъ тамъ, дѣйствительно, по поводу смерти Пушкина происходили, какъ извѣстно, такія событія, которыя были бы черезъ-чуръ смѣшны, если бы не были столь грустными. Относительно же гр. Воронцовой мнѣ неоднократно передавали близкія къ ней лица, напр. протоіерей М. К. Павловскій, что сочиненія Пушкина всегда остались ея любимымъ чтеніемъ.

Враждебное отношеніе аристократа-западно-европейца гр. Воронцова къ памяти Пушкина въ сущности не было исключительнымъ: на глазахъ одесситовъ прошелъ и другой примѣръ въ лицѣ графа А. Г. Строгонова. Были ли у него съ Пушкинымъ какіе-либо личные счеты, положительно сказать не умѣю, хотя указанія на это есть; но извѣстно, что еще незадолго до смерти гр. Строгоновъ продолжалъ видѣть въ Пушкинѣ революціонера, автора стихотворенія „Кинжалъ“ и проч.; онъ грубо обошелся съ уважаемыми одесситами, явившимися къ нему съ подписнымъ листомъ на памятникъ Пушкину, и съ крикомъ удивлялся, чего же смотритъ полиція на постановку памятника такому „кинжальщику“. Отзывы о Пушкинѣ лицъ, весьма близкихъ къ гр. Строгонову, были рѣзки донельзя, и въ нихъ сквозила месть за Дантеса.

Но возвращаюсь къ Одессѣ того времени, когда ее покинулъ Пушкинъ. Помнило ли его мѣстное общество? А. А. Скальковскій говоритъ, что, кромѣ одного-двухъ, нѣкогда лично близкихъ къ Пушкину людей, его уже забыли въ Одессѣ въ концѣ 20-хъ годовъ. Объясняю такое показаніе офиціальнымъ положеніемъ А. А. Скальковскаго, до котораго изъ среды лицъ, окружавшихъ гр. Воронцова, дѣйствительно отзывы о Пушкинѣ могли и не дойти; не даромъ же онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о пребываніи Пушкина въ Одессѣ въ своей исторіи ея; но воспоминанія Н. Г. Тройницкаго доказываютъ, что въ русскомъ обществѣ Одессы и хорошо помнили Пушкина, и восхищались его произведеніями. Затѣмъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1827 года въ № 30 отъ 20-го апрѣля перепечатано было стихотвореніе Пушкина „Одесса“ изъ „Онѣгина“, которое могло напомнить многимъ одесситамъ о своемъ авторѣ. Наконецъ, въ 1828—1830 годахъ ришельевскіе лицеисты издавали рукописный журналъ „Ареопагъ“ (хранящійся нынѣ въ одесской публичной библіотекѣ). По словамъ одного изъ его редакторовъ, Н. Г. Тройницкаго, журналъ этотъ былъ вызванъ къ жизни именно вліяніемъ Пушкина; и точно, въ немъ перепечатывались его стихотворенія, разбирались его произведенія и т. д. Въ послѣднихъ книжкахъ „Ареопага“ о Пушкинѣ говорится рѣдко: но въ то время и вообще въ русскихъ журналахъ видно оскудѣніе

статей о Пушкинѣ — до тѣхъ поръ, пока смерть снова не привлекла къ нему общаго вниманія; извѣстіе же о смерти Пушкина, напечатанное въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" (1837 года № 13), отличается высокимъ лиризмомъ; для образчика привожу окончаніе статьи, какъ имѣющее для моей темы спеціальный интересъ: „Съ ранняго возраста прислушивались мы къ этимъ очаровательнымъ пѣснопѣніямъ, къ этимъ незнаемымъ дотолѣ оборотамъ русской рѣчи, къ этой неслыханной у насъ гармоніи языка. Съ любовью слѣдили мы каждый шагъ поэтическаго поприща его жизни, дорожили его славою, потому что видѣли въ ней нашу собственную славу, — славу Россіи. Мы привыкли считать эту славную жизнь неотъемлемымъ безсмертнымъ достояніемъ русской литературы; мы никогда не думали, мы не постигали возможности лишиться нашего незабвеннаго... Пушкинъ! Пушкинъ! Зачѣмъ же такъ рано, такъ нежданно! И нѣтъ преемника тебѣ, вѣщій пѣвецъ нашего времени". Послѣ смерти Пушкина наступило время изученія его біографіи и оцѣнки его литературной дѣятельности, стали появляться статьи о немъ и воспоминанія; не осталась чуждою къ этому и Одесса, гдѣ еще до 50-хъ годовъ было напечатано о Пушкинѣ нѣсколько статей, и въ сущности начало серіозному изученію біографіи Пушкина положено было одесситомъ. Питомецъ Ришельевскаго лицея, затѣмъ профессоръ въ немъ русской словесности, К. П. Зеленецкій (теперь, кстати сказать, незаслуженно забытый и неудостоившійся обстоятельной біографіи, хотя по его учебникамъ нѣкогда училась вся Россія) былъ величайшимъ поклонникомъ Пушкина. Уже въ 1838 году онъ напечаталъ въ „Современникѣ" воспоминанія о немъ нѣкоего А. Грена и затѣмъ надолго посвятилъ себя изученію біографіи великаго поэта, усиленно разыскивая даже принадлежавшую ему извѣстную оригинальную палку, которая однако попала къ другому одесскому почитателю Пушкина Н. Г. Тройницкому, а нынѣ находится въ музеѣ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей.

Переселеніе въ Одессу на службу брата поэта, Л. С. Пушкина, побудило К. П. Зеленецкаго особенно усердно заняться выясненіемъ обстоятельствъ пребыванія поэта въ Новороссіи, результатомъ чего былъ рядъ прекрасныхъ статей его о Пушкинѣ, опередившихъ капитальный трудъ Аненникова. Не называю ихъ, равно и дальнѣйшихъ статей, написанныхъ у насъ о Пушкинѣ, такъ какъ перечисленіе ихъ частью есть уже въ извѣстныхъ книжкахъ Межова и профессора А. В. Яковлева (одессита же), частью, какъ мнѣ извѣстно, приготовляется къ печати одесскою публичною библіотекою. Число ихъ, особенно во время пушкинскихъ торжествъ 1880 и 1887 годовъ, прямо-таки колоссально, и авторами какъ воспоминаній о Пушкинѣ, такъ и посвященныхъ ему статей являются всѣ безъ исключенія сколько-нибудь замѣтные наши литераторы и публицисты, какъ уже покойные (А. А. Скальковскій, Н. Н. Мурзакевичъ, М. Ф. Дерибасъ, О. О. Чижовичъ, проф. В. А. Яковлевъ и др.), такъ и тѣ, которые еще продолжаютъ свою дѣятельность. Такое же одушевленіе господствуетъ

въ крымской и бессарабской прессѣ; отсюда тоже доходитъ къ намъ рядъ воспоминаній о Пушкинѣ, иногда поэтическихъ, какъ, напримѣръ, разсказъ о кипарисѣ и соловьѣ въ Гурзуфѣ, иногда баснословныхъ, какъ напр. большинство новыхъ кишиневскихъ воспоминаній, даже съ массою неизвѣстныхъ стиховъ, будто бы пушкинскихъ. Появляются переводы сочиненій Пушкина на всѣхъ имѣющихся на югѣ Россіи иностранныхъ языкахъ, до эксперанто включительно; въ честь Пушкина обильно пишутся стихотворенія и создаются памятники искусства, напр. музыкальныя произведенія; словомъ, совершаются всевозможные способы чествованія его памяти. Я позволю себѣ (по весьма понятной причинѣ) остановиться на дѣятельности въ этомъ отношеніи одесскаго славянскаго благотворительнаго общества, черезъ просвѣтительный трудъ котораго красною нитью проходитъ популяризація сочиненій Пушкина въ средѣ одесскаго простонародья. Это же общество организовало постановку въ Одессѣ одного изъ первыхъ памятниковъ Пушкину въ Россіи (впрочемъ, Кишиневъ сдѣлалъ это раньше) и отмѣтило на основаніи вполнѣ авторитетныхъ показаній тотъ домъ, гдѣ остановился Пушкинъ, по пріѣздѣ въ Одессу въ 1823 году.

Немало сдѣлало для прославленія памяти Пушкина и наше городское общественное управленіе. Достаточно указать, что въ настоящее время имъ связано съ именемъ Пушкина едва ли не самое симпатичное учрежденіе, вызванное его юбилеемъ. Но кому въ исторіи распространенія любви къ Пушкину и памяти о немъ на югѣ Россіи (и конечно по всей Россіи) принадлежитъ главное мѣсто — это нашимъ педагогамъ. Буду говорить объ Одессѣ, такъ какъ я располагаю лишь здѣшними данными. Въ нашемъ университетѣ читались систематическіе курсы о Пушкинѣ (проф. И. С. Некрасовымъ) раньше, нежели гдѣ-либо. Совѣтъ университета неоднократно принималъ мѣры, чтобы направить студентовъ къ спеціальному изученію сочиненій великаго поэта. Какое значеніе имѣютъ сочиненія Пушкина въ нашей средней школѣ — общеизвѣстно; я готовъ даже сдѣлать упрекъ ей, что Пушкинъ здѣсь слишкомъ уже заслоняетъ нашихъ послѣдующихъ выдающихся писателей. Стоя въ послѣднее время близко къ нашимъ низшимъ учебнымъ заведеніямъ, могу засвидѣтельствовать, что и здѣсь Пушкинъ является любимѣйшимъ и популярнѣйшимъ писателемъ. И если оправдается когда-либо упованіе Пушкина:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ,

— этимъ Россія и Пушкинъ болѣе всего обязаны будутъ учителямъ народныхъ училищъ. Путемъ какъ бы волосныхъ сосудовъ происходитъ, благодаря имъ, проникновеніе въ народъ сочиненій великаго поэта. Если имя его еще недостаточно извѣстно его народу — что дѣлать: это недостатокъ не одного юга. Полтора мѣсяца назадъ я съ однимъ знакомымъ отправился въ Петербургъ искать мѣсто роковой дуэли Пушкина. Не зная этого мѣста, мы разспрашивали о немъ и

полицію, и мѣстныхъ сторожей, и вообще всякаго встрѣчнаго, по крайней мѣрѣ, человѣкъ 20, и могли убѣдиться, что ни для одного изъ нихъ слово „Пушкинъ“ не зазвучало чѣмъ-то знакомымъ, близкимъ. И лишь культурный прохожій вывелъ насъ изъ затрудненія, указавъ намъ дорогу къ болоту, гдѣ стоитъ маленькій столбикъ съ плохимъ гипсовымъ бюстикомъ Пушкина, смотрящаго на скачки и на тотализаторъ! Мнѣ не было стыдно за Одессу!

Будемъ надѣяться, что празднества, подобныя нынѣшнему, тоже явятся прекраснымъ средствомъ привлечь народъ къ имени Пушкина, а послѣ того и къ его сочиненіямъ.

Нашъ югъ все еще принято почему-то считать не вполнѣ Россіей. Отъ Одессы не отстаетъ репутація нерусскаго города. Но если принадлежность къ націи опредѣляется самосознаніемъ, то Одесса, какъ и весь югъ, давно доказали свою русскую національность, и рядъ пушкинскихъ празднествъ явился лучшимъ показателемъ этого. Если же этого мало и для нашего юга, съ Одессою включительно, еще предстоитъ работа, чтобы примкнуть къ русской національности, то единственнымъ способомъ явится распространеніе здѣсь великихъ произведеній русскаго національнаго генія и, можетъ быть, всего раньше Пушкина. Какъ ни громадно уже его значеніе, въ настоящее время, но истинная миссія его выполнится лишь тогда, когда всѣ многочисленные жители Россіи сознательно и свободно признаютъ Пушкина своимъ великимъ поэтомъ.

Маркевичъ.

Вліяніе юга на поэтическую дѣятельность Пушкина.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ прожилъ на югѣ Россіи — на Кавказѣ, въ Крыму и Бессарабіи — болѣе трехъ лѣтъ, именно съ мая мѣсяца 1820 года по іюнь 1823 года. Эти мѣста имѣли особенно важное значеніе для развитія его генія. Кавказъ и Крымъ воспитали въ немъ чувство любви къ природѣ, обогативъ его душу великолѣпными образами внѣшняго міра; Кишиневъ, этотъ пограничный городъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, представлялъ пестрый и разнообразный міръ людскихъ отношеній и связей. Здѣсь, по преимуществу, познакомился онъ съ жизнію и пріобрѣлъ познаніе человѣческаго сердца, такъ необходимое для писателя. На этихъ окраинахъ Россіи зародились всѣ важнѣйшія произведенія второго періода поэтической дѣятельности Александра Сергѣевича, запечатлѣнныя вліяніемъ на него Байрона. Но, кромѣ Кавказа, Крыма и Бессарабіи, въ воспитаніи пушкинскаго генія принимала въ эту пору участіе и Украйна, или Малороссія. Пушкинъ прожилъ нѣсколько времени въ Екатеринославѣ и отсюда вынесъ поэтическій образъ бѣгства двухъ скованныхъ разбойниковъ, представленный имъ въ поэмѣ „Братья разбойники“. По пути съ Кавказа на южный берегъ Крыма, онъ видѣлъ берега Кубани,

любовался черноморскими казаками, этими выходцами изъ Запорожской сѣчи, и воспѣлъ ихъ въ „Черкесской пѣснѣ“ въ своей поэмѣ „Кавказскій плѣнникъ“. Въ Кишиневѣ, въ этой смѣси племенъ, нарѣчій, поколѣній, нашъ поэтъ встрѣчался и съ малороссами, а въ Бендерахъ бесѣдовалъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней Малороссіи со старикомъ Миколой Искрой, которому было тогда около 135 лѣтъ. Но что всего интереснѣе для насъ, А. С. Пушкинъ имѣлъ тогда близкія связи съ Кіевской губерніей и съ городомъ Кіевомъ. Въ Кіевѣ находилась тогда главная квартира командира 4-го корпуса первой арміи Николая Ивановича Раевскаго, съ сыномъ котораго, Николаемъ, Пушкинъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ селѣ Каменкѣ, Чигиринскаго повѣта, жила мать старика Раевскаго, урожденная графиня Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова. Въ эти-то два пункта Украйны часто удалялся Александръ Сергѣевичъ изъ Кишинева въ гости къ Раевскимъ и Давыдовымъ, какъ бы отдыхалъ здѣсь отъ напора сильныхъ впечатлѣній, только что имъ полученныхъ на Кавказѣ, въ Крыму и Бессарабіи, сосредоточивался въ себѣ и очищалъ эти впечатлѣнія въ горнилѣ художественнаго творчества. Въ теченіе трехъ лѣтъ своей кишиневской жизни А. С. Пушкинъ каждый годъ навѣдывался въ Каменку и въ Кіевъ. Въ Каменкѣ написано имъ стихотвореніе „Я пережилъ свои желанья“ и оконченъ „Кавказскій плѣнникъ“. Въ Кіевѣ, въ февралѣ 1821 года, написаны имъ стихи: „Земля и море“, „Муза“ и „Желаніе“. Всѣ почти эти произведенія имѣютъ отношеніе къ прошлой жизни поэта и частію выражаютъ временную усталость его послѣ тяжелой жизненной дороги („Я пережилъ свои желанья“), частію воспроизводятъ въ художественныхъ образахъ воспоминанія о Кавказѣ и Крымѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ, сводя въ Кіевѣ и Каменкѣ счеты съ прежнею жизнію, съ прежними впечатлѣніями, не могъ не воспринимать здѣсь новыхъ впечатлѣній отъ окружавшей его украинской жизни и не питать новыхъ поэтическихъ замысловъ. Его ласковая муза часто оживляла ему „путь нѣмой волшебствомъ тайнаго разсказа“. А о Кіевѣ его муза могла поразсказать ему многое изъ того, о чемъ мечталъ онъ еще раньше въ „Русланѣ и Людмилѣ“, т.-е. о первыхъ кіевскихъ князьяхъ, и указать ему новые предметы и планы. Ко времени пребыванія Пушкина на югѣ Россіи и поѣздокъ его въ Кіевъ и Каменку относится его „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“, написанная если не въ Кіевѣ, то подъ свѣжимъ его впечатлѣніемъ. Эта пѣснь написана въ 1822 году и довольно ясно указываетъ на Щекавицу, гдѣ прежде искали могилу Олега. Пушкинъ, конечно, на этой горѣ — и въ его поэтическомъ воображеніи развернулась величественная картина тризны по умершемъ Олегѣ, совершенно наглядная для кіевлянъ:

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега.

Непосредственное отношеніе къ Кіеву имѣетъ и баллада Пушкина „Гусаръ“, воспроизводящая украинское преданіе о кіевскихъ вѣдьмахъ и Лысой горѣ.

На югѣ Россіи зародилась у Пушкина и мысль написать поэму „Полтава“, съ которой обыкновенно начинаютъ третій періодъ поэтической дѣятельности Пушкина въ самобытномъ направленіи. Мысль поэмы навѣяна была „Мазепой“ Байрона и явилась у Пушкина, по всей вѣроятности, еще въ Кишиневѣ. По крайней мѣрѣ, будучи еще въ Бендерахъ, такъ сказать, на самомъ мѣстѣ развязки полтавской драмы, нашъ поэтъ посѣтилъ бывшее Варницкое укрѣпленіе Карла XII, слушалъ разсказъ старика Искры объ этомъ королѣ и особенно добивался отъ Искры узнать что-либо о Мазепѣ. Но чего Пушкинъ не добился отъ старика Искры, то могъ узнать онъ въ центрѣ самой Украйны, въ Кіевѣ или Каменкѣ, недалеко отъ мѣста дѣйствія. Съ увеличеніемъ матеріала, планъ поэмы расширяется, захватываетъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII и представляетъ широкую картину напряженной жизни Маллороссіи за это время. Мѣстами встрѣчаются въ поэмѣ вѣрныя изображенія украинской природы, необозримыхъ луговъ и широкихъ степей, синяго Днѣпра и тихой украинской ночи, и замѣтны даже слѣды мѣстнаго нарѣчія (*сткло*, *хуторъ*, *катъ*). Впослѣдствіи, къ личнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, вынесеннымъ поэтомъ изъ Украйны, присоединились и печатные источники украинскаго происхожденія. Въ 1827 году М. А. Максимовичъ издалъ въ Москвѣ сборникъ „Малорусскихъ народныхъ пѣсенъ“, которыя произвели благотворное вліяніе на тогдашнюю литературу и сдѣлали издателя однимъ изъ видныхъ литературныхъ дѣятелей Жуковско-Пушкинской и Гоголевской эпохи. Самъ Максимовичъ разсказывалъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина онъ засталъ поэта за своимъ сборниковъ: „А я обираю ваши пѣсни“, сказалъ Пушкинъ. Онъ писалъ въ это время Полтаву. „*Полтава*, — говоритъ одинъ писатель, — одно изъ первыхъ у насъ поэтическихъ произведеній съ чертами народности въ сюжетѣ и характерахъ. Марія Кочубеевна, при всей своей относительной, по теперешнимъ понятіямъ, бѣдности изображенія, — одно изъ первыхъ живыхъ русскихъ женскихъ лицъ въ нашей литературѣ. Нельзя не видѣть, что черты ея у Пушкина навѣяны женскими украинскими пѣснями, столь полными нѣжности и страсти“.

Петровъ.

Впечатлѣнія новой для него, но могущественно дѣйствующей природы юга, которая вдругъ раскрылась передъ Пушкинымъ какъ бы навстрѣчу его желаніямъ, отразилось во многомъ, что было написано имъ на югѣ Россіи. Ссылка, вырвавшая его изъ безумнаго омута петербургской жизни, утомившей Пушкина, подѣйствовала на него благотворно: она освѣжила его. Попасть вдругъ съ пьяной оргіи петер-

бургской золотой молодежи на дѣвственно-чистые снѣга кавказскихъ горъ и притомъ въ той благопріятной обстановкѣ, въ какой находился Пушкинъ, было для него величайшимъ счастіемъ. Съ пріѣзда въ Крымъ, съ первыхъ уже написанныхъ стихотвореній, сказывается вліяніе природы южнаго берега и той идиллически-страстной обстановки, которую Пушкинъ нашелъ въ гостепріимномъ семействѣ Раевскихъ. Стихъ его твердѣетъ, въ немъ видно больше отдѣлки, форма напоминаетъ спокойную и ясную древнюю форму. Не безъ вліянія изученія въ это время французскаго поэта А. Шенье совершилось это развитіе къ лучшему, но явленіе Шенье было непродолжительно. То, что составляло главныя свойства этого предшественника французскихъ романтиковъ, по опредѣленію современнаго критика Брандеса, благородная простота языка, опредѣленность и точность рисунка, красивыя линіи барельефа, цѣльныя краски и строгая форма сдѣлались легко достояніемъ Пушкина. Но содержаніе поэзіи Шенье было не глубоко; онъ не могъ надолго удовлетворить развивающійся духъ нашего поэта, и Шенье былъ скоро забытъ для Байрона, съ произведеніями котораго Пушкинъ въ первый разъ познакомился въ Крыму, въ семействѣ генерала Раевскаго, гдѣ знали англійскій языкъ.

Вся поэтическая дѣятельность Пушкина на югѣ Россіи, начиная съ извѣстной его элегіи „Погасло дневное свѣтило“, въ которой уже слышатся отзвуки поэзіи Байрона, происходила болѣе или менѣе подъ вліяніемъ этого „властителя нашихъ думъ“ — по его выраженію. Такимъ властителемъ Байронъ остался для Пушкина до самаго того времени, когда замыселъ „Евгенія Онѣгина“ не увлекъ его въ русскую деревню, въ нѣдра родной семейной и общественной жизни. Байронъ на русской почвѣ долженъ былъ получить, однако, своеобразныя черты, зависѣвшія уже отъ нашихъ условій. Горькая иронія и отчаяніе Байрона, его типы и герои, воплотившіе въ себѣ собственную душу англійскаго поэта, его скептицизмъ вытекали изъ отношеній къ современной исторіи такой глубокой личности, какою былъ Байронъ. Онъ былъ продуктомъ современной исторіи, какъ всякій поэтъ. Въ его духѣ, въ его міросозерцаніи происходитъ тотъ историческій разладъ, которымъ страдали его современники. Не мѣсто говорить здѣсь о глубокомъ историческомъ содержаніи поэзіи Байрона, которая неизбѣжно должна была увлечь его младшаго современника, стремившагося тогда „стать съ вѣкомъ наравнѣ“ и пережившаго, подобно всему тогдашнему русскому молодому и мыслящему поколѣнію, отраженія у насъ духовной и политической жизни Европы, но должны сказать вообще, что поэзія Байрона выражала вполнѣ современность. „Безнадежный эгоизмъ“ и унылый романтизмъ“ Байрона, какъ опредѣляетъ его поэзію Пушкинъ, не былъ *удачною прихотью* поэта, по его же выраженію, а имѣлъ свой корень въ духѣ времени.

Совершенно понятно, почему Байронъ во все время жизни Пушкина на русскомъ югѣ былъ „властителемъ его думъ“. Поэзія Байрона, если она была выраженіемъ его могучей и гордой личности

то вмѣстѣ съ тѣмъ она была также и выраженіемъ свободнаго европейскаго духа въ эпоху самовластнаго могущества Наполеона и начавшейся послѣ его паденія всеобщей европейской реакціи. Духъ Руссо и его боязливое недовѣріе къ людямъ ожили въ англійскомъ поэтѣ, но получили гораздо сильнѣйшее и полнѣйшее выраженіе. Для страстнаго пессимизма и скептицизма Байрона было много и общихъ и европейскихъ, и національно англійскихъ и, наконецъ, личныхъ причинъ. Чайльдъ-Гарольдъ и Лара, какъ высшія выраженія и самого Байрона, и цѣлаго типа, съ глубокою тоскою, грызущею ихъ сердце, и съ гордою мукою, не находящею нигдѣ успокоенія, для людей того времени были откровеніемъ. Это была исповѣдь вѣка, внутренняя исторія его. Въ страсти, въ мукахъ байроновскихъ героевъ современники находили свои собственныя, переживаемыя ими страданія и ощущенія. *Буличъ.*

Пушкинъ въ Михайловскомъ.

Въ жизни и творчествѣ Пушкина пребываніе его въ селѣ Михайловскомъ съ августа 1824 года по сентябрь 1826 года имѣетъ особое значеніе и привлекаетъ вниманіе изслѣдователя. Это періодъ небольшой по времени, бѣдный внѣшними событіями, но богатый по внутреннему содержанію и очень важный для душевнаго развитія поэта. Всего два года прожилъ Пушкинъ въ уединеніи с. Михайловскаго — и въ немъ произошло то „возрожденіе", котораго онъ жаждалъ уже давно, о которомъ мечталъ въ водоворотѣ петербургской жизни и подъ знойнымъ небомъ юга. Нашъ поэтъ испыталъ переломъ въ душевной жизни; отшумѣли и замолкли грезы юности, періоды бури и натиска, — наступаетъ пора самосознанія, спокойнаго и опредѣленнаго взгляда на цѣль жизни и литературной дѣятельности. Правда, спокойствіе это нерѣдко нарушается, страсти вспыхиваютъ въ душѣ поэта, но въ общемъ его жизнь течетъ уже по одному руслу: у нея есть цѣль, есть содержаніе.

Оставляя шумную одесскую жизнь и роскошную южную природу для уединенія въ сѣверной деревнѣ, Пушкинъ надѣялся найти отдыхъ и безъ озлобленія отнесся къ постигшей его немилости. Такимъ настроеніемъ проникнуто первое стихотвореніе, написанное въ селѣ Михайловскомъ.

Аквилонъ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облака столь гнѣвно гонишь?
Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался,
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой —
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.
Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

Въ этомъ художественномъ стихотвореніи поэтъ сплетаетъ образы природы, мысли о политическихъ событіяхъ и личные мотивы. Дубъ, какъ говорятъ нѣкоторые критики, изображаетъ Наполеона, котораго политическая гроза вырвала изъ Европы и унесла на островъ св. Елены. Тростникъ — самъ Пушкинъ. Въ одномъ изъ черновыхъ набросковъ „Евгенія Онѣгина“ поэтъ замѣчаетъ о своемъ невольномъ переселеніи съ юга на сѣверъ:

... Я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ,
И, слава Богу, отъ вельможъ
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ тригорскихъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ —
И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

О мысляхъ и чувствахъ, съ которыми онъ явился въ село Михайловское, Пушкинъ вспоминаетъ въ стихотвореніи „Опять на родинѣ“, написанномъ значительно позже, въ 1835 году

... Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни. Годы
Промчалися — и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой —
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства...

Къ печальнымъ и горькимъ воспоминаніямъ о прошломъ присоединились невзгоды настоящаго, встрѣтившія поэта на родинѣ, въ кругу семьи. По донесенію псковской полиціи, Пушкинъ прибылъ въ село Михайловское 9 августа 1824 года, а 31 октября онъ уже пишетъ Жуковскому письмо, живо и вѣрно рисующее отношеніе къ нему отца. „Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхалъ сюда, былъ я встрѣченъ всѣми какъ нельзя лучше, но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердитъ, что и его ждетъ та же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку; короче, быть моимъ шпіономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволили мнѣ съ нимъ объясняться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя

изъ тягостнаго положенія, прихожу къ моему отцу и прошу позволенія говорить искренно — болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ".

Отецъ, подъ вліяніемъ Жуковскаго или по собственному побужденію, уѣхалъ со всею семьею изъ Михайловскаго и отказался отъ надзора за сыномъ. Къ ноябрю 1824 года Пушкинъ зажилъ одиноко съ няней Ариной Родіоновой. „Буря, кажется, успокоилась", пишетъ онъ одному изъ пріятелей. „Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я нахожусь въ глухой деревнѣ, — скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни итальянской оперы, ни васъ, друзья мои. Но зато нѣтъ ни саранчи ни милордовъ Воронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ, да и то вижу довольно рѣдко, — совершенный Онѣгинъ; цѣлый день верхомъ; вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала Татьяны; она — единственная моя подруга, и съ нею мнѣ не скучно".

Въ IV главѣ „Евгенія Онѣгина" Пушкинъ изображаетъ свой скромный образъ жизни въ селѣ Михайловскомъ. По утрамъ лѣтомъ онъ купался въ рѣкѣ Сороти, протекавшей у подошвы холма, на которомъ находился „смиренный домъ", гдѣ жилъ поэтъ съ нянею. Зимою бралъ холодную ванну. Носилъ простой деревенскій нарядъ. „Прогулки, чтенье, сонъ глубокій, лѣсная тѣнь, журчанье струй, уздѣ послушный конь ретивый, обѣдъ довольно прихотливый, бутылка свѣтлаго вина, уединенье, тишина" — вотъ содержаніе жизни нашего поэта. Одна комната съ ширмами служила Пушкину спальней, столовой, рабочимъ кабинетомъ. На другой половинѣ дома находилась просторная комната, гдѣ жила няня Арина Родіоновна, которая тутъ же наблюдала за толпой крѣпостныхъ швей и ткачихъ, работавшихъ для господъ. Съ няней поэтъ короталъ длинные зимніе вечера, объ одномъ изъ которыхъ говоритъ въ знаменитомъ стихотвореніи „Зимній вечеръ".

Уединенная жизнь благотворно дѣйствовала на Пушкина. Она подходила къ его характеру, который къ тому времени уже успѣлъ опредѣлиться въ главныхъ своихъ чертахъ. Это не былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, о которыхъ говорятъ: „а онъ, мятежный, ищетъ бури, какъ-будто въ буряхъ есть покой". Никогда Пушкинъ не искалъ жизненныхъ бурь, онѣ сами приходили, или, вѣрнѣе, были вызываемы его пылкимъ воображеніемъ. Покой и уединеніе всегда были желанны для него. Еще въ Лицеѣ въ стихотвореніи „Городокъ" Пушкинъ радуется уединенію:

Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ...

Тотъ же мотивъ слышится и въ лицейскомъ посланіи къ Юдину:

Не лучше ли въ деревнѣ дальной
Или въ смиренномъ городкѣ
Вдали столицъ, заботъ и грома

Укрыться въ мирномъ уголкѣ?
. . . .
О, если бы когда-нибудь
Сбылись поэта сновидѣнья!
Ужель отрадъ уединенья
Ему вкусить не суждено!

По выходѣ изъ Лицея онъ привѣтствовалъ прелести скромной деревенской жизни въ стихотвореніи „Уединеніе". Мы подчеркиваемъ стремленіе Пушкина къ покою и уединенію, потому что видимъ въ этомъ важную черту его внутренняго міра. Душевная жизнь Пушкина отличалась раздвоеніемъ чувства и воли. Дѣятельность не охватывала поэта цѣликомъ. Житейскія волненія, битвы не удовлетворяли его. Онъ жаждалъ вдохновеній и молитвъ вдали отъ толпы. Пора покоя — ночь особенно привлекала его. Въ одномъ изъ стихотвореній онъ признается, что по ночамъ давалъ себѣ отчетъ о прожитомъ днѣ, о всей прожитой жизни. Наиболѣе плодотворнымъ было творчество Пушкина въ деревнѣ въ уединеніи, куда онъ уѣзжалъ почти каждый годъ съ наступленіемъ осени. Все это подтверждаетъ ту мысль, что какъ ни скучно, какъ ни тяжело было Пушкину въ селѣ Михайловскомъ, уединенная жизнь соотвѣтствовала складу его души, укрѣпляла ее, помогла выработать міросозерцаніе въ главныхъ его чертахъ. А въ связи съ этимъ зрѣло и приносило драгоцѣнные плоды поэтическое творчество поэта. Кстати сказать, критика, которая позже доводила Пушкина до крайностей, заставляя его говорить въ знаменитомъ стихотвореніи „Поэтъ и чернь": „молчи, безсмысленный народъ", пока не нарушала его душевнаго равновѣсія.

Но я плоды своихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей.

Или:

Тоской и риѳмами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ:
Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ строфъ,
Онѣ слетаютъ съ береговъ.

Тоскливое настроеніе и скуку разгоняли у Пушкина не однѣ только прогулки и старая няня, но и близкіе сосѣди, и посѣщенія друзей и лицейскихъ товарищей. Впрочемъ, только съ ближайшими сосѣдями Михайловскаго, семействомъ Прасковьи Александровны Осиповой, близко сошелся Пушкинъ. Много пріятныхъ часовъ провелъ онъ въ селѣ Тригорскомъ, въ 2—3 верстахъ отъ Михайловскаго, на холмистомъ берегу рѣки Сороти. Прасковья Александровна Осипова высоко цѣнила Пушкина, и онъ имѣлъ на нее большое вліяніе. Съ своей стороны и Пушкинъ отвѣчалъ ей безграничной дружбой, посвящалъ ей стихотворенія, даже выражалъ намѣреніе купить подлѣ Тригорскаго

клочокъ земли и поселиться на немъ. Не одна хозяйка Тригорскаго была искренно привязана къ Пушкину. „Съ живописной площадки одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ было расположено помѣстье, много глазъ еще устремлялось на дорогу въ Михайловское, видную съ этого пункта, и много сердецъ билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкинъ или пѣшкомъ, въ шляпѣ съ большими полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ на аргамакѣ, а то и просто на крестьянской лошаденкѣ“. Кромѣ двухъ дочерей г-жи Осиповой, Анны и Евпраксіи Николаевны Вульфъ (отъ перваго брака), въ домѣ ея постоянно гостили молодыя кузины. Все это женское населеніе Тригорскаго улекалось Пушкинымъ и вызывало увлеченія съ его стороны. Усталый, послѣ усидчивыхъ занятій у себя въ Михайловскомъ, являлся онъ въ Тригорское и оживлялъ деревенскій одноэтажный домъ, наполненный молодежью. Поднимался шумъ, говоръ, смѣхъ, начинались интриги, борьба молодыхъ страстей — и нашъ поэтъ всему давалъ тонъ. Не обходилось здѣсь и безъ семейныхъ драмъ, ревности и невинныхъ катастрофъ.

Кромѣ тригорскихъ сосѣдей, жизнь невольнаго изгнанника оживлялась пріѣздами друзей. Чувство дружбы было очень живо у Пушкина. Онъ легко сближался съ людьми, у которыхъ были общіе съ нимъ интересы. Но наиболѣе постоянныя и нѣжныя чувства питалъ онъ къ своимъ лицейскимъ друзьямъ. День открытія Лицея 19 октября и въ Михайловскомъ былъ для него праздникомъ. Онъ мысленно пировалъ съ друзьями, празднуя лицейскую годовщину, и наединѣ съ самимъ собою провозглашалъ тостъ за Лицей. Трое изъ старыхъ товарищей, Дельвигъ, Пущинъ и Горчаковъ навѣстили михайловскаго изгнанника. Въ полныхъ глубокаго чувства и высоко-художественныхъ строфахъ вспоминаетъ поэтъ о пріѣздѣ друзей.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей, печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной, —
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.
И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О, Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ,
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ!
Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодный,
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;

Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.
Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный,
Подъ бурею главой поникъ я томной
И ждалъ тебя, вѣщунъ пермесскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О, Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Пущинъ пробылъ въ Михайловскомъ всего одинъ день, но отъ него мы знаемъ о жизни Пушкина тамъ чуть ли не болѣе, чѣмъ отъ кого-либо другого, такъ какъ въ своихъ запискахъ онъ подробно описываетъ это посѣщеніе опальнаго поэта. Встрѣча была неожиданна для Пушкина и бурно-радостна. „Пушкинъ вообще показался мнѣ“, говоритъ Пущинъ, „нѣсколько серіознѣе прежняго, сохраняя, однакожъ, ту же веселость... Прежняя его живость во всемъ проявлялась, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ воспоминаніи: имъ не было конца въ неумолкаемой нашей болтовнѣ... Замѣтно было, что ему нѣсколько наскучила прежняя шумная жизнь, въ которой онъ частенько терялся. Онъ сказалъ, что нѣсколько примирился въ эти четыре мѣсяца съ новымъ своимъ бытомъ, вначалѣ очень для него несчастнымъ; что тутъ хотя невольно, но все-таки отдыхаетъ отъ прежняго шума и волненій, съ музой живетъ въ ладу и трудится охотно и усердно“. Эти замѣтки Пущина подтверждаютъ то заключеніе, которое высказано выше относительно наклонности поэта къ спокойной жизни.

Но иногда, въ первый годъ, мирный кровъ Михайловскаго оживлялся веселой дружеской пирушкой. Поэта посѣщали дерптскій студентъ Вульфъ, сынъ Осиповой отъ перваго брака, и молодой поэтъ Языковъ. Ихъ однажды приглашалъ къ себѣ Пушкинъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да, Языкова, поэта
Затащи ко мнѣ съ собой.
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
...Запируемъ — ужъ молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
Въ Тригорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта...

Языковъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ разказываетъ о Михайловскомъ, о Пушкинѣ и его нянѣ:

Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ дружескихъ бесѣдъ,

восклицаетъ онъ,

Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говоритъ поэтъ?
Жрецы высокаго искусства,
Пророки воли божества!
Какъ независимы ихъ чувства,
Какъ полновѣсны ихъ слова!

Рыбинскій.

Поэтическая дѣятельность Пушкина въ Михайловскомъ.

Въ отношеніи поэтическаго творчества Пушкина два года, проведенные имъ въ Михайловскомъ, были весьма счастливы и принесли обильные плоды. Тутъ, въ тиши уединенія, въ глубокомъ сосредоточеніи, на свободѣ, зрѣли творческіе замыслы поэта и облекались въ рядъ поэтическихъ созданій, въ которыхъ впервые обнаружилась настоящая зрѣлость геніальнаго дарованія Пушкина.

На первомъ мѣстѣ среди произведеній этой эпохи безспорно стоитъ „Борисъ Годуновъ“. Первое извѣстіе объ этой пьесѣ находимъ мы въ припискѣ къ письму Пушкина къ кн. Вяземскому отъ 13 іюля 1825 года: „Передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобъ не выписать ея заглавія: *Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ Годуновѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ въ лѣто 7333 на городищѣ Вороничѣ*“ (VII, 137). Насколько тогда была выполнена эта работа надъ трагедіей, мы не знаемъ, но осенью того же года Пушкинъ писалъ тому же лицу: „Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ: ай да Пушкинъ!“... (VII, 160). Въ черновыхъ бумагахъ Пушкина сохранилось нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ позднѣйшихъ годовъ, гдѣ Пушкинъ касается своей пьесы, которую онъ называетъ то „комедіею“, то „трагедіею“, то „драмою“: „*Комедія о царѣ Борисѣ и Гр. Отрепьевѣ* писана въ 1825 году, и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мѣрѣ, труды мои были ревностны и добросовѣстны“ (III, 82—83). Указанія — точныя и совершенно опредѣленныя; произведенная послѣдней критикой провѣрка ихъ анализомъ самой драмы вполнѣ подтвердила признанія Пушкина и показала вмѣстѣ съ тѣмъ вдумчивую самостоятельность и добросовѣстность, съ которыми относился Пушкинъ къ своимъ „источникамъ“, зависимость отъ которыхъ автора слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что добытыя изъ нихъ данныя онъ претворялъ и перерабатывалъ въ своемъ творческомъ сознаніи и представилъ въ концѣ концовъ трудъ, и въ цѣломъ и въ частяхъ совершенно самостоятельный и обладающій высокими поэтическими достоинствами. Напр., даже зависимость отъ Карамзина, о которой говоритъ самъ Пушкинъ и которая понималась въ свое время даже такими критиками, какъ Полевой и

Бѣлинскій, въ смыслѣ почти простого пересказа Пушкинымъ нѣкоторыхъ страницъ X и XI томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“, теперь, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается далеко не столь близкою и обнаруживающею, напротивъ, весьма самостоятельное отношеніе Пушкина къ Карамзину, извѣстія котораго онъ восполнялъ другими источниками, иногда шедшими даже въ противорѣчіе съ разсказомъ Карамзина. Это, конечно, свидѣтельствуетъ о самомъ серіозномъ отношеніи Пушкина къ своему труду, который былъ ему чрезвычайно дорогъ и въ который вложилъ онъ часть своей души: „Хотя я вообще,— говоритъ Пушкинъ въ тѣхъ же своихъ отрывочныхъ замѣткахъ, еще до изданія въ свѣтъ драмы — довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но, признаюсь, неудача „Бориса Годунова“ будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи: c'est une œuvre de bonne foi. Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе по вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены всѣ усилія, наконецъ, одобреніе малаго числа избранныхъ“. Въ своихъ опасеніяхъ относительно успѣха „Бориса Годунова“ Пушкинъ оказался совершенно правъ: претерпѣвъ довольно длинную исторію до своего напечатанія, драма увидѣла свѣтъ лишь въ началѣ 1831 года и при появленіи своемъ нашла далеко не единодушное пониманіе какъ въ критикѣ, такъ и среди читающей публики.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что работа надъ „Борисомъ Годуновымъ“, въ которомъ такую видную роль играетъ элементъ старинной русской народной жизни, содѣйствовала стремленіямъ Пушкина проникнуть въ окружавшую его дѣйствительную народную жизнь. По словамъ Анненкова, „время пребыванія въ Псковѣ онъ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли — изученію народной жизни. Онъ изыскивалъ средства для отысканія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми, и весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ которомъ онъ даже разъ явился въ одинъ изъ почетныхъ домовъ Пскова[1]). Плодомъ такихъ наблюденій явился именно тотъ сборникъ народныхъ пѣсенъ, который, по свидѣтельству В. П. Кирѣевскаго, переданъ былъ ему Пушкинымъ и послужилъ къ обогащенію замѣчательнаго собранія Кирѣевскаго произведеній народнаго творчества, увидѣвшаго свѣтъ гораздо позже, а также и тѣхъ „полународныхъ, полувыдуманныхъ произведеній“, какъ выражается Анненковъ, въ которомъ мы находимъ „смѣшеніе творчества личнаго и условнаго съ общенароднымъ и непосредственнымъ“.

Другимъ обширнымъ поэтическимъ трудомъ, занимавшимъ Пушкина въ Михайловскомъ, былъ „Евгеній Онѣгинъ“. Какъ извѣстно

---

1) Матеріалы, 2 изд. стран. 144.

изъ собственныхъ указаній Пушкина, романъ этотъ писался имъ въ продолженіе десяти лѣтъ: начатъ въ 1822 году и оконченъ въ 1831-мъ. Изъ восьми главъ, составляющихъ это произведеніе Пушкина, которое является, можно сказать, центромъ всего его поэтическаго творчества, четыре написаны въ Михайловскомъ, именно: третья, четвертая, пятая и шестая. Если припомнить содержаніе этихъ главъ (семья Лариныхъ, посѣщеніе ея въ первый разъ Онѣгинымъ, письмо Татьяны къ Онѣгину, ея сонъ, балъ, поединокъ Онѣгина и Ленскаго), то окажется, что въ нихъ сосредоточивается главное содержаніе романа и главныя его поэтическія красоты описательнаго характера — какъ картины деревенской помѣщичьей жизни и сельской природы въ разныя времена года. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что матеріаломъ для этихъ послѣднихъ являлись живыя наблюденія Пушкина надъ окружавшей его помѣщичьей жизнью въ Михайловскомъ и Тригорскомъ. Что касается дѣйствующихъ въ романѣ лицъ, то уже давно извѣстно мнѣніе Анненкова о томъ, что въ Татьянѣ и Ольгѣ Пушкинымъ изображены, въ поэтическомъ претвореніи, Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ. Это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ опубликованномъ въ самое послѣднее время дневникѣ Алексѣя Н. Вульфа, гдѣ онъ говоритъ по поводу чтенія „Евгенія Онѣгина“: „Онъ (романъ) не только почти весь написанъ въ моихъ глазахъ, но я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она вся взята изъ пребыванія Пушкина у насъ, въ губерніи Псковской. Такъ я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ гёттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна ли одна изъ нихъ. Многія изъ мыслей, прежде чѣмъ я прочелъ ихъ въ „Онѣгинѣ“, были часто въ бесѣдахъ глазъ на глазъ съ Пушкинымъ въ Михайловскомъ пересуждаемы между нами, а послѣ я встрѣчалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ. О нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, какъ оригиналѣ няни Татьяны, было засвидѣтельствовано самимъ Пушкинымъ. Отдѣльныя главы „Евгенія Онѣгина“ выходили въ печати постепенно съ 1825 по 1832 годъ, при чёмъ первая вышла въ 1825, а вторая въ 1826 году; въ неразрѣзанные листы этой послѣдней главы Пушкинъ вложилъ и поднесъ въ Тригорскомъ А. П. Кернъ знаменитое свое поэтическое признаніе „Я помню чудное мгновенье“... составляющее одно изъ украшеній Пушкинской лирики за время его жизни въ Михайловскомъ.

Дописывая шестую главу „Онѣгина“ и уже волнуемый надеждой скоро выйти на свободу, поэтъ въ послѣднихъ строфахъ ея такъ прощается со своей молодостью и посылаетъ привѣтъ своему деревенскому уединенію, которое онъ готовъ былъ покинуть:

Такъ, полдень мой насталъ, и—нужно
Мнѣ въ томъ сознаться — вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары;
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ

Я насладился... и вполнѣ.
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.
Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И, наконецъ, окаменѣть...

Изъ менѣе значительнихъ произведеній этого времени должны быть названы: „Графъ Нулинъ", „Женихъ", нѣсколько экскурсовъ въ область иностранныхъ литературъ въ видѣ переводовъ, подражаній или самостоятельныхъ произведеній въ духѣ иностранныхъ писателей, наконецъ — лирическія стихотворенія и нѣсколько отрывковъ въ прозѣ.

Графъ Нулинъ (1825 года) представляетъ собою живое, но краткое поэтическое описаніе одного эпизода изъ помѣщичьей жизни въ деревнѣ, при чёмъ въ лицо главнаго героя произведенія авторъ вложилъ нѣсколько сатирическихъ чертъ, обличающихъ какъ легкомысліе семейныхъ нравовъ, такъ и тогдашнее рабское отношеніе ко всему французскому, начиная съ мыслей и кончая послѣдними подробностями моднаго костюма. О происхожденіи этого произведенія Пушкинъ позже (въ 1833 году) писалъ: „Въ концѣ 1825 года находился въ деревнѣ и, перечитывая *Лукрецію*, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что если бы Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило бы его предпріимчивость, и онъ со стыдомъ принужденъ былъ бы отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣсился бы — и міръ и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась. Я не могъ воспротивиться двойному искушенію, и въ два утра написалъ эту повѣсть". „Графъ Нулинъ" увидѣлъ свѣтъ нѣсколько позже, сначала въ отрывкахъ, затѣмъ въ цѣломъ видѣ и въ 1827 и 1828 годахъ. Слѣдомъ личныхъ впечатлѣній поэта въ этомъ произведеніи являются стихи:

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальній
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалый,
Товарищъ юности удалой?

Стихотвореніе „Женихъ" (1825 года) есть поэтическій пересказъ простонародной сказки, быть можетъ, слышанный Пушкинымъ отъ своей няни; по складу своему оно напоминаетъ баллады изъ старинной русской жизни во вкусѣ Жуковскаго и среди произведеній Пушкина стоитъ довольно одиноко.

Мы знаемъ уже, что въ Михайловскомъ Пушкинъ усердно читалъ Шекспира и Вальтеръ-Скотта и въ одномъ письмѣ къ князю Вяземскому (въ сентябрѣ 1825 года) сожалѣлъ о невозможности основательно

заняться въ деревнѣ англійскимъ языкомъ. Но не одна англійская литература тогда занимала его. Изъ французской онъ въ особенности увлекался А. Шенье, которому подражалъ и переводилъ его (1824—1825 годовъ) и въ память котораго написалъ свое знаменитое стихотвореніе „Андрей Шенье“ (1825 года), благодаря которому онъ нѣсколько позже (въ 1827 году) едва не поплатился серіознымъ наказаніемъ и избѣгъ его только потому, что стихотвореніе написано было до всемилостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 года. Пытался перелагать въ это время Пушкинъ кое-что съ итальянскаго и португальскаго (1825 года) и написалъ весьма замѣчательную „Сцену изъ Фауста“ (1826 года) навѣянную мыслью о знаменитой поэмѣ великаго германскаго поэта, о которой въ 1827 году Пушкинъ выразился, что „Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа“, которое служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности“.

Попытками углубленія въ древнюю жизнь является у Пушкина съ одной стороны подражаніе „Пѣсни пѣсней“, съ другой — первый набросокъ стихотворенія „Клеопатра“ (1825 года), который онъ имѣлъ въ виду вставить сначала въ повѣсть изъ древне-римской жизни, а потомъ въ повѣсть изъ современнаго русскаго великосвѣтскаго быта; результатомъ этого явились отрывки повѣсти „Египетскія ночи“, надъ которой Пушкинъ работалъ десять лѣтъ спустя (1835 года) и которую все-таки оставилъ неоконченной. Пушкинъ именно хотѣлъ воспользоваться эпизодомъ изъ древне-египетской жизни, какъ средствомъ поэтическаго эффекта, для болѣе яркаго изображенія современной ему русской жизни, и хотя по неоконченности произведенія послѣдняя цѣль не была достигнута поэтомъ, однако само по себѣ стихотвореніе „Клеопатра“ представляетъ собою, по общему признанію, нѣчто въ высшей степени совершенное по глубокому вдохновенію, яркости образовъ и исторической вѣрности, переносящей читателя разомъ въ изображаемую обстановку въ такой степени, какая могла быть доступна лишь вполнѣ возмужавшему поэтическому генію.

До извѣстной степени близко подходятъ къ этому идеалу поэтическаго проникновенія въ чужую и далекую обстановку и девять стихотвореній Пушкина, объединенныхъ общимъ именемъ „Подражаніе Корану (1824 года) и посвященныхъ авторомъ П. А. Осиповой; съ замѣчательной вѣрностью и выразительностью передана тутъ своеобразная поэзія священной книги Магомета со всей ея наивной глубиной и реторическимъ паѳосомъ.

Что касается мелкихъ лирическихъ стихотвореній, писанныхъ Пушкинымъ въ Михайловскомъ, то кромѣ тѣхъ, о которыхъ было уже упомянуто, здѣсь можно указать еще на отголоски завязавшихся на югѣ нѣжныхъ привязанностей поэта и на стихотворенія, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о своемъ поэтическомъ призваніи.

Глубиною искренняго чувства дышатъ стихотворенія „Сожженое письмо“ и „Желаніе славы“ (оба — 1825 года), въ которыхъ Пуш-

кинъ отдается сладкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустнымъ воспоминаніямъ чистой любви къ женщинѣ, съ которой силою обстоятельствъ ему пришлось разстаться. Къ этой же категоріи должна быть отнесена не по лицу, къ которому обращена, но по характеру внушившаго ее чувства, элегія „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной (1826 года), написанная на смерть г-жи Ризничъ, волновавшей воображеніе поэта и до этого и даже послѣ ея смерти. Элегія эта по глубинѣ чувства, по высокому поэтическому стилю и нѣжности колорита безспорно принадлежитъ къ числу перловъ Пушкинской лирики. Нѣсколько инымъ, менѣе возвышеннымъ и чистымъ характеромъ отличалось увлеченье Пушкина одною изъ пріѣзжихъ обитательницъ Тригорскаго А. П. Кернъ, вызвавшей также изъ-подъ пера Пушкина превосходное стихотвореніе „Я помню чудное мгновенье“, о которомъ было уже упомянуто выше.

Въ стихотвореніяхъ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ (1824 года) и „Пророкъ“ (1826 года) Пушкинъ раскрываетъ сокровенныя тайны своего поэтическаго сознанія, и если въ первомъ изъ нихъ, сначала ревниво оберегая чистоту и искренность своихъ творческихъ побужденій, поэтъ тѣмъ не менѣе въ концѣ какъ бы сдается на доводы практицизма, то во второмъ, далекій отъ всякихъ колебаній, онъ встаетъ передъ нами въ величавой роли вдохновеннаго проповѣдника и глашатая воли самого Бога:

Возстань, пророкъ, и виждь и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!

Наконецъ, въ прозѣ, за время пребыванія своего въ Михайловскомъ, Пушкинъ не представилъ ничего замѣчательнаго: это или краткія журнальныя статьи (для „Московскаго Телеграфа“ 1825 года), или летучія замѣтки при чтеніи разныхъ книгъ, или отрывки автобіографіи, не имѣющіе особаго интереса. Ясно, что въ Пушкинѣ тогда не созрѣлъ еще прозаикъ, какъ это имѣло мѣсто позже, и идя неудержимо впередъ по пути своего литературнаго развитія, онъ еще продолжалъ держаться исключительно стихотворной формы, какъ болѣе для него привычной и болѣе соотвѣтствующей той ступени своего поэтическаго настроенія, на которой онъ находился въ ту пору.

Оставаясь въ Михайловскомъ, Пушкинъ не терялъ времени напрасно, воспитывая втиши свой творческій геній путемъ вдумчивости, самообразованія и дѣятельнаго труда. Явившись въ Михайловское авторомъ стихотвореній и поэмъ, на которыхъ, при всей ихъ непосредственной поэтичестой цѣнности, лежала еще печать неувѣренности и очевиднаго вліянія Байрона, онъ оставляетъ его творцомъ „Бориса Годунова“, лучшей части „Евгенія Онѣгина“ и „Пророка“. Такимъ образомъ, въ Пушкинѣ изъ Михайловскаго выходитъ на литературное поприще уже вполнѣ серіозный художникъ не только во всеоружіи природнаго художественнаго дарованія, но и глубокаго сознательнаго

пониманія своихъ дальнѣйшихъ задачъ и плановъ. Въ этомъ крупномъ шагѣ впередъ и заключается именно та историческая важность, которая придается и должна придаваться въ жизни и дѣятельности Пушкина изображенной нами порѣ его пребыванія въ „уголкѣ земли“, гдѣ, по его собственному позднѣйшему признанію, онъ провель „отшельникомъ два года незамѣтныхъ“. *Пѣтуховъ.*

Пушкинъ среди интеллигентнаго общества въ Москвѣ.

Москва съ искреннею радостью привѣтствовала прибытіе Пушкина. Въ самый день его пріѣзда былъ балъ у герцога Девонширскаго, гдѣ присутствовалъ и государь. „Знаешь ли“, сказалъ онъ, обращаясь къ графу Блудову, „что я нынче долго говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи?“ На вопросительное недоумѣнье графа Блудова Николай Павловичъ назвалъ Пушкина. Съ многолюднаго бала вѣсть о пріѣздѣ поэта облетѣла всю Москву.

Вся читающая публика съ восторгомъ встрѣтила возвращеніе изгнанника. Старые друзья спѣшили повидать его; незнакомые старались съ нимъ познакомиться. Великосвѣтскіе салоны радушно открыли ему свои двери. Литературныя сборища стали многолюднѣе: всякій спѣшилъ на нихъ въ надеждѣ увидѣть Пушкина.

Окруженный многочисленными поклонниками и отуманенный ихъ восторженными похвалами, поэтъ нашъ скоро забылъ всякую осторожность. Жадное любопытство друзей къ его новымъ, еще неизвѣстнымъ произведеніямъ кружило ему голову, и онъ съ удовольствіемъ поддавался ихъ просьбамъ и дѣлился съ ними неизданными сокровищами своего портфеля. Такъ, на одномъ изъ вечеровъ С. А. Соболевскаго, въ присутствіи Д. В. Веневитинова, графа М. Ю. Вельегорскаго, И. В. Кирѣевскаго и П. Я. Чаадаева, онъ прочелъ своего „Бориса Годунова“. Черезъ нѣсколько дней чтеніе это повторилось въ кружкѣ университетскихъ молодыхъ ученыхъ: Шевырева, Погодина и другихъ, съ которыми Пушкинъ сошелся чрезъ князя Вяземскаго и поэта Веневитинова.

„Октября 12, поутру, — разсказываетъ Погодинъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, — спозаранку мы собрались всѣ къ Веневитинову и съ трепещущимъ сердцемъ ожидали Пушкина. Въ 12 часовъ онъ явился.

„Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе, передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло почти 40 лѣтъ, кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Надо припомнить, — мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ,

завѣщанный французскою декламаціей, которой мастеромъ считался Кокошкинъ и послѣднимъ представителемъ былъ въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ, надо представить себѣ самую фигуру Пушкина. Ожидаемый нами величайшій жрецъ искусства — это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ прятязаній, съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ, пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ темномъ жилетѣ, застегнутомъ наглухо, въ небрежно подвязанномъ галстукѣ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ мы услышали простую, ясную, обыкновенную и, между тѣмъ, піитическую, увлекательную рѣчь!

„Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена, мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: „да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной“, мы просто какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ знобъ. Волосы становились дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ; то молчаніе, то взрывъ восклицаній, напр., при стихахъ самозванца:

Тѣнь грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.

„Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія. Эванъ, эвое, дайте чаши! Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, — какъ онъ плавалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ, предисловіе къ „Руслану и Людмилѣ“:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ и ночью котъ ученый
Тамъ ходитъ по цѣпи кругомъ:
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

„Началъ разсказывать о планѣ для „Дмитрія Самозванца“; о палачѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на Красной площади, въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ, — сцену, которую написалъ онъ, гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ вполовину, о чемъ глубоко сожалѣлъ“.

Въ Москвѣ нашелъ Пушкинъ многихъ изъ старыхъ друзей. Князь П. А. Вяземскій встрѣтилъ его, какъ родного. Частая переписка, длившаяся все время изгнанія поэта, поддерживала искреннія отношенія

двухъ друзей, и встрѣча ихъ послѣ долгой разлуки была радостна для нихъ обоихъ. Князь Вяземскій былъ уже семейнымъ человѣкомъ. Жена его, познакомившись съ Пушкинымъ еще въ Одессѣ, не меньше мужа обрадовалась его возвращенію, и поэтъ нашъ скоро сталъ совершенно своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ. Всѣ домашніе, даже дѣти и ихъ гувернеры и гувернантки, всей душой къ нему привязались, и онъ проводилъ у князей Вяземскихъ бо́льшую часть своего времени.

Кромѣ князей Вяземскихъ, изъ прежнихъ пріятелей Пушкина въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ Москвѣ находился еще С. А. Соболевскій. Онъ былъ гораздо моложе Пушкина и воспитывался вмѣстѣ съ его братомъ Львомъ Сергѣевичемъ, въ Благородномъ пансіонѣ. Когда Пушкинъ былъ сосланъ на югъ, Соболевскій раздѣлялъ со Львомъ Сергѣевичемъ заботы объ изданіи „Руслана и Людмилы", „Разбойниковъ" и другихъ произведеній Александра Сергѣевича. Это и послужило началомъ ихъ сношеній, перешедшихъ позже въ прочную дружбу. Соболевскій пережилъ Пушкина и достигъ извѣстности какъ библіофилъ и библіографъ, но въ то время, когда Пушкинъ былъ возвращенъ изъ ссылки, онъ былъ извѣстенъ только нѣсколькими сентиментальными стихотвореніями и считался однимъ изъ многихъ, такъ называемыхъ, „архивныхъ юношей". Онъ жилъ въ то время на Собачьей площадкѣ, и Пушкинъ по пріѣздѣ въ Москву остановился у него.

Приблизительно въ это же время переѣхалъ въ Москву и П. В. Нащокинъ. Проживъ, а, главнымъ образомъ, проигравъ въ карты все доставшееся ему отъ богатой матери состояніе, онъ вышелъ въ отставку и перебрался на жительство въ Москву, гдѣ имя его вскорѣ сдѣлалось очень популярнымъ.

Нащокинъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ не прежнимъ богатствомъ, не кутежами молодости съ ночлежнымъ пріютомъ и т. п., но умомъ необыкновеннымъ, переполненнымъ не научною, а врожденною, природною логикой и здравымъ смысломъ; а разсудокъ, несмотря на безразсудное увлеченіе или страсть къ игрѣ, обладавшей имъ отъ юности до старости, — во всѣхъ остальныхъ перипетіяхъ жизни разсудокъ царствовалъ въ его умной головѣ и даже былъ полезенъ для другихъ людей, обращавшихся къ его совѣту или суду при крайнихъ столкновеніяхъ въ жизни.

Была въ Москвѣ и еще одна личность, близкая Пушкину въ его молодости и имѣвшая всегда неотразимое на него вліяніе. Мы говоримъ о Петрѣ Яковлевичѣ Чаадаевѣ. Потерпѣвъ неудачу на служебномъ поприщѣ, Чаадаевъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ и жилъ безвыѣздно до самой своей смерти, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ.

Старыя дружескія связи были, конечно, тотчасъ же возобновлены Пушкинымъ, по пріѣздѣ его въ Москву. Но онъ этимъ не ограничился. Кругъ знакомства его быстро расширялся. Гостепріимный домъ Авдотьи Петровны Елагиной радушно открылъ ему свои двери. „Умъ, обширная

начитанность и очаровательная привѣтливость хозяйки привлекали сюда избранное общество. Даровитые юноши, товарищи и сверстники молодыхъ братьевъ Кирѣевскихъ (сыновей Авдотьи Петровны) встрѣчали въ ихъ матери самую искреннюю ласку. Тутъ были князь Одоевскій, В. П. Титовъ, Николай Матвѣевичъ Рожалинъ (знатокъ классическихъ языковъ), А. И. Кошелевъ (другъ И. В. Кирѣевскаго), С. П. Шевыревъ, А. П. Петерсонъ, М. А. Максимовичъ, Д. В. Веневитиновъ, А. О. Армфельдъ, архивные юноши С. А. Соболевскій и С. С. Мальцевъ (свободно писавшій по-латыни). Жуковскій и Языковъ ввели къ Елагиной А. С. Пушкина, который полюбилъ старшаго Кирѣевскаго и упоминаетъ о немъ въ своихъ отрывочныхъ запискахъ. Домъ А. П. Елагиной сдѣлался средоточіемъ московской умственной и художественной жизни. Языковъ совмѣстничалъ съ „княгинею русскаго стиха“ К. К. Павловой... П. Я. Чаадаевъ являлся на воскресные елагинскіе вечера. Возвращенный изъ ссылки Баратынскій жилъ у Елагиныхъ домашнимъ человѣкомъ и цѣлые дни проводилъ въ задушевныхъ бесѣдахъ съ другомъ своимъ, старшимъ Кирѣевскимъ. Погодинъ сердечно привязался къ Елагинымъ. Молодой Хомяковъ читалъ у нихъ первыя свои произведенія“...

Къ этому же времени относится знакомство Пушкина съ польскимъ поэтомъ Адамомъ Мицкевичемъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ и вращавшимся въ кругу молодыхъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Знакомство это, длившееся около двухъ лѣтъ (до марта 1829 года), перешло въ концѣ въ дружбу, которою равно гордились и дорожили оба поэта. Разставшись въ 1829 году, Пушкинъ и Мицкевичъ больше не видались и не переписывались, но помнили другъ друга и издалека перекликались поэтическими произведеніями. Мицкевичъ вспомнилъ Пушкина въ своихъ „Дѣдахъ“, а позже Пушкинъ отозвался на голосъ Мицкевича, славшаго проклятія Россіи, извѣстнымъ стихотвореніемъ: „Онъ между нами жилъ“... и т. д.

Сталкиваясь постепенно съ московскою университетскою молодежью, Пушкинъ мало-по-малу втянулся въ ея интересы. Онъ сблизился съ Шевыревскимъ кружкомъ и принялъ живѣйшее участіе въ его планахъ и замыслахъ. Съ особеннымъ сочувствіемъ отнесся онъ къ проекту основанія журнала. Мысль эта совпадала съ давнишнею мечтой поэта о періодическомъ изданіи съ дѣльнымъ критическимъ отдѣломъ, которое могло бы руководить вкусами публики и въ то же время служить противовѣсомъ журналамъ Булгарина и Греча, злоупотреблявшимъ своею монополіей.

„Толки о журналѣ, — разсказываетъ г. Погодинъ, — начатые еще въ 1824 и 1825 году, въ обществѣ Раича, усилились. Множество дѣятелей молодыхъ, ретивыхъ было, такъ сказать, налицо, и сообщили ему (Пушкину) общее желаніе. Онъ выразилъ полную готовность принять самое живое участіе. Послѣ многихъ переговоровъ редакторомъ назначенъ былъ я. Главнымъ помощникомъ моимъ былъ Шевыревъ. Много толковъ было о заглавіи. Рѣшено: „Московскій Вѣстникъ“. Рожденіе его положено отпраздновать общимъ обѣдомъ всѣхъ сотрудни-

ковъ. Мы собрались въ домѣ бывшемъ Хомякова: Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновыхъ, два брата Хомяковыхъ, два брата Кирѣевскихъ, Шевыревъ, Титовъ, Мальцовъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, Оболенскій, Соболевскій... Нечего описывать, какъ веселъ былъ этотъ обѣдъ, сколько тутъ было шуму, смѣху, сколько разсказано анекдотовъ, плановъ, предположеній!... Надеждамъ, возлагавшимся на „Московскій Вѣстникъ", не суждено было оправдаться. Неопытность издателей и неумѣнье привлечь публику были тому причиной. Но главнымъ ударомъ для новаго журнала была смерть одного изъ главныхъ его двигателей, даровитаго поэта Веневитинова. Онъ умеръ въ мартѣ 1827 года. Послѣ него „Московскій Вѣстникъ" продолжалъ существовать, но уже клонился къ упадку и, наконецъ, прекратился вовсе. Пушкинъ, которому было по душѣ чисто художественное направленіе журнала, поддерживалъ его всѣми силами; 33 стихотворенія его, въ томъ числѣ отрывокъ изъ „Бориса Годунова", отрывокъ изъ „Графа Нулина" и два отрывка изъ „Евгенія Онѣгина", появились въ „Московскомъ Вѣстникѣ"; но все это было напрасно, и журналъ погибъ послѣ трехлѣтняго существованія. Этого, конечно, не могли предвидѣть его основатели, и торжествовали его рожденіе полное самыхъ радужныхъ надеждъ".

„Между тѣмъ въ Москвѣ наступило самое жаркое литературное время, — продолжаетъ г. Погодинъ. — Всякій день слышалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ прислалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы; „Горе отъ ума" Грибоѣдова только что начало распространяться. Пушкинъ прочелъ „Пророка" (который послѣ „Бориса" произвелъ наибольшее дѣйствіе) и познакомилъ насъ съ слѣдующими главами „Онѣгина", котораго до тѣхъ поръ напечатана только первая глава. Между тѣмъ на сценѣ представляли водевили Писарева съ остроумными его куплетами и музыкой Верстовскаго. Шаховской ставилъ свои комедіи вмѣстѣ съ Кокошкинымъ, Щепкинъ работалъ надъ Мольеромъ, и С. Т. Аксаковъ, тогда еще не старикъ, переводилъ ему „Скупого". Загоскинъ писалъ „Юрія Милославскаго". Дмитріевъ выступилъ на поприще со своими переводами изъ Шиллера и Гёте. Всѣ они составляли особый отъ нашего приходъ, который вскорѣ соединился съ нами или, вѣрнѣе, къ которому мы съ Шевыревымъ присоединились, потому что всѣ наши товарищи, оставаясь, впрочемъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нами, отправились въ Петербургъ. Оппозиція Полевого въ „Телеграфѣ", союзъ его съ „Сѣверною Пчелой" Булгарина, желчныя выходки Каченовскаго, къ которому явился вскорѣ на помощь Недоумко (Н. И. Надеждинъ), давали новую пищу. А тамъ еще Дельвигъ съ „Сѣверными Цвѣтами", Жуковскій съ новыми балладами. Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ „Иліадой", Раичъ съ „Тассомъ" и Павловъ съ лекціями о натуральной философіи, гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ съ философскими статьями.

Вечера, живые и веселые, слѣдовали одинъ за другимъ: у Елагиныхъ и Кирѣевскихъ за Красными воротами, у Веневитиновыхъ, у меня, у Соболевскаго въ домѣ на Дмитровкѣ, у княгини Волконской на Тверской. Въ Мицкевичѣ открылся даръ импровизаціи. Пріѣхалъ Глинка, связанный болѣе другихъ съ Мельгуновымъ, и присоединилась музыка". Таковы были интересы, начавшіе съ зимы 1826—27 года волновать московское интеллигентное общество, а съ нимъ вмѣстѣ и нашего поэта. Всю эту зиму онъ прожилъ безвыѣздно въ Москвѣ, раздѣляя свое время между литературными сборищами, картами и пирушками, охота къ которымъ еще не остыла. *Венкстернъ.*

Пушкинъ въ Петербургѣ.

Пушкинъ со времени женитьбы по самый день несчастнаго своего поединка былъ неутомимымъ труженикомъ для жены и дѣтей. Завистники и недоброжелатели обвиняли его въ корыстолюбіи, въ алчности къ наживѣ, даже въ неблагодарности къ государю, именно въ томъ смыслѣ, что, не довольствуясь пожалованнымъ ему окладомъ, Пушкинъ слишкомъ часто прибѣгалъ къ своему державному покровителю съ просьбою о пособіяхъ. Память поэта въ оправданіяхъ не нуждается, а обвинители его не рѣшались бы на порицанія, если бы безпристрастнѣе отнеслись къ общественному положенію Пушкина. Женитьба на Гончаровой породнила его съ нѣкоторыми знатными фамиліями обѣихъ столицъ; посѣщеніе большого свѣта было насущной потребностью для жены Пушкина, свѣтски образованной, молодой красавицы... Эти выѣзды были сопряжены съ немалыми расходами. Хотя простота одежды самого Пушкина доходила почти до небрежности (въ которой иные видѣли своего рода оригинальность или желаніе подражать Байрону), но онъ, страстно любя жену, не могъ равнодушно относиться къ ея туалету. Несомнѣнно, что скромность въ его одеждѣ — эта мнимая оригинальность, была ничѣмъ другимъ, какъ самопожертвованіемъ съ его стороны. Замѣтимъ, что люди такого сорта, для которыхъ свѣжесть перчатокъ, покрой фрака, или изящно повязанный галстукъ служатъ мѣриломъ достоинства человѣческаго, исподтишка глумились надъ Пушкинымъ, но онъ не оставался въ долгу: пустота, фатовство, мишурность свѣтскаго круга часто вызывали у него цѣлый рядъ колкостей. Графъ Соллогубъ въ воспоминаніяхъ своихъ о Пушкинѣ весьма вѣрно передаетъ положеніе поэта въ кругу великосвѣтскихъ людей, полагающихъ хорошій тонъ единственно въ соблюденіи условій ненарушимаго кодекса общежитія. „Главное несчастіе Пушкина, — говоритъ онъ, — заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтскою жизнью, его убившею. Пушкинъ находился въ средѣ, въ которой не могъ не чувствовать себя почти постоянно униженнымъ, и по достатку и по значенію, въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ

имѣлъ какое-то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ офиціальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали: „Карету Пушкина!“ — Какого Пушкина? — „Сочинителя“, Пушкинъ обижался, конечно, не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось къ названію.

За это и онъ оказывалъ наружное будто бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ: не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстукѣ, въ двуборотномъ жилетѣ, съ откидными, ненакрахмаленными воротничками и т. п. Прочимъ же условіямъ онъ подчинялся безусловно. Жена его была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и, слѣдовательно, предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ и соперницъ. Для того, чтобы приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ (къ январю 1834 года). Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ для сопутствія женѣ-красавицѣ, игралъ роль жалкую, если не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ. Къ тому же свѣтская жизнь требовала значительныхъ издержекъ, на которыя у него часто недоставало средствъ. Эти средства онъ хотѣлъ пополнить игрою, но постоянно проигрывалъ, какъ всѣ люди, нуждающіеся въ выигрышѣ... Въ томъ же большомъ свѣтѣ Пушкинъ встрѣчалъ разныхъ особъ, кичившихся передъ нимъ знатностью происхожденія, тогда какъ родъ Пушкиныхъ принадлежалъ къ одному изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ. Тѣмъ не менѣе, большинство нашей знати относилось къ Пушкину съ оскорбительнымъ высокомѣріемъ. Литературныхъ враговъ Пушкина — писателей по ремеслу, это радовало: „ништо ему, — говорили они, — зачѣмъ льнетъ къ аристократіи, зачѣмъ садится не въ свои сани“. Такимъ образомъ, Пушкинъ, по общественному своему положенію, находился между двухъ огней: презрительное пренебреженіе знати — съ одной стороны, ненависть и укоризны литературной мелочи — съ другой.

Къ новому 1832 году Пушкинъ возвратился въ Петербургъ изъ Москвы, куда ѣздилъ для приведенія въ порядокъ своихъ домашнихъ дѣлъ и откуда спѣшилъ возвратомъ для занятій историческими своими трудами, а также для изданія газеты или журнала и послѣдней главы „Евгенія Онѣгина“.

Раннею весною 1833 года Александръ Сергѣевичъ съ женою и дочерью, младенцемъ первенцемъ, переѣхалъ на дачу, на Черную рѣчку, гдѣ въ то время обыкновенно жили многіе представители высшаго круга. Жизнь Пушкина на дачѣ ничѣмъ не отличалась отъ жизни труженика-чиновника, ежедневно ходящаго на службу. Александръ Сергѣевичъ также ежедневно пѣшкомъ ходилъ съ Черной рѣчки въ Государственный архивъ и въ библіотеку Эрмитажа. Купанье поддерживало его силы, а часы досуга онъ посвящалъ бесѣдамъ съ навѣщавшими его знакомыми, визитамъ съ женою и уединеннымъ прогулкамъ по окрестностямъ, именно: на острова и въ Новую деревню,

гдѣ ему особенно нравилось кладбище. Свѣтлыя лѣтнія ночи, такъ неподражаемо имъ воспѣтыя въ „Онѣгинѣ“ и „Мѣдномъ Всадникѣ“, были по прежнему любезны поэту, и въ ночной тиши всего чаще осѣняло его вдохновеніе.

Въ исходѣ лѣта, 12-го августа, взявъ формальный отпускъ отъ мѣста своего служенія, Пушкинъ отправился въ путешествіе по юго-восточной Россіи. Онъ хотѣлъ заѣхать предварительно въ Дерптъ, посѣтить Екатерину Андреевну Карамзину, которая проживала здѣсь по случаю нахожденія въ университетѣ ея сына Андрея Николаевича. Что-то помѣшало, однако, поэту исполнить это намѣреніе. Онъ отправился прямо въ Москву и въ концѣ августа былъ уже въ своемъ Болдинѣ (Нижегородской губ.); 6-го сентября прибылъ въ Казань; ѣздилъ за 10 верстъ отъ города на Троицкую мельницу, гдѣ стоялъ лагеремъ Пугачевъ; посѣтилъ купца Крупеникова, бывшаго въ плѣну у самозванца. На слѣдующій день, 8-го сентября, Пушкинъ отправился въ Симбирскъ; 12-го посѣтилъ село Языково, принадлежавшее поэту Николаю Михайловичу Языкову; 14-го числа выѣхалъ изъ Симбирска къ Оренбургу, но возвратился съ третьей станціи: заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и Пушкинъ, вѣрный предразсудку, не рѣшился продолжать своего пути. 19-го сентября онъ прибылъ въ Оренбургъ. Сопутствуемый Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ, объѣзжалъ Оренбургскую линію крѣпостей, повсюду отыскивая преданій и свидѣтельствъ очевидцевъ о Пугачевѣ. 23-го сентября онъ выѣхалъ изъ Оренбурга и черезъ Саратовъ и Пензу прибылъ въ Болдино 2-го октября. Здѣсь провелъ болѣе мѣсяца и къ 28-му числу ноября возвратился въ Петербургъ.

Ефремовъ.

Литературная дѣятельность Пушкина въ послѣдніе годы его жизни.

Пушкинъ дорожилъ свободою труда, которую онъ хотѣлъ отдать литературнымъ работамъ. Пріятели нашли возможнымъ устроить его къ ихъ общему удовольствію. Положили выхлопотать ему позволеніе издавать политическую газету, которая отчасти бы замѣнила недавно запрещенную „Литературную Газету“ Дельвига и добиваться званія исторіографа, упраздненнаго со смертію Карамзина. Эти планы пришлись Пушкину по душѣ. Съ ними какъ нельзя лучше согласовались его гражданскія и патріотическія стремленія. Въ это время Пушкинъ жилъ на дачѣ въ Царскомъ Селѣ, куда переселился и дворъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Въ Петербургѣ свирѣпствовала холера, а въ Польшѣ возстаніе въ полномъ разгарѣ; въ Европѣ разжигалась ненависть противъ Россіи. Эти обстоятельства и вызвали въ бесѣдѣ друзей мысль о необходимости дѣльной политической газеты.

„Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападки иностранныхъ газетъ“. Эта мысль

Пушкина вытекала прямо изъ чувства патріотическаго негодованія. Съ этимъ вмѣстѣ у него соединилась и мысль служить посредникомъ между правительствомъ и публикой, разъясняя послѣдней политическія идеи въ духѣ тѣхъ принциповъ, которые исторически развивались въ русскомъ народѣ. Увлекала его мысль заняться исторіей Петра Великаго въ качествѣ исторіографа. Пушкинъ просилъ дозволенія заняться историческими изысканіями въ архивахъ и библіотекахъ съ цѣлію исполнить свое давнишнее желаніе — написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до Петра III. Съ помощію связей и пріятельскихъ просьбъ, Пушкинъ ни въ чемъ не получилъ отказа. Право посѣщать государственные архивы (впрочемъ подъ руководствомъ Блудова) было дано ему тогда же, а прочее обѣщано...

Но Пушкинъ-поэтъ предупредилъ Пушкина-журналиста. Поэтъ не ждетъ позволенія, а высказывается въ минуту, когда созрѣла его творческая дума. Въ августѣ мѣсяцѣ онъ написалъ одно за другимъ два политическія стихотворенія: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“ на одну и ту же тему, какъ отвѣтъ на клевету, брань и оскорбленія, вызванныя противъ Россіи стремленіями, возбужденными за границею польскимъ возстаніемъ. При томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ находилось русское общество, стихотворенія Пушкина произвели сильное впечатлѣніе: они удовретворяли оскорбленному патріотизму общества и въ то же время облегчали его, выясняя ему настоящее политическое отношеніе Россіи къ Польшѣ и западнымъ государствамъ. Не могли не понравиться они и правительству, которое, какъ они выставляли, исполняло историческую задачу русскаго народа.

Въ своихъ архивныхъ разысканіяхъ Пушкинъ напалъ на матеріалы, относящіеся къ пугачевщинѣ. Обработка ихъ не требовала много времени, а интересъ эпохи обѣщалъ хорошія деньги за трудъ. Съ этимъ вмѣстѣ его фантазія находитъ матеріалъ для историческаго романа, которому не могла грозить опасность запрещенія. Но обрабатывать это при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ приходилось вести жизнь въ Петербургѣ, онъ не находилъ возможности. И вотъ, въ августѣ 1833 года, онъ проситъ дозволенія съѣздить въ свое нижегородское имѣніе и посѣтить Оренбургъ и Казань, гдѣ, онъ надѣялся, сохранились въ народѣ преданія о пугачевщинѣ. Побывавъ въ Казани, Симбирскѣ, Оренбургѣ, гдѣ его принимали, какъ отечественную славу, онъ пріѣхалъ въ Болдино съ цѣлію заняться обработкою накопившихся матеріаловъ. Изъ Болдина Пушкинъ возвратился съ оконченной исторіей Пугачевскаго бунта. Государь разрѣшилъ печатать ее въ казенной типографіи и далъ на изданіе двадцать тысячъ рублей.

Зиму, часть весны и лѣто 1835 года Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ съ тѣми же заботами о своихъ дѣлахъ... Пушкинъ на осень отправился въ свое любимое Михайловское и Тригорское, но и тамъ заботы о семьѣ смущали его уединеніе, и работа шла не попрежнему. На этотъ разъ михайловское уединеніе внушило Пушкину не много

стихотвореній; но между ними есть одно, въ которомъ идеальный образъ Петра Великаго снова послужилъ къ тому, чтобы призывать милость къ падшимъ, — стихотвореніе „Пиръ Петра Перваго“:

Царь

Съ подданнымъ мирится,
Виноватому вину
Отпуская веселится,
Чарку пѣнитъ съ нимъ одну;

И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Обдумывая свое затруднительное положеніе, Пушкинъ остановился на мысли поправить свое состояніе изданіемъ литературнаго журнала. Пушкинъ рѣшился противодѣйствовать тогдашней журналистикѣ, отказавшись отъ политическаго отдѣла и обративъ особенное вниманіе на критику. При своихъ связяхъ и при особенномъ вниманіи императора ему не затрудняли разрѣшеніе журнала. Лишь только распространилась вѣсть объ этомъ предпріятіи Пушкина въ литературномъ мірѣ, какъ весь онъ заволновался, въ особенности же тѣ журналисты, которые имѣли причины опасаться такого сильнаго противника. Мы сказали, что Пушкинъ взялся за изданіе „Современника“ изъ расчета, но это не значитъ, что онъ только и руководился такимъ расчетомъ. Поднять литературу, возвысить ея нравственную силу, дать критикѣ надлежащее значеніе было его давнишнимъ стремленіемъ.

Стоюнинъ.

Послѣднія минуты жизни Пушкина.

Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичъ. Что могъ я тебѣ сказать, угнетенный нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! Это, къ несчастію, вѣрно, но все еще кажется невѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, еще не можетъ войти въ порядокъ обыкновенныхъ, ясныхъ ежедневныхъ мыслей; еще по привычкѣ продолжаешь искать его; еще такъ естественно ожидать съ нимъ встрѣчи въ нѣкоторые условные часы; еще посреди нашихъ разговоровъ какъ-будто отзывается его голосъ, какъ-будто раздается его живой, ребячески-веселый смѣхъ, и тамъ, гдѣ онъ бывалъ ежедневно, ничто не перемѣнилось, нѣтъ и признаковъ бѣдственной утраты, все въ обыкновенномъ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ, а онъ пропалъ, и навсегда — непостижимо! Въ одну минуту погибла сильная, крѣпкая жизнь, полная генія, свѣтлая надеждами. Не говорю о тебѣ, бѣдный и дряхлый отецъ; не говорю о насъ, горюющихъ его друзьяхъ. Россія лишилась своего любимаго, національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершилось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда съ безпорядочною силою моло-

дости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ-быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ русскихъ съ его смертію не оторвалось что-то родное отъ сердца? И между всѣми русскими особенную потерю въ немъ сдѣлалъ самъ государь. При началѣ своего царствованія онъ себѣ его присвоилъ, онъ развязалъ руки ему въ то время, когда онъ былъ раздраженъ несчастіемъ, имъ самимъ на себя навлеченнымъ; онъ слѣдилъ за нимъ до послѣдняго часа; бывали минуты, въ которыя, какъ буйный, еще не остепенившійся ребенокъ, онъ навлекалъ на себя неудовольствія своего хранителя; но во всѣхъ изъявленіяхъ неудовольствія со стороны государя было что-то нѣжное, отеческое. Послѣ каждаго подобнаго случая связь между ними усиливалась: въ одномъ — чувствомъ испытаннаго имъ наслажденія простить, въ другомъ — живымъ движеніемъ благодарности, которая болѣе и болѣе проникала въ душу Пушкина и, наконецъ, слилось въ ней съ поэзіею. Государь потерялъ въ немъ свое созданіе, своего поэта, который принадлежалъ бы славѣ его царствованія, какъ Державинъ славѣ Екатерины, а Карамзинъ славѣ Александра. И государь, до послѣдней минуты Пушкина, остался вѣренъ своему благотворенію. Онъ отозвался умирающему на послѣдній земной крикъ его, и какъ отозвался! Какое русское сердце не затрепетало благодарностію на этотъ голосъ царскій? Въ этомъ голосѣ выразилось не одно личное, трогательное чувство, но вмѣстѣ и любовь къ народной славѣ, и высокій приговоръ нравственный, достойный царя, представителя и славы и нравственности народной.

Первыя минуты ужаснаго горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебѣ все, что̀ было въ послѣднія минуты твоего сына, что̀ я видѣлъ самъ, что̀ мнѣ разсказывали другіе очевидцы. Въ среду 27-го января, въ 10 часовъ вечера, пріѣхалъ я къ князю Вяземскому. Мнѣ сказываютъ, что и онъ и княгиня у Пушкиныхъ, а Валуевъ, къ которому я зашелъ, встрѣчаетъ меня словами: получили ли вы записку княгини? За вами давно посылали; поѣзжайте къ Пушкину: онъ умираетъ. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣстницы. Пріѣзжаю къ Пушкину. Въ его прихожей, передъ дверями его кабинета, нахожу докторовъ, Арендта и Спасскаго, князя Вяземскаго, князя Мещерскаго. На вопросъ: каковъ онъ? Арендтъ отвѣчалъ мнѣ: очень плохъ; умретъ непремѣнно. Вотъ что разсказывали мнѣ о случившемся: въ шесть часовъ послѣ обѣда Пушкинъ привезенъ былъ въ этомъ отчаянномъ положеніи домой подполковникомъ Данзасомъ, его лицейскимъ товарищемъ. Камердинеръ принялъ его изъ кареты на руки и понесъ на лѣстницу. „Грустно тебѣ нести меня?“ спросилъ у него Пушкинъ. Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся и легъ на диванъ. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: „n'ntrez pas, il y a du monde chez moi“. Онъ боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда,

когда онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый. Послали за докторами. Арендта не нашли, пріѣхали Шольцъ и Задлеръ. Пушкинъ велѣлъ всѣмъ выйти (въ это время у него были Данзасъ и Плетневъ). „Плохо со мною“, сказалъ онъ, подавая руку Шольцу. Его осмотрѣли, и Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами. Оставшись съ Шольцемъ, Пушкинъ спросилъ: „что вы думаете о моемъ положеніи, скажите откровенно?“.— Не могу отъ васъ скрыть, вы въ опасности.— „Скажите лучше, умираю“.—Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышимъ мнѣніе Арендта и Соломона, за которыми послано.— „Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi“, сказалъ Пушкинъ, замолчалъ, потеръ рукою лобъ, потомъ прибавилъ: „il faut que j'arrange ma maison“.—Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ? спросилъ Шольцъ. „Прощайте, друзья!“ сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою библіотеку. Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми друзьями или съ мертвыми, не знаю. Онъ немного погодя спросилъ: „Развѣ вы думаете, что я часу не проживу?“ —О, нѣтъ! но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого-нибудь изъ вашихъ. Господинъ Плетневъ здѣсь.— „Да, но я желалъ бы и Жуковскаго. Дайте мнѣ воды, тошнитъ“. Шольцъ тронулъ пульсъ, нашелъ, что рука была холодна, пульсъ слабъ и скоръ; онъ вышелъ за питьемъ, и послали за мною. Меня въ это время не было дома; и не знаю, какъ это случилось, но ко мнѣ не приходилъ никто. Между тѣмъ пріѣхалъ Задлеръ и Соломонъ. Шольцъ оставилъ больного, который добродушно пожалъ ему руку, но не сказалъ ни слова. Скоро потомъ явился Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодныя съ льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье; это произвело желанное дѣйствіе: больной успокоился. Передъ отъѣздомъ Арендта, онъ сказалъ ему: „Попросите государя, чтобъ онъ меня простилъ“. Арендтъ уѣхалъ, поручивъ его Спасскому, домовому его доктору, который во всю ту ночь не отходилъ отъ его постели. „Плохо мнѣ“, сказалъ Пушкинъ, когда подошелъ къ нему Спасскій. Спасскій старался его успокоить; но Пушкинъ махнулъ рукой отрицательно. Съ этой минуты онъ какъ будто пересталъ заботиться о себѣ, и всѣ его мысли обратились на жену. „Не давайте излишнихъ надеждъ женѣ“, говорилъ онъ Спасскому, „не скрывайте отъ нея, въ чемъ дѣло, она не притворщица; вы ее хорошо знаете. Впрочемъ, дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ“. Въ это время уже собрались князь Вяземскій, княгиня, Тургеневъ, графъ Віельгорскій и я. Княгиня была съ женою, которой состояніе было невыразимо; какъ привидѣніе иногда прокрадывалась она въ ту горницу, гдѣ лежалъ ея умирающій мужъ; онъ не могъ ее видѣть (онъ лежалъ на диванѣ лицомъ отъ оконъ и двери); но всякій разъ, когда она входила или только останавливалась у дверей, онъ чувствовалъ ея присутствіе. „Жена здѣсь?“ говорилъ онъ. „Отведите ее“. Онъ боялся допустить ее къ себѣ, ибо не хотѣлъ, чтобъ она могла замѣтить его страданія, кои съ удивительнымъ мужествомъ пересиливалъ. „Что дѣлаетъ жена?“ спросилъ онъ од-

нажды у Спасскаго. „Она, бѣдная, безвинно терпитъ! въ свѣтѣ ее заѣдятъ“. Вообще съ начала до конца своихъ страданій (кромѣ двухъ или трехъ часовъ первой ночи, въ которые они превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія) онъ былъ удивительно твердъ. „Я былъ въ тридцати сраженіяхъ“, говорилъ докторъ Арендтъ, „я видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго“. И особенно замѣчательно то, что въ эти послѣдніе часы жизни онъ какъ будто сдѣлался иной: буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу неодолимою страстію, исчезла, не оставивъ въ ней слѣда; ни слова ниже воспоминанія о случившемся. Но вотъ черта чрезвычайно трогательная. Наканунѣ получилъ онъ пригласительный билетъ на погребеніе Гречева сына. Онъ вспомнилъ объ этомъ посреди своего страданія. „Если увидите Греча“, сказалъ онъ Спасскому, „поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ“. У него спросили: желаетъ ли исповѣдаться и причаститься. Онъ согласился охотно, и положено было призвать священника утромъ. Въ полночь докторъ Арендтъ возвратился. Покинувъ Пушкина, онъ отправился во дворецъ, но не засталъ государя, который былъ въ театрѣ; онъ сказалъ камердинеру, чтобъ, по возвращеніи его величества, было донесено ему о случившемся. Около полуночи пріѣзжаетъ къ Арендту отъ государя фельдъегерь съ повелѣніемъ немедленно ѣхать къ Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно государемъ ему написанное, и тотчасъ обо всемъ донести. „Я не лягу, я буду ждать“, приказывалъ государь Арендту. Письмо же приказано было возвратить. И что же стояло въ этомъ письмѣ? „Если Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, посылаю тебѣ мое прощеніе и вмѣстѣ мой совѣтъ: исполни долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся; я ихъ беру на свое попеченіе“. Какъ бы я желалъ выразить простыми словами то, что у меня движется въ душѣ при перечитываніи этихъ немногихъ строкъ! Какой трогательный конецъ земной связи между царемъ и тѣмъ, кого онъ когда-то отечески присвоилъ и кого до послѣдней минуты не покинулъ! Какъ много прекраснаго, человѣческаго въ этомъ порывѣ, въ этой поспѣшности захватить душу Пушкина на отлетѣ, очистить ее для будущей жизни и ободрить послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ. Я не лягу, я буду ждать! О чемъ же онъ думалъ въ эти минуты ожиданія? Гдѣ онъ былъ своею мыслію? О, конечно, передъ постелью умирающаго, его добрымъ земнымъ геніемъ, его духовнымъ отцомъ, его примирителемъ съ Небомъ и собою. Умирающій немедленно исполнилъ уже угаданное желаніе государя. Послали за священникомъ въ ближнюю церковь. Пушкинъ исповѣдался и причастился съ глубокимъ чувствомъ. Когда Арендтъ прочиталъ ему письмо государя, то онъ вмѣсто отвѣта поцѣловалъ его и долго не выпускалъ изъ рукъ; но Арендтъ не могъ его ему оставить. Нѣсколько разъ Пушкинъ повторялъ: „Отдайте мнѣ это письмо, я хочу умереть съ нимъ. Письмо! Гдѣ письмо?“ Арендтъ успокоилъ его обѣщаніемъ испросить на то позволеніе у государя. Онъ скоро потомъ уѣхалъ.

До пяти часовъ утра въ его положеніи не произошло никакой перемѣны. Но около пяти часовъ боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою, и сила ея одолѣла силу души; онъ началъ стонать, послали опять за Арендтомъ. По пріѣздѣ его, нашли нужнымъ поставить промывательное; но оно не помогло и только что усилило страданія, которыя, наконецъ, дошли до крайней степени и продолжались до семи часовъ утра. Что было бы съ бѣдной женою, если бы она въ теченіе этихъ двухъ вѣковыхъ часовъ могла слышать его стоны? Я увѣренъ, что ея разсудокъ не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она въ совершенномъ изнуреніи лежала въ гостиной, у самыхъ дверей, кои однѣ отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, княгиня Вяземская, бывшая въ той же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь, чтобы съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался въ ту самую минуту, когда раздалось послѣднее стенаніе за дверями. Но въ эти минуты жесточайшаго испытанія, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ самъ, чтобы жена не услышала, чтобъ ее не испугать. Къ семи часамъ боль утихла. Надобно замѣтить, что во все время и до конца, мысли его были свѣтлы и память свѣжа. Еще до начала сильной боли онъ подозвалъ къ себѣ Спасскаго, велѣлъ подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставилъ ее сжечь. Потомъ призвалъ Данзаса и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ. Это его однако изнурило, и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать никакихъ другихъ распоряженій. Когда поутру кончились его нестерпимыя страданія, онъ сказалъ Спасскому: „Жену! позовите жену!“ — Этой прощальной минуты я тебѣ не стану описывать. Потомъ потребовалъ дѣтей; они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на каждаго оборачивалъ глаза молча, клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ прочь. „Кто здѣсь?“ спросилъ онъ у Спасскаго и Данзаса. Назвали меня и Вяземскаго. „Позовите“, сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Я подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую ко мнѣ руку, поцѣловалъ ее; сказать ему ничего я не могъ; онъ махнулъ рукою, и я отошелъ, но черезъ минуту я возвратился къ его постели и спросилъ у него: можетъ-быть, увижу государя; что мнѣ сказать ему отъ тебя?—„Скажи“, отвѣчалъ онъ, „что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь его!“ Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно. Потомъ простился онъ съ Вяземскимъ. Въ эту минуту пріѣхалъ графъ Віельгорскій и вошелъ къ нему, и также впослѣдніе подалъ ему живому руку. Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной расчетъ и какъ-будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ Спасскому: „Смерть идетъ“. Когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него

два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: „Карамзину!“ Ея не было, за нею немедленно послали, и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту; но когда Екатерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: „Перекрестите меня“, потомъ поцѣловалъ у ней руку. Въ это время пріѣхалъ докторъ Арендтъ. „Жду царскаго слова, чтобы умереть спокойно“, сказалъ ему Пушкинъ. Это было для меня указаніемъ, и я рѣшился въ ту же минуту ѣхать къ государю, чтобы извѣстить его величество о томъ, что слышалъ. Сходя съ крыльца, я встрѣтился съ фельдъегеремъ, посланнымъ за мною отъ самого государя. „Извини, что я тебя потревожилъ“, сказалъ онъ мнѣ при входѣ моемъ въ кабинетъ. — „Государь, я самъ спѣшилъ къ вашему величеству въ то время, когда встрѣтился съ посланнымъ за мною“. Разсказавъ о томъ, что̀ говорилъ Пушкинъ, я прибавилъ: „Я счелъ долгомъ сообщить эти слова немедленно вашему величеству“. — „Скажи ему отъ меня“, сказалъ государь, „что я поздравляю его съ исполненіемъ христіанскаго долга; о женѣ же и дѣтяхъ онъ безпокоиться не долженъ: они мои. Тебѣ же поручаю, если онъ умретъ, запечатать его бумаги; ты послѣ ихъ самъ разсмотришь“. Я возвратился къ Пушкину съ утѣшительнымъ отвѣтомъ государя. Выслушавъ меня, онъ поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ. „Вотъ какъ я утѣшенъ!“ сказалъ онъ. „Скажи государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастія въ его сынѣ, что я желаю ему счастія въ его Россіи...“ Между тѣмъ данный ему пріемъ опіума нѣсколько его успокоилъ; къ животу вмѣсто холодныхъ примочекъ начали прикладывать мягчительныя; это было пріятно страждущему, и онъ началъ безпрекословно исполнять предписанія докторовъ, которыя прежде всѣ отвергалъ упрямо, будучи испуганъ своими муками и жадно желая смерти для ихъ прекращенія. Но тутъ онъ сдѣлался послушенъ, какъ ребенокъ; самъ накладывалъ компрессы на животъ и помогалъ тѣмъ, кои около него суетились. Словомъ, ему, повидимому, стало гораздо лучше. Такъ нашелъ его докторъ Даль, пришедшій къ нему въ два часа. „Худо мнѣ, братъ“, сказалъ Пушкинъ съ улыбкою Далю. Но Даль, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему: „Мы всѣ надѣемся, не отчаявайся и ты“. — „Нѣтъ! — возразилъ онъ, — мнѣ здѣсь не житье; я умру; да видно такъ и надо“. Въ это время пульсъ его былъ полнѣе и тверже; началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили піявки; пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче. „Я ухватился“, говоритъ Даль, „какъ утопленникъ за соломинку, робкимъ голосомъ провозгласилъ надежду и обманулъ было и себя и другихъ“. „Пушкинъ, замѣтивъ, что Даль былъ пободрѣе, взялъ его за руку и спросилъ: „Никого тутъ нѣтъ?“ — „Никого“. — „Даль, скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?“ — „Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, право надѣемся“. — „Ну, спасибо!“ отвѣчалъ онъ. Но, повидимому, только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды;

ни прежде ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь (на 29-е число, эту ночь всю Даль просидѣлъ у его постели, а я, Вяземскій и Віельгорскій въ ближней горницѣ) онъ продержалъ Даля за руку; часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупинкѣ льда въ ротъ, и всегда все дѣлалъ самъ: снималъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ и проч. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски. „Ахъ! какая тоска!" иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову: „сердце изнываетъ!" Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его или поворотили на бокъ, или поправили ему подушку; и, не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: „Ну! такъ, такъ — хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо", или: „Постой — не надо — потяни меня только за руку — ну вотъ и хорошо, прекрасно!" (все это его точныя выраженія). „Вообще", говоритъ Даль, „въ обращеніи со мною онъ былъ повадливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, и дѣлалъ все, чего я хотѣлъ". Однажды онъ спросилъ у Даля: „Кто у жены моей?" — Даль отвѣчалъ: „Много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе; зала и передняя полны съ утра до ночи". — „Ну, спасибо", отвѣчалъ онъ, „однако же поди, скажи женѣ, что все, слава Богу, легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ". — Даль его не обманулъ. Съ утра 28-го числа, въ которое разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна приходящихъ; одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ; другіе — и люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые — приходили сами. Трогательное чувство національной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи. Число приходящихъ сдѣлалось, наконецъ, такъ велико, что дверь прихожей (которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій) безпрестанно отворялась и затворялась; это безпокоило страждущаго; и мы придумали запереть эту дверь, задвинули ее изъ сѣней залавкомъ и вмѣсто ея отворили другую, узенькую, прямо съ лѣстницы въ буфетъ, а гостиную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой ширмами. Съ этой минуты буфетъ былъ безпрестанно набитъ народомъ; въ столовую же входили только знакомые. На лицахъ выражалось простодушное участіе; очень многіе плакали. Государь императоръ получалъ извѣстія отъ доктора Арендта, который разъ по шести въ день и по нѣскольку разъ ночью пріѣзжалъ навѣстить больного; государыня великая княгиня (Елена Павловна), очень любившая Пушкина, написала ко мнѣ нѣсколько записокъ, на которыя я отдавалъ подробный отчетъ ея высочеству, согласно съ ходомъ болѣзни. Такое участіе трогательно, но оно естественно; естественно и въ государѣ, которому дорога народная слава, какого рода она бы ни была (а въ этомъ отличительная черта нынѣшняго государя: онъ любитъ все русское, онъ ставитъ новые памятники и бережетъ старые); естественно и въ націи, которая въ этомъ случаѣ не только за одно съ своимъ государемъ, но этою общею любовію къ отечественной славѣ укоре-

няется между ними нравственная связь: государю естественно гордиться своимъ народомъ, какъ скоро этотъ народъ понимаетъ его высокое чувство и вмѣстѣ съ нимъ любитъ то, что славно отличаетъ его отъ другихъ народовъ или ставитъ съ ними на ряду; народу естественно быть благодарнымъ своему государю за любовь къ отечественной славѣ и за великое выраженіе сей любви, ибо въ своемъ государѣ онъ видитъ представителя своей чести. Однимъ словомъ, сіи изъявленія общаго участія нашихъ добрыхъ русскихъ меня глубоко трогали, но не удивляли. Участіе иноземцевъ было для меня усладительною нечаянностію. Мы теряли свое: мудрено ли, что мы горевали? Но ихъ что̀ такъ трогало? Что̀ думалъ этотъ почтенный Барантъ, стоя долго въ унынiи посреди прихожей, гдѣ около него шептали съ печальными лицами о томъ, что̀ дѣлалось за дверями. Отгадать не трудно. Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію — всѣ народы родня; и когда онъ безвременно покидаетъ землю, всѣ провожаютъ его съ одинаковою братскою скорбію. Пушкинъ по своему генію былъ собственностію не одной Россіи, но и цѣлой Европы; потому-то и посолъ Франціи (самъ знаменитый писатель) приходилъ къ дверямъ его съ печалію собственною, и о нашемъ Пушкинѣ пожалѣлъ, какъ будто о своемъ. Потому же и Люцероде, саксонскій посланникъ, сказалъ собравшимся у него гостямъ въ понедѣльникъ ввечеру: „Нынче у меня танцовать не будутъ, нынче были похороны Пушкина“.

Возвращаюсь къ своему описанію. Пославъ Даля ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ: „который часъ?“ и на отвѣтъ Даля продолжалъ прерывающимся голосомъ: „Долго ли... мнѣ... такъ мучиться?... Пожалуйста... поскорѣй!...“ Это повторялъ онъ нѣсколько разъ послѣ: „скоро ли конецъ?...“ и всегда прибавлялъ: „пожалуйста, поскорѣй!...“ Но вообще (послѣ мукъ первой ночи, продолжавшихся два часа), онъ былъ удивительно терпѣливъ. Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ дѣлалъ движенія руками или отрывисто кряхтѣлъ, но такъ, что почти его не могли слышать. „Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего“, сказалъ ему Даль, „но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче“. — „Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ прерывчиво: — нѣтъ... не надо... стонать... жена... услышитъ... смѣшно же... чтобъ этотъ... вздоръ меня... пересилилъ... не хочу“. Я покинулъ его въ пять часовъ утра и черезъ два часа возвратился. Видѣвъ, что ночь была довольно спокойна, я пошелъ къ себѣ почти съ надеждою, но, возвратясь, нашелъ иное. Арендтъ сказалъ мнѣ рѣшительно, что все кончено, и что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки, чтобы взять льду и потереть имъ лобъ. Ударило два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, онъ сказалъ внятно: „Позовите жену, пускай она меня покормитъ“.

Она пришла, опустилась на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку-другую морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его; Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: „Ну, ну ничего; слава Богу, все хорошо; поди“. Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла какъ-будто просіявшая отъ радости. „Вотъ увидите, — сказала она доктору Спасскому, — онъ будетъ живъ: онъ не умретъ“. А въ эту же минуту уже начался послѣдній процессъ жизни. Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Віельгорскимъ у постели въ головахъ, сбоку стоялъ Тургеневъ. Даль шепнулъ мнѣ: отходитъ. Но мысли его были свѣтлы. Изрѣдка только полудремотное забытье ихъ отуманивало; разъ онъ подалъ руку Далю и, пожимая ее, проговорилъ: „Ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше... ну, пойдемъ!“ Но очнувшись, онъ сказалъ: „Мнѣ, было, пригрезилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко... и голова закружилась“. Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и, потянувъ ее, сказалъ: „Ну, пойдемъ же, пожалуйста; да вмѣстѣ“. Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше; и вдругъ, какъ будто проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ: „Кончена жизнь!“ Даль, не разслушавъ, отвѣчалъ: да, кончено; мы тебя поворотили. — „Жизнь кончена!“ повторилъ онъ внятно и положительно. „Тяжело дышать, давитъ!“ были послѣднія слова его. Я не сводилъ съ него глазъ и замѣтилъ въ эту минуту, что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывчивымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно, ждалъ послѣдняго вздоха; но я его не примѣтилъ. Тишина, его объявшая, показалась мнѣ успокоеніемъ, а его уже не было. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты черезъ двѣ я спросилъ: „что онъ?“ — Кончилось! — отвѣчалъ мнѣ Даль. Такъ тихо, такъ спокойно удалилась душа его. Мы долго стояли надъ нимъ, молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинства смерти, которое совершалось передъ нами во всей умилительной святынѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, и долго одинъ смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу, не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ разливалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось спросить: что видишь, другъ? И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны

названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти.

Таковъ былъ конецъ Пушкина. Опишу въ немногихъ словахъ то, что̀ было послѣ. Къ счастію, я вспомнилъ во́-время, что надобно съ него снять маску; это было исполнено немедленно, черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а тихій, величественный сонъ. Спустя три четверти часа послѣ кончины (во все это время я не отходилъ отъ мертваго, мнѣ хотѣлось вглядѣться въ прекрасное лицо) тѣло его вынесли въ ближнюю горницу; а я, исполняя повелѣніе государя императора, запечаталъ кабинетъ своею печатью. Не буду разсказывать того, что̀ сдѣлалось съ бѣдною женою: при ней находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, графъ и графиня Строгновы. Графъ взялъ на себя всѣ распоряженія похоронъ. Побывъ еще нѣсколько времени въ домѣ, я поѣхалъ къ Віельгорскому обѣдать; у него собрались и всѣ другіе, видѣвшіе послѣднюю минуту Пушкина; и онъ самъ былъ приглашенъ за три дня къ этому обѣду... праздновать день моего рожденія. Въ вечеру, увлеченный необходимостью, пошелъ я къ государю, чтобы донести ему о томъ, какъ умеръ Пушкинъ; онъ выслушалъ меня наединѣ въ своемъ кабинетѣ: этого прекраснаго часа въ моей жизни я никогда не забуду. На другой день, мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, ввечеру, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дня та горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно, болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебывало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ будто хотѣли всмотрѣться въ лицо его; было что-то разительное въ его неподвижности, посреди этого движенія, и что-то умилительно-таинственное въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однообразно слышалась посреди этого смутнаго говора. И особенно глубоко тронуло мнѣ душу то, что государь какъ будто соприсутствовалъ посреди своихъ русскихъ, которые такъ просто, такъ смиренно и съ нимъ заодно выражали скорбь свою о утратѣ славнаго соотечественника: всѣмъ было уже извѣстно, какъ государь утѣшилъ послѣднія минуты Пушкина, какое онъ принималъ участіе въ его христіанскомъ покаяніи, что онъ сдѣлалъ для его сиротъ, какъ почтилъ своего поэта, и что въ то же время (какъ судія, какъ верховный блюститель нравственности) произнесъ въ осужденіе тому бѣдственному дѣлу, которое

такъ внезапно лишило насъ Пушкина. Рѣдкій изъ посѣтителей, помолясь предъ гробомъ, не помолился въ то же время за государя, и можно сказать, что это изъявленіе національной печали о поэтѣ было самымъ трогательнымъ прославленіемъ его великодушнаго покровителя.

Отпѣваніе происходило 1 февраля. Многіе изъ нашихъ знатныхъ господъ и многіе изъ иностранныхъ министровъ были въ церкви. Мы на рукахъ отнесли гробъ въ подвалъ, гдѣ надлежало ему остаться до отправленія изъ города. 3 февраля, въ 10 часовъ вечера, собрались мы въ послѣдній разъ къ тому, что еще для насъ оставалось отъ Пушкина; отпѣли послѣднюю панихиду; ящикъ съ гробомъ поставили на сани; въ полночь сани тронулись; при свѣтѣ мѣсяца, я провожалъ ихъ нѣсколько времени глазами; скоро они поворотили за уголъ дома, и все, что было на землѣ отъ Пушкина, навсегда пропало изъ глазъ моихъ.

Жуковскій.

Самобытность и оригинальность поэзіи Пушкина.

Изъ многочисленныхъ, разнообразныхъ рядовъ предшественниковъ и послѣдователей, группирующихся вокругъ Пушкина, возвышается его величавая глава; всѣ они объемляются имъ, всѣ они находятся въ немъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ есть выраженіе всей полноты русской жизни и потому онъ націоналенъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Если подъ народнымъ разумѣть то, что передается изъ вѣка въ вѣкъ въ первоначальной непосредственности, безъ всякаго развитія, но на высшей ступени образованія оно не можетъ быть названо національнымъ, потому что благороднѣйшая часть народа, въ которой уже пробудился духъ и открылись духовныя очи, не можетъ имъ удовлетворяться. Только удержавъ эту мысль, мы можемъ опредѣлить значеніе Пушкина и справедливо судить о его произведеніяхъ. Русскіе сами, по скромности или осторожности, нерѣдко называютъ Пушкина подражателемъ. Но они уже слишкомъ далеко простерли эту скромность или эту осторожность. То же самое было говорено о лордѣ Байронѣ. Его поэзія часто можетъ показаться подраженіемъ, и однакожъ въ ней нѣтъ нисколько подражанія, и однакожъ она вся вышла изъ его собственнаго духа. Какъ океанъ есть общій резервуаръ, въ который сливаются рѣки всѣхъ странъ, такъ точно запасъ духовнаго богатства, скопленный вѣками, есть общее достояніе, которымъ всякій можетъ пользоваться, изъ котораго всякій можетъ черпать и усваивать себѣ все, что ему нужно. Созданія Шекспира и Гёте, напѣвы Байрона, даже усилія Виктора Гюго, однимъ словомъ, вся сокровищница литературныхъ произведеній переходитъ въ общую поэтическую атмосферу и разрѣшается въ ней; мы вдыхаемъ ее, какъ свободный жизненный элементъ; она становится матеріаломъ и составною частію новыхъ созданій, которыхъ, вслѣдствіе этого, еще нисколько нельзя назвать подражаніями. Только духъ, одинъ духъ можетъ здѣсь рѣшить, кто свободный владѣлецъ и кто рабскій подражатель.

Что Пушкинъ есть поэтъ оригинальный, поэтъ самобытный — это непосредственно явствуетъ изъ впечатлѣнія, производимаго его поэзіею. Онъ могъ заимствовать внѣшнія формы и итти по стезямъ, до него бывшимъ; но жизнь, вызванная имъ, — жизнь совершенно новая. Если онъ часто напоминаетъ Байрона, Шиллера, даже Виланда, далѣе — Шекспира и Аріоста, то это указываетъ только, съ кѣмъ можно его сравнить, а не отъ кого должно его производить. Съ Байрономъ онъ рѣшительно принадлежитъ къ одной эпохѣ, и даже можно сказать — съ Шиллеромъ, сколько позволятъ допустить это нѣкоторыя существенныя измѣненія, происшедшія со времени Шиллера во внѣшнемъ состояніи жизни. Самый внутренній міръ, раскрывшійся въ духѣ поэта, зиждется, большею частію, на тѣхъ же основаніяхъ, какія мы видимъ у этихъ поэтовъ; въ немъ та же противоположность и раздоръ мечты съ дѣйствительностью, та же тоска, то же полное сомнѣній уныніе, та же печаль по утраченномъ и грусть по недостижимомъ счастіи, та же разорванность и величественная, великодушная преданность, — всѣ эти качества, особенно преобладающія въ Байронѣ. Но главное, существенное свойство Пушкина, отличающее его отъ нихъ, состоитъ въ томъ, что онъ живымъ образомъ слилъ всѣ исчисленныя нами качества съ ихъ рѣшительною противоположностью, именно, со свѣжею духовною гармоніею, которая, какъ яркое сіяніе солнца, просвѣчиваетъ сквозь его поэзію и всегда, при самыхъ мрачныхъ ощущеніяхъ, при самомъ страшномъ отчаяніи, подаетъ утѣшеніе и надежду. Въ *гармоніи*, въ этомъ направленіи къ мощному и дѣйствительному, укрѣпляющемъ сердце, вселяющемъ мужество въ духѣ, мы можемъ сравнить его съ Гете. Истинная поэзія есть радость и утѣшеніе, и для того, чтобы точно быть этимъ, она нисходитъ до всѣхъ страданій и горестей. Укрѣпляющую, живительную силу Пушкина испытываетъ на себѣ всякій, кто будетъ читать его созданія. Его геній столь же способенъ къ комическому и шутливому, сколько къ трагическому и патетическому; особенно же склоненъ онъ къ ироническому, которое часто переходитъ у него въ юморъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Свѣтлая гармонія, доброе мужество составляютъ основу его поэзіи, основу, по которой всѣ другія его свойства пробѣгаютъ какъ тѣни, или, лучше, какъ оттѣнки. Его характеру вполнѣ равновѣсно его выраженіе: вездѣ быстрая краткость, вездѣ свѣжій, совершенно самостоятельный, сосредоточенный образъ, яркая молнія духа, рѣзкій оборотъ. Мало поэтовъ, которые были бы такъ чужды, какъ Пушкинъ, всего изысканнаго, растянутаго, всякаго con amore набираемаго хлама. Его естественность, довольствующаяся самымъ простымъ словомъ, быстро схватывающая и быстро отпускающая каждый предметъ; его могучее воображеніе, полное согрѣвающей теплоты и величія; его то кроткое, то горькое остроуміе, — все соединяется для того, чтобы произвесть самое гармоническое, самое благотворное впечатлѣніе въ духѣ безпрерывно-занятаго и безпрерывно-свободнаго, ни минуты немучимаго читателя.

Для русскаго это впечатлѣніе тѣмъ могущественнѣе, что проникаетъ также въ его національное существо и пробуждаетъ въ немъ всю половину жизни его отечества, его народа. Созданія Пушкина всѣ полны Россіею, Россіею во всѣхъ ея направленіяхъ и видахъ. Мы ближе разберемъ значеніе того, что сейчасъ нами сказано, и посмотримъ, какъ національность Пушкина была выгодна для его поэзіи. Всякій поэтъ, который не теряется въ идеальныхъ общностяхъ, выговариваетъ болѣе или менѣе жизнь своего народа, характеръ своей страны, и во всякомъ случаѣ, качество этой жизни и этого характера имѣетъ сильное вліяніе на его поэзію. Но почти всегда кругъ, очерчиваемый имъ, тѣсенъ; изъ этого круга почти всегда выходитъ только нѣчто одностороннее, нѣчто однообразное.

Байронъ избѣжалъ этой тѣсноты, прибавивъ къ англійскому испанское, нѣмецкое, итальянское и греческое; но онъ обогатилъ свою поэзію не иначе, какъ безпрерывными своими путешествіями. Если Гете умѣлъ, сверхъ нѣмецкихъ элементовъ, включить въ свою поэзію элементы славянскіе и восточные, то это удалось ему только вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій его жизни и по собственной могучести его духа. Но русскому поэту все это разнообразіе разрозненныхъ пространствомъ и духовно различныхъ элементовъ дается уже само собою; все это уже онъ находитъ въ своемъ національномъ кругу. Ему равно доступны, равно родственны югъ и сѣверъ, Европа и Азія, дикость и утонченнозть, древнее и новѣйшее; изображая самые различные предметы, онъ изображаетъ предметы отечественные. Величина и могущество Россіи, объемъ и содержаніе русской имперіи имѣютъ въ этомъ отношеніи самое благотворное вліяніе; мы можемъ отсюда видѣть, въ какомъ внутреннемъ соотношеніи съ государствомъ живетъ поэзія. Состоя изъ тѣхъ же самыхъ основныхъ стихій, какія содѣлываютъ государство могущественнымъ, развивается поэзія изнутри наружу (von innen her). Пушкинъ, владѣя мощными силами, вполнѣ воспользовался выгодою своей національности, вполнѣ осуществилъ ес. Созерцая самыя противоположности, изображаемыя имъ состоянія, чувствуешь, что они всѣ равно принадлежатъ поэту, что оно на всѣхъ ихъ имѣетъ равныя права; они его, они — русскія. Мы можемъ здѣсь, выражаясь собственными словами поэта, сказать:

От финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
От потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,

вездѣ — въ мірѣ сельскихъ нравовъ и въ блестящемъ модномъ свѣтѣ, въ великолѣпныхъ палатахъ и подъ сѣнію цыганской кущи, вездѣ онъ на своей родной почвѣ, и вездѣ на этой почвѣ даетъ отпрыски его поэзія. Дѣйствительно, весь этотъ богатый міръ, во всемъ его объемѣ, претворилъ Пушкинъ въ поэтическое созерцаніе.

Варнгагенъ фон-Энзе.

Пушкинъ — національный поэтъ.

Сто лѣтъ тому назадъ родился А. С. Пушкинъ, и мы невольно соединяемъ съ этою памятью — память о зарожденіи нашей новой поэзіи, той поэзіи, которую мы считаемъ своею, въ которой чувствуемъ біеніе нашей жизни, въ колеяхъ которой до сихъ поръ идетъ развитіе нашего изящнаго слова. Эта поэзія ввела насъ впервые и прочно въ круговоротъ западно-европейскихъ литературъ; среди нихъ и наша получала свое опредѣленное мѣсто и признаніе. Съ такимъ признаніемъ позволено считаться не изъ одного лишь народнаго тщеславія: оно поднимаетъ наше самосознаніе, подтверждая нашу собственную себѣ оцѣнку.

Съ XVIII вѣка мы вступили въ болѣе тѣсную связь съ Западомъ; къ намъ приходили оттуда науки, нравы и привычки и принимались, какъ могли, на верхахъ общества; переходили идеалы, до которыхъ мы не дожили; переходили формы стиха и литературные роды и типы, выразившіе итоги извѣстнаго историческаго развитія и общественныхъ теченій, чему у насъ ни въ жизни ни въ литературѣ ничто не отвѣчало. Что общаго между западнымъ понятіемъ о героизмѣ и перенесенною къ намъ героическою одой съ Марсомъ, Беллоной и т. п.? Одна давала поэту возможность высказать въ торжественныхъ стихахъ свой наивный патріотизмъ, но и пріучала къ неискреннимъ восторгамъ, открывая горизонты фразъ, въ которыхъ могло выразиться, но часто и терялось народное чувство. Трагедія французскаго типа прилаживалась къ русскимъ историческимъ именамъ и воспоминаніямъ — безъ пониманія духа нашей исторіи; комедія и сатира бичевали нравы, вскрывая темныя стороны нашего быта, создавая отрицательные типы, полные шаржа; положительные типы — не живыя лица, а указки или проповѣдники, отъ Стародума до Чацкаго; они не пережиты, не выстраданы поэтически. Идиллія и burlesque дали намъ кадры для изображеній изъ народной жизни: либо ухарства и разгула, либо пастушковъ, вьющихъ вѣнки у своего стада, земледѣльцевъ, отдыхающихъ отъ своихъ „непорочныхъ“ трудовъ. Когда затѣмъ насталъ на Западѣ періодъ чувствительности, и у насъ растворились сердца для „нѣжнѣйшей тоски“, „для священной меланхоліи“ (Карамзинъ), „царицы превыспренныхъ мыслей“ (Иппокрена VI, 433), и мы плакали надъ „Бѣдной Лизой“, въ которой ничего нѣтъ русскаго, кромѣ декораціи. Романтизмъ, естественно развившійся въ условіяхъ западной литературы и жизни, заразилъ насъ любовью къ народнымъ мотивамъ и мѣстному колориту, къ сказочно-страшному послѣ трагически-ужаснаго; но народность нашихъ романтиковъ можно было бы встрѣтить и на берегахъ Рейна, а очертанія мѣстности расплывались въ мистически-лунномъ освѣщеніи. „Нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочитаешь, пѣснь или посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ“, писалъ Грибоѣдовъ (1816 г.). Все это изощряло чувство,

вело къ выработкѣ языка Жуковскаго и Батюшкова; становилась возможнѣе лирика непосредственнаго, личнаго настроенія, но мотивамъ общественности въ ней еще нѣтъ отзыва.

„Есть русскій языкъ, — говорилъ въ 1823—24 годахъ князь Вяземскій,—но нѣтъ словесности, достойнаго выраженія народа могучаго и могущественнаго“; „мы еще не имѣемъ русскаго покроя въ литературѣ, можетъ-быть и имѣть не будемъ, потому что его нѣтъ“.

Когда писались эти строки, новая русская поэзія уже зародилась. Изъ утреннихъ тумановъ, въ которыхъ вьются тѣни классиковъ и романтиковъ, старыхъ западниковъ и народниковъ, „Арзамаса“ и „Бесѣды“, выдѣляется образъ юноши Пушкина, и всѣ точно приглядываются къ нему, прислушиваются: его ждали. Онъ только что вышелъ изъ Лицея, а за его игривой музой всѣ волочатся; его стихи, экспромпты попадаютъ въ публику раньше, чѣмъ въ печать, иные потерялись по дорогѣ: „много алмазныхъ искръ Пушкина разсыпалось тутъ и тамъ въ потемкахъ“, говорилъ даже Даль. Когда поэтъ окрѣпъ и могъ сказать о себѣ:

Звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,

къ нему прикованы всѣ взгляды, и признаніе общества перевѣшиваетъ голосъ школьной хулы. Въ немъ надежда на что-то новое, желаемое, выяснявшееся постепенно, какъ день растетъ съ ходомъ солнца. „Старшіе богатыри“, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, дивуются на его поѣздку богатырскую. „Никто изъ русскихъ писателей не поворачивалъ нашими каменными сердцами, какъ ты“, пишетъ ему Рылѣевъ. „Имя твое сдѣлалось народной собственностью“, говоритъ ему князь Вяземскій. „Возведи русскую поэзію на ту степень между поэзіями всѣхъ народовъ, на которую Петръ Великій возвелъ Россію между державами. Соверши одинъ, что онъ совершилъ одинъ“, ободрялъ его Баратынскій (1828 г.). Пушкинъ — „честь нашей народной жизни, нашей души, нашего слова“ („Московскій Наблюдатель“ 1837 г.). „Отечества онъ слава и любовь! Онъ избранникъ, увѣнчанный въ народѣ“ (Подолинскій, „Переѣздъ черезъ Яйлу“, 1837 г.). Такъ помянули его въ годъ смерти.

Это — признаніе не только таланта, но и направленія. У Пушкина оно сказалось рано: первое произведеніе, обратившее на него вниманіе, „Русланъ и Людмила“ — народная, скорѣе обрусѣвшая сказка въ стилѣ Аріосто, но важно то, что еще въ Лицеѣ на юнаго поэта повѣяло народной фантастикой, и когда въ 1828 году онъ говорилъ въ прологѣ

Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ;

онъ связывалъ свое настоящее съ прошедшимъ, безсознательный почннъ съ жизненной задачей зрѣлаго художника. Протянемъ эту красную нить по біографіи человѣка и поэта, и мы поймемъ, почему при имени Пушкина насъ „тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ *національ-*

номъ поэтъ" (Гоголь), поймемъ и слова, съ которыми Погодинъ обратился къ студентамъ Московскаго университета по полученіи извѣстія о кончинѣ Пушкина: его сочиненіями „начинается новая эпоха въ русской литературѣ, эпоха *національности*".

Большіе русскіе поэты стояли у его колыбели; иныхъ онъ видѣлъ въ домѣ отца, другихъ въ Лицеѣ; онъ вчитывался въ нихъ и учился, но его первоначальное воспитаніе было иностранное, главнымъ образомъ, французское, какъ въ большинствѣ образцовыхъ дворянскихъ семей того времени. Его французскія письма не лишены стиля, и въ пору своей „національности" онъ не освободился отъ нѣкоторыхъ галлицизмовъ. Такимъ образомъ онъ естественно попалъ въ колею обычныхъ чтеній, отъ французскихъ классиковъ XVII вѣка до Вольтера и Парни, Шенье, Шатобріана и Жоржъ Занда, отъ Вальтеръ-Скотта и Байрона до Шекспира, и невольно втягивался въ ихъ кругозоръ, въ прелесть формъ и содержаніе настроеній. Но онъ не подражалъ, какъ наши сентименталисты и романтики, а творилъ на новыхъ стезяхъ. „Талантъ неволенъ, говорилъ онъ, а его подражаніе не есть постыдное похищеніе... признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія". Какъ Мольеръ онъ у другихъ бралъ свое: формы, отвѣчавшія его поэтическому чутью, будившія въ немъ свои собственные „звуки новые"; типы, которые онъ находилъ и кругомъ себя, стремленія, которыя дѣлилъ съ лучшими людьми своего времени и самъ переживалъ страстно и тревожно. Уже въ этомъ смыслѣ онъ былъ націоналенъ и могъ сказать:

И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

(1819 г. Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны.)

Оттого онъ и сентименталистъ, не романтикъ; байронистъ только по совпаденію западныхъ литературныхъ и русскихъ общественныхъ моментовъ. Отъ Алеко до Онѣгина совершался въ самосознаніи переходъ отъ безсодержательныхъ грезъ и „безыменныхъ страданій" къ явленіямъ русской дѣйствительности; „другіе дни — другіе сны" (Отрывокъ изъ путешествія Онѣгина). Онѣгины были на Руси выраженіемъ знаменательнаго времени въ жизни нашего просвѣщеннаго общества; Татьяна — такое же живое лицо. Далѣе русская современность распахнула двери въ прошлое, обязывающее всякаго, кто созналъ историческое назначеніе своего народа. Въ нашихъ дворянскихъ семьяхъ, несмотря на ихъ полуфранцузское воспитаніе, все еще жили родовыя преданія, преданія, не только спеси, но и дѣятельнаго участія въ судьбахъ родной земли. Пушкины ей служили, и поэтъ твердо помнилъ свою родословную. Его тянетъ къ русской старинѣ по связи съ настоящимъ: объ этомъ онъ толкуетъ, пишетъ про себя, у него слага-

ются опредѣленные, нѣсколько идеальные взгляды на Петровскую реформу, на культурное, въ англійскомъ смыслѣ, значеніе нашего дворянства, какъ свободнаго руководителя народныхъ силъ. Исторія Карамзина стала для него откровеніемъ древности, раскрыла ея „очарованіе“; позже архивные источники и поѣздки на мѣста дѣйствій познакомили его съ матеріалами, почти вторгавшимися въ интересы современности. Все это отлилось въ поэтическихъ образахъ: забыты славянскіе барды и призрачные Вадимы, явился „Борисъ Годуновъ“ на фонѣ безмолвствующаго народа, Пименъ въ поэзіи своей кельи, „Капитанская дочка“ въ смутахъ пугачевщины; надъ всѣми Петръ, „Мѣдный всадникъ“ и кормчій русской земли, русскій и западникъ вмѣстѣ перекосившій наши старые порядки и выдвинувшій насъ къ просвѣщенію, строгій и милостивый, прежде всего работникъ.

И тутъ идетъ ко мнѣ незримый рой гостей —
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

Все это очутилось въ русской обстановкѣ, реальной и поэтической, выросло изъ нея, одно съ нею; вездѣ ощущается народная подпочва, впервые — „тихая и безпорывная“ (Гоголь о Пушкинѣ) прелесть русскаго пейзажа, интимное пониманіе крестьянскаго быта; то и другое надо было не только передумать, но и прочувствовать. Вмѣсто „Развалинъ замка въ Швеціи“ явились картины русскаго лѣта и осени, зимней бури съ ея народнымъ чудеснымъ; поэзія русской деревни:

Люблю песчаный косорогъ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи.

„Блаженное искусство любоваться красотами и пріятностями натуры“ (Болотовъ) привилось къ намъ съ Запада, но только Пушкинъ открылъ намъ красоты нашей избушки, гдѣ живетъ мельникъ „Русалки“, старикъ со старухой сказки о „Рыбакѣ и рыбкѣ“, и теплится и сверкаетъ своя поэзія жизни. Ни Карамзинъ, ни Жуковскій, ни Батюшковъ не были бы способны спуститься къ уровню „Каприза“ (1830 г.), гдѣ Пушкинъ показываетъ „румяному“ критику, очевидно, любителю веселыхъ видовъ, глумившемуся надъ „темной музой“ романтиковъ, картины русской деревенской дѣйствительности: тѣ же убогія избушки, отлогій скатъ, густая полоса сѣрыхъ тучъ, два тощихъ деревца, обнаженныхъ осенью. Образъ, очевидно, запечатлѣлся, сталъ символомъ, и художникъ развиваетъ его бытовой сценой, тусклой, какъ тонъ пейзажа. Мы предчувствуемъ реализмъ Некрасова.

На дворѣ живой собаки нѣтъ,
Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно бъ ужъ схоронилъ.

Что же ты нахмурился? спрашиваетъ поэтъ румянаго критика.

Пушкинъ въ поэзіи — нашъ первый народникъ-реалистъ; онъ реалистъ и въ смыслѣ языка; и до него народные элементы проникали въ нашу литературную рѣчь, иногда для рельефа, послѣдовательнѣе у Грибоѣдова и Крылова, у котораго Жуковскій находилъ выраженія не по вкусу людямъ, „привыкнувшимъ къ языку хорошаго общества". Пушкинъ сдѣлалъ народное слово достояніемъ поэзіи. Его критики считали „низкими, бурлацкими" такія слова, какъ „усы", „визжать", „вставай", и т. п., смѣялись надъ стихомъ:

Людскую молвь и конскій топъ.

Онъ защитилъ его словоупотребленіемъ сказки, требуя для языка болѣе воли (письмо къ Погодину), предпочитая простонародность „жеманству и напыщенности". И здѣсь у него послышались „звуки новые". Его бабушка, „наперница волшебной старины", разсказывала ему про былое, и онъ слушалъ ее, еще ребенкомъ, пріютясь въ ея рабочей корзинѣ; либо его няня нашептывала ему

О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
(Сонъ 1816 г.)

И позже онъ любилъ ея сказки, просилъ бывало спѣть,

какъ синица
Тихо за моремъ жила,
какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Онъ охотно прислушивается къ народному говору, въ Михайловскомъ собираетъ народныя пѣсни, записываетъ ихъ отъ старухи Ушаковой, записываетъ пѣсни о Стенькѣ Разинѣ. Самъ онъ превосходно читалъ народныя пѣсни, пытался подражать имъ, проникался ихъ лирическою раздвоенностію:

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика,
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

Его пересказы изъ Мериме свидѣтельствуютъ, какъ прочно онъ овладѣлъ народно-поэтическимъ стилемъ; отъ его сказокъ въ стихахъ прямой переходъ къ Лермонтовскому „Купцу Калашникову". Оттуда обогащеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опрощеніе нашего художественнаго языка. „Ты довершишь водвореніе у насъ простой, естественной рѣчи, которой наша публика не понимаетъ... ты сведешь наконецъ поэзію съ ея ходуль", писалъ ему въ 1825 году его пріятель Н. Н. Раевскій. Проза Гоголя и С. Т. Аксакова вышла изъ повѣстей Пушкина, и въ то же время чтеніе Карамзина, лѣтописей, памятниковъ въ родѣ „Слова о полку Игоревѣ", отозвалось на золоточеканномъ языкѣ „Бориса Годунова.

Веселовскій.

Пушкинъ является завершителемъ всѣхъ прежнихъ стремленій, всѣхъ начатыхъ и недодѣланныхъ формъ и съ ними, разумѣется, русская литература и русская поэзія должны начинать новый періодъ своей исторической жизни. Стоитъ только сравнить съ поэзіей Пушкина поэзією Батюшкова и Жуковскаго, его современниковъ и учителей, чтобъ убѣдиться, чѣмъ онъ выше стоитъ обоихъ ихъ. Пластическая, но недодѣланная и несовершенная форма поэзіи Батюшкова получаетъ у Пушкина такую изящную отдѣлку, такія художественныя достоинства, что сейчасъ виденъ на ней слѣдъ руки великаго мастера, котораго душа полна дивныхъ и совершенныхъ образовъ. Лучше, чище и превосходнѣе этой формы въ поэзіи трудно представить критикѣ. Благоуханное и нѣжное, но неясное чувство, разлитое въ поэзіи Жуковскаго, свѣтлый порывъ къ далекому небу, составляющій весь пылъ этой поэзіи, смѣняется иными, болѣе полными и рѣшительными качествами у Пушкина. Его чувство такъ точно и опредѣленно и такъ ясно выражено, что образъ художника, оставляя въ душѣ впечатлѣніе оконченное, наполняетъ ее совершенно. Кажется, ничего не нужно читателю прибавлять къ тому, что съ такою готовностью даетъ поэтъ. Пушкинъ нигдѣ не заставляетъ догадываться читателя, читать между строчками тайный смыслъ созданія. Нѣтъ, образъ Пушкина доступенъ съ перваго раза душѣ и весь онъ налицо передъ нами въ блестящей художественной одеждѣ, данной ему поэтомъ. Чувство Пушкина человѣчно и просто, а потому поэзія его, выраженіе этого чувства, производитъ на душу человѣка впечатлѣніе здоровое и бодрое; она проливаетъ свѣтлый миръ въ душу человѣка и, подымая ее отъ земли, она учитъ оставаться на ней же, вызывая вокругъ жизнь и облекая все прекрасное и благородное на землѣ въ совершенную форму поэзіи. Пушкинъ принадлежалъ къ глубокимъ лирическимъ натурамъ, для которыхъ всякое минутное впечатлѣніе облекается въ поэтической образъ, понятный всякому, потому что на немъ лежитъ печать человѣческаго достоинства. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ много походитъ на Гёте, поэта-художника, по-преимуществу, который самъ говорилъ про себя, что всѣ его произведенія писаны на случай, не такъ однакожъ, какъ писались оды XVIII столѣтія. Такъ и у Пушкина каждое стихотвореніе вызвано обстоятельствами его жизни, каждое вылилось прямо изъ души поэта и много и долго было перечувствовано. Но эти созданія, чисто личныя по своему происхожденію въ душѣ поэта, имѣютъ общій смыслъ, понятны и доступны каждому. Такое явленіе происходитъ оттого, что чувство и поэзія Пушкина носятъ вполнѣ человѣческій характеръ и отзывались на все, что возбуждаетъ сочувствіе въ благородной и развитой душѣ человѣка. Какія громадныя силы должны были заключаться въ личности Пушкина, чтобы мы въ каждомъ мимолетномъ впечатлѣніи, одѣтомъ имъ въ поэтическую форму, въ каждомъ небольшомъ стихотвореніи, написанномъ, повидимому, на незначительный и быстро исчезнувшій случай, могли находить полное удовлетвореніе.

Такое явленіе составляетъ тайну генія, тайну творца-художника въ мірѣ искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ намъ, что существуетъ таинственная и глубокая связь между геніемъ великаго поэта и духомъ народа, создавшаго его. Оба они дѣйствуютъ взаимно другъ на друга и постоянно живутъ въ общеніи. Вотъ почему въ поэзіи Пушкина, едва только коснутся нашего слуха звуки его, мы слышимъ родное и знакомое, свое собственное, что жило въ душѣ нашей, но жило неясно, темнымъ чувствомъ, не умѣя найти соотвѣтственной формы и приличнаго выраженія. Потому Пушкинъ, вслѣдствіе великаго поэтическаго таланта своего, является типическимъ представителемъ своей родины. Кажется, лучшія свойства народа, кажется, вся душа его, весь его геній заключались въ одномъ человѣкѣ и съ большимъ блескомъ и въ полной силѣ, какъ лучи свѣта, сосредоточенные въ одной точкѣ и тѣмъ дѣйствующіе ослѣпительнѣе и ярче. Вотъ почему такая личность, выражающая народъ свой, интересуетъ и влечетъ насъ къ себѣ. Мы стараемся понять и оцѣнить каждый случай жизни, пробудившій поэзію Пушкина, мы стараемся разгадать жизнь его, каждый темный, неясный намекъ въ его стихотвореніи, мы бы дорого дали, чтобъ знать все, что волновало, мучило и утѣшало душу поэта и страстно желали бы имѣть полную біографію Пушкина, которая дала бы намъ ключъ къ его поэзіи и позволила бы внутри насъ пожить блестящею жизнію поэта. Геній его порукою намъ, что въ этой жизни нѣтъ ничего такого, что бы недостойно было вниманія людей его родины, что бы бросало тѣнь на поэта, какъ на человѣка, что бы не оправдывалось независящими отъ него обстоятельствами. Изученіе жизни и вмѣстѣ съ нею созданій Пушкина много вознаградитъ того, кто посвятитъ труду этому время свое. И какъ отрадно изучать великаго поэта своего народа и переживать въ его созданіяхъ факты народнаго духа и сознанія въ лучшей, благороднѣйшей, художественной формѣ. Да, личность и поэзія Пушкина достойны подробнаго изученія. Онъ гнался за жизнію, по выраженію поэта, онъ воскрешалъ въ ней каждый мигъ и на каждый призывный звукъ ея отвѣчалъ отзывной пѣснью. Намъ дороги волненія, страданія и радости Пушкина. Они принадлежатъ великому поэту, представителю своего народа и неизмѣримо выше стоятъ тѣхъ откровенныхъ изліяній, которыми привыкли такъ нецеремонно дѣлиться съ публикою мелкіе лирическіе поэты, громко толкующіе о своихъ ненужныхъ никому и смѣшныхъ страданіяхъ и волненіяхъ. Лермонтовъ давно отвѣчалъ энергическими стихами поэту подобнаго рода.

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
　　На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
　　Разсудка злыя сожалѣнья?

Надобно быть богатымъ внутреннею жизнію, чтобъ имѣть право дѣлиться со всѣми своими впечатлѣніями.

Итакъ, въ величіи созданій Пушкина, доступныхъ каждому русскому человѣку, мы видимъ типическое воспроизведеніе жизни русской, а потому безспорно можемъ назвать его первымъ народнымъ поэтомъ своей родины. До него не было у русской поэзіи въ полной силѣ и полной мѣрѣ этого свойства, а были только попытки. Но эта народность созданій Пушкина не есть та непосредственная, первоначальная народность, которая проявляется и въ пѣснѣ народа. Это — высшій моментъ сознанія, и она могла родиться только въ ту блестящую эпоху развитія народныхъ силъ, которая слѣдовала за Двѣнадцатымъ годомъ. Эта народность, освѣщенная заревомъ московскаго пожара, скрѣпленная общимъ чувствомъ любви къ отечеству и ненависти къ страшному завоевателю, потрясшему міръ въ его основаніяхъ, есть высшее проявленіе народа и можетъ сдѣлаться могучимъ двигателемъ поэзіи. Въ образахъ Пушкина народные элементы изображены такъ ясно и съ такою художественною полностью, именно потому, что они сознательно прошли чрезъ духъ поэта, что они выработались народной исторіей. Только при такихъ условіяхъ поэтъ могъ изображать съ теплымъ участіемъ сумрачныя картины родной природы, гдѣ все такъ ровно и однообразно, гдѣ надобно вырасти и жить, быть связану тайными элементарными силами съ родною почвою, чтобъ находить прелесть въ безграничныхъ и пустыхъ пространствахъ степи, въ разбросанныхъ избахъ жалкой деревушки, въ сѣромъ небѣ, склонившемся надъ необозримою равниною. И Пушкинъ, въ роскошныхъ поэтическихъ образахъ, вызвалъ передъ нами тайную прелесть этой природы; онъ придалъ ей жизнь и значеніе, онъ поймалъ неуловимыя линіи разбѣгающихся очерковъ и выразилъ непонятную связь русской души съ окружающей ее природой. Картины этой природы дышатъ жизнію и говорятъ сердцу. Бѣдная деревня вдали отъ большой дороги, печальная пѣсня подъ звукъ веретена, дождливое утро ненастной осени, и великолѣпные ковры снѣга, и звонъ почтоваго колокольчика, и мутные образы, кружащіеся въ волнахъ метели — все это согрѣто такою теплою любовью, все это одѣто въ такую яркую поэтическую одежду, что невольно манитъ къ себѣ въ душу. Не станемъ говорить о тѣхъ вдохновенныхъ изображеніяхъ, которыя подарили поэту горы и равнины южнаго Крыма и громады Кавказа. Тамъ самое величіе и роскошь явленій природы могли возбудить его геній. Нѣтъ, его могущество доказывается картинами бѣдной сѣверной природы, которая окружаетъ насъ, къ которой мы привыкли до того, что не въ состояніи вообразить скрытыхъ въ ней поэтическихъ достоинствъ. Какимъ же волшебствомъ открылъ ихъ Пушкинъ и умѣлъ сдѣлать привлекательными для каждаго? Это волшебство принадлежитъ къ тайнамъ геніальнаго творчества, но оно есть условіе всякаго народнаго поэта, оно есть доказательство глубокаго русскаго чувства и русской души въ Пушкинѣ, и только сознаніе, только историческое развитіе народной исторіи могло вызвать въ жизни такія явленія. Но еще выше картинъ природы, народность Пушкинской поэзіи про-

является въ созданіи характеровъ, поразительно вѣрныхъ действительности и русской жизни. Взгляните на русскую женщину, одѣтую яркимъ свѣтомъ Пушкинской поэзіи, на эту простую, мечтательную, грустную, но съ залогомъ могучихъ силъ душевныхъ, но съ возможностью глубокой страсти въ сердцѣ, женщину. Посмотрите на этотъ превосходный образъ Татьяны, выросшей на родныхъ снѣгахъ и поляхъ, подъ тѣнью березъ родины, съ воображеніемъ, настроеннымъ тайными силами русской природы и преданіями народа, посмотрите на нее, обвѣянную простой поэзіей крещенскихъ вечеровъ, пѣсенъ и гаданій, вѣрную жизни и природѣ своей. Какъ просто и безхитростно заговорило въ ней чувство, какая глубокая, но естественная скорбь въ этой мечтательной головкѣ, и какъ она не измѣняетъ ни себѣ ни чувству, когда жизнь ея измѣняется, когда изъ-подъ деревенской кровли отцовскаго дома, отъ могилы своей няни, она переносится въ великолѣпныя залы столицы. Пушкинъ особенно умѣлъ сочувствовать простымъ и неиспорченнымъ русскимъ натурамъ, и талантъ его, развиваясь все болѣе и болѣе, усвоивалъ себѣ эпическую простоту и непосредственность въ изложеніи и разсказѣ, останавливался съ любовью на характерахъ, выросшихъ прямо на народной почвѣ. Особенно это замѣтно въ послѣднихъ могучихъ созданіяхъ поэта. Мельникъ и его дочь, простая исторія любви послѣдней къ князю, заимствованная Пушкинымъ изъ забытой оперы, въ которой не видно ничего русскаго, заключаетъ въ себѣ такое богатое народное содержаніе, какое умѣлъ только постигать Пушкинъ. Самая любовь эта, доведенная до драматическаго движенія страсти, не согласнаго съ эпическимъ характеромъ народа, является намъ до того естественною, до того близко соприкасается она съ стихійнымъ міромъ народныхъ преданій, что даже фантастическій фонъ картины еще больше придаетъ правды и очарованія созданію. Мы не станемъ говорить о томъ, съ какимъ народнымъ тактомъ и глубиною чувства выражался Пушкинъ о великомъ двигателѣ нашего образованія, въ какихъ величавыхъ, строгихъ и могущественныхъ очеркахъ является въ разныхъ мѣстахъ его поэтическихъ созданій Петръ Великій, этотъ представитель огромныхъ силъ народа, гигантъ, поразившій силою своего генія воображеніе поэта. Когда онъ говоритъ о немъ, тогда живымъ ключемъ льются волны глубокой поэзіи Пушкина, слышится сильно затронутое чувство. Онъ встрѣчается здѣсь съ Ломоносовымъ, первороржденнымъ сыномъ эпохи преобразованія, и подобно ему, Пушкинъ хотѣлъ посвятить послѣдніе годы своей жизни изображенію великаго государя, и, подобно Ломоносову, судьба не дала ему кончить прекраснаго дѣла. Тѣ же народныя силы Пушкинскаго генія являются въ драматической хроникѣ его „Борисѣ Годуновѣ“, гдѣ отъ царя до отшельника-лѣтописца все носитъ на себѣ печать глубокаго пониманія жизни народа и теплаго сочувствія къ ней. Но еще ярче геній Пушкина проявляется въ созданіи характеровъ „Капитанской дочки“. Кажется, все такъ просто въ этомъ произведеніи, кажется такъ

ничтожны выведенные въ этой исторической повѣсти характеры, что мы не подозрѣваемъ глубины народнаго духа, скрытаго въ этихъ, повидимому, мелкихъ личностяхъ. А между тѣмъ посмотрите, какъ умираетъ комендантъ жалкой оренбургской крѣпостцы и помощникъ его, Иванъ Кузьмичъ, отъ руки мятежника Пугачева. Такъ величаво-просто, безъ парада и шума, можетъ умирать только одинъ простой русскій человѣкъ, неиспорченный посторонней примѣсью. И Пушкинъ все дальше и дальше отдаляется отъ лицъ дѣйствующихъ въ салонахъ. Его жизнь и странствія по Россіи ставили его въ соприкосновеніе съ различными общественными классами, но его чуткое поэтическое вниманіе останавливалось только на томъ, что имѣло право войти и получить гражданство въ царствѣ русской поэзіи. Въ глубинѣ души своей онъ былъ другомъ того народа, которому чужды литературныя стремленія, но который въ жизни своей сохранилъ коренныя народныя начала. Вотъ въ чемъ заключается народность созданій Пушкина и всей его поэзіи.

Буличъ.

Пушкинъ — наше все; Пушкинъ представитель — всего нашего *душевнаго, особеннаго*, такого, что остается нашимъ *душевнымъ*, особеннымъ послѣ всѣхъ столкновеній съ чужимъ, съ другими мірами. Пушкинъ пока единственный полный очеркъ нашей народной личности, самородокъ, принимавшій въ себя, при всевозможныхъ столкновеніяхъ съ другими особенностями и организмами, — все то, что принять слѣдуетъ, отбрасывающій все, что отбросить слѣдуетъ, полный и цѣльный, но еще не красками, а только контурами набросанный образъ народной нашей сущности, — образъ, который мы долго еще будемъ оттѣнять красками. Сфера душевныхъ сочувствій Пушкина не исключаетъ ничего, до него бывшаго, и ничего, что послѣ него было и будетъ правильнаго и органически нашего. Сочувствія Ломоносовскія, Державинскія, Новиковскія, Карамзинскія, сочувствія старой русской жизни и стремленія новой — все вошло въ его полную натуру, въ той строгой мѣрѣ, въ какой бытіе послѣпотопное является сравнительно съ бытіемъ допотопнымъ, въ той мѣрѣ, которая опредѣляется русскою душою. Когда мы говоримъ здѣсь о русской сущности, о русской душѣ, — мы разумѣемъ не сущность народную, допетровскую и не сущность послѣпетровскую, а органическую цѣлость: мы вѣримъ въ Русь, какова она есть, какою она оказалась или оказывается послѣ столкновеній съ другими жизнями, съ другими народными организмами, послѣ того, какъ она, воспринимая въ себя различные элементы, — одни брала и беретъ какъ родственные, другіе отрицала и отрицаетъ какъ чуждые и враждебные... Пушкинъ-то и есть наша такая, на первый разъ очеркомъ, но полно и цѣльно, обозначившаяся душевная физіономія, — физіономія, выдѣлившаяся, вырѣзавшаяся уже ясно изъ круга другихъ народныхъ, *типовыхъ* физіономій, — обособившаяся сознательно, именно вслѣдствіе того, что уже вступила въ кругъ ихъ. Это нашъ самобытный типъ, уже мѣрявшійся съ другими европейскими

типами, проходившій сознаніемъ тѣ фазисы развитія, которые они проходили, но боровшійся съ ними сознаніемъ, но вынесшій изъ этого процесса свою физіономическую, типовую самостоятельность.

Показать, какъ изъ всякаго броженія выходило въ Пушкинѣ цѣльнымъ это *типовое*, было бы задачей труда огромнаго.

Пушкинъ выносилъ въ себѣ все. Онъ долго, напримѣръ, носилъ въ себѣ въ юности мутно-чувственную струю ложнаго классицизма (эпоха лицейскихъ и первыхъ послѣ-лицейскихъ стихотвореній); изъ нея онъ вышелъ наивенъ и чистъ, да еще съ богатымъ запасомъ живучихъ силъ для противодѣйствія романтической туманности, отъ которой ничто не защищало несравненно менѣе цѣльный талантъ Жуковскаго. Эта мутная струя впослѣдствіи очистилась у него до наивнаго пластицизма древности, и, благодаря стройной мѣрѣ его натуры, ни одна словесность не представитъ такихъ чистыхъ и совершенно ваятельныхъ стихотвореній, какъ пушкинскія. Но и въ этомъ отношеніи какъ онъ самъ, такъ и все, что пошло отъ него по прямой линіи (Майковъ, Фетъ въ ихъ антологическихъ стихотвореніяхъ), умѣли уберечься въ границахъ здраваго, достойнаго разумно-нравственнаго существа, сочувствія...

Въ цѣльной натурѣ Пушкина и въ ея борьбѣ съ различными, тревожившими ее и пережитыми ею типами и заключается для насъ слово разгадки... Повторяю еще разъ — Пушкинъ все наше предчувствовалъ (разумѣется, только какъ поэтъ, въ благоуханіи): отъ любви къ загнанной старинѣ („Родословная моего героя") до сочувствій реформѣ („Мѣдный всадникъ"); отъ нашихъ страстныхъ увлеченій эгоистически обаятельными идеалами до смиреннаго служенія Савелья („Капитанская дочка"); отъ нашего разума до нашей жажды самоуглубленія, жажды „матери пустыни"; и только смерть помѣшала ему воплотить наши высшія стремленія и весь духъ кротости и любви въ просвѣтленномъ образѣ Тазита, — смерть, которая унесла его столь же преждевременно, какъ братьевъ его по духу, такихъ же набрасывателей многообъемлющаго идеала, Рафаэля Санціо и Моцарта. Ибо есть какой-то тайный законъ, по которому недолговѣчно все, разметывающееся въ ширину, и коренится, какъ дубъ, односторонняя глубина...

Есть натуры, предназначенныя на то, чтобы намѣтить грани процессовъ, набросать полные и цѣльные, но одними очерками обозначенные идеалы, и такая-то натура была у Пушкина. Онъ наше все, не устану повторять я, не устану; *во-первыхъ*, потому, что находятся въ наше время критики, которые объявляютъ, что Пушкинъ умеръ весьма кстати, ибо иначе не сталъ бы въ уровень съ современными движеніями и пережилъ бы самого себя; *во-вторыхъ*, потому, что многіе блестящіе и проницательные умы, сознавая великое значеніе въ нашей жизни Пушкина, какъ воспитателя художественнаго, не обращаютъ вниманія на его нравственное значеніе, на то, что во всей современной литературѣ нѣтъ ничего истинно замѣчательнаго, что бы въ зародышѣ своемъ не находилось у Пушкина.

Григорьевъ.

При имени Пушкина тотчас осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ-быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ-быть, явится чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ той же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла.

Самая его жизнь совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому, иногда позабывшись, стремится русскій и которое всегда нравится свѣжей русской молодежи, отразилось на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ. Судьба, какъ нарочно, забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностью, гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи прерывается подоблачными горами и обвѣвается югомъ. Исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ, среди знойныхъ долинъ, поразилъ его; онъ, можно сказать, вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которыя еще тяготѣли на свободныхъ мысляхъ. Его плѣнила вольная поэтическая жизнь дерзкихъ горцевъ, ихъ схватки, ихъ быстрые, неотразимые набѣги; и съ этихъ поръ кисть его пріобрѣла тотъ широкій размахъ, ту быстроту и смѣлость, которая такъ дивила и поражала только что начинавшую читать Россію. Рисуетъ ли онъ боевую схватку чеченца съ казакомъ, — слогъ его молнія; онъ такъ же блещетъ, какъ сверкающія сабли, и летитъ быстрѣе самой битвы. Онъ одинъ только пѣвецъ Кавказа; онъ влюбленъ въ него всею душою и чувствами; онъ проникнутъ и напитанъ его чудными окрестностями, южнымъ небомъ, долинами прекрасной Грузіи и великолѣпными крымскими ночами и садами. Можетъ-быть, оттого и въ своихъ твореніяхъ онъ жарче и пламеннѣе тамъ, гдѣ душа его коснулась юга. На нихъ онъ невольно означилъ всю силу свою, и оттого произведенія его, напитанныя Кавказомъ, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имѣли чудную, магическую силу: имъ изумлялись даже тѣ, которые не имѣли столько вкуса и развитія душевныхъ способностей, чтобы быть въ силахъ понимать его. Смѣлое болѣе всего доступно, сильнѣе и просторнѣе раздвигаетъ душу, а особливо юности, которая вся еще жаждетъ одного необыкновеннаго. Ни одинъ поэтъ въ Россіи не имѣлъ такой завидной участи, какъ Пушкинъ. Ничья слава не распространялась такъ быстро. Всѣ кстати и некстати считали обязанностью проговорить, а иногда исковеркать какіе нибудь ярко сверкающіе отрывки его поэмъ. Его имя имѣло въ себѣ что-то электрическое, и стоило только кому-нибудь изъ досужихъ марателей выставить его на своемъ твореніи, уже оно расходилось повсюду.

Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ національнымъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами. Если должно сказать о тѣхъ достоинствахъ, которыя составляютъ принадлежность Пушкина, отличающую его отъ другихъ поэтовъ, то они заключаются въ чрезвычайной быстротѣ описанія и въ необыкновенномъ искусствѣ немногими чертами означить весь предметъ. Его эпитетъ такъ отчетистъ и смѣлъ, что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кисть его летаетъ. Его небольшая пьеса всегда стоитъ цѣлой поэмы. Врядъ ли о комъ изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой пьесѣ вмѣщалось столько величія, простоты и силы, сколько у Пушкина.

Но послѣднія его поэмы, писанныя имъ въ то время, когда Кавказъ скрылся отъ него со всѣмъ своимъ грознымъ величіемъ и державно-возносящеюся изъ-за облаковъ вершиною, и онъ погрузился въ сердце Россіи, въ ея обыкновенныя равнины, предался глубже изслѣдованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захотѣлъ быть вполнѣ національнымъ поэтомъ, — его поэмы уже не всѣхъ поразили тою яркостью и ослѣпительной смѣлостью, какими дышитъ у него все, гдѣ ни является Эльбрусъ, горцы, Крымъ и Грузія.

Явленіе это, кажется, не такъ трудно разрѣшить. Будучи поражены смѣлостью его кисти и волшебствомъ картинъ, всѣ читатели его, образованные и необразованные, требовали наперерывъ, чтобъ отечественныя и историческія происшествія сдѣлались предметомъ его поэзіи, забывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болѣе спокойный и гораздо менѣе исполненный страстей быть русскій. Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: „изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были“. Но попробуй поэтъ, послушный ея вліянію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: „это вяло, это слабо, это нехорошо, это ни мало не похоже на то, что было“. Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ, совершенно похожій: но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ! Русская исторія только со времени послѣдняго ея напряженія при императорахъ пріобрѣтаетъ яркую живость; до этого, характеръ народа б. ч. былъ безцвѣтенъ, разнообразіе страстей ему мало было извѣстно.

Гоголь.

Народность, гуманность и художественный тактъ, какъ отличительныя черты поэзіи Пушкина.

Какъ истинный художникъ, Пушкинъ не нуждался въ выборѣ поэтическихъ предметовъ для своихъ произведеній, но для него всѣ предметы были равно исполнены поэзіи. Его „Онѣгинъ“, напримѣръ, есть поэма современной дѣйствительной жизни не только со всею ея поэзіею, но и со всею ея прозою, несмотря на то, что она писана стихами. Тутъ и благодатная весна, и жаркое лѣто, и гнилая дождливая осень, и морозная зима; тутъ и столица, и деревня, и жизнь столичнаго денди, и жизнь мирныхъ помѣщиковъ, ведущихъ между собою незанимательный разговоръ.

О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ;

тутъ и мечтательный поэтъ Ленскій и тривіальный забіяка и сплетникъ Зарѣцкій; то передъ нами прекрасное лицо любящей женщины, то сонная рожа трактирнаго слуги, отворяющаго съ метлою въ рукѣ, дверь кофейной, — и всѣ они, каждый по-своему, прекрасны и исполнены поэзіи. Пушкину не нужно было ѣздить въ Италію за картинами прекрасной природы: прекрасная природа была у него подъ рукою здѣсь, на Руси, на ея плоскихъ и однообразныхъ степяхъ, подъ ея вѣчно-сѣрымъ небомъ, въ ея печальныхъ деревняхъ и ея богатыхъ и бѣдныхъ городахъ. Что для прежнихъ поэтовъ было низко, то для Пушкина было благородно; что для нихъ была проза, то для него была поэзія. Осень для него лучше весны или лѣта, и читая эти стихи, вы не можете не согласиться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, на то время, пока не увидите его же картины весны или лѣта:

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
По мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславный,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.
Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ;
Она жива еще сегодня — завтра нѣтъ.
Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,

Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

Русская зима лучше русскаго лѣта — этой „карикатуры южныхъ зимъ“: она похожа на самоё себя, тогда какъ наше лѣто столько похоже на лѣто, сколько декораціонныя деревья въ театрѣ похожи на настоящія деревья въ лѣсу. Пушкинъ первый понялъ это и первый выразилъ. Его зима облита блескомъ роскошной поэзіи:

Морозъ и солнце — день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный,
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры
Навстрѣчу сѣверной Авроры,
Звѣздою сѣвера явись!
Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла —
А нынче... погляди въ окно:
Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.
Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать о лежанкѣ.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запрячь?
Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу, или русскіе характеры: на этомъ основаніи, общій голосъ нарекъ его русскимъ національнымъ, народнымъ поэтомъ. Пушкинъ не могъ не отразить въ себѣ географически и физіологически народной жизни, ибо былъ не только русскій, но притомъ русскій, надѣленный отъ природы геніальными силами; однакожъ въ томъ, что называютъ народностью или національностью его поэзіи, мы больше видимъ его необыкновенно великій художественный тактъ. Онъ въ высшей степени обладалъ этимъ тактомъ дѣйствительности, который составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ художника. Прочтите его чудную драматическую поэму „Русалка“: она вся насквозь проникнута истинностью русской жизни; прочтите его чудную драматическую поэму „Каменный гость“: она, и по природѣ страны и по нравамъ своихъ героевъ, такъ и дышитъ воздухомъ Испаніи; прочтите его „Египетскія ночи“: вы будете перенесены въ самое сердце жизни издыхающаго древняго міра... Такихъ примѣровъ удивительной способности Пушкина быть какъ у себя дома во многихъ и самыхъ противоположныхъ сферахъ жизни мы могли бы привести много, но довольно и этихъ трехъ. И что же это доказываетъ, если не его художническую многосторонность? Если онъ съ такою истиною рисовалъ природу и нравы даже никогда невиданныхъ имъ странъ, какъ же бы его изображенія предметовъ русскихъ не отличались вѣрностью природѣ? Натура Пушкина (и въ этомъ

случаѣ самое вѣрное свидѣтельство есть его поэзія) была внутренняя, созерцательная, художническая. Пушкинъ не зналъ мукъ и блаженства, какія бываютъ слѣдствіемъ страстно дѣятельнаго (а не только созерцательнаго) увлеченія живою, могучею мыслію, въ жертву которой приносится жизнь и талантъ. Онъ не принадлежалъ исключительно ни къ какому ученію ни къ какой доктринѣ; въ сферѣ своего поэтическаго міросозерцанія, онъ, какъ художникъ, по преимуществу, былъ гражданинъ вселенной, и въ самой исторіи, такъ же какъ и природѣ, видѣлъ только мотивы для своихъ поэтическихъ вдохновеній, матеріалы для своихъ творческихъ концепцій. Почему это было такъ, а не иначе, и къ достоинству или недостатку Пушкина должно это отнести? Если бъ его натура была другая, и онъ шелъ по этому несвойственному ей пути, то, безъ сомнѣнія, это было бъ въ немъ больше, чѣмъ недостаткомъ; но какъ онъ въ этомъ отношеніи былъ только вѣренъ своей натурѣ, то за это также нельзя хвалить или порицать, какъ одного нельзя хвалить или порицать за то, что у него черные, а не русые волосы, и другого за то, что у него русые, а не черные.

Лирическія произведенія Пушкина въ особенности подтверждаютъ нашу мысль о его личности. Чувство, лежащее въ ихъ основаніи, всегда такъ тихо и кротко, несмотря на его глубокость, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ человѣчно, гуманно! И оно всегда проявляется у него въ формѣ, столь художнически спокойной, столь граціозной! Что составляетъ содержаніе мелкихъ пьесъ Пушкина? Почти всегда любовь и дружба, какъ чувства, наиболѣе обладавшія поэтомъ и бывшія непосредственнымъ источникомъ счастія и горя всей его жизни. Онъ ничего не отрицаетъ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовію и благословеніемъ. Самая грусть его, несмотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свѣтла и прозрачна; она умиряетъ муки души и цѣлитъ раны сердца. Общій колоритъ поэзіи Пушкина и въ особенности лирической — внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность. Къ этому прибавимъ мы, что если всякое человѣческое чувство уже прекрасно по тому самому, что оно человѣческое (а не животное), то у Пушкина всякое чувство еще прекрасно, какъ чувство изящное. Мы здѣсь разумѣемъ не поэтическую форму, которая у Пушкина всегда въ высшей степени прекрасна; нѣтъ, каждое чувство, лежащее въ основаніи каждаго его стихотворенія, изящно, граціозно и виртуозно само по себѣ: это не просто чувство человѣка, но чувство человѣка-художника, человѣка-артиста. Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина: въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью;

она не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ; въ поэзіи Пушкина есть небо, но имъ всегда проникнута земля. Поэтому поэзія Пушкина не опасна юношеству, какъ поэтическая ложь, разгорячающая воображеніе, — ложь, которая ставитъ человѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностью при первомъ столкновеніи съ нею, и заставляетъ безвременно и безплодно истощать свои силы на гибельную съ нею борьбу. И при всемъ этомъ, кромѣ высокаго художественнаго достоинства формы, какое артистическое изящество человѣческаго чувства! Нужны ли доказательства въ подтвержденіе нашей мысли? Такъ какъ поэзія Пушкина вся заключается, преимущественно, въ поэтическомъ созерцаніи міра, и такъ какъ она безусловно признаетъ его настоящее положеніе если не всегда утѣшительнымъ, то всегда необходиморазумнымъ — поэтому она отличается характеромъ болѣе созерцательнымъ, нежели рефлектирующимъ, высказывается болѣе какъ чувство или какъ созерцаніе, нежели какъ мысль. Вся насквозь проникнутая гуманностью, муза Пушкина умѣетъ глубоко страдать отъ диссонансовъ и противорѣчій жизни; но она смотритъ на нихъ съ какимъ-то самоотрицаніемъ (resignatio), какъ бы признавая роковую неизбѣжность и не нося въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и мѣры въ возможность его осуществленія. Такой взглядъ на міръ вытекалъ уже изъ самой натуры Пушкина; этому взгляду обязанъ Пушкинъ изящною елейностью, кротостью, глубиною и возвышенностью своей поэзіи, и въ этомъ же взглядѣ заключаются недостатки его поэзіи. Какъ бы то ни было, но по своему воззрѣнію Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные, болѣзненные вопросы настоящаго. Къ особеннымъ чертамъ Пушкинской поэзіи принадлежитъ его художническая добросовѣстность. Пушкинъ ничего не преувеличиваетъ, ничего не украшаетъ, ничѣмъ не эффектируетъ, никогда не взводитъ на себя великолѣпныхъ, но не испытанныхъ имъ чувствъ, и вездѣ является такимъ, какимъ былъ дѣйствительно. Такъ, напримѣръ, онъ узнаетъ о смерти той, любовь къ которой заставила его лиру издать столько гармоническихъ стоновъ: какой прекрасный случай изобразить свое отчаяніе, написать картину страшной скорби, невыносимой муки!... Но сердце наше — вѣчная тайна для насъ самихъ... И вотъ какъ подѣйствовала на Пушкина роковая вѣсть:

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и, вѣрно, надо мной
Младая тѣнь уже летала;

Но недоступная черта межъ нами есть.
 Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
 И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
 Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
 Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей
 Для блѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
 Не нахожу ни слезъ ни пени.

Да, непостижимо сердце человѣческое, и, можетъ-быть, тотъ же самый предметъ внушилъ впослѣдствіи Пушкину его дивную „Разлуку“ („Для береговъ отчизны дальной“)... Въ отношеніи къ художнической добросовѣстности Пушкина такова же его превосходная пьеса „Воспоминаніе“: въ ней онъ не рисуется въ мантіи сатанинскаго величія, какъ это дѣлаютъ часто мелкодушные талантики, но просто какъ человѣкъ оплакиваетъ свои заблужденія. И этимъ доказывается не то, чтобъ у него было больше другихъ заблужденій, но что, какъ душа мощная и благородная, онъ глубоко страдалъ отъ нихъ и свободно сознавался въ нихъ передъ судомъ своей совѣсти... Та же художническая добросовѣстность видна даже въ его картинахъ природы, которыми особенно любятъ щеголять мелкіе таланты, изукрашивая ихъ небывалыми красками и изъ русской природы смѣло дѣлая пародію на италъянскую. Въ доказательство приводимъ одну изъ самыхъ превосходнѣйшихъ и, вѣроятно, по этой причинѣ, наименѣе замѣченныхъ и оцѣненныхъ пьесъ Пушкина — „Капризъ“:

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить,
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ, у низкаго забора,
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ;
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно бъ ужъ схоронилъ!

Кстати объ изображаемой Пушкинымъ природѣ. Онъ созерцалъ ее удивительно вѣрно и живо, но не углублялся въ ея тайный языкъ. Оттого онъ рисуетъ ее, но не мыслитъ о ней. И это служитъ новымъ доказательствомъ того, что паѳосъ его поэзіи былъ чисто артистическій, художническій, и того, что его поэзія должно сильно дѣйствовать на воспитаніе и образованіе чувства въ человѣкѣ. Если съ кѣмъ изъ великихъ европейскихъ поэтовъ Пушкинъ имѣетъ нѣкоторое сходство, такъ болѣе всего съ Гёте, и онъ еще болѣе, нежели Гёте, можетъ дѣйствовать на развитіе и образованіе чувства. Это, съ одной стороны, его преимущество передъ Гёте и доказательство, что онъ больше, нежели Гёте, вѣренъ художническому своему элементу; а съ другой стороны, въ этомъ же самомъ неизмѣримое превосходство Гёте передъ Пушкинымъ, ибо Гёте — весь мысль, и онъ не просто изображалъ природу, а заставлялъ ее раскрывать передъ нимъ ея завѣтныя и сокровенныя тайны. Отсюда явилось у Гёте его пантеистическое созерцаніе природы и —

Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Для Гёте природа была раскрытая книга идей; для Пушкина она была полная невыразимаго, но безмолвнаго очарованія, живая картина. Образцомъ Пушкинскаго созерцанія природы могутъ служить пьесы: „Туча“ и „Обвалъ“. Несмотря на всю разницу въ содержаніи этихъ пьесъ, обѣ онѣ — живопись въ поэзіи...

Мы уже говорили о разнообразіи поэзіи Пушкина, о его удивительной способности легко и свободно переноситься въ самыя противоположныя сферы жизни. Въ этомъ отношеніи, независимо отъ мыслительной глубины содержанія, Пушкинъ напоминаетъ Шекспира. Это доказываютъ даже мелкія его пьесы, какъ и поэмы, и драматическіе опыты. Взглянемъ, въ этомъ отношеніи, на первыя. Превосходнѣйшія пьесы въ антологическомъ родѣ, запечатлѣнныя духомъ древнеэллинской музы, подражанія Корану, вполнѣ передающія духъ исламизма и красоты арабской поэзіи — блестящій алмазъ въ поэтическомъ вѣнцѣ Пушкина! „Въ крови горитъ огонь желанья“, „Вертоградъ моей сестры“, „Пророкъ“ и большое стихотвореніе, родъ поэмы, исполненный глубокаго смысла и названной „Отрывкомъ“ представляютъ красоты восточной поэзіи другого характера и высшаго рода, принадлежатъ къ величайшимъ произведеніямъ Пушкинскаго генія-протея. „Женихъ“, „Утопленникъ“, „Бѣсы“ и „Зимній вечеръ“, — пьесы, образующія собою отдѣльный міръ русско-народной поэзіи въ художественной формѣ. „Пѣсни западныхъ славянъ“ болѣе чѣмъ что-нибудь доказываютъ непостижимый поэтическій тактъ Пушкина и гибкость его таланта. Извѣстно происхожденіе этихъ пѣсенъ и продѣлка даровитаго француза Меримэ, вздумавшаго посмѣяться надъ колоритомъ мѣстности. Не знаемъ, каковы вышли на французскомъ языкѣ эти поддѣльныя пѣсни, обманувшія Пушкина; но у Пушкина

онѣ дышатъ всею роскошью мѣстнаго колорита, и многія изъ нихъ превосходны, несмотря на однообразіе, — неизбѣжное, впрочемъ, свойство всѣхъ народныхъ произведеній. „Подражанія Данту“ можно счесть за отрывочные переводы изъ „Божественной комедіи“, и они даютъ о ней лучшее и вѣрнѣйшее понятіе, чѣмъ всѣ доселѣ сдѣланные по-русски переводы въ стихахъ и прозѣ. „Начало поэмы“ („Стамбулъ гяуры нынѣ славятъ“) какъ-будто написано туркомъ нашего времени... Какое разнообразіе! Какое богатство! Какъ виденъ въ этомъ талантъ по превосходству артистическій, художественный.

Бѣлинскій.

Пушкинъ, какъ основатель художественнаго воспроизведенія дѣйствительности.

Пушкинъ есть олицетвореніе всей русской литературы. Естественность, простота и правдивость — эти качества новѣйшей литературы, замѣнившія собой чужія наслоенія, и въ поэзіи самого Пушкина заступаютъ мѣсто чужихъ вліяній и именно тѣхъ самыхъ, которыя держали во власти всю русскую литературу. Природный геній поэта не позволилъ ему остановиться на избранной разъ дорогѣ и чрезъ преграды, поставленныя чуждыми руками, велъ его къ художественной правдѣ. Чуткость поэта къ правдивости, естественности и простотѣ поэтическаго произведенія развивалась у него съ годами. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выхода своихъ первыхъ поэмъ, онъ уже замѣчаетъ ихъ недостатки. „Кавказскій Плѣнникъ“, говоритъ онъ, — „первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ... „Бахчисарайскій Фонтанъ“ слабѣе „Плѣнника“... Молодые писатели, — продолжаетъ онъ, — вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама“. Отъ этихъ-то недостатковъ и освобождался постепенно Пушкинъ. Освобожденіе отъ нихъ является, слѣдовательно, у Пушкина не только слѣдствіемъ одной безсознательной работы поэтическаго таланта, но и плодомъ изученія. И теорія и творчество шли у Пушкина рука объ руку.

Съ какими же новыми факторами въ связи совершалось это освобожденіе поэзіи Пушкина отъ наноснаго элемента? Опять мы возвращаемся къ тому же романтизму, хотя и не будемъ признавать за послѣднимъ исключительнаго вліянія къ выработкѣ указанныхъ качествъ поэзіи Пушкина. Воспитавшись на произведеніяхъ французской литературы и перенесши на себѣ вліяніе байронизма, Пушкинъ тѣмъ не менѣе былъ крѣпко привязанъ ко всему родному русскому. Еще въ дѣтствѣ онъ становился лицомъ къ лицу съ народной жизнью, и въ своей юности онъ уже вспоминалъ село Захарово, гдѣ часто проводилъ время. Обучаясь въ Лицеѣ, онъ жилъ по лѣтамъ въ Михайловскомъ. Эта близость къ народной жизни наложила свой отпе-

чатокъ на душу Пушкина, и впослѣдствіи, когда кора чужого вліянія съ него спала, тогда эта близость опять ясно дала себя почувствовать и повела поэта на новый путь. Еще передъ отъѣздомъ на югъ онъ поэтически изобразилъ свое возрожденіе. „Какъ чуждыя краски“, говоритъ онъ, „наложенныя на картину генія, со временемъ спадаютъ, и созданіе генія выходитъ предъ нами съ прежней красотою, такъ съ измученной моей души исчезаютъ заблужденья и возникаютъ въ ней видѣнья первоначальныхъ чистыхъ дней“. Полному возрожденію суждено было нѣсколько повременить, но тѣмъ дѣйствительнѣе оно было. Урокъ, данный старикомъ цыганомъ Алеко, имѣетъ для насъ значеніе не только общественнаго явленія, но и чисто литературнаго факта. „Сквозь магическій кристаллъ“ Пушкинъ начинаетъ неясно различать „даль свободнаго романа“, который надолго сдѣлался его спутникомъ и который особенно возвелъ поэта на высоту народности. Сѣмена, заложенныя въ богато одаренной душѣ поэта, быстро возрасли, когда онъ силою обстоятельствъ былъ перенесенъ съ юга Россіи въ свое Михайловское, гдѣ опять на него пахнуло народностью и простотой. Отнынѣ онъ оставляетъ своихъ прежнихъ героевъ, подернутыхъ дымкой таинственности, и показываетъ намъ всю на видъ прозаичную сторону русской жизни; героемъ его является отнынѣ „просто гражданинъ столичный, какихъ встрѣчаемъ всюду тьму, ни по лицу ни уму отъ нашей братіи не отличный“. Простая семья Лариныхъ, простой помѣщичій образъ жизни — привлекаютъ его теперь къ себѣ. Даже сама природа влечетъ его отнынѣ особыми своими прозаичными свойствами. Не великолѣпныя вершины Кавказа, не ослѣпительный блескъ моря нужны теперь поэту, а совершенно другія картины. „Люблю я песчаный косогоръ“, — говоритъ онъ, „передъ избушкой двѣ рябины, калитку, сломанный заборъ“. „Теперь мила мнѣ балалайка, — продолжаетъ онъ, — да пьяный говоръ трепака передъ порогомъ кабака“. Поэту самому порой представляется странной такая перемѣна въ ней и, сказавъ однажды, что „порой дождливою намедни онъ (я) завернулъ на скотный дворъ“, поэтъ какъ бы спохватывается и восклицаетъ: „Тьфу! прозаическія бредни! Фламандской школы пестрый соръ! Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?“ Въ концѣ VI пѣсни „Евгенія Онѣгина“ Пушкинъ поэтически прощался съ юностью и встрѣчалъ свой полдень. „Съ ясной душой, — говоритъ онъ, — пускаюсь я нынѣ въ новый путь отдохнуть отъ жизни прошлой“. „Лѣта клонятъ меня къ суровой прозѣ и гонятъ шальную риѳму“. Онъ желаетъ только одного — чтобы вдохновеніе прилетало почаще въ его уголъ и не давало его душѣ остыть, ожесточиться, очерствѣть и окаменѣть въ мертвящемъ упоеньи свѣта. Послѣдняго не случилось, а первое исполнилось. Но его проза дала намъ опять-таки не какихъ-либо высокихъ героевъ, но — станціоннаго смотрителя, ремесленника-гробовщика, простого офицера, дочь капитана въ отдаленной глуши и т. п. Такъ расширялось содержаніе поэзіи Пушкина и опредѣлялось его отношеніе къ современности. Выступало на сцену новое требо-

ваніе, которое со времени Пушкина стало уже безошибочно примѣняться ко всякому литературному произведенію — народность. Пушкинъ, давая художественные образцы, проникнутые русской народностью, старался и теоретически выяснить сущность ея. Въ своей жизни онъ спускался до простонародности: входилъ въ сношенія съ простымъ народомъ, интересовался его бытомъ, записывалъ его пѣсни и любовался, какъ онъ говоритъ, игрой трепака. Но онъ хорошо понималъ, что отъ простонародности до народности большое разстояніе. „Одинъ изъ нашихъ критиковъ, — говоритъ Пушкинъ, — кажется полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи“; „другіе, — продолжаетъ онъ, — видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т.-е. радуются тому, что, объясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія“. Не въ этомъ, по мнѣнію Пушкина, заключается народность. „Народность въ писателѣ, — говоритъ онъ, — есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ... Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра — даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается въ поэзіи“. Слѣдовательно, быть народнымъ значитъ изображать окружающую дѣйствительность какъ она есть. Современники Пушкина далеко не всѣ могли понять, что въ произведеніяхъ возмужавшаго таланта изображалась безъ прикрасъ русская народность, и только Бѣлинскому Пушкинъ обязанъ тѣмъ, что за нимъ усвояется имя народнаго поэта.

Въ этомъ величайшая заслуга Пушкина. Его геній художественно представилъ намъ самыя лучшія внутреннія черты нашей народности и, такимъ образомъ, указалъ послѣдующимъ писателямъ тотъ путь, которымъ они должны итти, если желаютъ, чтобы ихъ творенія получили всеобщее значеніе. Русская литература въ настоящее время возвышается надъ другими именно своей индивидуальностью, изображеніемъ тѣхъ свойствъ, которыя отличаютъ одну національность отъ другой. Завѣтъ Пушкина исполняется тотчасъ же Тургеневымъ, говорящимъ намъ, что „внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ“. Но нужно было въ то время быть геніемъ, чтобы сознаніе народности не перешло въ кичливое національное самомнѣніе и не выразилось бы во внѣшнихъ только проявленіяхъ. Воспринимая всѣ данныя европейской культуры, насколько послѣдняя является общечеловѣческой, Пушкинъ выставляетъ намъ вполнѣ русскаго человѣка, какъ онъ сложился на протяженіи вѣковъ, и нашимъ писателямъ оставалось только расширять содержаніе и отыскивать новыя свойства русскаго человѣка. Всякая неестественность въ изображеніи народныхъ чертъ послѣ Пушкина стала настолько ощутительна, что совершенно безъ слѣда исчезли прежнія манеры рисовать русскую жизнь съ чужихъ образцовъ. И опять, слѣдовательно, мы

раздѣлимъ всю нашу литературу на двѣ половины: съ одной стороны — вся плеяда писателей, изобразившихъ русскую народность съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, а съ другой — Пушкинъ, положившій прочное основаніе художественнаго воспроизведенія народности.

Петринъ.

Источники вдохновенія Пушкина и высоконравственное значеніе его поэзіи.

Въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія совершились событія, имѣющія великое значеніе въ исторіи нашей умственной жизни: учреждены университеты, и литература обогатилась художественными произведеніями, опредѣлившими съ неотразимою силой ея дальнѣйшее развитіе. Мысль объ учрежденіи университетовъ завѣщана предшествующимъ столѣтіемъ: въ исходѣ восемнадцатаго столѣтія выработанъ проектъ университетовъ, надъ составленіемъ котораго потрудились лучшіе умы того времени. Въ самомъ концѣ восемнадцатаго столѣтія (26 мая 1799 года) родился геніальный человѣкъ, дѣятельность котораго составляетъ эпоху въ нашей литературѣ, а съ судьбами литературы тѣсно связаны судьбы умственной и общественной жизни.

Представители науки защищали свободу изслѣдованія. Пушкинъ исповѣдовалъ и проповѣдовалъ свободу поэтическаго творчества. Давно уже повторяется, какъ неоспоримая истина, что поэтъ долженъ чуждаться узкой исключительности и нетерпимости, что свѣтъ поэзіи, какъ и свѣтъ солнца, свѣтитъ на праведныхъ и неправедныхъ, и что объективное изображеніе жизни во всей ея полнотѣ составляетъ какъ бы нравственную обязанность поэта. Обнимая всѣ стороны человѣческой жизни, поэзія пріобрѣтаетъ внутреннюю силу и вліяніе, которое, раньше или позже, обнаруживается въ обществѣ и оставляетъ въ немъ неизгладимые слѣды. Въ созданіяхъ поэта-художника слышится не плескъ набѣжавшей волны, а живой голосъ истины, идущей изъ глубины души человѣческой; внимая ея призывамъ,

Рабъ свои забудетъ муки
И царь Саулъ заслушается ихъ...

На поэзію Пушкинъ смотрѣлъ какъ на святыню, и въ этомъ его историческая заслуга передъ русскою литературой. Подобно тому, какъ Ломоносовъ, доказывая, что занятіе науками, изученіе природы — свято, открывалъ путь для научныхъ изслѣдованій, вопреки невѣжеству и лицемѣрію, такъ и Пушкинъ, признавая поэзію святыней и требуя нравственнаго достоинства отъ ея служителей, завоевывалъ ей право гражданства въ тогдашнемъ обществѣ, въ которомъ также господствовали предразсудки.

Выше всего цѣня свою свободу, поэтъ, какъ понималъ его Пушкинъ, не жертвуетъ своими убѣжденіями для житейскихъ выгодъ,

не требуетъ награды за свой благородный подвигъ, не падаетъ къ ногамъ того или другого кумира, — ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ

Не гнетъ ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи.

Не ту же ли мысль выражаетъ Гёте, заставляя своего пѣвца отказаться отъ золотой цѣпи, предложенной ему въ награду, и Шиллеръ, говоря, что художникъ есть сынъ вѣка, но горе ему, если онъ захочетъ быть его любимцемъ. По убѣжденію Шиллера, которому сочувствовалъ и Пушкинъ, поэтъ-художникъ, оставаясь вполнѣ свободнымъ и чуждаясь всякой односторонности, тѣмъ самымъ можетъ содѣйствовать къ искорененію, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, тѣхъ крайностей, которыя такъ возмущаютъ насъ въ жизни. А такихъ крайностей не мало. Въ то время, когда въ другихъ частяхъ свѣта уважаютъ человѣческое достоинство въ лицѣ негра, въ Европѣ преслѣдуютъ его въ лицѣ мыслителя. Художественное начало, художественныя формы имѣютъ великое значеніе, — они переживаютъ вѣка и не подлежатъ прихотямъ судьбы и людей. Храмы производили еще благоговѣйное наслажденіе, когда боги были уже осмѣяны; римляне раболѣпно склоняли колѣни передъ цезарями, когда статуи стояли еще гордо и прямо...

Отзываясь поэтической думой на все, что проситъ отвѣта у мысли и чувства художника, Пушкинъ изображалъ жизнь во всей ея полнотѣ, вводя въ область своей поэзіи „и гимны вѣщіе, внушенные богами, и пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ“, — другими словами, онъ съ одинаковою вѣрностью изображалъ и внутренній міръ людей, посвятившихъ себя высшимъ духовнымъ интересамъ, и бытъ народа, трудами рукъ своихъ пріобрѣтающаго насущный хлѣбъ. Пушкинъ черпалъ вдохновеніе изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ и художественно воспроизводилъ самыя рѣзкія противоположности и въ природѣ, и въ человѣкѣ, — украинскую степь и горы Кавказа, капитанскую дочку и Сальери, — зачитывался Байрономъ и Шекспиромъ и заслушивался сказками Арины Родіоновны.

Первою и, какъ оказалось, превосходною школою для изученія русской жизни было для Пушкина невольное путешествіе по Россіи. Пребываніе на югѣ Россіи, въ различныхъ слояхъ общества и народа — отъ гостиной аристократа до цыганскаго табора — ознаменовано цѣлымъ рядомъ произведеній, прославившихъ имя нашего поэта. Всѣ послѣдующія произведенія Пушкина носятъ яркую печать близкаго знакомства съ русскою жизнью. Скажу болѣе: къ нимъ необходимо долженъ обращаться историкъ Россіи при изображеніи внутренней жизни нашей въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія.

Поэзія для Пушкина была не праздною забавой, а дѣломъ жизни, которому отдавалъ онъ свои лучшія силы и для котораго работалъ неутомимо. Да, именно — работалъ. Онъ постоянно читалъ, изучалъ свои источники, дѣлалъ выписки, замѣтки, и т. п. Много времени и труда употребилъ онъ на собираніе матеріаловъ для исторіи Пуга-

чевскаго бунта и для исторіи Петра Великаго. Задумавъ написать пьесу изъ быта древняго міра, онъ внимательно перечиталъ древнихъ писателей. Въ его черновыхъ тетрадяхъ часто встрѣчаются подобнаго рода замѣтки: „Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи“ и т. п. Пушкинъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и читалъ въ подлинникѣ произведенія, которыми гордится европейская литература. Трудясь самъ надъ своимъ образованіемъ, Пушкинъ обнаружилъ въ высшей степени вѣрное пониманіе литературныхъ эпохъ и дѣйствительное значеніе писателей. Пушкинъ, руководствуясь единственно своимъ собственнымъ выборомъ и художественнымъ чутьемъ, прошелъ въ своемъ литературномъ образованіи почти тотъ же путь, который указывали люди науки, стоявшіе на высотѣ современной имъ европейской образованности. Съ университетскихъ каѳедръ говорилось у насъ о необходимости для русской литературы сбросить съ нея французское иго и обратиться къ литературѣ германской, отличающейся большою свободой и разносторонностью. Изъ иностранныхъ писателей ученые наши особенно высоко цѣнили Шекспира и старались знакомить съ нимъ русскихъ читателей. Заплативъ неизбѣжную дань французской литературѣ и французскимъ классикамъ, Пушкинъ покинулъ „маркиза“ Расина и сознательно предпочелъ ему Байрона. Но и Байронъ не долго оставался властителемъ его думъ. Силою своего ума и художественнаго таланта Пушкинъ уразумѣлъ все превосходство Шекспира надъ Байрономъ, который былъ кумиромъ современнаго Пушкину поколѣнія.

Поэтическія созданія Пушкина, при высокомъ художественномъ значеніи, проникнуты сознаніемъ человѣческаго достоинства и сочувствіемъ къ лучшимъ движеніямъ человѣческой души. „Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и истины“, говорилъ Пушкинъ. Права свои на любовь и память народа онъ видѣлъ въ томъ, что въ стихахъ своихъ онъ „пробуждалъ добрыя чувства и милость къ падшимъ призывалъ“. Особенное значеніе въ жизни Петра Великаго Пушкинъ придавалъ той, увѣковѣченной имъ, прекрасной минутѣ, когда всемогущій царь

... съ подданнымъ мирится,
Виноватому вину отпуская веселится.

Изъ сонма героевъ, покрывшихъ себя славою на ратномъ полѣ, Пушкина привлекалъ всего сильнѣе величественный образъ Барклая-де-Толли, въ которомъ воинская доблесть сливалась съ глубоко-нравственнымъ подвигомъ самоотверженія: для блага отвергнувшаго его народа великодушный вождь пожертвовалъ собою, безмолвно уступая и свой лавровый вѣнецъ,

И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрылся одиноко.

11*

Не слава побѣдъ, рѣшавшихъ судьбы Европы, плѣняла Пушкина въ Наполеонѣ — „другомъ властителѣ его думъ“, а та нравственная побѣда Наполеона надъ самимъ собою, когда, забывая опасность, онъ входилъ, какъ увѣряли тогда, къ зачумленнымъ и подкрѣплялъ страдальцевъ словомъ участія:

Нѣтъ, не у счастія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ кесаря на тронѣ...
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь, ходитъ межъ одрами
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость...

Высокое нравственное значеніе поэзіи Пушкина ясно сознавали наиболѣе чуткіе изъ его современниковъ и самые даровитые критики послѣдующихъ поколѣній.

Отъ Пушкина, отъ одного Пушкина, — говоритъ Полевой, — современники ожидали „удовлетворенія каждой новой потребности своихъ умовъ и сердецъ. Пушкинъ былъ полный представитель своего современнаго отечества. Какимъ благороднымъ чувствомъ современнымъ не билось теплое сердце нашего поэта? Что прекрасное и славное не находило сочувствія въ его душѣ? Хотите ли исчислить все, что высокаго и задушевнаго успѣлъ перемыслить и сказать Пушкинъ въ жизнь свою? Переберите все, что врѣзалось въ сердце ваше отъ его неподражаемыхъ стиховъ“. — По убѣжденію Бѣлинскаго, поэзія Пушкина обладаетъ „особенною способностью развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Придетъ время, когда онъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство“.

Что касается до уваженія Пушкина къ правамъ разума, къ свободному развитію науки и литературы въ Россіи, то въ самихъ произведеніяхъ великаго поэта находятся свидѣтельства, драгоцѣнныя въ этомъ отношеніи.

Пушкину суждено было пережить тяжелую пору для нашей научной и литературной дѣятельности. Какой-то злобный демонъ, духъ разрушенія и гибели, парилъ надъ русскими университетами, изгоняя изъ нихъ служителей истиннаго бога — бога свѣта и знанія. Тотъ же духъ недовѣрія и преслѣдованія тяготѣлъ и надъ литературой. Писатели должны были умолкнуть на полусловѣ, и вслѣдствіе этого происходило то, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: недосказанная правда казалась ложью и недосказанная ложь — правдою.

Совершенную противоположность представляетъ эпоха предшествовавшая — начало девятнадцатаго столѣтія, бывшее вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ царствованія императора Александра I. Тогда люди государственные, участвовавшіе въ составленіи университетскаго устава,

доказывали необходимость свободы изслѣдованія и преподаванія. Тогда составители цензурнаго устава открыто и прямо говорили противъ всякихъ стѣсненій печатному слову и добивались для него возможно бо́льшей свободы.

На чью же сторону склонялся Пушкинъ? Что говорили ему его свѣтлый умъ, его чистая совѣсть? — Пушкинъ выразилъ свой взглядъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, и слова его должны сдѣлаться достояніемъ исторіи и девизомъ всѣхъ русскихъ университетовъ, всѣхъ истинныхъ друзей науки, литературы и просвѣщенія:

Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать.

Сухомлиновъ.

Пушкинъ, какъ проповѣдникъ гуманности.

Стихотворенія Пушкина проникнуты чувствомъ гуманности, что составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній нашего поэта.

Стихотвореніе, обличающее гуманное чувство поэта, адресовано, напр., Мицкевичу:

...Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!... О, Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!"

Вы видите, что все стихотвореніе проникнуто тихой грустью воспоминанія о любимомъ другѣ, который пересталъ любить ближнихъ, даже враждуетъ съ ними; но нѣтъ тутъ и тѣни злобы, и желаніе, чтобы Богъ возвратилъ свой миръ въ его озлобленную душу, является естественно необходимымъ финаломъ пьесъ.

Другое стихотвореніе, которое можно привести образчикомъ гуманности нашего поэта, это — „Наполеонъ“. Не одинъ разъ обра-

щался мыслью къ этому роковому генію начала XIX вѣка. Въ своемъ юношескомъ стихотвореніи, написанномъ въ 1815 году, онъ расточалъ ему нелестные эпитеты вмѣстѣ съ своими современниками, поддаваясь общему раздраженію противъ него. Но уже въ стихотвореніи „Къ морю“ (1824 года) мы видимъ совершенно другое отношеніе къ Наполеону, а въ упомянутомъ нами стихотвореніи „Наполеонъ“ (1821 года) онъ такъ выражается по поводу его заточенія на островѣ св. Елены:

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ.

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Таковы были чувства нашего поэта при извѣстіи о смерти человѣка, причинившаго много зла его отечеству; но онъ при этомъ не могъ не сочувствовать страданіямъ этого геніальнаго историческаго лица, съ высоты своего величія попавшаго въ самое тяжкое положеніе невольника. Ему понятно было это положеніе умирающаго льва, безпощадно лягаемаго цѣлымъ стадомъ животныхъ. Вспомнимъ, что Вальтеръ-Скоттъ въ своей „Исторіи Наполеона“ въ то же время безпощадно нападаетъ на послѣдняго, нарушая всѣ требованія безпристрастія, не говоря уже о гуманности. Насколько этотъ представитель націи, по справедливости, гордящейся своей цивилизацией, менѣе нашего поэта обладалъ однимъ изъ самыхъ важныхъ даровъ этой цивилизаціи — гуманнымъ чувствомъ, насколько онъ менѣе Пушкина былъ способенъ къ признанію въ человѣческомъ несчастіи права на общее сочувствіе!

Яковлевъ.

Пушкинъ — пѣвецъ изящнаго.

„Живая прелесть“, живая красота творчества — вотъ главная характеристическая черта поэзіи Пушкина. Онъ умѣлъ такъ понимать и такъ изображать красоту, и красоту природы, и (главное) красоту человѣческаго духа, какъ никто. Изящнѣе его произведеній нѣтъ ни въ одной литературѣ. Ему, какъ художнику, нѣтъ соперника въ мірѣ. И вотъ почему онъ чувствовалъ себя какъ дома во всѣхъ сферахъ жизни, и самыя разнообразныя явленія ея были ему одинаково доступны и съ одинаковымъ совершенствомъ возсоздавались его творче-

ской фантазіей. Одна только область оставалась для него закрытой, это — та сфера жизни, въ которой нѣтъ красоты; въ ней онъ оказывался безсильнымъ. Изображеніе зла и пошлости жизни не входило въ кругъ поэзіи Пушкина.

Задачей поэта было показать красоту души человѣческой, и дѣло свое онъ сдѣлалъ, и имѣетъ неотъемлемое право на вѣчную благодарную память потомства!

Всмотритесь въ безчисленное множество лицъ, созданныхъ Пушкинымъ, и въ каждомъ вы замѣтите слѣды духовной красоты.

Сколько прекрасныхъ людей въ жизни не обратятъ на себя нашего вниманія потому только, что въ нихъ нѣтъ ничего выдающагося, эффектнаго; мы пройдемъ равнодушно мимо нихъ и не думая, что за ихъ обыденной наружностью кроются духовныя богатства. А Пушкинъ показываетъ намъ эти богатства и заставляетъ насъ невольно любить такихъ людей. Вотъ, напримѣръ, старики Мироновы въ „Капитанской дочкѣ". Мы, можетъ-быть, свысока отнеслись бы къ этимъ простымъ людямъ за ихъ наивность, грубость, невѣжество, простодушіе... Но поэтъ подмѣтилъ ихъ безконечную доброту, ихъ вѣчную преданность другъ другу, красоту ихъ смиренія, ихъ героизмъ, которому они сами не придаютъ и значенія, — и мы останавливаемся передъ ними съ благоговѣйнымъ уваженіемъ.

Наоборотъ, внѣшній эффектъ, могущій прельстить насъ своимъ мишурнымъ блескомъ, Пушкинъ умѣетъ развѣнчать, потому что понимаетъ, что слышитъ чуткой душою своею отсутствіе въ немъ настоящей красоты. Эффектно положеніе Онѣгина, читающаго наставленіе Татьянѣ послѣ полученія отъ нея письма, — Онѣгинъ рисуется своимъ разочарованіемъ, красиво скорбитъ объ утраченныхъ надеждахъ, о невозможности для него вновь чувствовать и жить.

Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата,
Не обновлю души моей.

Онъ красиво драпируется чувствомъ благородства и великодушія:

Не всякій васъ, какъ я пойметъ.
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.

Но Пушкинъ безпощадно разбиваетъ весь этотъ кажущійся блескъ, заставляя Онѣгина послѣ всего этого влюбиться въ Татьяну. Въ этой любви Онѣгина есть, однако, большая доля правды, — и мы слышимъ ее въ неподдѣльной страстности его письма, хотя и въ этой искренней страсти своего героя поэтъ опять-таки подмѣчаетъ фальшивую ноту тщеславія, — и устами Татьяны называетъ Онѣгина „чувства мягкаго рабомъ".

Какъ бы низко человѣкъ ни упалъ, но въ душѣ его почти всегда сохраняется хотя что-нибудь свѣтлое, хоть тѣнь добра. И вотъ Пушкинъ показываетъ намъ эти слѣды нравственной красоты въ падшихъ людяхъ и пробуждаетъ въ нашей душѣ доброе чувство состраданія и

скорби. Въ свирѣпой душѣ Пугачева (въ повѣсти „Капитанская дочка“) онъ сумѣлъ подмѣтить человѣческое чувство благодарности, гуманный порывъ великодушія, негодованіе, что смѣютъ обижать сироту. Скупой баронъ, герой драмы „Скупой рыцарь“, кажется, утратилъ все человѣческое, даже любовь и уваженіе къ самому себѣ, а между тѣмъ поэтъ видитъ въ немъ живое чувство чести и показываетъ намъ, какъ, неожиданно пробужденное, оно потрясаетъ всю душу скупца, — и вмѣсто ненависти и презрѣнія мы чувствуемъ состраданіе къ падшему брату. Вотъ что значитъ стихъ —

И милость къ падшимъ призывалъ.

Незеленовъ.

Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ.

Для изученія русскаго языка и народности благопріятнымъ событіемъ въ жизни Пушкина были его высылка изъ Петербурга, путешествіе на югъ, жизнь въ Кишиневѣ и затѣмъ пребываніе въ деревенской глуши въ Михайловскомъ. Непосредственное сношеніе съ простымъ народомъ, наблюденіе его жизни, знакомство съ его языкомъ и пѣснями должны были прямо повліять на впечатлительную художественную натуру, умѣвшую всюду подмѣчать черты красоты въ природѣ, въ языкѣ, въ народныхъ типахъ. Оставивъ столицу съ ея условными формами языка и мысли въ аристократическихъ салонахъ, Пушкинъ „опростился“ въ провинціи, сталъ изучать пеструю жизнь во всемъ ея разнообразіи, уподобляясь тѣмъ художникамъ (пленеристамъ), которые изъ городской студіи съ условнымъ освѣщеніемъ и манекенами, переодѣтыми въ костюмы, выносятъ свои мольберты на чистый воздухъ, наблюдая природу, свѣтовые эффекты и типы людей во всей ихъ реальной правдѣ. Періодъ литературныхъ вліяній на „свободнаго“ художника, какимъ былъ въ натурѣ Пушкинъ, быстро проходитъ. „Властитель думъ“ всего молодого поколѣнія Европы, Байронъ, повліялъ лишь на немногія созданія поэта. Но впечатлѣнія личной жизни были настолько сильны, что заглушали эти внѣшніе навѣянные книгой образы. Откровенно-добродушный, неустойчивый, крайне впечатлительный, быстро переходящій изъ одного настроенія въ другое, поэтъ зналъ хорошо самого себя и свои слабости, сознавалъ, благодаря живому и свѣтлому уму, свое основное несходство съ англійскимъ пѣвцомъ и лишь на короткое время, увлекаясь его мрачнымъ настроеніемъ, прельщался имъ какъ художникъ, благодаря дивной поэтической оболочкѣ, чѣмъ по своей натурѣ, всегда стремившейся разрѣшать диссонансы жизни гармоническимъ аккордомъ. Если туманныя очертанія немногихъ героевъ Пушкина нужно отнести на счетъ этого книжнаго вліянія, то дивныя краски, которыми поэтъ набрасываетъ роскошныя картины природы Кавказа и Крыма, были

взяты имъ съ собственной палитры. Несомнѣнную пользу англійскаго авторитета слѣдуетъ видѣть въ томъ, что онъ развязалъ Пушкину руки для внесенія этнографическаго элемента въ свои поэмы. Но, конечно, склонность къ этому была самой природой раньше заложена въ талантъ Пушкина, и совпаденіе въ этомъ интересѣ къ простымъ народнымъ типамъ у обоихъ поэтовъ было лишь случайнымъ...

Біографами Пушкина было уже указано, какимъ благопріятнымъ условіемъ могло быть путешествіе 1820 года для возбужденія и поддержанія въ поэтѣ интереса къ изученію русскаго языка и народности. Л. Н. Майковъ не сомнѣвается въ томъ, что начало общаго интереса Пушкина и Н. Н. Раевскаго къ личности Разина восходитъ ко времени ихъ совмѣстнаго путешествія по южнымъ степямъ, когда въ казачьихъ пѣсняхъ имъ случалось подмѣчать явные признаки сочувствія къ своевольному атаману гулящихъ шаекъ. Языкъ этихъ разинскихъ пѣсенъ, ихъ захватывающій народный духъ не могли не отразиться благотворно на впечатлительномъ поэтѣ и содѣйствовать тому, что онъ быстро поднялся надъ той точкой зрѣнія, съ которой ему представлялась народность въ періодѣ его первыхъ лицейскихъ опытовъ (Бова, Русланъ и Людмила). Любопытно наблюдать въ его письмахъ съ юга, какъ русскій элементъ начинаетъ выдвигаться все болѣе и болѣе, особенно въ болѣе интимныхъ письмахъ къ брату Льву, кн. Вяземскому, Н. Раевскому. Мы узнаемъ изъ одного письма Пушкина къ брату (Кишиневъ 24 сентября 1820 года), что онъ написалъ замѣчанія о черноморскихъ и донскихъ казакахъ, въ другомъ (1820 года) онъ проситъ брата писать ему *по-русски*, „потому что съ моими конституціонными друзьями (въ Кишеневѣ) я скоро позабуду русскую азбуку"; въ письмѣ слѣдующаго года (1822, 24 января) онъ пишетъ брату: „Какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо, ты не московская кузина". Въ слѣдующемъ (1823) онъ заявляетъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (изъ Одессы въ ноябрѣ), что недоволенъ своимъ языкомъ: „Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе". Этотъ отзывъ 1823 года уже почти совпадаетъ съ извѣстными словами въ „Критическихъ замѣткахъ 1830—31 годовъ" о томъ, что „разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ, и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ), достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій... Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ, онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ".

Уже въ нѣкоторыхъ интимныхъ письмахъ этого періода къ литературнымъ столичнымъ пріятелямъ и къ брату замѣтно, что „опростившійся" поэтъ какъ бы щеголяетъ чисто-русскими выраженіями, пословицами.

Вліяніе двухлѣтней жизни въ деревнѣ въ обществѣ старухи Арины Родіоновны, непосредственнаго ежедневнаго наблюденія народа, слушанья пѣсенъ и сказокъ на языкъ Пушкина представляетъ фактъ слишкомъ хорошо извѣстный, чтобъ на немъ вновь останавливаться. Изъ переписки Пушкина конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ достаточно отмѣтить на выдержку, только два-три характерныхъ письма. Особенно интересны въ этомъ отношеніи его письма къ невѣстѣ и затѣмъ къ женѣ. Своей невѣстѣ, согласно со свѣтскими обычаями, поэтъ посылаетъ изящныя французскія письма, не отступая отъ кодекса условныхъ приличій того времени. Совершенно измѣняется языкъ и характеръ писемъ, которыя Пушкинъ посылаетъ женѣ съ 1831 года въ теченіе своихъ временныхъ отлучекъ. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ письма 19 апрѣля 1833 года изъ Оренбурга: „Что женка? Скучно тебѣ? Мнѣ тоска безъ тебя. *Кабы* не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя, мой ангелъ, — взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ“... И далѣе: „знаешь ли ты, что есть пословица, „на чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ“. То-то женка. Бери съ меня примѣръ“. Въ письмахъ къ пріятелямъ Пушкинъ нерѣдко любилъ вытряхивать запасъ пословицъ, застрявшій у него въ головѣ, благодаря интересу къ нимъ и замѣчательной памяти. Такъ въ утѣшеніе С. А. Соболевскому, лишившемуся матери, Пушкинъ (въ 1828 году 15 іюля) говоритъ: „Что тебѣ скажу? Про старыя дрожди не говорятъ трожды, не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ... Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то-есть, по одежкѣ тяни ножки; все перемелется, будетъ мука. Ты видишь, что кромѣ пословицъ ничего путнаго сказать не умѣю“.

Интересъ къ наблюденію языка не покидалъ Пушкина до конца его жизни. Не имѣя достаточной подготовки, необходимыхъ знаній по исторіи языка, онъ, какъ любитель, пускается въ этимологію, въ вопросы грамматики и ороографіи. Конечно, его словопроизводства (напр., телѣги отъ тельца) кажутся намъ наивными, но уже цѣнно то, что поэтъ съ постояннымъ вниманіемъ относится къ фактамъ языка. Его интересуетъ исторія языка, напр., слова, вошедшія въ языкъ, какъ переводъ, иногда неправильный, съ французскаго; онъ внимательно читаетъ „Урядникъ сокольничья пути“ царя Алексѣя и выписываетъ изъ него термины соколиной охоты, онъ изучаетъ „Слово о полку Игоревѣ“, обращается къ современнымъ ученымъ, предлагая имъ свои догадки и вызывая ихъ на разысканія. Въ бумагахъ его отъ 1834 года сохранились начатыя имъ замѣчанія на текстъ этого памятника, котораго неясныя мѣста онъ старается (хотя безуспѣшно) осмыслить.

Недовольство Пушкина русскимъ литературнымъ языкомъ продолжается и въ тридцатыхъ годахъ, на что имѣемъ любопытное свидѣтельство В. И. Даля. Когда будущій составитель капитальнаго Толковаго Словаря издалъ въ 1832 году первый пятокъ своихъ русскихъ

сказокъ казака Луганскаго, написанныхъ, какъ авторъ сознавался впослѣдствіи, съ цѣлью „познакомить земляковъ своихъ сколько-нибудь съ народнымъ языкомъ“, Пушкинъ привѣтствовалъ это внесеніе народнаго языка въ литературу и, по словамъ В. И. Даля, „по обыкновенію, засыпалъ его множествомъ отрывочныхъ замѣчаній, которыя всѣ шли къ дѣлу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякаго изъ насъ на умѣ вертится, только что съ языка не срывается. „Сказка сказкой“, говорилъ онъ, „а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать?... Надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по-русски и не въ сказкѣ... Да нѣтъ, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!“ Слова Пушкина, по нашему мнѣнію, чрезвычайно характерны. Передъ нами художникъ слова, проникнутый глубокимъ удивленіемъ передъ силою, яркостью, пластичностью, красотою того многовѣковаго народнаго созданія, которое мы называемъ русскимъ народнымъ языкомъ. Онъ любуется имъ, но не знаетъ, какъ взять этотъ кладъ, который не дается въ руки. Онъ чувствуетъ, что въ ограниченной области народныхъ сказокъ ему можно дать ходъ, но какъ сдѣлать, чтобы это богатство народнаго языка вошло въ бо́льшій литературный оборотъ? Если бы Пушкинъ былъ сколько-нибудь подготовленъ филологически, если бы онъ былъ знакомъ съ процессомъ выработки литературнаго языка въ связи съ культурнымъ ходомъ общества, онъ понялъ бы, что попытки къ реформѣ этого языка, путемъ искусственнаго внесенія въ него народной стихіи, не могутъ быть удачны, что насильственно втискиваемая народность не можетъ войти въ общій литературный оборотъ и что даже въ quasi-народныхъ сказкахъ Даля, написанныхъ размѣренной или риѳмованной прозой, успащенной поговорками, прибаутками, чувствуется въ сущности искусственная поддѣлка подъ народный складъ, становящаяся въ концѣ концовъ просто скучной. Конечно, полуфранцузъ по воспитанію, Пушкинъ, старавшійся исправить недостатки „проклятаго“ своего воспитанія, долженъ былъ высоко цѣнить въ Далѣ его замѣчательное знаніе народныхъ словъ и оборотовъ, цѣнить, быть можетъ, тѣмъ выше, что самъ, при всемъ желаніи, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи такого богатства народнаго языка; но можно думать, что чувство художественной правды, столь сильно руководившее поэтомъ въ его твореніяхъ въ народномъ духѣ, не допустило бы его самого до сложенія народныхъ сказокъ во вкусѣ Даля, въ тонѣ и манерѣ народнаго бахаря и балагура.

Указавъ на постоянный интересъ Пушкина къ изученію языка, къ вопросамъ о слогѣ, приведемъ въ заключеніе нѣкоторыя свидѣтельства современника его проф. Шевырева: „Никто, — говоритъ Шевыревъ, — такъ не уважалъ формъ русскаго языка и русской просодіи, какъ Пушкинъ. Мы слышали отъ него много рѣзкихъ и остроумныхъ грамматическихъ замѣчаній, которыя показывали, какъ глубоко

изучалъ онъ отечественный языкъ". Извѣстно, съ какимъ усердіемъ Пушкинъ изучалъ памятники древней словесности. „Слово о полку Игоревѣ" онъ помнилъ отъ начала до конца наизусть и готовилъ ему объясненія. Оно было любимымъ предметомъ его послѣднихъ разговоровъ. Нерѣдко въ бесѣдѣ приводилъ онъ цѣликомъ слова изъ государственныхъ грамотъ и лѣтописей. Начертить характеръ Пимена могъ онъ только по глубокомъ изученіи духа и языка лѣтописей. Кто изъ знавшихъ коротко Пушкина не слыхалъ, какъ онъ прекрасно читывалъ русскія пѣсни? Кто не помнитъ, какъ онъ любилъ ловить живую рѣчь изъ устъ простого народа?"

От занятій Пушкина русскимъ языкомъ перейдемъ къ его этнографическому интересу вообще, къ его наблюденіямъ народной жизни, къ его изученію памятниковъ народной словесности. Мы уже упомянули, что его путешествіе 1820 года по южнымъ степямъ, въ обществѣ Н. Раевскаго, дало ему возможность наблюдать бытъ казаковъ и прислушиваться къ ихъ пѣснямъ. На Кавказѣ онъ знакомится частью по разсказамъ, частью по собственнымъ наблюденіямъ съ бытомъ черкесовъ и задумываетъ картину мѣстной природы и жизни, подчинивъ этнографическій элементъ романтической фабулѣ. Извѣстно, какъ самъ поэтъ (въ письмѣ къ Гнѣдичу 29 апрѣля 1822 года), чувствуя, что его этнографическая картина только внѣшнимъ образомъ введена въ планъ поэмы, сознается, что „описаніе нравовъ черкесскихъ (у него) не связано съ происшествіемъ и есть не что иное, какъ географическая статья, или отчетъ путешественника". Въ Крыму поэтъ знакомится съ бытомъ южно-бережныхъ татаръ и, изъ подражанія Байрону, вводитъ въ свою крымскую поэму татарскую пѣсню, въ которой мастерски характеризуетъ основныя черты чтителей пророка — мусульманскій фанатизмъ (священную войну газаватъ) и чувственную любовь. Въ Кишиневѣ и Одессѣ область его этнографическихъ наблюденій еще болѣе расширяется: онъ знакомится съ цыганами, греками, итальянцами, албанцами, сербами, болгарами. Онъ самъ кочуетъ по Бессарабіи въ теченіе нѣсколькихъ дней съ цыганскимъ таборомъ, раздѣляя, по поэтическому капризу, жизнь „смиренной вольности дѣтей". Знаменитая пѣсня Земфиры „Старый мужъ, грозный мужъ", какъ извѣстно, представляетъ удачное подражаніе популярной въ Кишиневѣ молдавской. По свидѣтельству В. П. Горчакова, Пушкина занимала также другая извѣстная молдаванская пѣсня (тю юбески пити масура), пляска, сопровождаемая пѣніемъ, называемая *мититика* и въ особенности такъ называемая *себерити* (сербская пляска). Знакомствомъ съ славянскимъ этнографическимъ элементомъ въ Кишиневѣ — болгарами, сербами — быть можетъ объясняется, по вѣроятному предположенію П. И. Бартенева, умѣнье, обнаруженное впослѣдствіи поэтомъ въ переложеніи славянскихъ пѣсенъ. „Разсказы о героѣ сербскаго возстанія (Кара Георгіи) Пушкинъ могъ слышать отъ проживающихъ въ Кишиневѣ сербскихъ воеводъ, съ которыми встрѣчался у Липранди, а впослѣдствіи онъ даже принимался записывать отъ зна-

комыхъ сербовъ ихъ юнацкія пѣсни“. Позже, въ 30-хъ годахъ, когда ему въ руки попадаетъ сборникъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича, онъ встрѣчаетъ въ немъ уже знакомыя черты сербскаго племени и заинтересовывается имъ настолько, что чувствуетъ желаніе воспроизвести нѣкоторыя пѣсни на русскомъ языкѣ. Въ его черновой тетради 1832—33 года „мы видимъ и выписку сербскаго текста одной изъ пѣсенъ, и его собственный переводъ ея“. При все возрастающемъ интересѣ къ мѣстному этнографическому элементу на югѣ, поэтъ искалъ всюду случая дополнить недостатки своего образованія научнымъ чтеніемъ историческихъ и этнографическихъ книгъ. Въ Кишиневѣ онъ много читалъ, пользуясь книгами Инзова, Орлова, Пущина и всего чаще И. П. Липранди, владѣвшаго въ то время отличнымъ собраніемъ разныхъ этнографическихъ и историческихъ книгъ. Наблюденіе пестрой „смѣси одеждъ и лицъ“ въ Бессарабіи возбуждало его любознательность и къ русской этнографіи. По его желанію, младшій Раевскій присылаетъ ему съ В. П. Горчаковымъ нѣсколько книжекъ русскихъ сказокъ (вѣроятно, сборникъ Чулкова).

Вѣроятно, поэтъ въ этой сказочной области искалъ темы для поэтической разработки, какъ можно судить по тому, что сказка о царѣ Салтанѣ, обработанная имъ въ 1831 году, была набросана имъ въ черновой тетради въ первый разъ еще во время пребыванія на югѣ въ 1822 году въ видѣ программы. Впослѣдствіи та же сказка, быть можетъ, слышанная поэтомъ еще въ дѣтствѣ, была имъ снова записана со словъ няни въ Михайловскомъ.

Переходя къ непосредственнымъ записямъ Пушкина народныхъ произведеній, начнемъ со сказокъ, о которыхъ поэтъ былъ высокаго мнѣнія. „Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“ восклицаетъ онъ въ письмѣ къ брату изъ Михайловскаго (1824, конецъ октября), сообщая ему о своемъ уединенномъ образѣ жизни и о томъ, что по вечерамъ онъ слушаетъ сказки отъ Арины Родіоновны. Но онъ не только слушалъ, но и набрасывалъ ихъ, какъ матеріалъ для будущаго, для поэтической разработки. Кажется, всего раньше воспользовался онъ изъ своей записи сказки о царѣ Салтанѣ тѣми сказочными деталями, которыя онъ внесъ въ свой дивный прологъ ко 2-му изданію „Руслана и Людмилы“. Именно въ этой записи мы находимъ нѣсколько строкъ, прямо попавшихъ въ начало пролога: „что за чудо!“ говоритъ мачеха, „вотъ что чудо: у моря Лукоморья стоитъ дубъ, а на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ, вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ“. Мы не знаемъ точно число сказокъ, записанныхъ Пушкинымъ. Но несомнѣнно сюда принадлежатъ: 1) сказка о женихѣ, передѣланная поэтомъ въ превосходную балладу; 2) о рыбакѣ и рыбкѣ; 3) о царѣ Салтанѣ; 4) о попѣ и работникѣ его Балдѣ; 5) о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ; 6) о золотомъ пѣтушкѣ. Кромѣ этихъ, обработанныхъ впослѣдствіи Пушкинымъ сказокъ, онъ передалъ свою запись сказки о царѣ Берендеѣ Жуковскому, когда въ Царскомъ Селѣ въ 1831 году вступилъ

съ нимъ въ поэтическое состязаніе въ стихотворной обработкѣ народныхъ сказочныхъ сюжетовъ, и сохранилъ въ черновыхъ бумагахъ передачу въ сжатомъ видѣ содержанія нѣсколькихъ сказокъ: о Кощеѣ безсмертномъ, его дочери и Иванѣ царевичѣ; о царѣ, его невѣрной женѣ и царевичѣ (повидимому, варіантъ изъ цикла Соломоновыхъ сказаній), затѣмъ три сказки съ „чертовщиной". Изъ своихъ же сказочныхъ матеріаловъ Пушкинъ сообщилъ В. И. Далю содержаніе сказки „О Георгіи Храбромъ и сѣромъ волкѣ", которую тотъ изложилъ своимъ обычнымъ ультра-народнымъ стилемъ.

Еще обильнѣе были записи народныхъ пѣсенъ въ коллекціи Пушкина, и здѣсь мы имѣемъ возможность сообщить нѣкоторыя болѣе точныя данныя, не являвшіяся до сихъ поръ въ печати. Напомнимъ сначала факты, уже извѣстные.

Петръ Вас. Кирѣевскій сообщаетъ, что еще въ самомъ началѣ его предпріятія собиранія народныхъ пѣсенъ Пушкинъ доставилъ ему замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи. Въ отдѣлъ свадебныхъ пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, вошло нѣсколько №№ изъ тетради Пушкина черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти поэта. Такъ въ I томѣ изъ Пушкинской тетради взятъ № 4.

„Береза бѣлая, береза кудрявая!
Куда ты клонишься, куда поклоняешься?"
— Я туда клонюсь, туда поклоняюся,
Куда вѣтеръ повѣетъ. —
„Княгиня душенька, куда ты ладишься?"
— Туда я лажуся, куда батюшка отдастъ,
Съ родимой матушкой". —

Но особено цѣнно сопровождающее эту пѣсню примѣчаніе Кирѣевскаго: „Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 №№ пѣсенъ, которыя онъ съ большой точностью записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ, гдѣ именно. Вѣроятно, что онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи". Здѣсь мы впервые точно узнаемъ число доставленныхъ Кирѣевскому Пушкинымъ пѣсенъ и изъ просмотра обѣихъ книгъ 1-й части „свадебныхъ" видимъ, что изъ Пушкинскаго сборника было взято Кирѣевскимъ туда 12 №№, что составляетъ почти четверть общаго числа записанныхъ поэтомъ народныхъ пѣсенъ. Такое вниманіе Пушкина къ свадебнымъ пѣснямъ понятно для всякаго этнографа. Въ этихъ пѣсняхъ, сопровождающихъ разные моменты свадебнаго обряда, традиціонно хранимыхъ преимущественно женщинами, какъ извѣстно, донеслось даже до нашихъ дней не мало слѣдовъ старины, старины временъ боярскихъ, такъ какъ вся обстановка крестьянскаго свадебнаго обряда, съ его свадебными чинами, представляетъ какъ бы копію старинной боярской и княжеской свадьбы, начиная съ названія молодыхъ княземъ и княгинею. Въ 20-хъ годахъ, когда такія пѣсни записывалъ Пушкинъ, вѣроятно, въ своей деревнѣ, въ Михайловскомъ, вся обрядовая старина крестьянской свадьбы была еще свѣжѣе, чѣмъ въ наши дни, и уже съ этой стороны

Пушкинская запись представляетъ нѣкоторый интересъ. Но нельзя не отмѣтить и того, что Пушкинъ понималъ необходимость указывать, къ какому именно моменту свадьбы пріурочена та или другая пѣсня, т.-е. пріемъ, который въ настоящее время нашими этнографическими программами рекомендуется любителямъ, какъ научное требованіе. Такъ, въ тетрадкѣ, доставленной имъ Кирѣевскому, онъ въ поясненіе пѣсенъ дѣлаетъ замѣчанія. Напр., пѣсня (LXIV) „Какъ у нашего князя невеселые кони стоятъ“ и проч., поется, по его словамъ, когда идутъ за невѣстою къ вѣнцу. По поводу пѣсни „Трубчистая коса вдоль по улицѣ шла“ онъ замѣчаетъ: „Дня за два передъ дѣвичникомъ кладутъ на блюдо ленты изъ косы невѣстиной. Братъ ея или ближній родственникъ носитъ блюдо по улицѣ. Это называется: красу носить. Между тѣмъ поютъ“ (слѣдуетъ пѣсня). При пѣснѣ: „Ягода съ ягодой сокатилися“ читаемъ поясненіе Пушкина, что ее „дѣвушки поютъ, когда молодая возвратится изъ церкви“. Едва ли поэтому мы ошибаемся, если предположимъ, что Пушкинъ у себя въ деревнѣ лично наблюдалъ всю обрядовую сторону крестьянской свадьбы и записалъ пѣсни въ связи съ моментами обрядности, какъ и требуетъ этнографическая точность. Глубоко интересуясь русской стариной, читая въ то время въ деревнѣ русскія лѣтописи и „Исторію“ Карамзина, обдумывая „Бориса Годунова“, Пушкинъ естественно долженъ былъ увлечься слѣдами стариннаго быта въ свадебныхъ пѣсняхъ, которыя своимъ драматизмомъ и нерѣдко глубокимъ чувствомъ привлекали его и какъ поэта. Напомнимъ, какъ онъ удачно пользуется ими, напр., въ „Русалкѣ“ и въ эпиграфахъ къ нѣкоторымъ главамъ „Капитанской дочки“ (глава XII, „Сирота“; глава V, „Любовь“).

Вѣроятно впослѣдствіи, при болѣе точномъ пересмотрѣ всего собранія Кирѣевскаго, окажутся и другія пѣсни, кромѣ свадебныхъ, записанныя Пушкинымъ. До сихъ поръ, въ изданныхъ Безсоновымъ выпускахъ появились только 2, интересныя въ томъ отношеніи, что доказываютъ непосредственное знакомство поэта и съ живою *эпической* народной стариной. Таковъ записанный имъ хорошій варіантъ пѣсни о „Ванькѣ-ключникѣ“, и пѣсня историческая, „Бѣжитъ рѣчка по песку“, напечатанныя въ 10-мъ выпускѣ. Кромѣ историческихъ пѣсенъ, переданныхъ Пушкинымъ Кирѣевскому, у него была еще коллекція пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ, записанныхъ имъ, вѣроятно, еще въ путешествіи 1820 года, когда онъ заинтересовался казаками и разбойниками. Двѣ разинскія пѣсни (о сынѣ Стеньки Разина), считавшіяся прежде Пушкинскими подражаніями, оказались послѣ сличеній, сдѣланныхъ П. Голохвастовымъ, не сочиненными поэтомъ, а только записанными имъ. Такою же записью подлиннаго народнаго достоянія оказалась пѣсня „Изъ быта волжскихъ разбойниковъ“ (точнѣе о морянинѣ или „Девять братьевъ разбойниковъ и сестра“), старинная пѣсня, кажется, новгородскаго происхожденія, которую поэтъ, вѣроятно, записалъ въ Псковской губерніи. Изъ бытовыхъ пѣсенъ, записанныхъ поэтомъ въ 1825 году, въ изданіяхъ помѣщаются еще двѣ: „Какъ за церковью,

за нѣмецкою“ и „Во лѣскѣ дремучемъ, тутъ брала дѣвка ягоды“, о которыхъ мы не знаемъ, вошли ли онѣ въ тетрадку, переданную Пушкинымъ Кирѣевскому. Затѣмъ два изъ черновыхъ набросковъ, относимыхъ къ 1833 году, до такой степени близки къ народнымъ пѣснямъ („Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ“ и „Другъ мой милый, красно солнышко мое“), что производитъ впечатлѣніе лишь легкой ретушировки подлинныхъ пѣсенъ, которыя либо лежали предъ поэтомъ въ записи, либо хранились въ богатомъ запасѣ его памяти. Если къ перечисленнымъ пушкинскимъ записямъ мы прибавимъ найденный недавно С. О. Долговымъ автографъ поэта съ отрывкомъ народной пѣсни, повидимому, изъ казацкаго цикла, и тѣ отрывки изъ пѣсенъ, которые встрѣчаются, какъ эпиграфы надъ нѣкоторыми главами „Капитанской дочки“ и приводятся въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи Пугачевскаго бунта“, то, кажется, нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря любви къ народному пѣснопѣнію, счастливой памяти, Пушкинъ зналъ множество и другихъ народныхъ пѣсенъ наизусть, выучивъ ихъ либо изъ тогдашнихъ сборниковъ (Чулкова, Новикова, Прача и друг.), либо перенявъ отъ народа, такъ что въ свое время былъ дѣйствительно однимъ изъ лучшихъ знатоковъ русской народной поэзіи.

Народное творчество интересовало его во всемъ своемъ объемѣ, во всѣхъ областяхъ. Мы видѣли, какъ высоко цѣнилъ онъ народныя „чудесныя“ сказки, которыя, по его болѣе позднему отзыву (1831 года) „ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ“. Мы видѣли его собирателемъ и цѣнителемъ народныхъ пѣсенъ — эпическихъ и лирическихъ. Но не менѣе увлекается онъ наивной прелестью легендъ и духовныхъ стиховъ. Въ письмѣ къ Плетневу онъ совѣтуетъ Жуковскому читать Четьи-Минеи, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ; „прелесть простоты и вымысла!“ Въ 1836 году, когда по временамъ его вдохновеніе принимаетъ религіозное направленіе, онъ проситъ въ письмѣ Н. М. Языкова (14 апрѣля): „Пришлите мнѣ, ради Бога, стихъ объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ, и еще какую-нибудь легенду; *нужно*“. Знаменитая „Исторія села Горохина“, свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ похоронными крестьянскими *причитаніями*. Въ критическихъ замѣткахъ поэта находимъ разборъ нѣкоторыхъ русскихъ *пословицъ*. Словомъ, во всѣхъ областяхъ народнаго творчества мы видимъ у Пушкина добросовѣстное изученіе подлиннаго народнаго достоянія, нерѣдко изъ первыхъ рукъ, руководимое вполнѣ сознательнымъ убѣжденіемъ въ необходимости такого внимательнаго изслѣдованія народности. Если при этомъ мы припомнимъ, въ какомъ положеніи засталъ поэтъ изученіе народности въ современной ему русской наукѣ, то убѣдимся, что по этому пути Пушкинъ шелъ самостоятельно, вынесъ свое убѣжденіе не изъ научной литературы, а изъ личныхъ наблюденій, изъ своихъ поѣздокъ по Россіи, и, какъ этнографъ-любитель, предварилъ многихъ ученыхъ. Мастерскимъ, не превзойденнымъ до сихъ поръ, воспроизведеніемъ народнаго духа и колорита, достигнутымъ имъ въ нѣкоторыхъ, къ сожа-

лѣнію, не оконченныхъ набросках ъ еще въ 1825 году, онъ обязанъ не одному геніальному своему дарованію, но и внимательному собиранію и изученію народныхъ образцовъ, которые раскрыли ему народность такою, какою она не представлялась раньше ни ему ни его предшественникамъ. *В. Миллеръ.*

Естественность и правдивость поэзіи Пушкина.

Поэзія есть дѣло таинственное. Откуда она рождается, къ чему ведетъ, въ какихъ отношеніяхъ находится къ другимъ явленіямъ человѣческой жизни — все это трудные вопросы, несмотря на то, что въ простѣйшихъ своихъ формахъ поэзія встрѣчается намъ ежеминутно, и что почти каждый человѣкъ есть поэтъ, хотя бы и въ очень слабой степени.

Самымъ понятнымъ на свѣтѣ люди считаютъ жизнь, т.-е. наши потребности, желанія, наслажденія и страданія, практическія цѣли и практическіе труды. Все это имѣетъ для насъ непосредственную достовѣрность и несомнѣнное значеніе, ибо все это, какъ говорится, прямо беретъ насъ за живое. Искусство же не принадлежитъ къ этой области; это какое-то придаточное и производное явленіе, стремленіе зачѣмъ-то переживать нашу жизнь еще разъ, но не въ дѣйствительности, а въ воображеніи, въ *мечтахъ*, какъ говорили во времена Пушкина и Жуковскаго. Человѣкъ, положимъ, испытываетъ радость или горе. Ему мало того, что эти чувства дѣйствительно присутствуетъ въ его душѣ: онъ начинаетъ пѣть, т.-е. онъ повторяетъ свои чувства въ словахъ и звукахъ. Ему для чего-то нужно это воплощеніе испытываемыхъ имъ движеній души, и легко убѣдиться, что оно не есть простое повтореніе. Чувства въ пѣснѣ являются въ нѣкоторомъ преображенномъ видѣ и получаютъ, очевидно, какое-то другое значеніе.

Странно дѣйствуютъ пѣсни. Положимъ, смерть отняла у человѣка любимое дорогое существо, и онъ подавленъ своимъ несчастіемъ. Убѣжать отъ трупа и забыть его — вотъ самое практическое, что можно сдѣлать. Между тѣмъ, люди стараются какъ-будто растравить свою горесть, упиться ею. Раздаются похоронныя пѣсни, и сердце надрывается, и льются слезы даже у тѣхъ, кто безъ этого могъ бы остаться спокойнымъ и равнодушнымъ Но, удивительное дѣло! Горе нарочно вызванное, нарочно повторенное и углубленное, становится легче; оно потеряло свой прежній грубый характеръ, поднялось на какую-то высоту и преобразилось.

Тутъ мы взяли искусство въ непосредственномъ соприкосновеніи съ жизнью. Но въ другихъ случаяхъ непрактическій характеръ искусства обнаруживается еще рѣзче и яснѣе. Любитель пѣсенъ поетъ и грустныя и веселыя пѣсни, когда ему не о чемъ ни грустить ни веселиться. Онъ при этомъ испытываетъ и радость и грусть, но, очевидно, *не такія*, какія свойственны дѣйствительной жизни. Если бы печаль,

ужасъ, негодованіе и тому подобныя чувства, испытываемыя нами, когда мы отдаемся созерцанію произведеній искусства, были вполнѣ похожи на чувства, которыя тѣми же именами обозначаются въ дѣйствительности, то мы, конечно, убѣгали бы отъ большей части художественныхъ произведеній. Между тѣмъ, среди веселаго общества часто исполняется мрачный Requiem, и мы готовы каждый день смотрѣть въ театрѣ на убійства и сумасшествія. Люди, для которыхъ недоступенъ истинный характеръ художества, которые слишкомъ погружены въ жизнь, иногда удивляются этому. „Охота наводить на себя тоску!“ замѣчаютъ они. Но и веселая музыка ихъ иногда не веселитъ, а только раздражаетъ. Очевидно, для искусства нужно быть нѣсколько свободнымъ душою, немножко забыть о себѣ.

Чтобы потрясти чувства черни древняго Рима, люди должны были дѣйствительно убивать другъ друга на сценѣ, быть дѣйствительно растерзываемы звѣрями. Но мы, когда сидимъ въ театрѣ, не только не должны думать, что убійства, пожары, сумасшествія совершаются передъ нами дѣйствительно, но даже, для полнаго дѣйствія искусства, все время должны быть твердо увѣрены, что все вокругъ насъ совершенно благополучно и безопасно. Если бы мы, забывшись, вообразили, что на сценѣ раздаются дѣйствительные вопли боли, или дѣйствительно совершается убійство, то художественное впечатлѣніе было бы мгновенно разрушено этимъ впечатлѣніемъ жизни, мы бы почувствовали дѣйствительную жалость, дѣйствительный ужасъ, и были бы вырваны изъ міра художества. Даже если мы замѣтимъ, что актеръ смѣется не искусственно, а потому что дѣйствительно расхохотался и не можетъ удержаться, художественное впечатлѣніе нарушается. Очевидно, жизнь и искусство — два міра различные. Непремѣнное условіе искусства есть *искусственность*, т.-е. чтобы передъ нами была не природа, а только какой-то ея образъ. Этотъ образъ имѣетъ для насъ особенное значеніе. Несмотря на то, что искусство есть только созерцаніе, чувства, испытываемыя нами при его дѣйствіи, глубже, яснѣе, опредѣленнѣе, чѣмъ дѣйствительныя чувства. Какъ-будто краски художественнаго міра гуще, ярче, чѣмъ міра дѣйствительности. Вотъ почему, когда мы говоримъ о предметахъ и явленіяхъ жизни, мы часто не довольствуемся обыкновеннымъ языкомъ, а заимствуемъ слова изъ сферы искусства. „Тутъ есть что-то *поэтическое*“; „да, это романъ!“ „какова *сцена* или *картина*?“ „случай чисто *трагическій*, или чисто *комическій*“; „онъ въ этой *драмѣ* играетъ очень дурную *роль*“ и такъ далѣе. Такія выраженія обозначаютъ, что мы нашли въ дѣйствительности больше, чѣмъ она обыкновенно даетъ намъ, что она почему-то вдругъ окрасилась ярче своего обыкновеннаго цвѣта.

Если мы возьмемъ художниковъ, то отдѣльность искусства отъ жизни выступаетъ уже вполнѣ. Они на все смотрятъ не такъ, какъ обыкновенные люди, т.-е. они безпрестанно видятъ вокругъ себя поэтическое, трагическое, комическое, картины, драмы, — словомъ все то, что обыкновенному человѣку открывается лишь изрѣдка, когда и въ немъ

вспыхнетъ художественная искорка, а многимъ и вовсе не открывается. Но этого мало. Художники умѣютъ, часто по самымъ ничтожнымъ поводамъ, переноситься въ чужую жизнь или въ свое прошлое и переживать самыя разнообразныя чувства. И этимъ они занимаются какъ настоящимъ дѣломъ, т.-е. вмѣсто того, чтобы жить и чувствовать въ дѣйствительности, они лучшее свое время проводятъ въ томъ, что *забываютъ міръ*, какъ говоритъ Пушкинъ и отдаются чувствамъ, образамъ, лицамъ, возникающимъ въ ихъ воображеніи. Въ этомъ ихъ собственномъ мірѣ не соблюдается никакого порядка времени и мѣста, и ходъ его явленій больше всего зависитъ отъ какого-то глубокаго внутренняго движенія души, называемаго вдохновеніемъ.

Все, что мы сказали, еще не объясняетъ намъ сущности искусства, его цѣли и происхожденія. Но здѣсь указана та его существенная черта, которая никогда не должна быть упускаема изъ виду. Какая бы ни была цѣль искусства и каково бы ни было его содержаніе, оно всегда будетъ какимъ-то преображеннымъ повтореніемъ жизни, содержаніе котораго даетъ другіе результаты, чѣмъ простое соприкосновеніе съ жизнью.

Вотъ отчего говорятъ, что искусство есть *подражаніе природѣ*, что оно *украшаетъ* природу, что оно *выше природы*, что оно есть *творчество*, что цѣль его *наслажденіе* прекраснымъ, что оно имѣетъ примиряющую силу, и т. д. Всѣ эти формулы имѣютъ свою справедливую сторону въ томъ, что стремятся выразить нѣкоторую разнородность искусства съ дѣйствительностью.

Отсюда же объясняются тѣ уклоненія, въ которыя впадаетъ искусство. Стремясь, по самой своей природѣ, подняться надъ дѣйствительностью, оно легко обращается въ *ложь*, пренебрегаетъ жизнью и ея правдой, пріучаетъ людей жить и довольствоваться воображеніемъ, раздвояетъ ихъ существованіе, обращаетъ ихъ въ существа, которыя вѣчно умиляются, восхищаются, ищутъ прекраснаго и возвышеннаго, слѣдовательно, повидимому, живутъ очень высокою душевною жизнью, на самомъ же дѣлѣ часто не обладаютъ никакою дѣйствительною красотою чувствъ.

Изъ той же существенной черты проистекаетъ, наконецъ, непониманіе искусства и вражда противъ него.

Въ самомъ дѣлѣ, причину отрицанія искусства составляютъ не одни его ложныя и дурныя явленія; самая сущность его недоступна и враждебна многимъ людямъ. Кто весь поглощенъ жизненными интересами, тотъ естественнымъ образомъ смотритъ враждебно на это созерцаніе, при которомъ человѣкъ видитъ не предметъ личной своей дѣятельности, а какое-то зрѣлище, смотритъ на нее почти такъ, какъ смотрѣлъ бы житель иной планеты, случайно залетѣвшій на землю. Для многихъ же, никогда не подымавшихся мыслью выше насущныхъ интересовъ, искусство не имѣетъ и этого смысла; оно для нихъ глупая, скучная забава, возможная только для людей ничего не дѣлающихъ.

Все это доказываетъ только идеальную природу искусства, которая отъ него неотъемлема и безъ пониманія которой въ немъ нельзя ничего понять.

Припомнимъ нѣкоторыя слова Пушкина объ искусствѣ. Въ предисловіи къ одной изъ его поэмъ сказано: „твореніе искусства — *обманъ*". („Бахчисарайскій фонтанъ". Москва, 1824 года. Стран. XVII.) Такъ выразилъ тогдашній взглядъ на дѣло кн. П. Вяземскій. Самъ Пушкинъ обыкновенно называетъ произведенія искусства — *вымыслами*, напримѣръ:

Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

Вотъ съ какою поразительною наивностью онъ выражалъ ту мысль, что область искусства есть нѣчто отдѣльное отъ жизни. Но эти вымыслы и обманы онъ, конечно, считалъ чѣмъ-то очень высокимъ и важнымъ, такъ какъ посвятилъ имъ свою жизнь[1]). Въ такомъ смыслѣ чего-то высокаго и важнаго употреблено слово обманъ и въ знаменитыхъ стихахъ:

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій *обманъ*.

Обманъ тутъ не значитъ мошенничество или ложь, а только нѣкоторый *образъ*, который, хотя бы былъ вымысломъ, возвышаетъ насъ, давая намъ понимать, въ чемъ состоитъ истинная красота человѣческой души. Выше находится стихъ еще болѣе парадоксальный:

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ!

Но тотчасъ же слѣдуетъ многозначительное поясненіе:

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ!
Когда посредственности хладной
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно!

Вотъ чудесное указаніе на свойства поэзіи. Она, положимъ, есть вымыселъ, обманъ, но такой, который не возбуждаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не долженъ возбуждать въ насъ ни зависти ни соблазна, никакихъ заднихъ мыслей, никакого своекорыстнаго, низкаго желанія. Между тѣмъ, правда, т.-е. жизнь, дѣйствительность, постоянно не даютъ намъ смотрѣть на дѣло безпристрастно и съ высоты; онѣ затрогиваютъ насъ лично, нашъ эгоизмъ, онѣ часто угождаютъ нашимъ низкимъ страстямъ. Нужна поэзія для того, чтобы оторвать насъ отъ своекорыстныхъ помысловъ. Къ несчастію, поэзія недоступна *посредственности хладной*, а всегда найдется такая правда, которая угодитъ этой посредственности.

---

[1]) Вотъ Пушкинское представленіе настоящаго поэта: „поэзія бываетъ исключительно страстію немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни" (Т. V, стран. 541).

Но мы знаемъ, что Пушкинъ былъ правдивѣйшій и искреннѣйшій изъ поэтовъ. Значитъ, онъ только дурно выражался, называя поэзію вымысломъ и обманомъ, тогда какъ самъ всею душою стремился къ правдѣ. Собственнымъ примѣромъ онъ показываетъ, что правда есть неизмѣнное требованіе истиннаго искусства, та внутренняя правда, о которой Аристотель говорилъ, что она истиннѣе самой дѣйствительности. Дурна та поэзія, которая, подымаясь надъ міромъ, теряетъ чувство правды; не хорошъ и тотъ поэтъ, кто бережно хранитъ это чувство, но, сознавая свое безсиліе, робко держится за дѣйствительность. Пушкинъ въ этомъ отношеніи образецъ поэтовъ; онъ свободно восходилъ на всякія высоты поэзіи, никогда не измѣняя правдѣ.

Если сравнить Пушкина съ современными поэтами, Баратынскимъ, Дельвигомъ, Языковымъ и т. д., то при всемъ внѣшнемъ сходствѣ окажется та разница, что у Пушкина форма была лишь орудіемъ для выраженія чувства и мысли, а у нихъ, наоборотъ, форма часто занимаетъ первое мѣсто, безпрестанно слышится, что забота о красотѣ стиха и выраженія перевѣшиваетъ заботу о содержаніи. Отсюда произошло то неотразимое очарованіе, которое производили стихи Пушкина; казалось, что въ нихъ русскій языкъ, всякія красоты стиха и формы, о которыхъ хлопотали цѣлыя поколѣнія литературы, въ первый разъ получили свой настоящій смыслъ, въ первый разъ оказались вполнѣ нужны, вполнѣ умѣстны, совершенно естественны. Всѣ изысканности и искусственности становились въ устахъ Пушкина живою, точно выражающею свой смыслъ, рѣчью; красота словъ и образовъ вдругъ обратилась въ красоту чувствъ и мыслей.

Отчего же это происходило? Оттого, что Пушкинъ поэзію, жившую въ его душѣ, цѣнилъ выше всего, ей одной служилъ, одну ее хотѣлъ выражать. Пушкинъ былъ правдивѣйшій и искреннѣйшій изъ поэтовъ. Несмотря на всю свою гибкость, онъ никогда не сочинялъ ни чувствъ ни ихъ выраженія; несмотря на его любовь ко всему красивому, къ красивымъ формамъ, звукамъ, словамъ, никакія слова, звуки, формы не могли подкупить его своею красотою. Съ совершенной отчетливостью онъ чувствовалъ, когда въ немъ дѣйствуетъ вдохновеніе и когда нѣтъ, и не писалъ ни одного произведенія, которое бы не вытекало прямо изъ души.

Необыкновенная сила Пушкинскаго генія обнаруживается именно въ этомъ прямодушіи. Болѣе открытаго, болѣе прямо себя обнаруживающаго поэта невозможно найти. Разстояніе между душою Пушкина и его стихотвореніями было такъ мало, что меньше и не бываетъ, и быть не можетъ. При сравненіи его съ другими поэтами, оказывается, что одни часто, а иные постоянно говорятъ не своимъ языкомъ, поютъ, такъ сказать, *не своимъ голосомъ*, — кто фальцетомъ, кто напряженнымъ басомъ, тогда какъ у Пушкина каждый звукъ есть чистый грудной голосъ, не измѣненный никакимъ напряженіемъ.

Вотъ почему въ Пушкинѣ наша поэзія сдѣлалась *правдою*. Исчезло то разногласіе и противорѣчіе, которое прежде чувствовалось между

поэзіею и жизнью; въ стихахъ Пушкина, при всей полнотѣ поэзіи, жизнь являлась со всею своею реальностью, безъ искаженій и подкрашиваній.

Всѣмъ извѣстно, съ какимъ мастерствомъ Пушкинъ возводилъ въ поэзію самые, повидимому, прозаическіе предметы. Онъ никогда не выбиралъ того, что покрасивѣе и повеличавѣе; грязь Одессы и мощеніе въ ней улицъ онъ описываетъ такъ же звучно, какъ море и горы. Но онъ могъ это сдѣлать съ полнымъ правомъ только потому, что никогда ни въ чемъ не отступалъ отъ истины. Чтобы показать, какъ велика его точность, сдѣлаемъ небольшое сравненіе. Пушкинъ часто говорилъ о Петербургѣ, и всякій, кто знаетъ этотъ городъ, долженъ согласиться, что въ описаніяхъ Пушкина ни единой фальшивой черты.

Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ...
. . . .
Мосты повисли надъ водами;
Темно-зелеными садами
Ея покрылись острова...
. . . .
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный...
. . . .
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла...

Все это безукоризненно точно. Возьмите же теперь другого поэта, Лермонтова, и попробуйте сравнить. Описывается такая же ночь, какъ у Пушкина.

Задумчиво столбы дворцовъ нѣмыхъ
По берегамъ тѣснилися какъ тѣни,
И въ *пѣнѣ водъ* гранитныхъ *крылецъ ихъ*
Купалися *широкія ступени.*

Прекрасные стихи, но въ этой картинѣ почти все ложно. Видъ дворцовъ не похожъ; они никакъ не *тѣснятся* и не близки къ берегамъ, — все въ Петербургѣ просторно. А *гранитныя крыльца, широкія ступени, пѣна водъ* — все чистая выдумка, все сказано, какъ говорится, только для красоты слога. Далѣе описывается домъ:

Изъ мрамора волнистаго колонны
Кругомъ тѣснились чинно, и балконы
Чугунные, воздушные, семьей,
Межъ нихъ гордились *дивною рѣзьбой.*

Дивная рѣзьба на чугунѣ — ужасное сочиненіе, а балконы, гордящіеся такой рѣзьбой — еще большее.

Все это, конечно, только промахи, но они показываютъ направленіе таланта, его напряженность и расположеніе не дорожитъ истиною. У Пушкина вовсе нѣтъ подобныхъ промаховъ, — вотъ что замѣчательно; нѣтъ даже въ слабыхъ и молодыхъ произведеніяхъ.

Интересно сравнить у обоихъ поэтовъ описаніе Кавказа. Одна обмолвка Лермонтова въ „Демонѣ“ очень извѣстна; объ ней даже гово-

рилъ въ „Вѣстникѣ естественныхъ наукъ“ покойный профессоръ Рулье:

И Терекъ, прыгая, какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ...

Но есть тамъ же не обмолвка, а настоящая фальшь, явное преувеличеніе красокъ. Мы находимъ эту фальшь въ описаніи Грузіи:

Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну *изъ камней разноцвѣтныхъ,*
И кущи розъ, и пр.

Что такое *столпообразныя руины?* Читатель, не видавшій Грузіи, вообразитъ себѣ полуразрушенныя колоннады. Между тѣмъ, на дѣлѣ — это изрѣдка попадающіяся развалины круглыхъ башенъ, очень грубыхъ, небольшихъ и невысокихъ построекъ, замѣчательныхъ только тѣмъ, что онѣ, дѣйствительно, круглыя, т.-е. онѣ представляютъ подобіе чего-то архитектурнаго.

Звонко-бѣгущіе ручьи — конечно, хорошее названіе для горныхъ потоковъ, всегда имѣющихъ быстрое теченіе. Но сказать, въ видѣ похвалы, что дно ихъ изъ камней *разноцвѣтныхъ,* значитъ почти то же, что восхищаться разноцвѣтными камнями петербургской мостовой: одинъ потемнѣе, другой посвѣтлѣе, а есть красноватые.

Нигдѣ у Пушкина не замѣтно расположенія къ такимъ преувеличеніямъ. Мы привели здѣсь примѣръ изъ *описаній,* какъ самый ясный и убѣдительный; но то же самое должно сказать и о характерѣ лицъ и о свойствѣ изображаемыхъ чувствъ. Пушкинъ не былъ расположенъ ни самъ становиться ни ставить свои лица на ходули. Тогда какъ многіе поэты стремятся поразить читателей напряженіемъ и надуманною крайностью своихъ чувствъ, онъ становился чѣмъ дальше, тѣмъ проще и правдивѣе.

Поэтическая сила Пушкина была такъ велика, такъ истинна, что правота и правдивость была для него самымъ естественнымъ дѣломъ. Онъ не могъ соблазниться никакою фальшью, ничѣмъ надуманнымъ, навѣяннымъ, напряженнымъ. И вотъ почему онъ сталъ создателемъ русской поэзіи. Онъ сбросилъ съ себя всѣ иноземныя вліянія, подъ которыми развивалась наша литература; нѣкоторая искусственность и изысканность, которыми она отзывалась до Пушкина, исчезли у него безъ слѣда. Въ поэзіи стали прямо выражаться инстинкты русскаго сердца, стала отражаться русская дѣйствительность.

Страховъ.

Способность перевоплощенія Пушкина въ чужія національности.

Въ европейскихъ литературахъ были громадной величины художественные геніи — Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного изъ этихъ великихъ геніевъ, который бы обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости, какъ нашъ Пушкинъ. И эту-то способность, главнѣйшую способность нашей національности, онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, и тѣмъ, главнѣйше, онъ и народный поэтъ. Самые величайшіе изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себѣ съ такой силой геній чужого, сосѣдняго, можетъ-быть, съ ними народа, духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призванія, какъ могъ это проявлять Пушкинъ. Напротивъ, обращаясь къ чужимъ народностямъ, европейскіе поэты чаще всего перевоплощали ихъ въ свою же національность и понимали по своему. Даже у Шекспира, его италіанцы, напримѣръ, почти сплошь тѣ же англичане. Пушкинъ лишь одинъ изо всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполнѣ въ чужую національность. Вотъ сцены изъ *Фауста*, вотъ *Скупой Рыцарь* и баллада *Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный*. Перечтите *Донъ-Жуана*, и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написалъ не испанецъ. Какіе глубокіе фантастическіе образы въ поэмѣ: *Пиръ во время чумы!* Но въ этихъ фантастическихъ образахъ слышенъ геній Англіи; эта чудесная пѣсня о чумѣ героя поэмы, эта пѣсня Мери со стихами:

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,

это англійскія пѣсни, это тоска британскаго генія, его плачъ, его страдальческое предчувствіе своего грядущаго. Вспомните странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой.

Это почти буквальное переложеніе первыхъ трехъ страницъ изъ странной мистической книги, написанной въ прозѣ, одного древняго англійскаго религіознаго сектатора, — но развѣ это только переложеніе? Въ грустной и восторженной музыкѣ этихъ стиховъ чувствуется самая душа сѣвернаго протестантизма, англійскаго ересіарха, безбрежнаго мистика, съ его тупымъ, мрачнымъ и непреоборимымъ стремленіемъ и со всѣмъ безудержемъ мистическаго мечтанія. Читая эти странные стихи, вамъ какъ бы слышится духъ вѣковъ реформаціи, вамъ понятенъ становится этотъ воинственный огонь начинавшагося протестантизма, понятна становится, наконецъ, самая исторія, и не мыслью только, а какъ будто вы сами тамъ были, прошли мимо вооруженнаго стана сектантовъ, пѣли съ ними ихъ гимны, плакали

съ ними въ ихъ мистическихъ восторгахъ и вѣровали вмѣстѣ въ то, во что они повѣрили. Кстати: вотъ съ этимъ религіознымъ мистицизмомъ религіозныя же строфы изъ корана или „Подражаніе корану“: развѣ тутъ не мусульманинъ, развѣ это не самый духъ корана и мечъ его, простодушная величавость вѣры и грозная кровавая сила ея? А вотъ и древній міръ, вотъ *Египетскія ночи*, вотъ эти земные боги, сѣвшіе надъ народомъ своимъ богами, уже презирающіе геній народный и стремленія его, уже не вѣрящіе въ него болѣе. Нѣтъ, положительно скажу, не было поэта съ такою всемірною отзывчивостью, какъ Пушкинъ, и не въ состояніи одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глубинѣ ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ, — перевоплощеніи почти совершенномъ, а потому и чудесномъ, потому что нигдѣ ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось. Это только у Пушкина, и въ этомъ смыслѣ, повторяю, онъ, — явленіе невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... тутъ-то и выразилась наиболѣе его національная русская сила, выразилась именно народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народность нашего будущаго, таящагося уже въ настоящемъ, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемірности и ко всечеловѣчности? Ставъ вполнѣ народнымъ поэтомъ, Пушкинъ тотчасъ же, какъ только прикоснулся къ силѣ народной, такъ уже и предчувствуетъ великое грядущее назначеніе этой силы. Тутъ онъ угадчикъ, тутъ онъ пророкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое для насъ Петровская реформа, и не въ будущемъ только, а даже и въ томъ, что уже было, произошло, что уже явилось воочію? Что означала для насъ эта реформа? Вѣдь не была же она только для насъ усвоеніемъ европейскихъ костюмовъ, обычаевъ, изобрѣтеній и европейской науки. Вникнемъ, какъ дѣло было, поглядимъ пристальнѣе. Да, очень можетъ быть, что Петръ первоначально только въ этомъ смыслѣ и началъ приводить ее, т.-е. въ смыслѣ ближайше-утилитарномъ, но впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ развитіи имъ своей идеи, Петръ несомнѣнно повиновался нѣкоторому затаенному чутью, которое влекло его въ его дѣлѣ къ цѣлямъ будущимъ, несомнѣнно огромнѣйшимъ, чѣмъ одинъ только ближайшій утилитаризмъ. Такъ точно и русскій народъ не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу, а несомнѣнно уже ощутивъ своимъ предчувствіемъ почти тотчасъ же нѣкоторую дальнѣйшую, несравненно болѣе высшую цѣль, чѣмъ ближайшій утилитаризмъ, — ощутивъ эту цѣль, опять-таки, конечно, повторяю это, безсознательно, но однакоже и непосредственно и вполнѣ жизненно. Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному возсоединенію, къ единенію всечеловѣческому! Мы не враждебно (какъ, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовью приняли въ душу нашу геній чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ

племенныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ самаго перваго шагу различать, снимать противорѣчія, извинять и примирять различія, а тѣмъ уже выказали готовность и наклонность нашу, намъ самимъ только-что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловѣческому возсоединенію со всѣми племенами великаго арійскаго рода. Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ-быть, и значитъ только (въ концѣ-концовъ, это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое. Для настоящаго русскаго Европа и удѣлъ всего великаго арійскаго племени такъ же дороги, какъ сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечомъ пріобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ возсоединенію людей. Если захотите вникнуть въ нашу исторію послѣ Петровской реформы, вы найдете уже слѣды и указанія этой мысли, этого мечтанія моего, если хотите, въ характерѣ общенія нашего съ европейскими племенами, даже въ государственной политикѣ нашей: ибо что дѣлала Россія во всѣ эти два вѣка въ своей политикѣ, какъ не служила Европѣ, можетъ-быть, гораздо болѣе, чѣмъ себѣ самой? Не думаю, чтобъ отъ неумѣнья лишь нашихъ политиковъ это происходило. О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги! И впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, т.-е., конечно, не мы, а будущіе грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ-концовъ, можетъ быть, и изречь окончательное слово, великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону! Знаю, слишкомъ знаю, что слова мои могутъ показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что ихъ высказалъ. Этому надлежало быть высказаннымъ, но особенно теперь, въ минуту чествованія нашего великаго генія, эту именно идею въ художественной силѣ воплощавшаго. Да и высказывалась уже эта мысль не разъ, я ничуть не новое говорю. Главное, все это покажется самонадѣяннымъ: „Это намъ-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой землѣ такой удѣлъ? Это намъ-то предназначено въ человѣчествѣ высказать новое слово“? Что же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что ко всемірному, ко всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское, можетъ-быть, изо всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено, вижу слѣды сего въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ геніи Пушкина. Пусть наша

земля нищая, но эту нищую землю „въ рабскомъ видѣ исходилъ, благославляя, Христосъ". Почему же намъ не вмѣстить послѣдняго слова Его? Да и Самъ Онъ не въ ясляхъ ли родился? Повторяю: по крайней мѣрѣ, мы уже можемъ указать на Пушкина, на всемірность и всечеловѣчность его генія. Вѣдь могъ же онъ вмѣстить чужіе геніи въ душѣ своей, какъ родные. Въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ, въ художественномъ творчествѣ, онъ проявилъ эту всемірность стремленія русскаго духа неоспоримо, а въ этомъ уже великое указаніе. Если наша мысль есть фантазія, то съ Пушкинымъ есть, по крайней мѣрѣ, на чемъ этой фантазіи основаться. Если бы жилъ онъ дольше, можетъ-быть, явилъ бы безсмертные и великіе образы души русской, уже понятные нашимъ европейскимъ братьямъ, привлекъ бы ихъ къ намъ гораздо болѣе и ближе, чѣмъ теперь; можетъ-быть, успѣлъ бы имъ разъяснить всю правду стремленій нашихъ, и они уже болѣе понимали бы насъ предугадывать, перестали бы на насъ смотрѣть столь недовѣрчиво и высокомѣрно, какъ теперь еще смотрятъ. Жилъ бы Пушкинъ долѣе, такъ и между нами было бы, можетъ-быть, менѣе недоразумѣній и споровъ, чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе. Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ. *Достоевскій.*

Творчество Пушкина и отзывчивость его художественнаго генія.

Существуетъ мнѣніе, что поэты „свободны" въ своемъ творчествѣ и что они творятъ только по прихоти своихъ „вдохновеній". Правда, эти „вдохновенія" не зависятъ отъ воли поэта, но зато они также независимы отъ чьей бы то ни было воли. Никто и ничто поэту не указъ, что долженъ онъ „пѣть", въ какомъ духѣ или направленіи „творить". Такъ думаютъ многіе. И сами поэты склонны выставлять на видъ и при случаѣ отстаивать эту свою „свободу творчества". Пушкинъ говоритъ, обращаясь къ „поэту":

Дорогою *свободной*
Иди, куда влечетъ тебя *свободный* умъ.

Постараемся отвѣтить на вопросы: какъ нужно понимать эту „свободу"? Въ чемъ ея сущность? Гдѣ ея предѣлы? Если она — законное *право* поэта, то не обусловливаетъ ли она собою, какъ всѣ права, извѣстныхъ *обязанностей*, и если обусловливаетъ, то въ чемъ, онѣ состоятъ?

Сперва взглянемъ на другую сторону медали. На этой другой сторонѣ начертано уже не „свобода", а нѣчто ей противоположное, можетъ быть „неволя". Мы только что указали на мнѣнія, что поэтъ

подчиняется прихоти своихъ вдохновеній. Вотъ именно въ мысли нѣкоторыхъ защитниковъ полной *свободы* творчества, эта свобода представляется чѣмъ-то въ родѣ рабскаго подчиненія поэта капризамъ его вдохновеній, которыя сами будто бы совершенно не зависятъ отъ его воли. Поэтъ — невольникъ собственнаго своего дарованія. Въ поэмѣ Майкова „Три смерти“ философъ Люцій говоритъ поэту Лукану:

Вы всѣ на колоколъ похожи,
Въ который можетъ зазвонить
На площади любой прохожій...

Да и сами поэты признаютъ эту власть „вдохновенія“, которой они не въ силахъ противиться. Вспомнимъ стихотвореніе Пушкина „Поэтъ“:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра;
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

Поэтъ представленъ здѣсь точно какой-то „одержимый“. Это — взглядъ на поэта, отзывающійся язычествомъ и далеко не подходящій къ нашимъ теперешнимъ понятіямъ. Греческій философъ Платонъ говоритъ (въ діалогѣ „Іонъ“), что поэты слагаютъ свои прекрасныя пѣсни не тогда, когда находятся въ здоровомъ умѣ, а когда они какъ бы „вакханствуютъ“, наподобіе бѣснующихся вакханокъ. „Поэтъ, продолжаетъ философъ, есть вещь легкая, пернатая и священная, и онъ становится способнымъ творить не прежде, какъ станетъ одержимымъ (боговдохновеннымъ) и безумнымъ, и не будетъ разума въ немъ“... Пушкинскій поэтъ (въ вышеприведенномъ стихотвореніи) очень ужъ похожъ на бѣснующагося поэта въ изображеніи Платона и не вполнѣ подходитъ къ нашимъ теперешнимъ представленіямъ о поэтическомъ творчествѣ, въ силу которыхъ намъ кажется немного страннымъ, во всякомъ случаѣ гиперболичнымъ, это бѣгство поэта „на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубровы“. Для современнаго поэта такое бѣгство можетъ имѣть смыслъ только какъ исканіе новыхъ впечатлѣній для освѣженія ума.

Какъ бы то ни было, но для насъ приведенное стихотвореніе любопытно въ смыслѣ указанія на то, что Пушкинъ склоненъ былъ признавать эту „одержимость“ поэта, который не управляетъ своими вдохновеніями, а пассивно, рабски имъ покоряется, лишаясь въ это время своей свободы и жертвуя привычками и всѣмъ складомъ жизни.

Въ „Египетскихъ ночахъ“ выведенъ поэтъ Чарскій — любопытная фигура, въ которой Пушкинъ, какъ извѣстно, многое списалъ съ себя

самого. Чарскій ведетъ свѣтскую жизнь, чуждается литераторовъ и даже стыдится и тяготится своимъ призваніемъ поэта. „Однакожъ, онъ былъ поэтъ, *и страсть его была неодолима.* Когда находила на него такая *дрянь* (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное счастіе"... Здѣсь представлена все та же „одержимость" поэта, только въ формѣ, уже соотвѣтствующей нашимъ нравамъ: поэтъ запирается въ своемъ кабинетѣ и пишетъ.

Въ „Египетскихъ ночахъ" главное лицо—это *итальянецъ-импровизаторъ.* Въ немъ дано яркое выраженіе тому сочетанію двухъ противоположностей, „свободы" и „неволи" поэта, о которомъ мы ведемъ рѣчь. Чарскій *задаетъ* итальянцу тему для импровизаціи. „Вотъ вамъ тема, сказалъ ему Чарскій: *поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ право управлять его вдохновеніемъ".* И вотъ импровизаторъ, *т.-е. тотъ же поэтъ,* какъ бы въ опроверженіе, что поэтъ *самъ избираетъ* предметы для своихъ произведеній, тутъ же произноситъ блестящую поэтическую импровизацію на тему, которую онъ не самъ избралъ, которая была ему задана. „Глаза итальянца засверкали; онъ взялъ нѣсколько аккордовъ (на гитарѣ), гордо поднялъ голову, и *пылкіе стихи — выраженіе мгновеннаго чувства — стройно излетали изъ устъ его"*... Какъ пламя, вспыхнуло въ его душѣ вдохновеніе, — и поэтъ-импровизаторъ, невольникъ этого вдохновенія, точно подчиняясь внѣшней, магической силѣ, мгновенно создалъ стройное поэтическое воспроизведеніе мысли, ему внушенной. Чарскій въ восторгѣ и изумленіи отъ этой силы вдохновенія, говоритъ импровизатору: „Какъ! *чужая* мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашей собственностью, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно. *Итакъ для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію?* Удивительно, удивительно!"

На вечерѣ у княгини, гдѣ итальянецъ выступаетъ передъ публикою, ему задаютъ нѣсколько темъ, и жребій рѣшаетъ, на которую изъ нихъ онъ будетъ импровизировать. Правда, всѣ эти темы (а также и первая, заданная Чарскимъ) таковы, что, очевидно, входятъ въ компетенцію или въ репертуаръ импровизатора. Это именно: „Семейство Ченчи", „Послѣдній день Помпеи", „Клеопатра и ея любовники", „Весна, видимая изъ тюрьмы" и „Тріумфъ Тассо". Но вѣдь могло же случиться, что въ данную минуту капризное вдохновеніе какъ разъ откажется работать на тему „Клеопатра", которую указалъ жребій, и охотнѣе взялось бы за „Послѣдній день Помпеи", или же, пожалуй, совсѣмъ не явилось бы. Но, можетъ быть, такова ужъ привилегія импровизаторовъ (передъ прочими поэтами), что вдохновеніе всегда къ ихъ услугамъ? Во всякомъ случаѣ, импровизаторъ это — поэтъ, котораго особливо часто посѣщаетъ вдохновеніе, поэтъ, которому очень легко вызвать въ себѣ настроеніе, благопріятствующее творчеству.

И вдохновеніе, такъ охотно посѣщающее его, отличается необыкновенной силой, — оно всецѣло захватываетъ импровизатора и заставляетъ его „творить“ безсознательно, въ какомъ-то чаду, въ какомъ-то забытьи...

Вспомнимъ яркое изображеніе момента, когда импровизаторъ подпадаетъ подъ власть вдохновенія: „Но уже импровизаторъ чувствовалъ приближеніе бога... Онъ далъ знакъ музыкантамъ играть. Лицо его страшно поблѣднѣло; онъ затрепеталъ, какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приподнялъ рукою черные свои волосы, отеръ платкомъ высокое чело, покрытое каплями пота... и вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на грудь... Музыканты умолкли... импровизація началась...“

Здѣсь мы опять невольно вспоминаемъ платоновскаго „одержимаго“ поэта, творящаго безъ разума, какъ говоритъ Платонъ, а мы скажемъ — „силою безсознательной сферы разума“.

Прежде чѣмъ пойти дальше, нелишне будетъ упомянуть о томъ, что все это, — и даръ импровизаціи, и непроизвольность творчества, и вся картина „поэтическаго экстаза“ (блѣдное лицо, сверкающіе глаза, лихорадочный трепетъ — отнюдь не выдумка Пушкина, что на самомъ дѣлѣ это такъ бываетъ, — эти явленія хорошо засвидѣтельствованы документально и оправдываются психологически. Всѣ поэты болѣе или менѣе импровизаторы. Весьма многія страницы Пушкина, изъ числа самыхъ вдохновенныхъ были, въ своемъ родѣ импровизаціями, только — съ перомъ въ рукѣ. Помимо того, извѣстны настоящіе экспромты Пушкина, какіе найдутся у всѣхъ поэтовъ, но они *поэтическаго* значенія, большею частью, не имѣютъ. Не нужно смѣшивать поэтическую, творческую импровизацію съ даромъ легкаго и быстраго стихотворства, — это двѣ вещи разныя. О томъ, что творчество Пушкина въ значительной мѣрѣ отличалось характеромъ импровизаціи, свидѣтельствуютъ, напримѣръ, слѣдующія показанія поэта (въ стихотвореніи „Осень“):

И забываю міръ и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ.
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ,
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ...

Психологически рѣшительно все равно, потекутъ ли стихи на бумагѣ, или будутъ произнесены вслухъ, — напр., передъ публикой — лишь бы они являлись *свободно* и были *поэтическими*, — выраженіемъ мысли поэтической по строю и характеру, а не прозаической.

Не знаю, вспоминалъ ли Пушкинъ, когда рисовалъ своего импровизатора въ „Египетскихъ ночахъ“, замѣчательныя импровизаціи *Мицкевича*, которыя онъ могъ слышать. Великій польскій поэтъ былъ настоящій импровизаторъ необычайной силы вдохновенія. Много разъ импровизировалъ онъ въ обществѣ на только что заданную, раньше ему неизвѣстную тему. Онъ импровизировалъ не только коротенькія стихотворенія, но и большія вещи, даже цѣлыя трагедіи въ стихахъ (изъ польской исторіи) въ 5 актахъ, со множествомъ дѣйствующихъ лицъ, съ послѣдовательной выдержкой характеровъ и искусно проведенной фабулой. Дѣло происходило такъ. Ему задавали тему, — онъ удалялся въ другую комнату, гдѣ оставался нѣсколько минутъ одинъ, погруженный въ глубокую задумчивость. Обдумавъ сюжетъ и настроивъ себя, онъ появлялся передъ публикой — блѣдный, трепещущій, съ горящими глазами, и — начиналась дивная импровизація, которая иногда длилась цѣлые часы. Присутствующее общество, затаивъ дыханіе, какъ очарованное, внимало свободно-льющимся стихамъ необычайной силы, несказанной прелести...

Возвратимся теперь къ пушкинскому импровизатору. Въ немъ, какъ и въ поэтѣ Чарскомъ, Пушкинъ изобразилъ себя, какъ вдохновеннаго поэта (въ Чарскомъ онъ отчасти представилъ себя и какъ человѣка). Въ импровизаторѣ воспроизведенъ тотъ импровизаціонный элементъ, который присущъ всякому истинно-поэтическому творчеству, въ противоложность холодному сочинительству. Нашъ Пушкинъ былъ великій импровизаторъ, потому что онъ былъ великій поэтъ. Тотъ фактъ, что онъ импровизировалъ съ перомъ въ рукѣ, нисколько не мѣняетъ сущности дѣла, равно какъ и тотъ, что онъ потомъ, какъ и всѣ великіе поэты, подвергалъ тщательной отдѣлкѣ результаты своихъ вдохновеній.

Теперь мы можемъ прямо перейти къ отвѣтамъ на выше формулированные вопросы относительно „свободы“ творчества и „неволи“ поэта передъ властью его собственныхъ вдохновеній.

Мы привели уже то, что говоритъ намъ Пушкинъ, на эту тему, — мы знаемъ его взглядъ на этотъ вопросъ. Въ этомъ взглядѣ есть извѣстная доля правды, но есть немало и того, что можно назвать частью *недоразумѣніемъ*, частью *иллюзіей*. Сперва дадимъ *наши* отвѣты на эти вопросы, а затѣмъ уже само-собою выяснится, въ чемъ состояли недоразумѣнія и иллюзіи поэта.

Мы проводимъ параллель между *импровизаторомъ* и *Пушкинымъ*. Въ этой параллели одинъ пунктъ остался еще невыясненнымъ. Импровизатору *задаютъ темы*, — *Пушкинъ же самъ ихъ выбиралъ* (кромѣ нѣкоторыхъ, особаго рода, стихотвореній, къ поэзіи, въ собственномъ смыслѣ, не относящихся).

Это различіе въ значительной мѣрѣ только кажущееся. Въ дѣйствительности далеко не всѣ темы Пушкинъ выбиралъ самъ, повинуясь одной лишь художнической пытливости. Были и такія, которыя, въ извѣстномъ смыслѣ, были ему *заданы*. Это именно тѣ, которыя

составили великую задачу, поставленную силою вещей передъ художественнымъ геніемъ Пушкина. Рѣшивъ эту задачу „Евгеніемъ Онѣгинымъ", Борисомъ Годуновымъ", „Полтавою", „Мѣднымъ всадникомъ", „Капитанскою дочкою" и нѣкоторыми другими произведеніями, въ томъ числѣ и лирическими пьесами, нашъ великій, вдохновенный „импровизаторъ" создалъ русскую національную поэзію и могущественно содѣйствовалъ развитію нашего самосознанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вступленію русскаго народа въ кругъ европейскихъ народовъ, призванныхъ къ творчеству въ высшихъ областяхъ мысли.

Важнѣйшія произведенія Пушкина можно было бы подвергнуть особаго рода классификаціи съ точки зрѣнія большей или меньшей *обусловленности*, т.-е. „несвободы" его художественныхъ замысловъ и вдохновеній. Одну группу составятъ произведенія, замыселъ и идеи которыхъ были заранѣе опредѣлены и обусловлены всѣмъ ходомъ вещей, потребностями литературнаго движенія времени, запросами національнаго самосознанія, всей совокупностью впечатлѣній и воздѣйствій русской дѣйствительности. Въ другую группу мы отнесемъ тѣ произведенія, которыя внушались Пушкину особенностями, стремленіями, пожалуй, даже капризами его генія, пытливостью его художественнаго ума, своенравіемъ его вдохновеній. Въ первомъ случаѣ онъ подчинялся требованіямъ исторической необходимости и нуждамъ возникавшаго національнаго самосознанія, — во второмъ онъ былъ, въ извѣстной мѣрѣ, „невольникомъ" собственныхъ вдохновеній.

Гдѣ же *свобода* творчества? И если она все-таки была, — то какъ понимать ее, и гдѣ ея границы?

Будемъ, условно, называть пока *свободою* тѣ проявленія творчества, въ которыхъ поэтъ *не подчинялся* требованіямъ исторической необходимости и національнаго самосознанія.

Не подчиниться одной необходимости — не значитъ дѣйствовать по произволу, это значитъ подчиниться какой-нибудь другой необходимости. Это можно условно называть свободой отъ первой. Другая необходимость, по временамъ освобождавшая поэта отъ первой, вытекала изъ коренныхъ особенностей его душевной организаціи, какъ поэта, какъ ума и какъ человѣка. Эти особенности могутъ быть опредѣлены извѣстнымъ изреченіемъ римскаго писателя (Теренція): „Я — человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо". Достоевскій въ своей извѣстной рѣчи о Пушкинѣ назвалъ эту черту способностью „перевоплощенія". Онъ говорилъ: „Не было поэта съ такою всемірною отзывчивостью, какъ Пушкинъ, и не въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумительной глубинѣ ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ"... Это совершенно справедливо, и всякій изъ насъ сейчасъ же припомнитъ образчики такихъ „перевоплощеній" Пушкина. Ничто не было чуждо его генію...

Не былъ чуждъ ему древне-эллинскій міръ съ его уравновѣшенностью, гармоніей, пластичностью и наивностью душевнаго выраженія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ „Подражанія древнимъ" (изъ Аѳенея,

Ксенофона) и переводъ нѣкоторыхъ одъ Анакреона. Но, пожалуй, еще больше говоритъ о томъ слѣдующее четверостишіе:

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

Не былъ чуждъ ему и древне-римскій міръ. Вспомнимъ прозаическій отрывокъ (1835 г.) повѣсти, начинающійся словами „Цезарь путешествовалъ"... На какихъ-нибудь двухъ или трехъ страничкахъ Пушкинъ успѣлъ уловить духъ и колоритъ націи и эпохи: отрывокъ въ самомъ дѣлѣ переноситъ насъ въ Римъ временъ Нерона, не только внѣшнимъ образомъ, но такъ, какъ перенесло бы насъ туда подлинное произведеніе римскаго писателя того времени.

Переносимся на востокъ, — въ отдаленную палестинскую древность, — вотъ „подражаніе пѣсни пѣсней":

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена
Лобзай меня, твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почію безмятежной,
Пока дохнетъ веселый день
И двигнется ночная тѣнь.

Это — прямо геніально, это дѣйствительно — чудо „перевоплощенія".

Все восточное и, преимущественно, семитическое выходило у Пушкина необыкновенно колоритно. Поэтъ (можно было бы, не зная автора, принять его за поэта арабскаго), въ подражаніе Корану, создаетъ слѣдующее необычайной силы и вѣрности тона, произведеніе:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечомъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой:
Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?
Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?
Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ и мой Коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй!

У нѣкоторыхъ художниковъ, напр. у Флобера, мы находимъ чудныя и вѣрныя дѣйствительности, духу времени и націи, картины изъ жизни древняго Востока. Но, читая эти произведенія, вы невольно чувствуете нѣкоторую напряженность, вы видите, что авторъ *старается* получше изобразить, что онъ много и долго изучалъ предметъ, путешествовалъ въ описываемыхъ мѣстахъ и т. д. Читая Флобера, вы ни на минуту не забываете, что авторъ — французъ. Совсѣмъ не то у Пушкина: Востокъ, какъ и Греція и Римъ, какъ и Испанія, выходятъ у него непроизвольно, ненарочито, какъ-будто поэтъ былъ поочередно арабомъ, эллиномъ, римляниномъ, испанцемъ...

А вотъ и современный магометанскій Востокъ:

Стамбулъ гяуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ — и такъ оставятъ:
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.
Стамбулъ отрекся отъ пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ.
Стамбулъ для сладостей порока
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ.
Стамбулъ отвыкъ отъ поту битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы...
. . . .

Каждая страна, каждая нація и эпоха имѣютъ свою „поэзію“, Пушкинъ обладалъ необычайнымъ даромъ улавливать и передавать поэзію.

Вспомнимъ испанскій колоритъ, испанскую природу и ея поэзію въ „Каменномъ Гостѣ“, въ особенности въ знаменитыхъ стихахъ, которыми такъ восхищался Бѣлинскій:

Приди, открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ: ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной...

Вспомнимъ и знаменитую серенаду: „Я здѣсь Инезилья, стою подъ окномъ...“ — Вспомнимъ... Но пришлось бы слишкомъ много вспоминать. Ограничимся приведенными образчиками, которые всегда приводятся въ доказательство многосторонности и изумительной отзывчивости художественнаго генія Пушкина, необычайной силы его творческаго воображенія, возсоздавшаго по немногимъ чертамъ, какія были въ его распоряженіи, поэзію странъ, гдѣ онъ никогда не бывалъ, поэзію націй, языка которыхъ онъ не зналъ...

Геній Пушкина можетъ быть названъ *центробѣжнымъ:* отъ центра живыхъ поэтическихъ замысловъ и настоятельныхъ нуждъ національнаго творчества, отъ своей русской національности, Пушкинъ постоянно какъ бы отрывался и уносился воображеніемъ въ другіе края. Его манила даль, его влекли къ себѣ невѣдомыя страны, онъ стремился къ новымъ впечатлѣніямъ, — весь міръ могъ быть его достояніемъ, — всѣ народы входили въ „репертуаръ“ его „импровизаціи“.

Его манила даль моря, съ которымъ такъ поэтически прощался онъ въ 1824 году:

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ!
Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.
Какъ я любилъ отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы!
. . . .
Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.
Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я...

Послѣднюю строфу мы могли, вложивъ въ нее другой смыслъ, утилизировать для нашей цѣли: напрасно рвалась душа поэта и на Востокъ, и на Западъ, въ древность и въ средніе вѣка Европы, въ манящую даль пространства и временъ, — напрасно: „могучей страстью очарованъ", обузданъ могучимъ тяготѣніемъ къ „центру своего исторически-необходимаго творчества, т.-е. русскаго національнаго, — онъ остался поэтомъ русской дѣйствительности, творцомъ нашей національной поэзіи.

Какъ геній „центробѣжный", можно сказать, международный, онъ подчинялся своенравію и власти своихъ творческихъ вдохновеній и „импровизировалъ" „Скупого рыцаря", „Каменнаго гостя", „Моцарта и Сальери", явивъ чудеса искусства. Это подчиненіе ему казалось „свободою", — онъ думалъ, что „идетъ дорогою свободной, куда влечетъ его свободный умъ". Это была временная „свобода" — отъ тяготѣнія къ „центру", — набѣгъ въ область общечеловѣческаго, — и только.

Какъ ни совершенны эти созданія, но ими одними онъ не могъ исполнить свою историческую миссію.

Геніально исполняя эту миссію — „Евгеніемъ Онѣгинымъ", „Борисомъ Годуновымъ", Мѣднымъ всадникомъ" и другими созданіями національнаго творчества, Пушкинъ творилъ — какъ вдохновенный „импровизаторъ", которому задана великая задача, конечно, вполнѣ подходящая къ его творческому дару. Никто лучше Пушкина не могъ бы рѣшить эту задачу — глубокаго проникновенія въ національную психологію, широкаго обобщенія явленій русской дѣйствительности въ художественныхъ типахъ, уловленія поэзіи нашей природы, жизни, исторіи.

Понимаемая, какъ своего рода *право*, свобода творчества есть право не обращать вниманія на постороннія внушенія, и въ своемъ творчествѣ подчиняться только его законамъ, какъ общимъ, равно обязательнымъ для всѣхъ поэтовъ, такъ и частнымъ, вытекающимъ изъ особенныхъ свойствъ дарованія. Если Пушкинъ въ знаменитомъ сонетѣ *Поэтъ, не дорожи любовію народной* только *это* и хотѣлъ сказать, только *такое* право и отстаивалъ, то сонетъ не заслуживаетъ упрековъ въ аристократизмѣ, презрѣніи къ „толпѣ", въ гордынѣ.

Въ заключеніе мы укажемъ на то, что нашъ великій поэтъ отчетливо сознавалъ и добросовѣстно исполнялъ и *обязанности*, вытекающія изъ *правъ* поэта. Эти обязанности не трудно перечислить: работать, не переставать работать, совершенствоваться въ трудѣ, расширять и углублять свою мысль, не успокаиваться на лаврахъ.

Съ точки зрѣнія этихъ *обязанностей* Пушкинъ, можно сказать, безупреченъ. Не даромъ онъ сказалъ:

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать.

А его завѣтъ поэту:

...Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,

Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный,

звучитъ не столько какъ провозглашенiе „правъ“ или „привилегій“ поэта, сколько какъ исповѣданіе его обязанностей и пониманіе труда и самой жизни его — какъ подвига. *Овсянико-Куликовскій.*

Общечеловѣческое значеніе Пушкина.

Народность не составляетъ еще исключительнаго достоинства созданій Пушкина. Изображать вѣрно съ дѣйствительностью природу родины, характеры своего народа, развитые его исторіей, можетъ всякій, даже второстепенный поэтъ. Конечно, такой геніальный поэтъ, какъ Пушкинъ, поэтъ, котораго лира звучала въ отвѣтъ на многое и внѣ національныхъ условій, поэтъ, котораго душа была развита постепеннымъ совершенствованіемъ и ученьемъ, будетъ находиться въ другихъ отношеніяхъ къ явленіямъ національной жизни, нежели Кольцовъ, напр., кругъ дѣятельности котораго былъ очень ограниченъ. Пушкинъ и глубже могъ чувствовать и лучше умѣлъ подмѣчать такія стороны, мимо которыхъ другой поэтъ пройдетъ, не обративъ на нихъ вниманія. Но ставить національность картинъ и созданій въ единственную заслугу поэту нашего времени и на основаніи ея давать ему званіе великаго поэта значитъ не понимать поэзіи. Національность созданій — дѣло второстепенное, и Пушкинъ далеко выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ національности. На его поэзіи лежитъ высшая печать духовнаго совершенства, печать высокаго творчества и художественности, безъ которой блѣдно и вяло произведеніе искусства. Эта художественность въ созданіи сглаживаетъ въ немъ рѣзкія стороны національности, дѣлаетъ его доступнымъ всякому, даже далекому отъ національности человѣку и придаетъ созданію достоинство общечеловѣческое. Какъ любовь есть общее чувство, сглаживающее и примиряющее индивидуальности, соединяющее начала разрозненныя, такъ искусство есть общее для всѣхъ народностей, есть тотъ свѣтлый міръ, гдѣ господствуетъ вѣчная гармонія, гдѣ нѣтъ борьбы и раздора, гдѣ примиряются даже ожесточенно враждующія народности. Искусство принадлежитъ всему міру, и это міровое начало даетъ смыслъ народному. Художественная сторона искусства является тогда въ народѣ, когда національный духъ его достигнетъ полнаго развитія. Многія изъ созданій древней греческой поэзіи сдѣлались достояніемъ всего человѣчества и вѣчными, прекрасными образцами, часто стоящими выше художественныхъ созданій новыхъ народовъ, а между тѣмъ они были исключительно національны и создавались подъ рѣзкими условіями и опредѣленіями исторической и государственной жизни. Произведенія греческаго искусства, кромѣ того, принадлежали такимъ незначительнымъ общинамъ древняго міра, которыя, въ сравненіи

съ громадными государствами современности, кажутся микроскопическими. Какою, повидимому, ничтожною должна представляться намъ война Пелопонезская, съ незначительными средствами Аѳинъ и Спарты, въ сравненіи съ тѣми страшными усиліями, какія представляетъ намъ борьба современная. Но въ этихъ незначительныхъ государствахъ заключался тогда весь образованный міръ, и Ѳукидидъ былъ великимъ художникомъ въ историческомъ искусствѣ. Такъ искусство и художественность кладутъ свѣтлый вѣнецъ и на произведеніе поэзіи, выросшее на народной почвѣ; они даютъ ему вѣчное, понятное всѣмъ вѣкамъ и народамъ существованіе, они подымаютъ его надъ всѣми другими произведеніями литературными въ народѣ. Эти качества дѣлаютъ созданіе поэта, будь онъ русскій, англичанинъ, нѣмецъ или французъ — достояніемъ всего человѣчества, гдѣ каждый встрѣчаетъ свое родное, человѣческое, тотъ духъ, который живетъ и не умираетъ въ разнообразныхъ формахъ жизни.

Пушкинъ, оставаясь народнымъ поэтомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ глубокимъ художникомъ и этимъ качествомъ своимъ, художественностью созданій своихъ, онъ стоитъ гораздо выше всѣхъ предшествовавшихъ ему русскихъ поэтовъ. Созданіе строгихъ элементовъ народности въ поэзіи и умѣнье облечь ихъ въ блестящую художественную одежду — вотъ заслуги, оказанныя Пушкинымъ русской литературѣ, вотъ за что онъ занимаетъ такое высокое мѣсто въ ея исторіи, представляя собою послѣднюю ступень ея развитія. Съ Пушкина русская литература должна вести другую жизнь, но она не можетъ развиваться внѣ условій, привнесенныхъ въ нее Пушкинымъ. Каждое произведеніе современной русской поэзіи должно быть и народно и художественно вмѣстѣ. Безъ этихъ качествъ оно не будетъ имѣть достоинства. Въ наше время, когда Россія призвана Провидѣніемъ участвовать въ рѣшеніи европейскихъ вопросовъ, ея литература впервые начала получать извѣстность внѣ родныхъ границъ своихъ. Произведенія Пушкина, Гоголя и Лермонтова переводятся и читаются въ Европѣ и дѣлаются такимъ образомъ достояніемъ всего человѣчества. Такое явленіе возможно только тогда, когда они выполнятъ требованія искусства и тѣмъ сгладятъ исключительность національнаго бытія своего. Изъ всѣхъ русскихъ писателей ни одинъ не возбуждалъ такого сочувствія къ себѣ внѣ Россіи, какъ Пушкинъ. Причина этой общей симпатіи къ нему заключается въ томъ, что одному ему до сихъ поръ удалось возвести типическія особенности народнаго духа въ высшую форму искусства. Россія вправѣ гордиться своимъ великимъ поэтомъ, выразителемъ духовнаго богатства народныхъ силъ, заключенныхъ имъ въ такую изящную форму. И эта же самая художественность созданій Пушкина дѣлала его гражданиномъ всего міра, позволяла ему переноситься всюду, куда только увлекалъ его геній поэзіи, давала ему средства сочувствовать многому чужому. Съ какимъ рѣдкимъ художественнымъ тактомъ онъ умѣлъ воспроизводить въ своей поэзіи образы чужого быта и усвоивать духъ поэзіи эпохъ, отдаленныхъ

отъ русскаго сознанія. Величавые звуки священной поэзіи Востока, ясная прелесть классической формы, суровая поэзія Данта, кипящая нѣгой и сладострастіемъ жизнь Испаніи, полные и оконченные характеры Шекспира, рефлектирующая личность Гётева „Фауста", однообразные мотивы славянскихъ пѣсенъ, — все было равно доступно его духу и дѣлалось достояніемъ его поэзіи. И какъ этотъ міръ разнообразныхъ созданій понятенъ намъ, какъ слышится въ немъ присутствіе чуткаго русскаго слуха и могучей русской души! Все это Пушкинъ сдѣлалъ достояніемъ нашей поэзіи. *Буличъ.*

Пушкинъ, какъ художникъ.

Въ области поэтическаго творчества Пушкинъ является исключительнымъ художникомъ, пламеннымъ жрецомъ искусства. Для него не было ничего выше искусства и въ жизни и въ поэзіи; онъ былъ чуждъ всѣхъ внѣшнихъ цѣлей въ поэзіи, и вся жизнь его есть постоянное освобожденіе отъ этихъ внѣшнихъ цѣлей и стремленіе къ художественности. Постоянно проповѣдывалъ онъ, съ гордостью художника, независимость искусства отъ всего посторонняго и отъ жизни съ ея борьбою и волненіями. Въ превосходномъ лирическомъ стихотвореніи своемъ „Чернь" онъ такъ высоко поставилъ поэта надъ дѣйствительнымъ міромъ, что все, кромѣ искусства, должно смолкнуть передъ геніемъ поэта. Общество его же словами спрашиваетъ у поэта:

Зачѣмъ онъ звучно такъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
Зато какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?

Общество смотритъ на поэта, какъ на натуру высшую; оно хочетъ, чтобы не даромъ горѣлъ въ немъ божественный пламень таланта; оно хочетъ употреблять въ пользу дивные звуки его, чтобы не пустымъ звономъ раздавались они, а были бы органами истины, добра, пользы общественной. Оно совершенно справедливо говоритъ поэту:

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Критика того времени, хотя и не прямо, но высказывала иногда эти мысли Пушкину. Она ждала отъ него созданій, возникшихъ

въ волненіяхъ жизни, кипящихъ страстными порывами современности, созданій, въ которыхъ бы слышались звуки любви и вражды дѣйствительности. Эта критика хотѣла того отъ Пушкина, чего онъ не могъ дать ей. Его призваніе былъ міръ чисто художественной дѣятельности, далекой отъ всего временнаго. Для него этотъ міръ былъ страною свѣтлою и спокойною, небомъ, не возмущаемымъ никакими земными порывами и наполненнымъ образами, возникавшими только въ душѣ поэта. Онъ говоритъ о себѣ подобныхъ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья —
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

И постепенно уходилъ Пушкинъ отъ міра, постепенно уединялся онъ въ свѣтлую область поэзіи. Твердъ, спокоенъ и угрюмъ, стоялъ онъ передъ голосомъ общественнаго мнѣнія, передъ голосомъ критики, не дорожа любовью народной и съ презрѣніемъ смотря на судъ толпы:

Ты царь: живи одинъ, —

говоритъ онъ поэту, —

Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за *подвигъ благородный*,
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Это исключительное преслѣдованіе цѣлей чисто художническихъ и совершенное отчужденіе отъ міра дѣйствительности, это стремленіе очистить храмъ искусства отъ торжниковъ, случайно поселившихся въ немъ, является во всей дѣятельности Пушкина и особенно слышно въ его полемическихъ статьяхъ, написанныхъ съ рѣдкой и ядовитой ироніей. На основаніи этого стремленія художественности и постепеннаго освобожденія отъ цѣпей внѣшнихъ, мы можемъ всю поэтическую дѣятельность Пушкина раздѣлить на три періода, согласные съ событіями его жизни и развитіемъ таланта. Первый періодъ поэтической дѣятельности его, который можно назвать лицейскимъ, заключаетъ въ себѣ его первые шаги въ поэзіи, состоящіе частью изъ подражаній, частью представляющіе первыя робкія, но самостоятельныя попытки. Этотъ періодъ оканчивается появленіемъ „Руслана и Людмилы“. Слѣдующій за тѣмъ есть періодъ странствованія Пушкина по Россіи и уединенной жизни въ деревнѣ, — періодъ, когда зрѣлъ его талантъ и приготовлялся къ возвышеннымъ подвигамъ творчества, освобождаясь изъ-подъ могучаго вліянія Байрона, но волнуясь еще волненіями житейскими и сочувствуя скорбямъ и радостямъ дѣй-

ствительности. Третій періодъ представляетъ намъ полное развитіе Пушкина, какъ художника, полную свободу и самостоятельность поэта и можетъ быть названъ *сознательно-художественнымъ*. Здѣсь онъ исключительный жрецъ искусства, чуждый всему земному и живущій въ отдаленной и высокой сферѣ своихъ созданій. Эти періоды не нами придуманы, но въ нихъ легче обозрѣть жизнь и дѣятельность поэта, а потому они необходимы. Въ послѣдній періодъ творчества и совершеннаго освобожденія отъ внѣшнихъ цѣлей, Пушкинъ дошелъ даже до глубокаго и холоднаго эгоизма, до котораго можетъ только дойти художникъ, постоянно живущій съ образами и созданіями своей фантазіи, а не съ людьми. Освобождая себя, какъ художника, отъ всѣхъ разнообразныхъ цѣлей въ жизни, въ которыхъ благородный человѣкъ видитъ и мысль и правду, выражаясь презрительно о заботахъ современниковъ:

Все это, видите ль, *слова, слова, слова,*

Пушкинъ очерчиваетъ волшебный кругъ около художника. Ему бъ хотѣлось не давать никому и ни въ чемъ отчета и служить только и угождать самому себѣ,

По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественной природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! Вотъ права!

Таковъ Пушкинъ во всей наготѣ своего холоднаго художническаго эгоизма, презирающій все то, за что другіе борются и проливаютъ кровь и слезы. Но не бросимъ же камень осужденія въ великаго поэта нашего за его исключительное служеніе искусству и одному только искусству. Этотъ эгоизмъ великаго художника и понятенъ и простителенъ вмѣстѣ. Искусство есть одно изъ высшихъ проявленій человѣческаго духа; оно имѣетъ свои законы и свои условія. И вопросъ еще въ томъ, можетъ ли искусство служить страстямъ и волненіямъ міра дѣйствительнаго? можетъ ли оно и должно ли спускаться съ свѣтлаго неба своего въ земную область страданій? Выставляя такія требованія, будемъ ли мы справедливы? Въ наше время, какъ я сказалъ уже, много критиковъ вооружаются противъ исключительной художественности въ созданіяхъ поэзіи; они хотятъ отъ нея служенія общему дѣлу развитія. Но не станемъ забывать, что поэзія, какъ и другія искусства, принадлежитъ къ особенному кругу созданій человѣческаго духа. Въ искусствѣ истина выражается не прямымъ языкомъ: она закрываетъ мысль свою въ чувственную форму и только сквозь нея говоритъ духу. А чувственная форма подчинена всѣмъ условіямъ чувственности и есть низшая форма сознанія. И въ ней можно преподавать уроки, но есть высшій способъ, и этотъ способъ есть мышленіе. Искусство можетъ служить конечнымъ цѣлямъ, но оно

должно остаться самимъ собою. Такъ и поэзія, и въ настоящее время разнообразныхъ стремленій, должна, кажется, остаться только въ художественной сферѣ, и если мысль поэта близко сочувствуетъ настоящему, то возблагодаримъ его за эту теплую любовь къ намъ, но не осудимъ другого поэта, который весь отдается отторгнутымъ отъ земли и свободнымъ образамъ своего вдохновенія. Намъ кажется, что близкое отношеніе къ современности не въ состояніи выработать великаго поэта. Мы знаемъ изъ исторіи поэзіи, какъ недолговѣчны и эфемерны тѣ созданія ея, которыя вырастаютъ на современной почвѣ, подъ вліяніемъ быстро идущихъ другъ за другомъ событій и волненій дѣйствительности. Они походятъ на весенніе цвѣты, отлетающіе съ первымъ вѣтромъ осени. Придетъ другая весна, вновь заговоритъ вѣчная, неумолкающая жизнь природы, и между блестящими новыми формами увидимъ ли мы старыя? А между тѣмъ — вѣковой дубъ гордо шумитъ могучими листьями, чуждый той мимолетной жизни, которая кипитъ и мятется вокругъ него. Не онъ ли типъ прочности и вѣчной силы природы? Такъ и созданія поэта, уединенно зрѣющія вдали отъ бурь современности, остаются вѣчными образцами. Къ созерцанію ихъ прекрасныхъ, долговѣчныхъ формъ улетаетъ душа, измученная скорбями житейскими; она видитъ въ нихъ залогъ грядущаго бытія, величественное свидѣтельство безсмертія духа. Благо же великому поэту, умѣвшему создать намъ очарованный міръ искусства, гдѣ все свѣтло и отрадно, гдѣ царитъ неземная и не возмущаемая страстью красота. Его образцы, далекіе, но прекрасные, всегда подымутъ, согрѣютъ и оживятъ душу. Безъ наслажденія искусствомъ темна и печальна жизнь.

Поэзія Пушкина не умретъ, пока будетъ существовать русскій языкъ и русская литература. Его могучій геній говоритъ намъ объ этомъ безсмертіи въ потомствѣ русскаго народа. Его созданія, проникнутыя геніемъ народности и художественности, воспитанныя силою уединеннаго творчества, долго будутъ образцами для многихъ поколѣній русскихъ поэтовъ. Пройдутъ года, но волшебные звуки, лелѣявшіе слухъ нашъ, будутъ звучать и для отдаленныхъ потомковъ съ тою же возбуждающею силою, съ какою раздаются они для насъ. Имъ суждена долговѣчная жизнь, и къ памятнику поэта, по его собственному выраженію, „не зарастетъ народная тропа". Но духъ народа живетъ также могущественною жизнью, и вѣчно бьетъ въ груди его ключъ живыхъ и свѣжихъ силъ. Русскимъ сердцемъ мы вѣримъ въ великую будущность нашего отечества, мы вѣримъ, что будетъ еще много поэтовъ на нашей великой землѣ, что она даетъ содержаніе и силы для многихъ возвышенныхъ созданій вдохновенія. И нынѣ, посреди страшныхъ испытаній, посланныхъ намъ неисповѣдимою волею Провидѣнія, посреди смутъ потрясеннаго міра, посреди этихъ могучихъ событій современности, приготовленныхъ цѣлыми вѣками предшествовавшей исторіи, когда голосъ поэта долженъ смолкнуть предъ громами брани, мы вѣримъ сознательно въ возможность и величіе грядущихъ явленій

русской поэзіи. Бурныя времена браней и тяжелыхъ народныхъ испытаній вмѣстѣ съ тѣмъ были всегда временами скрѣпленія и развитія народныхъ силъ. Великодушный порывъ русскаго народа могъ явиться только въ славную войну Двѣнадцатаго года, и за нею слѣдовала блестящая эпоха внутренняго развитія государственныхъ и народныхъ силъ, и за нею только могла явиться поэзія Пушкина. Сколько великихъ поэтовъ являлось вслѣдъ за бурными временами, записанными исторіей! Поэмы Гомера возникли во время броженія національной жизни Греціи, геній Данта окрѣпъ и выросъ посреди нестройнаго міра среднихъ вѣковъ, Мильтонъ и Шекспиръ слѣдовали за пуританскими волненіями въ Англіи. Кто знаетъ, можетъ-быть, и теперь, въ виду кровавой войны, гдѣ-нибудь въ уединенномъ углу нашего необъятнаго отечества, тихо зрѣетъ и развивается поэтъ будущаго величія Россіи, будущей славы нашей, за которую порукой силы народныя. Пушкинъ былъ поэтомъ минувшаго царствованія, и вмѣстѣ съ началомъ его возмужалъ и талантъ его. *Буличъ.*

Значеніе Пушкина въ исторіи литературнаго языка.

Литературный языкъ, какъ извѣстно, представляетъ двѣ главныя формы рѣчи: *прозаическую* и *стихотворную.* Пушкинъ и въ той и въ другой оказалъ литературному языку поистинѣ великія услуги относительно изящества. Правда, были и до Пушкина такіе писатели, которые заботились объ изяществѣ рѣчи и своими произведеніями имѣли благотворное вліяніе на языкъ въ этомъ отношеніи. Припомнимъ Карамзина, Жуковскаго и Батюшкова. Такъ, со времени литературной дѣятельности Карамзина *для прозы* стали обязательными качества изящной рѣчи, плавность и благозвучіе, или то, что онъ называлъ французскимъ словомъ élégance, которое переводилось по-русски выраженіемъ „пріятность слога"; а благодаря произведеніямъ Жуковскаго и Батюшкова *для стиховъ* стали обязательными музыкальность и пластичность. Словомъ, и до Пушкина литературный языкъ со сторны изящества формъ представляется значительно обработаннымъ другими писателями. Однако, сравнивъ языкъ произведеній Пушкина съ языкомъ произведеній вышепоименованныхъ писателей, ясно видимъ превосходство перваго надъ послѣднимъ. Вникнувъ глубже въ различіе ихъ достоинствъ, мы приходимъ къ заключенію, что изящество какъ прозаической, такъ и стихотворной рѣчи до Пушкина было въ сущности внѣшнимъ: оно касалось, главнымъ образомъ, звуковой стороны языка, формы литературныхъ выраженій. Пушкинъ не могъ не замѣтить этой односторонности. Онъ видѣлъ, что такъ называемая „пріятность слога" въ прозѣ удобно переходила подъ перомъ своихъ усердныхъ ревнителей въ изысканность, вычурность и притворность рѣчи, а музыкальность и пластичность стиховъ легко выражалась, съ одной стороны, въ пріятное для уха ритмическое

пустозвонство, съ другой — въ фантастическую небывальщину картинъ и образовъ. Онъ ясно понималъ, что все это есть слѣдствіе разобщенности формы отъ содержанія. Для него, какъ для художника, изящество внѣшней формы словеснаго произведенія представлялось неразрывнымъ съ внутреннимъ его содержаніемъ: одно взаимно обусловливалось другимъ, потому что только при этомъ условіи возможно изящество литературнаго языка, какъ нѣчто дѣйствительное, прочное и поставленное внѣ опасности принять ложное направленіе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Согласно съ этимъ Пушкинъ и основалъ изящество литературнаго языка въ своихъ произведеніяхъ на такихъ его качествахъ, которыя вытекаютъ изъ самой сущности или природы главнѣйшихъ формъ рѣчи прозаической и стихотворной при условіи полнаго соотвѣтствія между внѣшнимъ выраженіемъ и внутреннимъ его содержаніемъ, и такимъ образомъ внесъ въ изящество рѣчи *начало художественности.*

Проза есть естественная форма; естественно же говоритъ человѣкъ, когда ему есть, что сказать, а говоря старается выразиться такъ, чтобы его вполнѣ поняли. Вотъ и всѣ условія естественной рѣчи. Они, какъ мы видимъ, чрезвычайно просты, но и чрезвычайно важны. На нихъ-то исключительно и основываются тѣ существенныя качества прозы, которыми обусловливается изящество литературныхъ произведеній. Такими качествами являются: для *содержанія* произведеній — *богатство* и *занимательность* мыслей, для *выраженія* ихъ — *точность* и *чистота* или, какъ говоритъ Пушкинъ, *опрятность* языка, которую составляютъ слѣдующія качества: грамматическая правильность, логическая послѣдовательность, стилистическая ровность, а также и художественная стройность, то-есть соразмѣрность частей произведенія между собою и съ цѣлымъ. Когда эти внутреннія и внѣшнія качества находятся въ тѣсной, неразрывной связи между собою, когда одни изъ нихъ взаимно обусловливаются другими, тогда изящество прозаической формы рѣчи становится художественнымъ; но въ основаніи его, какъ видимъ, лежитъ *начало художественной простоты.* Ей-то и училъ Пушкинъ, какъ художникъ, въ своихъ письмахъ, замѣткахъ и произведеніяхъ, писанныхъ прозою. Такъ, изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому (отъ 13 іюля 1825 года) мы видимъ, что Пушкинъ смотрѣлъ на *прозу, какъ на языкъ мыслей.* Въ черновомъ отрывкѣ его „О слогѣ" (1822 года) читаемъ: „что сказать о нашихъ писателяхъ, которые, почитая за низость изъяснять просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ *дружба*, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать *рано поутру*, а они пишутъ: едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба. Какъ это все ново и свѣжо! Развѣ оно лучше потому только, что длиннѣе?...

„*Точность и опрятность* — вотъ первыя достоинства прозы. *Она требуетъ мыслей и мыслей;* блестящія выраженія ни къ чему не слу-

жать; стихи — дѣло другое („впрочемъ, и въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей гораздо позначительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно; съ воспоминаніями и протекшей юности литература наша далеко не подвинется“).

Положивъ въ основаніе изящества прозаическаго языка *начало художественной простоты*, Пушкинъ далъ прозѣ надлежащее направленіе для дальнѣйшаго ея развитія. Послѣ него увлекаться пріятностью слова или внѣшнею элегантностью рѣчи, какъ это было почти обязательнымъ послѣ Карамзина, стало дѣломъ непригоднымъ для всякаго даровитаго писателя. Но, будучи виновникомъ такого плодотворнаго начала для прозаической формы литературнаго языка, Пушкинъ чувствовалъ себя въ ней гораздо слабѣе, относительно правильности языка, чѣмъ въ стихотворной. Въ своихъ „Критическихъ замѣткахъ“ (1830—1831 года) онъ писалъ о себѣ слѣдующее: „Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. *Прозой пишу я гораздо неправильнѣе*, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь“ (V, 135). И дѣйствительно, гораздо легче отыскать нѣкоторыя неправильности въ языкѣ произведеній Пушкина, написанныхъ прозою, чѣмъ въ его стихотвореніяхъ. Приведу два-три примѣра. Въ повѣсти „Арапъ Петра Великаго“ (1827 года) читаемъ: „Въ присутствіи Ибрагима графиня слѣдовала (вм. слѣдила) за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи“ (IV, 4). Или: „Я конечно, собою не дуренъ (говоритъ Корсаковъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти), но случалось, однакожъ, мнѣ обманывать мужей, которые были, ей Богу ничѣмъ не хуже моего“ (вм. меня) (IV, 26). Отмѣтимъ слѣдующій полонизмъ, употребленный Пушкинымъ въ письмѣ къ князю Н. Г. Репнину (11 февраля 1836 года): „Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью есмь, милостивый государь, вашего сіятельства *покорнѣйшимъ слугою* Александръ Пушкинъ“ (VII, 394). Два другіе подобные же полонизма встрѣчаются въ черновыхъ его бумагахъ (IV, 108—399). Болѣе замѣчательны тѣ выраженія, которыхъ ошибочность въ прозаической рѣчи представляются плодомъ поэтическаго настроенія души ихъ автора. Сюда можно отнести употребленіе нѣкоторыхъ эпитетовъ въ родѣ, напримѣръ, эпитета *дѣятельный* къ слову *ложка* въ выраженіи: „звонъ тарелокъ и *дѣятельныхъ ложекъ* возмущалъ одинъ общее безмолвіе“ (IV, 17); или употребленіе отвлеченныхъ именъ существительныхъ вмѣсто одушевленныхъ предметовъ и лицъ, напримѣръ: „литература, ученость, философія оставляли тихій кабинетъ и являлись въ кругу большого свѣта угождать модѣ, управляя ея мнѣніемъ“ (IV, 2). Это напоминаетъ, съ одной стороны, стихи Пушкина „Къ портрету Жуковскаго“:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,

съ другой — древнее употребленіе словъ „знаніе“, „рожденіе“ вмѣсто „знакомые“, „родственники“. Слово „склоненіе“ Пушкинъ употреблялъ вмѣсто „склонъ“; напримѣръ: „бульваръ, обсаженный липками, проведенъ *по склоненію Машука*“ (IV, 416) или: „я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ опускаться *по отлогому склоненію горы* къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи“ (VI, 430); или еще: „проѣхавъ ущелье, вдругъ увидали мы *на склоненіи противоположной горы* до двухсотъ казаковъ“ и т. д. (IV, 447). Слово „сознаніе“ Пушкинъ смѣшивалъ въ употребленіи со словомъ „признаніе“!... „А если *сознанія*, требуемыя г. Полевымъ, — писалъ онъ, — и заслуживаютъ какое-нибудь уваженіе, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ поэтическаго старца“ (V, 65). Весьма возможно, впрочемъ, что слова эти въ его время употреблялись именно такъ, какъ у Пушкина. Подобныхъ промаховъ и неправильностей языка можно указать не мало въ его прозѣ, но всѣ они совершенно ничтожны передъ тѣми высокими достоинствами, которыми отличается она вообще по языку и содержанію.

Обратимся теперь къ стихотворной формѣ литературнаго языка и посмотримъ, что̀ сдѣлалъ Пушкинъ въ этой области.

Мы видѣли, что Пушкинъ, опредѣляя главныя качества прозы, сказалъ: „Проза требуетъ мыслей и мыслей; *блестящія выраженія ни къ чему не служатъ; стихи — дѣло другое* (впрочемъ, и въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей позначительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно и т. д.)“. Въ романѣ, характеризуя Онѣгина и Ленскаго, онъ выражаетъ ихъ различіе посредствомъ слѣдующихъ сравненій:

Волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой (III, 266).

Итакъ, стихи — дѣло другое, а не то же, что проза: въ нихъ блестящія выраженія умѣстны: въ прозѣ нѣтъ. Постараемся, по возможности, выяснить это положеніе.

Проза есть, такъ сказать, словесная необходимость, стихи же — словесная роскошь. Въ стихотвореніи (1821 года) „Къ моей чернильницѣ“ Пушкинъ называетъ стихи затѣями:

Наперсница моя!
. . . .
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи
И дактиль и хореи
Для прозы почтовой (I, 245).

Въ самомъ дѣлѣ, *проза* есть обыкновенная, *естественная* форма рѣчи; *стихи* — необыкновенная *искусственная*. Прозою выражется умственная дѣятельность, свойственная всѣмъ людямъ; стихами выражается только творческая дѣятельность или фантазія, врожденная лишь нѣкоторымъ людямъ. Существеннымъ содержаніемъ прозы служатъ *мысли*, а существеннымъ содержаніемъ стиховъ служатъ *вымыслы;*

поэтому стихи суть по преимуществу языкъ поэзіи. Если прозаическая рѣчь, какъ языкъ мыслей, должна отличаться *точностью* и *опрятностью* выраженій, какъ говоритъ Пушкинъ, то стихотворная рѣчь, какъ языкъ вымысловъ, языкъ поэзіи, должна отличаться, *роскошью блескомъ словесной формы* какъ по звукамъ, такъ и по содержанію. Стихи — это языкъ, употребляемый поэтомъ въ минуты вдохновенія, на пиру своего воображенія и поражающій нежданнымъ стеченіемъ звуковъ и словъ, остротою шутки и странностью созвучій. Такъ говоритъ Пушкинъ:

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!
. . . .
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ,
И музу призывалъ
На пиръ воображенья.
. . . .
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То (тутъ же) слогъ суровый,
То странность риѳмы новой,
Неслыханной дотоль (I, 243—244).

Въ другомъ, болѣе позднемъ произведеніи Пушкина „Египетскія ночи“ (1835 года) мы находимъ подобное же опредѣленіе стиховъ въ слѣдующихъ словахъ: „Однажды утромъ Чарскій чувствовалъ то благодатное расположеніе духа, когда мечтанія явственно рисуются передъ вами, и вы обрѣтаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія видѣній вашихъ, когда стихи ложатся подъ перо ваше, и звучныя риѳмы бѣгутъ навстрѣчу стройной мысли“ (V, 389).

Существеннымъ признакомъ или качествомъ стиховъ, какъ языка поэзіи, отличающагося блескомъ формы и содержанія отъ прозы, служитъ такъ называемая *смѣлость выраженій*. Въ бумагахъ Пушкина сохранилась одна замѣтка, относящаяся къ 1827 году, въ которой онъ говоритъ о *смѣлости выраженій* и различаетъ въ ней двѣ степени: *низшую и высшую*. Такъ какъ эта замѣтка не велика, а между тѣмъ имѣетъ весьма важное значеніе для нашего вопроса, то я позволю себѣ привести ее здѣсь вполнѣ. Онъ говоритъ: „Есть различная смѣлость: Державинъ написалъ: „былъ на высотѣ... Счастіе къ тебѣ хребетъ свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло... ты видишь; видишь, какъ мечты, сіянье вкругъ тебя заснуло“. Жуковскій говоритъ о Богѣ:

Онъ въ дымъ могилъ Себя облекъ.

„Мы находимъ эти выраженія смѣлыми. Крыловъ говоритъ о храбромъ мужикѣ:

Онъ даже хаживалъ одинъ на паука.

„Французы донынѣ еще удивляются смѣлости Расина, употребившаго слово pavé, помостъ:

En voyant l'étranger d'un pied silencieux
Fouler avec respect le pavé de ces lieux.

„И Делиль гордится тѣмъ, что онъ употребилъ слово vache. Жалка словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критикѣ. Жалка участь поэтовъ (какого бы достоинства они, впрочемъ, ни были), если они принуждены славиться позабытыми побѣдами надъ предразсудками вкуса.

„Описаніе водопада:

„Алмазна сыплется гора
Съ высотъ“ и пр.

есть *высшая смѣлость* — смѣлость воображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлется творческою мыслію; такова смѣлость Шекспира, Dante, Milton, Гёте въ „Фаустѣ“, Мольера въ „Тартюфѣ“, Фонвизина въ „Недорослѣ“.

„Кальдеронъ называлъ молнію огненными языками небесъ, глаголющихъ землѣ. Мильтонъ говоритъ, что адское пламя давало только различить вѣчную тьму преисподней“ (V, 60—61).

Отсюда видно, что Пушкинъ признавалъ въ поэтическомъ языкѣ двоякую смѣлость: *низшую*, состоящую въ удачномъ употребленіи словъ, пожалуй, формъ, не принятыхъ въ обществѣ, и *высшую* основанную на творческой смѣлости воображенія, состоящую въ употребленіи, такихъ метафорическихъ выраженій, которыми обозначаются образы чего-либо обширнаго, великаго и пр. Произведенія Пушкина представляютъ большое богатство примѣровъ той и другой смѣлости выраженій. Къ первой, или низшей, могутъ быть отнесены всѣ случаи употребленія словъ и формъ, заимствованныхъ изъ книжной славянской и устной простонародной рѣчи, а также и словъ, составленныхъ самимъ поэтомъ, каковы, напримѣръ: непробудный (сонъ) (II, 17), праздномыслить (II, 116), утѣснительный (санъ) (III, 393), проворье (III, 452), увѣрчивость (=убѣдительность) (III, 577), вольнодуміе (V, 38), вольномысліе (V, 40), безнравствіе (V, 45), неблагосклонствовать (V, 94), дамоподобный (V, 109), простомысліе (V, 116), цапцарапствовать (V, 122), противомысліе (V, 144), чтеньебѣсіе (VII, 118), аристократичествовать (V, 134), распечатный („я жду „Полярной Звѣзды“ въ надеждѣ видѣть тебя распечатнаго“ — VII, 64), хандрливъ (VII, 242), подуруша (VII, 370) и др. Ко второй, или высшей, смѣлости относятся разнаго рода метафорическія выраженія. Эта послѣдняя смѣлость въ стихахъ Пушкина была замѣчена довольно рано. Еще въ 1818 году, по поводу посланія его къ Жуковскому (на изданіе книжекъ „Для немногихъ“), заключавшаго въ себѣ стихъ:

Онъ (то-есть поэтъ) духомъ тамъ, въ дыму столѣтій,

князь Вяземскій писалъ изъ Варшавы (25 апрѣля 1818 года) къ Жуковскому слѣдующее: „Стихи чертенка-племянника чудесно хороши. *Въ дыму столѣтій!* Это выраженіе — городъ. Я все отдалъ бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестія! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ, не то этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ

заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ. Знаешь ли, что Державинъ испугался бы *дыма столѣтій?* О прочихъ и говорить нечего“ (I, 194). Подобныхъ выраженій-городовъ въ стихахъ Пушкина не мало. Къ нимъ можно отнести, напримѣръ, слѣдующія: пиръ воображенья (I, 310), пустыня міра (I, 348), морей пожаръ (II, 76), риза бурь (III, 225), дождь страстей (III, 394) и т. п. Но не въ нихъ и не въ смѣлости вообщѐ поэтическаго языка заключается та сила и то изящество, которыя исключительно свойственны стихамъ Пушкина. Смѣлые эпитеты, метафоры, сравненія, образы встрѣчаются у всѣхъ поэтовъ, и въ этомъ отношеніи, безспорно, первое мѣсто принадлежитъ Державину. У кого другого можно найти выраженіе смѣлѣе, напримѣръ, его стиха:

Глотаетъ царства алчна смерть!

или слѣдующаго изображенія Суворова:

Вихрь полунощный, летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.

Ступитъ на горы — горы трещатъ,
Ляжетъ на воды — воды кипятъ,
Граду коснется — градъ упадетъ,
Башни рукою за облакъ бросаетъ.

Но эта смѣлость, основанная на преувеличеніи, хотя поражаетъ воображеніе читателя, однако не удовлетворяетъ его эстетическаго чувства: оно отзывается ложью и бьетъ всегда мимо цѣли, мимо того, что выражаетъ. Такъ, смѣлость выраженій въ стихахъ, изображающихъ Суворова, рисуетъ читателю образъ какого-то сказочнаго, миѳическаго богатыря, а вовсе не образъ дѣйствительнаго Суворова, нашего русскаго героя; а стихъ „Глотаетъ царства алчна смерть“ вмѣсто чувства ужаса способенъ своимъ гиперболизмомъ вызвать въ умѣ читателя такой вопросъ: „и неужели ни однимъ даже не поперхнется?...“ Не такова смѣлость выраженій въ стихахъ Пушкина, существеннымъ признакомъ которой служитъ *художественность*. Она у него не переступаетъ той мѣры, которая требуется, съ одной стороны, чувствомъ красоты по отношенію къ формѣ, а съ другой — чувствомъ правды по отношенію къ содержанію того, что выражается. Такъ, напримѣръ, смѣлость выраженія въ стихѣ Пушкина, относящемся къ Петру Великому въ Полтавскомъ сраженіи:

Онъ поле пожиралъ очами,

вполнѣ художественна, потому что она, съ одной стороны, прекрасно рисуетъ самый образъ взора Петра, невольно вызывая представленіе о необычайной подвижности очей его и необычайномъ блескѣ ихъ, а съ другой — вѣрно выражаетъ то состояніе души его, ту энергію его вниманія, которыя требовались величіемъ происходящаго передъ нимъ событія. Въ стихахъ, рисующихъ намъ образъ Петра, нѣтъ ни одного выраженія, которое отзывалось бы гиперболизмомъ, подобнымъ гиперболизму стиховъ Державина, рисующихъ образъ Суворова: а между тѣмъ величіе Петра изображено въ нихъ, можно сказать восхитительно-прекрасно.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гла́съ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ.
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ (III, 142).

Читая эти стихи, мы чувствуемъ, ощущаемъ, такъ сказать, всю правду того, что изображаетъ намъ поэтъ-художникъ: мы какъ бы видимъ передъ собою дѣйствительнаго Петра, могущественнаго, вдохновеннаго, и какъ бы собственными глазами слѣдимъ за его движеніями, быстроту и энергію которыхъ Пушкинъ выразилъ лишь краткость предложеній. Подобною же художественностью отличаются эпитеты, метафоры и сравненія: эпитеты у него — мѣтки и содержательны, метафоры — картинны, сравненія — вѣрны, и всѣ они служатъ къ тому, чтобы выразить чувство, мысль, дѣйствіе, явленіе, предметъ, лицо, событіе въ такой формѣ, въ которой все это представляется читателю живымъ и вѣрнымъ дѣйствительности, возбуждая въ душѣ его чувство, соотвѣтствующее своему содержанію. Здѣсь не время и не мѣсто входить мнѣ въ подробный разборъ всего поэтическаго языка Пушкина: я позволю себѣ привести лишь два-три примѣра для наглядности своей мысли. *Эпитетъ*, напримѣръ, „блистательный“ къ слову „позоръ“ въ слѣдующихъ стихахъ изъ оды „Наполеонъ“.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой *блистательный позоръ* (I, 252)

чрезвычайно мѣтко и необыкновенно содержательно характеризуетъ ближайшій результатъ революціоннаго движенія Франціи, подпавшей подъ власть Наполеона I.

Метафора, выражающая пробужденіе природы весною, въ слѣдующихъ стихахъ:

Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года (III, 358)

поражаетъ картинностью и граціей образа. Приведу еще одинъ примѣръ *сравненія* въ слѣдующемъ небольшомъ стихотвореніи:

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокій,
И жду: придетъ ли мой конецъ?
Такъ, позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ (II, 238).

Какъ вѣрно здѣсь образъ одинокаго листа на вѣткѣ, трепещущаго отъ поздняго осенняго вѣтра и готоваго каждый мигъ упасть съ дерева, выражатъ чувство печальнаго одиночества поэта, пережившаго свои желанія и разлюбившаго свои мечты! Такова художествен-

ная смѣлость выраженій въ стихахъ Пушкина. Подъ его перомъ стихи впервые возвысились на ту ступень изящества, на которой они являются уже настолько же естественнымъ, легкимъ и свободнымъ, настолько реально-правдивымъ и живымъ выраженіемъ поэтической красоты и правды явленій міра внутренняго и внѣшняго. Въ нихъ чувства, мысли, лица, дѣйствія, картины природы, времена года, словомъ, что только служитъ ихъ содержаніемъ, полно жизни, движенія, граціи и правды. Стихи Пушкина — это новый, созданный имъ языкъ самой жизни и природы въ своей изящной формѣ. Пушкинъ справедливо сказалъ о себѣ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ.

Правъ и Жуковскій, замѣнившій стихъ Пушкина:

Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу.

стихомъ:

Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ.

Остается отмѣтить еще одну черту поэтическаго языка Пушкина, важную въ томъ отношеніи, что она характеризуетъ взглядъ его на народность въ языкѣ, какъ поэта-художника. Черта эта состоитъ въ отсутствіи у Пушкина того намѣреннаго искаженія языка, которое, по мнѣнію другихъ писателей, считается необходимымъ въ томъ случаѣ, когда выводятся въ произведеніи лица, принадлежащія иной національности, или такого класса русскаго народа, который отличается по языку особымъ говоромъ и исключительными выраженіями. Такъ въ повѣсти „Капитанская дочка“ Пушкинъ сначала заставилъ было генерала-нѣмца говорить по-русски съ нѣмецкимъ выговоромъ, но не выдержалъ, и въ концѣ своей непродолжительной бесѣды съ Гриневымъ генералъ-нѣмецъ заговорилъ у него на правильномъ русскомъ языкѣ. Въ драмѣ „Скупой рыцарь“ жидъ выражается у Пушкина чистымъ русскимъ языкомъ. Въ трагедіи „Борисъ Годуновъ“ французъ Маржеретъ и нѣмецъ Розенъ преимущественно говорятъ каждый на своемъ языкѣ, а не на русскомъ. Въ народныхъ сценахъ этой трагедіи и даже въ произведеніяхъ исключительно простонароднаго характера, изобилующихъ реченіями и оборотами простонароднаго языка, мы не замѣчаемъ тѣхъ особенностей, которыми обозначается исключительность говора какого-либо сословія, или лица. Ясно, что Пушкинъ всегда и вездѣ имѣлъ въ виду существенную сторону содержанія премета и отбрасывалъ мелочи. Не въ личномъ выговорѣ словъ и не въ исключительныхъ особенностяхъ языка того или другого класса людей онъ видѣлъ сущность дѣла, а въ правахъ, обычаяхъ въ складѣ и образѣ мыслей и проч. Вотъ, напримѣръ, стихи Пушкина (1833 года), которые по содержанію своему представляютъ произведеніе вполнѣ простонароднаго характера:

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку, съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно:
Ужъ какъ хочешь, будь, что будь —
Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ нужно:
Поминать такъ поминать,
Начинать такъ начинать,
Лить такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай же, сватъ, пора!
Трехъ Матренъ, Луку, Петра
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогами да виномъ,
Да еще ее помянемъ —
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!
Слушать, такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы и не ѣлъ,
Все бы слушалъ да глядѣлъ,
Стариковъ когда-нибудь
(Жаль, теперь намъ недосужно)
Надо будетъ помянуть:
Помянуть и этихъ нужно...
Слушай, сватъ: начну первой,
Сказка будетъ за тобой (II, 149—150).

Какое прекрасное произведеніе! Сколько въ немъ живой правды! Какъ мастерски умѣлъ Пушкинъ сочетать грубость понятій простого человѣка съ благородными качествами его русской души: широтою чувства и смысломъ поэзіи!... Такъ Пушкинъ охарактеризировалъ въ этомъ произведеніи нашу русскую простонародность! А какой языкъ! При многихъ, чисто русскихъ народныхъ оборотахъ рѣчи, при чисто русскомъ простонародномъ складѣ изложеній мыслей и чувствъ Пушкинъ не допустилъ ни одного намѣреннаго искаженія формы; онъ не замѣнилъ даже слова „непремѣнно“ обыкновенно употребительною въ просторѣчіи формою „безпремѣнно“, и мѣстоименія „этихъ“ формою „евтихъ“ или „ентихъ“ и т. п. Очевидно, что всякое лишнее искаженіе русскаго языка и общихъ типическихъ формъ простонародной рѣчи было противно его чувству художника, соблюдающаго во всемъ извѣстную мѣру.

Итакъ, значеніе Пушкина въ исторіи нашего литературнаго языка такъ же, какъ и въ исторіи литературы, опредѣляется, главнымъ образомъ, дѣятельностью его какъ поэта-художника. Ею, между прочимъ, объясняется и несомнѣнное превосходство Пушкина надъ предшествовавшими ему дѣятелями въ исторіи языка — Ломоносовымъ и Карамзинымъ.

Ломоносовъ дѣйствовалъ, какъ *ученый*. Заслуга его по отношенію къ литературному языку состояла въ томъ, что онъ вѣрно опредѣлилъ главные его источники, именно, языки: книжный славянскій и устный русскій народный. Карамзинъ дѣйствовалъ какъ *литераторъ*. Заслуга его состояла въ томъ, что онъ сблизилъ литературный языкъ съ устнымъ, разговорнымъ языкомъ образованнаго общества. Пушкинъ дѣйствовалъ, какъ *поэтъ-художникъ*. Заслуга его въ томъ, что онъ далъ прочное основаніе для правильнаго и успѣшнаго развитія литературнаго языка, указавъ для прозаической его формы *начало художественной простоты*, а для стихотворной — *начало художественной смѣлости выраженій*. Ломоносовъ сообщилъ литературному языку ха-

рактеръ *схоластическій, кабинетный;* Карамзинъ придалъ ему характеръ общественный, характеръ изящной рѣчи, такъ сказать, салонный; Пушкинъ же далъ литературному языку характеръ *художественно-народный,* сдѣлавъ въ своихъ произведеніяхъ красоты родного языка доступными для каждаго русскаго человѣка, способнаго чувствовать прекрасное. Такимъ образомъ, онъ вывелъ литературный языкъ изъ спертой атмосферы кабинетовъ и гостиныхъ на чистый воздухъ свѣта Божія, на широкій просторъ русской земли для любованья всему народу-русскому.

Но эта великая заслуга Пушкина по отношенію къ литературному языку составляетъ лишь скромную часть той, которую онъ оказалъ вообще языку русскому. Въ произведеніяхъ Пушкина русскій языкъ впервые нашелъ достойное себя выраженіе и явился во всемъ своемъ величіи. Поэтическій геній Пушкина былъ, можно сказать, другомъ генію русскаго языка. Недаромъ Пушкинъ такъ горячо любилъ русскій языкъ и такъ старательно изучалъ его и въ книгахъ и въ живой устной рѣчи, не только въ кругу людей образованныхъ, подобно Карамзину, но и въ средѣ простого народа, гдѣ русскій языкъ чаще поражалъ его бо́льшею чистотою и правильностью. Нашъ геніальный ученый, Ломоносовъ, въ посвященіи своей Русской Грамматики великому князю Павлу Петровичу сказалъ о русскомъ языкѣ слѣдующее: „Карлъ Пятый, римскій императоръ, говаривалъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, италіянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность италіанскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка“. Нашъ геніальный поэтъ, Пушкинъ, доказалъ справедливость этихъ словъ самымъ дѣломъ, представивъ въ своихъ произведеніяхъ выраженіе всѣхъ вышепоименованныхъ свойствъ русскаго языка съ изумительною точностью и граціею. Въ гармоніи стиховъ Пушкина съ русскимъ языкомъ могла соперничать развѣ только сама природа. Справедливо сказалъ онъ о себѣ:

Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ иль вихорь буйный.
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной (I, 310).

Такъ Пушкинъ своею художественно-поэтическою дѣятельностью завѣщалъ намъ любить родное слово, прилежно изучать его и съ чувствомъ народной гордости сознавать его величіе. *Некрасовъ.*

Пушкинъ — выразитель народнаго духа, отражающагося въ словѣ.

Развитіе литературы тѣсно связывается съ развитіемъ языка. То и другое находится во взаимномъ самодѣйствіи. Безъ развитаго литературнаго языка невозможна высокая степень литературы и, съ другой стороны, безъ развитія литературы не можетъ развиться и языкъ. Вотъ почему мы и наблюдаемъ, что выдающіеся таланты одинаково оставляютъ свой слѣдъ какъ въ приведеніи новыхъ идей, такъ и въ приданіи языку большей степени совершенства. На глазахъ Пушкина шла жестокая борьба по вопросу, какимъ языкомъ надо писать то или другое литературное произведеніе. Ему достался въ наслѣдство языкъ, уже достаточно тронутый Карамзинскими реформами, но предстояло сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы русскій литературный языкъ вполнѣ соотвѣтствовалъ тому богатому содержанію, которое открывалось съ эпохи Пушкина. Въ своемъ стремленіи приблизить письменный языкъ къ разговорному, Карамзинъ, широко пользуясь способомъ изобрѣтенія новыхъ словъ, мало вносилъ въ него элемента чисто народнаго. Пушкинъ восполнилъ эту сторону. Все у него оказывалось, такимъ образомъ, въ связи — и содержаніе и способъ его выраженія. Русскій языкъ, по словамъ Пушкина, гибокъ и мощенъ въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ. Но Пушкинъ хорошо видѣлъ, что еще много предстоитъ работы, — чтобы русскій языкъ получилъ полное право гражданства. „Положимъ — говоритъ онъ — что русская поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія еще по-русски не объяснились: метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ“. Пушкинъ былъ для своего времени правъ, и только лишь съ тридцатыхъ годовъ сталъ у насъ вырабатываться метафизическій языкъ. „Проза наша, продолжаетъ онъ, такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать оборотъ для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, котораго механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны“. Еще передавая письмо Татьяны, поэтъ замѣчаетъ, что „донынѣ гордый нашъ языкъ къ почтовой прозѣ не привыкъ“. Предстояла, слѣдовательно, работа, чтобы нашъ языкъ былъ вполнѣ удобенъ для прозы. Пушкинъ видѣлъ могущественное средство къ тому въ освѣженіи книжнаго языка народными элементами. „Простонародное нарѣчіе“, говоритъ онъ, необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впослѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей“ — положеніе, вполнѣ вѣрное. Не ту ли же судьбу испытала и вся русская литература? Народная поэзія, оторванная отъ просвѣщенныхъ людей и перешедшая къ Аринамъ Родіоновнамъ, въ лицѣ геніальнаго поэта возводится на должную высоту

и своей чистотой и первобытностью освѣжаетъ старое содержаніе. Но геніальный поэтъ былъ чутокъ не только къ содержанію, но и къ формѣ. Разсматривая романъ Загоскина „Юрій Милославскій", Пушкинъ ставитъ ему въ заслугу, что „разговоръ живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ, обличаетъ мастера своего дѣла". Такимъ образомъ, Пушкинъ подмѣчаетъ въ простонародной рѣчи два важныхъ качества — живость и драматичность. Но какъ же можно пользоваться богатствомъ живого народнаго языка? Необходимо самому спуститься въ народъ, необходимо опроститься и послушать рѣчь простолюдина. И вотъ Пушкинъ, дѣйствительно, спускается въ народъ, ходитъ по базарамъ, прислушивается къ говору, и оставляетъ намъ драгоцѣнный совѣтъ: „Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка: критики наши напрасно ими призираютъ". Но не только для критиковъ нужно знаніе свойствъ народнаго языка. „Разговорный языкъ простого народа — замѣчаетъ Пушкинъ, достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій". „Не худо намъ иногда — продолжаетъ онъ — прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ". И Пушкинъ упорно работаетъ надъ языкомъ. Его природныя дарованія и необыкновенное чутье языка всегда полагали опредѣленную границу тому или другому элементу. При полномъ еще отсутствіи понятій о законахъ развитія языка, когда еще и не предчувствовалось существованіе новой науки, опредѣлившей впослѣдствіи принципы жизни языка, Пушкинъ совершенно правильно смотритъ на взаимное отношеніе живого языка къ правиламъ, указываемымъ грамматикой: „Грамматика, — говоритъ онъ, — не предписываетъ законовъ языка, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычаи". Слѣдовательно, сначала идетъ живой языкъ, а потомъ и грамматика — положеніе, въ настоящее время азбучное, но во время Пушкина едва ли общеизвѣстное. Какъ вездѣ, такъ и въ языкѣ въ заимствованіи ли слова изъ лѣтописей, или изъ живого простонароднаго говора, Пушкинъ требовалъ чувство мѣры, а чувство мѣры опредѣляется истиннымъ вкусомъ. „Истинный вкусъ — говоритъ Пушкинъ — состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности. И первый, кто удовлетворилъ вполнѣ всѣмъ указаннымъ условіямъ, былъ самъ Пушкинъ. Необыкновенная сжатость и въ то же время выразительность, мѣткость и точность въ выборѣ словъ, плавныя, но вполнѣ соотвѣтствующія живой русской рѣчи краткія синтактическія формы — все это, соединенное съ безыскуственностью, сдѣлало Пушкина учителемъ русскаго языка для всего послѣдующаго поколѣнія. Не безъ труда достигалъ Пушкинъ такого совершенства въ языкѣ, и его черновыя тетради свидѣтельствуютъ, сколько значенія придавалъ онъ отдѣлкѣ языка своихъ произведеній. Мало того, что онъ находилъ нужнымъ тщательно обрабатывать слогъ своихъ произведеній: ему приходилось, кромѣ того, объяснять критикѣ, почему онъ употребилъ тотъ, а не дру-

гой оборотъ. И здѣсь Пушкинъ выставляетъ то же требованіе, что и относительно содержанія — простоту. Природное чувство изящнаго удерживало Пушкина на вершинѣ простоты, а истинный вкусъ заставлялъ его передѣлывать какъ стихотворенія, такъ и мелкія прозаическія статьи до тѣхъ поръ, пока не выливались тѣ слова и выраженія, которыя удовлетворяли поэтическому чувству поэта. Тѣхъ же качествъ и той же отдѣлки требовалъ Пушкинъ и отъ другихъ. „Да говори просто: ты довольно уменъ для этого“ — восклицаетъ Пушкинъ, встрѣтивъ въ статьѣ Вяземскаго объ Озеровѣ одну пышную фразу. Онъ зачеркиваетъ въ той же статьѣ фразу Вяземскаго „и совсѣмъ поглотила его бездна забвенія“, замѣняетъ ее другой „и совсѣмъ его забыли“ и въ скобкахъ добавляетъ: „проще и лучше“.

Вотъ великая заслуга Пушкина. Его талантъ опередилъ современниковъ. Гораздо раньше научныхъ открытій Пушкинъ вѣрно и твердо опредѣлилъ значеніе языка народнаго. Въ настоящее время наука окончательно признала важное значеніе знакомства съ говоромъ вообще для правильнаго пониманія самаго роста языка. Въ чисто же литературной сферѣ языкъ Пушкина всегда служилъ примѣромъ умѣлаго обращенія съ нимъ. Нашимъ послѣдующимъ писателямъ значительно облегчалась задача: имъ уже не приходилось бороться съ недостатками русскаго языка, когда послѣ Пушкина онъ предсталъ предъ ними въ своемъ выработанномъ изящномъ видѣ. Лучшій нашъ стилистъ-художникъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, говоритъ, что онъ учился русскому языку у Пушкина, послѣдующіе учатся у Тургенева, и такимъ образомъ, между Пушкинымъ и послѣдующимъ поколѣніемъ писателей и въ этомъ отношеніи обнаруживается живая неразрывная связь.

Но слово есть внѣшнее выраженіе внутренняго содержанія, и языкъ есть могущественное средство для человѣка выражать свою внутреннюю индивидуальность. Если, по словамъ Пушкина, „есть образъ мыслей и чувствованій, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу“, то, слѣдовательно, каждый народъ и выражается по своему. Чѣмъ шире содержаніе, тѣмъ разнообразнѣе и богаче языкъ, а чѣмъ талантливѣе писатель, тѣмъ вѣрнѣе соотвѣтствіе между содержаніемъ и выраженіемъ. Если въ поэзіи Пушкина русская народность впервые явилась съ наибольшей рельефностью, то и самый языкъ его поэзіи наглядно обнаруживаетъ, какъ выражаетъ свои думы и чувствованія русскій человѣкъ. Послѣдующая плеяда писателей, расширяя содержаніе литературы, расширила и область чувствъ и думъ русскаго человѣка, но это расширеніе въ его внѣшнемъ выраженіи покоилось, какъ на твердомъ базисѣ, на поэзіи Пушкина, являвшей народность не только въ содержаніи, но и въ способахъ его выраженія. Пушкинъ, слѣдовательно, есть, по преимуществу, выразитель народнаго духа, отражающагося въ словѣ.

Истринъ.

Славянскій элементъ въ языкѣ Пушкина.

Церковно-славянскія слова, изрѣдка формы и выраженія, встрѣчаются больше въ стихотворныхъ произведеніяхъ и притомъ такихъ, которыя отличаются торжественнымъ характеромъ, напримѣръ, въ одахъ. Славянизмы чаще въ стихотвореніяхъ ранняго времени и очень рѣдки въ произведеніяхъ, писанныхъ въ послѣднюю пору поэтической дѣятельности Пушкина. На появленіи ихъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ несомнѣнно отражаются слѣды трехъ стилей. Впрочемъ, даже въ самыхъ начальныхъ произведеніяхъ Пушкина, въ которыхъ онъ подражалъ Державину, процентъ церковно-славянскихъ заимствованій сравнительно невеликъ, и нельзя сказать, чтобы эта стихія была здѣсь неумѣстной, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ. Приведу примѣры. Въ одѣ „Наполеонъ на Эльбѣ" 1815 очень обычны, напр., выраженія, въ родѣ слѣдующихъ:

Не выплыветъ ни *утлый* въ море челнъ,
Ни *гладный* звѣрь не взвоетъ надъ могилой.
И здѣсь одинъ, мятежной думы *полнъ*...
И тропы въ *прахъ низвергну* я громами...
Полнощи царь *младой*, ты *двигнулъ* ополченья...

Въ этомъ же родѣ слова и выраженія въ одѣ „На возвращеніе государя императора изъ Парижа въ 1815 году," гдѣ читаемъ: „брань (война), вотще, вняли, возшумѣвъ, почто, внемли, по стогнамъ, могущая рука, суда окрыленны" и т. д. Да что и говорить объ этихъ лицейскихъ произведеніяхъ. Даже въ такихъ, болѣе зрѣлыхъ стихотвореніяхъ, какъ ода „Наполеонъ" 1821 года, славянизмы не составляютъ рѣдкости:

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ *полнъ*,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди туманныхъ волнъ...

И галлъ *десницей* разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой Кумиръ...
И *длань* народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ...

Въ одахъ болѣе поздняго времени ц.-славянскіе элементы тоже нерѣдки, но здѣсь они уже всѣ вполнѣ на мѣстѣ и не отражаютъ какихъ-либо слѣдовъ извѣстной теоріи. Особенно типичнымъ въ этомъ отношеніи является извѣстное стихотвореніе „Пророкъ" 1826 года.

Духовной жаждою *томимъ*,
Въ пустынѣ мрачной я *влачился*
И шестикрылый серафимъ

На перепутьи мнѣ явился.
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ *зѣницъ* коснулся онъ и т. д.

Или:

И жало *мудрыя* змѣи
Въ *уста* замёршія мои
Вперилъ *десницею* кровавой.

или тамъ же въ концѣ:

Возстань, пророкъ, и *виждь* и *внемли*...

Въ этомъ небольшомъ стихотвореніи особенно обильно употреблены церковно-славянскія слова и выраженія, и, несмотря на это, каждый чувствуетъ истинную прелесть этой оды и полную умѣстность каждаго слова поэта. И чисто народными словами можно бы выразить ту же мысль, но стихотвореніе лишилось бы той торжественности и того обаянія возвышеннаго тона, какими оно отличается въ своемъ теперешнемъ видѣ. Церковно-славянскія слова употреблены такъ кстати, что даже не чувствуется ихъ присутствіе. Да, кромѣ того, славянскій элементъ всему стихотворенію придаетъ библейскій характеръ, особый колоритъ времени и обстановки. Въ этомъ отношеніи, кромѣ разсмотрѣннаго произведенія, особенно замѣчательна драма „Борисъ Годуновъ". Здѣсь, между прочимъ, выводится нѣсколько духовныхъ лицъ (монахъ-лѣтописецъ, патріархъ, игуменъ). Въ ихъ рѣчи Пушкинъ съ замѣчательнымъ тактомъ вводитъ ц.-славянскія и древне-русскія слова и выраженія. Такъ же говоритъ и царь, обращаясь къ патріарху. Напримѣръ:

Ты, отче патріахъ, вы всѣ бояре!
Обнажена моя душа предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ...
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь сильно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.

Или Пименъ, обращаясь къ Григорію:

Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился...

Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ, необычайно свѣтелъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,

Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка передъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился...

Или патріархъ говоритъ Борису:

.....Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ...
.....Народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ, яко прахъ.

Въ произведеніяхъ, изображающихъ болѣе обыденную жизнь, а также передающихъ задушевныя чувства поэта, ц.-славянскіе элементы встрѣчаются рѣже; въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя принадлежатъ къ послѣднему періоду жизни поэта, ихъ почти совсѣмъ

нѣтъ. Такъ, напримѣръ, въ извѣстной игривой поэмѣ Пушкина 1817—1820 годовъ „Русланъ и Людмила" славянизмы, какъ дань прежней стилистикѣ, еще встрѣчаются нерѣдко:

По жиламъ быстрый *огнь* бѣжитъ...
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ *подъятой*, грозною *десницей*...
Онъ узнастъ сей буйный *гласъ*...
И шумъ на *стогнахъ возстаетъ*...
Пріявъ губительныя мѣры...
Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ
И въ радости *лобзаетъ* руку.

Но если мы возьмемъ, напр., VIII главу „Евгенія Онѣгина", написанную въ томъ же духѣ въ 1830 году, то здѣсь уже трудно встрѣтить какой-либо славянизмъ. А въ прекрасныхъ переложеніяхъ народныхъ сказокъ 1831—1833 годовъ торжество народной рѣчи несомнѣнно, а о славянизмахъ нѣтъ и помину.

Проза Пушкина совершенно свободна отъ ц.-славянской стихіи, какъ по лексическому составу, такъ и въ отношеніи расположенія словъ, а тѣмъ болѣе въ формахъ. Нерѣдко встрѣчающееся слово „сей" славянизмомъ не можетъ быть посчитано, такъ какъ въ другомъ видѣ (сегодня, по сю сторону, до сихъ поръ) оно употребляется и въ живыхъ народныхъ говорахъ. *Карскій.*

Народный элементъ въ языкѣ Пушкина.

Пушкинъ умѣло пользовался ц.-славянской стихіей. Однако всѣ симпатіи его были на сторонѣ народнаго языка, какъ живого хранителя русскаго духа. Это видно какъ изъ его теоретическихъ разсужденій, такъ и изъ употребленія. Въ „Критическихъ замѣткахъ", писанныхъ въ 1830 году, разсматривая нападки тогдашнихъ журналистовъ на употребленныя имъ народныя выраженія, Пушкинъ пишетъ: болѣе всего раздражалъ его (критика) стихъ: людскую молвь и конскій топъ. „Такъ ли изъясняемся мы, учившіеся по стариннымъ грамматикамъ? Можно ли такъ коверкать русскій языкъ"? Надъ этимъ стихомъ жестоко посмѣялись и въ „Вѣстникѣ Европы". Молвь (рѣчь)— слово коренное русское. Топъ вмѣсто топотъ (слѣдственно и хлопъ вмѣсто хлопанье) вовсе не противно духу русскаго языка, какъ и шипъ вмѣсто шипѣнье: онъ шипъ пустилъ по-змѣиному (древн.-русскія стихотворенія). На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взятъ цѣликомъ изъ русской сказки: „И вышелъ онъ за ворота градскія и услышалъ конскій топъ и людскую молвь. (Бова Королевичъ). Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ". Та же глубокая мысль о необходимости серіознаго изученія на-

роднаго языка высказана и въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же критическихъ замѣтокъ: „Разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ), достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій. Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентійскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ“. Вотъ гдѣ значитъ истинный источникъ языка. Какъ далеко ушло это положеніе отъ взглядовъ Ломоносова, по которому знаніемъ церковнославянскаго языка „умножаемъ довольство россійскаго сло́ва“, такъ какъ главное значеніе въ литературномъ языкѣ принадлежитъ ц.-славянской стихіи. Пушкинъ главенство ц.-славянскаго языка допускалъ только при возникновеніи нашего литературнаго языка, а затѣмъ уже эта роль должна отойти къ языку народному: „Судьба его (нашего литературнаго языка) чрезвычайно счастлива. Въ IX в. древній греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность“; все сказанное до сихъ поръ совершенно въ духѣ извѣстнаго разсужденія Ломоносова; но дальше уже читаемъ совсѣмъ иное. „Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; по впослѣдствіи они сблизились, и таковая стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей“. (Замѣтка о предисловіи Лемонте къ переводу басенъ Крылова.)

И народныя слова Пушкинъ употреблялъ не случайно, равнымъ образомъ не по указанію какой-либо теоріи, въ родѣ Ломоносовской, а исключительно руководясь врожденнымъ ему чувствомъ красоты и стремленіемъ къ точности и ясности выраженія. Критикамъ Полтавы слова: усы, визжать, вставай, разсвѣтаетъ, иго, пора — показались низкими, бурлацкими. Пушкинъ по этому поводу говоритъ: „Никогда не пожертвую краткостью выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п. („Критическія замѣтки“).

Собственныя произведенія Пушкина даютъ не мало примѣровъ оживленія литературной рѣчи народнымъ потокомъ. Приведу нѣсколько примѣровъ:

Король его ласкаетъ —
И, говорятъ, *помогу* обѣщалъ.

Бор. Годуновъ.

Занесъ же вражій духъ меня
На *распроклятую квартеру.*

Гусаръ.

Не мучь его... *авось* мольбами
Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ.

Братья разбойники.

Зачѣмъ *вечбръ* такъ рано скрылись.

Евгеній Онѣгинъ.

Стали медвѣжата *промежъ собой играти...*

Поючи и *пляшучи* жениховъ *поджидаючи...*

Особенно бросается въ глаза народный складъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выводятся лица изъ простого народа. Таково извѣстное мѣсто изъ „Евгенія Онѣгина“, гдѣ Татьяна разговариваетъ съ няней:

И, *полно, Таня!* Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы *согнала со свѣта*
Меня *покойница* свекровь.
„Да какъ же ты вѣнчалась, няня?“
Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой *Ваня*
Моложе былъ, *мой свѣтъ*,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.

Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей *роднѣ*, и, наконецъ,
Благословилъ меня отецъ.
Я *горько плакала со страха...*
И вотъ *ввели въ семью чужую...*
„Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя...

То же видимъ и въ сказкахъ, гдѣ такъ рельефно сказалось умѣнье пользоваться богатырской энергіей и свѣжестью русскаго языка. Вотъ для примѣра начало сказки о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ:

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.

Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись, глядючи
Съ бѣлой зори до ночи и т. д.

А вотъ начало сказки про бурую медвѣдицу (1830 г.):

Какъ весенней теплой порою
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, изъ дремучаго —
Выходила медвѣдиха,
Съ малыми дѣтушками — медвѣжатами,
Погулять, посмотрѣть, себя показать.
Сѣла медвѣдиха подъ березкой;
Стали медвѣжата промежъ собой играти,
Обниматися, боротися, и т. д.

При чтеніи сказки про медвѣдицу можно подумать, что это чисто народное произведеніе, а не искусственное. Такимъ образомъ замѣчаніе Пушкина о народныхъ сказкахъ —

Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ —

можетъ быть съ полнымъ правомъ отнесено и къ его сказкамъ.

Карскій.

горько жалуюсь, и горько слезы лью, но строкъ печальныхъ не смываю...“ („Воспоминаніе“). „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье... Но, какъ видно, печаль минувшихъ дней въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй...“ То же религіозное чувство въ иной формѣ и въ иномъ примѣненіи вспыхиваетъ въ думахъ поэта о смерти: никакого отчаянія, никакой даже горечи — тихою, святою музыкою звучатъ струны его души; музыкою умилительнаго благоволенія къ установленной Творцомъ міровой гармоніи. Съ благоговѣйнымъ трепетомъ подчиняется онъ ея закону — вѣчнаго непрерывающагося обновленія жизни цѣною смерти отдѣльной личности, хотя бы то была его собственная личность... Дыханіе Безконечнаго исторгаетъ изъ Эоловой арфы души поэта всепримиряющій аккордъ...:

...И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ бъ все хотѣлось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...
. . . .
...Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

Чтобы не показалось произвольнымъ и теоретическимъ, на славянофильскій ладъ, признаніе этого настроенія поэта чѣмъ-то характерно-русскимъ, да позволено намъ будетъ напомнить о Гоголѣ, Достоевскомъ, Львѣ Толстомъ. Или даже нѣтъ; вспомнимъ Каратаева въ „Войнѣ и Мирѣ“, этого солдатика крестьянина... Вѣдь это образъ не вымышленный, не сочиненный: Л. Толстой никогда не измышлялъ, онъ правдивъ, какъ сама правда. Вспомнимъ, далѣе, какъ умираетъ русскій человѣкъ по „Тремъ смертямъ“ Толстого, по „Смерти“ Тургеневъ въ „Запискахъ охотника“... Горячій поборникъ европейской культуры, Тургеневъ восклицаетъ: „Да, удивительно умираютъ русскіе люди!...“

Наконецъ, лучшій цвѣтъ вѣковой народной жизни — народная поэзія оказываетъ могучее вліяніе и даже непосредственно вторгается въ поэзію Пушкина. Главною и вообще безподобною посредницею между нимъ и міромъ народныхъ поэтическихъ созерцаній была, конечно, Арина Родіоновна, какъ мы это уже и видѣли. Но и самъ Пушкинъ при случаѣ съ увлеченіемъ собиралъ народныя пѣсни и записывалъ ихъ. Впрочемъ, вѣдь то, что онъ получилъ отъ своей няни, было точно такъ же свѣжо, такъ же „изъ первыхъ рукъ“, да еще изъ такихъ мастерскихъ рукъ. Въ чемъ именно выразилось вліяніе народной поэзіи на музу Пушкина — здѣсь, разумѣется, не мѣсто указывать, какъ потому, что оно было очень многообразно, такъ и потому, что этотъ вопросъ еще нуждается въ изслѣдованіи. И въ языкѣ

Пушкина и въ его манерѣ изображать, въ подборѣ образовъ и т. д.— во всемъ должны были остаться слѣды этого вліянія. Но въ крупныхъ размѣрахъ оно отразилось на первомъ его большомъ произведеніи — поэмѣ: „Русланъ и Людмила“, и на послѣднемъ — драмѣ „Русалка“. Духомъ русской народной поэзіи несомнѣнно обвѣяна первая поэма, хотя, разсматриваемая въ подробностяхъ, она и заключаетъ въ себѣ много чертъ западнаго происхожденія. Здѣсь произошло, если можно такъ выразиться, химическое сліяніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ: романической фантастики, французскаго эротизма прошлаго вѣка и русскихъ сказочныхъ и пѣсенныхъ мотивовъ. Послѣдній элементъ можно, однако, считать преобладающимъ; въ немъ, такъ сказать, растворены всѣ остальные. Недаромъ именно эта сторона поэмы привлекла особое вниманіе тогдашнихъ критиковъ стараго направленія: „Зачѣмъ допускать“, кричали они чтобы плоскія шутки старины вновь появлялись между нами? Чего ждать, когда наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова и пр. Но если въ самой поэмѣ этотъ народный матеріалъ и разведенъ другими элементами, то, написанный позже, прелестный прологъ: „У лукоморья дубъ зеленый“ представляетъ уже безпримѣсное и мастерское воспроизведеніе духа и формы народныхъ сказокъ. Замѣчательно при этомъ, что образы этого пролога прямо заимствованы у Арины Родіоновны. Няня разсказывала: „У моря, у лукоморья, стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ: вверхъ идетъ, сказку сказываетъ, внизъ идетъ, пѣснь поетъ“ и т. д. Но какую высшую красоту получили эти образы съ стихотворной обработкѣ Пушкина! Что касается „Русалки“, то въ этомъ удивительномъ произведеніи вліяніе народно-поэтическихъ представленій выразилось, главнымъ образомъ, въ участіи русалокъ, геніально-прекрасно обрисованныхъ поэтомъ. Взятыя изъ народной миѳологіи, онѣ увлекаютъ насъ здѣсь въ какой-то особый таинственный міръ серебряныхъ грезъ и загадочныхъ нездѣшнихъ звуковъ... Но въ органической связи съ этимъ разыгрывается самая реальная, страшная трагедія, въ которой тоже, что ни слово, то перлъ творчества въ народномъ духѣ и стилѣ.

Вотъ двѣ главнѣйшія пьесы, на которыхъ лежитъ сильная печать вліянія народной поэзіи. Этимъ, однако, не ограничилось участіе „завороженной свирѣли“ Арины Родіоновны, ея „плѣнительныхъ напѣвовъ“ въ поэзіи Пушкина. Оно идетъ гораздо дальше. Поэта настолько очаровали самыя сказки и пѣсни, которыми дѣлилась съ нимъ старая няня, въ ихъ подлинномъ видѣ, что, какъ только стала сходить съ него байроническая накипь, онъ принимается за обработку этихъ сказокъ, начинаетъ подражать этимъ пѣснямъ. Сюда относятся: „Женихъ“, „Сказка о царѣ Салтанѣ“, „Сказка о мертвой царицѣ и семи богатыряхъ“, „Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“, „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“ и „Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ...“ Въ этихъ произведеніяхъ не знаешь, чему больше дивиться: богатству ли народной фантазіи, поэтичности ли содержанія, или поразительной выразительности формы.

въ которую облекъ эти милые образы Пушкинъ. Мы стоимъ здѣсь на какомъ-то неуловимомъ рубежѣ двухъ, казалось бы, несогласимыхъ другъ съ другомъ міровъ: простонароднаго, дѣтски-наивнаго, такъ неотразимо захватывающаго поэта, и міра культурнаго, сложнаго, къ которому онъ принадлежалъ по общему своему духовному развитію. Но здѣсь эта граница стирается безъ слѣдовъ: здѣсь народно-наивное по сущности возвышается до высокохудожественныхъ формъ, и, наоборотъ, культурное міросозерцаніе растворяется безъ остатка въ свѣтѣ и теплѣ народныхъ простодушныхъ созерцаній... Что обработка этихъ сказочныхъ мотивовъ не была для Пушкина простой забавой, шалостью, а увлекала его, какъ болѣе или менѣе серіозная работа, доказывается уже той замѣчательной тщательностью, съ которою отдѣланъ каждый стихъ, каждый образъ, выработанъ каждый эпитетъ, каждое слово, каждый звукъ! Поэту удалось, ничуть не нарушая простоты народнаго разсказа, придать ему высокую красоту.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Тучка по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица,
И растетъ ребенокъ тамъ,
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопитъ...
А дитя волну торопитъ:
„Ты волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морскіе камни точишь,
Топишь берегъ ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу,
Выплесни ты насъ на сушу!“
И послушалась волна;
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.

Какая картина и какая музыка! Вѣдь, поэтъ достигаетъ здѣсь высочайшаго мастерства — волшебной звуковой живописи. „Ты волна моя, волна! Ты гульлива и вольна!“ Смотрите, какое тутъ стеченіе властныхъ, текучихъ звуковъ: „л“ и „н“; одно удивительное слово „гульлива“ навѣваетъ на насъ впечатлѣніе струящейся влаги... А это: „Бочку вынесла легонько и отхлынула тихонько“. Но вотъ картина въ другомъ родѣ, безподобно оживляющая передъ нами, — въ миніатюрѣ, конечно, — нашу старую Русь:

Вотъ открылъ царевичъ очи,
Отрясая грезы ночи,
И, дивясь, передъ собой
Видитъ городъ онъ большой.
Стѣны съ частыми зубцами,
И за бѣлыми стѣнами
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей...
Мать и сынъ идутъ ко граду...
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ:
Къ нимъ народъ навстрѣчу валитъ,
Хоръ церковный Бога хвалитъ,
Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ...

Какъ красиво, далѣе, постоянно повторяющееся обращеніе „бѣлой лебеди“ къ царевичу: „Здравствуй, князь ты мой прекрасный! Что ты тихъ, какъ день ненастный?“ Или вотъ это описаніе царевны: „А сама-то величава, выступаетъ будто пава; а какъ рѣчь-то гово-

ритъ, словно рѣченька журчитъ". Звуковая живопись здѣсь опять — прелесть. Приведемъ, наконецъ, изъ другой сказки обращеніе царевича Елисея къ мѣсяцу и вѣтру:

Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченный рожокъ!
Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокій,
И, обычай твой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя...
. . . .

Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного...

Какъ напоминаютъ эти изящныя обращенія сходное мѣсто изъ плача Ярославны! Тотъ же духъ, та же приблизительно манера, тотъ же задушевный лиризмъ...

Если въ трехъ сказкахъ изъ вышеназванныхъ пяти преобладаетъ какой-то свѣтлый лиризмъ и добродушная шутка, то двѣ послѣднія сказки: „О рыбакѣ и рыбкѣ" и о „Балдѣ" отличаются совершенно особымъ характеромъ и складомъ. Въ особенности своеобразна послѣдняя сказка. Въ ней поэтъ съ изумительной мѣткостью схватилъ и передалъ грубоватый, увѣсистый, но чрезвычайно сильный и выразительный народный юморъ. Невыразимо-виртуозна форма этого произведенія, вполнѣ гармонирующая съ содержаніемъ. Это склады нашихъ народныхъ пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ и сложныхъ по ихъ типу рѣчей раешниковъ. Да, Пушкинъ былъ Протей, совсѣмъ легко овладѣвшій слабою формой, въ особенности народной поэзіи. Черновыя тетради его доказываютъ, что онъ никакъ не рабски воспроизводилъ разсказы Арины Родіоновны, а пересоздавалъ по-своему матеріалъ, ею доставляемый, извлекая на половину изъ своего духа все богатство этихъ живыхъ красокъ, этой удивительной народной рѣчи и пр.

Но этого мало. Въ разсмотрѣнныхъ сказкахъ поэтъ, имѣя хоть готовый сырой матеріалъ, онъ этимъ не ограничился и далъ нѣсколько блестящихъ попытокъ совершенно самостоятельнаго творчества въ чисто-народномъ духѣ и стилѣ. Сюда относятся нѣсколько пѣсенъ и такъ называемое: „Начало сказки". Вотъ нѣкоторые отрывки изъ послѣдней:

Какъ весеннею теплой порой
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, изъ лѣсу дремучаго —
Выходила медвѣдиха
Съ малыми дѣтушками медвѣжатами,
Погулять, посмотрѣть, себя показать.

Показывается вдругъ мужикъ съ рогатиной.

Мѣдвежатушки испугалися
За мѣдведиху бросалися,
А медвѣдиха осержалася,
На дыбы подымалася.
А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ:
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину.
Что повыше пупа, пониже печени"...

Припомнимъ изъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ: „Втапоры Илья, онъ догадливъ былъ: онъ и кидалъ его выше башни наугольныя, онъ и билъ его о сыру землю" и пр.

„Медвѣдиха“ убита, и вотъ собираются звѣри „къ тому ли медвѣдю ко боярину“.

Прибѣгали звѣри большіе,
Прибѣгали тутъ звѣришки меньшіе;
Прибѣгалъ тутъ волкъ-дворянинъ:
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые,
Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость,
У него-то бобра жирный хвостъ.
. . . .
Приходила лисица-подьячиха,
Подьячиха, казначеиха...
Прибѣгалъ тутъ зайка-смердъ,
Зайка бѣдненькій, зайка-сѣренькій!
Приходилъ цѣловальникъ — ежъ:
Все-то онъ ежъ ежится,
Все-то онъ щетинится...

Вотъ еще одно, не обработанное вполнѣ, но и въ такомъ видѣ прекрасное стихотвореніе:

Кормомъ, стойлами, надзоромъ,
Всѣмъ красны боярскія конюшни,
Сбруя блещетъ на столбахъ дубовыхъ
Стойла красны борзыми конями...
Лишь однимъ конюшни не пригожи:
Домовой повадился въ конюшни,
По ночамъ онъ ходитъ по конюшнѣ,
Чиститъ, холитъ онъ коней боярскихъ,
Заплетаетъ гривы имъ въ косички,
Туго хвостъ завязываетъ въ узелъ...
Какъ не взлюбитъ коня вороного:
На вечерней зарѣ обойду я конюшню
И зайду въ стойло къ вороному, —
Конь стоитъ исправенъ и смиренъ;
А поутру отопрешь конюшню, —
Конь не тихъ, весь въ мылѣ, грудью пышетъ
Съ морды каплетъ кровавая пѣна:
Во всю ночь домовой на немъ ѣздитъ
По горамъ, по рѣкамъ, по болотамъ,
Съ полуночи до бѣлаго свѣта...

Наконецъ, высшей прелести, какой-то умилительной красоты достигаетъ поэтъ въ слѣдующей пьесѣ:

Другъ мой милый, красно солнышко мое,
Соколъ ясный, сизокрылый мой орелъ,
Ужъ недѣлю не видались мы съ тобой,
Ровно семь дней, какъ спозналась съ горемъ я,
Мнѣ не взмилились подруженьки мои...
Не по нраву, не по мысли мнѣ пришли.
Я скиталася по темнымъ лѣсамъ,
Въ темномъ лѣсѣ кинареечки поютъ,
Мнѣ, дѣвчонкѣ, грусть-разлуку придаютъ.
Ты не пой, кинареечка, въ саду,
Не давай тоски сердечку моему...

Эти самостоятельныя попытки Пушкина по своей немногочисленности и незаконченности не такъ, можетъ быть, цѣнны, какъ его сказки, но виртуозность, сила и глубина проникновенія въ духѣ и формѣ простонародной поэзіи, очевидно, не меньшія, чѣмъ тамъ...

Итакъ Пушкинъ въ своей поэзіи высказывалъ глубочайшую духовную связь съ землею и народною массою, сливаясь съ нею порой въ полномъ единствѣ вкусовъ и поэтическихъ созерцаній, глядя на міръ ея исконными взглядами, улавливая красоту и благо во всемъ томъ, что она цѣнила, въ чемъ ихъ искала и находила...

Естественно, что при такой любви поэта ко всему народному, его неотразимо тянуло постоянно „къ родному пепелищу, къ отеческимъ гробамъ“, по его же выраженію въ одномъ отрывкѣ. Но тутъ мы опять сначала обратимся къ Татьянѣ. Взгляните вы на эту милую Татьяну въ московскомъ „вихрѣ свѣта“, среди разныхъ московскихъ кузинъ, тетушекъ и бабушекъ... Какъ ей здѣсь неловко, не по себѣ,

какъ жалка она среди этой блестящей мишуры, показной суеты, она чистая сердцемъ, скромная деревенская дѣвушка... И еще болѣе грустный, уже трагически оттѣненный обликъ представляетъ она въ Петербургѣ, въ большомъ свѣтѣ, какъ жена важнаго генерала.

Вырвали съ корнемъ изъ родимой почвы крѣпкое, полное жизненныхъ соковъ, растеніе, и пересадили въ тепличный горшокъ, въ роскошную обстановку; но томится и блекнетъ оно въ своемъ искусственномъ прозябаніи, безъ воздушнаго простора, безъ необъятной шири полей и лѣсовъ... Поддерживаютъ въ ней огонь высокой святой человѣчности только тлѣющіе подъ наноснымъ пепломъ угольки дорогого прошлаго, согрѣвая незримо для посторонняго взора ея холодѣющую жизнь, остывающее сердце... „А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта — постыдной жизни мишура, мои успѣхи въ вихрѣ свѣта, мой модный домъ и вечера — что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада всю эту ветошь маскарада, весь этотъ блескъ и шумъ и чадъ за полку книгъ, за дикій садъ, за наше бѣдное жилище, за тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ, Онѣгинъ, видѣла я васъ, да за смиренное кладбище, гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей надъ бѣдной няпею моей“...

Этими дивно-проникновенными словами озаряется передъ нами вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлая область въ духовномъ мірѣ Пушкина. Это говоритъ не Татьяна, это поетъ душа поэта, это ея чудная исповѣдь... Судите сами. Въ томъ же романѣ, доканчивая шестую главу, поэтъ, прощаясь со своимъ житьемъ-бытьемъ въ Михайловскомъ, говоритъ: „Дай оглянусь. Простите жъ сѣни, гдѣ дни мои текли въ глуши, исполнены страстей и лѣни, и сновъ задумчивой души. А ты, младое вдохновенье, волнуй мое воображенье, дремоту сердца оживляй, въ мой уголъ чаще прилетай, не дай остыть душѣ поэта, ожесточиться, очерствѣть, и наконецъ, окаменѣть въ мертвящемъ упоеньи свѣта, среди бездушныхъ гордецовъ, среди блистательныхъ глупцовъ, среди лукавыхъ, малодушныхъ, шальныхъ балованныхъ дѣтей, злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ, тупыхъ, привязчивыхъ судей, среди кокетокъ богомольныхъ, среди холопей добровольныхъ, среди вседневныхъ модныхъ сценъ, учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ, среди холодныхъ приговоровъ жестокосердной суеты, среди досадной пустоты расчетовъ, думъ и разговоровъ, — въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я купаюсь, милые друзья!“

Если къ этой — поистинѣ геніальной характеристикѣ большого свѣта, соединенной съ теплымъ обращеніемъ къ деревенской глуши, прибавить еще приведенную уже мною выше характеристику московскаго столичнаго общества, и хоть слѣдующее заявленіе поэта: „Я былъ рожденъ для жизни мирной, для деревенской тишины; въ глуши звучнѣе голосъ мирный, живѣе творческіе сны“, — то не достаточно ли этого уже для подтвержденія сказаннаго?.. Конечно, достаточно; но я хотѣлъ бы выйти изъ заколдованнаго круга великаго романа Пушкина, — этого, такъ сказать, нервнаго центра всей его поэзіи, и коснуться периферіи, поискать и тамъ слѣдовъ его глубокой привязанности къ деревнѣ. Заглянемъ въ два крайніе періоды его жизни.

Вотъ передъ нами лицейское стихотвореніе „Сонъ“. Немножко болтливое и растянутое, безъ должной художественной мѣры, но тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ нѣсколько красивыхъ картинокъ, въ которыхъ высказывается полное предпочтеніе деревенскихъ условій жизни городскимъ. Юный поэтъ, полушутя, налегаетъ на то, что только въ деревнѣ, при здоровомъ образѣ жизни и такомъ же душевномъ состояніи возможенъ добрый, крѣпительный, здоровый сонъ. Такое же сопоставленіе изысканно-искусственнаго и бездушнаго городского быта съ прямодушною, искреннею и простою жизнью сельскою находимъ въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній поэта: „Когда за городомъ задумчивъ я брожу“... Поэтъ говоритъ о впечатлѣніяхъ, испытываемыхъ имъ на городскомъ и деревенскомъ кладбищѣ. Вся ложь и искусственность перваго наводитъ на него такія смутныя мысли, что на него находитъ „злое уныніе“: „хоть плюнуть да бѣжать“. „Но“ — продолжаетъ онъ далѣе:

...„Какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ
Въ деревнѣ посѣщать кладбищѣ родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвою и вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безсонныхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя“...

Наконецъ, вотъ послѣдній предсмертный звукъ всего творчества поэта, тягостно и жутко замирающее фермато его поэзіи, — обращеніе къ женѣ: „Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ! Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ располагаемъ жить. И глядь — все прахъ: умремъ! На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля. Давно завидная мечтается мнѣ доля, давно усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ“...

Но, нашъ Пушкинъ такъ и не попалъ въ эту обитель покоя, переселился вскорѣ въ иную, вѣчную обитель немеркнущаго свѣта, „идѣже нѣсть печали ни воздыханія, но жизнь безконечная“... Да, онъ не умеръ, безконечная жизнь суждена ему и здѣсь, на землѣ, въ сердцахъ смѣняющихся поколѣній... Есть, можетъ быть, въ мірѣ поэты сильнѣе Пушкина, но нѣтъ поэта болѣе задушевнаго, чѣмъ онъ — да, нѣтъ!

Въ этой обворожительной задушевности — залогъ его безсмертія; а вѣдь она есть не что иное, какъ проникающее всю его поэзію тепло и свѣтъ всенародной психіи. Въ глубокихъ, недоступныхъ глазу, нѣдрахъ народной жизни зародились корни его творчества, питались его соками, и дали міру пышный цвѣтокъ. Мы пьемъ его

аромать, любуемся его красками, — и что-то радостное и доброе, благое и кроткое тихимъ ангеломъ сходитъ въ наше сердце... Нѣтъ ему, этому милому и хорошему, ни имени ни образа, не взвѣсить его никому и не смѣрить, и, несмотря на это, оно есть сила, — крупная сила, съ которой нельзя не считаться. Развѣ можно вычислить и опредѣлить вліяніе красоты теплаго весенняго вечера гдѣ-нибудь на лонѣ русской природы, когда каждый звукъ стоитъ въ чуткомъ прозрачномъ воздухѣ, — невѣдомо откуда доносятся и звонкіе людскіе голоса, и мелодическіе всплески ближней рѣки, и замирающее, полное нѣги, щебетаніе пташекъ сосѣдняго лѣска... Грудь переполняется ликующею радостью, трепетомъ живой близости Божества, и сердце истекаетъ всеобъемлющею любовью: такъ бы и обнялъ весь этотъ Божій міръ, такъ бы и прижалъ его къ своей пылающей груди! Таково же дѣйствіе поэзіи Пушкина. Сладостныя струи его задушевныхъ пѣсенъ, вливаютъ въ нашу душу, размягчаютъ ее и напояютъ ее высокимъ благоволеніемъ ко всему живому — до послѣдней травки-былинки. Многіе говорятъ: не нужно намъ цвѣтовъ — они лишь для эгоистическаго самоуслажденія, а давайте намъ лѣкарственныя травы, питательные злаки, чтобы мы могли пособить ближнимъ. Но это полное недомысліе: порывъ чувства, поднимающій нашу руку на доброе дѣло, внушенъ тою же вѣчною красотою — красотою подвига. Итакъ благо поэту! Пусть уносятъ насъ эфирныя волны его „призраковъ жизни неземной“, его „словъ поэзіи святой“ въ царство благостной красоты, ибо

. . . . . все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!

Слава же нашему Пушкину! Вѣчная слава ему, пѣвцу красоты, радости и любви! *Н. Петровъ.*

Лирическія произведенія Пушкина, какъ наилучшій показатель его духовной мощи.

Вся сила, все богатство поэта развивается въ полнотѣ мелкихъ, преимущественно, лирическихъ стихотвореній. Здѣсь Пушкинъ является полнымъ властелиномъ въ необозримомъ могуществѣ; здѣсь сверкаютъ самыя яркія искры того пламени, который горѣлъ въ сокровенныхъ тайникахъ его души. Съ перваго взгляда ясно, что всѣ воплощаемыя имъ ощущенія были прожиты имъ, что они или выраженіе переворотовъ судьбы, или страданіе и грусть мужественнаго сердца, или бодрость и надежда сильной души. Въ вѣяніи этихъ ощущеній дышитъ самъ поэтъ, дышатъ его соотечественники, его современники; онъ отыскиваетъ въ ихъ груди самыя сокровенныя струны, настраиваетъ эти струны и ударяетъ по нимъ. Волненія, которыя темно

и болѣзненно движутся и борются внутри, освобождаются очарованіемъ его выраженія и выпархиваютъ на свѣтъ, радостныя и сіяющія. Какъ глубоко, какъ могущественно вскрылъ Пушкинъ въ своихъ пѣсняхъ сердце своего народа, — видно изъ того, что эти пѣсни проникли всюду въ Россіи, что онѣ перелетаютъ тамъ изъ устъ въ уста и вездѣ возбуждаютъ восторгъ и вдохновеніе. Мало того, что онѣ вполнѣ удовлетворяютъ лирическому чувству народа, онѣ еще возвышаютъ его требованія и умножаютъ его богатство поэтическимъ сокровищемъ; неистощимо это сокровище: расточая его, не уменьшишь, а увеличишь его богатство.

Прежде всего замѣтимъ разнообразіе, въ которомъ обнаруживается здѣсь творческая сила поэта. Отъ буйнаго, вакхическаго диѳирамба, отъ возвышенной оды и унылой элегіи до самаго простого напѣва, отъ дружескаго посланія до язвительной эпиграммы, отъ пророческаго, восточнаго символа до пѣсни, посвященной минутѣ и случаю, — здѣсь собраны всѣ формы. Легко, свободно бѣгутъ стихи и риѳмы, никакъ не выступая, однакожъ, изъ строгихъ предѣловъ строфы; ямбы и дактили чередуются съ трохеями; вмѣстѣ съ граціозными, легкими формами пѣсни тѣснятся стройные стансы, ловкіе сонеты и тяжелые на подъемъ ряды александринъ. Содержаніе не менѣе разнообразно. Слава творенія, величіе Россіи, обманы жизни, страданіе отреченія и отчаянія и потомъ снова утѣшеніе въ дружбѣ и въ искусствѣ, свобода мысли и упоеніе насмѣшки, — всѣ эти внутреннія движенія и чувствованія просвѣтляются въ груди поэта и становятся отрадными, примирительными образами.

Великое созерцаніе природы лежитъ въ основаніи всѣхъ его стихотвореній, оно просвѣчиваетъ сквозь переливы ощущеній и даетъ имъ тонъ и выраженіе. Въ дивно прекрасныхъ строфахъ „Къ морю“ какъ будто воздымается во всемъ своемъ великолѣпіи эта свободная стихія, съ которою такъ тѣсно связаны вдохновенія и грусть души, порывающейся вдаль. Онъ намекаетъ на гробницу Наполеона и на пѣсню Байрона, котораго образъ мощно очерченъ въ образѣ моря, и наполняютъ душу грустью самого поэта, отрывающагося отъ любимаго имъ берега. Жалобы, исторгаемыя изъ души поэта разлукою и одиночествомъ, воспоминанія объ обольщеніяхъ и утратахъ жизни, — все это гармонически перемѣшано съ образами природы; у него равно художественны: и листъ запоздалый на вѣткѣ, и одинокій звукъ, раздавшійся въ зимнюю ночь, и опоясанный облаками Кавказъ, и зеленое море степей.

Безпрерывно испытывая въ своей собственной жизни всѣ горести и страданія человѣческаго жребія, онъ умѣетъ также переноситься въ положеніе другого, совершенно забывать себя въ немъ и сочувствовать его участи; и нигдѣ это сочувствіе не выражалось съ такою силой, въ такой истинѣ, какъ въ элегіи Пушкина на умиляющую смерть Андрея Шенье. Пѣсни, посвященныя друзьямъ, исполнены нѣжной, искренней сердечности, теплыхъ воспоминаній и бодраго

упованія; вообще дружба является у него на первомъ планѣ и въ мощныхъ чертахъ; самая любовь уступаетъ ей, по крайней мѣрѣ, по живости выраженій. Пушкинъ, кажется, охотнѣе выражаетъ сцены страсти въ своихъ поэмахъ, нежели въ лирическихъ формахъ. Въ несравненной пѣснѣ „Талисманъ“ ревность потеряла всю свою жестокость въ очаровательномъ благозвучіи переливающемся въ этихъ музыкальныхъ строфахъ, могущихъ выдержать всякое состязаніе съ звуками языковъ южныхъ. Не борьба и не страданія любви, а ужъ полное удовлетвореніе и блаженство любви выговорено поэтомъ въ его дивномъ сонетѣ „Мадонна“, гдѣ онъ сознаетъ, что осуществилось все, къ чему порывалась душа его, что онъ владѣетъ тѣмъ, что было единственнымъ его желаніемъ. Свѣтлое сознаніе бложенства, даннаго ему супругою, тѣмъ трогательнѣе, что несчастныя враждебныя событія возмутили впослѣдствіи это чистое счастіе. Но поэтъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, къ свѣту, не могъ предохранить себя отъ внутренней дисгармоніи, — и эта дисгармонія порывается у него въ рѣзкой, въ горькой насмѣшкѣ, въ гнѣвѣ и гордости. Въ сонетѣ, въ которомъ онъ обращается къ самому себѣ, „Сонетѣ къ поэту“, выражена вся свобода самостоятельнаго духа, все величіе его, вся сила его смѣлаго презрѣнія. „Презри толпу!“ восклицаетъ онъ: „ты царь — живи одинъ; ты художникъ — будь доволенъ въ самомъ себѣ и самимъ собою, и если ты доволенъ, то пусть люди поносятъ тебя, пусть они забудутъ тебя“. Что это чувство было истиннымъ, было всегдашнимъ чувствомъ Пушкина, въ этомъ свидѣтельствуетъ множество другихъ мѣстъ въ его произведеніяхъ и цѣлая жизнь его, бывшая всегда выраженіемъ души мужественной, души свободной, непреклонной.

Его воззрѣнія на политическія современныя дѣла исполнены величія и благородства, всеобъемлющей дальновидности, зрѣлаго сознанія, кроткой теплоты при мысли объ общемъ благѣ, высокой любви къ роднѣ. Ни одинъ поэтъ въ мірѣ не воспѣлъ такъ достойно смерть Наполеона, какъ Пушкинъ; ни одно стихотвореніе на эту тему не можетъ равняться съ Пушкинскимъ въ выспренности и богатствѣ содержанія. Онъ изображаетъ въ геніальныхъ чертахъ все величіе павшаго героя и, объявляя его тираномъ, не понявшимъ свободы и народовъ, не постигшимъ русскихъ, онъ возбраняетъ всякій укоръ противъ того, кто такъ величественно искупилъ свои заблужденія; въ заключеніе поэтъ призываетъ славу на главу того, кто вызвалъ русскій народъ къ высшему развитію, кто изъ мрака ссылки завѣщалъ міру вѣчную свободу. Еще замѣчательнѣе два другія стихотворенія Пушкина, принадлежащія ко времени польской войны. Поэтъ подчиняетъ въ этихъ стихотвореніяхъ вопросъ о сомнительной во всякомъ случаѣ свободѣ отдѣльнаго племени другому высшему вопросу — объ общемъ назначеніи славянскихъ народовъ. Здѣсь онъ весь русскій, пламенѣющій за свое отечество, торжествующій побѣду, требующій покорности, но не въ позоръ и рабство, а въ осуществленіе закона высшей власти, для общей славы и процвѣтанія. Все негодованіе его

падаетъ на чужеземныхъ клеветниковъ и враговъ Россіи, для которыхъ непонятенъ и чуждъ этотъ споръ славянъ между собою; онъ зоветъ ихъ снова на знакомыя имъ снѣжныя равнины, онъ обѣщаетъ, что есть еще и для нихъ мѣсто среди гробовъ, имъ не чуждыхъ. Поэтъ всегда принадлежитъ своей родинѣ, и когда его соотечественники бьются и проливаютъ свою кровь, онъ имѣетъ полное право желать имъ побѣды и славы; онъ расточаетъ все богатство своей силы представившемуся ему мгновенію, даетъ ему столько, сколько оно можетъ принять; даже и то, что не можетъ быть принято этимъ мгновеніемъ, что выпадаетъ изъ него, столько же служитъ къ изображенію истины, сколько и то, что дѣйствительно относится къ нему. Но, отбросивъ въ сторону всѣ эти разсужденія, мы должны сказать объ упомянутыхъ нами стихотвореніяхъ, что они, разсматриваемыя съ художественной точки зрѣнія, принадлежатъ къ самымъ лучшимъ стихотвореніямъ Пушкина. Они стремятся въ порывахъ высокой страсти, въ огненномъ выраженіи, въ величавыхъ, иногда дикихъ, иногда странныхъ образахъ, и неодолимо увлекаютъ съ собою участіе и душу читателя. Третья, замыкающая этотъ рядъ, пѣсня, „Пиръ Петра Великаго“, должна покорить всѣ сердца поэту, который здѣсь съ мыслью высокой, столько же русской и общечеловѣческой, воплощаетъ въ могущественнѣйшихъ, въ трогательнѣйшихъ образахъ, торжественный актъ прощенія и примиренія, и разсыпаетъ эти образы въ формахъ быстрой, милой, веселой пѣсни. Никогда еще такое духовное благородство и величіе не соединялись такъ счастливо съ высокимъ даромъ музъ, какъ въ этой пѣснѣ. Эта пѣсня можетъ служить ручательствомъ, что русская поэзія можетъ смѣло поставить себя на ряду со всякою другою поэзіею, достигшею до высочайшей степени развитія.

Варнгагенъ-фонъ-Энзе.

Пушкинъ какъ воспитатель.

Великія произведенія искусства не только вызываютъ эстетическій восторгъ, но и имѣютъ благотворное воспитательное значеніе. Душа, взволнованная и озаренная истинной красотой, дѣлается болѣе воспріимчивой для завѣтовъ добра, и въ сердце, согрѣтое лучами прекраснаго, глубже впадаютъ сѣмена любви. Появленіе красоты производитъ могучій переворотъ во внутреннемъ мірѣ человѣка и наполняетъ его какимъ-то праздничнымъ настроеніемъ, которое далеко уноситъ его отъ низменной обыденности. Въ эти благодатныя минуты душевнаго подъема и чистоты находитъ для себя желанную почву и нравственное чувство; оно растетъ и зрѣетъ и вмѣстѣ съ красотой сливается въ одно свѣтлое и неизгладимое впечатлѣніе, въ одинъ высокій образъ. Въ мелодіяхъ и краскахъ, въ скульптурной пластикѣ, въ звуковыхъ и картинныхъ сокровищахъ поэзіи — всюду, гдѣ дышитъ художественная красота, таится и живительный родникъ добра.

Между ними отъ вѣка существуетъ внутренняя и неразрывная связь, и мы воспринимаемъ ее въ каждомъ твореніи подлиннаго искусства. Оно даетъ намъ не только наслажденіе, но и уроки жизни, оно воспитываетъ въ насъ цѣльное міросозерцаніе и отъ красоты и черезъ красоту ведетъ насъ къ истинѣ.

Вотъ почему любимый художникъ или поэтъ всегда является для насъ духовникомъ и учителемъ, и то, что мы почерпаемъ изъ его созданій, нерасторжимо сплетается съ собственнымъ достояніемъ нашей личности и какъ родное и близкое входитъ въ завѣтный міръ нашихъ идеаловъ и стремленій. Въ окрыленной формѣ стиха, въ оправѣ гармоничныхъ, словъ, въ яркомъ образѣ творческой фантазіи запечатлѣвается для насъ какое-нибудь откровеніе жизненной правды, какая-нибудь заповѣдь блага, и въ глубинѣ своего духа мы перерабатываемъ эти поученія искусства въ священные догматы нашей нравственной вѣры...

Но въ мірѣ есть поэты, которые удовлетворяютъ не одному какому-либо опредѣленному складу души и отвѣчаютъ не на одно господствующее настроеніе, въ мірѣ есть поэты, которые соединяютъ въ своемъ геніи все разнообразіе человѣческихъ помысловъ, всю симфонію человѣческихъ чувствъ и желаній. У нихъ всѣ оттѣнки радости и горя, всѣ переливы страстей, дивное отраженіе Бога и бытія. „Оракулы вѣковъ“, они возвышаются надъ всякою частной индивидуальностью, даютъ откликъ на всѣ движенія ума, на каждый трепетъ каждаго сердца, и какъ бы ни было велико различіе между людьми, всѣ люди способны обрѣсти въ нихъ неизмѣнныхъ совѣтниковъ и друзей. Эти поэты могутъ сопровождать насъ отъ дѣтскихъ лѣтъ и до могилы, какъ счастье и утѣшеніе, какъ то глубокое воспитаніе духа, которое не оканчивается вмѣстѣ съ порою отрочества, а длится всю жизнь. У нихъ союзъ красоты и добра достигаетъ совершенства, и общеніе съ ними, благодаря ихъ универсальности, возможно всегда, въ минуты самыхъ противоположныхъ настроеній и запросовъ, и всегда оно радуетъ и поучаетъ.

Шекспиръ, Гете, Пушкинъ, по общему характеру и строю своего творчества, имѣютъ между собой то сходное, что они какъ бы повторили и облагородили въ своихъ созданіяхъ всю міровую дѣйствительность, показали смыслъ души и судьбы человѣка, уяснили таинственную разумность жизни и природы. Поэтому они и являются великими педагогами человѣчества.

Но въ то время какъ у Шекспира уроки истины облечены въ паѳосъ драматизма, проходятъ въ трагической формѣ дѣйствія царственныхъ героевъ и героинь и вѣщаются всегда въ торжественной обстановкѣ кровавой борьбы и смерти; въ то время какъ у Гете чистая поэзія нерѣдко блѣднѣетъ передъ опоэтизированнымъ глубокомысліемъ и правдѣ учатъ не столько художественные образы реальности, сколько философское проникновеніе въ міровую сущность: у Пушкина — одна только ничѣмъ не отуманенная ясность задушев-

наго лиризма, который чудно вырывается изъ рамокъ эпоса и трепещетъ въ драмѣ, одно только стихійно-поэтическое и вдохновенное воспріятіе жизни, непосредственная интуиція ея смысла, открывающагося передъ нами въ простотѣ наглядныхъ образовъ и картинахъ обычнаго существованія, въ пересказѣ своего и чужого сердца, въ изумительныхъ эпитетахъ, которые не придуманы, не изысканы, какъ бы роняются поэтомъ, но въ которыхъ чувствуется полное міровоззрѣніе и характеристика вселенной и которые каждому лицу и каждой вещи отводятъ значеніе и мѣсто въ цѣломъ природы. Эта особенность пушкинскаго генія, эта чарующая осязательность его откровеній дѣлаетъ его творчество неизъяснимо-привлекательнымъ и дорогимъ для каждаго, кто постигаетъ красоту жизни въ ея правдѣ, кто поддается обаянію естественной и искренней поэзіи. Неумирающія созданія Пушкина манятъ къ себѣ двойной властью прекраснаго и добраго, и такъ какъ въ нихъ раскрыто все содержаніе міра, отраженное въ свѣтломъ духѣ поэта, то они и будутъ всегда возвышеннымъ средствомъ нравственнаго воспитанія, и, какъ это сознавалъ ихъ творецъ, имъ суждено пробуждать въ людяхъ чувства добрыя. Достоевскій справедливо назвалъ Пушкина всечеловѣкомъ, и въ сближеніи съ этой всечеловѣческой душою кроется для насъ источникъ блага: *она учитъ насъ просвѣтленной любви къ жизни и сердечному благоволенію къ людямъ.*

Отъ шалости до молитвы, отъ шутки и до гимна — въ этомъ протекаетъ жизнь, и это звучитъ въ поэзіи Пушкина. Муза, которая сначала какъ вакханочка рѣзвилась на шумныхъ пирахъ и буйныхъ спорахъ, среди изнѣженныхъ звуковъ безумства, лѣни и страстей, потомъ водила пѣвца слушать глубокій, вѣчный хоръ валовъ, хвалебный гимнъ отцу міровъ. И гимны важные, внушенные богами, и пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ одинаково нашли себѣ отзвукъ въ творчествѣ великаго поэта. Первоначальный эротизмъ раннихъ стихотвореній становился все духовнѣе и духовнѣе и увѣнчался не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ, а одной только Мадонной, чистѣйшей прелести чистѣйшимъ образцомъ. Этотъ естественный ростъ и углубленіе души, этотъ раскаянный переходъ отъ лицейскаго разгула, отъ Апулея къ отцамъ-пустынникамъ и женамъ непорочнымъ изображены у Пушкина съ тою хрустальной искренностью, которая дѣлаетъ его произведенія трогательной исповѣдью сердца, полнаго увлеченій, страстей и грѣховъ, но въ своей сокровенной глубинѣ всегда благороднаго и яснаго. На этой непоколебимой основѣ благородства не оскорбляютъ порывы любовныхъ восторговъ, несдержанное упоеніе женской лаской, шаловливые и граціозные образы. Ничто не дѣйствуетъ столь благотворно на другихъ, какъ искренность такого сердца. Пусть въ длинномъ свиткѣ воспоминанія поэтъ находитъ печальныя строки, которыхъ онъ не можетъ смыть горькими слезами, но самыя эти слезы и змѣи сердечной угрызенья искупаютъ собою праздность и неистовые пиры, и безумство гибельной свободы. Зрѣлище духовнаго перерожденія,

красота внутренней борьбы, которая послѣ грусти мучительныхъ воспоминаній завершается радостнымъ успокоеніемъ и сознаніемъ того, что прекрасное должно быть величаво, обладаетъ неоцѣнимой воспитательной силой. Передъ нами, конечно, не нравственный героизмъ, не безусловная чистота помысловъ, но передъ нами и не холодная добродѣтель, которая не знала искушеній, не боролась и потому не падала, передъ нами не мертвая тишина безстрастія и вялаго равнодушія къ жгучимъ приманкамъ жизни, не мелкая натура, спокойная въ своей мелкой безгрѣшности: нѣтъ, на нашихъ глазахъ бьется и трепещетъ въ соблазнахъ горячая молодость, пѣнится вино на играхъ Вакха и Киприды, „подъ небомъ Африки моей“ кипятъ волнующія желанія чувственной природы, — и все это покоряется усиліями внутренней дѣятельности, на жизнь возникаетъ религіозный и нравственно-серіозный взглядъ, и вакхическая пѣснь кончается привѣтомъ святому солнцу разума, и сладострастіе любви смѣняется сладострастіемъ высокихъ мыслей и стиховъ. Живая и прекрасная человѣческая личность совершаетъ кругъ своего развитія, и мы видимъ это въ поэтическомъ отблескѣ, въ вѣрномъ зеркалѣ дивныхъ твореній.

Эта личность дышитъ всею полнотой и силой жизненныхъ впечатлѣній и каждое изъ нихъ исчерпываетъ до конца. Сторукій Бріарей духа, Пушкинъ, въ безграничномъ любопытствѣ своего разума и сердца, объемлетъ все, всѣхъ видитъ и слышитъ и, что самое важное и дорогое, всѣмъ даритъ свое участіе или свое прощеніе. Онъ самъ сказалъ, что душа нераздѣлима и вѣчна, и онъ оправдалъ это на себѣ. Онъ не знаетъ границъ и предѣловъ, и такъ какъ для возвышеннаго существа нѣтъ ничего далекаго и нѣтъ ничего прошлаго, то Пушкинъ въ своей сверхпространственности и сверхвременности переносится изъ страны въ страну, изъ вѣка въ вѣкъ, и все для него настоящее, и нѣтъ для него иноземнаго. Овидій жилъ и страдалъ давно, но Пушкинъ переживаетъ съ нимъ эти страданія теперь и воскрешаетъ въ себѣ его тоскующій образъ, и чрезъ вереницу столѣтій шлетъ ему свой братскій привѣтъ. Та яркая панорама жизни, которая въ разнообразіи и блескѣ развертывается передъ нами въ несравненномъ посланіи къ Юсупову, вся прошла въ душѣ поэта, и еще съ гораздо бóльшимъ разнообразіемъ конкретныхъ опредѣленій; и то, чего недоставало Пушкину во внѣшнихъ воспріятіяхъ — онъ не видѣлъ чужихъ краевъ, гдѣ небо блещетъ неизъяснимой синевой, онъ не видѣлъ Бренты и Адріатическихъ волнъ — все это восполнялъ онъ сказочною силой своего внутренняго зрѣнія и пережилъ въ своей душѣ всѣ эпохи, всѣ культуры, и Тріанонъ, и революцію, и разсказы Бомарше, и всю превратность человѣческихъ судебъ. Онъ претворилъ Аріосто въ сказку, гдѣ русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ, передумалъ Коранъ, перечувствовалъ Данта и Гете, онъ посѣтилъ въ идеальномъ путешествіи своихъ творческихъ сновъ Европу и Востокъ, понялъ Донъ-Жуана и Скупого рыцаря, и завистъ Сальери, и царицу

Клеопатру, и вѣщаго Олега. Онъ увидѣлъ во тьмѣ вѣковъ сіяющій обликъ Пимена, перевоплотилъ лѣтопись и исторію въ поэзію, склонился передъ Великимъ Петромъ. Для него были близки и родственны и Анакреонъ, и „Пѣснь Пѣсней", и Гафизъ, и Горацій, и все, что жило и живетъ на землѣ. Эта побѣда надъ всѣми ограниченіями пространства и времени, это поэтическое вездѣсущіе не есть, конечно, внѣшняя виртуозность писательской техники; это не только могучія крылья удивительнаго таланта, не слабѣющія въ своемъ дальнемъ полетѣ, это — проявленіе всей полноты космической жизни, которую носилъ въ себѣ Пушкинъ и которая дѣлала законной и исполнимой его горячую мольбу — скрыться въ сосѣдство Бога. Велика не только эстетическая, но еще болѣе и нравственная заслуга того, кто въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, подъ оболочками чуждыхъ народностей, на протяженіи многихъ вѣковъ, вездѣ и всегда сочувственно и глубоко узнаетъ одно и то же человѣческое сердце, кто въ звукахъ чужихъ языковъ слышитъ стонъ и радость одной и той же міровой души и нераздѣльно пріобщается къ ней, какъ Богъ Махадева, который принимаетъ обликъ человѣка, для того чтобы самому испытать все счастіе и все горе людей. Неотразимою силой своихъ поэтическихъ чаръ увлекая насъ въ незнакомыя и противоположныя области міра, Пушкинъ расширяетъ кругъ нашихъ привязанностей, дѣлаетъ насъ лучше и добрѣе и въ далекомъ показываетъ намъ родное и близкое. Какъ замѣчаетъ Шопенгауэръ, повторяя индусскую мудрость, эгоистъ всему внѣшнему своей личности, всему, что не онъ, говоритъ: *это не я, это не я;* тотъ же, кто сострадаетъ, во всей природѣ слышитъ тысячекратный призывъ: *это ты, это ты.* Изъ произведеній Пушкина намъ звучитъ послѣдній кликъ, торжествующій кликъ любви и добра. Пушкинъ поведетъ насъ подъ изодранные шатры цыганъ и научитъ насъ, что и тамъ живутъ мучительные сны, и тамъ горятъ роковыя страсти; онъ противопоставитъ грандіозной объективности государственнаго дѣла субъективное горе безхитростной души и около памятника Петра Великаго замѣтитъ маленькую фигуру бѣднаго чиновника, котораго счастіе и скромный романъ и самую жизнь задавило тяжело-звонкое скаканье Мѣднаго Всадника, и онъ отнесется къ этому чиновнику какъ братъ, просто, безъ горькой насмѣшливости Гоголя, подастъ ему одинъ только чистый хлѣбъ состраданія и раздѣлитъ съ нимъ его грусть въ страшную ночь наводненія и пожелаетъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы вѣтеръ вылъ не такъ уныло и чтобы дождь въ окно стучалъ не такъ сердито; онъ въ пустынѣ чахлой и скупой, на почвѣ зноемъ раскаленной, увидитъ бѣднаго раба, человѣка, котораго человѣкъ послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ и который умеръ у ногъ непобѣдимаго владыки. Въ волненьяхъ міровыхъ событій не пройдутъ незамѣтно мимо Пушкина тѣ, чья личная судьба сплетается съ ходомъ исторіи; отъ него не будетъ скрыта ни участь польской княжны, которая изнываетъ въ гаремѣ хана, ни участь Маріи, красы черкасскихъ дочерей, которая свою тихую жизнь разбила о тревогу сѣверной державы.

Для него нѣтъ въ мірѣ никого и ничего безусловно-презрѣннаго и ничтожнаго, ни одного безразличнаго существа, отъ котораго можно было бы равнодушно отвернуться. Подобно тому какъ онъ замѣчаетъ прозаическія бредни повседневности, фламандской школы пестрый соръ, и поэтизируетъ все, къ чему ни прикасается, такъ и въ людяхъ онъ геніальною прозорливостью ума и сердца всегда находитъ что-нибудь свѣтлое или же сообщаетъ имъ внутренній свѣтъ и тепло своей собственной прекрасной души. Въ „Домикѣ въ Коломнѣ“ онъ разсказываетъ про молодую, богатую графиню, которая „входила въ церковь съ шумомъ, величаво, молилась гордо (гдѣ была горда!)... Въ волшебствѣ моды новой, въ своей красѣ надменной и суровой, она казалась хладный идеалъ тщеславія... Но сквозь надменность эту я читалъ иную повѣсть: долгія печали, смиренье жалобъ... Въ нихъ-то я вникалъ, невольный взоръ онѣ-то привлекали“. Жизнь лежитъ передъ нимъ въ добрѣ и разумѣ; человѣкъ при всѣхъ своихъ паденіяхъ способенъ возрождаться, и грѣхи спадаютъ съ него ветхой чешуей. Поэтому у Пушкина царитъ ласковое и привѣтливое отношеніе къ людямъ, чудная внимательность къ нимъ — все равно, будетъ ли это Наполеонъ со своими мощными замыслами или хлопотливая старушка Ларина, будутъ ли это братья-разбойники или дядька Савельичъ изъ Капитанской дочки, барышня ли крестьянка или задумчивая Мери, одна изъ сестеръ печали и позора, которая поетъ на Пиру во время чумы. Его нѣжная любовь къ дряхлой голубкѣ-нянѣ, умиленная благодарность питомца, которая такою теплою волной пробѣгаетъ по его произведеніямъ, это — только частичное проявленіе пушкинской любви ко всему, что есть на свѣтѣ добраго и простого, что спасаетъ отъ житейскаго холода и нравственнаго одиночества. Ибо любовь въ духовномъ строѣ Пушкина все побѣждаетъ и надъ всѣмъ господствуетъ его сердце горитъ и любитъ — оттого, что не любить оно не можетъ. Правда, у него есть иронія; но добродушная и милая, она всегда направлена на какія-нибудь частности и никогда не поражаетъ завѣтной сердцевины человѣка, его достоинства, она никогда не оскорбляетъ. Это не значитъ, конечно, чтобы Пушкинъ не испытывалъ гнѣва и ненависти, чтобы онъ слабо и пассивно воспринималъ пошлость и злыя дѣла злыхъ людей: мы всѣ помнимъ раскаты его поэтическаго негодованія, и это у него страдалецъ возноситъ къ Богу святую месть. Но когда Пушкинъ негодуетъ, онъ всегда такъ неоспоримо правъ, и такъ безкорыстны причины его гнѣва, и такъ ясенъ тотъ положительный идеалъ, нарушеніе котораго вызвало бурю его недовольства, и, наконецъ, такъ чувствуется его готовность всею душой примириться съ нарушителемъ, если онъ пойметъ свою вину и раскается, — что пушкинская Немезида не отталкиваетъ отъ себя, и нелицепріятный судъ ея справедливъ. Его эпиграммы и сатиры, его остроумныя насмѣшки, шутки его пера кололи, язвили, но только не въ благородныхъ сердцахъ могли онѣ рождать желаніе мести, потому что своихъ чернилъ онъ не разводилъ ни тайной злости пѣной

ни ядомъ клеветы. Онъ смѣялся надъ Кюхельбекеромъ, надъ его стихами, но эта была незлобливая маска горячей привязанности, и именно Кюхельбекера называлъ онъ братомъ роднымъ по музѣ, по судьбамъ, и именно съ нимъ жаждалъ онъ говорить о бурныхъ дняхъ Кавказа, о Шиллерѣ, о славѣ, о любви. Чистый и добрый идеализмъ, который просвѣчивалъ въ насмѣшкѣ и гнѣвѣ поэта, спасалъ ихъ, не дѣлалъ ихъ отравленными плодами дурныхъ побужденій, и можно смѣло сказать, что Пушкинъ въ своихъ созданіяхъ никого не обидѣлъ. Къ нему постучался *презрѣнный* еврей, но въ „Началѣ повѣсти“ еврей сидитъ за библіей, и въ поразительномъ отрывкѣ „Юдиѳь“ мы читаемъ:

Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
Передъ сатрапомъ горделивымъ
Израиль выи не склонилъ...

Пушкинъ часто говоритъ о жалкомъ родѣ людей, достойномъ слезъ и смѣха, о тупой черни, и, по его мнѣнію, кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей; но это презрѣніе къ пошлости *толпы* не мѣшаетъ его любви къ *человѣчеству*. Частные недостатки не затемняютъ передъ нимъ общаго величія міровой драмы и ея участниковъ, и большинство этихъ „чадъ праха“ для него симпатичны. Они становятся непривлекательны, когда ихъ соединяетъ въ одно неразумное и слѣпое цѣлое общность предразсудковъ и недостойныхъ заботъ, когда они образуютъ затягивающій омутъ; но каждая изъ этихъ человѣческихъ единицъ сама по себѣ способна къ добру. Ошибки и заблужденія современности, осуждающей своихъ непонятныхъ героевъ, исправитъ грядущее поколѣніе, и на человѣчество, какъ на единый нравственный организмъ, не ложится пятно позора. Поэтому, несмотря на всѣ мгновенныя вспышки гнѣва и укоризны, у Пушкина незыблема вѣра въ людей, и нѣтъ для него сомнѣнія въ ихъ доброй природѣ. Поэтому духовный аристократизмъ соединяется у него съ привѣтливостью сердца, и, кромѣ блаженства роптанью не внимать толпы непросвѣщенной, онъ знаетъ высшую радость — участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ. Это аристократизмъ, эти гордые совѣты: живи одинъ, останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ, ты самъ свой высшій судъ, обиды не страшись, не требуй и вѣнца, не дѣлись съ толпою пламеннымъ восторгомъ — они относятся не только къ поэту, но и ко всякому человѣку, и они зовутъ не къ надменности и тщеславію, а говорятъ о великихъ заповѣдяхъ безкорыстія и цѣнности внутренняго міра. Въ воспитательномъ наслѣдіи Пушкина эта хвала внутреннему міру и его суду является однимъ изъ драгоцѣнныхъ сокровищъ. Она не только избранника небесъ, но и каждаго изъ людей учитъ не требовать наградъ за подвигъ благородный и въ глубинѣ собственной души находить себѣ одобреніе и кару; она возвышаетъ святыню сокровеннаго достоинства и совѣсти надъ измѣнчивыми приговорами

внѣшней среды. Но она безконечно далека отъ мизантропіи, и строгость душевнаго уединенія гармонично разрѣшается для дружбы, которая и въ жизни и въ твореніяхъ великаго поэта обрѣла себѣ такое свѣтлое воплощеніе. „Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ, но отъ друзей избавь насъ, Боже!“ — это горькая шутка и это осадокъ разочарованія послѣ дружбы, заплатившей обидой; но правда, но вѣчное желаніе Пушкина — это „печаленъ я: со мною друга нѣтъ“, это — безсмертное созданіе трогательной дружбы, божественно-прекрасныя строфы 19-го октября, когда роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ, это любимые образы Дельвига и Пущина, восторженные посланія и призывы къ товарищамъ. Онъ можетъ подолгу бывать наединѣ со своими мыслями и чувствами и въ минуты вдохновенія стремится на берега пустынныхъ волнъ, онъ любитъ деревенскую тишину, гдѣ звучнѣе голосъ лирный и гдѣ творческія думы въ душевной зрѣютъ глубинѣ; но и для людей раскрыта его душа, и ихъ принимаетъ онъ радостно и охотно, и самъ чувствуетъ потребность предаться друзьямъ съ мольбой печальной и мятежной, съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ. Никто такъ не цѣнитъ человѣка, никто такъ полно, отрадно и признательно не ощущаетъ его желаннаго присутствія, какъ Пушкинъ; даже свой могильный сонъ хотѣлъ бы онъ окружить игрою молодой жизни. Вся его лирика — страстный порывъ къ человѣку, вдохновенный гимнъ любви, въ лучахъ которой меркнутъ и грусть, и пережитыя желанія, и томительная тоска однозвучнаго жизненнаго шума.

Среди людей особенно привлекаютъ Пушкина ясныя, добрыя, безхитростныя души, незамѣтные герои и героини, капитанъ Мироновъ и его дочь. Они служатъ для него оправданіемъ его сердечной вѣры въ добрый смыслъ жизни. Ибо къ бытію онъ прилагаетъ мѣрило не внѣшней красоты, а нравственности, или, лучше сказать, прекрасное и доброе имѣютъ для него одинъ общій корень. Благоговѣя богомольно передъ святыней красоты, онъ видитъ въ ней и добро; онъ не только не разлучаетъ ихъ въ мнимомъ и поверхностномъ расколѣ — своею поэзіей онъ навѣки углубилъ ихъ связь. Не военные подвиги, не слава безчисленныхъ побѣдъ, а то, что полководецъ хладно руку жметъ чумѣ, — это заставляетъ его цѣнить возвышающій обманъ дороже тьмы низкихъ истинъ. Обманъ идеала и есть для него настоящая дѣйствительность, настоящая правда и красота. Она проявляется въ мірѣ всякій разъ, когда празднуетъ свое торжество нравственное начало бытія. Глубокій этическій духъ проникаетъ пушкинскія творенія, и если иногда, въ раннихъ пьесахъ или, напримѣръ, въ такой прелестной картинкѣ, какъ Графъ Нулинъ, онъ скрытъ безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ, то гораздо чаще является онъ въ своемъ полномъ величіи и могуществѣ. Онъ осѣняетъ неувядаемой красотой самоотверженія черкешенку изъ Кавказскаго плѣнника, онъ заставилъ исчезнуть кровавый слѣдъ сильныхъ, гордыхъ мужей Полтавы, столь полныхъ волею страстей, и только Петру воздвигъ въ гражданствѣ сѣверной державы огромный памятникъ. Онъ дѣлаетъ герои-

ческимъ плѣнительный образъ Татьяны и склоняетъ къ ея ногамъ Онѣгина, но въ то же время, какъ и въ самомъ поэтѣ, не заглушаетъ въ ней живой природы: строгое велѣніе долга примиряется съ нѣжностью любовнаго признанія и отрадной мыслью о тѣхъ мѣстахъ, „гдѣ въ первый разъ, Онѣгинъ, видѣла я васъ“; высокій образецъ долга, Татьяна вмѣстѣ съ тѣмъ не воплощеніе добродѣтели, она — прежняя, бѣдная Таня, которая плачетъ и тоскуетъ въ лунную ночь и повѣряетъ свою первую дѣвичью тайну: „я не больна, я... знаешь, няня... влюблена“. Для Пушкина характерна эта человѣческая нравственность, сочетаніе слабости и силы, это отсутствіе моральнаго ригоризма, которой нерѣдко сушитъ сердце и обращаетъ людей въ холодныя мраморныя изваянія. Для него человѣкъ прекрасенъ, даже несмотря на свое паденіе, потому что оно будитъ совѣсть, и ей, ея прославленію, Пушкинъ посвятилъ много незабвенныхъ стиховъ и уже однимъ этимъ возвелъ себя на высоту воспитательной миссіи. Совѣсть стучится подъ окномъ у крестьянина, который не похоронилъ утопленника, она въ черный день просыпается у разбойниковъ, она когтистымъ звѣремъ скребетъ сердце скупого рыцаря и окровавленной тѣнью Ленскаго стоитъ передъ Онѣгинымъ, она тяжелыми стопами Каменнаго гостя приходитъ въ грѣховную душу Донъ-Жуана и въ звукахъ моцартовскаго Requiem'а проникаетъ въ душу отравителя Сальери. Не самозванецъ, а совѣсть Годунова облеклась въ страшное имя царевича Димитрія, и вся жизненная драма Бориса зиждется на этой потрясенной совѣсти, которая молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ и наливаетъ сердце ядомъ. Ничто не можетъ насъ среди мірскихъ печалей успокоить, ничто, ничто... едина развѣ совѣсть — это глубочайшее откровеніе жизненной правды, подтвержденное въ нетлѣнныхъ образахъ искусства, вынесетъ каждый изъ поэзіи Пушкина и сдѣлаетъ его вѣчнымъ достояніемъ своего духа.

Совѣсть возстановляетъ для поэта нарушенную цѣльность мірового добра. Всякое преступленіе и несчастіе, всякое зло разрываетъ жизненную ткань, образуетъ какую-то темную пропасть, какое-то зловѣщее зіяніе, котораго не можетъ переносить дивная гармоничность Пушкина. Ему необходимо аккордомъ примиренія снова слить разъединенные элементы міра, замкнуть кольцо жизни, дать отвѣтъ на нравственное недоумѣніе. Отсюда извѣстная черта его элегій, которыя не тонутъ въ безпросвѣтной грусти, а завершаются любовью и надеждой. Отсюда его глубокія упованія, его религія добра. Отсюда его отвага передъ страданіемъ, потому что оно не послѣднее слово жизни, а только преддверіе къ благу. Какъ щитъ на вратахъ Царьграда, эпиграфомъ къ его жизни и творчеству могутъ быть эти безпримѣрныя слова, этотъ возвышенный лозунгъ: „я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать! Гдѣ есть мысль и гдѣ любовь сіяетъ хотя бы прощальною улыбкой, тамъ закатъ не такъ печаленъ и путь не такъ унылъ“. На зло дѣйствительности Пушкинъ вѣритъ въ добро, и какъ Петръ Великій мирится съ побѣжденнымъ врагомъ, такъ Пушкинъ, свѣтел-

сердцемъ, мирится съ жизнью. Наполеонъ искупилъ для него свои стяжанья и зло воинственныхъ чудесъ, и къ дочери грознаго и преступнаго Карагеоргія обращаетъ онъ слова утѣшенія и привѣта:

Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиренной жизнію предъ небомъ искупила.

Согрѣшила дочь станціоннаго смотрителя, отравила жизнь старикаотца, но она издалека пріѣхала на печальное кладбище, гдѣ онъ уснулъ, и легла у его могилы, и горько плакала, и этимъ снова вернула добро въ свое сердце, и это успокоило Пушкина. Есть хорошіе порывы у Пугачева, Маша Троекурова отучила отъ мести Дубровскаго, надъ рабскою деревней взойдетъ прекрасная заря просвѣщенной свободы, и всюду, всюду, гдѣ засіяетъ лучъ доброты и снисхожденія, тамъ сомкнется жизненное зіяніе. И смерть теряетъ свой мрачный обликъ: тамъ, гдѣ неба своды сіяютъ въ блескѣ голубомъ, исчезла въ урнѣ гробовой краса любимой женщины, но не исчезнетъ обѣщанный поцѣлуй свиданья.

Отъ этихъ утѣшеній не слабѣетъ сердечная боль, и чаша горя испивается вся до дна. Для эгоизма такія утѣшенія остались бы чужды и непонятны. Но Пушкинъ, не отрекаясь отъ скорби, раскрывая для нея свою душу и не уменьшая въ своихъ глазахъ, для своего облегченія, всей силы мірового несчастія, чувствуетъ только, что всетаки первѣе и выше въ мірѣ добро. Для него никогда не отуманивается общій строй и связь жизни, и въ ней провидитъ онъ царящее благо, которымъ и свѣтится его печаль.

Просвѣтленно-жизнерадостный, Пушкинъ и на жизнь распространяетъ присущее ему чувство благодарности. Насталъ для него полдень, уходитъ отъ него легкая юность, но онъ дружно прощается съ нею и благодаритъ ее за наслажденія, за грусть, за милыя мученья, за шумъ, за бури, за пиры, за всѣ, за всѣ ея дары. Онъ вполнѣ насладился ею и съ ясною душою пускается въ новый путь. Эта ясность и потомъ ничѣмъ не возмутится. Онъ знаетъ, что благо смѣшано со зломъ, и правъ для него судьбы законъ, и онъ не сѣтуетъ на него. Онъ благословляетъ и день заботъ и тьмы приходъ, ему цвѣты осенніе милѣй роскошныхъ первенцовъ полей, разлуки часъ отраднѣй самаго свиданія, и онъ любитъ унылую пору осени. Еще отроческими устами, при видѣ вянущей розы, онъ проситъ не говорить: такъ вянетъ младость... вотъ жизни радость, онъ сожалѣетъ о цвѣткѣ и указываетъ на лилею. Чредою всѣмъ дается радость, что было, то не будетъ вновь — онъ примиряется съ этимъ. Падетъ ли онъ, стрѣлой пронзенный, иль мимо пролетитъ она — все благо. Передъ пѣвцомъ во мглѣ сокрылся міръ земной, но зато мгновенно проснулся его геній, и въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній онъ пѣсни дивныя запѣлъ. Наши внуки въ добрый часъ изъ міра вытѣснятъ и насъ, но отъ этого не перестанутъ зрѣть поколѣнья на жизненныхъ браздахъ. Никогда уже родныя сосны не будутъ встрѣчать поэта шумомъ своихъ вершинъ,

и не онъ увидитъ ихъ могучій поздній возрастъ, но зато его внукъ, веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ, пройдетъ мимо нихъ во мракѣ ночи и вспомнитъ о немъ. Птичка, выпущенная на волю, даетъ отраду, и не за что роптать на Бога, когда мы можемъ даровать свободу хотя бы одному творенію.

Этотъ глубокій оптимизмъ, это чувство добра, идущее за грань тягостной минуты, дышитъ во всемъ міровоззрѣніи Пушкина, и его творенія — художественное оправданіе Творца, поэтическая Теодицея, могучая вдохновеніемъ своего непосредственнаго порыва и всѣмъ обаяніемъ безсмертнаго пушкинскаго слова. И въ этой Теодицеѣ самъ Пушкинъ является лучшимъ и наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ. Не только въ страдающую и бурную душу Грознаго, не только въ озлобленную душу Мицкевича, но и въ каждое человѣческое сердце Пушкинъ призываетъ миръ и успокоеніе, и самъ вступаетъ онъ на путь покоя и блаженнаго просвѣтленія. *Айхенвальдъ.*

Вліяніе Лицея на творчество Пушкина.

Въ исторіи литературы едва ли найдется примѣръ болѣе сильнаго воспитательнаго вліянія, чѣмъ то, которое оказалъ Лицей на Пушкина, и которое болѣе или менѣе высказывается во всѣ періоды его творчества. Произведенія Пушкина имѣютъ автобіографическое значеніе. По нимъ можно прослѣдить развитіе умственной жизни поэта; въ нихъ чувствуется связь внѣшнихъ впечатлѣній съ его внутреннимъ міромъ; на нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются вліянія, которымъ онъ подчинялся. Эта особенность, то ослабѣвая, то возвращаясь съ новою силой, проходитъ чрезъ всю дѣятельность Пушкина, и многія изъ его лучшихъ произведеній, даже послѣдняго времени, озарены, по его выраженію,

Лучомъ лицейскихъ ясныхъ дней.
(Посл. Пущину 1826 года.)

Событія лицейской жизни, начиная съ того дня, когда онъ 12-лѣтнимъ мальчикомъ поступилъ въ Лицей, уже даютъ ему образы для высокохудожественныхъ произведеній. Вотъ какъ, по прошествіи 25 лѣтъ, въ послѣдней „Лицейской годовщинѣ“ 1836 году Пушкинъ вспоминаетъ объ открытіи Лицея:

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ царь открылъ для насъ чертогъ царицынъ —
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.
(19 октября 1836 года.)

Куницынъ, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ и образованнѣйшихъ преподавателей своего времени

и занималъ въ Лицеѣ съ 1811 по 1816 годъ каѳедру логики и нравственной философіи. Привѣтствіе, сказанное Куницынымъ при открытіи Лицея, было „Наставленіе воспитанникамъ о цѣли и о пользѣ ихъ воспитанія". Рѣчь эта произвела впечатлѣніе, и Пушкинъ неоднократно вспоминаетъ о Куницынѣ, имѣвшемъ на него нравственное вліяніе:

Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень...
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена...

(19 октября 1825 года.)

Эти четыре стиха, конечно, больше чѣмъ всѣ сочиненія Куницына сохраняетъ имя его отъ забвенія.

Послѣ Куницына выдающееся значеніе по своему вліянію имѣлъ Кошанскій, уже пользовавшійся нѣкоторою извѣстностью въ литературѣ, и преподававшій русскую и латинскую словесность и неизбѣжную въ то время реторику. Къ счастью для Лицея, при самомъ его учрежденіи, уже вѣяло въ обществѣ новою жизнью, и профессорамъ предписывалось „избѣгать пустыхъ школьныхъ упражненій, и, переходя отъ простого повѣствованія къ слогу ораторскому и возвышенному, не ускорять симъ послѣднимъ, дабы не дать дѣтямъ ложнаго и напыщеннаго вкуса, а показать имъ только сей послѣдній родъ издалека и мимоходомъ". Разумѣется, нельзя было ожидать, чтобы Кошанскій отказался отъ убѣжденій, но онъ не могъ не чувствовать, что они уже были анахронизмомъ для молодого поколѣнія, и покорялся духу времени. Лекціи его походили на бесѣды, вслѣдствіе чего установилось сближеніе между профессоромъ и воспитанниками; но тѣмъ не менѣе Кошанскій оставался представителемъ напыщеннаго классицизма, надъ которымъ тогдашніе лицеисты уже не мало подсмѣивались.

Къ небольшему числу преподавателей, имѣвшихъ вліяніе на Пушкина, слѣдуетъ отнести и Галича, автора „Исторіи философскихъ системъ", который однимъ изъ первыхъ содѣйствовалъ распространенію у насъ философскаго образованія и подвергся въ 1824 году жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны Магницкаго и Рунича. Галичъ, назначенный въ помощь Кошанскому, котораго отвлекло управленіе Лицеемъ по смерти перваго директора Малиновскаго, занимался съ воспитанниками съ мая 1814 по іюнь 1815 годъ. Хотя Галичъ только промелькнулъ въ Лицеѣ, но имя его въ этотъ короткій періодъ безпрестанно встрѣчается у Пушкина. Въ стихотвореніи „Пирующіе студенты", автографъ котораго находится въ Лицеѣ и которое, въ видахъ благоправія, переименовалось въ печати въ „Пирующіе друзья", Пушкинъ вѣрно изобразилъ Галича, котораго называетъ апостоломъ нѣги и прохладъ и младшимъ братомъ Эпикура. Галичъ былъ предобрый и презабавный чудакъ и обращался съ воспитанниками какъ съ друзьями. Онъ занимался съ ними всѣмъ, исключая своихъ предметовъ, читалъ театръ Коцебу, выслушивалъ стихи и только, въ ожи-

даніи посѣщенія начальства, изрѣдка заглядывая на лекціи, принимался за Корнелія Непота или Цицерона, приговаривая: „потреплемъ старика“. Далекій отголосокъ этого выраженія находимъ въ концѣ 2-й главы „Евгенія Онѣгина“.

О ты, чья память сохранитъ
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

Воспоминаніями того же времени начинается 8-я глава „Евгенія Онѣгина“:

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ...

Вліяніе названныхъ трехъ лицъ хотя имѣло значительную долю въ литературномъ развитіи Пушкина, но ограничивалось Лицеемъ, и притомъ не было преобладающимъ. Несравненно большее вліяніе на развитіе творчества духа Пушкина имѣла совокупность тѣхъ необыкновенныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ и случайностей, которыя, по волѣ судьбы, окружали его и въ которыхъ Лицею принадлежитъ первенствующая роль. Необыкновенная торжественность открытія Лицея, военныя событія и вызванный ими небывалый еще подъемъ народнаго духа, — вотъ первыя глубокія впечатлѣнія, отразившіяся на творчествѣ Пушкина:

Вы помните: текла за ратью рать
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ.

(19 октября 1836 года.)

Ни въ одной литературѣ ничего нѣтъ равносильнаго по искренности и глубинѣ патріотическаго чувства и по художественности его выраженія. Зависть, о которой говоритъ Пушкинъ, одушевляла все тогдашнее юношество, и великій поэтъ, по прошествіи четверти вѣка, является выразителемъ патріотическаго порыва, еще никогда не воплощавшагося въ такія высокохудожественныя формы. Къ этому же циклу поэтическаго творчества относятся: „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ 1815 года, „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ 1829 года“, „Къ тѣни полководца“, „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“. Въ послѣдней даже чувствуется еще вліяніе, хотя уже весьма отдаленное, Державинской оды „На взятіе Варшавы“ (1794 года). Всѣ эти пять одъ имѣютъ внутреннюю связь, проникнуты однимъ настроеніемъ, въ нихъ звучатъ тѣ же патріотическія струны, которыхъ еще въ Лицеѣ заслушивались Державинъ, Дмитріевъ и Жуковскій. Но какъ далеко отъ нихъ шагнулъ Пушкинъ, и какая неизмѣримая разница между нимъ и всѣми его предшественниками и въ достоинствѣ языка и въ красотѣ выраженія!

Царское село съ своими историческими воспоминаніями, величественными садами и памятниками военной славы, гдѣ неоднократно

. . . каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанье прежнихъ лѣтъ
(Воспом. въ Ц. С. 1815 г.),

неоднократно вдохновляла Пушкина. Его оба воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, хотя отдаленныя одно отъ другого на 14 лѣтъ вызваны тѣми же впечатлѣніями, писаны одинаковымъ размѣромъ и служатъ какъ бы дополненіемъ другъ къ другу. Но второе носитъ болѣе личный характеръ и выражаетъ душевное настроеніе поэта по возвращеніи послѣ долгихъ тревогъ въ спокойное уединеніе Царскаго Села, которое онъ называлъ „отечествомъ".

Къ числу причинъ, благопріятствовавшихъ развитію Пушкина, слѣдуетъ отнести отличительную черту лицейскаго воспитанія. Подъ руководствомъ Кошанскаго и при содѣйствіи нѣкоторыхъ воспитателей, образовались бесѣды, на которыхъ каждый изъ воспитанниковъ обязанъ былъ разсказать что-нибудь. Такимъ образомъ является разсказъ за разсказомъ, въ которомъ подробности вводились и развивались нѣсколькими лицами, и въ короткое время образовался запасъ разсказовъ и анекдотовъ, которые потомъ записывались, читались въ дружескомъ кругу, переходили изъ рукъ въ руки, и послужили матеріаломъ для лицейскихъ журналовъ, изъ которыхъ первый, подъ названіемъ „Вѣстникъ", явился уже въ декабрѣ 1811 года. На этихъ бесѣдахъ, бывшихъ литературною школою и первымъ поприщемъ Пушкина, онъ разсказалъ въ главныхъ чертахъ двѣ повѣсти, которыя обработалъ впослѣдствіи, и напечаталъ подъ заглавіями „Выстрѣлъ" и „Метель". Такимъ образомъ оба эти произведенія, напечатанныя въ 1830 году въ числѣ „Повѣстей Бѣлкина", обязаны своимъ происхожденіемъ Лицею. Нѣтъ сомнѣнія, что эта литературная школа наиболѣе содѣйствовала самообразованію воспитанниковъ, развила ихъ вкусъ и воображеніе и приближала къ главнымъ условіямъ художественнаго творчества, реальности содержанія и изящества формы.

Наиболѣе рѣшительное вліяніе на стремленіе Пушкина имѣлъ тотъ литературный кругъ, въ которомъ онъ обращался съ дѣтства, и который еще расширился въ Лицеѣ. Одновременно съ Пушкинымъ поступило туда семеро воспитанниковъ Московскаго университетскаго пансіона, уже давно отличавшагося литературнымъ направленіемъ. Труды его воспитанниковъ печатались въ сборникахъ, и между пансіонерами существовало литературное общество, имѣвшее уставъ. Это же направленіе, при содѣйствіи Кошанскаго, который самъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и преподавалъ его въ пансіонѣ, было перенесено въ Лицей, и, попавъ на готовую почву, получило дальнѣйшее развитіе. Пушкинъ еще въ Москвѣ, въ домахъ отца и дяди, извѣстнаго поэта Василія Львовича, имѣлъ случай встрѣчаться со многими писателями. Одинъ изъ нихъ А. И. Тургеневъ,

пріятель отца, особенно содѣйствовалъ опредѣленію Пушкина въ Лицей, самъ привезъ его изъ Москвы, и принималъ горячее участіе въ его литературныхъ опытахъ и первыхъ успѣхахъ. Тургеневу же суждено было потомъ навсегда увезти Пушкина изъ Петербурга. Литературныя связи расширялись по мѣрѣ успѣховъ, и еще въ Лицеѣ Пушкинъ познакомился съ Державинымъ, Дмитріевымъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ, Карамзинымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ, который подарилъ ему свои стихотворенія, и княземъ Вяземскимъ, съ которымъ съ 1816 года вступилъ въ дружескую переписку, не прерывавшуюся до конца жизни.

Говоря о кружкахъ, оставившихъ вліяніе на Пушкина, нельзя не упомянуть объ офицерахъ лейбъ-гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ. Лицеисты встрѣчались съ ними въ семейныхъ домахъ и особенно въ манежѣ, посѣщеніе котораго было обязательно для воспитанниковъ, готовившихся въ военную службу. Между офицерами были люди съ европейскимъ образованіемъ и любившіе литературу. Съ нѣкоторыми изъ нихъ еще въ Лицеѣ установилась дружба, основанная на общихъ умственныхъ интересахъ и продолжавшаяся всю жизнь. Ярче другихъ въ этомъ кружкѣ выдѣлялся Чаадаевъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, котораго Грибоѣдовъ изобразилъ въ Чацкомъ. Изъ другихъ офицеровъ, съ которыми подружился Пушкинъ, назовемъ бывшаго геттингенскаго студента Каверина и Зубова, имена которыхъ неоднократно встрѣчаются у Пушкина. Обоимъ онъ написалъ въ альбомы при выпускѣ изъ Лицея, а о Каверинѣ вспоминаетъ въ 1-ой главѣ „Евгенія Онѣгина“. Гусарскіе же офицеры являются дѣйствующими лицами въ упомянутыхъ двухъ повѣстяхъ „Выстрѣлъ“ и Метель“.

Наибольшее вліяніе на творчество Пушкина имѣлъ Батюшковъ. Вліяніе это, уже замѣтное въ 1814 году, продолжалось за порогомъ Лицея, и чувствовалось даже въ лучшую пору творчества Пушкина. Въ Батюшковѣ его увлекали и содержаніе, заимствованное у любимыхъ ими обоими французскихъ эротическихъ поэтовъ, особенно Парни и необыкновенныя для того времени изящество формы и музыкальность стиха, въ которыхъ Батюшковъ не имѣлъ тогда соперниковъ. Изъ лицейскихъ стихотвореній въ подражаніе ему написаны посланія: „Къ сестрѣ“, „Къ другу-стихотворцу“, „Къ Батюшкову“, „Пирующіе студенты“, „Городокъ“, „Воспоминаніе“ и нѣкоторыя другія. Въ произведеніяхъ позднѣйшаго періода уже гораздо меньше подражаній Батюшкову, но вліяніе его чувствуется еще во многихъ, преимущественно, антологическихъ стихотвореніяхъ: „Дорида“, „Нереида“ (1820 годъ). Это послѣднее стихотвореніе, по признанію самого Пушкина, напоминаетъ Батюшкова. Оно вписано въ альбомъ Иванчину-Писареву, и на вопросъ его Пушкину, почему онъ выбралъ именно это, а не другое стихотвореніе, Пушкинъ отвѣчалъ: „Я люблю его, оно отзывается стихами Батюшкова“. Послѣдній слѣдъ его вліянія находимъ въ 1833 году въ одномъ изъ самыхъ зрѣлыхъ произведеній Пушкина, „Мѣдномъ

Всадникѣ“. Мысли и даже нѣкоторыя выраженія въ этой высоко художественной поэмѣ заимствованы изъ описанія Батюшкова „Прогулка въ Академію художествъ“, которое Пушкинъ зналъ еще въ Лицеѣ.

Гаевскій.

Лицейскія стихотворенія Пушкина.

Желая указать на поэтическую дѣятельность Пушкина въ Лицеѣ, не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи напомнить читателемъ тѣ плѣнительныя выраженія, въ которыхъ самъ онъ говоритъ о ней:

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ.
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: муза въ ней,
Открыла пиръ младыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

Въ 1820 года въ Кишиневѣ писалъ онъ:

Богини міра, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческіе лѣты,
Въ тѣ дни, когла, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни.

Или обращаясь къ музѣ своей:

Младенчество прошло, какъ легкій сонъ...
Ты отрока безпечнаго любила.
Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихонько посѣтила.

Въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ его записокъ читаемъ: „я началъ писать съ 13-лѣтняго возраста“. Такое раннее начало отчасти становится для насъ понятнымъ, когда мы вспомнимъ, что Пушкинъ, по свидѣтельству брата своего, будучи ребенкомъ, проводилъ безсонныя ночи въ кабинетѣ отца и тайкомъ пожиралъ книги одну за другой, что онъ необыкновенно рано началъ развивать свои способности и рано усвоилъ себѣ извѣстный запасъ свѣдѣній.

Какъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ около Жуковскаго образовалось дружеское литературное общество, такъ и въ Лицеѣ любовь къ стихотворству,

Охота смертная на риомахъ лепетать,

собирала около Пушкина талантливыхъ отроковъ. Но направленіе и судьба этихъ дѣтскихъ литературныхъ обществъ были различны. Въ Московскомъ пансіонѣ собранія молодыхъ любителей словесности, подъ предсѣдательствомъ Антонскаго и другихъ наставниковъ, наслѣдственно продолжались въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ Лицеѣ они скоро были остановлены затѣмъ, что стихи мѣшали лицеистамъ учиться. Литературный лицейскій кружокъ образовался очень рано, едва ли не тотчасъ по открытіи Лицея. Главное участіе и первенство, конечно, принадлежали Пушкину. Другими участниками были: Дельвигъ, Илличевскій, Корсаковъ, князь А. М. Горчаковъ, баронъ М. А. Корфъ, С. Г. Ломоносовъ, Д. П. Масловъ, П. Г. Ржевскій, В. К. К—ръ, М. Л. Яковлевъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами они вздумали издавать журналы, т.-е. собирать свои произведенія, переписывать, разрисовывать, переплетать и прочее. Одинъ журналъ: *Лицейскій Мудрецъ*, остался во Флоренціи вмѣстѣ съ бумагами умершаго тамъ Николая Корсакова; остальные три: *Для удовольствія и пользы*, *Неопытное перо* и *Пловецъ*, въ 1825 году были отданы брату одного изъ лицеистовъ и недоступны любопытству біографа.

По преданію, за достовѣрность котораго нельзя, впрочемъ, ручаться, почти первые *русскіе* стихи Пушкинъ написалъ къ лучшему другу своего дѣтства, къ сестрѣ. Стихи эти доселѣ ходятъ въ рукописи. Надо замѣтить, что родители Пушкина, помѣстивъ младшаго сына въ пансіонѣ Гауэншильда, переселились на житье въ Петербурга. Пушкинъ, во все пребываніе свое въ Лицеѣ, кажется, ни разу не ѣздилъ въ Москву. Вышеупомянутые стихи къ сестрѣ писаны изъ Лицея въ Петербургъ. Они начинаются такъ:

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой
И съ лирою забвенной...

Далѣе поэтъ переносится мечтою изъ уединенія своего подъ отчій кровъ.

Тайкомъ взошедъ въ дивану,
Хоть помощью пера,
О, какъ тебя застану,
Любезная сестра!
Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака ли читаешь?
Жанлисъ ли предъ тобой?
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ и Томсономъ
Ты пренеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Вдоль вѣетъ вѣтерокъ,
И шепчетъ лѣсъ кудрявый,
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?
. . . .
Но вотъ, ужъ я съ тобой!
И въ радости нѣмой
Твой другъ расцвѣлъ душой,
Какъ ясный вешній день.
Заботы дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь.
Но это лишь мечтанье!
Увы, въ монастырѣ,
При блѣдномъ свѣчъ сіяньи,
Одинъ пишу къ сестрѣ.
Все тихо въ мрачной кельѣ
Защелка на дверяхъ,
Молчанье — врагъ веселья —
И скука на часахъ!..
Стулъ ветхій, необитый,
И шаткая постель,
Сосудъ воды налитый,

Соломенна свирѣль —
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу пробужденъ,
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ!
Тобою принесенный
Къ волшебной Ипокренѣ
И въ кельѣ я блаженъ!
Что было бы со мною,
Богиня, безъ тебя? и прочее.

Это одни изъ первыхъ звуковъ Пушкинской поэзіи. Вскорѣ и публика услышала гармоническое пѣніе, раздавшееся въ тиши лицейской. Въ первый разъ стихи Пушкина появились въ печати въ 1814 году, въ лучшемъ повременномъ изданіи того времени, „Вѣстникъ Европы“, коимъ завѣдывалъ тогда Владимиръ Васильевичъ Измайловъ. Дельвигъ предупредилъ друга своего: ода его на *взятіе Парижа* появилась въ іюньской (12-й) книжкѣ „Вѣстника Европы“ 1814 года; въ слѣдующей книжкѣ находимъ первое печатное стихотвореніе Пушкина, оно называется: *Къ другу-стихотворцу*. Пятнадцатилѣтній поэтъ, изображая передъ Дельвигомъ опасности того поприща, на которое онъ выступилъ, между прочимъ, говоритъ:

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто риѳмы плесть умѣетъ,
И, перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ,
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштейну французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные, и честь и слава россовъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Риѳматова, Графова,
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ взоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятія печать.
. . . .
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
Катится мимо нихъ Фортуны колесо;
Родился нагъ и нагъ ступаетъ въ гробъ Руссо;
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ;
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Конечно, многіе наши стихотворцы охотно подписали бы свое имя подъ такими стихами. Въ слѣдующей книжкѣ „Вѣстника Европы“ напечатано было второе стихотвореніе Пушкина: *Кольна* (*подражаніе Оссіану*); далѣе въ остальныхъ книжкахъ 1814 года находимъ еще три довольно слабыя пьесы его: *Венеръ отъ Лаисы при посвященіи ей зеркала*, *Опытность*, *Блаженство*. Всѣ эти стихотворенія, подъ коими Пушкинъ подписывался разными псевдонимами, только теперь вошли въ собраніе его сочиненій. Въ принадлежности ихъ ему удостовѣряла прежде рукопись подъ названіемъ *Собраніе лицейскихъ стихотвореній. Часть I. Напечатанныя пьесы.*

Талантъ молодого любимца боговъ зрѣлъ не по днямъ, а по часамъ. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ замѣтно расли сила стиха,

прелесть выраженія, смѣлость мысли, однимъ словомъ, тѣ качества, которыя впослѣдствіи сдѣлались всегдашнимъ неотъемлемымъ его достояніемъ. Пушкинъ неудержимо предавался обаятельному искусству. Поэтическія мечтанія овладѣвали имъ совершенно.

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими, играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.

Съ 1815 года начинается литературная извѣстность и слава его, дотолѣ ограниченная тѣснымъ царскосельскимъ кружкомъ. Въ этомъ году подъ стихами его уже находимъ полное его имя. О немъ заговорили...

4-го и 8-го чиселъ января въ первый разъ происходило въ Лицеѣ торжественное публичное испытаніе. Государь не могъ удостоить его своимъ присутствіемъ: онъ жилъ тогда въ Вѣнѣ. Тѣмъ не менѣе посѣтителей собралось множество. Несмотря на разстояніе, друзья просвѣщенія и важныя государственныя лица нарочно пріѣхали изъ Петербурга посмотрѣть вблизи на этотъ новый разсадникъ наукъ, столь любимый его величествомъ. Во время экзамена по предмету русской словесности вызвали Пушкина, и онъ прочелъ передъ многочисленнымъ собраніемъ свои *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, во многихъ мѣстахъ истинно прекрасныя. Всѣ слушатели почувствовали, что это не были обыкновенные, сочиненные на заданную тему стихи. Но, безъ сомнѣнія, немногіе внимали имъ съ такимъ участіемъ, какъ семидесятилѣтній Державинъ, почетнымъ гостемъ сидѣвшій на экзаменѣ. Онъ, конечно, не могъ безъ сердечнаго волненія слушать эти гармоническія строфы: въ нихъ говорилось объ Екатеринѣ, о прошломъ вѣкѣ, имъ воспѣтомъ, о немъ самомъ. Растроганный, онъ поднялся съ креселъ и пошелъ обнимать молодого поэта... Но вотъ собственный разсказъ Пушкина объ этихъ незабвенныхъ для него минутахъ: „Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ по русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ, вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Ц. С.*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе,

не помню, куда убѣжалъ, Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли...“

Сюда-то относятся слова Пушкина о музѣ своей:

И свѣтъ ее улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Или:

И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.

Но шестнадцатилѣтній поэтъ привелъ въ восхищеніе не одного Державина. Всѣ дивились необыкновенному таланту. На большомъ обѣдѣ у министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, о немъ шелъ общій говоръ. Всѣ предсказывали будущую его славу. Хозяинъ, обратясь къ Сергѣю Львовичу, который находился тутъ же, замѣтилъ между прочимъ: „Я бы желалъ, однакожъ, образовать сына вашего въ прозѣ“. — „Оставьте его поэтомъ“, возразилъ съ жаромъ Державинъ.

Двѣ заключительныя строфы стихотворенія, пробуждавшаго такое всеобщее вниманіе, посвящены Жуковскому. Обращаясь къ нему, Пушкинъ говоритъ:

О скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей своихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца...

Предпослѣдній стихъ относится къ стихотворенію Жуковскаго, тогда только что появившемуся въ Петербургѣ. 30 декабря 1814 года А. А. Тургеневъ въ Зимнемъ дворцѣ читалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, нѣкоторымъ членамъ царскаго семейства и немногимъ ихъ приближеннымъ *Посланіе къ императору Александру*.

Въ это время Жуковскій проѣздомъ изъ деревни въ Петербургъ жилъ въ Москвѣ. Пріятель его Василій Львовичъ Пушкинъ получилъ изъ Петербурга новое стихотвореніе племянника своего. Сохранилось любопытное преданіе, что въ одинъ день Жуковскій пришелъ къ друзьямъ своимъ и съ радостнымъ видомъ объявилъ, что изъ Петербурга присланы прекрасные стихи. Это были *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*. Онъ принесъ ихъ съ собою, читая вслухъ, останавливался на лучшихъ мѣстахъ и говорилъ: „Вотъ у насъ настоящій поэтъ!“

Жуковскій видалъ Пушкина еще въ Москвѣ ребенкомъ; но настоящее знакомство ихъ началось лѣтомъ 1815 года. Послѣ неоднократныхъ вызововъ вдовствующей государыни, въ концѣ весны, Жу-

ковскій, наконецъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, и въ теченіе лѣта и осени посѣщалъ Царское Село и Павловскъ, гдѣ читалъ императрицѣ стихи свои. Надо замѣтить, что въ это время онъ былъ на верху своей славы. Три изданія „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“ раскупились въ одинъ годъ. „Посланіе къ императору Александру“ было принято съ восторгомъ, какъ выраженіе общихъ народныхъ чувствъ. Друзья носили Жуковскаго на рукахъ. Вдовствующая государыня отмѣнно ему благоволила. Тогда-то Пушкинъ написалъ къ нему посланіе, коимъ испрашивалъ себѣ благословенія у поэта на поэтическое служеніе.

Благослови, поэтъ! въ тиши парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой пролетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ — и лира мнѣ удѣлъ...
. . . .
И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я безъ страха въ трудный путь;
Отважной вѣрою исполнилася грудь!

Жуковскій полюбилъ, какъ родного, вдохновеннаго юношу. Онъ тотчасъ оцѣнилъ всю силу его таланта. По достовѣрному преданію, 32-лѣтній, уже славный и опытный поэтъ, видаясь съ Пушкинымъ, нарочно читалъ ему свои стихи, и если въ слѣдующія свиданія Пушкинъ не вспоминалъ и не повторялъ ихъ, онъ считалъ произведеніе свое слабымъ, уничтожалъ или исправлялъ его. Между ними рано начались самыя нѣжныя отношенія. Съ нѣжнымъ, отеческимъ участіемъ Жуковскій радовался блестящимъ успѣхамъ Пушкина, снисходилъ къ его увлеченіямъ, прощалъ его заносчивость, берегъ его, заботился о немъ. Самъ Пушкинъ впослѣдствіи называлъ его своимъ *ангеломъ-хранителемъ*.

Въ исходѣ 1815 года государь окончательно возвратился изъ чужихъ краевъ, вторично побывавъ за Рейномъ, даровавъ снова миръ Европѣ. Разумѣется, лицеисты одни изъ первыхъ увидали его. Пушкинъ, такъ прекрасно его назвавшій *грознымъ ангеломъ*, привѣтствовалъ его возвращеніе стихотвореніемъ, изъ коего считаемъ нужнымъ привести слѣдующій отрывокъ. Описывая недавно бывшія кровавыя побоища, Пушкинъ говоритъ между прочимъ:

А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной...
Я тихо расцвѣталъ безпечный, безмятежный.
Увы, мнѣ не судилъ таинственный предѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ!...
Сыны Бородина, о кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;

Душой восторженной за братьями спѣшилъ:
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ наутрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?

Возвращенія государева ожидали приготовленные къ печати восемь томовъ Исторіи Государства Россійскаго. Въ первыхъ числахъ февраля 1816 года Карамзинъ привезъ ихъ въ Петербургъ, и поднесъ государю. Кто изъ русскихъ не знаетъ прекраснаго *посвященія*, коимъ начинается первый томъ Исторіи Государства Россійскаго? Карамзинъ читалъ друзьямъ своимъ это посвященіе. Пушкинъ присутствовалъ при чтеніи, жадно внималъ плѣнительнымъ выраженіемъ высокихъ, истинно патріотическихъ чувствъ, запомнилъ все и, пришедши домой, записалъ отъ слова до слова, такъ что посвященіе сдѣлалось извѣстно въ лицейскомъ кружкѣ гораздо прежде, чѣмъ было напечатано. Карамзинъ еще въ Москвѣ часто видалъ Пушкина, будучи пріятелемъ отца его и дяди. Геніальный юноша не могъ укрыться отъ его вниманія. Въ этотъ пріѣздъ свой Карамзинъ, вѣроятно, познакомился съ нимъ ближе, и успѣлъ привлечь его къ себѣ ласкою, одобреніемъ и участіемъ. Пушкинъ такъ говоритъ о томъ:

Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ, мужъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ.

Но это была лишь минутная встрѣча. Скоро представился случай къ сближенію ихъ. Карамзинъ уѣхалъ въ мартѣ въ Москву, но съ тѣмъ, чтобы возвратиться назадъ съ семействомъ своимъ. Государь приказалъ отвести ему въ Царскомъ Селѣ домъ на лѣто. Во второй половинѣ мая онъ оставилъ Москву (уже навсегда, хотя и не предполагалъ того) и поселился въ Царскомъ Селѣ. Тамъ, занимаясь продолженіемъ Исторіи и печатаніемъ первыхъ ея томовъ, онъ приглашалъ къ себѣ Пушкина, бесѣдовалъ съ нимъ, и Пушкинъ имѣлъ возможность слушать Исторію Государства Россійскаго изъ устъ самого исторіографа. Впослѣдствіи онъ писалъ къ брату своему, прося прислать Библію: „Библія для христіанина то же, что исторія для народа. Этою фразою (наоборотъ) начиналось прежде предисловіе исторіи Карамзина. При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ“.

Пушкинъ горячо полюбилъ Николая Михайловича и супругу его и сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ. Какъ и Жуковскій, Карамзинъ любовался молодымъ поэтомъ, предостерегалъ, удерживалъ, берегъ его, и послѣ спасъ въ одну изъ рѣшительныхъ минутъ его жизни.

Другъ Карамзина, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, жившій въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ въ званіи министра юстиціи, также почтилъ

своимъ вниманіемъ Пушкина, который говоритъ о томъ въ одномъ стихѣ своего посланія къ Жуковскому:

И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ.

Столь же рано узналъ Пушкина и Батюшковъ, часто посѣщавшій Сергѣя Львовича еще въ Москвѣ и находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Васильемъ Львовичемъ. Во второй половинѣ 1814 года, онъ воротился въ Петербургъ изъ-за границы; въ это время Пушкинъ написалъ къ нему посланіе, начинающееся такъ:

Философъ рѣзвый и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ аонидъ!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ радости пѣвецъ?

Убѣждая Батюшкова снова взяться за лиру, Пушкинъ говоритъ между прочимъ:

Поэтъ! въ твоей предметы волѣ!
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
И грозну смерть на ратномъ полѣ.
И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
И ты, постигнутый судьбою,
Какъ россъ, питомецъ славы палъ!
Ты палъ, и хладною косою
Едва, скошенный, не увялъ!

Посланіе, разумѣется, дошло до Батюшкова.

Онъ самъ совѣтовалъ Пушкину воспѣвать военныя событія, о чемъ заключаемъ по слѣдующимъ стихамъ изъ второго къ нему посланія Пушкина.

А ты, пѣвецъ забавы,
И другъ пермесскихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ,
Спѣшилъ я за Марономъ
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.

Къ Батюшкову Пушкинъ сохранилъ неизмѣнное уваженіе. Онъ любилъ особенно свое стихотвореніе *Муза*, потому что оно „отзывается стихами Батюшкова“.

Такъ сближался Пушкинъ съ лучшими нашими писателями. Они рано отгадали въ немъ силу геніальную и съ радостнымъ участіемъ приняли въ свой кругъ. Въ то время русская литература раздѣлялась на два стана. Россійская академія съ предсѣдателемъ своимъ А. С. Шишковымъ, и „Бесѣда любителей русскаго слова“ съ Державинымъ, кн. Шаховскимъ, Хвостовыми и пр., строго держась старыхъ правилъ искусства, завѣщанныхъ Лагарпомъ и Буало, чуждались нововведеній, возставали на Карамзина и Жуковскаго, еще любили громозвучныя и высокопарныя оды, уже осмѣянныя остроумнымъ авторомъ *Чужого толка*, и усердно испещряли произведенія свои славянскими словами и оборотами. *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*, соч. А. С. Шишкова (1803 года), *Новый Стернъ*, комедія кн. Шаховского (1807 года) явно направлены были противъ Карамзина. Молодые послѣдователи и поклонники сего рѣшили отвѣчать. В. Л. Пушкинъ защищался отъ академическихъ нападокъ Шишкова. Въ 1812 году Д. В. Дашковъ

былъ исключенъ изъ С.-Петербургскаго общества любителей словесности за насмѣшливый панегирикъ графу Д. И. Хвостову, торжественно прочтенный въ засѣданіи общества. Въ 1815 году литературная брань возгорѣлась съ новою силою. Кн. Шаховской написалъ и поставилъ на сцену комедію: *Липецкія воды*, въ которой представилъ въ смѣшномъ видѣ Жуковскаго подъ именемъ унылаго балладника *Фіалкина*. Это подало поводъ друзьямъ Жуковскаго образовать свой кружокъ и самимъ дѣйствовать. Возникъ знаменитый Арзамасъ, немилосердно преслѣдовавшій насмѣшками, пародіями, похвальными рѣчами и пр. Бесѣду и Академію. Въ Арзамасѣ тотчасъ приняли живое участіе лучшіе писатели, даровитые любители словесности, и назывались именами, взятыми изъ баллад Жуковскаго, секретаря Арзамаса.

О веселыхъ собраніяхъ нового литературнаго общества услышалъ въ Москвѣ страстный любитель всякаго рода шутокъ, каламбуровъ и остротъ, Василій Львовичъ Пушкинъ; разумѣется, онъ тотчасъ захотѣлъ принять въ нихъ участіе, самъ выбралъ себѣ имя *Вотъ* (столь часто повторяемое въ балладахъ), и въ декабрѣ 1815 года пріѣхалъ въ Петербургъ. Арзамасцы торжественно, съ разными обрядами, приняли его и какъ старѣйшаго между ними назвали *старшиною и старостою Арзамаса*.

Мы сочли нужнымъ упомянуть обо всемъ этомъ для того, чтобы читателю понятно было слѣдующее письмо Пушкина къ Василію Львовичу, какъ нельзя лучше изображающее отношенія ихъ:

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнасса,
Защитникъ вкуса грозный *Вотъ*!

Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ,
Веселья прежняго желанье,
И слабый сердца переводъ —
Въ стихахъ и прозою посланье.

„Въ письмѣ вашемъ вы называли меня братомъ, но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ рифмъ вакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы дядя мой и на Парнассѣ.

„Итакъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-поэтовъ здѣшняго міра, можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите лѣнивѣйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ.

„Да, каюсь я, конечно, передъ вами:
Совсѣмъ неправъ пустынникъ-рифмоплетъ;
Онъ въ лѣности сравнится лишь съ богами;
Онъ виноватъ и прозой и стихами:
Но *старое* забудьте въ *новый* годъ.

„Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ: *обѣщательныя* и *извинительныя* — первыя въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же при-

мѣтилъ я, что всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это, мнѣ кажется, непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать,
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмѣять,
И мучить бѣднаго Ослова
Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шутовскова
Клеймить единственнымъ стихомъ!
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать —
Скажите откровенно — неужели
Вы не умѣете прощать?

„Напоминаю о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени, но... надобно ли еще обѣщать? Простите, вы всѣ, которыхъ любитъ мое сердце, и которые любите еще меня...

Шолье Андреевичъ, конечно,
Меня забылъ давнымъ-давно,
Но я люблю его сердечно
За то, что любитъ онъ безпечно
И пить и пѣть свое вино,
И надъ всемірными глупцами
Своими рѣзвыми стихами
Смѣется, право, пресмѣшно.

Какъ долженъ былъ радоваться Василій Львовичъ, получивъ это посланіе! Вообще онъ искренно любилъ племянника и спѣшилъ печатать стихи его.

Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ милою мечтою.
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ.

Самъ Пушкинъ, написавшій въ Лицеѣ около ста стихотвореній, лишь немногія изъ нихъ отдавалъ въ печать и только подъ двумя или тремя выставилъ вполнѣ свое имя. Часто стихотворенія его печатались безъ его воли и вѣдома, о чемъ самъ полушутя говоритъ онъ въ одномъ посланіи къ Дельвигу:

Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ,
И плодъ уединенья
Тисненью придаютъ —
Бумагу убиваютъ.
Поэта окружаютъ
Съ улыбкой остряки:
„Ахъ, сударь! мнѣ сказали,
Вы пишите стишки?
Увидѣть ихъ нельзя ли?
Вы въ нихъ изображали,
Конечно, ручейки
Иль тихій вѣтерочекъ
И рощи и цвѣтки“...

Уже въ то время онъ отличался въ этомъ отношеніи скромностью, порукою истиннаго дарованія, и тою совѣстливою строгостью къ самому себѣ, которой гордо держался до конца и которая не дозволила ему являться передъ публикою иначе, какъ съ произведеніями вполнѣ отдѣланными. Оттого большая часть его лицейскихъ стихотвореній появилась въ печати уже послѣ смерти его. Стихотворенія эти разнообразны, какъ и самые случаи, ихъ вызвавшіе. Въ нихъ часто рисуется передъ нами жизнь разгульнаго, быстро созрѣвшаго юноши со всѣми восторгами и увлеченіями пылкихъ страстей. Кромѣ лицейскихъ товарищей, кромѣ знакомствъ литературныхъ, у него былъ особенный

кружокъ, въ которомъ нерѣдко проводилъ онъ свои досуги и который состоялъ отчасти изъ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ былъ почти ежедневнымъ собесѣдникомъ его. Пушкина всюду любили за остроту, веселонравіе, неистощимый запасъ шутокъ и всего болѣе за стихи,— а ихъ онъ, можно сказать, бросалъ направо и налѣво. Иной стихотворецъ во всю жизнь не написалъ столько стиховъ, сколько Пушкинъ въ шесть лѣтъ лицейской жизни. Сознавъ силу своего таланта, онъ рѣшился не расточать его на произведенія мелочныя, и принялся за большой трудъ. Мы говоримъ о поэмѣ „Русланъ и Людмила“, которой первыя пѣсни писаны въ Лицеѣ.

Понятно, что при такомъ направленіи не могло быть порядка и большихъ успѣховъ въ ученіи формальномъ, въ знаніи уроковъ и отвѣтахъ на экзаменѣ. Любопытны отзывы о немъ профессоровъ. Кайдановъ въ вѣдомости о дарованіяхъ, прилежаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Лицея по части географіи, всеобщей и россійской исторіи, съ 1 ноября 1812 по 1 января 1814 года, отозвался о Пушкинѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „При маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе противу прежняго“. Профессоръ Куницынъ говоритъ о немъ въ вѣдомости почти за то же время: „Весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне не прилеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія; а потому успѣхи его очень не велики, особливо по части логики“. Наконецъ, аттестатъ, выданный ему изъ Лицея, свидѣтельствовалъ объ отличныхъ успѣхахъ его въ фехтованіи и танцованіи и о посредственныхъ въ русскомъ языкѣ.

Но если Пушкинъ лѣнился въ классахъ, не выучивалъ уроковъ и въ лицейскихъ вѣдомостяхъ всегда бывалъ въ числѣ послѣднихъ, то взамѣнъ того онъ предавался чтенію со всѣмъ жаромъ геніальной любознательности. При своей необыкновенной памяти, быстротѣ пониманія и соображенія, онъ быстро усвоивалъ себѣ разнообразныя познанія. Въ лицейскомъ стихотвореніи *Городокъ*, написанномъ въ первой половинѣ 1815 года, онъ перечисляетъ любимыхъ своихъ писателей.

Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ мертвецы,
Парнасскіе жрецы,
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою
Со мной они живутъ,
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шутливы,
Въ порядкѣ стали тутъ.

Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Изъ дѣтства сталъ піитъ;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ.
На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Питомцы юныхъ грацій —

Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Являются вдвоемъ.
И ты, пѣвецъ любезный,
Поэзіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
Мудрецъ простосердечный,
Ванюша Лафонтенъ!
Ты здѣсь — и Дмитревъ нѣжный,
Твой вымыселъ любя,
Нашелъ пріютъ надежный
Съ Крыловымъ близъ тебя.
Воспитаны Амуромъ
Вержье, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ
(Не разъ они выходятъ
И сонъ отъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ).
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ,
Съ Мольеромъ-исполиномъ
Фонвизинъ и Княжнинъ.
За ними хмурясь важно,
Ихъ грозный Аристрахъ
Является отважно
Въ шестнадцати томахъ:
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу, и прочее.

Вообще, Пушкинъ можетъ служить блестящимъ опроверженіемъ того мнѣнія, которое полагаетъ, что генію не нужны ученіе и трудъ. Къ счастью, ему открыты были въ Лицеѣ всѣ средства для удовлетворенія любознательности и страсти къ чтенію. Для лицеистовъ выписывались даже иностранныя газеты. Но, сколько извѣстно, Пушкинъ не любилъ этого рода чтеніе.

Онъ не пробылъ въ Лицеѣ положенныхъ шести лѣтъ. Зимою 1816 года въ лицейскомъ зданіи былъ пожаръ, и необходимыя по сему случаю перестройки, вѣроятно, ускорили первый выпускъ лицеистовъ, назначенный въ маѣ 1817 года. Но прежде чѣмъ говорить о выходѣ Пушкина изъ Лицея, слѣдуетъ упомянуть о товарищахъ, съ которыми приходилось ему разставаться.

Разумѣется, всѣ или, по крайней мѣрѣ, большая часть товарищей любила Пушкина, ибо невозможно было не любить его, живя съ нимъ вмѣстѣ. Для многихъ изъ нихъ онъ былъ кумиромъ. Но лучшимъ его другомъ былъ Дельвигъ,

Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышленій.

Дельвигъ былъ для Пушкина тѣмъ же, чѣмъ для Карамзина А. А. Петровъ, для Жуковскаго А. И. Тургеневъ, для Батюшкова И. А. Петинъ. Любя Дельвига со всѣмъ пристрастіемъ горячей дружбы, Пушкинъ думалъ видѣть въ немъ тѣ достоинства, которыхъ желалъ самому себѣ. Этимъ объясняемъ мы себѣ его преувеличенныя похвалы.

Но я любилъ уже рукоплесканье,
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь я, тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ втиши!

Или, говоря о первыхъ стихотвореніяхъ: „Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Никто не привѣтствовалъ вдохно-

веннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо".

Нѣкоторыхъ товарищей Пушкинъ поминаетъ въ лицейской годовщинѣ своей 1825 года:

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ...
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого изъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?
Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ...

Стихи эти относятся къ Н. А. Корсакову, умершему во Флоренціи, въ 1820 году.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
Счастливый путь! Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
И волнъ и бурь любимое дитя!

Тутъ говорилъ Пушкинъ о *Ѳ. Ѳ. Матюшкинѣ,* который въ 1817 году отправился въ путешествіе кругомъ свѣта съ знаменитымъ мореплавателемъ В. М. Головнинымъ, на кораблѣ „Камчаткѣ".

Въ 9-й строкѣ той же лицейской годовщины названъ, какъ полагаютъ, Иванъ Ивановичъ *Пущинъ;* въ 10-й — князь Александръ Михайловичъ *Горчаковъ.*

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.

Пушкинъ очень любилъ князя Горчакова, написалъ къ нему два посланія. Наконецъ, предпослѣдній стихъ 13-й строфы слѣдуетъ читать такъ:

Скажи, *Вильгельмъ,* не то ль и съ нами было?

Это мѣсто напоминаетъ читателямъ лицейскіе стихи Пушкина, въ которыхъ прекрасно выражается нѣжная привязанность его къ Лицею и товарищамъ и которые написаны одному изъ нихъ въ альбомъ.

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! Она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ!

Въ половинѣ мая 1817 года начались въ Лицеѣ выпускные экзамены. Они происходили въ теченіе 15 дней, при многочисленной публикѣ. Посѣтителямъ предоставлено было задавать лицеистамъ вопросы, что дало поводъ къ занимательнымъ отвѣтамъ и преніямъ. На экзаменѣ изъ русской словесности Пушкинъ читалъ сочиненное имъ на этотъ случай довольно слабое стихотвореніе *Безвѣріе:* въ немъ говорится о состраданіи, которое должно имѣть къ невѣрующему. Отвѣты его не были удовлетворительны. Онъ выпущенъ былъ 19-мъ, съ чиномъ X класса или гвардіи офицера.

Мая 19-го, на имя исправляющаго должность министра народнаго просвѣщенія, князя Голицына, послѣдовалъ указъ, въ которомъ сказано, что хотя лицеисты собственно назначаются для гражданской службы, но какъ между ними нѣкоторые могутъ имѣть склонность къ военной, то такимъ предоставляется поступать офицерами въ гвардію, по выученіи фронтовой службы. Еще прежде было обращено вниманіе на военную часть, а съ 1816 года инженеръ-полковникъ Ѳеодоръ Богдановичъ Эльснеръ преподавалъ лицеистамъ военныя науки.

9-го іюня происходилъ въ Лицеѣ торжественный актъ, удостоенный высочайшаго присутствія. Когда окончились обычныя чтенія, князь А. Н. Голицынъ поочередно представилъ Его Величеству выпускаемыхъ воспитанниковъ. Государь говорилъ съ ними, напоминалъ имъ обязанности ихъ, и въ знакъ своего благоволенія приказалъ выдать, поступающимъ на гражданскую службу, до полученія штатныхъ мѣстъ, денежное вспоможеніе изъ государственнаго казначейства.

Въ заключеніе акта пропѣта была прощальная пѣснь воспитанниковъ, сочиненная Дельвигомъ. Директоръ Лицея, Егоръ Антоновичъ Энгельгардъ (который занялъ эту должность только съ 1816 года и къ которому лицеисты питали уваженіе и любовь), поручилъ было написать эту пѣснь Пушкину, но онъ не согласился. Написанное имъ стихотвореніе *Къ товарищамъ передъ выпускомъ* не могло быть пропѣто на актѣ. Конечно, немногіе изъ лицеистовъ оставляли мѣсто

своего воспитанія съ такимъ чувствомъ, какъ Пушкинъ, и никто такъ прекрасно не понималъ его:

Благослови, ликующая муза,
Благослови! да здравствуетъ Лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу —
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Или:

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Срастался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село.

Имя Пушкина доселѣ особенно дорого и любимо всякому лицеисту. Память его свято хранится въ Лицеѣ. Около 1835 года въ маломъ лицейскомъ саду (что примыкалъ къ зданію съ лѣвой руки, если стоять противъ фасада) лицеисты поставили небольшую мраморную пирамиду, на одной сторонѣ которой было написано: Genio loci, а на другой Septimus cursus erexit. *Бартеневъ.*

Слѣды вліянія французскихъ поэтовъ на лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина.

Фантазія Пушкина съ дѣтства воспиталась на преданіяхъ XVIII столѣтія. Она усвоила себѣ классическіе образы изъ французской поэзіи, съ которыми съ давнихъ временъ свыклась европейская поэзія. Зевсъ, Фебъ-Аполлонъ, Минерва, Венера, Вакхъ или Бахусъ, Амуръ или Эротъ, фавны или сатиры, Морфей, Зефиръ и прочіе всѣ боги, богини и нимфы греко-римской миѳологіи составляли готовые образы для поэзіи. Фантазія поэтовъ въ нихъ находила извѣстную идеализацію и, комбинируя ихъ между собою, выражала впечатлѣнія отъ жизни. Наши стихотворцы-риторы и поэты XVIII столѣтія приняли всѣ эти образы и манеру творчества у западныхъ поэтовъ, хотя съ русской жизнью у этихъ образовъ не было ни исторической ни народной связи: они были совершенно чужды и непонятны огромному большинству, не воспитанному на чужой поэзіи и на чужихъ вѣрованіяхъ. Для такой поэзіи у насъ не было питательной почвы. Она отзывалась холодной схоластической ученостью, требовала безполезныхъ познаній и даже большой памяти отъ читателей, которымъ нужно было заучить всѣ миѳологическія подробности, чтобы понимать смыслъ предлагаемыхъ стиховъ и почувствовать ихъ эстетическое вліяніе. Вотъ отчего наша

поэзія была далека отъ жизни и была доступна только меньшинству, чрезъ воспитаніе примкнувшему къ космополитизму.

Юная фантазія Пушкина на первыхъ порахъ вращалась въ этомъ же самомъ мірѣ: представляла себѣ поэта, окруженнаго парнасскими богинями, которымъ давались разныя имена, вмѣстѣ съ Аполлономъ, граціями и харитами; поэтъ являлся въ воображеніи не иначе какъ съ лирою въ рукахъ и съ пѣснію, вдохновленною извнѣ какою-то высшею силою. Любовь рисовалась въ образѣ крылатаго и шаловливаго мальчика, Амура или Эрота, вооруженнаго стрѣлами; бракъ — въ видѣ осмѣяннаго Гименея съ фонаремъ. Въ этихъ-то готовыхъ образахъ Пушкинъ и выражалъ свои впечатлѣнія отъ юной жизни.

Лицейскіе сады представляли довольно классическихъ статуй и бюстовъ съ ихъ строгой красотой и правильными типами. Эта красота должна была имѣть вліяніе на фантазію поэта, воспитывая его эстетическій вкусъ и вызывая любовь къ простотѣ и пластичности, чѣмъ дѣйствительно отличается искусство Пушкина. Такъ, уже въ зрѣлые годы онъ вспоминалъ дѣйствіе этихъ образовъ:

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ;

Тамъ нѣжила меня прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздно мыслить было мнѣ отрада.

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все, мраморные циркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на нихъ плечахъ порфиры —

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердцѣ; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ...

Хотя юный поэтъ читалъ многихъ писателей древнихъ и новыхъ, иностранныхъ и русскихъ, но особенное сочувствіе выказывалъ тѣмъ, которые были ближе къ его собственнымъ вкусамъ и страстямъ — Анакреону, Вольтеру, Парни и Батюшкову. Перваго онъ называлъ своимъ учителемъ, мудрецомъ сладострастія и ставилъ его какъ бы въ образецъ жизни:

Смертный, вѣкъ твой — привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай!
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

Вольтеръ въ его глазахъ — злой крикунъ фернейскій:

Поэтъ въ поэтахъ первый...
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ
Издѣтства сталъ піитъ;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ...
Онъ все: вездѣ великъ
Единственный старикъ!...

Парни для нашего поэта — другъ, врагъ труда, заботъ, печали, а Батюшковъ — россійскій Парни, въ котораго пѣвецъ тійскій (Анакреонъ) влилъ свой нѣжный духъ —

Философъ рѣзвый и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ аонидъ!...

Подражая имъ, Пушкинъ поэтизировалъ свои страстныя увлеченія. Всѣ эротическіе поэты были для него

...любезные пѣвцы,
Сыны безпечности лѣнивой,
Давно вамъ отданы вѣнцы
Отъ музы праздности счастливой!
Но не блестящіе вѣнцы,
Поэзіи трудолюбивой
На верхъ Фессальскія горы
Вели васъ тайные извивы...
И я, неопытный поэтъ,
Небрежныхъ вашихъ риомъ наслѣдникъ,
За вами крадуся вослѣдъ.

На эротическихъ стихотвореніяхъ Пушкинъ выработалъ себѣ легкій, игривый стихъ и нѣкоторую пластичность выраженій, чѣмъ и прельщалъ товарищей своихъ молодыхъ пиршествъ. Интересно видѣть, какъ въ фантазіи Пушкина еще въ первыхъ его опытахъ складывался образъ самого поэта, который впослѣдствіи выразился въ такомъ художественномъ совершенствѣ. Называя себя юношей-мудрецомъ (конечно эпикурейскимъ), питомцемъ нѣгъ и Аполлона, онъ рисуетъ себя въ такихъ картинахъ:

Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ;
Во имя Аполлона
Тибулломъ окрещенъ,
И свѣтлой Ипокреной
Сыздѣтства напоенный,
Подъ кровомъ вешнихъ розъ
Поэтомъ я возросъ.
Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ,
Въ дни рѣзвости златыя
Мнѣ дудку подарилъ.
Знакомясь съ нею рано,
Дудилъ я безпрестанно.
Нескладно хоть игралъ,
По музамъ не скучалъ.

Дана мнѣ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безцѣнный;
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.
На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнковъ изъ митровъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озаряясь,
Влетала въ скромну келью,
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

Изъ этихъ легкихъ начальныхъ эскизовъ впослѣдствіи выработался чудный образъ „Музы“ Пушкина въ извѣстномъ стихотвореніи:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила...

Въ старые годы наши поэты любили поэтизировать лѣнь, соединяя съ нею нѣгу и блаженство жизни. Это согласовалось съ тѣмъ взглядомъ на поэзію, какой у насъ существовалъ въ XVIII столѣтіи. Ея не считали за дѣло, она была бездѣлье на досугѣ. Артистическая натура требовала покоя и уединенія, чтобы углубиться въ себя, всмотрѣться въ тѣ образы, какіе создавала фантазія. Внутренняя, незримая ея работа уже отвлекала и отвращала отъ всякаго другого труда. Она-то и принималась за лѣнь. Но это также было дѣло, только поднятое и допустимое очень немногимъ. Съ нимъ соединялось и наслажденіе, которымъ такъ дорожили поэты. Въ стихахъ Пушкина также воспѣвается лѣнь. Онъ часто называетъ себя поэтомъ безпечнымъ и лѣнивымъ. Въ посланіи къ Дельвигу онъ проситъ:

Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я, право, нѣги сынъ!

Въ стихотвореніи „Сонъ“ онъ призываетъ лѣнь:

Приди, о лѣнь, приди въ мою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
Готово все для гостьи молодой...
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
Учи меня, води моей рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!...

Въ другомъ стихотвореніи юный поэтъ говоритъ о себѣ, что онъ въ лѣности сравнится лишь съ богами.

Въ стихотвореніи къ „Моей чернильницѣ“ (1821 года) онъ обращается къ ней со словами:

Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга,
И съ лѣнью примирилъ:
Она твоя подруга!...

Здѣсь уже видится лѣнь аристократическая, т.-е. внутренняя работа надъ поэтическимъ образомъ, для посторонняго же взгляда — бездѣлье.

Интересно указать, что уже въ первыхъ опытахъ Пушкина высказывался тотъ взглядъ на поэзію, который впослѣдствіи сдѣлался у него какъ бы основнымъ взглядомъ и который онъ такъ горячо отстаивалъ, защищая свободу поэта. Въ посланіи къ Батюшкову онъ говоритъ:

Поэтъ! Въ твоей предметы волѣ!...
Все, все позволено поэту!...

Увлекаясь эротическими поэтами и подражая имъ, Пушкинъ иногда поддавался и вліянію другихъ писателей. Какую пользу стремились извлекать изъ чтенія поэтовъ молодые поэты-лицеисты, видно изъ письма Илличевскаго къ пріятелю отъ 14 декабря 1814 года: „Достигаютъ ли до нашего уединенія вновь выходящія книги? спрашиваешь ты меня. Можешь ли ты въ этомъ сомнѣваться...

И можетъ ли ручей сребристый
По свѣтлому песку катя кристаллъ свой чистый
И тихою волной ласкаясь къ берегамъ,
Течь безъ источника по рощамъ и лугамъ...
И можетъ ли поэтъ, неопытный и юный,
Чуть-чуть бренча на лирѣ тихострунной,
Не подражать другимъ! Ахъ, никогда!

Никогда! Чтеніе питаетъ душу, образуетъ, развиваетъ способности; по сей причинѣ мы стараемся имѣть всѣ журналы и впрямь получаемъ: „Пантеонъ“, „Вѣстникъ Европы“, „Русскій Вѣстникъ“ и прочее. Такъ, мой другъ, и мы также хотимъ наслаждаться свѣтлымъ днемъ нашей литературы, удивляться цвѣтущимъ геніямъ Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. Но не худо иногда подымать завѣсу протекшихъ временъ, заглядывать въ книги отцовъ отечественной поэзіи, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева; тамъ лежатъ сокровища, изъ коихъ каждому почерпать должно. Не худо иногда вопрошать пѣвцовъ иноземныхъ (у нихъ учились предки наши), бесѣдовать съ умами Расина, Вольтера, Делиля и, заимствуя у нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія“.

Стоюнинъ.

Вліяніе писателей русской школы, отразившееся на лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина.

Нѣкоторые господа сильно нападали на издателей трехъ послѣднихъ томовъ сочиненій Пушкина за помѣщеніе его „лицейскихъ стихотвореній, говоря, что это сдѣлано для наполненія книжекъ хотя какимъ-нибудь матеріаломъ за недостаткомъ хорошаго, и что печатать произведенія поэта, которыхъ онъ самъ не считалъ достойными печати, — значитъ оскорблять его память. Ничто не можетъ быть нелѣпѣе такой мысли. Мы очень уважаемъ дарованія и таланты такихъ поэтовъ, какъ Веневитиновъ, Полежаевъ, Баратынскій, Козловъ, Давыдовъ и другіе, но все-таки думаемъ, что изъ уваженія къ нимъ же не слѣдуетъ печатать ихъ слабыя произведенія, тѣмъ болѣе они никому и ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть интересны, а между тѣмъ могутъ повредить извѣстности этихъ авторовъ. Но когда дѣло идетъ о такихъ поэтахъ и писателяхъ, какъ Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Грибоѣдовъ и въ особенности Пушкинъ и Лермонтовъ, — то каждая строка, написанная ихъ рукой, принадлежитъ потомству и должна быть сохранена для него, ибо она напоминаетъ собой или черту ихъ времени, или фактъ объ ихъ образѣ мыслей и характерѣ.

„Лицейскія“ стихотворенія Пушкина, кромѣ того что показываютъ, при сравненіи съ послѣдующими его стихотвореніями, какъ скоро выросъ и возмужалъ его поэтическій геній — особенно важны еще и

въ томъ отношеніи, что въ нихъ видна историческая связь Пушкина съ предшествовавшими ему поэтами; изъ нихъ видно, что онъ былъ сперва счастливымъ ученикомъ Жуковскаго и Батюшкова, прежде чѣмъ явился самостоятельнымъ мастеромъ. Впервые,—сколько помнимъ мы,—появилось стихотвореніе Пушкина („Отечество въ слезахъ—познало вѣсть ужасну!“) въ „Вѣстникѣ Европы“ 1813 года. Онъ написалъ его, когда ему не было и четырнадцати лѣтъ отъ роду, при полученіи извѣстія о смерти Кутузова. Часто стали появляться въ печати стихотворенія Пушкина въ 1815 году въ „Россійскомъ Музеумѣ“ — журналѣ, издававшемся Владимиромъ Измайловымъ. Всѣ они являлись тамъ съ подписью только начальныхъ буквъ имени и фамиліи Пушкина, и всѣ они, по подлиннымъ рукописямъ покойнаго поэта, помѣщены въ IX томѣ его сочиненій между „лицейскими“ стихотвореніями. Потомъ стихотворенія Пушкина стали появляться въ „Сынѣ Отечества“, и большая часть ихъ вошла уже въ сдѣланныя имъ самимъ изданія его сочиненій.

„Лицейскія“ стихотворенія не богаты поэзіей, но часто удивляютъ красотой и изяществомъ стиха. Фактура этого стиха совсѣмъ не Пушкинская: она принадлежитъ Жуковскому и Батюшкову. Далеко уступая этимъ поэтамъ въ поэзіи, Пушкинъ — едва шестнадцатилѣтній юноша,—иногда не только не уступалъ имъ въ стихѣ, но едва ли не смѣлѣе и не бойчѣе владѣлъ имъ. Изъ нихъ только три пьесы ужъ слишкомъ плохи, а именно: „Бова“ (отрывокъ изъ поэмы), „Красавицѣ, которая нюхала табакъ“ и „Безвѣріе“. Первая пьеса написана Пушкинымъ явно въ подражаніе „Ильѣ Муромцу“ Карамзина, которому она, впрочемъ, нисколько не уступаетъ въ достоинствѣ стиха и вымысла. Подобно „Ильѣ Муромцу“ Карамзина, „Бова“ не конченъ, вѣроятно, по одной и той же причинѣ: мысль этихъ пьесъ такъ дѣтски ложна и поддѣльна, что изъ нея ничего не могло выйти цѣлаго, и оба поэта сами соскучились ею, не доведя ея до конца. По самому началу „Бовы“ видно, что „Илья Муромецъ“ Карамзина, слишкомъ восхищавшій юный вкусъ Пушкина, разманилъ его затѣять эту поэму:

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны эллинскія,
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ
Съ Шопеленомъ и съ Рифматовымъ
Воспѣвать героевъ сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я нѣмца Клопштока
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ —
Я хочу, чтобъ меня поняли
Всѣ отъ мала до великаго.
За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крылъ парить,
Но вчера, въ архивахъ роясь,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную.
Прочиталъ — и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Не правда ли, что это очень напоминаетъ знакомое и презнакомое всѣмъ начало „Ильи Муромца“? Пьеса „Красавицѣ, которая нюхала табакъ“ отличается сатирическимъ и сентиментальнымъ характеромъ, столь свойственнымъ нашей старинной поэзіи. Она написана до того

плохими стихами, что намъ, привыкшимъ подъ Пушкинскимъ стихомъ разумѣть высшее изящество стиха, странно думать, что эти стихи писаны Пушкинымъ, хотя бы и тринадцатилѣтнимъ. „Безвѣріе“ — дидактическая пьеса, которыя сотнями писались въ блаженное старое время, — реторическое распространеніе какой-нибудь темы плохими стихами.

Въ дѣтскихъ и юношескихъ опытахъ Пушкина замѣтно вліяніе даже Капниста и Василія Пушкина. Больше всего видно на нихъ вліяніе Жуковскаго и особенно Батюшкова; но вліяніе Державина почти совсѣмъ незамѣтно. Это не значитъ, чтобъ въ натурѣ Пушкина, какъ художника, не было ничего родственнаго съ поэтической натурой Державина, или чтобъ Пушкинъ не любилъ Державина и не восхищался его произведеніями. Напротивъ, Пушкинъ благоговѣлъ передъ Державинымъ. Въ запискахъ своихъ онъ съ такой любовью разсказываетъ, какъ на лицейскомъ публичномъ экзаменѣ читалъ онъ въ двухъ шагахъ отъ Державина, свои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ и восхитилъ ими маститаго поэта. Это было въ 1815 году; Пушкину было тогда шестнадцать лѣтъ. Этотъ случай Пушкинъ всегда считалъ великимъ событіемъ въ своей жизни.

Но при всемъ этомъ громогласный одовоспѣвательный характеръ Державинской поэзіи былъ столько не въ натурѣ и не въ духѣ Пушкина, что на его „лицейскихъ“ стихотвореніяхъ нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ ея вліянія. Только одна кантата „Леда“, изъ всѣхъ „лицейскихъ“ стихотвореній, отзывается языкомъ Державина, но вмѣстѣ и Батюшкова; а самый родъ пьесы (кантата) напоминаетъ одного Державина. Этимъ почти и оканчивается все сближеніе. Но если сравнить въ „Онѣгинѣ“ и другихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина картины русской природы — именно осени и зимы, то нельзя не увидѣть, что онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ какой-то родственности съ Державинскими картинами въ томъ же родѣ. Этого нельзя доказать сравнительными выписками изъ того и другого поэта; но это очевидно для людей, которые способны проникать далѣе буквы и отыскивать аналогію въ духѣ поэтическихъ произведеній. Проблескивающіе по временамъ и мѣстами элементы Державинской поэзіи суть живопись сѣверно-русской природы; народность, сатира и художественность, — все это составляетъ полноту и богатство поэзіи Пушкина, и все это достигло въ ней своего совершеннаго развитія и опредѣленія. Державинская поэзія въ сравненіи съ Пушкинской — это заря предразсвѣтная, когда бываетъ ни ночь, ни день, ни полночь, ни утро, но едва начинается борьба тьмы съ свѣтомъ: брежжетъ невѣрный полумракъ, обманчивый полусвѣтъ, вдали на небѣ какъ-будто бѣлѣетъ полоса свѣта и въ то же время догораютъ готовыя погаснуть ночныя звѣзды, а всѣ предметы являются въ неестественной величинѣ и ложномъ видѣ. Пушкинская поэзія въ сравненіи съ Державинской — это роскошный, полный сіянія и блеска полдень лѣтняго дня: всѣ предметы земли озарены свѣтомъ неба и являются въ своемъ собственномъ, опредѣленномъ, ясномъ

виде, и самая даль только дѣлаетъ ихъ болѣе поэтическими и прекрасными, а не ложными и безобразными... Словомъ, поэзія Державина есть безвременно явившаяся, а потому и неудачная поэзія Пушкинская, а поэзія Пушкинская есть во время явившаяся и вполнѣ достигшая своей опредѣленности, роскошно и благоуханно развившаяся поэзія Державинская...

Пьесы „Къ Наташѣ", „Разсудокъ и любовь", „Къ Машѣ", „Слеза", „Погребъ", „Истина", „Застольная пѣсня", „Делія", „Стансы" (изъ Вольтера), „Къ Деліи", „Къ ней", „Мѣсяцъ", „Я Лилу слушалъ у клавира", „Къ Жуковскому", „Пирующіе друзья", „Къ Дельвигу", „Фіалъ Анакреонъ", „Къ Дельвигу", „Фавнъ и пастушка", „Къ живописцу", „Сновидѣніе", „Романсъ", — всѣ эти пьесы по изобрѣтенію, по формѣ и по именамъ Лилы, Нины, Маши, Наташи и т. п., напоминаютъ собой предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову эпоху русской литературы, или, по крайней мѣрѣ, ту школу поэзіи русской, которая не испытывала на себѣ вліянія этихъ двухъ поэтовъ. Такъ, напримѣръ, пьеса „Къ живописцу" написана какъ будто Державинымъ, предлагающимъ живописцу написать портретъ его Милены и Плѣниры; а пьесы: „Слеза", „Погребъ", „Истина" написаны какъ будто на мотивъ извѣстной прелестной пѣсенки Дениса Давыдова „Мудрость", которая начинается куплетомъ:

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я и Купидонъ,
По бокалу осушили,
Да просили мудрость вонъ.

Чтобъ дать понятіе о духѣ этой школы, представителями которой были Капнистъ, Нелединскій-Мелецкій, В. Пушкинъ, Давыдовъ, мы выпишемъ коротенькое стихотвореніе Пушкина „Сновидѣніе".

Недавно обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ:
Въ вѣнцѣ сіяющемъ царемъ я зрѣлъ себя;
Мечталось, я любилъ тебя —
И сердце билось наслажденьемъ.
Я страсть свою у ногъ въ восторгахъ изъяснялъ.
Мечты! ахъ! отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только царство потерялъ.

Въ посланіи „Къ Жуковскому" Пушкинъ разсуждаетъ въ довольно прозаическихъ стихахъ о литературныхъ вопросахъ, особенно занимавшихъ дядю его, Василія Пушкина, и ту эпоху, которой В. Пушкинъ былъ однимъ изъ представителей. В. Пушкинъ въ прозаическихъ, но иногда очень острыхъ сатирахъ нападалъ на плохихъ стихотворцевъ и славянофиловъ — враговъ Карамзина — того времени. Въ посланіи своемъ „Къ Жуковскому" молодой Пушкинъ, подъ вліяніемъ дяди своего, также нападаетъ на риомачей и славянофиловъ и судитъ о русской литературѣ.

Риѳмачей называетъ онъ „варягами“:

Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
Варяжскіе стихи визжатъ варяговъ строй.
. . . .
Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
Тотъ вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую музу,
Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса мнитъ:
Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ.
Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ:
Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ впрахъ журналомъ,
При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
И маковый вѣнецъ Ѳеспису ими свитъ.
Всѣ, руку наложивъ на томъ Телемахиды,
Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
Волнуясь, возстаютъ неистовой толпой.
Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской глупости не хочетъ бить челомъ:
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыпятся дождемъ на супостата.

Читая эти стихи, невольно переносишься въ то блаженное время нашей литературы, о которомъ теперь, за исключеніемъ пожилыхъ и записныхъ литераторовъ, немногіе имѣютъ понятіе. Въ этомъ посланіи слогъ, фактура стиха, понятія, взглядъ на вещи — все принадлежитъ времени, которое предшествовало Жуковскому и Батюшкову и проглядѣло ихъ явленіе. Но тутъ есть нѣчто и самостоятельное, принадлежащее Пушкину, какъ представителю уже новаго поколѣнія: это жестокая нападка на Тредьяковскаго и въ особенности на Сумарокова:

Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ
Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ,
Веселье россіянъ, полуночное диво?
Нѣтъ! въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!
Ужъ на челѣ его забвенія печать.
Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
Страшилась грація цинической свирѣли,
И персты грубые на лирѣ костенѣли.

Замѣчателенъ еще въ этомъ посланіи юношескій жаръ и рьяность, съ какими Пушкинъ призываетъ талантливыхъ пѣвцовъ на брань

съ писаками. Онъ указываетъ имъ на Феба, сражающаго Пиѳона, и требуетъ мщенія за погибшаго жертвой зависти Озерова:

Ліющая съ небесъ и жизнь и вѣчный свѣтъ,
Стрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаетъ, наконецъ, ужаснаго Пиѳона;
Смотрите! пораженъ ужасными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсть.
Летите на враговъ — Фебъ и музы съ вами!
Разите варваровъ кровавыми стихами,
Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ;
Спесивый риторовъ безграмотный соборъ...

Въ заключеніе молодой поэтъ рѣшается, не боясь гоненій и зависти невѣждъ и риѳмачей, „ученью руку давъ“, смѣло итти прямой дорогой... Это значило возвѣстить о себѣ довольно громко; послѣдствія показали, что этотъ юноша имѣлъ полное на то право...

Въ пьесахъ: „Наслажденіе“, „Къ принцу Оранскому“, „Сраженный рыцарь“, „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ и „Наполеонъ на Эльбѣ“, замѣтное вліяніе Жуковскаго; въ нихъ преобладаетъ элегическій тонъ въ духѣ музы Жуковскаго: стихъ очень близокъ къ стиху Жуковскаго, въ самомъ взглядѣ на предметъ видна зависимость ученика отъ учителя.

„Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ написаны звучными и сильными стихами, хотя вся пьеса эта не болѣе, какъ декламація и реторика. Такими же стихами написана и пьеса „Наполеонъ на Эльбѣ“, содержаніе которой теперь кажется забавно-дѣтскимъ. Пушкинъ заставляетъ Наполеона „свирѣпо прошептать“ разныя ругательства на самого себя, превозносить своихъ враговъ, а о себѣ самомъ отзываться какъ объ ужасномъ mauvais sujet. Между прочимъ Наполеонъ у него „свирѣпо прошептываетъ“:

„Полночи царь младой! ты двинулъ ополченья,
И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,
Отозвалось могучее паденье —
И миръ землѣ и радость небесамъ.
А мнѣ — позоръ и поношенье!“

Чему удивляться, что шестнадцатилѣтній мальчикъ такъ смотрѣлъ на Наполеона въ то время, какъ на него такъ же точно смотрѣли и престарѣлые и возмужавшіе поэты! Гораздо удивительнѣе, что этотъ мальчикъ черезъ пять лѣтъ послѣ того сказалъ о Наполеонѣ:

Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила
И лучъ безсмертія горитъ!
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала! онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ!

Эти стихи и особенно этотъ взглядъ на Наполеона, какъ освѣжительная гроза, раздались въ 1821 году надъ полемъ русской литературы, заросшимъ сорными травами общихъ мѣстъ, и многіе поэты, престарѣлые и возмужалые, прислушивались къ нему съ удивленіемъ, поднявъ встревоженныя головы вверхъ, словно гуси на громъ...

Но между „лицейскими" стихотвореніями гораздо болѣе ознаменованныхъ сильнымъ вліяніемъ Батюшкова. Таковы пьесы: „Къ Натальѣ", „Къ молодой актрисѣ", „Князю А. М. Горчакову", „Осгаръ", „Воспоминаніе" (Пущину), „Сонъ" (отрывокъ), „Къ молодой вдовѣ", „Мое завѣщаніе друзьямъ", „Наѣздникъ", „Къ Г—у", „Мечтатель", „Къ П—у", „Къ Б—ву", „Городокъ". Даже въ пьесахъ, написанныхъ подъ вліяніемъ другихъ поэтовъ, замѣтно въ то же время и вліяніе Батюшкова: какъ гармонировала артистическая натура молодого Пушкина съ артистической натурой Батюшкова! Художникъ инстинктивно узналъ художника, и избралъ его преимущественнымъ образцомъ своимъ. Это показываетъ, до какой степени силенъ былъ въ Пушкинѣ художническій инстинктъ. Какъ ни много любилъ онъ поэзію Жуковскаго, какъ ни сильно увлекался обаятельностью ея романтическаго содержанія, столь могущественной надъ юной душой, но онъ нисколько не колебался въ выборѣ образца между Жуковскимъ и Батюшковымъ, и тотчасъ же безсознательно подчинился исключительному вліянію послѣдняго. Вліяніе Батюшкова обнаруживается въ „лицейскихъ" стихотвореніяхъ Пушкина не только въ фактурѣ стиха, но и въ складѣ выраженія, и особенно во взглядѣ на жизнь и ея наслажденія. Во всѣхъ нихъ видна нѣга и упоеніе чувствъ, столь свойственныя музѣ Батюшкова; и въ нихъ проглядываетъ мѣстами унылость и веселая шутливость Батюшкова. Пушкинъ занялъ у него даже любимыя имена, и въ особенности Хлою и Делію, и манеру пересыпать свои стихотворенія миѳологическими именами купидона, Амура, Марса, Аполлона и пр., и любимыя его выраженія „цитерская сторона, дѣвственная лилея" и тому подобныя. Вспомните стихотворенія Батюшкова, заимствованныя имъ изъ Парни, и потомъ посланіе „Къ П—ну", и сравните съ нимъ пьесы Пушкина „Къ Натальѣ" и „Къ молодой вдовѣ"; вы увидите въ немъ Пушкина ученикомъ Батюшкова. По отдѣлкѣ и стиху, первое стихотвореніе слишкомъ отзывается дѣтской незрѣлостью; но слѣдующее и по стихамъ напоминаетъ Батюшкова. Пьесы: „Осгаръ" и „Эвлега" навѣяны скандинавскими стихотвореніями Батюшкова. Въ то время пользовалось большой извѣстностью дѣйствительно прекрасное посланіе Батюшкова къ Жуковскому — „Мои пенаты". Оно родило множество подражаній. Пушкинъ написалъ въ родѣ и духѣ этого стихотворенія довольно большую пьесу „Городокъ". Подобно Батюшкову, Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи говоритъ о своихъ любимыхъ писателяхъ, которые заняли мѣсто на полкахъ его избранной библіотеки. Только онъ говоритъ не объ однихъ русскихъ писателяхъ, но и объ иностранныхъ. Несмотря на явную подражательность Батюшкову, которою запечатлѣна эта пьеса, въ ней

есть нѣчто и свое, Пушкинское: это не стихъ, который довольно плохъ, но шаловливая вольность, чуждая того, что французы называютъ pruderie, и столь свойственная Пушкину. Онъ нисколько не думаетъ скрывать отъ свѣта того, что всѣ дѣлаютъ съ наслажденіемъ наединѣ, но о чемъ всѣ при другихъ говорятъ тономъ строгой морали; онъ называетъ всѣхъ своихъ любимыхъ писателей... Юношеская запосчивость, безпрестанно придирающаяся сатирой къ бездарнымъ писакамъ и особенно главѣ ихъ, извѣстному Свистову, также характеризуетъ Пушкина.

Въ нѣкоторыхъ изъ „лицейскихъ" стихотвореній сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто Пушкинскій элементъ поэзіи. Такими пьесами считаемъ мы слѣдующія: „Окно", „Элегіи" (числомъ восемь), „Горацій", „Усы", „Желаніе", „Заздравный кубокъ", „Къ товарищамъ передъ выпускомъ". Онѣ не всѣ равнаго достоинства, но нѣкоторыя по тогдашнему времени просто прекрасны. А тогдашнее время было очень невзыскательно и неразборчиво. Оно издало (1815—1817) двѣнадцать томовъ „Образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ" и потомъ (1812—1824) ихъ же переиздало съ исправленіями, дополненіями и умноженіемъ и, наконецъ, не довольствуясь этимъ, напечатало (1821—1822) „Собраніе новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ отъ 1816 по 1821 годъ", и „Собраніе новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1825 годъ". Большая часть этихъ „образцовыхъ" сочиненій весьма легко могли бы почесться образчиками бездарности и безвкусія. „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ" Пушкина были дѣйствительно одной изъ лучшихъ пьесъ этого сборника, а Пушкинъ никогда не помѣщалъ этой пьесы въ собраніи своихъ сочиненій, какъ будто не признавая ее своей, хотя она и напоминала ему одну изъ лучшихъ минутъ его юности! И потому стихотворенія Пушкина, о которыхъ мы начали говорить, имѣли бы полное право, особенно тогда, смѣло итти за образцовыя и не въ такомъ сборникѣ; только черезъ мѣру строгій художническій вкусъ Пушкина могъ исключить изъ собранія его сочиненія такую пьесу, какъ напримѣръ „Горацій". Переводъ изъ Горація, или оригинальное произведеніе Пушкина въ гораціанскомъ духѣ, — что бы ни была она, только никто ни изъ старыхъ ни изъ новыхъ русскихъ переводчиковъ и подражателей Горація не говорилъ такимъ гораціанскимъ языкомъ и складомъ и такъ вѣрно не передавалъ индивидуальнаго характера гораціанской поэзіи, какъ Пушкинъ въ этой пьесѣ, къ тому же и написанной прекрасными стихами. Можно ли не слышать въ нихъ живого Горація? —

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увитыя,
Сирійскимъ мирромъ умащалъ?
Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно бросивъ щитъ,

Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ внезапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ
И спасъ отъ смерти неминучей.
А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возвратился.
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ!
Давайте чаши; не жалѣй
Ни винъ моихъ ни ароматовъ!
Готовы чаши; мальчикъ! лей;
Теперь некстати воздержанье:
Какъ дикій скиѳъ, хочу я пить
И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

Въ этомъ стихотвореніи видна художническая способность Пушкина свободно переноситься во всѣ сферы жизни, во всѣ вѣка и страны, — виденъ тотъ Пушкинъ, который при концѣ своего поприща, нѣсколькими терцинами въ духѣ Дантовой „Божественной комедіи“, познакомилъ русскихъ съ Дантомъ больше, чѣмъ могли бы это сдѣлать всевозможные переводчики, — какъ можно познакомиться съ Дантомъ, только читая въ его подлинникѣ... Въ слѣдующей маленькой элегіи уже виденъ будущій Пушкинъ — не ученикъ, не подражатель, а самостоятельный поэтъ:

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множитъ
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожитъ.
Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью... мнѣ слезы утѣшенье.
Моя душа, объятая тоской,
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тьмѣ, пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру — любя!

Въ пьесѣ „Къ товарищамъ передъ выпускомъ“ вѣетъ духъ, уже совершенно чуждый прежней поэзіи. И стихъ, и понятіе, и способъ выраженія — все ново въ ней, все имѣетъ корнемъ своимъ простой и вѣрный взглядъ на дѣйствительность, а не мечты и фантазіи, облеченныя въ прекрасныя фразы. Поэтъ, готовый съ товарищами своими выйти на большую дорогу жизни, мечтаетъ не о томъ, что всѣ они достигнутъ и богатства, и славы, и почестей, и счастья, а предвидитъ то, что всего чаще и всего естественнѣе бываетъ съ людьми:

Разлука ждетъ насъ у порогу;
Зоветъ насъ свѣта дальній шумъ,
И каждый смотритъ на дорогу
Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ.
Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ:
Въ крещенской утренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатнаго въ прихожей
Покорнымъ плутомъ зритъ себя.

Несмотря на всю незрѣлость и дѣтскій характеръ первыхъ опытовъ Пушкина, изъ нихъ видно, что онъ глубоко и сильно сознавалъ свое призваніе, какъ поэта, и смотрѣлъ на него, какъ на жречество.

Его восхищала мысль объ этомъ призваніи, и онъ говорилъ въ посланіи къ Дельвигу:

Мой другъ! и я пѣвецъ! и мой смиренный путь
Въ цвѣтахъ украсила богиня пѣснопѣнья,
И мнѣ въ младую боги грудь
Вліяли пламень вдохновенья!

Жажда славы сильно волновала эту молодую и пылкую душу, и заря поэтическаго безсмертія казалась ей лучшей цѣлью бытія:

Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Безсмертію души моей
Безсмертіе своихъ твореній.

Такихъ и подобныхъ этимъ стиховъ, доказывающихъ, сколь много занимало Пушкина его поэтическое призваніе, очень много въ его „лицейскихъ" стихотвореніяхъ. Между ними замѣчательно стихотвореніе „Къ моей чернильницѣ":

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ однообразный
Тобой украсилъ я.
Какъ часто другъ веселья,
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмелья
И праздничный бокалъ!
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуту вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ
И музу призывалъ
На пиръ воображенья.
Сокровища мои
На днѣ твоемъ таятся...
Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга
И съ лѣнью примирилъ:
Она твоя подруга!
Съ тобой успѣхъ узналъ
Отшельникъ неизвѣстный...
Завѣтный твой кристаллъ
Хранитъ огонь небесный;
И подъ-вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То странность риѳмы новой,
Неслыханной дотоль.

Вотъ уже какъ рано проснулся въ Пушкинѣ артистическій элементъ: еще отрокомъ, безъ всякаго труда находя въ чернильницѣ концы своихъ стиховъ, думалъ онъ о вѣрности выраженья и задумывался надъ неожиданнымъ стеченіемъ звуковъ или словъ и странностью дотолѣ неслыханной, новой риѳмы! Къ такимъ же чертамъ принадлежатъ вольность и смѣлость въ понятіяхъ и словахъ. Въ одномъ посланіи онъ говоритъ:

Устрой гостямъ пирушку:
На столикъ вощаной
Поставь *пивную кружку*
И кубокъ пуншевой.

За исключеніемъ Державина, поэтической натурѣ котораго никакой предметъ не казался низкимъ, изъ поэтовъ прежняго времени никто не рѣшился бы говорить въ стихахъ о пивной кружкѣ, и самый

пуншевый кубокъ каждому изъ нихъ показался бы прозаическимъ: въ стихахъ тогда говорилось не о кружкахъ, а о фіалахъ, не о пивѣ, а объ амброзіи и другихъ благородныхъ, но не существующихъ на бѣломъ свѣтѣ напиткахъ. Затѣявъ писать какую-то новгородскую повѣсть „Вадимъ“, Пушкинъ, въ отрывкѣ изъ нея, употребилъ стихъ: „Но тынъ обросъ крапивой дикой“. Слово тынъ, взятое прямо изъ міра славянской и новгородской жизни, поражаетъ сколько своей смѣлостью, столько и поэтическимъ инстинктомъ поэта. Изъ прежнихъ поэтовъ, едва ли бы кто не испугался пошлости и прозаичности этого слова. Мы нарочно приводимъ эти, повидимому, мелкія черты изъ „лицейскихъ“ стихотвореній Пушкина, чтобы ими указать на будущаго преобразователя русской поэзіи и будущаго національнаго поэта. Теперь странно видѣть какую-то смѣлость въ употребленіи слова тынъ; но мы говоримъ не о теперешнемъ, а о прошломъ времени: что легко теперь, было трудно прежде. Теперь всякій риѳмачъ смѣло употребляетъ въ стихахъ всякое русское слово, но тогда слова, какъ и слогъ, раздѣлялись на высокія и низкія, и фальшивый вкусъ строго запрещалъ употребленіе послѣднихъ. Нуженъ былъ талантъ могучій и смѣлый, чтобъ уничтожить эти австралійскіе т а б у въ русской литературѣ. Теперь смѣшно читать нападки тогдашнихъ аристарховъ на Пушкина, — такъ они мелки, ничтожны и жалки; но аристархи упрямо считали себя хранителями чистоты русскаго языка и здраваго вкуса, Пушкина — исказителемъ русскаго языка и вводителемъ всяческаго литературнаго и поэтическаго безвкусія...

Изъ тѣхъ „лицейскихъ“ стихотвореній Пушкина, которыя мы назвали лучшими и наиболѣе самостоятельными его произведеніями, нѣкоторыя впослѣдствіи онъ измѣнилъ и передѣлалъ, и внесъ въ собраніе своихъ сочиненій.

Такова, напримѣръ, пьеса „Друзьямъ“.

Къ чему веселые друзья,
Мое тревожитъ васъ молчанье?
Запѣвъ послѣднее прощанье,
Ужъ муза смолкнула моя.
Напрасно лиру взялъ я въ руки
Брянцать веселья на пирахъ,
И на ослабленныхъ струнахъ
Искалъ потерянные звуки.

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И на любовь устремлены
Огнемъ исполненныя очи!
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечный,
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

Впослѣдствіи Пушкинъ такъ передѣлалъ эту пьесу:

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечный,
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

Бѣлинскій.

Значеніе лицейскихъ стихотвореній Пушкина.

Будучи изданы только въ 1841 году, когда уже были обнародованы почти всѣ зрѣлыя произведенія Пушкина, лицейскія его стихотворенія могли быть разсматриваемы и цѣнимы только съ исторической точки зрѣнія. Шевыреву первому пришлось высказаться по этому поводу, и въ своей статьѣ о посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина онъ писалъ объ его лицейскихъ стихотвореніяхъ слѣдующее: „Въ Перуджіи, школѣ младенца Рафаэля, есть знаменитый Palazzo del cambio, и въ немъ зала, расписанная Петромъ Перуджинскимъ и его учениками. Здѣсь пеленки и колыбель живописца Рафаэля, здѣсь въ первый разъ является кисть отрока-генія, и между трудами другихъ учениковъ вы стараетесь отгадать то, что принадлежитъ вдохновенному. Съ какимъ чувствомъ смотришь на первые опыты этой кисти, которая была назначена для Мадонны и Преображенія. Съ чувствомъ еще сильнѣйшимъ перечитывали мы лицейскія стихотворенія Пушкина: это его пеленки, его колыбель, гдѣ развивалось могучее младенчество поэта. Это его школа, изъ которой яснѣетъ намъ все первоначальное его развитіе. Къ этому присоединяются и воспоминанія о нашей собственной юности и всего поколѣнія, намъ современнаго: сколько тутъ стиховъ, которые мы помнили наизустъ въ прежнее время! Всѣ мы, хотя воспитанные совершенно иначе, праздновали юность свою подъ вліяніемъ музы Пушкина... Эти стихотворенія замѣняютъ намъ записки объ юности Пушкина. Здѣсь, въ его пѣсняхъ и сердечныхъ дружескихъ изліяніяхъ, можно видѣть, какъ бурно, шумно и весело она развивалась. Какой свободный разгулъ во всѣхъ ея грѣхахъ и шалостяхъ! Какъ все это естественно и вѣрно! Въ ней нѣтъ ни мрачнаго раздумья ни преждевременнаго разочарованія, ничего, что могло бы рѣзко противорѣчить ея природѣ“. Три года спустя, постоянный антагонистъ Шевырева — Бѣлинскій высказалъ о лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина сужденіе, близкое къ только что приведенному: „Лицейскія стихотворенія Пушкина, кромѣ того, что показываютъ, при сравненіи съ послѣдующими его стихотвореніями, какъ скоро выросъ и возмужалъ его поэтическій геній, особенно важны еще въ томъ отношеніи, что въ нихъ видна историческая связь Пушкина съ предшествовавшими ему поэтами; изъ нихъ видно, что онъ былъ сперва счастливымъ ученикомъ Жуковскаго и Батюшкова, прежде чѣмъ явился самостоятельнымъ мастеромъ... Лицейскія стихотворенія не богаты поэзіей, но часто удивляютъ красотой и изяществомъ стиха. Фактура этого стиха совсѣмъ не Пушкинская; она принадлежитъ Жуковскому и Батюшкову. Далеко уступая этимъ поэтамъ въ поэзіи, Пушкинъ — едва шестнадцатилѣтній юноша — иногда не только не уступалъ въ стихѣ, но еще едва ли не смѣлѣе и не бойчѣе владѣлъ имъ“.

Впослѣдствіи было обращено вниманіе преимущественно на біографическое значеніе лицейскихъ стихотвореній, и въ 1855 году

Анненковъ писалъ о нихъ слѣдующее: „Не говоря уже объ интересѣ, который связывается даже съ незрѣлыми произведеніями истиннаго художника, они способствуютъ еще къ уразумѣнію нравственной его физіономіи въ извѣстную эпоху жизни. За неимѣніемъ ближайшихъ свѣдѣній, погибающихъ вмѣстѣ съ людьми и даже прежде людей, эти данныя имѣютъ сами по себѣ немаловажное достоинство".

Но особенно ярко очерчено значеніе лицейскихъ стихотвореній Пушкина для исторіи его жизни и творчества Гротомъ. Самъ старый лицеистъ, хорошо знакомый съ преданіями Пушкинскаго времени, онъ съ особенною любовью останавливался на лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. „Конечно, — говорилъ Гротъ, — послѣдующія его произведенія зрѣлѣе и совершеннѣе, но и ранніе стихи его, въ которыхъ такъ ярко отразилась его игривая и кипучая молодость, въ которыхъ талантъ его уже является съ такимъ изумительнымъ блескомъ, возбуждаютъ живой интересъ. Мы видимъ въ нихъ первые взмахи крыльевъ могучаго орла, мы въ нихъ уже предчувствуемъ и предвкушаемъ его будущее величіе. Если намъ вообще дороги подробности о дѣтствѣ и юности замѣчательнаго человѣка, то тѣмъ болѣе цѣнны впечатлѣнія и мысли, имъ самимъ выраженныя въ этомъ возрастѣ. Кромѣ того, лицейскія стихотворенія Пушкина заслуживаютъ особеннаго вниманія еще и потому, что періодъ его воспитанія въ Царскомъ Селѣ нашелъ такой сильный отголосокъ во всей его дальнѣйшей поэтической дѣятельности".

Переходя затѣмъ къ ближайшей характеристикѣ лицейскихъ стихотвореній, Гротъ говоритъ: „прежде всего насъ поражаетъ масса того, что написано Пушкинымъ въ Лицеѣ; его стихотворенія этой эпохи, числомъ около 130, составляютъ цѣлую порядочную книгу. Такая производительность, при достоинствахъ написаннаго, указываетъ уже на могущество таланта. Нѣкоторые товарищи Пушкина, также не лишенные поэтическаго дарованія, далеко отстали отъ него и въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, дружное соединеніе столькихъ молодыхъ талантовъ въ возникающемъ учебномъ заведеніи представляетъ явленіе необыкновенное. Эти отроки на 14-мъ и 15-мъ году жизни вступаютъ уже въ сношенія съ редакторами журналовъ, которые охотно принимаютъ и печатаютъ ихъ труды. Къ образованію этого литературнаго сообщества способствовали многія обстоятельства... Но главнымъ виновникомъ и двигателемъ литературной жизни въ новомъ училищѣ былъ все-таки Пушкинъ, и безъ него это направленіе, конечно, не достигло бы тамъ такого поразительнаго развитія. Можно сказать, что Пушкинъ, поступая въ Лицей двѣнадцати лѣтъ отъ роду, по своимъ занятіямъ и связямъ, уже былъ литераторомъ: съ девятилѣтняго возраста онъ зачитывался въ билбіотекѣ своего отца французскими поэтами и лично познакомился съ извѣстнѣйшими русскими писателями: Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ". Въ подтвержденіе своего мнѣнія о раннемъ литературномъ развитіи Пушкина и о вліяніи его на товарищей въ этомъ отношеніи Гротъ приводитъ слѣдующія

слова изъ письма лицеиста Илличевскаго, писаннаго въ мартѣ 1812 года, т.-е. чрезъ полгода по открытіи Лицея: „Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ *одного молодого человѣка*, который, живши между лучшими стихотворцами, пріобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса". „Этимъ учителемъ своихъ товарищей, — добавляетъ Гротъ, — былъ Пушкинъ, младшій изъ нихъ по лѣтамъ, но на котораго они невольно смотрѣли какъ на старшаго". Какъ извѣстно, Пушкинъ учился въ Лицеѣ плохо, но, замѣчаетъ Гротъ, приводя слова Плетнева, — „несмотря на видимую свою невнимательность изъ преподаванія предметовъ, выносилъ болѣе, нежели его товарищи". Особенно же вознаграждалъ онъ недостатки преподаванія и приготовленія уроковъ чтеніемъ, и при своей необыкновенной памяти быстро усвоивалъ себѣ навсегда все пріобрѣтенное этимъ путемъ. „Читая его лицейскія стихотворенія, — продолжаетъ Гротъ, — мы замѣчаемъ, что онъ знаетъ чрезвычайно много, и не можемъ не приписать этого частью его начитанности, частью наблюдательности, быстротѣ пониманія да еще свойственной геніальнымъ людямъ способности угадывать то, что̀ людямъ обыкновеннымъ дается только долговременнымъ опытомъ. Сюда относится особенно раннее знаніе человѣческаго сердца и пониманіе людскихъ страстей и отношеній. Не упоминаю о живости чувствъ, о пылкости воображенія, о юношеской игривости ума, которые у Пушкина присоединялись къ сказаннымъ свойствамъ".

Гротъ отмѣчаетъ также тѣ положительныя знанія, отраженіе которыхъ можно найти въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Здѣсь должно быть прежде всего указано знакомство юнаго поэта съ греческимъ и римскимъ міромъ. „Еще въ родительскомъ домѣ, — говоритъ Гротъ, — до поступленія въ Лицей, онъ прочелъ въ переводѣ Битобэ, всю „Иліаду" и „Одиссею". А въ Лицеѣ Пушкинъ слушалъ Кошанскаго, который, „объясняя на своихъ урокахъ произведенія древнихъ, присовокуплялъ къ тому толкованія изъ исторіи литературы и миѳологіи" и употреблялъ для того „Ручную книгу древней классической словесности" Эшенбурга, имъ переведенную и изданную въ 1817 году. „Такимъ образомъ, — по мнѣнію Грота, — намъ становится яснымъ, почему Пушкинъ еще въ Лицеѣ такъ любилъ заимствовать изъ древняго міра образы и сюжеты для своихъ стихотвореній". Другую область, въ которой еще въ стѣнахъ Лицея Пушкинъ является съ твердыми свѣдѣніями, составляетъ русское слово. „Необыкновенное знаніе родного языка, — замѣчаетъ Гротъ, — поражаетъ насъ въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Пушкина. Правда, что онъ нашелъ русскій поэтическій языкъ уже значительно обработаннымъ въ стихахъ Жуковскаго и Батюшкова; но Пушкинъ скоро придалъ ему еще бо́льшую свободу, простоту и естественность, болѣе и болѣе сближая его съ языкомъ народнымъ. Замѣтимъ, что въ самомъ постановленіи о преподаваніи въ Лицеѣ было правило: избѣгать всякой высокопарности, но это правило не всегда умѣли соблюдать и сами преподаватели, какъ показываютъ дошедшіе

до насъ отрывки изъ ихъ рѣчей. На перекоръ имъ Пушкинъ опередилъ въ этомъ отношеніи свое время“.

Въ заключеніе нашихъ извлеченій изъ статьи Грота, приведемъ еще слѣдующее его наблюденіе, вполнѣ справедливое: „По настроенію поэта лицейскія стихотворенія его замѣтно распадаются на два отдѣла или двѣ эпохи: первая продолжается отъ 1812 года приблизительно до осени 1816, вторая отъ этого времени до выпуска его въ іюнѣ 1817 года. Въ первой преобладаетъ веселое эротическое направленіе, выражающееся въ игривой, легкой и граціозной формѣ; вторая, наступившая вслѣдствіе сильнаго сердечнаго увлеченія, отличается меланхолическимъ характеромъ и строгой формой большей части стихотвореній“.

Моментомъ оставленія Лицея въ іюнѣ 1817 года, собственно говоря, оканчивается лицейская пора творчества Пушкина. Но, разумѣется, покидая Лицей, онъ не сразу разстался съ литературными пріемами, которые употреблялъ въ то время: ихъ можно замѣтить въ его произведеніяхъ въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ.

Майковъ.

Переходныя стихотворенія Пушкина.

Въ переходныхъ стихотвореніяхъ виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей, поэтъ даровитый, но еще несамостоятельный и — если можно такъ выразиться — обѣщающій Пушкина, но еще не Пушкинъ. Въ этихъ переходныхъ стихотвореніяхъ видна живая историческая связь Пушкина съ предшествовавшей ему литературой, и они перемѣшаны съ пьесами, въ которыхъ виденъ уже зрѣлый талантъ и въ которыхъ Пушкинъ является истиннымъ художникомъ, творцомъ новой поэзіи на Руси.

Такими переходными пьесами считаемъ мы слѣдующія: „Къ Лицинію“, „Гробъ Анакреона“, „Пробужденіе“, „Друзьямъ“, „Пѣвецъ“, „Амуръ и Гименей“, Ш — ву“, „Торжество Вакха“, „Разлука“, П.—ну“, „Дельвигу“, „Выздоровленіе“, „Прелестницѣ“, „Жуковскому“, „Увы, зачѣмъ она блистаетъ“, „Русалка“, „Стансы Т — му“, „В — му“, „Кривцову“, „Черная шаль“, „Дочери Карагеоргія“, „Война“, „Я пережилъ мои мечтанья“, „Гробъ юноши“, „Къ Овидію“, „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“, „Друзьямъ“, „Гречанкѣ“, „Сводъ неба мракомъ обложился“, „Телѣга жизни“, „Прозерпина“, „Вакхическая пѣсня“, „Козлову“, „Ты и вы“ и нѣсколько эпиграммъ, которыми оканчивается вторая часть и которыми Пушкинъ заплатилъ невольную дань тому времени, когда онъ вышелъ на поэтическое поприще. Эпиграммы, мадригалы, надписи къ портретамъ были тогда въ большомъ ходу и

составляли особенный родъ поэзіи, которому въ піитикахъ посвящалась особая глава. Только Державинъ и Жуковскій не писали эпиграммъ; но Батюшковъ былъ до нихъ большой охотникъ, и, вѣроятно, его-то примѣръ особенно увлекъ Пушкина.

Замѣчательно, что во второй части собранія стихотвореній Пушкина уже меньше переходныхъ пьесъ, а въ третій ихъ совсѣмъ нѣтъ: въ ней содержатся только пьесы, проникнутыя насквозь самобытнымъ духомъ Пушкина и отличающіяся всѣмъ совершенствомъ художественной формы его созрѣвшаго и возмужавшаго генія. Въ первой части всего больше переходныхъ пьесъ; но въ ней же между переходными пьесами есть довольно и такихъ, которыя по содержанію и по формѣ обличаютъ уже оригинальность и самостоятельность, составляющія характеръ Пушкинской поэзіи. Чтобы яснѣе было нашимъ читателямъ, что мы разумѣемъ подъ „переходными“ стихотвореніями Пушкина, мы поименуемъ и противоположныя имъ чисто Пушкинскія пьесы, находящіяся въ первой части; они начинаются не прежде, какъ съ 1819 года, въ такомъ порядкѣ: „Мечтателю“, „Уединеніе“, (которое, впрочемъ, только по содержанію, а не по формѣ, можно отнести къ числу чисто Пушкинскихъ пьесъ), „Домовому“, „N. N.“, „Недоконченная картина“, „Возрожденіе“, „Погасло дневное свѣтило“, и въ особенности начинающіяся съ 1820 года: „Виноградъ“, „О дѣва-роза, я въ оковахъ“, „Дориде“, „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда“, „Нереида“, „Дорида“, „Ч — ву“, „Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ“, „Умолкну скоро я“, „Муза“, „Діонея“, „Дѣва“, „Примѣты“, „Земля и море“, „Красавица передъ зеркаломъ“, „Алексѣеву“, „Ч — ву“, „Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный“, „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“, „Ненастный день потухъ“, „Ты вянешь и молчишь“, „Къ морю“, „Коварность“, „Ночной зефиръ“ и „Подражанія корану“. Обо всѣхъ этихъ пьесахъ наша рѣчь впереди; скажемъ сперва нѣсколько словъ только о „переходныхъ“.

Въ переходныхъ пьесахъ Пушкинъ больше всего является счастливымъ ученикомъ прежнихъ мастеровъ, особенно Батюшкова, — ученикомъ, побѣдившимъ своихъ учителей. Стихъ его уже лучше, чѣмъ у нихъ, и пьесы въ цѣломъ отличаются большей выдержанностью. Собственно Пушкинскій элементъ въ нихъ составляетъ элегическая грусть, преобладающая въ нихъ. Съ перваго раза замѣтно, что грусть болѣе къ лицу музѣ Пушкина, болѣе родственна ей, чѣмъ веселая и шаловливая шутливость. Часто иная пьеса начинается у него игриво и весело, а заключается унылымъ чувствомъ, которое, какъ финальный аккордъ въ музыкальномъ сочиненіи, одинъ остается на душѣ, изглаживая въ ней всѣ предшествовавшія впечатлѣнія. Маленькое стихотвореніе „Друзьямъ“ можетъ служить образцомъ такихъ пьесъ и доказательствомъ справедливости нашей мысли. Поэтъ говоритъ о шумномъ днѣ разлуки, о буйномъ пирѣ Вакха, о кликахъ безумной юности, при громѣ чашъ и звукѣ лиръ, и о той широкой чашѣ, которая, удовлетворяя скиѳскую жажду, вмѣщала въ свои широкіе края цѣлую

бутылку, — и вдругъ эта веселая, шаловливая картина неожиданно заключается такой элегической чертой:

Я пилъ и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминалъ.

Но грусть Пушкина не есть сладенькое чувствованьице нѣжной, но слабой души; это всегда грусть души мощной и крѣпкой, и тѣмъ обаятельнѣе дѣйствуетъ она на читателя, тѣмъ глубже и сильнѣе отзывается въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ его сердца, и тѣмъ гармоничнѣе потрясаетъ его струны. Пушкинъ никогда не расплывается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звенитъ у него, но не заглушая гармоніи другихъ звуковъ души и не допуская его до монотонности. Иногда, задумавшись, онъ какъ будто вдругъ встряхиваетъ головой, какъ левъ гривой, чтобъ отогнать отъ себя облако унынія, и мощное чувство бодрости, не изглаживая совершенно грусти, даетъ ей какой-то особенный освѣжительный и укрѣпляющій душу характеръ. Такъ и въ приведенной нами сейчасъ пьесѣ внезапное чувство мгновенной грусти тотчасъ же смѣнилось у него бодрымъ и широкимъ размахомъ прояснѣвшей души:

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подшипѣвшею струей.

Изъ переходныхъ пьесъ Пушкина лучшія тѣ, въ которыхъ болѣе или менѣе проглядываетъ чувство грусти, такъ что пьесы, вовсе лишенныя его, отзываются какой-то прозаичностью, а при немъ и незначительныя пьесы получаютъ значеніе. Такъ, напримѣръ, пьеса „Я пережилъ мои желанья“, какъ ни слаба она, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя своимъ послѣднимъ куплетомъ:

Такъ позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

Сколько этой поэтической грусти, этого поэтическаго раздумья въ прелестномъ стихотвореніи „Гробъ юноши!“

А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ!
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ...
Къ чему?

Все окончаніе этой прекрасной пьесы, заключающее въ себѣ картину гроба юноши, дышитъ такой свѣтлой, ясной и отрадной грустью, какую знала и дала знать міру только поэтическая душа Пушкина... Пьеса „Къ Овидію“ въ цѣломъ сбивается нѣсколько на старинный дидактическій тонъ посланій, но въ немъ много прекраснаго, и особенно начиная со стиха: „Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ“, до стиха: „Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки“; и лучшую сторону этого стихотворенія составляетъ его элегическій тонъ.

Изъ переходныхъ стихотвореній Пушкина слабѣйшими можно считать: „Русалку", „Черную шаль", „Сводъ неба мракомъ обложился". „Русалка" прекрасна по идеѣ, но поэтъ не совладалъ съ этой идеей, — и кто хочетъ понять, до какой степени прекрасна и исполнена поэзіи эта идея, тотъ долженъ видѣть превосходное произведеніе нашего даровитаго живописца Моллера. Въ этой картинѣ художникъ воспользовался заимствованной имъ у поэта идеей несравненно лучше, чѣмъ самъ поэтъ. „Русалка" Пушкина отзывается юношеской незрѣлостью; „Русалка" Моллера есть богатое и роскошное созданіе зрѣлаго таланта. — „Черная шаль" при своемъ появленіи возбудила фуроръ въ русской читающей публикѣ, но, подобно „Гусару" Батюшкова, теперь какъ-то опошлилась и чрезвычайно нравится любителямъ „пѣсенниковъ". Теперь очень не рѣдкость услышать, какъ поетъ эту пьесу какой-нибудь разгульный простолюдинъ вмѣстѣ съ пѣсней Ѳ. Глинки: „Вотъ мчится тройка удалая", или: „Ты не повѣришь, какъ ты мила"... „Сводъ неба мракомъ обложился" есть не что иное, какъ отрывокъ изъ новгородской поэмы „Вадимъ", которую затѣвалъ было Пушкинъ въ своей юности и которой суждено было остаться неоконченной. Одинъ отрывокъ помѣщенъ между „лицейскими" стихотвореніями, въ IX томѣ, подъ названіемъ „Сонъ", и Пушкинъ не хотѣлъ его печатать. Стихъ отрывка „Сводъ неба мракомъ обложился" хорошъ, но прозаиченъ. Герои, выставленные Пушкинымъ въ этомъ отрывкѣ, — славяне; одинъ — старикъ, другой — прекрасный юноша съ кручиной въ глазахъ —

На немъ одежда славянина
И на бедрѣ славянскій мечъ,
Славянъ вотъ очи голубыя,
Вотъ ихъ и волосы златые,
Волнами падшіе до плечъ.

Старикъ — человѣкъ бывалый:

Видалъ онъ дальнія страны,
По сушѣ, по морю носился,
Во дни бывалы, дни войны
На западѣ, на югѣ бился,
Дѣля добычу и труды
Съ суровымъ племенемъ Одена.
И предъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали, какъ морская пѣна,
Въ часъ бури, къ чернымъ берегамъ.
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ скальдовъ изступленныхъ
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ.

Очевидно, что это не тѣ славяне, которые втихомолку отъ исторіи и украдкой отъ человѣчества жили да поживали себѣ въ степяхъ, болотахъ и дебряхъ нынѣшней Россіи; но славяне карамзинскіе, которыхъ существованіе и образъ жизни не подвержены ни малѣйшему сомнѣнію только въ „Исторіи Государства Россійскаго". Изъ такихъ славянъ нельзя было сдѣлать поэмы, потому что для поэмы нужно дѣйствительное содержаніе, и ея героями могутъ быть только дѣйствительные люди, а не ученыя фантазіи и не историческія гипотезы... Кто видалъ славянскіе мечи? Дреколья и теперь можно видѣть... Кто видалъ славянскую боевую одежду временъ баснословнаго Вадима,

или баснословнаго Гостомысла?... Лапти и сермяги можно и теперь видѣть...

„Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“ — совсѣмъ другое дѣло; поэтъ умѣлъ набросить какую-то поэтическую туманность на эту болѣе лирическую, чѣмъ эпическую пьесу, — туманность, которая очень гармонируетъ съ исторической отдаленностью представленнаго въ ней героя и событія и съ неопредѣленностью глухого преданія о нихъ. Оттого пьеса эта исполнена поэтической прелести, которую особенно возвышаетъ разлитый въ ней элегическій тонъ и такой-то чисто русскій складъ изложенія. Пушкинъ умѣлъ сдѣлать интереснымъ даже коня Олегова, — и читатель раздѣляетъ съ Олегомъ желаніе взглянуть на кости его боевого товарища:

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль...

Вся пьеса эта удивительно выдержана въ тонѣ и въ содержаніи: послѣдній куплетъ удачно замыкаетъ собой поэтическій смыслъ цѣлаго и оставляетъ на душѣ читателя полное впечатлѣніе:

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Нельзя того же сказать о всѣхъ переходныхъ пьесахъ Пушкина въ отношеніи къ выдержанности и цѣлостности; во многихъ изъ нихъ не чувствуешь, чтобъ онѣ были кончены на мѣстѣ, или чтобъ въ нихъ не было сказано лишняго, или чтобъ въ нихъ было сказано, что бы можно и должно было сказать. Этого недостатка совершенно чужды пьесы чисто Пушкинскія, и совершеннымъ отсутствіемъ въ нихъ этого недостатка Пушкинъ рѣзко отдѣляется отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ.

Исчисляя пьесы Пушкина въ первой части, мы не упомянули объ одной изъ замѣчательныхъ — „Наполеонъ“. Это стихотвореніе двойственно: въ нѣкоторыхъ куплетахъ его видишь Пушкина самобытнаго, а въ нѣкоторыхъ чувствуешь что-то переходное. Такія мысли, высказанныя такими стихами, какъ эти, могли принадлежать только великому поэту:

Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.
. . . .
Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душною изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ!

И знойный островъ заточенья
Полночный парусъ посѣтилъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертилъ.
Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда въ своей пустынѣ,
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ изгнаньи горькомъ думалъ онъ.
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Но все остальное въ этой пьесѣ какъ-то рѣзко отзывается тономъ декламаціи и нѣсколько напряженной восторженностью, подъ которой скрывается болѣе раздраженія, чѣмъ вдохновенія. Впрочемъ и тутъ много оргинальнаго, что было до Пушкина неслыхано и невидано въ русской поэзіи, какъ напримѣръ, выраженія: „осужденный властитель, могучій баловень побѣдъ, изгнанникъ вселенной, для котораго настаетъ потомство, обезславленная земля, своенравная воля, блистательный позоръ“ и тому подобныя.

Отчасти то же можно сказать и о другомъ превосходномъ произведеніи Пушкина — „Андрей Шенье“, которое помѣщено во второй части и было написано уже въ 1825 году. Пять куплетовъ, которыми начинается эта элегія, сильно отзываются декламаціей, которая совсѣмъ не въ натурѣ Пушкинскаго духа и которая показываетъ, какъ долго удерживалось въ немъ вліяніе воспитавшей его старой школы русской поэзіи. Конецъ этой пьесы тоже нѣсколько натянутъ; но середина, отъ стиха: „Не узнаю васъ, дни славы, дни блаженства“ до стиха: „Ты, слава, звукъ пустой“ — исполнены всей очаровательности Пушкинской поэзіи.

Есть еще стихотвореніе, котораго мы съ умысломъ не поименовали, чтобы поговорить о немъ особенно: это — „Демонъ“, пьеса, которая при своемъ появленіи поразила всѣхъ изумленіемъ по глубокости высказанной въ ней мысли и по совершенству художнической формы. Сказать ли?... Эта пьеса теперь пережила свою славу, и время изрекло надъ ней свой судъ. Есть что-то простодушно-юношеское въ ея выраженіи, и теперь нельзя безъ улыбки читать этихъ, нѣкогда столь дивныхъ стиховъ:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія —
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья —
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь,

и проч. Самъ этотъ демонъ, который прекрасное звалъ мечтой, презиралъ вдохновеніе, не вѣрилъ любви и свободѣ, насмѣшливо смотрѣлъ на жизнь, — самъ онъ теперь давно уже поступилъ въ разрядъ демоновъ средней руки, — и теперь совсѣмъ не нужно быть демономъ, чтобъ отъ души смѣяться надъ той любовью, той свободой, надъ которыми онъ смѣялся. Словомъ, этотъ страшный тогда демонъ теперь

страшенъ развѣ только для слишкомъ юнаго чувства и неопытнаго ума: сердца возмужалыя и умы опытные теперь уже не страшатся и другого демона, пострашнѣе Пушкинскаго. *Бѣлинскій.*

Антологическія стихотворенія Пушкина.

Самобытныя мелкія стихотворенія Пушкина не восходятъ далѣе 1819 года, и съ каждымъ слѣдующимъ годомъ увеличиваются въ числѣ. Изъ нихъ прежде всего обратимъ вниманіе на тѣ маленькія пьесы, которыя и по содержанію и по формѣ отличаются характеромъ античности и которыя съ перваго раза должны были показать въ Пушкинѣ художника по превосходству. Простота и обаяніе ихъ красоты выше всякаго выраженія: это музыка въ стихахъ и скульптура въ поэзіи. Пластическая рельефность выраженія, строгій классическій рисунокъ мысли, полнота и оконченность цѣлаго, нѣжность и мягкость отдѣлки въ этихъ пьесахъ обнаруживаютъ въ Пушкинѣ счастливаго ученика мастеровъ древняго искусства. А между тѣмъ онъ не зналъ по-гречески, и вообще многосторонній, глубокій художественный инстинктъ замѣнялъ ему изученіе древности, въ школѣ которой воспитываются всѣ европейскіе поэты. Этой поэтической натурѣ ничего не стоило быть гражданиномъ всего міра и въ каждой сферѣ жизни быть какъ у себя дома; жизнь и природа, гдѣ бы ни встрѣтилъ онъ ихъ, свободно и охотно ложились на полотнѣ подъ его кистью.

До Пушкина было довольно переводовъ изъ греческихъ поэтовъ, равно какъ и подражаній греческимъ поэтамъ; не говоря уже о попыткѣ Кострова перевести „Иліаду“ и о многочисленныхъ переводахъ и подражаніяхъ Мерзлякова, много было переведено изъ Анакреона Львовымъ; но, несмотря на все это, за исключеніемъ отрывковъ изъ переводимой Гнѣдичемъ „Иліады“, на русскомъ языкѣ не было ни одной строки ни одного стиха, который бы можно было принять за намекъ на древнюю поэзію. Такъ продолжалось до Батюшкова, муза котораго была въ родствѣ съ музой эллинской и который превосходно перевелъ нѣсколько пьесъ изъ антологіи. Пушкинъ почти ничего не переводилъ изъ греческой антологіи, но писалъ въ ея духѣ такъ, что его оригинальныя пьесы можно принять за образцовые переводы съ греческаго. Это большой шагъ впередъ передъ Батюшковымъ, не говоря уже о томъ, что на сторонѣ Пушкина большое преимущество и въ достоинствѣ стиха. Посмотрите, какъ эллински, или какъ артистически (это одно и то же) разсказалъ Пушкинъ о своемъ художественномъ призваніи, почувствованномъ имъ еще въ лѣта отрочества; эта пьеса называется „Муза“:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника

Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Да, несмотря на счастливые опыты Батюшкова въ антологическомъ родѣ, такихъ стиховъ еще не бывало на Руси до Пушкина!

Нельзя не дивиться въ особенности тому, что̀ онъ умѣлъ сдѣлать изъ шестистопнаго ямба — этого несчастнаго стиха, доведеннаго до пошлости русскими эпиками и трагиками добраго стараго времени. За него уже было отчаялись, какъ за стихъ неуклюжій и монотонный, а Пушкинъ воспользовался имъ, словно дорогимъ паросскимъ мраморомъ, для чудныхъ изваяній, *видимыхъ слухомъ*... Прислушайтесь къ этимъ звукамъ, — и вамъ покажется, что вы видите передъ собой превосходную античную статую:

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ деревъ, едва я смѣлъ дохнуть;
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И влагу изъ власовъ струею выжимала.

Акустическое богатство, мелодія и гармонія русскаго языка въ первый разъ явились во всемъ блескѣ въ стихахъ Пушкина. Мы не знаемъ ничего, что могло бы въ этомъ отношеніи сравниться съ этой пьеской:

Я вѣрю, — я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая, харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.

Правда, послѣдній стихъ есть не болѣе, какъ вѣрный переводъ стиха Андре Шенье — „Et des noms carresants la mollesse enfantine“; но если гдѣ имѣетъ глубокій смыслъ выраженіе: „онъ беретъ свое, гдѣ ни увидитъ его“, то, конечно, въ отношеніи къ своему стиху, который Пушкинъ умѣлъ сдѣлать своимъ.

Тѣмъ же античнымъ духомъ вѣетъ и въ антологическихъ пьесахъ Пушкина, писанныхъ гекзаметромъ. Между ними особенно превосходны пьесы „Трудъ“ и „Чистый лоснится полъ; чаши блистаютъ“ (первая оригинальная, вторая изъ Ксенофанта Колофонскаго). Мы ограничимся выпиской, тоже превосходной, но только маленькой пьесы, принадле-

жащей, впрочемъ, къ самому позднѣйшему времени поэтической дѣятельности Пушкина:

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбаясь ему, тихія слезы лія.

Пушкинъ никогда не оставлялъ совершенно этого рода стихотвореній; но въ первую пору своей поэтической дѣятельности особенно много писалъ ихъ. Это понятно: созерцаніе любви и наслажденій жизни въ духѣ древнихъ особенно соотвѣтствуетъ эпохѣ юности каждаго человѣка. Вотъ перечень всѣхъ антологическихъ стихотвореній Пушкина: „Виноградъ“, „О дѣва-роза, я въ оковахъ“, „Доридѣ“, „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда“, „Нереида“, „Дорида“, „Муза“, „Діонея“, „Дѣва“, „Примѣты“, „Красавица передъ зеркаломъ“, „Ночь“, „Сафо“, „Кобылица молодая“, „Царскосельская статуя“, „Отрокъ“, „Рпөма“, „Трудъ“, „Чистый лоснится полъ“, „Славная флейта“, „Өеонъ“, „Юношу, горько рыдая“, „LVIII ода Анакреона“, „Богъ веселый винограда“, „Юноша, скромно пируй“, „Мальчику“ (изъ Катулла), „Узнаемъ коней ретивыхъ“, (изъ Анакреона), „Лепла“. Послѣднія семь, послѣ превосходной пьесы „Юношу горько рыдая“, не отличаются особеннымъ поэтическимъ достоинствомъ; но слѣдующія двѣ просто неудачны: „Кто на снѣгахъ возрастилъ Өеокритовы нѣжныя розы“ и „На переводъ Иліады“. *Бѣлинскій.*

Лирическія произведенія Пушкина въ ихъ отличіи отъ произведеній предшественниковъ.

Перечтите пьесы: „Домовому“, „Недоконченная картина“, „Умолкну скоро я“, „Земля и Море“, „Алексѣеву“, „Ч — ву, „Зачѣмъ безвременную скуку“, „Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный“, и еще болѣе пьесы: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“, „Ненастный день потухъ“, „Ты вянешь и молчишь“, „Къ морю“,— вглядитесь и вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства: во всемъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ старое крѣпкое вино безъ малѣйшей примѣси воды. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вы можете придраться къ мысли, недостаточно глубокой, къ взгляду на вещи, слишкомъ юному или слишкомъ отзывающемуся эпохой, но со стороны поэзіи выраженія и поэзіи созерцанія вамъ нечего будетъ осудить. Сравните и эти пьесы съ произведеніями предшествовавшихъ Пушкину школъ русской поэзіи: между ними не будетъ никакой связи; вы увидите совершенный перерывъ, если не возьмете въ соображеніе тѣхъ пьесъ Пушкина, которыя мы означили именемъ переходныхъ. Это не значитъ, чтобъ въ произведеніяхъ прежнихъ школъ не было

ничего примѣчательнаго, или чтобъ они были вовсе лишены поэзіи: напротивъ, въ нихъ много примѣчательнаго, и они исполнены поэзіи, но есть безконечная разница въ характерѣ ихъ поэзіи и характерѣ поэзіи Пушкина. Произведенія прежнихъ школъ въ отношеніи къ произведеніямъ Пушкина — то же, что народная пѣсня, исполненная души и чувства, народнымъ напѣвомъ пропѣтая простолюдиномъ, въ отношеніи къ лирической пѣснѣ поэта-художника, положенной на музыку великимъ композиторомъ и пропѣтой великимъ пѣвцомъ:

Сравнимъ для доказательства пьесу замѣчательнѣйшаго изъ прежнихъ поэтовъ „Пѣсня", съ пьесой Пушкина „Несчастный день потухъ":

О, милый другъ, теперь съ тобою радость!
А я одинъ — и мой печаленъ путь;
Живи, вкушай невинной жизни сладость;
Въ душѣ не измѣнись; достойна счастья будь...
Но не отринь, въ толпѣ плѣняемыхъ тобою,
Ты друга прежняго, увядшаго душою;
Веселья ихъ дѣли — ему отрадой будь;
Его, мой другъ, не позабудь.
О, милый другъ, намъ рокъ велѣлъ разлуку;
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ,
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку,—
Ни голосъ твой ни взоръ меня не усладятъ;
Но и вдали съ тобой душа моя согласна,
Любовь ни времени ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель ангелъ будь;
Меня, мой другъ, не позабудь.
О, милый другъ, пусть будетъ прахъ холодный
То сердце, гдѣ любовь къ тебѣ жила:
Есть лучшій міръ; тамъ мы любить свободны;
Туда душа моя ужъ все перенесла;
Туда всечасное стремитъ меня желанье;
Тамъ свидимся опять: тамъ наше воздаянье;
Сей вѣрой сладкою полна въ разлукѣ будь —
Меня, мой другъ, не позабудь.

Чувство, составляющее паѳосъ этого стихотворенія, лишено простоты и естественности, а слѣдовательно и истины; оно можетъ быть *напущено* на человѣка мечтательностью и поддерживаемо долгое время упрямствомъ фантазіи: но и напущенное чувство, по странному противорѣчію человѣческой природы, такъ же можетъ быть источникомъ блаженства и страданія, какъ и чувство истинное. Подъ этимъ условіемъ мы охотно допускаемъ, что приведенное нами стихотвореніе, несмотря на его сентиментальность и отсутствіе всякой страсти, есть голосъ души, языкъ сердца, краснорѣчіе чувства; но оно — не поэзія. Его форма болѣе краснорѣчива, чѣмъ поэтична; въ его выраженіи, болѣзненно-грустномъ и расплывающемся, есть что-то прозаическое, темное, лишенное мягкости и нѣжности художественной отдѣлки. А между тѣмъ это одно изъ лучшихъ произведеній старой школы русской поэзіи и въ свое время производило фуроръ. Теперь сравните

его съ пьесой Пушкина, въ которой выражена та же мысль разлуки съ любимымъ предметомъ:

Ненастный день потухъ; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой,
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ!
Далеко тамъ луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...
Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ берегамъ потопленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ,
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
Одна... ничьимъ устамъ она не предаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.
. . . .
Никто ея любви небесной недостоинъ.
Не правда ль, ты одна... ты плачешь... я спокоенъ.
. . . .
Но если . . . .

Здѣсь не то: въ паѳосѣ стихотворенія столько жизни, страсти, истины!... Луна, восходящая надъ сосновой рощей, напоминаетъ поэту другую луну, которая въ это томительное для его души время восходитъ далеко, тамъ, гдѣ природа такъ роскошно прекрасна, — и поэтъ предается невольно мечтѣ о ней, которая въ эту пору одна идетъ къ берегу моря и садится подъ его скалами... Не ревность, а страсть, трепещущая за свое блаженство, заставляетъ его успокоивать себя мыслью, что она — одна, и что ему должно быть спокойнымъ... И сколько жизни, какой энергическій порывъ страсти высказывается въ словѣ: „но если“, отрывисто заключающемъ пьесу! Все это такъ просто, такъ естественно, во всемъ этомъ столько глубокой страсти, столько истины чувства... А форма? Какая легкость, какая прозрачность! На каждомъ стихѣ, даже отдѣльно взятомъ, такъ и виденъ слѣдъ художническаго рѣзца, оживлявшаго мраморъ! — Какая безконечная разница!...

Чтобъ еще болѣе показать эту разницу, сдѣлаемъ еще сравненіе. Вотъ два куплета изъ лучшихъ въ большой и прекрасной пьесѣ Жуковскаго, принадлежащей уже къ позднѣйшему времени его поэтической дѣятельности:

О наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты
И гдѣ навѣкъ минувшее одно...
Почто жъ мы здѣсь мечтами такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?
Внимая гласъ надежды, намъ поющей,

Не слышимъ мы шаговъ бѣды грядущей.
. . . .
Здѣсь радости не наше — обладанье,
Пролетные плѣнители земли,
Лишь по пути заносятъ къ намъ преданье
О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали;
Земли жилецъ безвыходный страданье;
Ему на часть судьбы насъ обрекли;
Блаженство намъ по слуху лишь знакомецъ
Земная жизнь — страданія питомецъ.

Это уже не „напыщенное“ чувство; нѣтъ, это вопль страшно потрясенной души, это голосъ растерзаннаго, истекающаго кровью сердца, это чувство истинное и глубокое; но, несмотря на то, это опять-таки болѣе краснорѣчіе, чѣмъ поэзія. Стихъ тянется какъ-то тяжело и однообразно, во всей формѣ этого стихотворенія есть что-то темное и несвободное, и, несмотря на видимую простоту, въ немъ слишкомъ замѣтно преобладаніе метафоры. Разумѣется, мы говоримъ сравнительно, а не безусловно. Кто не знаетъ пьесы Пушкина „19 октября“? Послѣ обращеній къ каждому изъ отсутствующихъ друзей своихъ, поэтъ говоритъ:

Пируйте же, пока мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ:
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣетъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному —
Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость и лишній и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...

Какая глубокая и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтлая скорбь! Каждая мысль сама по себѣ такъ исполнена поэзіи независимо отъ формы, вполнѣ художественной, легкой и прозрачной, простой и чуждой всякихъ метафоръ! Этотъ пережившій всѣхъ друзей своихъ другъ, докучный, лишній и чужой гость среди новыхъ поколѣній, дрожащей рукой закрывающій глаза при воспоминаніи о своихъ друзьяхъ — это не просто поэтическая картина! Но не въ духѣ Пушкина остановиться на скорбномъ чувствѣ: словно торжественнымъ музыкальнымъ аккордомъ оканчивается пьеса этими полными бодраго чувства стихами:

Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

Пушкинъ не даетъ судьбѣ побѣды надъ собой, онъ вырываетъ у ней хоть часть отнятой у него отрады. Какъ истинный художникъ,

онъ владѣлъ этимъ инстинктомъ истины, этимъ тактомъ дѣйствительности, который, на „здѣсь“ указывалъ ему какъ на источникъ и горя и утѣшенія и заставлялъ его искать цѣленіе въ той же существенности, гдѣ постигла его болѣзнь. И, право, въ этой силѣ, опирающейся на внутреннемъ богатствѣ своей натуры, болѣе вѣры въ Промыселъ и оправданія путей его, чѣмъ во всѣхъ заоблачныхъ порываніяхъ мечтательнаго романтизма. *Бѣлинскій.*

Идея поэта въ произведеніяхъ Пушкина.

Пушкинъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, какъ то̀ видно изъ его разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ замѣтокъ, цѣнилъ выше всего *планъ*, то-есть построеніе цѣлаго, стройный распорядокъ его частей; другими словами, считалъ въ нихъ самымъ существеннымъ то же, что̀ и Аристотель. Вдохновеніе нашъ поэтъ опредѣлялъ какъ „расположеніе *души* къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію ихъ“; видѣлъ его въ полномъ обладаніи душевными способностями. Противополагая вдохновеніе восторгу или лирическому порыву, онъ главнымъ признакомъ перваго считалъ *спокойствіе*, которое, по словамъ поэта, „есть необходимое условіе *прекраснаго*“. „Восторгъ, — говоритъ онъ, продолжая то же сопоставленіе, — непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно, не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство“. Условіемъ истинно великаго онъ полагаетъ „постоянный трудъ“; въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ труду эпитетъ „упорнаго“.

— „Какъ! — говоритъ Чарскій импровизатору, — чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностью, какъ будто вы съ нею *носились*, лелѣяли, *развивали ее безпрестанно*. Итакъ, для васъ не существуетъ ни *труда*, ни *охлажденія*, ни этого *безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію?*“

И когда растаетъ это безпокойство, когда

Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ какъ во снѣ
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ —

что̀ является передъ поэтомъ?

И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

И тутъ настаетъ минута рожденія, минута воплощенія долго лелѣянныхъ, трудно выношенныхъ думъ:

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.

Итакъ, постоянный и упорный трудъ, безпрестанное усовершенствованіе „любимыхъ думъ“, спокойное обладаніе душевными силами въ минуты вдохновенія, „сила ума, располагающаго частями въ отношеніи цѣлаго“, — вотъ, по Пушкину, условія для созданія истинно великаго, вотъ на что должны быть устремлены главныя заботы поэта. А у насъ, оставляя втуне существенное, такъ много толковали и толкуютъ о томъ, что Пушкинъ „тщательно отдѣлывалъ свои стихи“, былъ заботливъ о внѣшней формѣ своихъ произведеній, какъ будто форма не есть органическая принадлежность поэтической *идеи*[1]), а какое-то украшеніе искусственно придуманное для приданія мысли пріятной наружности. Поэтъ, сказавшій:

Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка,

конечно, не могъ прилагать особой старательности о приданіи своему стиху внѣшней гладкости. Онъ отдѣлывалъ стихъ не ради „стиха“; онъ просто измѣрялъ стихи, которые не вполнѣ соотвѣтствовали поэтическому замыслу, не были точнымъ его выраженіемъ, затемняли ясность и опредѣленность образа. Дѣло въ томъ, что въ минуту воплощенія идеи, далеко не всѣ частности находятъ себѣ немедленное и соотвѣтствующее выраженіе; поэтъ чувствуетъ, что они не вполнѣ отвѣчаютъ его замыслу, но на время допускаетъ невольное несовершенство своего труда. Забота о совершенствѣ однако не покидаетъ его; онъ мучается, старательно ищетъ падлежащаго слова, взвѣшиваетъ истинный смыслъ выраженій. И онъ счастливъ, онъ успокоивается, когда, наконецъ, находитъ искомое; въ этомъ-то исканіи прямого выраженія замысла и заключается то, что въ художествахъ зовется *искусствомъ*. Поэтому-то всѣ поправки Пушкина такъ и цѣнны, что онѣ обличаютъ въ немъ эту важную заботливость. Не менѣе достойна вниманія забота поэта о соотвѣтственности эпитета. Шопенгауэръ не даромъ приписываетъ великое значеніе удачному эпитету. Слово, по его мнѣнію, само по себѣ слишкомъ отвлеченно, оно выражаетъ понятіе отвлеченное; эпитетъ даетъ ему образность, дѣлаетъ его живымъ и живописнымъ; поэтому эпитетъ составляетъ могущественное средство для выраженія идеи, подобія вещи въ себѣ. И въ самомъ дѣлѣ, эпитетъ играетъ въ поэзіи важную роль съ самаго ея зарожденія. Оттого въ произведеніяхъ народнаго творчества, какъ у Гомера, такъ и въ нашихъ былинахъ, удачный эпитетъ неизмѣнно сопровождаетъ всюду данное слово: черные корабли, копье долгомѣрное и т. д.

Послѣ заботы о планѣ, о цѣломъ произведеніи, художнику подобаетъ озаботиться о характерѣ изображаемыхъ лицъ. Изученіе Мольера и Шекспира привело Пушкина къ отданію предпочтенія послѣднему. Въ чемъ же онъ полагалъ достоинство Шекспира? Мольеръ,

---

[1]) Я употребляю здѣсь, какъ и всюду, это слово въ Платоновскомъ смыслѣ.

говоритъ онъ, изображалъ только типы такой-то страсти, такого-то порока; онъ выражалъ только идеи отдѣльныхъ страстей и пороковъ. Но таковы ли люди въ себѣ и таково ли должно быть ихъ поэтическое подобіе? Нѣтъ, они не таковы; ихъ природа сложнѣе, ихъ волнуютъ многія страсти, они рабы многихъ пороковъ. Въ Шекспирѣ нашъ поэтъ цѣнитъ поэтому многосложность характеровъ, „вольное и широкое“ ихъ изображеніе; то, что его лица — вполнѣ живыя существа. Подобное же повторяетъ Пушкинъ при сопоставленіи Шекспира съ Байрономъ. Байронъ понималъ только одинъ характеръ, именно свой собственный; отдѣльныя черты этого характера онъ придавалъ своимъ лицамъ; одного надѣлялъ ненавистью, другого меланхоліей, третьяго гордостью и т. д.; въ созданіяхъ Байрона, его характеръ, полный, мрачный и энергическій распался на нѣсколько незначительныхъ. Пушкинъ осуждаетъ еще манію къ усиленному *выдерживанію* характера; боязнь, которую обнаруживаетъ художникъ, что его лицо скажетъ хотя слово, несоотвѣтственное придуманному характеру. „Заговорщикъ по-заговорщицки говоритъ дайте мнѣ пить, и это просто смѣшно“. Вспоминая одного изъ героевъ Байроновой трагедіи, человѣка, дышащаго ненавистью, Пушкинъ спрашиваетъ: „эта монотонія, эта эффектація лаконизма, безпрестанной ярости, — развѣ это натура?“ То ли у Шекспира? Нѣтъ, онъ не боится за своихъ лицъ; они говорятъ у него съ *беззаботливостію* жизни, потому, что поэтъ увѣренъ, что въ нужное время, и въ должномъ мѣстѣ его лица найдутъ языкъ, соотвѣтственный ихъ характеру. „Обстоятельства, — говоритъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ о Шекспировыхъ лицахъ, — развиваютъ предъ зрителемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры“.

И опять мы точно читаемъ Аристотеля. И онъ твердилъ о подчиненіи характера дѣйствію, о томъ, что лица должны выражать свой характеръ въ дѣйствіи, въ данную, способную, для такого выраженія минуту; и онъ замѣчалъ, что далеко не всѣ рѣчи дѣйствующихъ живописуютъ ихъ характеръ, но именно тѣ, гдѣ выражается склонность или направленіе ихъ воли; и онъ говорилъ, что характеры должны быть *похожи*, т.-е. подобны тѣмъ, какіе мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности.

Не мимо сказано Лессингомъ, что всякій поэтъ есть прирожденный критикъ, но, конечно, не всякій изъ нихъ способенъ понимать художество съ такою глубиной, какъ Пушкинъ. Въ любви, которую поэтъ обнаруживаетъ къ другому поэту, въ оцѣнкѣ этого другого, въ томъ, что именно онъ находитъ и ясно видитъ въ немъ, сказывается не одна критическая способность, но и сродство генія, конгеніальность. Припоминая слова Аристотеля о томъ, какіе люди способны къ поэзіи, и видя значеніе, которое Пушкинъ придавалъ плану, его недовольство, когда лица изображаются только какъ типическія воплощенія страстей, будь то страсти трагическія или комическія — мы можемъ заключить, что онъ принадлежалъ къ поэтамъ изъ числа людей богато одаренныхъ отъ природы, или къ поэтамъ объективнымъ, по

терминологіи германской философіи. Онъ любилъ изображенія людей во всей многосложности ихъ природы; онъ стремился къ раскрытію *идеи* человѣка во всей ея полнотѣ. Прибавимъ къ этому, что односторонность, однообразность были чужды природѣ Пушкина. „Однообразность въ писателѣ, — замѣчаетъ онъ, — доказываетъ односторонность ума, хоть можетъ быть и глубокомысленнаго".

Соображая всѣ замѣчанія Пушкина объ искусствѣ, сдѣланныя при случаѣ, часто какъ бы мимоходомъ, я не боюсь впасть въ ошибку, утверждая, что если бы онѣ попались подъ руку мыслителю, не знающему Пушкина, какъ поэта, то онъ изъ однихъ этихъ мимоходныхъ и отрывочныхъ замѣтокъ заключилъ бы, что человѣкъ, ихъ сдѣлавшій, самъ былъ поэтъ и притомъ многообъемлющій.

Обратимся теперь къ поэтическому воззрѣнію Пушкина на поэта, къ выраженію *идеи* поэта въ его созданіяхъ. Поэтъ отличается отъ другихъ людей своимъ даромъ:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ *малодушно* погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но когда онъ становится поэтомъ, когда „божественный глаголъ" коснется его чуткаго слуха, онъ мгновенно преображается: онъ уже не малодушно погруженъ въ забавахъ міра, онъ тоскуетъ въ нихъ, онъ обрѣтаетъ волю и

Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и *смятенья* полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

Онъ дикъ и суровъ, потому что въ эти мгновенья ему становятся чужды всѣ остальныя дѣла людей; онъ полонъ не только звуковъ, но смятенья, какъ человѣкъ, пробудившійся отъ тяжкаго сна, какъ человѣкъ, для котораго въ потемкахъ будничной жизни внезапно блеснулъ свѣтъ откровенія; онъ полонъ смятенья еще потому, что, забывая о своемъ призваніи, онъ не чуждался пошлой вседневности, не чуждался людской молвы и склонялъ голову предъ народнымъ кумиромъ. О, теперь онъ сталъ инымъ:

И внялъ онъ неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подземный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.

Теперь для него стало понятно все сокровенное въ мірѣ, и все въ немъ способенъ онъ обнять своею мечтой.

Поэтъ чутокъ ко всему, онъ на все отзывчивъ, какъ эхо:

Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ,—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Поэтъ выше всего цѣнитъ свое призваніе, онъ любитъ отъ всей души прекрасное, для него онъ дороже всего въ жизни. Вотъ какія

слова влагаетъ Пушкинъ въ уста Моцарта, художника столь конгеніальнаго нашему поэту и столь имъ любимаго:

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ, тогда бъ не могъ
И міръ существовать: никто бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни —
Всѣ предались бы вольному искусству!
Насъ мало избранныхъ, счастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.

Испытавъ не одну славу, но и терніи своего вѣнца, поэтъ съ новою силой утверждаетъ, что счастье для него все въ томъ же, въ его призваніи, въ любви къ прекрасному; онъ не дорожитъ тѣми правами,

От коихъ не одна кружится голова,

его не прельщаютъ политическія вольности:

Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними... никому
Отчета не давать, себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья,
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! вотъ права!...

Не внѣшняя, но внутренняя свобода дорога поэту; въ чемъ же онъ видитъ свое призваніе, для чего онъ посланъ въ міръ! „Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?“ Отъ поэта требуютъ, чтобъ онъ былъ прямо и непосредственно полезенъ людямъ, чтобъ эта польза была ощутительна въ житейскомъ обиходѣ. Люди готовы сознаться, что они малодушны и коварны, они признаютъ свое безстыдство, злость и неблагодарность; люди не скрываютъ, что сердцемъ они „хладные скопцы“; но они требуютъ, чтобы поэтъ исправлялъ ихъ, чтобъ, отвергнувъ свою свободу, онъ занялся дѣломъ, которое будетъ для нихъ явственно полезно и благодѣтельно:

Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Поэтъ съ негодованіемъ отворачивается отъ такого требованія. У васъ были, говоритъ онъ, иныя средства для исправленія; орудія тяжкія для кары грѣха и преступленія. Зачѣмъ же вы требуете отъ меня, чтобъ я взялся за дѣло, къ которому не призванъ? Есть много

полезныхъ дѣлъ, но всякаго ли вы заставляете исправлять любое изъ нихъ? Развѣ вы не знаете, что людскіе уроки не одинаковы, что есть труды возвышенные, болѣе другихъ святые и прекрасные?

Во градахъ вашихъ, съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ — полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?

Не заставляйте же и поэта работать не надъ своимъ участкомъ; у него свое важное и великое дѣло:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ, —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Вотъ въ чемъ призваніе поэта, которое онъ долженъ охранять какъ зѣницу ока, которое должно быть ему дороже всего. Таковъ прямой и ясный смыслъ этого стихотворенія, давшаго поводъ ко многимъ злобнымъ нареканіямъ, какъ искреннимъ, такъ и умышленнымъ. Обвиняя поэта за недостатокъ гражданственности, за чуть ли не полное отвращеніе къ тому, что̀ въ древности звалось *общимъ дѣломъ*, хотя поэтъ становится поэтомъ только въ минуты вдохновенія и притомъ давно извѣстно, что, глядя на поэтовъ съ подобной не объемлющей сущности предмета, точки зрѣнія, придется ихъ наградить вѣнцомъ и удалить изъ города.

Поэтъ долженъ помнить, что эта горькая чаша не минуетъ его, и быть готовымъ безропотно принять ее. Добродѣтельный, говоритъ Шопенгауэръ, можетъ надѣяться на воздаяніе въ лучшемъ мірѣ; человѣкъ благоразумный — въ здѣшней жизни; поэту нѣтъ награды ни здѣсь ни тамъ: его даръ — его награда.

Минутный шумъ восторженныхъ похвалъ, говоритъ Пушкинъ поэту, пройдетъ; ты услышишь судъ глупца и сочувственный ему смѣхъ толпы,

Но ты остался твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онъ въ самомъ тебѣ.

Не будь при этомъ строгъ къ себѣ, будь „взыскательнымъ“ къ себѣ художникомъ, и если и тогда ты останешься доволенъ своимъ трудомъ, то

...пусть толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ *дѣтской рѣзвости* колеблетъ твой треножникъ.

Этими чертами дорисовывается образъ поэта; идея поэта получаетъ свое окончательное и полное выраженіе, болѣе полное, чѣмъ дано другими великими поэтами.

Твердое сознаніе своего долга, царственное уединеніе, внутренняя свобода и проистекающее изъ нея непоколебимое спокойствіе духа,—

вотъ какимъ рисуетъ нашъ Пушкинъ поэта. Этотъ образъ начертанъ, однако, въ порывѣ негодованія; въ стихотвореніи, достойно заключающемъ лирическія произведенія Пушкина, тотъ же образъ обозначенъ чертами болѣе спокойными, дышитъ примиреннымъ чувствомъ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Поэтъ, отвергавшій требованіе отъ него пользы въ житейскомъ обиходѣ, сознаетъ, что онъ былъ иначе полезенъ, живою прелестью стиховъ; полезенъ въ иномъ, высшемъ значеніи слова: онъ пробуждалъ добрыя чувства, онъ призывалъ милость къ падшимъ. Уже безъ негодованія на чернь говоритъ онъ о своемъ призваніи, но съ чувствомъ благоговѣйной покорности Промыслу, давшему ему въ удѣлъ творческую способность:

Велѣнью Божію, о муза! будь послушна.
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Аверкіевъ.

Стихотвореніе Пушкина „Чернь".

Въ стихотвореніи „Чернь" заключается художественное profession de foi Пушкина. Онъ презираетъ чернь, и на ея приглашеніе — исправлять ее звуками лиры, отвѣчаетъ словами, полными благородной гордости и энергическаго негодованія:

Подите прочь! какое дѣло
Поэту мирному до васъ?
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ;
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры:
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ — полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье.
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Дѣйствительно, смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ риѳмами разныя нравоучительныя мысли, и требуютъ отъ поэта непремѣнно, чтобъ онъ воспѣвалъ имъ все любовь, да дружбу и пр., и которые неспособны увидѣть поэзію въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ нравоучительныхъ мѣстъ. Но если до истины можно доходить не тѣмъ, чтобъ соглашаться съ глупцами, то и не тѣмъ, чтобъ противорѣчить имъ, — а тѣмъ,

чтобъ, забывая о нихъ существованіи, смотрѣть на предметъ глазами разума. Не только поэты съ ихъ „вдохновеніями, сладкими звуками и молитвами", но и сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія, если бъ набожная толпа не соприсутствовала алтарямъ и жертвоприношеніямъ. Толпа, въ смыслѣ массы народной, есть прямая хранительница народнаго духа, непосредственый источникъ таинственной психики народной жизни. Народъ (взятый какъ масса), духовная субстанція жизни котораго не въ состояніи порождать изъ себя великихъ поэтовъ, не стоитъ названія народа или націи — съ него довольно чести называться просто племенемъ. Поэтъ, котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціальной жизни своего народа, не можетъ ни быть ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто, кромѣ людей ограниченныхъ и духовно-малолѣтнихъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирой порокъ; но каждый умный человѣкъ вправѣ требовать, чтобъ поэзія или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній. И дѣйствительно, Пушкинъ, какъ поэтъ, великъ тамъ, гдѣ онъ просто воплощаетъ въ живыя прекрасныя явленія свои поэтическія созерцанія, но не тамъ, гдѣ хочетъ быть мыслителемъ и рѣшителемъ вопросовъ. Превосходно его стихотвореніе „Поэтъ", въ которомъ онъ развиваетъ мысль, что поэтъ, пока не потребуетъ его Аполлонъ къ священной жизни, ничтожнѣе всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра, а какъ скоро коснется его слуха божественный зовъ, душа его стряхиваетъ съ себя нечистый сонъ жизни, какъ пробудившійся орелъ,— но мысль эта теперь совершенно ложна. Наша современность кишитъ поэтами, которые пошлы, когда не пишутъ, и становятся благородны и чисты, когда вдохновляются; но тѣмъ не менѣе всѣ видятъ въ нихъ теперь не болѣе, какъ великихъ людей на малыя дѣла: всѣ знаютъ, что эти господа скоро выписываютъ и изъ-за денегъ громкими фразами увѣряютъ другихъ въ томъ, чему нѣкогда сами вѣрили, но чему теперь уже сами первые не вѣрятъ. Наше время преклонитъ колѣни только передъ художникомъ, котораго жизнь есть лучшій комментарій на его творенія, а творенія — лучшее оправданіе его жизни. Гёте не принадлежалъ къ числу пошлыхъ торгашей идеями, чувствами и поэзіей; но практическій и историческій индиферентизмъ не далъ бы ему сдѣлаться властителемъ думъ нашего времени, несмотря на всю широту его мірообъемлющаго генія. Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе, равно какъ и недостатокъ современнаго европейскаго образованія (о чемъ мы еще будемъ говорить) тѣмъ не менѣе были причиной постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили первыя его произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя, въ художественномъ отношеніи, пьесы; но въ нихъ видна была сильная,

одушевленная субъективнымъ стремленіемъ, личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ созданій (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она не въ правѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ (и это, конечно, была не ея вина). Между тѣмъ избранный Пушкинымъ путь оправдывается его натурой и призваніемъ: онъ не палъ, а только сдѣлался самимъ собою, но, по несчастью, въ такое время, которое было очень неблагопріятно для подобнаго направленія, отъ котораго выигрывало искусство и мало пріобрѣтало общество. Какъ бы то ни было, нельзя винить Пушкина, что онъ не могъ выйти изъ заколдованнаго круга своей личности, — и со всей добросовѣстностью человѣка и художника написалъ свое превосходное стихотвореніе „Поэту“:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы народной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды высокихъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
То имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа тебя бранитъ
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

И Пушкинъ навсегда затворился въ этомъ гордомъ величіи непонятнаго и оскорбленнаго художника. И когда онъ писалъ свои лучшія творенія — „Скупого рыцаря“, „Египетскія ночи“, „Русалку“, „Мѣднаго всадника“, „Галуба“, „Каменнаго гостя“, онъ всегда менѣе разсчитывалъ на восторгъ публики и потому не торопился издавать ихъ... *Бѣлинскій.*

Въ нашей критикѣ по поводу Пушкина часто слышалось возраженіе противъ будто бы ошибочной теоріи, которая учитъ, что искусство должно имѣть свою цѣль въ самомъ себѣ. Это положеніе, въ своей отвлеченности, можетъ быть всячески понимаемо... Искусство должно имѣть свою внутреннюю цѣль, какъ имѣетъ ее все на свѣтѣ... Говорите, что хотите, но не отнимайте у искусства его права на существованіе, sa raison d'être. Пушкинъ подвергся укору за то, что оставался вѣренъ цѣлямъ искусства. Его восхваляютъ какъ художника, но укоряютъ за то, что онъ былъ исключительно художникомъ.

Пушкинъ, говорятъ критики, былъ въ нашей литературѣ художникъ по преимуществу; онъ первый внесъ въ нее истинное начало поэзіи; но зато онъ и былъ только художникомъ, только поэтомъ. Повинуясь влеченію своей природы, онъ подчинилъ себя вполнѣ этой теоріи, предписывающей искусству не знать иной цѣли, кромѣ цѣли искусства. Ему бы только уловить красоту явленія, только начертать изящный образъ, только передать ощущеніе въ живой прелести стиха. Онъ былъ эхо, которое отзывается на все безразлично и безстрастно; такъ онъ и понималъ свое назначеніе какъ поэта. Онъ самъ высказалъ свою теорію искусства въ знаменитомъ стихотвореніи своемъ: *Чернь*. Съ презрѣніемъ и негодованіемъ отталкиваетъ поэтъ эту „тупую чернь", этотъ „непосвященный и безсмысленный народъ", который собрался просить у него слова поученія. Въ стихотвореніи Пушкина послѣднее слово осталось, конечно, за поэтомъ. Но критики становятся на противную сторону и, разумѣется, удерживаютъ за собою послѣднее слово, повторяя и разбирая то, что высказано въ стихотвореніи отъ лица черни.

Пушкинъ не былъ теоретикомъ. Но дѣйствительно съ теченіемъ времени его художественная дѣятельность достигла до самосознанія, которое выразилось въ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ. Эти стихотворенія, при всей свободѣ своей формы, при всемъ отсутствіи догматическаго характера, заключаютъ въ себѣ намеки на теорію искусства, которую легко извлечь изъ нихъ.

Поэзія есть прежде всего одна изъ формъ нашего сознанія. Это особаго рода мышленіе; это умственная дѣятельность... Вдохновеніе творчества не только не чуждо сознанія, но есть, напротивъ, самое усиленное его состояніе. Человѣкъ въ этомъ состояніи весь становится созерцаніемъ, внутреннимъ зрѣніемъ и слухомъ. Но чѣмъ сильнѣе такое состояніе, тѣмъ менѣе бываетъ возможнымъ, современно съ нимъ, другое подобное состояніе. Мы не можемъ сосредоточить наши понятія для того, чтобы наблюдать за сильною внутреннею работою въ самый моментъ ея развитія, не можемъ не потому только, что намъ недостало бы матеріальныхъ силъ, но потому, преимущественно, что не будетъ у насъ свободныхъ нравственныхъ силъ для новой работы, не будетъ въ нашемъ распоряженіи тѣхъ умственныхъ способовъ, тѣхъ понятій, которыя были бы для нея необходимы, но которыя заняты болѣе или менѣе близкимъ отношеніемъ къ начавшемуся дѣлу. Они не могутъ вступить въ тѣ сочетанія, которыя требовались бы для новаго дѣла, не нарушая цѣлаго настроенія нашей души. Отдавать себѣ отчетъ въ общихъ законахъ своей дѣятельности, новаго плана, новаго настроенія и своего времени.

Итакъ вотъ она, эта пресловутая безсознательность художника! Это не безсознательность, а цѣльность сознанія и нисколько не составляетъ исключительной принадлежности искусства въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова. Это общее условіе всякаго рода дѣятельности, которая творчески совершается въ человѣческомъ духѣ, и творчество

въ этомъ смыслѣ нимало не есть принадлежность людей, слагающихъ стихи, сочиняющихъ повѣсти или драмы или занимающихся живописью, оно равно относится и къ ученому, къ инженеру и даже къ математику, котораго бывало ставили во враждебныя отношенія къ поэту.

Знаніе въ томъ, что мы зовемъ наукой, и знаніе въ томъ, что мы зовемъ поэзіей, различаются между собою такъ: первое имѣетъ въ виду отвлеченное, общія отношенія предметовъ; собирая во множествѣ частныя явленія, первое не обращаетъ вниманія на индивидуальныя ихъ отличія, сосредоточивается въ нихъ исключительно лишь въ понятіяхъ родовыхъ и высказываетъ общія положенія, какъ законы природы; послѣднее, напротивъ, направлено къ тому, что брошено первымъ, какъ случайное, къ тому, на что первое не хочетъ и не можетъ обратить вниманія... Художникъ есть истинный естествоиспытатель въ этомъ мірѣ. Онъ производитъ въ немъ самыя разнообразныя наблюденія, которыя не уступаютъ въ богатствѣ наблюденіямъ наукѣ. И здѣсь вновь встрѣчаемъ мы сближеніе поэзіи съ наукой. Тотъ же самый процессъ совершается въ умѣ мыслителя, извлекающаго изъ бездны частныхъ фактовъ такъ называемый всеобщій фактъ, или законъ природы, какъ и въ художникѣ, когда въ немъ изъ тысячи схваченныхъ особенностей вырабатывается общій типъ, характеристическій образъ. Разница происходитъ отъ свойства предметовъ, на которые направлена дѣятельность того и другого. Естествоиспытатель имѣетъ дѣло съ письменами, которыхъ смыслъ не уясненъ ему непосредственно. Явленія природы предстоятъ ему какъ голые, внѣшніе факты и получаютъ значеніе, говорятъ уму лишь въ той мѣрѣ, въ какой вырабатываются изъ нихъ отвлеченные признаки или логическія формулы законовъ природы. Поэзія относится, большею частію, къ такимъ явленіямъ, смыслъ которыхъ непосредственно сказывается въ нашемъ сердцѣ, нравственномъ чувствѣ, въ нашемъ самопознаніи; она относится, преимущественно, къ человѣческому міру, въ которомъ явленія сами чувствуютъ себя...

Наука, обобщая явленія, группируетъ ихъ по логическимъ отношеніямъ, извлекаетъ ихъ изъ тѣхъ безчисленно разнообразныхъ связей, какъ существуютъ они въ дѣйствительности; наука тщательно уединяетъ свой фактъ, возводя его въ понятіе; индивидуальности служатъ для ней только веществомъ анализа; она сыплетъ и льетъ ихъ въ свои реторты, добираясь только до элементовъ, чтобы потомъ разбирать и читать посредствомъ этой азбуки сложныя сочетанія явленій. Мысль художника держится на понятіяхъ видовыхъ, которымъ непосредственно подчинено разнообразіе индивидуальности. Видъ, по терминологіи греческой философіи, есть то же, что идея; оба реченія въ греческомъ языкѣ одного происхожденія, и употреблялись мыслителями одно вмѣсто другого. Мысль художника остается такимъ образомъ на рубежѣ между отвлеченною общностью и живымъ явленіемъ. Фактъ, событіе не исчезаетъ для него въ общемъ законѣ. Онъ по-

вѣствуетъ, изображаетъ, выводитъ живыя лица на сцену. Хотя художественная мысль также обобщаетъ явленія, также соединяется съ отвлеченіемъ, однако художественное обобщеніе не разрушаетъ индивидуальности явленія, оно только возводитъ его въ типъ. Плодъ художественнаго познанія есть фактъ, удержанный во всей своей индивидуальности, но высвобожденный изъ путаницы случайностей, съ которыми въ дѣйствительности является для простого глаза. Фактъ, въ художественномъ понятіи, сохраняетъ всю свою жизненность. Художественное обобщеніе есть не иное что, какъ уразумѣніе всего случайнаго въ предметѣ.

Самая первая и существенная цѣль искусства есть истина, что поэзія можетъ и должна быть понимаема какъ знаніе, что красота художественныхъ произведеній есть лишь особое свойство этого знанія и основана на истинѣ. Но, спросятъ насъ, должно ли искусство ограничиваться однимъ теоретитическимъ значеніемъ, или оно должно имѣть также и практическое значеніе? Этотъ вопросъ внушилъ самому Пушкину извѣстное стихотвореніе „Чернь“.

Въ этомъ стихотвореніи ясно замѣтно развитіе темы, замѣтна нѣкоторая діалектика, возвышеніе тона и мысли. Чернь сначала говоритъ слѣдующее о поэтѣ:

Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
. . . .
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
Зато какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ пей?

Вопросъ, въ этихъ словахъ, касается самаго существованія искусства, какъ и вообще всего, что не имѣетъ внѣшней цѣли, что посвящено безкорыстному удовлетворенію высшихъ потребностей человѣческой природы. Поэтъ выражаетъ это въ рѣзкихъ стихахъ.

Ты червь земли, не сынъ небесъ,
Тебѣ бы пользы все — на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ! Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже?
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Слѣдующее затѣмъ возраженіе черни принимаетъ болѣе серіозный характеръ. Она не отрицаетъ высшихъ даровъ и призваній, не требуетъ, чтобы „небесъ избранникъ“ употреблялъ свой даръ во благо ближняго, чтобы онъ исправлялъ сердца собратьевъ.

Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Требованія, повидимому, весьма честныя и законныя. Но поэтъ съ новою силою гремитъ противъ черни. Онъ отрекается отъ возлагаемой на него обязанности; онъ не думаетъ, чтобы „гласъ лиры“ могъ оживить „каменѣющихъ въ развратѣ безумныхъ рабовъ, кото-

рые противны ему, какъ гробы". Негодованіе поэта оправдывается тѣмъ оттѣнкомъ, который приданъ увѣщательной рѣчи, вызывающей его на подвигъ исправленія сердецъ. Чернь исчисляетъ свои пороки вовсе не съ тѣмъ чувствомъ, которое жаждетъ исправленія. Этотъ заключительный стихъ:

А мы послушаемъ тебя,

показываетъ ясно, что шутливые требователи морали въ поэзіи очень удобно могутъ оставаться при своихъ порокахъ, и желали бы только въ воображеніи поиграть добродѣтелью. Въ человѣкѣ самомъ испорченномъ долго еще сохраняется потребность какъ-нибудь возстановить въ себѣ равновѣсіе между слишкомъ сильнымъ зломъ и слишкомъ слабымъ добромъ. Не имѣя ни охоты ни силы бороться со зломъ въ своемъ сердцѣ и побѣждать наклонности воли, онъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, дать въ своемъ воображеніи полный просторъ добру. Отъявленный негодяй толкуетъ иногда съ большимъ чувствомъ о чести и добродѣтели, и не всегда это бываетъ лишь однимъ лицемѣріемъ. Поэтъ, конечно, долженъ отказаться отъ такого служенія и заключаетъ свою рѣчь исповѣдью своего истиннаго призванія:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Исповѣдь краснорѣчивая и сильная! Мы не должны однако привязываться въ ней къ каждому слову, или, съ другой стороны, видѣть въ этомъ лирическомъ движеніи точное выраженіе эстетическаго закона. Мы согласны, что въ общей исповѣди поэта выразилась невольно личность самого Пушкина, особенность его природы и дарованія. Но основной смыслъ этихъ стиховъ, что бы кто ни говорилъ, очень вѣренъ. Да! мы не имѣемъ никакого права требовать чего-либо отъ искусства свыше того, что высказывается этими немногими словами, опредѣляющими призваніе художника. Если вдохновеніе не есть пустое слово, то что же иное можетъ означать оно здѣсь, какъ не творческое созерцаніе жизни и истины? Не есть ли это то благодатное состояніе, болѣе или менѣе испытанное каждымъ, въ которое какъ бы мгновенно озаряется свѣтомъ нашъ умъ, раскрывается кругъ нашихъ обычныхъ представленій и принимаетъ въ себя нѣчто новое, сильное и животворно дѣйствующее на наше состояніе? Коснется ли наша мысль живой сущности явленій, очнется ли въ душѣ нашей какое-либо скрыто дѣйствующее начало и внезапно озарится сознаніемъ; обозначится ли вдругъ, въ живомъ образѣ или звукѣ, наше внутреннее настроеніе, или, можетъ-быть, послѣ долгихъ исканій, мысль найдетъ свое слово, цѣль свое средство; развернется ли передъ нами, въ существенныхъ очертаніяхъ, но во всей полнотѣ жизни, міръ разнообразныхъ явленій: все подобное есть даръ вдохновенія, которое хотя не есть исключительная принадлежность художника, но безъ котораго невозможна истинная поэзія. Творческое воспроизведеніе дѣйствитель-

ности въ сознаніи — вотъ вдохновеніе художника, вотъ цѣль и задача его.

Вопросъ о пользѣ былъ нѣкогда неизбѣжнымъ предисловіемъ ко всякому дѣлу. Потомъ, когда заговорили о самостоятельности каждаго дѣла, проистекающаго изъ существенной потребности человѣческой природы, подобные предварительные трактаты о пользѣ подверглись осмѣянію. Но вопросъ о пользѣ можетъ имѣть болѣе глубокое значеніе, не заслуживающее осмѣянія. Все въ мірѣ связано между собою, все дѣйствуетъ одно на другое, и потому все можетъ быть взаимно полезно или вредно. Но съ другой стороны, дѣйствовать успѣшно можетъ только то, что достаточно сильно и зрѣло въ самомъ себѣ. Каждая вещь имѣетъ свое назначеніе и становится способною дѣйствовать лишь въ той мѣрѣ, въ какой удовлетворяетъ внутреннему закону своего существованія. Въ человѣческомъ мірѣ должны мы признать то же самое. Каждая дѣятельность хочетъ имѣть свой корень, свою область и требуетъ самостоятельнаго развитія. Она должна прежде сама развиться, и лишь потомъ можетъ оказывать вліяніе на все прочее. Хотите ли вы утолить голодъ или жажду: вы возьмете зрѣлый плодъ, а гнилой или незрѣлый будетъ безполезенъ вамъ. Хотите ли пользы отъ науки: дайте ей полный просторъ, дайте возможность, чтобы умственныя силы могли быть переданы ей вполнѣ, такъ чтобы она образовала великій и живой организмъ, чтобы каждая существенная цѣль въ ней достигалась достиженіемъ многихъ другихъ посредствующихъ цѣлей, и чтобы каждая изъ такихъ посредствующихъ цѣлей могла стать предметомъ особыхъ стремленій и могла образовать свой міръ. Не спрашивайте, зачѣмъ то и зачѣмъ другое; не говорите о безполезности той или другой части: знайте, что за каждую часть отвѣчаетъ цѣлое, а цѣлое возможно лишь при полномъ и рѣшительномъ развитіи каждой части.

Вы хотите, чтобы художникъ былъ полезенъ? Дайте же ему быть художникомъ, и не смущайтесь тѣмъ, что онъ съ полнымъ усердіемъ занятъ изученіями и приготовленіями, которыя имѣютъ своею единственною цѣлью дѣло искусства. Когда дѣло исполнится, когда оно явится на свѣтъ, оно непремѣнно окажетъ вліяніе на всѣ стороны человѣческаго сознанія и жизни, и окажетъ тѣмъ сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ болѣе будетъ соотвѣтствовать своей внутренней природѣ. Не говорите: что толку въ этихъ прекрасныхъ линіяхъ, въ этихъ образахъ и звукахъ? Какая польза намъ отъ этого? Мы не будемъ отвѣчать на эти вопросы рѣзкими словами поэта, не будемъ также распространяться о важности внутренней цѣли искусства, о томъ, что минуты этого вдохновеннаго созерцанія идей и жизни сами по себѣ драгоцѣнны; прямѣе и примирительнѣе будемъ отвѣчать этимъ суровымъ искателямъ пользы. Правда, скажемъ мы имъ, люди призваны въ міръ не для одного спокойнаго созерцанія; мы должны дѣйствовать и участвовать въ великихъ битвахъ жизни, каждый по силамъ и средствамъ своимъ; все въ человѣческомъ мірѣ стремится и дѣй-

ствуетъ, все въ напряженіи и борьбѣ; такъ мы не будемъ терпѣть, чтобы силы, столь нужныя для дѣйствія и борьбы, замыкались въ неприступной оградѣ и пребывали тамъ въ блаженномъ созерцаніи, безплодно для всего окружающаго. Но точно ли остаются эти силы безплодными? Точно ли изъ этихъ возвышенныхъ сферъ не проистекаетъ обратное дѣйствіе на жизнь? Точно ли есть такія разобщенныя сферы, которыя бы не оказывали взаимнаго другъ на друга вліянія и не дѣйствовали на всю совокупность человѣческаго сознанія и жизни? Нѣтъ, взаимное дѣйствіе вещей можетъ быть измѣряемо не грубою оцѣнкою поверхностнаго взгляда. Дѣйствіе далеко отходитъ отъ своей причины и принимаетъ безконечно разнообразные виды и оттѣнки, такъ что отдаленное дѣйствіе, сличенное съ своею первоначальною причиной, часто оказывается вовсе на нее не похожимъ. Самыя, если позволено будетъ такъ выразиться, спеціальныя произведенія искусства не остаются безъ дѣйствія на жизнь, и дѣйствіе ихъ можетъ оказаться тамъ, гдѣ мы вовсе не ожидали его. Не думаете ли вы, что впечатлѣніе прекраснаго такъ и заглохнетъ въ эстетическомъ чувствѣ? Что оно ни во что еще не переходитъ, ни въ чемъ еще не выражается? Мы же думаемъ, что истинное образованіе невозможно безъ этого элемента, и исторія своими примѣрами подтверждаетъ наше мнѣніе. Поэзія ознаменовываетъ первое пробужденіе народа къ исторической жизни, искусство и знаніе сопутствуютъ его развитію и служатъ самымъ лучшимъ выраженіемъ силы и развитія. Народы самые практическіе отличались высокимъ и сильнымъ развитіемъ умственной и художественной дѣятельности, которая, повидимому, была совершенно чужда текущихъ вопросовъ и дневныхъ интересовъ, но которая въ самомъ-то дѣлѣ была совершенно необходима для успѣховъ жизни.

Скажите, откуда взялось въ жизни образованныхъ народовъ это изящество формъ и благородство общественныхъ отношеній? Мы такъ гордимся этими успѣхами гражданственности и съ такимъ ужасомъ озираемся назадъ къ тѣмъ временамъ, когда въ обществѣ еще не чувствовалось присутствіе эстетическаго начала; мы съ такимъ пыломъ готовы на всякую экспедицію для новыхъ завоеваній подъ знаменемъ этой гражданственности, такъ нами цѣнимой! А между тѣмъ изящество жизни впервые выработалось въ тѣхъ умственныхъ сферахъ, которыя казались намъ безплодными; впервые развилось оно въ тѣхъ чистыхъ созерцаніяхъ мысли, которыя могли казаться совершенно безполезными для жизни. Линіи Рафаэля не рѣшали никакого практическаго вопроса изъ современнаго ему быта, но великое благо и великую пользу принесли онѣ съ теченіемъ времени для жизни: онѣ могущественно содѣйствовали къ ея очеловѣченію. Дѣйствіе великихъ произведеній искусства остается не въ одной лишь ближайшей ихъ сферѣ, но распространяется далеко и оказывается тамъ, гдѣ объ идеалахъ художника нѣтъ и помина.

Представленія, образы, мысли — все эти силы, и весьма дѣйствительныя силы въ человѣческомъ сознаніи. Ничто не прокрадется

въ нашихъ мысляхъ безъ дѣйствія, хотя бы вначалѣ и незамѣтнаго. Прекрасные образы и звуки вносятъ съ собою въ сознаніе это начало прекраснаго, ихъ отличающее. Оно не останется только при нихъ, а мало-по-малу пріобрѣтетъ свое отдѣльное значеніе, станетъ особою силою, которая войдетъ въ безчисленныя сочетанія и окажется въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ нравственнаго міра. Но значеніе искусства простирается далѣе, чѣмъ признакъ прекраснаго, понимаемый въ обыкновенномъ своемъ смыслѣ. Художественная мысль познающая открываетъ намъ внутренній взоръ на явленія жизни и черезъ то расширяетъ наше сознаніе, сферу нашего умственнаго господства: словомъ, могущественно способствуетъ тому, изъ-за чего мы бьемся въ жизни. Требуйте отъ искусства прежде всего истины; требуйте, чтобы художественная мысль уловляла существенную связь явленій и приводила къ общему сознанію все то, что творится и дѣлается во мракѣ жизни; требуйте этого, и польза приложится сама-собою, польза великая, ибо чего же лучше, если жизнь пріобрѣтаетъ свѣтъ, а сознаніе силу и господство?

Каждый въ мірѣ стоитъ за своимъ дѣломъ, и каждый притомъ служитъ орудіемъ одного великаго общаго дѣла. Честный труженикъ, приводящій въ движенія тысячи колесъ и пружинъ въ видахъ вещественнаго благосостоянія, необходимаго для нравственнаго процвѣтанія общества, не имѣетъ, можетъ-быть, въ кругу своихъ обычныхъ понятій никакого прямого отношенія къ искусству и поэзіи; скорѣе можетъ показаться онъ живымъ отрицаніемъ всякой поэзіи. Но что бы онъ ни думалъ про себя, и какъ бы даже ни жаловался на безплодность отвлеченныхъ мыслей, все, что есть въ его дѣлѣ поистинѣ благороднаго, живого, способнаго къ развитію и ведущаго къ успѣхамъ, это — нравственное начало въ его дѣятельности, иногда самому ему неясное, но согрѣвающее его трудъ, — все это связано въ дѣйствительности со многими чисто умственными движеніями, хотя бы и чуждыми его личному сознанію.

Не заставляйте художника браться за „метлу", какъ выразился Пушкинъ въ стихотвореніи „Чернь". Повѣрьте, тутъ-то и мало будетъ пользы отъ него. Пусть, напротивъ, онъ дѣлаетъ свое дѣло; оставьте ему его „вдохновеніе", его „сладкіе звуки", его „молитвы". Если только вдохновеніе его будетъ истинно, онъ, не заботьтесь, будетъ полезенъ!

Довѣримся вдохновенію истины и будемъ требовать отъ художника, какъ и отъ мыслителя, чтобы они только свято служили ей. Нечего заботиться о томъ, чтобы художникъ былъ крѣпокъ своей эпохѣ. Болѣе чѣмъ кто-нибудь, онъ созданъ духомъ своего народа и духомъ своего времени, и на немъ неизгладимо означенъ ихъ образъ. Вдохновенная мысль, воспитанная стремленіемъ къ истинѣ, первая усматриваетъ признаки времени. Въ ея произведеніяхъ сами собою отражаются господствующія начала и направленія эпохи. То, что происходитъ глухо въ умахъ, обрѣтаетъ себѣ выраженіе въ поэтическомъ

сознанія и возводится въ ясное для всѣхъ представленіе. Творческая мысль дѣйствительно владѣетъ могущественнымъ орудіемъ, и ея слово находитъ вѣрный путь къ сердцамъ; но оно только тогда бываетъ плодотворно, когда является ея свободнымъ и чистымъ выраженіемъ. Она оставляетъ по себѣ богатый запасъ запечатлѣнныхъ ею выраженій, которыя становятся общимъ достояніемъ. Ими пользуется всякій, и слава Богу! Но творческая мысль пусть идетъ и открываетъ новые пути и дѣлаетъ новыя завоеванія. Остережемся, чтобы вмѣсто поэта не навязать себѣ на шею или фразера, или доктринера. Фразеръ — это родъ, никуда не годный, и о немъ говорить не стоитъ; доктринеръ — дѣятель почтенный, но гораздо бы лучше ему дѣйствовать прямѣе, не прибѣгая къ формамъ художественнаго творчества! Поэма, повѣсть, драма, написанная съ дидактическою или ораторскою цѣлью, часто только вредятъ вызвавшей ихъ мысли. Уму бываетъ въ нихъ душно, и вмѣсто живого дѣла часто производятъ они только томительную апатію. Лишь одинъ родъ поэзіи сближается съ искусствомъ оратора: это лирика, которую нельзя принимать за твердую форму собственно художественной дѣятельности. Лирика можетъ быть во всемъ, даже въ безмолвномъ поступкѣ, и наоборотъ, въ размѣренномъ складѣ летучаго стиха можетъ, болѣе или менѣе удачно, выразиться всякое душевное движеніе.

Источникъ разногласія въ сужденіяхъ весьма часто заключается лишь въ сбивчивости словъ. Формула: „искусство для искусства“, можетъ въ самомъ дѣлѣ заключать въ себѣ смыслъ весьма неблагопріятный, и отъ такого смысла должны мы освободить эстетическій законъ, дающій внутреннюю цѣль явленіямъ искусства. Все непріятно-поражающее умъ въ этомъ знаменитомъ выраженіи: „искусство для искусства“, заключается въ представленіи, будто художникъ долженъ имѣть своею цѣлью только изящество исполненія, и тутъ мы съ полнымъ правомъ восклицаемъ: нѣтъ! искусство должно имѣть какую-либо существенную цѣль; пусть оно лучше оставитъ тщеславное притязаніе находить въ самомъ себѣ цѣль для своихъ явленій и будетъ лишь простымъ и честнымъ орудіемъ для другихъ назначеній, на которыя вызываетъ его жизнь съ своими битвами и стремленіями. Но дѣло въ томъ, что искусство именно тогда-то и будетъ лишено всякой внутренней цѣли, когда художественная дѣятельность будетъ заключаться только въ искусствѣ исполненія; тогда-то оно и превратится въ простое средство для достиженія постороннихъ и дѣйствительно суетныхъ цѣлей. Мы видимъ такое искусство во множествѣ литературныхъ явленій, которыхъ все назначеніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы болѣе или менѣе пріятно занимать праздный досугъ читателя. Такое искусство видимъ мы тоже въ явленіяхъ временъ упадка, когда изсякаютъ источники всякой умственной производительности и когда всѣ стремленія имѣютъ цѣлью только щекотать чувства, поражать эффектомъ и угождать прихотямъ вкуса. Подобныя явленія столь же мало соотвѣтствуютъ внутренней цѣли искусства, какъ и тѣ, въ ко-

торыхъ мысль прибѣгаетъ къ формамъ художественной дѣятельности для разныхъ практическихъ цѣлей. Хотя явленія этого послѣдняго рода гораздо предпочтительнѣе первыхъ въ нравственномъ отношеніи, но ни тамъ ни тутъ не достигается та великая цѣль, въ которой состоитъ его сущность и заключается его необходимость для человѣческаго развитія. Эта цѣль есть сознаніе; художественное творчество есть дѣятельность мысли, приводящей къ сознанію то, что безъ ея посредства оставалось бы для него чуждымъ и нѣмымъ; дѣятельность мысли, которая вноситъ жизнь въ человѣческое сознаніе и сознаніе въ самые потаенные изгибы жизни.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что отъ искусства въ чистомъ и существенномъ значеніи его проистекаетъ великая польза, и мы можемъ спокойно ограничиваться ею, не навязывая художнику никакихъ практическихъ побужденій для дѣятельности. Какое различіе между практическимъ направленіемъ мысли и направленіемъ теоретическимъ, которое должно господствовать въ художественной дѣятельности? Практически направленная мысль имѣетъ своею цѣлью непосредственно побуждать людей къ поступку. Но чтобъ произвести такое дѣйствіе, мы по необходимости должны имѣть въ виду не одну только истину дѣла, но также и всѣ тѣ различныя обстоятельства, отъ которыхъ можетъ зависѣть рѣшеніе воли и особенность ея настроенія въ данное время. Большею частью мы бываемъ принуждены обращать все вниманіе лишь на одну сторону предмета, часто должны бываемъ вовсе оставлять предметъ, и всю силу слова устремлять на обстоятельства, совершенно ему постороннія; интересъ истины исчезаетъ; все разсчитывается только на практическое впечатлѣніе. Мы не отрицаемъ необходимости и такого рода дѣятельности, мы съ радостью привѣтствуемъ ее тамъ, гдѣ она встрѣчается въ достойномъ видѣ; пусть даже пользуется она для своихъ цѣлей художественными формами, но мы не хотимъ, чтобы она вытѣсняла искусство въ его собственномъ значеніи и ставила себя на его мѣсто. Искусство, какъ наука, и дѣйствуетъ прежде всего раскрытіемъ предмета въ его истинѣ и потомъ уже представляетъ самой истинѣ дѣйствовать на убѣжденіе и волю. Впрочемъ, ограждая самостоятельность искусства, мы, съ другой стороны, желали бы содѣйствовать къ уничтоженію той исключительности, въ какой иногда понимаютъ художественность и поэзію. Не только не должны онѣ быть связываемыми съ какимъ-либо особымъ способомъ выраженія, напримѣръ, съ формами стиха, но и вообще съ извѣстными родами произведеній. Художественность и поэзія могутъ сопровождать творческую мысль повсюду, какого бы предмета она ни касалась. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, приведемъ „Записки оренбургскаго ружейнаго охотника“ С. Т. Аксакова или еще ближе, „Семейную хронику“. Это не поэма и не драма: но сколько тутъ поэзіи и какая чистая художественность въ изображеніяхъ!

Давая искусству независимое значеніе, мы не освобождаемъ художника отъ обязанности заботиться о содержаніи своихъ произведеній,

Мы согласны, что печать высокой художественности отличаетъ и такія произведенія, которыя предметомъ своимъ имѣютъ самыя ничтожныя явленія жизни; но, какъ бы ни было ничтожно явленіе, мысль должна стоять высоко, чтобы понимать его сущность, и можетъ-быть тѣмъ выше должна стоять она, чѣмъ ничтожнѣе постигаемое ею явленіе. Всякое ничтожество можетъ быть художественно воспроизводимо только такою мыслію, которая не останавливается на поверхности вещей и способна видѣть каждое явленіе въ его сущности, при свѣтѣ идеи, въ глубокой, обширной и сложной связи, дающей ему интересъ для разумѣнія. *Катковъ.*

„Поэту" Пушкина.

Это стихотвореніе, имѣющее форму сонета, находится въ связи съ стихотвореніями, имѣющими предметомъ поэта и его отношеніе къ обществу. Здѣсь нашло выраженіе твердо охраняемое самимъ Пушкинымъ чувство независимости отъ неразумныхъ притязаній лицъ, вкривь и вкось судящихъ о дѣятельности поэта. Пушкинъ рано пришелъ къ убѣжденію въ законности этого чувства. Еще въ 1821 году онъ писалъ къ Гнѣдичу:

Для музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны:
Онъ музу битвой площадной
Не унижаетъ передъ народомъ...

Все стихотвореніе „Поэту" имѣетъ форму обращенія къ юному поэту, который предстоитъ автору, взволнованный полученными похвалами (строфа 1). Опытный поэтъ, обращая къ нему рѣчь свою, предостерегаетъ его отъ увлеченія этими похвалами. Онъ спѣшитъ начертать ему самостоятельный путь въ его дѣятельности.

Пушкинъ воспользовался здѣсь для сравненія поэтическимъ образомъ любимаго своего героя Петра Великаго, который, зная предназначеніе своей страны, „смѣло сѣялъ просвѣщенье самодержавною рукой". Путь поэта — долженъ быть подобенъ пути царя, передъ которымъ все разступается („Дорогою свободной иди"...), которому нѣтъ равныхъ („живи одинъ"), котораго всѣ дѣйствія безкорыстны, и надъ которымъ нѣтъ судіи (строфа 3). Та доля негодованія, которымъ одушевлено начало этого монолога, разрѣшается подъ вліяніемъ величаваго образа такого царственнаго поэта въ послѣдней строфѣ въ спокойное, снисходительное отношеніе и къ самой толпѣ. Толпа, характеризуемая въ 1-й строфѣ эпитетомъ „холодная", сопровождающая своимъ смѣхомъ судъ глупца о поэтѣ, получила въ послѣдней строфѣ мягкое олицетвореніе въ образѣ рѣзвыхъ дѣтей, случайно забѣжавшихъ въ храмъ во время совершенія жрецомъ жертвоприношенія. Олицетвореніе толпы въ образѣ дѣтей сообщаетъ рѣчи поэта характеръ болѣе спокойный. Ихъ поступки не могутъ раздражать жреца, всецѣло предавшагося своему священнодѣйствію. И въ рѣз-

вости дѣтей нѣтъ злобнаго умысла: это неразумная шалость; плюя на алтарь и колебля треножникъ, они желаютъ только позабавиться трескомъ огня и колебаніемъ пламени. Жрецъ не замѣчаетъ ихъ.

Мысль о независимости поэта и о малой цѣнѣ суда, произносимаго надъ нимъ толпою, неоднократно высказывалась Пушкинымъ и въ критическихъ замѣткахъ его. Таково слѣдующее мѣсто изъ статьи о Баратынскомъ (1830): „Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титуломъ генія за гладкіе стишки и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества. *Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію,* основанному на любви къ искусству... Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользуется обычной благосклонностью журналовъ — оттого ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличенность модной поэзіи... Какъ бы то ни было, критика изъявляла въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріятное расположеніе... Первыя юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почесть самое сіе совершенство, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли... Но лѣта идутъ — юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются — пѣсни его уже не тѣ, а *читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ* и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. *Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало-по-малу уединяется совершенно.* Онъ творецъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодное невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія... Будучи предметомъ неблагосклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался... Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное *равнодушіе* къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и *въ отношеніи къ публикѣ,* очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требовать мгновенной молвы, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію для произведенія бóльшаго эффекта... Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: *онъ шелъ своею дорогою одинъ* и независимъ“.

Позже (1833), оповѣщая въ „Литерат. Прибавленіяхъ“ къ „Русскому Инвалиду“ о выходѣ въ свѣтъ стихотвореній Катенина, Пуш-

кинъ выразилъ тотъ же взглядъ на отзывы публики: „Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ, и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ; напротивъ: *шелъ всегда своимъ путемъ, творя для себя, что и какъ ему было угодно.* Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модной“... *Поливановъ.*

„Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ Пушкина.

Этотъ „разговоръ“, помѣченный 26-го сентября, былъ напечатанъ при 1-мъ изданіи I гл. „Евг. Онѣгина“ (1825) вмѣсто вступленія.

Стихотвореніе это по замѣчанію г. Стоюнина (1880 г.) показываетъ, какимъ жизненнымъ вопросомъ для Пушкина была поэзія, что онъ смотрѣлъ на нее, какъ на задачи своей жизни. „Онъ выходитъ изъ той мысли, которую такъ настойчиво постоянно поддерживалъ передъ друзьями и на которую еще такъ недавно указывалъ своему бывшему начальству,— будто онъ пишетъ стихи для денегъ. Друзья, конечно, не хотѣли ему вѣрить, считая это за одну изъ его оригинальностей и странностей, которыми онъ любилъ отличать себя. Вдохновеніе и матеріальные расчеты и выгоды никакъ не могли соединиться въ ихъ понятіи... У Пушкина легко соединилось это, лишь только онъ посмотрѣлъ на поэзію, какъ на свободный трудъ, который можетъ сдѣлаться трудомъ всей жизни. Пушкинъ только отдѣлилъ процессъ творчества отъ готовой работы, которая уже получаетъ матеріальную цѣнность. По его взгляду, поэзія есть чистое творчество... самый процессъ творчества не въ волѣ поэта; онъ происходитъ въ душѣ его какъ бы безсознательно для него самого по извѣстнымъ психическимъ законамъ. Живой, вдохновенной рѣчью представляетъ Пушкинъ этотъ творческій процессъ въ „часы ночного вдохновенья“ (стр. 32—41 изд. Поливанова). Это дѣйствительно „пиръ воображенья“. И можетъ при такомъ высокомъ настроеніи творчества духа быть не только рѣчь, но даже какая-нибудь темная мысль о платѣ, о торговлѣ (стр. 47—52)? Итакъ, творчество есть потребность поэтической души, и, слѣдовательно, цѣлью его не можетъ быть матеріальная выгода или расчетъ; ближайшее слѣдствіе его есть высшее духовное наслажденіе и желаніе продлить его, а не денежная оцѣнка; отъ нея оно вполнѣ свободно. Далѣе поэтъ освобождаетъ его и отъ другихъ цѣлей, которыя могли бы повредить его свободѣ. Обыкновенно говорили, что поэзія не безкорыстна, что поэту нужна слава, и что ни одинъ поэтъ не взялся бы за перо, если бы не надѣялся имѣть читателей... Извѣдавъ славу, Пушкинъ находитъ, что не стоитъ доро-

жить ею, отрекается отъ нея и ставитъ выше ея блаженство души въ свободномъ творчествѣ (64—71). Затѣмъ поэзію часто соединяли поэты съ любовью, съ возлюбленной женщиной, которую возводили въ идеалъ, которой поклонялись и подчиняли свое творчество. Пушкинъ не хотѣлъ и за любовью признать власти надъ поэтическимъ творчествомъ. Оглядываясь назадъ на своихъ „идоловъ", нашъ поэтъ сдѣлалъ самое печальное о нихъ заключеніе (109—124). Рядомъ съ этими представленіями онъ ставитъ и идеальный образъ, который онъ нашелъ только въ одномъ женскомъ существѣ, но

Земныхъ восторговъ излiянья,
Какъ божеству не нужно ей (стр. 174—175).

Такимъ образомъ отказавшись отъ всѣхъ постороннихъ цѣлей, поэтъ избираетъ себѣ одну свободу (стр. 182). Сдѣлавъ такой выборъ, онъ тотчасъ же дѣлаетъ неожиданный, но и неизбѣжный поворотъ къ тому вопросу, съ котораго начатъ „Разговоръ" — о платѣ за поэтическій трудъ (стр. 184—186). Можно отречься отъ славы: она — „яркая заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца"; но это ветхое рубище уже гласитъ о тѣхъ житейскихъ нуждахъ, которыя, требуя удовлетворенія, ставятъ въ зависимость и свободу творчества отъ постороннихъ силъ... а независимость опирается на свободный трудъ, который имѣетъ право оцѣнивать себя и требовать оплаты. Изъ всего этого слѣдуетъ, что для свободы творчества нужно, чтобы оно считалось трудомъ жизни и, слѣдовательно, имѣло бы одинакія права со всякимъ трудомъ. Черезъ это не пострадаетъ достоинство творчества. Нашъ поэтъ рѣшаетъ вопросъ очень просто (стр. 199—200). Рукопись, какъ плодъ труда, дѣлается уже товаромъ". *Поливановъ.*

„Пророкъ" Пушкина.

Это стихотвореніе принадлежитъ къ числу тѣхъ созданій поэта, которыя были оцѣнены по достоинству сразу и безповоротно и единодушно признаны геніальными вещами, исполненными неотразимой красоты. По словамъ Погодина, впервые слышавшаго „Пророка" въ Москвѣ изъ устъ самого поэта, „Пророкъ" произвелъ на всѣхъ, присутствовавшихъ при чтеніи, наибольшее дѣйствіе послѣ „Бориса Годунова". Бѣлинскій, восхищаясь „Пророкомъ", причислялъ его къ „величайшимъ произведеніямъ Пушкинскаго генія—Протея". А. Григорьевъ видѣлъ въ „Пророкѣ" „одно изъ высочайшихъ созданій Пушкина". Къ такимъ же выводамъ приходитъ и новѣйшая критика. Поливановъ говоритъ о „Пророкѣ" восторженнымъ тономъ, а проф. Сумцовъ называетъ его „солнцемъ художественной красоты и силы", „красивѣйшимъ" и „глубокомысленнымъ" созданіемъ. Одинъ Спасовичъ пытался развѣнчать славу „Пророка" и подмѣтить въ немъ слабыя стороны, но изъ этой попытки ничего не вышло, и „Пророкъ" поль-

зуется такою широкою извѣстностью, какая выпала на долю весьма немногимъ произведеніямъ Пушкина. Нѣтъ, кажется, ни одной хрестоматіи, въ которой не было бы „Пророка“. Нѣтъ на Руси ни одной школы, въ которой бы онъ не читался и не перечитывался. Оно и понятно. „Пророкъ“, несмотря на его изумительное изящество формы и не для всѣхъ доступную глубину мысли, принадлежитъ къ числу тѣхъ стихотвореній поэта, прелесть и паѳосъ которыхъ, до извѣстной степени, могутъ быть поняты и ребенкомъ и простолюдиномъ. Смѣло можно сказать, что, съ теченіемъ времени, извѣстность „Пророка“ будетъ возрастать все болѣе и болѣе. Мы нимало не сомнѣваемся, что „Пророкомъ будутъ вдохновляться многіе даровитые поэты, подобно тому, какъ имъ вдохновлялся Баратынскій, когда писалъ одну изъ лучшихъ строфъ своего стихотворенія „На смерть Гёте“[1]). Мы не сомнѣваемся также и въ томъ, что содержаніе „Пророка“ будетъ когда-нибудь воспроизведено въ картинахъ и статуяхъ талантливыхъ живописцевъ и скульпторовъ, что его грандіозное величіе найдетъ своихъ истолкователей и въ выдающихся русскихъ композиторахъ, ибо оно можетъ дать богатый матеріалъ и для програмно-симфонической и для вокальной музыки.

„Пророкъ“ Пушкина — поэтическое повѣствованіе о величайшемъ событіи изъ жизни одного изъ тѣхъ религіозныхъ реформаторовъ, которые налагали свой отпечатокъ на цѣлые вѣка, на цѣлые народы и на цѣлыя цивилизаціи.

О томъ, что пережилъ, передумалъ и выстрадалъ пророкъ прежде, чѣмъ ему явился ангелъ, поэтъ не упоминаетъ. Обо всемъ этомъ можно только догадываться изъ первыхъ двухъ стиховъ, знакомящихъ насъ съ нравственнымъ обликомъ того человѣка, который послѣ перерожденія сдѣлался безстрашнымъ, неотразимымъ и непоколебимымъ провозвѣстникомъ воли Божіей.

Духовною жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,—

говоритъ о себѣ пророкъ, и въ этихъ немногихъ словахъ раскрывается передъ нами вся его предшествующая жизнь. Онъ не принадлежалъ къ числу людей, которые полагаютъ счастье въ житейскихъ благахъ, ходятъ по проторенным дорогамъ и не оставляютъ по себѣ

---

[1]) Вотъ эта строфа:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ.
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Эти звучные, красивые и умные стихи составляютъ развитіе того мѣста „Пророка“, въ которомъ онъ разсказываетъ, что послѣдовало вслѣдъ за тѣмъ, какъ ангелъ коснулся его ушей.

И внялъ я неба содраганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.

Стихи Баратынскаго хороши; но какъ блѣдны, многословны, холодны и риторичны кажутся они въ сравненіи съ „Пророкомъ“.

никакого слѣда въ исторіи. Былъ ли пророкъ счастливъ въ семейной жизни? Былъ ли онъ богатъ и знатенъ, и пользовался ли онъ вліяніемъ среди своихъ соотечественниковъ? Поэтъ объ этомъ, такъ же, какъ и объ его возрастѣ, не упоминаетъ, но онъ намъ ясно даетъ понять, что у пророка была одна изъ тѣхъ возвышенныхъ, избранныхъ и исключительныхъ натуръ, которыя чувствуютъ въ себѣ необъятныя силы и инстинктивно стремятся къ великимъ цѣлямъ. Пророка томила „духовная жажда“ и онъ не могъ удовлетворить ее, живя вмѣстѣ съ толпой и предаваясь своимъ обычнымъ занятіямъ. И вотъ, онъ удаляется въ пустыню, чтобы наединѣ съ Богомъ и съ собой, путемъ самоуглубленія, молитвы и аскетическихъ подвиговъ, найти разгадку мучившихъ его вопросовъ, приблизиться къ тому идеалу нравственнаго совершенства, къ которому онъ, вѣроятно, уже давно стремился, и, наконецъ, обрѣсти давно желанный покой для своей истерзанной души. Поэтъ не даетъ никакихъ разъясненій относительно духовной жажды, томившей пророка. Но ихъ и не нужно, ибо ея характеръ обнаруживается изъ всего стихотворенія. Пророка томила не только жажда правды, его томило не только желаніе постигнуть нравственный смыслъ жизни и религіозной истины, но и стремленіе удовлетворить запросамъ своего пытливаго ума, — тѣмъ запросамъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудились мыслители и философы всѣхъ временъ и народовъ. „Въ духовной жаждѣ“ пророка совмѣщалась жажда правды съ жаждой высшаго знанія, иначе Серафимъ не посвящалъ бы его въ тайны неба и земли. Духовная жажда пророка вытекала, между прочимъ, и изъ того, что онъ уже смутно чувствовалъ свое пророческое призваніе, но не былъ увѣренъ въ немъ, не довѣрялъ своимъ силамъ и приходилъ въ отчаяніе при мысли о своей грѣховности и о бѣдности человѣческой природы.

Терзаясь въ мукахъ самоиспытанія и самоосужденія, онъ не придавалъ никакого значенія ни своему алканію свѣта ни своему подвижничеству, и ничего не видѣлъ въ себѣ, кромѣ малодушія, лукавства и страсти къ празднословію. Онъ переживалъ тяжелую внутреннюю борьбу, знакомую и царевичу Сакъямуни, и Фаусту, и всѣмъ людямъ такого же типа. Мрачная пустыня вполнѣ подходила къ настроенію пророка въ то время, когда онъ „влачился“ по ней, погруженный въ свои безотрадныя размышленія, и вотъ въ это-то время съ нимъ и совершается то, чего онъ уже давно желалъ въ глубинѣ души, но о чемъ онъ даже не дерзалъ просить Бога въ минуты самой пламенной молитвы, — посвященія въ пророки.

Пророку является шестикрылый серафимъ и благодатною силой перерождаетъ все его существо. „Перстами легкими, какъ сонъ“ (какое великолѣпное сравненіе!) онъ прикасается къ очамъ пророка и сообщаетъ его духовному зрѣнію необычайную зоркость и прозорливость. Отнынѣ пророкъ уже не будетъ колебаться въ правдивости того, что ему подскажутъ первыя впечатлѣнія при встрѣчѣ съ тѣми или другими людьми: онъ пріобрѣлъ способность насквозь видѣть людей, онъ полу-

чилъ тотъ ключъ, которымъ можно отмыкать сердца своихъ ближнихъ и видѣть все, что тамъ творится. Отнынѣ пророкъ уже не будетъ страдать нравственною слѣпотой, а будетъ поражать враговъ и приверженцевъ своею дальновидностью и проницательностью. Неожиданное появленіе ангела и то озареніе, которое пророкъ почувствовалъ въ своей душѣ послѣ того, какъ серафимъ прикоснулся къ его очамъ, привели пророка въ трепетъ. Страхъ, который онъ при этомъ испыталъ, поэтъ сравниваетъ со страхомъ испуганной орлицы, давая понять этимъ сравненіемъ, что въ природѣ пророка было что-то орлиное.

Ангелъ прикасается къ ушамъ пророка, и ихъ наполняетъ шумъ и звонъ, какъ это бываетъ съ людьми, у которыхъ, подъ вліяніемъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній, приливаетъ кровь къ головѣ. Вслѣдъ за этимъ надъ пророкомъ совершается рядъ чудесъ: онъ познаетъ посредствомъ слуха то, чего нельзя слышать ушами, и дѣлается причастникомъ высшаго, сверхчувственнаго и сверхъестественнаго знанія.

И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.

Остановимся на этихъ стихахъ отчасти для того, чтобы уяснить себѣ ихъ смыслъ, отчасти для того, чтобы подчеркнуть ихъ необычайную красоту и мощь.

Какимъ содроганіямъ неба внялъ пророкъ? Очевидно, тѣмъ содроганіямъ, которыя обыкновенно не сопровождаются звуками, иначе сказать, молніямъ безъ грома или такъ называемымъ зарницамъ. Тютчевъ прекрасно выразилъ таинственное и поэтическое впечатлѣніе, производимое ими на людей, чуткихъ къ явленіямъ природы.

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало...
Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣлыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею...

Въ то время, когда передъ пророкомъ предсталъ серафимъ, вѣроятно, тоже

Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею,—

наводя мысль на Бога и возвѣщая славу Господню, и —

Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало.

Пасмурное, покрытое тучами небо, безшумно содрогавшееся надъ головой пророка, вполнѣ гармонировало съ тѣмъ дикимъ и суровымъ пейзажемъ, который передъ нимъ разстилался въ то время, когда онъ влачился по мрачной пустынѣ.

Все это такъ же, какъ и нѣкоторые другіе намеки поэта на обстановку, среди которой происходитъ явленіе серафима пророку, необходимо имѣть въ виду художнику, который изберетъ стихотвореніе Пушкина темой для своей картины.

Раскрывъ передъ пророкомъ нѣкоторыя изъ тайнъ неба и горняго міра, ангелъ посвящаетъ его въ нѣкоторыя изъ тайнъ природы и даетъ ему внять —

И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.

Эти два стиха опять-таки служатъ указаніемъ на особенности той мѣстности, въ которой происходитъ дѣйствіе „Пророка". Мрачная пустыня, куда онъ удалился, не была лишена кое-какой растительности, и находилась, вѣроятно, неподалеку отъ моря.

Стихъ —

И гадъ морскихъ подводный ходъ

изумительно хорошъ по изобразительности языка. Пророкъ слышитъ не шумъ, производимый китами или громадными рыбами, а „ходъ" „морскихъ гадовъ" на днѣ морскомъ, на страшной глубинѣ, куда не достигаютъ ни звуки ни солнечный свѣтъ.

Стихъ —

И гадъ морскихъ подводный ходъ —

живо рисуетъ въ нашемъ воображеніи морскихъ чудовищъ, которыми народная поэзія и фантазія древнихъ населяли морскія бездны. Этотъ стихъ какъ бы разъясняется и развивается въ извѣстной картинѣ морской пучины изъ шиллеровскаго „Водолаза".

И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
    Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды;
Морской глубины несказанныя чуды;
Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
    Въ громадный свиваяся клубокъ,
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
    И ужасъ морей, однозубъ,
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіэна морская.
И я содрагался... вдругъ слышу — ползетъ
    Стоногое грозно изъ мглы —
И хочетъ схватить — и разинулся ротъ...
    Я въ ужасѣ прочь отъ скалы...

То, что узналъ безумно-отважный юноша Шиллеръ о тайнахъ моря посредствомъ зрѣнія, пророкъ чудеснымъ образомъ постигъ слухомъ своимъ.

Избавивъ пророка отъ нравственной слѣпоты и глухоты и надѣливъ его высшимъ, недоступнымъ для обыкновенныхъ смертныхъ, знаніемъ, серафимъ, не нарушая своего таинственнаго молчанія, приступаетъ къ совершенію надъ пророкомъ чего-то въ родѣ кроваваго крещенія:

И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.

Отнынѣ пророкъ исполнится глубокою, ничѣмъ непоколебимою вѣрой въ святость и мудрость каждаго своего слова, произносимаго въ минуты религіознаго экстаза, и его вдохновенныя рѣчи будутъ переходить изъ рода въ родъ, отражаясь въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ на судьбахъ народовъ и государствъ. Отнынѣ пророкъ уже не будетъ подозрѣвать себя въ склонности къ празднымъ и лукавымъ рѣчамъ: онъ будетъ смотрѣть на свое увлекательное краснорѣчіе, какъ на чудо, устраняющее необходимость другихъ чудесъ.

Но пророку недостаточно обладать прозорливостью, мудростью и способностью подчинять людей своему вліянію. Ему нужно имѣть еще непоколебимое мужество и никогда неостываемый душевный жаръ. Ему нужно быть выносливымъ въ трудахъ и лишеніяхъ, безстрашнымъ въ борьбѣ съ гонителями проповѣдуемой имъ вѣры, поэтому серафимъ, опять-таки не прерывая своего молчанія, довершаетъ духовное перерожденіе пророка другимъ, мучительнымъ и страшнымъ для него актомъ кроваваго крещенія,

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ...

Отнынѣ пророкъ уже не будетъ сомнѣваться въ своихъ силахъ и рѣшеніяхъ и теряться предъ лицомъ грозной опасности. Онъ уже не будетъ влачиться въ мрачной пустынѣ, онъ будетъ смѣло смотрѣть въ глаза и царямъ и мудрецамъ и не почувствуетъ робости ни передъ разъяренною толпой ни передъ самыми лютыми страданіями. Кровавое крещеніе убило въ немъ ветхаго человѣка съ его неувѣренностью въ себѣ, съ его уныніемъ и слабостью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко потрясло физическій организмъ пророка. Покинутый ангеломъ, пророкъ лежалъ какъ трупъ, съ замершими устами, съ разрубленною, открытою грудью, обезсиленный и окровавленный, почти безъ признаковъ жизни. Онъ получаетъ исцѣленіе отъ самого Бога. Прерывая тишину пустыни, но оставаясь незримымъ, Богъ торжественно провозглашаетъ его пророкомъ, утверждаетъ за нимъ тѣ благодатные дары, которые онъ получилъ отъ ангела, и разъ навсегда опредѣляетъ для пророка тотъ великій подвигъ, который онъ былъ призванъ совершить,— подвигъ всемірной проповѣди и слиянія своей воли съ Божьею волей.

И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.

Этими стихами окончательно обрисовывается величавый образъ Пушкинскаго пророка, съ его орлинымъ взглядомъ, вдохновенными рѣчами и безтрепетнымъ, пламеннымъ сердцемъ, и онъ, какъ живой, стоитъ передъ нами въ своей длинной восточной одеждѣ.

Черняевъ.

Со временъ Самуила (около 1000 л. до Р. Х.) начинается тотъ рядъ пророковъ, который съ небольшими перерывами тянется въ продолженіе 700 лѣтъ до Малахіи. Самуилъ основалъ особыя школы для пророковъ, въ которыхъ жили подъ руководствомъ старшихъ учителей молодые люди — „сыны пророковъ". Въ этихъ школахъ искусственно развивалось и поддерживалось состояніе восторженности. У евреевъ пророчество было силой, которая глубоко и могущественно вліяла на судьбу народа и на развитіе теократіи. Пророки выходили изъ среды народа, послушные божественному внушенію. Вообще, пророчество не было связано съ сословіемъ или званіемъ и не нуждалось въ признаніи со стороны государственной власти. Сознавая свое призваніе и свой авторитетъ, пророкъ былъ голосомъ и посланникомъ Божіимъ, олицетворенною совѣстью народа, смѣлымъ обличителемъ безнравственныхъ и преступныхъ дѣяній. Это былъ руководитель народа и патріотъ въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова. Въ минуту великихъ, рѣшительныхъ событій онъ проповѣдовалъ раскаяніе, предостерегалъ и утѣшалъ, хранилъ законъ, истолковывалъ народу древніе завѣты, образуя собой оппозицію сильнымъ міра, нарушавшимъ законъ. Болѣе всего пророки порицали идолопоклонство и порчу нравовъ. Они возвѣщали божественныя кары и въ трудныя годины укрѣпляли сокрушенный духъ народа. Пророки безстрашно вступали въ дворцы, порицали ложную политику, часто терпѣли преслѣдованія и подвергались пыткамъ и казни. Въ царствѣ израильскомъ въ правленіе Ахава они были совершенно истреблены. Въ пр. Исаіи сосредоточилось все, что выработало пророчество до него и что послѣ него проявилось въ этомъ учрежденіи. Сорокъ семь лѣтъ онъ дѣйствовалъ какъ пророкъ и народный вождь. Вліяніе его на народъ и на царя было велико. Языкъ его отличается большими достоинствами, простотой, ясностью, величіемъ; въ силѣ и гармоніи произведенія его превосходятъ все оставленное пророками. Въ каждой чертѣ у него сказывается благородство помысловъ и чувства, все у него носитъ печать генія и неподдѣльнаго вдохновенія. Содержаніе его поэзіи составляютъ карательныя рѣчи, жалобы на грѣхи народа, грозныя предвѣщанія близкой гибели и ободряющія духъ надежды на лучшее будущее.

Въ VI главѣ книги пр. Исаіи находится величественное повѣствованіе о призваніи пророка: „И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и исполнь домъ славы его. И *серафимы* стояху окрестъ, его, *шесть крилъ* единому и шесть крилъ другому и двѣма убо покрываху лица своя, двѣма же покрываху ноги своя и двѣма летаху. И взываху

другъ ко другу и глаголахъ: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: исполнь вся земля славы его. И взяся надверіе отъ гласа, имже вопіяху, и домъ наполнися дыма. И рекохъ: О окаянный азъ, яко умилихся, яко человѣкъ сый, и *нечисты устнѣ имый* посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу: и царя Господа Саваоѳа видѣхъ очима моима. И посланъ бысть ко *мнѣ единъ отъ серафимовъ, и въ руцѣ своей имяще угль горятъ,* его же клещами взятъ отъ алтаря. *И прикоснуся устнамъ моимъ* и рече: се прикоснуся сіе устнамъ твоимъ *и очиститъ. И слыша гласъ Господа* глаголюща: кого послю, и кто пойдетъ къ людемъ симъ, и рекохъ: се азъ есмь, посли мя. И рече: иди и рци людемъ симъ: слухомъ услышите и не уразумѣете, и видяще узрите и не увидите. Одебелѣ бо сердце людей сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да нѣкогда узрятъ очима и ушима услышатъ и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю ихъ".

Цитированное мѣсто Библіи получило у Пушкина такое выраженіе:

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьѣ мнѣ явился:
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.

Сравнивая „Пророка" Пушкина съ VI гл. книги пр. Исаіи, нельзя назвать „Пророка" передѣлкой этой главы. Пушкинъ не воспользовался всѣмъ содержаніемъ VI главы, взялъ только часть его и обработалъ его по-своему.

Въ основѣ „Пророка" лежитъ вѣчно привлекательная идея о прогрессѣ человѣчества по усиліямъ умственныхъ и нравственныхъ геніевъ. Идея эта основывается на непреложныхъ данныхъ исторіи. Время отъ времени появляются люди, которые стоятъ къ нравственному состоянію своего вѣка въ томъ же отношеніи, въ какомъ геніальные люди стоятъ къ его умственному состоянію. Они предвосхищаютъ нравственныя стремленія позднѣйшихъ временъ, распространяютъ и укрѣпляютъ чувство безкорыстной добродѣтели, внушаютъ обязанности и побужденія, которыя большинству людей кажутся совершенно химерическими. Вліяніе такихъ нравственныхъ геніевъ, могущественное и благотворное, дѣйствуетъ на современниковъ и ближайшее потом-

ство. Когда съ теченіемъ времени энтузіазмъ ослабѣваетъ, и грубый начинаетъ разрастаться, тогда выходятъ новые сѣятели добра и жгучими глаголами очищаютъ огрубѣлыя сердца.

Историческими комментаріями къ „Пророку" могутъ служить всѣ великіе дѣятели въ глубочайшихъ и благороднѣйшихъ сферахъ духа, въ религіи, къ наукѣ, въ искусствѣ, въ общественной дѣятельности, тѣ дѣятели, которыхъ томила духовная жажда, которые выдержали тяжелый процессъ нравственнаго перерожденія, выработали въ своей душѣ несокрушимую любовь къ истинѣ, правдѣ и добру, слово которыхъ стало живымъ глаголомъ. Но нѣтъ, кажется, болѣе величественнаго историческаго воплощенія того идеала пророка, какой вылился въ стихотвореніи Пушкина, какъ жизнь и дѣятельность св. апостола Павла. Савла томила духовная жажда. Блескъ славы засіялъ надъ нимъ въ пустынѣ. Онъ былъ повергнутъ на землю, какъ пророкъ Пушкина, и оставался въ такомъ положеніи, пока Божій глаголъ не повелѣлъ ему встать, и тогда онъ всталъ просвѣтленнымъ Павломъ. Онъ услышалъ въ свѣтѣ повелѣніе: „Встань и иди въ городъ и сказано будетъ тебѣ, что̀ тебѣ надобно дѣлать". Съ этого времени обнаружились великія духовныя силы у апостола народовъ, и онъ безповоротно пошелъ по указанному ему пути, обходя моря и земли и просвѣщая сердца народовъ свѣтомъ христіанскаго ученія. „Вѣра его никогда не колебалась среди жесточайшихъ испытаній, и его надежда не отуманивалась среди самыхъ горькихъ разочарованій".

Во всякомъ случаѣ самое широкое чувство доброжелательства и любви, какъ благодати Божіей, должно служить исходнымъ пунктомъ при оцѣнкѣ Пушкинскаго пророка. Пророкъ Пушкина въ любви своей обнимаетъ весь міръ —

И въ полѣ каждую былинку
И въ небѣ каждую звѣзду,

душу свою сливаетъ съ высшими интересами человѣчества, въ свои объятія заключаетъ и друзей и враговъ, ставитъ свои вѣщіе глаголы на стражѣ „убогихъ, нищихъ", и укрѣпляетъ въ нихъ свѣтлую надежду, что „святая правда на землю прилетитъ".

Вообще, въ основѣ Пушкинскаго „Пророка" лежитъ чистое, здоровое и жизнерадостное настроеніе. Существованіе такого стихотворенія въ русской литературѣ имѣетъ важное воспитательное значеніе. Оно въ нѣкоторой степени можетъ служить противовѣсомъ тому мрачному и удручающему пессимистическому настроенію, которое охватываетъ не только отдѣльныя личности, но полосами находитъ на цѣлыя теченія народной мысли и, какъ туча, наводитъ унылую тѣнь на колосистую ниву человѣческаго труда и цивилизаціи.

Пушкинъ даетъ въ пророкѣ положительный типъ, и въ этомъ отношеніи его пророкъ стоитъ неизмѣримо выше лермонтовскаго, разочарованнаго, байроническаго. Пусть люди не велики; но великъ міръ, велико человѣчество, и самъ милосердный Богъ выдвигаетъ ве-

ликихъ дѣятелей, надѣляетъ ихъ благодатью любви, силой знанія, несокрушимой волей и даромъ могучаго, огненнаго слова.

Изложеніе и языкъ въ „Пророкѣ“ отличаются величественной простотой. Всѣхъ словъ 132; между ними нѣтъ ни одного вульгарнаго. Пушкинъ чрезвычайно удачно пользуется церковно-славянскими элементами литературнаго языка для выраженія величія и торжественности преобразованія пророка. Церковно-славянскихъ словъ около 10. Они вполнѣ отвѣчаютъ строю мысли и сущности предмета.

Сумцовъ.

Внутреннее родство между стихотвореніями „Поэтъ и Пророкъ“.

Хронологически и логически къ „Пророку“ очень близко стихотвореніе „Поэтъ“, напечатанное впервые въ 22 № „Московскаго Вѣстника“ 1827 года.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ.
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.

Между стихотвореніями „Поэтъ“ и „Пророкъ“ есть внутреннее родство. Вникая въ художественные образы этихъ стихотвореній, можно сказать, что „Поэтъ“ первичнѣе „Пророка“; до чуткаго слуха поэта лишь коснулся „божественный глаголъ“; здѣсь еще нѣтъ духовнаго преобразованія, которому подвергся пророкъ“; но это преобразованіе близко, и потому поэтъ затосковалъ въ забавахъ міра, сталъ чуждаться молвы, и полный смятенья, дикій и суровый, т.-е. углубленный въ себя, не разобравшійся среди нахлынувшихъ впечатлѣній и образовъ, онъ бѣжитъ на берега пустынныхъ волнъ въ широкошумныя дубровы. Въ пустынѣ его встрѣтитъ серафимъ и преобразуетъ его чувства для воспріятія высшаго божественнаго велѣнія глаголомъ жечь сердца людей. Поэтъ бѣжитъ въ пустыню не только отъ вражды и неблагодарности; онъ бѣжитъ съ положительной цѣлью, предвидя откровеніе и очищеніе. У поэта оказывается еще „гордая голова“; но у пророка уже не будетъ гордости. Сходство въ художественномъ образѣ повлекло за собою сходство въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Такъ:

въ „Пророкѣ“: Глаголомъ жги сердца людей...
въ „Поэтѣ“: Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется...

въ „Пророкѣ“: Отверзлись вѣщія зѣницы
Какъ у испуганной орлицы. . .
въ „Поэтѣ“: Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.

Итакъ, въ „Поэтѣ“ Пушкина мы видимъ художественный образъ, который возникъ въ его душѣ въ началѣ 20-хъ годовъ, постепенно созрѣвалъ и въ законченной формѣ вылился въ 1826—1827 годахъ. Съ „Пророкомъ“ Лермонтова сравниваютъ обыкновенно „Пророка“ Пушкина; но это величины несравнимыя, по основнымъ идеямъ и по моментамъ ихъ, такъ сказать, хронологическаго пріуроченія къ образамъ. Къ „Пророку“ Лермонтова ближе стоитъ „Поэтъ“ Пушкина, и нельзя отрицать возможности прямого литературнаго вліянія въ данномъ случаѣ Пушкина на Лермонтова.

Основной мотивъ стих. „Поэтъ“ („часъ божества“) давно уже занималъ Пушкина; это одно изъ наиболѣе продуманныхъ и прочувствованныхъ поэтическихъ признаній Пушкина. Уже въ шестой пѣснѣ „Руслана и Людмилы“ Пушкинъ, говоря о томъ, что онъ забылъ и трудъ уединенный и звуки „лиры дорогой“, прибавляетъ:

Меня покинулъ *тайный геній*
И помысловъ и сладкихъ думъ.

Это состояніе духа, которое гораздо позже выразилось въ стихотвореніи Пушкина „Трудъ“, которое Тургеневъ выразилъ въ письмахъ къ друзьямъ и въ статьѣ „Довольно“, состояніе временнаго спокойствія творческаго духа, ошибочно принимаемаго за притупленіе или исчезновеніе.

Въ эпилогѣ къ „Руслану и Людмилѣ“ (1820 г.) Пушкинъ говоритъ:

Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой —
Но огнь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ.
Пора сердечныхъ вдохновеній
Восторговъ краткій день протекъ —
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній.

Это богиня, въ другихъ стихотвореніяхъ „муза“, близкая родня Аполлону, „тайному генію“, „демону“, какъ послѣдній обрисованъ въ стих. „Демонъ“ 1823 года и въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ“ 1824 года.

Пушкинъ былъ человѣкъ глубоко искренній. Въ „Поэтѣ“ отразилась его жизнь въ Михайловскомъ въ 1824—1826 годахъ. Самъ Пушкинъ разсказывалъ, что, бродя надъ озеромъ въ Михайловскомъ, онъ тѣшился тѣмъ, что пугалъ дикихъ утокъ сладкозвучными своими строфами.

Бѣгство поэта „на берега пустынныхъ волнъ“ можно понимать въ широкомъ смыслѣ самоуглубленія. Въ „Осени“ 1830 года одна строфа бросаетъ свѣтъ на способы уединенія. Здѣсь поэтъ находитъ

воодушевленіе въ тишинѣ своего кабинета у горящаго камина. Тогда онъ питалъ въ своей душѣ „думы долгія“.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримой рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

Въ этихъ строкахъ заключается рядъ драгоцѣнныхъ откровеній о тайнѣ поэтическаго творчества. Такъ, важно, что душа поэта въ минуту творчества „трепещетъ и звучитъ“. Слуховыя ощущенія имѣли громадное значеніе въ творчествѣ Пушкина. Замѣчательно далѣе сближеніе художественныхъ образовъ съ сновидѣніями — важная и еще неразработанная тема новѣйшей научной психологіи.

Сумцовъ.

Эстетическая теорія Пушкина.

Уже въ 1815 году въ посланіи „Моему Аристарху“ (Кошанскому) Пушкинъ говоритъ о „непринужденномъ упоеньи“ творчества, а въ первомъ посланіи къ Батюшкову (1814 г.) восклицаетъ:

Поэтъ! Въ твоей предметы волѣ...
Все, все позволено поэту!

Въ письмѣ Н. И. Гнѣдичу 1821 года встрѣчаемъ такія строки:

Для музъ и дружбы живъ поэтъ;
Его враги презрѣнны:
Онъ музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ.

Если немногимъ ранѣе Пушкинъ въ одномъ стихотвореніи заявлялъ, что учится въ деревнѣ „роптанье презирать толпы непросвѣщенной“, то уже въ слѣдующемъ, 1822 году, въ письмѣ къ тому же Гнѣдичу онъ высказывается болѣе рѣзко: „Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ“... Можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, къ какой изъ этихъ двухъ категорій относитъ себя поэтъ? Недосказанное въ письмѣ en tous lettres выступаетъ въ стихотворномъ отрывкѣ того же года:

Я говорилъ предъ хладною толпой,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный —
Я замолчалъ...

Къ 1824 году[1]) относится „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“, — то стихотвореніе, въ которомъ видятъ первое опредѣленное и яркое выраженіе эстетической теоріи Пушкина. Поэтъ, не понимаемый презрѣнной черныо“, со стыдомъ отрекается отъ прежнихъ своихъ идоловъ — славы, любви и проч. и провозглашаетъ полную свободу творчества. Мнѣ кажется, однако, что сама теорія была ясно и точно формулирована Пушкинымъ въ слѣдующемъ 1825 году въ нѣсколькихъ словахъ. „Ты спрашиваешь“, пишетъ онъ Жуковскому, „какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! *Цѣль поэзіи — поэзія*, какъ говоритъ Дельвигъ... Можетъ ли у поэзіи быть какая-либо иная цѣль, кромѣ нея самой? Нѣтъ!

Служенье музъ не терпитъ суеты;
Прекрасное должно быть величаво.
(„19 октября 1825 г.“)

Этими двумя отрывками, по-моему, уже опредѣляется эстетическая теорія Пушкина — теорія искусства для искусства“. Первый — формула въ положеніи — говоритъ о томъ, *чѣмъ искусство должно быть*; второй формула въ отрицаніи — *чѣмъ оно быть не можетъ*.

Нечего говорить, Пушкинъ не всегда могъ выдержать эту точку зрѣнія и порой, казалось, измѣнялъ своей теоріи. Уже въ стихотвореніи 1826 года его „Пророкъ“ призывается „глаголомъ жечь сердца людей“. Въ стихотвореніи 1831 года онъ говоритъ, что поэтъ, какъ эхо, отзывается на всѣ явленія жизни, и какъ бы въ доказательство этого нежданно удивляетъ своихъ друзей „шинельными стихами“: „Клеветникамъ Россіи“, и „Бородинской годовщиной“.

Наконецъ въ 1836 году на закатѣ жизни, какъ бы подводя итоги своей поэтической дѣятельности, онъ ставитъ себѣ въ заслугу, что пробуждалъ добрыя чувства, въ жестокій вѣкъ возславилъ свободу и призывалъ милость къ падшимъ.

Болѣе того: въ этомъ, а не въ чемъ иномъ, онъ видитъ залогъ своего безсмертія въ памяти народа. Поэтъ, конечно, справедливо указалъ свою заслугу. Пророкъ строго выполнилъ „велѣніе Божіе“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, развѣ это не самоотрицаніе? Поэтъ сталъ на точку зрѣнія „Черни“: онъ гордится *пользой* своего искусства, а не имъ самимъ; онъ видитъ въ немъ средство, а не цѣль. Такая метаморфоза, какъ завершеніе художественной дѣятельности, если она сознательна, была бы равносильна самоубійству. Но, конечно, ничего подобнаго не случилось съ Пушкинымъ. Напротивъ того, придя въ 1825 году къ формулировкѣ своей эстетической теоріи, онъ, въ теченіе всей остальной жизни, продолжалъ развивать ее со строгой послѣдовательностію. Онъ, такъ сказать, прошелъ мимо самопротиворѣчій, какъ бы вовсе не замѣчая ихъ, такъ что органическій процессъ, совершавшійся вполнѣ сознательно, не подвергся ни малѣйшему вліянію сторонняго неорганическаго, и, повидимому, безсознательнаго процесса.

[1]) Написано въ 1823 г., см. письмо брату (VII, 98).

Дѣйствительно къ 1827 году относится стихотвореніе „Поэтъ“, гдѣ Пушкинъ рисуетъ намъ преображеніе человѣка въ поэта. Въ обычное время, быть можетъ, ничтожнѣйшій изъ смертныхъ — поэтъ преображается въ минуту вдохновенія: чуждый всему земному, онъ бѣжитъ отъ людей „дикій и суровый“ въ ему одному доступный міръ творчества[1]). Въ 1829 году является въ печати „Чернь“. Когда толпа, „рабыня суеты“, не понимая, „*зачѣмъ*“, съ какою „цѣлью“ поетъ поэтъ, высказываетъ желаніе услышать его смѣлыя уроки; когда она заявленіемъ своего требованія посягаетъ на свободу его творчества, — поэтъ отвѣчаетъ ей презрѣньемъ и негодованьемъ:

Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?

Какое ему дѣло до вашихъ низменныхъ житейскихъ интересовъ? Не дѣло „жреца“ браться за метлу и свершать „полезный трудъ“. Мѣсто его не на рынкѣ пошлой житейской дѣйствительности. Его міръ — свѣтлый міръ творчества, міръ „звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Леонидъ Майковъ, справедливо оспаривая мнѣніе Шевырева и другихъ критиковъ и біографовъ Пушкина о происхожденіи этого стихотворенія, что „*всѣ* они искали въ немъ цѣльной художественной теоріи и, объяснивъ по-своему найденное“, одни одобряли мысль поэта, другіе осуждали ее. Нужно ли доказывать, что критикъ нашелъ ошибку тамъ, гдѣ ея въ сущности нѣтъ? Я стою именно на той точкѣ зрѣнія, что здѣсь поэтъ, дѣйствительно, даетъ намъ свою цѣльную эстетическую теорію, которую, какъ видѣли мы, онъ формулировалъ уже раньше и которую продолжалъ развивать въ теченіе всей последующей жизни. Если недостаточно доказательствъ изъ области поэзіи (которыхъ такъ много!), то ихъ можно найти въ критическихъ замѣткахъ и письмахъ. Вотъ, между прочимъ, одно мѣсто изъ статьи Пушкина „о драмѣ“. „Между тѣмъ, какъ эстетика его временъ Канта и Лессинга развита съ такой ясностію и обширностію, мы еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда; мы все еще повторяемъ, что прекрасное есть подражаніе изящной природѣ и что главное достоинство искусства есть *польза*. Почему же статуи раскрашенныя нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ. Почему поэтъ предпочитаетъ выражать свои мысли стихами? И какая польза въ Таціановой Венерѣ или въ Аполлонѣ Бельведерскомъ? Не ясно ли, что эти мысли, высказанныя въ 1830 году и лишь повторяющія въ прозѣ то,

---

[1]) Сравни это стихотвореніе съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ „Discours de Réception à l'Académie fransaise la Harpe'а, хорошо знакомаго Пушкину: Аполонъ нѣкогда давалъ предсказанія среди уединенныхъ пещеръ. Его жрецы требовали, чтобы удалились непосвященные, когда чувствовали приближеніе Бога. Такъ ораторъ, *поэтъ*, великій писатель, *когда онъ ищетъ вдохновенія, бѣжитъ отъ городовъ, удаляется въ уединенную сельскую хижину*. Онъ порываетъ свои путы... *Его душа возвращается къ первобытной свободѣ, созерцая величіе природы*. См. Гр. Дела-Бартъ: Шатобріанъ и поэтика міровой скорби, 97.

Было бы любопытно вообще поставить вопросъ: не находится ли эстетическая теорія Пушкина въ связи съ поэтикой французскихъ „чувствительниковъ конца XVIII в., особенно А. Шинье. См. объ этомъ у Дашкевича: „Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ“.

что въ „Черни“ было выражено въ поэтическихъ образахъ, — не ясно ли онѣ предоставляютъ настоящую эстетическую теорію? То же самое Пушкинъ снова повторяетъ и въ 1836 году: „мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риторами, будто *польза* есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что *цѣль художества есть идеалъ, а не нравоученіе.* Поистинѣ странно не видѣть во всемъ этомъ *цѣльной художественной теоріи*“. Поэтъ не философъ, и я не знаю, можно ли, внѣ философской терминологіи, яснѣе и опредѣленнѣе выразить то, что называется этимъ именемъ?

Въ сонетѣ 1830 года „Поэту“ послѣдній снова противополагается „толпѣ“. Удѣлъ поэта — „судъ глупца и смѣхъ толпы холодной“, но онъ царь и „самъ свой высшій судъ“. Толпа ничего не понимаетъ въ творчествѣ, и лишь самъ „взыскательный художникъ“ можетъ оцѣнить свой трудъ по достоинству[1]). „Поэтъ“, говоритъ Чарскій въ Египетскихъ ночахъ“ (1835), „самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ. Наконецъ, даже въ 1836 году въ стихотвореніи: „Изъ VI Пиндемонте“ мы встрѣчаемъ все ту же точку зрѣнія. Поэтъ — не гражданинъ; ему не нужны „громкія права“ — онъ жаждетъ „лучшихъ“ правъ и лучшей свободы:

По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья, —
Вотъ счастіе! Вотъ права!

Итакъ точка зрѣнія выдержана до конца. „Толпа и поэтъ у Пушкина никогда не понимаютъ другъ друга: это существа изъ разныхъ міровъ. Приглядимся къ тому, что составляетъ „необходимость“ этого взаимнаго недоразумѣнія. „Поэзія“ пишетъ Пушкинъ въ статьѣ[2]) 1825 года, бываетъ исключительно страстью немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни“... То же повторяетъ онъ устами Моцарта въ 1880 году:

Насъ мало избранныхъ, счастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.

Остальные люди, это „толпа“, „чернь“, народъ“. Поэтъ не употребляетъ этихъ словъ безъ постоянныхъ эпитетовъ: толпа — „хладная“, чернь — „презрѣнная“, народъ — „непросвѣщенный“ и т. п. — въ различныхъ комбинаціяхъ. Говоря прозаически, это — окружающее поэта общество[3]).

---

[1]) Сравн. „Родосл. моего героя“.
Исполненъ мыслями златыми,
Непонимаемый никѣмъ“ etc.

[2]) О предисловіи Лемонте къ переводу басенъ Крылова.

[3]) Совершенно произвольное отождествленіе „толпы“, „черни“ со „свѣтскимъ обществомъ“, „высшимъ свѣтомъ“ и пр., къ сожалѣнію, является обычнымъ даже и теперь. (См. у Л. Майкова: „Ист. лит. оч. 180—2; у Дашкевича 222—23).

Въ критическихъ замѣткахъ и письмахъ Пушкина это общество характеризуется не болѣе лестными чертами. Особенно достается женщинамъ. „Чего бояться читательницъ“, пишетъ Пушкинъ А. А. Бестужеву въ 1823 году, — „ихъ пѣть и не будетъ на русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ“. Это заключеніе дѣлается понятнымъ изъ другихъ писемъ. Разговоры русскихъ женщинъ Пушкинъ называетъ „несноснымъ, хотя и невиннымъ вздоромъ“. „Онѣ очень поверхностно образованы, ничто европейское не занимаетъ ихъ мыслей; политика и литература для нихъ не существуетъ; остроуміе давно въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія; о чемъ же станутъ онѣ говорить?“

О вліяніи поэзіи на этотъ элементъ общества и говорить нечего. „Женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностію самою раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи, самые естественные, разстраиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѳму. Вслушайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... исключенія рѣдки“.

Теперь ясно, что жалѣть объ отсутствіи въ числѣ читателей такого элемента — не стоитъ. Но и не лучше все общество въ цѣломъ. Пушкинъ постоянно изъ него рвался и не разъ ѣдко клеймитъ его въ своихъ письмахъ, не говоря объ „Евгеніѣ Онѣгинѣ“. L'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales quoique diverses, пишетъ онъ Осиповой въ 1827 г. и ей же въ 1828 г.: Je vous avoue que cette existence (à Pétersbourg) est assez sotte; et que je brûle de la changer de manière ou d'autre... je vous avoue, madame, que le bruit et le tumulte de Pétersbourg m'est devenu tout-à-fait étranger — je le supporte avec impatience...

J'aime votre beau jardin et joli rivage de la Colomb. Vous voyez, madame, que mes goûts sont encore poétiques malgré la vilaine de mon existence actuelle“.

Еще болѣе рѣзко отзывается онъ о „русскомъ обществѣ въ письмѣ къ Чаадаеву 1836 г. „Il faut bien avouer que notre existence sociale est une triste chose, que cette absence d'opinion publique, cette indifférence pour tout ce qui est devoir, justice et verité, ce mépris cynique pour la pensée et la dignité de l'homme, sont une chose vraiment désolante. Vous avez bien fait de le dire tout haut“. Объ отсутствіи общественнаго мнѣнія въ Россіи Пушкинъ вообще не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ. Замѣткахъ... „Девизъ всякаго русскаго“, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, а все потому, что „зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ: мы или сохнемъ или гніемъ“. Замѣчательно, что тотъ же взглядъ на русское общество и выраженный почти тѣми же словами приписанъ Дидро, незадолго предъ тѣмъ, при Екатеринѣ, посѣтившемъ Россію: Les russes sont pourris avant d'être murs“. Если къ этой характеристикѣ русскаго

общества, современнаго Пушкину, и есть нѣкоторыя преувеличенія, то въ общемъ, несомнѣнно, она справедлива. Инымъ и не могло быть общество, которое увлекалось романами Сенковскаго и на низкій культурный уровень котораго сѣтовалъ даже Булгаринъ. Легко понять, какъ могло это общество относиться къ поэзіи, литературѣ и ея дѣятелямъ. Мы отчасти уже знаемъ это изъ письма Пушкина къ Гнѣдичу (1822), „коего геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики". „Публика," говоритъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ, „смотритъ на поэта, какъ на свою собственность, считаетъ себя вправѣ требовать отъ него отчета въ малѣйшемъ шагѣ; но по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея *пользы и удовольствія* и дышитъ для того только, чтобы подбирать риѳмы"[1]). Это еще лучшее, чего можетъ ожидать поэтъ отъ общества. Обыкновенно же

Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра[2]).

Толпа чувствуетъ надъ собой превосходство поэта, и всякое несчастіе, униженіе его вызываетъ въ ней не сочувствіе, а искреннюю радость. „Геній", говоритъ Пушкинъ въ статьѣ о Вольтерѣ (1836), имѣетъ свои слабости, которыя *утѣшаютъ посредственность*, но печалятъ благородныя сердца, напоминая имъ о совершенствѣ человѣчества"[3]). Вотъ причина, почему Пушкинъ съ такой болѣзненной щепетильностію оберегалъ доброе имя писателя, какъ таковогo: это былъ своего рода его point d'honneur. Онъ разсердился на своего друга Кюхельбекера, когда тотъ вздумалъ пародировать Жуковскаго. „Это простительно Цертелеву, а не тебѣ", писалъ онъ по этому поводу. „Ты скажешь, что насмѣшка падаетъ на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты если пишешь для насъ, то печатаешь для черни; *она принимаетъ вещи буквально, видитъ твое неуваженіе къ Жуковскому — и рада*[4]). Въ томъ же году по другому случаю это проявленіе писательскаго point d'honneur'а приняло еще болѣе странныя формы. Томасъ Муръ уничтожилъ записки Байрона, только что умершаго, и князь П. А. Вяземскій въ письмѣ къ Пушкину высказываетъ свое сожалѣніе объ этой утратѣ. Весь цивилизованный міръ, конечно, раздѣлялъ съ нимъ это чувство, но отвѣтъ Пушкина поражаетъ своей неожиданностью. „Зачѣмъ ты жалѣешь о потерѣ записокъ Байрона? Чортъ съ ними! Слава Богу, что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то марая своихъ враговъ. Его бы уличили, какъ уличили Руссо, а тамъ злоба и клевета снова бы восторжествовала. *Оставь любопыт-*

---

[1]) Египп. ночи, 1835, IV, 387 и варіантъ, IV, 399.
[2]) „Отвѣтъ Анониму" (1830).
[3]) V, 312.
[4]) VII, 169 (1825).

ство толпъ и будь заодно съ геніемъ. Поступокъ Мура лучше его Ларра-Рукъ (въ его поэтическомъ отношеніи). Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи. *Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ, какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы! Врете, подлецы: онъ малъ и мерзокъ, но не такъ, какъ вы — иначе!* [1])

Если теперь подвести итоги, то причины недоразумѣнія между „толпой" и поэтомъ сведутся къ слѣдующему. Поэтъ — это „жрецъ единаго прекраснаго," *пренебрегающій* презрѣнной *пользой;* онъ „знаетъ сладострастье высокихъ мыслей и стиховъ," его „удѣлъ" — „наслажденіе прекраснымъ," и потому поэзія для него — все, *она поглощаетъ самую жизнь.* „Толпа" — это остальные люди, живущіе изо дня въ день своими будничными интересами; для нихъ, наоборотъ, жизнь — все, она сама цѣль, для которой все остальное существуетъ, какъ средство; *искусство и поэзія* такъ же, какъ и все *прочее, поглощаются жизнью,* служа для нихъ *пользы и удовольствія.* Могутъ ли быть точки зрѣнія болѣе различныя? Естественно, что онѣ исключаютъ возможность взаимнаго пониманія.

Но толпа эта также общество въ опредѣленный моментъ его историческаго существованія, а въ тотъ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, весьма низкій культурный уровень этого общества еще болѣе увеличиваетъ пропасть между толпой и поэтомъ. Толпа не понимаетъ послѣдняго, какъ поэта, но она не понимаетъ его и какъ человѣка. И если поэтъ относится къ ней съ презрѣніемъ, то и она, въ свою очередь, всегда готова его унизить. Такъ рисуетъ Пушкинъ это состояніе вѣчной борьбы между поэтомъ и обществомъ. Чѣмъ болѣе поэтъ по плечу публикѣ, тамъ болѣе она его „любитъ и почитаетъ", чѣмъ онъ выше ея, тѣмъ менѣе способна она его „чувствовать". „Совершенствованіе" поэта, „зрѣлось его произведеній", такъ сказать, обратно пропорціональны его успѣху въ публикѣ. Именно такой смыслъ имѣетъ статья Пушкина о „Баратынскомъ": „Понятія, чувства 18-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя мысли и чувства, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ — юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются — пѣсни уже не тѣ, а читатели все тѣ же и развѣ сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало-по-малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ"...

---

[1]) VII, 160 (1825). См. также „Мелкія замѣтки" (1829—31) V, 164.

Самая холодность публики къ поэту, по мнѣнію Пушкина, „во всѣхъ отношеніяхъ дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ, и его самостоятельность“ [1]). Она показатель того, что „поэтъ никогда не старался угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напротивъ, шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что и какъ ему было угодно“...

Къ чему приводятъ всѣ эти разсужденія въ стихахъ и прозѣ?— Къ весьма крайнему, но тѣмъ не менѣе, вполнѣ естественно, съ логическою послѣдовательностію, вытекающему отсюда выводу, которымъ онъ закончилъ въ 1836 г. статью о Вольтерѣ: „Настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ... независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы“.

Такъ объяснилась эстетическая теорія Пушкина.

Евлаховъ.

Содержаніе, источники поэмы „Русланъ и Людмила“ и ея историко-литературныя отношенія.

Основнымъ мотивомъ поэмы „Русланъ и Людмила“, канвой ея служитъ литературно-сказочный мотивъ похищенія невѣсты и отысканія ея героемъ; этотъ мотивъ поэтъ сочеталъ съ историческими преданіями о Владимірѣ и набѣгахъ на Кіевъ при немъ печенѣговъ. На фонѣ этого основного мотива фантазія юнаго поэта, напитанная образами и мотивами современной литературы волшебно-рыцарскихъ романовъ, дала рядъ картинъ, сценъ и положеній, „вышила новые узоры, которые составляютъ содержаніе поэмы. Представляя въ историко-литературномъ отношеніи завершеніе у насъ въ русской литературѣ вѣковой исторіи „волшебно-рыцарскаго романа“, поэма является и высшимъ пунктомъ этой исторіи, дальше котораго литературная эволюція въ данномъ направленіи прекратилась. Изъ указанной „массовой“, какъ говоритъ В. В. Сиповскій, литературы Пушкинъ заимствовалъ большинство какъ собственныхъ именъ своихъ героевъ, такъ и самыхъ отдѣльныхъ сюжетовъ. Изъ произведеній иностранной литературы, отразившихся на поэмѣ „Русланъ и Людмила“, несомнѣнно вліяніе сказокъ „рѣзваго“ Гамильтона, Аріостовскаго „Orlando furioso“ и „Жанны Орлеанской“, („La Pucelle“) Вольтера, которую самъ Пушкинъ-лицеистъ называлъ „книжкой славной, золотой, незабвенной, катехизисомъ остроумія“ (въ стихотвореніи „Бова“).

Собственное имя героини поэмы, задуманной поэтомъ, кажется, ранѣе героя — Людмила — одно изъ излюбленныхъ именъ русской литературы конца XVIII и начала XIX вѣка; такъ называется героиня въ балладѣ Карамзина „Раиса“, написанной въ 1791 году,

---

[1]) „О сочиненіяхъ Катенина“ (V, 192) 1833.

главная героиня поэмы Николая Радищева „Альоша Поповичъ“, сказки Жуковскаго „Три пояса“ и баллады „Людмила“ его же. Имя Людмилы впервые называетъ Пушкинъ въ посланіи „Къ сестрѣ“ 1814 года, намекая на балладу Жуковскаго:

И быстрою стрѣлой
На Невскій брегъ примчуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой,
И какъ пѣвецъ Людмилы,
Мечты невольникъ милый,
Взошедъ подъ отчій кровъ,
Несу тебѣ не злато —
Чернецъ я небогатый —
Въ подарокъ пукъ стиховъ.

Имя главнаго героя поэмы — Русланъ, вѣроятно, заимствовано изъ повѣсти Богдановича „Славяне“ (1787 года), въ которой выведенъ Русланъ, посолъ славянскій, защитникъ славянскихъ доблестей передъ Александромъ Македонскимъ, влюбленный въ Доброславу и соединяющійся со своей возлюбленной послѣ цѣлаго ряда препятствій. Богдановичъ въ своей повѣсти имѣлъ въ виду очевидно свидѣтельство русскихъ хронографовъ XVII вѣка о дипломатическихъ сношеніяхъ славянскихъ князей Асана, Великосана и Авенхасана съ Александромъ Македонскимъ. Мало вѣроятнымъ представляется теперь мнѣніе о томъ, что имя Русланъ есть измѣненіе Еруслана сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ.

Черноморъ, врагъ Руслана и похититель Людмилы, взятъ изъ „богатырской пѣсни“ Карамзина „Илья Муромецъ“, въ которой разсказывается, между прочимъ, объ усыпленіи злымъ, хитрымъ волшебникомъ Черноморомъ красавицы и о пробужденіи ея при помощи талисмана доброй волшебницы Велеславы. Съ другой стороны, своимъ пребываніемъ въ полнощныхъ горахъ онъ напоминаетъ Змѣя Горыныча былинъ, съ которыми могъ познакомиться поэтъ по сборнику Кирши Данилова. Именемъ богатыря Рогдая, взятымъ изъ Никоновской лѣтописи, ранѣе Пушкина воспользовались Нарѣжный въ „Славянскихъ вечерахъ“ и Жуковскій въ повѣсти „Марьина роща“. Ратмиръ въ формѣ Радміръ и въ роли болгарскаго князя былъ выведенъ Батюшковымъ въ повѣсти „Предслава и Добрыня“.

Этнографическое имя вмѣсто какого-либо собственнаго добродѣтельнаго волшебника, помогающаго Руслану Финна могло быть подсказано Пушкину желаньемъ придать своей поэмѣ черты древне-русской исторической дѣйствительности, указаніемъ на тѣсныя связи съ финнами, которые, по словамъ исторіи Карамзина, „славились мнимымъ волшебствомъ еще болѣе, нежели храбростію.

Кіевскій князь Владиміръ среди богатырей и 12 своихъ сыновей, пѣвецъ Баянъ, враги печенѣги фигурируютъ въ сказкахъ Чул-

кова, съ которыми Пушкинъ былъ хорошо знакомъ. Но вполнѣ возможно, что Пушкинъ успѣлъ познакомиться въ періодѣ созданія „Руслана и Людмилы“ и съ лѣтописью Никоновской, и съ древними русскими стихотвореніями Кирши Данилова, и со словомъ о Полку Игоревѣ при помощи или посредствѣ Карамзина и Жуковскаго.

Изъ современной литературы конца XVIII и начала XIX вѣка заимствовалъ Пушкинъ большинство отдѣльныхъ эпизодовъ поэмы.

„Вступленіе“ къ поэмѣ, написанное черезъ 5—6 лѣтъ послѣ самой поэмы, отражаетъ, во-1-хъ, начало одной изъ сказокъ, слышанныхъ поэтомъ отъ няни Ирины Родіоновны (У морь-моря, у лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ: вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ); во-2-хъ, слѣдующее мѣсто изъ Посланія „учителя“ поэта — Жуковскаго къ Воейкову, написанное въ 1814 году:

Какъ за прозрачной пеленою
Я вижу древни чудеса.
Вотъ наше солнышко краса
Владимиръ князь съ богатырями,
Вотъ Днѣпръ кипитъ между скалами,
И басурмановъ тьмы какъ пруги
Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ кипятъ;
Сверкаютъ шлемы и кольчуги;
Отъ кликовъ, топота коней,
Отъ стука палицъ, свиста пращей
Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
Вотъ дивной облеченъ броней,
Добрыня богатырь могучій
И конь его Златокопытъ
Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ
И вѣдьмъ и чудъ и великановъ
И въ тайнѣ дѣвица краса
За дальни степи и лѣса
Во слѣдъ ему летитъ душою.
Склоняся на руку главою
На путь изъ терема глядитъ
И такъ въ раздумьи говоритъ:
„О вѣтеръ, вѣтеръ, что ты вьешься?
Ты не отъ милаго несешься,
Ты не принесъ веселья мнѣ,
Играй съ касаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями —
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга — радости моей“.
Краса-дѣвица ноетъ-плачетъ;
А другъ по доламъ, холмамъ скачетъ,
Летя за тридевять земель...
Тамъ бьется съ бабою-ягой...
И вотъ внезапно занесенъ
Въ жилище чародѣевъ онъ:
Предъ нимъ чернѣетъ лѣсъ ужасный;
Сіяетъ блескъ вдали прекрасный
Чѣмъ ближе онъ — тѣмъ далѣ свѣтъ,
То тяжкій филина полетъ,
То врановъ раздается рокотъ;
То слышится русалки хохотъ;
То вдругъ изъ-за сѣдого пня
Выходитъ лѣшій козлоногій;
И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги,
Какъ будто слиты изъ огня —
Дворецъ Волшебный царь-дѣвицы;
Красою бѣлыя колпицы,
Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ
И пѣснь привѣтствія поютъ.

Сходство отдѣльныхъ образовъ „Вступленія“ и „Посланія“ дополняется тождествомъ стихотворнаго размѣра обоихъ произведеній.

Похищеніе Людмилы Черноморомъ, самый способъ и моментъ похищенія — обычная завязка русскихъ волшебно-рыцарскихъ романовъ; встрѣчается этотъ мотивъ и въ „Оберонѣ“ Виланда и отчасти въ „Неистовомъ Орландѣ“ Аріосто. Въ III пѣснѣ „Оберона“ Виланда разсказываетъ такъ о прхищеніи исполиномъ Ангулаферомъ, „безопаснымъ отъ ударовъ меча и копья“, своей жены князь горы Ливонской:

„Въ ночь моего брака, пришелъ сей хищный волкъ, вырвалъ изъ объятій моихъ сію невинную агницу и унесъ“. „Оберонъ, перев. сочинителя русскихъ сказокъ (М. 1787 года, стран. 47). Въ „Неистовомъ Орландѣ“, сходно съ „Русланомъ и Людмилой“, разсказывается о похищеніи Брадаманты. Образъ ястреба, „цыплятъ селенья похитителя“, напоминаетъ сравненіе похитителя съ коршуномъ, похищающимъ цыпленка, у Аріосто въ той же сценѣ.

Помѣщеніе Черноморомъ похищенной Людмилы въ роскошныхъ чертогахъ, гдѣ она окружена всяческимъ довольствомъ, гдѣ всѣ прихоти ея исполняются безъ замедленія — одно изъ „общихъ мѣстъ“ волшебно-рыцарскихъ русскихъ романовъ XVIII вѣка.

Безсиліе Черномора овладѣть Людмилой находитъ объясненіе въ той же литературѣ: „чародѣи и волшебники могли наслаждаться любовью своихъ плѣнницъ только тогда, когда онѣ отдавались имъ добровольно; надъ любовью была безсильна ихъ наука“. (В. В. Сиповскій, l. c. 64). Общимъ мѣстомъ является и сцена въ концѣ IV пѣсни, гдѣ разсказывается объ уловкѣ, къ которой прибѣгнулъ Черноморъ, чтобы „поймать“ Людмилу и овладѣть ею.

Характеристика Людмилы сдѣлана Пушкинымъ подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ „La Pucelle“ Вольтера.

Встрѣча Руслана съ добродѣтельнымъ волшебникомъ старцемъ Финномъ, живущимъ въ пещерѣ, ближе всего напоминаетъ встрѣчу Алеши Поповича со старцемъ волшебникомъ, выведеннымъ Н. Радищевымъ въ его поэмѣ „Альоша Поповичъ“ пѣснь 2-я (изд. 1801, стран. 44—49), а затѣмъ аналогичные эпизоды съ добродѣтельными волшебниками и волшебницами въ тогдашней литературѣ волшебно-рыцарскихъ романовъ. Герой этихъ повѣстей „передъ долгими и опасными блужданіями по бѣлу свѣту встрѣчаютъ поддержку у добрыхъ волшебниковъ и волшебницъ, мудрецовъ и отшельниковъ, къ которымъ попадаютъ случайно или нарочно. Обозрѣвъ героя, ихъ покровители обыкновенно открываютъ имя похитителя ихъ женъ или невѣстъ, снабжаютъ совѣтами и вооружаютъ различными талисманами“ (В. В. Сиповскій, l. c. 67).

Исторія отношеній Финна къ Наинѣ отражаетъ вліяніе „рѣзваго“ Гамильтона. Въ его „Зенаидѣ“ является красавица Альбофледъ, которой такъ тщетно выражаютъ любовь юноши и умираютъ отъ любви къ ней; ее не трогаетъ ничто, кромѣ красоты и блеска ея собственныхъ глазъ. Но оборотень (богъ любви) побѣждаетъ ее, и она теряетъ свою красоту и превращается въ уродливую старуху и впослѣдствіи дѣлается волшебницей. „Въ цвѣтѣ терновника“ старая колдунья Дантю преслѣдуетъ своей страстью юнаго принца Феникса, требуя, чтобы онъ женился на ней, подобно Наинѣ, которая воспылала страстью къ Финну“ (Поливановъ, l. c. 9).

Прототипъ коварнаго и трусливаго Фарлафа В. В. Сиповскій видитъ въ хозарскомъ ханѣ Трухтарѣ, женихѣ Милославы, въ „Славянскихъ древностяхъ“ Попова (l c. 68). Встрѣча его съ „неукро-

тимымъ Рогдаемъ“ напоминаетъ описаніе встрѣчи Алеши съ неизвѣстнымъ витяземъ, оказавшимся переодѣтой Людмилой въ богатырской поэмѣ Николая Радищева.

Превосходная картина поля, усѣяннаго человѣческими костями, на которое вступаетъ Русланъ и думы его о суетности человѣческихъ мечтаній о славѣ и о смерти, видъ живой головы, снятой съ неизвѣстнаго героя — исполина, покоившейся сномъ на томъ полѣ, — все это мотивы, заимствованные изъ подобныхъ сценъ и положеній въ „Русскихъ сказкахъ“ Чулкова; „Силославъ, безъ оруженосца и коня, грустный бредетъ куда глаза глядятъ; странствуя очень долго, нашелъ онъ многочисленное порубленное воинство. Обширное и престрашное поле все покрыто было мужскими тѣлами. Такое зрѣлище смутило его духъ и вселило въ него любопытство. Онъ очень долго разсматривалъ трупы, которые находились въ разныхъ положеніяхъ; наконецъ по срединѣ сего умерщвленнаго ополченія увидѣлъ онъ голову, подлѣ которой находилось тѣло, котораго платье и вооруженіе показывали его военачальникомъ... Голова сія открывала и закрывала глаза свои истомленные. Герой вступаетъ въ разговоръ съ головой“ (В. В. Сиповскій, I с. 74). Герой другой сказки Булатъ тоже „очутился на пространномъ полѣ, покрытомъ мертвыми человѣческими костями; переломанное или заржавѣвшее оружіе, всюду разбросанное, показывало бывшее нѣкогда на мѣстѣ ономъ кровопролитное сраженіе. Въ уединеніи оставляютъ человѣка всякія пристрастія и предаютъ сердце его естественнымъ разсужденіямъ. Булатъ размышлялъ о суетности человѣческихъ дѣйствій, объ ослѣпленіи мщенія и ложной славы, принуждающихъ ихъ ненавидѣть, гнать и убивать другъ друга, и, можетъ быть, извлекъ бы заключеніе, что нѣтъ для нихъ лучшаго, какъ жить въ покоѣ“. Булатъ увидѣлъ богатырскую голову, валяющуюся въ безчестіи и лишенную погребенія; онъ захотѣлъ предать кости погребенію и „подъ черепомъ богатырскимъ нашелъ великій мечъ вмѣсто возглавія“, (l. c.).

Пребываніе Ратмира въ очарованномъ замкѣ, населенномъ „милыми отшельницами“, и чувственныя утѣхи, имъ встрѣченныя, какъ преграды къ цѣли его странствованій, по указанію В. В. Сиповскаго — также общее мѣсто романовъ волшебно-рыцарскаго типа. Такъ, напримѣръ, „Силославъ во время поисковъ своей возлюбленной попадаетъ въ роскошный замокъ, населенный красавицами. Въ этомъ замкѣ, „домѣ угощенія“ все роскошно. „Началъ бить благовонный водометъ и орошать всѣ стѣны, отъ чего поднялся легкой и пріятной паръ, наполнивъ все здаше теплотою; тогда казалось, что будто теплые зефиры обмахивали крыльями Силославово тѣло. Въ такихъ покояхъ роскоши почувствовалъ Силославъ нѣжнѣйшее разслабленіе членовъ и сладкое млѣніе души. Послѣ легкаго сна красавицы повели его обѣдать: кушанья, разговоры, собесѣдницы, музыка, — все наполнено было великолѣпіемъ и нѣжностью“. Красавицъ 3000 — и всѣ прелестны. Онѣ ему заявили, что замокъ ихъ весь наполненъ женщинами,

что ихъ „должность принимать чужестранцевъ и оныхъ угощать по ихъ соизволенію“. „Ежели ты имѣешь намѣреніе препроводить здѣсь свой вѣкъ, то можешь пользоваться всѣми этими красавицами; онѣ будутъ всѣ во власти твоей“ сказала ему одна изъ красавицъ... Силославъ съ восторгомъ остался въ замкѣ, „препровождавъ время, получая всякой день новыя благосклонности отъ перемѣняющихся красавицъ. Восхищался роскошами, услаждалъ зрѣніе свое разными великолѣпіями сего замка, и такъ не оставалось ему ничего иного думать, какъ только, что онъ во всемъ свѣтѣ не можетъ найти увеселенія лучшаго и достойнѣйшаго“... Какъ у Пушкина „и этотъ замокъ оказался волшебнымъ, и когда разрушены были горы, онъ исчезъ со всѣми красавицами и роскошью (l. c. 72, со ссылками на Пересмѣшника“ въ „Русскихъ Сказкахъ“ Чулкова, стран. 159, 160, 161, 165, 166, 174). Баня въ замкѣ двѣнадцати дѣвъ близко подходитъ къ соотвѣтствующему мѣсту La Pucelle, въ 1 пѣснѣ (Черняевъ, 611).

Увлеченіе Ратмира именно какъ хазарскаго хана чувственными удовольствіями могло быть поэтомъ задумано въ зависимости отъ указанія исторіи Карамзина на многоженство хазарскихъ кагановъ („у царя хазаръ или кагана 25 женъ и 60 наложницъ“, прим. 90 къ 1 т.); оно является до извѣстной степени для Ратмира возвращеніемъ къ привычной обстановкѣ жизни; можетъ быть въ связи съ этимъ стоитъ и превращеніе Радмира, болгарскаго князя повѣсти Батюшкова, въ хазарскаго князя Ратмира. Увлеченіе Ратмира пастушкой и идиллическая жизнь его на лонѣ природы тоже напоминаетъ сходный эпизодъ въ русскихъ сказкахъ Чулкова, именно разсказъ о жизни Добра и Милостаны послѣ ряда треволненій, въ бѣдности, рыбаками и въ счастіи. Добръ о жизни своей говоритъ: „Предались мы всѣмъ пріятностямъ нѣжнаго союза. Мы любили другъ друга съ горячностью и посреди пустыни, удаленной отъ сообщества съ прочими человѣками, не видали скуки. Мы раздѣляли труды рыболовства; любовь рождала намъ ежечасно новые предлоги къ разговорамъ; каждая рощица, всякій лужокъ приглашали насъ; мы считали себя единою четою на свѣтѣ и привыкли къ нашему уединенью“ (l. c. 68 съ ссылкой на русскія сказки, стран. 119, 120). Несомнѣнно, въ образѣ Ратмира впервые Пушкинымъ представлены тѣ черты, которыя позже дали матеріалъ для образовъ Кавказскаго плѣнника и Алеко. Роскошный садъ Черномора, чудесно устроенный въ сѣверныхъ горахъ, напоминаетъ чудесные сады въ сказкахъ Гамильтона, напр. въ Le Bélier и въ другихъ. Усыпленіе Людмилы Черноморомъ въ виду опаснаго врага, какимъ для него являлся Русланъ — нерѣдкій мотивъ волшебно-рыцарскихъ романовъ: въ нихъ злые чародѣи или погружаютъ героинь въ волшебный сонъ или превращаютъ ихъ въ какіе-либо иные предметы или существа, и это происходитъ обыкновенно передъ развязкой романа.

Шапка-невидимка, при помощи которой Людмила скрывается отъ Черномора, — образъ, взятый изъ русскихъ сказокъ. Ср., напр., сказку объ Иванѣ-Царевичѣ и его супругѣ царь-дѣвицѣ, напечатанной въ „Лѣ-

карствѣ отъ задумчивости и безсонницы“ въ 1819 году. Были и другія изданія (ср. Ровинскій, Рус. нар. картинки, 1, № 36). Полетъ Руслана съ Черноморомъ въ сценѣ ихъ битвы встрѣчается въ волшебныхъ повѣстяхъ и романахъ. Такъ, напр., „Чародѣй Зелулъ лежитъ, а въ него вцѣпился Клеорандъ. Зелулъ обращается въ разныхъ чудовищъ, но герой не выпускаетъ его“ (В. В. Сиповскій l. с. 71).

Поѣздка Руслана съ Людмилой въ Кіевъ, убійство перваго и отнятіе второй коварнымъ Фарлафомъ и исцѣленіе Руслана Финномъ при помощи мертвой и живой воды — мотивы сказокъ; напр., Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жаръ-птицѣ и сѣромъ волкѣ (Ровинскій, Русскія нар. карт., 1, № 40), первыя печатныя изданія которой относятся къ нач. XVIII вѣка и къ 20-мъ годамъ XIX-го.

Осада Кіева печенѣгами, битва съ ними Руслана и освобожденіе Кіева отъ нихъ — лѣтописный мотивъ, ассоціировавшійся съ мотивомъ сказки объ Иванѣ-богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ, именно съ сюжетомъ о битвѣ этого богатыря съ войскомъ Полканъ-богатыря, напавшаго на Китайское царство (Ровинскій, 1, 167).

Произведенное подробное, детальное сравненіе мотивовъ поэмы съ мотивами современной Пушкину литературы даетъ основаніе приблизительно точно уже опредѣлить ея источники и вообще историко-литературныя отношенія. Несмотря на значительную зависимость содержанія поэмы отъ содержанія русской литературы волшебно-рыцарскихъ повѣстей, все-таки трудно согласиться съ утвержденіемъ В. В. Сиповскаго, „что почти все содержаніе поэмы „Русланъ и Людмила“ еще въ XVIII вѣкѣ было у насъ сплошнымъ „общимъ мѣстомъ“; что „въ ней нѣтъ ни одного эпизода, который не нашелъ бы себѣ нѣсколькихъ противниковъ даже въ одной русской волшебной романистикѣ“; что „русскій читатель въ „Русланѣ и Людмилѣ“ увидѣлъ все давно знакомое, но изложенное не въ грубой прозѣ XVIII вѣка архаистическимъ топорнымъ стилемъ, а въ легкихъ, прекрасныхъ стихахъ, шаловливыхъ и звонкихъ, сверкающихъ то юношески-дерзкимъ юморомъ, то граціозною фривольностью“ (l. с. 73, 75, 76). Если бы дѣйствительно русскій читатель 20-хъ годовъ въ „Русланѣ и Людмилѣ“ увидѣлъ все давно знакомое, — критика поставила бы поэту это на видъ; но этого не было; напротивъ, враждебная поэту критика отмѣтила въ поэмѣ интересъ новизны. Несомнѣнно, въ самомъ содержаніи, въ самыхъ эпизодахъ поэмы были нѣкоторые мотивы, впервые усвоенные Пушкинымъ русской литературѣ (напр. распря Финна и Наины). Затѣмъ поэму Пушкина отличаетъ чувство мѣры и изящнаго въ подборѣ волшебно-сказочнаго содержанія и выборъ изъ наслѣдія литературнаго XVIII вѣка того, что ближе подходило къ русскому сказочному міру. Наконецъ у Пушкина мы видимъ и больше серіознаго вниманія къ историческому національному преданію и къ указанію и голосу „трезваго историка“: Пушкинъ стремился стать „печальной истины поэтомъ (IV, 24), стремился къ тому, что бы его пѣсни были „правдивыми“ (V, 426), и что бы содержаніе поэмы заключало „старинныя были“ (VI, 3). Этими чер-

тами поэма примыкаетъ уже къ литературѣ XIX вѣка, къ тому направленію творчества Пушкина, которое отразилось позже и въ „Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ“, и въ изложеніяхъ народно-поэтическихъ мотивовъ, и въ „Капитанской дочкѣ“. Провозглашенные въ поэмѣ и хотя въ слабой степени оправданные, насколько позволяло состояніе русскихъ народно-поэтическихъ и историческихъ изученій, принципы правды и народности литературы дѣлали ее „романтической поэмой“. Она отражала наиболѣе ясно и рельефно, чѣмъ это было у кого-либо изъ современниковъ, тѣ задачи новаго литературнаго направленія, которыя частію сложились, частію слагались въ теоретическихъ предположеніяхъ членовъ Арзамаса, нашихъ первыхъ романтиковъ. Въ самомъ тонѣ поэмы, въ отношеніи поэта къ ея содержанію было много такого, что дѣлало ее боевой, что имѣло характеръ протеста противъ напыщенности, ходульности, искусственности господствовавшаго тогда направленія, словомъ, были элементы того направленія, которое ярко и во всей полнотѣ выразилось позже, и которое самъ Пушкинъ называлъ „парнасскимъ аѳеизмомъ“. Это публика и почувствовала и отмѣтила въ прозваніи Пушкина „пѣвцомъ Руслана и Людмилы“.

Мы отмѣтили выше слѣды несомнѣннаго вліянія на поэму мотивовъ и образцовъ, взятыхъ изъ русскихъ сказокъ; но среди нихъ не было сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ. Предположеніе, твердо державшееся въ литературѣ, о вліяніи сказки объ Еруслапѣ Лазаревичѣ на поэму „Русланъ и Людмила“ нужно теперь считать окончательно устраненнымъ. Но несомнѣнно также, что знакомство Пушкина съ русскимъ сказочнымъ міромъ было очень слабое, ограничивавшееся нѣсколькими печатными изданіями сказокъ. Несомнѣнно также, что Пушкинъ свободно обращался съ сказочнымъ матеріаломъ, не отличая дѣйствительно фольклорныхъ мотивовъ отъ мотивовъ книжныхъ и сочиненныхъ. И это касается не только самой поэмы, но и знаменитаго вступленія къ ней или пролога, о которомъ Бѣлинскій со свойственнымъ ему паѳосомъ сказалъ, что о немъ дѣйствительно можно сказать: „тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ“. Съ современной точки зрѣнія можно сказать, что и въ прологѣ столько же русскаго духа и столько же пахнетъ Русью, сколько и во всей поэмѣ. Даже знаменитые „Лукоморье“ и „Котъ ученый“ пролога объясняются вѣроятнѣе изъ литературныхъ, книжныхъ источниковъ. Но нужно помнить, что самое содержаніе русскаго фольклора раскрывалось медленно, и современныя научныя воззрѣнія на фольклоръ и на вопросъ объ отношеніи его къ книжной словесности въ сущности сходятся съ тѣмъ практическимъ рѣшеніемъ его, которое далъ Пушкинъ въ „Русланѣ и Людмилѣ“. Универсальность сюжетовъ фольклора и зависимость его отъ творчества книжнаго или индивидуальнаго — результатъ только новѣйшихъ изученій. Въ ихъ свѣтѣ свободное отношеніе Пушкина къ чудесно-фантастическимъ сюжетамъ и пріуроченіе ихъ къ національному преданію — есть актъ геніальнаго предвидѣнія, проявленіе той черты геніальности, которая сказывается въ освобожденіи отъ узкихъ теорій,

что самъ поэтъ такъ чудесно выразилъ въ XI—XII строфахъ „Родословной моего героя“:

Исполненъ мыслями златыми,
Непонимаемый никѣмъ,
Передъ кумирами златыми
Проходишь ты унылъ и нѣмъ..
Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни нуждъ, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупецъ кричитъ: куда, куда?
Дорога здѣсь! Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечтанья тайныя (вар. мечты свободныя).

Таковы результаты современнаго намъ историко-литературнаго изученія поэмы „Русланъ и Людмила“. Какъ видимъ, поэма оказывается по своему составу произведеніемъ довольно сложнымъ, можно сказать даже мозаичнымъ. Но эта пестрота состава нисколько не мѣшаетъ ея стройности, какъ художественнаго цѣлаго. Въ ней нѣтъ ненужныхъ длиннотъ, излишнихъ отступленій, все кстати, на своемъ мѣстѣ. Заимствованные эпизоды изложены оригинальнымъ языкомъ, освѣщены одной общей идеей, проникнуты свѣтлымъ и жизнерадостнымъ настроеніемъ молодого поэта, выступавшаго на поэтическое поприще съ опредѣленнымъ и ясно сложившимся кругомъ литературныхъ воззрѣній. Впрочемъ, отъ заимствованій не бываетъ свободенъ ни одинъ поэтъ даже въ пору полной зрѣлости своего таланта. Да современныхъ Пушкину читателей, повидимому, даже вовсе не интересовала сторона заимствованій въ поэмѣ Пушкина, ея литературные источники. Они были увлечены занимательностью содержанія поэмы, красотами ея языка и поэтическаго стиля и общимъ тономъ и характеромъ ея. Никому не было дѣла до вялыхъ, тяжелыхъ и аляповатыхъ по содержанію и языку произведеній, которыми по предположеніямъ Пушкинъ могъ пользоваться, какъ источниками для своей поэмы. *Халанскій.*

Отношеніе поэмы „Руслана и Людмилы“, какъ романтическаго произведенія къ опытамъ предшественниковъ-ложноклассиковъ.

Первая поэма его „Русланъ и Людмила“ тѣсно связана съ предшествующими несовершенными опытами Хераскова, Богдановича, Майкова, Карамзина и Радищева. Херасковъ заслужилъ славу русскаго Гомера поэмами „Россіада“, „Владиміръ“, „Бахаріяна или Неизвѣстный“, (1803 г.) и друг. Поэмы Херсакова проникнуты серіознымъ нравственнымъ содержаніемъ, но никакъ не историческимъ и не народно-бытовымъ, хотя и по содержанію и по пособіямъ связаны съ русской исторіей, съ старинной народной поэзіей. Въ третьемъ изданіи „Владиміра“ и въ „Бахаріянѣ“ Херасковъ съ восторгомъ относится къ „Слову о Полку Игоревѣ“ признавая и въ неизвѣстномъ авторѣ его и въ Баянѣ— пѣвца равнаго Гомеру, Оссіану и всѣмъ остальнымъ творцамъ европейскихъ поэмъ, которымъ подражалъ Херасковъ. Это подражаніе чисто внѣшнее, хаотическое смѣшеніе русскихъ подробностей съ заимство-

ванными иностранными, подражаніе Ломоносову въ построеніи стиха и въ употребленіи церковно-славянскихъ выраженій отнимаетъ всякое достоинство въ поэмахъ Хераскова, мѣстами указывающихъ на стремленіе къ простотѣ языка и стиха, на чувство природы. Для изучающихъ Пушкинскія поэмы не лишены значенія „Владимиръ“ и „Бахаріяна“, въ которыхъ находимъ имена рыцарей или витязей: жестокаго Рогдая, Зарему, старца, помогающаго совѣтами герою [въ „Бахаріянѣ“ (стран. 28), напримѣръ, старецъ говоритъ Неизвѣстному: „вижу, что въ цвѣтущей юности чашу горести ты пилъ, — мой сынъ!... ахъ! я самъ несчастенъ въ жизни былъ“], отыскивающему похищенную красавицу, поле, покрытое побитою ратью, оживленіе пораженнаго, любовь старухи, и проч. Нельзя не замѣтить вообще, что наши первые романтики пользовались произведеніями своихъ предшественниковъ-ложноклассиковъ, выбирая изъ послѣднихъ, безъ всякой критики, имена и подробности для характеристики русскаго быта и исторіи. Отсюда связь поэмъ, балладъ и сказокъ Карамзина, Каменева (Громвалъ, Зломоръ взяты изъ „Бахаріяны“ Хераскова), Жуковскаго, Пушкина и другихъ съ поэмами и сказками Хераскова, Богдановича, Дмитріева и друг. Шутливая поэма Богдановича „Душенька“ (1783 г.), его пословицы, идилліи, эклоги и драмы нравились Пушкину, о чемъ онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ въ III главѣ „Евгенія Онѣгина“: „будутъ милы, какъ прошлой юности грѣхи, какъ Богдановича стихи“. Кто не вспомнитъ чудныхъ стиховъ Пушкина въ слѣдующемъ мѣстѣ изъ „Душеньки“ Богдановича (1844 г., стран. 30):

Гонясь за нею волны тамъ,
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ.

(Ср. „Съ любовью лечь къ ея ногамъ“. Евгеній Онѣгинъ, гл. 1, XXXIII, III, 248).

Кромѣ легкости стиховъ, вліяніе „Душеньки“ отразилось на характерѣ Людмилы въ поэмѣ Пушкина. Такъ въ поэмѣ Финна отразилась „Пѣснь храбраго шведскаго рыцаря Гаральда“, въ чудномъ отрывкѣ „Осень“ 1830 года нѣкоторый намекъ на „Эклогу“ Богдановича: „Уже осенніе морозы гонятъ лѣто, и поле зеленью пріятною одѣто, теряетъ прежній видъ, теряетъ всѣ красы“, и проч.: Разнообразіе поэтическихъ размѣровъ, легкость языка отличаютъ вообще произведенія Богдановича, что было имъ достигнуто изученіемъ народнаго языка и передѣлкой пословицъ. Приведемъ слѣдующее двустишіе, напоминающее стихи Жуковскаго:

Женился Данила на скорую руку,
На долгое горе, терпѣнье да муку.
(Сочиненія, 1810 г., III, 234).

Въ драмѣ Богдановича „Славяне“ (1787 г.), отличающейся народнымъ языкомъ, находимъ Руслана, посла отъ славянскаго двора къ Александру. Авторъ стремился, какъ самъ замѣтилъ, вставить

„старое новгородское нарѣчіе“, которымъ заставляетъ говорить слугъ, служанокъ, огородниковъ. Русланъ, герой драмы, влюбленъ въ Доброславу, съ которой и соединяется послѣ цѣлаго ряда препятствій. „Театральныя представленія на пословицы“ Богдановичъ написалъ тѣмъ простымъ, естественнымъ языкомъ, какой выработали авторы комедій и комическихъ оперъ XVIII вѣка, — эти предшественники Грибоѣдова и Гоголя. Можетъ быть, Пушкинъ и цѣнилъ Богдановича именно за эту простоту языка и назвалъ Русланомъ, по Богдановичевой драмѣ „Славяне“, своего героя. *Владимировъ.*

„Русланъ и Людмила“ и богатырскія сказки.

„Русланъ и Людмила“ — первая поэма А. С. Пушкина, начатая имъ еще въ Лицеѣ и конченная въ мартѣ или апрѣлѣ 1820 года, передъ выѣздомъ на югъ, носитъ на себѣ слѣды не только подражанія, какъ всѣ лицейскія стихотворенія, но и несомнѣнные задатки самостоятельнаго творчества. Впрочемъ, эти задатки болѣе всего отражаются въ формѣ поэмы, въ ея стихѣ и языкѣ, между тѣмъ какъ въ самомъ содержаніи поэмы нѣтъ точнаго воспроизведенія ни народно-бытовыхъ ни историческихъ сюжетовъ. Извѣстныя произведенія поэта въ этомъ родѣ, создавшія школу Пушкина, въ томъ числѣ „Полтава“, далеко оставили за собою „Руслана и Людмилу“. Эта слабость первой поэмы Пушкина объясняется ея происхожденіемъ, въ которомъ болѣе всего играли роль подражаніе и заимствованіе основныхъ сюжетовъ и лицъ изъ иностранныхъ и особенно изъ русскихъ слабыхъ опытовъ воспроизведенія старины и народности. Изслѣдователи и біографы Пушкина не разъ уже пытались указывать источники въ иностранной и русской литературахъ, на основаніи которыхъ молодой Пушкинъ пытался въ „правдивыхъ пѣсняхъ напѣвать старинны были“:

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ 1828 году, въ извѣстномъ великолѣпномъ „Прологѣ“ къ новому изданію „Руслана и Людмилы“ („У лукоморья дубъ зеленый“ и проч.), приступая къ поэмѣ „Полтава“, Пушкинъ называетъ первую поэму просто „сказкой“. „Полтава“, по свидѣтельству самого поэта, была вызвана слабой поэмой „Войнаровскій“ (1825 г.), въ которой онъ нашелъ сюжетъ для развитія романической стороны своей поэмы — отношеній Мазепы къ дочери Кочубея. Если и въ зрѣлую пору великій поэтъ не брезговалъ слабыми произведеніями русской литературы, отыскивая въ нихъ сюжеты или отдѣльныя черты для самостоятельнаго творчества, то еще болѣе это отражается въ его раннихъ произведеніяхъ.

Въ предлагаемой замѣткѣ я укажу еще на одинъ источникъ „Руслана и Людмилы“ — и довольно близкій — на „Богатырскія повѣсти

въ стихахъ" Николая Александровича Радищева, вышедшія въ двухъ частяхъ, въ Москвѣ, въ 1801 году, подъ названіями: „Альоша Поповичъ, богатырское пѣснотворное — сочиненіе Н....я Р.....а и „Чурила Пленковичъ".

„Богатырскія повѣсти въ стихахъ" объ Алешѣ Поповичѣ и Чурилѣ Пленковичѣ — Н. А. Радищева кромѣ именъ не имѣютъ никакого отношенія къ народнымъ былинамъ объ этихъ богатыряхъ. Это тоже, что „Богатырская сказка Илья Муромецъ" Карамзина, 1794 года. Радищевъ говоритъ въ своихъ повѣстяхъ о подражаніи Виланду и Аріосту, но основные сюжеты и большая часть подробностей „богатырскихъ повѣстей" Радищева основаны почти всецѣло на „Русскихъ сказкахъ, содержащихъ древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ" М. Чулкова, (1780 — 83 г.). Чтобы видѣть всю фантастичность богатырскихъ сюжетовъ въ „Сказкахъ" Чулкова, достаточно привести слѣдующія мѣста. Повѣсть объ Альошѣ Поповичѣ начинается: „Сей богатырь не столько славенъ своею силою, какъ хитростью и забавнымъ нравомъ. Родился онъ въ Порусіи, въ домѣ первосвященника Вайдевута. Богатырь кіевскій Чурило Пленковичь, между прочими благодѣяніями дому жрецову, включилъ и сіе". А между тѣмъ въ этихъ богатырскихъ сказкахъ о вел. кн. Владимірѣ Всеславьевичѣ, о богатыряхъ Добрынѣ Никитичѣ, Алешѣ Поповичѣ и др. видно несомнѣнное знакомство Чулкова съ древними записями былинъ [1]. Но простая народная поэзія и древній слогъ не нравились русскимъ писателямъ XVIII вѣка: богатырей они передѣлывали въ рыцарей со всѣми подвигами и отношеніями къ дамамъ западно европейскихъ поэмъ, а слогъ измѣняли сообразно литературнымъ вкусамъ своего времени. Оттого такъ трудно отдѣлить немногія крупицы русскихъ былинъ въ сказкахъ Чулкова отъ безконечныхъ похожденій Баламировъ, Доброславовъ, Прелѣпъ, Милапъ и т. п.

Только появленіе въ 1804 году „Древнихъ русскихъ стихотвореній", настоящихъ народныхъ былинъ и историческихъ пѣсенъ, вполнѣ точно изданныхъ затѣмъ въ 1818 году, положило конецъ той путаницѣ и фантастичности, какая господствовала во взглядѣ на русскія богатырскія пѣсни въ XVIII вѣкѣ и отчасти въ началѣ XIX вѣка. Пушкинъ въ „Русланѣ и Людмилѣ" пользовался уже и прекрасными богатырскими былинами „Древнихъ Россійскихъ стихотвореній", или Киршей Даниловымъ, Словомъ о Полку Игоревѣ, народной сказкой объ Еруспанѣ Лазаревичѣ и др., отъ чего нѣкоторый народный колоритъ и отблескъ отдаленной русской старины, при художественной

[1]) Въ I ч. „Русскихъ сказокъ" (прим. на стран. XII) составитель „богатырскихъ сказокъ" говоритъ о точныхъ словахъ древняго слога россійскихъ поэмъ или сказокъ богатырскихъ", которыя онъ отмѣчаетъ ковычками, и о „переложеніи ихъ на нынѣшнее нарѣчіе". Вотъ образчики выдержекъ изъ былинъ у Чулкова (ч. I): „Ты гой еси нашъ батюшка Владимиръ Князь, Кіевское Солнышко Всеславьевичъ! (5 стран., изд. 4-го); „Конь подъ нимъ аки лютый звѣрь, самъ онъ на конѣ что ясенъ соколъ. Онъ на дворъ въѣзжаетъ не спрошаючи (53 стран.); „дней и ночей не просыпаючи, со добра коня не слѣзаючи" (55); „Изъ далеча, изъ далеча въ чистомъ полѣ" и проч. (стран. 122—123, прим.) приводится по памяти изъ „Собранія древнихъ богатырскихъ пѣсенъ" и проч.

формѣ, до сихъ поръ привлекаютъ къ этой первой поэмѣ Пушкина. Между тѣмъ какъ „богатырскія пѣснотворенія“ Карамзина, Радищева и др. не имѣютъ сами по себѣ ровно никакого значенія.

Вотъ содержаніе „богатырскихъ повѣстей“ Радищева: Алеша Поповичъ „въ первый разъ летитъ сражаться“: „вдругъ нѣкій глазъ его воззвалъ — се витязь передъ нимъ предсталъ“. Этотъ витязь поразилъ Алешу и заставилъ его слѣдовать за собой, какъ плѣннаго. Воспользовавшись сномъ витязя и встрѣчей съ красавицей, Алеша уводитъ коней витязя, предварительно связавши его соннаго въ шатрѣ, и скачетъ съ красавицей Людмилой въ Кіевъ. Эта красавица похищена была посредствомъ чаръ волшебникомъ Челубеемъ (Черноморъ), сыномъ Яги (= Наина Пушкина). Но напрасно отвратительный колдунъ Челубей добивался любви Людмилы, она осталась непреклонной. Алешѣ и Людмилѣ помогаетъ жрица — предсказательница и даетъ чудесное кольцо, посредствомъ котораго можно невидимымъ отъ всѣхъ скрываться (стран. 33). Уже бѣглецы достигли кіевскихъ башенъ, какъ Челубей погрузилъ въ сонъ Алешу и похитилъ Людмилу. Таково содержаніе „первой пѣсни“. „Вторая пѣсня“ открывается пробужденіемъ Алеши:

Альоша вѣжди растворяетъ,
Еще, смущенной сномъ, глядитъ;
Къ супругѣ руки простираетъ,
Людмилу лѣпую манитъ.
Но — ахъ! Сокрылась ужъ она,
Злодѣемъ вдаль унесена (40 стран.).

Алеша ѣдетъ отыскивать Людмилу и прежде всего встрѣчаетъ старца въ мрачной пещерѣ. Это Финнъ Пушкина. У Радищева онъ также читаетъ въ волшебной книгѣ о возможности спасти Людмилу (стран. 47) и также прощается съ героемъ (стран. 48). Первая попытка Алеши похитить Людмилу изъ чертоговъ Челубея кончается неудачей. Пріемъ Пушкина переходить отъ Руслана къ Людмилѣ и наоборотъ мы находимъ и у Радищева. Въ концѣ „второй пѣсни“ онъ говоритъ:

Но намъ не худобъ также было
Къ Людмилѣ въ повѣсть заглянуть,
Узнать, гдѣ Небо прекратило
Ея подземной, страшной путь.
Ея мы книгу разогнемъ,
О ней вѣщать теперь начнемъ.

Въ третьей пѣснѣ колдунъ обманываетъ Людмилу, принимая видъ Алеши, Алеша встрѣчаетъ главу говорящую, хотя всѣ эти подробности, повторяющіяся у Пушкина и вставлены у Радищева въ рамки повѣсти о панѣ Твардовскомъ [1]).

---

[1]) Приведемъ нѣсколько сопоставленій „Альоши Поповича“ съ „Русланомъ“. Какъ Радищевъ называетъ „Альошу — древнимъ“, такъ и Пушкинъ „Руслана“. „И Руси древній удалецъ“. У Радищева „Герой изъялъ супругу изъ бѣдъ“ (стран. 31) отъ колдуна, который уже погубилъ „двухъ кіевскихъ витязей“ (стран. 25). Колдунъ поймалъ Людмилу въ хитру сѣть“ (22), такъ и у Пушкина „Людмила попадается въ сѣти (по программѣ поэмы и въ концѣ 4 пѣсни). Лель — Пушкина играетъ еще большую роль у Радищева (10, 33 и др.). Русланъ оживляетъ Людмилу кольцомъ — то же у Радищева (33). Волшебникъ Челубей погружаетъ въ „тяжкій сонъ Алешу и его супругу“ (37). Пѣсня вторая Радищева начинается описаніемъ терзаній Альоши вслѣдствіе похищенія супруги, здѣсь же упоминается громъ и гроза (41). Но особенно близко къ поэмѣ Пушкина описаніе волшебника старца и его пе-

„Чурила Пленковичъ“ Радищева дополняютъ очерки героевъ и его враговъ въ достиженіи возвращенія отъ волшебника красавицы жены. Отказываясь отъ обращенія къ Музамъ, Радищевъ такъ и говоритъ о своихъ поэтическихъ пріемахъ:

Но я хочу пѣть вольными стихами,
Некудреватыми словами,
Россійскихъ Витязей, Богатырей,
Владимировыхъ славу дней.

„Пѣсня первая“ открывается пирами Владимира съ вельможами въ Кіевѣ и появленіемъ страшнаго змія — Горынича, насланнаго на Кіевъ Бабой-Ягой. Владимиръ ищетъ богатыря — супротивника змію и такимъ является Чурила Пленковичъ — кожевникъ. Побѣдивъ змія, Чурила вступилъ въ число Владимировыхъ витязей, среди которыхъ нашелъ друга въ Добрынѣ Никитичѣ. „Пѣснь вторая“ повѣствуетъ о приключеніяхъ Чурилы по выѣздѣ изъ Кіева: богатырь находитъ красавицу и избавляетъ ее отъ страшнаго карлика (ростомъ въ поларшина, съ горбомъ съ ужасными усами, стран. 49[1]), такъ же, какъ Русланъ Людмилу отъ Черномора, при чёмъ являются тѣ же сады съ фонтанами, то же борьба и помощь врагамъ Чурилы со стороны Бабы-Яги, волшебницы, тщетно добивающейся любви жреца, а самому герою со стороны старика волшебника. „Богатырское пѣснотвореніе о Чурилѣ“ Радищева кончается пиромъ Владимира по поводу счастливаго возвращенія супруговъ. Несомнѣнно, что на богатырскихъ повѣстяхъ Радищева кромѣ непосредственнаго вліянія русскихъ сказокъ Чулкова отразилось еще литературное вліяніе „Душеньки“ Богдановича, „Причудницы“ И. И. Дмитріева и „Ильи Муромца“ Карамзина. Вліяніе Аріоста и Виланда сказалось въ нѣкоторыхъ описаніяхъ. Но положеніе героевъ и развитіе дѣйствія у Радищева представляетъ самостоятельныя черты, которыя и легли въ основаніе многихъ картинъ Пушкинскаго „Руслана и Людмилы“, художественно обработанныхъ и болѣе стройно развитыхъ[2]).

Владимировъ.

щеры (съ стран. 44 до 48). Въ замкѣ волшебника долго отыскиваетъ Альоша свою супругу (49), и т. д. Людмила у Радищева болѣе очерчена: въ 3 пѣснѣ онъ называетъ свою повѣсть — повѣстью о бѣдствіяхъ Людмилы. Вотъ почему Пушкинъ первоначально и назвалъ свою поэму „Русланъ и Людмила“.

[1]) Ср. у Пушкина въ пѣсняхъ 2 и 3: „горбатый карликъ“ и его „безконечные усы“.

[2]) Приведемъ еще нѣкоторыя соотвѣтствія въ частностяхъ „Чурилы“ Радищева и „Руслана“ Пушкина. Кудесникъ предсказываетъ герою (стран. 78): Найдетъ онъ съ ней свою любезну... Пусть путь теперь направить свой къ колдуньѣ. „Яга принимаетъ образъ Прелѣпы, чтобы обмануть героя (стран. 81—82). На стран. 89 описывается колдунья — „горбатая, хромая“. На стран. 103 и далѣе хоры дѣвицъ напоминаютъ извѣстные хоры дѣвицъ, обращенные къ Ратмиру въ началѣ 4 пѣсни: „Сокройся витязь здѣсь младой... Отъ лютыхъ горькихъ бѣдъ; Забудь превратной свѣтъ; Ты здѣсь остановился, Живи и веселися“. Стран. 115 и 120 сады и пышная спальня, въ которыхъ проводитъ время похищенная героиня, къ которой два раза является волшебникъ. То же на стран. 132 и 134 и далѣе. На стран. 44 героиня скрывается въ саду и волшебникъ не находитъ ее въ покояхъ, и т. д.

Сказки Гамильтона и „Русланъ и Людмила“ Пушкина.

Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ былъ поверхностно знакомъ съ русскими сказками и въ пору созданія „Руслана и Людмилы“, но, не находя въ томъ запасѣ ихъ, которымъ владѣлъ, необходимой для „поэмы“ полноты обстановки, живописныхъ подробностей и эффектовъ, почерпнулъ значительно эти детали изъ иностранныхъ писателей, въ особенности изъ Гамильтона. Но нельзя не замѣтить того чувства мѣры, съ которымъ онъ дѣлалъ эти заимствованія: онъ не впалъ въ ту, подчасъ утомительную, пестроту деталей и не загромоздилъ главное содержаніе отступленіями и вводными эпизодами, какіе встрѣчаемъ у этого французскаго писателя. Такое обращеніе съ матеріаломъ дало Пушкину возможность въ трехъ эпизодахъ, которые онъ допускаетъ (разсказъ Финна, разсказъ Головы и судьба Ратмира), остановить надлежащимъ образомъ вниманіе читателя на трехъ лицахъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ главному дѣйствію. Такой пріемъ далъ право назвать „Руслана и Людмилу“ поэмой, а не сказкой. Пушкинъ весь сказочный матеріалъ подчинилъ сложившемуся у него понятію о поэмѣ, въ которой повѣствуется о немногомъ, но обстоятельно, въ отличіе отъ пріемовъ сказки, гдѣ напротивъ повѣствуется вскользь о многомъ. Такимъ образомъ первая поэма Пушкина сохранила единство дѣйствія въ бо́льшей степени, нежели напримѣръ мы то видимъ въ поэмѣ Аріосто, не говоря уже о сказкахъ Гамильтона, которыя однако болѣе всего, какъ это уже замѣтилъ Мериме, повліяли на поэму Пушкина.

Французамъ, не исключая Вольтера и Ла-Гарпа, очень нравились произведенія Гамильтона, изъ которыхъ лучшимъ считались „Воспоминанія шевалье де-Граммона“, гдѣ дана остроумная картина двухъ дворовъ: французскаго и англійскаго. Шутливымъ и легкимъ тономъ Гамильтонъ повѣствуетъ здѣсь о порокахъ этихъ дворовъ. Второе мѣсто французская критика отводитъ его сказкамъ. Изъ нихъ Fleur d'Epine („Цвѣтокъ терновника“ и Les quatre Facardins („Четыре Факардена“) написаны въ подражаніе арабскимъ сказкамъ, которыя тогда только что были переведены на французскій языкъ и стали любимымъ чтеніемъ французскаго общества. Гамильтонъ задумалъ превзойти эту пеструю смѣсь восточныхъ вымысловъ собственными и, какъ онъ самъ выражается, „насовалъ въ свое сочиненіе что́ только было самаго нелѣпаго“, и не умѣя остановиться, прибавилъ къ обломкамъ арабскихъ сказокъ „второй ярусъ“.

Такое презрительное отношеніе самого сказочника къ фантастическому элементу не коснулось произведенія Пушкина. Напрасно замѣтилъ Мериме, что будто, благодаря усвоенной Пушкинымъ ложной иронической манерѣ, „чудесное“ поэмы не производитъ иллюзіи, потому что „читатель ни на минуту не можетъ повѣрить тому, къ чему самъ авторъ относится съ насмѣшкою“. Чудесное Пушкинъ изображаетъ серіознымъ и порою увлекательнымъ тономъ сказочника, вѣря-

щаго въ чудеса своей сказки. Пушкинъ растворяетъ разсказъ свой шуткой надъ тѣми, кѣмъ играютъ эти чудесныя силы. Этому не противорѣчатъ и комическія черты представителей міра волшебнаго: они комичны, когда дѣйствуютъ, какъ простые люди, слагая съ себя чародѣйство или лишаясь его. Таковъ Черноморъ. Прелесть разсказа Пушкина, увлекавшаго читателей, и состояла именно въ томъ, что онъ о чудесномъ заговорилъ такъ, какъ о дѣйствительномъ; тѣ, въ комъ возбуждали улыбку ужасы балладъ Жуковскаго недостаткомъ простоты тона, были удовлетворены сказкою Пушкина, чудеса которой свободны отъ всякаго мелодраматизма.

Что касается самаго матеріала, то онъ мѣстами создавался подъ вліяніемъ сказокъ Гамильтона. У Гамильтона, какъ водится, волшебники дѣлятся на добрыхъ и злыхъ. Первые достигли чародѣйства, благодаря природной любознательности, которая влекла ихъ къ изученію тайнъ природы; своей наукѣ они отдаютъ жизнь, жертвуя въ своемъ созерцательномъ уединеніи всѣми радостями молодости, красоты, богатства. Таковъ друидъ (въ сказкѣ Le Bélier), Серенъ (въ сказкѣ Fleur d'Épine) и la Mère aux Gaînes (въ Le Bélier). Достигнувъ чародѣйской силы, они вступаютъ въ борьбу съ злыми волшебниками, чрезъ посредство избранныхъ рыцарей, всегда съ цѣлію спасти безвинно страдающее плѣнное существо. То же видимъ и въ „Русланѣ и Людмилѣ". Постигшій тайны природы, Финнъ направляетъ свое могущество на освобожденіе похищенной Людмилы и притомъ помогаетъ пострадавшему съ нею вмѣстѣ Руслану, а не соперникамъ его, намѣревающимся завладѣть чужою женой. Правда, не одна безкорыстная любознательность привела Финна къ волшебству; несчастая любовь направила его къ тайной наукѣ: но тѣмъ не менѣе онъ купилъ свое знаніе сорока годами труда, въ которомъ похоронилъ пору любви и свою молодость. Подобно добрымъ волшебницамъ Гамильтона, всегда удаляющимися для изученія въ дремучіе лѣса, на неприступныя горы, замки и морскіе острова, и Финнъ

Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ.

И Русланъ при первомъ знакомствѣ съ Финномъ засталъ его въ уединенной пещерѣ, своды которой — „ровесники природы". Финнъ сидѣлъ, за древней книгой. Книга эта, конечно, даръ тѣхъ волшебниковъ, у которыхъ поучался онъ въ молодости. У Гамильтона почти всѣ волшебницы владѣютъ такими книгами, читать которыя могутъ лишь посвященные въ тайны волшебства — принадлежность волшебниковъ и въ „Тысячи и одной ночи", и у Аріоста[1]), и въ русскихъ народныхъ сказкахъ.

Добрые волшебники и волшебницы у Гамильтона всегда сохраняютъ свою человѣческую внѣшность; притомъ внѣшность ихъ вну-

[1]) Такъ и волшебникъ Атлантъ у Аріосто:
Несчастный книгу позабылъ
На этотъ разъ далече,
А ею-то онъ и творилъ
Всѣ чудеса на сѣчѣ (IV, 25).

шительна, привлекательна, а порою обставлена величественно (таково появленіе Serène въ развязкѣ „Цвѣтка терновника“, появленіе la Mère aux Gaînes дважды въ Le Bélier, и Карамуссаль въ „Четырехъ Факарденахъ“). Они неподкупны, участливы и привѣтливы. Таковъ и Финнъ Пушкина, имѣющій особенно много сходства съ Карамуссалемъ Гамильтона. Вотъ какъ изображенъ этотъ чародѣй Гамильтона въ тотъ моментъ, когда посланники царя астраханскаго, съ трудомъ достигнувъ горныхъ высотъ, на которыхъ онъ живетъ, обращаются къ нему съ просьбою указать средства спасти царскую дочь, которая чахнетъ отъ чаръ чудовища. „Онъ приблизился къ нимъ и спросилъ вѣжливо, чего желаютъ отъ Карамуссаля посланники царя астраханскаго. При этихъ словахъ они пали ницъ передъ нимъ. Они ожидали увидѣть страшный ликъ волшебника... и изумились, увидѣвъ высокаго человѣка, который, будучи на склонѣ лѣтъ, имѣлъ величественный видъ, важную осанку и самое благородное одѣяніе въ свѣтѣ. Онъ прежде всего поднялъ ихъ... Выслушавъ ихъ спокойно, онъ заговорилъ“...

Подобно тому, какъ Карамуссаль далъ посламъ всѣ нужныя указанія, такъ и Финнъ далъ ихъ Руслану; оба узнали вѣщимъ духомъ своимъ, съ кѣмъ они говорятъ, и предсказываютъ исходъ ихъ предпріятій.

Въ противоположность добрымъ чародѣямъ, злые волшебники и волшебницы у Гамильтона обладаютъ чарами съ помощью предметовъ, похищенныхъ у первыхъ. Всѣ они оборотни. Они покровительствуютъ вреднымъ и низменнымъ существамъ, съ которыми дѣлятся своими чарами. Такъ въ сказкѣ „Le Bélier“ Мерлинъ, похититель чудеснаго меча, принадлежащаго La Mère aux Gaînes, помогаетъ великану Мулино. Въ сказкѣ „Цвѣтокъ терновника“ злая волшебница, Дантю, превращается въ старуху-мавританку.

У Пушкина въ противоположность Финну выведена Наина. У нея вражда къ Финну; она дружитъ злому волшебнику Черномору и помогаетъ ничтожному Фарлафу. Она — оборотень и влетаетъ змѣей къ Черномору. О волшебныхъ средствахъ ея Пушкинъ оставляетъ читателя въ невѣдѣніи, такъ какъ она умолчала о нихъ, объявляя Финну, что стала колдуньей. Какъ и у Гамильтона, добрый волшебникъ Финнъ торжествуетъ надъ кознями злой Наины.

Хотя Черноморъ, сила котораго лишь въ бородѣ, напоминаетъ великана въ сказкѣ „Четыре Факардена“, у котораго волшебная сила заключается въ длинномъ когтѣ на ногѣ, но очевидно образъ этого карлика заимствованъ Пушкинымъ не у Гамильтона. Нѣкоторыя черты его напоминаютъ Аріостова Брюнеля:

Тебѣ узнать не мудрено
Отъявленнаго плута:
Лицо въ морщинахъ и темно,
Весь ростъ — четыре фута;
Глаза на выкатѣ, онъ косъ,
Носъ сплюснутъ, бровь густая;
Плечистъ, курчавъ, черноволосъ
И борода большая...
(Неистов. Орл. перев. Рачча. III, 72).

Но если Брюнель далъ мысль для созданія Черномора, то онъ значительно переработанъ Пушкинымъ. Борода Черномора — сѣдая;

костюмъ его — восточный халатъ или парчевая одежда. Еще болѣе сходства въ Черноморѣ съ похитителемъ красавицъ волшебникомъ Атлантомъ Аріоста. Битва его съ царемъ Градассомъ и Рожеромъ несомнѣнно послужила образцомъ битвы Черномора съ Русланомъ.

Градассъ взялъ рогъ и затрубилъ,
И въ высотѣ воздушной
Раздался страшный гулъ, и вотъ
Волшебникъ на крылатомъ
Конѣ явился изъ воротъ
Съ сверкающимъ булатомъ.
... чародѣй легко
Полетъ свой начинаетъ
И залетѣлъ, какъ высоко
Орелъ не залетаетъ.
Вотъ онъ, сдержавъ коня въ лету,
Бухъ внизъ свинцомъ тяжелымъ.
. . . .
Занесши страшное копье,
Волшебникъ легкокрылый
Градасса поражаетъ въ тылъ
Такъ быстро, такъ нежданно,
Что прежде боль онъ ощутилъ,
Чѣмъ бой примѣтилъ странный.
Градассъ въ отпоръ, Градассъ руки
Своей щадить не хочетъ;
Копье волшебника — въ куски,
И раздробясь, грохочетъ,
Несяся, эхо черезъ долъ,
Чрезъ боръ, чрезъ крутояры.

Что пользы? волхвъ въ эѳиръ ушелъ,
Ему ничто удары.
. . . .
Летучій воинъ до звѣзды
Взвился, поворотился,
Напрягъ ослабшія бразды
И на землю спустился.
И брякъ въ Рожера, и Рожеръ,
Къ царю склонившій око,
Не принялъ для отпора мѣръ
И пораженъ жестоко;
И прежде чѣмъ къ врагу лицомъ
Герой оборотился.
Лукавый врагъ съ своимъ конемъ
Въ бездонномъ небѣ скрылся;
И снова внизъ, и вновь крыломъ
Разсѣкъ онъ атмосферу,
И вновь то схватится съ царемъ,
То бросится къ Рожеру,
То въ грудь, то въ тылъ ударитъ ихъ;
Они къ нему съ отпоромъ, —
Онъ прочь отъ нихъ и въ небѣ вмигъ
Исчезнетъ метеоромъ...

Исключивъ коня и заставивъ своего чародѣя биться съ однимъ Русланомъ, Пушкинъ и успѣхъ этого страннаго боя склоняетъ на сторону своего витязя, ухватившаго Черномора за бороду. Но дальнѣйшій полетъ его вмѣстѣ съ Черноморомъ напоминаетъ полетъ Рожера на конѣ Атланта.

Такъ воспользовался Пушкинъ Аріостомъ. Что же до превращенія Наины, сначала неприступной красавицы, въ злобную и уродливую и притомъ влюбленную старуху, то здѣсь мы встрѣчаемся снова съ вымыслами Гамильтона. Въ „Зенаидѣ“ является у него красавица Альбофледъ, которой также тщетно выражаютъ любовь юноши и умираютъ отъ любви къ ней: ее не трогаетъ ничто, кромѣ красоты и блеска ея собственныхъ глазъ. Но оборотень (богъ любви) побѣждаетъ ее, и она теряетъ свою красоту и превращается въ уродливую старуху и впослѣдствіи дѣлается волшебницей. Въ „Цвѣткѣ терновника“ старая колдунья, Дантю, преслѣдуетъ своей страстью юнаго принца Феникса, требуя, чтобы онъ женился на ней, подобно Наинѣ, которая воспылала поздней страстью къ Финну.

У Гамильтона добрые волшебники помогаютъ героямъ-рыцарямъ, требуя отъ нихъ въ то же время нравственныхъ доблестей. Волшебница Серенъ помогаетъ Тарару потому, что, разсказавъ ему напередъ

всѣ опасности, которымъ долженъ былъ онъ подвергнуться, убѣдилась въ его мужествѣ, отвагѣ и постоянствѣ. Финъ встрѣчаетъ Руслана привѣтственной рѣчью, въ которой выражаетъ свое высокое мнѣніе о Русланѣ и поддерживаетъ его въ добрѣ.

Твой твердый духъ теряетъ силы;
Но зло промчится...
... На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай... (I п.)
Любви и чести вѣренъ будь,
Небесный громъ на злобу грянетъ (V п.).

Самая мораль сказокъ Гамильтона совпадаетъ съ моралью поэмы Пушкина. Добродѣтельные и невинные торжествуютъ, пройдя лишь временный рядъ испытаній отъ злыхъ волшебниковъ.

Но рядомъ съ этой нравственной подкладкой сказокъ Гамильтона, которая не проникаетъ ткани повѣствованія и служитъ часто лишь внѣшней опорой для „рѣзваго“ разсказа, вездѣ выдаетъ себя легкое французское воззрѣніе на красоту, любовь и чистоту жизни женщинъ. Кра́сота имѣетъ первенствующее значеніе, любовь — чувственная, а чистота героинь — внѣшняя. Въ этомъ тонѣ Гамильтона согласенъ съ Лафонтеновымъ въ его „Amour et Psychée, усвоеннымъ Богдановичемъ въ его „Душенькѣ“. Значительная доля того же легкаго тона замѣчается и у Пушкина, напримѣръ по отношенію къ героинѣ. Она не упускаетъ случая въ роковую минуту своей жизни полюбоваться собою въ зеркалѣ, примѣрить шапку и т. п.

Герои Гамильтона отличаются силой физической, большей или меньшей предпріимчивостью и отвагой или отмѣчены общими чертами умнаго, но некрасиваго (Тараръ), или глупаго, но красиваго (Фениксъ): характеровъ же ни герои ни героини Гамильтона не имѣютъ; всѣ они очерчены внѣшними достоинствами и недостатками — черта, общая съ поэмой Пушкина.

Чтó касается внѣшней обстановки героевъ поэмы Пушкина, то и она во многомъ напоминаетъ сказки Гамильтона. Прекрасный садъ Черномора и замокъ встрѣчаемъ въ сказкѣ Le Bélier и другихъ. О купальняхъ въ рѣкахъ и гротахъ, роскошно обставленныхъ, упоминается не разъ въ этихъ сказкахъ. У Пушина этому соотвѣтствуетъ восточная баня.

Похищеніе красавицъ злыми волшебниками у Гамильтона обставляется вихремъ, туманомъ и стремительнымъ полетомъ вверхъ. Такъ была похищена Кристалина съ берега моря:

„Густой туманъ, сначала поднявшійся къ нему, сгустился еще болѣе, опускаясь внизъ, и образовавъ темное облако, былъ двинутъ внезапнымъ вѣтромъ къ тому мѣсту, откуда мы смотрѣли на него. Онъ облекъ меня, какъ плащъ, который, охватывая все болѣе и болѣе, оторвалъ меня отъ земли и отъ кликовъ моего возлюбленнаго, покинутаго на томъ мѣстѣ. Я почувствовала, что меня несло очень быстро... Туманъ разсѣялся, море разверзлось, и я была имъ поглощена, не испытывая никакого другого страданія, кромѣ того, что увидѣла себя среди обширнаго грота“ (Oeuvres compl. II, Les quatre Facardins).

Въ сказкѣ „Histoire de Pertahrite et de Férdine“, входящей въ составъ Le Belier, молодые принцъ и принцесса, братъ и сестра, такъ похищены въ глазахъ народа и двора:

„Землетрясеніе, которое всколебало весь городъ, и за которымъ послѣдовалъ вихрь съ градомъ и молніей... разсѣяло все собраніе. Но напрасно искали принца и принцессу; они исчезли. Этотъ ураганъ, разогнавшій всѣхъ, раздвоившись на два вихря, увлекъ брата и сестру съ цѣлью перенести ихъ очень далеко другъ отъ друга и очень далеко отъ родины, ибо этого рода экипажи очень быстры“.

Подобный же вихрь увлекаетъ Людмилу у Пушкина (см. I, 89, 90, II, 184), но, какъ сказано выше, иллюзія не нарушена, какъ у Гамильтона, выходкой по поводу чудеснаго вихря.

Въ сценѣ похищенія Людмилы отъ Руслана Пушкинъ воспользовался и у Аріосто разсказомъ Пинабеля о похищеніи и у него его милой (Неист. Орл. II, 38). Самое сравненіе похитителя съ ястребомъ, „цыплятъ селенья похитителемъ“, заимствовано у Аріосто, гдѣ похититель сравнивается съ лунемъ, уносящимъ цыплятъ у насѣдки (ib., 39). Въ сценѣ поисковъ Русланомъ Людмилы въ замкѣ и саду Черномора Пушкинъ очевидно воспользовался знаменитою сценою Аріостова Орланда, отыскивающаго свою Анжелику-невидимку въ очарованномъ замкѣ Атланта (XII, 14, 15, 16).

Ратмиръ въ замкѣ двѣнадцати дѣвъ (п. IV) снова отсылаетъ насъ къ Аріосто. Хазарскій ханъ, у котораго „одежда нѣги замѣнила желѣзные доспѣхи брани“, несомнѣнно отзвукъ Аріостова Рожера, предавшагося нѣгѣ на островѣ обворожительницы Альцины, въ вышитой ею одеждѣ, съ серьгами въ ушахъ и въ дорогихъ монистахъ. Доблестный рыцарь совершенно преобразился, подобно Ратмиру.

„Все у Рожера — поступь, взглядъ —
Дышало нѣгой сонной,
Какъ будто цѣлый вѣкъ онъ жилъ
У одалискъ въ неволѣ.
Изнѣженный онъ сохранилъ
Лишь имя — и не болѣ“... (Неист. Орл. VII, 34, 35).

Вотъ тѣ черты вымысловъ Аріоста и Гамильтона, которыя въ болѣе или менѣе отдаленномъ воспроизведеніи повторились и въ поэмѣ Пушкина.

Поливановъ.

„Orlando Furioso“ Аріоста и „Русланъ и Людмила“ Пушкина.

Толки о вліяніи „Orlando Furioso“ Аріоста сдѣлались общими мѣстами и выдвигаются, обыкновенно впередъ, какъ только заходитъ рѣчь о первой Пушкинской поэмѣ... Было бы ошибочно думать, однако, что Пушкинъ рабски подражалъ Аріосто, и что его поэма принадлежитъ къ числу копій, которыми изобилуетъ каждая литература и которыя не заключаютъ въ себѣ ничего оригинальнаго. Въ „Русланѣ

и Людмилѣ“ несравненно болѣе Пушкинскаго, чѣмъ Аріостовскаго. Даже тамъ, гдѣ Пушкинъ вдохновлялся Аріосто, геніальный юноша-поэтъ умѣлъ остаться самимъ собой, и мы долго не кончили бы, если бъ задались цѣлію перечислить всѣ особенности „Руслана и Людмилы“ сравнительно съ знаменитой поэмой Аріосто. Различіе между этими двумя произведеніями столь рѣзко, что бросается въ глаза.

„Orlando Furioso“ прежде всего въ нѣсколько разъ превышаетъ своими размѣрами „Руслана и Людмилу“. Аріосто чуть не на каждой страницѣ переноситъ дѣйствія своей поэмы изъ одной страны въ другую. Онъ, видимо, хотѣлъ придать своей поэмѣ значеніе одного изъ тѣхъ всеобъемлющихъ поэтическихъ созданій, въ которыхъ отражается весь міръ, все человѣчество. Это ему не удалось, но объ его только что указанномъ намѣреніи не можетъ быть двухъ мнѣній: оно очевидно. Въ „Русланѣ и Людмилѣ“ Пушкинъ не имѣлъ въ виду такой широкой задачи, какую намѣтилъ для себя Аріосто. Дѣйствія его поэмы ограничиваются предѣлами Россіи, а художественный размахъ „Руслана и Людмилы“ такъ былъ очерченъ самимъ авторомъ въ VIII главѣ „Евгенія Онѣгина“:

Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: муза въ ней
Открыла пиръ младыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья
И славу нашей старины
И сердца трепетные сны.

Въ „Orlando Furioso“ фабула отличается необыкновенною сложностію и запутанностію. Ничего нѣтъ подобнаго въ „Русланѣ и Людмилѣ“. Фабула Пушкинской поэмы проста, ясна и легко усвоивается, даже при бѣгломъ чтеніи. Въ „Orlando Furioso“ происшествія сплетаются съ происшествіями такимъ причудливымъ узоромъ, въ которомъ мудрено сразу разобраться. Число происшествій въ „Русланѣ и Людмилѣ“ весьма ограничено. Другими словами: „Orlando Furioso“ страдаетъ недостаткомъ единства и стройности замысла, но этого упрека ужъ никоимъ образомъ нельзя сдѣлать „Руслану и Людмилѣ“.

Въ „Orlando Furioso“ множество дѣйствующихъ лицъ, дѣйствующія лица „Руслана и Людмилы“ всѣ наперечетъ.

Въ „Orlando Furioso“ поминутно и, притомъ, весьма однообразно описываются рыцарскія схватки и воспроизводятся картины батальной живописи. Этого нѣтъ въ „Русланѣ и Людмилѣ“. Въ поэмѣ Пушкина мы имѣемъ лишь превосходныя, по пластичности картины боя Руслана съ Рогдаемъ и съ печенегами и бѣгло набросанныя картины нападенія Рогдая на Фарлафа и единоборства Руслана съ Черноморомъ. Тамъ, гдѣ Пушкинъ явно вдохновляется Аріосто, онъ ни минуты не забывалъ, что онъ писалъ не для тѣхъ читателей, на которыхъ разсчитывалъ Аріосто. Поэтому въ „Русланѣ и Людмилѣ“ нѣтъ тѣхъ психологическихъ и бытовыхъ несообразностей, которыми изобилуетъ „Orlando Furioso“. Поведеніе Руслана, напримѣръ, въ замкѣ Черномора нѣсколько напоминаетъ неистовство Роланда, убѣдившагося въ измѣнѣ Анджелики. Но какая разница между тѣмъ, что дѣлаетъ Русланъ

Пушкина и что заставилъ дѣлать Аріосто своего Роланда! Неистовство Руслана и его успокоеніе психологически вполнѣ понятны. Развязка же безумія Роланда у Аріосто отличается тѣмъ произволомъ, къ которому прибѣгаетъ Аріосто, когда хотѣлъ выйти изъ затрудненій, мѣшавшихъ дальнѣйшему ходу повѣствованія. Роландъ Аріосто, подъ вліяніемъ ревности и оскорбленной любви превращается въ дикаго и свирѣпаго звѣря и совершаетъ цѣлый рядъ нелѣпыхъ жестокостей. Ничего подобнаго не происходитъ съ Пушкинскимъ Русланомъ. Неистовства Аріостова Роланда легко поддаются пародіи, и этимъ воспользовался Сервантесъ „въ 25-й и 26-й главахъ 1-го тома „Донъ-Кихота“, разсказывая о кувырканіяхъ рыцаря печальнаго образа въ ущельяхъ Сіеры-Морены. Поведеніе Руслана въ замкѣ Черномора не представляетъ ничего страннаго и смѣшного и не напрашивается на карикатуру ни съ какой точки зрѣнія. *Черняевъ.*

Pucelle d'Orleans Вольтера и „Русланъ и Людмила“ Пушкина.

Извѣстно, какъ преждевременно Пушкинъ познакомился съ знаменитой въ то время поэмой Вольтера „Pucelle d'Orleans“ и какъ высоко цѣнилъ онъ ее, какъ образецъ веселой и остроумной эпической поэмы. Вотъ какъ онъ выражается о ней въ полномъ текстѣ своего перваго эпическаго опыта:

...вчера въ архивахъ роясь,
Отыскалъ я *книжку славную*
Золотую, незабвенную
Катехизисъ остроумія.
Словомъ, Жанну Орлеанскую,
Прочиталъ, и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Вполнѣ естественно ожидать, что „Жанна Орлеанская“, приводившая въ восхищеніе 16-лѣтняго лицеиста, окажетъ сильное вліяніе на первую большую поэму молодого поэта, поэму тоже веселаго, забавнаго характера.

Прочитавъ довольно внимательно этотъ скучный наборъ однообразныхъ сальностей, я пришелъ къ заключенію, что, усвоивъ въ общемъ традиціонный взглядъ на поэму Вольтера, Пушкинъ, дѣйствительно, прекрасно изучилъ ее, но воспользовался изъ нея для „Руслана и Людмилы“ сравнительно немногимъ и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Вольтеръ заимствовалъ у своихъ итальянскихъ предшественниковъ, съ которыми въ то время Пушкинъ не могъ быть знакомъ основательно. Такъ, общій тонъ, обширныя введенія къ каждой пѣснѣ, вставочныя замѣчанія разнообразнаго характера, быстрые переносы читателя съ одного мѣста на другое, при чемъ дѣйствующія лица покидаются въ самую критическую для нихъ минуту, — всѣ эти пріемы были прекрасно извѣстны Пушкину раньше, нежели онъ сталъ составлять планъ своей поэмы и просматривать „Неистоваго Роланда“ во французскомъ переводѣ, извѣстно именно изъ „Жанны Орлеанской“

Я полагаю, что знаменитая пародія на „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ Жуковскаго въ IV пѣсняхъ, за которую позже Пушкинъ осуждалъ себя довольно рѣзко, внушены именно поэмой Вольтера, имѣвшей главною цѣлію обличить „во лжи прелестной“ всѣхъ, кто писалъ до него о подвигахъ „дѣвственницы“. Кромѣ того, я позволю себѣ сопоставить два мѣста, очень близкихъ не только по основной мысли, но отчасти по способу выраженія ея.

Въ изд. 1820 года въ II пѣснѣ мы читаемъ:

О люди, странныя созданья!
Межъ тѣмъ, какъ тяжкія страданья
Тревожатъ, убиваютъ васъ,
Обѣда лишь настанетъ часъ,
И вмигъ вамъ жалобно доноситъ
Пустой желудокъ о себѣ
И имъ заняться тайно проситъ.

У Вольтера:

Fallut diner, car malzre leurs chagrins
(Chétif mortel, j'en ai l'expérience)
Les malheureux ne font point abstinence.

Въ V пѣснѣ мы читаемъ по поводу цѣломудрія Руслана:

...безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоемъ.

У Вольтера по поводу грубаго насилія монаха надъ Агнесой:

Un hônncte homme
Il n'est hereux qu'en donnant des plaisirs.

Любопытно, что немедленно послѣ этой сентенціи Пушкинъ заговорилъ о монахѣ, повѣствованіемъ котораго онъ будто пользовался. Этотъ „монахъ“, безъ сомнѣнія, заимствованіе съ Запада, изъ Франціи, гдѣ автора позднихъ Chansons de geste ссылались на несуществующія монашескія лѣтописи и латинскія повѣсти. Пушкинъ могъ быть знакомъ съ ними еще въ домѣ отца не непосредственно, конечно, а чрезъ „Bibliothèque des romans“, гдѣ многія изъ старыхъ поэмъ приводились въ близкомъ пересказѣ. *Кирпичниковъ.*

Тонъ и мораль поэмы „Русланъ и Людмила“.

Самое главное въ ней и самое для того времени цѣнное было ея настроеніе, настроеніе, положимъ, тоже не новое, но впервые получавшее художественное облаченіе. Поэма была написана въ *мажорномъ* тонѣ, и этотъ мажорный тонъ, дополнявшій тотъ сентиментальный, минорный, который такъ художественно былъ выраженъ Жуковскимъ, теперь, въ поэмѣ Пушкина, являлся съ требованіемъ полнаго своего признанія въ искусствѣ. Онъ получалъ права гражданства въ изящной литературѣ, права, которыхъ онъ раньше не имѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ тѣ годы печальная сторона нашей жизни

была такъ мелодично выражена у Жуковскаго, то гдѣ мы найдемъ такое же выраженіе ея веселой стороны до „Руслана“?

„Русланъ“ былъ жизнерадостный гимнъ въ хвалу Провидѣнья, въ честь земныхъ радостей и благъ и всяческихъ доблестей человѣка, которыя должны ему дать желанное и заслуженное счастье. Вся поэма — пѣснь любви, отъ любви родительской вплоть до любви мечтательной и безпредметной.

И это пѣснь любви торжествующей, одерживающей побѣду надъ всѣми испытаніями. Правда, рядомъ съ этимъ мотивомъ любви, готовой на жертвы, въ поэмѣ слышится пѣсня любви очень игривой и нескромной, — но, вѣдь, и этотъ видъ любви одно изъ законныхъ веселій жизни.

Мораль поэмы, если уже говорить непремѣнно о морали (а о ней въ тѣ годы художникъ очень много думалъ), — проведена необычайно послѣдовательно и ярко. Она — въ торжествѣ всѣхъ видовъ добра надъ всѣми видами зла: торжество свободнаго чувства надъ насиліемъ, свѣтлыхъ духовъ надъ злыми, истинной храбрости надъ ложью, торжество даже запоздалой справедливости надъ преступленіемъ (какъ въ сценѣ съ головою). Наконецъ, поэма — пѣснь во славу истиннаго русскаго рыцаря безъ страха и упрека, своего рода русскаго Баярда, неустрашимость, честность и величіе котораго пріобрѣтаютъ ему симпатіи всѣхъ инородцевъ отъ финна до хазарскаго хана. Самымъ безбрежнымъ оптимизмомъ и жизнерадостностью проникнута эта юношеская поэма. Недаромъ она послужила какъ либретто для музыки самой веселой, которая когда-либо была написана, такъ какъ передъ бравурнымъ весельемъ оперы Глинки блѣднѣетъ веселье и Моцарта и Россини.

Понятно, почему всѣ были безъ ума отъ „Руслана“. Всѣмъ хотѣлось имѣть полное и художественное выраженіе того чувства довѣрія къ жизни, которымъ столь многіе, въ особенности юныя сердца, были тогда переполнены. Если поэзія Жуковскаго оттѣняла нѣжную меланхолическую сторону религіознаго и примиреннаго съ людьми сентиментальнаго міросозерцанія, если поэзія, подкрашенная подъ античную, рядомъ съ весельемъ очень настойчиво подчеркивала печальныя стороны бытія, то такая игривая поэзія, какъ поэзія молодого Пушкина, была выраженіемъ кипучей воли къ жизни, полной силъ, выраженіемъ жажды счастья, полной довѣрія къ себѣ и людямъ.

Конечно, и Пушкину случалось впадать въ хандру, когда ему міръ становился не милъ (есть очень искреннія слова на эту тему въ его юношескихъ стихотвореніяхъ); случалось ему по примѣру иноземнаго образца или со словъ Жуковскаго пропѣть иной разъ очень печальную пѣсню, но общій тонъ его юношескихъ стихотвореній и въ особенности тонъ „Руслана“, — въ которомъ эта юность поэта высказала свои самыя задушевныя чувства, — жизнерадостный мажорный тонъ, иногда легкомысленный и шаловливый, но въ общемъ серіозный въ томъ смыслѣ, что онъ былъ вполнѣ искрененъ и отражалъ правду души поэта. *Котляревскій.*

Стиль и языкъ поэмы.

Стиль поэмы и языкъ ея не были еще подвергнуты детальному изученію. „По своему содержанію и отдѣлкѣ „Русланъ и Людмила“ принадлежатъ къ числу переходныхъ пьесъ Пушкина, которыхъ характеръ составляетъ подновленный классицизмъ: въ нихъ Пушкинъ является улучшеннымъ усовершенствованнымъ Батюшковымъ“, говоритъ Бѣлинскій. „Даже со стороны формы, какъ ни много она выше обветшавшихъ формъ прежней поэзіи, есть звенья, соединяющія „Руслана и Людмилу“ съ прежней школой поэзіи; мы разумѣемъ здѣсь употребленіе словъ „брада“, „глава“ и произвольное употребленіе усѣченныхъ прилагательныхъ, которыхъ въ поэмѣ Пушкина найдется больше десятка“. По мнѣнію Анненкова, „стихъ поэмы сохраняетъ постоянно хрустальную прозрачность и плавность изумительную, но лишенъ точности, поэтическаго лаконизма и долго извивается вокругъ предмета граціозными кругами, прежде чѣмъ успѣетъ охватить его со всѣхъ сторонъ“ (Матеріалы, 61). Въ посвященныхъ изученію языка Пушкина спеціальныхъ работахъ академика Ѳ. Е. Корша („Разборъ вопроса“ о подлинности окончанія Русалки Пушкина, Спб., 1898 г.) и профессора Е. Ѳ. Будде (Опытъ грамматики языка Пушкина, Спб., 1904 г.) поэма „Русланъ и Людмила“ привлекается къ наблюденію наравнѣ съ прочими произведеніями поэта и не вызываетъ особо ей посвященныхъ замѣчаній. Тѣмъ не менѣе, среди высказанныхъ названными учеными общихъ положеній относительно языка Пушкина, нѣкоторыя имѣютъ болѣе близкое отношеніе къ нашей поэмѣ, и мы не можемъ не упомянуть о нихъ. Въ сущности они мало отличаются отъ того, что было подмѣчено и высказано уже Бѣлинскимъ. По наблюденію профессора Будде, „языкъ Пушкина въ первую пору его литературной дѣятельности не отличается существенно отъ языка современныхъ его молодости писателей. Этотъ языкъ какъ бы сливается съ языкомъ образованнаго общества того времени (приблизительно до 1818 г.) и остается на той же степени своего литературнаго развитія, на которой мы видимъ языкъ Державина, Жуковскаго и Батюшкова (IX). Приблизительно съ 1818 года языкъ Пушкина становится языкомъ эманципированнымъ отъ элементовъ русской рѣчи „классиковъ“. Пушкинъ проникаетъ глубже и глубже въ лексикологію, морфологію и синтаксисъ русской народной рѣчи, и изъ всего прежняго балласта на долю языка поэзіи остаются лишь тѣ церковно-славянскія слова, которыя съ этихъ поръ, въ отличіе отъ чисто-русскихъ, служатъ принадлежностью поэтической рѣчи. Синтаксисъ же идетъ по пути національнаго развитія и сближенія съ рѣчью чисто-русскаго человѣка значительно быстрѣе лексикологіи и морфологіи“ (X). Весьма цѣннымъ и вѣрнымъ является наблюденіе профессора Будде относительно источниковъ языка Пушкина: „Пушкинъ не составлялъ искусственно ни словъ, ни формъ, ни оборотовъ для нашего языка

литературы; онъ пользовался тѣмъ живымъ матеріаломъ, который усваивалъ, собиралъ и воспринималъ въ практическомъ обиходѣ у различныхъ лицъ, съ которыми говорилъ и сталкивался. Въ эпоху созданія „Руслана и Людмилы“ Пушкинъ пользовался разговорнымъ языкомъ русскаго образованнаго общества. Характеризуя этотъ языкъ, академикъ Ѳ. Е. Коршъ говоритъ, что русскій 20-хъ, 30-хъ годовъ XIX столѣтія сплошь да рядомъ былъ по-французски изященъ и вѣжливъ, какъ маркизъ временъ Людовика XV, а по-русски неразборчивъ и грубъ въ выраженіяхъ, потому что французскому языку онъ учился по писателямъ классической эпохи, а русскому изъ разговора прислуги“ (Разборъ „Русалки“, 269). Въ языкѣ „Руслана и Людмилы“ академикъ Коршъ отмѣтилъ галлицизмы: „онъ обольстилъ меня, несчастный, взглядъ вперилъ на витязя въ молчаньѣ“, провинціализмы или вульгаризмы (*заржавый* щитъ съ *трясучей* головой), неправильныя конструкціи (внимать съ вин. вмѣсто слушать), неправильныя въ этимологическомъ отношеніи формы (настоящее — будущее падетъ), натяжки въ порядкѣ словъ (къ объятой головѣ смущеньемъ), своеобразное употребленіе нѣкоторыхъ словъ (витязь томимый, воспаленный) и даже одно совершенно непонятное мѣсто (все слышитъ голосъ ихъ ужасный). Но на ряду съ указанными несовершенствами „стиха и языка въ „Русланѣ же и Людмилѣ“ встрѣчаются и настоящіе перлы чисто-пушкинскаго поэтическаго языка, понимая подъ послѣднимъ, согласно съ Ѳ. Е. Коршемъ, правильность и изящество стиха, поэтичность содержанія и его логическую и эстетическую умѣстность и необходимость. Эти искры пушкинскаго поэтическаго генія блестятъ въ описаніяхъ природы и въ распространенныхъ сравненіяхъ:

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землей;
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь... (II п. 215—219).
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ (II, 259—261).
Чернѣетъ лѣсъ, темна гора,
Встаетъ луна, все тихо стало (п. V, 405—406).
Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ,
Луна во мглѣ перебѣгала
Изъ тучи въ тучу и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла (V, 440—444).

Примѣры сравненій: Убѣганіе Фарлафа отъ Рогдая сравнивается съ побѣгомъ зайца отъ гончихъ псовъ:

Такъ точно заяцъ торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса (II, 56—59).

Состояніе богатырской головы, пораженной Русланомъ въ „дерзостный языкъ", рисуется сравненіемъ съ бездарнымъ актеромъ, неожиданно освистаннымъ театромъ:

Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.
Въ спокойномъ духѣ горячась
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены
Внезапнымъ свистомъ оглушенъ
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И заикаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой (III, 317—329).

Смѣна настроеній въ душѣ человѣка — гнѣва и мщенія — прощеньемъ сравнивается съ таяньемъ льда подъ вліяніемъ жгучихъ лучей солнца:

Въ немъ (Русланѣ) гнѣвъ свирѣпый умираетъ
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиренной:
Тамъ на долинѣ таетъ ледъ
Лучемъ полудня пораженный (III, 354—358).

Народный элементъ въ языкѣ и стилѣ „Руслана и Людмилы" почти отсутствуетъ. Геніальному поэту нужны были еще годы усиленной работы, направленной къ сближенію съ источниками литературной рѣчи, заключающимися въ народномъ языкѣ. Нужно было окончательно отрѣшиться отъ искусственности, характеризовавшей русскій литературный языкъ первой четверти XIX вѣка, чтобы достигнуть той степени въ пользованіи средствами народнаго языка, при которой личность поэта сливалась съ народомъ до такой степени, что становилось иногда невозможнымъ разграничить, „разобрать, которыя пѣсни поетъ народъ, и которыя смастерилъ самъ Пушкинъ" (Л. Майковъ. Пушкинъ, 418). *Халанскій.*

Встрѣча поэмы среднимъ читателемъ.

Для того, чтобы понять „восторгъ первыхъ читателей" Руслана и Людмилы, нужно имѣть въ виду, что поэма появилась въ періодъ борьбы послѣдователей „стараго слога" или ложно-классицизма съ послѣдователями „новаго слога" или съ представителями сентиментализма и романтизма въ русской литературѣ. Первые имѣли за собою полвѣка литературнаго развитія, стройную, устойчивую теорію, значительную по количеству литературу и цѣлый штатъ авторитетовъ. Послѣдніе, при несомнѣнной талантливости своихъ отдѣльныхъ представителей,

не могли указать на такое произведеніе, которое ясно выражало бы ихъ литературные взгляды и вкусы и импонировало бы литературными достоинствами и вліяніемъ на читающую публику. Поэма „Русланъ и Людмила“ и была такимъ произведеніемъ, котораго долго ожидали наши первые романтики, къ созданію котораго нѣкоторые изъ нихъ сознательно подходили. „Русланъ и Людмила“ была сознательнымъ и яркимъ отрицаніемъ правилъ ложноклассической піитики, и не только по отношенію къ однѣмъ такъ называемымъ героическимъ поэмамъ. И хвалители поэмы и ея хулители увидѣли въ ней произведеніе романтическое. Сердитый старовѣръ Вѣстника Европы, „Житель Бутырской слободы“, рѣшительно призналъ въ ней „начало романтизма германскаго“ для нашей литературы (Вѣст. Евр. 1820 г., № 20). Въ поэмѣ было налицо и ярко выражено все то, о чемъ толковали, спорили, горячились защитники новаго слога — Карамзинъ, Василій Пушкинъ, кн. П. Вяземскій, Батюшковъ, Жуковскій и др. — разрывъ съ требованіями старой школы относительно формы, проповѣдь свободы творчества, простоты, естественности и правды, стремленіе къ народности содержанія и языка, доходившее до апоѳеоза простой сказки и возведеніе ея сюжета въ героическую поэму о допущенія въ поэмѣ „низкихъ словъ“ и „мужицкихъ риѳмъ“. Это было дѣйствительное начало того литературнаго свѣтопреставленія, которое предсказывалъ Жуковскій въ посланіи къ Воейкову еще въ 1815 году. Появленіе „Руслана и Людмилы“ было тріумфомъ для горсти передовыхъ русскихъ литераторовъ, видѣвшихъ въ сближеніи съ нѣмецкимъ романтизмомъ средство дать толчокъ литературному движенію на Руси. Въ „Русланѣ и Людмилѣ“ они имѣли произведеніе, которое смѣло могли противопоставить библіи русскихъ старовѣровъ, ложно-классиковъ — „Россіадѣ“ Хераскова. Въ этомъ несомнѣнное и огромное значеніе „Руслана и Людмилы“ для русской литературы; ея появленіе дѣйствительно „сдѣлало эпоху въ исторіи русской литературы“, какъ справедливо сказалъ Бѣлинскій. Съ ея появленіемъ началась переоцѣнка русскихъ литературныхъ цѣнностей, насталъ тотъ Аполлоновъ судъ, который предсказывалъ Жуковскій въ упомянутомъ уже посланіи къ Воейкову 1815 года. Поэмы XVIII вѣка „Петріада“, „Россіада“, Владиміръ и даже „Душенька отступали далеко на задній планъ, и поэтическое значеніе Ломоносова, Хераскова и другихъ писателей XVIII вѣка начало опредѣляться яснѣе и рѣшительнѣе. Первый крупный трудъ поэтическаго мессіи русской литературы принесъ съ собой осужденіе всему напыщенному, неестественному, ходульному и надутому въ русской литературѣ.

Средній русскій читатель, не зараженный предразсудками ложноклассической литературной школы, былъ очарованъ достоинствами содержанія и языка поэмы, возвышавшими ее надъ всей совокупностью произведеній русской литературы первыхъ 20 лѣтъ XIX вѣка. И въ балладахъ Жуковскаго, и въ элегіяхъ Батюшкова, и въ стихотвореніяхъ Василія Пушкина и Дмитріева были литературныя достоинства, обез-

печившія имъ успѣхъ среди русской читающей публики. Но вся совокупность произведеній названныхъ писателей, въ которыхъ болѣе или менѣе ярко проявились стремленія къ простотѣ и естественности, до появленія „Руслана и Людмилы“, въ количественномъ отношеніи едва ли равнялась половинѣ содержанія этой послѣдней. Въ борьбѣ литературныхъ школъ и направленій и количество литературнаго матеріала должно быть принимаемо въ расчетъ. Но у Пушкина къ этому количественному превосходству содержанія поэмы присоединились его художественныя достоинства, которыми онъ, едва достигшій 20-лѣтняго возраста, не только сравнялся съ корифеями новой русской поэзіи, но и превзошелъ ихъ во многомъ.

Читателямъ поэмы нравилось „очаровательное разнообразіе“ ея содержанія, „не уничтожающее единства дѣйствія“. Прелесть разнообразія содержанія усиливалась эпизодами, отступленіями, картинами, образами, мыслями, примѣненіями и проч.“ Заимствованные изъ произведеній XVIII вѣка эпизоды въ изложеніи Пушкина получали печать оригинальности, свѣжести и новизны. Этому способствовали во 1-хъ, чувство художественной мѣры, благодаря которому юный поэтъ умѣлъ выбирать въ массѣ литературнаго хлама и старыя сюжеты, способные занять воображеніе и мысль новаго читателя, а во 2-хъ удивительное искусство владѣть языкомъ и стилемъ, благодаря которому старый или даже избитый сюжетъ пріобрѣталъ выдающійся интересъ. Стоитъ ближе сравнить изложеніе однихъ и тѣхъ же сюжетовъ, напр., у Радищева, Нарѣжнаго или у Чулкова и у Пушкина, чтобы ясно увидѣть безконечную разницу между предполагаемымъ оригиналомъ и спискомъ. Списокъ является неизмѣримо выше своего оригинала. И читатели „Руслана и Людмилы“ были правы въ своемъ предпочтеніи списка оригиналу. Дѣйствіе, развиваемое въ поэмѣ, читатели и критики находили „истинно художественнымъ“: „оно не запутано, просто, поэтически естественно и мастерски оживлено, расцвѣчено разнообразіемъ, мастерски сосредоточеннымъ въ единствѣ“ (Галатея 1839 года, ч. 3, № 19, 20).

Въ заслугу поэту ставили и то, что онъ въ своей поэмѣ „вывелъ на сцену людей, а не тѣни“, т.-е. большею частью изобразилъ характеры опредѣленные, индивидуальные и развитые, „сколько позволялъ объемъ поэмы“. Слабость обрисовки характеровъ извинялась самой новизной этого искусства въ нашей литературѣ. „Нельзя сказать“, говоритъ критикъ въ Галатеѣ, „что каждый изъ нихъ (изъ характеровъ) рѣзко обрисованъ; но этого нельзя строго требовать отъ нашего поэта, — онъ почти первый у насъ выступилъ на эпическое поприще... Эпическіе характеры образуются вѣками и переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ поэмы въ поэму. Въ Италіи, напр., положилъ имъ основаніе Пульчи, воспроизведши Карла Великаго, Морганто и пр. Боярдо безъ перемѣны внесъ его характеры въ свою поэму Orlando innamorato, и создалъ нѣсколько своихъ новыхъ характеровъ, Аріосто воспользовался характерами, созданными воображеніемъ своихъ предшественни-

ковъ, и досоздалъ нѣсколько своихъ; такимъ образомъ, три поэта нарисовали цѣлую галлерею характеровъ, сотворили маленькій міръ идеаловъ“ (Галатея 1839 г.).

Высоко ставили современники форму поэмы — „аріостовскую“, „самую приличную для живого разсказа, для обрисовки событій полуважныхъ, полусмѣшныхъ“, восхищавшую оригинальностью, обѣщавшую освобжденіе отъ стѣснительныхъ оковъ ложно-классическаго законодательства. „Здѣсь поэтъ не связанъ условіями такъ назыв. классическихъ поэмъ; онъ, собственно говоря, не поэтъ, а разсказываетъ. Такъ и должно быть, — время древняго эпоса прошло невозвратно; цѣль его была религіозная и политическая, цѣль новѣйшаго эпоса — просто забава воображенія, отдыхъ ума, утомленнаго такъ называемою положительностью“ („Галатея“, 1839 г.).

Особенно же поразилъ современниковъ языкъ поэмы, ея художественный стиль, „свободный, развязный, текучій, звонкій, гармоническій“ „чуждый неясности и неопредѣленности“ и стихъ, плѣнявшій „легкостью, свѣжестью, простотой и сладостью“. Въ особенности обращали на себя вниманіе сравненія, въ которыхъ Пушкинъ былъ и остался дѣйствительно неподражаемъ: „сравненія, уподобленія новы, разительны, объясняютъ мысль, придаютъ ей силу, оживляютъ сухое описаніе и всегда приведены кстати“.

Резюмируя свой разборъ „Руслана и Людмилы“, авторъ критической статьи, помѣщенной въ „Галатеѣ“ за 1839 годъ, назвалъ эту поэму „прелестнымъ вѣчно душистымъ цвѣткомъ въ нашей поэзіи“. Многіе русскіе читатели остались при такой высокой оцѣнкѣ первой поэмы Пушкина даже и тогда, когда Пушкинъ далеко переросъ своихъ современниковъ и первыхъ восторженныхъ поклонниковъ своего таланта, и критиковъ, и далъ наиболѣе зрѣлыя и совершенныя произведенія своего генія, передъ которыми поблѣднѣли художественныя достоинства его перваго поэтическаго труда.

Художественныя достоинства содержанія поэмы опредѣлены, въ общемъ, вѣрно эстетической критикой Бѣлинскаго. Но суровый приговоръ знаменитаго критика наше время должно значительно смягчить. Многіе мотивы поэмы и нѣкоторые характеры и образы ея, благодаря усвоенію ихъ оперой въ произведеніи геніальнаго Глинки, останутся безсмертными въ русскомъ искусствѣ и трудно даже сказать, сколько времени будутъ служить источникомъ высокаго эстетическаго удовольствія.

Халанскій.

Историко-литературное значеніе „Руслана и Людмилы“.

„Руслану и Людмилѣ“ принадлежитъ громадное историко-литературное значеніе, доселѣ не оцѣненное по достоинству. Первая поэма Пушкина читается и теперь съ наслажденіемъ, даже послѣ самыхъ зрѣлыхъ созданій его генія. Чарующая прелесть ея стиха и вообще форма была замѣчена и вѣрно понята еще современниками, но къ ея

содержанію критика 20-хъ и послѣдующихъ годовъ отнеслась довольно поверхностно, какъ къ чему-то крайне незрѣлому. Въ обрисовкѣ характеровъ „Руслана и Людмилы“ и въ ея психологіи мѣстами, конечно, чувствуется юношеская, хотя и геніальная, рука, но тутъ же обыкновенно чувствуются и задатки великаго художника, задатки великаго знатока человѣческаго сердца. Вообще „Русланъ и Людмила“ заслуживаетъ самаго пристальнаго изученія, какъ одно изъ чудныхъ произведеній искусства. Не забудемъ, что первая поэма Пушкина принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ созданій его, и по своимъ размѣрамъ оставляетъ за собою всѣ его другія поэмы. Какъ поэма, воспѣвшая „преданія темной старины“, она предрекала появленіе „Бориса Годунова“, „Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ“, „Арапа Петра Великаго“, „Полтаву“ и т. д. Вліяніе игриваго и легкаго стиля нѣкоторыхъ мѣстъ „Руслана и Людмилы“ сказалось и на первыхъ двухъ пѣсняхъ „Евгенія Онѣгина“, и на „Графѣ Нулинѣ“, и на „Домикѣ въ Коломнѣ“, и на „Барышнѣ-крестьянкѣ“ [1]). Отмѣтимъ, кстати, несомнѣнное вліяніе фабулы „Руслана и Людмилы“ на фабулу „Капитанской дочки“. Со времени взятія Бѣлогорской крѣпости Пугачевымъ передъ молодымъ Гриневымъ, этимъ Русланомъ XVIII в., явилась та же самая задача, которую предстояло разрѣшить юному мужу Людмилы. Въ „Капитанской дочкѣ“ нѣтъ Черномора и Финна, но въ ней есть Пугачевъ, пугачевцы и Швабринъ, вырвать же Марью Ивановну изъ когтей Швабрина и самозванца было столь же рисковано, какъ ѣхать во владѣнія Черномора. Счастье молодого Гринева — такое же завоеванное счастье, какъ и счастье Руслана. Честь и вѣрность въ любви были такими же путеводными звѣздами для молодого Гринева, какъ и для Руслана. Вообще параллельность нѣкоторыхъ сценъ и положеній „Руслана и Людмилы“, съ одной стороны, и „Капитанской дочки“, съ другой, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и это одно уже сообщаетъ „Руслану и Людмилѣ“ важное значеніе, какъ необходимой подготовительной ступени къ созданію лучшаго русскаго романа. *Черняевъ.*

„Русланъ и Людмила“ въ оцѣнкѣ Бѣлинскаго.

Нельзя ни съ чѣмъ сравнить восторга и негодованія, возбужденныхъ первой поэмой Пушкина — „Русланъ и Людмила“. Слишкомъ немногимъ геніальнымъ твореніямъ удавалось производить столько шуму, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не геніальная поэма. Поборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе, и долго послѣ того величали они Пушкина забавнымъ титломъ „пѣвца Рус-

[1]) „Сродство отдѣльныхъ мѣстъ изъ „Руслана и Людмилы“ со многими произведеніями Пушкина бросается въ глаза. Рогдай является предшественникомъ всѣхъ байроновскихъ типовъ Пушкина. Описаніе волшебнаго замка Наины служитъ какъ бы первымъ наброскомъ „Бахчисарайскаго фонтана“. Монологъ Руслана: „О поле, поле“... отзывается духомъ „Черепа“. Монологъ Ратмира „Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость“ былъ какъ бы программой для элегіи. „Я помню чудное мгновенье“. Описаніе долины, мертвой воды было какъ бы программой для страшной пустыни „Анчара“.

лана и Людмилы". Представители другой крайности, слѣпые поклонники старины, были оскорблены и приведены въ ярость появленіемъ поэмы. Они увидѣли въ ней все, чего въ ней нѣтъ — чуть не безбожіе, и не увидѣли въ ней ничего изъ того, что̀ именно есть въ ней, то-есть хорошихъ, звучныхъ стиховъ, ума, эстетическаго вкуса и, мѣстами, проблесковъ поэзіи.

Причиной энтузіазма, возбужденнаго „Русланомъ и Людмилой", было, конечно, и предчувствіе новаго міра творчества, который открывалъ Пушкинъ всѣми своими первыми произведеніями, но еще болѣе это было просто обольщеніе невиданной дотолѣ новинкой. Какъ бы то ни было, но нельзя не понять и не одобрить такого восторга: русская литература не представляла ничего подобнаго „Руслану и Людмилѣ". Въ этой поэмѣ все было ново: и стихи, и поэзія, и шутка, и сказочный характеръ вмѣстѣ съ серіозными картинами. Но бѣшенаго негодованія, возбужденнаго сказкой Пушкина, нельзя было бы совсѣмъ понять, если бъ мы не знали о существованіи староверовъ, дѣтей привычки. На что̀ озлились они? На нѣсколько вольныя картины въ эротическомъ духѣ? — Но они давно уже знакомы были съ ними черезъ Державина и въ особенности черезъ Богдановича... Притомъ же они никогда не ставили этихъ вольностей въ вину, напримѣръ, Аріосту, Парни, несмотря на то, что вольности въ „Русланѣ и Людмилѣ" — сама скромность, само цѣломудріе въ сравненіи съ вольностями этихъ писателей. Это были писатели старые: къ ихъ славѣ давно уже всѣ привыкли, и потому имъ было позволено то, о чемъ не позволялось и думать молодому поэту. Забавнѣе всего, что „Душенька" Богдановича была признаваема старовѣрами за произведеніе классическое, то-есть такое, которое уже выдержало пробу времени и высокое достоинство котораго уже не подвержено никакому сомнѣнію. Судя по этому, имъ-то бы и надобно было особенно восхититься поэмой Пушкина, которая во всѣхъ отношеніяхъ была неизмѣримо выше „Душеньки" Богдановича. Стихъ Богдановича прозаиченъ, вялъ, водянъ, языкъ обветшалый и сверхъ того донельзя искаженный такъ называвшимися тогда „піитическими вольностями"; поэзіи почти нисколько; картины блѣдны, сухи. Словомъ, несмотря на всю незначительность „Руслана и Людмилы", какъ художественнаго произведенія, смѣшно было бы доказывать неизмѣримое превосходство этой поэмы передъ „Душенькой". Сверхъ того, она навѣяна была на Пушкина Аріостомъ, и русскаго въ ней, кромѣ именъ, нѣтъ ничего; романтизма, столь ненавистнаго тогдашнимъ словесникамъ, въ ней тоже нѣтъ ни искорки; романтизмъ даже осмѣянъ въ ней, и очень мило и остроумно, въ забавной выходкѣ противъ „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ". Короче: поэма Пушкина должна была составить торжество псевдо-классической партіи того времени. Критики-старовѣры особенно оскорбились въ „Русланѣ и Людмилѣ" тѣмъ, что̀ показалось имъ въ этой поэмѣ колоритомъ мѣстности и своевременности въ отношеніи къ ея содержанію. Но

именно этого-то совсѣмъ и нѣтъ въ сказкѣ Пушкина: въ ней русскаго — одни только имена, да и то не всѣ. И этого руссизма нѣтъ такъ же и въ содержаніи, какъ и въ выраженіи поэмы Пушкина. Очевидно, что она — плодъ чуждаго вліянія и скорѣе пародія на Аріоста, чѣмъ подражаніе ему, потому что передѣлать нѣмецкихъ рыцарей изъ русскихъ богатырей и витязей — значитъ исказить равно и нѣмецкую и русскую дѣйствительность. О прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ“ дѣйствительно можно сказать: „Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ“; но этотъ прологъ явился только при второмъ изданіи поэмы, то-есть черезъ восемь лѣтъ послѣ перваго ея изданія, стало-быть, — тогда, когда Пушкинъ уже настоящимъ образомъ вникъ въ духъ народной русской поэзіи. Первые семнадцать стиховъ, которыми начинается „Русланъ и Людмила“, отъ стиха „Дѣла давно минувшихъ дней“ до стиха „Низко кланяюсь гостямъ“, дѣйствительно „пахнутъ Русью“, но ими начинается и ими же оканчивается *русскій духъ* всей этой поэмы; больше въ ней его слыхомъ не слыхать, видомъ не видать. Какъ бы то ни было, только поэма эта — шалость сильнаго, еще незрѣлаго таланта, который, кипя жаждой дѣятельности, схватился безъ разбору за первый предметъ, мысль о которомъ какъ-то промелькнула передъ нимъ въ веселый часъ. Весь тонъ поэмы — шуточный. Поэтъ не принимаетъ никакого участія въ созданныхъ его фантазіей лицахъ. Онъ просто чертилъ арабески и потѣшался ихъ забавной странностью. Оттого, какъ самъ Пушкинъ справедливо замѣчалъ впослѣдствіи, она холодна. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней много граціи, игривости, остроумія; есть живость, движеніе и еще больше блеска, но очень мало жара. Въ эпизодѣ о Финнѣ проглядываетъ чувство; оно вспыхиваетъ на минуту въ воззваніи Руслана къ усѣянному костьми полю, но это воззваніе оканчивается нѣсколько риторически. Все остальное — холодно.

Восторги, возбужденные „Русланомъ и Людмилой“, равно какъ и необыкновенный успѣхъ этой поэмы, несмотря на всю *дѣткость* ея достоинствъ, гораздо естественнѣе и понятнѣе, чѣмъ яростныя нападки на нее критиковъ-сатириковъ. Не говоря уже о томъ, что всякая удачная новость ослѣпляетъ глаза, въ „Русланѣ и Людмилѣ“ русская поэзія дѣйствительно сдѣлала огромный шагъ впередъ, особенно со стороны технической. Всѣ восхищались ея прекраснымъ языкомъ, стихами, всегда легкими и звучными, а иногда и истинно-поэтическими, граціозной шуткой, разсказомъ плавнымъ, увлекательнымъ, живымъ и быстрымъ, всей этой игривой затѣйливостью, шаловливостью и причудливостью арабесковъ въ характерахъ и событіяхъ, и никому не приходило въ голову требовать отъ этой поэмы народности, къ которой обязывало ея заглавіе и самое содержаніе, естественности, поэтической мысли, вполнѣ художественной отдѣлки. Образца для нея не было на русскомъ языкѣ, а если и были прежде попытки въ этомъ родѣ, то такія ничтожныя, что сравненіе съ ними не могло бы сбавить цѣны съ „Руслана и Людмилы“.

Эпилогъ къ „Руслану и Людмилѣ“ исполненъ элегической поэзіи; но, какъ и прологъ къ этой же поэмѣ, онъ, если не ошибаемся, былъ написанъ послѣ нея; при ней же явился только по второмъ ея изданіи, въ 1828 году. *Бѣлинскій.*

„Русланъ и Людмила“ въ оцѣнкѣ самого поэта.

Въ текстѣ „Руслана и Людмилы“ Пушкинъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ характеризуетъ свою поэму. Если мы перечитаемъ ее въ первомъ изданіи съ цѣлью отмѣтить эти мѣста, наше вниманіе остановится на слѣдующихъ стихахъ:

Примите жъ вы *мой трудъ игривый!*
Ни чьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На *пѣсни грѣшныя мои.*

(Сочиненія А. С. Пушкина, редак. П. О. Морозова, томъ II, страница 202. Предисловіе.)

Прости мнѣ, сѣверной Орфей,
Что *въ повѣсти моей забавной*
Теперь во слѣдъ тебѣ лечу,
И лиру Музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

(Тамъ же, стран. 242.)

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Старины были напѣвать...
. . . .
. . . .
. . . .
Но ты велишь, но ты любила
Разсказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ,
И Финна вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая *мой легкій вздоръ,*
Съ улыбкой иногда дремала;
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
Сажусь у ногъ твоихъ и снова
Бренчу про витязя младова.

(Тамъ же, стран. 264—265.)

Итакъ Пушкину первоначально казалось, что преобладающій тонъ въ поэмѣ — игривый, и сознательно Пушкинъ въ то время, когда писалъ поэму, иронизировалъ надъ сказочнымъ элементомъ, который легъ въ ея основу. А въ 1828 году, выпуская въ свѣтъ второе изданіе поэмы, Пушкинъ предпосылаетъ ей Прологъ: „У лукоморья дубъ зеленый“[1]) — своего рода прологъ ко всякой будущей художественной обработкѣ русскаго сказочнаго матеріала.

---

[1]) П. О. Морозовъ въ примѣчаніи къ этому Прологу (Сочиненія А. С. Пушкина, т. II, стран. 203) указываетъ, что тема Пролога взята Пушкинымъ изъ разсказанной ему Ариной Родіоновной и записанной имъ сказки, которая легла въ основу „Сказки о царѣ Салтанѣ“. Дѣйствительно, первые шесть стиховъ Пролога находятся въ несомнѣнной связи съ слѣдующими словами сказки: „У моря, у моря, у лукоморья, стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ: вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ“. Но остальные стихи Пролога, какъ намъ кажется, имѣютъ прототипомъ слѣдующія слова Вступленія къ „Бахаріянѣ“ Хераскова:

Вдругъ явилась мнѣ волшебница,
Покровенна съ головы до ногъ:
Весь ея покровъ исписанъ былъ
Разными, какъ атласъ, красками;
Замки есть на немъ воздушные;
Видимы кони крылатые,
Люди въ камень обращенные;
Во деревья заключенные;
Видны старыя волшебницы,
Превращенныя сороками;
Тамо латы очарованны
Къ тѣлу ранъ не допускающи;
Вилны кольцы невидимки тамъ;
Тамъ колдовки престарѣлыя
Представляются въ пятнадцать лѣтъ
И находятъ воздыхателей.

(„Бахаріяна“, или „Неизвѣстный“. Волшебная повѣсть, почерпнутая изъ скихъ сказокъ. М. 1803, стран. 8—9.)

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что *такого* Пролога Пушкинъ не предпослалъ бы поэмѣ, если бы она попрежнему характеризовалась въ его сознаніи тѣми же чертами, какими характеризовалъ онъ ее въ приведенныхъ выше стихахъ. Очевидно, теперь, когда Пушкинъ создалъ уже нѣсколько произведеній, написанныхъ сознательно въ томъ настроеніи, какое ему непосредственно давала народная поэзія, для него въ „Русланѣ и Людмилѣ“ получили значеніе именно тѣ мѣста, въ которыхъ сказочный міръ нарисованъ съ такимъ серіознымъ отношеніемъ къ нему, и которыя, дѣйствительно, даютъ преобладающій тонъ поэмѣ.

Въ „Русланѣ и Людмилѣ“ наблюдается, такимъ образомъ, двойственность настроенія, двойственность отношенія поэта — засвидѣтельствованная самимъ поэтомъ — къ сказочному матеріалу, который лежитъ въ основѣ поэмы. Объясненіе этой двойственности, конечно, въ той непосредственности, съ которой воспринимались Пушкинымъ въ юношескіе годы разнородныя литературныя впечатлѣнія и въ томъ, что въ эту пору лишь намѣчалось то направленіе, въ которомъ впослѣдствіи развивалось міросозерцаніе поэта. *Шефферъ.*

Личныя настроенія Пушкина предъ созданіемъ „Кавказскаго Плѣнника“.

Кавказъ уже съ конца XVIII столѣтія привлекалъ къ себѣ вниманіе нашихъ писателей и представлялся нашей молодежи въ особомъ романическомъ освѣщеніи. Туда въ ранней юности влекло Карамзина, который „мечталъ быть завоевателемъ чернобровой пылкой черкешенки“; Державинъ, въ цитируемой Пушкинымъ одѣ гр. Зубову, и впослѣдствіи — Жуковскій, въ посланіи къ Воейкову, яркими поэтическими красками изображали дикую и величественную природу этого дальняго края и воинственный бытъ его населенія. Замѣчательно, однако, что ни одинъ изъ нашихъ писателей, — если не считать Воейкова, пребываніе котораго на Кавказѣ ничѣмъ не отразилось въ литературѣ, — ни въ XVIII ни въ началѣ XIX вѣка не былъ на Кавказѣ; всѣ говорили и судили о немъ только „изъ прекраснаго далека“. Пушкинъ, по счастливой случайности, былъ первымъ изъ русскихъ поэтовъ, которому удалось посѣтить, если не самый Кав-

---

Отмѣтимъ здѣсь кстати, что указаніе на возможность сопоставлять „Руслана и Людмилу“ съ „Бахаріяной“ первый, сколько мы знаемъ, сдѣлалъ Н. В. Сушковъ (Раутъ. Книга III. Историческій и литературный сборникъ. Изданіе Н. В. Сушкова, М. 1854. Обзоръ къ потомству съ книгами и рукописями (Изъ записокъ Н. В. Сушкова), стран. 331): „Какъ-то (по выходѣ своемъ изъ Лицея), Пушкинъ замѣтилъ у меня на полкѣ толстую книгу — развернулъ — „Бахаріяна“ Хераскова. — Возьми себѣ этотъ сборъ сказокъ: пригодится для Руслана и Людмилы. — Кажется, мой подарокъ отчасти ему и пригодился. (Далѣе Сушковъ продолжаетъ: „Пригодился и „Ричардетъ“ — поэма въ родѣ Роландовъ, изъ которой онъ включилъ кой-что въ свою сказку. Только его переводы отрывковъ, иногда и цѣлыхъ строфъ изъ Ричардета, несравненно выше подлинника“. Но слѣдовъ вліянія „Ричардета“ (мы имѣли въ рукахъ „Richardet, poème“ въ изданіи, вышедшемъ въ 1776 г. въ Liège) на „Русланѣ и Людмилѣ“ мы не замѣтили.)

казъ, то, по крайней мѣрѣ, его преддверіе — минеральныя воды, гдѣ поэтъ провелъ, съ семействомъ Раевскихъ, два мѣсяца.

Несмотря на то, что молодому поэту не пришлось проникнуть дальше „однообразныхъ равнинъ, гдѣ возвышаются, на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, „четыре горы — отрасль послѣдняя Кавказа, такъ что онъ только“ съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бештау видѣлъ въ отдаленьи ледяныя главы Казбека и Эльбруса“ (письмо къ Гнѣдичу отъ 24 марта 1821 г.), — впечатлѣніе, произведенное на него кавказскою природой, было очень сильно и глубоко. „Жалѣю, мой другъ“, писалъ онъ брату вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Кишиневъ (24 сентября 1820 г.), — что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали на ясной зарѣ кажутся странными облаками, разноцвѣтными и неподвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бештау, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной“. Рядомъ съ этими картинами, столь необычайными для жителя нашей сѣверной равнины, воображеніе поэта рисовало оригинальные типы горцевъ, также видѣнные имъ только издали, — картины ихъ первобытной жизни, отъ которой вѣяло дикой свободой и удалью.

„Кавказъ, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ“, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ къ брату: „Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ... Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы, любовался нашими казаками. Вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться... Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію“...

Подъ вліяніемъ тѣхъ же первыхъ впечатлѣній Кавказа поэтъ наскоро занесъ въ свою записную книжку (находится теперь въ Публичной библіотекѣ), карандашемъ и со множествомъ поправокъ, нѣсколько стихотворныхъ строкъ:

Я видѣлъ Азіи безплодные предѣлы,
Кавказа дальній край:.. обгорѣлы,
Жилище дикое черкесскихъ табуновъ,
Я видѣлъ Машука и Эльбруса вершины,
Обвитыя вѣнцомъ летучихъ облаковъ.
И закубанскія равнины...
Ужасный край чудесъ! Тамъ жаркіе ручьи
Кипятъ въ утесахъ раскаленныхъ,
Тамъ изливаются цѣлебныя струи,
Надежда вѣрная страдальцевъ изнуренныхъ...

Написанный одновременно эпилогъ къ „Руслану и Людмилѣ“, представляющій по своему содержанію много общаго съ посвященіемъ „Кавказскаго Плѣнника“, отражаетъ въ себѣ тѣ же впечатлѣнія:

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой...

По цѣлымъ часамъ сидѣлъ поэтъ съ другомъ своимъ Ал. Раевскимъ на берегу Подкумка, созерцая красоты горнаго ландшафта и бесѣдуя о Кавказѣ. Нахлынувшія на него новыя впечатлѣнія представляли рѣзкую противоположность съ тѣми, какія онъ переживалъ въ Петербургѣ, и съ тѣми горькими думами, которыя сопровождали его въ изгнаніе. Тамъ, далеко позади, остались и „минутной младости минутные друзья", съ ихъ самодовольнымъ, эгоистическимъ легкомысліемъ, „красы Лаисъ, завѣтные пиры и клики радости безумной", а вмѣстѣ съ ними — и „презрѣнная суета", и „двуязычная непріязнь" съ „простодушной клеветою"... Ему стало казаться, что его душа уже замерла для наслажденій тою жизнью, которая еще недавно представлялась въ такомъ розовомъ привлекательномъ освѣщеніи и отъ которой теперь оставался только противный осадокъ:

Свою печать утратилъ рѣзвый нравъ,
Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ,
Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ кавказскихъ каменѣетъ.
... рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
И легкокрылая мнѣ измѣнила радость,
И сердце хладное страданью предала...

Въ преддверіи величественной и дикой горной страны, окруженной романтическимъ ореоломъ и населенной дикимъ, но вольнолюбивымъ и смѣлымъ народомъ, лицомъ къ лицу съ этой могучей природой, поражающей воображеніе, точно такъ же, какъ и позже, при переѣздѣ изъ „Азіи въ Европу", на кораблѣ, среди „свободной стихіи", поэтъ представлялъ себя добровольнымъ „отступникомъ свѣта" и „другомъ природы", отъ которой онъ, „искатель новыхъ впечатлѣній", ждалъ успокоенія и обновленія.

Таково было то настроеніе, при которомъ сложился первоначальный замыселъ „Кавказскій Плѣнникъ". *Морозовъ.*

Природа и люди въ „Кавказскомъ плѣнникѣ".

Происшествіе въ разсматриваемомъ нами сочиненіи самое простое, но вмѣстѣ самое поэтическое. Одинъ русскій взятъ въ плѣнъ черкесами. Сдѣлавшись рабомъ ихъ, закованный въ желѣзо, онъ осужденъ смотрѣть за стадами. Состраданіе рождаетъ любовь къ нему въ молодой черкешенкѣ. Она своимъ нѣжнымъ участіемъ силится облегчить тяжелое бремя его рабства. Плѣнникъ, преслѣдуемый пер-

вою несчастною любовью, которую узналъ онъ еще въ своемъ отечествѣ, равнодушно принимаетъ ласки сострадательной своей утѣшительницы. Все его вниманіе устремлено на любопытный образъ жизни дикихъ своихъ властителей. (Здѣсь оканчивается первая часть повѣсти.) Подруга плѣнника, увлекаемая своею страстью и мучимая его холодною задумчивостью, силится пробудить въ немъ любовь всѣми ласками чистосердечной своей привязанности. Тронутый ея положеніемъ, онъ открываетъ свою тайну, что сердце его отдано другой. Взаимная горесть ихъ разлучаетъ на нѣсколько времени. Между тѣмъ внезапная тревога уводитъ въ одинъ день всѣхъ черкесовъ изъ селенія къ хищническому ихъ набѣгу. Оставленный плѣнникъ видитъ передъ собою нѣжную свою черкешенку. Она побѣждаетъ свою пламенную любовь, распиливаетъ оковы плѣнника и открываетъ ему путь въ отечество. Русскій, переплывъ Кубань, обращается съ берега, чтобы еще разъ взглянуть на великодушную свою избавительницу, но исчезающій кругъ плеснувшихся водъ сказываетъ ему, что ея уже нѣтъ на свѣтѣ. Симъ оканчивается повѣсть. Изъ этого содержанія видно, что происшествіе въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ можно бы сдѣлать и разнообразнѣе и даже полнѣе. По обыкновенному понятію о подробныхъ происшествіяхъ, надобно сказать, что ходъ страсти, которая бываетъ изобрѣтательна и неутомима, слишкомъ здѣсь коротокъ. Еще болѣе остается неполнымъ разсказъ о плѣнникѣ. Его участь нѣсколько загадочна.

Мѣстныя описанія въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ рѣшительно можно назвать совершенствомъ поэзіи. Повѣствованіе можетъ лучше обдумать стихотворецъ и съ меньшими дарованіями противъ Пушкина; но его описанія Кавказскаго края навсегда останутся первыми, единственными. На нихъ остался удивительный отпечатокъ видимой истины, понятной, такъ сказать, осязаемости мѣстъ, людей, ихъ жизни и ихъ занятій, чѣмъ мы не слишкомъ богаты въ нашей поэзіи. Мы часто видимъ усилія людей, которые описываютъ, не въ состояніи будучи сами дать себѣ отчета въ мѣстности, потому что они знакомы съ нею по одному воображенію. Описанія въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ превосходны не только по совершенству стиховъ, но потому особенно, что подобныхъ имъ нельзя составить, не видавъ собственными глазами картинъ природы. Сверхъ того, сколько смѣлости въ начертаніи оныхъ, сколько искусства въ отдѣлкѣ! Краски и тѣни, т.-е. слова и разстановка ихъ, перемѣняются, смотря по различію предметовъ. Стихотворецъ то отваженъ, то гибокъ, подобно разнообразной природѣ этого дикаго азіатскаго края. Чтобы читателямъ понятнѣе сдѣлались наши наблюденія, мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя мѣстныя описанія.

Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ!
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ.
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ

Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Елень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на домы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые —
А плѣнникъ, съ горной вышины.
Одинъ за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

Пусть любопытные сравнятъ эту грозную и вмѣстѣ плѣнительную картину, въ которой каждый стихъ блеститъ новою, приличною ему, краскою, съ описаніемъ окрестностей Бониваровой темницы, которое сдѣлалъ Байронъ въ своемъ „Шильонскомъ узникѣ"; тогда легко можно будетъ судить, какъ счастливо, въ одинакихъ обстоятельствахъ, побѣждаетъ нашъ поэтъ англійскаго. Байронова картина, поставленная подлѣ этой, покажется легкимъ, слабымъ очертаніемъ, кинутымъ съ самаго общаго взгляда.

Мы пропускаемъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" другое описаніе, гдѣ изображено вѣрною и быстрою кистью искусство черкесовъ, съ какимъ они производятъ опытъ отважныхъ своихъ набѣговъ. Даръ поэзіи и сила воображенія могли бы еще навести стихотворца къ составленію хотя подобной картины, если бы онъ и не былъ самъ въ тѣхъ мѣстахъ. Но не можемъ не привести описанія любимой между черкесами воинской хитрости, которой никакъ не поймать воображеніемъ, если бы стихотворецъ самъ не былъ въ краю, имъ описываемомъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые:
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ,
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ орудіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы,
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ и тихій Донъ
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана.
Взвилась — и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.

Загадочное начало описанія, подобно тайному предпріятію черкеса, манитъ читателя къ развязкѣ и поддерживаетъ до конца всю занимательность, которая соединена съ любопытствомъ. Но развязка, какъ внезапная смерть казака, мгновенна. Всѣ эти мѣстныя частности, схваченныя съ природы, придаютъ поэзіи неизъяснимую и прочную красоту. Величайшіе стихотворцы, особенно древніе, преимущественно

держались этого правила — и потому ихъ картины ничего не имѣютъ однообразнаго и утомительнаго. Мы могли бы привести еще множество примѣровъ для доказательства главнаго нашего мнѣнія, что „Кавказскій плѣнникъ“ по своимъ мѣстнымъ описаніямъ есть совершеннѣйшее произведеніе нашей поэзіи.

Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ (какъ можно уже было видѣть изъ содержанія) два только характера: черкешенки и русскаго плѣнника. Намъ пріятнѣе сначала говорить о характерѣ первой, потому что онъ обдуманнѣе и совершеннѣе, нежели характеръ второго. Все, что могутъ только представить воображенію поэта нѣжная сострадательность, трогательное простодушіе и первая, невинная любовь, — все изображено въ характерѣ черкешенки. Она, повидимому, такъ открыто и живо явилась поэту, что ему стоило только, глядя на нее, рисовать ея портретъ.

Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся русскій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ черкешенка младая.
На дѣву молча смотритъ онъ,
И мыслитъ: это лживый сонъ
Усталыхъ чувствъ игра пустая...
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной,
Колѣни преклонивъ она
Къ его устамъ кумысъ прохладный
Подноситъ тихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный,
Онъ ловитъ жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ...
Но взоръ умильный, жаръ ланитъ,
Но голосъ нѣжный говоритъ:
Живи — и плѣнникъ оживаетъ!
И онъ собралъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорный,
Привсталъ и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но все къ черкешенкѣ младой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она задумчиво сидѣла,
Какъ бы участіемъ нѣмымъ
Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались;
Она вздыхала и не разъ
Слезами очи наполнялись.

Чтобы живѣе представить всю трогательную прелесть появленія черкешенки, надобно знать, что плѣнникъ находился въ это время въ ужасномъ положеніи: привлеченный въ селеніе на арканѣ, обезображенный ужасными язвами и закованный въ цѣпи, онъ жадно ждалъ своей смерти — и вмѣсто нея, въ видѣ богини здравія, приходитъ къ нему его избавительница.

За днями дни пошли, какъ тѣнь,
Въ горахъ, окованный, у стада
Проводитъ плѣнникъ каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрываетъ въ лѣтній зной.
Когда же рогъ луны сребристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тѣнистой,
Приноситъ плѣннику вино,
Кумысъ, и ульевъ сотъ душистый,
И бѣлоснѣжное пшено;
Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ,
На немъ покоитъ нѣжный взоръ,
Съ неясной рѣчью сливаетъ
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нетерпѣливой
Передаетъ языкъ чужой.

Мы не останавливаемся на красотѣ каждаго стиха порознь. Такой разборъ заставилъ бы насъ утомить читателей однообразными восклицаніями. Намъ хочется только дать ясное понятіе объ этомъ характерѣ, который, навсегда останется у насъ мастерскимъ произведеніемъ, и потому мы принуждены выбирать мѣста, гдѣ поэтъ умѣлъ раскрыть всю душу своей героини. Послушаемъ, какъ она силится въ уныломъ плѣнникѣ пробудить чувство любви, которая побѣдила ея сердце.

...Плѣнникъ милый
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главой ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я въ пустынѣ
Съ тобою, царь души моей!
Люби меня; никто до нынѣ
Не цѣловалъ моихъ очей;
Къ моей постелѣ одинокой
Черкесъ младой и черноокій
Не крался въ тишинѣ ночной;
Слыву я дѣвою жестокой
Неумолимой красотой.
Я знаю жребій мнѣ готовый:
Меня отецъ и братъ суровый
Немилому продать хотятъ
Въ чужой аулъ цѣною злата:
Но умолю отца и брата.
Не то — найду кинжалъ иль ядъ!...
Непостижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милый,
Душа тобой упоена...

Можетъ ли страсть говорить убѣдительнѣе? Это мѣсто приводитъ намъ на память нѣжную Моину, съ такимъ же простосердечіемъ изображающую любовь свою къ Фингалу. Но въ частной отдѣлкѣ нѣтъ ничего общаго между Озеровымъ и Пушкинымъ, потому что лица, ими описываемыя, взяты изъ разныхъ климатовъ и находились въ разныхъ положеніяхъ. Надобно замѣтить, съ какимъ искусствомъ воспользовался Пушкинъ пламеннымъ и частію неистовымъ характеромъ дикихъ горцевъ, который долженъ виденъ быть и въ самой невинной черкешенкѣ! Она, при одной мысли о невольномъ замужествѣ, рѣшительно произноситъ: *найду кинжалъ иль ядъ*. Послѣ столь нѣжнаго изъявленія любви своей, она слышитъ отъ него ужасный себѣ приговоръ: плѣнникъ уже не властенъ надъ своимъ сердцемъ. Какой быстрый и сильный долженъ послѣдовать переходъ въ ея душѣ отъ надежды къ отчаянію:

Раскрывъ уста, безъ слезъ страдая,
Сидѣла дѣва молодая.
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ.
Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука,
И, наконецъ, любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася:
„Ахъ, русскій, русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Не долго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала,
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придутъ ли вновь когда-нибудь?
Ужель навѣкъ погибла радость?
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя бъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной
Я услаждала бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла бъ минуты сна,
Покой тоскующаго друга;
Ты не хотѣлъ...

Стихотворецъ ничего не опустилъ, чтобы довершить изображеніе этого простодушнаго и нѣжнаго характера. Приведенное нами мѣсто можно назвать образцомъ искусства, какъ привлекать участіе читателей къ дѣйствующимъ въ поэмѣ лицамъ.

Между тѣмъ мы не находимъ такой опредѣленности въ характерѣ плѣнника. Кажется, что это недоконченное лицо. Есть мѣста, которыя возбуждаютъ и къ нему живое участіе:

Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно:
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю,
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю,
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ,
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

Или — гдѣ еще яснѣе сказано:

Не плачь, и я гонимъ судьбою
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной,
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымный,
Забытый средь пустыхъ долинъ,
Умру вдали бреговъ желанныхъ,
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная цѣпь...

Прочитавъ эти стихи, каждый составилъ бы ясное понятіе о характерѣ человѣка, преданнаго нѣжной любви къ милому предмету, отвергшему его роковую страсть. Въ этомъ одномъ видѣ плѣнникъ составлялъ бы самое занимательное лицо въ поэмѣ. Но въ другихъ мѣстахъ къ изображенію плѣнника примѣшаны постороннія и затемняющія его характеръ черты. Напримѣръ, сочинитель говоритъ, что плѣнникъ лишился отечества.

...гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ, безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.
. . . .
. . . .
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви безумный сонъ!
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы, —
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

По этому описанію воображеніе то представляетъ человѣка, утомленнаго удовольствіями любви, то возненавидѣвшаго порочный свѣтъ и радостно оставляющаго родину, чтобы сыскать лучшій край. На первую мысль сочинитель попадаетъ и въ другомъ мѣстѣ:

Забудь меня; твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою,
Безцѣнныхъ дней не трать со мною,
Другого юношу зови.
. . . .
. . . .
Безъ упованья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей.

Столь неясныя слова въ устахъ человѣка, пламенно любимаго, рождаетъ о немъ странныя мысли. Ему бы легче и благороднѣе было отказаться отъ новой любви постоянною своею привязанностью, хотя первая любовь его и отвергнута: тѣмъ вѣрнѣе онъ заслужилъ бы сострадание и уважение черкешенки. Между тѣмъ, слова: *твоихъ восторговъ я не стою*, или: *безъ желаній я вяну жертвою страстей* — охлаждаютъ всякое къ нему участіе. Несчастный любовникъ могъ бы сказать ей: „мое сердце чуждо новой любви"; но кто имѣетъ причину признаться, что онъ *не стоитъ восторговъ* невинности, тотъ разрушаетъ всякое очарованіе на счетъ своей нравственности. Вотъ что заставляетъ сказать насъ, что характеръ русскаго въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" не совсѣмъ обдуманъ и, слѣдовательно, не совсѣмъ удаченъ.

Плетневъ.

„Кавказскій плѣнникъ" былъ принятъ публикой еще съ большимъ восторгомъ, чѣмъ „Русланъ и Людмила", и, надо сказать, эта маленькая поэма вполнѣ достойна была того пріема, которымъ ее встрѣтили. Въ ней Пушкинъ явился вполнѣ самимъ собой и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ представителемъ своей эпохи: „Кавказскій плѣнникъ" насквозь проникнутъ ея паѳосомъ. Впрочемъ, паѳосъ этой поэмы — двойственный: поэтъ былъ явно увлеченъ двумя предметами — поэтической жизнью дикихъ и вольныхъ горцевъ, и потомъ — элегическимъ идеаломъ души, разочарованной жизнью. Изображеніе того и другого слилось у него въ одну роскошно-поэтическую картину. Грандіозный образъ Кавказа съ его воинственными жителями въ первый разъ былъ воспроизведенъ русской поэзіей, — и только въ поэмѣ Пушкина въ первый разъ русское общество познакомилось съ Кавказомъ, давно уже знакомымъ Россіи по оружію. Мы говоримъ „въ первый разъ": ибо какихъ-нибудь двухъ строфъ, довольно прозаическихъ, посвященныхъ Державинымъ изображенію Кавказа, и отрывка изъ посланія Жуковскаго къ Воейкову, посвященнаго тоже довольно прозаическому описанію (въ стихахъ) Кавказа, слишкомъ недостаточно для того, чтобъ получить какое-нибудь, хотя сколько-нибудь приблизительное, понятіе объ этой поэтической сторонѣ. Мы вѣримъ, что Пушкинъ съ добрымъ намѣреніемъ выписалъ въ примѣчаніяхъ къ своей поэмѣ стихи Державина и Жуковскаго, и съ полной искренностью, отъ чистаго сердца, хвалитъ ихъ; но тѣмъ не менѣе онъ оказалъ имъ черезъ это слишкомъ плохую услугу: ибо, послѣ его исполненныхъ творческой жизни картинъ Кавказа, никто не повѣритъ, чтобъ въ тѣхъ выпискахъ шло дѣло о томъ же предметѣ... Мы не будемъ выписывать изъ поэмы Пушкина картинъ Кавказа и горцевъ: кто не знаетъ ихъ наизусть? Скажемъ только, что, несмотря на всю незрѣлость таланта, которая такъ часто проглядываетъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ", несмотря на слишкомъ юношеское одушевленіе зрѣлищъ горъ и жизнью ихъ обитателей, — многія картины Кавказа въ этой поэмѣ и теперь еще не потеряли своей поэтической цѣнности. Принимаясь за „Кав-

казскаго плѣнника“ съ гордымъ намѣреніемъ слегка перелистывать его, вы незамѣтно увлекаетесь имъ, перечитываете его до конца и говорите: „все это юно, незрѣло, и однакожъ, такъ хорошо!“ Какое же дѣйствіе должны были произвести на русскую публику эти живыя, яркія, великолѣпно-роскошныя картины Кавказа при первомъ появленіи въ свѣтъ поэмы! Съ тѣхъ поръ, съ легкой руки Пушкина, Кавказъ сдѣлался для русскихъ завѣтной страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзіи, старой кипучей жизни и смѣлыхъ мечтаній! Муза Пушкина какъ бы освятила давно уже на дѣлѣ существовавшее родство Россіи съ этимъ краемъ, купленныхъ драгоцѣнной кровью сыновъ ея и подвигами ея героевъ. И Кавказъ — эта колыбель поэзіи Пушкина — сдѣлался потомъ и колыбелью поэзіи Лермонтова...

Какъ истинный поэтъ, Пушкинъ не могъ описаній Кавказа вмѣстить въ свою поэму, какъ эпизодъ, кстати: это было бы слишкомъ дидактически, а слѣдовательно, и прозаически, и потому онъ тѣсно связалъ свои живыя картины Кавказа съ дѣйствіемъ поэмы. Онъ рисуетъ ихъ не отъ себя, но передаетъ ихъ, какъ впечатлѣнія и наблюденія плѣнника — героя поэмы, и оттого онѣ дышатъ особенной жизнью, какъ-будто самъ читатель видитъ ихъ собственными глазами на самомъ мѣстѣ. Кто былъ на Кавказѣ, тотъ не могъ не удивляться вѣрности картинъ Пушкина.

Описаніе дикой воли, разбойническаго героизма и домашней жизни горцевъ — дышатъ чертами ярко вѣрными. Но черкешенка, связывающая собой обѣ половины поэмы, есть лицо совершенно идеальное и только внѣшнимъ образомъ вѣрное дѣйствительности. Въ изображеніи черкешенки особенно выказалась вся незрѣлость, вся юность таланта Пушкина въ то время. Самое положеніе, въ которое поставилъ поэтъ два главныя лица своей поэмы, черкешенку и плѣнника, — это положеніе, наиболѣе плѣнившее публику, отзывается мелодрамой и можетъ быть по тому самому такъ сильно увлекло самого молодого поэта. Но — такова сила истиннаго таланта! — при всей театральности положенія, на которомъ завязанъ узелъ поэмы, при всей его безцвѣтности въ отношеніи къ дѣйствительности — въ рѣчахъ черкешенки и плѣнника столько сердечности, столько страсти и страданія, что ничѣмъ нельзя оградиться отъ ихъ обязательнаго увлеченія, при самомъ ясномъ сознаніи въ то же время, что на всемъ этомъ лежитъ печать какой-то дѣткости. Съ особенной силой дѣйствуетъ на душу читателя сцена освобожденія плѣнника черкешенкой, и эти стихи —

Пилу дрожащей взялъ рукой.
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой,
Слеза невольная скатилась —
И цѣпь распалась и гремитъ.

Чувство свободы борется въ этой сценѣ съ грустью по судьбѣ черкешенки: вы понимаете, что, исполненный этого чувства свободы, плѣнникъ не могъ не предложить своей освободительницѣ того, въ чемъ

прежде такъ основательно и благородно отказалъ ей; но вы понимаете также, что это только порывъ, и что черкешенка наученная страданіемъ, не могла увлечься этимъ порывомъ. И, несмотря на всю грусть вашу о погибшей красавицѣ, мученическая смерть которой нарисована такъ поэтически, вы чувствуете, что грудь ваша дышитъ свободнѣе по мѣрѣ того, какъ плѣннику въ туманѣ начинаютъ сверкать русскіе штыки, а до его слуха доходятъ оклики сторожевыхъ казаковъ.

Но что же такое этотъ плѣнникъ? — Это вторая половина двойственнаго содержанія и двойственнаго паѳоса поэмы; этому лицу поэма обязана своимъ успѣхомъ не меньше, если не больше, чѣмъ яркимъ краскамъ Кавказа. Плѣнникъ — это „герой того времени". Тогдашніе критики справедливо находили въ этомъ лицѣ и неопредѣленность и противорѣчивость съ самимъ собой, которыя дѣлали его какъ бы безличнымъ; но они не поняли, что черезъ это-то именно характеръ плѣнника и возбудилъ собой такой восторгъ въ публикѣ. Молодые люди особенно были восхищены имъ, потому что каждый видѣлъ въ немъ болѣе или менѣе свое собственное отраженіе. Это тоска юношей по своей утраченной юности, это разочарованіе, которому не предшествовали никакія очарованія, эта апатія души во время ея сильнѣйшей дѣятельности, это кипѣніе крови при душевномъ холодѣ, это чувство пресыщенія, послѣдовавшее не за роскошнымъ пиромъ жизни, а смѣнившее собой голодъ и жажду, эта жажда дѣятельности, проявляющаяся въ совершенномъ бездѣйствіи и апатической лѣни, словомъ, эта старость прежде юности, эта дряхлость прежде силы, все это — черты „героевъ нашего времени" со временъ Пушкина. Но не Пушкинъ родилъ или выдумалъ ихъ: онъ только первый указалъ на нихъ, потому что они уже начали показываться еще до него, а при немъ ихъ было уже много. Они не случайное, но необходимое, хотя и печальное явленіе. Почва этихъ жалкихъ пустоцвѣтовъ не поэзія Пушкина или чья бы то ни было, но общество. Это оттого, что общество живетъ и развивается какъ всякій индивидуумъ: у него есть свои эпохи младенчества, отрочества, юношества, возмужалости, а иногда и старости. Поэзія русская до Пушкина была отголоскомъ, выраженіемъ младенчества русскаго общества. И потому это была поэзія до наивности невинная: она гремѣла одами на иллюминаціи, писала нѣжные стишки къ милымъ и была совершенно счастлива этими идиллическими занятіями. Дѣйствительностью ея была мечта, а потому ея дѣйствительность была самая аркадская, въ которой невинное блеяніе барашковъ, воркованіе голубковъ, поцѣлуи пастушковъ и сладкія слезы чувствительныхъ душъ прерывались только не менѣе невинными возгласами „пою" и „о ты, священна добродѣтель!" и т. п. Даже романтизмъ того времени былъ такъ наивно невиненъ, что искалъ эффектовъ на кладбищахъ и пересказывалъ съ восторгомъ старыя бабьи сказки о мертвецахъ, оборотняхъ, вѣдьмахъ, колдуньяхъ, о дѣвѣ, за ропотъ на судьбу заживо увезенной мертвымъ женихомъ

въ могилу, и тому подобные невинные пустяки. Въ трагедіи тогдашняя поэзія очень пристойно выплясывала чинный менуэтъ, дѣлая изъ Донского какого-то крикуна въ римской тогѣ. Въ комедіи она преслѣдовала именно тѣ пороки и недостатки общества, которыхъ въ обществѣ не было; и не дотрогивалась именно до тѣхъ, которыми оно было полно — такъ что комедіи Фонвизина являются въ этомъ отношеніи какими-то исключеніями изъ общаго правила. Въ сатирѣ тогдашняя поэзія нападала болѣе на пороки древне греческаго и римскаго, или старо французскаго общества, чѣмъ русскаго. Невинность была всесовершеннѣйшая, а оттого, разумѣется, эта поэзія и была нравственной въ высшей степени. Общество пило, ѣло, веселилось. По разсказамъ нашихъ стариковъ, тогда не по-нынѣшнему умѣли веселиться, и передъ неутомимыми плясунами тогдашняго времени самые задорные нынѣшніе танцоры — просто старики, которые похороннымъ маршемъ выступаютъ тамъ, гдѣ бы надо было вывертывать ногами и выстукивать каблуками такъ, чтобы полъ трещалъ и окна дрожали. Быть безусловно счастливымъ — это привилегія младенчества. Младенецъ играетъ жизнью — плещется въ ея свѣтлой волнѣ и безотчетно любуется брызгами, которые производятъ его рѣзвыя движенія; онъ всѣмъ восхищается, все находитъ лучшимъ, нежели оно есть на самомъ дѣлѣ, — и если ему скоро надоѣдаетъ одна игрушка, то такъ же скоро плѣняетъ его другая. Не таковъ уже возрастъ отрочества — переходъ отъ дѣтства къ юношеству. Правда, и тутъ человѣкъ все еще играетъ въ игрушки, но уже не тѣ игрушки; мѣняя ихъ одну па другую, онъ уже сравниваетъ ихъ съ своимъ идеаломъ, и ему грустно, когда онъ не находитъ осуществленія своего неопредѣленнаго желанія, въ которомъ самъ себѣ не можетъ дать отчета. Лишеніе игрушки — для него горе, ибо оно есть уже утрата надежды, потеря сердца. Съ юношествомъ эта жизнь сердца и ума вспыхиваетъ полнымъ пламенемъ, и страсти вступаютъ въ борьбу съ сомнѣніемъ. Тутъ много радостей, но столько же, если не больше, и горя: ибо полное счастье только въ непосредственности бытія; отрочество есть начало пробужденія, а юность — полное пробужденіе сознанія, корень котораго всегда горекъ; сладкіе же плоды его — для будущихъ поколѣній, какъ богатое и выстраданное наслѣдіе отъ предковъ потомкамъ...

„Кавказскій плѣнникъ“ Пушкина засталъ общество въ періодѣ его отрочества и почти на переходѣ изъ отрочества въ юношество. Главное лицо его поэмы было полнымъ выраженіемъ этого состоянія общества. И Пушкинъ былъ самъ этимъ плѣнникомъ, но только на ту пору, пока писалъ его. Осуществить въ творческомъ произведеніи идеалъ, мучившій поэта, какъ его собственный недугъ, — для поэта значитъ навсегда освободиться отъ него. Это же лицо является и въ слѣдующихъ поэмахъ Пушкина, но уже не такимъ, какъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“: слѣдя за нимъ, вы безпрестанно застаете его въ новомъ моментѣ развитія, и видите, что онъ движется, идетъ впередъ, дѣлается сознательнѣе, а потому и интереснѣе для васъ.

Тѣмъ-то Пушкинъ, какъ великій поэтъ, и отличался отъ толпы своихъ подражателей, что, не измѣняя сущности своего направленія, всегда крѣпко держась дѣйствительности, которой былъ органомъ, всегда говорилъ новое, между тѣмъ какъ его подражатели и теперь еще хриплыми голосами допѣваютъ свои старыя и всѣмъ надоѣвшія пѣсни. Въ этомъ отношеніи „Кавказскій плѣнникъ" есть поэма историческая. Читая ее, вы чувствуете, что она могла быть написана только въ извѣстное время, и подъ этимъ условіемъ она всегда будетъ казаться прекрасной. Если бы въ наше время даровитый поэтъ написалъ поэму въ духѣ и тонѣ „Кавказскаго плѣнника", — она была бы безусловно ничтожнѣйшимъ произведеніемъ, хотя бы въ художественномъ отношеніи и далеко превосходила Пушкинскаго „Кавказскаго плѣнника", который въ сравненіи съ ней все бы остался такъ же хорошъ, какъ и безъ нея.

Лучшая критика, какая когда-либо была написана на „Кавказскаго плѣнника", принадлежитъ самому же Пушкину. Въ статьѣ его „Путешествіе въ Арзерумъ" находятся слѣдующія слова, написанныя имъ черезъ семь лѣтъ послѣ изданія „Кавказскаго плѣнника": „Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ „Кавказскаго плѣнника" и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено вѣрно". Не знаемъ, къ какому времени относится слѣдующее сужденіе Пушкина, о „Кавказскомъ плѣнникѣ", но оно очень интересно, какъ фактъ, доказывающій, какъ смѣло умѣлъ Пушкинъ смотрѣть на свои произведенія: „Кавказскій плѣнникъ" — первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что̀ я написалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но зато Н. и А. Р., и я — мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись". Слова: „характеръ, съ которымъ я насилу сладилъ", особенно замѣчательны: они показываютъ, что поэтъ силился изобразить внѣ себя (объективировать) настоящее состояніе своего духа, и по тому самому не могъ вполнѣ этого сдѣлать.

Въ художественномъ отношеніи „Кавказскій плѣнникъ" принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній Пушкина, въ которыхъ онъ являлся еще ученикомъ, а не мастеромъ поэзіи. Стихи прекрасны, исполнены жизни, движенія, много поэзіи, но еще нѣтъ художества. Содержаніе всегда бываетъ соотвѣтственно формѣ, и наоборотъ; недостатки одного тѣсно связаны съ недостатками другой, и наоборотъ. Въ отдѣлкѣ стиховъ „Кавказскаго плѣнника" замѣтно еще, хотя и меньше, чѣмъ въ „Русланѣ и Людмилѣ", вліяніе старой школы. Встрѣчаются неточныя выраженія, какъ, напримѣръ, въ стихѣ: „Удары шашекъ ихъ *жестокихъ*", или „Гдѣ *обнялъ* грозное страданье"; попадаются слова: *глава, младой, власы*. Вступленіе нѣсколько тяжеловато, какъ и въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ"; но слабыхъ стиховъ вообще мало, а оборотовъ прозаическихъ почти совсѣмъ нѣтъ; поэзія выраженія почти вездѣ необыкновенно богата. Какъ фактъ для сравненія

поэзіи Пушкина вообще съ предшествовавшей ему поэзіей, укажемъ на то, какъ поэтически выражено въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" самое прозаическое понятіе, какъ черкешенка учила плѣнника языку ея родины:

Съ неясной рѣчію сливаетъ
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нетерпѣливой
Передаетъ языкъ чужой.

Нѣкоторыя выраженія исполнены мысли, и многія мѣста отличаются поразительной вѣрностью дѣйствительности времени, котораго пѣвцомъ и выразителемъ былъ поэтъ. Примѣръ того и другого представляютъ эти прекрасные стихи:

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
Узналъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви — безумный сонъ!
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Въ этихъ немногихъ стихахъ слишкомъ много сказано. Это *краткая*, но рѣзко-характеристическая картина пробудившагося сознанія общества въ лицѣ одного изъ его представителей. Проснулось сознаніе, — и все, что люди почитаютъ хорошимъ по привычкѣ, тяжело пало на душу человѣка, и онъ въ явной враждѣ съ окружающей его дѣйствительностью, въ борьбѣ съ самимъ собой; недовольный ничѣмъ, во всемъ видя призраки, онъ летитъ вдаль за новымъ призракомъ, за новымъ разочарованіемъ... Сколько мысли въ выраженіи: „быть жертвой простодушной клеветы?" Вѣдь клевета не всегда бываетъ дѣйствіемъ злобы: чаще всего она бываетъ плодомъ невиннаго желанія разсѣяться занимательнымъ разговоромъ, а иногда плодомъ доброжелательства и участія столь же искренняго, сколько и неловкаго. И все это поэтъ умѣлъ выразить однимъ смѣлымъ эпитетомъ! Такихъ эпитетовъ у Пушкина много, и только у него одного впервые начали являться такіе эпитеты! *Бѣлинскій.*

„Кавказскій плѣнникъ", какъ отпечатокъ индивидуальныхъ душевныхъ состояній самого поэта.

Свою скорбь и тоску, никогда не доходившія до полнаго бѣгства отъ людей, ненависти, пессимизма и безнадежности, Пушкинъ передалъ не только въ лирикѣ, но и въ болѣе или менѣе объективномъ изображеніи, — въ рядѣ поэмъ. Въ нихъ нашъ поэтъ воспроизводилъ романтическую меланхолію съ каждымъ разомъ все отчетливѣе, художественнѣе и ближе къ дѣйствительности.

Герои разочарованія, изображенные въ поэмахъ Пушкина, — лишь отчасти литературные потомки Руссо и Гётевскаго Вертера, Шато-

бріанова Рене и другихъ романическихъ личностей Запада. Въ большей степени они — носители душевныхъ страданій и думъ нашего поэта и его сверстниковъ.

Таковъ прежде всего „Кавказскій плѣнникъ“, герой первой изъ Пушкинскихъ поэмъ разочарованія и скорби. Въ нашей поэзіи это первый крупный представитель бѣгства на западный ладъ изъ цивилизованнаго общества но вмѣстѣ и въ значительной степени самостоятельный образъ. Въ немъ можно узнать, по признанію самого поэта,

Противорѣчіе страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья
И тайный гласъ души

поэта, который

... погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ...
... рано скорбь узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ,
... жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ;
Но, сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ,
... ждалъ безпечно лучшихъ дней,
И счастіе его друзей
... было сладкимъ утѣшеньемъ.

Можно бы подыскать ко многимъ, важнѣйшимъ по выраженію основной мысли, стихамъ „Кавказскаго плѣнника“ соотвѣтственныя мѣста въ предшествовавшей лирикѣ Пушкина, между прочимъ — уже лицейскаго періода[1]), и изъ этого ясно, насколько скорбь, характеризующая плѣнника, была выношена въ душѣ его поэта. Послѣ того внѣшнія сходства съ произведеніями иностранныхъ литературъ, какія можно открыть въ нѣкоторыхъ подробностяхъ повѣствованія и обрисовки героя поэмы, не имѣютъ первостепеннаго значенія для уясненія его генезиса. Внутренній генезисъ данъ уже только что изложенною исторіею кризиса въ душѣ Пушкина, начиная съ послѣдняго года пребыванія его въ Лицеѣ. „Кавказскій плѣнникъ“ — лишь образное выраженіе и закрѣпленіе, сведеніе воедино извѣстныхъ уже намъ и ранѣе душевныхъ переживаній самого поэта: его беззаботной и радостной молодости, затѣмъ бурной жизни, гоненій, страданій и увя-

---

[1]) Сопоставьте характеристику жизни плѣнника до прибытія его на Кавказъ (II, 279) (Цит. по изд. Морозова):

... пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
... первую познаъ онъ радость,
... много милаго любилъ,
... обнялъ грозное страданье,
... бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье.
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ,

съ данными о душевной жизни Пушкина, заключающимися въ его лирикѣ 1816—1820 годовъ, и вы найдете въ послѣдней то же: и раннія ожиданія счастія отъ жизни, и безнадежную любовь, и презрѣніе къ свѣтской суетѣ, и охлажденіе будто бы сердца, ослабленіе интереса даже къ поэзіи (плѣнникъ также „охолодѣлъ къ мечтамъ и лирѣ), и сохраненіе будто лишь любви къ свободѣ и въ то же время тоску по оставленной вдали любимой личности. Поэтъ еще въ 1822 году писалъ въ заключеніи „Бахчисарайскаго фонтана“ (II 337):

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную;
Всѣ думы сердца къ ней летятъ:
Объ ней въ изгнаніи тоскую... и пр.

данія сердца, измученнаго страстями, охлажденія души и сохраненія ею, послѣ всѣхъ этихъ крушеній, еще стремленія къ свободѣ вдали отъ суетного свѣта, на лонѣ природы и простой жизни. Многое изъ этого отличало и Байроновыхъ героевъ, но Пушкинъ, какъ мы видѣли, пережилъ все это самъ, и его плѣнникъ носитъ отпечатокъ индивидуальныхъ душевныхъ состояній самого поэта. И вмѣстѣ съ этимъ плѣнникъ—уже носитель міровой скорби, какъ она сложилась со времени Руссо, правда — еще слишкомъ юный и незрѣлый, какъ и самъ поэтъ въ то время. Уже

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ
И зналъ невѣрной жизни цѣну...
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной *суеты*,
Отступникъ свѣта, другъ природы,

онъ лелѣялъ еще „призракъ священной свободы“:

Свобода! онъ одну тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ...
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ
Одушевленныя тобою;
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Какъ Пушкинъ, думавшій было, что

Беллона, музы и Венера —
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца,

желалъ поступить въ военную службу, такъ и его плѣнникъ отправился на Кавказъ въ надеждѣ достигнуть тамъ истинной свободы, избѣжавъ

Давно презрѣнной суеты
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы [1]).

Очутившись въ плѣну у горцевъ, „отступникъ свѣта, другъ природы“

Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній *вольныхъ* быстроту...
... все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный [2]).

Во всемъ этомъ настроеніи было много юношеской неопытности, и эксцентричное исканіе истинной свободы не увѣнчалось успѣхомъ. Самый герой не облеченъ чарами особой привлекательности и вообще, по справедливому замѣчанію самого поэта, это — „первый неудачный опытъ характера, съ которымъ Пушкинъ насилу сладилъ“. Поэтъ „въ немъ хотѣлъ изобразить то равнодушіе къ жизни и къ ея наслажде-

[1]) Гусары, по словамъ поэта (I, 175).

... живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ и нѣгъ и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука страхъ...

[2]) II, 280. Что до любви къ природѣ, то она у плѣнника отличается уже характеромъ, напоминающимъ Лермонтовскую: такъ (II, 284),

... плѣнникъ съ горной вышины
Одинъ, за тучей громовою
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

ніямъ, эту преждевременную старость души, которая сдѣлалась отличительными чертами молодежи XIX вѣка", представить „молодого человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ несчастіяхъ". Плѣнникъ высказываетъ „бездѣйствіе, равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы", но нельзя не признать, что міровой скорбникъ очерченъ въ немъ еще блѣдно и неполно.

Причудливую форму, подобно какъ въ Шиллеровыхъ „Разбойникахъ", получило исканіе свободы также и въ „Братьяхъ-разбойникахъ" Пушкина. Поэтъ заканчиваетъ эту поэму словами:

... въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день.

Оказывается неудовлетвореннымъ своею жизнью, чуя высшія начала, и герой „Бахчисарайскаго фонтана" (1822 г.), „грозный ханъ" Гирей, „повелитель горделивый", къ „строгому челу" котораго присматривались со вниманіемъ всѣ подчиненные:

Благоговѣя всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его челѣ.

Это „гордая душа" „скучаетъ бранной славой"; „полонъ грусти умъ Гирея"; послѣдній не заглядываетъ и въ роскошную „завѣтную обитель еще недавно милыхъ женъ". Гирей презрѣлъ чудныя красы „звѣзды любви, красы гарема", грузинки Заремы,

И ночи хладные часы
Проводитъ, мрачный, одинокій,
Съ тѣхъ поръ, какъ польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Причина тоски Гирея — особая любовь къ плѣнной княжнѣ Маріи. Онъ чтитъ плѣнницу не какъ другихъ невольницъ, потому что смутно чувствуетъ въ ней то же, что привлекало къ ея образу и самого поэта, — „души неясный идеалъ" [1]), ангельскую, „чистую душу":

Съ какой бы радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
Что̀ дѣлать ей *въ пустынѣ міра?*
Ужъ ей пора, Марію ждутъ,
И въ небеса, на лоно мира
Родной улыбкою зовутъ.

Этотъ-то „нѣжный образъ" и раскрылъ „мрачному, кровожадному" хану обаяніе глубокой внутренней жизни, которой онъ дотолѣ не подозрѣвалъ, и заронилъ въ него зерно новой жизни. Оно не проросло въ немъ, и поэтъ не совсѣмъ удачно передалъ, какъ

... въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный [2]),

---

1) I, 227—227; „Фонтану Бахчисарайскаго дворца". Ср. заключеніе „Бахчисарайскаго фонтана" (II, 336):

Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной...

2) Слѣдующее затѣмъ описаніе:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ, и пр.

вызывало насмѣшки (см. V, 121).

но все-таки „Бахчисарайскій фонтанъ“ совершеннѣе изображаетъ неудовлетворенность обычною жизнью, чѣмъ „Кавказскій плѣнникъ“, передаетъ ее болѣе правдиво и естественно и въ болѣе реальной обстановкѣ. Самая критика „гордой и черствой души“, надлежащая ея оцѣнка дана еще лучше образомъ Маріи, чѣмъ оцѣнка плѣнника — сопоставленіемъ съ любящею его черкешенкой. Поэма о фонтанѣ оправдываетъ слова поэта, что

... сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство.

Въ такомъ воззрѣніи уже какъ бы проскальзывала легкая поправка къ представленію гордыхъ душъ въ ореолѣ особой привлекательности. Пушкинъ уже привносилъ въ изображеніе героевъ разочарованія данныя русской дѣятельности и личнаго опыта и наблюденія и начиналъ освѣщать при помощи своего нравственнаго чутья лучше всѣхъ своихъ западно-европейскихъ предшественниковъ въ изображеніи этого типа всѣ слабыя стороны послѣдняго, эгоизмъ (въ плѣнникѣ, Гиреѣ и Алеко), любовь къ праздности и лѣнь (въ Алеко), отсутствіе твердыхъ положительныхъ началъ (въ Онѣгинѣ) и т. п.

Дашкевичъ.

Отраженіе психическихъ состояній поэта въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“.

Гораздо больше матеріала для опредѣленія тогдашняго душевнаго настроенія Пушкина даютъ поэмы „Братья-Разбойники“ и „Кавказскій плѣнникъ“, чѣмъ „Бахчисарайскій фонтанъ“. Въ „Разбойникахъ“ надо отличать двѣ тенденціи, не безъ умысла одинаково освѣщенныя авторомъ. Одна тенденція — чисто моральная: осужденіе, высказанное разбою, и частыя упоминанія о совѣсти, которая въ концѣ концовъ должна восторжествовать надъ порокомъ. Но мы очень ошибемся, если подумаемъ, что именно для этой морали поэма написана. Она съ нескрываемой симпатіей относится къ преступнику, — не за темныя его дѣла, конечно, которыхъ она совсѣмъ не оправдываетъ, а за то настроеніе бунта и протеста, какимъ живетъ преступникъ, за его отказъ примириться съ своей судьбой, за любовь къ волѣ, за укоренившееся въ немъ сознаніе силы своей личности. Это все мотивы, которые въ романтической душѣ будили большую симпатію и на Западѣ создали цѣлый циклъ художественныхъ поэмъ. Пушкинъ не хотѣлъ подражать этимъ поэмамъ и потому взялъ сюжетъ изъ бытовой русской жизни и справился съ этой бытовой стороной очень удачно. Но весь смыслъ поэмы все-таки въ субъективномъ ея настроеніи, въ этой вскипѣвшей тревогѣ души, въ этомъ чувствѣ протеста, которое толкаетъ человѣка на преступленіе. Но характерно, что такой романтическій подъемъ души нашъ авторъ стремится тотчасъ же охладить своей моралью. Иначе не могъ поступить человѣкъ его времени — сентименталистъ въ душѣ и въ основѣ своего темперамента жизне-

радостный и благодушный. Въ обществѣ разбойника такому человѣку было неловко, но должно признаться, что и въ обществѣ человѣка гораздо болѣе смирнаго, никакимъ преступленіемъ не отягощеннаго, но по натурѣ своей тревожнаго и мрачнаго, поэтъ также чувствовалъ себя несвободно.

Такъ случилось съ Пушкинымъ, когда онъ писалъ своего „Кавказскаго плѣнника" (1821). Авторъ съ задачей не справился, и поэма вышла неудачна. Это сознавали читатели, да и самъ поэтъ не протестовалъ и признавался, что недоволенъ своей поэмой. Однако несовершенство поэмы надо признать съ большими оговорками. Описанія природы были превосходны, мѣстный колоритъ былъ переданъ правильно, черкесская пѣсня была совершенствомъ, неясенъ вышелъ только типъ самого плѣнника, но онъ и долженъ былъ выйти неяснымъ, потому что художникъ хотѣлъ въ конкретномъ образѣ выразить тѣ чувства, которыя еще совершенно не сформировались въ его душѣ и тревожили ее очень неяснымъ волненіемъ. Плѣнникъ долженъ былъ говорить за Пушкина, за поэта, который впервые ощущалъ наплывъ тревожныхъ думъ и чувствъ, въ которыхъ не разобрался, въ которыхъ и не могъ разобраться, потому что они органически не вязались со всей его психикой. Романтическое волненіе прошло зыбью по его сердцу, и эта легкая зыбь, перелетная и мѣняющая постоянно свою форму, и должна была въ поэмѣ найти свое отраженіе. Задача была для художника непомѣрно трудная. Когда онъ имѣлъ дѣло съ какимъ-нибудь разбойникомъ, то передъ его глазами былъ хотя условный, но традиціонный и закругленный типъ. Теперь же надлежало ловить неуловимое и создавать типъ, руководясь лишь той тревогой, которой душа была охвачена. Все шло хорошо, пока не пришлось отвѣчать на вопросъ — какая именно тревога сердца заставила русскаго молодого интеллигентнаго человѣка ѣхать на Кавказъ и вступить въ ряды усмирителей и покорителей вольнаго племени? Въ мотивахъ этого поступка и должно было лежать объясненіе тайны сердца самого Пушкина.

Въ Россію дальній путь ведетъ,—
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
Гдѣ первую познал онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ.
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,—
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ,
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.
Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою,
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Но развѣ эти стихи объясняютъ намъ что-нибудь? Въ нихъ авторъ скорѣе стремится отвести наши глаза отъ главнаго вопроса,

давая сразу цѣлую массу условныхъ объясненій, изъ которыхъ, замѣтимъ кстати, ни одно не согласуется съ удостовѣренными фактами жизни самого автора. Въ объясненіи тревоги своей души Пушкинъ не могъ опереться ни на одинъ изъ выставленныхъ мотивовъ. Оставалось прибѣгнуть къ крайнему средству и свалить всю вину на несчастную любовь. Такъ и Пушкинъ и сдѣлалъ:

Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою;
Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
Другого юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнитъ
Моей души печальный хладъ;
Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
Безъ упоенья, безъ желаній,
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасный;
Оставь меня, но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,—
Въ тѣ дни, когда вѣрилъ я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ!
Въ тѣ дни, когда луна, дубравы,
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ!
Но поздно... умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...
Какъ тяжко мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной,
Какъ тяжко мыслить о другой!..
Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно:
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ,
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.
Оставь же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы—
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;
Прости!..

Но свести все къ несчастной любви, не значило ли это упростить тему до крайности и отнять у ней права на сложную, серіозную и идейную мотивировку. А, вѣдь, романтическая тревога имѣла всѣ права разсчитывать на такое серіозное объясненіе. И опять-таки — несчастная любовь: она для Пушкина была невѣдома, и если онъ заговорилъ о ней, то, очевидно, съ авторскаго отчаянія.

Отданный хоть и временно во власть чувства, которое онъ побороть въ себѣ не могъ и также не могъ объяснить себѣ, поэтъ кончилъ тѣмъ, что сталъ враждебно относиться къ этому чувству тревоги, къ этому „романтизму“ души взволнованной и мрачной. Онъ сталъ искать случая отомстить ей за всѣ огорченія, которыя она ему причинила, и, дѣйствительно, налюбовавшись, какъ художникъ, красивыми позами, въ какія носитель этого романтическаго чувства порой становился, онъ совершилъ надъ нимъ публичную казнь въ „Цыганахъ“.

Котляревскій.

Аналогичность минорнаго настроенія поэта, сказавшееся въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ съ направленіемъ европейской поэзіи Байрона и Шатобріана[1]).

„Стихи моего сердца, „тайный голосъ души моей“, „я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія“, всѣ эти выраженія съ достаточной ясностью указываютъ на личную основу „Кавказскаго плѣнника“. Выше мы видѣли, каково было то настроеніе, подъ вліяніемъ котораго была задумана поэма; это же настроеніе отразилось и въ характерѣ ея героя. Пушкинъ въ лицѣ своего плѣнника объективировалъ себя и придалъ своему созданію собственныя чувства и мысли, конечно, въ поэтически-приподнятомъ тонѣ. Разъѣзжая въ предгорьяхъ Кавказа подъ охраною казаковъ и подстрекая свое „мечтательное“ воображеніе „тѣнью опасности“, онъ, конечно, легко могъ представить себѣ, въ чемъ именно могла заключаться эта опасность,—и фантазія нарисовала ему картину плѣна и освобожденія при помощи влюбленной черкешенки. Тѣсная связь основного мотива въ характерѣ плѣнника съ субъективнымъ чувствомъ Пушкина, помимо всего прочаго, еще особенно подчеркивается „элегіей изъ поэмы Кавказъ“.—„Я пережилъ свои желанія“. Эта элегія, какъ видно изъ рукописи Румянцовскаго музея, первоначально составляла часть рѣчи плѣнника, обращенной къ черкешенкѣ, и должна была войти въ текстъ послѣ стиховъ 54—55 II-й части:

Безъ упоенья, безъ желаній,
Я вяну жертвою страстей...

но потомъ Пушкинъ выдѣлилъ ее изъ поэмы и переписалъ особо (22 февраля 1821 г., т.-е. два дня спустя послѣ окончанія поэмы въ первоначальной ея редакціи). „Черты охлажденнаго чувства“ и „старость души“, которую Пушкинъ считалъ одною изъ характерныхъ особенностей современной ему молодежи и внѣшними признаками, которой служили бездѣйствіе и равнодушіе,—эти мотивы нерѣдко попадаются у Пушкина въ началѣ 20-хъ годовъ; достаточно указать, напримѣръ, на черновые наброски 1882 г.: „Ты правъ, мой другъ“, „Красы Лаисъ“, „Пиры, любовницы, друзья...“ и пр. и относящуюся къ одному изъ нихъ замѣтку: „Ко всему была охота, ко всему охладѣлъ; вѣтреный я сталъ безчувств... Теперь кого упрекну?... И это смѣшно. Хочу возобновить дружбу,—какъ мертвецъ не въ силахъ... любовь; труды, не могу...“

Личное уныніе поэта, вызванное житейскими неудачами и разочарованіями, находило аналогичныя настроенія въ современной европейской поэзіи—у Байрона, съ которымъ Пушкинъ впервые познакомился въ эпоху созданія „Кавказскаго плѣнника“, и особенно у Шатобріана, съ произведеніями котораго онъ былъ уже давно и

[1]) См. также объ этомъ въ ст. В. В. Сиповскаго: „Байронъ и Шатобріанъ“.

хорошо знакомъ. На недостаточную яркость характера „Плѣнника", въ смыслѣ „байронизма", указывалъ кн. Вяземскій, предполагавшій, что сдѣланные въ поэмѣ пропуски должны были служить матеріаломъ для болѣе рѣзкихъ очертаній. Но уже Погодинъ, въ одной статьѣ „Московскаго Вѣстника" 1827 г., подмѣтилъ близкое родство „Плѣнника" не съ байроновскими героями, а съ Ренэ Шатобріана — главнымъ дѣйствующимъ лицомъ двухъ романовъ: „Ренэ" и „Атала". Это указаніе, на которое не обратила вниманія наша критика, было подробно обслѣдовано и развито въ недавнее время В. В. Сиповскимъ въ особомъ этюдѣ: „Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ" [1]). Заключенія г. Сиповскаго нельзя не признать весьма значительными. Рядомъ сопоставленій онъ доказываетъ, что „байронизмъ" Пушкина въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" сказался лишь въ немногихъ „наносныхъ" чертахъ, каковы упоминанія о „грозномъ" страданіи, о „бурной" жизни и о гордомъ одинокомъ молчаніи, съ которымъ плѣнникъ „таилъ движенья сердца своего". Но эти черты оказались совсѣмъ не выдержанными и только внесли противорѣчіе въ тотъ образъ, который, несмотря на свою призрачность, былъ довольно близокъ къ автору и подтверждался цѣлою группою его лирическихъ стихотвореній. Такимъ образомъ, „вліянія внутренняго, глубокаго Байрона на Пушкина не имѣлъ во время созданія „Кавказскаго плѣнника"; герой пушкинской поэмы чуждъ гордой семьѣ байроновскихъ героевъ, и нѣсколько чертъ, взятыхъ у нихъ, его совсѣмъ не маскируютъ, такъ какъ съ нимъ органически не сливаются". Къ этимъ словамъ можно еще прибавить, что въ ту пору нашъ поэтъ былъ знакомъ съ Байрономъ еще очень мало и зналъ его больше „по-наслышкѣ". Между тѣмъ, Шатобріанъ былъ его любимымъ писателемъ — и неудивительно, что „Плѣнникъ" оказался гораздо ближе къ „Ренэ", нежели къ соотвѣтствующимъ лицамъ байроновскихъ поэмъ. Ренэ оставилъ родину вслѣдствіе несчастной любви, а также, повидимому, и оттого, что среди цивилизованныхъ людей ему мало мѣста съ его безмѣрнымъ эгоизмомъ (эту черту мы встрѣтимъ въ пушкинскомъ Алеко). Впрочемъ, причины, заставившія его покинуть „родной предѣлъ", имъ самимъ также мало выяснены, какъ и „Кавказскимъ плѣнникомъ". Самая свобода, „веселый призракъ", которой мерещился вдали обоимъ героямъ, также неясна обоимъ. Ренэ бѣжитъ къ дикарямъ Америки, но тоска слѣдуетъ за нимъ по пятамъ; его „охлажденное сердце" недолго наслаждалось радостями бытія вдали отъ суеты мірской; теплая, самоотверженная любовь дикарки не вытѣсняетъ изъ его сердца думъ о той женщинѣ, которую онъ оставилъ на родинѣ... Атала, влюбленная въ „плѣнника" Ренэ, является къ нему ночью и съ тѣхъ поръ постоянно тайкомъ ходитъ къ нему и ведетъ съ нимъ долгія бесѣды о любви. Потомъ она освобождаетъ юнаго плѣнника и умираетъ въ борьбѣ съ своею любовью. Другая героиня Шатобріана, Селюта, отдавшая

[1]) Пушкинъ, жизнь и творчество. С.-Пб. 1907, стран. 477 — 518.

всю свою жизнь Ренэ, въ награду за это услышала отъ него признаніе, что его сердце занято думой о другой женщинѣ. Селюта ведетъ жизнь несчастную и, наконецъ, потерявъ дорогого человѣка, которому она принесла столько жертвъ, бросается въ рѣку. Всѣ эти трогательныя исторіи изображаются на фонѣ блестяще-написанныхъ картинъ американской природы. Извѣстно, что соблюденіе такъ наз. „мѣстнаго колорита“ (couleur locale) выставлялось сторонниками романтизма какъ одно изъ главныхъ условій поэтической живописи; Шатобріанъ и въ этомъ отношеніи былъ учителемъ нашего поэта: въ погонѣ за мѣстными красками, французскій писатель нарочно ѣздилъ въ Америку и присматривался къ природѣ, къ обычаямъ и нравамъ тѣхъ племенъ, жизнь которыхъ служитъ рамкою для его романовъ. Пушкинъ, какъ видно изъ его переписки и изъ предисловія ко 2-му изданію „Кавказскаго плѣнника“ придавалъ мѣстному колориту очень важное значеніе; но его знакомство съ Кавказомъ въ пору созданія поэмы было еще очень недостаточно; поверхностныя личныя наблюденія лишь въ незначительной степени дополнялись литературными источниками, каковы, напр., поэтическія, но все-таки взятыя изъ вторыхъ рукъ описанія Державина и Жуковскаго; можетъ-быть пользовался Пушкинъ и разсказами Броневскаго, но во всякомъ случаѣ для картинъ кавказской природы и жизни у поэта былъ лишь очень скудный матеріалъ. Пушкинъ и самъ сознавалъ это. Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущельяхъ Кавказа“, писалъ онъ Гнѣдичу: „я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца...“ Недостаточнымъ знакомствомъ съ мѣстными условіями объясняются и допущенныя въ поэмѣ этнографическія ошибки, — появленіе „чеченца“ на берегу Кубани и смѣшеніе черкесовъ съ грузинами (черкешенка поетъ грузинскія пѣсни). Все это не помѣшало, однако, Пушкину силою своего воображенія дополнить недостатокъ фактическаго матеріала и создать тѣ яркія картины, которыхъ до него не знала наша поэзія и которыя по достоинству были оцѣнены современной поэту критикой. *Морозовъ.*

„Бахчисарайскій фонтанъ“[1]).

По мнѣнію Пушкина, „Бахчисарайскій фонтанъ“ слабѣе „Кавказскаго плѣнника“: съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться. Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ (вышедшемъ въ 1824 году) замѣтенъ значительный шагъ впередъ со стороны формы: стихъ лучше, поэзія роскошнѣе, благоуханнѣе. Въ основѣ этой поэмы лежитъ мысль до того огромная, что она могла бы быть подъ силу только вполнѣ развившемуся и

---

1) Мы расходимся въ этомъ случаѣ съ осужденіемъ самого поэта, находившаго, что „Бахчисарайскій фонтанъ“ слабѣе „Плѣнника“ (V, 121). Ранѣе Пушкинъ писалъ (VII, 50): „Бахчисарайскій фонтанъ“, между нами, дрянь, но эпиграфъ его „прелесть“ (Ср. V, 133).

возмужавшему таланту; очень естественно, что Пушкинъ не совладалъ съ нею и, можетъ быть, оттого-то и былъ къ ней уже слишкомъ строгъ. Въ дикомъ татаринѣ, пресыщенномъ гаремной любовью, вдругъ вспыхиваетъ болѣе человѣческое и высокое чувство къ женщинѣ, которая чужда всего, что составляетъ прелесть владыки и что можетъ плѣнять вкусъ азіатскаго варвара. Въ Маріи — все европейское, романтическое: это — дѣва среднихъ вѣковъ, существо кроткое, скромное, дѣтски-благочестивое. И чувство, невольно внушенное ею Гирею, есть чувство романтическое, рыцарское, которое перевернуло вверхъ дномъ татарскую натуру деспота-разбойника. Самъ не понимая, какъ, почему и для чего онъ уважаетъ святыню этой беззащитной красоты, онъ — варваръ, для котораго взаимность женщины никогда не была необходимымъ условіемъ истиннаго наслажденія, — онъ ведетъ себя въ отношеніи къ ней почти такъ, какъ паладинъ среднихъ вѣковъ:

Гирей несчастную щадитъ:
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ;
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ ни ночью къ ней не входитъ,
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ,
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей;
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой.
Гарема въ дальнемъ отдаленьи
Позволено ей жить одной:
И мнится, въ томъ уединеньи
Сокрылся нѣкто неземной.

Бо́льшаго отъ татарина нельзя и требовать. Но Марія была убита ревнивой Заремой. Нѣтъ и Заремы:

. . . . она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье,
Какая бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!...

Смертью Маріи не кончились для хана муки нераздѣленной любви:

Дворецъ угрюмый опустѣлъ.
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный;
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Видите ли: Марія взяла всю жизнь Гирея; встрѣча съ нею была для него минутой перерожденія, и если онъ отъ новаго, невѣдомаго ему чувства, вдохнутаго ею, еще не сдѣлался человѣкомъ, то уже животное въ немъ умерло, и онъ пересталъ быть татариномъ comme il faut. Итакъ, мысль поэмы — перерожденіе (если не просвѣтлѣніе) дикой души чрезъ высокое чувство любви. Мысль великая и глубокая! Но молодой поэтъ не справился съ нею, и характеръ его поэмы

въ ея самыхъ патетическихъ мѣстахъ является мелодраматическимъ. Хотя самъ Пушкинъ находилъ, что „сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство“, тѣмъ не менѣе ясно, что въ этомъ драматизмѣ проглядываетъ мелодраматизмъ. Въ монологѣ Заремы есть эта аффектація, это театральное изступленіе страсти, въ которыя всегда впадаютъ молодые поэты и которыя всегда восхищаютъ молодыхъ людей. Если хотите, эта сцена обнаружила тогда сильные драматическіе элементы въ талантѣ молодого поэта, но не болѣе, какъ элементы, развитія которыхъ слѣдовало ожидать въ будущемъ.

Несмотря на то, въ поэмѣ много частностей обаятельно прекрасныхъ. Портреты Заремы и Маріи (особенно Маріи) прелестны, хотя въ нихъ и проглядываетъ наивность нѣсколько юношескаго одушевленія. Но лучшая сторона поэмы — это описанія или, лучше сказать, живыя картины магометанскаго Крыма; онѣ и теперь чрезвычайно увлекательны. Въ нихъ нѣтъ этого элемента высокости, который такъ проглядываетъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“, въ картинахъ дикаго и грандіознаго Кавказа. Но онѣ непобѣдимо очаровываютъ этой кроткой и роскошной поэзіей, которою запечатлѣна соблазнительно-прекрасная природа Тавриды: краски нашего поэта всегда вѣрны мѣстности. Картина гарема, дѣтскія шаловливыя забавы лѣнивой и уныло-однообразной жизни одалискъ, татарская пѣсня — все это и теперь еще такъ живо, такъ свѣжо, такъ обаятельно! Что за роскошь поэзіи, напримѣръ, въ этихъ стихахъ:

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ,
Она съ безоблачныхъ небесъ
На долы, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрыты бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой
Простыхъ татаръ спѣшатъ супруги
Дѣлить вечерніе досуги.

Описаніе евнуха, прислушивающагося подозрительнымъ слухомъ къ малѣйшему шороху, какъ-то чудно сливается съ картиной этой фантастически-прекрасной природы, и музыкальность стиховъ, сладострастіе созвучій нѣжатъ и лелѣютъ очарованное ухо читателя:

Но все вокругъ него молчитъ;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ...

Здѣсь даже неправильныя усѣченія не портятъ стиховъ. И какой истинно-лирической выходкой, исполненной паѳоса, замыкаются эти роскошно-сладострастныя картины волшебной природы Востока:

Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго Востока!
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей Пророка!
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины,
И вдохновеній сладкострастныхъ!

При этой роскоши и невыразимой сладости поэзіи, которыми такъ полонъ „Бахчисарайскій фонтанъ“, въ немъ плѣняетъ еще эта легкая, свѣтлая грусть, эта поэтическая задумчивость, навѣянная на поэта чудно-прозрачными, благоуханными ночами Востока и поэтической мечтой, которую возбудило въ немъ преданіе о таинственномъ фонтанѣ во дворцѣ Гиреевъ. Описаніе этого фонтана дышитъ глубокимъ чувствомъ:

Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Слѣдующіе стихи (до конца) составляютъ превосходнѣйшій музыкальный финалъ поэмы; словно resumé, они сосредоточиваютъ въ себѣ всю силу впечатлѣнія, которое должно оставить въ душѣ читателя чтеніе цѣлой поэмы: въ нихъ и роскошь поэтическихъ красокъ, и легкая, свѣтлая, отрадно сладостная грусть, какъ бы навѣянная немолчнымъ журчаніемъ „Фонтана слезъ“ и представляющая разгоряченной фантазіи поэта таинственный образъ мелькавшей летучей тѣнью женщины... Гармонія послѣднихъ двадцати стиховъ упоительна:

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй и тополей прохлада —
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежной,
Въ горахъ дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага...

Вообще „Бахчисарайскій фонтанъ“ — роскошно-поэтическая мечта юноши, и отпечатокъ юности лежитъ равно и на недостаткахъ его и на достоинствахъ. Во всякомъ случаѣ, это — прекрасный, благоухающій цвѣтокъ, которымъ можно любоваться безотчетно и безтребовательно, какъ всѣми юношескими произведеніями, въ которыхъ полнота силъ замѣняетъ строгую обдуманность концепціи, и роскошь щедрой рукой разбросанныхъ красокъ — строгую отчетливость выполненія.

Бѣлинскій.

Происхожденіе, лирико-эпическій характеръ поэмы „Бахчисарайскій Фонтанъ“ и вліяніе Байрона, сказавшееся въ созданіи ея.

Происхожденіе поэмы объяснено самимъ Пушкинымъ въ письмѣ къ Бестужеву (8 февраля 1824 г.): „Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины.

Aux douces loix des vers, je pliais mes accents
De sa bouche aimable et naïve.

Разсказчицей, какъ извѣстно, была старшая дочь генерала Н. Н. Раевскаго — Екатерина Николаевна. Поводомъ къ разсказу послужило посѣщеніе вмѣстѣ съ Раевскими въ 1820 году развалинъ Бахчисарайскаго дворца, который Пушкинъ посѣтилъ больной. „Я прежде слыхалъ о страшномъ памятникѣ влюбленнаго хана. Катерина Николаевна Раевская поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes (фонтанъ слезъ). Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ-за ржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадой на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія придѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище.

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
„Лихорадка меня мучила“. (Письмо къ Дельвигу въ дек. 1824.)

Итакъ для Пушкина нуженъ былъ разсказъ живого лица, и притомъ „женщины необыкновенной“ (какъ онъ называлъ Ек. Ник. Раевскую въ письмѣ къ брату), чтобы написать эту поэму. Было уже замѣчено при разборѣ лирическаго стих.: „Фонтану Бахчисарайскаго дворца“ (см. I т., № 52), что самъ поэтъ называетъ героинь этой поэмы лишь „счастливыми мечтами“, „души неяснымъ идеаломъ“.

Такими онѣ дѣйствительно въ поэмѣ и являются, и поэма носитъ всецѣло характеръ лиро-эпическаго разсказа, т.-е. такого, въ которомъ изображеніе характеровъ замѣнено выраженіемъ настроеній дѣйствующихъ лицъ; всѣ картины расчитаны на передачу этихъ настроеній, а весь смыслъ переданнаго въ поэмѣ случая сводится къ выраженію личныхъ чувствъ автора. Отсюда и всѣ достоинства этой поэмы: единство элегическаго тона, выразительность и задушевность стиха; отсюда же и ея недостатки: неопредѣленность характеровъ, мелодраматичность въ изображеніи дѣйствій. Тѣмъ же лиризмомъ объясняется и то, почему Пушкинъ не воспользовался глубокою идеею, лежащею въ основѣ крымскаго преданія, взятаго имъ для своей поэмы. Разсказываютъ, что ханъ Керимъ-Гирей похитилъ красавицу Потоцкую и содержалъ ее въ Бахчисарайскомъ гаремѣ. Полагаютъ даже, что онъ былъ обвѣнчанъ съ нею. Очевидно, преданіе выразило про-

свѣтленіе дикаря чрезъ высокое чувство любви къ христіанкѣ. Пушкинъ не сдѣлалъ это душевное перерожденіе главнымъ предметомъ своей поэмы. Драматизмъ онъ увидѣлъ лишь въ столкновеніи чувствъ двухъ соперницъ и на немъ основалъ свою поэму.

Лирическій характеръ поэмы отвлекъ вниманіе автора отъ изображенныхъ лицъ, не затронувшихъ творческую фантазію поэта. Эти лица, насколько они являются намъ въ своихъ блѣдныхъ очеркахъ, стали невольнымъ отзвукомъ чужого творчества тѣхъ образовъ, которые волновали сердце поэта при чтеніи Байрона.

Ханъ-Гирей, „скучающій бранной славой“, „задумчивый властитель“, таящій въ сердцѣ любовь, предъ которою поблекли всѣ прежнія радости его жизни, и которая обращена къ существу невинному и чистому, оставляющему эту любовь безотвѣтною, гораздо болѣе напоминаетъ Чайльдъ-Гарольда или самого Байрона, нежели крымскаго татарина. Гирей, „гордый душою“, мстительный и грозный, въ то же время обаятеленъ, и его горячо любитъ Зарема, подобно Медорѣ и Гюльнарѣ въ „Корсарѣ“ Байрона.

Въ неопредѣленномъ лицѣ Гирея несомнѣнно отразились всѣ любимыя черты героевъ Байрона: разочарованность, неудовлетворенность всѣмъ окружающимъ, сила страсти, непреклонность передъ внѣшними врагами, мстительность людямъ за личное несчастіе (Конрадъ), способность ненавидѣть съ тою же силою, съ какою они любятъ, (Гяуръ и Конрадъ) и страдать безмолвно.

Первая сцена поэмы, гдѣ Пушкинъ впервые знакомитъ читателя съ своимъ героемъ, напоминаетъ даже по внѣшней обстановкѣ изображеніе Яфара-паши въ „Абидосской невѣстѣ“:

Собравъ, диванъ, Яфаръ сѣдой
Сидѣлъ угрюмъ. Вокругъ стояли
Рабы готовою толпой —
И стражей быть и мчаться въ бой.
Но думы мрачныя летали
Надъ престарѣлой головой.
И по обычаямъ Востока
Хотя поклонники пророка
Скрываютъ хитро отъ очей
Порывы бурные страстей —
Все, кромѣ спеси ихъ надменной,
Но взоры пасмурны, смущенны
Являли всѣмъ, что втайнѣ онъ
Какимъ-то горемъ угнетенъ.
. . . .
Онъ трижды хлопаетъ руками,
Чубукъ въ алмазахъ съ янтаремъ
Рабамъ вошедшимъ отдаетъ...
(„Абид. Нев.“ I, 2). Козловъ.

Чужія краски замѣчаемъ и въ изображеніи Гирея, послѣ горькой утраты отдавшагося себя мщенію, когда среди битвы онъ, поднявъ саблю, внезапно блѣднѣетъ и какъ бы полный страха остается недвижимъ и что-то шепчетъ. Таковъ Гяуръ, когда устремившійся къ мщенію за погибшую Лейлу, полный горя и отчаянія, движется безсознательно въ какомъ-то забытьѣ:

Онъ сталъ на мигъ — какъ-будто страхъ
Явился у него въ чертахъ...
Потупя взоръ свой огневой,
Кому то злобно угрожалъ,
Какъ-будто самъ еще не зналъ,
Что дѣлать; что ему начать:
Итти назадъ или бѣжать.
. . . .
Звонъ стали вѣрной, боевой
Его задумчивость прервалъ.

Женскія фигуры поэмы Пушкина также навѣяны героинями Байрона. Героини Байрона обыкновенно повторяютъ два типа: однѣ — сильныя, страстныя, предпріимчивыя, порою мстительныя, ревнивыя: такова, напримѣръ, Гюльнара (въ „Корсарѣ“); другія — кроткія, любящія, гармоническія натуры, которыя не могутъ пережить несчастія, ихъ постигшаго; такова, напр., Зюлейка (въ „Абидосской Невѣстѣ“). Изъ обѣихъ женскихъ фигуръ Пушкина, Зарема своей страстностью, ревнивостью и рѣшительностію напоминаетъ Гюльнару, хотя поставлена Пушкинымъ въ иное положеніе; Марія принадлежитъ къ противоположному типу. Такъ какъ Пушкинъ не раскрылъ въ дѣйствіи характеръ Маріи, то читателю остается угадывать ее изъ внѣшней судьбы, обстановки и изъ образа жизни, а во всемъ этомъ она напоминаетъ Зюлейку: и Марія и Зюлейка — обѣ единственныя дочери отцовъ своихъ, обѣ нѣжно любимы ими и живутъ до рокового дня, не зная горя и страданій (т.-е. до того времени, когда Марія теряетъ отца и свободу, а Зюлейка узнаетъ злодѣйства своего отца и отказывается отъ него для Селима); обѣ мгновенно умираютъ въ постигшемъ ихъ несчастіи, безсильныя бороться съ нимъ; смерть уноситъ обѣихъ ранѣе, нежели жизнь посягнула на высокую чистоту ихъ. Какъ ни различны положенія Маріи и Зюлейки — первой въ гаремѣ похитителя, и второй въ домѣ отца, — обѣ онѣ проводятъ дни въ тихомъ уединеніи, въ религіозномъ настроеніи, каждая согласно своей вѣрѣ. Самый пріемъ Пушкина ознакомить читателя съ личностью Маріи чрезъ описаніе ея комнаты (въ ночь свиданія съ Заремой) стран. 230—240 и 309—314) совпадаетъ съ пріемомъ Байрона, который также знакомитъ съ внутренней жизнью Зюлейки чрезъ описаніе ея жилища въ ночь ея побѣга отъ отца:

Лишь только въ башнѣ одинокой
Младой Зюлейки свѣтъ блеститъ,
Лишь у нея въ ночи глубокой
Лампада поздняя горитъ,
И тускло свѣтитъ пламень томной
Въ диванной тихой и укромной,
Блестя на тканяхъ золотыхъ
Ея подушекъ парчевыхъ.
На нихъ изъ янтарей душистыхъ
Вотъ четки дѣвы молодой,
Которыя въ молитвахъ чистыхъ
Она лилейною рукой
Такъ набожно перебираетъ,
И въ изумрудахъ вотъ сіяетъ
Со словами Курзы (II-й главы Корана) талисманъ.
. . . .
И съ комболоей (четками) вотъ Коранъ
Раскрашенъ яркими цвѣтами...
(„Нев. Абид.“ II 5).

Но если и въ этой поэмѣ творчество Пушкина еще не ознаменовалось созданіемъ живыхъ лицъ, то лирическій элементъ поэмы и описанія, проникнутыя этимъ лиризмомъ, достигаютъ здѣсь новаго блеска. Сцены въ гаремѣ какъ у фонтана въ ожиданіи хана, такъ и ночью въ спальнѣ; описаніе окрестностей гарема при сіяніи звѣздъ и мѣсяца; описаніе фонтана слезъ и развалинъ дворца и кладбища въ концѣ поэмы принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ той поры творчества Пушкина, въ которую поэма писалась. Татарская же пѣсня съ новою силой показала талантъ Пушкина въ произведеніи харак-

терныхъ иноземныхъ пѣсенъ, талантъ, уже засвидѣтельствованный въ эту эпоху и антологическими пьесами, молдаванской пѣсней, а впослѣдствіи породившій цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ характеръ самыхъ разнообразныхъ національностей усвоенъ съ неподражаемымъ искусствомъ. *Поливановъ.*

Идея поэмы „Цыганы".

Поэма заключаетъ въ себѣ глубокую идею, которая большинствомъ была совсѣмъ не понята, а немногими людьми, радушно привѣтствовавшими поэму, была понята ложно, — что особенно и расположило ихъ въ пользу новаго произведенія Пушкина. И послѣднее очень естественно: изъ всего хода поэмы видно, что самъ Пушкинъ думалъ сказать не то, что сказалъ въ самомъ дѣлѣ. Это особенно доказываетъ, что непосредственно творческій элементъ въ Пушкинѣ былъ несравненно сильнѣе мыслительнаго, сознательнаго элемента, такъ что ошибки послѣдняго, какъ бы безъ вѣдома самого поэта, поправлялись первымъ, и внутренняя логика, разумность глубокаго поэтическаго созерцанія сама собой торжествовала надъ неправильностью рефлексій поэта. Повторяемъ, „Цыганы" служатъ неопровержимымъ доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія. Идея „Цыганъ" вся сосредоточена въ героѣ этой поэмы — Алеко. А что хотѣлъ Пушкинъ выразить этимъ лицомъ? — не трудно отвѣтить; всякій, даже съ перваго, поверхностнаго взгляда на поэму, увидитъ, что въ Алеко Пушкинъ хотѣлъ показать образецъ человѣка, который до того проникнутъ сознаніемъ человѣческаго достоинства, что въ общественномъ устройствѣ видитъ одно только униженіе и позоръ этого достоинства, и потому, проклявъ общество, равнодушный къ жизни, Алеко въ дикой цыганской волѣ ищетъ того, чего не могло дать ему образованное общество, окованное предразсудками и приличіями, добровольно закабалившее себя на унизительное служеніе идолу золота. Вотъ что хотѣлъ Пушкинъ изобразить въ лицѣ своего Алеко; но успѣлъ ли онъ въ этомъ, то ли именно изобразилъ онъ? Правда, поэтъ настаиваетъ на этой мысли, и, видя, что поступокъ Алеко съ Земфирой явно ей противорѣчитъ, сваливаетъ всю вину на „роковыя страсти, живущія подъ разодранными шатрами", и на „судьбы, отъ которыхъ нигдѣ нѣтъ защиты". Но весь ходъ поэмы, ея развязка и особенно играющее въ ней важную роль лицо стараго цыгана неоспоримо показываютъ, что, желая и думая изъ этой поэмы создать апоѳеозу Алеко, какъ поборника правъ человѣческаго достоинства, поэтъ вмѣсто этого сдѣлалъ страшную сатиру на него и на подобныхъ ему людей, изрекъ надъ ними судъ неумолимо-трагическій и вмѣстѣ съ тѣмъ горько-ироническій.

Алеко погубила одна страсть, и эта страсть — эгоизмъ! Прослѣдите за Алеко въ развитіи цѣлой поэмы, и вы увидите, что мы правы.

Приведя встрѣченнаго за холмомъ, подлѣ цыганскаго табора, Алеко, Земфира говоритъ своему отцу между прочимъ:

Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ.

Въ этихъ словахъ Алеко является еще только таинственнымъ, загадочнымъ лицомъ, не болѣе; для безпристрастной наблюдательности онъ еще не можетъ показаться ни преступникомъ вслѣдствіе эгоизма ни жертвой несправедливаго гоненія, и только мелкій либерализмъ въ своей поверхности готовъ сразу принять его за мученика идеи. Но вотъ таборъ снялся; Алеко уныло смотритъ на опустѣлое поле и *не смѣетъ* растолковать себѣ тайной причины своей грусти. Онъ, наконецъ, воленъ, какъ Божья птичка, солнце весело блещетъ надъ его головой; о чемъ же его тоска? Поэтъ пророчитъ ему, что страсти, нѣкогда такъ свирѣпо игравшія имъ, только на время присмирѣли въ его измученной груди и что скоро онѣ снова проснутся... Опять страсти! но какія же! А вотъ увидимъ...

Можетъ-быть, Алеко только внѣшнимъ образомъ, по чувству досады, разорвалъ связи съ образованнымъ обществомъ, и ему тяжка исполненная лишенія дикая воля бѣднаго бродячаго племени, ибо, какъ мудро замѣтилъ ему старый цыганъ,

...Не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ пріученъ.

Нѣтъ! черноокая Земфира заставила его полюбить эту жизнь, въ которой

Все скудно, дико, все нестройно;
Но все такъ живо-неспокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

И когда Земфира спросила его, не жалѣетъ ли онъ о томъ, что̀ навсегда бросилъ, — Алеко отвѣчалъ:

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой,
Не дышатъ утренней прохладой
Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что̀ бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

Какой энергическій, полный мощнаго негодованія голосъ! какая пламенная, вся проникнутая благороднымъ паѳосомъ рѣчь! Съ какой неотразимой силой увлекаетъ душу это пророчески обвинительное, страшнымъ судомъ гремящее слово! Прислушиваясь къ нему, не можемъ не вѣрить, чтобъ человѣкъ, обладающій такой силою жечь огнемъ устъ своихъ, не былъ существомъ высшаго разряда, — существомъ, исполненнымъ свѣтлаго разума и пламенной любви къ истинѣ, глубокой скорби объ униженіи человѣчества... Вы видите въ немъ героя убѣжденія, мученика высшихъ, недоступныхъ толпѣ откровеній... Какъ высоко стоитъ онъ надъ этой презрѣнной толпой, которую такъ не-

щадно поражаетъ громомъ своего благороднаго негодованія!... Но здѣсь-то и скрывается великій урокъ для оцѣнки истиннаго достоинства; здѣсь-то и можно видѣть, какъ легко быть героемъ на счетъ чужихъ пороковъ, заблужденій и слабостей, и какъ мудрено быть героемъ на свой собственный счетъ, — какъ всякаго должно судить не по однимъ словамъ его, но если по словамъ, то не иначе, какъ подтвержденнымъ дѣлами. Изречь энергическое, полное благороднаго негодованія проклятіе не только на какое-нибудь общество или какой-нибудь народъ, но и на цѣлое человѣчество, гораздо легче, нежели самому поступить справедливо въ собственномъ своемъ дѣлѣ. И потому изрекать анаѳему также не всякій имѣетъ право, какъ и изрекать благословеніе; это могутъ только пріявшіе свыше власть и посвященіе. Какъ поучать другихъ имѣетъ право только знающій самъ то, чему берется поучать, — такъ и предписывать другимъ пути практической мудрости и справедливости можетъ только тотъ, кто самъ уже твердой стопой привыкъ ходить по этимъ путямъ. Слово само по себѣ — не болѣе какъ звукъ пустой: оно важно только какъ выраженіе мысли; а мысль сама по себѣ — не болѣе какъ призракъ чего-то разумнаго и прекраснаго: она важна лишь какъ идеальная сущность дѣйствительности. Все, что не подходитъ подъ мѣрку практическаго примѣненія, — ложно и пусто. Вотъ почему необходимо должно обращать вниманіе не только на то дѣйствительно ли истинно сказанное, но и на то, кѣмъ оно сказано. По этой же причинѣ въ устахъ призванныхъ и посвященныхъ иногда и старыя истины получаютъ новую форму и новую силу убѣжденія, какъ будто бы онѣ были сказаны въ первый разъ; а въ устахъ людей, самовольно принимающихъ на себя обязанность учителей, иногда и новыя, оригинально выраженныя мысли пропадаютъ безъ дѣйствія, какъ будто истертыя общія мѣста...

Обратимся къ Алеко. Наконецъ доходитъ дѣло и до страстей, появленіе которыхъ поэтъ такъ значительно, такимъ угрожающимъ образомъ предсказывалъ. Сердцемъ Алеко одолѣваетъ *ревность.*

Отвращеніе возбуждаютъ слова Алеко въ отвѣтъ на простодушный, трогательный и поэтическій разсказъ стараго цыгана о Маріулѣ:

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной,
И хищнику и ей, коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ;

Итакъ, вотъ онъ — страдалецъ за униженное человѣческое достоинство, — человѣкъ, который презрѣлъ предразсудки образованной общественности и нашелъ счастье въ цыганскомъ таборѣ!... Турокъ въ душѣ, онъ считалъ себя впереди цѣлой Европы на пути къ цивилизованному уваженію правъ личности!... И какъ великъ, какъ истинно (т.-е. внутренно, духовно) свободенъ предъ нимъ старый цыганъ, этотъ сынъ природы, бѣдности, не знающій въ простотѣ сердца никакихъ теорій нравственности! Сколько поэзіи и истины въ его кроткомъ, благодушномъ отвѣтѣ Алеко:

Къ чему? Вольнѣе птицы младость,
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость:
Что было, то не будетъ вновь!

Отвѣтъ Алеко на эти полныя любви и правдивости слова стараго цыгана окончательно и вполнѣ раскрываетъ тайну его характера:

Я не таковъ. Нѣтъ, я, не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя;
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

Изъ этихъ словъ видно, что никакая могучая идея не владѣла душой Алеко, но что всѣ его мысли и чувства и дѣйствія вытекали, во-первыхъ, изъ сознанія своего превосходства надъ толпой, состоящаго въ умѣ, болѣе блестящемъ и созерцательномъ, чѣмъ глубокомъ и дѣятельномъ; во-вторыхъ, изъ чудовищнаго эгоизма, который гордъ самимъ собой, какъ добродѣтелью.

Скажутъ, что созданіе такого лица не дѣлаетъ чести поэту, тѣмъ болѣе, что онъ явно хотѣлъ сдѣлать изъ него не столько преступнаго, сколько несчастнаго, увлеченнаго судьбой человѣка. Дѣйствительно, это было бы такъ, если бъ поэтъ не противопоставилъ стараго цыгана лицу Алеко, можетъ-быть, безсознательно повинуясь тайной внутренней логикѣ непосредственнаго творчества. И потому идею поэмы „Цыганы“ должно искать не въ одномъ лицѣ, а тѣмъ менѣе въ лицѣ Алеко, но въ общности поэмы. Алеко является въ поэмѣ Пушкина какъ бы для того только, чтобъ представить намъ страшный, поразительный урокъ нравственности. Его противорѣчіе съ самимъ собой было причиной его гибели, — и онъ такъ жестоко наказанъ оскорбленнымъ имъ закономъ нравственности, что чувство наше, несмотря на великость преступленія, примиряется съ преступникомъ. Алеко не убиваетъ себя; онъ остается жить, — и это рѣшеніе дѣйствуетъ на душу читателя сильнѣе всякой кровавой катастрофы. Поэтическое сравненіе Алеко съ подстрѣленнымъ журавлемъ, печально остающимся на полѣ въ то время, когда станица весело поднимается на воздухъ, чтобъ летѣть къ благословеннымъ краямъ юга, — выше всякой трагической сцены. Сидя на камнѣ окровавленный, съ ножомъ въ рукахъ, „блѣдный лицомъ“, Алеко молчитъ, но его молчаніе краснорѣчиво: въ немъ слышится нѣмое признаніе справедливости постигшей его кары, и, можетъ-быть, съ этой самой минуты въ Алеко звѣрь уже умеръ, а человѣкъ воскресъ...

Вы скажете: слишкомъ поздно. Что жъ дѣлать! такова, видно, натура этого человѣка, что она могла возвыситься до очеловѣченія только цѣной страшнаго преступленія и страшной за то кары... Не будемъ строги въ судѣ надъ падшимъ и наказаннымъ, а лучше тѣмъ строже будемъ къ самимъ себѣ, пока мы еще не пали, и заранѣе воспользуемся великимъ урокомъ. Если бъ Алеко устоялъ въ гордости своего мщенія, мы не помирились бы съ нимъ: ибо видѣли бы въ немъ все того же звѣря, какимъ онъ былъ и прежде. Но онъ призналъ

заслуженность своей кары, — и мы должны видѣть въ немъ человѣка: а человѣкъ человѣка какъ осудитъ?...

Убитая чета уже въ землѣ.

... Когда же ихъ закрыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился
И съ камня на траву свалился.

Какое простое и сильное въ благородной простотѣ своей изображеніе самой лютой, самой безотрадной муки! Какъ хороши въ немъ два послѣдніе стиха, на которые такъ нападали критики того времени, какъ на стихи вялые и прозаическіе! Гдѣ-то было даже напечатано, что разъ Пушкинъ имѣлъ горячій споръ съ кѣмъ-то изъ своихъ друзей за эти два стиха и, наконецъ, вскричалъ: „Я долженъ былъ такъ выразиться; я не могъ иначе выразиться!“ Черта, обличающая великаго художника!

Но довольно объ Алеко; обратимся къ старому цыгану. Это одно изъ такихъ лицъ, созданіемъ которыхъ можетъ гордиться всякая литература. Есть въ этомъ цыганѣ что-то патріархальное. У него нѣтъ мыслей: онъ мыслитъ чувствомъ, — и какъ истинны, глубоки, человѣчны его чувства! Языкъ его исполненъ поэзіи. Въ тонѣ рѣчи его столько простоты, наивности, достоинства, самоотрицанія (résignation), кротости, теплоты и елейности. И какъ вѣренъ онъ себѣ во всемъ, — тогда ли, какъ разсказываетъ своимъ простодушнымъ и поэтическимъ языкомъ преданіе объ Овидіи; или когда въ исполненной дикаго огня, дикой страсти и дикой поэзіи пѣснѣ Земфиры припоминаетъ стараго друга; или когда, утѣшая Алеко въ охлажденіи Земфиры, по-своему, но такъ вѣрно и истинно объясняетъ ему натуру и права женскаго сердца и разсказываетъ трогательную повѣсть о самомъ себѣ, о своей любви къ Маріулѣ и ея измѣнѣ, которую онъ, въ своей цыганской простотѣ, такъ человѣчно, такъ гуманно нашелъ совершенно законной... Но въ сценѣ похоронъ и прощанія съ Алеко онъ является, самъ того не подозрѣвая, въ своей цыганской дикости, въ истинно-трагическомъ величіи и кротко изрекаетъ несчастному ужасный приговоръ и великія истины:

Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ ни стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ;
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ, — оставь же насъ,
Прости! да будетъ миръ съ тобою!

Замѣтьте этотъ стихъ: „Ты для себя лишь хочешь воли“, — въ немъ весь смыслъ поэмы, ключъ къ ея основной идеѣ. Послѣ этого можно ли сомнѣваться въ глубоко-нравственномъ характерѣ поэмы? Нѣтъ, это возможно только для людей близорукихъ и ограниченныхъ, для невѣждъ-моралистовъ, которые привыкли видѣть нравственность только въ азбучныхъ сентенціяхъ...

Сколько „Цыганы“ выше предшествовавшихъ поэмъ Пушкина

по ихъ мысли, столько выше они ихъ и по концепцировкѣ характеровъ, по развитію дѣйствія и по художественной отдѣлкѣ. Нельзя сказать, чтобъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ поэма не отзывалась еще чѣмъ-то... не то, чтобъ незрѣлымъ, но чѣмъ-то еще не совсѣмъ дозрѣлымъ. Такъ, напримѣръ, характеръ Алеко и сцена убійства Земфиры и молодого цыгана, несмотря на все ихъ достоинство, отзываются нѣсколько мелодраматическимъ колоритомъ, и вообще въ отдѣлкѣ всей поэмы недостаетъ твердости и увѣренности кисти, какъ въ тѣхъ картинахъ, въ которыхъ краски еще не дошли до той степени совершенства, чтобъ совсѣмъ не походить на краски, что составляетъ величайшее торжество живописи, какъ художества.

По всему сказанному мы относимъ „Цыганъ" вмѣстѣ съ „Полтавой" и первыми шестью главами „Евгенія Онѣгина" къ числу поэмъ, въ которыхъ видна только близость, но еще не достиженіе той высокой степени художественнаго совершенства, которая была собственностью таланта Пушкина и которая развернулась въ первый разъ во всей полнотѣ ея въ „Борисѣ Годуновѣ",—этомъ безукоризненно высокомъ, со стороны художественной формы, произведеніи.

Намъ не разъ случалось слышать нападки на эпизодъ объ Овидіи, какъ неумѣстный въ поэмѣ и неестественный въ устахъ цыгана. Признаемся, по нашему мнѣнію, трудно выдумать что-нибудь нелѣпѣе подобнаго упрека. Старый цыганъ разсказываетъ въ поэмѣ Пушкина не исторію, а преданіе, и не о поэтѣ римскомъ (цыганъ ничего не смыслитъ ни о поэтахъ ни о римлянахъ), но о какомъ-то святомъ старикѣ, который былъ „*младъ* и живъ *незлобною* душой, имѣлъ дивный даръ пѣсенъ и подобный шуму водъ голосъ". Сверхъ того „Цыганы" Пушкина — не романъ и не повѣсть, но поэма; а есть большая разница между романомъ и повѣстью и между поэмой. Поэма рисуетъ идеальную дѣйствительность и схватываетъ жизнь въ ея высшихъ моментахъ. Таковы поэмы Байрона и, порожденныя ими, поэмы Пушкина. Романъ и повѣсть, напротивъ, изображаютъ жизнь во всей ея прозаической дѣйствительности, независимо отъ того, стихами или прозой они пишутся. И потому „Евгеній Онѣгинъ" есть романъ въ стихахъ, но не поэма; „Графъ Нулинъ" — повѣсть въ стихахъ, но не поэма. Въ „Онѣгинѣ" и „Нулинѣ" мы видимъ лица дѣйствительныя и современныя намъ; въ „Цыганахъ" всѣ лица идеальныя, какъ эти греческія изваянія, которыхъ открытые глаза не блещутъ свѣтомъ очей, ибо они одного цвѣта съ лицомъ: такъ же мраморны или мѣдяны, какъ и лицо. Такимъ образомъ эпизодъ въ родѣ разсказа стараго цыгана объ Овидіи въ „Цыганахъ", какъ поэмѣ, столь же возможенъ, естественъ и умѣстенъ, сколько былъ бы онъ страненъ и смѣшонъ въ „Онѣгинѣ" или „Нулинѣ", хотя бы онъ былъ вложенъ въ уста тому или другому герою той или другой повѣсти. И что бы ни говорили о неумѣстности этого эпизода непризванные критики,—ихъ толки будутъ свидѣтельствовать только о безвкусіи и мелочности ихъ взгляда на искусство. Эпизодъ объ Овидіи заключаютъ въ себѣ гораздо больше поэзіи,

нежели сколько можно найти ее во всей русской литературѣ до Пушкина.

Какъ забавную черту о критическомъ духѣ того времени, когда вышли „Цыганы“, извлекаемъ изъ записокъ Пушкина слѣдующее мѣсто: „О „Цыганахъ“ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. В. повторилъ то же замѣчаніе (Р. просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе). Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto megtio“. Вотъ при какой публикѣ явился и дѣйствовалъ Пушкинъ! На это обстоятельство нельзя не обращать вниманія при оцѣнкѣ заслугъ Пушкина. „Цыганы были“ первымъ усиліемъ, первой попыткой Пушкина создать что-нибудь важное и зрѣлое какъ по идеѣ, такъ и по исполненію. Мы показали, до какой ступени удалось ему это: „Цыганы“ оставили далеко за собой все написанное имъ прежде, обнаруживъ въ поэтѣ великія силы; но въ то же время въ этой поэмѣ виденъ только могучій порывъ къ истинно-нравственному творчеству, но еще не полное достиженіе желанной цѣли стремленія. *Бѣлинскій.*

Вліяніе Руссо и личныя состоянія поэта, сказавшіяся въ поэмѣ „Цыганы“.

Отъ Руссо вышло все литературное движеніе міровой скорби. Пушкинъ, какъ и Руссо, сталъ на точку зрѣнія необходимости обуздыванія страстей и эгоизма. Этимъ онъ отличается болѣе всѣхъ другихъ поэтовъ въ изображеніи и оцѣнкѣ героевъ разочарованія. Уразумѣть несостоятельность ихъ Пушкину много пособило его русское тонкое, нравственное чутье, но не прошло для него безслѣдно при этомъ и вліяніе Руссо. Въ „Цыганахъ“ мы услышимъ и повтореніе тезисовъ первыхъ диссертацій этого писателя, и опроверженіе ихъ примѣнительно къ нравственному чутью нашего поэта и къ позднѣйшимъ поправкамъ парадоксовъ французскаго писателя.

„Задумчивый“ Руссо былъ извѣстенъ Пушкину уже на двѣнадцатомъ году жизни поэта. Жанъ-Жакомъ, повидимому, тогда увлекалась сестра Пушкина Ольга (впослѣдствіи Павлищева)[1]; и это увлеченіе могло передаться и нашему поэту. Потомъ Пушкинъ отзывался о Руссо весьма строго и пренебрежительно[2]), но все-таки впечатлѣ-

---

[1]) Соч. II, I, 14 („Къ сестрѣ“, 1814):

Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака ли читаешь?

[2]) III, 244 („Евг. Онѣг.“ I, XXIV, 1822):

Руссо (замѣчу мимоходомъ)
Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ.

Но вслѣдъ за тѣмъ Руссо названъ защитникомъ „вольности и правъ“.

нія и увлеченія дѣтства не могли пройти безслѣдно, и Пушкинъ въ годъ написанія „Цыганъ“ ставилъ Руссо въ общемъ, кажется, выше Вольтера, потому что характерной чертой послѣдняго призналъ „скептицизмъ“, а особенностью Руссо — „филантропію“. И уже въ юные годы Пушкина образъ Руссо внушалъ ему обаяніе великаго страдальца: Пушкинъ называлъ его въ ряду тѣхъ поэтовъ, мимо которыхъ „катится фортуны колесо“.

Родился нагъ — и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо.

Не ко всему, конечно, въ произведеніяхъ Руссо могъ относиться сочувственно Пушкинъ. Онъ не могъ, напр., раздѣлять воззрѣніе отчаявшагося Руссо, что „Le pays de chimères est, en ce monde, le seul digne d'être habité“, не могъ не усматривать искусственности и въ другихъ тирадахъ Руссо.

Но многое въ ученіи Руссо должно было съ юношескихъ лѣтъ привлекать пылкаго и не любившаго удержа поэта: призывъ слѣдовать голосу внутренней природы, превознесеніе добрыхъ чувствованій и страсти, возведеніе ея въ идеалъ не могли не найти отклика въ горячемъ сердцѣ Пушкина[1]). Не могъ пройти безслѣдно для нашего поэта и тотъ призывъ къ природѣ и свободѣ, который такъ отличалъ Руссо въ ряду французскихъ писателей XVIII вѣка и который находилъ у насъ поддержку и въ чтеніи Лафонтена, въ особенности же Грея Томсона[2]). Свое влеченіе къ природѣ русской человѣкъ выразилъ уже издавна въ пѣсняхъ о матери-пустынѣ, о раздольѣ безбрежныхъ степей и т. п.

Отчетливо уразумѣніе прелести и спасительности общенія съ природой возросло въ Пушкинѣ съ той поры, какъ переводъ на югъ и другія обстоятельства обострили его отношеніе къ властямъ и обществу и, въ связи съ знакомствомъ съ поэзіею Шатобріана и Байрона, сдѣлали болѣе близкимъ ученіе Руссо объ извращеніяхъ цивилизаціи и о преимуществахъ, какими пользуется неиспорченный „l'homme de la

---

[1]) III, 382 („Евг. Онѣг. VIII, III):

И я въ законъ себѣ вмѣняю
Страстей единый произволъ...

[2]) О Лафонтенѣ см. въ стихотвореніи „Городокъ“ (Соч., II. I, 69—70), гдѣ, впрочемъ, онъ охарактеризованъ, какъ

... пѣвецъ любезной,
Поэзіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
... лѣнтяй безпечный,
Мудрецъ простосердечный.

Въ цит. уже „Посланіи къ сестрѣ“ (Соч. II. I, 14) читаемъ:

Иль съ Греемъ и Томсономъ
Ты пронеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы,
Вдоль вѣетъ вѣтерокъ,
И шепчетъ лѣсъ кудрявый
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?

Замѣтимъ, что оба названные здѣсь поэта явились въ началѣ нашего вѣка въ русскихъ переводахъ, первый — въ стихахъ, второй — въ прозѣ. Любовь Пушкина къ природѣ ярко выразилась въ стихотвореніи: „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“ (II, 154—155, 1833 г.):

Когда бъ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ! и т. д.

nature“, живущій согласно съ голосомъ своего сердца и подчиняющійся лишь велѣніямъ природы.

Это ученіе Руссо и излюбленные тезисы послѣдняго замѣтно выступаютъ въ поэмѣ Пушкина „Цыганы“ (1824 г.), сливаясь съ тѣмъ, что дѣйствительно было пережито самимъ поэтомъ: Пушкинъ сознавался, что за цыганъ

... лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный *онъ* бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ ихъ огнями;
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
... имя нѣжное твердилъ.

Еще и позже (1830 г.) любилъ онъ бывать у нихъ и называлъ ихъ „счастливымъ племенемъ“. Въ Пушкинѣ отзывалась въ данномъ случаѣ свойственная нашему народу любовь къ приволью, увлекавшая въ предшествовавшіе вѣка къ блужданію въ степяхъ, къ основанію казацкихъ вольницъ на порубежьи русскихъ земель и далѣе. Оттуда же увлеченіе нѣкоторыхъ цыганскими пѣснями. Эта какъ бы прирожденная народу любовь къ приволью слилась въ Пушкинѣ съ тѣми идеями о простомъ, но счастливомъ житьѣ-бытьѣ вдали отъ городской и искусственной цивилизаціи, которыя были пущены въ обращеніе со второй половины XVIII вѣка Руссо и его послѣдователями, въ особенности Бенарденомъ де Сенъ-Пьеръ и Шатобріаномъ. Герой „Цыганъ“ Алеко подобно своему автору Пушкину, былъ преслѣдуемъ „закономъ“, подобно поэту былъ „изгнанникомъ перелетнымъ“ и рѣшился на „добровольное изгнаніе“,— искать покоя среди цыганъ, плѣнившихъ ихъ житьемъ:

Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.

Въ обстановкѣ ихъ жизни

Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо-непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной.
Какъ пѣснь рабовъ однобразной.

Рѣшившись стать цыганомъ, другомъ черноокой Земфиры,

Теперь онъ вольный житель міра...
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой.

Вслѣдъ за Руссо и Алеко отзывался съ презрѣніемъ о жизни оставленныхъ имъ „людей отчизны, городовъ“. Въ его рѣчахъ слышимъ уже то противоположеніе безграничной свободы и красоты жизни въ природѣ печальному и подневольному житью въ удаленіи отъ нея, среди уродствъ цивилизаціи, на которое есть намеки и у Лермонтова и которое развито обстоятельно Л. Н. Толстымъ. Какъ теперь Л. Н. Толстой, Алеко не любилъ

Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой,
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
Любви стыдятся, мысли гонятъ и проч.

Слѣдовало порицаніе жизни въ цивилизованномъ обществѣ, въ частности въ великосвѣтскомъ кругу, неоднократно прорывающееся въ поэзіи Пушкина съ довольно ранняго времени и до конца [1]).

Значеніе „Цыганъ" въ нашей поэзіи напоминаетъ значеніе Шиллеровыхъ „Разбойниковъ". Пушкинъ также искалъ выхода изъ душной и затхлой атмосферы севременнаго ему общества. Признавая свѣтъ безнравственнымъ, „презрѣвшій", подобно Руссо *„оковы просвѣщенія"*, ставшій вольнымъ, какъ цыгане, Алеко не нашелъ однако счастія, потому что не покончилъ со своими страстями.

... Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!

Алеко, разставшись съ цивилизаціей, не хотѣлъ отказаться также отъ ея привычекъ, отъ того, что онъ считалъ своими „правами", и что было эгоизмомъ, и ему въ его гордости были непонятны нравы цыганъ, не имѣющихъ заботъ и не терзающихъ и не казнящихъ *смиренной вольности* „дѣтей", у которыхъ женщина „привыкла къ рѣзвой волѣ" и безнаказанно пользуется ею.

И въ моментъ окончанія „Цыганъ" Пушкинъ какъ бы порѣшилъ, что счастье среди сыновъ природы, о которомъ говоритъ Руссо и его послѣдователи, невозможно уже для одержимаго страстями образованнаго человѣка, привыкшаго къ „неволѣ душныхъ городовъ" и настолько сжившагося съ нею, что, ища свободы для себя, онъ отказываетъ въ ней другимъ, ограничивающимъ чѣмъ-нибудь его эгоизмъ.

... счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны,
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны...
И *всюду страсти роковыя*,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

Очевидно, такой выводъ заключалъ мѣткую отповѣдь проповѣдникамъ бѣгства въ приволье простой жизни сыновъ природы и въ значительной степени подрывалъ иллюзію о счастіи среди этихъ сыновъ. Но все-таки Пушкинъ не отказался вполнѣ отъ одной излюбленнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ грезъ и прежнихъ временъ и XVIII вѣка, впервые отчетливо въ новой литературѣ выраженной Руссо и его продолжателями и продолжаемой другими вплоть до нашихъ дней.

И постепенно эта мысль о счастьи, о возможной близости къ природѣ и въ жизни, отличной отъ жизни испорченнаго общества, созрѣвала все болѣе и болѣе въ умѣ Пушкина и принимала формы, уже не столь эксцентричныя, какъ въ „Цыганахъ", а болѣе согласныя съ обычными путями цивилизованной жизни, какъ бы въ соотвѣтствіе тому, что за цыганами

Не пойдетъ ужъ *ихъ* поэтъ;
Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

---

[1]) Ср. I, 305:

Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ настражѣ
Иль *просвѣщенье*, иль тиранъ.

Такая уже болѣе зрѣлая форма доброй мечты, мысль о томъ, что лучшее и истинное счастье возможно и въ цивилизованномъ обществѣ, но лишь въ жизни, близкой къ природѣ и *народу*, отчетливо уже выступаетъ въ произведеніи, первыя главы котораго были написаны одновременно съ „Цыганами“, именно въ „Евгеніи Онѣгинѣ“.

Дашкевичъ.

Романтическая психика Алеко.

„Цыгане“, какъ художественное произведеніе, самая выдержанная изъ раннихъ поэмъ Пушкина. — И понятно почему. Художнику пришлось судить и критиковать то состояніе духа, которое раньше онъ хотѣлъ объяснить и оправдать. Это состояніе никакъ не могло быть согласовано съ его собственной натурой, и потому объясненія его или оправданія не могли быть проведены успѣшно. Судъ же и жестокій судъ былъ вполнѣ возможенъ. Въ поэмѣ „Цыгане“ чувствуется прежде всего значительно созрѣвшій мастеръ. Удивительно ярко и образно передана бытовая сценировка и не менѣе замѣчательны и драматическое движеніе поэмы и драматическая форма діалога — форма, которую въ первый разъ пользуется нашъ художникъ, современемъ достигшій въ ней высокаго совершенства.

Но кто же этотъ таинственный Алеко, промѣнявшій добровольно Петербургъ на южныя степи, какъ его долженъ былъ промѣнять противъ своей воли Пушкинъ? Онъ — олицетвореніе нѣкоторыхъ романтическихъ порывовъ души — насколько они были понятны и доступны автору. Необузданъ онъ въ своихъ страстяхъ, и кажется, что онѣ натолкнули его на какое-то преступленіе, потому что „законъ его преслѣдуетъ“; онъ фанатичный поклонникъ своей личности и не прощаетъ обидъ:

Я не таковъ. Нѣтъ, я, не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

Онъ „любитъ горестно и трудно“, потому что онъ эгоистъ чистой крови. Онъ ищетъ свободы, но тѣхъ нравственныхъ обязательствъ, которыя налагаетъ на человѣка свобода, онъ не признаетъ. Людямъ онъ предъявляетъ цѣлый обвинительный актъ:

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Не вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

Но съ чѣмъ онъ самъ пришелъ къ людямъ, что̀ онъ для нихъ сдѣлалъ — мы не знаемъ. Если онъ призналъ за собой право обвинять ихъ, то и они имѣли полное право съ нимъ не считаться.

Единственный разъ, когда онъ предложилъ людямъ свою любовь и самъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу, онъ поставилъ имъ такія условія, на которыя они не могли согласиться. Онъ за ними сталъ отрицать право на свободное чувство — право, котораго однако требовалъ для себя. Въ подтвержденіе этого права онъ пошелъ, наконецъ, на убійство.

Тогда старикъ, приближась, рекъ:
„Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли;
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ.
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ — оставь же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою“.

Такъ прощался Пушкинъ съ Алеко и, конечно, слова его относились не къ этому неудавшемуся цыгану, а къ тому демону, который смущалъ его самого въ эти годы. Само собою разумѣется, что Алеко не можетъ быть понятъ какъ воплощеніе всѣхъ романтическихъ чувствъ и настроеній. Онъ — очень несовершенный и узкій романтикъ и притомъ экземпляръ съ большимъ изъяномъ. Вѣдь не всегда же романтическая буря души была такъ насыщена эгоизмомъ. Для насъ, впрочемъ, совсѣмъ не важенъ вопросъ, насколько полно Пушкинъ изобразилъ въ Алеко романтическую тревогу духа: важно то, что онъ осудилъ своего героя безъ попытки оправданія его, не давъ ему даже снисхожденія. Это показываетъ, что изъ сферы этихъ романтическихъ волненій художникъ уже вышелъ, что онъ призналъ себя способнымъ судить ихъ, даже ускореннымъ, а потому не вполнѣ справедливымъ судомъ.

„Цыгане“ были послѣдней романтической поэмой Пушкина. Художникъ больше къ этому настроенію не возвращался, одержавъ побѣду надъ тревогой ума и сердца, которую ему нужно было пережить какъ сыну своего вѣка, но на которой онъ не могъ долго остановиться въ силу несоотвѣтствія этой тревоги со всѣми основными чертами его собственной психики.

Котляревскій.

Алеко — скиталецъ по родной землѣ.

Въ типѣ Алеко, героѣ поэмы „Цыганы“, сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная потомъ въ такой гармонической полнотѣ въ *Онѣгинѣ*, гдѣ почти тотъ же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ осязаемо-реальномъ и понятномъ видѣ. Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ его, конечно, не у Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ без-

ошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ, поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальничество, и еще долго, кажется, не исчезнутъ. И если они не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы искать у цыганъ въ ихъ дикомъ своеобразномъ бытѣ своихъ міровыхъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго интеллигентнаго общества, то все равно, ударяются въ соціализмъ, котораго еще не было при Алеко, ходятъ съ новою вѣрою на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣруя какъ и Алеко, что достигнутъ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастья не только для себя самого, но и всемірнаго. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемірное счастіе, чтобъ успокоиться: дешевле онъ не примирится, — конечно, пока дѣло только въ теоріи. Это все тотъ же русскій человѣкъ, только въ разное время явившійся. Человѣкъ этотъ, повторяю, зародился какъ разъ въ началѣ второго столѣтія послѣ великой Петровской реформы, въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы. О, огромное большинство интеллигентныхъ русскихъ, и тогда, при Пушкинѣ, какъ и теперь, въ наше время, служили и служатъ мирно въ чиновникахъ, въ казнѣ или на желѣзныхъ дорогахъ и въ банкахъ, или просто наживаютъ разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читаютъ лекціи — и все это регулярно, лѣниво и мирно, съ полученіемъ жалованья, съ игрой въ преферансъ, безъ всякаго поползновенія бѣжать въ цыганскіе таборы или куда-нибудь въ мѣста, болѣе соотвѣтствующія нашему времени. Много, много что полиберальничаютъ съ „оттѣнкомъ европейскаго соціализма", но которому приданъ нѣкоторый благодушный русскій характеръ, — но, вѣдь, все это вопросъ только времени. Что въ томъ, что одинъ еще и не начиналъ безпокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до запертой двери и объ нее крѣпко стукнулся лбомъ. Всѣхъ въ свое время то же самое ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Да пусть и не всѣхъ ожидаетъ это: довольно лишь „избранныхъ", довольно лишь десятой доли забезпокоившихся, чтобъ и остальному огромному большинству не видать чрезъ нихъ покоя. Алеко, конечно, еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачъ о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта правда, гдѣ и въ чемъ она могла бы явиться и когда именно она потеряна, конечно, онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно. Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія пока лишь, преимущественно, отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и быть должно: „правда, дескать, гдѣ-то внѣ его, можетъ-быть, гдѣ-то въ другихъ земляхъ, европейскихъ, напр., съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественною и граж-

данскою жизнью". И никогда-то онъ не пойметъ, что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ вѣдь въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ какъ институтка въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странныя и безотчетныя по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено образованное русское общество. Онъ пока всего только оторванная, носящаяся по воздуху былинка. И онъ это чувствуетъ и этимъ страдаетъ, и часто такъ мучительно! Ну, и что же въ томъ, что принадлежа, можетъ-быть, къ родовому дворянству и даже весьма вѣроятно, обладая крѣпостными людьми, онъ позволилъ себѣ, по вольности своего дворянства, маленькую фантазійку прельститься людьми, живущими „безъ закона", и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ водить и показывать Мишку? Понятно, женщина, „дикая женщина", по выраженію одного поэта, всего скорѣе могла подать ему надежду на исходъ тоски его, и онъ съ легкомысленною, но страстною вѣрой бросается къ Земфирѣ: „Вотъ, дескать, гдѣ исходъ мой, вотъ гдѣ, можетъ-быть, мое счастье, здѣсь, на лонѣ природы, далеко отъ свѣта, здѣсь, у людей, у которыхъ нѣтъ цивилизаціи и законовъ!" И что же оказывается: при первомъ столкновеніи своемъ съ условіями этой дикой природы онъ не выдерживаетъ и обагряетъ свои руки кровью. Не только для міровой гармоніи, но даже и для цыганъ не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняютъ его — безъ отмщенія, безъ злобы, величаво и простодушно.

Оставь насъ, гордый человѣкъ;
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ.

Все это, конечно, фантастично, но „гордый-то человѣкъ" реально и мѣтко схваченъ. Въ первый разъ схваченъ онъ у насъ Пушкинымъ, и это надо запомнить. Именно, именно, чуть не по немъ, и онъ злобно растерзаетъ и казнитъ за свою обиду, или, что даже удобнѣе, вспомнивъ о принадлежности своей къ одному изъ четырнадцати классовъ, самъ возопіетъ, можетъ быть (ибо случалось и это), къ закону терзающему и казнящему, и призоветъ его, только бы отомщена была личная обида его. Нѣтъ, эта геніальная поэма не подражаніе! Тутъ уже подсказывается русское рѣшеніе вопроса, „проклятаго вопроса", по народной вѣрѣ и правдѣ: „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего потрудись на народной нивѣ", вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму. „Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ; найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя, — и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и

поймешь, наконецъ, народъ свой и святую правду его. Не у цыганъ и нигдѣ міровая гармонія, если ты первый самъ ея недостоинъ, злобенъ и гордъ, и требуешь жизни даромъ, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить“. Это рѣшеніе вопроса въ поэмѣ Пушкина уже сильно подсказано. *Достоевскій.*

Содержаніе и анализъ „Полтавы“.

Отдѣльныя красоты въ „Полтавѣ“ изумительны. Не знаешь, на чемъ остановиться, — такъ много ихъ. Почти каждое мѣсто, отдѣльно взятое наудачу изъ этой поэмы, есть образецъ высокаго художественнаго мастерства. Не будемъ вычислять всѣхъ этихъ мѣстъ, и укажемъ только на нѣкоторыя. Хотя казакъ, влюбленный въ Марію, и есть лицо лишнее, введенное въ поэму для эффекта, тѣмъ не менѣе его изображеніе (отъ стиха: „Между полтавскихъ казаковъ“ до стиха: „И взоры въ землю опускалъ“) представляетъ собою необыкновенно мастерскую картину. Слѣдующій затѣмъ отрывокъ отъ стиха: „Кто при звѣздахъ и при лунѣ“ до стиха: „Царю Петру отъ Кочубея“ выше всякой похвалы: это вмѣстѣ и народная пѣсня и художественное созданіе. Кочубей, ожидающій въ темницѣ своей казни, его разговоръ съ Орликомъ (за исключеніемъ того, что говоритъ самъ Орликъ), — все это начертано кистью столь широкою, могучею и въ то же время спокойною и увѣренною, что читатель его не знаетъ, чему дивиться: мрачности ли ужасной картины, или ея эстетической прелести. Можно ли читать безъ упоенія, столь же полнаго грусти, сколько и наслажденія, эти стихи:

Тихо украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одномъ изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьи,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
И жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ
И для чего? —

Отвѣтъ Кочубея Орлику на допросъ послѣдняго о зарытыхъ кладахъ былъ расхваленъ даже присяжными хулителями „Полтавы“, и потому мы не говоримъ о немъ. Кочубея пытаютъ, а Мазепа въ это время сидитъ у ногъ спящей дочери мученика и думаетъ:

Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены:
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно —
Теперь плачу безумства дань...

Въ тоскѣ страшныхъ угрызенiй совѣсти, злодѣй сходитъ въ садъ, чтобы освѣжить пылающую кровь свою, — и обаятельная роскошь лѣтней малороссiйской ночи, въ контрастѣ съ мрачными душевными муками Мазепы, блещетъ и сверкаетъ какою-то страшно-фантастическою красотой:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополя, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи шепчутъ межъ собою,
И лѣтней теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.
Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной —
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ,
И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ — тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ
И — съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Скажите: какъ, какимъ языкомъ хвалить такiя черты и отрывки высокаго художества? Правду говорятъ, что хвалить мудренѣе, чѣмъ бранить! Чтобы быть достойнымъ критикомъ такихъ стиховъ, надо самому быть поэтомъ—и еще какимъ! И потому мы, въ сознанiи нашего безсилiя, скажемъ убогою прозой, что, если эта картина мученiй совѣсти Мазепы можетъ подозрительному уму показаться нѣсколько мелодраматическою выходкой (по той причинѣ, что Мазепѣ, какъ закоренѣлому злодѣю, такъ же было не къ лицу содрогаться отъ воплей терзаемой имъ жертвы, какъ и краснѣть, подобно юношѣ, отъ привѣта красоты), — то мастерство, съ которымъ выражены эти мученiя, выше всякихъ похвалъ и утомляетъ собою всякое удивленiе. Сцена между женою Кочубея и ея дочерью замѣчательно хороша по роли, какую играетъ въ ней Марiя. Вопросъ изумленной, еще не очнувшейся отъ сна женщины, которая почти понимаетъ и въ то же время страшится понять ужасный смыслъ внезапнаго явленiя матери, этотъ вопросъ: „Какой отецъ? какая казнь?“ равно какъ и всѣ вопросительные и восклицательные отвѣты,— исполненъ драматизма. Картина казни Кочубея и Искры отличаются простотою и спокойствiемъ, ко-

торыя, въ соединеніи съ ея страшною вѣрностью дѣйствительности, производили бы на душу читателя невыносимое, подавляющее впечатлѣніе, если бъ творческое вдохновеніе поэта не ознаменовало ее печатью изящества. Этотъ палачъ, который, гуляя и веселясь на роковомъ помостѣ, алчно ждетъ жертвы и то, играючи, беретъ въ бѣлыя руки тяжелый топоръ, то шутитъ съ веселою чернью, — и этотъ безпечный народъ, который, по совершеніи казни, идетъ домой, толкуя межъ собою про свои вѣчныя работы: какая глубоко истинная, хотя въ то же время и безотрадно тяжелая мысль во всемъ этомъ!

Но что̀ всѣ эти разсѣянныя богатою рукой поэта красоты — передъ красотами третьей пѣсни! И не удивительно: паѳосъ этой третьей пѣсни устремленъ на предметъ колоссально-великій... Тутъ мы видимъ Петра и полтавскую битву... Мастерскою кистью изобразилъ поэтъ преступные, мрачные помыслы, кипѣвшіе въ душѣ Мазепы; его притворную болѣзнь и внезапный переходъ съ одра смерти на поприще властительства; гнѣвъ Петра, его сильныя и быстрыя мѣры къ удержанію Малороссіи... Какъ прекрасно это поэтическое обращеніе поэта къ Карлу XII:

И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день, — ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.

Картина полтавской битвы начертана кистью широкою и смѣлою; она исполнена жизни и движенія: живописецъ могъ бы писать съ нея, какъ съ натуры. Но явленіе Петра въ этой картинѣ, изображенное огненными красками, поражаетъ читателя, говоря собственными словами Пушкина, быстрымъ холодомъ вдохновенія, подымающимъ волосы на головѣ, — производитъ на него такое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ видитъ передъ глазами совершеніе какого-нибудь таинства, какъ-будто нѣкій богъ, въ лучахъ нестерпимой для взоровъ смертнаго славы, проходитъ передъ нимъ, окруженный громами и молніями...

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Ровнясь, строятся полки;
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ;
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура:*
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И счатья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

Представьте себѣ великаго творческаго генія, который столько лѣтъ носилъ и лелѣялъ въ душѣ своей замыслы преобразованія цѣлаго народа, который столько трудился, въ потѣ царственнаго чела своего, — представьте его въ ту рѣшительную минуту, когда онъ начинаетъ видѣть, что его тяжба съ вѣками, его гигантская борьба съ самою природой, съ самою возможностью готова увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, — представьте себѣ его преображенное, сіяющее побѣднымъ торжествомъ лицо, если только ваша фантазія довольно сильна для такого представленія, — и вы будете видѣть передъ собою живую картину, начертанную Пушкинымъ въ стихахъ, которые сейчасъ прочли... Да, въ этомъ случаѣ живописи стоило бы побороться съ поэзіею, — и великій живописецъ могъ бы за честь себѣ поставить перевести на полотно въ живыхъ краскахъ, живые стихи Пушкина, чтобы рѣшить задачу, какъ воспользуется живопись предметомъ, столь мастерски выраженнымъ поэзіею. Тутъ задача живописца состояла бы уже не въ творчествѣ, а только въ творчески свободномъ переводѣ одного и того же предмета съ языка поэзіи на языкъ живописи, чтобы сравнительно показать средства и способы того и другого искусства. Повторяемъ: тутъ живописцу нечего изобрѣсть — для него готовы и группы, и подробности, и лицо Петра — эта главнѣйшая задача всей картины. Полтавская битва была не простое сраженіе, замѣчательное по огромности военныхъ силъ, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови: нѣтъ, это была битва за существованіе цѣлаго народа, за будущность цѣлаго государства, это была повѣрка дѣйствительности замысловъ столь великихъ, что, вѣроятно, они самому Петру, въ горькія минуты неудачъ и разочарованія, казались несбыточными, какъ и почти всѣмъ его подданнымъ. И потому на лицѣ послѣдняго солдата должна выражаться безсознательная мысль, что совершается что-то великое, и что онъ самъ есть одно изъ орудій совершенія...

Но этимъ еще не оканчивается великая картина: это только главная часть ея; въ отдаленіи поэтъ показываетъ другую часть, меньшую, но безъ которой картина его не имѣла бы полноты:

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье:
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

Въ подробностяхъ битвы особенно замѣчателенъ эпизодъ о волненіи дряхлаго и уже безсильнаго Палѣя, завидѣвшаго врага своего, Мазепу.

Картина битвы заключается еще картиною, съ которою тоже за честь бы могъ поставить себѣ побороться великій живописецъ:

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И полонъ славы взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ:
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Теперь намъ остается говорить о дивно-прекрасныхъ подробностяхъ еще цѣлой части поэмы, паѳосъ которой составитъ любовь Маріи къ Мазепѣ. Вся эта часть поэмы есть какъ бы поэма въ поэмѣ, и ея, конечно, стало бы на особую отдѣльную поэму.

Въ историческомъ фактѣ любви Мазепы и Маріи Пушкинъ воспользовался только идеею любви старика къ молодой дѣвушкѣ и молодой дѣвушки къ старику. Въ подробностяхъ и даже въ изображеніи дочери Кочубея онъ отступалъ отъ исторіи. Поэтому весь этотъ фактъ онъ опредѣлялъ по своему идеалу, — и дочь Кочубея является у него совершенно идеализированною. Онъ перемѣнилъ даже ея имя — Матроны на Марію. Когда Матрона убѣжала къ старому гетману, — онъ, боясь соблазна и толковъ, переслалъ ее въ родительскій домъ, гдѣ мать Матроны *катовала* (палачила, истязала, сѣкла) ее. Но это, какъ естественно, только еще больше раздражало энергію страсти бѣдной дѣвушки. Мазепа любилъ ее, писалъ къ ней страстныя письма, но въ отношеніи къ ней не принялъ никакого твердаго рѣшенія: то умолялъ о свиданіяхъ, то совѣтовалъ итти въ монастырь.

Какъ бы то ни было, но основаніе, сущность отношеній Мазепы и Маріи въ поэмѣ Пушкина — историческія и еще болѣе истинныя — поэтически, и Пушкинъ умѣлъ ими воспользоваться, какъ истинно великій поэтъ, хотя онъ ихъ и идеализировалъ по своему.

Не только первый пухъ ланитъ
Да русы кудри молодыя, —
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

Подобное явленіе рѣдко, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Возможность его заключается въ законахъ человѣческаго духа, и потому по рѣдкости его можно находить удивительнымъ, но нельзя находить неестественнымъ. Самая обыкновенная женщина видитъ въ мужчинѣ своего защитника и покровителя: отдаваясь ему — сознательно или безсознательно, но во всякомъ случаѣ она дѣлаетъ обмѣнъ красоты или прелести на силу и мужество. Послѣ этого очень естественно, если бываютъ женскія натуры, которыя, будучи исполнены страстей и энтузіазма, до безумія увлекаются нравственнымъ могуществомъ мужчины, украшеннымъ властью и славою, — увлекаются имъ, безъ соображенія неравенства лѣтъ. Для такой женщины самыя сѣдины прекрасны, и чѣмъ круче нравъ старика, тѣмъ за большее счастіе и честь для себя считаетъ она, вліяніемъ своей красоты и своей любви, укрощать его порывы, дѣлать его ровнѣе и мягче. Само безобразіе этого старика — красота въ глазахъ ея. Вотъ почему кроткая, робкая Дездемона такъ беззавѣтно отдалась старому воину, суровому мавру — великому Отелло. Въ Маріи Пушкина это еще понятнѣе: ибо Марія,

при всей непосредственности и неразвитости ея сознанія, одарена характеромъ гордымъ, твердымъ, рѣшительнымъ. Она была бы достойна слить свою судьбу не съ такимъ злодѣемъ, какъ Мазепа, но съ героемъ въ истинномъ значеніи этого слова. И какъ бы ни велика была разница ихъ лѣтъ, — ихъ союзъ былъ бы самый естественный, самый разумный. Ошибка Маріи состояла въ томъ, что она въ душѣ, готовой на все злое для достиженія своихъ цѣлей, думала увидѣть душу великую, дерзость безнравственности приняла за могущество героизма. Эта ошибка была ея несчастіемъ, но не виною: Марія, какъ женщина, велика въ этой ошибкѣ. На этомъ основаніи намъ понятна ея любовь, понятно —

Зачѣмъ бѣжала своенравно
Она семейственныхъ оковъ,
Томилась тайно, воздыхала,
И на привѣты жениховъ
Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
Она лишь гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала,
И чаша пѣнилась виномъ;
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ,
Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда молва его не знала;
Зачѣмъ съ неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный звонъ литавръ и клики
Предъ бунчукомъ и булавой
Малороссійскаго владыки...

Нельзя довольно надивиться богатству и роскоши красокъ, которыми изобразилъ поэтъ страстную и грандіозную любовь этой женщины. Здѣсь Пушкинъ, какъ поэтъ, вознесся на высоту, доступную только художникамъ первой величины. Глубоко вонзилъ онъ свой художническій взоръ въ тайну великаго женскаго сердца, и ввелъ насъ въ его святилище, чтобы внѣшнее сдѣлать для насъ выраженіемъ внутренняго, въ фактѣ дѣйствительности открыть общій законъ, въ явленіи — мысль...

Марія, бѣдная Марія,
Краса черкасскихъ дочерей!
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты мать забыть для нихъ могла.
Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ.
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ —
Тебѣ пріятенъ твой позоръ.

Но въ такой великой натурѣ любовь можетъ быть только преобладающею страстью, которая въ выборѣ не допускаетъ никакого совмѣстничества, даже никакого колебанія, но которая не заглушаетъ въ душѣ другихъ нравственныхъ привязанностей. И потому блаженство любви не отнимаетъ въ сердцѣ Маріи мѣста для грустнаго и тревожнаго воспоминанія объ отцѣ и матери.

И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмеваетъ;
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости однихъ,
И, мнится, пенямъ ихъ внимаетъ...
О, если бъ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украйна!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

Намъ скажутъ, что въ дѣйствительности это было не такъ, ибо Матрона ненавидѣла своихъ родителей и клялась вѣчно „любыты и сердечне кохаты Мазепу на злость ея *ворогамъ*“. Но вѣдь въ дѣйствительности-то родители Матроны *катовали* ее. Понятно, почему Пушкинъ рѣшился поэтически отступить отъ „такой“ дѣйствительности...

Но нигдѣ личность Маріи не возвышается въ поэмѣ Пушкина до такой апоѳеозы, какъ въ сценѣ ея объясненія съ Мазепою — сценѣ, написанной истинно Шекспировскою кистью. Когда Мазепа, чтобы разсѣять ревнивыя подозрѣнія Маріи, принужденъ былъ открыть ей свои дерзкіе замыслы, она все забываетъ: нѣтъ больше сомнѣній, нѣтъ безпокойства; мало того, что она вѣритъ ему, вѣритъ, что онъ не обманываетъ ея: она вѣритъ, что онъ не обманывается и въ своихъ надеждахъ... Ея ли женскому уму, воспитанному въ затворничествѣ, обреченному на отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, ей ли знать, какъ опасны такія стремленія и чѣмъ оканчиваются они! Она знаетъ одно, вѣритъ одному, — что онъ, ея возлюбленный, *такъ могущъ*, что не можетъ не достичь всего, чего бы только ни захотѣлъ. Блескъ короны на сѣдыхъ кудряхъ любовника уже ослѣпилъ ея очи, — и она восклицаетъ съ увѣренностью дитяти, сильнаго и разумнаго одною любовью, но незнаніемъ жизни:

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

Вникните во всю эту сцену, разберите въ ней всякую подробность, взвѣсьте каждое слово: какая глубина, какая истина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая простота! Этотъ отвѣтъ Маріи: „Я! люблю ли?“, это желаніе уклониться отъ отвѣта на вопросъ, уже рѣшенный ея сердцемъ, но все еще страшный для нея — кто ей дороже: любовникъ или отецъ, и кого изъ нихъ принесла бы она въ жертву для спасенія другого, — и потомъ рѣшительный отвѣтъ при видѣ гнѣва любовника... какъ все это драматически, и сколько тутъ знанія женскаго сердца!

Явленіе сумасшедшей Маріи, неумѣстное въ ходѣ поэмы и даже мелодраматическое, какъ средство испугать совѣсть Мазепы, — превосходство, какъ дополненіе портрета этой женщины. Послѣднія слова ея безумной рѣчи исполнены столько же трагическаго ужаса, сколько и глубокаго психологическаго смысла:

Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно...
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старикъ. Оставь меня!
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь...

Творческая кисть Пушкина нарисовала намъ не одинъ женскій портретъ, но ничего лучше не создала она лица Маріи. Что передъ нею эта препрославленная и столько восхищавшая всѣхъ и теперь еще многихъ восхищающая Татьяна, — это смѣшеніе деревенской мечтательности съ городскимъ благоразуміемъ?...

„Полтава" принадлежитъ къ числу превосходнѣйшихъ твореній Пушкина не по одному лицу Маріи. Лишенная единства и мысли плана, а потому недостаточная и слабая въ цѣломъ, поэма эта есть великое произведеніе по ея частностямъ. Она заключаетъ въ себѣ нѣсколько поэмъ, и по тому самому не составляетъ одной поэмы. Богатство ея содержанія не могло высказаться въ одномъ сочиненіи, и она распалась отъ тяжести этого богатства. Третья пѣснь ея сама по себѣ есть нѣчто особенное, отдѣльная поэма въ эпическомъ родѣ. Но изъ нея нельзя было сдѣлать эпической поэмы: если бы поэтъ и далъ ей обширнѣйшій объемъ, она и тогда осталась бы рядомъ превосходнѣйшихъ картинъ, но не поэмою. Чувствуя это, поэтъ хотѣлъ связать ее съ исторіею любви, имѣющею драматическій интересъ, но эта связь не могла не выйти чисто внѣшнею. И вся эта разрозненность выразилась въ эпилогѣ, въ которомъ поэтъ говоритъ сперва о гордыхъ и сильныхъ людяхъ того вѣка, потомъ о Петрѣ Великомъ, далѣе — о Карлѣ XII, о Мазепѣ, о Кочубеѣ съ Искрою, и оканчиваетъ все это Маріею... Несмотря на то, что „Полтава" была великимъ шагомъ впередъ со стороны Пушкина, какъ архитектурное зданіе, она не поражаетъ общимъ впечатлѣніемъ, нѣтъ въ ней никакого преобладающаго элемента, къ которому бы всѣ другіе относились гармонически; но каждая часть въ отдѣльности есть превосходное художественное произведеніе. И никогда уже до того времени нашъ поэтъ не употреблялъ такихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ на свои зданія, никогда не отдѣлывалъ ихъ съ бо́льшимъ художественнымъ совершенствомъ. Сколько простоты и энергіи въ его стихѣ! Какая живая соотвѣтственность между содержаніемъ и колоритомъ языка, которымъ оно передано! Есть что-то оригинальное, самобытное, чисто русское въ тонѣ разсказа, въ духѣ и оборотѣ выраженій! И между тѣмъ, какъ дурно была принята эта поэма! Одинъ критикъ, желая высказать посильное свое остроуміе, назвалъ палача бѣлоручкою, а всю картину казни — отвратительною! Вотъ ужъ подлинно бѣлоручка! Другой посмѣялся, какъ надъ нелѣпостью, надъ любовью старика Мазепы къ молодой дѣвушкѣ. Третій доказывалъ, что всѣ дѣйствующія лица „Полтавы" карикатурны, на основаніи отзывовъ Мазепы о Карлѣ XII и Петрѣ Великомъ!... И все это тогда читалось; многіе даже вѣрили дѣльности такихъ отзывовъ. *Бѣлинскій.*

Происхожденіе „Полтавы" и ея построеніе.

„Прочитавъ въ первый разъ стихи:

...Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь[1])

писалъ Пушкинъ, „я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры — и не мудрено и не великодушно; клевета и въ поэмахъ казалась мнѣ непохвальною: но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно. Однакожъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго благосклоннаго чувства, ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы — вотъ что увлекло меня. „Полтаву" написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все".

Этимъ признаніемъ самого автора объясняется важнѣйшее въ созданіи „Полтавы"; тѣ обстоятельства, при которыхъ возникла первая мысль написать поэму, рѣшаютъ форму этого произведенія и, какъ увидимъ ниже, наложили неизгладимую печать на самое содержаніе.

Форма опредѣлялась тѣмъ произведеніемъ, которое вызвало Пушкина на творчество. „Полтава" не возникла постепенно въ глубинѣ души его, вслѣдствіе долгихъ и многостороннихъ подготовительныхъ занятій, какъ то, напримѣръ, было при созданіи „Бориса Годунова". Содержаніе поэмы не было заранѣе обдумано въ цѣломъ: Пушкинъ принялся сразу за портретъ героини и за изображеніе страсти Мазепы. Только раздѣлавшись съ „увлекшими его" обстоятельствами, онъ наскоро набрасываетъ программу: „Портретъ Мазепы; его ненависть; его замыслы; его сношенія съ Петромъ и Карломъ; его хитрость.... ночи". Только мало-по-малу трагическая судьба обоихъ лицъ втянула его въ историческое повѣтствованіе. Черезъ 4 страницы послѣ первой программы является потребность въ продолженіи ея. И здѣсь все еще на первомъ планѣ — героиня. Вотъ это продолженіе программы: „Марія, Чуйкевичъ; доносъ; ночь передъ казнію; мать и Марія; казнь; сумасшествіе; измѣна; Полтава"...

Измѣна героя, согласно исторической роли его, привела фантазію поэта къ другому предмету, который всплылъ передъ нимъ во всемъ величіи своемъ послѣ того, какъ поэтъ удовлетворилъ первому увлеченію своего замысла. Источники, которыми пользовался Пушкинъ при написаніи поэмы, дѣлали также свое дѣло. Вчитываясь въ нихъ сначала съ цѣлью уловить черты лицъ, возбудившихъ его замыселъ, поэтъ невольно былъ охватываемъ судьбою новаго лица, — великаго царя, неоднократно его увлекавшаго и прежде, а съ нимъ —

---

[1]) Въ поэмѣ „Войнаровскій".

и судьбою государства. Повѣсть о личныхъ страстяхъ превратилась въ картину государственнаго событія; романическая поэма — въ поэму героическую, поэма о Маріи — въ „Полтаву“.

Отсюда двойственность этой поэмы, замѣченная критиками.

Быстро, заразъ написанная поэма, первая пѣснь которой окончена 3 октября, вторая — 9-го, а послѣдняя — 16-го, начатая какъ восполненіе непростительнаго пропуска „разительной черты“ Мазепы со стороны автора „Войнаровскаго“, зародилась въ фантазіи поэта поправкою и явилась вначалѣ какъ бы попыткою только распространить эпизодъ поэмы „Войнаровскаго“.

Поэма эта представляетъ сына родной сестры Мазепы — Войнаровскаго — въ концѣ его жизни, въ ссылкѣ, на берегу Лены. Академикъ Миллеръ во время своего ученаго путешествія по Сибири случайно посѣщаетъ его, и Войнаровскій разсказываетъ ему, кто онъ и какъ судьба забросила его въ ссылку. Счастливый мужъ и отецъ, ласкаемый могущественнымъ дядей, наслаждался Войнаровскій въ мирной тишинѣ родной Украйны. Но Мазепа замыслилъ измѣну.

Однажды позднею порою
Онъ въ свой дворецъ меня призвалъ
Вхожу — и слышу: „Я желалъ
Давно бесѣдовать съ тобою...
...Но къ тайнѣ приступить пора:
Я чту великаго Петра.
Но — покоряяся судьбинѣ —
Узнай: я врагъ ему отнынѣ!“

Войнаровскій разсказываетъ Миллеру свое участіе въ роковой войнѣ:

Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадилъ;
Я степи кровью обагрилъ,
И свой булатъ въ войнѣ кровавой
О кости русскихъ притупилъ.
Мазепа съ сѣвернымъ героемъ
Давалъ въ Украйнѣ бой за боемъ.
Дымились кровію поля.
Тѣла разбросанныя гнили,
Ихъ псы и волки теребили;
Казалась трупомъ вся земля!
Но всѣ усилья тщетны были:
Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ;

Часъ битвы роковой приспѣлъ —
И мы отчизну погубили!
Полтавскій громъ загрохоталъ...
Но въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпый
Противъ Петра не устоялъ.
Разбитъ, впервые онъ бѣжалъ;
Вослѣдъ ему — и мы съ Мазепой.

Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Боясь вражеской погони;
Уже измученные кони

Служить отказывались намъ.
Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ...

Они остановились въ лѣсу на отдыхъ. Въ это время Мазепа впадаетъ въ недугъ. Въ бреду, бросая кругомъ взгляды, старый гетманъ звалъ Войнаровскаго, Орлика... Ему грезились Кочубей и Искра на плахѣ, ихъ покатившіяся головы... то чудился ему грозный Петръ и храмъ, въ которомъ раздается проклятіе.

То трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь.

Черезъ нѣсколько дней Мазепа умеръ. Войнаровскій свой разсказъ академику оканчиваетъ повѣстью о дальнѣйшей судьбѣ своей:

какъ опостылѣли ему Бендеры, и онъ покинулъ ихъ; былъ схваченъ и сосланъ въ ту глухую сторону, гдѣ долго тосковалъ о родинѣ и дорогой женѣ. Однажды, бродя по берегу Лены, онъ встрѣтилъ ее, пришедшую искать мужа. Но счастіе ихъ было недолго: давно закравшійся недугъ свелъ ее въ могилу. Поэма оканчивается послѣднимъ пріѣздомъ къ ссыльному Миллера, который спѣшилъ сообщить ему радостную вѣсть о его помилованіи, но засталъ его уже умершимъ.

Къ поэмѣ были приложены краткія жизнеописанія Мазепы и Войнаровскаго и историческія примѣчанія. Безличная фигура Мазепы, искаженная въ этой сентиментальной и мелодической поэмѣ, настолько не удовлетворила Пушкина, что онъ рѣшился самъ воспроизвести Мазепу, задѣтый за живое.

Кромѣ „Исторіи Карла XII“ и „Исторіи Петра Великаго“ Вольтера, III и IV части „Дѣяній Петра Великаго“ Голикова, III часть „Исторіи Малой Россіи“ Д. Бантыша-Каменскаго (М. 4 части, въ тип. Селивановскаго 1822 г.) и „Журналъ, или поденная записка блаж. памяти Государя Императора Петра Великаго“, собранный княземъ М. Щербатовымъ (1770—1772) — были болѣе, нежели достаточны для цѣлей Пушкина.

Начиная свою поэму исключительно съ интересомъ къ драматическому положенію дочери Кочубея и Мазепы, Пушкинъ, очевидно, не придавалъ значенія ни хронологической вѣроятности ни дѣйствительнымъ біографическимъ фактамъ предшествующей жизни Мазепы; не смотрѣлъ и на героиню, какъ на лицо, вѣрное свидѣтельствамъ исторіи, замѣнивъ имя дочери Кочубея Матрены болѣе романическимъ именемъ Маріи. Когда же установленное поэтомъ драматическое положеніе обоихъ лицъ потребовало опоры на историческомъ фактѣ — доносѣ Кочубея и его послѣдствіяхъ — и Пушкинъ рѣшился принять на себя обязательства поэмы исторической: тогда неизбѣжно онъ долженъ былъ связать все написанное въ началѣ съ данными послѣдующихъ историческихъ событій. Это отразилось во-1-хъ, на объясненіи побужденія Мазепы къ измѣнѣ, и во 2-хъ, на продолженіи отношеній его къ дочери Кочубея до конца поприща.

Исторія въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича (въ пересказѣ Бантыша-Каменскаго) и Голикова указывала побудительной причиною измѣны Мазепы — любовь его къ княгинѣ Дульской (родственницы короля польскаго Станислава Лещинскаго), и для полученія ея руки — согласіе привесть Малороссію въ подданство польское при условіи быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и владѣтельнымъ княземъ Сѣверскимъ (или Полоцкимъ и Витебскимъ); исторія же въ лицѣ иностранныхъ, особенно польскихъ писателей (у Бантыша-Каменскаго и Голикова) побужденіемъ къ измѣнѣ указывала намѣреніе Мазепы доставить свободу утѣсненной Украйнѣ. Первое мнѣніе историковъ Пушкинъ не могъ принять уже потому, что распространилъ отношенія Мазепы къ дочери Кочубея на все время его участія въ войнѣ Петра Великаго съ Карломъ XII, до бѣгства въ Бендеры, во время котораго

является ему сумасшедшая Марія. Княгиня Дульская у Пушкина является лишь въ числѣ агентовъ въ сношеніяхъ Мазепы съ королемъ польскимъ. Второе мнѣніе историковъ Пушкинъ принялъ во вниманіе, обставивъ Мазепу волненіемъ Украйны противъ русскаго Царя и рисуя это волненіе красками даже болѣе яркими, нежели то предлагали русскіе историки-патріоты, которымъ Пушкинъ слѣдовалъ. Но въ основу измѣны Мазепы Пушкинъ положилъ личное мщеніе его Петру, оскорбившему его однажды въ ставкѣ подъ Азовомъ. Такое побужденіе не противорѣчило тому характеру Мазепы, какой сложился въ фантазіи Пушкина согласно его историческимъ источникамъ, но честолюбіе и властолюбіе Мазепы у Пушкина низведено до размѣровъ едва замѣтныхъ; корыстолюбіе же, на которое указывали историческіе источники Пушкина, исключено имъ совсѣмъ.

Послѣднею данью романтическому замыслу въ исторической части поэмы у Пушкина является юный казакъ, влюбленный безнадежно въ Марію. Судя по черновой программѣ, Пушкинъ замѣнилъ этимъ лицомъ историческое лицо — сына генеральнаго судьи Чуйкевича, который, по свидѣтельству историковъ, женился на Матренѣ. Влюбленный казакъ, какъ посланецъ съ доносомъ, соотвѣтствуютъ у Пушкина также двумъ посланцамъ съ доносомъ Кочубея, указаннымъ у Бантышъ-Каменскаго.

Что касается конечной судьбы дочери Кочубея, то Пушкинъ могъ считать себя въ полномъ правѣ создать вымыселъ, помимо историческихъ данныхъ, какъ скоро устранилъ и замужество и другіе факты жизни Матрены. Эта судьба указана у Бантышъ-Каменскаго слѣдующимъ краткимъ извѣстіемъ: „*Чуйкевичъ*, Максимовичъ, Зеленскій, Покатило, Гамалѣя и писарь Григорьевъ находились при Мазепѣ во время Полтавскаго сраженія. Изъ нихъ первый постригся въ монахи въ Сибири, *а жена его удалилась въ монастырь Малороссіи*“ (И. М. Р., прим. 166, стран. 50). Сумасшествіе Маріи является какъ нельзя болѣе согласнымъ съ тѣмъ трагическимъ положеніемъ, въ которое поставилъ ее поэтъ, и съ тѣмъ характеромъ, какимъ надѣлилъ онъ ее.

Поэтическія цѣли Пушкина во многомъ упростили и тѣ факты, которые согласны съ исторіей: пыткѣ послѣ доноса по поэмѣ подвергнуты только Кочубей и Искра, и лишь одинъ разъ, тогда какъ въ исторіи этой пыткѣ подвергнуты многія лица и не одинъ разъ; самыхъ доносовъ Кочубея Петру Бантышъ-Каменскій указываетъ два; не вводя новыхъ лицъ въ дѣйствія поэмы, Пушкинъ распорядителемъ допроса Кочубею и его пытки выводитъ Орлика вмѣсто министровъ Шафирова и Головкина (И. М. Р. III, гл. XXV и ниже вып. 28).

За исключеніемъ этихъ частностей весь ходъ измѣны и важнѣйшій моментъ борьбы Карла XII съ Петромъ Великимъ описывались Пушкинымъ несомнѣнно съ указанными историческими источниками въ рукахъ, что и давало ему право въ „Критическихъ замѣткахъ“ своихъ сказать: „Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь-въ-точь какъ и въ исторіи, а рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ“.

Отдѣльное историческое событіе, написанное въ поэмѣ наиболѣе обстоятельно — Полтавскій бой — создано на основаніи „Дѣяній Петра“ В. Голикова и отчасти журнала П. В. Этотъ эпизодъ представляетъ замѣчательный образецъ соединенія вѣрности историческому источнику съ сильнымъ дѣйствіемъ поэтическаго творчества, результатомъ котораго явился живой и величавый образъ полтавскаго побѣдителя.

Поэма вышла въ 1829 году особою книгою съ предисловіемъ, подписаннымъ 31-го января. *Поливановъ.*

Народныя черты въ поэмѣ „Полтава“.

Поэма была написана быстро, въ двѣ октябрьскія недѣли, подъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ строкъ „Войнаровскаго“, но она была выношена поэтомъ изъ чтенія Байрона на югѣ, изъ пребыванія въ Бендерахъ, гдѣ поэтъ еще въ 1824 году отыскивалъ могилу Мазепы, изъ воспоминаній о Кіевѣ. Быстро написанная поэма вылилась изъ подъ пера Пушкина безъ подробностей быта, нравовъ,— болѣе, какъ историческая картина и драматическая хроника, однако, вѣрная по изображенію природы и человѣческаго сердца. Въ ней нѣтъ тѣхъ матеріаловъ, которые послужили Гоголю для созданія „Тараса Бульбы“. „Полтава“ написана такъ же сильно, какъ небольшія пьесы Пушкина, относящіяся къ личности Петра Великаго, какъ поэмы Кавказа и Крыма, съ которыми „Полтава“ стоитъ въ бóльшей связи, чѣмъ, съ „Цыганами“. Мы понимаемъ теперь, почему поэтъ могъ написать Полтаву въ двѣ недѣли. Въ Мазепѣ онъ увидалъ такое же замѣчательное лицо эпохи Петра Великаго, какія онъ выносилъ, создавая „Бориса Годунова“. Малороссія „смутной поры“ представляла такіе же характеры, какъ время Годунова и Самозванца. Несчастная семья Кочубея, сдѣлавшагося страдальцемъ изъ мести, коварство честолюбиваго гетмана-измѣнника, движеніе Карла XII — всѣ эти „насилія, бѣдствія, побѣды“, оставившія кровавый слѣдъ, отвѣчали исчезнувшему времени Годунова и Лжедимитрія. Не въ нихъ, а „въ гражданствѣ Сѣверной державы“ поэтъ видѣлъ свой идеалъ, и, естественно, съ простотой народнаго поэта воспѣлъ побѣду Петра Великаго. Эти народныя черты отражаются въ повтореніяхъ о красотѣ украинской ночи, въ сравненіяхъ битвы съ пахаремъ, войны съ грозой, отражающейся въ очахъ Петра. Мысль поэта объ отношеніи этихъ событій какъ-будто сказывается въ соотвѣтствіи заключенія поэмы о Малороссіи 1828 года (Прошло сто лѣтъ — и что жъ осталось) и вступленіемъ къ „петербургской повѣсти — Мѣдный Всадникъ“ 1833 года.

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ,
Вознесся пышно, горделиво.

Мѣстныя черты „Полтавы“, какъ въ „Гусарѣ“ 1833 года (въ которомъ даже рѣчь народа вошла въ произведеніе русскаго поэта: „эге! галушки, хлопецъ, дурень, чернобривой“), выступаютъ нерѣдко, но все-таки не въ такихъ неопредѣленныхъ чертахъ, какъ въ „Русланѣ и Людмилѣ“ [1]), чудесный „Прологъ“ къ которому Пушкинъ написалъ въ 1828 году, и въ которомъ только и отмѣчены: туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ“ и „предъ нимъ уже днѣпровски волны въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ; ужъ видитъ златоверхій градъ“. Въ „Полтавѣ“ почти все проникнуто мѣстными красками: кіевскія высоты, сады съ тополями, замки, хутора, синій Днѣпръ, панъ гетманъ, сердюки, долгогривые кони, погони, грабежи и кровавыя сцены и рядомъ „моленье ликовъ громогласныхъ за упокой души несчастныхъ“. Въ 1835 года Пушкинъ развилъ „Пиръ Петра Великаго“, начертанный въ „Полтавѣ“, въ другую картину:

Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира ль проситъ грозный врачъ?
Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь —
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?

Нѣтъ, онъ съ поданнымъ мирится;
... И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ...
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ
(II, 178—179).

Итакъ, Петръ Великій и Полтавскій бой заслонили отъ Пушкина подробности внутренней жизни старой Малороссіи XVII—XVIII вѣковъ. Поэтому въ ней нѣтъ той глубины бытового содержанія, какъ въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ и въ „Цыганахъ“: отсутствуютъ народныя пѣсни (с. р. татарскую пѣсню, молдавскую, сколько въ нихъ правды, и какъ безцвѣтны слова о слѣпомъ украинскомъ пѣвцѣ съ пѣснями о грѣшной дѣвѣ, или имена стараго Дорошенки, молодого Самойловича), школьные типы, хотя въ обрисовкѣ казачества много жизни и движенья.

Владиміровъ.

Характеристика Мазепы и Петра Великаго по поэмѣ „Полтава“.

Характеръ Мазепы обрисованъ съ поразительной ясностью. „Какой отвратительный предметъ! — говоритъ поэтъ въ замѣткѣ о своей „Полтавѣ“. Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость“. Въ поэмѣ эти черты Мазепы выясняются еще опредѣленнѣе. Гетманъ скрытенъ и коваренъ.

---

[1]) Вотъ общія черты первой поэмы Пушкина съ „Полтавой“. „Навстрѣчу утреннимъ лучамъ“ (II, 233); „То былъ Русланъ. Какъ божій громъ“ (272); ср. описаніе битвы кіевлянъ съ печенѣгами (271). Связь „Руслана и Людмилы“ съ лѣтописями отмѣчена авторомъ: „Монахъ, который сохранилъ потомству вѣрное преданье о славномъ витязѣ моемъ“ (II, 256).

Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко.
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.

Эта двойственность образа Мазепы, эта рѣзкая противоположность затаеннаго зла и кажущейся привлекательности придаетъ коварству стараго гетмана какой-то демоническій колоритъ. Мазепа золъ, какъ темный геній, но онъ умѣетъ очаровывать, умѣетъ соблазнять, какъ демонъ-искуситель.

Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливый
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!

Всѣ, имѣвшіе случай сблизиться съ Мазепой, испытывали на себѣ его неотразимое вліяніе. Такъ было съ Кочубеемъ:

Предъ Кочубеемъ гетманъ скрытный
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывалъ
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ было сердце Кочубея
Въ то время предано ему...

Еще сильнѣе почувствовала на себѣ эту силу соблазна несчастная дочь Кочубея. Припомнимъ трогательное обращеніе поэта къ „красѣ черкасскихъ дочерей“.

Какой же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты мать забыть для нихъ могла,
Соблазномъ постланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла!
Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими чудными рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ;
Тебѣ пріятенъ твой позоръ,
Ты имъ въ безумномъ упоеньи
Какъ цѣломудріемъ горда;
Ты прелесть нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьи...

Не избѣжали чаръ Мазепы даже геніальный Петръ и его умные сотрудники:

Ему,
Врагу Россіи, самому
Вельможи русскіе послали
Въ Полтавѣ писанный доносъ
И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ царь Іуду утѣшалъ
И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго обѣщалъ!

Кочубей и Искра казнены по приказанію царя.

Кто такъ осторожно и искусно добивается исполненія своихъ желаній, кто такъ спокойно и обдуманно пользуется своей чарующей силой, тотъ, очевидно, склоненъ смотрѣть на людей, какъ на орудія своей воли, какъ на средства для достиженія своихъ стремленій. Для него дорого, значительно и цѣнно только то, что такъ или иначе связано съ его неограниченнымъ самолюбіемъ, съ его властолюбивыми замыслами. Все, что не отвѣчаетъ интересамъ Мазепы, все, что ему мѣшаетъ, должно быть устранено, должно быть принесено въ жертву ему, его самодовлѣющему эгоизму. Надъ этими жертвами, надъ ихъ страданіями Мазепа не задумывается.

Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его не укротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ,
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ.
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.
„Умретъ безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ;
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клевретъ
Умрутъ“.

Отчизна для Мазепы — такое же средство для удовлетворенія властолюбивыхъ вожделѣній, какъ и отдѣльные люди.

Не ужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ,
Съ нимъ полномощный езуитъ
Мятежъ народный учреждаетъ
И шаткій тронъ ему сулитъ.

О тронѣ говоритъ и самъ Мазепа, открывая свои думы преданной Маріи:

Борьбы великой близокъ часъ
Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украйнѣ быть уже пора —
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба короля
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
Быть можетъ, тронъ воздвигну я.

Влюбленная Марія съ восторгомъ раздѣляетъ эту мечту Мазепы:

О, милый мой,
Ты будешь царь земли родной,
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

Но тѣхъ, кто шелъ за Мазепой, какъ за народнымъ вождемъ, не порадовала бы, конечно, эта мечта о тронѣ и коронѣ. Они не пошли бы за мнимымъ вождемъ, если бы знали его тайныя властолюбивыя думы.

Мазепа Пушкина — великая психическая сила, но сила, замкнувшаяся въ какомъ-то несчастномъ самообожаніи, не различающая, не умѣющая или не желающая различать добра и зла, сила, подчиняющая высшія нравственныя отношенія интересамъ личнаго блага, — сила, проявляющая свою энергію внѣ предѣловъ, очерчиваемыхъ требованіями этическаго сознанія.

Пушкинъ, по его словамъ, написалъ „Полтаву“ „въ нѣсколько дней“. Эта быстрота работы, это одушевленіе, съ которымъ начата и окончена была поэма, ясно указываютъ на то, что поэтъ работалъ надъ хорошо ему знакомымъ матеріаломъ, рѣшалъ интересную задачу, надъ которой уже останавливалась его мысль.

Вдумываясь въ развитіе творческой мысли нашего великаго поэта, останавливаясь на тѣхъ образахъ, въ которыхъ воплощалась эта мысль, мы можемъ, кажется, угадать причину того одушевленія, съ какимъ написана „Полтава“. Выслушаемъ исповѣдь самого поэта:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія —
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи.
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.
Я видѣлъ міръ его глазами,
Онъ обѣщалъ...
Истолковать мнѣ все творенье
И разгадать добро и зло.
Непостижимое волненье
Меня къ лукавому влекло...

Пушкинъ долго и настойчиво боролся съ этимъ хитрымъ и злымъ искусителемъ, боролся и побѣдилъ, побѣдилъ, по крайней мѣрѣ, въ поэтическомъ сознаніи. Слѣды этой борьбы и этой побѣды, слѣды этого торжества надъ врагомъ легко отыскиваются въ цѣломъ рядѣ произведеній нашего поэта. Такая именно побѣдная пѣснь надъ злобнымъ геніемъ звучитъ въ словахъ стараго цыгана, обращенныхъ къ Алеко:

Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ!
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ,
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ — оставь же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою.

Отголоски той же борьбы слышатся въ рядѣ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ „Онѣгинѣ“. Припомнимъ XIV строфу второй главы этого романа:

Всѣ предразсудки истребя,
Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.

Онѣгинъ еще лучше другихъ: онъ, правда, „презиралъ людей“,

Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ отличалъ
И вчужѣ чувство уважалъ.
Не посвящалъ друзей въ шпіоны,
Не думалъ, что добро, законы,
Любовь къ отечеству, права
(Лишь только) звучныя слова.

Онѣгинъ

Издавна чтенье разлюбилъ;
Однакожъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Въ произведеніяхъ пѣвца Гяура и Жуана „современный человѣкъ“ отразился съ такими же чертами, какъ и въ этихъ романахъ:

Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

Припомнимъ еще проникнутое глубокой ироніей обращеніе поэта къ читателю въ XXII строфѣ четвертой главы „Онѣгина“:

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудовъ напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочетный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.

Къ 1831 году относится отрывокъ повѣсти изъ петербугской жизни, оставшейся неоконченною. Главное дѣйствующее лицо этой повѣсти, Минскій — такой именно „современный человѣкъ“, какимъ его изображаетъ Пушкинъ въ „Онѣгинѣ“. „Въ первой молодости Минскій порочнымъ своимъ поведеніемъ заслужилъ порицаніе свѣта, который наказалъ его клеветою. Минскій оставилъ его, притворясь равнодушнымъ. Страсти на время заглушили въ его сердцѣ угрызенія самолюбія; но, усмиренный опытами, явился онъ вновь на сцену общества и принесъ ему уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Онъ не любилъ свѣта, но не презиралъ, ибо зналъ необходимость его одобренія. Со всѣмъ тѣмъ, уважая вообще, онъ не щадилъ его въ особенности, и каждаго члена его готовъ былъ принести въ жертву своему злопамятному самолюбію“. Минскій узнаетъ, что онъ любимъ. „Самолюбіе его было тронуто; не полагая, чтобъ легкомысліе могло быть соединено съ сильными страстями, онъ предвидѣлъ связь безъ всякихъ важныхъ послѣдствій, лишнюю женщину въ спискѣ вѣтреныхъ своихъ любовницъ, и хладнокровно обдумывалъ свою побѣду. Вѣроятно, если бъ онъ могъ вообразить бури, его ожидающія, то отказался бы отъ своего

торжества, ибо свѣтскій человѣкъ легко жертвуетъ своими наслажденіями и даже тщеславіемъ — лѣни и благоприличію"...

Родня Минскому и несчастный Германнъ, появляющійся въ повѣсти „Пиковая дама". Одинъ изъ пріятелей Германна полу-шутя, полусеріозно отзывается о немъ такъ: „лицо истинно романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совѣсти по крайней мѣрѣ три злодѣйства".

Но вѣдь холодный, безнадежный эгоизмъ — совсѣмъ не новость, не открытіе XIX вѣка. При своихъ историческихъ изученіяхъ нашъ поэтъ встрѣтился съ такимъ типически-безнадежнымъ эгоистомъ, съ такой „безнравственной душой, себялюбивой и сухой", какой не отказался бы позавидовать и „современный человѣкъ". Эгоисты стараго времени были даже сильнѣе своихъ потомковъ; имъ была чужда та разочарованность, та внутренняя разорванность, которыя убивали энергію людей, умъ которыхъ кипѣлъ лишь въ дѣйствіи пустомъ. Размахъ этихъ сильныхъ людей минувшей поры былъ шире, ихъ энергія не знала устали. Таковъ именно Мазепа,

Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
Неутомимъ преступный жаръ.

На широкомъ фонѣ крупныхъ историческихъ событій поэтъ нашелъ полный просторъ для свободнаго и яркаго изображенія хорошо знакомаго ему психологическаго типа. И нужно сказать, что Пушкинъ высказался здѣсь полно, безъ недомолвокъ и сомнѣній. Рисуя портретъ Мазепы, поэтъ не берегъ черной краски. „Мезепа не вѣдаетъ святыни", „не помнитъ благостыни", „не любитъ ничего", „готовъ лить кровь, какъ воду", онъ „презираетъ свободу", для него „нѣтъ отчизны". Душа Мазепы — душа „свирѣпая и развратная". Въ этой душѣ

проходятъ думы
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.

Поэтъ не могъ, повидимому, говорить спокойно о Мазепѣ: „Какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы — вотъ что̀ увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все". Это раздраженіе, это волненіе чувства при поэтическомъ воспроизведеніи характера Мазепы остались бы для насъ не вполнѣ понятными, если бы мы не припомнили „искушеніе" поэта, его борьбу съ злымъ геніемъ. Въ характерѣ и дѣйствіяхъ Мазепы Пушкинъ нашелъ что-то напоминавшее „язвительныя рѣчи" его демона, нашелъ знакомое настроеніе мысли и чувства. Это настроеніе было пережито и отвергнуто поэтомъ, но онъ продолжалъ бороться съ нимъ, какъ съ болѣзнью вѣка.

Петръ Великій, какъ его изображаетъ Пушкинъ въ „Полтавѣ" и въ другихъ произведеніяхъ — нравственная антитеза Мазепы.

И Мазепа, и Петръ — своего рода чародѣи. Гетманъ

умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно.
Чужія тайны разрѣшать.

Секретъ этихъ чаръ — ловкій, хитрый обманъ. Обманъ однако раскрывается. Расходится по воздуху дымъ выстрѣловъ Полтавской битвы, разсѣиваются вмѣстѣ съ нимъ и замыслы гордаго хитреца. Онъ бѣжитъ отъ преслѣдованій грознаго противника, покидаетъ родину, умираетъ на чужбинѣ.

И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы гетманской могилы:
Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ.

Не такова судьба другого чародѣя. Основа его волшебства — иная: не обманъ, а правда:

Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни,
Но правдой онъ привлекъ сердца.

Въ чемъ же выражалась эта привлекательная правда? Мазепа „ни единой обиды съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ". Не таковъ Петръ. Онъ „памятью незлобенъ", онъ

прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Для Мазепы „нѣтъ отчизны". Онъ примыкаетъ къ народному движенію, но примыкаетъ лишь потому, что съ этимъ движеніемъ связывались его себялюбивые расчеты, его властолюбивые замыслы. Если бъ не было этихъ расчетовъ и этихъ замысловъ, Мазепа остался бы, конечно, совершенно равнодушнымъ къ затѣямъ „друзей кровавой старины". Не такіе замыслы и не такія чувства находимъ у Петра. Онъ

Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ судьбы предназначенье.

Въ „Полтавѣ" поэтъ гораздо больше говоритъ о Мазепѣ, чѣмъ объ его великомъ противникѣ, который появляется передъ нами лишь въ послѣдней главѣ поэмы. Мы выслушиваемъ разговоры Мазепы съ Орликомъ, съ Маріей; Петръ произноситъ въ поэмѣ только четыре слова: „За дѣло, съ Богомъ!" Но для пониманія Пушкинскаго Петра намъ и не нужно обстоятельныхъ разъясненій и продолжительныхъ бесѣдъ. Мазепа и дѣло, въ которомъ онъ принимаетъ участіе, не связаны союзомъ нравственной необходимости. Петръ — весь въ своемъ дѣлѣ. Его интересовъ нельзя отдѣлить отъ его заботъ объ общемъ благѣ, отъ всего того, что признаетъ нужнымъ и полезнымъ для родной земли этотъ „вѣчный работникъ съ всеобъемлющей душой". Изобразить дѣло, которымъ занятъ такой работникъ, значитъ изобразить его самого. Пушкинъ такъ и сдѣлалъ. Петръ появляется лишь въ концѣ поэмы,

но его присутствіе, его центральное положеніе въ величаво развертывающейся исторической картинѣ чувствуется въ продолженіе всей поэмы. Мазепа хитритъ и строитъ козни, сѣетъ смуту, вступаетъ въ сношенія съ врагами Руси. Зачѣмъ? Цѣль всѣхъ этихъ сложныхъ затѣй — Петръ, борьба съ Петромъ.

Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовомъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ.
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые.
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.

Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ:
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.

Петръ долго не замѣчалъ притворства Мазепы. Онъ продолжалъ довѣрять гетману даже послѣ доноса Кочубея. Въ этой довѣрчивости, недопускающей мысли объ обманѣ и интригѣ, въ отсутствіи подозрительности обнаруживается та черта великаго человѣка, которую Пушкинъ называлъ простодушіемъ генія. „Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость рѣдко соединяется съ геніемъ, обыкновенно простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ“.

Пушкину нравилось отыскивать у великихъ людей эту простодушную откровенность.

Съ особенной яркостью эта черта простодушія проявляется въ характерѣ геніальнаго композитора, изображеннаго Пушкинымъ въ сценахъ: „Моцартъ и Сальери“. Моцартъ весело смѣется, когда слѣпой скрипачъ уродливо передаетъ его пьесу; съ полной искренностью онъ высказываетъ Сальери свое завѣтное убѣжденіе: „геній и злодѣйство — двѣ вещи не совмѣстныя“. Онъ и не подозрѣваетъ, какую муку вызовутъ въ душѣ Сальери эти простыя слова:

...ужель онъ правъ
И я не геній? Геній и злодѣйство —
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонаротти?... Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы — и не былъ
Убійцею создатель Ватикана?

Сальери не лишенъ таланта, но онъ не геній, у него нѣтъ и простодушія генія. Имъ овладѣваетъ зависть, глубокая, мучительная зависть:

Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда-нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ

Песокъ и пыль грызущею безсильно?
Никто!... А нынѣ — самъ скажу — я нынѣ
Завистникъ! Я завидую, глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!
Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?... О Моцартъ, Моцартъ!

Сальери старается убѣдить себя, что Моцартъ — врагъ искусства, врагъ и его, жреца искусства:

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
Остановить, не то мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ.
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

Mutatis mutandis, во взаимныхъ отношеніяхъ Моцарта и Сальери есть нѣкоторое сходство съ отношеніями Петра и Мазепы, но развязка этихъ отношеній иная: въ „Полтавѣ“ гибнетъ хитрый злодѣй, въ „Моцартѣ и Сальери“ — простодушный геній. Моцартъ, уже выпившій отравленное вино, садится къ фортепіано и знакомитъ Сальери съ своимъ послѣднимъ музыкальнымъ созданіемъ:

Онъ самъ играетъ свой Requiem.

Слушай же Сальери,
Мой Requiem.
(Играетъ).
Ты плачешь?

Сальери.

Эти слезы
Впервые лью: и больно и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

Въ „Полтавѣ“ торжествуютъ правда и геній, но и эта поэма заключается грустной думой:

Прошло сто лѣтъ — и что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.

Ждановъ.

Историческое и общественное значеніе романа „Евгеній Онѣгинъ“*).

Признаемся: не безъ нѣкоторой робости приступаемъ мы къ критическому разсмотрѣнію такой поэмы, какъ „Евгеній Онѣгинъ“. И эта робость оправдывается многими причинами. „Онѣгинъ“ есть самое задушевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его фантазіи, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась бы съ такой полнотой, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ „Онѣгинѣ“ личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его чувства, понятія, идеалы. Оцѣнить такое произведеніе, значитъ — оцѣнить самого поэта, во всемъ объемѣ его творческой дѣятельности. Не говоря уже объ эстетическомъ достоинствѣ „Онѣгина“, эта поэма имѣетъ для насъ, русскихъ огромное историческое и общественное значеніе. Съ этой точки зрѣнія даже и то, что теперь критика могла бы съ основательностью назвать въ „Онѣгинѣ“ слабымъ или устарѣлымъ, — даже и то является исполненнымъ глубокаго значенія, великаго интереса. И насъ приводитъ въ затрудненіе не одно только сознаніе слабости нашихъ силъ для вѣрной оцѣнки такого произведенія, но и необходимость въ одно и то же время во многихъ мѣстахъ „Онѣгина“, съ одной стороны, видѣть недостатки, съ другой — достоинства. Большинство нашей публики еще не стало выше этой отвлеченной и односторонней критики, которая признаетъ въ произведеніяхъ искусства только безусловные недостатки или безусловныя достоинства. Вотъ почему нѣкоторые критики добродушно были убѣждены, что мы не уважаемъ Державина, находя въ немъ великій талантъ и въ то же время не находя между произведеніями его ни одного, которое было бы вполнѣ художественно и могло бы вполнѣ удовлетворить требованіямъ эстетическаго вкуса нашего времени. Но въ отношеніи къ „Онѣгину“ наши сужденія могутъ показаться многимъ еще болѣе противорѣчащими, потому что „Онѣгинъ“ со стороны формы есть произведеніе въ высшей степени художественное, а со стороны содержанія самые его недостатки составляютъ его величайшія достоинства. Вся наша статья объ „Онѣгинѣ“

---

*) См. стран. 112—114; 221—236.

будетъ развитіемъ этой мысли, какою бы ни показалась она съ перваго взгляда многимъ изъ нашихъ читателей.

Прежде всего въ „Онѣгинѣ“ мы видимъ поэтически воспроизведенную картину русскаго общества, взятаго въ одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ его развитія. Съ этой точки зрѣнія „Евгеній Онѣгинъ“ есть поэма историческая въ полномъ смыслѣ слова, хотя въ числѣ ея героевъ нѣтъ ни одного историческаго лица. Историческое достоинство этой поэмы тѣмъ выше, что она была на Руси и первымъ и блистательнымъ опытомъ въ этомъ родѣ. Въ ней Пушкинъ является не просто поэтомъ только, но и представителемъ впервые пробудившагося общественнаго самосознанія: заслуга безпримѣрная! До Пушкина русская поэзія была не болѣе какъ понятливою и переимчивою ученицей европейской музы, и потому всѣ произведнія русской поэзіи до Пушкина какъ-то походили больше на этюды и копіи, нежели на свободныя произведенія самобытнаго вдохновенія. Самъ Крыловъ — этотъ талантъ, столько же сильный и яркій, сколько національно-русскій, долго не имѣлъ смѣлости отказаться отъ незавидной чести быть то переводчикомъ, то подражателемъ Лафонтена. Въ поэзіи Державина ярко проблескиваютъ и русская рѣчь и русскій умъ, по не больше, какъ проблескиваютъ, потопляемые водою реторически-понятыхъ иноземныхъ формъ и понятій. Озеровъ написалъ русскую трагедію, даже историческую — „Димитрія Донского“, но въ ней русскаго и историческаго — одни имена: все остальное столько же русское и историческое, сколько французское или татарское. Жуковскій написалъ двѣ русскія баллады — „Людмилу“ и „Свѣтлану“; но первая изъ нихъ есть передѣлка нѣмецкой (и притомъ довольно дюжинной) баллады, а другая, отличаясь дѣйствительно поэтическими картинами русскихъ святочныхъ обычаевъ и зимней русской природы, въ то же время вся проникнута нѣмецкою сентиментальностью и нѣмецкимъ фантазмомъ. Муза Батюшкова, вѣчно скитаясь подъ чужими небесами, не сорвала ни одного цвѣтка на русской почвѣ. Всѣхъ этихъ фактовъ было достаточно для заключенія, что въ русской жизни нѣтъ и не можетъ быть никакой поэзіи, и что русскіе поэты должны за вдохновеніемъ скакать на Пегасѣ въ чужіе края, даже на Востокъ, не только на Западъ. Но съ Пушкинымъ русская поэзія изъ робкой ученицы явилась даровитымъ и опытнымъ мастеромъ. Разумѣется, это сдѣлалось не вдругъ, потому что вдругъ ничего не дѣлается. Въ поэмахъ: „Русланъ и Людмила“ и „Братья разбойники“ Пушкинъ былъ не больше, какъ ученикомъ, подобно своимъ предшественникамъ, — но не въ поэзіи только, какъ они, а еще и въ попыткахъ на поэтическое изображеніе русской дѣйствительности. Есть у Пушкина русская баллада „Женихъ“, написанная имъ въ 1825 году, въ которой появилась и первая глава „Онѣгина“. Эта баллада и со стороны формы и со стороны содержанія насквозь проникнута русскимъ духомъ, и о ней въ тысячу разъ больше, чѣмъ о „Русланѣ и Людмилѣ“, можно сказать:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ.

Такъ какъ эта баллада и тогда не обратила на себя особеннаго вниманія, а теперь почти всѣми забыта, мы выпишемъ изъ нея сцену сватовства:

Наутро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданная приходитъ,
Наташу хвалитъ, разговоръ
Съ отцомъ ея заводитъ:
„У васъ товаръ, у насъ купецъ,
Собою парень молодецъ.
И статный и проворный,
Не вздорный, не зазорный.
Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется въ поясъ.
А какъ бояринъ, между тѣмъ,
Живетъ, не безпокоясь;
А подаритъ невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.
Катаясь, видѣлъ онъ вчера
Ее за воротами;
Не по рукамъ ли, да съ двора
Да въ церковь съ образами!"
Она сидитъ за пирогомъ,
Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.
„Согласенъ, говоритъ отецъ;
Ступай благополучно,
Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все касаткѣ распѣвать,
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить".

И такова вся эта баллада, отъ перваго до послѣдняго слова! Но не въ такихъ произведеніяхъ должно видѣть образцы проникнутыхъ національнымъ духомъ поэтическихъ созданій — и публика не безъ основанія не обратила особеннаго вниманія на эту чудную балладу. Міръ, такъ вѣрно и ярко изображенный въ ней, слишкомъ доступенъ для всякаго таланта уже по слишкомъ рѣзкой его особенности. Сверхъ того, онъ такъ тѣсенъ, мелокъ и немногосложенъ, что истинный талантъ не долго будетъ воспроизводить его, если не захочетъ, чтобъ его произведенія были односторонни, однообразны и скучны, несмотря на всѣ ихъ достоинства. Вотъ почему человѣкъ съ талантомъ дѣлаетъ обыкновенно не болѣе одной или, много, двухъ попытокъ въ такомъ родѣ; для него это — дѣло, между прочимъ, затѣянное больше изъ желанія испытать свои силы и на этомъ поприщѣ, нежели изъ особеннаго уваженія къ этому поприщу.

„Истинная національность (говоритъ Гоголь) состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа; поэтъ можетъ быть даже и тогда національенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами своего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами". Разгадать тайну народной психики — для поэта значитъ умѣть равно быть вѣрнымъ дѣйствительности при изображеніи и низшихъ, и среднихъ, и высшихъ сословій. Кто умѣетъ схватить рѣзкіе оттѣнки только грубой простонародной жизни, не умѣя схватывать болѣе тонкихъ и сложныхъ оттѣнковъ образованной жизни, тотъ никогда не будетъ великимъ поэтомъ, и еще менѣе имѣетъ право на громкое титло національнаго поэта. Великій національный поэтъ равно умѣетъ заставить говорить и барина и мужика ихъ языкомъ. И если произведеніе,

котораго содержаніе взято изъ жизни образованныхъ сословій, не заслуживаетъ названія національнаго,—значитъ, оно ничего не стоитъ и въ художественномъ отношеніи, потому что невѣрно духу изображаемой имъ дѣйствительности. Поэтому не только такія произведенія, какъ „Горе отъ ума“ и „Мертвыя души“, но и такія, какъ „Герой нашего времени“, суть столько же національныя, сколько превосходныя поэтическія созданія.

И первымъ такимъ національно-художественнымъ произведеніемъ былъ „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина. Въ этой рѣшимости молодого поэта представить нравственную физіономію наиболѣе объевропеившагося въ Россіи сословія нельзя не видѣть доказательства, что онъ былъ и глубоко сознавалъ себя національнымъ поэтомъ. Онъ понялъ, что время эпическихъ поэмъ давнымъ-давно прошло, и что для изображенія современнаго общества, въ которомъ проза жизни такъ глубоко проникла самую поэзію жизни, нуженъ романъ, а не эпическая поэма. Онъ взялъ эту жизнь, какъ она есть, не отвлекая отъ нея только однихъ поэтическихъ ея мгновеній; взялъ ее со всѣмъ холодомъ, со всею ея прозой и пошлостью. И такая смѣлость была бы менѣе удивительною, если бы романъ затѣянъ былъ въ прозѣ; но писать подобный романъ въ стихахъ, въ такое время, когда на русскомъ языкѣ не было ни одного порядочнаго романа и въ прозѣ, — такая смѣлость, оправданная громаднымъ успѣхомъ, была несомнѣннымъ успѣхомъ геніальности поэта.

Мы начали статью съ того, что „Онѣгинъ“ есть поэтически вѣрная дѣйствительности картина русскаго общества въ извѣстную эпоху. Картина эта явилась во-время, т.-е. именно тогда, когда явилось то, съ чего можно было срисовать ее, — общество. Вслѣдствіе реформы Петра Великаго, въ Россіи должно было образоваться общество, совершенно отдѣльное отъ массы народа по своему образу жизни. Но одно исключительное положеніе еще не производитъ общества: чтобъ оно сформировалось, нужны были особенныя основанія, которыя обезпечивали бы его существованіе, и нужно было образованіе, которое давало бы не одно внѣшнее, но и внутреннее единство. Екатерина II *жалованною грамотой* опредѣлила въ 1785 году права и обязанности дворянства. Это обстоятельство сообщило совершенно новый характеръ вельможеству — единственному сословію, которое при Екатеринѣ II достигло высшаго своего развитія и было просвѣщеннымъ, образованнымъ сословіемъ. Вслѣдствіе нравственнаго движенія, сообщеннаго грамотою 1785 года, за вельможествомъ началъ возникать классъ средняго дворянства. Подъ словомъ *возникать* мы разумѣемъ слово *образовываться*. Въ царствованіе Александра Благословеннаго значеніе этого во всѣхъ отношеніяхъ лучшаго сословія все увеличивалось и увеличивалось, потому что образованіе все болѣе и болѣе проникало во всѣ углы огромной провинціи, усѣянной помѣщичьими владѣніями. Такимъ образомъ формировалось общество, для котораго благородныя наслажденія бытія становились уже потребностью,

какъ признакъ возникающей духовной жизни. Общество это удовлетворялось уже не одною охотой, роскошью и пирами, даже не одними танцами и картами: оно говорило и читало по французски; музыка и рисованіе тоже входили у него, какъ необходимость, въ планъ воспитанія дѣтей. Державинъ, Фонвизинъ и Богдановичъ — эти поэты въ свое время извѣстные только одному двору, тогда сдѣлались болѣе или менѣе извѣстными и этому возникающему обществу. Но что всего важнѣе — у него явилась своя литература, уже болѣе легкая, живая, общественная и *свѣтская*, нежели тяжелая школьная и книжная. Если Новиковъ распространилъ изданіемъ книгъ и журналовъ всякаго рода охоту къ чтенію и книжную торговлю и черезъ это создалъ массу учителей, то Карамзинъ своей реформой языка, направленіемъ, духомъ и формою своихъ сочиненій породилъ литературный вкусъ и создалъ публику. Тогда и поэзія вошла, какъ элементъ, въ жизнь новаго общества. Красавицы и молодые люди толпами бросились на „Лизинъ прудъ", чтобы „слезою чувствительности" почтить память горестной жертвы страсти и обольщенія. Стихотворенія Дмитріева, запечатлѣнныя умомъ, вкусомъ, остротою и граціею, имѣли такой же успѣхъ и такое же вліяніе, какъ и проза Карамзина. Порожденная ими сентиментальность и мечтательность, несмотря на ихъ смѣшную сторону, были великимъ шагомъ впередъ для молодого общества. Трагедіи Озерова придали еще болѣе силы и блеска этому направленію. Басни Крылова давно уже не только читались взрослыми, но и заучивались наизусть дѣтьми. Вскорѣ появился юноша-поэтъ, который въ эту сентиментальную литературу внесъ романтическіе элементы глубокаго чувства, фантастической мечтательности и эксцентрическаго стремленія въ область чудеснаго и невѣдомаго и который познакомилъ и породнилъ русскую музу съ музою Германіи и Англіи. Вліяніе литературы на общество было гораздо важнѣе, нежели какъ у насъ объ этомъ думаютъ: литература, сближая и сдружая людей разныхъ сословій узами вкуса и стремленіемъ къ благороднымъ наслажденіямъ жизни, *сословіе* превратило въ *общество*. Но, несмотря на то, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что классъ дворянства былъ и, по преимуществу, представителемъ общества и, по преимуществу, непосредственнымъ источникомъ образованія всего общества. Увеличеніе средствъ къ народному образованію, учрежденіе университетовъ, гимназій, училищъ, заставляло общество расти не по днямъ, а по часамъ. Время отъ 1812 до 1815 года было великою эпохой для Россіи. Мы разумѣемъ здѣсь не только внѣшнее величіе и блескъ, какими покрыла себя Россія въ эту великую для нея эпоху, но и внутреннее преуспѣяніе въ гражданственности и образованіи, бывшее результатомъ этой эпохи. Можно сказать безъ преувеличенія, что Россія больше прожила и дальше шагнула отъ 1812 года до настоящей минуты, нежели отъ царствованія Петра до 1812 года. Съ одной стороны, 12-й годъ, потрясши всю Россію изъ конца въ конецъ, пробудилъ ея спящія силы и открылъ въ ней новые, дотолѣ неизвѣстные источники силъ, чувствомъ

общей опасности сплотилъ въ одну огромную массу коснѣвшія въ чувствѣ разъединенныхъ интересовъ частныя воли, возбудилъ народное сознаніе и народную гордость и всѣмъ этимъ способствовалъ зарожденію публичности, какъ началу общественнаго мнѣнія; кромѣ того, 12-й годъ нанесъ сильный ударъ коснѣющей старинѣ: вслѣдствіе его исчезли неслужащіе дворяне, спокойно рождавшіеся и умиравшіе въ своихъ деревняхъ, не выѣзжая за заповѣдную черту ихъ владѣній; глушь и дичь быстро исчезли вмѣстѣ съ потрясенными остатками старины. Съ другой стороны, вся Россія, въ лицѣ своего побѣдоноснаго войска, лицомъ къ лицу увидѣлась съ Европою, пройдя по ней путемъ побѣдъ и торжествъ.

Все это сильно способствовало возрастанію и укрѣпленію возникшаго общества. Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія русская литература отъ подрожательности устремилась къ самобытности: явился Пушкинъ. Онъ любилъ сословіе, въ которомъ почти исключительно выразился прогрессъ русскаго общества и къ которому принадлежалъ самъ, — и въ „Онѣгинѣ“ онъ рѣшился представить намъ внутреннюю жизнь этого сословія, а вмѣстѣ съ нимъ и общество, въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ избранную имъ эпоху, т.-е. въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія.

Несмотря на то, что романъ носитъ на себѣ имя своего героя, — въ романѣ не одинъ, а два героя: Онѣгинъ и Татьяна. Въ обоихъ ихъ должно видѣть представителей обоихъ половъ русскаго общества въ ту эпоху. Обратимся къ первому. Поэтъ очень хорошо сдѣлалъ, выбравъ себѣ героя изъ высшаго круга общества. Онѣгинъ — отнюдь не вельможа (уже и потому, что временемъ вельможества былъ только вѣкъ Екатерины II); Онѣгинъ — свѣтскій человѣкъ. Когда высшій свѣтъ изображается такими писателями, какъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, князь Одоевскій, графъ Соллогубъ, — мы любимъ литературное изображеніе большого свѣта такъ же, какъ изображеніе всякаго другого свѣта и не свѣта, съ талантомъ и знаніемъ выполненное. Высшій кругъ общества былъ въ то время уже въ апогеѣ своего развитія; притомъ свѣтскость не помѣшала же Онѣгину сойтись съ Ленскимъ — этимъ наиболѣе страннымъ и смѣшнымъ въ глазахъ свѣта существомъ. Правда, Онѣгину было дико въ обществѣ Лариныхъ; но образованность еще болѣе, нежели свѣтскость, была причиною этого. Не споримъ, общество Лариныхъ очень мило, особенно въ стихахъ Пушкина; но намъ, хоть мы и совсѣмъ не свѣтскіе люди, было бы въ немъ не совсѣмъ ловко, тѣмъ болѣе, что мы рѣшительно неспособны поддержать благоразумнаго разговора о псарнѣ, о винѣ, о сѣнокосѣ, о роднѣ. Высшій кругъ общества въ то время до того былъ отдѣленъ отъ всѣхъ другихъ круговъ, что не принадлежавшіе къ нему люди поневолѣ говорили о немъ, какъ до Колумба во всей Европѣ говорили объ антиподахъ и Атлантидѣ. Вслѣдствіе этого Онѣгинъ съ первыхъ же строкъ романа былъ принятъ за безнравственнаго человѣка. Это мнѣніе о немъ и теперь еще не совсѣмъ исчезло.

Большая часть публики совершенно отрицала въ Онѣгинѣ душу и сердце, видѣла въ немъ человѣка холоднаго, сухого и эгоиста по натурѣ. Нельзя ошибочнѣе и кривѣе понять человѣка! Этого мало: многіе добродушно вѣрили и вѣрятъ, что самъ поэтъ хотѣлъ изобразить Онѣгина холоднымъ эгоистомъ. Это уже значитъ — имѣя глаза, ничего не видѣть. Свѣтская жизнь не убила въ Онѣгинѣ чувства, а только охолодила къ безплоднымъ страстямъ и мелочнымъ развлеченіямъ. Вспомните строфы, въ которыхъ поэтъ описываетъ свое знакомство съ Онѣгинымъ:

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время,
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердцахъ жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.
Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней: —
Тому уже нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.
Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло,
Ночное небо надъ Невою,
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы,
Перенесенъ колодникъ сонный,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

Изъ этихъ стиховъ мы ясно видимъ, по крайней мѣрѣ, то, что Онѣгинъ не былъ ни холоденъ, ни сухъ, ни черствъ, что въ душѣ его жила поэзія, и что вообще онъ былъ не изъ числа обыкновенныхъ, дюжинныхъ людей. Невольная преданность мечтамъ, чувствительность и безпечность при созерцаніи красотъ природы и при воспоминаніи о романахъ и любви прежнихъ лѣтъ — все это говоритъ больше о чувствѣ и поэзіи, нежели о холодности и сухости. Дѣло только въ томъ, что Онѣгинъ не любилъ расплываться въ мечтахъ, больше чувствовалъ, нежели говорилъ, и не всякому открывался. Озлобленный умъ есть тоже признакъ высшей натуры, потому что человѣкъ съ озлобленнымъ умомъ бываетъ недоволенъ не только людьми, но и самимъ собою. Дюжинные люди всегда довольны собою, а если имъ везетъ, то и всѣми. Жизнь не обманываетъ глупцовъ; напротивъ, она все даетъ имъ, благо немногаго просятъ они отъ нея — корма, пойла, тепла да кой-какихъ игрушекъ, способныхъ тѣшить пошлое и мелкое самолюбьице. Разочарованіе въ жизни, въ людяхъ, въ самихъ себѣ (если только оно истинно и просто, безъ фразъ и щегольства „нарядною печатью") свойственно только людямъ, которые, желая „мно-

гаго“, не удовлетворяются „ничѣмъ“. Читатели помнятъ описаніе (въ VII главѣ) кабинета Онѣгина: весь Онѣгинъ въ этомъ описаніи. Особенно поразительно исключеніе изъ опалы двухъ или трехъ романовъ,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивый и сухой,
Мечтанью преданный безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Скажутъ: это портретъ Онѣгина. Пожалуй, и такъ; но это еще болѣе говоритъ въ пользу нравственнаго превосходства Онѣгина, потому что онъ узналъ себя въ потретѣ, который, какъ двѣ капли воды, похожъ на столь многихъ, но въ которомъ узнаютъ себя столь немногіе, а большая часть „украдкою киваетъ на Петра“. Онѣгинъ не любовался самолюбиво этимъ портретомъ, но глухо страдалъ отъ его поразительнаго сходства съ дѣтьми нынѣшняго вѣка. Не натура, не страсти, не заблужденія личныя сдѣлали Онѣгина похожимъ на этотъ портретъ, а вѣкъ.

Связь съ Ленскимъ, этимъ юнымъ мечтателемъ, который такъ понравился нашей публикѣ, всего громче говоритъ противъ мнимаго бездушія Онѣгина.

Онѣгинъ презиралъ людей,
Но (правилъ нѣтъ безъ исключеній)
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.
Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкій,
И вѣчно вдохновенный взоръ —
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству,
И безъ меня пора придетъ:
Пускай покамѣсть онъ живетъ
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ и юный бредъ.
Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь въ свою чреду
Все подверглось ихъ суду.

Дѣло говоритъ само за себя: гордая холодность и сухость, надменное бездушіе Онѣгина, какъ человѣка, произошли отъ глубокой неспособности многихъ читателей понять такъ вѣрно созданный поэтомъ характеръ. Но мы не остановимся на этомъ и исчерпаемъ весь вопросъ.

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? — ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ;
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ..
Ужъ не пародія ли онъ?
. . . .
„Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ такъ же чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?

По крайней мѣрѣ, мой совѣтъ;
Отстать отъ моды обветшалой.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ“...
— Знакомъ онъ вамъ?— „*И да, и нѣтъ*“
— Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла;
Что глупость вѣтрена и зла;
Что важнымъ людямъ — важны вздоры;
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?
Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во-время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался;
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человѣкъ.
Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Итти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній ни страстей.

Эти стихи — ключъ къ тайнѣ характера Онѣгина. Онѣгинъ — не Мельмотъ, не Чайльдъ-Гарольдъ, не демонъ, не пародія, не модная причуда, не геній, не великій человѣкъ, а просто — „добрый малый, какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ“. Поэтъ справедливо называетъ „обветшалою модой“ вездѣ находить или вездѣ искать все геніевъ да необыкновенныхъ людей. Повторяемъ: Онѣгинъ — добрый малый, но, при этомъ, недюжинный человѣкъ. Онъ не годится въ геніи, не лѣзетъ въ великіе люди, но бездѣятельность и пошлость жизни душатъ его; онъ даже не знаетъ, чего ему надо, чего ему хочется; но онъ знаетъ, и очень хорошо знаетъ, что ему не надо, что ему не хочется того, чѣмъ такъ довольна, такъ счастлива самолюбивая посредственность. И за то-то эта самолюбивая посредственность не только провозгласила его „безнравственнымъ“, но и отняла у него страсть сердца, теплоту души, доступность всему доброму и прекрасному. Вспомните, какъ воспитанъ Онѣгинъ, и согласитесь, что натура его была слишкомъ хороша, если ея не убило совсѣмъ такое воспитаніе. Блестящій юноша, онъ былъ увлеченъ свѣтомъ, подобно многимъ; но скоро наскучилъ имъ и оставилъ его, какъ это дѣлаютъ слишкомъ немногіе. Въ душѣ его тлѣлась искра надежды воскреснуть и освѣжиться въ тиши уединенія, на лонѣ природы; но онъ скоро увидѣлъ, что перемѣна мѣстъ не измѣняетъ сущности нѣкоторыхъ неотразимыхъ и не отъ нашей воли зависящихъ обстоятельствъ.

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій — роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ;

Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его настражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь иль вѣрная жена.

Мы доказали, что Онѣгинъ не холодный, не сухой, не бездушный человѣкъ, но мы до сихъ поръ избѣгали слова *эгоистъ*, и, такъ какъ избытокъ чувства, потребность изящнаго не исключаетъ эгоизма, то мы скажемъ теперь, что Онѣгинъ *страдающій эгоистъ*. Эгоисты бываютъ двухъ родовъ. Эгоисты перваго разряда — люди безъ всякихъ заносчивыхъ или мечтательныхъ притязаній; они не понимаютъ, какъ можетъ человѣкъ любить кого-нибудь кромѣ самого себя, и потому они нисколько не стараются не скрывать своей пламенной любви къ собственнымъ ихъ особамъ; если ихъ дѣла идутъ плохо — они худощавы, блѣдны, злы, низки, подлы, предатели, клеветники; если ихъ дѣла идутъ хорошо — они толсты, жирны, румяны, веселы, добры, выгодами дѣлиться ни съ кѣмъ не станутъ, но угощать готовы не только полезныхъ, даже и вовсе безполезныхъ имъ людей. Это эгоисты по натурѣ или по причинѣ дурного воспитанія. Эгоисты второго разряда почти никогда не бываютъ толсты и румяны; по большей части этотъ народъ больной и всегда скучающій. Бросаясь всюду, вездѣ ища то счастья, то разсѣянія, они нигдѣ не находятъ ни того ни другого съ той минуты, какъ обольщенія юности оставляютъ ихъ. Эти люди часто доходятъ до страсти къ добрымъ дѣйствіямъ, до самоотверженія въ пользу ближнихъ; но бѣда въ томъ, что они и въ добрѣ хотятъ искать то счастія, то развлеченія, тогда какъ въ добрѣ слѣдовало бы имъ искать только добра. Если подобные люди живутъ въ обществѣ, представляющемъ полную возможность для каждаго изъ его членовъ стремиться своею дѣятельностью къ осуществленію идеала истины и блага, — о нихъ безъ запинки можно сказать, что суетность и мелкое самолюбіе, заглушивъ въ нихъ добрые элементы, сдѣлали ихъ эгоистами. Но нашъ Онѣгинъ не принадлежитъ ни къ тому ни къ другому разряду эгоистовъ. Его можно назвать эгоистомъ поневолѣ; въ его эгоизмѣ должно видѣть то, что древніе называли fatum. Благая, благотворная, полезная дѣятельность! Зачѣмъ не предался ей Онѣгинъ? Зачѣмъ? не искалъ онъ въ ней своего удовлетворенія? Зачѣмъ? зачѣмъ? — Затѣмъ, милостивые государи, что пустымъ людямъ легче спрашивать, нежели дѣльнымъ отвѣчать...

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгеній
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынной,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ —
И Небо рабъ благословилъ.
Зато въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его расчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ *всѣ* рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.
Спачала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги, —

Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
„Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
Онъ фармазонъ: онъ пьетъ одно
Стаканомъ красное вино;
Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
Все *да* да *нѣтъ,* не скажетъ *да-съ*
Иль *нѣтъ-съ*“. Таковъ былъ общій гласъ.

Что-нибудь дѣлать можно только въ обществѣ, на основаніи общественныхъ потребностей, указываемыхъ самою дѣйствительностью, а не теоріею: но что бы сталъ дѣлать Онѣгинъ въ сообществѣ съ такими прекрасными сосѣдями, въ кругу такихъ милыхъ ближнихъ? Облегчить участь мужика, конечно, много значило для мужика, но со стороны Онѣгина тутъ еще не много было сдѣлано. Есть люди, которымъ если удастся что-нибудь сдѣлать порядочное, они съ самодовольствіемъ разсказываютъ объ этомъ всему міру; и такимъ образомъ бываютъ пріятно заняты на цѣлую жизнь. Онѣгинъ былъ не изъ такихъ людей: важное и великое для многихъ, для него было не Богъ знаетъ чѣмъ.

Случай свелъ Онѣгина съ Ленскимъ; черезъ Ленскаго Онѣгинъ познакомился съ семействомъ Лариныхъ. Возвращаясь отъ нихъ домой послѣ перваго визита, Онѣгинъ зѣваетъ; изъ его разговора съ Ленскимъ мы узнаемъ, что онъ Татьяну принялъ за невѣсту своего пріятеля и, узнавъ о своей ошибкѣ, удивляется его выбору, говоря, что если бы онъ самъ былъ поэтомъ, то выбралъ бы Татьяну. Этому равнодушному, охлажденному человѣку стоило одного или двухъ невнимательныхъ взглядовъ, чтобы понять разницу между обѣими сестрами, тогда какъ пламенному, восторженному Ленскому и въ голову не входило, что его возлюбленная была совсѣмъ не идеальное и поэтическое созданіе, а просто хорошенькая и простенькая дѣвочка, которая совсѣмъ не стоила того, чтобы за нее рисковать убить пріятеля или самому быть убитымъ. Между тѣмъ какъ Онѣгинъ зѣвалъ „по привычкѣ“, говоря его собственнымъ выраженіемъ, и нисколько не заботясь о семействѣ Лариныхъ, въ этомъ семействѣ его пріѣздъ завязалъ страшную внутреннюю драму. Большинство публики было крайне удивлено, какъ Онѣгинъ, получивъ письмо Татьяны, могъ не влюбиться въ нее, — и еще болѣе, какъ тотъ же самый Онѣгинъ, который такъ холодно отвергалъ чистую, наивную любовь прекрасной дѣвушки, потомъ страстно влюбился въ великолѣпную свѣтскую даму? Въ самомъ дѣлѣ, есть чему удивляться. Впрочемъ, признавая въ этомъ фактѣ возможность психологическаго вопроса, мы тѣмъ не менѣе нисколько не находимъ удивительнымъ самаго факта. Во-первыхъ, вопросъ, почему влюбился или не влюбился, или почему въ то время не влюбился, — такой вопросъ мы считаемъ немного слишкомъ диктаторскимъ. Сердце имѣетъ свои законы — правда, но не такіе, изъ которыхъ легко бы составить полный систематическій кодексъ. Сродство натуръ, нравственная симпатія, сходство понятій могутъ и даже должны играть большую роль въ любви разумныхъ существъ; но кто въ любви отвергаетъ элементъ чисто-непосредственный, влеченіе инстинктуальное, невольное, прихоть сердца, въ оправданіе нѣсколько тривіальной,

но чрезвычайно выразительной русской пословицы: „полюбится сатана лучше яснаго сокола“,— кто отвергаетъ это, тотъ не понимаетъ любви. Если бы выборъ въ любви рѣшался только волею и разумомъ, тогда любовь не была бы чувствомъ и страстью. Присутствіе элемента непосредственности видно и въ самой разумной любви, потому что изъ нѣсколькихъ, равно достойныхъ лицъ выбирается только одно, и выборъ этотъ основывается на невольномъ влеченіи сердца. Но бываетъ и такъ, что люди, кажется, созданные одинъ для другого, остаются равнодушны другъ къ другу, и каждый изъ нихъ обращаетъ свое чувство на существо, нисколько себѣ не подъ пару. Поэтому Онѣгинъ имѣлъ полное право безъ всякаго опасенія подпасть подъ уголовный судъ критики, не полюбить Татьяны-дѣвушки и полюбить Татьяну-женщину. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ поступилъ равно ни нравственно ни безнравственно. Этого вполнѣ достаточно для его оправданія; но мы къ этому прибавимъ и еще кое-что. Онѣгинъ былъ такъ уменъ, тонокъ и опытенъ, такъ хорошо понималъ людей и ихъ сердце, что не могъ не понять изъ письма Татьяны, что эта бѣдная дѣвушка одарена страстнымъ сердцемъ, алчущимъ роковой пищи, что ея душа младенчески чиста, что ея страсть дѣтски простодушна, и что она нисколько не похожа на тѣхъ кокетокъ, которыя такъ надоѣли ему съ ихъ чувствами, то легкими, то поддѣльными. Онъ былъ живо тронутъ письмомъ ея:

Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ и видъ унылый:
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинный
Имъ на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.

Въ письмѣ своемъ къ Татьянѣ (въ VIII главѣ) онъ говоритъ, что, замѣтя въ ней искру нѣжности, онъ не хотѣлъ ей повѣрить (т.-е. заставилъ себя не повѣрить), не далъ хода милой привычкѣ и не хотѣлъ разстаться съ своею постылою свободой. Но если онъ оцѣнилъ одну сторону любви Татьяны, въ то же самое время онъ такъ же ясно видѣлъ и другую ея сторону. Во-первыхъ, обольститься такою младенчески прекрасною любовью и увлечься ею до желанія отвѣчать на нее, значило бы для Онѣгина рѣшиться на женитьбу. Но если его могла еще интересовать поэзія страсти, то поэзія брака не только не интересовала его, но была для него противна. Поэтъ, выразившій въ Онѣгинѣ много своего собственнаго, такъ изъясняется на этотъ счетъ, говоря о Ленскомъ:

Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная чреда
Ему не снилась никогда.
Межъ тѣмъ, какъ мы, враги Гимена
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Лафонтена.

Если не бракъ, то мечтательная любовь, если не хуже что-нибудь; но онъ такъ хорошо постигъ Татьяну, что даже и не подумалъ

о послѣднемъ, не унижая себя въ собственныхъ своихъ глазахъ. Но въ обоихъ случаяхъ эта любовь немного представляла ему обольстительнаго. Какъ! онъ, перегорѣвшій въ страстяхъ, извѣдавшій жизнь и людей, еще кипѣвшій какими-то самому ему неясными стремленіями, — онъ, котораго могло занять и наполнить только что-нибудь такое, что̀ могло бы выдержать его собственную иронію, — онъ увлекся бы младенческою любовью дѣвочки-мечтательницы, которая смотрѣла на жизнь такъ, какъ онъ уже не могъ смотрѣть... И что̀ же сулила бы ему въ будущемъ эта любовь? Что̀ бы нашелъ онъ потомъ въ Татьянѣ? Или прихотливое дитя, которое плакало бы оттого, что онъ не можетъ, подобно ей, дѣтски смотрѣть на жизнь и дѣтски играть въ любовь, — а это, согласитесь, очень скучно; или существо, которое, увлекшись его превосходствомъ, до того подчинилось бы ему, не понимая его, что не имѣло бы ни своего чувства, ни своего смысла, ни своей воли, ни своего характера. Послѣднее спокойнѣе, но зато еще скучнѣе. И это ли поэзія и блаженство любви!..

Разлученный съ Татьяною смертью Ленскаго, Онѣгинъ лишился всего, что̀ хотя сколько-нибудь связывало его съ людьми.

Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До̀ двадцати-шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.
Имъ овладѣло безпокойство,
Охота въ перемѣнѣ мѣстъ
(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).

Между прочимъ, былъ онъ и на Кавказѣ и смотрѣлъ на блѣдный рой тѣней, толпившійся около цѣлебныхъ струй Машука:

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядѣлъ на дымныя струи,
И мыслилъ, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка.
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!...

Какая жизнь! Вотъ оно то страданіе, о которомъ такъ много пишутъ и въ стихахъ и въ прозѣ, на которое столь многіе жалуются, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ знаютъ его; вотъ оно, страданіе истинное, безъ котурна, безъ ходуль, безъ драпировки, безъ фразъ, страданіе, которое часто не отнимаетъ ни сна, ни аппетита, ни здоровья, но которое тѣмъ ужаснѣе!... Спать ночью, зѣвать днемъ, видѣть, что всѣ изъ чего-то хлопочутъ, чѣмъ-то заняты, одинъ деньгами, другой — женитьбою, третій — болѣзнью, четвертый — нуждою и кровавымъ потомъ работы, — видѣть вокругъ себя и веселье и печаль, и смѣхъ и слезы, видѣть все это и чувствовать себя чуждымъ всему этому, подобно вѣчному жиду, который, среди волнующейся вокругъ него жизни, сознаетъ себя чуждымъ жизни и мечтаетъ о смерти, какъ о величайшемъ для него блаженствѣ: это — страданіе не совсѣмъ понятное, но

оттого не меньше страшное... Молодость, здоровье, богатство, соединенныя съ умомъ, сердцемъ: чего бы, кажется, больше для жизни и счастья? Такъ думаетъ тупая чернь и называетъ подобное страданіе модною причудой. И чѣмъ естественнѣе, проще страданіе Онѣгина, чѣмъ дальше оно отъ всякой эффектности, тѣмъ оно менѣе могло быть понято и оцѣнено большинствомъ публики. Въ двадцать шесть лѣтъ такъ много пережить, не вкусивъ жизни, такъ изнемочь, устать, ничего не сдѣлавъ, дойти до такого безусловнаго отрицанія, не перейдя ни черезъ какія убѣжденія: это — смерть! Но Онѣгину не суждено было умереть, не отвѣдавъ изъ чаши жизни: страсть сильная и глубокая не замедлила возбудить дремавшія въ тоскѣ силы его духа. Встрѣтивъ Татьяну на балѣ въ Петербургѣ, Онѣгинъ едва могъ узнать ее, такъ перемѣнилась она! Мужъ Татьяны, такъ прекрасно и такъ полно съ головы до ногъ охарактеризованный поэтомъ этими двумя стихами:

... и всѣхъ выше
И носъ и плечи поднималъ
Вошедшій съ нею генералъ,—

мужъ Татьяны представляетъ ей Онѣгина, какъ своего родственника и друга. Многіе читатели, въ первый разъ читая эту главу, ожидали громозвучнаго *оха* и обморока со стороны Татьяны, которая, пришедъ въ себя, по ихъ мнѣнію, должна повиснуть на шеѣ у Онѣгина. Но какое разочарованіе для нихъ!

Княгиня смотритъ на него...
Ничто ей душу не смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ;
Былъ такъ же тихъ ея поклонъ.
Ей-ей не то, чтобъ содрогнулась
Иль стала вдругъ блѣдна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней,
Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.
Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
И — не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ,
И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
И недвиженъ остался онъ.

Ужель та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читалъ когда-то наставленья,
Та, отъ которой онъ хранитъ
Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
Гдѣ все наружу, все на волѣ.
Та дѣвочка... иль это сонъ?
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Ужели съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?
. . . .
Что съ нимъ? въ какомъ онъ страшномъ снѣ?
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнивой?
Досада? суетность? или вновь
Забота юности — любовь?

Не принадлежа къ числу ультра-идеалистовъ, мы охотно допускаемъ въ самыя высокія страсти примѣсь мелкихъ чувствъ, и потому думаемъ, что *досада* и *суетность* имѣли свою долю въ страсти Онѣ-

гина. Но мы рѣшительно не согласны съ этимъ мнѣніемъ поэта, которое такъ торжественно было провозглашено имъ и которое нашло такой отзывъ въ толпѣ, благо пришлось ей по плечу:

О, люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что̀ вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змѣй зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу;
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

Мы лучше думаемъ о достоинствѣ человѣческой натуры и убѣждены, что человѣкъ родится не на зло, а на добро, не на преступленіе, а на разумно-экономное наслажденіе благами бытія; что его стремленія справедливы, инстинкты благородны. Зло скрывается не въ человѣкѣ, но въ обществѣ, такъ какъ общества, понимаемыя въ смыслѣ формы человѣческаго развитія, еще далеко не достигли своего идеала, то не удивительно, что въ нихъ только и видишь много преступленій. Этимъ же объясняется и то, почему считавшееся преступнымъ въ древнемъ мірѣ, считается законнымъ въ новомъ, и наоборотъ; почему у каждаго народа и каждаго вѣка свои понятія о нравственности, законномъ и преступномъ. Человѣчество еще далеко не дошло до той степени совершенства, въ которой всѣ люди, какъ существа однородныя и единымъ разумомъ одаренныя, согласятся между собою въ понятіяхъ объ истинномъ и ложномъ, справедливомъ и несправедливомъ, законномъ и преступномъ, такъ же точно, какъ они уже согласились, что не солнце вокругъ земли, а земля вокругъ солнца обращается, и во множествѣ математическихъ аксіомъ. До тѣхъ же поръ преступленіе будетъ только по наружности преступленіе, а внутренно, существенно — непризнаніемъ справедливости и разумности того или другого закона. Было время, когда родители видѣли въ своихъ дѣтяхъ своихъ рабовъ и считали себя вправѣ насиловать ихъ чувства и склонности самыя священныя. Теперь, если дѣвушка, чувствуя отвращеніе къ господину благонамѣренной наружности, за котораго ее хотятъ насильно выдать, и любя страстно человѣка, съ которымъ ее насильно разлучаютъ,— послѣдуетъ влеченію своего сердца и будетъ любить того, кого она избрала, а не того, въ чей карманъ, или въ чей чинъ влюблены ея дражайшіе родители: неужели она преступница? Ничто такъ не подчинено строгости внѣшнихъ условій, какъ сердце, и ничто такъ не требуетъ безусловной воли, какъ сердце же. Даже самое блаженство любви,— что̀ оно такое, если оно согласовано съ внѣшними условіями? — Пѣсня соловья или жаворонка въ золотой клѣткѣ. Что̀ такое блаженство любви, признающей только власть и прихоть сердца? — Торжественная пѣснь соловья на закатѣ солнца, въ таинственной сѣни склонившихся надъ рѣкою ивъ; вольная пѣснь жаворонка, который, въ безумномъ упоеніи чувствомъ бытія, то мчится вверхъ стрѣлою, то падаетъ съ неба, то, трепеща крыльями, не двигаясь съ мѣста, какъ-будто купается и тонетъ въ глубокомъ эѳирѣ... Птица любитъ волю; страсть есть поэзія и цвѣтъ жизни, но что̀ же въ страстяхъ, если у сердца не будетъ воли?...

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ горитъ страстью; въ немъ уже нѣтъ ироніи, нѣтъ свѣтской умѣренности, свѣтской маски. Онѣгинъ знаетъ, что онъ, можетъ-быть, подаетъ поводъ къ злобному веселью; но страсть задушила въ немъ страхъ быть смѣшнымъ, подать на себя оружіе врагу. И было съ чего сойти съ ума! По наружности Татьяны можно было подумать, что она помирилась съ жизнью ни на чемъ, отъ души поклонилась идолу суеты — и въ такомъ случаѣ, конечно, роль Онѣгина была бы очень смѣшна и жалка. Но въ свѣтѣ наружность никогда и ни въ чемъ не убѣждаетъ: тамъ всѣ слишкомъ хорошо владѣютъ искусствомъ быть веселыми съ достоинствомъ въ то время, какъ сердце разрывается отъ судорогъ. Онѣгинъ могъ не безъ основанія предполагать и то, что Татьяна внутренно осталась самой собою, и свѣтъ научилъ ее только искусству владѣть собою и серіознѣе смотрѣть на жизнь. Благодатная натура не гибнетъ отъ свѣта, вопреки мнѣнію мѣщанскихъ философовъ; для гибели души и сердца и малый свѣтъ представляетъ точно столько же средствъ, сколько и большой. Вся разница въ формахъ, а не въ сущности. И теперь, въ какомъ же свѣтѣ должна была казаться Онѣгину Татьяна, — уже не мечтательная дѣвушка, повѣрявшая лунѣ и звѣздамъ свои задушевныя мысли и разгадывавшая сны по книгѣ Мартына Задеки, но женщина, которая знаетъ цѣну всему, что дано ей, которая много потребуетъ, но много и дастъ. Ореолъ свѣтскости не могъ не возвысить ее въ глазахъ Онѣгина: въ свѣтѣ, какъ и вездѣ, люди бываютъ двухъ родовъ — одни привязываются къ формамъ и въ ихъ исполненіи видятъ назначеніе жизни, — это чернь; другіе отъ свѣта заимствуютъ знаніе людей и жизни, тактъ дѣйствительности и способность вполнѣ владѣть всѣмъ, что дано имъ природою. Татьяна принадлежала къ числу послѣднихъ, и значеніе свѣтской дамы только возвышало ея значеніе, какъ женщины. Притомъ же въ глазахъ Онѣгина любовь безъ борьбы не имѣла никакой прелести, а Татьяна не обѣщала ему легкой побѣды. И онъ бросился въ эту борьбу безъ надежды на побѣду, безъ расчета, со всѣмъ безумствомъ искренней страсти, которая такъ и дышитъ въ каждомъ словѣ его письма. Но эта пламенная страсть не произвела на Татьяну никакого впечатлѣнія. Послѣ нѣсколькихъ посланій, встрѣтившися съ нею, Онѣгинъ не замѣтилъ ни смятенія, ни страданія, ни пятенъ слезъ на лицѣ — на немъ отражался лишь слѣдъ гнѣва. Онѣгинъ на цѣлую зиму заперся дома и принялся читать:

И что жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины.
Ни съ чѣмъ не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.
И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.

То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ
Какъ будто спящій на ночлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: „что жъ? убитъ!“
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ;
То сельскій домъ — и у окна
Сидитъ *она*... и все она!...

Мы не будемъ распространяться теперь о сценѣ свиданія и объясненія Онѣгина съ Татьяною, потому что главная роль въ этой сценѣ принадлежитъ Татьянѣ, о которой намъ еще предстоитъ много говорить. Романъ оканчивается отповѣдью Татьяны, и читатель навсегда разстается съ Онѣгинымъ въ самую злую минуту его жизни... Что̀ же это такое? Гдѣ же романъ? Какая его мысль? И что̀ за романъ безъ конца? — Мы думаемъ, что есть романы, которыхъ мысль въ томъ и заключается, что въ нихъ нѣтъ конца, потому что въ самой дѣйствительности бываютъ событія безъ развязки, существованія безъ цѣли, существа неопредѣленныя, никому непонятныя, даже самимъ себѣ, словомъ то, что по-французски называется les êtres manqués, les existences avortées. И эти существа часто бываютъ одарены большими нравственными преимуществами, большими духовными силами; обѣщаютъ много, исполняютъ мало, или ничего не исполняютъ. Это зависитъ не отъ нихъ самихъ; тутъ есть fatum, заключающійся въ дѣйствительности, которою окружены они, какъ воздухомъ, и изъ которой не въ силахъ и не во власти человѣка освободиться. Другой поэтъ представилъ намъ другого Онѣгина подъ именемъ Печорина: Пушкинскій Онѣгинъ съ какимъ-то самоотверженіемъ отдался зѣвотѣ; Лермонтовскій Печоринъ бьется насмерть съ жизнью и насильно хочетъ у нея вырвать свою долю; въ дорогахъ — разница, а результатъ одинъ: оба романа такъ же безъ конца, какъ и жизнь и дѣятельность обоихъ поэтовъ...

Что̀ сталось съ Онѣгинымъ потомъ? Воскресила ли его страсть для новаго, болѣе сообразнаго съ человѣческимъ достоинствомъ страданія? Или убила она всѣ силы души его, и безотрадная тоска его обратилась въ мертвую, холодную апатію? Не знаемъ, да и на что намъ знать это, когда мы знаемъ, что силы этой богатой натуры остались безъ приложенія, жизнь безъ смысла, а романъ безъ конца? Довольно и этого знать, чтобъ не захотѣть больше ничего знать...

Онѣгинъ — характеръ дѣйствительный, въ томъ смыслѣ, что въ немъ нѣтъ ничего мечтательнаго, фантастическаго, что онъ могъ быть счастливъ или несчастливъ только въ дѣйствительности и черезъ дѣйствительность. Въ Ленскомъ Пушкинъ изобразилъ характеръ совершенно отвлеченный, совершенно чуждый дѣйствительности. Тогда это было совершенно новое явленіе, и люди такого рода тогда дѣйствительно начали появляться въ русскомъ обществѣ...

Съ душою прямо гёттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,

И кудри черныя до плечъ.
. . . .
Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ *разлуку* и *печаль*,
И *нѣчто*, и *туманну даль*,
И *романтическія розы;*
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слезы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

Ленскій былъ романтикъ по натурѣ и по духу времени. Нѣтъ нужды говорить, что это было существо, доступное всему прекрасному, высокому, душа чистая и благородная. Но въ то же время „онъ сердцемъ милый былъ невѣжда“, вѣчно толкуя о жизни, никогда не зналъ ея. Дѣйствительность на него не имѣла вліянія: его радости и печали были созданіемъ его фантазіи. Онъ полюбилъ Ольгу, — и что ему была за нужда, что она не понимала его, что, вышедши замужъ, она сдѣлалась бы вторымъ, исправленнымъ изданіемъ своей маменьки, что ей все равно было выйти — и за поэта, товарища ея дѣтскихъ игръ, и за довольнаго собою и своею лошадью улана? Ленскій украсилъ ее достоинствами и совершенствами, приписалъ ей чувства и мысли, которыхъ въ ней не было и о которыхъ она и не заботилась. Существо доброе, милое, веселое, — Ольга была очаровательна, какъ и всѣ „барышни“, пока онѣ еще не сдѣлались „барынями“; а Ленскій видѣлъ въ ней фею, сильфиду, романтическую мечту, ни мало не подозрѣвая будущей барыни. Онъ написалъ „надгробный мадригалъ“ старику Ларину, въ которомъ, вѣрный себѣ, безъ всякой ироніи, умѣлъ найти поэтическую сторону. Въ простомъ желаніи Онѣгина подшутить надъ нимъ онъ увидѣлъ и измѣну, и обольщеніе, и кровавую обиду. Результатомъ всего этого была его смерть, заранѣе воспѣтая имъ въ туманно-романтическихъ стихахъ. Мы нисколько не оправдываемъ Онѣгина, который, какъ говоритъ поэтъ,

Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ, —

но тиранія и деспотизмъ свѣтскихъ и житейскихъ предразсудковъ таковы, что требуютъ для борьбы съ собою героевъ. Подробности дуэли Онѣгина съ Ленскимъ — верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи. Поэтъ любилъ этотъ идеалъ, осуществленный имъ въ Ленскомъ, и въ прекрасныхъ строфахъ оплакивалъ его паденіе:

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ, —
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда.
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,

Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ.
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословенія племенъ.
А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганый халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И, наконецъ, въ своей постели
Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

Мы убѣждены, что съ Ленскимъ сбылось бы непремѣнно послѣднее. Въ немъ было много хорошаго, но лучше всего то, что онъ былъ молодъ и вó-время для своей репутаціи умеръ. Это не была одна изъ тѣхъ натуръ, для которыхъ жить — значитъ развиваться и итти впередъ. Это, повторяемъ, — былъ *романтикъ*, и больше ничего. Останься онъ живъ, Пушкину нечего было бы съ нимъ дѣлать, кромѣ какъ распространить на цѣлую главу то, что онъ такъ полно высказалъ въ одной строфѣ. Люди, подобные Ленскому, при всѣхъ ихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, не хороши тѣмъ, что они или перерождаются въ совершенныхъ филистеровъ, или, если сохранятъ навсегда свой первоначальный типъ, дѣлаются этими устарѣлыми мистиками и мечтателями, которые такъ же непріятны, какъ и старыя идеальныя дѣвы, и которые больше враги всякаго прогресса, нежели люди просто, безъ претензій, пошлые. Вѣчно копаясь въ самихъ себѣ и становя себя центромъ міра, они спокойно смотрятъ на все, что дѣлается въ мірѣ и твердятъ о томъ, что счастье внутри насъ, что должно стремиться душою въ надзвѣздную сторону мечтаній и не думать о суетахъ этой земли, гдѣ есть и голодъ и нужда, и... Ленскіе не перевелись и теперь; они только переродились. Въ нихъ уже не осталось ничего, что такъ обаятельно прекрасно было въ Ленскомъ; въ нихъ нѣтъ дѣвственной чистоты его сердца, въ нихъ только претензіи на великость и страсть марать бумагу. Всѣ они поэты, и стихотворный балластъ въ журналахъ доставляется одними ими. Словомъ, это теперь самые несносные, самые пустые и пошлые люди.

Великъ подвигъ Пушкина, что онъ первый въ своемъ романѣ поэтически воспроизвелъ русское общество того времени, и въ лицѣ Онѣгина и Ленскаго показалъ его главную, т.-е. мужскую сторону; но едва ли не выше подвигъ нашего поэта въ томъ, что онъ первый поэтически воспроизвелъ въ лицѣ Татьяны русскую женщину. Мужчина, во всѣхъ состояніяхъ, во всѣхъ слояхъ русскаго общества, играетъ первую роль; но мы не скажемъ, чтобы женщина играла у насъ вторую и низшую роль, потому что она ровно никакой роли не играетъ. Исключеніе остается только за высшимъ кругомъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени. Давно бы пора намъ сознаться, что, несмотря на нашу страсть во всемъ копировать европейскіе обы-

чаи, несмотря на наши балы съ танцами, несмотря на отчаяніе славянолюбовъ, что мы совсѣмъ переродились въ нѣмцевъ, — несмотря на все это, пора намъ, наконецъ, признаться, что еще и до сихъ поръ мы — плохіе рыцари, что наше вниманіе къ женщинѣ, наша готовность жить и умереть для нея, до сихъ поръ какъ-то театральны и отзываются модною свѣтскою фразой, и притомъ еще не собственнаго нашего изобрѣтенія, а заимствованною. Чего добраго! теперь и „почтенное купечество съ бородою, отъ которой попахиваетъ „маненько" капустою и лучкомъ, даже и оно, идя по улицѣ съ „хозяйкою", ведетъ ее подъ руку, а не толкаетъ въ спину колѣномъ, указывая дорогу и заказывая зѣвать по сторонамъ; но дома... Однако, зачѣмъ говорить, что̀ бываетъ дома? Зачѣмъ выносить соръ изъ избы?... Набравшись готовыхъ чужихъ фразъ, кричимъ мы и въ стихахъ и въ прозѣ: „женщина — царица общества; ея очаровательнымъ присутствіемъ украшается общество" и т. п. Но посмотрите на наши общества (за исключеніемъ высшаго свѣтскаго): вездѣ мужчины — сами по себѣ, женщины — сами по себѣ. И самый отчаянный любезникъ, сидя съ женщинами, какъ-будто жертвуетъ собою изъ вѣжливости, потомъ встаетъ и съ утомленнымъ видомъ, словно послѣ тяжкой работы, идетъ въ комнату мужчинъ, какъ бы для того, чтобъ свободно вздохнуть и освѣжиться. Въ Европѣ женщина дѣйствительно царица общества: веселъ и гордъ мужчина, съ которымъ она больше говоритъ, чѣмъ съ другими. У насъ наоборотъ: у насъ женщина ждетъ, какъ милости, чтобы мужчина заговорилъ съ нею; она счастлива и горда его вниманіемъ. И какъ же быть иначе, если то, что называется тономъ и любезностью, у насъ называется жеманствомъ, если у насъ всѣ любятъ поэзію только въ книгахъ, а въ жизни боятся ея пуще чумы и холеры. Какъ вы подадите руку дѣвушкѣ, если она не смѣетъ опереться на нее, не испросивъ позволенія у своей маменьки? Какъ вы рѣшитесь говорить съ нею много и часто, если знаете, что за это сочтутъ васъ влюбленнымъ въ нее или даже и огласятъ ея женихомъ? Это значило бы скомпрометировать ее и самому попасть въ бѣду. Если васъ сочтутъ влюбленнымъ въ нее, вамъ некуда будетъ дѣваться отъ лукавыхъ и остроумныхъ намековъ и насмѣшекъ друзей вашихъ, отъ наивныхъ и добродушныхъ разспросовъ совершенно постороннихъ вамъ людей. Но еще хуже вамъ, когда заключатъ, что вы хотите жениться на ней: если ея родители не будутъ видѣть въ васъ выгодной партіи для своей дочери, они откажутъ вамъ отъ дома и строго запретятъ дочери быть любезною съ вами въ другихъ домахъ; если они увидятъ въ васъ выгодную партію, новая бѣда, страшнѣе прежней: раскинутъ сѣти, ловушки, и вы, пожалуй, увидите себя сочетавшимся законнымъ бракомъ прежде, нежели успѣете опомниться и спросить себя: да какъ же и когда же случилось все это? Если же вы человѣкъ съ характеромъ и не поддадитесь, то наживете „исторію", которую долго будете помнить. Отчего все это происходитъ? — Оттого, что у насъ не понимаютъ и не хотятъ понимать, что такое женщина,

не чувствують въ ней никакой потребности, не желають и не ищуть ся, словомъ, оттого, что у насъ нѣтъ женщины. У насъ „прекрасный полъ“ существуетъ только въ романахъ, повѣстяхъ, драмахъ и элегіяхъ; по дѣйствительности онъ раздѣляется на четыре разряда: на дѣвочекъ, на невѣстъ, на замужнихъ женщинъ и, наконецъ, на старыхъ дѣвъ и старыхъ бабъ. Первыми, какъ дѣтьми никто не интересуется; послѣднихъ всѣ боятся и ненавидятъ (и часто по дѣломъ); слѣдовательно, нашъ прекрасный полъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: изъ дѣвицъ, которыя должны выйти замужъ, и изъ женщинъ, которыя уже замужемъ. Русская дѣвушка — не женщина въ европейскомъ смыслѣ этого слова, не человѣкъ: она не что другое, какъ невѣста. Еще ребенкомъ она называетъ своими женихами всѣхъ мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ домѣ, и часто обѣщаетъ выйти замужъ за своего папашу, или за своего братца; еще въ колыбели ей говорили и мать и отецъ, и сестры и братья, и мамки и нянки, и весь окружающій ее людъ, что она — невѣста, что у ней должны быть женихи. Едва исполнится ей двѣнадцать лѣтъ, и мать, упрекая ее въ лѣности, въ неумѣніи держаться и тому подобныхъ недостаткахъ, говоритъ ей: „не стыдно ли вамъ, сударыня: вѣдь вы уже невѣста!“ Удивительно ли послѣ этого, что она не умѣетъ, не можетъ смотрѣть сама на себя какъ на женственное существо, какъ на человѣка, и видитъ въ себѣ только невѣсту? Удивительно ли, что, съ раннихъ лѣтъ до поздней молодости, иногда даже и до глубокой старости, всѣ думы, всѣ мечты, всѣ стремленія, всѣ молитвы ея сосредоточены на одной idée fixe: на замужествѣ, — что выйти замужъ — ея единственное, страстное желаніе, цѣль и смыслъ ея существованія, что внѣ этого она ничего не понимаетъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не желаетъ, и что на всякаго неженатаго мужчину она смотритъ опять не какъ на человѣка, а только какъ на жениха? И виновата ли она въ этомъ? — Съ восемнадцати лѣтъ она начинаетъ уже чувствовать, что она — дочь своихъ родителей, нелюбимое дитя ихъ сердца, не радость и счастье своей семьи, не украшеніе своего родного крова, а тягостное бремя, готовый залежаться товаръ, лишняя мебель, которая, того и гляди, спадетъ съ цѣны и не сойдетъ съ рукъ. Что̀ же остается ей дѣлать, если не сосредоточить всѣхъ своихъ способностей на искусствѣ ловить жениховъ? И тѣмъ болѣе, что только въ одномъ этомъ отношеніи и развиваются ея способности, благодаря урокамъ „дражайшихъ родителей“, милыхъ тетушекъ, кузинъ и т. д. За что̀ больше всего упрекаетъ и бранитъ свою дочь попечительница-маменька? — За то, что она не умѣетъ держаться, строить глазки и гримаски хорошимъ женихамъ, или за то, что расточаетъ свою любезность передъ людьми, которые не могутъ быть для нея выгодною партіей. Чему она больше всего учитъ ее? — кокетничать по расчету, притворяться ангеломъ, прятать подъ мягкою, лоснящеюся шерсткой кошачьи лапки, кошачьи когти. И какова бы ни была по своей натурѣ бѣдная дочь, — она невольно входитъ въ роль, которую дала ей жизнь и въ таинство,

которой ее такъ прилежно, такъ основательно посвящаютъ. Дома ходитъ она неряхою, съ непричесанною головой, въ запачканномъ, узенькомъ и короткомъ платьишкѣ линючаго ситца, въ стоптанныхъ башмакахъ, въ грязныхъ, спустившихся чулкахъ: въ деревнѣ, вѣдь, кто же насъ видитъ, кромѣ дворни, — а для нея стоитъ ли рядиться? Но лишь вдоль дороги завидѣлся экипажъ, обѣщающій неожиданныхъ гостей,— наша невѣста подымаетъ руки и долго держитъ ихъ надъ головою, крича впопыхахъ: гости ѣдутъ, гости ѣдутъ! Отъ этого руки изъ красныхъ дѣлаются бѣлыми: „затѣя сельской остроты!" Затѣмъ, весь домъ въ смятеніи: маменька и дочь умываются, причесываются, обуваются и на грязное бѣлье надѣваютъ шерстяныя или шелковыя платья, пять лѣтъ назадъ тому сшитыя. О чистотѣ бѣлья заботиться смѣшно: вѣдь бѣлье подъ платьемъ, и его никто не видитъ, а рядиться — извѣстное дѣло — надо для другихъ, а не для себя. Но вотъ, рано или поздно, наконецъ, тайныя стремленія и жаркіе обѣты готовы свершиться: кандидатъ-невѣста уже дѣйствительная невѣста и рядится только для жениха. Она давно его знала, но влюбилась въ него только съ той минуты, какъ поняла, что онъ имѣетъ на нее виды. И ей кажется, что она, дѣйствительно, влюблена въ него. Болѣзненное стремленіе къ замужеству и радость достиженія способны въ одну минуту возбудить любовь въ сердцѣ, которое такъ давно уже раздражено тайными и явными мечтами о бракѣ. Притомъ же, когда дѣло къ спѣху и торопятъ, то поневолѣ влюбитесь сразу, не имѣя времени спросить себя, точно ли вы любите, или вамъ только кажется, что любите... Но „дражайшіе родители" учили свою дочь только искусству во что бы ни стало выйти замужъ; подготовить же ее къ состоянію замужества, объяснить ей обязанности, — они не подумали. И хорошо сдѣлали: нѣтъ ничего безполезнѣе и даже вреднѣе, какъ наставленія, хотя бы и самыя лучшія, если они не подкрѣпляются примѣрами, не оправдываются въ глазахъ ученика всею совокупностью окружающей его дѣйствительности. „Я вамъ примѣръ, сударыня!" безпрестанно повторяетъ диктаторскимъ тономъ мать своей дочери. И дочь преспокойно копируетъ свою мать, готовя въ своей особѣ свѣту и будущему мужу второй экземпляръ своей маменьки. Если ея мужъ — человѣкъ богатый, онъ будетъ доволенъ своею женою: дома у нихъ какъ полная чаша, всего много, хотя все безвкусно, нелѣпо, грязно, въ безпорядкѣ, вычищается только передъ большими праздниками (и тогда въ домѣ подымается возня, дѣлается вавилонское столпотвореніе въ лицахъ); дворня огромная, слугъ бездна, а не у кого допроситься стакана воды, некому подать вамъ чашку чаю... А недавняя невѣста, теперь молодая дама? О, она живетъ въ „полномъ удовольствіи!" она, наконецъ, достигла цѣли своей жизни, она уже не сирота, не пріемышъ, не лишнее бремя въ родительскомъ домѣ: она хозяйка у себя дома, сама себѣ госпожа, пользуется полною свободой, ѣздитъ куда и когда хочетъ, принимаетъ у себя кого ей угодно; ей уже ненужно болѣе притворяться то невинною овечкой, то кроткимъ ангеломъ;

она можетъ капризничать, падать въ обморокъ, повелѣвать, мучить мужа, дѣтей, слугъ. У ней бездна затѣй: карета — не карета, шаль — не шаль, дорогихъ игрушекъ вдоволь; она живетъ барыней-аристократкой, никому не уступаетъ, но всѣхъ превосходитъ, и мужъ ея едва успѣваетъ закладывать и перекладывать имѣніе... Дитя новаго поколѣнія, она убрала по-возможности пышно, хотя и безвкусно, залу и гостиную, кое-какъ наблюдаетъ въ нихъ даже какую-то получистоту, полуопрятность: вѣдь это комнаты для гостей, комнаты парадныя, комнаты напоказъ; полное торжество грязи можетъ быть только въ спальной и дѣтской, въ кабинетѣ мужа, — словомъ, во внутреннихъ комнатахъ, куда гости не ходятъ. А у нея безпрестанно гости, возлѣ нея безпрестанно кружокъ; но она плѣняетъ гостей своихъ не свѣтскимъ умомъ, не граціею своихъ манеръ, не очарованіемъ своего увлекательнаго разговора, — нѣтъ, она только старается показать имъ, что у нея всего много, что она богата, что у нея все лучше — и убранство комнатъ, и угощеніе, и гости, и лошади, что она не кто-нибудь, что такихъ, какъ она, не много... Содержаніе разговоровъ составляютъ сплетни и наряды, наряды и сплетни. Богъ благословилъ ея замужество — что ни годъ, то ребенокъ. Какъ же будетъ воспитывать дѣтей своихъ! — Да точно такъ же, какъ сама была воспитана своею маменькою: пока малы, они прозябаютъ въ дѣтской, среди мамокъ и нянекъ, среди горничныхъ, на лонѣ холопства, которое должно внушить имъ первыя правила нравственности, развить въ нихъ благородные инстинкты, объяснить имъ различіе домового отъ лѣшаго, вѣдьмы отъ русалки, растолковать разныя примѣты, разсказать всевозможныя исторіи о мертвецахъ и оборотняхъ, выучить ихъ браниться и драться, лгать не краснѣя, пріучить безпрестанно ѣсть, никогда не наѣдаясь. И милыя дѣти очень довольны сферою, въ которой живутъ: у нихъ есть фавориты между прислугою и есть нелюбимые; они живутъ дружно съ первыми, ругаютъ и колотятъ послѣднихъ. Но вотъ они подросли: тогда отецъ дѣлай, что хочешь, съ мальчиками, а дѣвочекъ поучатъ прыгать и шнуроваться, немножко бренчать на фортепіано, немножко болтать по-французски — воспитаніе кончено; тогда имъ одна наука, одна забота — ловить жениховъ.

Но если наша невѣста выйдетъ за человѣка небогатаго хотя и не бѣднаго, но живущаго немного выше своего состоянія, посредствомъ умѣнія строгимъ порядкомъ сводить концы съ концами: тогда горе ея мужу! Она въ своей деревнѣ никогда ничего не дѣлала (потому что *барышня* вѣдь не *холопка* какая-нибудь, чтобы стала что-нибудь дѣлать), ничѣмъ не занимаясь, не знаетъ хозяйства, а что такое порядокъ, чистота, опрятность въ домѣ, — этого она нигдѣ не видала, объ этомъ она ни отъ кого не слыхала. Для нея выйти замужъ — значитъ сдѣлаться барынею; стать хозяйкою, значитъ — повелѣвать всѣми въ домѣ и быть полною госпожею своихъ поступковъ. Ея дѣло — не сберегать, не выгадывать, а покупать и тратить, наряжаться и франтить.

И неужели вы обвиняете ее во всемъ этомъ? Какое имѣете вы право требовать отъ нея, чтобы она была не тѣмъ, чѣмъ сами же вы ее сдѣлали? Можете ли вы обвинить даже ея родителей? Развѣ не вы сами сдѣлали изъ женщины только невѣсту и жену, и ничего болѣе? Развѣ когда-нибудь подходили вы къ ней безкорыстно, просто безъ всякихъ видовъ, для того только, чтобъ насладиться этимъ ароматомъ, этою гармоніею женственнаго существа, этимъ поэтическимъ очарованіемъ присутствія и общества женщины, которая такъ кротко, успокоительно и обаятельно дѣйствуютъ на жестокую натуру мужчины? Желали ль вы когда-нибудь имѣть друга въ женщинѣ, въ которую вы совсѣмъ не влюблены, сестру въ женщинѣ вамъ посторонней? — Нѣтъ! если вы входите въ женскій кругъ, то не иначе, какъ для выполненія обычая, приличія, обряда; если танцуете съ женщиною, то потому только, что мужчинамъ танцовать съ мужчинами не принято. Если вы обращаете на одну женщину исключительное свое вниманіе, то всегда съ положительными видами — ради женитьбы или волокитства. Вашъ взглядъ на женщину чисто утилитарный, почти коммерческій: одна для васъ — капиталъ съ процентами, деревня, домъ съ доходомъ: если не это, такъ кухарка, прачка, ключница, нянька, много, много, если одалиска...

Конечно, изъ всего этого бываютъ исключенія; но общество состоитъ изъ общихъ правилъ, а не изъ исключеній, которыя всего чаще бываютъ болѣзненными наростами на тѣлѣ общества. Эту грустную истину всего лучше подтверждаютъ собою наши такъ называемыя „идеальныя дѣвы“. Онѣ, обыкновенно, страстныя любительницы чтенія, и читаютъ, много и скоро, ѣдятъ книги. Но какъ и что читаютъ онѣ, Боже великій!... Всего достолюбезнѣе въ идеальныхъ дѣвахъ увѣренность ихъ, что онѣ понимаютъ то, что читаютъ, и что чтеніе приноситъ имъ большую пользу. Всѣ онѣ обожательницы Пушкина, — что однакожъ не мѣшаетъ имъ отдавать должную справедливость и таланту г. Бенедиктова; иныя изъ нихъ съ удовольствіемъ читаютъ даже Гоголя, — что однакожъ нисколько не мѣшаетъ имъ восхищаться повѣстями гг. Марлинскаго и Полевого. Все, что въ ходу, о чемъ пишутъ и говорятъ въ настоящее время, все это сводитъ ихъ съ ума. Но во всемъ этомъ онѣ видятъ свою любимую мысль, оправданіе своей настроенности, т.-е. идеальность, — видятъ ее даже и тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ, или гдѣ она осмѣивается. У всѣхъ у нихъ есть завѣтныя тетрадки, куда онѣ списываютъ стишки, которые имъ понравятся, мысли, которыя поразятъ ихъ въ книгѣ. Онѣ любятъ гулять при лунѣ, смотрѣть на звѣзды, слѣдить за теченіемъ ручейка. Онѣ очень наклонны къ дружбѣ, и каждая ведетъ дѣятельную переписку съ своей пріятельницею, которая живетъ съ ней въ одной деревнѣ, а иногда и въ одномъ домѣ, только въ разныхъ комнатахъ. Въ перепискѣ (огромными тетрадищами) сообщаютъ онѣ другъ другу свои чувства, мысли, впечатлѣнія. Сверхъ того, каждая изъ нихъ ведетъ свой дневникъ, весь наполненный „выписными чувствами“, въ кото-

рыхъ (какъ во всѣхъ дневникахъ идеальныхъ и внутреннихъ натуръ мужеска и женска пола) нѣтъ ничего живого, истиннаго, только претензія и идеальничанье. Онѣ презираютъ толпу и землю, и питаютъ непримиримую ненависть ко всему матеріальному. Эта ненависть у нихъ часто простирается до желанія вовсе отрѣшиться отъ матеріи. Для этого онѣ морятъ себя голодомъ, не ѣдятъ иногда по цѣлой недѣлѣ, жгутъ на свѣчкѣ пальцы, кладутъ себѣ на грудь подъ платье снѣгу, пьютъ уксусъ и чернила, отучаютъ себя отъ сна, — и этимъ стремленіемъ къ высшему, идеальному существованію до того успѣваютъ разстроить свои нервы, что скоро превращаются въ одну живую и самую матеріальную болячку... Вѣдь крайности сходятся! Всѣ простыя человѣческія, и особенно женскія чувства, какъ напр., страстность, способная къ увлеченію чувствъ, любовь материнная, склонность къ мужчинѣ, въ которомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, геніальнаго, который не гонимъ несчастіемъ, не страдаетъ, не бѣденъ, — всѣ такія простыя чувства кажутся имъ пошлыми, ничтожными, смѣшными и презрѣнными. Особенно интересны понятія „идеальныхъ дѣвъ“ о любви. Всѣ онѣ — жрицы любви, думаютъ, мечтаютъ, говорятъ и пишутъ только о любви. Но онѣ признаютъ только любовь чистую, неземную, идеальную, платоническую. Бракъ есть профанація любви въ ихъ глазахъ; счастіе — опошленіе любви. Имъ непремѣнно надо любить въ разлукѣ, и ихъ высочайшее блаженство — мечтать при лунѣ о предметѣ своей любви и думать: „можетъ быть, въ эту минуту, и *онъ* смотритъ на луну и мечтаетъ обо мнѣ; такъ, для любви нѣтъ разлуки!“ Жалкія рыбы съ холодною кровью, идеальныя дѣвы считаютъ себя птицами; плавая въ мутной водѣ искусственно нервической экзальтаціи, онѣ думаютъ, что парятъ въ облакахъ высокихъ чувствъ и мыслей. Имъ чуждо все простое, истинное, задушевное, страстное; думая любить все „высокое и прекрасное“, онѣ любятъ только себя; онѣ и не подозрѣваютъ, что только тѣшатъ свое мелкое самолюбіе трескучими шутихами фантазіи, думая быть жрицами любви и самоотверженія. Многія изъ нихъ не прочь бы и отъ замужества, и при первой возможности вдругъ измѣняютъ свои убѣжденія, и изъ идеальныхъ дѣвъ скоро дѣлаются самыми простыми бабами; но въ иныхъ способность обманывать себя призраками фантазіи доходитъ до того, что онѣ на всю жизнь остаются восторженными дѣвственницами, и такимъ образомъ до семидесяти лѣтъ сохраняютъ способность къ сентиментальной экзальтаціи, къ нервическому идеализму. Самыя лучшія изъ этого рода женщинъ рано или поздно образумливаются; но прежнее ихъ ложное направленіе навсегда дѣлается чернымъ демономъ ихъ жизни и, подобно дурно залѣченной болѣзни, отравляетъ ихъ спокойствіе и счастіе. Ужаснѣе всѣхъ другихъ тѣ изъ идеальныхъ дѣвъ, которыя не только не чуждаются брака, но въ бракѣ съ предметомъ любви своей видятъ высшее земное блаженство: при ограниченности ума, при отсутствіи всякаго нравственнаго развитія и при испорченности, онѣ создаютъ идеалъ брачнаго счастія, — и когда увидятъ не-

возможность осуществленія ихъ нелѣпаго идеала, то вымѣщаютъ на мужьяхъ горечь своего разочарованія.

Идеальными дѣвами всѣхъ родовъ бываютъ, по большей части, дѣвицы, которыхъ развитіе было предоставлено имъ же самимъ. И какъ винить ихъ въ томъ, что, вмѣсто живыхъ существъ, изъ нихъ выходятъ нравственные уроды? Окружающая ихъ положительная дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ очень пошла, и ими невольно овладѣваетъ неотразимое убѣжденіе, что хорошо только то, что не похоже, что діаметрально противоположно этой дѣйствительности. А между тѣмъ, самобытное, не на почвѣ дѣйствительности, не въ сферѣ общества совершающееся развитіе, всегда доводитъ до уродства. И такимъ образомъ имъ предстоятъ двѣ крайности: или быть пошлыми на общій манеръ, быть пошлыми какъ всѣ, или быть пошлыми оригинально. Онѣ избираютъ послѣднее, но думаютъ, что съ земли перепрыгнули за облака, тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ только перевалились изъ положительной пошлости въ мечтательную пошлость. И что всего грустнѣе: между подобными несчастными созданіями бываютъ натуры, не лишенныя истинной потребности болѣе или менѣе человѣчески-разумнаго существованія и достойныя лучшей участи.

Но среди этого міра нравственно-увѣчныхъ явленій, изрѣдка удаются истинно-колоссальныя исключенія, которыя всегда дорого платятся за свою исключительность и дѣлаются жертвами собственнаго своего превосходства. Натуры геніальныя, не подозрѣвающія своей геніальности, онѣ безжалостно убиваются безсознательнымъ обществомъ, какъ очистительная жертва за его собственные грѣхи... Такова Татьяна Пушкина. Вы коротко знакомы съ почтеннымъ семействомъ Лариныхъ. Отецъ — не то, чтобы ужъ очень глупъ, да и не совсѣмъ уменъ; не то, чтобы человѣкъ, да и не звѣрь, а что-то въ родѣ полипа, принадлежащаго въ одно и то же время двумъ царствамъ природы — растительному и животному.

Онъ былъ простой и добрый баринъ.
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
„Смиренный грѣшникъ Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ,
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ“.

Этотъ миръ, вкушаемый подъ камнемъ, былъ продолженіемъ того же мира, которымъ „добрый баринъ“ наслаждался при жизни подъ татарскимъ халатомъ. Бываютъ на свѣтѣ такіе люди, въ жизни и счастіи которыхъ смерть не производитъ ровно никакой перемѣны. Отецъ Татьяны принадлежалъ къ числу такихъ счастливцевъ. Но маменька ея стояла на высшей ступени жизни, сравнительно съ своимъ супругомъ. До замужества, она обожала Ричардсона, не потому, чтобы прочла его, а потому, что отъ своей московской кузины наслышалась о Грандиссонѣ. Помолвленная за Ларина, она втайнѣ вздыхала о другомъ. Но ее повезли къ вѣнцу, не спросившись ея совѣта. Въ деревнѣ мужа она сперва терзалась и рвалась, а потомъ привыкла къ своему положенію и даже стала имъ довольна, особенно съ тѣхъ поръ, какъ постигла тайну самовластно управлять мужемъ.

Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь —
Все это мужа не спросясь.
Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ N французскій
Произносить умѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла — стала звать
Акулькой прежнюю *Селину*,
И обновила, наконецъ,
На ватѣ шлафоръ и чепецъ.

Словомъ, Ларины жили чудесно, какъ живутъ на этомъ свѣтѣ милліоны людей. Однообразіе семейной ихъ жизни нарушалось гостями:

Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзя, —
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
. . . .
Ихъ разговоръ благоразумный
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно, не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни остротою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Еще былъ менѣе ученъ.

И вотъ, кругъ людей, среди которыхъ родилась и выросла Татьяна! Правда, тутъ были два существа, рѣзко отдѣлявшіяся отъ этого круга — сестра Татьяны, Ольга, и женихъ послѣдней, Ленскій. Но и не этимъ существамъ было понять Татьяну. Она любила ихъ просто, сама не зная за что, частью по привычкѣ, частью потому, что они еще не были пошлы; но она не открывала имъ внутренняго міра души своей; какое-то темное, инстинктивное чувство говорило ей, что они — люди другого міра, что они не поймутъ ея. И дѣйствительно, поэтическій Ленскій далеко не подозрѣвалъ, что̀ такое Татьяна: такая женщина была не по его восторженной натурѣ и могла ему казаться скорѣе странною и холодною, нежели поэтическою. Ольга еще менѣе Ленскаго могла понять Татьяну. Ольга — существо простое, непосредственное, которое никогда ни о чемъ не разсуждало, ни о чемъ не спрашивало, которому все было ясно и понятно по привычкѣ и которое все зависѣло отъ привычки. Она очень плакала о смерти Ленскаго, но скоро утѣшилась, вышла за улана и, изъ граціозной и милой дѣвочки, сдѣлалась дюжинной барыней, повторивъ собою свою маменьку, съ небольшими измѣненіями, которыхъ требовало время. Но совсѣмъ не такъ легко опредѣлить характеръ Татьяны. Натура Татьяны немногосложна, но глубока и сильна. Въ Татьянѣ нѣтъ этихъ болѣзненныхъ противорѣчій, которыми страдаютъ слишкомъ сложныя натуры; Татьяна создана какъ-будто вся изъ одного цѣльнаго куска, безъ всякихъ придѣлокъ и примѣсей. Вся жизнь ея проникнута тою цѣлостностью, тѣмъ единствомъ, которое въ мірѣ искусства составляетъ высочайшее достоинство художественнаго произведенія. Страстно влюбленная, простая деревенская дѣвушка, потомъ свѣтская дама, —

Татьяна во всѣхъ положеніяхъ своей жизни всегда одна и та же; портретъ ея въ дѣтствѣ, такъ мастерски написанный поэтомъ впослѣдствіи, является только развившимся, но не измѣнившимся:

Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла.
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

Задумчивость была ея подругою съ колыбельныхъ дней, украшая однообразіе ея жизни; пальцы Татьяны не знали иглы, и даже ребенкомъ она не любила куколъ, и ей чужды были дѣтскія шалости; ей былъ скученъ и шумъ и звонкій смѣхъ дѣтскихъ игръ; ей больше нравились страшные разсказы въ зимній вечеръ. И потому она скоро пристрастилась къ романамъ, и романы поглотили всю жизнь ея.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена
Вставала при свѣчахъ она.

Итакъ, лѣтнія ночи посвящались мечтательности, зимнія — чтенію романовъ, — и это среди міра, имѣвшаго благоразумную привычку громко храпѣть въ это время! Какое противорѣчіе между Татьяною и окружающимъ ее міромъ! — Татьяна — это рѣдкій прекрасный цвѣтокъ, случайно выросшій въ разселинѣ дикой скалы,

Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками ни пчелой.

Эти два стиха, сказанные Пушкинымъ объ Ольгѣ, гораздо больше идутъ къ Татьянѣ. Какіе мотыльки, какія пчелы могли знать этотъ цвѣтокъ или плѣняться имъ? Развѣ безобразные слѣпни, оводы и жуки, въ родѣ господъ Пыхтина, Буянова, Пѣтушкова и тому подобныхъ? Да, такая женщина, какъ Татьяна, можетъ плѣнять только людей, стоящихъ на двухъ крайнихъ ступеняхъ нравственнаго міра, или такихъ, которые были бы въ уровень съ ея натурою, и которыхъ такъ мало на свѣтѣ, или людей совершенно пошлыхъ, которыхъ такъ много на свѣтѣ. Этимъ послѣднимъ Татьяна могла нравиться лицомъ, деревенскою свѣжестью и здоровьемъ, даже дикостью своего характера, въ которой они могли видѣть кротость, послушливость и безотвѣтность въ отношеніи къ будущему мужу — качества драгоцѣнныя для ихъ грубой животности, не говоря уже о расчетахъ на приданое, на родство и т. п. Стоящіе же въ серединѣ между этими двумя разрядами людей всего менѣе могли оцѣнить Татьяну. Надобно сказать, что всѣ эти серединныя существа, занимающія мѣсто между высшими натурами и чернью человѣчества, эти таланты, служащіе

связью геніальности съ толпою, по большей части — все люди „идеальные", подъ стать идеальнымъ дѣвамъ, о которыхъ мы говорили выше. Эти идеалисты думаютъ о себѣ, что они исполнены страстей, чувствъ, высокихъ стремленій, но въ сущности все дѣло заключается въ томъ, что у нихъ фантазія развита насчетъ всѣхъ другихъ способностей, преимущественно разсудка. Въ нихъ есть чувство; но еще больше сентиментальности, и еще больше охоты и способности наблюдать свои ощущенія и вѣчно толковать о нихъ. Въ нихъ есть и умъ, но не свой, а вычитанный, книжный, и потому въ ихъ умѣ часто бываетъ много блеска, но никогда не бываетъ дѣльности. Главное же, что всего хуже въ нихъ, что составляетъ ихъ самую слабую сторону, ихъ ахиллесовскую пятку,— это то, что въ нихъ нѣтъ страстей, за исключеніемъ только самолюбія, и то мелкаго, которое ограничивается въ нихъ тѣмъ, что они бездѣятельно и безплодно погружены въ созерцаніе своихъ внутреннихъ достоинствъ. Натуры теплыя, по такъ же не холодныя, какъ и не горячія, они дѣйствительно обладаютъ жалкою способностью вспыхивать на минуту отъ всего и ни отъ чего. Поэтому они только и толкуютъ, что о своихъ пламенныхъ чувствахъ, объ огнѣ, пожирающемъ ихъ душу, о страстяхъ, обуревающихъ ихъ сердце, не подозрѣвая, что все это дѣйствительно буря, но только не на морѣ, а въ стаканѣ воды. И нѣтъ людей, которые бы менѣе ихъ способны были оцѣнить истинное чувство, понять истинную страсть, разгадать человѣка, глубоко чувствующаго, неподдѣльно страстнаго. Такіе люди не поняли бы Татьяны: они рѣшили бы всѣ въ голосъ, что, если она не дура пошлая, то очень странное существо, и что, во всякомъ случаѣ, она холодна, какъ ледъ, лишена чувства и неспособна къ страсти. И какъ же иначе? Татьяна молчалива, дика, ничѣмъ не увлекается, ничему не радуется, ни отъ чего не приходитъ въ восторгъ, ко всему равнодушна, ни къ кому не ласкается, ни съ кѣмъ не дружится, никого не любитъ, не чувствуетъ потребности перелить въ другого свою душу, тайны своего сердца, а главное — не говоритъ ни о чувствахъ вообще ни о своихъ собственныхъ въ особенности?... Если вы сосредоточены въ себѣ, и на вашемъ лицѣ нельзя прочесть внутренняго пожирающаго васъ огня, — мелкіе люди, столь богатые прекрасными мелкими чувствами, тотчасъ объявятъ васъ существомъ холоднымъ, эгоистомъ, отнимутъ у васъ сердце и оставятъ при васъ одинъ умъ, особенно, если вы имѣете наклонность иронизировать надъ собственнымъ чувствомъ, хотя бы то было изъ цѣломудреннаго желанія замаскировать его, не любя имъ ни играть ни щеголять...

Повторяемъ: Татьяна — существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная. Любовь для нея могла быть или величайшимъ блаженствомъ, или величайшимъ бѣдствіемъ жизни, безъ всякой примирительной середины. При счастіи взаимности любовь такой женщины — ровное, свѣтлое пламя; въ противномъ случаѣ — упорное пламя, которому сила воли, можетъ-быть, не позволитъ прорваться

наружу, но которое тѣмъ разрушительнѣе и жгучѣе, чѣмъ больше оно сдавлено внутри. Счастливая жена, Татьяна спокойно, но тѣмъ не менѣе страстно и глубоко любила бы своего мужа, вполнѣ пожертвовала бы собою дѣтямъ, вся отдалась бы своимъ материнскимъ обязанностямъ, но не по разсудку, а опять по страсти, и въ этой жертвѣ, въ строгомъ выполненіи своихъ обязанностей, нашла бы свое величайшее наслажденіе, свое верховное блаженство. И все это безъ фразъ, безъ разсужденій, съ этимъ спокойствіемъ, съ этимъ внѣшнимъ безстрастіемъ, съ этою наружною холодностью, которыя составляютъ достоинство и величіе глубокихъ и сильныхъ натуръ. Такова Татьяна. Но это только главныя и, такъ сказать, общія черты ея личности: взглянемъ на форму, въ которую вылилась эта личность, посмотримъ на тѣ особенности, которыя составляютъ ея характеръ.

Татьяна не избѣгла горестной участи подпасть подъ разрядъ идеальныхъ дѣвъ, о которыхъ мы говорили. Правда, мы сказали, что она представляетъ собою колоссальное исключеніе въ мірѣ подобныхъ явленій, — и теперь не отпираемся отъ своихъ словъ. Татьяна возбуждаетъ не смѣхъ, а живое сочувствіе, — но это не потому, чтобъ она вовсе не походила на „идеальныхъ дѣвъ“, а потому, что ея глубокая, страстная натура заслонила въ ней собою все, что есть смѣшного и пошлаго въ идеальности этого рода, и Татьяна осталась естественно-простою въ самой искуственности и уродливости формы, которую сообщила ей окружающая ее дѣйствительность. Съ одной стороны —

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины;
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили предметы:
Таинственно ей всѣ примѣты
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.

Съ другой стороны, Татьяна любила бродить по полямъ,

Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

Это дивное созданіе грубыхъ, вульгарныхъ предразсудковъ со страстью къ французскимъ книжкамъ и съ уваженіемъ къ глубокому творенію Мартына Задеки возможно въ русской женщинѣ. Весь внутренній міръ Татьяны заключался въ жаждѣ любви; ничто другое не говорило въ ея душѣ; умъ ея спалъ, и только развѣ тяжкое горе жизни могло потомъ разбудить его, — да и то для того, чтобы сдержать страсть и подчинить ее расчету благоразумной морали... Дѣвическіе дни ея ничѣмъ не были заняты; въ нихъ не было своей череды труда и досуга, не было тѣхъ регулярныхъ занятій, свойственныхъ образованной жизни, которыя держатъ въ равновѣсіи нравственныя силы человѣка. Дикое растеніе, вполнѣ предоставленное самому себѣ, Татьяна создала себѣ свою собственную жизнь, въ пустотѣ которой тѣмъ мятежнѣе горѣлъ пожиравшій ее внутренній огонь, что ея умъ ничѣмъ не былъ занятъ.

Давно ея воображенье,
Сгорая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: *это онъ!*
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ, —
Все полно имъ; все дѣвѣ милой
Безъ умолку, волшебной силы
Твердитъ о немъ . . . .
. . . .
Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленныя созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежный
И безподобный Грандисонъ,
Который намъ наводитъ сонъ;
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.
Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ:
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ,
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты;
Вздыхаетъ и, *себѣ присвоя*
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя...

Здѣсь не книга родила страсть, но страсть все-таки не могла не проявиться немножко по-книжному. Зачѣмъ было изображать Онѣгина Вольмаромъ, Малекъ-Аделемъ, де Линаромъ и Вертеромъ (Малекъ-Адель и Вертеръ: не все ли это равно, что Еруслань Лазаревичъ и корсаръ Байрона). Затѣмъ, что для Татьяны не существовалъ Онѣгинъ, котораго она не могла ни понимать ни знать; слѣдовательно, ей необходимо было придать ему какое-нибудь значеніе, напрокатъ взятое изъ книги, а не изъ жизни, потому что жизни Татьяна тоже не могла ни понимать ни знать. Зачѣмъ было ей воображать себя Кларисою, Юліею, Дельфиною? Затѣмъ, что она и самоё себя такъ же мало понимала и знала, какъ и Онѣгина. Повторяемъ: созданіе страстное, глубоко чувствующее и въ то же время неразвитое, наглухо запертое въ темной пустотѣ своего интеллектуальнаго существованія, Татьяна, какъ личность, является намъ подобною не изящной греческой статуѣ, въ которой все внутреннее такъ прозрачно и выпукло отразилось во внѣшней красотѣ, но подобною египетской статуѣ, неподвижной, тяжелой и связанной. Безъ книги, она была бы совершенно нѣмымъ существомъ, и ея пылающій и сохнущій языкъ не обрѣлъ бы ни одного живого, страстнаго слова, которымъ бы могла она облегчить себя отъ давящей полноты чувства. И хотя непосредственнымъ источникомъ ея страсти къ Онѣгину была ея страстная натура, ея переполнившаяся жажда сочувствія, — все же началась она нѣсколько идеально. Татьяна не могла полюбить Ленскаго и еще менѣе могла полюбить кого-нибудь изъ извѣстныхъ ей мужчинъ: она такъ хорошо ихъ знала и они мало представляли пищи ея экзальтированному, аскетическому воображенію... И вдругъ является Онѣгинъ.

Онъ весь окруженъ тайною: его аристократизмъ, его свѣткость, неоспоримое превосходство надъ всѣмъ этимъ спокойнымъ и пошлымъ міромъ, среди котораго онъ явился такимъ метеоромъ, его равнодушіе

ко всему, странность жизни — все это произвело таинственные слухи, которые не могли не дѣйствовать на фантазію Татьяны, не могли не расположить, не подготовить ее къ рѣшительному эффекту перваго свиданія съ Онѣгинымъ. И она увидала его, и онъ предсталъ предъ нею, молодой, красивый, ловкій, блестящій, равнодушный, скучающій, загадочный, непостижимый, весь неразрѣшимая тайна для ея неразвитаго ума, весь обольщеніе для ея дикой фантазіи. Есть существа, у которыхъ фантазія имѣетъ гораздо болѣе вліянія на сердце, нежели какъ думаютъ объ этомъ. Татьяна была изъ такихъ существъ. Есть женщины, которымъ стоитъ только показаться восторженнымъ, страстнымъ, и онѣ ваши; но есть женщины, которыхъ вниманіе мужчина можетъ возбудить къ себѣ только равнодушіемъ, холодностью и скептицизмомъ, какъ признаками огромныхъ требованій на жизнь или какъ результатомъ мятежно и полно пережитой жизни: бѣдная Татьяна была изъ числа такихъ женщинъ...

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣе ступить.
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальній сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ.

Разговоръ Татьяны съ няней — чудо художественнаго совершенства! Это цѣлая драма, проникнутая глубокою истиной. Въ ней удивительно вѣрно изображена *русская* барышня въ разгарѣ томящей ее страсти. Сдавленное внутри чувство всегда порывается наружу, особенно въ первый періодъ еще новой, еще неопытной страсти. Кому открыть свое сердце! — сестрѣ? — она не такъ бы поняла его. Няня вовсе не пойметъ; но потому-то и открываетъ ей Татьяна свою тайну — или, лучше сказать, потому-то и не скрываетъ она отъ няни своей тайны.

...„Разскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?“
— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница-свекровь.
„Да какъ же ты вѣнчалась, няня?“
— *Такъ, видно, Богъ велѣлъ.* Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ *тринадцать* лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и, наконецъ,
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха:
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
И съ пѣньемъ въ церковь повели.
И вотъ, ввели въ семью чужую...

Вотъ какъ пишетъ истинно-народный, истинно-національный поэтъ! Въ словахъ няни, простыхъ и народныхъ, безъ тривіальности и пошлости, заключается полная и яркая картина внутренней домашней жизни народа, его взглядъ на отношенія половъ, на любовь, на бракъ... И это сдѣлано великимъ поэтомъ одною чертой, вскользь, мимоходомъ брошенною!... Какъ хороши эти добродушные и простодушные стихи:

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница-свекровь!

Какъ жаль, что именно такая народность не дается многимъ нашимъ поэтамъ, которые такъ хлопочутъ о народности — и добиваются одной площадной тривіальности...

Татьяна вдругъ рѣшается писать къ Онѣгину: порывъ наивный и благородный; но его источникъ не въ сознаніи, а въ безсознательности: бѣдная дѣвушка не знала, что дѣлала. Послѣ, когда она стала знатною барыней, для нея совершенно исчезла возможность такихъ наивно-великодушныхъ движеній сердца... Письмо Татьяны свело съ ума всѣхъ русскихъ читателей, когда появилась третья глава „Онѣгина". Мы, вмѣстѣ со всѣми, думали въ немъ видѣть высочайшій образецъ откровенія женскаго сердца. Самъ поэтъ, кажется, безъ всякой ироніи, безъ всякой задней мысли, и писалъ и читалъ это письмо. Но съ тѣхъ поръ воды много утекло... Письмо Татьяны прекрасно и теперь, хотя уже и отзывается немножко какою-то дѣтскостью, чѣмъ-то „романическимъ". Иначе и быть не могло; языкъ страстей былъ такъ новъ и недоступенъ нравственно-нѣмотствующей Татьянѣ: она не умѣла бы ни понять ни выразить собственныхъ своихъ ощущеній, если бы не прибѣгла къ помощи впечатлѣній, оставленныхъ на ея памяти плохими и хорошими романами, безъ толку и безъ разбора читанными ею... Начало письма превосходно: оно проникнуто простымъ искреннимъ чувствомъ; въ немъ Татьяна является сама собою:

„Я вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бъ никогда,
Когда бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь, до новой встрѣчи.
Но, говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно;
А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала бъ васъ,
Не знала бъ горькаго мученья,
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать".

Прекрасны также стихи въ концѣ письма:

...Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.

Все въ письмѣ Татьяны истинно, но не все просто; мы выписали только то, что истинно и просто вмѣстѣ. Сочетаніе простоты съ истиною составляетъ высшую красоту и чувства, и дѣла, и выраженія...

Если бы мы вздумали слѣдить за всѣми красотами поэмы Пушкина, указывать на всѣ черты высокаго художественнаго мастерства, въ такомъ случаѣ ни нашимъ выпискамъ ни нашей статьѣ не было бы

конца. Но мы считаемъ это излишнимъ, потому что эта поэма давно оцѣнена публикою, и все лучшее въ ней у всякаго въ памяти. Мы предположили себѣ другую цѣль: раскрыть, по возможности, отношеніе поэмы къ обществу, которое она изображаетъ. На этотъ разъ предметъ нашей статьи — характеръ Татьяны, какъ представительницы русской женщины. И потому пропускаемъ всю четвертую главу, въ которой главное для насъ — объясненіе Онѣгина съ Татьяною въ отвѣтъ на ея письмо. Какъ подѣйствовало на нее это объясненіе, понятно: всѣ надежды бѣдной дѣвушки рушились, и она еще глубже затворилась въ себѣ для внѣшняго міра. Но разрушенная надежда не погасила въ ней пожирающаго ее пламени: онъ началъ горѣть тѣмъ упорнѣе и напряженнѣе, чѣмъ глуше и безвыходнѣе. Несчастіе даетъ новую энергію страсти у натуръ съ экзальтированнымъ воображеніемъ. Имъ даже нравится исключительность ихъ положенія; онѣ любятъ свое горе, лелѣютъ свое страданіе, дорожатъ имъ, можетъ-быть, еще больше, нежели сколько дорожили бы онѣ своимъ счастіемъ, если бъ оно выпало на ихъ долю... И притомъ, въ глухомъ лѣсу нашего общества, гдѣ бы и скоро ли бы встрѣтила Татьяна другое общество, которое, подобно Онѣгину, могло бы поразить ея воображеніе и обратить огонь ея души на другой предметъ? Вообще, несчастная, нераздѣленная любовь, которая упорно переживаетъ надежду, есть явленіе довольно болѣзненное, причина котораго, по слишкомъ рѣдкимъ и, вѣроятно, чисто физіологическимъ причинамъ, едва ли не скрывается въ экзальтаціи фантазіи, слишкомъ развитой на счетъ другихъ способностей души. Но какъ бы то ни было, а страданія, происходящія отъ фантазіи, падаютъ тяжело на сердце и терзаютъ его иногда сильнѣе, нежели страданія, корень которыхъ въ самомъ сердцѣ. Картина глухихъ, никѣмъ не раздѣленныхъ страданій Татьяны изображена въ пятой главѣ съ удивительной истиною и простотою. Посѣщеніе Татьяною опустѣлаго дома Онѣгина (въ седьмой главѣ) и чувства, пробужденныя въ ней этимъ оставленнымъ жилищемъ, на всѣхъ предметахъ котораго лежитъ такой рѣзкій отпечатокъ духа и характера оставившаго его хозяина, — принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ поэмы и драгоцѣннѣйшимъ сокровищамъ русской поэзіи. Татьяна не разъ повторила это посѣщеніе —

И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась, наконецъ, одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася,
Сперва ей было не до нихъ;
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душою:
И ей открылся міръ иной

. . . .
И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной...
. . . .
Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдено?

Итакъ, въ Татьянѣ, наконецъ, совершился актъ сознанія: умъ ея проснулся. Она поняла, наконецъ, что есть для человѣка интересы,

есть страданія и скорби, кромѣ интереса страданій и скорби любви. Но поняла ли она, въ чемъ именно состоятъ эти другіе интересы и страданія, и если поняла, послужило ли это ей къ облегченію ея страданій? Конечно, поняла, но только умомъ, головою, потому что есть идеи, которыя надо пережить и душою и тѣломъ, чтобы понять ихъ вполнѣ, и которыхъ нельзя изучить въ книгѣ. И потому книжное знакомство съ этимъ новымъ міромъ скорбей, если и было для Татьяны откровеніемъ, это откровеніе произвело на нее тяжелое, безотрадное и безплодное впечатлѣніе; оно испугало ее, ужаснуло и заставило смотрѣть на страсти, какъ на гибель жизни, убѣдило ее въ необходимости покоряться дѣйствительности, какъ она есть, и если жить жизнью сердца, то про себя, въ глубинѣ своей души, въ тиши уединенія, во мракѣ ночи, посвященной тоскѣ и рыданіямъ. Посѣщеніе дома Онѣгина и чтеніе его книгъ приготовили Татьяну къ перерожденію изъ деревенской дѣвочки въ свѣтскую даму, которое такъ удивило и поразило Онѣгина. Въ предшествовавшей статьѣ мы уже говорили о письмѣ Онѣгина къ Татьянѣ и о результатѣ всѣхъ его страстныхъ посланій къ ней; теперь перейдемъ прямо къ объясненію Татьяны съ Онѣгинымъ. Въ этомъ объясненіи все существо Татьяны выразилось вполнѣ. Въ этомъ объясненіи высказалось все, что составляетъ сущность русской женщины съ глубокою натурой, развитою обществомъ, — все: и пламенная страсть, и задушевность простого, искренняго чувства, и чистота, и святость наивныхъ движеній благородной натуры, резонёрство, и оскорбленное самолюбіе, и тщеславіе добродѣтелью, подъ которою замаскирована рабская боязнь общественнаго мнѣнія, и хитрые силлогизмы ума, свѣтскою моралью парализовавшаго великодушныя движенія сердца. Рѣчь Татьяны начинается упрекомъ, въ которомъ высказывается желаніе мести за оскорбленное самолюбіе:

„Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ, насъ
Судьба свела, и *такъ смиренно*
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя.
Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что̀ въ сердцѣ вашемъ я нашла,
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодный
И эту проповѣдь...

Въ самомъ дѣлѣ, Онѣгинъ былъ виноватъ передъ Татьяною въ томъ, что онъ не полюбилъ ее тогда, когда она была моложе и лучше и любила его! Вѣдь для любви только и нужно, что молодость, красота и взаимность! Вотъ понятія, заимствованныя изъ плохихъ сентиментальныхъ романовъ! Нѣмая деревенская дѣвочка съ дѣтскими мечтами — и свѣтская женщина, испытанная жизнью и страданіемъ, обрѣтшая слово для выраженія своихъ чувствъ и мыслей, какая разница! И все-таки, по мнѣнію Татьяны, она болѣе способна была внушить любовь тогда, нежели теперь, потому что она тогда была моложе и лучше... Какъ въ этомъ взглядѣ на вещи видна русская женщина!

А этотъ упрекъ, что тогда она нашла со стороны Онѣгина одну суровость? „Вамъ была не новость смиренной дѣвочки любовь?“ Да это уголовное преступленіе — не подорожить любовью нравственнаго эмбріона!... Но за этимъ упрекомъ тотчасъ слѣдуетъ и оправданіе.

...Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

Основная мысль упрековъ Татьяны состоитъ въ убѣжденіи, что Онѣгинъ потому только не полюбилъ ея тогда, что въ этомъ не было для него очарованія соблазна; а теперь приводитъ къ ея ногамъ жажда скандалёзной славы... Во всемъ этомъ такъ и пробивается страхъ за свою добродѣтель...

„Тогда — не правда ли? — въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась... Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна,
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?
Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ *обидной* страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче!... Что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? *Какая малость*!
Какъ, съ вашимъ сердцемъ и умомъ,
Быть чувства мелкаго рабомъ?“

Въ этихъ стихахъ такъ и слышится трепетъ за свое доброе имя въ большомъ свѣтѣ, а въ слѣдующихъ затѣмъ представляются неоспоримыя доказательства глубочайшаго презрѣнія къ большому свѣту... Какое противорѣчіе! И что всего грустнѣе, то и другое истинно въ Татьянѣ...

А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта, —
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера, —
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ,
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной няней моей.

Повторяемъ: эти слова такъ же непритворны и искренни, какъ и предшествовавшія имъ. Татьяна не любитъ свѣта и за счастье почла бы навсегда оставить его для деревни; но пока она въ свѣтѣ — его мнѣніе всегда будетъ ея идоломъ, и страхъ его суда всегда будетъ ея добродѣтелью...

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

Послѣдніе стихи удивительны — подлинно „конецъ вѣнчаетъ дѣло“! Этотъ отвѣтъ могъ бы итти въ примѣръ классическаго „высокаго“ (sublime), наравнѣ съ отвѣтомъ Медеи: moi! и стараго Горація: qu'il mourût! Вотъ истинная гордость женской добродѣтели! „Но я другому отдана“, — именно *отдана*, а не *отдалась!*

Итакъ, въ лицѣ Онѣгина, Ленскаго и Татьяны Пушкинъ изобразилъ русское общество въ одномъ изъ фазисовъ его образованія, его развитія, и съ какою истиною, съ какою вѣрностью, какъ полно и художественно изобразилъ онъ его! Мы не говоримъ о множествѣ вставочныхъ портретовъ, силуэтовъ, вошедшихъ въ его поэму и довершающихъ собою картину русскаго общества высшаго и средняго; не говоримъ о картинахъ сельскихъ баловъ и столичныхъ раутовъ: все это такъ извѣстно нашей публикѣ и такъ давно оцѣнено ею по достоинству... Замѣтимъ одно: личность поэта, такъ полно и ярко отразившаяся въ этой поэмѣ, вездѣ является такою прекрасною, такою гуманною, но въ то же время, по преимуществу, артистическою. Вездѣ видите вы въ немъ человѣка, душою и тѣломъ принадлежащаго къ основному принципу, составляющему сущность изображаемаго имъ класса; короче, вездѣ видите русскаго помѣщика... Онъ нападаетъ въ этомъ классѣ на все, что противорѣчитъ гуманности; но принципъ класса для него — вѣчная истина... И потому, въ самой сатирѣ его такъ много любви, самое отрицаніе его такъ часто похоже на одобреніе и на любованіе... Вспомните описаніе семейства Лариныхъ, во второй главѣ, и особенно портретъ самого Ларина... Это было причиною, что въ „Онѣгинѣ“ многое устарѣло теперь. Но безъ этого, можетъ-быть, и не вышло бы изъ „Онѣгина“ такой полной и подробной поэмы русской жизни, такого опредѣленнаго факта для отрицанія мысли, въ самомъ же этомъ обществѣ такъ быстро развивающейся...

„Онѣгинъ“ писанъ былъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, — и потому самъ поэтъ росъ вмѣстѣ съ нимъ, и каждая новая глава поэмы была интереснѣе и зрѣлѣе. Но послѣднія двѣ главы рѣзко отдѣляются отъ первыхъ шести: онѣ явно принадлежатъ уже къ высшей, зрѣлой эпохѣ художественнаго развитія поэта. О красотѣ отдѣльныхъ мѣстъ нельзя наговориться довольно; притомъ же ихъ такъ много! Къ лучшимъ принадлежатъ: ночная сцена между Татьяною и нянею, дуэль Онѣгина съ Ленскимъ и весь конецъ шестой главы. Въ послѣднихъ главахъ мы не знаемъ, что̀ хвалить особенно, потому что въ нихъ все превосходно; но первая половина седьмой главы (описаніе весны, воспоминаніе о Ленскомъ, посѣщеніе Татьяною дома Онѣгина) какъ-то особенно выдается изъ всего глубокостью грустнаго чувства и дивно прекрасными стихами... Отступленія, дѣлаемыя поэтомъ отъ разсказа, обращенія его къ самому себѣ исполнены необыкновенной граціи, задушевности, чувства, ума, остроты, личность поэта въ нихъ является такою любящею, такою гуманною. Въ своей поэмѣ онъ умѣлъ коснуться такъ многаго, намекнуть о столь мно-

гомъ, что принадлежитъ исключительно къ міру русской природы, къ міру русскаго общества! „Онѣгина" можно назвать энциклопедіею русской жизни и въ высшей степени народнымъ произведеніемъ. Удивительно ли, что эта поэма была принята съ такимъ восторгомъ публикою и имѣла также огромное вліяніе и на послѣдующую русскую литературу? А ея вліяніе на нравы общества? Она была актомъ сознанія для русскаго общества; почти первымъ, но зато какимъ великимъ шагомъ впередъ для него! Этотъ шагъ былъ богатырскимъ размахомъ, и послѣ него стояніе на одномъ мѣстѣ сдѣлалось уже невозможнымъ... Пусть идетъ время и проводитъ съ собою новыя потребности, новыя идеи, пусть растетъ русское общество и обгоняетъ „Онѣгина": какъ бы далеко оно ни ушло, но всегда будетъ останавливать на ней исполненный любви и благодарности взоръ... Эти строфы, которыя такъ и просятся въ заключеніе нашей статьи, своимъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ на душу читателя, лучше насъ выскажутъ то, что бы хотѣлось намъ высказать:

Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ вослѣдъ идутъ...
Такъ наше вѣтреное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадѣдовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.
Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья!
Ея ничтожность разумѣю
И къ ней привязанъ мало я;
Для призраковъ закрылъ я вѣжды:
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ примѣтнаго слѣда
Мнѣ было бъ грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ
И чье-нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ!
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ — лестная надежда! —
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвитъ: то-то былъ поэтъ!
Прими жъ мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ аонидъ,
О, ты, чья память сохранитъ
Мои летучія творенья.
Чья благословенная рука
Потреплетъ лавры старика!

Бѣлинскій.

Онѣгинъ, какъ общественный типъ.

Типъ Онѣгина могъ сложиться у Пушкина вслѣдствіе хорошаго знакомства съ столичною средою, въ которой онъ вращался съ юныхъ лѣтъ до самаго того времени, когда созрѣла въ немъ возможность отлить его въ полный жизни образъ. Черты домашняго воспитанія онъ могъ заимствовать отчасти даже и изъ собственнаго дѣтства: среда его отца, Сергѣя Львовича, и дяди Василія Львовича, была тою средою, которая, менѣе сближаясь съ представителями современной образованности, нежели эти ея болѣе цивилизованные члены, — въ юномъ

поколѣнія, между прочимъ, порождала Онѣгиныхъ. Припомнимъ тѣ строки изъ „Лицейскихъ записокъ“ Пушкина, которыя начинаются такъ: „Семья моего отца, его воспитаніе, французы-учителя:... m-r Martin. Отецъ и дядя въ гвардіи... Свадьба отца. Смерть императрицы Екатерины — рожденіе Ольги. Отецъ выходитъ въ отставку... Рожденіе мое“. И далѣе подъ 1812 и 1813 годами, когда поэту было 13 и 14 лѣтъ, онъ отмѣчаетъ: „Дядя Василій Львовичъ... Свѣтская жизнь“.

M-r l'aЬbé, который ходилъ за Евгеніемъ,

Слегка за шалости бранилъ
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ;

ранняя свобода Онѣгина, дендизмъ, внѣшніе свѣтскіе пріемы, длинные тщательно обточенные ногти, французскій разговорный языкъ, остроуміе и эпиграммы, эпикуреизмъ, охотное посѣщеніе ресторановъ, театральныя знакомства — все это черты собственной жизни, и привычекъ молодого Пушкина, изъ которыхъ многія остались на всю жизнь. Можно безъ преувеличенія сказать: исключите изъ юнаго Пушкина его поэтическую душу — и получилось бы лицо, во многомъ сходное съ Онѣгинымъ. Но и объ этомъ внѣшнемъ игѣ времени и среды Пушкинъ неоднократно жалѣлъ и въ лирическихъ стихотвореніяхъ своихъ и въ отступленіяхъ романа. Таковы слова 30-й строфы I главы:

Увы на разныя забавы
Я много жизни погубилъ:

„Я балы бъ до сихъ поръ любилъ“, прибавляетъ Пушкинъ, „если бъ не страдали нравы“. Эту-то безнравственность свѣтской жизни помогла ему совлечь съ себя поэтическая его природа. Онѣгинъ изображенъ лишеннымъ именно этой поэтической природы — и въ этомъ характерная противоположность съ творцомъ романа его героя, который, хотя снисходительно и слушалъ отрывки сѣверныхъ поэмъ Ленскаго, но, не имѣя страсти

Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить;
Бранилъ Гомера, Ѳеокрита...

Родители поэта стояли выше родителей Онѣгина — и уже послѣдовали инымъ вѣяніямъ своего времени, благодаря близости къ такимъ лицамъ, какъ А. И. Тургеневъ, содѣйствовавшій опредѣленію сына въ Лицей: но это были исключительныя обстоятельства на томъ общественномъ слоѣ, которому они принадлежали, и бытовыя черты воспитанія и жизни, безпощадно выставленныя Пушкинымъ въ I главѣ романа, не были чужды его собственнымъ до-лицейскимъ воспоминаніямъ. Они подтверждаются біографическими данными о жизни самого поэта или его близкихъ. Такъ, гувернеры Русло и Монфоръ, имена которыхъ съ неудовольствіемъ заноситъ онъ въ „Лицейскія записки“ о своемъ домашнемъ воспитаніи до переѣзда въ Петербургъ, и іезуиты, тамъ же упоминаемые по переѣздѣ въ новую столицу, вводятъ насъ

въ тотъ кругъ представленій, среди которыхъ долженъ былъ сложиться образъ monsieur l'abbé. Итакъ, воспитаніе, порученное эмигранту, въ „Евг. Онѣгинѣ" — черта настолько же біографическая, насколько и обще-бытовая. Мемуары и конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка представляютъ не мало тому подтвержденій. Такъ Вигель, описывая семью кн. Голицына, изображаетъ воспитаніе молодыхъ князей подъ руководствомъ Шевальде де Роленъ де Бельвиля слѣдующими чертами: „Развитіе ихъ умственныхъ способностей оставлено было на произволъ судьбы; никакихъ наставленій они не получали, никакихъ правилъ объ обязанностяхъ человѣка имъ преподаваемо не было. Гувернеръ ими очень мало занимался и только изрѣдка, какъ Онѣгина, *слегка бранилъ*... Какого рода гражданское воспитаніе было въ рукахъ подобныхъ эмигрантовъ, могутъ свидѣтельствовать дальнѣйшія слова Вигеля: „Объ отечествѣ своемъ говорилъ, какъ всѣ французы, безъ чувства, но съ хвастовствомъ — и съ состраданіемъ болѣе, чѣмъ съ презрѣніемъ, о нашемъ варварствѣ"... „При Павлѣ размножились у насъ эмигранты: не было полка въ арміи, въ коемъ бы не находилось ихъ по два и по три человѣка. Вообще тѣмъ, коимъ удалось попасть въ службу, болѣе другихъ посчастливилось... Не такова была участь тѣхъ, кои принуждены были приняться за воспитаніе дѣтей; званіе учителя, въ нашихъ варварскихъ понятіяхъ, казалось намъ немного выше холопа-дядьки, вѣчнаго соперника мусью. Французы это замѣтили; но какъ не было возможности ихъ всѣхъ помѣстить на службу, ибо прибывающія ихъ толпы безпрестанно увеличивались, то, слѣдуя нашей пословицѣ (я думаю, у нихъ и заимствованной): „плоха честь, когда нечего ѣсть", они разсѣялись по лицу земли русской, чтобы какимъ-либо образомъ добывать себѣ хлѣбъ. Умножающееся употребленіе французскаго языка способствовало имъ къ отысканію мѣстъ; скоро въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ всякій небогатый даже помѣщикъ началъ имѣть своего маркиза. Не было у насъ для французовъ середины: ils devenaient outchitels ou grands seigneurs".

Таковы были учителя изъ эмигрировавшихъ французскихъ дворянъ-роялистовъ или выдававшихъ себя за таковыхъ. Представителемъ ихъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ" можетъ считаться Трике, кочевавшій изъ одного помѣщичьяго дома въ другой: недавно изъ Тамбова — теперь учитель въ семьѣ Харликовыхъ. Конечно, выше ихъ по своему образованію, но не по уваженію и любви къ Россіи, стояли іезуиты, встрѣтившіе гостепріимный пріемъ въ русскомъ обществѣ. Эти предпочитались столичною средою — и не удивительно, что одинъ изъ нихъ выведенъ у Пушкина воспитателемъ Онѣгина, впрочемъ, какъ видно, изъ плохонькихъ. Кн. П. А. Вяземскій (бывшій на 7 лѣтъ старше Пушкина) въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ беретъ петербугскихъ воспитателей-іезуитовъ подъ защиту: онъ ведетъ рѣчь о педагогическомъ персоналѣ іезуитскаго коллегіума, гдѣ самъ воспитывался, и куда первоначально предполагали помѣстить и Пушкина, — однако не представляетъ убѣдительныхъ фактовъ о добромъ нравственномъ

вліяніи даже этихъ педагоговъ, конечно, стоявшихъ неизмѣримо выше „убогаго“ воспитателя Онѣгина. Изъ собственной же пансіонской жизни, какъ нарочно, кн. Вяземскій вспоминаетъ лишь одно изъ дѣйствій своихъ воспитателей, такъ совпадающее съ упомянутымъ въ „Евг. Онѣгинѣ“. „У меня въ Петербургѣ“, пишетъ онъ, „близкихъ родственниковъ не было. По большей части оставался я, подобно другимъ безроднымъ товарищамъ дома. Въ утѣшеніе *водили насъ въ Лѣтній садъ.* Лѣтомъ ректоръ-патеръ..., который особенно любилъ и какъ-то отличалъ меня, иногда бралъ меня на дачу, въ семейство голландскаго купца... тамъ, кромѣ особаго и лакомаго угощенія, забавлялся я игрою въ кегли. Вечеромъ, когда возвращались домой счастливцы, которые провели день въ семейномъ кругу или въ большомъ свѣтѣ, вѣстямъ и разсказамъ не было конца. Къ нимъ я жадно прислушивался. Зародыши будущаго мірянина и свѣтскаго человѣка пробуждались во мнѣ“. Кн. Вяземскій указываетъ лишь на одного изъ товарищей, обучившагося у іезуитовъ хорошо (Северина). Другіе въ его описаніи не отличаются отъ заурядной молодежи свѣтскаго круга того времени: „Юшковъ — уже и тогда ваятель и рѣзчикъ, но изъ картъ — будущій охотникъ до лошадей и знатокъ ихъ, искусно вырѣзывалъ породистыхъ лошадей, которыми товарищи любовались и даже промышляли, пуская между собою въ продажу и мѣну“; „Брусиловъ будущій герой многихъ не писанныхъ, но осуществившихся романовъ“; „Энгельгардтъ (Вас. Вас.) — впослѣдствіи расточительный богачъ, не пренебрегавшій веселіями жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, построитель въ Петербургѣ дома, сбивающагося немножко на парижскій Пале-Рояль, со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами“. „Пушкинъ“, прибавляетъ кн. Вяземскій, „очень любилъ Энгельгардта за то, что онъ охотно игралъ въ карты, и за то, что очень удачно игралъ словами. Острыя выходки и забавные куплеты его ходили по городу; и въ пансіонѣ еще промышлялъ онъ этимъ, между прочимъ, и на мой счетъ; тотчасъ по водвореніи моемъ привѣтствовалъ онъ меня куплетомъ:

Mon Prince,
De quelle province?
— Coucou,
De Moskou.

Можно себѣ представить, съ какимъ единогласіемъ весь пансіонскій людъ подхватилъ этотъ куплетъ. Мнѣ прохода не давали“... „Одно время воспитанники забавлялись пусканіемъ мыльныхъ пузырей“. Вотъ картины изъ жизни іезуитскихъ воспитанниковъ, которыя, вопреки волѣ писавшаго ихъ, служатъ прекраснымъ комментаріемъ къ строфамъ о воспитаніи Онѣгина, отецъ котораго предпочелъ только вмѣсто того, чтобъ отдавать сына въ пансіонъ, взять къ нему аббата въ домъ, чтобы потомъ прогнать его, когда „юности мятежной придетъ Евгенію пора“.

Другой современникъ Пушкина характеризуетъ такъ воспитаніе того круга, который изображенъ въ „Онѣгинѣ“: „Отцы наши... оставили въ сторонѣ“ всѣ „безполезныя вещи“, которыя я не назову, чтобы не прослыть педантомъ, и очень были рады, что вся мудрость человѣческая ограничилась обѣдомъ, ужинами и прочими тому подобными полезными предметами. Между тѣмъ у отцовъ нашихъ завелись дѣти, дошло дѣло до воспитанія; они благоразумно продолжали во всемъ сомнѣваться, смѣясь надъ системами... Между тѣмъ ихъ дѣти росли, росли и, наперекоръ добрымъ людямъ, сами составили для себя систему жизни, — однако систему не мечтательную, а въ которой помѣстились эпиграмма Вольтера, анекдотъ, разсказанный бабушкою, стихъ изъ Парни, нравственно-ариѳметическая фраза Бентама, насмѣшливое воспоминаніе о примѣрѣ для прописи, газетная статья, кровавое слово Наполеона, законъ о карточной чести и прочее тому подобное, чѣмъ до сихъ поръ пробавляются старые и молодые воспитанники XVII столѣтія“.

Въ „Запискѣ о народномъ воспитаніи“ (1826) Пушкинъ такъ характеризуетъ воспитаніе юношества того времени, къ которому относится пора отрочества, и его собственнаго и его героя: „Лѣтъ 15 тому назадъ молодые люди занимались только одною свѣтскою образованностью (*въ рукописи первоначально:* любезностью) или шалостями“... „Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25 лѣтъ, у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу... Онъ входитъ въ свѣтъ безъ всякихъ положительныхъ (*въ рукописи первоначально:* основательныхъ) правилъ: всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе“. Здѣсь Пушкинымъ высказано то самое, что̀ поэтически воплощено въ строфахъ Онѣгина, гдѣ описываются результаты „отсутствія всякаго воспитанія“, какъ онъ выразился въ „Запискѣ“... „Въ Россіи“, замѣчаетъ онъ далѣе, „домашнее воспитаніе есть самое недостачное, самое безнравственное... Воспитаніе ограничивается изученіемъ двухъ-трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно кончается на 17-лѣтнемъ возрастѣ воспитанника“. Это все черты, воспроизведенныя поэтомъ и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Опытъ собственной его жизни во многомъ, хотя и не во всемъ, отличался отъ нихъ. При всей неурядицѣ, царствовавшей въ Царскосельскомъ лицеѣ въ то время, когда воспитывался тамъ Пушкинъ, нельзя было не сознать ему всю цѣну пройденнаго имъ воспитанія въ общественномъ училищѣ. Вотъ почему онъ прибавляетъ въ „Запискѣ“ своей: „Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія... должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ“. Здѣсь невольно приходитъ на память та лейбъ-гусарская молодежь, которой тонъ давали Каверины и имъ подобные эпикурейцы, которые такъ неумѣстно вторгнулись своимъ вліяніемъ

въ „тишину“ царскосельскаго училища. Пушкинъ когда-то самъ писалъ эпикурейское посланіе къ Каверину. Подъ такимъ вліяніемъ мечталъ нѣкогда и самъ поэтъ „подъ киверъ спрятать умъ“, когда въ посланіи къ дядѣ писалъ:

И что завиднѣй бранныхъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ — истинныхъ гусаровъ?

Увлекавшія нѣкогда молодежь картины недавнихъ бранныхъ дней уже не имѣли мѣста въ тѣ дни, когда расцвѣталъ Онѣгинъ. Молодежь раздѣлилась: одни предавались „рѣзвымъ шалостямъ“ столичной жизни, другіе — „политическимъ шалостямъ“. „10 лѣтъ спустя“, писалъ Пушкинъ въ упомянутой „Запискѣ“, объясняя результаты поверхностнаго образованія, „мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій, литературу, подавленную самою своенравною цензурою, превратившуюся въ рукописные пасквили... наконецъ и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавые и безумные. Ясно, что походамъ 13-го и 14-го года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и Германіи должно приписать сіе вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли на нашихъ глазахъ“. Не просвѣщенію (сказано въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 13 іюля 1826 г.), но праздности ума болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознанія; сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ — погибель“. Скажемъ болѣе, прибавляетъ Пушкинъ, „одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія“.

Но декабристы, которыхъ разумѣлъ здѣсь Пушкинъ, приводя слова Высочайшаго манифеста, были исключеніемъ, меньшинствомъ молодежи его времени. Въ героѣ своего романа концентрировалъ Пушкинъ иныя слѣдствія „пагубной роскоши полупознаній“, „недостатка твердыхъ познаній“: въ немъ воплощено поколѣніе, отравленное тѣмъ ядомъ „праздности ума“, который, ускользая отъ преслѣдованія закона, заражалъ организмъ молодого поколѣнія, внося зло, помимо политической сферы, во всякія человѣческія отношенія и въ самую семью.

Изъ обоихъ теченій, которымъ послѣдовала молодежь двадцатыхъ годовъ: наслажденій внѣшними благами жизни и политическихъ мечтаній, Онѣгинъ не примкнулъ ко второму, и недолго увлекался первымъ. Онъ настолько превышалъ низкую посредственность, что скоро почувствовалъ, что „служеніе Вакху и Венерѣ“ не можетъ дать счастія. Неясный намекъ даетъ право предполагать, что и Онѣгинъ вышелъ изъ круга военной молодежи:

Но разлюбилъ онъ, наконецъ,
И брань, и саблю, и свинецъ.

Не удовольствовался онъ этою жизнью, слѣдуя мысли поэта:

Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ.

Но тутъ-то и началось для него мщеніе той полуобразованности, которая отъ обычныхъ бытовыхъ формъ русской жизни его оторвала, а на путь самостоятельной полезной дѣятельности не поставила. Результатъ получился печальный. Созрѣлъ типъ людей тягостныхъ и для другихъ и для себя самихъ. Хандра, угрюмость, умъ рѣзкій, но холодный — вотъ характеристика тѣхъ „жертвъ злобы слѣпой фортуны и людей", которыя, не будучи одарены какими-нибудь исключительными дарованіями, какъ напр. самъ Пушкинъ, ложились всею своей тяжестью на породившее ихъ общество, сами страдая невыносимо.

При всей сжатости формы стихотворнаго романа, Пушкинъ съ замѣчательною полнотою захватилъ въ немъ психическую жизнь своего героя. Онъ изображаетъ его порывы къ дѣятельности. Но къ какой же дѣятельности былъ подготовленъ Евгеній своимъ аббатомъ и праздною жизнью въ томъ возрастѣ, когда именно складывается характеръ человѣка? Къ тому же легкій успѣхъ въ свѣтѣ, гдѣ онъ успѣлъ уже заслужить репутацію мыслящаго, начитаннаго и даже „ученаго" человѣка (строфы 2, 6 и 7-я I гл.), пріучилъ его не довольствоваться скромнымъ мѣстомъ въ заднихъ рядахъ общества. Слѣдовательно, его самолюбіе было уже настолько разнѣжено, что онъ привыкъ считать себя выше заурядной толпы. Первою его мыслію было взяться за перо.

Но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ. Ничего
Не вышло изъ пера его.

Тогда принялся онъ за чтеніе, т.-е. поступалъ именно обратно тому, что сдѣлалъ бы человѣкъ иного образованія. Но люди, подобные Онѣгину, т.-е. пріучившіеся судить прежде, нежели узнать то, о чемъ сужденія они усвоиваютъ или произносятъ сами, неспособны извлекать пользу изъ чтенія и находить въ немъ удовлетвореніе. Здѣсь Пушкинъ подмѣтилъ одного изъ существенныхъ золъ „полупознанія" — его самоувѣренность:

Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредь.

Незнакомое съ процессомъ познанія на собственномъ опытѣ полузнаніе не умѣетъ читать: мысль для него новая признается или за обманъ или за глупость; мысль, совпадающая съ его собственными мнѣніями, ему кажется старою. Наконецъ указанныя въ вышеупомянутой „Запискѣ" внезапно охватившія общество либеральныя идеи Александровскаго времени льстили самодовольному полупросвѣщенію еще и тѣмъ, что давали легкую возможность осуждать труды другихъ въ недостаткѣ независимости:

На всѣхъ различныя вериги —

такъ судило это наивное самодовольство. Эта тоже — черта времени. Припомнимъ, какъ встрѣченъ былъ историческій трудъ Карамзина Онѣгиными современнаго общества:

Когда Пушкинъ въ первые годы своей послѣ-лицейской жизни не вынесъ ея и занемогъ, потому что какъ Онѣгинъ,

...не всегда же могъ
Beef-steaks и страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова,

то уже не такъ, какъ Онѣгинъ, но жадно въ постелѣ своей прочелъ только что вышедшіе первые 8 томовъ Исторіи Карамзина (это было въ февралѣ 1818 г.). „Я прочелъ ихъ", вспоминаетъ онъ въ своей автобіографіи (1825) „съ жадностью и со вниманіемъ. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать насчетъ духа и слога Исторіи Карамзина... Никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ". Кто же давалъ тонъ „свѣтскимъ сужденіямъ" о трудѣ историка? Чей приговоръ „о духѣ его былъ подхватываемъ ими?" Молодые якобинцы негодовали на исторіографа за его умѣренность: нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія... казались имъ верхомъ варварства и униженія... „Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ", продолжаетъ Пушкинъ, „письменно критиковали предисловіе, или введеніе. Предисловіе!... Мих. Орловъ, въ письмѣ къ Вяземскому, пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ, т.-е. требовалъ романа въ исторіи — ново и смѣло. Нѣкоторые острякп за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне временъ Тарквинія, не понимающіе спасительной монархіи, и Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, ибо „рѣдкіе основатели республикъ славятся нѣжною чувствительностью", — конечно, были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ; это — не лучшая черта моей жизни". Не ясно ли, что для такого веселаго развлеченія не нужно было даже прочесть трудъ Карамзина? Достаточно было просмотрѣть предисловіе и знать

...дней минувшихъ анекдоты
Отъ Ромула до нашихъ дней.

Не удовлетворившись чтеніемъ, Онѣгинъ

...оставилъ книги
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задернулъ траурной тафтой.

Смерть дяди бросаетъ его въ деревню, и мы видимъ здѣсь его, какъ помѣщика.

Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что-нибудь.

Поведеніе въ деревнѣ какъ нельзя болѣе согласно съ тѣми задатками, которые вынесъ онъ изъ своей петербургской жизни.

Лишенный въ дѣтствѣ сельскихъ впечатлѣній, онъ не могъ въ Лѣтнемъ саду и ресторанахъ Петербурга воспитать въ себѣ привязанности къ простотѣ деревенской жизни и къ красотѣ природы, столь знакомыхъ Пушкину, для котораго деревня была „пріютомъ спокойствія, трудовъ и размышленья“ („Деревня“, стих. 1819).

Поэтъ и въ этомъ отмѣчаетъ съ удовольствіемъ разность между Онѣгинымъ и собой.

Однакоже деревня на первое время даетъ Онѣгину поводъ къ новой попыткѣ заняться чѣмъ-нибудь полезнымъ (по счету — третьей). Недаромъ вращался онъ въ средѣ просвѣщенной столичной молодежи. Онъ уже достаточно наслушался разговоровъ и политико-экономическихъ и юридическихъ въ Петербургѣ, гдѣ

...иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама

да и самъ

...читалъ Адама-Смита
И былъ глубокій экономъ,
То-есть умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ и почему
Не нужно золото ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.

Попытка Онѣгина „учредить новый порядокъ“ въ своемъ имѣніи однакоже ограничилась только однимъ похвальнымъ распоряженіемъ:

Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ —
И рабъ судьбу благословилъ.

Вотъ все, что онъ сумѣлъ сдѣлать въ своемъ имѣніи. Старыя привычки взяли верхъ; онъ ограничился праздностью и разговорами съ готовымъ слушать его юнымъ сосѣдомъ; разговоры окончились просьбою познакомить его съ сосѣдками.

Дальнѣйшая жизнь Онѣгина представляетъ то же безплодное бездѣйствіе и праздность: безцѣльное путешествіе возбуждаетъ въ немъ только тоску. Въ черновыхъ набраскахъ путешествія Онѣгина Пушкинъ заставилъ было его однажды проснуться патріотомъ:

Въ Hôtel de Londre, что̀ по Морской.
Россія!... Русь!... мгновенно
Ему понравились отмѣнно
И рѣшено — ужъ онъ влюбленъ!
Россіей только бредитъ онъ!
Ужъ онъ Европу ненавидитъ,
Съ ея логической.....
Съ ея разумной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ, онъ увидитъ
Святую Русь, — ея поля,
Селенья, грады и моря,
(Дубравы, степи) и моря.
(И вотъ) собрался — слава Богу!
Іюня третьяго числа
Коляска вѣнская въ дорогу
Его по почтѣ понесла.
Среди равнины полудикой
Онъ видитъ Новгородъ Великій...
Тоска! тоска!... и т. д.

То былъ послѣдній (счетомъ четвертый) порывъ къ какому-нибудь дѣлу. Но и путешествіе, вызванное только „безпокойствомъ, охотой къ перемѣнѣ мѣстъ“, — что Пушкинъ нашелъ болѣе свойственнымъ Онѣгину, нежели увлеченіе, хотя бы и минутное, патріотическимъ чувствомъ и желаніемъ узнать отечество, — не могло удовлетворить его. Послѣднія силы его слабой воли были уже истрачены — всякая дѣятельность Онѣгина кончена, когда еще и половина жизни не была прожита имъ; онъ увидѣлъ, что въ немъ вовсе нѣтъ нравственныхъ силъ для того, чтобы осуществить въ своей жизни тѣ новыя начала, которыя въ видѣ привитыхъ ему идей или, правильнѣе, словъ, мѣшали ему отдаваться заурядной жизни въ будничныхъ ея формахъ. Онъ почувствовалъ полное безсиліе и безпомощность на жизненномъ пути — тутъ въ немъ вспыхнула страсть.

Любовь, и притомъ къ особѣ недюжинной, могла бы, казалось, возродить несчастнаго скитальца, наполнивъ его безсодержательную жизнь, и вызвать на дѣятельность: но по глубокому замыслу поэта и это чувство въ Онѣгинѣ должно было явиться не тогда, когда могло имѣть указанное значеніе: прежняя жизнь Онѣгина должна стать трагическою виною, требующею возмездія, и орудіемъ этого возмездія явилось именно то, что наиболѣе безсердечно было попрано имъ въ этой прошлой жизни. Вся эта прошлая жизнь проносится передъ совѣстью Онѣгина въ слѣдующихъ строфахъ:

То были тайныя преданья
Сердечной темной старины,
Ни съ чѣмъ не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на ночлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышенъ голосъ: что жъ? убитъ!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ...

И предметъ страсти, его посѣтившей теперь, неразрывно связанъ въ этихъ воспоминаніяхъ съ мыслію о неоцѣненномъ имъ порывѣ чистой души.

Любви всѣ возрасты покорны,
Но юнымъ, *дѣвственнымъ сердцамъ*
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ:
Въ дождѣ страстей они свѣтлѣютъ
И обновляются и зрѣютъ, —
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ и сладкій плодъ.

Но не таковъ Евгеній, исказившій въ ложныхъ сердечныхъ отношеніяхъ святое чувство любви. „Въ возрастъ поздній и безплодный“ онъ влюбляется въ Татьяну какъ дитя, но самый источникъ этой страсти скрывается въ старомъ болотѣ мелкаго свѣтскаго чувства — тщеславія. Любовь Онѣгина къ Татьянѣ загорается подъ впечатлѣніемъ метаморфозы, которая поразила его въ Татьянѣ: простая искренняя дѣвочка вдругъ предстала ему женщиной, получившей поразительный успѣхъ въ томъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Онѣгинъ всею силою своего ничтожества. Какъ прежде не оцѣнилъ онъ Татьяны, такъ и теперь онъ не знаетъ ея, потому что цѣнитъ въ ней то, что

составляетъ случайную ея принадлежность („пріемы утѣснительнаго сана“, величавость, небрежность, положеніе „законодательницы залъ“ и т. п.). Вотъ что стало чарующимъ въ Татьянѣ для Онѣгина. Существенныя же достоинства ея остались для него неуловимыми. Ея мечта „свершить съ нимъ когда-нибудь *смиренной* жизни путь“, не нашла бы никоимъ образомъ отголоска въ душѣ его. Насколько ему закрыта сущность души Татьяны, лучше всего видно изъ того, какъ толкуетъ онъ ту недоступность, каторая поразила его въ Татьянѣ: онъ считаетъ суровый взоръ ея укоромъ, „затѣямъ хитрости презрѣнной“, а „гнѣва слѣдъ“ на лицѣ ея объясняетъ тайной боязнью, „чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ проказы слабости случайной“. Съ замѣчательной психологической прозорливостью поэтъ указываетъ Ахиллесову пяту испорченнаго сердца Онѣгина: въ письмѣ своемъ къ Татьянѣ Онѣгинъ не умѣетъ примирить свою теперешнюю любовь съ своимъ прошлымъ, и онъ лжетъ:

Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ:
Привычкѣ милой не далъ ходу.

Наконецъ и о неизгладимомъ пятнѣ этого прошлаго—убійствѣ Ленскаго—упоминаетъ онъ въ письмѣ своемъ съ замѣчательною холодностью...

Какъ нельзя болѣе выступаетъ и вся эгоистичность исканій Онѣгина; въ письмѣ онъ ведетъ рѣчь все время о себѣ:

Но *я* лишенъ того: для васъ
Тащусь повсюду наудачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни,
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ *мой* измѣренъ;
Но чтобъ продлилась жизнь *моя,*
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я.

И это онъ называетъ „смиренною мольбой“. Въ письмѣ нѣтъ и намека на то, чтобы онъ подумалъ хоть сколько-нибудь о жизни самой Татьяны. Рѣшаясь писать ей о своей любви, онъ ни словомъ не намекаетъ, что подумалъ о томъ, чѣмъ же должна стать ея жизнь, если она отвѣтитъ на эту любовь. Извлекая изъ письма Онѣгина образъ Татьяны въ этомъ будущемъ, какъ Онѣгинъ представляетъ ее себѣ, мы не получаемъ ничего, кромѣ „улыбки устъ, движеній глазъ“ и туманнаго представленія рѣчей, въ которыхъ должно выразиться ея „совершенство“, т.-е. Онѣгинъ не представлялъ себѣ въ тѣхъ отношеніяхъ, на которыя напрашивался, со стороны Татьяны ничего, кромѣ принятія поклоненія. Что предлагалъ онъ ей послѣ того, когда исполнилось бы его желаніе, выраженное въ словахъ:

Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пени,
Все, все, что выразить бы могъ?—

ничего, кромѣ обидной роли жены, обманувшей мужа... И какое „совершенство“ представлялъ себѣ Онѣгинъ въ женщинѣ, согласной на такую жизнь?

Для пониманія подобной софистики страсти Пушкинъ имѣлъ не мало данныхъ въ собственной жизни. Въ качествѣ „ничтожнаго дитяти

міра“ онъ отдалъ дань страсти со всею легкостью взгляда на отношенія, ею вызываемыя, нравовъ того свѣта, въ которомъ онъ вращался. Само собою разумѣется, что отношенія Онѣгина къ Татьянѣ не были воспроизведеніемъ дѣйствительныхъ отношеній Пушкина къ кому-либо, но нельзя не видѣть явленій одного и того же порядка въ отношеніяхъ поэтическаго лица и волненій, пережитыхъ однажды самимъ поэтомъ. Въ Тригорскомъ, у сосѣдокъ своихъ по сельцу Михайловскому, Пушкинъ встрѣтилъ молодую жену генерала Керна, и она сильно увлекла Пушкина. При всемъ „ребячествѣ“ этого чувства, оно могло въ поэтическомъ воспроизведеніи послужить для одного изъ прекраснѣйшихъ лирическихъ стихотвореній. Строки и письма Онѣгина къ Татьянѣ имѣютъ, конечно, не болѣе связи съ этой страстью поэта къ дѣйствительному лицу, чѣмъ это стихотвореніе: но нельзя не видѣть и въ нихъ одно изъ тѣхъ личныхъ впечатлѣній, которыя такъ преображаются въ произведеніяхъ поэтовъ, служа цѣлямъ этихъ произведеній, но оставляя на нихъ слѣды свои порою сознательно, а порою безсознательно.

Разлученный съ А. П. Кернъ, которую г-жа Осипова, замѣтивъ страсть Пушкина, поспѣшила увезти въ Ригу, Пушкинъ 15 іюня 1825 года писалъ ей: „Я имѣлъ слабость позволенія писать къ вамъ, вы дать мнѣ на это позволеніе... Вашъ пріѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣніе глубже и мучительнѣе того, которое производила на меня въ былые дни наша встрѣча у Оленина. Въ моей печальной деревенской глуши не могу сдѣлать ничего лучше, какъ стараться больше не думать о васъ“... „Опять берусь за перо, ибо умираю со скуки и могу заниматься только вами. Надѣюсь, что письмо это вы прочтете украдкою — спрячете ли его опять на груди? Напишите ли мнѣ длинный отвѣтъ? Пишите мнѣ все, что вамъ въ голову придетъ, заклинаю васъ. Если боитесь моей нескромной хвастливости, если не хотите компрометировать себя, измѣните почеркъ, подпишитесь вымышленнымъ именемъ, мое сердце сумѣетъ признать васъ. Если выраженія ваши будутъ столь же нѣжны, какъ взглядъ вашъ, увы! постараюсь имъ повѣрить или обмануть себя, это все равно“...

Характеръ отношеній Пушкина къ А. П. Кернъ, явный и изъ этого и изъ послѣдующихъ писемъ, не сходенъ съ отношеніемъ героевъ романа настолько, насколько сама личность г-жи Кернъ несходна съ личностью Татьяны: потому дальнѣйшія сближенія невозможны. Выписка же приведена здѣсь, какъ свидѣтельство житейскихъ отношеній, сходныхъ какъ въ жизни героя романа, такъ и въ жизни поэта при всемъ ихъ различіи. Въ „Воспоминаніяхъ“ своихъ А. П. Кернъ, конечно, заблуждалась, когда писала, что 14-я, 15-я и 16-я строфы VIII гл. „Евг. Онѣгина“ относятся къ воспоминаніямъ о ихъ встрѣчѣ у Олениныхъ. Сходство, конечно, лишь внѣшнее:

... всѣхъ выше
И носъ и плечи подымалъ
Вошедшій съ нею генералъ...

Дѣло въ томъ, что ни Пушкинъ ни г-жа Кернъ не придавали чувству, ихъ на краткое время сблизившему, серіознаго значенія, какое думалъ придать Онѣгинъ своему чувству... Татьяна разгадала всю несвойственность этой серіозности чувствамъ Онѣгина — и прямо высказала ему это въ своей послѣдней отповѣди. *Поливановъ.*

Онѣгинъ, какъ національный типъ.

Онѣгинъ — типъ русскій и, въ настоящее время, — уже историческій, т.-е. относящійся къ прошлому, обобщающій черты, нынѣ или несуществующія, или же такъ измѣнившіяся, что для своего истолкованія требуютъ новаго типичнаго образа, новаго „Онѣгина". Какъ извѣстно, послѣдующая литература создала рядъ обобщеній того же сорта, смѣнившихъ пушкинскаго Онѣгина. Значитъ ли это, что послѣдній сохраняетъ теперь для насъ только историческое значеніе, что онъ утратилъ свой непосредственный художественный интересъ? — Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только раскрыть знаменитый романъ и начать читать: тотчасъ же непосредственный интересъ и *живое ощущеніе художественности* не преминутъ заявить о себѣ весьма категорически. Это происходитъ, во-первыхъ, оттого, что Онѣгинъ — настоящій художественный образъ, построенный индуктивно; это — не то, что образъ Алеко. Онѣгинъ — живое лицо, надѣленное обобщающей силой. Во-вторыхъ, образъ Онѣгина не увялъ для нашего художественнаго воспріятія еще и по другой причинѣ, — по той самой, въ силу которой, напр., образы Рудина и Лаврецкаго продолжаютъ сохранять живой, непосредственный интересъ для насъ, несмотря на то, что явленія, въ нихъ воплощенныя, уже исчезли, а на новыя ихъ обобщающая сила не простирается. Онѣгинъ, Рудинъ, Лаврецкій остаются неувядшими созданіями искусства потому, что въ нихъ художественно схвачены важные историческіе моменты въ жизни русскаго передового общества; сами „моменты", конечно, отошли въ прошлое, но ихъ „художественные снимки" остались и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, потому что въ этихъ „снимкахъ" есть нѣчто, сообщающее имъ болѣе долгосрочную психологическую цѣнность.

Раціональное изученіе художественныхъ типовъ, какіе когда-либо были созданы во всемірной литературѣ, и вопросъ объ ихъ относительной долговѣчности, ихъ психологической цѣнности представляютъ большой научный и литературный интересъ. Въ основу такого изученія, конечно, должна быть положена прежде всего возможно-полная *классификація* типовъ. Къ пониманію Онѣгина, какъ типа историческибытового, я постараюсь сдѣлать здѣсь одно дополненіе: я думаю, что *бытовое* въ немъ не только не находится въ какомъ-либо противорѣчіи съ *національнымъ*, но даже можетъ быть разсматриваемо — какъ частный случай, какъ особое, *историческое* выраженіе *національнаго*.

Вникая въ психологію Онѣгина, Рудина, Лаврецкаго, мы замѣчаемъ одну черту, имъ общую и въ то же время характеризующую ихъ — *какъ русскихъ:* это слабость дѣйствующей воли, отсутствіе духа инициативы, невыдержанность въ трудѣ, въ систематическомъ преслѣдованіи какой-либо цѣли въ жизни. Жизнь этихъ людей, по самому характеру ея, по ея психологическому строю, совсѣмъ не похожа на жизнь западно-европейскихъ культурныхъ дѣятелей: у послѣднихъ жизнь — такъ или иначе *программа*, — человѣкъ ставитъ себѣ цѣль и идетъ къ ней, борется, стремится, торжествуетъ или погибаетъ, во всякомъ случаѣ онъ — *работникъ* цивилизаціи, а не дилетантъ культуры и мысли, каковы наши Онѣгины, Рудины и Лаврецкіе. Жизнь нашихъ дѣятелей, обобщенныхъ въ этихъ образахъ, сбивалась на пассивное существованіе человѣка, у котораго есть идеи или даже идеалы, но нѣтъ ни цѣлей ни дѣятельности. Ихъ душевный обиходъ опредѣляется развитымъ умомъ, умственными интересами, добрыми намѣреніями, благородными стремленіями, тонкостью мысли и чувства, неудовлетворенностью и уныніемъ. Правда, все это само по себѣ составляетъ нѣчто по своему значительное и цѣнное, это — цѣлый душевный капиталъ. Но это — капиталъ, не пущенный въ оборотъ, это — запасъ душевной силы, не направляемой дѣятельной и методической волею. Въ своемъ болѣе крайнемъ выраженіи такой душевный укладъ проявляется безцѣльнымъ скитальчествомъ, лѣнью и вѣчной скукою, тоскою существованія. Характерны въ этомъ смыслѣ извѣстныя „горькія размышленія“ Онѣгина (во время его скитаній на Кавказѣ).

Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!..

Онѣгинъ — вѣчный странникъ и „лишній человѣкъ“. Таковы же и Рудинъ, и Лаврецкій, и — позже — самъ Павелъ Петровичъ Кирсановъ.

Эту бездѣятельность лучшихъ людей, это растрачиваніе по пустому богатыхъ душевныхъ даровъ объясняли, главнымъ образомъ, неблагопріятными для дѣятельности условіями времени. Такое объясненіе безспорно заключаетъ въ себѣ большую долю правды. Но оно все-таки недостаточно. Нужно не забывать того, что вѣдь повсюду въ Европѣ, кромѣ рѣдкихъ и недолгихъ періодовъ всеобщаго одушевленія и подъема силъ, условія жизни и дѣятельности передовыхъ людей были (да и сейчасъ остаются) далеко не вполнѣ благопріятными для широкаго и плодотворнаго воздѣйствія на окружающую среду. Въ Германіи же 30-е и 40-е годы (до 1858 г.) мало чѣмъ отличались отъ нашихъ. Кто читалъ, напримѣръ, біографіи нѣмецкихъ писателей того времени, или мемуары, какъ знаменитый „Дневникъ“ Варнгагена-фонъ-Энзе, тотъ, конечно, не разъ вспоминалъ и наше „доброе старое время“ Рудиныхъ и Лаврецкихъ, когда у лучшихъ людей опускались руки и

въ душѣ накоплялась горечь сознанія своего безсилія, тоска неудовлетворенности, глубокая скорбь разочарованія. Все это мы найдемъ въ старой Германіи, кромѣ только одного: опусканія рукъ, лѣни и вялости. Среди наихудшихъ условій нѣмцы работали и работали, не покладая рукъ, сознательно шли къ ближайшимъ или болѣе отдаленнымъ цѣлямъ. Они не были „лишними людьми“. Вообще, „лишніе люди“, столь блистательно воспроизведенные Тургеневымъ, — явленіе *спеціально-русское*. Въ *національномъ* (а не только исторически-бытовомъ) характерѣ этого душевнаго склада, основаннаго на *слабости воли, на лѣни*, (даже умственной) и на *перерожденномъ фатализмѣ*, едва ли можно сомнѣваться — послѣ того, какъ, въ увеличенномъ масштабѣ, онъ былъ показанъ и разъясненъ намъ Гончаровымъ въ *Обломовѣ* и Л. Н. Толстымъ — въ *Каратаевѣ* и *Кутузовѣ*.

Каратаевъ и Кутузовъ — *типы національные* по самому замыслу: это — художественные образы, въ которыхъ воплощены *нормальныя основы* нашей русской психики, при чёмъ Каратаевъ воспроизводитъ ее въ народно-крестьянскомъ выраженіи, а Кутузовъ — въ ея общерусскомъ историческомъ обнаруженіи. — Всѣ „лишніе люди“, начиная Онѣгинымъ и кончая Обломовымъ, по существу дѣла, по бытовымъ условіямъ, по обстоятельствамъ времени, проявляютъ соотвѣтственныя національныя черты въ нѣсколько ненормальномъ видѣ: у нихъ къ *естественной*, такъ сказать, или *нормальной* русской слабости воли и инидіативы еще присоединяется воздѣйствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій, еще болѣе парализующихъ дѣятельность воли и способность къ систематическому, цѣлесообразному труду. Въ числѣ этихъ условій важнѣйшее мѣсто принадлежало деморализующему вліянію крѣпостного права и привычкамъ барства. Если будемъ, въ видѣ опыта, постепенно усиливать вышеуказанныя черты, то сами не замѣтимъ, какъ, шагъ за шагомъ, отъ Онѣгина, Лаврецкаго, Рудина дойдемъ до Ильи Ильича Обломова, въ которомъ слабость воли, физическая и умственная лѣнь, отсутствіе всякихъ проблесковъ иниціативы и фаталистическое умонастроеніе доведены уже до *патологическаго* состоянія. Онѣгинъ, Рудинъ, Лаврецкій и Обломовъ, сличаемые съ Каратаевымъ и Кутузовымъ. ясно показываютъ намъ возможность возникновенія типа „лишнихъ людей“ на основахъ нормальной русской психики, при дружномъ содѣйствіи разныхъ благопріятствующихъ тому условій. „Лишніе люди“ — не наносное, европейское явленіе, а наше „кровное“, русское.

Онѣгинъ — истинный родоначальникъ „лишнихъ людей“. Любопытно, что уже Веневитиновъ отмѣтилъ въ немъ указанную выше сторону — какъ національную. Онъ писалъ: „Мы видѣли, что Онѣгинъ уже испытанъ жизнью; но опытъ поселилъ въ немъ не страсть мучительную, не ѣдкую и *дѣятельную* досаду, а скуку, наружное безстрастіе, *свойственное русской холодности (мы не говоримъ: русской лѣни). Для такого характера все рѣшаютъ обстоятельства.* Если они пробудятъ въ Онѣгинѣ сильныя чувства, мы не удивимся: онъ способенъ быть минутнымъ энтузіастомъ и повиноваться порывамъ души. Если жизнь

его будетъ безъ приключеній, *онъ проживетъ спокойно, разсуждая умно, а дѣйствуя лѣниво*"... (*Л. Поливановъ.* „Сочиненія Пушкина", изд. 1887 г., т. IV, стран. 79—80). — Эта характеристика Онѣгина дѣлаетъ большую часть проницательности Веневитинова, — она можетъ быть распространена на всю серію типовъ: тутъ и Рудинъ, и Лаврецкій, и самъ Обломовъ. Принимая эту характеристику (а не принять ее нельзя), мы съ тѣмъ вмѣстѣ устанавливаемъ взглядъ на Онѣгина какъ на очень широкій, національно-культурный типъ, какъ на образъ „пророческій", предвозвѣстившій дальнѣйшія разновидности и всю послѣдующую эволюцію этого типа.

Овсянико-Куликовскій.

Онѣгинъ, какъ бытовой типъ.

Бытовые типы, въ противоположность психологическимъ, являются продуктомъ болѣе или менѣе внѣшнихъ условій жизни общества, сословія или другой какой-либо среды. Къ этимъ условіямъ принадлежатъ прежде всего издавна установившіеся обычаи и воззрѣнія на жизнь, господствующіе въ этой средѣ; затѣмъ — матеріальная обезпеченность, степень образованія, воспитаніе извѣстнаго рода, сословныя права, родъ занятій и проч. И само собою разумѣется, что сходныя условія жизни плодятъ и похожихъ другъ на друга людей. Поэтъ бытописатель улавливаетъ общія черты, роднящія между собою цѣлую группу людей или даже все общество въ извѣстную эпоху, и въ конкретномъ выраженіи отпечатлѣваетъ эти черты на жизни и судьбѣ одного человѣка — героя романа, повѣсти, драмы и проч. Обрисованный такимъ образомъ человѣкъ явится уже въ полномъ смыслѣ слова представителемъ своей среды и получитъ, конечно, большую важность въ дѣлѣ ознакомленія читателей съ цѣлою категоріей людей.

Бытовые типы — самые распространенные въ литературѣ каждаго европейскаго народа. У насъ въ XVIII вѣкѣ ихъ рисовалъ уже Кантемиръ, потомъ императрица Екатерина II, Фонвизинъ, Капнистъ. Въ XIX вѣкѣ — Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Писемскій, Печерскій (псевдонимъ), Григоровичъ, Д. Г. Успенскій, В. И. Немировичъ-Данченко, П. Д. Боборыкинъ, гг. Короленко, Потапенко, Шпажинскій и мн. др.

Господъ Евгеніевъ Онѣгиныхъ, напримѣръ, среди дѣтей русскихъ помѣщиковъ было множество въ свое время. Ихъ отцы, обезпеченные матеріально, привыкли смотрѣть на жизнь, какъ на чашу наслажденія и чувственныхъ удовольствій, болѣе или менѣе скрашенныхъ приличіями богатой среды, — тѣ же воззрѣнія они передали и своимъ дѣтямъ, отчасти примѣромъ личной жизни, отчасти чрезъ извѣстнаго рода воспитаніе. И Ленскій Владиміръ, съ своимъ туманнымъ идеализмомъ и полнымъ незнаніемъ практической жизни, отнюдь не былъ исключеніемъ въ началѣ XIX вѣка (до сороковыхъ годовъ

приблизительно). Ленскихъ, впрочемъ, несомнѣнно было меньше, чѣмъ Онѣгиныхъ. Изъ обезпеченныхъ сословій меньше ѣздило русской молодежи за границу, въ Германію, чтобы слушать профессоровъ въ томъ или другомъ нѣмецкомъ университетѣ, гдѣ тогда не только поэзія, но философія и историческія науки были проникнуты духомъ романтизма. Одною же изъ характерныхъ чертъ тогдашняго нѣмецкаго романтизма было презрительное отношеніе къ людямъ сѣрой дѣйствительности, которые не удостоивались даже вниманія со стороны истыхъ романтиковъ. Вотъ за это-то невѣдѣніе практической жизни романтики жестоко платились, такъ какъ жизнь эта нерѣдко била ихъ наповалъ или, въ болѣе благопріятномъ случаѣ, всѣ ихъ фантазіи обращала въ нуль[1]). Объ общемъ характерѣ бытовыхъ типовъ Грибоѣдова, Гоголя, Гончарова, Островскаго, Тургенева и говорить нечего: многіе изъ нихъ и до сихъ поръ сохраняютъ вполнѣ свое прежнее значеніе въ дѣлѣ сортированія людей, среди которыхъ мы теперь живемъ. Названія: Собакевичъ, Маниловъ, Молчалинъ, Фамусовъ, Подхалюзинъ. Обломовъ, Рудинъ — до сихъ поръ употребляются въ значеніи надписей или ярлыковъ обозначающихъ ту или другую категорію людей, порождаемыхъ главнымъ образомъ именно внѣшними условіями, господствующими въ соотвѣтствующей средѣ, — условіями, болѣе или менѣе похожими на тѣ, которыя произвели героевъ Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго, Тургенева и Гончарова.

Добровскій.

„Евгеній Онѣгинъ“ и его предки.

День памяти Пушкина — день воспоминаній. Я начну съ воспоминаній о себѣ самомъ.

Я родился немного лѣтъ спустя по смерти Пушкина. Но пока я и мои сверстники, получившіе одинаковое со мною воспитаніе, — пока мы были юны, Пушкинъ не переставалъ быть нашимъ современникомъ. Мы не спрашивали, живъ ли Пушкинъ. Мы знали, что онъ живетъ и будетъ жить, и это было для насъ такъ же ясно и просто, какъ то, что небо синѣетъ и будетъ синѣть. Когда намъ говорили, что онъ умеръ, что его давно ужъ нѣтъ, въ этихъ словахъ намъ чуялось что-то нескладное, похожее на неудачную реторическую фигуру.

Въ тѣ годы мы читали и перечитывали *Евгенія Онѣгина*. Теперь, послѣ стольких лѣтъ и столькихъ житейскихъ впечатлѣній, свѣявшихъ ощущенія молодости, трудно припомнить и еще труднѣе разсказать, чѣмъ былъ для насъ этотъ романъ лѣтъ 30 назадъ. Одно можно сказать съ увѣренностью, что мы отнеслись къ нему, какъ не относились современники Пушкина и какъ едва ли относится къ нему молодое поколѣніе, нѣсколько лѣтъ назадъ тѣснившееся при открытіи

---

[1]) Припомнимъ размышленіе автора романа по поводу смерти Ленскаго.

московскаго памятника Пушкину. При жизни Пушкина *Е. Онѣгинъ* былъ предметомъ критики или удивленія, какъ крупная литературная новость. Теперь онъ — просто предметъ изученія, какъ историко-литературный памятникъ. Для насъ онъ не былъ ни тѣмъ ни другимъ: мы не разбирали его, какъ разбирали тогда новыя повѣсти Тургенева; но мы и не комментировали его, какъ *Слово о полку Игоревѣ* или *Недоросля*. Онъ не былъ для насъ только романъ въ стихахъ, случайное и мимолетное литературное впечатлѣніе: это было событіе нашей молодости, наша біографическая черта, переломъ развитія, какъ выходъ изъ школы или первая любовь. При первомъ чтеніи мы беззащитно отдавались обаянію стиха, описаній природы, задушевности лирическихъ отступленій, любовались подробностями, составлявшими декораціи драмы, разыгранной въ романѣ, не обращая особеннаго вниманія на самую драму. Потомъ, перечитывая романъ, мы стали вдумываться въ эту драму, въ ея несложную фабулу и трагическую развязку, задавать себѣ вопросы и изъ отвѣтовъ на нихъ извлекать житейскія правила. Мы горько упрекали Онѣгина, зачѣмъ онъ убилъ Ленскаго, хотя не вполнѣ понимали, изъ-за чего Ленскій вызвалъ Онѣгина. Каждый изъ насъ давалъ себѣ слово не отвергать такъ холодно любви дѣвушки, которая его такъ полюбитъ, какъ Татьяна любила Онѣгина, и особенно если напишетъ ему такое же хорошее письмо. Читая *Онѣгина*, мы впервые учились наблюдать и понимать житейскія явленія, формулировать свои неясныя чувства, разбираться въ безпорядочныхъ порывахъ и стремленіяхъ. Это былъ для насъ первый житейскій учебникъ, который мы робкою рукой начинали листовать, доучивая свои школьные учебники; онъ послужилъ намъ „дрожащимъ, гибельнымъ мосткомъ“, по которому мы переходили черезъ кипучій темный потокъ, отдѣлявшій наши школьные уроки отъ первыхъ житейскихъ опытовъ. Можетъ быть, такое отношеніе къ роману было педагогическимъ недосмотромъ нашихъ воспитателей или нашимъ эстетическимъ порокомъ; можетъ быть, это было только преждевременнымъ и излишнимъ напряженіемъ эстетическаго чувства, предохранившимъ насъ отъ многихъ дѣйствительныхъ пороковъ. Я этого не знаю; я только отмѣчаю фактъ, не цѣня его, не произнося приговора надъ своею молодостью. Судите вы и, если угодно, осуждайте за это насъ или нашихъ воспитателей. А фактъ тотъ, что послѣ 1837 года воспиталось поколѣніе, которое уже не застало Пушкина въ живыхъ и на нравственную физіономію котораго его романъ болѣе, чѣмъ другія его произведенія, положилъ особую, немножко сентиментальную складку. Было ли это нашимъ несчастіемъ, или даромъ, незаслуженно намъ доставшимся, — на этотъ вопросъ можно отвѣчать и такъ и этакъ; но въ томъ и другомъ случаѣ будетъ виновата случайность нашего рожденія. Людямъ, родившимся годами 10—15 раньше насъ, приходилось читать этотъ романъ среди неумолкнувшихъ еще споровъ о Пушкинѣ. Молодежь, которая принималась за *Онѣгина* немного лѣтъ позже насъ, читала его подъ дѣйствіемъ иныхъ, нелите-

ратурныхъ вѣяній, которыя были принесены новымъ теченіемъ, обнаружившимся въ нашемъ обществѣ съ половины 1850-хъ годовъ. Мы попали, такъ сказать, въ литературное затишье, начали читать *Онѣгина*, когда о Пушкинѣ вспоминали, но уже не спорили, а новыя влiянія еще не успѣли донестись до школьныхъ скамеекъ, на которыхъ мы сидѣли.

Все это я счелъ не лишнимъ припомнить и нѣкоторымъ изъ присутствующихъ напомнить по поводу годовщины смерти Пушкина. Вѣдь мы собрались, чтобъ оглянуться на полстолѣтіе, протекшее съ того времени, и вспомнить, чѣмъ былъ для насъ поэтъ въ это полстолѣтіе. Жизнь поэта — только первая часть біографіи; другую и болѣе важную часть составляетъ посмертная исторія его поэзіи. Никто изъ людей, начавшихъ сознавать себя раньше, чѣмъ многіе и многія изъ васъ начали дышать, и рѣшился занести свою строчку въ эту посмертную часть, отважился выступить изъ рѣдѣющаго уже ряда своихъ сверстниковъ, чтобы сказать, чѣмъ былъ для него и для нихъ Пушкинъ съ своимъ романомъ.

Помню еще, что изъ дѣйствующихъ лицъ романа всего менѣе задумывались мы въ первое время надъ его героемъ. Мы не задавали себѣ вопроса, кто онъ, хорошій или дурной человѣкъ, дѣльный или пустой малый. Онъ оставался для насъ на какомъ-то туманномъ возвышеніи, съ котораго мы не сводили его въ ряды простыхъ людей, чтобы разглядѣть, благовоспитанный ли онъ человѣкъ, удобный ли товарищъ. Мы едва ли любили его, а наши сверстницы, навѣрное, не влюблялись въ него, какъ влюбилась Татьяна. Но и мы, и онѣ любовались имъ; онъ оставался для насъ поэтическимъ образомъ, въ которомъ намъ нравились самые недостатки, какъ становятся милы отдѣльныя некрасивыя черты на миломъ лицѣ. Еще менѣе приходило намъ въ голову доискиваться, откуда и какъ попалъ онъ въ русское общество. Этотъ „чудакъ печальный и опасный“ проходилъ въ нашемъ воображеніи пріятнымъ и таинственнымъ незнакомцемъ, котораго мы не догадывались спросить объ адресѣ. Мы не настолько знали тогдашнее общество, чтобъ угадать, на кого онъ похожъ. Притомъ, мы такъ мало задумывались надъ отношеніемъ поэтическаго творчества къ дѣйствительности, что намъ не легко было растолковать самый смыслъ вопроса, что это такое: поэтическая ли грёза, переложенная въ великолѣпные стихи, или портретъ, срисованный съ живого человѣка. Мы видѣли, что это не современная намъ быль: вокругъ себя мы не замѣчали и не предполагали ничего подобнаго. Но мы чувствовали, что это и не сказка, что герои этого романа существовали на Руси гдѣ-то и когда-то и даже въ очень близкое къ намъ время.

Не успѣли миновать наши школьные годы, мы только что затвердили *Онѣгина*, какъ на насъ легли два новыя литературныя впечатлѣнія, и такія глубокія, какихъ не оставляли въ насъ дальнѣйшія произведенія русской литературы. Эти впечатлѣнія впервые и направили наши мысли на вопросъ, что такое Онѣгинъ. Мы прочитали

Дворянское гнѣздо и *Обломова*. Вы, можетъ быть, съ удивленіемъ спросите: что общаго между этими пьесами, кромѣ таланта? Я не помню, что говорила тогда литературная критика объ этихъ произведеніяхъ, и не могу угадать, что думали и думаютъ, читая ихъ, молодые люди, здѣсь присутствующіе. Но намъ они показались двумя частями одной книги объ умирающихъ. Обѣ пьесы — похоронныя пѣсни: въ одной отпѣвался извѣстный житейскій порядокъ, въ другой — общественный типъ. Съ Лизой Калитиной, уходившей въ монастырь, отрекались отъ міра чувства и отношенія извѣстной дворянской среды, жертвой которыхъ была отшельница, а въ лицѣ Обломова, кашляя и крехтя, лѣзъ умирать на печку послѣдній наиболѣе безпомощный питомецъ и представитель этихъ же чувствъ и отношеній. Въ обоихъ произведеніяхъ, совсѣмъ не какъ въ *Е. Онѣгинѣ*, наше вниманіе приковали къ себѣ гораздо болѣе главныя лица, чѣмъ ихъ драматическія положенія. Мы спрашивали себя, почему эти лица, способныя внести много добра въ общество, не ужились въ немъ; намъ было прискорбно чувствовать, что это лица исчезающія, что мы уже не встрѣтимъ ихъ двойниковъ. Мы вспоминали своего стараго знакомца Онѣгина, и намъ почему-то казалось, что и онъ, лицо менѣе пріятное и менѣе обѣщавшее, принадлежитъ къ тому же порядку явленій. Это сходство возбуждало въ насъ недоумѣніе. Послѣ уже, слушая, читая и изучая, мы узнали, что нашъ вѣкъ — время ускоренной смѣны разнохарактерныхъ, совсѣмъ не похожихъ другъ на друга типовъ. Тогда, сопоставляя названныя произведенія съ *Е. Онѣгинымъ*, мы начали внимательнѣе разбирать его. Это не была критика романа. У насъ, по прежнему, не поднималась на него критическая рука: онъ не ветшалъ для насъ, не отставалъ отъ насъ, а шелъ вровень съ нами или, лучше сказать, время безслѣдно шло мимо него, какъ оно идетъ мимо нестарѣющихъ античныхъ статуй. Мы разбирали не романъ, а только его героя, и съ удивленіемъ замѣтили, что это вовсе не герой своего времени, и самъ поэтъ не думалъ изобразить его такимъ. Онъ былъ чужой для общества, въ которомъ ему пришлось вращаться, и все у него выходило какъ-то нескладно, не во-время и не кстати. „Забавъ и роскоши дитя" и сынъ промотавшагося отца, 18-лѣтній философъ съ охлажденнымъ умомъ и угасшимъ сердцемъ, онъ началъ жить, т.-е. жечь жизнь, когда слѣдовало учиться, принимался учиться, когда другіе начинали дѣйствовать, усталъ прежде, чѣмъ принялся за работу, суетливо бездѣльничалъ въ столицѣ, лѣниво бездѣльничалъ и въ деревнѣ, изъ чванства не умѣлъ влюбиться, когда это было нужно, изъ чванства же поспѣшилъ влюбиться, когда это стало преступно, мимоходомъ, безъ цѣли и даже безъ злости убилъ своего пріятеля, безъ цѣли поѣздилъ по Россіи, отъ дѣлать нечего вернулся въ столицу донашивать истощенныя разнообразнымъ бездѣльемъ силы, и здѣсь, наконецъ, самъ поэтъ, не кончивъ повѣсти, бросилъ его на одной изъ его житейскихъ глупостей, недоумѣвая, какъ поступить дальше съ такимъ безтолковымъ существованіемъ. Добрые люди въ деревенской глуши смирно сидѣли

по мѣстамъ, досиживая или только еще насиживая свои гнѣзда; налетѣлъ праздный пришлецъ изъ столицы, возмутилъ ихъ покой, сбилъ ихъ съ гнѣздъ и потомъ съ отвращеніемъ и досадой на самого себя отвернулся отъ того, что надѣлалъ. Словомъ, изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ романа самое лишнее — это его герой. Тогда мы начали задумываться надъ вопросомъ, который поставилъ поэтъ не то отъ себя, не то отъ лица Татьяны:

Что жъ онъ, ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...

Мы начали изучать его. Методъ изученія былъ намъ подсказанъ самой Татьяной. Мы старались пробраться украдкой въ кабинеты людей того времени, разобрать книги, которыя они читали и которыя читали ихъ отцы, съ оставленными на поляхъ отмѣтками, крестами и вопросительными крючками. Изучая такъ Онѣгина, мы все болѣе убѣждались, что это очень любопытное явленіе и прежде всего — явленіе вымирающее. Припомните, что онъ „наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ", а такой наслѣдникъ обыкновенно послѣдній въ родѣ. У него есть и черты подражанія въ манерахъ, и Гарольдовъ плащъ на плечахъ, и полный лексиконъ модныхъ словъ на языкѣ; но все это — не существенныя черты, а накладныя прикрасы, бѣлила и румяна, которыми прикрывались и замазывались значки безпотомственной смерти. Далѣе, мы увидѣли, что это не столько типъ, сколько гримаса, не столько характеръ, сколько поза, и, притомъ, чрезвычайно неловкая и фальшивая, созданная цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ позъ, все такихъ же неловкихъ и фальшивыхъ. Да, Онѣгинъ не былъ печальною случайностью, нечаянною ошибкой: у него была своя генеологія, свои предки, которые наслѣдственно изъ рода въ родъ передавали пріобрѣтаемые ими умственные и нравственные вывихи и искривленія. Если вы не боитесь скуки, если печальная годовщина, насъ собравшая, располагаетъ васъ къ терпѣливымъ воспоминаніямъ о нашемъ прошломъ, вы позволите мнѣ неумѣлою рукой перелистовать передъ вами эту родословную Онѣгина.

Всего усерднѣе прошу васъ объ одномъ: преемственно смѣнявшіяся положенія, которыя я отмѣчу, не принимайте за моменты нашей жизни, соотвѣтствующіе извѣстнымъ поколѣніямъ. Нѣтъ, я разумѣю болѣе исключительныя явленія. Это были неестественныя позы, нервные, судорожные жесты, вызывавшіеся мѣстными неловкостями общихъ положеній. Эти неловкости чувствовались далеко не всѣми; но жесты и мины тѣхъ, кто ихъ чувствовалъ, были всѣмъ замѣтны, бросались всѣмъ въ глаза, запоминались надолго, становились предметомъ художественнаго воспроизведенія. Люди, которые испытывали эти неловкости, не были какіе-либо особые люди, — были какъ и всѣ; но ихъ физіономіи и манеры не были похожи на общепринятыя. Это были не герои времени, а только сильно подчеркнутые отдѣльные нумера,

стоявшіе въ ряду другихъ, — общія мѣста, напечатанныя курсивомъ. Такъ какъ масса современниковъ, усѣвшихся болѣе или менѣе удобно, рѣдко догадывалась о причинѣ этихъ ненормальностей и считала ихъ капризами отдѣльныхъ лицъ, не хотѣвшихъ сидѣть, какъ сидѣли всѣ, то эти несчастныя жертвы неудобныхъ позицій слыли за чудаковъ, даже иногда „печальныхъ и опасныхъ“. Между тѣмъ, жизнь текла своимъ чередомъ; среда, изъ которой выдѣлялись эти чудаки, сидѣла прямо и спокойно, какъ ее усаживала исторія. Поэтому я не введу васъ въ недоумѣніе, когда буду говорить объ отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ Онѣгина. Онѣгинъ — образъ, въ которомъ художественно воспроизведена мѣстная неловкость одного изъ положеній русскаго общества. Это не общій или господствующій типъ времени, а типическое исключеніе. Разумѣется, у такого образа могутъ быть только историко-генетическіе, а не генеалогическіе предки.

Явленія, которыя я отмѣчу, были всѣ однороднаго сословнаго происхожденія: предки Онѣгина всѣ принадлежали къ старинному русскому дворянству. Неловкости общихъ положеній, заставлявшія нѣкоторыхъ людей принимать ненормальныя позы и необычную жестикуляцію, обыкновенно происходили отъ недосмотровъ и увлеченій, какіе допускались при постановкѣ новаго образованія, водворявшагося у насъ приблизительно съ половины XVII вѣка. Это новое образованіе шло къ намъ съ Запада, какъ прежнее пришло изъ Византіи. Первымъ воспріемникомъ и проводникомъ этого новаго образованія стало дворянство, какъ носителемъ и проводникомъ стараго было духовенство. Поспѣшность и нетерпѣливость, съ какими вводилось это образованіе, и были причинами нѣкоторыхъ неловкостей въ преемственно смѣнявшихся общихъ положеніяхъ сословія. Но, повторю, это были мѣстныя неловкости, и ненормальныя явленія, ими вызванныя, не могутъ войти въ общую исторію этого почтеннаго и много послужившаго отечеству сословія.

Прадѣда нашего героя надобно искать во второй половинѣ XVII вѣка, около конца Алексѣева царствованія, въ томъ промежуточномъ слоѣ дворянскихъ фамилій, которой вѣчно колебался между столичною знатью и провинціальнымъ рядовымъ дворянствомъ. Отецъ этого прадѣда, какой-нибудь Нелюбъ-Злобинъ сынъ такой-то, былъ еще нетронутый служака вполнѣ стараго покроя: онъ изъ года въ годъ ходилъ въ походы посторожить какую-нибудь границу отечества съ пяткомъ вооруженныхъ холоповъ, по временамъ получалъ неважныя воеводства, чтобъ умѣреннымъ кормомъ пополнить оскудавшіе отъ походовъ животы, а на частныхъ дѣловыхъ его бумагахъ вмѣсто его подписи ставилась помѣта, что отецъ его духовный попъ Иванъ въ его, Нелюбово, мѣсто руку приложилъ, затѣмъ, что онъ, Нелюбъ, грамотѣ не умѣетъ. Его сына ждала менѣе торная дорога. За бойкость его съ 15 лѣтъ зачислили въ солдатскій полкъ новаго иноземнаго строя, подъ команду нѣмецкихъ офицеровъ, за понятливость взяли въ подъячіе, а за любознательность отдали въ Спасскій монастырь на Никольской

въ Москвѣ къ ученому кіевскому старцу „учиться по латинямъ“. Съ кислою гримасой принимался онъ за „граматичное ученье“ и то твердилъ по ходячимъ въ то время словарькамъ исковерканныя и вавилонски перемѣшанныя греческія и польско-латинскія вокабулы, написанныя русскими литорами: *ликосъ* волкъ, *луппа* волчица, *спириды* лапти, *офира* молебенъ, *препоситъ* болярииъ, *нектаръ* пиво, то въ ужасѣ отъ мысли, что все это — ляхо-латинская ересь, неистово рвалъ свою грамматику и бѣжалъ къ туземнымъ благочестивымъ старцамъ каяться въ соблазнѣ, но, успокоенный батогами, снова принимался твердить: *онагръ* дикій оселъ, *преторъ* губная изба, *фулгуръ* молнія, *скандализи ме* соблажняютъ мя. Кіевскій старецъ заставлялъ молодого подъячаго читать переводныя космографіи, внушалъ ему католическія мнѣнія о пресуществленіи св. даровъ и объ исхожденіи Св. Духа, обучалъ его польской рѣчи и искусству слагать хитрыя вирши. Набожный выученикъ, успѣшно пробѣгая служебный путь, старался сдѣлать благочестивое употребленіе изъ усвоеннаго иноземнаго искусства и на досугѣ перелагалъ въ неуклюжія вирши акаѳистъ Пресв. Богородицѣ или церковныя пѣснопѣнія о страстяхъ Христовыхъ. Но время шло, разгоралась Петровская реформа, и чиновнаго латиниста съ его виршами и всею грамматичною мудростью назначали комиссаромъ для пріема и отправки въ армію солдатскихъ сапоговъ. Тутъ-то, разглядывая сапожные швы и подошвы и помня государеву дубинку, онъ впервые почувствовалъ себя неловко съ своимъ грузомъ кіевской учености и со вздохомъ спрашивалъ: зачѣмъ этотъ кіевскій нехай, учившій меня строчить вирши, не показалъ мнѣ, какъ шьютъ кожаныя солдатскія спириды?

Дѣти этого меланхолическаго комиссара уже подпадали подъ дѣйствіе закона 1714 года объ обязательномъ обученіи дворянства, учились въ цифирной школѣ мѣстнаго архіерейскаго дома, женились, отцами семействъ являлись на царскіе смотры дворянскихъ недорослей и по разбору компаніями, покидая женъ, отправлялись за море для науки подъ наблюденіемъ комиссара съ инструкціей, въ которой за нерадѣніе „рукою самого монарха писанъ престрашный гнѣвъ и безо всякія пощады превеликое бѣдство“. Эти компаніи разсѣивались по всѣмъ важнымъ приморскимъ городамъ Западной Европы, Амстердаму, Венеціи, Марсели, Кадиксу и проч. „Въ заграничныхъ академіяхъ“ ихъ обучали математикѣ, „экипажеству“ и механикѣ, наукамъ „философскимъ и дохтурскимъ“, но особенно „мореходскимъ и сухопутскимъ“, навигаціи, инженерству, артиллеріи, „черченію мачтановъ“, боцманству, артикулу солдатскому, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить. За границей русскіе навигаторы бѣгали съ учебной службы, спасаясь въ монастыри на Аѳонской горѣ, должали, посѣщали австеріи и „редуты“, т.-е. игорные дома, дрались тамъ и убивали одинъ другого, а къ роднымъ въ Россію слали письма, жалуясь на нищету и разлуку, на то, что наука опредѣлена имъ самая премудрая и хотя бы пришлось имъ всѣ дни живота своего на тѣхъ

наукахъ себя трудить, а, все-таки имъ не выучиться, что они на разныя науки ходятъ, да безъ дѣла сидятъ, потому что языковъ иноземныхъ не разумѣютъ и „незнамо учиться языка, незнамо — науки". Навигаторы молили родныхъ походатайствовать за нихъ у кабинетъ-секретаря Макарова или у самого генералъ-адмирала Апраксина взять ихъ къ Москвѣ и опредѣлить хотя бы послѣдними рядовыми солдатами или хотя бы въ тѣхъ же европейскихъ краяхъ быть, но обучатся какой-нибудь наукѣ сухопутской, только бы не мореходству. Въ числѣ этихъ навигаторовъ оказался, и даже не одинъ, прямой наслѣдникъ неудачи нашего сапожнаго комиссара, его собственный сынъ, или чужой, — это все равно. Поступивъ солдатомъ въ гвардейскій Преображенскій полкъ, онъ учился въ военной академіи въ Петербургѣ, въ концѣ царствованія преобразователя, былъ посланъ въ Голландію, забѣжалъ передъ отъѣздомъ къ доброй императрицѣ, которая на „всякую нужду" дала ему 5 червонныхъ, около 100 руб. на наши деньги, въ Амстердамѣ учился лучше многихъ и преимущественно дѣльнымъ наукамъ, которыя наиболѣе цѣнилъ преобразователь, даже рапортовалъ мѣстному русскому послу, что отказывается отъ шпажнаго и танцовальнаго ученья, „понеже оно къ службѣ Его Величества угодно быть не можетъ"; вернувшись въ Петербургъ, успѣшно сдалъ экзаменъ членамъ адмиралтейской коллегіи, опредѣлился къ дѣламъ, служилъ усердно, чая воздаянія, и тутъ впервые замѣтилъ, что времена перемѣнились. Великаго императора уже не было въ живыхъ. Навигацкія науки уступили мѣсто инымъ вкусамъ. Въ Петербургѣ высшее общество дорого платило нѣмцу за то, что „въ барабаны билъ и на головѣ стоялъ", и нашъ навигаторъ, попавъ въ общество своихъ сверстниковъ, очутился между двухъ огней. Одни, послѣ Петра заболѣвшіе тоской по родной старинѣ, встрѣтили его насмѣшками и ругательствами за „европейскій обычай", привезенный имъ изъ Голландіи; другіе, одержимые вожделѣніемъ къ новизнѣ, преслѣдовали его кличками неуча, деревенскаго мужика, за недостаточный запасъ европейскаго обычая, имъ привезенный, за незнаніе моднаго катехизиса, которымъ вмѣнялось благородному шляхтичу въ обязанность то шпажное и танцовальное искусство, которое онъ считалъ безполезнымъ, предписывалось намѣренія свои скрывать, губъ рукой не утирать, въ сапогахъ не танцовать, встрѣчному знакомому пріятнымъ образомъ шляпу снимать за три шага, ни ближе, ни дальше, и глядѣть на него весело и пріятно, съ благообразнымъ постоянствомъ. Къ тому же, ближайшіе сотрудники Петра скоро перегрызлись. На ихъ мѣста явились невѣдомые люди изъ Митавы и Германіи, алчные, подозрительные и жестокіе. Отъ нихъ пострадалъ и нашъ навигаторъ. Разъ на святкахъ онъ отказался нарядиться и вымазаться сажей. За это его на льду Невы раздѣли до-нага, нарядили чортомъ и въ очень прохладномъ костюмѣ заставили простоять на часахъ нѣсколько часовъ; онъ захворалъ горячкой и чуть не умеръ. Въ другой разъ, за неосторожное слово про Бирона, его послали въ Тайную канцелярію къ Ушакову, который его пыталъ, билъ кнутомъ,

вывертывалъ ему лопатки, гладилъ по спинѣ горячимъ утюгомъ, забивалъ подъ ногти раскаленныя иглы и калѣкой отпустилъ въ деревню, гдѣ онъ при малѣйшемъ промахѣ дворовыхъ выходилъ изъ себя и, топоча ногами, безконечно повторялъ: „ахъ, вы растрепоганые, растреокаянные, не пытанные, не мученные и не наказанные!“ Впрочемъ, онъ былъ добрый баринъ, рѣдко наказывалъ своихъ крѣпостныхъ, читалъ вслухъ себѣ самому Квинта Курція *Жизнь Александра Македонскаго* въ подлинникѣ, занимался астрономіей, водилъ комнатную прислугу въ красныхъ ливреяхъ и напудренныхъ волосахъ; страдая безсонницей, съ гусинымъ крыломъ въ рукѣ самъ изгонялъ по ночамъ сатану изъ своего дома, окуривая ладаномъ и кропя святою водой нечистыя мѣста, гдѣ онъ могъ пріютиться; пѣлъ и читалъ въ церкви на клиросѣ, дома ежедневно держалъ монашеское келейное правило, но дружно жилъ съ женой, которая подарила ему 18 человѣкъ дѣтей, и, наконецъ, на 86-мъ году умеръ отъ апоплексическаго удара. Однако, привезенныя имъ изъ Голландіи математическія и навигацкія познанія остались безъ употребленія. Къ русской дѣйствительности этотъ ученый русскій служака сталъ какъ-то криво, нечаянно и больно ушибся головой объ ея уголъ и безъ особенной пользы, хотя и безъ вреда, всю остальную жизнь коптилъ небо, созерцая звѣзды.

Отцы Онѣгиныхъ начинали свое воспитаніе при императрицѣ Елизаветѣ, кончали его при Екатеринѣ II и доживали свой вѣкъ при Александрѣ I. Ихъ дѣтство протекало подъ впечатлѣніями веселой свѣтской жизни, получившей „свое основаніе“ подъ покровомъ доброй и умной дочери Петра. То было время отдыха отъ ужасовъ бироновщины; тогда началъ развиваться въ обществѣ „тонкій вкусъ во всемъ и самая нѣжная любовь, прикрѣпляемая нѣжными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получила первое надъ молодыми людьми свое господствіе“. Молодые дворяне, хорошо пристроенные въ столицѣ, 5—6 лѣтъ записанные въ гвардейскій полкъ рядовыми, лѣтъ 15 производились въ офицеры, допускались на французскія комедіи, дважды въ недѣлю дававшіяся на придворномъ театрѣ, бывали на дѣтскихъ балахъ, гдѣ въ присутствіи императрицы танцовало паръ по 50 дѣтей, строго выдерживая всѣ attitudes взрослыхъ господъ и госпожъ, участвовали въ вельможескихъ балъ-маскарадахъ, длившихся по 48 часовъ сряду, привѣтствовали русскихъ барышень, которыя привозили изъ Лондона невиданные въ Петербургѣ англійскіе контрадансы и зато на много дней становились героинями столичнаго свѣта. Изъ сферы веселыхъ лицъ и рѣчей они нечувствительно переносились въ сферу пріятныхъ книгъ и идей. Законъ 1714 года не прошелъ безслѣдно. Правда, теперь уже не требовалась петровская военно-техническая выучка; любимая навигацкая наука преобразователя упала при его дочери, не любившей моря, кадетовъ Шляхетскаго корпуса на цѣлыя недѣли отрывали отъ учебныхъ занятій, заставляя ихъ разучивать и играть новую трагедію Сумарокова. Но обязательное

обученіе, не давая значительнаго запаса научныхъ свѣдѣній, пріучало къ процессу выучки, дѣлало ее привычною сословною повинностью, а потомъ свѣтскимъ приличіемъ, и даже возбуждало нѣкоторый аппетитъ къ знанію. Дворянинъ рѣдко учился съ охотой тому, что требовалось по узаконенной программѣ; но онъ привыкалъ учиться чему-нибудь, хотя обыкновенно выучивался не тому, что требовалось по программѣ. Къ 6-лѣтнему гвардейцу выписывали сперва изъ Берлина m-me Ruinau, потомъ изъ Парижа m-lle Berger подороже, наконецъ m-r Raoult еще дороже, потому что онъ не только могъ преподавать le français, „но и въ томъ, что называется belles lettres, былъ гораздо свѣдущъ“. Отецъ выписывалъ для сына изъ Голландіи, пріюта французскихъ мыслителей, библіотоку assez bien choisie изъ лучшихъ французскихъ поэтовъ и историковъ, и лѣтъ съ 12 гвардейскій сержантъ уже освоивался съ Расиномъ, Корнелемъ, Буало и даже съ самимъ Вольтеромъ. Въ царствованіе Екатерины онъ подходилъ къ самымъ источникамъ свѣта. По желанію самой императрицы онъ посѣщалъ фернейскій скитъ Вольтера съ толпою другихъ молодыхъ офицеровъ, „жадничавшихъ“ видѣть философа и слушать его разговоры, не миновалъ и „ада молодыхъ людей“, какъ тогда звали Парижъ питомцы петровской школы, бывалъ на ужинахъ, гдѣ два философа, три dames d'esprit, одинъ еврей, одинъ капелланъ съ православнымъ секретаремъ русскаго посла и съ швейцарскимъ капиталомъ-кальвинистомъ часа по четыре сыпали bons mots, разсказывая анекдоты, разсуждая о безсмертіи души, о предразсудкахъ, о всевозможныхъ вопросахъ науки, морали и эстетики. По возвращеніи въ Россію, покинувъ службу въ гвардіи, онъ занялъ административную должность, но не могъ привыкнуть къ дѣламъ, переѣхалъ въ свою губернію, задумавъ служить по выборамъ, былъ выбранъ въ дворянскіе засѣдатели Совѣстнаго суда, но соскучился, дожидаясь дѣлъ, которыхъ въ три года поступило ровно три и не было рѣшено ни одного, пробовалъ заняться сельскимъ хозяйствомъ, но только сбилъ съ толку управляющаго и старосту, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, пожить весело, окружилъ себя шутами и шутихами, составилъ себѣ выѣздную свиту изъ арабовъ, башкиръ и калмыковъ, потчевалъ гостей частыми обѣдами, балами и псовою охотой съ здоровою музыкой и цыганскою пляской и, наконецъ, уставъ и заглянувъ въ долговую книгу, махнулъ на все рукой и окончательно переселился въ деревню доканчивать давно начатую и сложную работу изолированія себя отъ русской дѣйствительности. Здѣсь онъ вѣчно пасмурнымъ брюзгой уединился въ своемъ кабинетѣ

Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

Съ этою книжкой въ рукахъ гдѣ-нибудь въ глуши Тульской или Пензенской губерніи онъ представлялъ собою очень странное явленіе. Усвоенныя имъ манеры, привычки, симпатіи, понятія, самый языкъ, —

все было чужое, привозное, все влекло его въ заграничную даль, а дома у него не было живой органической связи съ окружающимъ, не было никакого житейскаго дѣла, которое онъ считалъ бы серіознымъ. Онъ принадлежалъ къ сословію, которое, держа въ своихъ рукахъ огромное количество главныхъ производительныхъ силъ страны, земли и крестьянскаго труда, было могущественнымъ рычагомъ народнаго хозяйства; онъ входилъ въ составъ мѣстной сословной корпораціи, которой предоставлено было широкое участіе въ мѣстномъ управленіи. Но свое сельское хозяйство онъ отдавалъ въ руки крѣпостного приказчика или наемнаго управляющаго-нѣмца, а о дѣлахъ мѣстнаго управленія не считалъ нужнымъ и думать: вѣдь, на то есть выборные предводители и исправники. Такъ ни сочувствія, ни интересы, ни воспоминанія дѣтства, ни даже сознаніе долга не привязывали его къ средѣ, его окружавшей. Съ дѣтства, какъ только онъ сталъ себя помнить, онъ дышалъ атмосферою, пропитанною развлеченіемъ, изъ которой обаяніями забавы и приличія былъ выкуренъ самый запахъ труда и долга. Всю жизнь помышляя о „европейскомъ обычаѣ", о просвѣщенномъ обществѣ, онъ старался стать своимъ между чужими и только становился чужимъ между своими. Въ Европѣ видѣли въ немъ переодѣтаго по-европейски татарина, а въ глазахъ своихъ онъ казался родившимся въ Россіи французомъ. Въ этомъ положеніи культурнаго межеумка, исторической ненужности было много трагизма, и мы готовы жалѣть о немъ, предполагая, что ему самому подчасъ становилось невыразимо тяжело чувствовать себя въ такомъ положеніи. Нѣкоторые дѣйствительно не выносили его и пускали себѣ пулю въ лобъ; но это были рѣдкіе люди, которымъ не удавалось вполнѣ уединить себя отъ дѣйствительности, которые не умѣли заживо бальзамировать себя, чтобы защитить свое мертворожденное міросозерцаніе отъ разрушительнаго дѣйствія времени и свѣжаго воздуха. Большинству людей этого рода удавалась операція такого бальзамированія довольно легко, безъ мучительныхъ кризисовъ. Когда наступала пора серіозно подумать объ окружающемъ, они начинали размышлять о немъ на чужомъ языкѣ, переводя туземныя русскія понятія на иностранныя рѣченія, съ оговоркой, что хоть это не то же самое, но похоже на то, нѣчто въ томъ же родѣ. Когда всѣ русскія понятія съ такою оговоркой и съ большею или меньшею филологическою удачей были переложены на иностранныя рѣченія, въ головѣ переводчика получался кругъ представленій, не соотвѣтствовавшихъ ни русскимъ ни иностраннымъ явленіямъ. Русскій мыслитель не только не достигалъ пониманія родной дѣйствительности, но и терялъ самую способность понимать ее. Ни на что не могъ онъ взглянуть прямо и просто, никакого житейскаго явленія не умѣлъ ни назвать его настоящимъ именемъ, ни представить въ его настоящемъ видѣ, и не умѣлъ представить его, какъ оно есть, именно потому, что не умѣлъ назвать его, какъ слѣдуетъ. Въ суммѣ такихъ представленій русскій житейскій порядокъ являлся такою безотрадною безсмыслицей, наборомъ такихъ вопіющихъ нелѣпостей, что наиболѣе

впечатлительные изъ людей этого рода, желавшіе поработать для своего отечества, проникались „отвращеніемъ къ нашей русской жизни“, ихъ собственное будущее становилось имъ противно по своей безцѣльности, и они предпочитали „бытію переходъ въ ничто“. Но это были рѣдкіе случаи. Большинство, болѣе разсудительное и менѣе нервное, умѣло обходить этотъ критическій моментъ и отъ непониманія переходило прямо къ равнодушію. Очутившись при помощи своеобразнаго метода изученія родной земли между двумя житейскими порядками, въ какомъ-то пустомъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ исторіи, русскій мыслитель удобно устроялся на этой нейтральной полосѣ между двумя мірами, пользуясь благами обоихъ, получая крѣпостные доходы съ одной стороны, умственныя и эстетическія подаянія — съ другой. Поселившись въ этой уютной пустынѣ, природный сынъ Россіи, подкинутый Франціи, а въ дѣйствительности человѣкъ безъ отечества, какъ называли его жившіе тогда въ Россіи французы, онъ холодно и просто рѣшалъ, что порядокъ въ Россіи есть assez immoral, потому что въ ней il n' y a presqu' aucune opinion publique, и думалъ, что этого вполнѣ достаточно, чтобъ игнорировать все, что дѣлалось въ Россіи. Такъ незнаніе вело къ равнодушію, а равнодушіе приводило къ пренебреженію. Чтобъ оправдать это пренебреженіе къ отечеству, онъ загримировывался миной мірового безстрастія, мыслилъ себя гражданиномъ вселенной, космополитизируя такимъ образомъ очень и очень доморощенный продуктъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Такъ, онъ создавалъ себѣ „своевольное и пріятное существованіе“. Вольныя мысли, которыя онъ черпалъ изъ привозныхъ книгъ, разсѣвали его житейскія огорченія, сообщали блескъ его уму, украшали его рѣчь, даже порой потрясали его нервы: космополитическій индифферентизмъ не мѣшалъ литературной впечатлительности, не подавлялъ воспитанной чувствительными романсами временъ Сумарокова наклонности къ отвлеченнымъ, безпредметнымъ восторгамъ. Быть-можетъ, никогда культурный русскій человѣкъ не плакалъ такъ легко и охотно даже отъ хорошихъ словъ, какъ во второй половинѣ прошлаго вѣка, — плакалъ и только. Эстетическіе восторги и стереотипныя философическія слезы были только патологическими развлеченіями, нервнымъ моціономъ, но не отражались на волѣ, не становились нравственными мотивами. Вольномыслящій тульскій космополитъ съ увлеченіемъ читалъ и перечитывалъ страницы о правахъ человѣка рядомъ съ русскою крѣпостною дѣвичьей и, оставаясь гуманистомъ въ душѣ, шелъ въ конюшню расправляться съ досадившимъ ему холопомъ. Культурно-психологическій куріозъ, онъ ждетъ руки художника; но какъ передаточный пунктъ идей и преданій, какъ посредникъ „двухъ вѣковъ“, готовыхъ поссориться, онъ занимаетъ видное мѣсто и въ исторіи нашего общества.

Дѣти людей этого рода воспитывались въ ихъ преданіяхъ, но не подъ ихъ вліяніемъ. Они наслѣдовали многія изъ идей, убѣжденій, взглядовъ, привычекъ своихъ отцовъ, но не наслѣдовали ихъ вкусовъ,

чувствъ и отношеній къ окружающему, и не наслѣдовали потому, что выросли и начали дѣйствовать подъ другими впечатлѣніями. Къ тому времени, когда они начали учиться, въ воспитаніи знатнаго русскаго юношества произошелъ рѣшительный переломъ. Со времени французской революціи въ Россію наѣхало множество французскихъ эмигрантовъ, кавалеровъ, графовъ, маркизовъ, аббатовъ, роалистовъ и католиковъ, даже іезуитовъ, которые, принявшись за воспитаніе молодыхъ русскихъ дворянъ, начали вытѣснять гувернеровъ философскаго чекана, демократовъ, республиканцевъ и атеистовъ, дотолѣ господствовавшихъ въ знатныхъ русскихъ домахъ. Новые педагоги принесли съ собою свою особую атмосферу, новыя чувства и интересы. Они поворотили мысль воспитываемаго ими юношества къ предметамъ, которыми пренебрегали ихъ вольнодумные предшественники, къ вопросамъ вѣры и нравственности; еще важнѣе было то, что они не ограничивались украшеніемъ и развитіемъ ума своихъ питомцевъ, но вліяли и на ихъ волю, побуждали позывъ къ дѣлу, къ согласованію поступковъ съ понятіями. Они не только поддержали, но и усилили въ питомцахъ интересъ къ политическимъ вопросамъ, возставая противъ демократическихъ понятій, какія распространяли педагоги стараго дореволюціоннаго привоза. Несомнѣнно, при ихъ участіи въ молодомъ поколѣніи праздныя эстетическія влеченія и отвлеченныя идеи отцовъ стали смѣняться нравственными побужденіями и практическими идеалами съ политическою окраской, обростать живою плотью. Наполеонъ довершилъ дѣло, начатое французскими эмигрантами. Политическія событія указали направленіе и цѣль пробужденнымъ стремленіямъ. Дѣти людей Екатеринина вѣка, защищая отечество, на австрійскихъ, прусскихъ и, наконецъ, родныхъ поляхъ, должны были съ оружіемъ въ рукахъ стать противъ той самой Франціи, которая для отцовъ многихъ изъ нихъ была „отечествомъ сердца и воображенія“. Эта борьба приподняла ихъ духъ. Передъ ихъ глазами пронеслись великія событія, которыя рѣшали судьбы народовъ и въ которыхъ они сами участвовали. Воротившись изъ похода домой, они чувствовали, что ушли отъ своихъ стариковъ „на сто лѣтъ впередъ“. Толкуя объ отечествѣ вокругъ бивачныхъ костровъ на поляхъ Прейсишъ-Эйлау, Бородина, Лейпцига и подъ стѣнами Парижа, они сдѣлали два важныя открытія. Они съ прискорбіемъ узнали, что Россія единственная страна, въ которой образованнѣйшій и руководящій классъ пренебрегаетъ роднымъ языкомъ и всѣмъ, что касается родины. Потомъ еще съ большею скорбью они убѣдились, что въ русскомъ народѣ таятся могучія силы, лишенныя простора и дѣятельности, скрыты умственныя и нравственныя сокровища, нуждающіяся въ разработкѣ, безъ чего все это вянетъ портится и можетъ скоро пропасть, не принесши никакого плода въ нравственномъ мірѣ. Съ этой минуты они круто и прямо повернулись лицомъ къ русской дѣйствительности, къ которой отцы старались поставить ихъ спиной, какъ стояли сами. Отцы не знали ея и игнорировали; дѣти продолжали не знать ея, но перестали игнорировать.

Но съ минуты этого поворота люди, его сдѣлавшіе, разошлись и пошли различными путями. Одни пошли прямо впередъ съ нервною отвагой. Мысль „о злѣ существующаго порядка и о возможности его измѣненія“ стала исходною точкой всѣхъ ихъ думъ и размышленій. Но они смотрѣли на окружающее сквозь призму патріотической скорби, смѣнившей космополитическое равнодушіе отцовъ, а въ этой призмѣ явленія отражались подъ значительнымъ угломъ преломленія. Это мѣшало разглядѣть достижимыя цѣли, взвѣсить наличныя средства, предусмотрѣть послѣдствія. Они надѣялись однимъ порывистымъ натискомъ сдвинуть съ мѣста скалу, которая стояла на дорогѣ и которую они называли существующимъ порядкомъ, разбѣжались и ударились объ нее. Послѣдствіемъ удара было собственное крушеніе.

Другіе пошли стороной, осторожно вглядываясь вдаль и озираясь вокругъ. Они также питали много надеждъ и иллюзій, желали дѣятельности и готовились къ ней, запасаясь идеями и иноземными образцами, которые можно было бы примѣнить въ отечествѣ. Но еще до 1812 года они стали замѣчать, что преобразовательное движеніе, смѣло начатое правительствомъ, тормазится чѣмъ-то такимъ, что не зависитъ ни отъ Сперанскаго, ни отъ Аракчеева, ни отъ чьей личной воли. Вглядываясь ближе, они увидѣли, что это была та же скала или „грубая толща“, какъ называлъ Сперанскій русскую дѣйствительность, которая никакъ не хотѣла сдвинуться съ мѣста, какъ ее ни толкали. Они такъ же плохо знали и понимали ее, какъ и другіе; но они живѣе другихъ почувствовали ея размѣры и устойчивость, почувствовали и то, что они ничего съ ней не могутъ сдѣлать, что для этого нужны не та подготовка, не такія знанія и навыки, какими обладали они и ихъ отцы, что надобно переучиваться и перевоспитываться. Это было тоже крушеніе, только не силы, плохо разсчитавшей свое дѣйствіе, а вѣры, поддерживавшей дѣятельность. Причиной крушенія было открытіе, что не во всемъ можно извернуться чужимъ умомъ и опытомъ, что если глупо вновь изобрѣтать машину, уже изобрѣтенную, то еще глупѣе жителю сѣвера заимствовать костюмъ южанина, что нужно примѣнять къ средѣ, а для этого необходимо изучать ее и потомъ уже преобразовывать, если она въ чемъ окажется неудобной. Этимъ открытіемъ разрушалось цѣлое міросозерцаніе, воспитанное рядомъ поколѣній, привыкшихъ сибаритски смотрѣть на Западную Европу, какъ на русскую мастерскую, обязательную поставщицу машинъ, модъ, увеселеній, вкусовъ, приличій, знаній, идей, нужныхъ Россіи, и даже отвѣтовъ на политическіе вопросы, въ ней возникающіе. Тогда люди, сдѣлавшіе это открытіе, впали въ уныніе или нравственное оцѣпенѣніе и опустили руки. Послѣ, оправившись отъ столбняка, одни изъ нихъ стали кое-какъ прилаживаться къ русской дѣйствительности и даже явились дѣльцами въ царствованіе Николая, другіе произнесли надъ ней отлученіе отъ цивилизованнаго міра за то, что она не давалась ихъ пониманію безъ изученія, третьи просто принялись изучать ее въ подробностяхъ.

Совершенно особеннымъ образомъ подѣйствовала патріотическая скорбь однихъ и уныніе другихъ на ихъ младшихъ братьевъ, которые, по молодости лѣтъ, не принимали участія въ военныхъ дѣлахъ 1812—1814 годовъ и не были вовлечены въ движеніе, кончившееся катастрофой 14 декабря. Они проходили школу тогдашняго столичнаго свѣта съ его показнымъ умомъ, заученными приличіями, замѣнявшими нравственныя правила, и съ любезными словами, прикрывавшими пустоту общежитія, какъ описала его въ 1812 году г-жа Сталь. Эта школа давала много пищи злословію, вырабатывала „насмѣшку съ желчью пополамъ", но не пріучала ни къ умственному труду ни къ практической дѣятельности, — напротивъ, отучала отъ того и другого, всего же болѣе располагала къ скукѣ. На наклонности, воспитанныя такою школой, ложились чувства старшихъ братьевъ, патріотическая скорбь однихъ, уныніе другихъ. Но то были накладная скорбь, наносное уныніе: то и другое чувство въ младшихъ рядахъ поколѣнія не было непосредственнымъ житейскимъ впечатлѣніемъ, получалось изъ вторыхъ рукъ. Изъ смѣшенія столь разнородныхъ вліяній и составилось сложное настроеніе, которое тогда стали звать *разочарованіемъ*. Поэзія часто рисовала его байроновскими чертами, и сами разочарованные любили кутаться въ Гарольдовъ плащъ. Но въ составъ этого настроенія входило гораздо болѣе туземныхъ ингредіентовъ. Здѣсь были и запасъ схваченныхъ на лету идей съ приправой мысли объ ихъ ненужности, и унаслѣдованное отъ вольнодумныхъ отцовъ брюзжанье съ примѣсью скуки жизни, преждевременно и безтолково отвѣданной, и презрѣніе къ большому свѣту съ неумѣньемъ обойтись безъ него, и стыдъ бездѣлья съ непривычкой къ труду и недостаткомъ подготовки къ дѣлу, и скорбь о родинѣ, и досада на себя, и лѣнь, и уныніе — весь умственный и нравственный скарбъ, унаслѣдованный отъ отцовъ и дѣдовъ и прикрытый слоемъ острыхъ и гнетущихъ чувствъ, внушенныхъ старшими братьями. Это была полная нравственная растерянность, выражавшаяся въ одномъ правилѣ: ничего сдѣлать нельзя и не нужно дѣлать. Поэтическимъ олицетвореніемъ этой растерянности и явился „Е. Онѣгинъ". Такъ я понимаю его, — правильно ли, судите сами. Прибавлю только, что Пушкинъ одинъ изъ первыхъ подмѣтилъ эту новую разновидность русскихъ чудаковъ. Въ 1822 году, когда онъ началъ писать свой романъ, было много и рѣшившихся на все, и нерѣшительныхъ патріотовъ, но разочарованные еще не бросались въ глаза, какъ послѣ 1825 года.

Такова родословная Онѣгина. Его предки — люди изъ дворянства, служившаго проводникомъ свѣтскаго образованія и органомъ управленія. Это — исключительные люди, которыхъ слишкомъ быстрая смѣна направленій образованія и не всегда удачная его постановка ставили въ неправильное положеніе. Сперва потребовалось школьное латинское образованіе, но подъ церковнымъ руководствомъ съ цѣлью оградить правомысліе. Но многимъ, получившимъ такое образованіе,

приходилось дѣйствовать тамъ, гдѣ требовалась уже военно-техническая выучка, которой усиленно и подвергалась дворянская молодежь въ царствованіе Петра I. Многимъ, получившимъ и такую выучку, пришлось дѣйствовать въ обществѣ, въ которомъ служебные успѣхи много зависѣли отъ степени свѣтской выправки и литературнаго образованія служащаго лица. Но эта выправка и это образованіе скоро получили такое ненормальное развитіе, которое прививало идеи и вкусы, непригодные для государственной и земской дѣятельности дворянства, расширенной реформами Екатерины II. Тогда и образованіе высшаго дворянства стало получать политическое направленіе и становилось ближе къ русской дѣйствительности, къ положенію управляемаго общества. Но такое образованіе при содѣйствіе унаслѣдованныхъ преданій и наклонностей и новыхъ вліяній сдѣлало однихъ нетерпѣливыми новаторами, хотѣвшими все перестроить разомъ, другихъ нерѣшительными пессимистами, не знавшими, что дѣлать, а третьихъ повергло въ настроеніе, лишавшее ихъ способности и охоты дѣлать что-либо.

Съ этими людьми, мелькавшими въ русскомъ обществѣ въ 1820 и 1830 годахъ, такое настроеніе и умерло. *Ключевскій.*

Религіозность, нравственная чистота, нѣжность, наивность и мечтательность, какъ отличительныя свойства Татьяны [1]).

По словамъ поэта, Татьяна была совсѣмъ „русская душой“. Тѣмъ не менѣе не лишено, конечно, значенія, что

Она по-русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
Итакъ, писала по-французски.

Несомнѣнно также, что Татьяна—героиня отчасти во вкусѣ западно-европейскаго романа второй половины XVIII и начала XIX вѣковъ. Къ природнымъ, не составляющимъ, однако, національной особенности и развитымъ отчасти благодаря чтенію западныхъ романовъ, чертамъ ея характера относилось то, что она

. . . . въ милой простотѣ
. . . . . не вѣдаетъ обмана
И вѣритъ избранной мечтѣ.
. . . любитъ безъ искусства,
Послушная влеченью чувства,
. . . такъ довѣрчива она,
. . . *отъ небесъ одарена*
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ.

Въ ея письмѣ къ Онѣгину „сердце говоритъ все наружу, все на волѣ“. Эта мечтательная и нѣжная натура могла любить грустный дискъ луны, помимо моды романтическихъ героинь. Но это дитя при-

---

[1]) См. стран. 222, 223 и слѣд.; 465 и слѣд.

роды было полно и мечтаній, навѣянныхъ чужими литературами. Такъ, когда Татьяна полюбила Онѣгина,

Счастливой силою мечтанья
Одушевленныя созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежный,
И безподобный Грандисонъ,
Который намъ наводитъ сонъ;
Всѣ для мечтательности нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

Татьяна воображала и самоё себя

. . . . героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Клариссой, Юліей, Дельфиной.

Не даромъ

Она влюбилася въ обманы
И Ричардсона и Руссо.

Ясно отсюда, что воображеніе Татьяны было наполнено западными романами, — Ричардсона, Руссо, Гёте, M-me de Staël, M-me Cottin, баронессы Крюднеръ.

Татьяна въ этомъ уподоблялась образованнымъ русскимъ дѣвушкамъ того времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ дѣтствѣ

. . . . . страшные разсказы
Зимою въ темнотѣ ночей
Плѣняли... сердце ей,

а потомъ также

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,

и изъ выбора ея чтенія еще не слѣдуетъ, чтобы она не была вполнѣ „русская“ своей „душой“, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мечтахъ, которыя рѣшили судьбу ея души.

Если приглядимся къ основнымъ воззрѣніямъ Татьяны, то увидимъ, что они находились въ связи съ мечтами и нѣкоторыми основными идеями романовъ Ричардсона, Руссо, Гёте и др., но преимущественно — со средой, въ которой выросла Татьяна. Она

Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ *онъ* являлся ей.

Татьяна въ годы зрѣлости была не только „мечтательницей милой“ и разсуждала не только въ духѣ идеальныхъ и сентиментальныхъ героинь западно-европейскихъ романовъ, любительницъ идилліи, когда говорила, уѣзжая изъ родной деревни:

Прости, веселая природа!
Мѣняю милый тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ;

или въ Петербургѣ:

... Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ и шумъ и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище...
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей.

Чертою воспитанія и вмѣстѣ народности Татьяны слѣдуетъ признать, что

Все тихо, просто было въ ней.

Вліяніе русскихъ нравовъ сказалось и въ знаменитомъ отвѣтѣ ея Онѣгину:

Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

Въ этихъ словахъ выступаетъ съ рѣшительностью нравственное чувство, рѣзко отличающее Татьяну отъ Руссовской Юліи. Julie d'Etange была приведена къ религіи своими несчастіями и искала убѣжища въ Богѣ, чтобы найти у Него то милосердіе, въ которомъ отказывали ей люди. Даже въ томъ самомъ письмѣ Татьяны къ Онѣгину, въ которомъ указываютъ не совсѣмъ, впрочемъ, убѣдительно совпаденія съ выраженіями Юліи Вольмаръ, находимъ такія коренныя черты русскаго склада, какъ вѣру, въ суженаго:

Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...,

или русскую религіозность:

Ты говорилъ со мной втиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души.

Вотъ эти-то природныя и чисто народныя черты характера Татьяны, въ соединеніи съ ея милою наивностью и свѣжестью ея нравственной натуры, и сообщили ея образу особую прелесть въ фантазіи поэта. На основаніи словъ самого Пушкина*), въ Татьянѣ надо

---

*) III, 404 (VIII, L):

Прости жъ...
И ты, мой вѣрный идеалъ.

405 (VIII, LI):

А ты, съ которой образованъ
Татьяны *милый идеалъ.*

Ср. III, 258 (Е. О., LVII):

Такъ я безпеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горъ, мой идеалъ...

и III, 383 (Е. О., VII, V):

И вотъ она (муза) въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

ственному значенію не уступающіе созданіямъ ихъ геніальнаго предшественника. Подобныя же явленія наблюдаются и въ исторіи мысли научной и философской. Цѣнность научной или философской идеи и геніальность ея творца лучше всего опредѣляются и, какъ умственная сила, въ извѣстномъ смыслѣ измѣряются значеніемъ и плодотворностью послѣдующихъ работъ и открытій, исходной точкою которыхъ была данная идея. Сила ученаго творчества Дарвина измѣряется великимъ значеніемъ всей ученой литературы *дарвинизма.* Геній Канта прямо пропорціоналенъ его вліянію на новую философію и науку, — онъ измѣряется кантіанствомъ со всѣми его развѣтвленіями. Великія заслуги Гельмгольца по установленію закона сохраненія энергіи привели, между прочимъ, къ зачисленію въ ряды ученыхъ геніевъ скромнаго провинціальнаго врача — Роберта Майера.

Въ концѣ концовъ здѣсь нельзя не видѣть указаній на возможность распространенія — въ будущемъ — принципа сохраненія энергіи на психологію высшихъ процессовъ мысли, научно-философскихъ и художественныхъ. *Овсянико-Куликовскій.*

Поэтическій образъ Ленскаго и его жизненность.

„Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черные до плечъ"...
(„Евг. Онѣг.", гл. II, стран. VI).

Поэтическій образъ юнаго Ленскаго, рано унесеннаго могилою, обрисованъ Пушкинымъ очень бѣгло: передъ нами, въ сущности, только характеристика юноши и затѣмъ, какъ бы иллюстрація къ ней, стихи, сочиненные имъ передъ дуэлью. Но и этого немногаго, даннаго Пушкинымъ, вполнѣ достаточно для вѣрнаго пониманія внутренней жизни Ленскаго.

Кромѣ этой существенной поддержки, идущей отъ самого Пушкина, данныя, почерпнутыя непосредственно изъ русской дѣйствительности той эпохи, помогутъ намъ доказать: 1) что, подобно Татьянѣ и Онѣгину, этотъ второстепенный герой пушкинскаго романа не вымышленъ великимъ художникомъ, а взятъ изъ русской жизни.

Что касается до Ленскаго, то выяснить его внутренній міръ можно легко изъ той прекрасной характеристики его, которую далъ самъ Пушкинъ въ строфахъ: VI—XII, XIII, XVI, XX, XXII второй главы: передъ нами обрисовывается очень яркими чертами образъ юноши „die schöne Seele", „прекраснодушнаго" мечтателя-идеалиста, вѣрящаго утопіямъ, политическимъ и моральнымъ, сентиментальнаго, романтическаго...

Этотъ типъ сложился во второй половинѣ XVIII вѣка, въ „туманной Германіи" и нѣсколько позже, къ концу того же вѣка, ярко обрисовался и у насъ.

Съ его появленіемъ у насъ начинается переломъ русской литературы отъ французскаго псевдоклассицизма къ нѣмецкому романтизму. Карамзинъ стоитъ во главѣ этого новаго періода русской литературы: онъ же былъ несомнѣннымъ прародителемъ огромной толпы всѣхъ этихъ Ленскихъ, „полурусскихъ“ юношей-идеалистовъ, пѣвцовъ своей „прекрасной“ души.

Хотя между Карамзинымъ и Ленскимъ разстояніе въ тридцать лѣтъ, однако черты ихъ до того поразительно близки, что характеристика Ленскаго, сдѣланная Пушкинымъ, почти безъ измѣненія можетъ быть приложена къ Карамзину, какимъ онъ былъ передъ путешествіемъ за границу: оба были поклонниками „туманной Германіи“, оба увлекались и Кантомъ и вольнолюбивыми мечтами, у обоихъ былъ „духъ пылкій и довольно странный“, всегда восторженная рѣчь и кудри черныя до плечъ“...

Когда Карамзинъ сблизился съ Петровымъ, онъ горѣлъ „пламеннымъ усердіемъ къ добру“, какъ у Ленскаго, —

Негодованье сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь —
Въ немъ рано волновали кровь.

Карамзинскую „искренность, живость, нѣкоторый жаръ чувства“ узнаемъ мы въ „пылкихъ“, „восторженныхъ рѣчахъ“ Ленскаго, въ его „юномъ жарѣ, юномъ бредѣ, въ его „пламенной младости“...

„Милыя надежды“ Карамзина, его „тайныя сомнѣнія“ волновали и Ленскаго, —

...Міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.

Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ
И чудеса подозрѣвалъ.

У обоихъ „душа воспламенилась“ поэтическимъ огнемъ поэтовъ Германіи; разница лишь въ томъ, что Карамзинъ зачитывался Клопштокомъ, Клейстомъ, а Ленскій — Шиллеромъ и Гёте... Оба въ своихъ произведеніяхъ гордо сохранили всегда возвышенныя чувства, порывы „дѣвственной мечты“. Оба проливали „живыя“ слезы при разлукѣ, оба знали припадки „меланхоліи“, „пѣли поблеклой жизни цвѣтъ, безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ“.

Любопытно, что сходство простирается до того, что захватываетъ даже отношенія обоихъ къ ихъ друзьямъ, Онѣгину и Петрову: „гдѣ онъ (Петровъ) одобрялъ съ спокойной улыбкой, тамъ я (Карамзинъ) восхищался; огненной пылкости моей противополагалъ онъ холодную свою разсудительность“. Онѣгинъ тоже —

...слушалъ Ленскаго съ улыбкой
И охладительное слово
Въ устахъ старался удержать...

О чемъ же бесѣдовали друзья, — Онѣгинъ съ Ленскимъ и Петровъ съ Карамзинымъ? — Да буквально о томъ же: „разсуждали мы

о происшествіяхъ міра, угадывали будущую судьбу человѣчества", „разсуждали о нравственномъ мірѣ", славили „преимущества осьмагонадесять вѣка", „распространеніе духа общественности", „тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ", вопрошали натуру о великихъ тайнахъ ея", —

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые
И гроба тайны роковыя.

Сходство простирается даже до такой мелочи, какъ чтеніе Оссіана, которымъ и Карамзинъ и Ленскій угощали свохъ друзей...

Припомнимъ нѣсколько писемъ, отправленныхъ Карамзинымъ къ Лафатеру, — и опять Ленскій, съ его душой, съ его чувствами, мыслями и интересами, ярко обрисуется передъ нами...

Сдѣланное нами сопоставленіе, конечно, не приведетъ насъ къ заключенію, что Ленскій срисованъ съ Карамзина, но мы должны будемъ признать, что типъ юноши-идеалиста, типъ, занесенный къ намъ Карамзинымъ и прочно привился къ русской жизни: онъ не умиралъ въ теченіе 30—40 лѣтъ и ко времени Пушкина сохранилъ свои яркія краски и духовные интересы.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно бѣглаго взгляда, чтобы убѣдиться, что послѣ Карамзина у насъ развелось не мало „прекраснодушныхъ" юношей, сомнительныхъ мечтателей, живущихъ идеальными чувствами, — всѣ они въ значительной степени люди „полурусскіе", очи ихъ направлены на любезную имъ Германію. Оставимъ мелкихъ представителей этого сорта людей, большею частью, учениковъ и поклонниковъ Карамзина, и перейдемъ къ болѣе крупнымъ представителямъ этого типа.

Прежде всего бросается намъ въ глаза образъ Андрея Тургенева, юнаго поэта, съ чистымъ сердцемъ, „исполненнымъ любви къ прекрасному" — друга Жуковскаго. Нѣкоторые стихи его, стихи, проникнутые чувствомъ свѣтлой грусти, но въ то же время любви и вѣры, показываютъ намъ, что поэтическія грезы Ленскаго ему очень сродни, — онъ тоже —

...пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туманну даль,
И романтическія розы...
Онъ пѣлъ поблеклой жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ"...

Безмятежный идеализмъ, находившій утѣшеніе въ воспоминаніи „минувшихъ дней блаженныхъ" и въ надеждѣ на свѣтлое будущее, преклоненіе передъ вѣчнымъ царствомъ любви, — все это довольно характерныя черты и для пушкинскаго Ленскаго. „Тѣнь веселая и мирная!" — взывалъ Жуковскій къ своему покойному другу: „тѣнь моя надо мною, она — собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ, незримый хранитель моего сердца!". Къ этому прибавимъ увлеченіе А. Тургенева нѣмецкой литературой, за что его даже звали „нѣмцемъ", при-

бавимъ его восторженность и „пѣсни пламенныя музамъ и свободѣ“, въ „священномъ“ кругу такихъ же „прекраснодушныхъ“ юношей — и опять обрисуются передъ нами свѣтлыя ясныя черты Ленскаго...

Обратимся теперь къ Жуковскому. Опять полное совпаденіе съ Ленскимъ: весь первый періодъ поэтической дѣятельности „прекраснодушнаго“ Жуковскаго, въ сущности, есть не что иное, какъ варіаціи на тѣ же темы, которыя разрабатывались Ленскимъ. —

Въ немъ скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленье вдаль, любви тоска,
Томленье разлуки...

Развѣ о такой поэзіи говоритъ Пушкинъ въ словахъ:

Онъ пѣлъ любовь...
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туманну даль,
Онъ пѣлъ поблеклой жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ...

Правда, Ленскій былъ также поклонникомъ нѣмецкой философіи: кромѣ того довольно рѣзко подчеркнуты Пушкинымъ его „вольнолюбивыя“ мечты. Но и эти черты отыщемъ мы въ русской жизни той эпохи: намъ поможетъ въ этомъ, хотя бы — князь А. И. Одоевскій, юноша-поэтъ, поплатившійся за свои вольнолюбивыя мечты Сибирью. Стоитъ намъ слегка ознакомиться съ этимъ образомъ, — и опять передъ нами станетъ тотъ же Ленскій: тотъ же —

...блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ и рѣчь живая...

„Мысли его, разсказываетъ М. Бестужевъ, витали въ областяхъ фантазіи. Это былъ молодой пылкій человѣкъ и поэтъ въ душѣ“. Огаревъ, встрѣтившійся съ нимъ на Кавказѣ, разсказываетъ слѣдующій эпизодъ, характерный для Одоевскаго: „ночь была чудная. Мы сѣли на скамью, и Одоевскій говорилъ свои стихи. Я слушалъ, склоня голову. Это былъ разсказъ о видѣніи какого-то свѣтлаго женскаго образа, который передъ нимъ явился въ прозрачной мглѣ и медленно скрылся“. Развѣ не тѣ же видѣнія посѣщали Ленскаго, когда онъ писалъ свою лебединую пѣснь передъ дуэлью: тотъ же воздушный, женскій образъ, легкій, полупрозрачный, проносящійся легкой тѣнью передъ чистыми очами юноши-поэта, умиленнаго, восхищеннаго. Обратимся ли мы къ стихамъ Одоевскаго, — мы опять услышимъ музыкальные мотивы трогательной элегіи Ленскаго:

Куда, куда вы удалились?...

Мы услышимъ въ этихъ стихахъ ту же возвышенную, чистую грусть, освященную тою же вдохновенной любовью ко всему міру и безоблачнымъ оптимизмомъ.

Стоитъ сравнить, хотя бы, его элегію: „Умирающій художникъ“ съ стихами Ленскаго, — и мы еще разъ убѣдимся, до какой степени могъ Пушкинъ проникаться чужимъ настроеніемъ: стихи Ленскаго совершенно въ тонѣ этой элегіи, —

...едва лучи денницы
Моей коснулися зѣницы, —
И свѣтъ во взорахъ потемнѣлъ;
Плодъ жизни свѣянъ недоспѣлый!
Нѣтъ! Сновъ небесныхъ кистью смѣлой
Одушевить я не успѣлъ;
Гласъ пѣсни, мною недопѣтой,
Не дозвучитъ въ земныхъ струнахъ
И я, въ нетлѣніе одѣтый,
Ее дослышу въ небесахъ.

Развѣ не эти же думы роились въ головѣ Ленскаго, когда онъ думалъ о возможной смерти? Когда мысли его перенеслись къ Ольгѣ, — развѣ его поэтическія грезы не совпали съ грезами Одоевскаго:

Улетѣлъ надеждъ блеснувшихъ
Лучезарный хороводъ,
Лишь одна изъ дѣвъ воздушныхъ
Запоздала. Сладкій взоръ,
Легкій шопотъ устъ послушныхъ,
Твой небесный разговоръ
Внятны мнѣ. Тебѣ охотно
Я ввѣряюсь всей душой...
Тихо плавай надо мной.
Плавай, другъ мой неотлетный!
Всѣ исчезли. Ты одна
На яву, во время сна,
Навѣваешь утѣшенье.

Поэтъ, живущій въ „мірѣ мечтаній“, преклоняющійся передъ „святыней чувства“, Одоевскій, задаетъ себѣ томительный вопросъ, который, конечно, мучилъ и Ленскаго:

Зачѣмъ мучительною тайной
Непостижимый жизни путь
Волнуетъ трепетную грудь?
Какъ званый гость, или случайный,
Пришелъ онъ въ этотъ чуждый міръ.
Гдѣ скудно сердца наслажденье
И скорби съ радостью смѣшенье
Томитъ, какъ похоронный пиръ? —
Гдѣ насъ объемлетъ разрушенье,
Гдѣ колыбель — могилы дань,
Развалинъ цѣпь — поля и горы!..

Если мы обратимся къ мемуарамъ того времени, — опять передъ нами пронесется нѣсколько чистыхъ юношескихъ образовъ, просвѣтленныхъ тѣмъ же идеализмомъ, которымъ пылала душа Ленскаго. С. Аксаковъ, напримѣръ, вспоминаетъ свою юность въ слѣдующихъ восторженныхъ выраженіяхъ: „Прекрасное, золотое время! Время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія!“... Тутъ, конечно, есть и идеальная дружба и любовь, и преклоненіе передъ природой, и увлеченіе идеалистической литературой: Аксаковъ зачитывался романами Коцебу и Лафонтена, „читалъ ихъ по ночамъ — въ пустыхъ антресоляхъ — читалъ съ увлеченіемъ, съ самозабвеніемъ! Смѣшно сказать, но и теперь слова: „люби меня, я добръ, Фанни!“ или: „мѣсяцы, блаженные мѣсяцы пролетали надъ этими счастливыми смертными“, слова, сами по себѣ ничтожныя и пошлыя, заставляютъ сердце мое биться скорѣе по одному воспоминанію того восторга, того упоенія, въ которое приводили они пятнадцатилѣтняго юношу!“... Прощаясь со своею университетскою жизнью, Аксаковъ разражается

цѣлымъ рядомъ восторженныхъ восклицаній: „прощай, шумная, молодая, учебная жизнь! Прощайте, первые, невозвратные годы юности пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной!... Стѣны гимназіи и университета, товарищи — вотъ, что составляло полный міръ для меня. Тамъ разрѣшались молодые вопросы, тамъ удовлетворялись стремленія и чувства. Тамъ былъ судъ, осужденіе, оправданіе и торжество! Тамъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, ко всѣмъ своекорыстнымъ расчетамъ и выгодамъ, ко всей житейской мудрости — и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному!“ Эти вдохновенныя строки говорятъ намъ о настроеніи цѣлаго поколѣнія молодежи и находятъ подтвержденіе въ рядѣ другихъ свидѣтельствъ. Изъ записокъ Жихарева мы узнаемъ, напримѣръ, что молодежь тогдашняя увлекалась музыкой, „исполненною чувства и нѣмецкой мечтательности, что трогательные стихи, отъ которыхъ „такъ и вѣетъ Маттисономъ“, приводили въ умиленіе.

На ея могилѣ есть цвѣтокъ незримый:
Всюду разливаетъ онъ благоуханье.
Онъ — цвѣтокъ завѣтный, онъ — цвѣтокъ любимый.
Онъ — воспоминанье!
И вѣчно душистый, цвѣтокъ неизмѣнный
Не боится бури, не вянетъ отъ зноя,
Сторожитъ сохранно имя преселенной
Къ вѣчному покою!

Слушая соловья на могилѣ своей милой, идеальный юноша того времени обливался слезами и сочинялъ чувствительную элегію:

...Пѣсня сладостна твоя;
Но стократъ нѣжнѣе
Раздавалась пѣснь ея
Слаще и милѣе!
Пѣсня дѣвы молодой
Въ сердце западала,
Какъ воздушной арфы строй,
Душу проникала.

Много, много васъ пѣвцовъ
Съ весною прибудетъ,
Но весна почившей вновь
Къ пѣснямъ не разбудитъ!
Голосъ смолкъ, погаснулъ взоръ,
Здѣсь она отпѣла,
И къ пѣвцамъ безплотнымъ въ хоръ,
Въ небо улетѣла!

Вотъ, передъ нами еще одинъ юноша — Телешовъ, о которомъ его ученица, графиня А. Д. Блудова, отзывается съ самымъ живымъ сочувствіемъ: у него, оказывается, „была душа самая пылкая, нѣжная, женственная и, какъ у Ленскаго,

Всегда восторженная рѣчь...“

Это былъ идеалистъ pur sang, чистый образчикъ юноши-„die schöne Seele“. Такимъ же былъ, повидимому, и С. Глинка, который, по собственному признанію, „лелѣялъ сердце жизнію мечтательною“, былъ „платонически влюбленъ“, воспѣвалъ свою милую въ элегическихъ стихахъ... Немудрено, что его записки переходятъ порой въ поэтическія импровизаціи, мечтательныя, сентиментальныя... Читая

ихъ, мы опять вспоминаемъ все того же Ленскаго. „Былъ очаровательный іюльскій вечеръ. На голубомъ небѣ солнце въ безмятежномъ великолѣпіи спускалось на покой въ волны озеръ и золотило отражавшіяся въ нихъ вершины лѣсовъ. Остановя почтовую повозку, я бросился къ прелестямъ живописной природы. Мечты зароились въ головѣ моей. „По наукѣ, думалъ я, земной нашъ пріютъ кружится около солнца; по глазамъ — оно уклоняется отъ насъ. Да вѣдь надобно же отдохнуть когда-нибудь и этому солнцу, которое всѣмъ безъ разбору и приличій даритъ и свой блескъ, и красоту полей и луговъ, и золотыя жатвы нивъ!“ Такъ мечталъ я, и всплывала луна, и солнце дружелюбно уступало ей владычество свое. Какой миръ въ мірѣ небесномъ! Какой миръ въ области безчисленныхъ свѣтилъ и свѣтовъ! А у насъ за клочки земли какія кипятъ ссоры, и вражды, и бури военныя!“... Вспоминая подъ старость свои юные „поэтическіе и мечтательные годы“ жизни, Глинка разсказываетъ: „въ молодости моей, мечтая съ Юнгомъ, я бродилъ въ мѣстахъ уединенныхъ, въ глуши лѣсовъ; нерѣдко внималъ громовымъ раскатамъ, мечтая подъ дождемъ проливнымъ, пересочиняя въ мысляхъ Юнговыя ночи; возвращаясь домой, передавалъ бумагѣ сумрачныя мечты свои. Отчего западало это раннее томленіе въ мою душу? Было ли это вѣстію, чтобы я готовился на борьбу съ жизнію труженической? И отчего слезы, уныніе и въ юности моей сладостнѣе были для сердца моего утѣхъ, кружащихся въ вихрѣ большого свѣта?“

Кромѣ этихъ приведенныхъ нами примѣровъ, мы для объясненія Ленскаго можемъ безъ труда набрать цѣлые десятки, болѣе и менѣе, сходныхъ образовъ: въ любыхъ запискахъ той эпохи, нѣтъ-нѣтъ, и мелькнетъ образъ какого-нибудь „нѣжнаго“ юноши-мечтателя съ идеальными порывами, съ кристальной душой... Но, думаемъ, и приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства нашего мнѣнія, что пушкинскій Ленскій выхваченъ изъ русской дѣйствительности, что типъ этотъ имѣетъ свою исторію до Пушкина и, прибавимъ въ заключеніе, не умеръ и послѣ нашего великаго художника, — въ самомъ дѣлѣ, развѣ московскій кружокъ поклонниковъ нѣмецкой философіи, собравшійся около Станкевича, не есть собраніе юношей, во многомъ сходныхъ съ Ленскимъ?...

Переходимъ теперь ко второму вопросу: „какимъ путемъ шло художественное воплощеніе этого типа?“ При разрѣшеніи этого вопроса мы наталкиваемся на интересную частность. Мы видѣли уже, что характеристика Ленскаго, сдѣланная Пушкинымъ, замѣчательно вѣрно рисуетъ типъ юноши „die schöne Seele“, — но то обстоятельство, что она одинаково приложима и къ Карамзину, и къ Жуковскому, и къ Одоевскому, и къ Аксакову и ко многимъ другимъ, — доказываетъ, что она черезчуръ обща, что Пушкинъ собралъ для своего Ленскаго все существенное, характерное для юноши-идеалиста, и съ этимъ пустилъ его въ свѣтъ... Вотъ почему передъ нами только коллективный типъ, нѣсколько туманный и отвлеченный... Этого, конечно, нельзя

сказать, напримѣръ, объ Онѣгинѣ и Татьянѣ: тамъ чувствуется живопись съ „натурщика"—здѣсь же этого нѣтъ: нѣтъ рѣзкаго штриха, который, копируя натуру, оживляетъ образъ, вноситъ въ него живыя черты случайности...

Такими же „коллективными" типами въ романѣ можно назвать отца Онѣгина, Лариныхъ,—въ старушкѣ же Филиппьевнѣ опять чувствуется „жизнь": незабвенная Арина Родіоновна припоминается каждому. *Сиповскій.*

Бытовыя и историческія картины въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ".

Въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ" Пушкинъ нашелъ прочную почву для своего творчества. Для современниковъ это было цѣлое открытіе: недоступный кругъ великосвѣтской жизни и типовъ открывался для читателей другихъ классовъ общества; разочарованнымъ передовымъ людямъ или самодовольнымъ представителямъ высшаго общества указывались ихъ больныя мѣста. Поэтъ открывалъ множество бытовыхъ и историческихъ картинъ и образовъ въ русской жизни: деревня и Москва, петербургскій свѣтъ и русскіе геттингенцы, москвичи въ гарольдовомъ плащѣ, безпечная жизнь съ удовольствіями изо дня въ день и кровавыя драмы съ дуэлями, тяжелыя драмы въ жизни безупречной русской женщины большого свѣта, отсутствіе примиряющей среды въ общихъ радостяхъ или въ общемъ горѣ. Здѣсь нѣтъ мѣста задушевнымъ лицейскимъ годовщинамъ, которыя бы соединяли питомцевъ стараго московскаго университета, не говоря о только что возникшихъ высшихъ заведеніяхъ при Александрѣ I; здѣсь нѣтъ рѣчи объ интересахъ дворянства, надъ которыми задумывался поэтъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ", въ „Родословной". Поэтъ успокаивается на общихъ красивыхъ картинахъ города, веселья крестьянскихъ простыхъ дѣтей на зимнихъ каткахъ-дорогахъ, веселья деревенскихъ святокъ, на отношеніяхъ деревенской барышни и няни. Здѣсь самая обыкновенная жизнь русскаго дворянскаго семейства въ разныхъ его типахъ, доступнаго, не гордаго,—можетъ быть, оттого, что мы не видимъ въ романѣ отношеній къ другимъ классамъ. Это, дѣйствительно, преданія русскаго семейства: всѣ дѣйствующія лица связаны только личными отношеніями. И эти личныя отношенія какъ будто стоятъ въ разрѣзъ съ мечтаніями молодыхъ героевъ: о легкомъ оброкѣ, о музахъ, о свободной любви. Поэтъ стоитъ выше и старой и новой Россіи въ ея представителяхъ. Это первыя серіозныя думы Пушкина о русскомъ обществѣ. Онъ вводитъ въ романъ и свои личныя впечатлѣнія, раздумья, увлеченія. Его герои—живыя лица современности: для нихъ время Наполеона уже прошлое. Онѣгинъ вступаетъ въ жизнь, когда уже умолкли военныя бури. Альбомъ Онѣгина, сохранившійся въ черновыхъ бумагахъ поэта, отразившійся въ его жизни, современенъ созданію самого романа, 1822—1831 годовъ.

И въ немъ, дѣйствительно, отразились черты времени, хотя бы въ слѣдующихъ замѣткахъ поэта:

I глава: А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
II глава: Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый...
Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
Его очаковской медалью.
III глава: Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ „Благонамѣреннымъ“ въ рукахъ.
IV глава: Въ избушкѣ распѣвая дѣва
Прядетъ и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.
V глава: Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины —
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны...
. . . .
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера.
. . . .
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней...
. . . .
Татьяна, по совѣту няни,
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
И я — при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно.
VI глава: Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
VII глава: Вотъ это барскій кабинетъ:
Здѣсь почивалъ онъ, кофей кушалъ;
Прикащика доклады слушалъ
И книжку поутру читалъ...
. . . .
И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками сжатыми крестомъ.
. . . .
И старый баринъ здѣсь живалъ.
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дураки.

Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!
. . . .
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Они пріѣхали теперь.
Имъ настежь отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ
Съ чулкомъ въ рукѣ, сѣдой калмыкъ.
Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ...
Къ ней какъ-то Вяземскій подсѣлъ
И душу ей занять успѣлъ.
VIII глава: Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малый...
. . . .
Сталъ вновь читать онъ безъ разбора:
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера Шамфора,
Madame de Stael, Бишо, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ творенья Фонтенеля,
Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ.

Въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ“ отразился и путь развитія самого поэта, выраженный имъ въ извѣстномъ поэтическомъ противоположеніи „тревогъ прошлыхъ лѣтъ“ съ безыменными страданіями, съ высокопарными мечтами — инымъ роднымъ картинамъ (III, 408—409). Какъ хороши эти отрывки „изъ путешествія Онѣгина“, не вошедшія въ великолѣпное художественно цѣлое романа. Если не сжимать содержанія его въ голую фабулу, въ оцѣнку дѣйствій героевъ, — если читать его, вникая въ каждую картину, въ каждое выраженіе, то невольно поражаешься вновь открываемыми красотами „Евгенія Онѣгина“: сжатой живописью природы, движеній чувства въ молодыхъ героях (особенно Татьяны), деревенской тишины и оживленнаго шума гостей — разнообразныхъ, типичныхъ. Уже по „Евгенію Онѣгину“ можно судить о силѣ таланта Пушкина: ему были равно доступны въ высшей степени и описанія, и выраженія чувствъ, и драматическія изображенія: трагическія и комическія (до насъ дошли случайные наброски комедіи). Мы приведемъ нѣсколько картинъ природы безподобныхъ въ отдѣльности и еще болѣе въ гармоніи съ настроеніями героевъ романа:

Но вотъ ужъ луннаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ яснѣетъ. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будитъ селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно
. . . .
Предъ нами лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ занесены
Глубоко въ снѣгъ погружены
. . . .
Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы.
Ужъ за рѣкой, дымясь, пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена
Татьяна долго шла одна;
Шла, шла, и вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.

Эти частности, ихъ поразительная вѣрность (напр. безподобная пѣсня дѣвушекъ или изображеніе адскихъ привидѣній во снѣ Татьяны), ихъ разнообразіе отъ столичнаго трактира на проселочной дорогѣ, задушевность въ ихъ описаніи, сообщаютъ „роману въ стихахъ“ Пушкина значеніе единственнаго въ исторіи русской литературы произведенія, не превзойденнаго никѣмъ изъ русскихъ писателей.

Владимировъ.

Общее содержаніе и построеніе „Капитанской дочки“.

Какою стройностью, какимъ изяществомъ и какою простотой отличается архитектура „Капитанской дочки!“ У Пушкина можно учиться, какъ слѣдуетъ составлять планъ романа, скрѣплять отдѣльныя части и вести повѣствованіе, не прибѣгая къ многословію, не вводя въ разсказъ ни одной лишней черты, но въ то же время не упуская изъ виду ничего существеннаго. „Капитанская дочка“ — образецъ художественнаго повѣствованія. Въ ней нѣтъ ни пробѣловъ ни плохо или слишкомъ сжато написанныхъ мѣстъ. Но въ ней также нѣтъ ни одного слова, ни одной сцены, ни одной подробности, которыя не оправдывались бы строжайшей необходимостью.

Первая глава вводитъ насъ въ безхитростный домашній бытъ дворянскаго гнѣзда конца прошлаго вѣка, знакомитъ съ старикомъ Гриневымъ и вообще съ той семейной обстановкой и съ той средой, подъ вліяніемъ которыхъ слагался нравственный обликъ такихъ людей, какъ молодой Гриневъ, — людей, инстинктивно державшихся прямыхъ дорогъ, несмотря ни на какія опасности и соблазны. Вся первая глава проникнута сочувствіемъ къ изображаемому въ ней быту. Авторъ не скрываетъ комичныхъ сторонъ стариковъ Гриневыхъ и Савельича, но у него такъ и проглядываетъ любовное отношеніе къ этимъ людямъ, благодаря чему родовая усадьба героя романа сразу дѣлается чѣмъ-то близкимъ и роднымъ читателю „Капитанской дочки“.

Вторая глава переноситъ насъ въ тотъ край и въ тотъ міръ, въ которыхъ разыгралась пугачевщина. Геніальная картина бурана и

сонъ Гринева служатъ какъ бы отдаленными предвѣстниками будущаго мятежа, этого, въ своемъ родѣ, политическаго и соціальнаго урагана. И эта картина и этотъ сонъ обличаютъ руку великаго мастера. Двѣ страницы, посвященныя метели,— верхъ совершенства по силѣ, образности, сжатости и живости языка.

Иносказательный разговоръ Пугачева съ хозяиномъ умета, предвѣщающій что-то недоброе въ близкомъ будущемъ; забавный споръ Савельича изъ-за заячьяго тулупа и изъ-за полтины денегъ — все это поистинѣ прекрасно. Таинственный вожатый, внушающій чувство страха и удивленія, навсегда и сразу врѣзывается въ память, несмотря на свои шутовскія прибаутки и неприглядную внѣшность пьяницы и бродяги, и вы не будете слишкомъ удивлены, когда встрѣтитесь съ нимъ, какъ властнымъ бунтовщикомъ и самозванцемъ.

Вторая глава, въ которой уже слышатся отдаленные глухіе раскаты пугачевской грозы, завершается появленіемъ аккуратнаго, степеннаго, расчетливаго и недальновиднаго оренбургскаго губернатора, нѣмца Рейнсдорпа. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ повѣсти, Рейнсдорпъ обрисованъ Пушкинымъ съ тонкимъ комизмомъ, наглядно выставляющимъ несостоятельность начальника края, ставшаго ареной цѣлаго ряда важныхъ и кровавыхъ событій.

Третья глава знакомитъ насъ съ внутреннею жизнью комендантскаго домика и со всѣми главными обитателями Бѣлогородской крѣпости,— одной изъ тѣхъ наивныхъ, совсѣмъ не страшныхъ „фортецій", на которыя пали первыя удары Пугачева. Эта глава насквозь пропитана комично-патріархальною служебною идилліей и является какъ бы ироническимъ отвѣтомъ на ожиданія стараго Гринева относительно плодотворности суровой военной службы на окраинѣ государства. Вмѣсто нея мы видимъ какую-то безобидно-кукольную игру престарѣлаго капитана Миронова въ солдатики и никѣмъ неоспариваемое бабье управленіе крѣпостью, захваченное въ свои руки энергичною Бавкидою этого Филемона. Бѣлогорская фортеція, съ ея мизернымъ гарнизономъ, состоящимъ изъ никуда негодныхъ инвалидовъ, и съ ея плутоватыми, мятежными казаками, ужъ, конечно, не могла дать отпора пугачевскому мятежу. Она могла противопоставить ему лишь героизмъ отдѣльныхъ личностей и ихъ нелицемѣрную вѣрность долгу даже до смерти, и только, но вотъ этотъ-то героизмъ и имѣлъ впослѣдствіи на молодого Гринева то великое воспитательное вліяніе, котораго добивался старый Гриневъ для своего сына.

Первыя три главы составляютъ какъ бы *введеніе* въ романъ. Въ нихъ введены всѣ главныя дѣйствующія лица, но читатель еще не можетъ дать себѣ отчета, зачѣмъ они нужны автору, и какъ онъ ими воспользуется. Все повѣствованіе носитъ покамѣстъ чисто эпизодическій, отрывочный характеръ. Значеніе каждаго слова, каждой подробности первыхъ трехъ главъ выясняется лишь мало-по-малу изъ дальнѣйшихъ главъ.

Четвертая и пятая главы („Поединокъ" и „Любовь") составляютъ отдѣльную, въ себѣ замкнутую, часть романа — разсказъ о сближеніи

Гринева съ Марьей Ивановной, о зависти и ревности Швабрина, о дуэли изъ-за капитанской дочки, о сватовствѣ Гринева, о несогласіи Андрея Петровича на задуманный сыномъ бракъ и о другихъ, повидимому, непреодолимыхъ препятствіяхъ къ благополучной развязкѣ романа двухъ молодыхъ людей.

Изъ этихъ главъ мы уже хорошо узнаемъ и возвышенную, любящую натуру Марьи Ивановны, и низкій нравъ Швабрина, и благородный, пылкій нравъ молодого Гринева. Тутъ же, попутно, дорисовывается своеобразный бытъ старосвѣтскихъ обитателей Бѣлогорской крѣпости, при чёмъ каждая мелочь повѣствованія носитъ отпечатокъ геніальности. Простодушныя и грубоватыя, но, въ сущности, вѣрныя и мѣткія разсужденія Ивана Игнатьевича о поединкахъ, расправа Василисы Егоровны съ провинившимися офицерами, любовные стишки Гринева въ третьяковскомъ стилѣ, письмо его къ Савельичу и простодушный отвѣтъ послѣдняго — все это верхъ совершенства по глубокому пониманію дѣйствительности, по колоритности языка и по свѣтлому, чисто пушкинскому юмору. Превосходны также и всѣ тѣ сцены, въ которыхъ участвуетъ Марья Ивановна. Всѣ ея слова и дѣйствія такъ и дышатъ чарующею прелестью непорочной души.

„Духъ мой упалъ", говоритъ Гриневъ въ концѣ пятой главы. „Я боялся или сойти съ ума, или удариться въ распутство. Неожиданныя происшествія, имѣвшія важное вліяніе на всю мою жизнь, дали вдругъ моей душѣ сильное и благое потрясеніе".

Этими словами завершается пятая глава, которую, вмѣстѣ съ четвертою главою, можно назвать *первой частью* „Капитанской дочки". Читатель не видитъ никакого выхода для Марьи Ивановны и ея милаго изъ того положенія, въ которомъ они очутились, благодаря доносу Швабрина и предубѣжденію стараго Гринева противъ дочери капитана Миронова. Но вотъ тутъ-то и выступаютъ на сцену Пугачевъ и пугачевщина, дѣлающіе невозможное возможнымъ и самымъ неожиданнымъ и причудливымъ, но въ то же время и естественнымъ образомъ содѣйствующіе неразрывному сближенію Гринева съ Марьей Ивановной. Картины мятежа введены въ романъ не произвольно, не въ видѣ придатка, безъ котораго можно было бы обойтись, а въ силу неизбѣжной послѣдовательности. Онѣ такъ тѣсно сплетены въ одно неразрывное цѣлое съ фабулой повѣсти, онѣ служатъ такимъ необходимымъ связующимъ звеномъ ея начала и конца, что автору, какъ кажется читателю, не нужно было большой изобрѣтательности, чтобы натолкнуться на мысль объ этихъ картинахъ: онѣ, если можно такъ выразиться, сами напрашивались подъ руку. Но въ этомъ-то и сказалось все мастерство Пушкина въ дѣлѣ художественнаго повѣствованія. Эпизодъ съ заячьимъ тулупомъ, положенный въ основу романа, есть не что иное, какъ вымышленный анекдотъ. Но какъ воспользовался поэтъ этимъ анекдотомъ! Съ какимъ искусствомъ онъ положилъ его въ основу своей повѣсти! Эпизодъ съ заячьимъ тулупомъ въ „Капитанской дочкѣ" то же самое, что основная тема въ какой-нибудь

симфоніи Бетховена, — тема, которая то и дѣло повторяется и видоизмѣняется на всѣ лады, постоянно напоминая о себѣ, какъ о главной нити композиціи. Что, если бы до появленія „Капитанской дочки“ какое-нибудь литературное общество предложило написать на конкурсъ романъ или разсказъ, въ которомъ Пугачевъ являлся бы добрымъ геніемъ, спасителемъ и покровителемъ молодого офицера, честно исполнявшаго свой долгъ въ теченіе всего мятежа и мужественно отвергавшаго всѣ предложенія самозванца? Всѣ сказали бы, что эту задачу нельзя исполнить безъ явныхъ натяжекъ и хитросплетенной сѣти неправдоподобныхъ происшествій. Пушкинъ рѣшилъ эту задачу просто и безъ всякихъ психологическихъ и повѣствовательныхъ скачковъ. Фабула его романа поддерживаетъ въ читателѣ неослабленный интересъ поразительнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строго послѣдовательнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ. Читая „Капитанскую дочку“ въ первый разъ, каждый изъ насъ испытывалъ захватывающее любопытство. Предугадать ходъ ея событій по нѣсколькимъ начальнымъ главамъ нѣтъ никакой возможности: до самаго конца вы переходите отъ неожиданности къ неожиданности, и въ то же время чувствуете, что всѣ эти столь странныя событія, описываемыя поэтомъ, сами собой вытекаютъ изъ общаго замысла и не только не представляютъ ничего неправдоподобнаго, а напротивъ того, производятъ впечатлѣніе чего-то неизбѣжнаго. Такимъ образомъ Пушкинъ блестящимъ образомъ достигъ цѣли каждаго романиста. Онъ сумѣлъ объединить въ одно стройное цѣлое внѣшнюю занимательность съ бытовой и психологической правдой.

Девять главъ (VI—XIV), посвященныхъ пугачевщинѣ, составляютъ какъ бы *вторую*, въ себѣ замкнутую часть „Капитанской дочки“, неразрывно связанную вмѣстѣ съ тѣмъ съ предшествующими главами и заключительной главой романа. Пугачевъ является во всѣхъ этихъ главахъ, за исключеніемъ шестой и десятой. Передъ глазами читателя происходитъ и глухое броженіе среди казаковъ Бѣлогорской крѣпости, предшествовавшее ихъ открытой измѣнѣ и служившее отголоскомъ разгоравшагося мятежа, и взятіе „фортеціи“ самозванцемъ, дающее наглядное представленіе, какъ совершались и чѣмъ объяснялись первыя побѣды Пугачева. Поэтъ знакомитъ насъ съ Пугачевымъ и какъ съ предводителемъ возстанія, и какъ съ грознымъ палачомъ вѣрныхъ слугъ царицы, и какъ съ атаманомъ разбойничьей шайки, пирующимъ съ своими „енералами“, и, наконецъ, какъ съ защитникомъ и покровителемъ несчастной, гонимой Швабринымъ, Марьи Ивановны. „Капитанская дочка“ даетъ рядъ чудныхъ иллюстрацій къ исторіи Пугачевскаго бунта или, вѣрнѣе сказать, къ исторіи его начальнаго періода, который описывается во второй и третьей главахъ Пушкинской монографіи.

О событіяхъ второй половины пугачевщины въ „Капитанской дочкѣ“ упоминается лишь вскользь.

Чернаевъ.

Герои и героини „Капитанской дочки“.

Старый Гриневъ — одно изъ замѣчательнѣйшихъ и типичнѣйшихъ лицъ въ нашей литературѣ, несмотря на то, что ему отведено въ „Капитанской дочкѣ“ второстепенное мѣсто и что онъ обрисованъ авторомъ немногими, хотя и геніальными чертами. Андрей Петровичъ — это яркій представитель лучшей части нашего помѣстнаго дворянства, организованнаго и воспитаннаго Петромъ Великимъ въ суровой школѣ военныхъ походовъ и иныхъ „несносныхъ трудовъ“ и жертвъ, которыми строилась и крѣпла его имперія. Всмотритесь и вдумайтесь въ старика Гринева, и вы поймете душевный складъ, міросозерцаніе, семейный бытъ и идеалы многочисленныхъ подвижниковъ Петра Великаго изъ дворянъ, имена которыхъ не сохранились въ исторіи, но которые, тѣмъ не менѣе, въ значительной степени, вынесли на своихъ плечахъ всѣ тяготы эпохи преобразованія и слѣдовавшихъ за нею царствованій.

Прежде чѣмъ приступить къ анализу характера и образа мыслей Андрея Петровича, остановимся на его генеалогіи и служебномъ прошломъ.

Пращуръ Гринева „умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ святыней совѣсти“. Когда именно это произошло, изъ „Капитанской дочки“ не видно; по всей вѣроятности, при Іоаннѣ Грозномъ. Отецъ стараго Гринева пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Изъ всего этого нужно сдѣлать заключеніе, что Петръ Андреевичъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, игравшему не послѣднюю роль въ исторіи и не разъ навлекавшему на себя опалы, благодаря своей прямотѣ и неумѣнью подлаживаться къ обстоятельствамъ.

Старый Гриневъ вышелъ въ отставку премьеръ-майоромъ; чинъ премьеръ-майора былъ по счету шестымъ офицерскимъ чиномъ („Дворянство въ Россіи“ Романовича-Славатинскаго, стран. 220), и былъ данъ Андрею Петровичу, по общему правилу, при оставленіи службы.

Пушкинъ не скрываетъ темныхъ сторонъ стараго Гринева: его самовластныхъ привычекъ, его суроваго, нѣсколько деспотическаго обращенія съ семьей и съ крестьянами, его наивнаго и невѣжественнаго взгляда на просвѣщеніе и науку, благодаря которому онъ могъ принять за образованнаго педагога даже Бопре. Всѣ эти недостатки сглаживаются здравымъ смысломъ Гринева, его практическимъ умомъ, его умѣньемъ повелѣвать, его способностью крѣпко держать въ рукахъ и свои семейныя дѣла и несложныя хозяйственныя и административныя дѣла своей деревни. Какъ мужъ, отецъ и помѣщикъ, Гриневъ мало отличался отъ своихъ предковъ, хотя и завелъ въ домѣ учителя-француза. Онъ унаслѣдовалъ ихъ патріархальный взглядъ и неизмѣнно руководствовался имъ въ жизни. Онъ былъ грознымъ властелиномъ жены, хотя любилъ и уважалъ ее по-своему и ужъ, конечно, никому

не далъ бы ее въ обиду. Онъ заботливо относился къ участи своего сына, но былъ далекъ, въ отношеніи къ нему, отъ всякой сентиментальности. По всей вѣроятности, крестьяне не имѣли основанія жаловаться на него, хотя, разумѣется, онъ ужъ никоимъ образомъ не потакалъ ихъ слабостямъ и не склоненъ былъ довольствоваться ролью добраго барина, живущаго исключительно для своихъ „мужичковъ". Онъ, безъ сомнѣнія, высоко ставилъ себя надъ *чернымъ* народомъ и невольно относился съ нѣкоторымъ презрѣніемъ даже къ вѣрному Савельичу, въ твердомъ убѣжденіи, что между „подлыми" людьми и „бѣлой костью" лежитъ непроходимая бездна. Но неспроста тотъ же самый Савельичъ такъ искренно любилъ своего строгаго господина: подъ его суровой внѣшностью онъ умѣлъ разглядѣть и понять и справедливое отношеніе къ нуждамъ крестьянъ и неподдѣльное сочувствіе къ ихъ радостямъ и горю. Къ тому же, Савельичъ и другіе „подданные" стараго Гринева, несмотря на почтительность, которую они должны были высказывать своему барину, прекрасно понимали, что они близкіе ему люди, ибо они были съ Гриневымъ одного поля ягоды. Ихъ взгляды, понятія, вкусы, привычки — все это во многомъ совпадало, а потому и суровое, но толковое управленіе Андрея Петровича не тяготило, какъ не тяготитъ дѣтей строгая, но разумная власть отца.

Одна изъ главныхъ особенностей стараго Гринева — чувство собственнаго достоинства, вытекающее у него изъ глубокаго и крѣпко засѣвшаго уваженія къ предкамъ и званію дворянина. Гриневъ никогда не забываетъ о своемъ дворянскомъ происхожденіи и о своей связи со всѣмъ родомъ Гриневыхъ. Его сословная и родовая гордость не пустая спесь и не смѣшной предразсудокъ, а путеводная нить, при помощи которой онъ выходитъ изъ всѣхъ житейскихъ испытаній, не утрачивая самообладанія. Эта гордость дѣлаетъ его выносливымъ въ трудныя минуты, облагораживаетъ его стремленія и временами возвышаетъ до истиннаго героизма. Воспоминанія о пращурѣ, казненномъ при Іоаннѣ Грозномъ за правое дѣло, и объ отцѣ, погибшемъ при Биронѣ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ, — вотъ что составляетъ предметъ гордости стараго Гринева. Онъ равнодушно, даже нѣсколько высокомѣрно, относится къ близкому родству съ вліятельнымъ и блестящимъ майоромъ гвардіи, офицеромъ семеновскаго полка, княземъ Б., но онъ въ высшей степени дорожитъ принадлежностью къ старому, честному дворянскому роду, запечатлѣвшему кровью вѣрность долгу и чести.

Честь и нелицемѣрная преданность престолу и родинѣ, — вотъ къ чему сводится весь нравственный кодексъ стараго Гринева. Воспитавшись въ школѣ, созданной преобразователемъ, Гриневъ усвоилъ себѣ самый возвышенный взглядъ на значеніе царской службы. Онъ видѣлъ въ ней не путь къ наживѣ и карьерѣ, а священный долгъ каждаго дворянина и средство къ выработкѣ ума и характера молодого человѣка. Никѣмъ не побуждаемый, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ

освобожденія дворянъ отъ обязательной службы, онъ, по собственному почину, отправляетъ сына на дальнюю окраину понюхать пороху и тянуть невеселую армейскую лямку. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что пребываніе въ Оренбургской крѣпости принесетъ его сыну громадную пользу и превратитъ его изъ недоросля, маменькина сынка, въ человѣка долга и серіознаго взгляда на жизнь. Когда Гриневъ узнаетъ объ обвинительномъ приговорѣ императрицы надъ его сыномъ, онъ приходитъ въ отчаяніе не потому, что сынъ оказался въ числѣ опальныхъ, а потому, что онъ былъ признанъ измѣнникомъ, нарушившимъ присягу и перешедшимъ на сторону Пугачева. Не горькая участь сына, а его мнимая низость, — вотъ что убивало стараго Гринева. Онъ справился бы съ своимъ горемъ, если бы его сынъ поплатился жизнью, отстаивая правое, святое дѣло, но онъ никогда не могъ бы примириться съ подлымъ поступкомъ сына, хотя бы этотъ поступокъ и не повлекъ за собою никакого наказанія. Кто не помнитъ прекрасныхъ словъ стараго Гринева, произнесенныхъ послѣ того, какъ онъ узналъ, что императрица, изъ уваженія къ его заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ, помиловала его мнимо-преступнаго сына и, избавивъ его отъ позорной казни, повелѣла сослать въ Сибирь на поселеніе. „Какъ! повторялъ, выходя изъ себя Андрей Петровичъ: сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ святыней совѣсти, отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками и убійцами, съ бѣглыми холопьями!... Стыдъ и срамъ нашему роду!...“ Въ этихъ словахъ сказывается и печаль отца и доблесть гражданина; они проливаютъ яркій свѣтъ на стараго Гринева и привлекаютъ къ нему наше сочувствіе. Эти слова доказываютъ, что Гриневъ, въ случаѣ надобности, не остановился бы для спасенія родины передъ самыми тяжелыми жертвами, и что его преданность Россіи, коронѣ и долгу была не пустымъ звукомъ, а несокрушимымъ убѣжденіемъ. Если бы судьба столкнула его съ Пугачевымъ, онъ умеръ бы такою же прекрасной смертью, какъ и капитанъ Мироновъ.

Глубоко знаменательными являются наставленія, которыя даетъ Андрей Петровичъ сыну при отъѣздѣ на прощанье: „Служи вѣрно, кому присягнешь: на службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся; не гоняйся за лаской начальника; береги платье съ нову, а честь смолоду“.

Каждое изъ этихъ четырехъ правилъ составляетъ основной догматъ личной морали Гринева, и въ нихъ, какъ нельзя лучше, отражается весь его нравственный обликъ.

„Служи вѣрно, кому присягнешь“. Чтобы понять цѣль, съ которою старый Гриневъ говорилъ это своему сыну, нужно имѣть въ виду время, когда совершаются событія „Капитанской дочки“. То было время дворцовыхъ переворотовъ, неожиданныхъ возвышеній и столь же

неожиданныхъ паденій; то было смутное время, когда у русскихъ людей еще были въ памяти и присяга Іоанну VI, уничтоженная присягой Елисаветѣ Петровнѣ, и присяга Петру III, уничтоженная присягой Екатеринѣ II. Гриневъ видѣлъ въ присягѣ не простой обрядъ, не одну формальность, а дѣло великое и святое, имѣющее рѣшающее значеніе въ жизни. Смыслъ его наставленія таковъ: „Будь вѣренъ тому, кому поклянешься служить. Не думай, что можно играть присягой. Если для соблюденія ея окажется нужнымъ пожертвовать собою, — ни передъ чѣмъ не останавливайся. Лучше провести свой вѣкъ въ нищетѣ, лучше погибнуть въ Сибири или на плахѣ, чѣмъ запятнать себя измѣной и клятвопреступленіемъ“.

„Слушайся начальниковъ, за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся“. И въ этихъ наставленіяхъ старый Гриневъ остался себѣ вѣренъ. Посылая сына на службу, онъ стремился не къ тому, чтобы тотъ попалъ въ „случайные“ люди, нахваталъ всякими правдами и неправдами чиновъ и орденовъ. Гриневъ, конечно, считалъ бы себя счастливымъ, если бы его сынъ выдѣлился изъ ряда вонъ своими заслугами, но онъ не хотѣлъ видѣть его среди искателей, пролагающихъ себѣ дорогу къ почестямъ посредствомъ покровительства разныхъ „милостивцевъ“. Онъ внушаетъ сыну прежде всего строгое исполненіе долга. Своими только что приведенными наставленіями, онъ желаетъ сказать вотъ что: „Не старайся избѣгать трудныхъ и опасныхъ порученій и ставь исполненіе служебныхъ обязанностей выше соображеній о карьерѣ и расположенія людей, власть имущихъ. Умѣй жертвовать собою, если того потребуетъ служба; но не бросайся въ опасности, очертя голову. Будь храбрымъ, но не будь искателемъ приключеній, не будь выскочкой и не унижайся до происковъ и лести“. „Береги честь смолоду“[1]). Въ этомъ послѣднемъ и главномъ правилѣ Гринева объединяются всѣ его наставленія. Честь — это его святыня и сокровище, которымъ онъ дорожитъ всего болѣе и которое онъ совѣтуетъ сыну блюсти отъ молодыхъ ногтей. Честь — главный двигатель всѣхъ чувствъ и поступковъ Гринева. Руководствуясь всегда и во всемъ честью, онъ умѣлъ цѣнить ее и въ другихъ. Когда къ нему пріѣзжаетъ въ домъ Марья Ивановна, онъ, несмотря на все свое предубѣжденіе противъ дѣвушки, на которой его сынъ самовольно задумалъ жениться, радушно встрѣчаетъ бѣдную сироту, какъ только узнаетъ, что ея отецъ былъ повѣшенъ Пугачевымъ и всенародно обличалъ его въ самозванствѣ. Исповѣдуя культъ чести, какъ вѣрности служебному и сословному долгу, старый Гриневъ невольно и безсознательно привилъ этотъ культъ своему сыну и тѣмъ самымъ спасъ его отъ паденія и ошибокъ въ Бѣлогорской крѣпости и при столкновеніи съ Пугачевымъ. Молодой Гриневъ —

---

[1]) Кромѣ пословицы о чести, которую приводитъ Гриневъ, и ея варіанта: „береги честь смолоду, а здоровье подъ старость“, есть еще нѣсколько прекрасныхъ русскихъ пословицъ о чести: „за честь (за стыдъ) голова гинетъ“ (погибаетъ) „за честь — хоть голову съ плечъ“ (хоть голову снесть); „за совѣсть да за честь — хоть голову снесть“ (Даль, I. 374).

плоть отъ плоти и кость отъ кости своего отца, и вотъ почему Пушкинъ поставилъ эпиграфомъ къ своему роману пословицу, которою завершаетъ старый Гриневъ наставленія сыну: „Береги честь смолоду“. Нравственный смыслъ „Капитанской дочки“ сводится именно къ этому совѣту.

Жена стараго Гринева оставлена Пушкинымъ въ тѣни. Она является въ романѣ не какъ вполнѣ обрисованный характеръ, а какъ мастерски набросанный силуэтъ. Эта добрая, недалекая и нѣсколько забитая женщина, привыкшая безропотно повиноваться мужу и всецѣло преданная семьѣ и домашнему хозяйству, всѣмъ знакомый типъ старининаго быта, сквозь простодушно-комичныя черты котораго ясно проглядываетъ нѣжная природа любящей и домовитой матери, умѣвшей внушить сыну и Савельичу глубокое уваженіе и теплую привязанность. Приведя въ своихъ запискахъ грозное письмо отъ отца, Петръ Андреевичъ говоритъ: „жестокія выраженія, на которыя батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебреженіе, съ какимъ онъ упоминалъ о Марьѣ Ивановнѣ, казалось мнѣ столь же непристойнымъ, какъ и несправедливымъ. Мысль о переведеніи моемъ изъ Бѣлогорской крѣпости меня ужасала; *но всего болѣе огорчило меня извѣстіе о болѣзни матери*“. Если извѣстіе о болѣзни Авдотьи Васильевны взволновало Петра Андреевича больше, чѣмъ мысль о разлукѣ съ любимой дѣвушкой, значитъ, онъ искренно и нѣжно любилъ свою мать. Савельичъ пишетъ по поводу болѣзни старухи Гриневой Андрею Петровичу вотъ что: „я жъ про рану Петра Андреевича ничего къ вамъ не писалъ, чтобъ не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильева, и такъ съ испуга слегла, и за ея здоровье Бога буду молить“. Задушевность, съ которою Савельичъ упоминаетъ объ Авдотьѣ Васильевнѣ доказываетъ, что онъ не безъ основанія называлъ ее матерью крестьянъ: вѣроятно имъ не разъ приходилось убѣждаться на опытѣ въ ея добромъ сердцѣ и прибѣгать къ ея помощи и защитѣ въ трудныя минуты жизни. Потерявъ восемь душъ дѣтей [1]), Авдотья Васильевна сосредоточила всю материнскую любовь на своемъ единственномъ, въ живыхъ оставшемся сынѣ, а впослѣдствіи и на его невѣстѣ, Марьѣ Ивановнѣ. Нечего и говорить, что Авдотья Васильевна была нѣжнѣйшею изъ нѣжнѣйшихъ бабушекъ, когда она дождалась внуковъ и внучекъ.

[1]) Петръ Андреевичъ Гриневъ въ самомъ началѣ своихъ записокъ говоритъ: „Насъ было девять человѣкъ дѣтей. Всѣ мои братья и сестры умерли въ младенчествѣ“. Отмѣчая эти подробности, Пушкинъ хотѣлъ быть вѣрнымъ дѣйствительности. Какъ извѣстно, встарину смертность между дѣтьми была ужасающая. Екатерина Великая не безъ наивности писала въ своемъ „Наказѣ“ (§ 256): „мужики большею частью имѣютъ по двѣнадцати, пятнадцати и до двадцати дѣтей изъ одного супружества; однако, рѣдко и четвертая часть оныхъ приходитъ въ совершенный возрастъ. Чего для непремѣнно долженъ тутъ быть какой-нибудь порокъ или въ пищѣ, или въ образѣ ихъ жизни, или въ воспитаніи, который причиняетъ гибель сей надеждѣ государства“. Явленіе, которое такъ поражало императрицу Екатерину среди крестьянъ, существовало въ прежнія времена, благодаря первобытному ходу за дѣтьми, отсутствію врачебной помощи и другимъ причинамъ, и въ дворянской средѣ.

Молодой Гриневъ такой же типичный представитель русскаго дворянства XVIII вѣка, какъ и Андрей Петровичъ. Различіе между ними сводится къ различію между отцами и дѣтьми, къ различію двухъ смежныхъ поколѣній. Между обоими Гриневыми много общаго, но Гриневъ-сынъ уже не носитъ отпечатка той суровости и простоты нравовъ, которыми отличается его отецъ. Онъ уже не приметъ какого-нибудь Бопре за человѣка, свѣдущаго во всѣхъ наукахъ. Гриневъ-отецъ съ великимъ трудомъ могъ написать дѣловое письмо, а его сынъ занимался литературой и оставилъ въ назиданіе потомству „семейственныя записки". У Петра Андреевича уже не было самовластныхъ привычекъ его отца. Вѣкъ Екатерины II наложилъ на него свой отпечатокъ и придалъ его нравственной физіономіи, въ связи съ воспитаніемъ и съ нѣкоторыми событіями жизни, тѣ особенности, которыя его отличаютъ отъ Гринева-отца. Отъ отца Петръ Андреевичъ унаслѣдовалъ и безсознательно перенялъ мужество, твердость, сознаніе долга, чувство чести и умѣнье повелѣвать. Но на немъ сказалось и вліяніе его доброй и нѣжной матери. Въ немъ нѣтъ ни дряблости ни сентиментальности; но его характеръ гораздо мягче отцовскаго. Пушкинъ не описываетъ семейной жизни Петра Андреевича, — но кто и самъ не догадается, что онъ рѣзко отличался отъ семейной жизни Андрея Петровича, что Гриневъ-сынъ уже не такъ смотрѣлъ на жену, какъ Гриневъ-отецъ на Авдотью Васильеву, и Марья Ивановна, несмотря на свою кротость, пользовалась, какъ жена и мать, несравненно бо́льшимъ значеніемъ, чѣмъ старуха Гринева. Въ молодости Андрея Петровича былъ невозможенъ такой романъ, какой пережилъ его сынъ. Тѣ тонкія и сложныя чувства, которыя столь часто волновали душу Петра Андреевича, были непонятны его отцу. Молодой Гриневъ соединялъ въ себѣ хорошія качества своихъ родителей, и эти качества развивались въ немъ подъ вліяніемъ хотя и незатѣйливаго, но благопріятнаго для него домашняго быта, въ которомъ не послѣднюю роль играло вліяніе добродушнаго, безкорыстно преданнаго дядьки Савельича. Юноша, выросшій, подобно Гриневу, подъ яблонями, между скирдами и природой, въ гигіенически и нравственно здоровой атмосферѣ, не могъ не впитать въ себя съ самаго дѣтства много хорошаго. Ему не могъ повредить даже легкомысленный Бопре. Да вѣдь и Бопре, собственно говоря, несмотря на всѣ свои недостатки, былъ добрый малый.

Житейская школа, пройденная Петромъ Андреевичемъ въ началѣ его службы, какъ нельзя лучше способствовала развитію тѣхъ добрыхъ задатковъ, которые ему дала семья, выпустившая его въ свѣтъ неиспорченнымъ, крѣпкимъ и сильнымъ юношей.

Петръ Андреевичъ говоритъ о своихъ ученическихъ годахъ шутливымъ тономъ, какъ и подобаетъ человѣку, сдѣлавшемуся образованнымъ, благодаря самому себѣ, и прекрасно понимающему пробѣлы своего воспитанія. Петръ Андреевичъ отзывается о немъ безъ горечи, съ добродушнымъ юморомъ, ибо въ прежнія времена не онъ одинъ, а всѣ дворяне, за весьма немногими счастливыми исключеніями, учи-

лись если и не на мѣдныя деньги, то весьма немного. Было бы, однако, опрометчиво судить о томъ, что дала Гриневу семья, по первой главѣ его воспоминаній. Правда, онъ росъ дома недорослемъ, лазя по голубятнямъ и играя въ чехарду съ дворовыми мальчишками, но онъ вступалъ въ жизнь уже вовсе не такимъ невѣжественнымъ, какъ можно предполагать, принимая за чистую монету все, что онъ говорить о своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ въ первой главѣ романа. Поступая на службу, онъ умѣлъ читать и писать и настолько владѣлъ русскимъ языкомъ, что, безъ всякой посторонней помощи, могъ писать стихи.

Гриневъ зналъ не много, но онъ былъ уменъ и любознателенъ, воспріимчивъ и, познакомившись со Швабринымъ, пользуется запасомъ его французскихъ книгъ, съ жадностью читаетъ и перечитываетъ ихъ, а затѣмъ и самъ начинаетъ пробовать свои силы по части переводовъ и сочинительства. Писательскій недугъ былъ свойственъ нашихъ самоучкамъ прошлаго столѣтія, и Гриневъ занималъ между ними не послѣднее мѣсто; не даромъ его стихи удостоивались похвалъ самого Сумарокова: для своего времени они были, дѣйствительно, недурны. Элегія Петра Андреевича „Мысль любовну истребляя“ — пародія на піитъ XVIII вѣка, — такая же пародія, какъ „Ода Его Сіятельству графу Хвостову“ („Султанъ ярится“) и „Лѣтопись села Горохина“, — прелестная пародія, не заключающая въ себѣ ни фальши ни шаржа, которую съ удовольствіемъ напечатали бы у себя издатели журналовъ „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма“.

Молодой Гриневъ всею своею жизнью доказалъ, что онъ усвоилъ себѣ основное правило отцовской морали: „береги честь смолоду“. Въ его жизни были промахи и увлеченія, но не было поступковъ, за которые ему приходилось бы краснѣть на старости лѣтъ и въ которыхъ ему тяжело было бы впослѣдствіи сознаться. Онъ строго осуждаетъ свое поведеніе въ симбирскомъ трактирѣ, гдѣ онъ держалъ себя, какъ мальчишка, вырвавшійся на волю. Но если принять во вниманіе, что ему не было въ то время и семнадцати лѣтъ, и что встрѣча съ Зуринымъ была дебютомъ его самостоятельности на житейскомъ поприщѣ, то нужно быть уже черезчуръ суровымъ ригористомъ, чтобы усмотрѣть въ проигрышѣ и попойкѣ пылкаго юноши что-нибудь особенно предосудительное. Такіе случаи бывали со всѣми, не исключая самыхъ выдающихся людей. Но уже въ симбирскомъ трактирѣ сказались три хорошія основныя черты характера Гринева: его умѣнье жить своимъ умомъ, его доброта и его благородство. Проигравъ значительную для себя сумму Зурину и прекрасно понимая, что Зуринъ игралъ не совсѣмъ чисто, Гриневъ немедленно расплачивается съ нимъ и съ негодованіемъ отвергаетъ наивное предложеніе Савельича ускользнуть куда-нибудь отъ денежнаго расчета. Когда Савельичъ отказывается выдать сто рублей, Гриневъ рѣшительно и круто обрываетъ его и разъ навсегда опредѣляетъ свои отношенія къ дядькѣ, какъ отношенія господина къ слугѣ. Онъ дѣлаетъ это, однако, не безъ внутренней борьбы, ибо искренно любитъ Савельича. Вотъ побужденія, въ силу

которыхъ Петръ Андреевичъ заговорилъ съ Савельичемъ строгимъ и властнымъ тономъ, и, нужно отдать ему справедливость, онъ употреблялъ этотъ тонъ лишь тогда, когда простодушный дядька предлагалъ ему нѣчто, дѣйствительно, несообразное. Савельичъ бывалъ въ такихъ случаяхъ правъ съ своей точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія сохраненія барскаго добра и барской шеи, — но Гриневъ тоже былъ правъ, ибо его представленія о чести были совсѣмъ иныя, чѣмъ у Савельича. Поставивъ на своемъ, Гриневъ сознаетъ, однако, что поступилъ въ Симбирскѣ дурно и „выѣхалъ изъ него съ безпокойною совѣстью и безмолвнымъ раскаяніемъ“. Онъ чувствуетъ себя виноватымъ передъ Савельичемъ и, послѣ нѣкотораго колебанія, проситъ у него прощенія. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, Петръ Андреевичъ остался вѣренъ привязанности къ Савельичу и желанію сохранить за собою самостоятельность, и можно только удивляться тому такту, съ какимъ юный Гриневъ велъ себя со своимъ дядькой: и въ Симбирскѣ, и на постояломъ дворѣ при столкновеніи изъ-за заячьяго тулупа, и впослѣдствіи онъ умѣлъ держать Савельича въ должномъ повиновеніи, не нарушая въ своихъ отношеніяхъ къ нему ни того довѣрія ни той искренности, съ которыми онъ относился къ нему съ самаго дѣтства. Савельичъ былъ добрымъ слугой своего господина, и его господинъ передъ нимъ не оставался въ долгу. Вспомнимъ хотя бы ту сцену, въ которой онъ проситъ своего дядьку отвезти Марью Ивановну въ деревню къ старикамъ Гриневымъ.

— Другъ ты мой, Архипъ Савельевичъ! Не откажи, будь мнѣ благодѣтелемъ; въ прислугѣ я нуждаться не стану, а не буду споконъ, если Марья Ивановна поѣдетъ дорогой безъ тебя.

Вотъ какимъ языкомъ говорилъ Гриневъ съ своимъ дядькой въ самыя важныя минуты своей жизни!

Въ Бѣлогорской крѣпости молодой Гриневъ сталкивается со Швабринымъ и, несмотря на то, что Швабринъ и старше и гораздо опытнѣе, держитъ себя съ нимъ, какъ равный съ равнымъ. Недостатокъ жизненнаго опыта повелъ къ тому, что Гриневъ не понялъ Швабрина сразу и обращался съ нимъ такъ же довѣрчиво, какъ со всѣми другими. Только съ теченіемъ времени онъ сталъ смутно догадываться, что Швабринъ дурной человѣкъ и что отъ него слѣдовало бы стоять подальше. Несмотря на то, онъ продолжалъ откровенничать съ нимъ и нежданонегаданно нарвался на дерзкую выходку, оскорбительную для любимой дѣвушки. Дуэль съ Швабринымъ впервые показываетъ намъ Гринева, какъ мужественнаго и рыцарски благороднаго юношу. Дуэль была, конечно, важнымъ событіемъ въ жизни Гринева, но и она не раскрыла ему глазъ на Швабрина, хотя Марья Ивановна дала ему понять, что выходка Швабрина была не только грубою, непристойною насмѣшкой, но и низкою обдуманною клеветой. Когда Гриневъ оправился отъ раны и когда къ нему явился Швабринъ съ своими извиненіями, онъ искренно простилъ его, объясняя себѣ его клевету досадой оскорбленнаго самолюбія и отвергнутой любви. Онъ окончательно отшатнулся отъ

Швабрина только тогда, когда убѣдился, что Швабринъ написалъ на него доносъ отцу. Отношенія Гринева къ Швабрину обрисовываютъ Петра Андреевича, какъ не особенно проницательнаго, неопытнаго, но прямого, искренняго, довѣрчиваго, смѣлаго и незлопамятнаго юношу, способнаго на месть въ минуты гнѣва и всегда готоваго проявить великодушіе по отношенію къ наказанному врагу. Той чуткости сердца, которою отличается Марья Ивановна, и которая помогала ей инстинктомъ отгадывать людей, у него не было. Столкновеніе со Швабринымъ было для него своего рода школой пониманія людей. Понявъ Швабрина, Гриневъ по прежнему относился къ нему по-рыцарски. Описывая свой отъѣздъ изъ Бѣлогорской крѣпости вмѣстѣ съ Марьей Ивановной, вырванной изъ рукъ Швабрина, Гриневъ говоритъ: „У окошка комендантскаго дома я видѣлъ стоящаго Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотѣлъ торжествовать надъ уничтоженнымъ врагомъ и обратилъ глаза въ сторону“. Эта черта даетъ ясное понятіе о благородномъ сердцѣ Гринева, никогда и ни при какихъ условіяхъ не утрачивавшаго чувства утонченнаго великодушія.

Любовь къ Марьѣ Ивановнѣ и знакомство съ добрымъ и почтеннымъ семействомъ капитана Миронова имѣли на Гринева самое благотворное вліяніе. Въ его натурѣ не было такой глубины, какою отличалась натура его невѣсты. Марья Ивановна была дальновиднѣе его и имѣла надъ нимъ всѣ преимущества ума и характера. Гриневъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже Марьи Ивановны, но онъ умѣлъ цѣнить и понимать ее и въ полномъ смыслѣ слова завоевалъ свое счастье съ нею. Она предпочла его богатому и родовитому Швабрину не за одну наружность и не по капризу, а сознательно и по весьма вѣскимъ соображеніямъ. Марью Ивановну привлекали въ Гриневѣ его мужество, его душевная чистота и непосредственность, его отзывчивость на все хорошее, его отвращеніе къ окольнымъ путямъ.

Искренность, смѣлость, великодушіе и чувство чести составляютъ основныя черты характера Гринева. Они спасали его отъ паденія и дѣлали его достойнымъ сыномъ стараго Гринева. Гриневъ не разъ обнаруживалъ способность отстаивать свои убѣжденія даже до смерти. Только благодаря счастливой случайности, Гриневъ не взлетѣлъ на висѣлицу, вмѣстѣ съ капитаномъ Мироновымъ и Иваномъ Игнатьевичемъ, но онъ умѣлъ смотрѣть въ глаза смерти съ безтрепетнымъ мужествомъ. „Очередь была за мною, разсказываетъ онъ о первой встрѣчѣ съ самозванцемъ въ Бѣлогорской крѣпости, — я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей... „Вѣшать его“, сказалъ Пугачевъ, не взглянувши на меня. Я сталъ читать про себя молитвы, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу“. Гриневъ, чуждый всякой аффектаціи и желанія рисоваться, съ такою же простотой повѣствуетъ о своемъ душевномъ настроеніи послѣ неожиданнаго избавленія отъ смерти, какъ и о томъ, какъ онъ готовился къ ней. „Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали

и оставили... Въ эту минуту не могу сказать, чтобы я обрадовался своему спасенію. Не скажу, однакожъ, чтобы я о немъ сожалѣлъ". Такою же искренностью и простотой дышитъ разсказъ Гринева о его бесѣдѣ съ Пугачевымъ послѣ оргіи самозванца, свидѣтелемъ которой ему пришлось быть.

Въ первыхъ двухъ главахъ „Капитанской дочки" мы видимъ молодого Гринева сначала подросткомъ, а затѣмъ юношей, умѣвшимъ доказать дядькѣ, что онъ уже не ребенокъ. Въ дальнѣйшихъ главахъ романа поэтъ показываетъ намъ, какъ развивается и крѣпнетъ характеръ этого юноши подъ вліяніемъ людей, съ которыми столкнула его судьба, подъ вліяніемъ любви и грозныхъ событій пугачевщины. Между шестнадцатилѣтнимъ Гриневымъ, который посматривалъ, облизываясь, какъ его мать снимала пѣнки съ медоваго варенья, и восемнадцатилѣтнимъ Петромъ Андреевичемъ, „впервые вкусившимъ сладость молитвы, изліянной изъ чистаго, но растерзаннаго сердца" въ казанской тюрьмѣ, — цѣлая бездна. Онъ, если такъ можно выразиться, растетъ и развивается на глазахъ читателя „Капитанской дочки", превращаясь въ теченіе двухъ лѣтъ изъ зеленаго подростка въ зрѣлаго молодого человѣка. И не удивительно: въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ Гриневъ переживаетъ столько, сколько другіе не переживаютъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Столкновенія съ такими противоположными людьми, какъ Мироновы, съ одной стороны, а Пугачевъ и Швабринъ — съ другой, романъ съ Марьей Ивановной, дуэль, тяжкая болѣзнь, чтеніе, зрѣлища мятежа и тѣхъ страшныхъ, но вмѣстѣ облагораживающихъ впечатлѣній, которыми оно сопровождалось (вспомнилъ казнь Ивана Кузьмича и Ивана Игнатьевича), судъ и тюрьма — все это не могло не оказать на впечатлительнаго юношу большого вліянія и не имѣть для него воспитательнаго значенія.

Нравственный обликъ Гринева дорисовывается общимъ тономъ его *семейственныхъ записокъ*, ихъ спокойнымъ, трезвымъ отношеніемъ къ людямъ и событіямъ, ихъ добродушнымъ юморомъ, ихъ свѣтлымъ и примиряющимъ взглядомъ на жизнь. Пушкинъ, видимо, хотѣлъ, чтобы между строкъ романа виднѣлся привлекательный образъ бывалаго, умнаго и честнаго старика, много видѣвшаго и испытавшаго на своемъ вѣку и не безъ гордости и удовольствія разсказывающаго въ часы досуга о своемъ прошломъ дѣтямъ и внукамъ. „Капитанская дочка" знакомитъ насъ подробно съ молодостью Гринева, она же даетъ намъ понятіе объ его покойной и счастливой старости.

Пушкинъ нигдѣ не прикрашиваетъ Гринева. Ставя его лицомъ къ лицу съ Пугачевымъ, онъ не плѣнился возможностью сдѣлать изъ него Шарлоту Корде, въ родѣ Парани изъ „Пугачевцевъ" графа Саліаса, прекрасно понимая, что этого нельзя было сдѣлать, не впадая въ фальшь. Пушкинъ вывелъ въ лицѣ Гринева одного изъ русскихъ людей второй половины прошлаго вѣка. Такіе люди, какъ Петръ Андреевичъ, тогда бывали и могли быть. Поэтъ нимало не думалъ о томъ, чтобы ставить своего героя въ красивыя позы и заставлять его про-

дѣлывать чудеса храбрости. Въ „Капитанской дочкѣ“ выходитъ постоянно такъ, что Гриневъ, несмотря на свое мужество и готовность къ самопожертвованію, иногда кажется (но только кажется) какъ бы пассивнымъ лицомъ, котораго спасаютъ то Савельичъ, то Пугачевъ, то Марья Ивановна. Гриневъ скороталъ свой вѣкъ въ своемъ родовомъ имѣніи и, подобно отцу, не сдѣлалъ блестящей карьеры. Ненасытное честолюбіе и жажда власти были ему совершенно чужды, и онъ остался въ тѣни. Къ тому же онъ былъ слишкомъ совѣстливъ, чтобы пролагать дорогу къ почестямъ, не брезгая никакими средствами. Онъ не уронилъ бы себя ни на какомъ посту, но онъ не былъ человѣкомъ призванія, увлекающаго своихъ избранниковъ къ предназначенному для нихъ жребію, и могъ вполнѣ удовлетвориться тою скромною сферою дѣятельности помѣщика и семьянина, которая выпала на его долю. Не трудно догадаться, что онъ толково управлялъ своими крестьянами и былъ образцовымъ въ своемъ родѣ мужемъ и отцомъ, посвящая свои досуги, подобно Болотову, литературнымъ занятіямъ, въ которомъ онъ пристрастился еще въ Бѣлогорской крѣпости.

Марья Ивановна представляетъ центральную фигуру романа. Изъ-за нея происходитъ дуэль Гринева съ Швабринымъ; изъ-за нея происходитъ у Гринева временный разрывъ съ отцомъ; ради Марьи Ивановны Гриневъ ѣдетъ въ Берду; отношенія между Гриневымъ и Швабринымъ опредѣляются ихъ отношеніями къ Марьѣ Ивановнѣ; опасенія повредить ей заставляютъ Гринева таиться передъ судомъ и едва не губятъ его; поѣздка Марьи Ивановны въ Петербургъ и ея свиданіе съ императрицей ведутъ за собой помилованіе Гринева, т. е. благополучную развязку запутанныхъ и, какъ кажется, читателю до самаго конца, неразрѣшимыхъ осложненій романа.

Прекрасно и глубоко задуманный, сложный и возвышенный характеръ и геніально обрисованный типъ чудной русской дѣвушки конца прошлаго столѣтія, и въ бытовомъ и психологическомъ отношеніи Марья Ивановна представляетъ громадный интересъ и должна быть отнесена къ числу величайшихъ созданій Пушкинскаго творчества. По глубинѣ замысла и тонкости исполненія образъ Марьи Ивановны нисколько не уступаетъ образу Татьяны, и смѣло можно сказать, что между всѣми героинями Пушкина нѣтъ ни одного лица, въ которомъ такъ ярко и такъ полно нашли свое выраженіе русскіе народные идеалы. Марья Ивановна дѣвушка одного типа съ Тургеневскою Лизой и Марьей Болконскою изъ „Войны и Мира“ гр. Л. Н. Толстого, которыя, къ слову сказать, не болѣе, какъ блѣдныя тѣни въ сравненіи съ нею. Пушкинская Татьяна сильнѣе поражаетъ воображеніе. Отъ ея скорбно-задумчиваго облика такъ и вѣетъ романтизмомъ и чарующею прелестью; зато кроткое лицо Марьи Ивановны окружено ореоломъ чистоты и поэзіи и даже, можно сказать, святости. Марья Ивановна съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ Татьяна,

можетъ быть названа идеаломъ *русской женщины*, ибо въ ея натурѣ, въ ея стремленіяхъ и во всемъ складѣ ея ума и характера не было ничего нерусскаго, вычитаннаго изъ иностранныхъ книгъ и, вообще навѣяннаго иноземными вліяніями. Всѣми своими помыслами и влеченіями Марья Ивановна связана съ русскимъ бытомъ.

Сразу Марья Ивановна не производила чарующаго впечатлѣнія. Въ ея внѣшности не было ничего такого, что бросалось бы въ глаза и приковывало взоры. Съ ней нужно было сблизиться, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько узнать ее, чтобы понять ея духовную красоту. Тѣ же, передъ кѣмъ хотя отчасти раскрывалась эта красота, не могли не поддаться ея обаянію. Швабринъ, молодой Гриневъ, Савельичъ, Палашка, отецъ Герасимъ и его жена, — всѣ они любили Марью Ивановну по своему. Старики Гриневы, предубѣжденные противъ Марьи Ивановны, привязались къ ней, какъ къ родной, когда она прожила у нихъ нѣкоторое время. Умная и наблюдательная императрица Екатерина II, послѣ одной мимолетной встрѣчи съ Марьей Ивановной, составила самое выгодное представленіе объ ея умѣ, сердцѣ и, давъ полную вѣру ея словамъ, исполнила все, о чемъ она просила. Только Пугачевъ, смотрѣвшій на женщинъ исключительно съ точки зрѣнія чувственныхъ вожделѣній, равнодушно прошелъ мимо Марьи Ивановны, какъ бы не замѣтивъ ее. Оно и понятно: что общаго могло быть между Пугачевымъ и Марьей Ивановной? Зато Савельичъ воздалъ ей высшую похвалу, какую только онъ могъ воздать: онъ называлъ ее *ангеломъ Божіимъ*. И ее, дѣйствительно, можно назвать ангеломъ во плоти, ниспосланнымъ на землю на утѣшеніе и отраду близкихъ людей. Создавая такое лицо, какъ Марья Ивановна, каждый писатель, менѣе талантливый, чѣмъ Пушкинъ, легко впалъ бы въ фальшь и реторику, вслѣдствіе чего у него вышла бы не дѣвушка той или другой эпохи, а ходячая добродѣтель и прописная мораль. Но Пушкинъ блистательно справился съ своею задачей и создалъ вполнѣ живое лицо, заслуживающее самаго тщательнаго изученія на ряду съ главными героинями всѣхъ первоклассныхъ поэтовъ.

Марья Ивановна родилась и выросла въ Бѣлогорской крѣпости и едва ли гдѣ-нибудь бывала дальше ея до переселенія къ родителямъ Гринева. Отецъ, мать Иванъ Игнатьичъ, семья отца Герасима, — вотъ тотъ тѣсный кружокъ, въ которомъ прошли ея дѣтскіе и отроческіе годы. Все ея образованіе ограничивалось русскою грамотой, и она едва ли что-нибудь читала, за исключеніемъ, можетъ-быть, молитвенника и священнаго Писанія. Она проводила время за рукодѣльемъ и въ хлопотахъ по хозяйству, — словомъ, была тѣмъ, чѣмъ и должна была быть дочь такихъ старинныхъ людей, какъ и мужъ и жена Мироновы. Они не могли ей дать свѣтскаго лоска и блестящаго воспитанія, да они и не горевали о томъ; зато они окружили ее атмосферой честной бѣдности и несложныхъ, но возвышенныхъ и твердыхъ взглядовъ на жизнь и людей, что имѣло на Марью Ивановну самое благотворное вліяніе. Она безсознательно проникалась тѣми идеалами,

которымп жили Иванъ Кузьмичъ п Василиса Егоровна, и унаслѣдовала лучшія стороны ихъ ума п характера. Всякое хорошее слово глубоко западало ей въ душу, падая на добрую почву. То, что она слышала въ бѣдной, старенькой, деревянной Бѣлогорской церкви, имѣло на нее неотразимое и рѣшающее вліяніе. Тѣ вѣчные глаголы жизни, которымъ она внимала тамъ изъ устъ простоватаго священника, видимо поразили ее въ самые ранніе годы и навсегда опредѣлили ея міросозерцаніе и поступки. Церковь сдѣлала ее христіанкой въ истинномъ смыслѣ этого слова; отчій домъ поддерживалъ и укрѣпилъ въ ней то настроеніе, которое она вынесла оттуда, и прочно привилъ къ ней несложные, но добрые навыки и убѣжденія, на которыхъ держалась старинная Русь.

Марья Ивановна не имѣетъ ничего общаго съ тѣми дѣвушками, о которыхъ говорятъ: эта дѣвушка съ правилами. Марья Ивановна руководилась не *правилами*, т.-е. не дрессировкой и разъ навсегда усвоенными привычками, а непоколебимою и восторженною вѣрой въ неизмѣнную, вѣчную правду. Въ Марьѣ Ивановнѣ нѣтъ ни сухости ни ограниченности дѣвушекъ „съ правилами“. Марья Ивановна въ полномъ смыслѣ слова исключительная и богато-одаренная натура, представляющая сочетаніе самыхъ противоположныхъ элементовъ и очень сложный, не легко понимаемый характеръ.

Чуткость сердца, впечатлительность и женственность составляютъ прежде всего бросающіяся особенности Марьи Ивановны. Она очень самолюбива и живо чувствуетъ горечь обиды. Грубовата-простодушная болтовня Василисы Егоровны о бѣдности дочери и о томъ, что она, чего добраго, просидитъ въ дѣвкахъ вѣковѣчною невѣстой, доводитъ Марью Ивановну до слезъ. Марья Ивановна краснѣетъ и блѣднѣетъ, прекрасно понимая каждый малѣйшій оттѣнокъ обращенія съ ней. Въ ней нѣтъ и тѣни вульгарности и бабьяго мужества Василисы Егоровны. Ружейные и пушечные выстрѣлы доводятъ ее до обморока. Трагическая смерть отца и матери и всѣ ужасы Пугачевской расправы разрѣшаются у Марьи Ивановны нервною горячкой. При видѣ Пугачева, убійцы своего отца, она лишается чувствъ. Когда Марья Ивановна бывала взволнована, она не могла удержаться отъ слезъ. Ея голосъ дрожалъ и прерывался, и въ эти минуты она казалась своему возлюбленному слабымъ и беззащитнымъ существомъ, обаятельнымъ въ своей безпомощности.

Но Марья Ивановна не имѣла ничего общаго съ хилыми и дряблыми натурами. Она была рѣшительна и смѣла въ своихъ поступкахъ, когда ей нужно было опредѣлить свои отношенія къ людямъ. Она не любила прибѣгать къ чужимъ совѣтамъ; она умѣла дѣйствовать самостоятельно, тщательно обдумывала каждый свой шагъ, и, разъ принявъ какое-нибудь рѣшеніе, уже не отступала отъ него. Она сразу обрываетъ свои отношенія къ любимому человѣку, когда узнаетъ, что его отецъ не позволяетъ ему жениться на ней. Несмотря на всѣ угрозы Швабрина, она отказывается выйти за него замужъ.

„Я никогда не буду его женой, — говоритъ она Пугачеву. — Я лучше рѣшилась умереть и умру, если меня не избавятъ“.

И это была не фраза. Если бы уряднику не удалось доставить письмо Марьи Ивановны по назначенію, а Гриневу — вырвать ее изъ рукъ негодяя, Марья Ивановна сдержала бы свое слово: она бы заморила себя голодомъ или наложила бы на себя руки, но ни за что не вышла бы замужъ за человѣка, въ которому питала инстинктивное отвращеніе, и о которомъ не могла думать безъ ужаса, какъ объ измѣнникѣ и сообщникѣ убійцъ ея отца. Такую же обычную рѣшимость проявляетъ Марья Ивановна и при поѣздкѣ въ Петербургъ. Молодая и неопытная, она задумываетъ добиться свиданія съ императрицей и спасти своего жениха отъ ссылки въ Сибирь и позора и безъ всякихъ колебаній приводитъ въ исполненіе свою мысль, не посвятивъ вполнѣ въ свою тайну ни стараго Гринева ни его жену.

Марья Ивановна, какъ выражается про нее мододой Гриневъ, „въ высшей степени была одарена скромностью и осторожностью“. Она мало говорила, но много думала; въ ней не было скрытности, вытекающей изъ недовѣрчиваго отношенія къ людямъ; но она рано привыкла жить внутреннею жизнью, оставаться наединѣ съ собою и со своими мыслями. Сосредоточенная, вдумчивая и нѣсколько замкнутая въ себя, она поражаетъ своею наблюдательностью и способностью угадывать людей и ихъ побужденія. Внимательно и зорко слѣдя за движеніями своего сердца и за голосомъ своей совѣсти, она безъ особаго труда постигала самыя затаенныя побужденія и свойства окружавшихъ ее лицъ. Вспомните, напримѣръ, какъ она мѣтко опредѣляетъ, что такое Швабринъ въ бесѣдѣ съ Гриневымъ послѣ первой попытки Петра Андреевича биться съ нимъ на дуэли. Она не только сразу поняла Швабрина, но и догадалась, что онъ былъ виновникомъ столкновенія съ Гриневымъ:

„Я увѣрена, что не ты зачинщикъ ссоры, — говоритъ она Гриневу: — вѣрно виноватъ Алексѣй Ивановичъ.

А почему же вы такъ думаете, Марья Ивановна?

„Да такъ... онъ такой насмѣшникъ! Я не люблю Алексѣя Ивановича. Онъ очень мнѣ противенъ; а странно: ни за что бъ я не хотѣла, чтобъ и я ему также не нравилась. Это меня бы безпокоило страхъ!“

Объясняя Гриневу, почему она отказала Швабрину, когда онъ ей дѣлалъ предложеніе, Марья Ивановна говоритъ:

„Алексѣй Ивановичъ, конечно, человѣкъ умный и хорошей фамиліи и имѣетъ состояніе; но какъ подумаю, что надобно будетъ подъ вѣнцомъ при всѣхъ поцѣловаться... ни за что! Ни за какія благополучія!“

Въ этихъ простодушныхъ словахъ сказывается вѣрное и глубокое пониманіе Швабрина. Онъ производилъ на Марью Ивановну такое же впечатлѣніе, какое съ перваго же раза произвелъ на Гётевскую Маргариту Мефистофель. Марья Ивановна питала къ нему инстинктивное

отвращеніе, смѣшанное со страхомъ. Онъ одновременно и отталкивалъ и пугалъ ее. Если бы она была образованнѣе и умѣла бы отчетливо выражать свои мысли, она сказала бы: „Швабринъ дурной, злой человѣкъ. Съ нимъ нужно держать себя осторожно. Онъ мстителенъ, злопамятенъ и неразборчивъ въ средствахъ. Горе тому, кого онъ возненавидитъ. Рано или поздно, тѣмъ или другимъ путемъ, онъ найдетъ случай свести съ своимъ врагомъ счеты“. Марья Ивановна какъ бы предугадываетъ, что Швабринъ причинитъ еще много горя Гриневу. Насквозь видя Швабрина, она насквозь видитъ и Гринева. Этимъ объясняется та прозорливость, которую она обнаруживаетъ, когда до нея доходитъ вѣсть, что Гриневъ признанъ виновнымъ въ измѣнѣ и осужденъ на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Она сразу догадалась, что ея женихъ не оправдался въ глазахъ судей только потому, что не захотѣлъ впутать ея имя въ процессъ о пугачевцахъ. Владѣя ключомъ отъ своей души, она безъ труда отмыкала этимъ ключомъ и души другихъ.

Въ Марьѣ Ивановнѣ не было ни малѣйшей аффектаціи; она не умѣла рисоваться. Марья Ивановна — сама искренность и простота. Она не только не выставляла своихъ чувствъ напоказъ, а стыдилась выразить ихъ открыто. Идя проститься съ могилами родителей, она проситъ любимаго человѣка оставить ее одну, и онъ увидѣлъ ее уже тогда, когда она возвращалась съ кладбища, обливаясь тихими слезами. Въ то время, когда судили Гринева, она „мучилась болѣе всѣхъ“, но „скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія“, а между тѣмъ непрестанно думала о томъ, какъ бы спасти его. Инстинктивное отвращеніе къ расчитанно-красивымъ позамъ вытекало у Марьи Ивановны изъ ея природной правдивости, не переносившей никакой лжи и фальши. Въ этой же правдивости заключается разгадка и той простоты обращенія, которою она всѣхъ къ себѣ привлекала. Въ ней не было и не могло быть никакого жеманства или кокетства. Несмотря на свою застѣнчивость, она спокойно выслушиваетъ объясненіе выздоравливающаго Гринева въ любви и сама признается ему въ сердечной склонности. Затѣйливыя отговорки, какъ и всякое притворство, были ей совершенно чужды.

Проникнутая восторженною, экзальтированною вѣрой и глубокимъ сознаніемъ долга, Марья Ивановна не терялась въ самыя тяжелыя минуты жизни, ибо у нея всегда была путеводная звѣзда, съ которой она не сводила глазъ и которая не давала ей сбиться съ прямой дороги. Когда она узнаетъ, что отецъ Гринева не соглашается имѣть ее своею невѣсткой, она отвѣчаетъ на всѣ доводы своего милаго, предлагающаго ей немедленно перевѣнчаться:

„Нѣтъ, Петръ Андреичъ, я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастья. Покоримся волѣ Божіей. Коли найдешь себѣ суженую, коли полюбишь другую, — Богъ съ тобою, Петръ Андреичъ; а я за васъ обоихъ“...

Тутъ она заплакала и ушла, не высказавъ до конца своей мысли; но ясно и безъ того, что она хотѣла сказать. Душа Марьи Ивановны

была соткана изъ любви и самоотверженія. Подчиняясь во всемъ волѣ Божіей и прозрѣвая ее во всѣхъ событіяхъ своей жизни, она отказывается отъ счастья быть женой любимаго человѣка, но думаетъ при этомъ не о себѣ, не о своемъ будущемъ одиночествѣ, а о Гриневѣ, исключительно о немъ одномъ. Она возвращаетъ ему данное ей слово и тутъ же, не безъ тяжкой внутренней борьбы, конечно, говоритъ, что будетъ молиться за него и за ту, кого онъ полюбитъ. Она и благословеніемъ-то старыхъ Гриневыхъ дорожитъ прежде всего какъ залогомъ счастья ихъ сына: „безъ ихъ благословенія не будетъ *тебѣ* счастья“. О себѣ она совсѣмъ не думаетъ при этомъ. Возвышенный образъ мыслей, вытекающій у Марьи Ивановны изъ ея религіознаго настроенія и чисто народнаго міросозерцанія, проявляется у нея всегда и во всемъ: и въ ея отношеніяхъ къ Гриневу и во всѣхъ ея взглядахъ и сужденіяхъ. Такъ же какъ и Иванъ Игнатьичъ, она безусловно осуждаетъ дуэли, но не во имя соображеній практическаго свойства, — не потому, что брань на вороту не виснетъ, и что раненый или убитый на поединкѣ остается въ дуракахъ. Она осуждаетъ дуэли исключительно съ христіанской точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія благородной и любящей натуры, алчущей и жаждущей правды.

„Какъ мужчины странны!“ говоритъ она Гриневу. „За одно слово, о которомъ черезъ недѣлю, вѣрно бъ, они позабыли, они готовы рѣзаться и жертвовать *не только жизнью, но и совѣстью и благополучіемъ тѣхъ, которые...*“ (Марья Ивановна не договариваетъ: *ихъ любятъ.)*

Марью Ивановну, робкую и женственную Марью Ивановну, поражаетъ въ людяхъ, бьющихся на дуэли, не только то, что они ставятъ на карту свою жизнь, — она понимаетъ, что бываютъ обстоятельства, когда нельзя не жертвовать жизнью во имя чести и требованій долга, — ее ужасаетъ то презрѣніе къ голосу совѣсти, вопіющей противъ убійства и самоубійства, и то безучастное отношеніе къ горю близкихъ людей, безъ котораго не можетъ состояться ни одна дуэль. Въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ сужденіяхъ Марьи Ивановны, этой простой и необразованной дѣвушки, чуждой самомнѣнія и часто не находящей словъ для выраженія своей мысли, сказывается чуткое сердце и свѣтлый, возвышенный умъ.

Марья Ивановна прекрасно себѣ усвоила значеніе евангельскихъ словъ: будьте кротки, какъ голуби, и мудры, какъ змѣи. Она всецѣло была проникнута величавою народною мудростью, сложившеюся подъ вліяніемъ церкви и ея ученія, и никогда не измѣняла своимъ идеаламъ, а это было до нея далеко не легко, ибо у Марьи Ивановны была горячая кровь (не даромъ же Гриневу бросилось съ перваго же взгляда, что у нея уши такъ и горѣли) и нѣжное привязчивое сердце, умѣвшее сильно любить и сильно страдать. Марья Ивановна кончила не такъ, какъ Тургеневская Лиза: она не пошла въ монастырь, а сдѣлалась счастливою женою и матерью, и уже, конечно, не только матерью, какою была простоватая мать Гринева, а одною

изъ тѣхъ матерей, о которыхъ дѣти вспоминаютъ не только съ любовью, но и съ благоговѣніемъ и гордостью. Едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе, что Гриневъ всю свою жизнь благословлялъ тотъ часъ, когда отецъ отправилъ его къ Рейнсдорпу, а Рейнсдорпъ — въ Бѣлогорскую крѣпость, ибо тамъ, въ глуши отдаленной окраины государства, онъ встрѣтилъ Марью Ивановну и сблизился съ нею.

Если бы жизнь Марьи Ивановны сложилась такъ, какъ жизнь Лизы, или же если бъ она жила не въ Оренбургской губерніи, гдѣ не было въ XVIII вѣкѣ ни одной обители, а близъ какого-нибудь скита, она тоже, вѣроятно, сдѣлалась бы инокиней.

Заканчиваемъ характеристику Марьи Ивановны тѣмъ, съ чего начали: ея поэтическій образъ принадлежитъ къ числу глубочайшихъ созданій Пушкинскаго генія, и какъ мастерски поэтъ очертилъ его! Когда вы прочтете „Капитанскую дочку“, вамъ такъ и кажется, что вы когда-то видѣли эту русую и румяную дѣвушку, ея умные и добрые глаза, ея мягкія и изящныя движенія, что вы слышали ея милый и тихій голосъ, что вы были свидѣтелемъ и ея нѣжныхъ заботъ о раненомъ Гриневѣ, и ея трогательнаго прощанія съ отцомъ на валу Бѣлогорской крѣпости.

Савельичъ принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ созданій Пушкинскаго генія. Забыть его тому, кто хотя бѣгло пробѣжитъ „Капитанскую дочку“, нѣтъ никакой возможности. Комично-наивный, добродушно-трогательный образъ стараго дядьки сразу и неизгладимо врѣзывается въ память. Савельичъ — это такой же законченный и превосходный типъ слуги, какъ Санчо-Панчо и Калебъ. Когда иностранцы поближе познакомятся съ нашею литературой, его имя и у нихъ сдѣлается нарицательнымъ. Подобно тому, какъ въ лицѣ Гриневыхъ, отца и сына, Пушкинъ хотѣлъ воплотить лучшія стороны нашего стараго дворянства, такъ въ лицѣ Савельича онъ хотѣлъ показать привлекательную сторону тѣхъ добрыхъ, задушевныхъ отношеній, которыя возникали иногда на почвѣ крѣпостного права между крестьянами и помѣщиками. Пушкинъ не былъ защитникомъ крѣпостного права. Онъ ненавидѣлъ его и прекрасно понималъ его гибельное вліяніе на Россію.

Увижу ль я народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя?

восклицалъ Пушкинъ въ одномъ изъ стихотвореній, написанныхъ въ молодые годы („Деревня“). Но онъ не могъ не видѣть и отрицать, что между крестьянами и господами сплошь и рядомъ существовали такія тѣсныя и нравственныя узы, которыя не могли не вызывать уваженія. Для справедливой, всесторонней оцѣнки исторіи крѣпостного права еще не настало время. Современникамъ реформы 19 февраля 1861 года трудно отрѣшиться отъ своего, нѣсколько пристрастнаго взгляда на тотъ строй жизни, который былъ ею упраздненъ. Будущій историкъ крестьянскаго сословія отмѣтитъ все, что было дурного

въ этомъ строѣ, но не скростъ и того, что было въ немъ хорошаго; а что въ немъ было и кое-что хорошее, вполнѣ удовлетворявшее несложнымъ потребностямъ стародавней жизни, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Крѣпостное право потому оставило по себѣ такую печальную память, что оно, вслѣдствіе разныхъ причинъ, продержалось слишкомъ долго, затормозило развитіе народной жизни и существовало многіе годы уже въ то время, когда бо́льшая часть помѣщиковъ, увлеченная внѣшностью и соблазномъ западно-европейской цивилизаціи, перестала понимать своихъ „подвластныхъ“. Было, однако, время и бывали случаи, когда крѣпостное право не казалось обременительнымъ и переносилось съ легкостью и безропотно. Савельичъ, конечно, художественный вымыселъ Пушкина, но этотъ вымыселъ не имѣетъ ничего общаго съ сочинительствомъ. Онъ вѣрно и прекрасно отразилъ въ себѣ былую дѣйствительность, и историку крѣпостного права нельзя будетъ не считаться съ нимъ. Съ какимъ бы ужасомъ и предупрежденіемъ онъ ни говорилъ о крѣпостномъ правѣ, ему не удастся стушевать такихъ привлекательныхъ явленій нашего прошлаго, какъ Савельичъ. Савельичъ — это живая и ходячая апологія старинныхъ порядковъ и старинпаго склада жизни. Милый Савельичъ! Кому изъ насъ не близокъ и не дорогъ онъ съ ранняго дѣтства? Кто изъ насъ не слѣдилъ съ участіемъ и съ улыбкой за всѣми его попеченіями о барскомъ дитяти? Савельичъ, конечно, забавенъ, но онъ вселяетъ къ себѣ глубокое уваженіе: и въ его беззавѣтной любви къ Гриневымъ, особенно къ своему питомцу, есть что-то невыразимо поэтичное и трогательное. Отбросьте въ сторону смѣшныя черты Савельича, и предъ вами предстанетъ величавый образъ библейскаго Еліазара, которому Авраамъ ввѣрилъ попеченіе о своемъ сынѣ Исаакѣ.

Внутренній міръ Савельича простъ и несложенъ, но онъ озаренъ свѣтомъ безхитростной и чистой души. Бѣдная деревенская церковь, родное село да барская усадьба, — вотъ чѣмъ онъ жилъ весь свой вѣкъ. Не мудрствуя лукаво, не разсуждая о томъ, имѣютъ ли помѣщики нравственное право владѣть крѣпостными, онъ по-христіански несъ выпавшій на его долю жребій. Онъ родился и умеръ *рабомъ*, но не былъ рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ; онъ служилъ своимъ господамъ не за страхъ, а за совѣсть, и не тяготился своимъ подневольнымъ положеніемъ, ибо свободно подчинялся ему. Въ Савельичѣ нѣтъ и тѣни нравственнаго холопства. Несмотря на почтительный тонъ, которымъ онъ привыкъ говорить со своими господами, Савельичъ держалъ себя по-своему очень независимо и, конечно, былъ бы удивленъ, если бы ему сказали, что онъ несчастное существо, что онъ живетъ подъ страшнымъ гнетомъ, и что ему было бы гораздо лучше скоротать свой вѣкъ гдѣ-нибудь вдали отъ Гриневыхъ. Порвать всякія связи между Савельичемъ и барскою усадьбой значило бы лишить его жизнь всякаго смысла, ибо на семьѣ Гриневыхъ сосредоточились всѣ его привязанности.

Пушкинъ ничего не сообщаетъ о молодости Савельича, о томъ, какъ и почему онъ попалъ въ дворню. Мы знаемъ только, что онъ

былъ сначала стремяннымъ, а потомъ, за трезвое поведеніе, былъ возведенъ въ званіе дядьки. Вѣроятно, Савельичъ былъ женатъ и рано овдовѣлъ и, не имѣя ни дѣтей ни родныхъ, полюбилъ Петрушу Гринева со всею нѣжностью своего добраго, привязчиваго сердца, которому необходимо было кого-нибудь любить. Съ тѣхъ поръ какъ Савельичъ сталъ въ домѣ Гриневыхъ своимъ человѣкомъ, у него уже не было интересовъ, своихъ печалей и радостей. Ихъ горе стало его горемъ, ихъ счастье — его счастьемъ. О себѣ Савельичъ не думалъ и не заботился. Всѣ его мысли направлены исключительно къ тому, чтобы сохранить барское добро, отстоять барскіе интересы, оградить господъ отъ какой-нибудь напасти. Попеченія о господахъ наполняли всю жизнь Савельича, лежали въ основѣ всѣхъ его дѣйствій и побужденій. Ради своихъ господъ Савельичъ всегда готовъ былъ претерпѣть всевозможныя лишенія, а въ случаѣ надобности и самую смерть. Его самоотверженіе не знало предѣловъ и дѣлало его безстрашнымъ въ виду самыхъ грозныхъ опасностей. Когда молодой Гриневъ дерется на дуэли, Савельичъ прибѣгаетъ на мѣсто поединка, чтобы заслонить Петра Андреевича своею грудью отъ ударовъ Швабрина. Когда Пугачевъ отдаетъ приказаніе вѣшать Гринева, и палачи уже приступаютъ къ исполненію своей обязанности, Савельичъ въ изступленіи предлагаетъ свою шею взамѣнъ барской. Когда Гриневъ объявляетъ своему дядькѣ, что поѣдетъ въ Бѣлогорскую крѣпость для освобожденія Марьи Ивановны, Савельичъ ни за что не соглашается остаться въ Оренбургѣ, хотя и не питаетъ надежды на благополучное возвращеніе изъ этого путешествія. Савельичъ охотно бросился бы въ огонь и въ воду за своего молодого барина.

Привязанность къ своему питомцу и ко всей семьѣ Гриневыхъ заслоняла въ Савельичѣ всѣ другія привязанности и стала для него своего рода религіей. Онъ нимало не сомнѣвался, что Пугачевъ бродяга и самозванецъ, но это не мѣшаетъ ему кланяться Емелькѣ въ ноги и даже называть его государемъ для спасенія барскаго „дитяти“. Присягалъ ли Савельичъ мнимому императору Петру? Вѣроятно, нѣтъ: онъ не рѣшился бы поклясться въ вѣрности тому, кого онъ называлъ въ глаза, по забывчивости, злодѣемъ; но сознаніе вѣрноподданническаго долга не доходило въ Савельичѣ до такой степени, чтобы возбуждать въ немъ героизмъ, который проявляютъ въ минуту смерти капитанъ Мироновъ и его старый сослуживецъ Иванъ Игнатьевичъ, всенародно уличая Пугачева въ самозванствѣ. Царица представлялась Савельичу чѣмъ-то далекимъ и туманнымъ. Онъ, конечно, не усомнился бы пожертвовать собой для спасенія государыни, но тѣхъ понятій о чести, которыми жили его господа, онъ не понималъ, и это постоянно порождаетъ забавныя столкновенія между нимъ и его молодымъ бариномъ. Послѣ проигрыша въ симбирскомъ трактирѣ Савельичъ, пораженный проигрышемъ Гринева, пресеріозно совѣтуетъ ему не платить долга. „Скажи“, говоритъ онъ, „что родители тебѣ и играть-то, окромя какъ въ орѣхи, запретили“. „Что тебѣ стоитъ!“

восклицалъ Савельичъ, стоя передъ Пугачевымъ и передъ висѣлицей, когда самозванецъ только что отмѣнилъ свой приказъ о казни Гринева... „Не упрямься? Плюнь да поцѣлуй у злод... тьфу, у него ручку“. Савельичъ совершенно не могъ понять, почему Гриневъ, раскаиваясь въ своемъ поведеніи въ симбирскомъ трактирѣ, считалъ необходимымъ расплатиться съ Зуринымъ, и почему онъ предпочелъ бы самую лютую казнь цѣлованію пугачевской руки. Соображенія о чести, руководившія Гринева, были недоступны для Савельича. Въ эпизодѣ съ Зуринымъ онъ видѣлъ только потерю барскихъ денегъ, а стоя передъ висѣлицей, хлопоталъ лишь о томъ, чтобы избавить Гринева отъ петли. Благодаря своей непрестанной заботливости о „барскомъ дитяти“ и о „барскомъ добрѣ“, суетливый и упрямый Савельичъ не разъ ставилъ своего господина въ рискованное положеніе и вредилъ ему. Окликнувъ его во время дуэли и заставивъ тѣмъ самымъ оглянуться, онъ далъ возможность Швабрину нанести Гриневу предательскій ударъ. Напоминая самозванцу о зимнемъ тулупѣ, Савельичъ могъ навлечь его гнѣвъ на Гринева. Вообще, простодушный Савельичъ дѣлалъ своему молодому барину столько же хлопотъ, какъ и услугъ, и погубилъ бы его, не вѣдая о томъ, если бы Гриневъ имѣлъ малодушіе и низость всегда и во всемъ слушать своего дядьку. Къ счастію для самого Савельича, Гриневъ былъ юноша такого закала, что его нельзя было склонить къ поступкамъ, несогласнымъ съ служебнымъ долгомъ и дворянскимъ достоинствомъ. Гриневъ цѣнилъ въ Савельичѣ преданность, не прочь былъ даже иногда слѣдовать его совѣтамъ, когда они того стоили, но прекрасно понималъ, что между его понятіями и понятіями Савельича о чести лежала цѣлая бездна, и жилъ своимъ умомъ. Бѣдный Савельичъ! Онъ и не подозрѣвалъ, что нѣкоторые изъ его совѣтовъ могли покрыть „барское дитя“ несмываемымъ позоромъ, если бы оно не отвергало ихъ съ презрѣніемъ. Простодушный и недалекій дядька считалъ бы за величайшее счастье оказать своему господину какую-нибудь крупную услугу, но это удалось ему только однажды, да и то случайно. Обративъ на себя вниманіе Пугачева въ то время, когда Гринева вели на смерть, онъ напомнилъ самозванцу своею особой о заячьемъ тулупѣ и единственно этимъ спасъ жизнь „дитяти“. Въ томъ-то именно и заключается всегдашній трагикомизмъ Савельича, что онъ дѣйствуетъ обыкновенно невпопадъ и достигаетъ своихъ цѣлей совсѣмъ не тѣми путями, на которые разсчитываетъ. Гриневъ умѣлъ цѣнить внутреннія побужденія Савельича и былъ ему благодаренъ и за его попеченія и за его добрыя намѣренія.

Ревнуя о благѣ своихъ господъ, Савельичъ никогда не потакалъ имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по его мнѣнію, поступали не такъ какъ слѣдовало, и безбоязненно высказывалъ имъ въ глаза свое мнѣніе. Онъ часто ворчитъ на П. А. Гринева и разражается цѣлымъ рядомъ упрековъ, когда тотъ возвращается въ симбирскій трактиръ, едва держась на ногахъ; на требованіе денегъ для уплаты долга Савельичъ

отвѣчаетъ: „воля твоя, сударь, а денегъ я не выдамъ“. Онъ затѣваетъ съ Гриневымъ споръ по поводу награжденія вожатаго деньгами и заячьимъ тулупомъ. Вообще, Савельичъ любилъ поспорить со своимъ молодымъ господиномъ. Той же системы онъ держался, повидимому, хотя и не безъ нѣкоторой робости, со старымъ Гриневымъ. На его грозное письмо по поводу дуэли Петра Андреевича, Савельичъ, несмотря на строгій приговоръ, произнесенный Гриневымъ отцомъ надъ поведеніемъ сына, отвѣчаетъ: „теперь Петръ Андреевичъ, слава Богу, здоровъ и про него, кромѣ хорошаго, нечего и писать. А что съ нимъ случилась такая оказія, то быль молодцу не укоръ. Конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается“. Ворчливость и упрямство Савельича не имѣютъ и тѣни жестокости, когда дѣло идетъ о его господахъ. Онъ не способенъ на нихъ сердиться и если говоритъ иногда Гриневу рѣзкія вещи, то не давая себѣ отчета въ рѣзкости своихъ словъ. Савельичъ приходитъ въ ярость, на какую только онъ способенъ при своей кротости и добротѣ, лишь тогда, когда онъ усматриваетъ въ комъ-нибудь посягательство на барскіе интересы. Такихъ людей Савельичъ ненавидитъ, какъ своихъ личныхъ враговъ, и не скупится въ разговорахъ съ ними и о нихъ на самыя энергическія выраженія. Зуринъ, обыгравшій Гринева, оказывается у Савельича „разбойникомъ“, вожатый, которому Гриневъ задумалъ отдать заячій тулупъ,— собакой и т. д. Вѣчно брюзжащій старикъ никому, однако, не вселялъ страха и вѣры въ твердость своего характера. Упрямый, но добрый Савельичъ сейчасъ же уступалъ „дитяти“, какъ только молодой человѣкъ принималъ суровый и повелительный тонъ, и оказывался совершенно безсильнымъ противъ его ласки и просьбъ. Человѣкъ незлопамятный отъ природы, Савельичъ не могъ никогда простить только тѣхъ, кого онъ считалъ барскими недоброжелателями и ревновалъ къ своимъ господамъ. Нѣтъ ничего забавнѣе и трогательнѣе сильнаго предубѣжденія, не разъ выражаемаго Савельичемъ противъ проклятаго мусье Бопре. Онъ склоненъ былъ приписывать ему всѣ бѣдствія „дитяти“: онъ считалъ его виновникомъ и симбирской попойки, и дуэли со Швабринымъ, и, вѣроятно, до конца дней своихъ не переставалъ повторять при воспоминаніи о Бопре: „И нужно было нанимать въ дядьки басурмана? Какъ будто у барина не стало и своихъ людей?“

Типъ такихъ слугъ, какъ Савельичъ, принадлежитъ къ вымершимъ типамъ. Нельзя не помянуть добромъ тѣхъ временъ, когда Савельичи отнюдь не составляли исключительнаго явленія. Савельичъ былъ не только слугой, дядькой и учителемъ Петра Андреевича Гринева (говоримъ *учителемъ* потому, что Гриневъ научился писать и читать у Савельича), но и его другомъ и наперсникомъ. Онъ былъ его заступникомъ и ходатаемъ передъ старикомъ Гриневымъ, когда дѣло шло о Марьѣ Ивановнѣ. Онъ былъ посвященъ въ самыя интимныя подробности его жизни. „Капитанская дочка“ заканчивается разсказомъ объ оправданіи Гринева и его вступленіи въ бракъ съ Марьей Ивановной. Что сталось затѣмъ съ Савельичемъ, въ романѣ не гово-

рится. Но у кого на этотъ счетъ могутъ быть малѣйшія сомнѣнья? Кто и самъ не догадается, что Савельичъ до самой смерти оставался близкимъ къ Петру Андреевичу и Марьѣ Ивановнѣ человѣкомъ и провелъ въ почетѣ и холѣ свои послѣдніе годы, пользуясь безусловнымъ довѣріемъ и лаской своихъ молодыхъ господъ?

Черняевъ.

Значеніе Пушкина въ исторіи развитія русскаго романа.

Въ литературѣ каждаго народа есть свои геніальные дѣятели. Каждый народъ съ гордостью указываетъ на немногихъ избранниковъ въ общемъ кругу своихъ писателей и поэтовъ и называетъ ихъ великими, потому что дѣятельность ихъ не укладывается въ тѣсныя рамки, которыя служатъ границею для ихъ собратій. Въ нашей русской литературѣ такимъ избранникомъ является Пушкинъ, геніальный поэтъ-художникъ. Другого поэта, равнаго ему по многосторонности и разнообразію творческаго генія, русская литература не представляетъ. Напрасно мы будемъ искать у современныхъ нашихъ поэтовъ, даже связанныхъ съ пушкинскими преданіями, той необыкновенной легкости, гибкости и музыкальной прелести стиха, того богатства и разнообразія поэтическихъ картинъ, образовъ, какое встрѣчаемъ у Пушкина. Здѣсь нѣтъ мѣста сравненію. Пушкинъ надолго еще остается великимъ образцовымъ мастеромъ поэзіи и учителемъ искусства. Здѣсь нѣтъ мѣста сравненію не только съ русскими, но даже съ иностранными поэтами, съ которыми у насъ привыкли связывать имя нашего безсмертнаго поэта. Пушкинъ единогласно долженъ быть признанъ самостоятельнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ совершеннымъ типомъ поэта-артиста. Его область — чистое искусство — и въ этой области онъ всегда останется удивительнымъ образцомъ, быть можетъ, не для однихъ своихъ соотечественниковъ.

Такой взглядъ не новъ. Его высказывали уже нѣкоторые изъ современныхъ Пушкину писателей. Въ числѣ ихъ нельзя не указать на Гнѣдича, извѣстнаго переводчика Иліады, глубоко понимавшаго поэзію Пушкина. По прочтеніи одной изъ художественныхъ сказокъ, Гнѣдичъ прислалъ Пушкину слѣдующее стихотвореніе:

Пушкинъ, Протей,
Съ гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній,
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій добрыхъ друзей!
Пой, какъ поешь ты, родной соловей,
Байрона геній иль Гете, Шекспира —
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ;
Ты же, постигнувшій таинства русскаго духа и міра,
Ты нашъ „Баянъ“ —
Небомъ роднымъ вдохновенный
Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный!

Но, отдавая должную дань удивленія генію Пушкина, мы обратимъ вниманіе на одну сторону его дѣятельности, а именно: на его заслуги въ исторіи развитія русскаго романа.

Пушкинъ, какъ писатель геніальный, дѣйствительно, въ своей дѣятельности является Протеемъ, т.-е. художникомъ многостороннимъ и всеобъемлющимъ. Самыя различныя чувства и мысли, времени и мѣста дѣйствія получаютъ художественное выраженіе въ его произведеніяхъ. Самыя разнообразныя формы поэзіи, начиная отъ мелкихъ лирическихъ произведеній до драмы принимаютъ новое направленіе въ поэтическихъ созданіяхъ Пушкина. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ напоминаетъ намъ собой колоссальные образы геніальныхъ дѣятелей эпохи преобразованій Петра Великаго — этого всесторонняго труженика на тронѣ, и Ломоносова (творца нашей словесности), одновременно являющагося и ученымъ, и литераторомъ, и поэтомъ. Въ эпохи переходныя какъ въ управленіи, такъ и въ области науки и литературы не можетъ быть увлеченія одною какою-либо сферою — все требуетъ обновленія, все привлекаетъ вниманіе геніальнаго дѣятеля. Пушкинъ дѣйствовалъ въ переходную эпоху литературы: цѣлою половиной своей поэтической дѣятельности онъ принадлежитъ къ прежнему подражательному періоду литературы и только во вторую половину является творцомъ новаго, такъ называемаго народно-художественнаго, направленія въ русской литературѣ, для развитія которой создалъ широкую программу.

Пушкинъ усердно потрудился на обширномъ полѣ русской литературы, и сѣмена, посѣянныя имъ, принесли обильные плоды во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи. Ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ періодовъ русской литературы не являлось такого большого числа поэтовъ, какое было вызвано поэзіею Пушкина. Но ни одинъ изъ видовъ поэзіи, новое направленіе которыхъ связано съ его именемъ, не получилъ такого широкаго и преобладающаго значенія въ современной нашей литературѣ, какъ романъ. Изъ всѣхъ литературныхъ формъ, по замѣчанію одного изъ знатоковъ русской словесности (Ореста Миллера), нравоописательный романъ пріобрѣлъ особенное право гражданства въ русской литературѣ и наиболѣе удается нашимъ писателямъ. Съ нравоописательнымъ романомъ связаны извѣстныя всѣмъ имена Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, графа Льва Толстого, Достоевскаго, Писемскаго, Лѣскова, Рѣшетникова, Печерскаго и многихъ другихъ. Благодаря трудамъ ихъ романъ получилъ особенное общественное значеніе. Онъ касается всевозможныхъ сторонъ русской жизни, сословій и всѣхъ состояній большихъ городовъ и захолустьевъ, при чёмъ путемъ самаго новаго психологическаго анализа дѣйствій и страстей, правъ и обязанностей, разъясняетъ смыслъ жизни, движетъ, руководитъ и воспитываетъ общественную совѣсть. Такое направленіе современному русскому роману первый указалъ Пушкинъ въ своемъ „Евгеніи Онѣгинѣ“ и отчасти въ другихъ повѣстяхъ.

Вспомнимъ, какого рода романы увлекали читающую публику въ началѣ настоящаго столѣтія. Здѣсь на первомъ планѣ прежде всего

слѣдуетъ поставить сентиментальныя произведенія Карамзина и его подражателей. „Бѣдная Лиза“ Карамзина, надъ которою наши читательницы проливали слезы, была попыткою создать повѣсть изъ русской жизни, но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ. Хотя дѣйствіе повѣсти происходитъ въ окрестностяхъ Москвы, имена лицъ русскія, но въ повѣсти нѣтъ и намека на русскую жизнь. Изображая чувствительную крестьянку, авторъ совершенно оставилъ въ сторонѣ тѣ условія жизни, безъ которыхъ немыслимо представленіе человѣка, какъ продукта (произведенія) извѣстнаго времени и мѣста. Впрочемъ, это и не требовалось иностранными писателями, которымъ въ этомъ случаѣ рабски подражалъ Карамзинъ и его послѣдователи. Главное вниманіе обращалось исключительно на то, чтобы растрогать сердце читателя, при чёмъ допускались самыя рѣзкія несообразности въ психическомъ смыслѣ. Героиня извѣстной повѣсти Карамзина „Наталья“ влюбляется въ Алексѣя въ одну минуту, увидѣвъ его въ первый разъ, не слыхавъ отъ него ни одного слова. По этому поводу Карамзинъ вставляетъ въ повѣсть оговорку: „Милостивые государи! я разсказываю, какъ происходило самое дѣло. Не сомнѣвайтесь въ истинѣ; не сомнѣвайтесь въ силѣ того взаимнаго влеченія, которое чувствуютъ два сердца, другъ для друга сотворенныя! А кто не вѣритъ симпатіи, тотъ поди отъ насъ прочь и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру“. Въ такихъ чувствительныхъ душахъ въ то время не было недостатка. Къ числу ихъ Пушкинъ относитъ своего Ленскаго,

Который вѣрилъ,
Что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его всечасно ждетъ она.

Въ то же время литература наша наводнялась переводными романами. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія романы нравоучительные, въ которыхъ порокъ всегда наказывался, а добродѣтель награждалась. Герои и героини, несмотря на многочисленныя искушенія, остаются добродѣтельными, всѣ же злодѣи описываются самыми черными красками. Пушкинъ прекрасно охарактеризовалъ подобнаго сорта романы въ слѣдующей строфѣ Онѣгина:

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало пламенный творецъ,
Являлъ намъ своего героя,
Какъ совершенства образецъ,
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой.
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

Охотники до соблазнительнаго чтенія, не знавшіе французскаго языка, читали переводы нѣкоторыхъ романовъ, временъ Людовика XV и революціи, въ которыхъ безнравственныя явленія возводились въ образецъ. Въ двадцатыхъ годахъ эти романы имѣли свой довольно обширный

кругъ читателей, и вытѣснили правоучительные романы, что дало поводъ Пушкину замѣтить:

А нынѣ всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на васъ наводитъ сонъ,
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.

Не менѣе интересное, но въ то же время и самое безполезное чтеніе представляли ужасно-чудесные романы Радклифъ. Ея романы съ балладами возбуждали въ душѣ читателя чувство страха представленіемъ таинственныхъ лицъ и событій, хотя, въ концѣ концовъ, всѣ видѣнія, загадочные звуки или сводились къ какой-нибудь пружинѣ въ стѣнѣ, подземному ходу, или искусственной акустикѣ. Но уже въ то время нѣкоторые журналы находили, что романы Радклифъ болѣзненно дѣйствуютъ на нервы женщинъ, изъ которыхъ иныя не спали три ночи, прочитавъ страшный романъ.

Самостоятельныя произведенія русскихъ романистовъ являются рабскимъ подражаніемъ иностраннымъ образцамъ. Нашъ романистъ того времени прежде всего заботился о томъ, чтобы наполнить свое произведеніе диковинными приключеніями, при чёмъ искажалъ событія и характеры. Искаженіе нерѣдко доходило до того, что безъ всякаго стѣсненія прилаживали испанскіе обычаи къ русскому сюжету, простолюдиновъ заставляли выражаться литературнымъ языкомъ. При всемъ своемъ стараніи стать на ряду съ иностранными образцами, наши романисты не имѣли обширнаго круга читателей. Разсуждая о книжной торговлѣ и о любви къ чтенію, Карамзинъ говоритъ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія изъ всѣхъ родовъ книгъ у насъ больше всего читались романы и что въ этомъ родѣ иностранные авторы отбиваютъ славу у русскихъ.

Не говоря уже о безобразномъ языкѣ и формѣ изложенія, переводные романы и подражанія имъ отличались однимъ существенно важнымъ недостаткомъ, а именно — отсутствіемъ всякой связи съ современною жизнью, а между тѣмъ чтеніе ихъ принимало болѣзненный характеръ. Попытки журналистики остановить увлеченіе не имѣли успѣха. Публика искала въ беллетристикѣ пріятнаго развлеченія, она читала романы, потому что они нравились ей какъ романы, безъ всякой мысли о ихъ нравственномъ вредѣ или пользѣ. Исправить вкусъ ея могъ только сильный поэтическій талантъ. Это великое дѣло совершилъ поэтическій геній Пушкина, и увлеченная имъ читающая публика мало-по-малу отшатнулась отъ прежнихъ романовъ, не отличавшихся никакими ни внутренними ни внѣшними достоинствами.

Выступая въ свѣтъ со своимъ Онѣгинымъ, Пушкинъ, совершенно отрѣшился отъ прежнихъ традицій въ области романа, мимоходомъ, но мѣтко осмѣявъ ихъ въ своемъ произведеніи. Самъ Пушкинъ называетъ свой романъ:

Собраньемъ пестрыхъ главъ
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
. . . .
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Дѣйствительно, все это есть въ его романѣ — и холодныя наблюденія ума и горестныя „замѣты" сердца. Пушкинъ внимательно вглядѣлся въ общественную жизнь и изобразилъ ее со всѣмъ, что въ ней было, съ ея холодомъ, прозою и пошлостью. Онъ хорошо понялъ, что, для изображенія современнаго ему общества, надобно имѣть романъ, а не эпическую поэму. До Пушкина, строго судя, у насъ не было національнаго романа. „Евгеній Онѣгинъ" былъ первымъ блистательнымъ опытомъ въ этомъ родѣ поэзіи, опытомъ, который произвелъ такой же переворотъ въ нашихъ понятіяхъ о романѣ, какой почти одновременно совершонъ былъ Грибоѣдовымъ въ области русской комедіи. Романъ Пушкина впервые изобразилъ живыя лица, а не манекеновъ, какими были герои и героини прежнихъ романовъ, впервые, наконецъ, заговорилъ человѣческимъ языкомъ, соотвѣтствовавшимъ и духу, и времени, и положенію дѣйствующихъ лицъ. Но всего драгоцѣннѣе для насъ въ его романѣ — это его народность въ широкомъ значеніи этого слова, хотя Пушкинъ и изображаетъ въ немъ образованное общество. „Истинная народность", говоритъ Гоголь, „состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ произведенія; поэтъ можетъ быть народнымъ даже тогда, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что его соотечественникамъ кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами".

Пушкинъ первый изъ нашихъ поэтовъ изобразилъ съ полною опредѣленностью характеры русскихъ женщинъ. Въ лицѣ Татьяны Пушкинъ нарисовалъ намъ трогательный образъ даровитой и энергической русской дѣвушки съ глубокой и сильной душой. Съ легкой руки Пушкина женскіе типы какъ-то болѣе удаются нашимъ романистамъ. Особенно они удачны у Тургенева и Достоевскаго.

Пушкину часто ставятъ въ вину недостатокъ въ его романѣ объективности, составляющей существенный признакъ всякаго эпическаго произведенія. Но кто же въ настоящее время не согласится съ тѣмъ, что дѣленіе литературы на строго замкнутые отдѣлы отжило свое время. Романъ имѣлъ, конечно, свои характеристическія черты, но не имѣлъ опредѣленныхъ границъ. Соприкасаясь, съ одной стороны, съ лирической поэзіей, а иногда соединяетъ въ себѣ существенныя условія драмы. Романистъ, какъ и лирическій поэтъ, имѣетъ дѣло съ живыми людьми, а не съ бездушными предметами, отсюда возможность, почти неизбѣжность симпатій и антипатій. Слѣдовательно, всѣ лирическія отступленія, которыя такъ обильно разсѣяны въ романѣ Пушкина, скорѣе составляютъ его достоинство, чѣмъ недостатокъ.

Пушкинъ по натурѣ своей былъ существомъ любящимъ, симпатичнымъ, готовымъ протянуть руку каждому, кто казался ему человѣкомъ. Несмотря на пылкость, способную доходить до крайности, въ немъ было много дѣтски-кроткаго, нѣжнаго, мягкаго. Все это отразилось на его произведеніяхъ особенно въ его романѣ, который признается самымъ задушевнымъ произведеніемъ Пушкина.

Это особенная, исключительно свойственная Пушкину, черта задушевнаго и глубокаго уваженія ко всякому благородному порыву, которая невольно заставляетъ насъ признать романъ Пушкина произведеніемъ классическимъ, обладающимъ всѣми свойствами, необходимыми для образованія не только эстетическаго, но и нравственнаго чувства читателя.

Только что выясненныя черты Пушкинскаго романа и лежатъ въ основѣ всѣхъ произведеній нашихъ современныхъ романистовъ, увлекающихъ читающую публику. Но то, что восхищаетъ насъ въ современныхъ широко-захватывающихъ жизнь романахъ, ведетъ свое начало отъ Пушкина, который, по всей справедливости, долженъ быть признанъ отцомъ русскаго правоописательнаго романа. Онъ первый сблизилъ его съ жизнью, онъ первый открылъ въ области романа новое, нетронутое поле народности, развернувъ широкую канву послѣдующимъ романистамъ. Онъ первый опредѣленно обозначилъ такіе предметы, которые впослѣдствіи образовали въ области романа разныя направленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ отношеніяхъ новѣйшіе романисты наши превзошли Пушкина, ставъ съ вѣкомъ наравнѣ, но всѣ они воспитывались на сочиненіяхъ Пушкина и являются болѣе или менѣе его учениками.

Вокругъ него, какъ вкругъ свѣтила
Вновь разсвѣтающаго дня,
Блеснули звѣзды дарованій.
Онъ эти звѣзды вдохновилъ
И въ нихъ съ восторгомъ упованій
Святой свой пламень заронилъ,
И этимъ пламенемъ поэта
Облагороженъ и согрѣтъ
До нашихъ дней въ волненьяхъ свѣта
И лѣтописецъ и поэтъ.

Малиновскій.

Новый романъ нашъ обязанъ реформаторской дѣятельности Пушкина. Оглядываясь на предшествующій ему періодъ, мы найдемъ чувствительныя повѣсти Карамзина и Жуковскаго, грубовато-юмористическіе, многотомные романы малоросса Нарѣжнаго, — словомъ, то пріукрашенную, то карикатурную дѣйствительность, и нигдѣ — ни слѣда настоящей русской жизни во всей ея незатѣйливости, жизни не городской только, но и захолустной, провинціальной, народной. „Евгеній Онѣгинъ“ является поэтому настоящимъ откровеніемъ: эта возможность въ изящномъ, тонко насмѣшливомъ стихѣ бесѣдовать о повседневной житейской мелочи, выдвигать въ героѣ романа или поэмы людей изъ обыденнаго круга, переносить въ поэтическое произведеніе весь циклъ деревенскихъ интересовъ, воззрѣній, повѣрій и сдѣлать подобный разсказъ увлекательнымъ полагала въ сущности начало русскому общественному роману. Герои Лермонтова, Тургенева, Толстого — прямые потомки этихъ первыхъ Пушкинскихъ героевъ, и тѣсная внутренняя связь ихъ между собою не разъ обращала на себя вниманіе изслѣдователей нашей новѣйшей культуры; эта связь ведетъ отъ Онѣгина къ Печорину, Рудину, Инсарову, Базарову, и къ новымъ

типамъ, складывающимся въ современную намъ эпоху. Каждая пора выставила въ этой галлереѣ характеровъ своего излюбленнаго героя, и мы уже признаемъ это вполнѣ законнымъ, думаемъ, что иначе и быть не можетъ, — что романъ не мыслимъ безъ такого вѣрнаго отраженія общественнаго настроенія. Но если вспомнимъ, *кто* положилъ у насъ конецъ старому воззрѣнію на романъ, какъ на исключительно занимательное чтеніе, полное небывалыхъ вымысловъ, то и тутъ виновникомъ обновленія является снова Пушкинъ.

Но не только романъ соціальный получилъ свое начало благодаря Пушкину — онъ же создалъ намъ и историческій романъ, не имѣя никакихъ предшественниковъ, кромѣ той же сентиментальной исторической манеры Карамзина. Скажемъ больше: онъ первый показалъ, какъ слѣдуетъ обрабатывать тѣ данныя, которыя завѣщала русской литературѣ былая исторія, будетъ ли для этой обработки избрана форма драмы, романа или исторической поэмы. Какъ послѣ Озеровскаго „Димитрія Донского" явился „Борисъ Годуновъ", такъ послѣ дебелой „Россіяды" Хераскова явилась „Полтава", оживившая черты великаго обновителя Россіи, одного изъ любимѣйшихъ героевъ Пушкинской поэзіи, — такъ послѣ Карамзинской „Натальи, боярской дочери" явилась „Капитанская дочка" и „Арапъ Петра Великаго", гдѣ впервые живо отразились въ романѣ двѣ крупныя, треволненныя эпохи новой русской исторіи. Этотъ поэтъ, казалось, въ такой степени привязанный къ текущей злобѣ дня, умѣлъ всецѣло переноситься въ далекое прошлое, и тогда вызывать такіе правдивые типы, какъ чернецъ Пименъ, комендантъ Иванъ Кузьмичъ, дядька Савельичъ или чернецы въ литовской корчмѣ, — и въ этомъ умѣньѣ воскрешать именно подобныя бытовыя, обыденныя черты прошлаго, столь же трудно достижимомъ, какъ и правдивая передача характера историческихъ личностей, онъ остается до сихъ поръ законодателемъ для послѣдовавшаго поколѣнія нашихъ историческихъ романистовъ.

То же художественное чутье, которое внушило Пушкину вѣрное пониманіе многихъ сторонъ русской старины, сдѣлало изъ него, несмотря на все французское его воспитаніе, страстнаго цѣнителя русской народности. *Веселовскій.*

Источники „Бориса Годунова".

Не можетъ подлежать спору, что „Исторія Государства Россійскаго" служила для Пушкина важнымъ пособіемъ при ознакомленіи съ событіями русской исторіи 1598—1605 годовъ. Но не по одной лишь исторіи Карамзина изучалъ Пушкинъ время царя Бориса. „Карамзину", говоритъ поэтъ, „слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; *въ лѣтописяхъ* старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени". Въ то время, когда работалъ Пушкинъ, было уже издано нѣсколько памятниковъ, имѣющихъ первостепенную важность при изученіи смутной эпохи: такъ называемой Новый Лѣтописецъ, Житіе

царя Θеодора Ивановича, составленное патріархомъ Іовомъ, Сказаніе Авраамія Палицына, Грамота объ избраніи Бориса Годунова. Много извѣстій о времени Бориса и самозванца собрано было Щербатовымъ въ VII томѣ его Исторіи Россійской. Присматриваясь къ трагедіи Пушкина, мы найдемъ въ ней слѣды знакомства поэта съ такими извѣстіями, которыхъ нѣтъ у Карамзина и которыя свидѣтельствуютъ объ исторической начитанности автора „Бориса“. Вотъ два примѣра.

Богъ излюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась, а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едино зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Θеодоръ
И называть великимъ патріархомъ..,
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.

У Карамзина (т. X, примѣч. 372) замѣчено только: „Пишутъ, что онъ умирая видѣлъ ангела“ и пр. Источникъ Пушкинскаго разсказа — жизнеописаніе царя Θеодора, составленное патр. Іовомъ: „Прежде пришествія патріархова видѣлъ нѣкакова пришедша къ нему мужа свѣтла во святительскихъ одеждахъ и глаголетъ благочестивый царь внезапу предстоящимъ бояромъ своимъ, повелѣваетъ отступити отъ одра его, да устроятъ мѣсто нѣкоему, патріархомъ нарицая его... Они же глаголаша ему: благочестивый царь и великій князь Θеодоръ Ивановичъ всеа Русіи, кого, государь, зриши и с кимъ глаголеши, еще бо отцу твоему Иеву патріарху не пришедшу, кому повелѣваеши мѣсто устроити? Онъ же отвѣщавъ рече имъ: зрите ли, у одра моего предстоитъ мужъ свѣтелъ во одежди святительстѣй, иже ми глаголя с собою повелѣваетъ; они же чудишася на многъ часъ, царя убо единого зряще... мужа же не видяще, ни гласа его не слышаще и мнѣша воистину ангела Божія пришедша к нему и возвѣщающа ему к Богу отшествіе“.

Другой примѣръ. Пушкинъ рисуетъ сцену, къ которой выступаетъ самозванецъ послѣ пораженія при Сѣвскѣ.

ЛѢСЪ.

Самозванецъ и Пушкинъ. *(Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій.)*

Самозванецъ.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И, раненый, какъ быстро несъ меня!...
Мой бѣдный конь!

Пушкинъ *(про себя)*.

Ну вотъ о чемъ жалѣетъ,
Объ лошади, когда все наше войско
Побито впрахъ!

Самозванецъ.

Послушай, можетъ быть,
Отъ раны онъ лишь только заморился
И отдохнетъ.

Пушкинъ.

Куда! онъ издыхаетъ.

Самозванецъ *(идетъ къ коню)*.

Мой бѣдный конь!... что дѣлать? снять узду,
Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Издохнетъ онъ. *(Разнуздываетъ и разсѣдлываетъ коня.*
Входятъ нѣсколько ляховъ.)

Основой этой картины послужило извѣстіе, находящееся у Петрея и повторенное г. Миллеромъ и кн. Щербатовымъ.

„Г. Миллеръ, — замѣчаетъ Щербатовъ,—послѣдуя Петрею, говоритъ, что на семъ побоищѣ лошадь подъ самимъ самозванцемъ была ранена, и онъ едва могъ спастися отъ плѣненія". У Карамзина нѣтъ извѣстія объ убитомъ конѣ самозванца.

Я указываю на эти мелочи потому, что онѣ знакомятъ насъ съ тою предварительной, черновой работой, которая скрывается за художественными, картинами, развертывающимися передъ нами въ трагедіи Пушкина. Эта черновая работа не сводилась къ чтенію „Исторіи Государства Россійскаго". Поэтъ, знакомый съ разнообразными извѣстіями о Борисѣ и самозванцѣ, могъ, напротивъ, свободно, и самостоятельно отнестись къ разсказу Карамзина, могъ придавать только значеніе такимъ указаніямъ, которыя были отвергнуты историкомъ, могъ расходиться съ нимъ въ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ извѣстій. Укажу опять два примѣра.

Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить,
Невластны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца, радъ не радъ
Корми его! не смѣй переманить
Работника! не то—въ приказъ холопій!
Ну, слыхано ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Такъ говоритъ бояринъ Пушкинъ. Извѣстно, что царь Борисъ въ 1601 году возстановилъ, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, значеніе Юрьева дня. Сообщивъ содержаніе Борисова указа о крестьянахъ, Карамзинъ замѣчаетъ:

„Увѣряютъ, что измѣненіе устава древняго и нетвердость новаго, возбудивъ негодованіе многихъ людей, имѣли вліяніе и на бѣдственную судьбу Годунова; но сіе любопытное сказаніе историковъ XVIII вѣка не основано на извѣстіяхъ современниковъ, которые единогласно хвалятъ мудрость Бориса въ дѣлахъ государственныхъ". Подъ сказаніями XVII вѣка Карамзинъ разумѣетъ извѣстіе Татищева (повторенное и Щербатовымъ): „Сей законъ о вольности попрежнему крестьянъ онъ (Годуновъ) учинилъ противъ своего разсужденія... надѣясь тѣмъ ласканіемъ болѣе духовнымъ и вельможамъ угодить и себя на престолѣ утвердить, а роптаніе и многія тяжбы пресѣчь; но вскорѣ услыша

большее о семъ негодованіе и ропотъ, что духовные и вельможи, имѣющіе множество пустыхъ земель, отъ малоземельныхъ дворянъ крестьянъ себѣ перезвали, *принужденъ паки вскорѣ перемѣнить и не токмо крестьянъ, но и холопей невольными сдѣлалъ: изъ чего великая бѣда приключилась и большею частію чрезъ то престолъ съ жизнію всея своея фамиліи потерялъ, а государство великое разореніе претерпѣло*". Пушкинъ не раздѣлялъ, какъ видно, недовѣрія Карамзина къ этимъ показаніямъ Татищева. Въ приведенной выше тирадѣ поэтъ повторяетъ извѣстіе историка XVIII вѣка — извѣстіе отвергнутое Карамзинымъ.

Разсказывая о содѣйствіи, которое оказывали самозванцу нѣкоторые польскіе паны, Карамзинъ говоритъ: „Главою и первымъ ревнителемъ сего подвига сдѣлался старецъ Мнишекъ, коему старость не мѣшала быть ни честолюбивымъ ни легкомысленнымъ до безразсудности. Онъ имѣлъ юную дочь прелестницу Марину, подобно ему честолюбивую и вѣтреную: Лжедимитрій, гостя у него въ Самборѣ, *объявилъ себя искренно или притворно страстнымъ ея любовникомъ и вскружилъ ей голову именемъ царевича;* а гордый воевода съ радостію благословилъ сію взаимную склонность въ надеждѣ видѣть Россію у ногъ своей дочери, какъ наслѣдственную собственность его потомства". Пушкинская Марина совсѣмъ не похожа на эту вѣтреную прелестницу Карамзина. Не самозванецъ кружитъ голову Пушкинской Маринѣ; Марина вскружила голову самозванцу: она умѣла вырвать у него признаніе въ обманѣ, она же заставила его забыть это признаніе...

Нѣтъ! легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ
Или хитрить съ придворнымъ езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ:
И путаетъ, и вьется, и ползетъ.
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ —
Змѣя, змѣя!... Не даромъ я дрожалъ:
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но рѣшено: заутра двину рать.

Это признаніе самозванца, вся чудная сцена объясненія Димитрія и Марины — конечно, плодъ поэтическаго генія, а не историческихъ изученій, но нельзя все-таки не обратить вниманія на сходство Пушкинской Марины съ ея портретомъ, набросаннымъ въ „Краткой повѣсти о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ": „Сей Мнишекъ отъ втораго своего брака съ княжною Софіею Олончинскою имѣлъ рожденную дщерь, именемъ Марину, *дѣву гордую, хитрую и дерзновенную*, которая мня видѣть въ Отрепьевѣ законнаго наслѣдника россійскаго престола, *желала его супругою быть*, а и самъ Отрепьевъ, какъ ради красоты, такъ для обычая сея дѣвы, а паче надѣяся сими неразрывными узами присоединить къ себѣ два сильные въ Польшѣ рода, т.-е. Мнишковъ и Вишневецкихъ, желалъ сего супружества. *Сокрытыя въ сердцѣ ихъ мысли вскорѣ открылись*, а отецъ Марининъ, воображая дочери своей

великое щастіе въ семъ супружествѣ, на сіе соизволилъ и дочь свою сему самозванцу обѣщалъ". Этотъ безыскусственный разсказъ — точно блѣдный, грубый набросокъ той яркой, художественной законченной картины, которая открывается передъ нами въ сценѣ у фонтана.

Приведенныя указанія не касаются еще существа дѣла, изображенія Бориса и его судьбы, но этихъ указаній достаточно, чтобы усомниться въ справедливости замѣчанія о какой-то рабской зависимости Пушкина отъ Карамзина. Постараемся провѣрить эти сомнѣнія сопоставленіемъ изображеній Борисова царствованія, которыя находимъ у Карамзина и Пушкина.

Одинъ изъ любимыхъ литературныхъ пріемовъ Карамзина, какъ историческаго живописца, — рѣзкій переходъ отъ свѣта къ тѣни, отъ картинъ, полныхъ блеска и радости, къ картинамъ мрачнымъ и грустнымъ. Нигдѣ эта любовь Карамзина къ историческимъ контрастамъ не выразилась такъ ярко, какъ въ разсказѣ о царствованіи Бориса Годунова. Въ I главѣ XI тома Исторіи Государства Россійскаго предъ нами рисуется величественная и трогательная картина, центромъ которой является излюбленный народомъ царь, вызывающій общіе восторги, распространяющій вокругъ себя радость и счастье. 30 апрѣля 1598 года новый царь появился въ Москвѣ. „Сей день", замѣчаетъ историкъ, „принадлежитъ къ торжественнѣйшимъ днямъ Россіи въ ея исторіи. Въ часъ утра духовенство съ крестами и съ иконами, синклитъ, дворъ, приказы, воинство, всѣ граждане ждали царя у Каменнаго моста"... Прибывшій Борисъ „милостиво привѣтствовалъ всѣхъ, и знатныхъ и незнатныхъ, представилъ имъ царицу, давно извѣстную благочестіемъ и добродѣтелію искреннею, — девятилѣтняго сына и шестнадцатилѣтнюю дочь, ангеловъ красоты. Слыша восклицанія народа: „Вы наши государи, мы ваши подданные", Ѳеодоръ и Ксенія вмѣстѣ съ отцомъ ласкали чиновниковъ и гражданъ; такъ же, какъ и онъ, взявъ у нихъ хлѣбъ соль, отвергнули золото, серебро и жемчугъ, поднесенные имъ въ даръ, и звали всѣхъ обѣдать къ царю. Невозбранно тѣснимый безчисленною толпою людей, Борисъ шелъ за духовенствомъ съ супругою и съ дѣтьми, какъ добрый отецъ семейства и народа, въ храмъ Успенія... Отслушавъ литургію, новый самодержецъ, провожаемый боярами, обходилъ всѣ главные церкви кремлевскія, вездѣ молился съ теплыми слезами, вездѣ слышалъ радостный крикъ гражданъ и, держа за руку своего юнаго наслѣдника, а другою ведя прелестную Ксенію, вступилъ съ супругою въ палаты царскія". Въ томъ же 1598 году Борисъ, услышавъ, о движеніи крымскаго хана, издаетъ указъ о сборѣ войска. „Сей указъ произвелъ удивительное дѣйствіе: не было ни ослушныхъ ни лѣнивыхъ; всѣ дѣти боярскія, юныя и престарѣлыя, охотно садились на коней; городскія и сельскія дружины, безъ отдыха спѣшили къ мѣстамъ сборнымъ... Видѣли, чего не видали дотолѣ: полмилліона войска, какъ увѣряютъ, въ движеніи стройномъ, быстромъ съ усердіемъ несказаннымъ, и съ довѣренностію безпредѣльною... Исчезло самое мѣстничество: воеводы

спрашивали только, гдѣ имъ быть, и шли къ своимъ знаменамъ, не справляясь съ разрядными книгами о службѣ отцовъ и дѣдовъ". 1 сентября совершалось царское вѣнчаніе Бориса. Среди богослуженія случилось нѣчто неожиданное. Борисъ схватился за свою рубаху, готовый сбросить ее въ пользу неимущихъ; „отдать и сію послѣднюю народу", говорилъ онъ. „Тогда единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе: слышны были только клики умиленія и благодарности въ храмѣ; бояре славословили монарха, народъ плакалъ". Вы еще не успѣли налюбоваться этой картиной общаго счастія, какъ историкъ быстрымъ движеніемъ мѣняетъ стекло въ своемъ волшебномъ фонарѣ. Открывается мрачная картина, на которой рисуются какіе-то призраки, мучащіе подозрительнаго и угрюмаго властителя. Борисъ окружаетъ себя шпіонами, ищетъ какихъ-то измѣнниковъ, невинныхъ людей заключаетъ въ тюрьму, отправляетъ въ ссылку.

„Сонмы измѣнниковъ, если не всегда награждаемыхъ, то всегда свободныхъ отъ наказанія за ложь и клевету, стремились къ царскимъ палатамъ изъ домовъ боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей: слуги доносили на господъ, иноки, попы, дьячки, просвирницы на людей всякаго званія, — самыя жены на мужей, самыя дѣти на отцовъ, къ ужасу человѣчества!" Что же было причиной такой перемѣны въ царѣ Борисѣ? По взгляду Карамзина, искать эту причину въ ходѣ событій того времени было бы излишне. Причина скрывалась въ самомъ Борисѣ, въ его прошломъ. Всѣ эти бояре, подозрѣваемые Борисомъ, были только „страшилищами для Борисова изображенія". Россія желала „забыть убіеніе Димитрія или сомнѣвалась въ ономъ. Но вѣнценосецъ зналъ свою тайну и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной... Внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, обнаружилось въ царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило всю Россію". Измѣнился царь, измѣнились и отношенія народа къ царю. Навстрѣчу страшилищамъ Борисова воображенія поднялся изъ могилы грозный призракъ, который несъ гибель Борису и его семьѣ. „Народы всегда благодарны: оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, россіяне искренно славили царя, когда онъ подъ личиною добродѣтели казался имъ отцомъ народа, но, признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его и за настоящее и за минувшее: въ чемъ, можетъ-быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостовѣрились, и кровь Димитріева явнѣе означалась для нихъ на порфирѣ губителя невинныхъ..." Появляется самозванецъ. „Никто изъ россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возрасталъ на глазахъ всего Углича, и коего видѣлъ весь Угличъ мертваго, въ теченіе пяти дней орошавъ его тѣло слезами: слѣдственно россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію царевича; но они *не любили Бориса!* Сіе несчастное расположеніе готовило ихъ быть жертвою обмана". Борисъ собираетъ войско. Но всѣ его „мѣры", угрозы и наказанія недѣль въ шесть соединили до пятидесяти тысячъ всадниковъ въ Брянскѣ, вмѣсто пол-

милліона, въ 1598 году ополченнаго призывнымъ словомъ царя, *коего любила Россія*“.

Итакъ, въ 1604 году Россія уже не любила Бориса; ранѣе въ 1598 году, она напротивъ любила его. Но дѣйствительно ли любила? Есть извѣстія, что избраніе Бориса прошло не безъ противодѣйствія нѣкоторыхъ бояръ, что и въ народѣ это избраніе не встрѣтило искренняго восторга. Карамзинъ зналъ, конечно, эти извѣстія, но вѣрный своему основному взгляду на судьбу Бориса, своему плану, дѣлившему царствованіе Годунова на двѣ не похожія одна на другую картины, онъ постарался обойти эти извѣстія. Любопытно при этомъ сопоставить разсказъ Карамзина объ избраніи Бориса съ нѣкоторыми примѣчаніями, сопровождающими этотъ разсказъ. Въ текстѣ исторіи (на основаніи свидѣтельства избирательной грамоты) говорится, что на избирательномъ соборѣ указаніе на Бориса, сдѣланное патріархомъ Іовомъ, встрѣчено было общимъ восторгомъ: „Усердіе обратилось въ восторгъ, и долго нельзя было ничего слышать, кромѣ имени Годунова, громогласно повторяемаго всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ“. Въ примѣчаніи (389) читаемъ: „Въ лѣтописи сказано (см. Никоновскую лѣтопись), что одни Шуйскіе *не хотѣли Годунова на царство*, однакожъ и Шуйскіе не противорѣчили“. Движеніе духовенства и народа къ Новодѣвичьему монастырю, гдѣ таился Борисъ изображается такъ: „Соборомъ отпѣвъ литургію, патріархъ снова и тщетно убѣждалъ Бориса не отвергать короны, велѣлъ нести иконы и кресты въ кельи царицы: тамъ со всѣми святителями и вельможами преклонилъ главу до земли... и въ это самое мгновеніе, по данному знаку, все безчисленное множество людей въ кельяхъ, въ оградѣ, внѣ монастыря, упало на колѣни, съ воплемъ неслыханнымъ: всѣ требовали царя, отца, Бориса. Матери кинули на землю своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика. Искренность побѣждала притворство; вдохновеніе дѣйствовало и на равнодушныхъ и на самыхъ лицемѣровъ!“ Въ примѣчаніи (397): „Въ одномъ хронографѣ сказано, что нѣкоторые люди, боясь тогда не плакать, притворно мазали себѣ глаза слюною!“ Впечатлѣніе, оставляемое этими извѣстіями, нужно было, во чтобы то ни стало, если не уничтожить, то ослабить. Поэтому-то историкъ говоритъ объ искренности, побѣждавшей притворство, о какомъ-то вдохновеніи, дѣйствовавшемъ на равнодушныхъ и лицемѣровъ. Необходимо было убѣдить читателя, что на первыхъ порахъ Борисъ былъ дѣйствительно народнымъ любимцемъ.

Обратимся къ драмѣ Пушкина. Стоитъ только прочитать первыя сцены Пушкинскаго Бориса, — сценку свиданія Шуйскаго и Воротынскаго и сценку народной сходки на Дѣвичьемъ полѣ, чтобы убѣдиться, что между разказомъ историка и замысломъ поэта *нѣтъ сходства*. Трагедія Пушкина не укладывается въ ту рамку, которая охватываетъ царствованія Бориса въ Исторіи Государства Россійскаго.

Карамзинъ, упоминая о князьяхъ Рюриковичахъ, участвовавшихъ въ избраніи Годунова, говоритъ: „Тутъ находились князья Рюрикова

племени: Шуйскіе, Сицкіе, Воротынскій, Ростовскіе, Телятевскіе и столь многіе иные; но давно лишенные достоинства князей владѣтельныхъ, давно слуги московскихъ государей наравнѣ съ дѣтьми боярскими, они *не дерзали мыслить о своемъ наслѣдственномъ правѣ* и спорить о коронѣ съ тѣмъ, кто безъ имени царскаго уже тринадцать лѣтъ единовластвовалъ въ Россіи; былъ хотя и потомокъ мурзы, но братомъ царицы". Читаемъ у Пушкина разговоръ Шуйскаго съ Воротынскимъ и узнаемъ, что Рюриковичи дезрали мыслить о своемъ правѣ. Шуйскій говоритъ:

Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ —
Возметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынскій.

Такъ; родомъ онъ не знатенъ; мы знатнѣе,

Шуйскій.

Да, кажется.

Воротынскій.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
Легко сказать, природные князья.

Шуйскій

Природные и Рюриковой крови.

Воротынскій.

А слушай, князь, вѣдь мы бъ имѣли право
Наслѣдовать Ѳеодору.

Шуйскій.

Да, болѣ
Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій.

Что жъ?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать,
Пускай они оставятъ Годунова,
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ царя любого изберутъ.

Этотъ разговоръ — художественное развитіе лѣтописнаго намека о князьяхъ Шуйскихъ, которые Бориса „не хотяху на царство, узнаху его, что быти отъ него людемъ и себѣ гоненію".

Воротынскій говоритъ:

Не мало насъ, наслѣдниковъ варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,

Давно царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

Изъ сцены на Дѣвичьемъ полѣ мы узнаемъ, каково было это очарованіе народа.

Одинъ *(тихо).*
О чемъ тамъ плачутъ?

Другой.
А какъ намъ знать? *То вѣдаютъ бояре.*
Не намъ чета.

Воротынскій говоритъ объ очарованіи народа, а народъ, оказывается, ссылается на бояръ. Картина народнаго моленья получаетъ при этомъ видъ комической сцены:

Одинъ.
Всѣ плачутъ —
Заплачемъ, братъ, и мы!

Другой.
Я силюсь, братъ,
Да не могу.

Одинъ.
Я также. Нѣтъ ли луку?
Потремъ глаза.

Другой.
А я слюной намажу.
Что̀ тамъ еще?

Первый.
Да кто ихъ разберетъ!

Эти рѣчи — воспроизведеніе того извѣстія, которое Карамзинъ спряталъ, какъ мы видѣли, въ одномъ изъ примѣчаній: „Въ одномъ хронографѣ сказано, что нѣкоторые люди, боясь тогда не плакать, но не умѣя плакать притворно, мазали себѣ глаза слюною“. Любопытно, что не забылъ поэтъ и другой подробности, отмѣченной историкомъ: „матери кинули на землю своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика“.

У Пушкина:

Баба *(съ ребенкомъ).*
Ну, что жъ? Какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!... вотъ бука!
Плачь, баловень! *(Бросаетъ его оземь: ребенокъ пищитъ).*
Ну, то-то же!

Какъ подготовлялось избраніе Годунова въ цари, поэтъ не выясняетъ: остается лишь общее впечатлѣніе ловко веденной интриги, завершавшейся появленіемъ на столѣ московскихъ царей „вчерашняго раба“. Пушкина, очевидно, интересовало не самое избраніе, а отношеніе къ новому царю боярства и народа. Отношеніе боярства доста-

точно опредѣляется словами Шуйскаго: „Давай народъ искусно волновать!“ Что касается народа, то не видно пока его вражды къ Борису, но не видно и живого, дѣятельнаго сочувствія. Случайно собравшаяся толпа, которая должна представлять народъ, выкрикиваетъ то, что ей показано, и сама же подсмѣивается надъ своими восторгами. „Царь, коего любила Россія“, такъ называетъ Карамзинъ Бориса, изображая первую пору его царствованія. Нѣтъ, это не излюбленный землей, не земскій царь, скажемъ мы, прочитавъ первыя сцены Пушкинской драмы.

Но вотъ появляется передъ нами и самъ новоизбранный царь. Онъ говоритъ красивую рѣчь, въ которой обращается къ патріарху, боярству, народу:

Ты, отче патріархъ, вы всѣ, бояре!
Обнажена душа моя предъ вами;
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ...
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могучимъ Іоаннамъ,
Наслѣдую и ангелу-царю!...
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье,
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.

Мы не знаемъ, искрення или лжива эта рѣчь; говоритъ ли передъ нами дѣйствительно растроганный человѣкъ, или ловкій лицемѣръ; намъ ясно лишь то, что это — рѣчь заблуждающагося человѣка. Если Борисъ думаетъ обмануть своихъ слушателей, то тотъ, кто подслушалъ разговоръ Шуйскаго съ Воротынскимъ, народные толки на Дѣвичьемъ полѣ, скажетъ, что обманывающимся является при этомъ онъ самъ, этотъ искусный лицемѣръ. Если же Борисъ не лицемѣръ, если онъ искренно говоритъ о себѣ, какъ о народномъ избранникѣ, то заблужденіе его выступаетъ еще ярче!... Поэтому-то рѣчь царя, полная мира и любви, полная такихъ свѣтлыхъ надеждъ, оставляетъ въ насъ тяжелое и тревожное впечатлѣніе.

Царь говоритъ:

Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ..

А намъ слышатся въ это время злобныя рѣчи Шуйскаго, слышится смѣхъ народной толпы...

Великій обманъ, — таково общее впечатлѣніе, оставляемое въ насъ и сценой, гдѣ выступаютъ бояре, и сценой, гдѣ дѣйствуетъ народъ, и рѣчью царя. Но вѣдь обманъ раскроется же когда-нибудь, онъ не можетъ не раскрыться: сѣмя лжи, посѣянное самимъ избраніемъ Бориса, рано или поздно взойдетъ... Послѣ рѣчи Бориса Шуйскій и Воротынскій обмѣниваются коротенькими фразами, намекающими на ихъ прежній разговоръ.

Воротынскій.

Ты угадалъ.

Шуйскій.

А что?

Воротынскій.

Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйскій.

Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ.

Шуйскій.

Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать.

Теперь не время помнить... Но когда-нибудь, быть можетъ, и настанетъ время вспомнить.

Проходитъ пять лѣтъ послѣ избранія Бориса въ цари. Появляется самозванецъ, выдающій себя за царевича Дмитрія. „Мнѣніе м. Платона о Дмитріи Самозванцѣ", говоритъ Пушкинъ, „будто бы воспитанъ у езуитовъ, удивительно дѣтское и романическое. *Всякій былъ годенъ, чтобъ разыграть эту роль*". Говоря такъ, поэтъ даетъ понять, что успѣхъ самозванца обезпеченъ былъ, по его мнѣнію, не личностью мнимаго Дмитрія, а обстоятельствами того времени, суммой условій, воспитавшихъ и поддерживавшихъ самозванство. Условія эти указаны тѣмъ „злымъ чернецомъ", въ разговорѣ съ которымъ опредѣляется планъ Отрепьева:

Чернецъ.

Слушай. Глупый нашъ народъ
Легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ,
А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.
Племя древняго варяга и теперь любезно всѣмъ.
Ты царевичу ровесникъ... Если ты хитеръ и твердъ...
Понимаешь?

Григорій.

Понимаю.

Чернецъ.

Что же скажешь?

Григорій.

Рѣшено!
Я Дмитрій, я царевичъ!

Чернецъ.

Дай мнѣ руку; будешь царь!

О народѣ говоритъ и царь:

Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.

Мы видѣли народную толпу, выкликавшую имя Бориса; въ этой толпѣ не видно было любви къ Борису, но не было и открытаго нерасположенія къ нему. Теперь мы узнаемъ, что народное настроеніе успѣло выясниться и опредѣлиться, — выясниться не въ пользу Бориса. Призракъ народнаго избранничества разсѣялся. Борисъ увидѣлъ передъ собой народъ, готовый вѣрить всякой сплетнѣ, всякой клеветѣ, если только эта клевета не касалась его, Бориса. Но откуда шли эти дурные толки о Борисѣ, и отчего народъ такъ охотно имъ вѣрилъ?

Отвѣтъ даетъ сцена въ домѣ Шуйскаго. Въ Москву приходитъ вѣсть о самозванцѣ. Кто принесъ эту вѣсть? Кто первый узналъ о самозванцѣ? Вѣсть сообщена въ письмѣ Гаврилы Пушкина, московскаго боярина, перебравшагося въ Литву. Гонецъ передаетъ письмо Гаврилы его дядѣ, а тотъ собщаетъ затѣйливую новость Шуйскому... Шуйскій сразу оцѣнилъ значеніе литовской вѣсти:

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

Пушкинъ развиваетъ мысль Шуйскаго:

Такой грозѣ, что врядъ царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И по дѣломъ ему: онъ правитъ нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на колу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ, иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.

Въ этомъ разговорѣ Шуйскаго съ Пушкинымъ намъ слышится что-то знакомое. Мы припоминаемъ разговоръ Шуйскаго съ Воротынскимъ передъ избраніемъ Бориса. И тамъ и здѣсь появляется передъ нами кн. Василій Шуйскій, несомнѣнный врагъ Годунова, но врагъ тайный, умѣющій быть скрытнымъ; онъ бросаетъ лишь кое-какіе намеки, развивать которые представляетъ другимъ — Воротынскому, Пушкину. Въ пересудахъ этихъ бояръ обрисовывается передъ нами среда, съ давнихъ поръ враждебная Борису, но чувствовавшая себя недостаточно сильной для открытаго протеста.

Не мало насъ, наслѣдниковъ варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древнюю отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ...
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

Теперь, когда истинныя отношенія народа къ Борису успѣли достаточно выясниться, объ очарованіи народа не могло быть и рѣчи:

... А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй Самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Мы догадываемся теперь, какъ слагались и расходились дурные толки о Борисѣ. Толки эти росли и зрѣли на почвѣ боярскаго и народнаго недовольства. На эту же почву попадаетъ и вѣсть о Самозванцѣ. Вѣсть, очевидно, не заглохнетъ. Быть грозѣ великой...

Событія развертываются быстро. Около Самозванца собирается толпа русскихъ и поляковъ, одушевляемая надеждой на личную выгоду въ случаѣ успѣха претендента. Григорій, подстрекаемый этою толпой, въ ряды которой замѣшалась красавица Марина, объявляетъ открытую борьбу московскому царю:

Самозванецъ.

Кровь русская, о Курбскій, потечетъ!
Вы за царя подъяли мечъ, вы чисты;
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ-цареубійца!
Впередъ!

Курбскій.

Впередъ! и горе Годунову!
(Скачутъ. Поляки переходятъ черезъ границу.)

Если бы мы не знали, чѣмъ былъ силенъ Самозванецъ, эти слова показались бы намъ крикомъ безумца. Такъ именно и посмотрѣлъ на угрозы Самозванца царь Борисъ:

Возможно ли? Растрига бѣглый инокъ
На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
Нужна моимъ усерднымъ воеводамъ:
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ.
Спасайте градъ и гражданъ.

Басмановъ отвѣчаетъ:

Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
И замолчитъ и слухъ о Самозванцѣ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ; Богомъ
Тебѣ клянусь.

. Но немного прошло времени, и царь убѣдился, что справиться, съ мнимымъ Дмитріемъ не такъ легко. Царскія войска разбили Самозванца подъ Сѣвскомъ, но вѣсть объ этой побѣдѣ не радуетъ Бориса:

Онъ побѣжденъ. Какая польза въ томъ?
Мы тщетно побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ...

Московскій царь, располагавшій всѣми средствами государственной силы, чувствуетъ себя безпомощнымъ передъ какимъ-то бродягой, окруженнымъ наскоро собравшейся толпой! Такую толпу не трудно было разогнать, но за ней, очевидно, стояла какая-то другая сила...

„Николку маленькія дѣти обижаютъ“, — жалуется Борису юродивый. — Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича“. — „Молись за меня, бѣдный Николка!“ говоритъ царь. — „Нѣтъ, нѣтъ! Нельзя молиться за царя Ирода: Богородица не велитъ“. — Вотъ какія рѣчи пришлось выслушать Борису! Царь понималъ, что юродивый говорилъ лишь то, о чемъ молча думали другіе...

Борису нужно теперь выдерживать двойную борьбу: одна борьба идетъ на Украйнѣ государства, подъ Путивлемъ, Сѣвскомъ, Кромами, другая — въ сердцѣ государства, въ Москвѣ, на площадяхъ московскихъ. На Украйнѣ царскія войска бьются съ Самозванцемъ; въ Москвѣ царь борется съ землей. Изъ первой борьбы Борисъ могъ выйти побѣдителемъ, но гдѣ найдетъ онъ силы для другой, земской борьбы?

Царь объявляетъ Басманову, что онъ недоволенъ своими воеводами:

Нѣтъ, я ими недоволенъ —
Пошлю тебя начальствовать надъ ними,
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы,
Пускай ихъ спесь о мѣстничествѣ тужитъ!
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басмановъ.

Ахъ, государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь.

Царь.

День этотъ недалекъ;
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

Итакъ, для успѣха въ борьбѣ съ Самозванцемъ нужно прежде всего „презрѣть ропотъ знатной черни“, нужно уничтожить гибельный обычай мѣстничества. Оказывается, однако, что теперь, когда эта мѣра необходима, осуществить ее нельзя „дай сперва смятеніе народа мнѣ усмирить“. Борисъ попадаетъ въ какой-то волшебный кругъ. Само-

званецъ не ждетъ, а Борису нужно еще смятеніе народа усмирить, а затѣмъ гибельный обычай уничтожить.

У Бориса, правда, остается одна надежда. Онъ ласкаетъ Басманова, аппеллируетъ къ чувству личнаго честолюбія, — честолюбія, не опирающагося ни на родовую гордость ни на земское довѣріе. И вотъ, точно отвѣтъ на царскій призывъ, поднимается въ душѣ Басманова властолюбивая мечта:

Мысль важная въ умѣ его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ боярству родовому!
Соперниковъ во брани я не знаю;
У царскаго престола стану первый...
И можетъ-быть...

Можетъ-быть, и замѣщу Бориса... Царь самъ подсказалъ заговоръ.

Волшебный кругъ, обведенный судьбой вокругъ Бориса, замкнулся безысходно. Судьба можетъ оказать лишь одну милость несчастному царю, — предупредить позоръ развѣнчиванья, потери власти. Борису не пришлось, дѣйствительно, склонить голову передъ „разстригой“. Онъ умираетъ. Но эта смерть только начало конца. Мы должны еще увидѣть, какъ со смертью Бориса гибнетъ дѣло всей его жизни, гибнетъ его царственное наслѣдство.

Только что Борисъ закрылъ глаза, Басмановъ, съ которымъ такъ откровенно бесѣдовалъ Борисъ, на котораго онъ возлагалъ столько надеждъ, переходитъ на сторону Самозванца. На московской площади раздается крикъ:

Народъ! народъ! въ Кремль! въ царскія палаты!
Ступай вязать Борисова щенка!

Народъ *(несется толпою)*.

Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

Этимъ могла бы закончиться драма. Мы узнали судьбу Бориса до конца. Но поэтъ даетъ еще одну заключительную сцену. Марія и Ѳеодоръ Годуновы убиты сторонниками Самозванца. Мосальскій объявляетъ: „Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Ѳеодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли мертвые трупы“. — *Народъ въ ужасѣ молчитъ.* — Что жъ вы молчите? — продолжаетъ Мосальскій. — Кричите: да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!“ *Народъ безмолвствуетъ.* Извѣстно, что первоначальное заключеніе пьесы было иное. Въ рукописи пьеса оканчивается народнымъ возгласомъ: „Да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!“ На какомъ бы изъ этихъ двухъ варіантовъ мы ни остановились, сущность дѣла не мѣняется. Крикъ народа, который передъ тѣмъ „въ ужасѣ молчалъ“, не указываетъ, конечно, на перемѣну настроенія народной массы; за этимъ вынужденнымъ крикомъ кроется

все тотъ же ужасъ, на который указываетъ и народное безмолвіе. Этотъ ужасъ, это безмолвіе — нѣмой приговоръ Самозванцу.

Борисъ погибъ, но не обманъ, не призракъ, не Самозванецъ погубили его. Обманъ имѣлъ успѣхъ лишь какъ орудіе той грозной силы, съ которой не поладилъ Годуновъ. Самозванство названнаго Дмитрія, по взгляду Пушкина, было ясно для всѣхъ. Плѣнникъ на вопросъ Отрепьева:

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

отвѣчаетъ:

А говорятъ о милости твоей
Что ты, дескать (будь не во гнѣвъ), и воръ,
А молодецъ.

Пушкинъ говоритъ Басманову:

Россія и Литва
Димитріемъ давно его признали;
Но, впрочемъ, я за это не стою:
Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

Такой всѣмъ ясный обманъ могъ удаваться, пока была налицо причина, вызвавшая и поддерживавшая этотъ обманъ. Теперь Годунова не стало, его сынъ лишенъ престола. Самозванецъ сыгралъ свою роль. Раньше или позже онъ долженъ удалиться съ исторической сцены, снявъ свой театральный костюмъ, захваченный изъ казны московскихъ государей. Убійство, совершенное рьяными сторонниками Самозванца, не замедлило обнаружить истинное настроеніе, скрывавшееся за кажущимся успѣхомъ мнимаго Дмитрія. „Народъ въ ужасѣ молчитъ“. Это молчаніе могло быть прервано развѣ рѣчью какого-нибудь юродиваго, который напомнилъ бы новому царю объ убійствѣ Борисова сына, какъ напоминалъ онъ Борису о гибели Дмитрія... Приговоръ надъ Самозванцемъ уже составленъ. Наступитъ день, приговоръ войдетъ въ законную силу и будетъ объявленъ въ окончательной формѣ. *Ждановъ.*

Содержаніе и планъ „Бориса Годунова“.

Пушкинъ не далъ этому драматическому произведенію никакого родового названія; въ немъ нѣтъ раздѣленія на акты, и сцены безпрерывно слѣдуютъ одна за другою; мѣсто дѣйствія безпрерывно мѣняется; время же дѣйствія обнимаетъ собою цѣлые годы. Если эти внѣшности, изъ которыхъ только первая можетъ показаться необыкновенною, заставляли самого поэта сомнѣваться, точно ли его произведеніе можетъ-быть названо трагедіей, то это, однакожъ, ни минуты не должно приводить насъ въ раздумье — дать ему это назва-

ніе. Единство дѣйствія вездѣ строго сохранено и органически связуетъ части въ одно цѣлое. Планъ, ходъ и развитіе истинно-драматическія; впечатлѣніе, производимое цѣлымъ, также имѣетъ совершенно драматическій характеръ. Внѣшній объемъ равняется мѣрѣ обыкновенныхъ пяти актовъ,— и нисколько не было бы трудно, если бъ только это было нужно, распредѣлить эти пять актовъ для представленія на сценѣ. Но созданіе русскаго поэта имѣетъ такія же права на эти свободныя формы, какія имѣютъ историческія драмы Шекспира и Гётевы „Гёцъ Берлихингенскій“ и „Эгмонтъ“; оно по своему духу, по идеѣ и внутренней формѣ близко къ созданіямъ этихъ геніевъ. Мы дѣлаемъ особенное удареніе на словѣ „драма“ въ приложеніи къ *Борису Годунову* именно потому, что толпа очень обыкновенно и очень охотно не признаетъ того права, которое не выступаетъ открыто. Не признаетъ произведенія Пушкина драмою потому только, что онъ самъ не называетъ его такъ, было бы нисколько не лучше того, какъ и отрицать у Гёте искусство изящно писать по-нѣмецки; вѣдь Гёте сказалъ же гдѣ-то, что онъ не мастеръ писать по-нѣмецки. Такая скромность почти всегда бываетъ опасна, потому что толпа охотнѣе и больше вѣритъ словамъ, нежели дѣлу.

Матеріалъ драмы заимствованъ изъ русской исторіи, изъ самаго тревожнаго, изъ самаго богатаго событіями періода,— періода, въ который является Лжедимитрій. Но не онъ, не Лжедимитрій, какъ въ посмертномъ, неоконченномъ произведеніи Шиллера, является героемъ трагедіи, а какъ уже показываетъ заглавіе, Борисъ Годуновъ, который въ то время возсѣдалъ на русскомъ престолѣ. По смерти Іоанна Грознаго ему наслѣдовалъ въ царской власти старшій сынъ его Ѳедоръ; но эта власть вся сосредоточилась въ рукахъ его боярина (министра) Бориса Годунова, который далъ царю въ супружество свою сестру. Димитрій, младшій сынъ царя Іоанна Грознаго, воспитывался въ монастырѣ, находившемся въ небольшомъ городѣ Угличѣ, тамъ едва имѣя восемь лѣтъ отъ роду, онъ былъ умерщвленъ убійцами, которые, какъ носились темные тайные слухи, превратившіеся впослѣдствіи въ утвердительный общій голосъ, были посланы Борисомъ. По четырнадцати-лѣтнемъ царствованіи Ѳеодоръ умираетъ, его единственная дочь скончалалась еще прежде него, и на упраздненный тронъ восходитъ Борисъ Годуновъ, который не вдругъ принялъ корону, а сначала отказывался отъ нея для того, чтобы тѣмъ побудить бояръ и народъ еще сильнѣе, еще настойчивѣе упрашивать его на царство.

Первая сцену между двумя князьями, Шуйскимъ и Воротынскимъ, даетъ намъ знать сомнительное положеніе дѣлъ, тревожный безпорядокъ государства, желаніе народа, отреченіе Годунова,— отреченіе, которымъ Годуновъ, какъ думаетъ Шуйскій, только играетъ: иначе зачѣмъ же была пролита кровь юнаго Димитрія? Шуйскій самъ, по извѣстіи о смерти царевича, былъ посланъ отъ двора въ Угличъ изслѣдовать на мѣстѣ дѣло, и его разысканія не оставили въ немъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ родѣ и виновникѣ смерти; но истина не могла

быть тогда гласною точно такъ же, какъ и теперь. Оба князя не скрываютъ другъ отъ друга своей ненависти къ Борису и потакаютъ своимъ собственнымъ честолюбивымъ видамъ. Между тѣмъ народъ волнуется, не умолкая требуетъ рѣшенія. Борисъ принимаетъ, наконецъ, вѣнецъ; патріархъ и бояре присягаютъ ему, между ними Воротынскій и Шуйскій, изъ которыхъ послѣдній отпирается уже отъ словъ своихъ, незадолго имъ говоренныхъ. Это введеніе немногими мощными очерками ставитъ насъ въ самую средину событій, опредѣляетъ характеръ людей и заставляетъ ждать чего-то великаго. Драматическое изложеніе, въ высшей степени мастерское, отличается сжатостью и ясностью, богатствомъ и быстротою.

Пять лѣтъ спустя открывается новая сцена — въ Чудовомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Старый монахъ пишетъ при ночномъ свѣтильникѣ въ своей кельѣ лѣтопись своего времени; въ его же кельѣ молодой послушникъ, Григорій Отрепьевъ, спитъ и видитъ чудный сонъ величія и позора; проснувшись, онъ разсказываетъ его монаху. Пименъ успокоиваетъ его, восхваляетъ мирную монастырскую жизнь и горько сожалѣетъ о томъ времени, въ которое убійца занимаетъ престолъ. Юный Григорій жадно слушаетъ разсказъ о всѣхъ обстоятельствахъ Димитріевой смерти въ Угличѣ. Что царевичъ былъ умерщвленъ по приказу Годунова, — это является несомнѣннымъ; царевичъ имѣлъ бы теперь девятнадцать лѣтъ, былъ бы ровесникомъ Григорію, въ душу котораго запала мысль, развивавшаяся впослѣдствіи. Эта сцена также ведена рукою великаго мастера; ея характеристическая истина, ея сила — поразительны. Григорій убѣгаетъ изъ монастыря и оставляетъ записку, въ которой объявляетъ, что онъ будетъ царемъ въ Москвѣ; за бѣглецомъ отправляютъ погоню. Онъ спасся въ рѣшительную минуту, когда уже почти совсѣмъ погибалъ, присутствіемъ духа и мужествомъ, которые счастливо раскрываются въ немъ въ началѣ его преступнаго предпріятія. Онъ пробирается въ Польшу, находитъ тамъ себѣ приверженцевъ и вооружается на походъ въ Россію. При царскомъ дворѣ Шуйскій получаетъ это извѣстіе черезъ Аѳанасія Пушкина, который, въ свою очередь, получилъ его изъ Кракова отъ своего племянника, Гаврилы Пушкина. Эти предки поэта непроизвольно примѣшаны имъ; они — дѣйствительныя, историческія лица, являющіяся въ своемъ истинномъ видѣ. Это важная, великая новость обсуждена обоими боярами; образъ ихъ мнѣній враждебенъ царю. Царь, страшный и жестокій, когда надобно опасаться за корону, является во всемъ прочемъ умнымъ и добрымъ властителемъ, всѣми силами заботится о благѣ государства и старается изъ своего сына Ѳедора образовать достойнаго себѣ преемника. Въ то время, когда онъ разсматриваетъ съ нимъ карту Россіи и заставляетъ его объяснить ее себѣ, Шуйскій приноситъ ему извѣстіе о появленіи въ Польшѣ мнимаго Димитрія и объ его приготовленіяхъ къ походу; царь смущенъ и встревоженъ, онъ повелѣваетъ бдительно сторожить польскую границу и горько жалуется на свою нечистую совѣсть, на тяжесть властительскаго жребія.

Лжедимитрій привлекаетъ къ себѣ нѣсколько человѣкъ русскихъ: Гаврила Пушкинъ и юный князь Курбскій пристаютъ къ нему; но главная его опора — поляки, которымъ онъ обѣщаетъ ввести въ Россію латинскую Церковь. Мало того, полячка должна раздѣлить съ нимъ престолъ, прекрасная Марина, дочь воеводы Мнишека. Сцена ихъ тайнаго свиданія выше всѣхъ похвалъ. Здѣсь Пушкинъ равняется съ величайшими поэтами міра. Изъ глубочайшаго, чистѣйшаго источника почерпнута эта сцена: отважный самозванецъ, умѣвшій обмануть вельможъ и цѣлый народъ, добровольно открывается передъ любимой дѣвушкой обманщикомъ и хочетъ, чтобы она любила въ немъ, того, кто онъ есть дѣйствительно. Но любовь его сердца не находитъ себѣ отзыва: Марина соглашается на обманъ только на томъ условіи, что онъ увѣнчается достиженіемъ трона. Новый толчокъ стремленію самозванца! Вся эта сцена проникнута огнемъ могущественной страсти, сердечною, искреннею преданностію и гордымъ честолюбіемъ.

Событія быстро бѣгутъ одно за другимъ. Лжедимитрій съ войскомъ вступаетъ въ Россію. Борисъ Годуновъ держитъ совѣщаніе въ боярской думѣ. Патріархъ въ благоуханной рѣчи совѣтуетъ торжественно перенести изъ Углича въ Москву чудотворные останки Димитрія, — народъ познаетъ тогда ясно, что его уже нѣтъ въ живыхъ. Шуйскій возражаетъ тѣмъ, что эта торжественная церемонія возбудитъ еще большее волненіе въ народѣ. Все это только увеличиваетъ внутреннюю тревогу царя, который, однакожъ, не забываетъ подумать о нужныхъ распоряженіяхъ къ войнѣ.

И дѣйствительно, войска Лжедимитрія, несмотря на личную его храбрость, разбиты полководцами Годунова; но побѣда на полѣ битвы уже ничего не рѣшаетъ больше: народы отпадаютъ, города отворяютъ ворота, войска передаются новому государю.

Тревожимый извнѣ, потрясаемый внутри, царь внезапно заболѣлъ и, предчувствуя свой конецъ, изъявляетъ желаніе наединѣ поговорить съ сыномъ. Не скрывая отъ сына злодѣянія, которымъ достигъ престола, онъ утѣшается тѣмъ, что сынъ, наслѣдуя отцовскій престолъ, не наслѣдуетъ отцовскаго грѣха. Нѣжнѣйшія отеческія заботы, глубочайшая царственная мудрость высказываются въ прощальныхъ словахъ Годунова. Онъ передаетъ корону сыну; бояре клянутся юному царю въ вѣрности, и Борисъ умираетъ.

Лжедимитрій, когда предался ему полководецъ Басмановъ, начальствовавшій войсками Өедора и обольщенный Гаврилой Пушкинымъ, окончательно восторжествовалъ; рѣчь послѣдняго, произнесенная на площади, привлекаетъ къ самозванцу народъ московскій, и Димитрій провозглашенъ царемъ. Дѣти Годунова, юный свергнутый царь Өеодоръ и сестра его Ксенія, показываются за рѣшетчатымъ окномъ своей темницы; народъ изъявляетъ нѣкоторое сожалѣніе о нихъ, но это сожалѣніе только ускоряетъ ихъ смерть: четыре боярина проникаютъ въ темницу, слышенъ крикъ, выходитъ бояринъ Мосальскій и объявляетъ, что узники отравили сами себя ядомъ.

„Что же вы молчите?“ восклицаетъ онъ народу: „кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Іоанновичъ!“ Народъ безмолвствуетъ...

Такъ заключается драма, заключается величественнымъ впечатлѣніемъ, въ которомъ сосредоточивается вся сила совершившагося и въ которомъ таится предчувствіе новой Немезиды для новаго преступленія. Поэтъ разоблачилъ передъ нашими взорами міровую судьбу. Борисъ, способный и достойный царствовать, достигаетъ престола преступленіемъ и торжествуетъ надъ утратившимъ силу правомъ; тщетно надѣется онъ превратить свои достоинства и заслуги въ право и злопріобрѣтенное передать любимому сыну какъ честное наслѣдство. Изъ самаго преступленія развивается месть; но не истина, не право низвергаетъ его, а новый обманъ, который ясенъ ему самому, какъ обманъ. Поддѣльный видъ права уже достаточно силенъ для того, чтобы уничтожить злоприсвоенное владычество. Исторія не всегда такъ свершаетъ свой судъ; наши глаза часто едва-едва могутъ слѣдить по рядамъ столѣтій за Немезидою; но тѣ моменты исторіи, въ которыхъ судъ свершается такъ же быстро и такъ же явственно, какъ здѣсь, они-то и заключаютъ въ себѣ то, что мы зовемъ трагическимъ. Катастрофа Бориса Годунова, которую поэтъ имѣлъ полное право отодвинуть за кончину самого Бориса до рѣшительной гибели всего царскаго рода, сама собою переплетается съ судьбою Лжедимитрія; но изъ этихъ двухъ трагическихъ вѣтвей явственно преобладаетъ первая, какъ большей опредѣленностью, такъ и бóльшимъ обиліемъ содержанія,— и выборъ Пушкина доказываетъ всю глубокость его генія, который былъ притомъ столько могуществeнъ, столько богатъ, что смогъ изобразить во всемъ достоинствѣ и второго представившагося ему героя.

Распредѣленіе сценъ, на которыя распадается вещество драмы и діалогъ, можно назвать въ высшей степени мастерскимъ. Поэтъ строго держится исторіи, но это нисколько не мѣшаетъ ему вездѣ удерживать въ виду его драматическую задачу. Это произведеніе имѣетъ большіе историческіе пробѣлы и ни одного драматическаго; противоположности, которыя безъ всякой натяжки, безъ всякаго искусничанья, выходятъ изъ самаго дѣла, въ строгой діалектикѣ смѣняются и побораютъ другъ друга; участіе и интересъ ни на минуту не охлаждаются во все продолженіе развитія до конца. Обрисовка характеровъ столь же зрѣла, сколько разнообразна; первымъ появленіемъ, первыми словами лица живо обозначены и твердо поставлены. Властитель, бояре, духовенство, народъ — всѣ являются въ ихъ дѣйствительномъ различіи; кисть художника равно сильна, равно вѣрна въ изображеніи какъ многоличнаго народа, такъ царя и патріарха, какъ католическаго, такъ и греческаго монаха, какъ честолюбивой полячки, такъ и кроткой царской дочери; пылкое геройство, осторожная политика, пламенная страсть, священное безстрастіе и простота — все является въ своемъ истинномъ видѣ, все выговариваетъ свое сокровеннѣйшее существо. Это разнообразіе, въ которомъ каждый образъ является характеристи-

чески отдѣльнымъ, есть существенный признакъ драматическаго поэта; мы еще больше будемъ удивляться драматической силѣ генія Пушкина, если примемъ въ соображеніе тѣ малыя, ничтожныя средства, которыми они достигаютъ своихъ цѣлей. Здѣсь Пушкинъ является мастеромъ перваго разряда: все у него сжато и ярко, опредѣленно и быстро, ничего лишняго, ничего растянутаго; нигдѣ поэтъ не вдается въ заманчивыя отступленія, которыя такъ часто врываются въ драматическія произведенія и думаютъ оправдать себя названіемъ лирическихъ мѣстъ. Точно такъ же равномѣрность десяти и одиннадцатисложнаго (шестистопнаго) ямбическаго стиха, управляемаго искушенною рукою мастера, нигдѣ не прерывается лирическими строфами, а иногда переходитъ, — гдѣ говоритъ народъ, — въ безыскусственную простую прозу.

Для русскихъ трагедія Пушкина имѣетъ еще то преимущество, что она въ высочайшей степени, если такъ можно выразиться, насквозь національна. Если въ драму входятъ и другіе народы, и по мѣрѣ своихъ отношеній въ ихъ истинномъ, неурѣзанномъ видѣ (особенно нѣмцы должны быть благодарны за почетное упоминаніе о нихъ), то все-таки дѣло Россіи безусловно овладѣваетъ всѣмъ участіемъ Мы, иностранцы, мы чувствуемъ біеніе русскаго сердца въ каждой сценѣ, въ каждой строкѣ. Видя такое прекрасное соединеніе величайшихъ даровъ, мы не можемъ не удивляться и не сожалѣть, что Пушкинъ создалъ только одну эту трагедію, а не цѣлый рядъ, тѣмъ болѣе что истинный драматическій талантъ по своей натурѣ плодоносенъ и необыкновенно порождаетъ легко и много. Если бы Пушкинъ прожилъ долѣе, то онъ, можетъ-быть, еще больше свершилъ бы въ этомъ направленіи; но различныя условія опредѣленныхъ временныхъ отношеній могли быть причиною, что поэтъ, избѣгая слишкомъ большого ограниченія, изливаетъ свою драматическую силу въ произведенія другихъ, болѣе свободныхъ родовъ поэзіи. *Варнгагенъ-фонъ-Энзе.*

Особенности отдѣльныхъ сценъ въ „Борисѣ Годуновѣ".

Пушкинъ былъ такой поэтъ, такой художникъ, который какъ-будто не умѣлъ, если бы и хотѣлъ, и дурную идею воплотить не въ превосходную форму. Прежде всего спросимъ всѣхъ, сколько-нибудь знакомыхъ съ русскою литературой: до Пушкинскаго „Бориса Годунова" изъ русскихъ читателей или русскихъ поэтовъ и литераторовъ имѣлъ ли кто-нибудь понятіе о языкѣ, которымъ долженъ говорить въ драмѣ русскій человѣкъ до-Петровской эпохи? Не только прежде, даже послѣ „Бориса Годунова" явилась ли на русскомъ языкѣ хотя одна драма, содержаніе которой взято изъ русской исторіи и въ которой русскіе люди чувствовали бы, понимали и говорили по-русски? И читая всѣхъ этихъ „Ляпуновыхъ", „Скопиныхъ-Шуйскихъ", „Баторіевъ", „Іоанновъ Третьихъ", „Самозванцевъ", „Царей Шуй-

скихъ“, „Еленъ Глинскихъ“, „Пожарскихъ“, которые съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія наводнили русскую литературу и русскую сцену,— что̀ видите вы въ почтенныхъ ихъ сочинителяхъ, если не Сумароковыхъ нашего времени? Не будемъ говорить о русскихъ трагедіяхъ, появлявшихся до Пушкинскаго „Бориса Годунова“: чего же можно и требовать отъ нихъ? Но что русскаго во всѣхъ этихъ трагедіяхъ, которыя явились уже послѣ „Бориса Годунова“? И не можно ли подумать скорѣе, что это нѣмецкія пьесы, только переложенныя на русскіе нравы? Словно гигантъ между пигмеями, до сихъ поръ высится между множествомъ quasi-русскихъ трагедій Пушкинскій „Борисъ Годуновъ“ въ гордомъ и суровомъ уединеніи, въ недоступномъ величіи строгаго художественнаго стиля, благородной классической простоты... Довольно уже расточено было критикою похвалъ и удивленія на сцену въ кельѣ Чудова монастыря между отцомъ Пименомъ и Григоріемъ... Въ самомъ дѣлѣ, эта сцена, которая была напечатана въ одномъ московскомъ журналѣ года за четыре или лѣтъ за пять до появленія всей трагедіи и которая тогда же надѣлала много шума,— эта сцена, въ художественномъ отношеніи, по строгости стиля, по неподдѣльной и неподражаемой простотѣ, выше всѣхъ похвалъ. Это что̀-то великое, громадное, колоссальное, никогда небывалое, никѣмъ не предчувствованное. Правда, Пименъ уже слишкомъ идеализированъ въ его первомъ монологѣ, и потому чѣмъ болѣе поэтическаго и высокаго въ его словахъ, тѣмъ болѣе грѣшитъ авторъ противъ истины и правды дѣйствительности: не русскому, да и никакому европейскому отшельнику-лѣтописцу того времени не могли войти въ голову подобныя мысли —

. . . Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ.
. . . .
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно-ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Не много лицъ мнѣ память сохранила,
Не много словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!...

Ничего подобнаго не могъ сказать русскій отшельникъ-лѣтописецъ конца XVI и начала XVII вѣка; слѣдовательно, эти прекрасныя слова — ложь, но ложь, которая стоитъ истины: такъ исполнена она поэзіи, такъ обаятельно дѣйствуетъ на умъ и чувство! Сколько лжи въ этомъ родѣ сказали Корнель и Расинъ — и, однакожъ, просвѣщен-

нѣйшая и образованнѣйшая нація въ Европѣ до сихъ поръ рукоплещетъ этой поэтической лжи! И не диво: въ этой лжи относительно времени, мѣста и нравовъ, есть истина относительно человѣческаго сердца, человѣческой натуры. Во лжи Пушкина тоже есть своя истина, хотя и условная, предположительная: отшельникъ Пименъ не могъ такъ высоко смотрѣть на свое призваніе, какъ лѣтописецъ, но если бы въ его время такой взглядъ былъ возможенъ, Пименъ выразился бы не иначе, а именно такъ, какъ заставилъ его высказаться Пушкинъ. Сверхъ того, мы выписали изъ этой сцены рѣшительно все, что̀ можно осуждать какъ ложь въ отношеніи къ русской дѣйствительности того времени: все остальное такъ глубоко проникнуто русскимъ духомъ, такъ глубоко-вѣрно исторической истинѣ, какъ только могъ это сдѣлать лишь геній Пушкина — истинно національнаго русскаго поэта. Какая, напримѣръ, глубоковѣрная черта русскаго духа заключается въ этихъ словахъ Пимена:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.

Вообще, въ этой сценѣ удивительно хорошо обрисованы, въ ихъ противоположности, характеры Пимена и Григорія; одинъ — идеалъ безмятежнаго спокойствія въ простотѣ ума и сердца, какъ тихій свѣтъ лампады, озаряющій въ темномъ углу икону византійской живописи, другой — весь безпокойство и тревога. Григорію трижды снится одна и та же греза. Проснувшись, онъ дивится спокойствію, съ которымъ старецъ пишетъ свою лѣтопись, — и въ это время рисуетъ идеалъ историка, который въ то время былъ невозможенъ, другими словами, выговариваетъ превосходнѣйшую поэтическую ложь:

Ни на челѣ высокомъ ни во взорахъ
Нельзя прочесть его *сокрытыхъ думъ;*
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости ни гнѣва.

Затѣмъ онъ разсказываетъ старцу о „бѣсовскомъ мечтаніи“, смущавшемъ сонъ его:

Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось —
И, падая стремглавъ, я пробуждался...

Въ этомъ тревожномъ снѣ — весь будущій самозванецъ... И какъ по-русски обрисованъ онъ, какая вѣрность въ каждомъ словѣ, въ каждой чертѣ! Вотъ еще два монолога — факты глубоко-вѣрнаго, глубоко-русскаго изображенія этихъ двухъ чисто русскихъ и такъ противоположныхъ характеровъ:

Пименъ.

Младая кровь играетъ:
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Слѣдующій за тѣмъ длинный монологъ Пимена о суетѣ свѣта и преимуществѣ затворнической жизни — верхъ совершенства! Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ! Ничья, никакая исторія Россіи не дастъ такого яснаго, живого созерцанія духа русской жизни, какъ это простодушное, безхитростное разсужденіе отшельника. Картина Іоанна Грознаго, искавшаго успокоенія „въ подобіи монашескихъ трудовъ“; характеристика Ѳедора и разсказъ о его смерти, — все это чудо искусства, неподражаемые образы русской жизни допетровской эпохи! Вообще, вся эта превосходная сцена сама по себѣ есть великое художественное произведеніе, полное и оконченное. Она показала, какъ, какимъ языкомъ должны писаться драматическія сцены изъ русской исторіи, если ужъ онѣ должны писаться, — и если не навсегда, то надолго убила возможность такихъ сценъ въ русской литературѣ, потому что скоро ли можно дождаться такого таланта, который послѣ Пушкина могъ бы подвизаться на этомъ поприщѣ?... А при этомъ еще нельзя не подумать, не истощилъ ли Пушкинъ своею трагедіею всего содержанія русской жизни до Петра Великаго такъ, что касаться другихъ эпохъ и другихъ событій историческихъ значило бы только —

съ другими именами и названіями повторять одну и ту же основную мысль, и потому быть убійственно-однообразнымъ?..

Теперь о частностяхъ. Вся трагедія какъ будто состоитъ изъ отдѣльныхъ частей или сценъ, изъ которыхъ каждая существуетъ какъ будто независимо отъ цѣлаго. Это показываетъ, что трагедія Пушкина есть драматическая хроника, образецъ которой созданъ Шекспиромъ. Кромѣ превосходной сцены въ Чудовомъ монастырѣ, между старцемъ Пименомъ и Отрепьевымъ, въ трагедіи Пушкина есть много прекрасныхъ сценъ. Таковы: первая — въ кремлевскихъ палатахъ, между Воротынскимъ и Шуйскимъ, въ которой и исторически и поэтически вѣрно обрисованъ характеръ Шуйскаго; вторая — сцена народа и дьяка Щелканова на площади; третья — въ кремлевскихъ палатахъ, между Борисомъ, согласившимся царствовать, патріархомъ и боярами. Въ этой сценѣ превосходно обрисовано добросовѣстное лицемѣрство Годунова, — въ томъ смыслѣ добросовѣстное, что, обманывая другихъ, онъ прежде всѣхъ обманывалъ самого себя, какъ всякій талантъ, обольщаемый ролью генія. Прекрасно также окончаніе этой сцены, происходящее между Воротынскимъ и Шуйскимъ, гдѣ характеръ послѣдняго все болѣе и болѣе развивается; его слова —

Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать, —

такъ оригинальны, что должны со временемъ обратиться въ любимую пословицу для благоразумныхъ и осторожныхъ людей въ родѣ Шуйскаго. Превосходна маленькая сцена между патріархомъ и игуменомъ, написанная прозою: это одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ трагедіи.

Седьмая сцена, въ корчмѣ на литовской границѣ, превосходна. Жаль только, что желаніе выказать рѣзче дерзость Отрепьева увлекло поэта въ мелодраматизмъ, заставивъ его спровадить самозванца въ окно корчмы, въ которое и курица проскочила бы съ трудомъ. Къ лучшимъ сценамъ трагедіи принадлежитъ восьмая — въ домѣ Шуйскаго. Превосходно, выше всякой похвалы, передалъ въ ней поэтъ, устами Шуйскаго, ропотъ и жалобы на Годунова его современниковъ.

Слѣдующая за тѣмъ большая сцена представляетъ собою двѣ части. Въ первой Борисъ превосходно очерченъ, какъ примѣрный семьянинъ, нѣжный отецъ; онъ утѣшаетъ дочь, овдовѣвшую невѣсту, говоритъ съ сыномъ о сладкомъ плодѣ ученія, о томъ, какъ помогаетъ наука державному труду. Все это такъ просто, такъ естественно, — и Борисъ является въ этой сценѣ во всемъ свѣтѣ своихъ лучшихъ качествъ. Во второй части сцены Борисъ узнаетъ отъ Шуйскаго о появленіи самозванца.

Сцена въ Краковѣ, въ домѣ Вишневецкаго, между самозванцемъ и іезуитомъ Черниковскимъ очень хороша, за исключеніемъ Ломоносовской фразы: „сыны славянъ", некстати вложенной поэтомъ въ уста самозванцу. Продолженіе и конецъ этой сцены, гдѣ самозванецъ говоритъ съ сыномъ Курбскаго, съ разными русскими, приходящими

къ нему, съ полякомъ Собаньскимъ, и поэтомъ не представляютъ никакихъ особенно рѣзкихъ чертъ.

За маленькою, но прелестною сценой въ замкѣ Мнишка въ Самборѣ, слѣдуетъ знаменитая сцена у фонтана. Въ ней самозванецъ является удальцомъ, который готовъ забыть свое дѣло для любви, а Марина — холодною, честолюбивою женщиной. Вообще, эта сцена очень хороша, но въ ней какъ будто чего-то недостаетъ, или какъ будто проглядываютъ какія-то ложныя черты, которыя трудно и указать, но которыя тѣмъ не менѣе производятъ на читателя не совсѣмъ выгодное для сцены впечатлѣніе. Кажется, не преувеличилъ ли поэтъ любовь самозванца къ Маринѣ, не сдѣлалъ ли онъ изъ минутной прихоти чувственнаго человѣка какую-то глубокую страсть? Самозванецъ въ этой сценѣ слишкомъ искрененъ и благороденъ; порывы его слишкомъ чисты. Кажется, въ этомъ заключается ложная сторона этой сцены. Безразсудство самозванца, его безумное признаніе передъ Мариною въ самозванствѣ совершенно въ его характерѣ, пылкомъ отважномъ, дерзкомъ, на все готовомъ, но рѣшительно неспособномъ ни на что великое, ни на какой глубоко обдуманный планъ; совершенно въ его характерѣ и мгновенные порывы животной чувственности, но едва ли въ его характерѣ человѣческое чувство любви къ женщинѣ. Характеръ Марины удивительно хорошо выдержанъ въ этой сценѣ.

Сцена на литовской границѣ между молодымъ Курбскимъ и самозванцемъ до того приторна, фразиста и исполнена пустой декламаціи, выдаваемой за паѳосъ, что трудно повѣрить, чтобъ она была написана Пушкинымъ...

Въ сценѣ — въ царской думѣ — между Годуновымъ, патріархомъ и боярами есть двѣ превосходнѣйшія черты: это — рѣчь патріарха о чудесахъ, творимыхъ останками царевича, и о чудномъ исцѣленіи стараго пастуха отъ слѣпоты. Вторая черта — ловкій оборотъ, которымъ хитрый Шуйскій выводитъ Годунова изъ замѣшательства, въ какое привело его неожиданное предложеніе патріарха.

Сцена на равнинѣ, близъ Новгорода Сѣверскаго очень интересна своею живостью, характеромъ Маржерета и даже пестрою смѣсью языковъ и лицъ. Сцена юродиваго на кремлевской площади можетъ быть сочтена даже за превосходную, но только съ Пушкинской точки зрѣнія на виновную совѣсть Бориса. Въ сценѣ подъ Сѣвскомъ самозванецъ обрисованъ очень удачно, особенно хороша эта черта:

Самозванецъ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ.

А говорятъ о милости твоей
Что ты, дескать (будь не во гнѣвъ), и воръ,
А молодецъ.

Самозванецъ *(смѣясь)*.

Такъ это я на дѣлѣ
Имъ докажу.

Въ сценѣ въ царскихъ палатахъ между Годуновымъ и Басмановымъ, оба эти лица являются въ какомъ-то странномъ свѣтѣ. Годуновъ собирается уничтожить мѣстничество(!!). Басмановъ этому, разумѣется, радъ. Оба они разсуждаютъ объ управленіи народомъ, и Годуновъ окончательно рѣшаетъ:

Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ;
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже.

Басмановъ за это величаетъ его „высокимъ державнымъ духомъ", желаетъ ему поскорѣе управиться съ Отрепьевымъ, чтобы потомъ „сломить рогъ родовому боярству". Но вотъ Борисъ умираетъ, вотъ даетъ онъ послѣднія наставленія своему наслѣднику; что̀ же особеннаго въ этихъ наставленіяхъ? Изъ нихъ замѣчательно только одно:

Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка —
Душа державъ...

Въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, что говоритъ умирающій Годуновъ своему сыну, виденъ царь умный, способный и опытный, который былъ бы однимъ изъ лучшихъ царей русскихъ, если бы престолъ достался ему по праву наслѣдія, — но слишкомъ ограниченный умъ для того, чтобы усидѣть на захваченномъ тронѣ...

Крикъ мужика на амвонѣ лобнаго мѣста: „вязать Борисова щенка!" ужасенъ; это голосъ всего народа или, лучше сказать, голосъ судьбы, обрекшей на гибель родъ несчастнаго честолюбца, взявшаго на себя бремя не по силамъ... Пушкинъ непремѣнно хотѣлъ тутъ выразить голосъ судьбы, обрекшій на гибель родъ злодѣя, цареубійцы... Можетъ-быть, это было такъ, но спрашиваемъ: который изъ Годуновыхъ болѣе трагическое лицо — цареубійца, наказанный за злодѣянія, или достойный человѣкъ, падшій за недостакомъ геніальности? Трагическое лицо непремѣнно должно возбуждать къ себѣ участіе. Самъ Ричардъ III — это чудовище злодѣйства, возбуждаетъ къ себѣ участіе исполинскою мощью духа. Какъ злодѣй, Борисъ не возбуждаетъ къ себѣ никакого участія, потому что онъ злодѣй мелкій, малодушный; но какъ человѣкъ замѣчательный, такъ сказать, увлеченный судьбою взять роль не по себѣ, онъ очень и очень возбуждаетъ къ себѣ участіе: видишь необходимость его паденія и все-таки жалѣешь о немъ...

Превосходно окончаніе трагедіи. Когда Мосальскій объявилъ народу о смерти дѣтей Годунова — „народъ въ ужасѣ молчитъ"... Отчего же онъ молчитъ? развѣ не самъ онъ хотѣлъ гибели Годуновскаго рода, развѣ не самъ онъ кричалъ: „вязать Борисова щенка?"... Мосальскій продолжаетъ: „Что̀ жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!" — „Народъ безмолвствуетъ".

Это — послѣднее слово трагедіи, заключающее въ себѣ глубокую черту, достойную Шекспира... Въ этомъ безмолвіи народа слышенъ страшный, трагическій голосъ новой Немезиды, изрекающей судъ свой надъ новою жертвой — надъ тѣми, кто погубилъ родъ Годуновыхъ...

Бѣлинскій.

Личность Бориса Годунова.

Борисъ Годуновъ — лицо хитрое; Борисъ — лицо съ русскимъ, царскимъ сердцемъ; онъ высокъ, когда чувство отца превозмогаетъ всѣ другія движенія его сердца. Поэтому справедливо замѣтилъ одинъ критикъ, что „лицо Годунова сдѣлалось *статуею*, которая вырублена не изъ одного *цѣльнаго мрамора*, а сложена изъ *золота, серебра*", — только несправедливо онъ назвалъ лицо Годунова *статуею;* потому что Борисъ живое лицо; но эта жизнь, какъ того желалъ поэтъ, и какою она должна быть, поставлена въ *тѣни.* Всѣ добрыя движенія души царя, ея мраморъ и серебро въ духовномъ смыслѣ, пропадаютъ, какъ капля въ морѣ, въ бѣдахъ, которыя то и дѣло постигаютъ царя за единое пятно на его совѣсти. Онъ страдаетъ даже оттого, что есть въ немъ много и достославнаго. Тѣнь убитаго царевича постоянно тревожитъ его. И — вотъ въ чемъ единство его характера, вотъ въ чемъ цѣлость и полнота души Годунова. И отчего же поэтъ не могъ взять этого состоянія души царя для своего творческаго генія? Отчего упрекаютъ поэта за невѣрность его мысли? Пусть творитъ, какъ хочетъ и изъ чего хочетъ, но только пусть творитъ сообразно законамъ разума, чувства и всѣхъ требованій души разумнаго человѣка.

Первое, чѣмъ высказываетъ свою душу Борисъ Годуновъ, есть хитрость его. Онъ домогался престола московскаго; *достигъ*, но что же? Онъ сознается, что пріемлетъ власть великую со страхомъ и смиреніемъ. Теперь предъ нимъ выборные люди, бояре, вся Москва и владыка-патріархъ, всѣ *плачутъ*, по выраженію поэта, всѣ въ одинъ голосъ зовутъ его на престолъ:

Будь нашъ отецъ, нашъ царь,

а онъ, *перешагнувшій* на пути къ желанному престолу черезъ *кровь* Дмитрія царевича, *упрямится* теперь, когда

...вся Москва
Сперлася здѣсь... Ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

Борисъ медлитъ, ибо видитъ, какъ тяжела обязанность царская. Но не отъ этого одного онъ медлитъ, а также и оттого, что онъ хотѣлъ, говоря словами Карамзина, видѣть всю Россію у ногъ своихъ,

молящую взойти на праздный престолъ въ Москвѣ. И Шуйскій указалъ Воротынскому на эту хитрость Бориса. Такимъ образомъ она видна, она даетъ себя осязать мысли читателя.

Отъ этой темной стороны поэтъ переходитъ къ изображенію свѣтлой въ душѣ Бориса. Годуновъ является съ душою *русскаго, благовѣрнаго* царя. Онъ пріялъ власть царскую и вотъ чѣмъ думаетъ ознаменовать первыя минуты въ этой новой жизни:

Теперь пойдёмъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.

Смотря на такую доблестную черту Бориса, видишь въ немъ вполнѣ русскаго, знакомаго намъ царя-батюшку. Какъ царь-отецъ, онъ готовъ принять всѣхъ дѣтей-подданныхъ въ свое царское жилище, за однимъ столомъ онъ хочетъ видѣть своихъ чадъ русскихъ, власть надъ которыми ему далъ Богъ. Борисъ, лицо намъ знакомое. Извѣстна изъ исторіи его щедрость, по которой онъ хотѣлъ отдать подданнымъ и послѣднюю свою рубашку.

Такъ царски-велико принялъ Борисъ шапку Мономаха! Проходитъ шесть лѣтъ, и мы видимъ царя, разочаровавшагося въ жизни. Гнетомый бѣдами, онъ хотѣлъ узнать свое будущее и заперся съ кудесникомъ. Ничто не радуетъ царя; напрасно онъ щедротами хотѣлъ снискать любовь народа, дѣлилъ съ нимъ его печали, отворялъ житницы во время голода, выстроилъ имъ новыя жилища послѣ пожара. Въ домашнемъ своемъ кругу, какъ отецъ, онъ также находитъ себя несчастнымъ. Умеръ женихъ его дочери, — виноватымъ считаютъ его, несчастнаго отца; онъ ускорилъ Ѳеодора кончину, онъ уморилъ свою сестру-царицу. Послѣ этого Борисъ съ отчаяніемъ произноситъ въ своемъ изступленіи: „*все я*“... Заглянулъ царь въ совѣсть свою... она отвѣтила, что̀ въ ней... Царь понялъ голосъ совѣсти — *этого полубога въ груди нашей*, — Годуновъ понялъ ея отвѣтъ и самъ признался, что „жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста“. Совѣсть, этотъ, по выраженію разбираемаго нами поэта,

Когтистый звѣрь, скребящій сердце, совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ, и могилы
Смущаются и мертвыхъ *высылаютъ*...

Эта совѣсть сгубила Бориса. Она *выслала* изъ могилы тѣнь убитаго царевича, и царя Бориса теперь

Все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ.

Мрачная совѣсть закрываетъ предъ нами всѣ добрыя качества души Бориса; въ ней завязка всего произведенія поэта; въ ней единятся всѣ черты характера Бориса. Борисъ еще разъ явится съ добрыми свойствами, но впечатлѣніе, произведенное его недужною совѣстію, не пропадаетъ. Теперь начинается борьба Годунова со своею совѣстью и съ вызванными ею побѣдами.

Показавъ далеко не отрадную сторону души Бориса, поэтъ знакомитъ насъ опять со свѣтлою стороною этой души. Отлегаетъ на сердцѣ, когда слушаешь бесѣду Бориса со своими дѣтьми. Онъ утѣшаетъ дочь, плачущую по прекрасномъ женихѣ; совѣтуетъ сыну учиться и хвалить сладкій „плодъ ученья“. Эта бесѣда — образецъ простой, задушевной, семейной бесѣды отца съ дѣтьми; русскій отецъ такъ бы выразился, какъ выразился Борисъ въ своихъ царскихъ палатахъ, глядя на плачущую Ксенію и на сына, занимающагося *грамотой.* Здѣсь Борисъ является во всемъ свѣтѣ лучшихъ своихъ качествъ. Впрочемъ, это не надолго. Въ утѣшеніи, которое онъ даетъ тоскующей дочери, есть уже зародышъ скорби для Бориса: онъ себя винитъ въ злопечали дочери, ибо судьба ему не судила быть виновникомъ дочерняго счастья. При вѣсти, полученной имъ отъ Годунова и Шуйскаго, имъ овладѣваетъ тревога. Предположеніе Шуйскаго объ имѣющемъ возстать народѣ вслѣдъ за воскреснувшимъ Дмитріемъ приводитъ въ отчаяніе царя; онъ запинается въ рѣчи своей; онъ не знаетъ, за какую мысль ухватиться, велитъ удалиться царевичу, велитъ взять мѣры и оградить Россію отъ Литвы заставами; смѣется, какъ мертвые могутъ

Допрашивать царей, царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ,

заставляетъ Шуйскаго смѣяться этой *затѣйливой вѣсти* и опять высказываетъ первую черту своего характера — хитрость, когда, будто бы, не знаетъ о смерти царевича Димитрія. Но эти хитрость напрасна; Шуйскій убѣждаетъ царя въ дѣйствительности *сна Димитрія во гробѣ* („Димитрій во гробѣ спитъ“). Тогда царь удаляетъ отъ себя Шуйскаго; яснѣе солнца видитъ, зачѣмъ ему тридцать лѣтъ сряду „все снилося убитое дитя“, и тяжкій вздохъ — „тяжела ты, шапка Мономаха“ — исторгается изъ груди Годунова...

Такимъ образомъ бесѣда Бориса съ дѣтьми своими хотя успокоительна на первый разъ, но не успокоительна по окончанію своему. Какъ *отецъ,* онъ было забылъ свою *царскую* душу, когда пришелъ къ своей родимой семьѣ, къ родимой дочери и родимому сыну: но вошедшіе бояре своими вѣстями пробудили въ Годуновѣ душу царя, а душа Бориса, какъ царя, не завидна; потому что она незаконно сдѣлалась царскою. Значитъ намъ опять является главная черта характера Бориса — *угрызеніе совѣсти.*

То же мученіе совѣсти пробудилъ и патріархъ, богомолецъ Борисовъ, святой отецъ, когда указалъ на средство: „обнаружить обманъ

безбожнаго злодѣя“ перенесеніемъ святыхъ мощей Димитрія въ Кремль. Борисъ выслушалъ; было молчаніе въ думѣ послѣ этого, а бояре видѣли, какъ государь блѣднѣлъ, и крупный потъ съ лица его закапалъ.

Въ соборѣ, какъ того хотѣлъ патріархъ, проклинали Гришку Отрепьева. Но истина, какъ золото, горѣла и освѣщала народу, что напрасно клянутъ Отрепьева: царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева, говорилъ народъ, когда еще царь не выходилъ изъ церкви. Идетъ царь, а юродивый предъ всѣми называетъ его убійцею Димитрія, иродомъ-царемъ. Обличеніе отъ юродиваго Годуновъ принимаетъ равнодушно. Еще прежде *образъ* убитаго царевича сокрушилъ всѣ силы его души, сокрушилъ до того, что вся кровь бросалась въ лицо; теперь Лжедимитрій уже побѣдилъ его войска близъ Новгорода Сѣверскаго; Борисъ долженъ бы еще болѣе убиваться духомъ и себя оправдать во мнѣніи народа: ибо народъ спасаетъ царя, а царь спасаетъ народъ, но Годуновъ оскорбилъ чувствованіе народа, сгубилъ однажды навсегда его завѣтное сокровище; наслѣдника престола убилъ, и вотъ народъ пошелъ на незаконнаго царя. Обличеніе юродиваго было голосомъ всего русскаго народа; это былъ горькій плачъ всей Руси. Юродивый, по смыслу русскаго, есть что-то выше человѣческаго; будто не земной житель онъ между людьми, потому вѣритъ ему добродушная, русская душа и боится его предвѣщаній. Поэтому если какое обличеніе могло быть больно, могло быть чувствительно для Бориса, такъ это — обличеніе отъ юродиваго. Здѣсь поэтъ явился Шекспиромъ русскимъ, представивъ блестящій образъ творчества русской фантазіи.

Такимъ образомъ преступленіе царя, легшее на его совѣсть, понялъ уже народъ... Поэтъ еще разъ поставляетъ насъ предъ тягостнымъ образомъ души Бориса. Годуновъ среди пріема пословъ,

На тронѣ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

Послѣ того, какъ онъ далъ наставленіе сыну, ударилъ послѣдній для царя часъ въ этой жизни —

Ударилъ часъ! Въ монахи царь идетъ:
И темный гробъ моей будетъ кельей...

Въ послѣднія минуты своей земной жизни царь хочетъ со всѣми помириться, дабы съ миромъ и въ мирѣ отойти къ источнику мира — правосудному Богу —

Я доволенъ.
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя и тайныя обиды...
Святый отецъ, приближься, я готовъ“.

Это — послѣднія слова Годунова.

Такимъ образомъ образъ Годунова ярко выставленъ намъ: его добрая и свѣтлая сторона, его мрачная и безотрадная сторона. Онъ

хитръ, онъ царски, по русскому обычаю, щедръ и великъ; но совѣсть его зазорна, больна; пятно тяжелое лежитъ на ней. Напрасно послѣ этого кудесники сулятъ ему дни власти безмятежной, напрасно онъ мнитъ во славѣ успокоить свой народъ — и царь выстрадалъ всѣми страданіями, по праведному суду небесному, доколѣ смерть не отозвала Бориса на тотъ свѣтъ... Въ изображеніи его недужной совѣсти единство его характера заключилъ поэтъ. Совершеннѣе образа Годунова какимъ онъ вышелъ изъ-подъ творческаго пера Пушкина, нельзя представить. Онъ уловилъ тѣ черты, которыми *самъ народъ* русскій опредѣлилъ историческое лицо Годунова. „Да, говоритъ народъ, Борисъ хорошъ-то, хорошъ, и деньги давалъ, и стѣну каменную выстроилъ, чтобы не умерли съ голоду, но — Димитрія царевича, говорятъ всѣ, убилъ...“ Борисъ, какъ онъ представленъ у поэта, лицо цѣльно и совершенно выяснившее предъ читателемъ свою душу. Рука мастера-поэта обдѣлывала это лицо, показала свѣтлыя и славныя черты его, ибо какъ бы ни былъ человѣкъ бѣденъ нравственными качествами, обиженъ добрыми сторонами — все же, какъ человѣкъ, какъ образъ Божій, онъ имѣетъ хотя крупицы святости и добра въ своей душѣ, — показала и темную сторону, на которой и остановила всецѣлое вниманіе зрителя, которою и закончилъ свое зданіе.

Слѣдя за характеристикою лица Годунова, нельзя не остановиться на изображеніи его смерти. Критики называли неправдоподобнымъ изображеніе ея у Пушкина. Поставимъ на видъ сначала ту мысль, что у Карамзина слишкомъ рѣзокъ переходъ къ описанію смерти Бориса. На 196-й стр., гл. II, IX тома онъ помѣстилъ письмо самозванца къ Борису, послѣ неудачной осады воеводами Бориса Кромъ, затѣмъ цѣлую страницу 197-ю Карамзинъ наполнилъ нравственными мыслями, что Годуновъ видѣлъ открытую бездну, что онъ только въ глазахъ вѣрной супруги казалъ кровавыя раны, что онъ дерзнулъ бы на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Страница 198-я изображаетъ самый ходъ смерти. Читатель не приготовленъ къ этому, и выходитъ неестественнымъ описаніе смерти Годунова у Карамзина. Но у Пушкина это изображеніе естественно. Тутъ первое появленіе Бориса показываетъ намъ внутреннюю скорбь души его; являясь вторично, онъ же самъ говоритъ, что „ни власть ни жизнь его не веселятъ“. Онъ уже жизнь разлюбилъ. Не находитъ мира въ совѣсти. Мы видимъ Бориса въ третій разъ и опять слышимъ, что какъ тяжела для него шапка Мономаха. Въ четвертый разъ показалъ намъ поэтъ Бориса и его тяжкую годину: онъ поблѣднѣлъ, когда патріархъ напомнилъ о мощахъ святого Димитрія. Наконецъ юродивый заклеймилъ Годунова именемъ цареубійцы; бояре измѣняютъ ему... Все это горе выноситъ на себѣ *одна* душа Бориса. Отъ думъ, предчувствій страшныхъ золъ, самыхъ бѣдъ, падшихъ на него, Годуновъ ослабѣлъ: каждое новое горе убивало въ немъ частицу жизни. И бояре, и народъ, и дѣти — все это есть одно цѣльное, всесокрушающее горе для *одного* его. Поэтому не было, не стало силъ въ немъ

поддержать себя; душа истлѣла; въ ней не нашлось мощи продлить исчахшую жизнь, и

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

Смерть не разбираетъ, *естественно* ли ей будетъ прійти утромъ или вечеромъ, — тогда ли, когда царь принимаетъ гостей иноземныхъ, или бесѣдуетъ съ вельможами, — ей все равно. Поэтому Пушкина нельзя упрекнуть въ неестественности смерти Бориса. Поэтъ приготовилъ насъ къ этому дѣлу. *Филоновъ.*

Душевное настроеніе Бориса предъ вступленіемъ его на престолъ.

Вниманіе зрителя и читателя въ рѣчи Годунова поражается необыкновенно строгимъ соотвѣтствіемъ содержанія этой рѣчи всѣмъ обстоятельствамъ избранія его на престолъ, или, говоря словами поэта „правдоподобіемъ чувствованій въ предполагаемыхъ обстоятельствахъ“, поражается въ построеніи этой рѣчи стройной логикой, которая обнаруживается въ строгой послѣдовательности перехода отъ одного понятія къ другому, отъ одного представленія къ послѣдующему: ясно видно, что Годуновъ въ этой сценѣ, говоря словами историка, „не забылся въ радости сердца“, между тѣмъ какъ недавно во время совершенія вѣнчанія „забылся“ до того, что прервалъ своею рѣчью къ патріарху богослуженіе; что гибкій умъ, строгій разсудокъ господствуетъ въ душѣ этого человѣка надъ всѣми движеніями ея.

Безъ сомнѣнія, у всѣхъ окружающихъ Бориса Годунова въ настоящій моментъ, еще въ свѣжей памяти были факты, сопровождавшіе избраніе его на царство, а потому Годуновъ совершенно естественно обращается къ патріарху и боярамъ со словами:

Ты, отче патріархъ, вы всѣ, бояре!
Обнажена моя душа предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Верховную со страхомъ и смиреньемъ.

„Обнажая“ теперь свою душу, Годуновъ съ полною откровенностью указываетъ на глубокіе мотивы этого „страха“ и „смиренья“. Его страшитъ величіе той власти, какою облекается онъ: въ воображеніи избраннаго царя встаютъ величавые образы Іоанна III и IV, „почіющихъ властителей Россіи“, возведшихъ власть царя на высоту самодержавія; „наслѣдникъ“ власти „могущихъ Іоанновъ“ обязанъ свято соблюсти вручаемое ему достояніе — обязанность, безъ сомнѣнія, для Годунова, еще вчера такого же боярина, какъ и всѣ, его окружающіе, сегодня властителя-самодержца, но не имѣющаго источника

своей власти въ правѣ родового престолонаслѣдія. Годунова страшитъ и „сіяніе“ высокихъ нравственныхъ качествъ ближайшаго предшественника его власти — „царя-праведника“, царя-„ангела“: воспоминаніе о Ѳеодорѣ возбуждаетъ въ сердцѣ Годунова порывъ восторженнаго чувства благодарности къ этому отцу державному, столь дивно „возвеличившему“ его, такъ горячо „любившему“. Страшитъ Годунова и „тяжелая обязанность“ царя по отношенію къ народу — „править имъ во славѣ“, быть „благимъ и праведнымъ“, какъ ангелъ-царь. И чѣмъ глубже и сильнѣе охватывалась душа Годунова чувствомъ страха при мысли о величіи его новаго положенія, о тѣхъ свойствахъ и качествахъ, какія долженъ имѣть онъ о тяжкой обязанности правителя, тѣмъ естественнѣе было проникнуться ему чувствомъ смиренія въ сознаніи недостаточности личныхъ силъ соотвѣтственно тому высокому положенію, въ которомъ ему приходится быть не по личному желанію, но покоряясь силѣ обстоятельствъ. При этомъ чувствѣ глубокаго смиренія такъ естественно является и надежда на божественную помощь свыше и надежда на содѣйствіе и участіе людей: эта надежда служитъ и для Годунова источникомъ примиренія его съ своимъ тяжелымъ положеніемъ; она выражается и въ молитвенномъ обращеніи его къ царю-„праведнику“: да „ниспошлетъ“ онъ „священное на власть благословенье“, и въ обращеніи къ боярамъ съ увѣренностію въ ихъ содѣйствіи, трудахъ на службѣ недавнему ихъ товарищу, а теперь царю, избранному „народной волей“.

Таково содержаніе рѣчи Бориса Годунова. Гдѣ же кроется въ ней истина разговора? Что говоритъ намъ эта рѣчь о лицѣ, произшесшемъ ее? Чтобы видѣть, насколько въ этой рѣчи, какъ въ зеркалѣ, отражается изображаемый характеръ, мы неминуемо должны возбудить вопросъ: насколько эта рѣчь Годунова является искреннимъ выраженіемъ волнующихъ его мыслей и чувствъ?

По внѣшнему своему строенію рѣчь эта не носитъ на себѣ слѣдовъ импровизаціи, того мгновенно охватывающаго душу настроенія, при которомъ говорящій, весь погруженный въ содержаніе своей рѣчи, менѣе всего обдумываетъ реторическую сторону ея; напротивъ, рѣчь Годунова носитъ на себѣ осязательные слѣды строгой обдуманности въ тиши кабинета, глубокаго расчета произвесть извѣстное впечатлѣніе, слѣды пользованія искусственными средствами ораторскаго краснорѣчія, каково, напримѣръ, патетическое обращеніе къ лицу Ѳеодора. Эти признаки внѣшней формы рѣчи невольно заставляютъ думать о преднамѣренности, цѣлесообразности въ выборѣ и самаго содержанія рѣчи. Совлекая съ нея реторическій покровъ, нельзя остановить вниманія на нѣкоторыхъ частностяхъ содержанія рѣчи, получающихъ особый смыслъ и значеніе тонкихъ намековъ отъ сопоставленія съ обстоятельствами, при которыхъ эта рѣчь произносится. А именно: родовитымъ и сановитымъ боярамъ, „природнымъ князьямъ“ и „рюриковой крови“ избранный царь, еще вчера самъ бояринъ, „вчерашній рабъ“, „татаринъ“ даетъ понять, что идеаломъ царя явля-

ются для него „могучіе Іоанны“; нельзя не замѣтить, что это, столь естественное, какъ бы невольное по ходу рѣчи воспоминаніе является такъ кстати и напоминаніемъ: политика указанныхъ „почіющихъ властителей Россіи“ по отношенію къ князьямъ и боярамъ не должна ли послужить для слушателей-бояръ поучительнымъ и назидательнымъ указаніемъ на то, какъ они должны относиться къ своему бывшему ровнѣ? Воспоминаніе Годунова объ отношеніяхъ къ нему Θеодора, опять-таки столь естественное и невольное по ходу рѣчи, бросается, однакожъ, въ глаза, какъ вполнѣ умѣстное при данныхъ обстоятельствахъ средство для возбужденія въ умахъ слушателей мысли о томъ, что рядомъ съ кровнымъ родствомъ существуетъ духовное родство, что рядомъ съ отношеніемъ отца къ сыну по плоти и крови есть еще такое же отношеніе въ силу усыновленія, а слѣдовательно и законное наслѣдованіе правъ духовнаго „державнаго отца“, столь естественное при бездѣтности покойнаго Θеодора. Это воспоминаніе Годунова объ отеческихъ отношеніяхъ къ нему Θеодора не должно ли бы напомнить боярамъ, что еще недавно, во времена засѣданій великаго земскаго собора, сами они, вспоминая о трогательныхъ отношеніяхъ Θеодора къ Борису Годунову, истолковали ихъ въ томъ смыслѣ, что „царь, исполненный Св. Духа, таинственнымъ дѣйствіемъ, возложеніемъ златой царской гривны на выю своего шурина „ознаменовалъ будущее державство Годунова, искони предопредѣленное Небомъ“. (т. X, стран. 215). Обращаясь, наконецъ, къ боярамъ съ выраженіемъ увѣренности въ ихъ содѣйствіи, вспоминая при этомъ о времени общихъ трудовъ съ ними на службѣ царю, Годуновъ не упускаетъ, однакожъ, случая указать и на существенное различіе между этимъ прошлымъ и настоящимъ: то было время, когда онъ раздѣлялъ „труды“ бояръ, „неизбранный еще народной волей“, а предъ этой „волей народа“, служащей еще однимъ изъ источниковъ власти „избраннаго царя“, не должны ли замолкнуть всѣ страсти сановитыхъ и родовитыхъ князей и бояръ, гордыхъ и своимъ происхожденіемъ и своими заслугами предъ отечествомъ?

Въ подобной рѣзкой формѣ изложенія являются предъ нами мысли Годунова только тогда, когда мы оторвемъ ихъ отъ той риторической формы, въ какой онѣ высказаны самимъ ораторомъ. Въ выборѣ Годуновымъ такой дипломатической формы нельзя не видѣть умышленнаго намѣренія — произвесть на слушателей желаемое впечатлѣніе, не возбуждая, однакожъ, въ нихъ какихъ-либо неприязненныхъ по отношенію къ себѣ душевныхъ движеній. „Обнажая“ свою „душу“ предъ боярами, заявляя о своихъ чувствахъ смиренія и страха предъ новымъ положеніемъ, Борисъ Годуновъ въ то же время весьма прозрачно даетъ понять своимъ слушателямъ, что отнынѣ они должны забыть въ немъ боярина Годунова и помнить царя, сознающаго свои права на власть и прерогативы этой власти.

Въ строгомъ соотвѣтствіи съ этимъ содержаніемъ рѣчи Бориса Годунова находятся и первые шаги дѣятельности избраннаго царя:

въ торжественной процессіи, сопровождаемый патріархомъ и всѣми боярами, Годуновъ хочетъ поклониться „гробамъ почіющихъ властителей Россіи“. Безъ сомнѣнія, внутренній смыслъ и значеніе произнесенной рѣчи могли быть поняты тѣми изъ бояръ, которые обладаютъ для того достаточною прозорливостію; для большинства же безхитростныхъ и простодушныхъ слушателей было необходимо наглядное и осязательное истолкованіе прикровеннаго смысла сказаннаго, а въ этомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующими цѣли являются первыя дѣйствія избраннаго царя; въ самомъ дѣлѣ, развѣ не ясно въ этомъ торжественномъ зрѣлищѣ, что нѣтъ уже болѣе Годунова, а есть царь Борисъ Ѳеодоровичъ „властитель Россіи“ одинъ изъ потомковъ „почіющихъ властителей“ ея, воздающій могиламъ своихъ предковъ?

Разсмотрѣнная часть сцены заканчивается распоряженіемъ царя „сзывать весь народъ на пиръ“. Царь, избранный великимъ земскимъ соборомъ, всей Россіи, ждетъ насладиться своей царской трапезой со всѣми представителями своего народа, при общемъ участіи „всѣхъ — отъ вельможи до нищаго слѣпца: всѣмъ — вольный ходъ, всѣ — гости дорогіе“.

Такимъ образомъ поставленный выше вопросъ о томъ, насколько рѣчь Годунова является искреннимъ выраженіемъ волнующихъ его мыслей и чувствъ, получаетъ слѣдующее рѣшеніе: безъ сомнѣнія, въ ней есть искренность, но искренность „себѣ на умѣ“, управляемая соображеніемъ разсудка, что „истины споснѣе вполоткрыта“, та искренность, гдѣ человѣкъ не забывается въ радости сердца, но „хитрымъ умомъ властвуя надъ движеніями сердца“, вымышляетъ очарованіе (т. XI, 7)“. *Запольскій.*

Борисъ Годуновъ въ кругу своего семейства.

Современныя свидѣтельства и исторія рисуютъ намъ Бориса Годунова „нѣжнымъ отцомъ семейства“. Поэтъ влагаетъ въ уста Годунова горькое сѣтованіе на то, что не суждено было осуществиться мечтѣ его — „въ семьѣ своей найти отраду“.

„Современники пишутъ“, замѣчаетъ Карамзинъ, „что Ксенія была средняго роста, полна тѣломъ и стройна, имѣла бѣлизну млечную, волосы черные, густые и длинные, „трубами лежащіе“ на плечахъ, лице свѣжее, румяное, брови союзныя, глаза большіе, черные, свѣтлые, красоты несказанной, особенно когда блистали въ нихъ слезы умиленія и жалости; не менѣе плѣняла и душею, кротостію, „благорѣчіемъ“, умомъ и вкусомъ образованнымъ любя книги и сладкія пѣсни духовныя“. (Исторія гос. Рос. XI, 43)[1]).

---

1) Эта характеристика Карамзина представляетъ перифразъ слѣдующаго современнаго свидѣтельства: „Царевна Ксенія отроковица чуднаго домышленія, зѣльною красотою лѣпа; бѣла и лицомъ румяна, очи имѣя черны велики, свѣтлостію блистая, когда же въ жалости

„Нѣжный отецъ семейства“ не могъ не любить такой дочери, и, дѣйствительно, это ясно выражается и въ дѣйствіяхъ Бориса Годунова. „Борисъ искалъ достойнаго жениха для прелестной царевны между европейскими принцами державнаго племени, чтобы такимъ образомъ возвысить блескъ своему дому въ глазахъ бояръ и князей россійскихъ, которые еще недавно видѣли Годуновыхъ ниже себя. „Сей нѣжный родитель и хитрый политикъ хотѣлъ, безъ сомнѣнія, и счастія Ксеніи, надѣялся доставить счастіе Ксеніи и выгоды государству супружествомъ ея съ герцогомъ Іоанномъ, юношею умнымъ и пріятнымъ (т. IX, 38—39; 47)“. „Какъ буря смерть уноситъ жениха“. „28 октября (1602 г.) пресѣклись цвѣтущіе дни Іоанновы на двадцатомъ году жизни. Не только семейство царское, датчане, нѣмцы, но и весь дворъ, всѣ жители столицы были въ горести. Самъ Борисъ пришелъ къ Ксеніи и сказалъ ей: любезная дочь! твое счастіе и мое утѣшеніе погибло!“ Она упала къ ногамъ его. (Карамзинъ, ibid., 46.).

Приведенный разсказъ историка, очевидно, послужилъ для нашего поэта канвою въ настоящей сценѣ; но творческая фантазія художника, сосредоточивая свое вниманіе не на внѣшней сторонѣ факта, а на соединенной съ нимъ психической жизни дѣйствующихъ лицъ, выткала по этой канвѣ свои чудные узоры.

Ударъ, поразившій молодое сердце и разрушившій свѣтлыя надежды его на семейное счастіе, оставилъ по себѣ неизгладимые слѣды въ душевномъ настроеніи Ксеніи. Образъ „милаго жениха“ постоянно живетъ въ воображеніи ея; она не можетъ оторвать своихъ взоровъ отъ портрета, напоминающаго ей дорогія черты „прекраснаго королевича“; въ глазахъ ея то и дѣло навертываются слезы, а сердце не въ силахъ удержаться отъ горькихъ сѣтованій на судьбу: не ей, „своей невѣстѣ“, а темной могилкѣ на чужой сторонкѣ достался милый женихъ, „прекрасный королевичъ“, и нѣтъ ничего на свѣтѣ, что могло бы утѣшить Ксенію, удержать ея слезы... Напрасно старая мамка, вѣрная хранительница дѣдовскихъ взглядовъ и обычаевъ, когда и рѣчи не бывало при заключеніи браковъ о чувствахъ невѣсты, напрасно старается ласковою рѣчью, приправленною изреченіями народной мудрости, утѣшить, успокоить, „ненаглядное дитя“, развеселить, ободрить надеждой на счастіе въ будущемъ... „Взойдетъ солнце, росу высушитъ“, но не взойти тому красному солнышку, чтобы могло высушить дѣвичьи слезы, заиграть яркимъ румянцемъ на блѣдномъ личикѣ. Безутѣшная въ своемъ горѣ, Ксенія рѣшается быть вѣрною и мертвому жениху своему.

Такое угнетенное состояніе душевнаго настроенія Ксеніи, безъ сомнѣнія, должно было лежать на душѣ нѣжнаго отца семейства тяжелымъ камнемъ, а потому и неудивительно, что при встрѣчѣ съ своей

слезы отъ очію испущаше, тогда наипаче свѣтлостію зѣльною блисташе, бровми союзна, тѣломъ изобильна, млечною бѣлостію обліянна; возрастомъ не высока, ни низка, власы имѣя черны, велики, аки трубы по плечамъ лежаху; воистину во всѣхъ женахъ благочиннѣйша и писанію книжному и многимъ цвѣтуща благорѣчіемъ; во всѣхъ дѣлахъ чредима, гласы воспѣваемые любляше и пѣсни духовныя любезнѣ слышате любляше“.

дочерью Годуновъ испытываетъ глубокое волненіе. Это всегда грустное выраженіе ея лица, эти заплаканные глаза невольно побуждаютъ его отозваться теплымъ участіемъ къ горю дочери, „въ невѣстахъ уже печальной вдовицы". Но горячее слово любви и утѣшенія стынетъ на устахъ Годунова при мысли о причинѣ несчастія, постигшаго его семью: „судьба не сулила" ему „быть виновникомъ блаженства" дорогой для него четы. Какъ бы ни было велико такое несчастіе, все-таки человѣкъ легче переноситъ подобнаго рода бѣды, если сознаетъ, что не онъ виноватъ; но совѣсть Годунова подсказываетъ ему мысль, что разразившійся надъ его домомъ ударъ есть проявленіе „небеснаго гнѣва" за совершенное имъ преступленіе и, слѣдовательно, столь дорогое для него, столь любимое имъ „дитя" является „безвинною" жертвою, „страдалицею" за грѣхъ своего отца; состояніе дочери является въ сознаніи Годунова живымъ укоромъ за прошлое; „какъ молоткомъ, стучитъ въ ушахъ упрекомъ":

Чѣмъ чистая душа ея виновна,
Что преступленье нѣкогда свершилъ
Ея отецъ? (А. Толстой. „Царь Борисъ.)

Среди такихъ, поистинѣ горестныхъ обстоятельствахъ, для Бориса Годунова остается еще одно утѣшеніе: это — сынъ его Ѳеодоръ. На немъ покоятся лучшія надежды царя на свѣтлое будущее; къ нему-то спѣшитъ Годуновъ и теперь обратить свои взоры, чтобы отдохнуть отъ тягостныхъ думъ и чувствъ, возбужденныхъ въ немъ тягостнымъ видомъ Ксеніи.

Да и какъ было не порадоваться, глядя на царевича? „Царевичъ отроча зѣло чудно, благолѣпіемъ цвѣтущій яко цвѣтъ дивной на селѣ отъ Бога преукрашенъ и яко кринъ въ полѣ цвѣтущъ: очи имѣя велики, черны, лицо же ему бѣло, млечною бѣлостію блистая, возрастомъ средній; тѣломъ обиленъ, наученъ же бѣ отъ отца своего книжному почитанію, во отвѣтѣхъ дивенъ и сладкорѣчивъ вельми; пустотное и гнилое слово никогда изъ устъ не исхождаше; о вѣрѣ и поученіи книжномъ со усердіемъ прилежаше". Борисъ Годуновъ былъ особенно нѣженъ къ „милому ненаглядному сыну, котораго онъ любилъ до слабости, ласкалъ непрестанно, называлъ своимъ повелителемъ, никогда не отпускалъ отъ себя, воспитывалъ съ отмѣннымъ стараніемъ, даже училъ наукамъ. Любопытнымъ памятникомъ географическихъ свѣдѣній сего царевича осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 году нѣмцемъ Герардомъ. Готовя въ сынѣ достойнаго монарха для великой державы и заблаговременно пріучая всѣхъ любить Ѳеодора, Борисъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ давалъ ему право ходатая, заступника, умирителя; ждалъ его слова, чтобы оказать милость и снисхожденіе, дѣйствуя и въ семъ случаѣ, безъ сомнѣнія, какъ искусный политикъ, но еще болѣе, какъ страстный отецъ (Карамзинъ, XI, 83)".

Во все время предыдущей сцены царевичъ Ѳеодоръ сидѣлъ, весь погруженный въ „чертежъ земли московской", пока Годуновъ не

обратился къ нему съ вопросомъ: „А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ?“ Бойкая и разумная рѣчь Θеодора, объяснявшая свой „чертежъ земли московской“, дѣйствительно, заставляетъ Годунова хоть не надолго отвлечься отъ тягостныхъ думъ, наполняетъ радостію сердце нѣжнаго родителя. Съ удовольствіемъ разсматривая работу своего сына, въ восторгѣ отъ его успѣховъ въ наукахъ, Борисъ Годуновъ, одинъ изъ немногихъ государей того времени, понимавшій необходимость для Россіи европейскаго образованія, пользуется настоящимъ случаемъ, чтобы еще разъ внушить сыну свои мысли о „сладкомъ плодѣ ученья, о высокомъ значеніи науки для человѣка, такъ какъ она дѣлаетъ его обладателемъ „опытовъ быстро текущей жизни“ — и для царя въ особенности, такъ какъ съ помощію науки „и легче и яснѣе постигается державный трудъ...“ Въ этой рѣчи Годунова, свидѣтельствующей и о его умѣ и его любви къ сыну, вниманіе слушателя невольно поражается грустной нотой, такъ мало гармонирующей съ общимъ тономъ ея, невольно сосредоточивается на мрачномъ предчувствіи Годуновымъ близкой своей смерти. На сына своего Годуновъ смотритъ уже какъ на своего наслѣдника, „подъ руку“ котораго „скоро, можетъ быть“, достанутся тѣ области, которыя онъ „нынѣ изобразилъ такъ хитро на бумагѣ“. Такое настроеніе, столь, впрочемъ, естественное въ устахъ человѣка, на сердцѣ котораго тяготѣетъ „предчувствіе небеснаго грома и горя“ — столь естественное въ устахъ царя, котораго „ни власть ни жизнь не веселитъ“ — это мрачное предчувствіе, не покидающее Годунова даже въ минуты радостнаго настроенія духа, ясно указываетъ намъ, что лично для себя Годуновъ давно уже не ждетъ въ жизни ничего отраднаго, что единственнымъ звеномъ, связующимъ его съ жизнью, является надежда на упроченіе власти за своимъ домомъ въ лицѣ своего сына: „онъ невиненъ, онъ царствовать по праву станетъ“; воспитанный съ отмѣннымъ стараніемъ, приготовленный быть достойнымъ монархомъ для великой державы, сынъ осуществитъ въ свое царствованіе все то, чего такъ страстно и такъ напрасно желалъ отецъ; благословляя сына за его дѣла, благодарная память потомства снисходительно и съ состраданіемъ отнесется и къ несчастному родителю.

Вотъ какимъ является предъ нами Борисъ Годуновъ въ кругу своего семейства. Содержаніе сцены яркими красками рисуетъ намъ нравственное состояніе главнаго дѣйствующаго лица драмы. Сокрушенный духомъ, подъ вліяніемъ несчастій и бѣдствій, постигшихъ его и на аренѣ общественной дѣятельности и въ кругу семейной жизни, „согбенный подъ ярмомъ раскаянія“ и близкій къ отчаянію подъ вліяніемъ гнетущаго предчувствія неминуемой и, можетъ быть, недалекой катастрофы, Борисъ Годуновъ находитъ для себя единственный источникъ душевной бодрости для перенесенія этихъ бѣдствій въ горячей любви къ сыну и въ свѣтлой надеждѣ на упроченіе за нимъ власти. Отнять эту надежду, лишить Годунова увѣренности, что сынъ его будетъ его наслѣдникомъ, это значитъ окончательно потрясти все его

нравственное существо и сдѣлать его неспособнымъ къ дальнѣйшей борьбѣ съ своимъ положеніемъ.

Запольскій.

Языкъ „Бориса Годунова“[1]).

Двѣ красоты, двѣ тайны, въ которыхъ живетъ геній нашего языка, Пушкинъ вскрылъ предъ нами въ великомъ своемъ произведеніи: *славянизмъ* и *народность.* Славянскій складъ рѣчи дышитъ въ нашемъ языкѣ величіемъ и въ то же время нѣжностью, силою, прелестію. У Пушкина этотъ складъ рѣчи вездѣ виденъ; онъ обходился съ нимъ, какъ со своимъ роднымъ. Выраженія лѣтописи есть у поэта, но все это у мѣста, тамъ, гдѣ и быть имъ должно. Казакъ Карела пришелъ съ Дона отъ *вольныхъ* войскъ къ Лжедимитрію,

Узрѣть *его* царевы ясны *очи.*

У насъ былъ князь — Димитрій-*Грозныя очи.* Въ „Разрядахъ“ 1605 году пишется о Годуновѣ: „Государь царь... челомъ бьетъ тебѣ (Мстиславскому), — аже службу свою совершишь и увидишь образъ Спасовъ... и наши *царскія очи.*

Юродиваго поэтъ называетъ *блаженнымъ;* въ лѣтописяхъ также онъ называется. Борисъ *пріемлетъ* власть великую; онъ идетъ поклониться гробамъ *почіющихъ* властителей Россіи; онъ разсыпаетъ *злато* народу. Обращаясь къ совѣсти своей, Борисъ говоритъ:

Но если въ ней *единое* пятно,
Единое случайно завелося.

Онъ велитъ воеводамъ спасать *градъ* и гражданъ; увѣряетъ, что не нужна ему чуждая *помога,* которую предложилъ *свейскій* государь; патріарха онъ проситъ *повѣдать* свою мысль.

Ты съ малыхъ лѣтъ *сидѣлъ* со мною въ Думѣ,

говорилъ Годуновъ сыну своему. Царскій голосъ долженъ *вѣщать* лишь велику скорбь или великій праздникъ, говорилъ ему же Борисъ.

Бесѣда старца Пимена исполнена такою же прелестью славянскаго строя рѣчи. Лѣтописи свои онъ называетъ *хартіями.* Слова его:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу —

чисто-славянскія. Пименъ въ свою рѣчь беретъ цѣлые тексты изъ библіи. Григорій проситъ его благословенія, а онъ отвѣчаетъ:

Благослови Господь,
Тебя *и днесь, и присно, и вовѣки.*

---

[1]) См. также о „Борисѣ Годуновѣ“, стран. 111—112.

Пименъ не сказалъ, что онъ *молится* предъ сномъ, а *сотворяетъ* молитву долгую. Разсказывая о любви Іоанна Грознаго къ монашеской жизни, называетъ его *алкающимъ* спасенія. Царя Θеодора Іоанновича онъ называетъ царемъ, *воздыхающимъ* о мирномъ *житіи молчальника*. Вчитывайтесь въ эту рѣчь Пимена о Θеодорѣ:

... а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его *одру, царю едино зримый,*
Явился мужъ необычайно-свѣтелъ.
. . . .
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Зане святый *владыка* предъ царемъ
Во храминѣ (дворцѣ) тогда не находился.

Пименъ дѣлаетъ библейскія сближенія, Битяговскаго онъ называетъ *Іудою-Битяговскимъ*. Пименъ говоритъ *наутро* вмѣсто: *утромъ*. Григорію Пименъ совѣтуетъ описывать все въ лѣтописи, не *мудрствуя лукаво*, — описывать войну и миръ, *управу* государей.

Патріархъ такою же рѣчью бесѣдуетъ съ игуменомъ Чудова монастыря и съ царемъ. Онъ подаетъ свой совѣтъ Борису и такъ говоритъ:

Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ не *мудрый судія,*
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ.
. . . .
И самъ
Онъ (Самозванецъ) *наготой своею* посрамится.

Патріархъ говоритъ: *свѣдано* вмѣсто *узнано, обрѣтали* спасеніе подобно вмѣсто *находили,* и *мощь бѣсовъ* (т.-е. замыслы самозванца) *исчезнетъ яко прахъ*. Послѣднія слова взяты изъ псалтири, перваго псалма.

Григорій спрашиваетъ у Пимена, какихъ былъ лѣтъ царевичъ *убіенный*. О себѣ онъ говоритъ, что отъ отроческихъ лѣтъ по *келіямъ* скитается. Курбскаго, измѣнника Іоанна, самозванецъ называетъ *мужемъ битвы и совѣта*. Въ библіи самъ Богъ назвалъ Давида *мужемъ кровей,* когда объяснялъ ему, что онъ не можетъ быть создателемъ храма. Самозванецъ именуетъ Собаньскаго, шляхчича вольнаго, *свободы чадомъ*. Карела говоритъ Лжедимитрію, что онъ пришелъ отъ храбрыхъ атамановъ *кланяться* ихъ *головами*. Лжедимитрію поэтъ подалъ стихи, а онъ въ восторгѣ говорилъ:

Стократъ священъ союзъ меча и лиры;
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.

Слово *вѣдаетъ, повѣдать* — любимое слово дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи поэта.

Дѣти Бориса называются драгими *вѣтвями;* его дочь — печальною *вдовицею;* бояре, дьяки и выборные люди *бьютъ челомъ* отцу и государю. Шуйскій говоритъ, что въ случаѣ *никая* казнь его не устрашитъ: *нѣкій духъ* — вотъ названіе самозванца. Обращаясь къ патріарху, Шуйскій спрашиваетъ:

Святый отецъ, кто *вѣдаетъ пути*
Всевышняго?

Молитва мальчика, послѣ ужина, въ домѣ Шуйскаго, есть чисто-славянскаго духа:

Царю небесъ, *вездѣ* и *присно сущій,*
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ государѣ...
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на *путяхъ* и на *одрѣ* ночлега.
Подай ему побѣду на врага,
Да славится онъ *отъ моря до моря.*
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея *драгія вѣтви...*
Да будетъ онъ, какъ прежде *благодатенъ.*

Вся рѣчь въ трагедіи поэта переплетена словами славянскими. Читаете первыя слова посвященія Карамзину: „*драгоцѣнной* для Россіянъ *памяти* Николая Михайловича Карамзина, *сей трудъ,* геніемъ его вдохновенный,... *посвящаетъ*". Расположеніе словъ — славянское. Прочтемъ первыя слова самой трагедіи и послѣднее слово. Вотъ чѣмъ начинается трагедія! Воротынскій говоритъ:

Наряжены мы вмѣстѣ городъ *вѣдать.*

Вотъ чѣмъ заключается трагедія: „народъ *безмолствуетъ*". Слова — чисто-лѣтописныя.

Указанныя слова входятъ въ рѣчь дѣйствующихъ лицъ, какъ необходимыя стихіи. Они двигаютъ рѣчь, ими она живетъ. Поэтъ поставляетъ лицо въ извѣстное состояніе; извѣстный образъ мысли зароился: извѣстнымъ образомъ забилось сердце, заговорило и — такъ, а не иначе лицо должно выразить свою душу: это слово, славянское слово только и присуще ему въ это мгновеніе. Перемѣните его, замѣните другимъ — пропадетъ сила, не станетъ красы, слово не отпечатаетъ внутренняго движенія духа.

Другая красота языка трагедіи — *народность.* Она видна осязательно не только тамъ, гдѣ говорятъ люди простого слоя общества, но и тамъ, гдѣ говоритъ царь, Лжедимитрій, бояре. Любуясь стройностію и умомъ Курбскаго, самозванецъ назвалъ его *красавцемъ.* Толпы русскихъ и поляковъ, пришедшихъ просить у *милости* его меча и службы, онъ именуетъ *дѣтьми, друзьями;* нѣмцевъ, *порядкомъ* поколотившихъ войско Лжедимитрія, онъ назвалъ — *молодцами,* даже побожился, что они *молодцы.* Самозванецъ говоритъ, что онъ *заутра двинетъ рать:* ему *мо́чи нѣтъ* сражаться съ женщиной, онъ проситъ Марину *вымолвить* слово любви.

Народностію исполнена рѣчь Годунова. Онъ хочетъ править свой народъ *во славѣ;* его сынъ изобразилъ на картѣ всѣ области Россіи: Борисъ дивился, *какъ* хитро Ѳеодоръ это сдѣлалъ. Объ умномъ дѣлѣ, глубокомъ и прекрасно совершенномъ народъ скажетъ: „а что? Вѣдь *хитро́?!*" Борисъ говоритъ *вечоръ* вмѣсто „вечеромъ" — ни *одна душа* вмѣсто ни одинъ человѣкъ. Онъ *крестомъ и Богомъ заклинаетъ* Шуйскаго *правду объявить,* узналъ ли онъ убитаго младенца. Годуновъ считаетъ страннымъ, что бѣглый инокъ *ведетъ* на него злодѣйскія дружины.

И рѣчь бояръ дышитъ народнымъ складомъ. *И по дѣломъ* ему, говоритъ Пушкинъ, видя заходящую грозу надъ Борисомъ. Въ Московскомъ государствѣ теперь, по увѣренію Пушкина, все *языки,* готовые *продать.* Отчего онъ искренно сказалъ о неустройствахъ Борисова царствованія? Медъ да *бархатное* пиво *развязали* ему *языкъ.* Когда ушли гости, бывшіе за ужиномъ Шуйскаго, Пушкинъ сказалъ: „насилу *убрались*".

Шуйскій называетъ слухи о самозванцѣ *баснями,* которыми *питается* безсмысленная чернь; своихъ гостей онъ благодаритъ, что они не *презрѣли* его *хлѣба-соли,* самихъ гостей именуетъ *дорогими.* Разсказывая о своемъ слѣдствіи по дѣлу убіенія Димитрія, онъ говоритъ, что *наѣхалъ* на *свѣжіе слѣды.* Онъ — *не трусъ* и въ *петлю лѣзть* не соглашается *даромъ.*

Простота рѣчи, народность поражаетъ тамъ въ твореніи поэта, гдѣ говорятъ люди низшаго слоя общества. Вотъ какъ мамка утѣшаетъ свою питомицу, дочь Годунова: „*И,* царевна! дѣвица плачетъ, *что* роса падетъ: *взойдетъ* солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный *и привѣтливый.* Полюбишь его, дитя *наше ненаглядное,* забудешь *Ивана* Королевича".

Народъ говоритъ по-своему, не красно̀, но мѣтко. По его взгляду, Борисъ *прогналъ* святителей, бояръ и патріарха. Въ соборѣ предаютъ анаѳемѣ самозванца, а одинъ изъ народа сказалъ: „Я *стоялъ* на *паперти* и слышалъ, какъ дьяконъ *завопилъ:* Гришка Отрепьевъ — анаѳема". Вотъ *ужо* имъ *будетъ безбожникамъ,* замѣтилъ тотъ же голосъ изъ народа. Старуха называетъ *мальчишекъ,* не дававшихъ проходу юродивому, *бѣсенятами,* подаетъ ему *копеечку.* Самозванецъ спрашивалъ у одного плѣнника московскаго: „*войско что?*" А тотъ отвѣчалъ: „Что съ нимъ? *Одѣто, сыто,* довольно всѣмъ". Самозванецъ спросилъ:

Ну, обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ.

А говорятъ о *милости твоей,*
Что ты — *дескать (будь не во гнѣвъ)* и *воръ,*
А молодецъ.

Этотъ же самый плѣнникъ погрозилъ ляху *кулакомъ:* „не хочешь ли вотъ *этого,* спросилъ онъ и назвалъ его *безмозглымъ.* Безмозглый — главный эпитетъ, которымъ опредѣляетъ для себя нашъ простолюдинъ *поляка.* Мужикъ называетъ юнаго сына Бориса *щенкомъ.* Пушкинъ спрашивалъ у народа: „въ *угоду* семейству Годуновыхъ *подымите* вы *руку* на царя *законнаго,* на внука *Мономаха?*" Народъ отвѣтилъ: „*вѣстимо* нѣтъ". Ксенію и Ѳеодора, сидящихъ подъ стражею, народъ назвалъ *пташками.*

Братъ да сестра! бѣдныя дѣти, что *пташки* въ *клѣткѣ.*

Заключимъ наше описаніе красоты народнаго языка поэта словами Ксеніи. Въ шести строкахъ поэтъ изобразилъ намъ образъ ея. Слова ея — верхъ народности. Будто пѣсню слышишь нашу русскую, будто ея голосъ шевелитъ, хватаетъ, какъ сказалъ понявшій пѣсню русскую поэтъ, васъ за сердце, когда вы читаете эту наивную рѣчь Ксеніи: „Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной *могилкѣ*, на чужой *сторонкѣ:* никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать". Мамка ее утѣшаетъ, а она отвѣчаетъ:

Нѣтъ, *мамушка,* я и мертвому буду ему вѣрна.

Читая трагедію Пушкина, вникая въ языкъ ея, истинно скажешь, что онъ на всѣ лады органъ для русскихъ душъ, что русскими чувствами поэтъ зазвучалъ въ ней. Варнгагенъ фонъ-Энзе замѣтилъ: „Мы иностранцы, мы чувствуемъ біеніе русскаго сердца въ каждой сценкѣ, въ каждой строкѣ".

Разсуждая о Ломоносовѣ, Пушкинъ выставилъ слѣдующую заслугу Карамзина, относительно языка: „Карамзинъ, сказалъ онъ, освободилъ языкъ отъ чуждаго ига, и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ *живымъ* источникамъ *народнаго* слова". Пушкинъ, скажемъ мы, на основаніи его „Бориса Годунова", *овладѣлъ,* какъ художникъ, *народнымъ* языкомъ, онъ сроднился съ нимъ, какъ со своею мыслію, душою, своимъ словомъ.

Филоновъ.

Допетровская Русь въ изображеніи „Бориса Годунова".

„Борисъ Годуновъ" представляетъ вѣрное художественное воспроизведеніе древней Руси въ ея главныхъ типическихъ чертахъ. Въ этомъ отношеніи „Борисъ Годуновъ" далеко еще не оцѣненъ по своему достоинству и, прибавимъ, по своему значенію въ нашей литературѣ. Это произведеніе возникло въ ту пору, когда у насъ ни въ обществѣ ни въ литературѣ не поднимался еще вопросъ о древней русской жизни, о коренныхъ ея началахъ, не слышалось еще жалобъ на разобщенность новой русской жизни съ ея прошедшимъ. Пушкинъ не могъ предусматривать всѣхъ этихъ толковъ и споровъ, и мысль его, обращаясь къ прошедшему, могла сохранить то спокойствіе и ту свободу воззрѣнія, которыя столь же необходимы художнику, какъ и мыслителю или историку. Въ сценахъ своихъ онъ ничего не хочетъ доказывать, онъ только изображаетъ. Художественная истина этого изображенія состоитъ не въ подробностяхъ обстановки, не въ обозначеніи внѣшнихъ примѣтъ быта, а въ постиженіи внутреннихъ основъ его. Въ воспроизведеніи Пушкина мы чувствуемъ, какъ древняя Русь неуклонно шла своимъ путемъ, какъ мало было въ ней самой существенныхъ побужденій отрекаться отъ дальнѣйшаго хода, какъ глубоко,

напротивъ, таилась въ ней потребность обновленія. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы не чувствуемъ въ этихъ изображеніяхъ никакого отрицающаго дѣйствія со стороны поэта, никакого желанія представить внѣшнимъ образомъ недостатки или несостоятельность стараго быта. Потребность перехода является здѣсь какъ положительное начало самой жизни стараго времени.

Спросимъ себя, которое изъ типическихъ лицъ того времени, какъ они представлены у Пушкина, заключаетъ въ себѣ что-либо враждебное этому переходу, которое изъ лицъ выражаетъ собою начало упора и сопротивленія? Конечно, не этотъ смиренный старецъ, который въ тиши своей кельи, въ краткіе досуги отъ молитвы, пишетъ свои правдивыя сказанья; этотъ старецъ, отрекшійся отъ міра, но совершающій для него скромное, безвѣстное, но благое дѣло? Перечтите эту сцену въ кельѣ Чудова монастыря, признанную за одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ цѣлаго произведенія, прислушайтесь снова къ рѣчамъ добраго отшельника, къ этимъ рѣчамъ, которыя запечатлѣны всею силою художественной правды: нѣтъ, здѣсь такъ много мягкосердечія и простоты! нѣтъ, отсюда не можетъ выйти духъ сопротивленія, и мысль отсюда легко обращается къ будущему и довѣрчиво предается влекущей силѣ, въ немъ заключенной. Другимъ характеромъ запечатлѣны слѣдующія за нею сцены.

Но войдемъ въ царскія палаты. Отдѣлимъ въ Борисѣ Годуновѣ то, что придано ему личнымъ положеніемъ, внутреннею неправдою его власти, неправдою, изъ которой рождается династическое своекорыстіе,— отдѣлимъ этотъ страхъ и трепетъ за себя передъ глухимъ ропотомъ народнаго мнѣнія и самозванства, отдѣлимъ также оцѣпенѣлость полувосточныхъ завѣщанныхъ формъ, все, что такъ вѣрно выражено Пушкинымъ, несмотря на пышность и нѣкоторую торжественность этого выраженія, вовсе, впрочемъ, не чуждыя предмету и въ основныхъ краскахъ своихъ и въ общемъ впечатлѣніи еще болѣе возвышающія художественную вѣрность изображенія, и посмотримъ, что останется въ царственной мысли. Всѣ, вѣроятно, помнятъ прекрасную сцену Бориса въ своемъ семействѣ, кроткій образъ Ксеніи, обозначенный столь немногими, но столь поэтическими чертами, и разговоръ царя съ своимъ сыномъ...

Истина изображенія здѣсь такъ живо, такъ гласно говоритъ сама за себя, что не требуетъ исторической повѣрки. Эти слова дышатъ всею особенностію жизни и духа времени.

Вотъ еще другое мѣсто. Недовольный своими боярами и воеводами, царь обращается къ Басманову:

. . . . . . я ими недоволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними:
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спесь о мѣстничествѣ тужитъ:
Пора пресѣчь мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

— Ахъ, Государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь.
День этотъ недалекъ...

День этотъ, какъ мы знаемъ, насталъ, и вскорѣ за нимъ наставали другіе дни, въ которые тотъ же огонь пожиралъ ограды невѣжества и народной исключительности. И только изъ этихъ оградъ, а не изъ существенныхъ началъ, не изъ духа жизни происходило сопротивленіе дѣлу обновленія, протестъ противъ сближенія народовъ, противъ великаго дѣла исторіи, возводящаго всѣ отношенія и формы въ человѣческомъ мірѣ къ ихъ чистотѣ, къ ихъ разуму и къ несомнѣнной опредѣленности. Въ произведеніи Пушкина мы можемъ какъ бы предчувствовать, что когда придетъ часъ перехода — будетъ упоръ, но упоръ со стороны оцѣпенѣлаго и помертвѣвшаго обычая, упоръ со стороны звенящей мѣди и бряцающихъ кимваловъ, со стороны хранителей формы и ревнителей обрядности. Все по истинѣ живое и плодотворное должно было перейти; осталось позади лишь внутренне-мертвое и негодное.

Вотъ что значитъ художественное изображеніе! Если бъ Пушкинъ старался проводить въ своихъ очеркахъ древне-русской жизни какую-либо мысль, если бы онъ хотѣлъ въ нихъ что-либо доказывать, то исчезла бы истина изображенія, мы получили бы не истину жизни, а вовсе, можетъ-быть, не нужное намъ мнѣніе Пушкина, мы получили бы ложь и относительно искусства и относительно дѣйствительности. Раздалось бы только лишнее горячее слово въ спорѣ, и только. Художнику болѣе всего нужно высокое безпристрастіе истины или, какъ мы выразились выше, свобода воззрѣнія. Первымъ признакомъ произведенія нехудожественнаго было бы желаніе автора высказать прямо какія-нибудь мысли. Лица явились бы на сцену и высказывали бы эти мысли, высказывали бы, быть-можетъ, очень хорошо, очень живо и увлекательно; но мысли, высказываемыя не въ логическомъ развитіи, могли бы только оглушить, увлечь васъ слѣпо, а внутренняго, въ васъ самихъ происходящаго процесса убѣжденія, никакъ не могли бы онѣ произвести. Между тѣмъ художникъ не только не навязываетъ вамъ какихъ-либо готовыхъ мыслей, но и не подводитъ васъ хитро подъ ихъ вліяніе; особою, сообразною съ какими-нибудь посторонними цѣлями, постановкою сцены, онъ только приближаетъ къ вашему разумѣнію сущность предмета и побуждаетъ васъ изображеніемъ дѣла дойти до скрытыхъ въ немъ идей, заставляетъ васъ самихъ домыслиться до нихъ. Вамъ не сообщаются готовыя убѣжденія, вамъ сообщаются элементы для убѣжденія. Пименъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ ничего не говоритъ и не можетъ говорить ни въ пользу ни противъ историческаго развитія и общественнаго преобразованія; его сознаніе далеко отъ этихъ вопросовъ, и вообще его жизнь не принадлежитъ міру; но въ немъ встрѣчаемъ мы духъ, который, чув-

ствуемъ мы, никогда не озлобится противъ законнаго движенія міра, и который благословитъ всякое доброе дѣло, откуда бы оно ни исходило. Но очень вѣроятно, что братья Мисаилъ и Варлаамъ, эти ханжи и лицемѣры, изображенные Пушкинымъ съ неменьшею вѣрностію стали бы въ эпоху Петра на сторону противниковъ реформы.

Катковъ.

Эпоха смутнаго времени, изображенная Пушкинымъ въ „Борисѣ Годуновѣ", и характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Другимъ замѣчательнымъ произведеніемъ, развертывающимъ предъ нами мастерски воспроизведенныя, полныя жизни картины эпохи смутнаго времени въ исторіи нашей земли, является одно изъ самыхъ любимыхъ произведеній нашего великаго Пушкина — его „Борисъ Годуновъ". Поэтъ создавалъ свое произведеніе въ зрѣлую пору развитія своего генія, и онъ съ особеннымъ вниманіемъ и любовью подготовлялся къ своему художественному труду: читалъ исторію Карамзина, знакомился самостоятельно съ лѣтописями и другими историческими источниками, съ особеннымъ же вниманіемъ изучалъ эпоху смутнаго времени на Руси; увлекался Шекспиромъ, читалъ Авг. Шлегеля „Чтенія о драматическомъ искусствѣ". Вообще обширны были литературно-историческія занятія, которымъ предавался Пушкинъ въ глуши своего деревенскаго уединенія.

Самое созданіе „Бориса Годунова", къ которому поэтъ относился весьма серіозно, доставило ему высокое наслажденіе. Процессъ созданія этой драмы не только выяснилъ поэту зрѣлость его богатыхъ творческихъ силъ, но и далъ ему вкусить высокихъ нравственныхъ наслажденій. „Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю наслаждаться дозволено", говоритъ самъ поэтъ въ одномъ мѣстѣ. Въ письмѣ къ Раевскому поэтъ писалъ, что онъ старался соединить два рода трагедіи въ своемъ „Борисѣ Годуновѣ": трагедіи съ характерами и трагедіи съ исторической вѣрностью. Здѣсь Пушкинъ самъ указываетъ на двоякое значеніе своей драмы, какъ картины исторической и психологической.

Въ своемъ полномъ объемѣ „Борисъ Годуновъ" вышелъ въ 1831 году, хотя былъ написанъ гораздо раньше, знаменитая сцена между Пименомъ и самозванцемъ была напечатана въ 1828 году, а сцена между Курбскимъ и самозванцемъ еще въ 1827 году. Писанъ „Борисъ Годуновъ" въ концѣ 1824 года приблизительно до половины 1825 года.

Хотя поэтъ при созданіи своей трагедіи „въ свѣтломъ развитіи происшествій" слѣдовалъ, по его собственнымъ словамъ, Карамзину, однако онъ своимъ творческимъ геніемъ сумѣлъ самостоятельно воспользоваться тѣми данными, которыя нашелъ у Карамзина, восполняя

ихъ, гдѣ нужно, собственными историческими изученіями, дѣйствительно стараясь въ лѣтописяхъ „угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени“. Въ своемъ „Борисѣ Годуновѣ“ поэтъ-художникъ представилъ намъ такую картину Борисова царствованія, которая по распредѣленію красокъ и по основному своему колориту существенно отличается отъ повѣствованія Карамзина. Не даромъ Пушкинъ при всемъ своемъ увлеченіи и уваженіи къ труду Карамзина говорилъ о „парадоксахъ Карамзина“, утверждалъ, что въ „Исторіи Государства“ Россійскаго есть нѣсколько отдѣльныхъ размышленій, краснорѣчиво опровергнутыхъ вѣрнымъ разсказомъ событій“. Вспомнимъ слова поэта: „Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ“. Врядъ ли возможно согласиться поэтому съ мнѣніемъ Лютера, будто сильнѣйшее вліяніе Карамзина опредѣляло содержаніе трагедіи Пушкина (356-я), не говоря уже о сѣтованіяхъ Н. Полевого и Бѣлинскаго.

Причину рѣзкой перемѣны въ отношеніи народа къ Борису Карамзинъ ищетъ не въ ходѣ историческихъ событій того времени, а исключительно въ настроеніи самого Бориса, который подъ вліяніемъ подозрѣній самъ измѣнилъ свои первоначально добрыя отношенія къ народу: измѣнился царь, измѣнилось и отношеніе народа къ нему. Пушкинъ же художественнымъ чутьемъ своимъ понялъ, что причину событій смутнаго времени и превратностей въ судьбѣ Бориса Годунова нужно искать не только въ самыхъ характерахъ историческихъ дѣятелей того времени, но и въ настроеніи тѣхъ общественныхъ элементовъ, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать. Вотъ потому-то поэтъ въ своей драмѣ и отводитъ видное мѣсто характеристикѣ этого настроенія. Въ самомъ началѣ своего произведенія, въ 1-й же сценѣ поэтъ знакомитъ насъ, не выводя еще на сцену самого Бориса, съ той обстановкой, при которой вступаетъ онъ на престолъ, съ тѣмъ настроеніемъ умовъ, которое господствуетъ въ высшихъ сословіяхъ бояръ и немного далѣе — въ простомъ народѣ: бояре завидуютъ ему и негодуютъ въ глубинѣ души на „татарина, зятя Малюты“, „собираются искусно волновать народъ“; народъ же относится къ избранію, по меньшей мѣрѣ, безучастно. Только въ слѣдующей 4-й сценѣ является самъ Борисъ.

Поэтъ и далѣе весьма живо и ярко рисуетъ предъ нами отдѣльные моменты и эпизоды изъ жизни народной массы; онъ какъ бы оттѣняетъ ея отношеніе, ея мнѣніе къ тому или иному событію. Мы видимъ народъ на красной площади, онъ не знаетъ, кто будетъ его царемъ, всеобщее недоумѣніе разрѣшаетъ дьякъ Щелкаловъ, объявляя, что соборомъ рѣшено просить Бориса еще въ 3-й разъ. Затѣмъ мы видимъ народъ на Дѣвичьемъ полѣ во время упрашиванія Бориса. Послѣ этого народъ фигурируетъ предъ нами на соборной площади, ожидая царскаго выхода изъ собора, часть вѣритъ уже въ то, что появившійся самозванецъ — истинный царевичъ. Далѣе народъ является предъ нами на лобномъ мѣстѣ, гдѣ подъ вліяніемъ умѣло брошенной искры хитрымъ Пушкинымъ въ этой горючей массѣ вспыхиваетъ

пламя ненависти къ Борисову потомству, въ пылу этой ненависти онъ, какъ вихрь, несется „вязать, топить Борисова щенка“. Далѣе мы видимъ народъ въ качествѣ зрителя насильственной смерти Борисова потомства. *Начинается* драма изображеніемъ настроенія бояръ и народа къ новому царю Борису, и *кончается* она изображеніемъ состоянія народа и его отношенія къ новому царю, выступающему на смѣну Бориса. Въ отвѣтъ на крики Мосальскаго: „Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!“ — народъ безмолвствуетъ. Это глубокопсихологическая и высокохудожественная сцена. Безмолвіе народа, потрясеннаго дикой расправой бояръ съ дѣтьми Бориса, которыхъ онъ самъ же такъ недавно собирался „вязать, топить“, поразительно глубоко и вѣрно рисуетъ намъ психическую жизнь толпы и какъ бы указываетъ, что это новое царствованіе, восходящее на такой кровавой зарѣ, будетъ такъ же печально, какъ и заходящее.

Не даромъ поэтъ стремился угадать „образъ мыслей тогдашняго времени“, ставилъ своей задачей „воскресить одинъ изъ минувшихъ вѣковъ во всей его истинѣ“. Поэтому-то у него фигурируетъ не Борисъ только, но и *весь русскій народъ;* интересъ къ отдѣльнымъ лицамъ слабнетъ, вниманіе сосредоточивается на общемъ настроеніи и жизни бояръ и народа. Борисъ — не герой трагедіи въ обычномъ смыслѣ этого слова, а только центральный факторъ общаго дѣйствія. Вотъ поэтому-то и самъ поэтъ далъ первоначально своему произведенію заглавіе, гласящее: „Комедія о настоящей бѣдѣ *Московскому Государству,* о царѣ Борисѣ и Гр. Отрепьевѣ“, а закончилъ рукопись словами: „конецъ комедіи, въ ней же первая персона царь Борисъ Годуновъ“.

Уже изъ первой сцены у Пушкина ясно видно, что Борисъ возведенъ на престолъ вовсе не народною любовью. Вступая на престолъ, онъ не имѣлъ внутренней опоры ни въ боярахъ ни въ народѣ, и если онъ самъ изображаетъ себя въ своей рѣчи избранникомъ народнымъ, то это сознательный обманъ или самообольщеніе. „Великій обманъ — таково общее впечатлѣніе, оставляемое въ насъ и сценой, гдѣ выступаютъ бояре, и сценой, гдѣ дѣйствуетъ народъ, и рѣчью царя. Но вѣдь обманъ раскроется же когда-нибудь, онъ не можетъ не раскрыться: сѣмя лжи, посѣянное избраніемъ Бориса Годунова, рано или поздно взойдетъ“, говоритъ проф. Ждановъ въ своей прекрасной брошюрѣ. И, дѣйствительно, это сѣмя всходитъ. Не полагаясь ни на бояръ ни на народъ, терзаемый угрызеніями совѣсти, Борисъ полагается лишь на силу своего ума и энергію воли, направляя ихъ къ упроченію своего положенія, но этимъ онъ вооружаетъ противъ себя бояръ (жалобы Пушкина въ домѣ Шуйскаго) и въ то же время возстановляетъ народъ. Сѣмя лжи и взаимнаго недовѣрія постоянно растетъ. Вѣсть о самозванцѣ падаетъ уже на готовую почву: связь между царемъ и народомъ давно порвалась. Сила самозванца не въ немъ самомъ, а въ общемъ движеніи противъ Бориса. Борису приходится бороться не столько съ самозванцемъ, сколько со всей

землей. Онъ не выдерживаетъ этой борьбы, тѣмъ болѣе, что не находитъ опоры въ своей собственной совѣсти (а не всецѣло отъ этого), и умираетъ. Гибнетъ Борисъ, гибнетъ и его сынъ, но уже непосредственно отъ рукъ бояръ. По ходу Пушкинской драмы видно, такимъ образомъ, что Борисъ погибъ бы и въ томъ случаѣ, если бы не былъ убійцей Дмитрія! Вотъ каково освѣщеніе эпохи смутнаго времени и Борисова царствованія у Пушкина: у Пушкинскаго Бориса не было духовнаго единенія съ народомъ.

Не связанныя между собою на поверхностный взглядъ сцены заключаютъ въ себѣ глубокое единство, это единство и цѣльность заключаются въ изображеніи отношенія народа во всѣхъ его слояхъ къ происходящимъ событіямъ, въ жизни и настроеніи этого народа; стоитъ вникнуть въ первую и послѣднюю сцены, и васъ потрясетъ одна и та же мысль, одно впечатлѣніе!

Первая персона комедіи — *Борисъ* — человѣкъ простой и добрый по основнымъ чертамъ души, но въ эту спокойную душу закралась тревожная страсть властолюбія. Эта страсть взволновала весь его внутренній міръ, потрясла душу и внесла въ нее адскую муку. Мы встрѣчаемся съ Борисомъ впервые, когда онъ держитъ рѣчь къ боярамъ и патріарху; онъ вступаетъ на престолъ, сознавая всю трудность царскаго правленія, „пріемлетъ власть со страхомъ и смиреніемъ", Задачей своего правленія онъ ставитъ „править во славѣ свой народъ, быть благимъ и праведнымъ".

Эта рѣчь, полная мира и любви, полная такихъ свѣтлыхъ надеждъ, производитъ тяжелое и тревожное впечатлѣніе: одновременно съ этими словами слышатся злобныя рѣчи коварнаго Шуйскаго, собирающагося „искусно волновать народъ", доносятся смѣхъ и шутки безучастной народной толпы... Прошло пять лѣтъ, и передъ нами уже не прежній Борисъ, желавшій „свой народъ въ довольствѣ, во славѣ успокоить, щедротами любовь его снискать", — это глубоко несчастный человѣкъ: народное настроеніе успѣло выясниться и опредѣлиться вполнѣ: народъ отшатнулся отъ него. Вѣсть о самозванцѣ даетъ возможность средѣ бояръ, съ самаго начала враждебной Борису, но чувствовавшей себя недостаточно сильной для открытаго протеста, сознать теперь свою силу.

Не легче живется Борису и въ его личной, духовной жизни: онъ мучимъ совѣстью, наединѣ онъ сводитъ съ ней тяжелые счеты, заставляющіе его воскликнуть: „да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!" Тяжко карается Борисъ за свое преступленіе. Сознавать въ страшныхъ мукахъ совѣсти, что „единое пятно" является причиной всеобщаго недовѣрія ко всѣмъ благимъ и честнымъ намѣреніямъ, видѣть, что за все добро отплачиваютъ зломъ, что даже несчастье, поразившее его самого, какъ глубоко любящаго отца, приписываютъ его же злымъ козням — это страданія, отчасти искупающія вину Бориса. Постоянная внутренняя тревога, постоянный душевный разладъ дѣлаютъ Бориса подозрительнымъ, и эта подозрительность, развивающаяся все болѣе

и болѣе, заставляетъ его измѣнять своему первоначальному плану быть благимъ и праведнымъ: онъ одобряетъ шпіонство и доносы; роняя достоинство своего сана, „досужею порой доносчиковъ допрашиваетъ самъ“. Въ душѣ Бориса происходитъ цѣлый рядъ страшныхъ противорѣчій: умный, религіозный, добрый, онъ становится суевѣрнымъ, озлобленнымъ противъ народа и жестокимъ. Его постоянно и неотступно мучитъ совѣсть за совершнное убійство, тринадцать лѣтъ сряду снится ему убитое дитя. Подъ гнетомъ душевныхъ мукъ, все усиливающихся съ момента появленія слуховъ о самозванцѣ, „тяжелой“ становится ему купленная столь дорогой цѣной „шапка Мономаха“. Душевныя муки Бориса еще болѣе усиливаются во время высокохудожественнаго разсказа патріарха о чудѣ отъ мощей убіеннаго отрока Дмитрія. Мысль о томъ, что онъ убійца святого еще глубже потрясаетъ все его существо, еще болѣе теряетъ онъ самообладаніе. А между тѣмъ въ это-то время этому душевно разбитому и угнетаемому совѣстью человѣку нужно искусно выдерживать двойную борьбу: одна идетъ подъ стѣнами Путивля, Сѣвска, другая въ сердцѣ государства, въ Москвѣ, на ея широкихъ и шумныхъ площадяхъ. Неудивительно, что Борисъ въ этой борьбѣ, по замѣчанію пр. Жданова, попадаетъ въ какой-то волшебный кругъ, изъ котораго нѣтъ ему уже выхода.

Въ симпатичныхъ чертахъ предстаетъ предъ нами Борисъ въ своемъ тѣсномъ, семейномъ кругу. Есть что-то трогательное и привлекательное, вызывающее симпатію къ личности Бориса, въ нѣжныхъ ласкахъ глубоко любящаго и сострадающаго горю своей дочери отца и въ задушевной, искренней бесѣдѣ съ сыномъ, успѣхами котораго онъ такъ глубоко интересуется. Вообще теплотою русскаго семейнаго чувства вѣетъ отъ сцены бесѣды его съ дѣтьми, но и эта мирная семейная бесѣда была отравлена приходомъ Шуйскаго, принесшаго роковую вѣсть о самозванцѣ.

Располагающій всѣми средствами государственной силы, Борисъ чувствуетъ себя безпомощнымъ передъ самозванцемъ, окруженнымъ наскоро собравшейся толпой. Эту толпу не трудно было бы разогнать, но за ней, очевидно, стоитъ какая-то другая сила, говоритъ пр. Ждановъ. Въ сценѣ съ юродивымъ Борисъ сознавалъ уже, что юродивый говорилъ лишь то, о чемъ молча думали другіе... У Бориса остается еще надежда на Басманова, онъ ласкаетъ его, апеллируетъ къ чувству личнаго честолюбія, не опирающагося ни на родовую гордость ни на земское довѣріе, но въ силу этого-то въ душѣ Басманова развивается властолюбивая мечта. Волшебный кругъ, обведенный вокругъ Бориса, замкнулся безысходно. Душевная борьба надломила крѣпкій организмъ Бориса, тѣло не выдерживаетъ душевныхъ страданій. Онъ умираетъ. Ясно сознаетъ онъ, что еще нѣсколько мгновеній, и онъ предстанетъ на судъ Божій; сынъ дороже ему душевнаго спасенія, и онъ, рискуя упустить время для принятія схимы, даетъ сыну совѣты относительно его дѣятельности. Но не одна любовь сказывается здѣсь, здѣсь обна-

руживается характеръ Пушкинскаго Бориса, въ которомъ ему отказывали многіе критики: Борису важнѣе и дороже душевнаго спасенія не только сынъ, но и упроченіе за всѣмъ его родомъ всего того, чего онъ достигъ съ такимъ трудомъ и изъ-за чего самъ гибнетъ. Невыносимо тяжело и ему быть — только „царемъ", но не — „царей родоначальникомъ". При такомъ пониманіи Борисова состоянія длинный предсмертный монологъ, въ которомъ досужіе критики сосчитывали число строкъ, является вполнѣ естественнымъ: Борисъ стремится перелить всю свою вотъ-вотъ готовую потухнуть энергію въ сына, вложить въ его голову все добытое горькимъ и тяжкимъ опытомъ пониманіе жизни и людей и своей власти. Вся энергія въ послѣдній разъ вспыхиваетъ съ особой силой, чтобы затѣмъ угаснуть навѣки.

Въ послѣднія минуты въ душѣ Бориса поднимаются всѣ добрыя стремленія, онъ является здѣсь мудрымъ, опытнымъ и милостивымъ правителемъ. Твердой искренней вѣрой звучатъ его слова: „Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность"... Твердыя нравственныя убѣжденія, исполненныя возвышенной чистоты, преподаетъ онъ сыну:

Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость...

Глубокимъ опытомъ, знаніемъ жизни и людей проникнуты его наставленія сыну, какъ будущему царю. Во всей этой сценѣ, въ этомъ завѣщаніи и самомъ сознаніи, что онъ рожденъ быть подданнымъ и ему надлежало бы умереть такимъ во мракѣ, и вообще въ самой смерти Пушкинскаго Бориса есть что-то примиряющее, вызывающее состраданіе къ этому истерзанному душевными муками человѣку.

Карамзинское вліяніе если въ чемъ и сказалось, то въ томъ именно, что Борисъ является несомнѣннымъ убійцей Дмитрія, но и здѣсь вліяніе это не возобладало надъ творческимъ геніемъ Пушкина: предъ нами развертываются какъ бы двѣ драмы: во *внѣшней*, такъ сказать — отношеніе царя, исполненнаго самыхъ благихъ намѣреній, къ народу и отношеніе народа, волнуемаго и подстрекаемаго боярами, къ этому царю, отношенія эти неминуемо приведутъ къ гибели царя; во *внутренней* же — внутреннее раздвоеніе, разладъ, гнетъ совѣсти, стремленіе къ тишинѣ, жажда покоя, мира и страсть къ властолюбію.

Самозванецъ Пушкина — сознательный обманщикъ, это чернецъ Григорій Отрепьевъ, бѣжавшій на Литву. Впервые мы встрѣчаемся съ нимъ въ кельѣ Чудова монастыря. „Бѣсовское мечтаніе" смущаетъ трижды его сонъ. Въ этомъ тревожномъ снѣ — весь будущій самозванецъ. Справедливо отмѣчаетъ Бѣлинскій, какъ по-русски обрисованъ онъ въ этой же сценѣ, какая вѣрность въ каждомъ словѣ, въ каждой чертѣ. Бесѣда Григорія съ Пименомъ — факты вѣрнаго глубоко-русскаго изображенія этихъ двухъ вполнѣ русскихъ и столь противоположныхъ другъ другу характеровъ: предъ нами старецъ, вкусившій благъ жизни въ дни своей шумной молодости, чуждый теперь мірской суеты; въ его простодушномъ безхитростномъ разсу-

жденіи — живое созерцаніе духа русской жизни. Энергичная, впечатлительная и жаждущая жизни натура Григорія завидуетъ бурной молодости Пимена, „въ немъ играетъ младая кровь“, его влечетъ къ себѣ всѣми силами его молодой души міръ, войны и походы. Мысль Григорія, видно, давно уже занимала трагическая судьба царевича. Случайно оброненное Пименомъ слово, что царевичъ былъ бы ровесникомъ Григорія, возбуждаетъ въ его душѣ смутную еще пока борьбу, но онъ уже проникается злобой къ Борису и доволенъ тѣмъ, что отшельникъ въ темной кельѣ въ своемъ безхитростномъ повѣствованіи здѣсь на него „доносъ ужасный пишетъ“. Въ долженствовавшей затѣмъ слѣдовать сценѣ, выброшенной поэтомъ, но напечатанной отдѣльно въ 1833 году, мы слышимъ еще болѣе сильныя жалобы и сѣтованія Григорія на „бѣдное иноческое житье“. Онъ рѣшаетъ бѣжать. Злой чернецъ, какой-то зловѣщій обликъ, чуждый какихъ-либо опредѣленныхъ очертаній, напоминающій чернаго рыцаря въ „Орлеанской Дѣвѣ, какъ бы нашептываетъ иноку его же сокровенныя мечты. Въ уста этого злого чернеца поэтъ влагаетъ истинную причину паденія Бориса:

...... Глупый нашъ народъ
Легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ,
А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.
Племя древняго варяга и теперь любезно всѣмъ...

Григорій окончательно рѣшаетъ объявить себя царевичемъ. Послѣ этого мы встрѣчаемся съ нимъ уже на литовской границѣ, гдѣ онъ оказывается весьма находчивымъ, смѣлымъ удальцомъ въ своей продѣлкѣ надъ бѣглымъ монахомъ Мисаиломъ и приставомъ, удирая черезъ окно. Нельзя не замѣтить, что впечатлѣніе этой прекрасной и живой сцены ослабляется излишнимъ эффектомъ — кинжаломъ, какимъ-то обаяніемъ личности самозванца на всѣхъ окружающихъ и прыжкомъ въ окно, который такъ не нравился Бѣлинскому. Затѣмъ изъ устъ бояръ въ домѣ Шуйскаго мы узнаемъ, что появившійся Дмитрій былъ слугой у Вишневецкаго, открылся на одрѣ болѣзни духовнику, Вишневецкій принялъ въ немъ участіе и представилъ его Сигизмунду. Все это была тонкая и хитрая игра со стороны Григорія. Отъ бояръ же мы узнаемъ, что общее мнѣніе о немъ таково: „уменъ, привѣтливъ, ловокъ, по нраву всѣмъ“. Далѣе мы встрѣчаемся опять съ Григоріемъ, онъ признанъ русскимъ царевичемъ Дмитріемъ и обѣщаетъ распространять католичество, чтобы снискать расположеніе Польши. Сейчасъ же послѣ этого ему представляются его будущіе сподвижники: пылкій и отважный, рыцарски благородный юноша — сынъ Курбскаго, русскіе и поляки, въ числѣ ихъ есть и Карела, представитель казачества съ Дона. Здѣсь же является и поэтъ съ латинскими стихами, удостаивающійся за свое подношеніе перстня. Самозванецъ Пушкина — образованный человѣкъ, онъ говоритъ поэту:

Мнѣ знакомъ латинской музы голосъ,
И я люблю парнасскіе цвѣты...

Раньше мы изъ интимной бесѣды между патріархомъ и игуменомъ узнаемъ, что онъ „былъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи".

Но вотъ Пушкинскій самозванецъ предстаетъ предъ намъ въ другомъ видѣ: это легкомысленный, увлекающійся человѣкъ, въ своемъ увлеченіи польской панной забывающій все свое дѣло и „вотъ ужъ мѣсяцъ" пирующій у Мнишка. Причиной является дочь воеводы Марина: „ужъ онъ въ ея сѣтяхъ". Въ знаменитой сценѣ у фонтана его личность въ этомъ отношеніи обрисовывается еще болѣе: это мечтатель, питающій, однако, настоящее чувство къ Маринѣ. Онъ хочетъ, чтобы Марина, пришедшая съ тѣмъ, чтобы вывѣдать отъ него всю тайну, забыла въ немъ царевича, „зри во мнѣ любовника, избраннаго тобой", говоритъ онъ ей. Равнодушно глядитъ онъ въ этотъ мигъ на тронъ, что безъ любви ея ему жизнь, и славы блескъ, и вся русская держава! „Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты, ты замѣнишь мнѣ царскую корону", говоритъ этотъ идеалистъ-мечтатель въ данный моментъ. Его настроеніе рѣзко противорѣчитъ настроенію Марины, готовой отдать руку только „наслѣднику московскаго престола". Въ пылу страсти, въ порывѣ гнѣва онъ, видя ея уловки, открываетъ ей свою страшную тайну: „я бѣдный чернorизецъ". Онъ забываетъ въ этотъ мигъ обо всемъ другомъ, ему важно то, что этимъ признаніемъ онъ наноситъ ударъ „надменной" Маринѣ. Она отвергаетъ его, она — полная противоположность ему въ данный мигъ: по ея можно открыться изъ дружбы, радости или усердія, но „проболтаться изъ любви" — это ужъ ни на что не похоже, а между тѣмъ его принудила „все высказать" „любовь ревнивая, слѣпая". Чѣмъ язвительнѣе послѣ этого она задѣваетъ его самолюбіе, тѣмъ все болѣе крѣпнетъ въ немъ сознаніе собственнаго достоинства. Онъ указываетъ на то, что въ немъ „доблести таятся, можетъ быть, достойныя Московскаго престола". Должную дань этимъ доблестямъ отдастъ и Марина, находящая, что онъ долженъ быть достойнымъ своего успѣха, разъ могъ чудесно ослѣпить два народа. Какъ отлично сознаетъ самъ самозванецъ свое положеніе: въ отвѣтъ Маринѣ, грозящей обнаружить дерзостный обманъ, онъ отвѣчаетъ, что никто и не думаетъ о правдѣ его словъ, онъ — „предлогъ раздоровъ и войны!" Не даромъ въ этихъ словахъ хитрая и расчетливая Марина слышитъ рѣчь „не мальчика, но мужа", которому можетъ довѣриться опять. По ея настоянію онъ рѣшаетъ на слѣдующій же день двинуть рать на Москву.

Итакъ, самозванецъ двинулъ свою рать на Москву. Вотъ онъ на границѣ русской земли, онъ ѣдетъ впереди съ Курбскимъ. Курбскій предается чистой радости, въ неудержимомъ порывѣ восторга „пьетъ" онъ „жадно воздухъ новый". Самозванецъ ѣдетъ тихо съ поникшей головой, ему грустно, что „кровь русская, о Курбскій, потечетъ!" Здѣсь сказывается въ Пушкинскомъ самозванцѣ истинно русскій человѣкъ, любящій эту русскую кровь, привязанный къ русской землѣ. У него является какъ бы укоръ совѣсти за совершаемое: „Вы за царя подняли мечъ, вы чисты" (вы вѣрите въ меня и

въ правоту моихъ притязаній), я же васъ веду на братьевъ, я Литву позвалъ на Русь, я въ красную Москву кажу врагамъ дорогу!“ Здѣсь самозванецъ проникается истиннымъ патріотизмомъ, личность его здѣсь болѣе привлекательна. Сцена эта раскрываетъ предъ нами внутреннее состояніе самозванца, когда онъ долженъ сейчасъ сдѣлать первый рѣшительный шагъ свой на родной землѣ; вполнѣ естественно, что въ эту-то минуту и сказалась со всей силой любовь къ русской землѣ, явились укоры совѣсти, сказался истинно русскій человѣкъ, пылкій и впечатлительный.

Затѣмъ поэтъ переноситъ насъ на равнину близъ Новгорода Сѣверскаго, предъ нами сцена, интересная своей необычайной живостью, пестрой смѣсью языковъ и лицъ, тонкими оттѣнками національныхъ различій. Дмитрій побѣдилъ и сейчасъ же приказываетъ ударить отбой: онъ щадитъ „русскую кровь“. Въ сценѣ подъ Сѣвскомъ самозванецъ является личностью, отъ которой такъ и вѣетъ безпечной удалью и горячностью чувства. Въ боевомъ пылу онъ рѣшаетъ сразиться съ Борисовымъ войскомъ въ сто пятьдесятъ тысячъ, имѣя всего лишь самъ около пятнадцати тысячъ. Слѣдующая сцена въ лѣсу рисуетъ предъ нами послѣдствія этого шага. Дмитрій разбитъ. Здѣсь онъ является еще болѣе безпечнымъ, легкомысленнымъ человѣкомъ: онъ всецѣло поглощенъ заботой о своемъ издыхающемъ конѣ, а между тѣмъ все войско его „побито впрахъ“. Онъ восхищается стойкостью нѣмцевъ и мечтаетъ составить себѣ изъ нихъ почетную дружину. Лучшей характеристикой его въ данный моментъ являются слова боярина Пушкина.

Разбитый впрахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя.

Въ слѣдующей сценѣ мы узнаемъ изъ словъ Бориса, что самозванецъ вновь собралъ разсѣянное войско и „со стѣнъ Путивля угрожаетъ“. Заканчивается все произведеніе провозглашеніемъ со стороны бояръ Дмитрія царемъ, при чёмъ народъ въ ужасѣ отъ всего предыдущаго молчитъ, его молчаніе — нѣмой приговоръ самозванцу.

Такъ очерчена у Пушкина личность самозванца. Это бѣглый разстрига Гришка Отрепьевъ, сознательный обманщикъ отъ начала до конца, но вмѣстѣ съ тѣмъ это личность энергичная, живая, впечатлительная, съ задатками добра, личность не чуждая благородныхъ порывовъ, отличающаяся безпечной удалью, пылкостью чувства, любовію къ родинѣ и въ то же время крайнимъ легкомысліемъ. Это человѣкъ русскаго происхожденія, но подвергшійся вліянію польской шляхты. Самозванство его, по взгляду Пушкина, ясно для всѣхъ; онъ самъ въ сценѣ съ Мариной сознаетъ это; сознаетъ это и Басмановъ, переходящій въ концѣ концовъ на его сторону. Хотя Пушкинъ не вполнѣ понялъ историческую личность перваго самозванца, его убѣжденность въ своемъ происхожденіи, хотя онъ остался при убѣжденіи, что самозванецъ и Гришка Отрепьевъ — одно и то же лицо и надѣлилъ этого

Гришку поразительной хитростью (болѣзнь въ домѣ Вишневецкаго), тѣмъ не менѣе онъ воспроизвелъ въ немъ нѣсколько хорошихъ и благородныхъ чертъ и порывовъ, которыми обладалъ и историческій самозванецъ.

Въ данное время историческая наука не сомнѣвается въ томъ, что Лжедмитрій и Гришка два совершенно различныхъ лица, и русское правительство хорошо знало это и тогда, какъ это видно изъ документовъ Данцигскаго архива и отчета о пріемѣ Сигизмундомъ Борисова гонца Постника Огарева. Въ офиціальномъ письмѣ Бориса къ Сигизмунду говорилось, что бѣжалъ Гришка Отрепьевъ, а въ словесномъ показаніи Огарева говорится и о сынѣ приказнаго Дмитрія Роеровичѣ (Григорьевичѣ). Понятной потому становится и вся путаница въ современныхъ литературныхъ памятникахъ: они никакъ не могутъ передѣлать Гришку въ Дмитрія.

Врядъ ли былъ знакомъ историческому самозванцу „латинской музы голосъ". Драгоцѣнное письмо его къ папѣ, которому нуженъ былъ автографъ, хранящееся въ подлинникѣ въ Ватиканскомъ музеѣ и тщательно изслѣдованное проф. Бодуенъ-де-Куртенэ и Пташицкимъ доказываетъ, что лицо, писавшее его, писать по польски не умѣло, не говоря о латинскомъ языкѣ; палеографическая сторона показываетъ, что оно всегда писало по-русски и употребило мѣстами и въ этомъ письмѣ русскія буквы того времени.

Основной чертой въ характерѣ Пушкинской *Марины* является честолюбіе. Полевой находилъ, что Марина „отцвѣчена сильно"; Бѣлинскій признавалъ, что характеръ ея выдержанъ „послѣдовательно". Въ характеристикѣ Марины сказалась также самостоятельность Пушкинскаго творчества, здѣсь мы убѣждаемся еще лишній разъ въ отсутствіи рабскаго слѣдованія Карамзину. Карамзинская Марина — вѣтренная прелестница, Лжедмитрій вскружилъ ей голову именемъ царевича. Пушкинская Марина, наоборотъ, вскружила голову самозванцу: умѣла вырвать отъ него признаніе въ обманѣ и заставила его забыть этотъ обманъ. Это хитрая кокетка, въ сѣтяхъ которой вскорѣ запутывается самозванецъ. Она любитъ московскій тронъ, руку свою она отдаетъ неизвѣстной личности, но „наслѣднику московскаго престола". Она полная противоположность въ это время, какъ мы уже отмѣтили выше, самозванцу: онъ жаждетъ любви, а она не только не любитъ его, но и вообще не можетъ понять, какъ можно „проболтаться" изъ любви. Она холодно перебиваетъ еще въ самомъ началѣ пламенный потокъ изліяній Дмитрія и требуетъ открытія ей тайныхъ его надеждъ и плановъ, заявляя, что она желаетъ:

Пуститься въ жизнь — не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа...
Но какъ . . . .
Помощница московскаго царя...

Послѣднее для нея въ сущности все. Маринѣ нужно узнать, истинный ли онъ царевичъ, или нѣтъ, и она своими уловками за-

ставляетъ его въ пылу страсти открыть свой обманъ. Но ей важно не его истинное происхожденіе, а самый фактъ обнаруженія тайны. Съ холодной расчетливостью разсуждаетъ она: „Могу ль, скажи, предаться я тебѣ... Когда ты самъ съ такою простотой такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?... Когда въ самозванцѣ пробуждается подъ градомъ ея издѣвательствъ гордое сознаніе собственнаго достоинства, когда она убѣждается въ томъ, что онъ отлично сознаетъ, въ чемъ его сила, словомъ когда она слышитъ рѣчь „не мальчика, но мужа", да еще при этомъ соображаетъ, что если онъ могъ ослѣпить чудесно два народа, то долженъ быть достоинъ успѣха, а слѣдовательно и ея, она готова „безумный порывъ" его забыть, она можетъ теперь ввѣриться ему. Сейчасъ же она торопитъ его очистить Кремль, сѣсть на престолъ Московскій и слать за нею брачнаго посла. Такова Пушкинская Марина. Самъ самозванецъ, испытавшій на себѣ всю силу ея гордости и надменности, весь ядъ ея злобы и хитрости, даетъ по уходѣ ея удачную и мѣткую ея характеристику:

И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя! Змѣя!...

Не даромъ ее въ предыдущей небольшой сценѣ въ домѣ Мнишка одинъ „кавалеръ" назвалъ „мраморной нимфой". Она чужда всего женственнаго, она холодная, расчетливая, себялюбивая кокетка и притомъ далеко не легкомысленная, какъ то утверждали нѣкоторые критики. Старый Мнишекъ во власти своей дочери, онъ хвалится своей Мариной, ея имя не сходитъ съ его устъ. Орудіемъ въ ея рукахъ для достиженія ея честолюбивыхъ замысловъ является и самозванецъ, только послѣ ея настояній онъ рѣшаетъ „заутра двинуть рать".

Яркою противоположностью Маринѣ по нѣжной женственной граціи и глубоко вѣрному національному колориту яляется симпатичный обликъ *Ксеніи*. Это образъ вѣрной навсегда своему суженому невѣсты. Она не можетъ никогда забыть своего милаго жениха, прекраснаго королевича: „никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ плакать буду", говоритъ она. Не умеръ въ ея сердцѣ ея суженый, которому повѣрила она первую дѣвическую любовь свою: „нѣтъ мамушка, я и мертвому буду вѣрна", говоритъ она своей мамкѣ. Это народный обликъ красной дѣвицы, которой не судилъ Богъ жить со своимъ добрымъ молодцемъ. Справедливо сказалъ Гоголь: „будто пѣсню слышишь нашу русскую... когда вы читаете наивную рѣчь Ксеніи". Мученическая кончина ея еще болѣе располагаетъ читателя къ себѣ. Это образъ народный, чисто русскій по своему характеру, въ уста ей поэтъ влагаетъ чисто народные поэтическіе обороты: „не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ на чужой сторонкѣ". Вспомнимъ поэтическую символику нашихъ народныхъ пѣсенъ: изображеніе смерти въ видѣ женитьбы на землячочкѣ, могилочкѣ, зеленой муравочкѣ.

Этой народностью, духомъ древней Руси, духомъ времени, вообще русскимъ духомъ вѣетъ отъ всего произведенія.

Вспомнимъ высокохудожественный образъ древняго русскаго лѣтописца въ лицѣ Пимена, идеалъ безмятежнаго спокойствія въ простотѣ ума и сердца, въ рѣчи котораго чуется живое созерцаніе духа русской жизни, слышится живой голосъ древняго русскаго лѣтописца; вспомнимъ далѣе — рѣчь патріарха о чудесахъ, творимыхъ останками царевича и о исцѣленіи стараго пастуха отъ слѣпоты; небольшую сценку между патріархомъ и игуменомъ, написанную прозой; обликъ мамки Ксеніи, этотъ яркій образъ русско-народнаго простосердечія, искренняго и задушевнаго добродушія, она сказала всего нѣсколько словъ и высказалась во всемъ своемъ цѣломъ — одинъ штрихъ геніальнаго художника, и предъ нами востаетъ яркій, цѣлостный и законченный образъ изъ русской народной жизни; вспомнимъ тонкое воспроизведеніе иногда однимъ словомъ, намекомъ національныхъ особенностей русскихъ и поляковъ, наконецъ — самый языкъ, простой и изящный, на которомъ такъ видно вліяніе лѣтописей и грамотъ — все это живьемъ взято изъ русской жизни и возсоздано высоко художественно и глубоко вѣрно!... *Лукьяненко.*

Развитіе дѣйствія въ драмѣ „Борисъ Годуновъ".

„Возьмемъ „Бориса" и при разсмотрѣніи плана этой трагедіи... постараемся открыть то зерно, изъ чего же по вѣроятію и необходимости развивается все дѣйствіе. Кажется, я не ошибусь, сказавъ, что оно заключается въ томъ, что на совѣсти Бориса завелось пятно или, какъ говоритъ онъ самъ, „единое случайно завелося".

Сцены трагедіи рѣзко распадаются на двѣ группы: одна есть строгое развитіе замысла; другія — все относящееся къ судьбѣ Григорія, насколько оно не связано съ судьбой Бориса, — составляютъ эпизодъ, выпадающій изъ главнаго дѣйствія, а именно слѣдующія 3 сцены: Марины и Рузи, бала у Вишневецкаго и у фонтана".

Про Григорія до сцены у фонтана мы знаемъ, что онъ самовольно сдѣлался орудіемъ Божіей кары, что онъ приступилъ, и удачно, къ совершенію своего дерзкаго замысла, и что теперь, влюбленный въ панну Марину, медлитъ дѣломъ.

Про Марину изъ сцены въ уборной мы узнаемъ многое, а именно, что она красива, что всѣ въ нее влюбляются, что изъ-за ея красоты даже застрѣливаются. Все это болтаетъ Рузя. Сама Марина увѣрена въ непобѣдимости своей красоты, и иронически (какъ бы смѣясь надъ самою возможностью сомнѣнія) сомнѣвается, побѣдитъ ли царевича и станетъ ли московской царицей; она думаетъ, что самозванецъ точно царскій сынъ. Словцо Рузи, что въ народѣ его считаютъ за бѣглаго дьячка, „извѣстнаго въ своемъ приходѣ плута", задѣваетъ Марину за живое. Она съ большимъ сердцемъ, чѣмъ сдѣлала бы то въ иное время, выговариваетъ горничной и, уходя, рѣшаетъ, что ей „должно все узнать". Уже въ сценѣ въ уборной, хотя Марина

говоритъ въ ней всего нѣсколько словъ, завязывается не только дѣйствіе эпизода, но одновременно и неразрывно съ нимъ и характеръ Марины. Предъ нами уже мелькнулъ образъ женщины гордой, умной, холодной.

Перехожу къ главной сценѣ. Самозванецъ одинъ; онъ ждетъ обѣщаннаго свиданія, — свиданія, какъ ему думается, съ дѣвушкой, столь же страстно и беззавѣтно полюбившею его, какъ и онъ ее. Его пламенное желаніе осуществится черезъ мигъ; отчего же онъ чувствуетъ страхъ? Этотъ дерзкій обманщикъ, этотъ, повидимому, закалившійся во лжи человѣкъ, — чего онъ можетъ страшиться? Развѣ ему трудно обольстить женщину? О, нѣтъ! Обольстить Марину не трудно, онъ цѣлый день обдумывалъ, какъ это сдѣлать...

Обдумывалъ все то, что ей скажу,
Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову московскою царицей...

Чего же ему страшно? У него страхъ любви, страхъ истиннаго чувства, зародившагося въ груди; страхъ, что это, ему одному во всей полнотѣ вѣдомое, чувство святое и дорогое, должно обнаружится. Обольстить панну Марину, ея „надменный умъ“ не трудно, если бы не этотъ страхъ.

Но часъ насталъ, и ничего не помню,
Не нахожу затверженныхъ рѣчей.

Входитъ Марина. Она пришла вовсе не затѣмъ, зачѣмъ единственно, по мысли Григорія, она могла прійти; она назначила свиданіе только для того, чтобъ „узнать все“; она взвѣсила все, что скажетъ ему, и никакой страхъ имѣющаго обнаружиться при свиданіи чувства не заставилъ ее забыть вытверженныхъ рѣчей; она, конечно, нѣсколько побаивается, чтобы болтовня Рузи не оказалась правдой, но ее при этомъ нимало не занимаетъ *правда души* Григорія; ей дорога только *правда его сана*. Она надѣется, что насчетъ послѣдняго Григорій представитъ вѣроподобныя доказательства, а потому при свиданіи ей не слѣдуетъ оставлять заботы окончательно плѣнить влюбленнаго.

Вотъ что предстоитъ быть раскрытымъ въ сценѣ, изображеннымъ въ дѣйствіи. Разсмотримъ же ходъ этого дѣйствія, развитіе его, повороты, его кульминаціонныя точки, его начало и конецъ.

Григорій, увидѣвъ Марину, забылъ все; онъ чувствуетъ только то, что непритворно, искренно и свято живетъ въ его груди; онъ лепечетъ безъ сознанія слова любви. Марина помнитъ, зачѣмъ пришла, и какъ въ ней нѣтъ ни капли истиннаго чувства, то ей и не трудно говорить обуманное заранѣе, а обдумала она, надо сознаться, все хорошо, говоритъ удивительно умно.

Какъ, повидимому, она любитъ его! Она вѣритъ его любви, и если не выслушиваетъ его рѣчей, то потому только, что пришла ска-

зать нѣчто болѣе важное. Она рѣшилась быть его женой, но не такою, какихъ мы видимъ ежедневно, „не рабой желаній легкихъ мужа“, а истинною, настоящею женой, достойною его супругой, „помощницей московскаго царя“. Съ такою женой могутъ ли быть у мужа тайны? Не долженъ ли онъ открыть ей „надежды, намѣренья и даже опасенья“ своей души? И не нѣжная ли заботливость о немъ заставляетъ ее высказать все это?

О, если бы Григорій не былъ такъ взволнованъ, если бъ его не мучилъ страхъ истиннаго чувства! Будь онъ просто хорошимъ женихомъ, человѣкомъ благоразумнымъ, ищущимъ хорошей партіи, достойной помощницы по управленію обширнымъ государствомъ, человѣкомъ, умѣющимъ безпристрастно взвѣсить, въ чемъ именно должны заключаться эти достоинства, — развѣ онъ не плѣнился бы этою рѣчью, не сознался бы, что его будущая жена удивительно умна, нѣжно заботлива о его судьбѣ и любитъ его разумною (какъ говорится, но какой никогда не бываетъ) любовью. Марина разочла хитро, но черезчуръ ужъ хитро.

Излишность заботливости, поспѣшность вступить въ права достойной супруги обдаютъ Григорія холодомъ. Онъ легко отстраняетъ этотъ холодъ; волнующее его чувство любви такъ сильно, сладостно, плѣнительно и такъ ново для него, что онъ молитъ ее дать забыть хоть на единый часъ заботы и тревоги его судьбы.

Дай высказать все то, чѣмъ серце полно!

Марина и не подозрѣваетъ, что есть такое важное чувство, какъ любовь, могущее заставить забыть все на свѣтѣ, даже высокій санъ. И она ничуть не расположена дать забыться жениху; у нея дѣло повыше этихъ забвеній, и женихъ, конечно, долженъ понять разумность ея желанія узнать всѣ его тайны. Ей нельзя однако сказать всѣ его тайны. Ей нельзя однако сказать прямо, что именно требуется узнать; надо сдѣлать это осторожно, только слегка намекнуть, и то подъ видомъ той же заботливости о немъ. Не въ немъ она сомнѣвается, но

Ужъ носятся сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну,
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры...

Годуновъ, московскій тронъ, блескъ славы, русская держава,— Боже, какъ все это ничтожно кажется Григорію предъ тою новою жизнью, что зарождается и начинаетъ биться и трепетать въ его груди. Маринѣ приходится высказаться рѣшительнѣе. Слова должны быть красивы, величественны и льстивы. Послѣднее непремѣнно; вѣдь Богъ его знаетъ, кто онъ; можетъ быть, и даже вѣрнѣе, что настоящій царевичъ (смѣетъ ли не-царевичъ полюбить такую знатную, какъ она, панну?) и обидѣть его въ такую минуту опасно; можно разстроить такую партію, какая развѣ еще разъ приснится во снѣ, но наяву навѣрно не повторится ни разу.

Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.

Неужели же онъ не оцѣнитъ дѣвушку, умѣющую говорить такія вещи? Какъ она понимаетъ, въ чёмъ должно быть его величіе, какъ она понимаетъ свое назначеніе:

Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой!

Три раза она отталкивала его чувство; трижды охлаждала его пылъ... И что она все толкуетъ о какомъ-то санѣ и о какомъ-то престолѣ, когда предъ нею онъ самъ со всею свѣжестью и святостью величайшаго, лучшаго на землѣ чувства... „Страшное сомнѣніе“ закрадывается въ его душу.

Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ,
Тогда бъ... тогда бъ любила ль ты меня?

Марина не вѣритъ своимъ ушамъ; не ослышалась ли она, или не испытываетъ ли онъ ее? Надо отвѣтить немедля, сейчасъ же, и опять такъ, чтобы не обидѣть его.

Димитрій, ты и быть инымъ не можешь,
Другого *мнѣ* любить нельзя.

Другого, то-есть не царскаго сына. Зачѣмъ же я отвергала графовъ и благородныхъ рыцарей, какъ не въ надеждѣ на лучшую партію? *Мнѣ*, паннѣ Мнишекъ, чей родъ ничьему не уступалъ, мнѣ, первой въ мірѣ красавицѣ.

Это *другого* и это *мнѣ* переполняютъ душу Григорія. Нѣтъ, онъ не хочетъ дѣлиться съ мертвецомъ

Любовницей, ему принадлежащей.

Онъ скажетъ всю правду. Ему горько и больно, что святость его чувства нарушена; ему горько и больно, что онъ вѣрилъ, что она такъ же беззавѣтно любитъ его, какъ и онъ ее. А оказывается, что ей дорогъ какой-то санъ! Ему досадно, что онъ говорилъ съ ней о любви, и въ то же время досадно, что открылъ, кто онъ такой. А! ты думала, я царевичъ; нѣтъ, я бѣдный черноризецъ. Я вовсе не великъ и ничего важнаго не сдѣлалъ; во мнѣ только и есть, что отвага лжи да умѣнье — не важное впрочемъ — обманывать безмозглыхъ. Онъ въ горѣ, злости и досадѣ невольно хочетъ какъ можно болѣе унизить себя, чтобы тѣмъ сильнѣе унизить ее.

О стыдъ и горе мнѣ! восклицаетъ Марина. Нечего разъяснять, что не высокаго полета и этотъ стыдъ и это горе.

Григорій опомнился, спохватился. Онъ, можетъ-быть погубилъ себя, все свое „съ такимъ трудомъ устроенное счастье“, то-есть

устроенное вовсе не такъ легко и скоро, какъ онъ сейчасъ сказалъ въ досадѣ. Онъ еще не въ силахъ думать объ этомъ счастьи, когда еще не устроено другое, важнѣйшее. Ему все еще вѣрится, что она любитъ его и только устыдилась „не княжеской“ любви. Онъ бросается предъ ней на колѣни.

Теперь она только съ презрѣніемъ можетъ отвѣчать ему. Она холодно отвергала прекрасныхъ жениховъ не для того, чтобы выйти за бѣглаго монаха.

Онъ встаетъ съ колѣнъ. И пусть онъ былъ бѣглый монахъ, пусть онъ былъ обманщикъ, все низкое и презрѣнное, что̀ только есть на землѣ, но теперь, когда онъ позналъ святыню чувства, онъ не таковъ, онъ чуетъ въ себѣ доблесть, достойную не только такой (какъ все еще ему кажется) ничтожной вещи, какъ московскій престолъ, но даже руки любимой женщины, — величайшаго, что̀ есть на землѣ.

Доблестей, которыя таятся Богъ ихъ вѣдаетъ гдѣ, она не знаетъ, но отлично понимаетъ, такъ сказать, наличное величіе, всѣмъ видное, отъ всѣхъ почтенное. А тѣ таящіяся доблести, — есть ли онѣ, или нѣтъ ихъ, — не все ли равно?

Новое глубокое оскорбленіе. Но чѣмъ глубже наносимая ею рана, тѣмъ сильнѣе начавшійся въ немъ ростъ человѣческаго достоинства, такъ долго спавшаго, такъ долго пренебрегаемаго имъ самимъ, и теперь пробужденнаго ея отказомъ любить его ради его самого. Конечно, онъ не чувствовалъ себя никогда въ жизни добрѣе, умнѣе, счастливѣе, какъ когда сказалъ ей:

Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ.

Этого-то она и не можетъ понять. Онъ сумѣлъ „чудесно ослѣпить два народа“ и признался ей... изъ любви! Можетъ ли она соединить свою судьбу съ судьбой человѣка, объявившаго свой позоръ „съ такой простотой, такъ вѣтренно“. Вотъ если бъ онъ былъ достоинъ своего успѣха, лгалъ до конца, тогда иное дѣло. Ей кажется, что ему больше было поводовъ сознаться изъ чего угодно, изъ дружбы, отъ радости, „изъ вѣрнаго усердія слуги“, только бы не изъ любви, не изъ этого мелкаго, ничтожнаго чувства, столь ей знакомаго, которое она такъ часто могла наблюдать и которое роняло предъ нею столькихъ мужчинъ, дѣлало ихъ такими глупыми и смѣшными и некрасивыми. Ей не зачѣмъ сдерживаться, и она выльетъ всю свою желчь; ей нечего бояться оскорбить его, и чѣмъ дальше, тѣмъ язвительнѣе ея досада. Весь внѣшній лоскъ воспитанной сдержанности спадаетъ съ нея, и обнажается во всей непригладности прирожденная грубость.

Но вѣдь онъ еще не разлюбилъ ея, и вотъ ея настроеніе невольно отражается въ немъ; въ его сердцѣ начинаютъ звучать тѣ же струны, что и въ ея; онъ невольно хочетъ думать, чувствовать, какъ

она; искупить невольную передъ нею обиду. И съ тѣмъ вмѣстѣ, незамѣтно для него самого, святость его чувства начинаетъ пошлѣть, понижаясь до ея душевнаго уровня. То святое, чистое настроеніе, въ которомъ,— люби она его,— она могла бы удержать и спасти его, отходитъ. Онъ уже только клянется, что никто не „вымучитъ“ его признаніе, что это могла сдѣлать только она. Любовь, такъ возвышавшая его за минуту, какъ начинаетъ она унижать его.

Конечно, она охотно повѣрила бы его клятвамъ. Вѣдь истинное-то, по ея мнѣнію, величіе, высокій санъ, могло бы сохраниться у самозванца при строгомъ соблюденіи тайны. Вѣдь, не откройся онъ ей или будь настоящимъ царевичемъ, отдалась же бы она нелюбимому человѣку, и не все ли ей равно, прирожденный ли царь, или подставной, дастъ ей то, ради чего она считаетъ законнымъ и приличнымъ забыть и свой родъ, и стыдъ дѣвичій. Но гдѣ же доказательства, что клятва будетъ сохранена? Досада на открытіе, досада на разстройку такой прекрасной партіи еще не остыла; она еще не стала такъ умна, какой была вначалѣ, и продолжаетъ грубо смѣяться надъ нимъ.

Ея слова возбуждаютъ снова въ Григоріи чувство достоинства, но не настоящаго уже, не истинно человѣческаго, а во вкусѣ панны Марины, ибо заронившееся въ его душу, по отраженію, безсознательное желаніе сравняться съ нею, сдѣлаться ея достойнымъ, все болѣе и болѣе захватываетъ его душу и вытѣсняетъ изъ нея правдивость. Онъ говорилъ искренно, отъ сердца; теперь же, какъ замѣчаетъ авторская ремарка, онъ говоритъ только *гордо*. Тогда онъ готовъ былъ унижаться передъ своею „единственною святыней“, теперь довольно. Теперь онъ опять царевичъ. Чувство у него болѣе низкое, но зато болѣе любезное паннѣ Маринѣ. А то хорошее чувство онъ вырветъ, заглушитъ въ себѣ.

Къ сказанной досадѣ Марины прибавляется новая: на самое себя, зачѣмъ она изъ излишней пытливости упустила такого жениха. Ума въ Маринѣ стало еще меньше, и она грозитъ выдать всѣмъ его тайну.

Но теперь, когда онъ сталъ прежнимъ Григоріемъ, какимъ былъ до освятившей его на мигъ любви, такія угрозы ему не страшны. Она для него мятежница, которую заставятъ молчать. Онъ не хочетъ удостоить ее взглядомъ и уходитъ... Итакъ, надежда на партію рушилась, и по ея винѣ. Чтобы поправить дѣло, она готова была бѣжать за нимъ. Теперь она дѣлается такъ же умна и расчетлива, какъ и въ началѣ сцены; находитъ прежній блестящій тонъ, снова умѣетъ польстить ему, снова выражаетъ разумно-нѣжную фальшивую заботливость. Величіе опять впереди ея, и она отдается за него кому угодно; она забудетъ свой родъ и стыдъ дѣвичій ради этого — вотъ обманщика, только бы онъ забылъ про доблести, которыя гдѣ-то таятся, а добылъ бы доблесть, всѣмъ явную. Она, какъ набожная ученица іезуитовъ, клянется въ этомъ Богомъ. И ушла.

Погубившій свою святыню Григорій теперь понимаетъ Марину; онъ не любитъ ея, какъ прежде, но зато она нравится ему иначе

своими змѣиными свойствами. Онъ воображаетъ даже, что и прежній страхъ и прежняя дрожь была только страхомъ, что она погубитъ его внѣшнее счастье. Оно спасено, и она теперь достойная супруга... самозванца.—Дѣйствіе кончено, потому что начертано. *Аверкіевъ.*

„Борисъ Годуновъ", какъ трагическій характеръ.

Борисъ является предъ нами въ тотъ моментъ, когда согласился принять вѣнецъ, избранный народною волею въ цари. Въ рѣчи своей къ патріарху и боярамъ, онъ изъявляетъ желаніе быть справедливымъ; онъ молитвенно обращается къ своему предшественнику, къ ангелу-царю, какъ онъ его называетъ, и проситъ его благословенія:

Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты!

Въ этомъ онъ искрененъ, но, конечно, далеко не таковъ, говоря боярамъ, что его душа „обнажена предъ ними", что онъ пріемлетъ власть только „со страхомъ и смиреніемъ". Въ рѣчи поэтому чувствуется нѣкоторая раздвоенность, тотъ тяжкій грѣхъ, въ который впалъ Борисъ; мы знаемъ и причину этого грѣха (властолюбіе), но обстоятельства, при коихъ произошло его совершеніе, находятся внѣ трагедіи. О томъ, было ли убійство простымъ злодѣйствомъ со стороны Бориса, или только тяжкимъ грѣхомъ, какъ мы сказали, возможно однако судить по его послѣдующимъ дѣйствіямъ, по тому, какимъ онъ является въ страданіяхъ. Борису нѣтъ счастія; его желанія и надежды рушатся; онъ думалъ свой народъ

Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь себѣ снискать,

и приходитъ къ горькой мысли, что

Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.

Что же приводитъ его къ такому взгляду? Народъ проклиналъ его за помощь во время голода, упрекалъ его за пожаръ, но того мало, что всѣ его добрыя дѣла, всѣ явныя заботы о народномъ благѣ не признаются, или истолковываются въ дурную сторону,—его лукаво упрекаютъ

Виновникомъ дочерняго вдовства,

на него злобно клевещутъ, на него наводятъ многія убійства. Можетъ ли большее горе постигнуть человѣка, сознающаго свои достоинства, который, положа руку на сердце, смѣло можетъ сказать, что его дѣла имѣли высокую цѣль человѣка, который вдобавокъ хорошій

семьянинъ, нѣжно любящій отецъ. Но какъ ни горько убѣжденіе, что народъ умѣетъ любить только мертвыхъ, что власть сама по себѣ ему ненавистна, какъ ни тяжелы вообще обстоятельства, обусловливающія возникновеніе такихъ мыслей, однако они сами по себѣ въ человѣкѣ, сознающемъ свой долгъ, — не въ силахъ уничтожить стремленіе къ совершенію дѣлъ, которыя онъ считаетъ дѣлами достойными. Борисъ самъ чувствуетъ, что у него достало бы твердости духа, чтобы не пасть предъ такимъ испытаніемъ, что онъ могъ бы побороть возникающее отчаяніе. Отчего же такая возможность не переходитъ въ дѣйствительность? Дѣло въ томъ, что его горькія думы не суть плодъ только холодныхъ наблюденій ума или горестнаго разочарованія сердца: они плодъ нецѣлости его души.

Оттого-то онъ и не можетъ побороть возникающее отчаяніе, что необходимая для этого нравственная опора въ самомъ себѣ встрѣчаетъ непобѣдимую преграду совѣсти. Пусть пятно на ней завелось случайно, пусть оно будетъ единымъ, но оно тутъ, несмываемое и вѣчно напоминающее о себѣ; оно бередится и нелюбовью народа и лукавою клеветой, и тѣмъ сильнѣе, что служитъ какъ бы оправданіемъ клеветы. Глубоко павшему разъ въ жизни не хотятъ вѣрить, его считаютъ на все способнымъ злодѣемъ. Да, есть отчего кружиться головѣ и сердцу быть налитымъ ядомъ! Злодѣй старался бы заглушить голосъ совѣсти, потопить его въ крови, Борисъ же изнемогаетъ предъ сознаніемъ:

Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

Страхъ подвергнуться мученіямъ, сопряженнымъ съ „единымъ случайнымъ“ пятномъ на совѣсти, есть страхъ дѣйствія возможнаго для насъ всѣхъ, и именно такой страхъ, который, по выраженію Лессинга, заставитъ созрѣть состраданіе при видѣ подобныхъ мученій другого.

Иныя страданія оклеветаннаго и близкаго къ отчаянію Бориса, составляющія главное обстоятельство трагедіи, вытекаютъ изъ того же источника. Положимъ, что мученіе совѣсти есть не только необходимое послѣдствіе грѣха, но и его заслуженное наказаніе: очевидно однако, что цѣлый рядъ усиливающихся несчастій есть обстоятельство, превышающее вину; онъ могъ послѣдовать за грѣхомъ, но могъ и не послѣдовать. Извѣстіе о появленіи самозванца обрушивается на Бориса нежданно, въ минуту спокойствія, когда онъ любовно говоритъ съ сыномъ, увѣренный, что престолъ законно перейдетъ къ его наслѣднику. Онъ свысока, съ нѣкоторою надменностью готовится выслушать „важную вѣсть“ Шуйскаго. Одно слово, „пустое имя“ подымаетъ бурю въ его душѣ, заставляетъ трепетать все его существо. Онъ спѣшно удаляетъ царевича въ предчувствіи чего-то страшнаго, имѣющаго совершиться, но чего именно, онъ не въ силахъ дать себѣ яснаго отчета. Привычка властвовать, чувство царственности, подкрѣпляемыя инстинктомъ самосохраненія, не оставляютъ его въ эту минуту; онъ

твердо отдаетъ приказъ о необходимыхъ мѣрахъ и хочетъ затѣмъ отпустить Шуйскаго. Овладѣвъ такимъ образомъ собою, онъ уже готовъ свысока смотрѣть на услышанную вѣсть, какъ вдругъ его беретъ сомнѣніе: „а что если царевичъ живъ?“ Вотъ самый важный для Бориса вопросъ, смутное предчувствіе котораго заставило его удалить сына. Если Димитрій живъ, то что дѣлать? И первое: не слѣдуетъ ли уступить ему? Во всякомъ случаѣ, утвердительный отвѣтъ Шуйскаго разрушилъ все дѣло жизни Бориса. Отрицательный отвѣтъ „лукаваго царедворца“ ясенъ, не допускаетъ и тѣни сомнѣнія. Несмотря на муки, возбужденныя и усиленныя внезапною вѣстью, Борисъ со спокойною совѣстью можетъ дѣйствовать противъ самозванца, защищать отъ обманщика свой престолъ и наслѣдіе дѣтей своихъ; этого требуютъ его царственныя обязанности. Но при исполненіи этихъ самыхъ обязанностей онъ наталкивается на новыя страданія, сильнѣе прежняго ушибаетъ больное мѣсто. Такое дѣйствіе оказываетъ именно совѣтъ патріарха, повидимому, столь безхитростный и столь цѣлесообразный. Рядъ страданій не остается безъ послѣдствій для Бориса; на открытое обличеніе юродиваго Борисъ уже отвѣчаетъ только: „молись за меня“ и съ терпѣливымъ молчаніемъ сноситъ страшный отвѣтъ юродиваго

Борису уже нечѣмъ жить для себя, и царственное дѣло ни мало бы не занимало его, если бы не любовь къ сыну. Эта черта съ особой силой и ясностію выражается въ предсмертной сценѣ, гдѣ Борисъ, не только перемогая физическія страданія, но вполнѣ забывая о себѣ, спѣшитъ дать послѣдніе совѣты Ѳеодору, какъ отецъ сыну и какъ царь наслѣднику. Но по волѣ Промысла и это самопожертвованіе Бориса разсыпается прахомъ.

„Заключительная сцена „Бориса Годунова“ поэтому имѣетъ не только значеніе указанія на будущую судьбу самозванца, значеніе справедливо ей приписываемое г. Анненковымъ, но и высоко трагическое: она рисуетъ послѣднее и конечное, посмертное несчастіе Бориса“. *Аверкіевъ.*

Идея „Бориса Годунова“ и художественный реализмъ драмы.

Трагическій конецъ Борисова царствованія является неизбѣжнымъ исходомъ изъ того ложнаго положенія, въ которое онъ поставилъ себя въ отношеніи къ боярамъ и народу, при своемъ вступленіи на престолъ. По ходу драмы видно, что онъ погибъ бы и тогда, если бы и не былъ убійцею Димитрія. Поэтому ошибочно то утвержденіе, что Пушкинъ положилъ въ основу своей трагедіи ту мысль, заимствованную у Карамзина, что самозванецъ былъ орудіемъ небеснаго правосудія, покаравшаго цареубійцу Бориса: во-первыхъ эта мысль принадлежитъ не Карамзину, а лѣтописямъ, т.-е. людямъ XVII вѣка, а во-вторыхъ, она вовсе и не положена въ основу трагедіи. Не пу-

скаясь въ отгадываніе намѣреній небеснаго правосудія, Пушкинъ ищетъ причины гибели Бориса въ самихъ условіяхъ его царствованія: Борисъ погибъ потому, что между нимъ и народомъ не было нравственнаго единенія. Нельзя признать справедливымъ и сужденіе тѣхъ критиковъ, которые, сопоставляя трагедію Пушкина съ *психологическими* драмами Шекспира, дѣлаютъ нашему поэту тотъ упрекъ, что онъ сдѣлалъ предметомъ художественнаго изображенія не процессъ совершенія преступленія, (какъ, напримѣръ, Шекспиръ въ „Макбетѣ") а только его послѣдствія, вслѣдствіе чего въ трагедіи мало драматическаго движенія. Представители этого взгляда признаютъ Бориса героемъ трагедіи въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Макбетъ является героемъ въ соотвѣтствующей Шекспировской трагедіи; но вѣдь это не такъ: Пушкинъ ставитъ своей задачей не только изобразить характеръ Бориса и его душевную драму, но и „воскресить одинъ изъ минувшихъ вѣковъ во всей его истинѣ", а потому у него въ драматическомъ положеніи оказывается не Борисъ только, но и весь русскій народъ; Борисъ не герой трагедіи въ обычномъ смыслѣ этого слова, а только центральный факторъ общаго дѣйствія. Вотъ почему Пушкинъ далъ въ рукописи такое заглавіе своему произведенію: „Комедія *о настоящей бѣдѣ Московскому Государству,* о царѣ Борисѣ и „Гришкѣ Отрепьевѣ", а закончилъ рукопись такими словами: „конецъ комедіи, въ ней же первая персона „Борисъ Годуновъ"; и если сопоставить эту комедію съ произведеніями Шекспира, то не съ психологическими трагедіями, а съ его историческими хрониками, какъ на это указываетъ и самъ Пушкинъ.

„Борисъ Годуновъ былъ любимымъ произведеніемъ Пушкина. Процессъ его созиданія доставилъ поэту высокое внутреннее наслажденіе, а когда трудъ былъ оконченъ, Пушкинъ съ восторженною радостію сообщалъ объ этомъ Вяземскому: „Поздравляю тебя, моя радость, съ романтическою трагедіею, въ ней же первая персона Борисъ Годуновъ. Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ одинъ и билъ въ ладоши и кричалъ: ай да Пушкинъ!" Онъ смотрѣлъ на дѣло такъ, что его трагедія должна повліять „на преобразованіе драматической системы нашей": онъ противополагалъ свою трагедію — въ качествѣ романтической — классическимъ трагедіямъ, которыя въ то время еще твердо держались и въ литературѣ, и на сценѣ, и видѣлъ въ своей трагедіи торжество избраннаго романтизма.

Однако такъ ли это? была ли его трагедія тожествомъ реализма? Самъ же Пушкинъ говоритъ, что онъ въ своей трагедіи не гнался за романтическимъ паѳосомъ, а старался дать правильное изображеніе характеровъ и положеній, слѣдуя въ этомъ отношеніи Шекспиру; слѣд., художественная правда — вотъ характеристическая черта его трагедіи, какъ и Шекспировскихъ произведеній; но это — такая черта, которая характеризуетъ собою не только романтизмъ, сколько то направленіе, которое извѣстно теперь подъ названіемъ художественнаго реализма. Трагедія „Борисъ Годуновъ" по своему характеру должна

быть отнесена къ этому направленію, и если Пушкинъ причислялъ ее къ трагедіямъ романтическимъ, то это потому, что, не находя готоваго термина для обозначенія своего литературнаго направленія, онъ видоизмѣнилъ понятіе о романтизмѣ и въ этомъ измѣненномъ видѣ прилагалъ его къ своей трагедіи: онъ разумѣлъ подъ истиннымъ романтизмомъ то, что мы теперь обозначили бы именемъ художественнаго реализма. Вотъ почему романтическій паѳосъ не вошелъ у него въ опредѣленіе романтизма въ качествѣ существеннаго признака этого направленія. Вліяніе дѣйствительнаго романтизма сказалось, можетъ-быть, только въ изображеніи характера самозванца; но этотъ характеръ занимаетъ второстепенное мѣсто въ трагедіи. Не романтикомъ, а правдивымъ художникомъ-реалистомъ является Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ, написанныхъ въ Михайловскомъ, какъ въ „Борисѣ Годуновѣ“, такъ и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. *Кудрявцевъ.*

Характерныя черты „Моцарта и Сальери“, какъ драматическаго очерка.

Сальери — талантливый, но не геніальный человѣкъ; не безъ труда, упорнаго труда ему дается все. Ему нужно было много терпѣнія, чтобы стать извѣстнымъ музыкантомъ; много минутъ отчаянія пришлось пережить раньше, чѣмъ достигнуть цѣли. Сальери глубоко любитъ музыку; онъ ее любитъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше труда положилъ онъ на обладаніе этимъ искусствомъ. Онъ первый между равными, и нѣтъ человѣка, которому онъ не могъ бы завидовать. Но такія натуры, какъ Сальери, не выносятъ рядомъ съ собой людей геніальныхъ; ихъ оскорбляетъ чужое превосходство, обижаетъ особенно потому, что успѣхъ достался геніальному человѣку, можно сказать, задаромъ, тогда какъ они затратили столько труда для достиженія меньшаго. Сальери встрѣчаетъ Моцарта, и его душевный покой нарушенъ.

Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой, также
Трудами и успѣхами друзей,
Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ!...
. . . .
Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда-нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
Песокъ и пыль грызущею безсильно?
Никто!... А нынѣ — самъ скажу — я нынѣ
Завистникъ! Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. О небо!
Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній — не въ награду.
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?... О Моцартъ, Моцартъ!

„Небольшой монологъ этотъ превосходно рисуетъ зарожденіе страшнаго чувства въ душѣ артиста, вмѣстѣ съ тѣмъ вы видите всю естественность, правдивость появленія зависти въ человѣкѣ подобномъ Сальери — вамъ здѣсь становится совершенно понятнымъ это чувство, вообще не очень понятное, и поневолѣ кажутся справедливыми тѣ упреки, которые посылаетъ завистникъ судьбѣ. Нельзя также не замѣтить, что зарожденіе чувства зависти въ Сальери заставляетъ его глубоко страдать. Онъ мучится въ борьбѣ со своею совѣстью, желаетъ оправдать въ себѣ это чувство, вызванное несравненнымъ превосходствомъ надъ нимъ Моцарта, тѣмъ, что Моцартъ „безумецъ“, гуляка праздный“.

А этотъ легкомысленный Моцартъ съ своей стороны дѣлаетъ все, чтобы только усилить въ своемъ неподозрѣваемомъ врагѣ зависть къ себѣ и злобу. Непосредственно затѣмъ, какъ Сальери произнесъ вышеупомянутый монологъ, является Моцартъ съ слѣпымъ скрипачомъ, чтобы угостить его искусствомъ. Нѣтъ, мой другъ Сальери, смѣшнѣе отъ роду ты ничего не слыхалъ!“ Оказывается, что слѣпой музыкантъ самымъ безобразнымъ образомъ исполняетъ арію изъ „Донъ Жуана“ Моцарта. Моцартъ хохочетъ. Между тѣмъ Сальери видитъ въ этомъ исполненіи оскорбленіе искусству. Онъ глубоко оскорбленъ; замѣтьте, что оскорбленіе это падаетъ уже на хорошо подготовленную почву, а тутъ еще Моцартъ играетъ ему новое свое произведеніе и проситъ сказать свое мнѣніе. Сальери настолько преданъ музыкѣ, такъ способенъ подчиняться ея впечатлѣнію, что не въ силахъ скрыть своего впечатлѣнія. Онъ восхищенъ, но это-то восхищеніе и служитъ послѣднею каплею для окончательнаго возбужденія въ немъ чувства зависти. Этотъ восторгъ возбуждаетъ его къ дѣйствію, побуждаетъ къ преступленію.

Въ слѣдующей сценѣ онъ приводитъ въ исполненіе свое намѣреніе. Во время разговора о Бомарше онъ всыпаетъ ядъ въ бокалъ Моцарта, послѣдній самъ даетъ толчокъ къ исполненію задуманнаго. Подтверждая мнѣніе Сальери о невѣроятности обвиненія, возводимаго на Бомарше, Моцартъ говоритъ:

Онъ же геній,
Какъ ты да я! А геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ли?

А вѣдь Сальери, воображающій себя геніемъ, задумалъ злодѣйство и потому усматриваетъ въ словахъ Моцарта обиду. Онъ всыпаетъ ядъ. Дѣло сдѣлано. Чувство, напряженное до крайней степени, удовлетворено. Наступаетъ реакція, начинающаяся истерическимъ кризисомъ. Звуки Requiem'а усиливаютъ настроеніе не то радостное, не то тоскливое. Сальери плачетъ:

...Эти слезы (говоритъ онъ)
Впервые лью: и больно и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу.

Но Моцартъ, ссылаясь на нездоровье, уходитъ спать. Сальери провожаетъ его словами: „Ты заснешь надолго, Моцартъ!“ Но тутъ онъ вспоминаетъ слова его. Въ душѣ его начинается новая страшная борьба. Мелькомъ брошенное замѣчаніе Моцарта, что „геній и злодѣйство двѣ вещи несовмѣстныя“, страшно звучитъ въ душѣ его. Онъ только что совершилъ злодѣйство.

Но ужель онъ правъ (восклицаетъ онъ),
И я не геній? Геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонаротти?... Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы — и не былъ
Убійцею создатель Ватикана!

„Въ такомъ мучительномъ психическомъ состояніи оставляетъ нашъ авторъ своего героя. Моцартъ, нехотя, отомстилъ за себя, заронивъ въ душу Сальери новое мучительное сомнѣніе, которое надолго, а, можетъ-быть, навсегда, не дастъ ему заснуть спокойно. *Моцартъ зарѣзалъ сонъ Сальери,* можемъ сказать мы словами Макбета. Мы знаемъ, какъ Сальери впечатлителенъ и подозрителенъ ко всему, что только касается его славы, а тутъ такое ужасное сомнѣніе, которое при этомъ явилось вполнѣ неожиданно и совершенно ненамѣренно, небрежно заброшено въ его подозрительную душу. Положеніе Сальери вполнѣ трагическое“.

Вотъ вамъ и весь этотъ драматическій очеркъ. Онъ по простотѣ, несложности своего сюжета не можетъ имѣть себѣ соперника. А между тѣмъ по изяществу, изобразительности картинъ и живости дѣйствія онъ принадлежитъ къ перламъ созданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и развязка драмы, кроющаяся въ послѣднихъ мучительныхъ сомнѣніяхъ Сальери, поражаетъ своей естественностью и силой. *Яковлевъ.*

Идея „Моцарта и Сальери“.

„Моцартъ и Сальери“ — цѣлая трагедія, глубокая, великая, ознаменованная печатью мощнаго генія, хотя и небольшая по объему. Ея идея — вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и генія. Есть организаціи несчастныя, недоконченныя, одаренныя сильнымъ талантомъ, пожираемыя сильною страстью къ искусству и къ славѣ. Любя искусство для искусства, онѣ приносятъ ему въ жертву всю жизнь, всѣ радости, всѣ надежды свои; съ невѣроятнымъ самоотверженіемъ предаются его изученію, готовы пойти въ рабство, закабалить себя на нѣсколько лѣтъ какому-нибудь художнику, лишь бы онъ открылъ тайны своего искусства. Если такой человѣкъ положительно бездаренъ и ограниченъ, изъ него выходитъ самодовольный Тредьяковскій, который и живетъ и умираетъ съ убѣжденіемъ, что онъ — великій геній. Но если это человѣкъ дѣйствительно съ талантомъ, а главное — съ замѣчательнымъ умомъ, съ способностью глубоко чувствовать, понимать и цѣнить искусство — изъ него выходитъ

Сальери. Для выраженія своей идеи, Пушкинъ удачно выбралъ эти два типа. Изъ Сальери, какъ мало извѣстнаго лица, онъ могъ сдѣлать, что ему угодно; но въ лицѣ Моцарта онъ исторически удачно выбралъ безпечнаго художника, „гуляку празднаго". У Сальери своя логика: на его сторонѣ своего рода справедливость, парадоксальная въ отношеніи къ истинѣ, но для него самого оправдываемая жгучими страданіями его страсти къ искусству, не вознагражденной славою. Изъ всѣхъ болѣзненныхъ стремленій, страстей, странностей самыя ужасныя тѣ, съ которыми родится человѣкъ, которыя, какъ проклятіе, получилъ онъ при рожденіи вмѣстѣ съ своею кровью, своими нервами, своимъ мозгомъ. Такой человѣкъ — всегда лицо трагическое; онъ можетъ быть отвратителенъ, ужасенъ, но не смѣшонъ. Его страсть — родъ помѣшательства при здравомъ состояніи разсудка. Сальери такъ уменъ, такъ любитъ музыку и такъ понимаетъ ее, что сейчасъ понялъ, что Моцартъ — геній, и что онъ, Сальери, ничто предъ нимъ. Сальери былъ гордъ, благороденъ и никому не завидовалъ. Пріобрѣтенная имъ слава была счастіемъ его жизни: онъ ничего больше не требовалъ у судьбы, — и вдругъ, видитъ онъ „безумца", гуляку празднаго", на челѣ котораго горитъ помазаніе свыше...

О небо!
Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній — не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?... О Моцартъ, Моцартъ!

Моцартъ является со всею простотою, веселостью, шутливостью, съ возможнымъ отсутствіемъ всѣхъ претензій, какъ геній, по своему простодушію не подозрѣвающій собственнаго величія или не видящій въ немъ ничего особеннаго. Онъ приводитъ съ собою къ Сальери слѣпого скрипача-нищаго и велитъ ему сыграть что-нибудь изъ Моцарта. Сальери въ бѣшенствѣ на эту профанацію высокаго искусства. Моцартъ хохочетъ, какъ шаловливый ребенокъ, потомъ играетъ для Сальери фантазію, набросанную имъ на бумагу въ безсонную ночь, — и Сальери восклицаетъ въ ревнивомъ восторгѣ:

Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, *я*.

Моцартъ отвѣчаетъ ему ревниво:

Ба! право? можетъ быть...
Но божество мое проголодалось.

Замѣтьте: Моцартъ не только не отвергаетъ подносимаго ему другими титла генія, но и самъ называетъ себя геніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ называя геніемъ и Сальери. Въ этомъ видны удивительное

добродушіе и безпечность: для Моцарта слово „геній“ нипочемъ; скажите ему, что онъ геній, онъ преважно согласится съ этимъ; начинайте доказывать ему, что онъ вовсе не геній, — онъ согласится и съ этимъ, и въ обоихъ случаяхъ равно искренно. Въ лицѣ Моцарта Пушкинъ представилъ типъ непосредственной геніальности, которая проявляетъ себя безъ усилія, безъ расчета на успѣхъ, нисколько не подозрѣвалъ своего величія. Нельзя сказать, чтобы всѣ геніи были таковы; но такіе особенно невыносимы для талантовъ въ родѣ Сальери. Какъ умъ, какъ сознаніе, Сальери гораздо выше Моцарта; но какъ сила, какъ непосредственная творческая сила, онъ ничто передъ нимъ... И потому самая простота Моцарта, его неспособность цѣнить самого себя еще больше раздражаютъ Сальери. Онъ не тому завидуетъ, что Моцартъ выше его, — превосходство онъ могъ бы вынести благородно, потому что онъ ничто передъ Моцартомъ, потому что Моцартъ геній, а талантъ передъ геніемъ — ничто... И вотъ онъ твердо рѣшается отравить его. „Иначе“, говоритъ онъ: „мы всѣ погибли, мы — всѣ жрецы и служители музыки. И что пользы, если онъ останется еще жить? Вѣдь онъ не подыметъ искусства еще выше? Вѣдь оно опять падетъ послѣ его смерти?“ Вотъ она логика страстей!...

За обѣдомъ въ трактирѣ Моцартъ случайно спросилъ Сальери, правда ли, что Бомарше кого-то отравилъ. Какъ истинный итальянецъ, Сальери отвѣчаетъ, что едва ли, потому что Бомарше былъ слишкомъ смѣшонъ для такого ремесла. Моцартъ дѣлаетъ при этомъ наивное замѣчаніе:

Онъ же геній,
Какъ ты да я! А геній и злодѣйство —
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

Эта выходка ускорила рѣшимость Сальери. Здѣсь Пушкинъ поражаетъ васъ Шекспировскимъ знаніемъ человѣческаго сердца. Въ простодушныхъ словахъ Моцарта было соединено все жгучее и терзающее для раны, которою страдалъ Сальери. Онъ зналъ себя какъ человѣка способнаго на злодѣйство, а между тѣмъ самъ геній говоритъ, что геній и злодѣйство несовмѣстны, и что, слѣдовательно, онъ, Сальери, не геній! А! такъ я не геній? Вотъ же тебѣ, — и ядъ брошенъ въ стаканъ генія... Но когда Моцартъ выпилъ, Сальери, какъ бы съ смущеніемъ и ужасомъ, восклицаетъ:

Постой,
Постой, постой... Ты выпилъ! безъ меня?

Это опять истинно-драматическая черта! Но вотъ одна изъ тѣхъ смѣлыхъ, обнаруживающихъ глубочайшее знаніе человѣческаго сердца чертъ, которыя никогда не могутъ прійти въ голову таланту, всегда живущему „плѣнной мысли раздраженьемъ“, и на которыя никогда онъ не рѣшится, если бъ онѣ и могли прійти къ нему; это Сальери, съ умиленіемъ слушающій Requiem Моцарта и говорящій ему:

Эти слезы
Впервые лью: и больно и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

Какъ поразительныя эти слова своимъ характеромъ умиленія, какою-то нѣжностью къ Моцарту! „Другъ Моцартъ“: видите ли, убійца Моцарта любитъ свою жертву, любитъ ее художественною половиной души своей, любитъ ее за то же самое, за что и ненавидитъ... Только великіе, геніальные поэты умѣютъ находить въ тайникахъ человѣческой натуры такія странныя, повидимому, противорѣчія и изображать ихъ такъ, что становятся намъ понятными безъ объясненій...

Послѣднія слова Сальери, когда по уходѣ Моцарта, остался онъ одинъ, художественно округляютъ и замыкаютъ въ самой себѣ сцену:

Ты заснешь
Надолго, Моцартъ! Но ужель онъ правъ,
И я не геній? Геній и злодѣйство —
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонаротти?.. Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы — и не былъ
Убійцею создатель Ватикана?

Какая глубокая и поучительная трагедія! Какое огромное содержаніе и въ какой безконечно-художественной формѣ! Но намъ предстоитъ переходить отъ одного чуда искусства къ другому, и тяжесть взятой нами на себя обязанности смущаетъ насъ своею несоразмѣрностью съ нашими силами. *Бѣлинскій.*

Смѣна душевныхъ состояній барона подъ вліяніемъ охватившей его страсти.

Всякая страсть, какое бы опредѣленное направленіе ни принимала, благодаря предмету, служащему средоточіемъ ея, обнаруживается какъ господствующее желаніе, подчиняющее себѣ всѣ силы души, — и умъ, и чувство, и волю; не только подчиняющее, но и извращающее естественный нормальный образъ ихъ дѣятельности и проявленій: душевное состояніе барона вполнѣ подтверждаетъ это общее явленіе. Ослѣпляющее вліяніе страсти на умъ барона ясно выражается во властолюбивыхъ мечтахъ его подчинить себѣ то, что по существу своему исключаетъ такое подчиненіе: существо истинной добродѣтели въ томъ и состоитъ, что добродѣтельный человѣкъ въ своей жизни и дѣятельности руководится не внѣшними мотивами, наградою и т. п., но внутренними требованіями своей совѣсти, внутреннимъ сознаніемъ долга и, чтобы остаться вѣрнымъ требованіямъ его, нерѣдко готовъ перенести всякаго рода невзгоды, лишь бы не поступиться нравственнымъ своимъ достоин-

ствомъ предъ гнетомъ внѣшней силы; равнымъ образомъ, и существо генія и творческаго вдохновенія художника исключаетъ всякое внѣшнее насиліе: самостоятельность и свобода вотъ ихъ характеристическіе атрибуты. Извращающее вліяніе страсти на область чувствованій барона всего рельефнѣе выражается въ этой неестественной нечеловѣческой радости, какой предается баронъ при мысли о томъ нравственномъ униженіи и паденіи, до какого онъ можетъ доводить людей. При такомъ ненормальномъ состояніи душевныхъ силъ неудивительно, конечно, если въ помутившемся сознаніи барона то, что первоначально являлось только средствомъ, въ концѣ становится само цѣлью. И дѣйствительно, властолюбивыя мечты барона остаются только мечтами, являются въ сознаніи его не болѣе какъ миражемъ, игрой воображенія; баронъ вполнѣ „спокоенъ“ и довольствуется однимъ сознаніемъ своей „мощи“, сознаніемъ того, что стоитъ ему только „захотѣть“, и все роскошное зданіе его фантазіи превратится въ дѣйствительность. Но что же мѣшаетъ барону именно захотѣть и такимъ образомъ преступить грань, отдѣляющую возможное отъ дѣйствительнаго? Что парализуетъ въ немъ волю — эту силу души, приводящую мысли чувства человѣка въ исполненіе, въ факты живой дѣятельности? Или — въ душѣ барона гнѣздится нѣчто еще болѣе могущественное, чѣмъ его властолюбіе? Всѣ мысли и чувства барона, всѣ обнаружившіяся передъ нами душевныя состоянія его являются сосредоточенными около одного предмета — золота: оно заставляетъ барона испытывать и томительное ожиданіе, и чувство радости, и довольства, оно же возбуждаетъ въ баронѣ и его властолюбивыя мечты; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно же служитъ для барона и тѣмъ единственнымъ предметомъ, на приращеніи и сбереженіи котораго сосредоточена вся его дѣятельность. Такимъ образомъ, золото безраздѣльно властвуетъ надъ всѣми силами души барона и является предметомъ, опредѣляющимъ собою характеръ господствующей въ душѣ барона страсти; а, слѣдовательно, оно же парализуетъ въ баронѣ его и волю, такъ какъ для осуществленія въ дѣйствительности властолюбивыхъ мечтаній является неизбѣжная необходимость — обнаружить дѣятельность этой воли въ ущербъ интересу страсти; неудивительно поэтому, что баронъ только тѣшилъ себя мыслью о своемъ могуществѣ, рисуя себѣ свое фантастическое царство власти; но на самомъ дѣлѣ у него уже не было силы воли испытать въ дѣйствительности это могущество, привести въ исполненіе хотя одну изъ тѣхъ обольстительныхъ картинъ, которыя рисуетъ онъ, любуясь своими сундуками“.

Вотъ какого рода данныя представляютъ намъ разсмотрѣнная часть монолога барона въ отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ развивалась въ душѣ барона его скупость, ставшая господствующею въ немъ страстью. Въ этомъ отношеніи развитіе ея представляетъ тѣ же ступени, какія наблюдаются и при другомъ источникѣ той же страсти: „сначала человѣкъ благоразумно употребляетъ свои доходы, соразмѣряетъ съ ними расходы и отлагаетъ частичку на черный день;

потомъ бережливость незамѣтно переходитъ предѣлы правилъ разсчитанной экономіи: человѣкъ дѣлается скупымъ и отказываетъ себѣ въ удовлетвореніи настоящихъ нуждъ, чтобы имѣть запасъ на будущее время. Скупость переходитъ, наконецъ, въ скряжничество, когда скупой заботится объ увеличеніи своего богатства, далеко уже превышающаго его установившіяся затраты, и всѣ свои расчеты, даже чувства и отношенія подчиняетъ привычкѣ безцѣльнаго пріобрѣтенія“.

Но, заключая въ себѣ слѣды прожитаго, намеки на условія, способствовавшія развитію въ баронѣ скупости до страсти, какое же значеніе имѣютъ высказываемыя имъ мысли, чувства и желанія по отношенію къ настоящему состоянію барона? Если для насъ рѣчь барона представляетъ интересъ автобіографическій, то въ устахъ его она вовсе не имѣетъ этого характера. Спрашивается: въ силу какого же побужденія баронъ высказываетъ такія мысли и желанія?

Обнаруживая ту или другую дѣятельность, человѣкъ всегда руководится въ выборѣ предмета и цѣли дѣятельности, въ выборѣ и примѣненіи средствъ извѣстными соображеніями ума, опредѣленными движеніями чувства; въ этой области психической жизни заключается для человѣка и высшее оправданіе избранной дѣятельности. Въ лицѣ барона предъ нами является человѣкъ, принадлежащій къ извѣстному слою общества; страсть барона, естественно развившаяся въ немъ подъ вліяніемъ господствующей черты его характера и условій его жизни, представляется тѣмъ не менѣе явленіемъ рѣдкимъ, исключительнымъ: она ставитъ его въ рѣзкое противорѣчіе складомъ понятій, съ образомъ жизни, обычаями и привычками той среды, къ которой принадлежитъ онъ по своему происхожденію и общественному положенію; баронъ не можетъ не сознавать, что, сосредоточивая свою дѣятельность на накапливаніи золота, ведя замкнутую и уединенную жизнь, вдали отъ двора и общества, ведя такой образъ жизни, на который указываютъ намъ слова Альбера (въ первой сценѣ), онъ является какимъ-то отщепенцемъ въ своей средѣ; баронъ не можетъ не сознавать при этомъ, что и по его собственнымъ понятіямъ и по понятіямъ его среды, такая дѣятельность и такой образъ жизни заключаютъ въ себѣ нѣчто позорное и унизительное; неудивительно поэтому, что баронъ чувствуетъ необходимость оправдать себя и въ своихъ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ другихъ, — и притомъ оправдать себя съ точки зрѣнія тѣхъ именно взглядовъ и понятій, по отношенію къ которымъ онъ является аномальностью. И дѣйствительно: живя въ „нетопленой конурѣ“, питаясь „сухими корками“, онъ мечтаетъ о „чертогахъ“ и „великолѣпныхъ садахъ“ со всею роскошью обстановки; разорвавъ всѣ связи съ обществомъ, баронъ мечтаетъ „править міромъ“ со всею безграничностью власти. Слѣдовательно, его образъ жизни и дѣятельности есть какъ бы только временное выраженіе, своего рода тяжелый искусъ, чтобы потомъ явиться во всемъ блескѣ силы и могущества, со всѣми атрибутами того общественнаго положенія, къ какому принадлежитъ

онъ: въ этомъ направленіи дѣятельности мысли — оправдать себя всего ярче выражается власть страсти, порабощающая умъ. Подобнаго рода потребность сознаетъ и Плюшкинъ Гоголя: развѣ потому онъ не продаетъ разнаго рода хозяйственныхъ запасовъ, что не можетъ разстаться со своими сокровищами? Ни чуть не бывало: а потому, что безсовѣстные покупщики норовятъ его надуть, даютъ дешево: онъ же, какъ хорошій хозяинъ, не могъ допустить этого. И развѣ по скупости онъ такъ недружелюбно встрѣчаетъ гостя? Совсѣмъ нѣтъ: „а кухня у него“ низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась, — начнешь топить (для приготовленія обѣда гостю), еще пожару надѣлаешь“... „И такой скверный годъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ!“ Въ этомъ служеніи порабощеннаго ума интересамъ страсти появляется неумолимая, непреклонная логика, идущая, ничѣмъ не смущаясь, къ самымъ крайнимъ выгодамъ и заключеніямъ, — та логика, которая, исходя изъ вѣрнаго положенія, что въ хозяйствѣ можетъ пригодиться всякая вещь, приходитъ къ заключенію, а слѣдовательно, и „старая подошва сапога“, та логика, которая приводитъ къ мысли завести для всей дворни одни общіе сапоги и т. д.

Дальнѣйшее теченіе рѣчи барона, еще болѣе убѣждая насъ въ этой власти страсти надъ умомъ, раскрываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, до какой степени страсть барона овладѣла всѣмъ его существомъ. Предъ нами развертывается въ этой рѣчи все та же канва душевной жизни, но мѣняются только узоры; слышится тотъ же общій мотивъ страсти, но разнообразящійся варіаціями; предъ нами стоитъ та же фигура барона, но поставленная въ иной перспективѣ съ новымъ освѣщеніемъ и съ иными переливами красокъ и тѣней. Въ этомъ разнообразіи пріемовъ при изображеніи одного и того же характера обнаруживается сила и глубина творческой мысли художника, неистощимая изобрѣтательность творческой его фантазіи.

Взглядъ барона падаетъ на горсть принесеннаго имъ золота, и это, повидимому, незначительное обстоятельство даетъ новый толчокъ и новое направленіе теченію мыслей барона: взглядъ на реальный предметъ переноситъ барона изъ міра фантазіи, изъ страны воздушныхъ замковъ, въ міръ дѣйствительности, въ область явленій человѣческой жизни. Какъ ни противоположны эти сферы, ихъ сближаетъ между собою одно общее убѣжденіе барона въ силѣ и могуществѣ золота, та, какъ замѣчено выше, непреклонная, ни передъ чѣмъ не отступающая логика, которая является признакомъ рабскаго служенія ума интересамъ страсти. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только стать на точку зрѣнія барона, и для насъ станетъ совершенно яснымъ, что фантастическое царство власти, рисующееся въ воображеніи барона въ такихъ обольстительныхъ картинахъ, есть зданіе, построенное не на пескѣ, но на незыблемомъ фундаментѣ силы и могущества золота въ человѣческой жизни. Какъ ни кажется незначительною эта горсть золота, но и она является тяжеловѣснымъ представителемъ „человѣческихъ заботъ“, ночей безсонныхъ, тяжкаго и изнурительнаго труда, свидѣ-

телемъ глубокаго униженія, до какого доводитъ человѣка желаніе — имѣть его свидѣтелемъ „слезъ и моленій", наконецъ, свидѣтелемъ нравственнаго паденія человѣка — „обмановъ и проклятій". И эта мысль о силѣ и могуществѣ золота, возникающая въ сознаніи барона при взглядѣ на горсть золота, не есть умозрительный выводъ, но заключеніе, основывающее на непререкаемыхъ фактахъ живой дѣйствительности; убѣдиться въ этомъ нѣтъ ничего легче: стоитъ только вникнуть въ ту исторію, какую можетъ повѣдать намъ каждая монета... Баронъ ищетъ „старинный дублонъ", не новый, только что отчеканенный, — у него нѣтъ еще исторіи, — но именно старинный: чѣмъ болѣе странствовалъ послѣдній по житейскому морю, чѣмъ въ большемъ количествѣ рукъ побывалъ онъ, тѣмъ поучительнѣе и назидательнѣе можетъ быть его повѣсть. А вотъ и два эпизода изъ этой повѣсти, равно характерныхъ для доказательства мысли о силѣ и могуществѣ золота. „Старинный дублонъ" принесенъ вдовою, оставшеюся съ тремя сиротами на рукахъ по смерти мужа, задолжавшаго барону; но сколько горя, мукъ, униженій перенесла эта женщина и готова была перенесть, лишь бы владѣть этимъ дублономъ! А вотъ и другой дублонъ, принесенный лѣнивцемъ и плутомъ Тибо: „Гдѣ было взять ему?" „Укралъ, конечно, или, можетъ быть, тамъ, на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ"... да, ограбилъ, убилъ... И послѣ этого, развѣ не правъ баронъ, когда мечтаетъ силою золота низводить людей на степень рабовъ — исполнителей своей воли, мечтаетъ „править міромъ?" Душевное настроеніе барона, съ какимъ говоритъ онъ о бѣдной вдовѣ, видя въ ея просьбѣ и слезахъ одно только притворство, его настроеніе, съ какимъ высказываетъ онъ свою догадку относительно Тибо, ясно показываютъ намъ, въ какой мѣрѣ страсть поработила не только умъ, но и чувства барона: онъ глухъ и нѣмъ къ чужому горю и страданіямъ, онъ не смущается и мыслью о преступленіяхъ, — тамъ гдѣ дѣло касается интереса страсти. Вотъ какого рода мысли и чувства возникаютъ въ душѣ барона при взглядѣ на одну только горсть накопленнаго золота. Но у него цѣлыхъ шесть сундуковъ, наполненныхъ такими дублонами; что же удивительнаго, что мысль барона о дѣйствительно присущихъ золоту силѣ и могуществѣ ассоціируется въ сознаніи его съ представленіемъ всемірнаго переворота, подобнаго „всемірному потопу": дайте только этимъ грудамъ накопленнаго золота снова проявить въ жизни то могущество, о которомъ повѣствуетъ каждый дублонъ, — и тогда „слезы, кровь и потъ, пролитые за все, что здѣсь хранится", разомъ выступятъ „изъ нѣдръ земныхъ". Въ этой картинѣ безграничнаго могущества золота баронъ поражается, такъ сказать, стихійнымъ характеромъ, свойственнымъ силѣ золота: сердце его содрагается при мысли, что и самъ онъ, виновникъ пролитія этихъ „слезъ", „крови" и „пота", можетъ сдѣлаться жертвой сосредоточенной въ его рукахъ этой титанической власти золота...

Намѣреваясь присоединить къ своимъ сокровищамъ горсть накопленнаго золота, баронъ хочетъ отперeть сундукъ. Это отпираніе

сундука всякій разъ служитъ для барона источникомъ необычайнаго волненія: „жаръ и трепетъ“ пробѣгаетъ по его членамъ; непосредственная близость предмета страсти, наступленіе момента, ожидавшагося съ такимъ нетерпѣніемъ, являются внѣшними условіями, объясняющими намъ это состояніе.

Но „жаръ“ и „трепетъ“, испытываемые барономъ, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшнимъ выраженіемъ внутренней борьбы двухъ чувствъ, оспаривающихъ другъ у друга право господства. Сознаніе безграничной власти и силы золота возбуждаетъ въ душѣ барона чувство пріятнаго, чувство величайшей радости и довольства; но рядомъ съ нимъ сердце его стѣсняется другимъ какимъ-то, „невѣдомымъ чувствомъ“. Стараясь опредѣлить характеръ его, баронъ находитъ, что испытываетъ то же чувство, какое долженъ чувствовать убійца, вонзающій въ жертву свой ножъ. Что же это за чувство и въ чемъ можетъ оно представлять сходство съ состояніемъ барона? Если совершеніе преступленія, являясь для убійцы средствомъ удовлетворенія его страсти, можетъ доставлять ему своего рода удовольствіе, то все-таки самый актъ совершенія убійства съ сопровождающими его страшными сценами не можетъ не вызывать въ душѣ преступника хотя смутнаго сознанія преступности его дѣяній, а вмѣстѣ съ тѣмъ хоть на мгновеніе, не возбуждать въ душѣ его чувства страха при мысли о карѣ за совершаемое злодѣяніе... И баронъ испытываетъ чувство страха; это чувство не возбуждается въ немъ представленіемъ какой-нибудь опасности, угрожающей извнѣ: „тайный подвалъ“ надежно скрываетъ сокровища отъ завистливыхъ очей постороннихъ; при немъ его „мечъ“, „за злато отвѣчаетъ честной булатъ“; слѣдовательно, источникъ испытываемаго барономъ страха таится въ немъ самомъ, въ глубинѣ его души, безъ сомнѣнія, тамъ, гдѣ живетъ „когтистый звѣрь, скребящій сердце“, „эта вѣдьма, отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы смущаются и мертвыхъ высылаютъ“, тамъ, гдѣ живетъ „незваный гость“, „докучливый собесѣдникъ“ — совѣсть: если только два дублона могли вызвать въ воображеніи барона страшныя сцены изъ жизни жертвъ его скупости, то легко себѣ представить, какая длинная вереница воспоминаній подобнаго рода должна была напрашиваться въ душу барона всякій разъ, когда онъ собирался взглянуть на груды накопленнаго такими путями золота, не только напрашиваться, но и невольно поражать душу барона тѣмъ страхомъ, въ которомъ находятъ свое выраженіе „докучной совѣсти мученья“, — страхомъ, испытываемымъ и убійцами, къ которымъ въ данномъ случаѣ баронъ невольно приравниваетъ себя (см. поэму Пушкина: „Братья разбойники“)... Но баронъ не новичокъ въ этой душевной борьбѣ; „докучной совѣсти мученья“ могутъ, конечно, смущать его душу, но всепокоряющая власть страсти уже привыкла одерживать побѣды надъ совѣстью, голосъ которой если и внятенъ еще душѣ его, то — какъ отдаленное эхо, какъ доносящійся издали гулъ удаляющейся грозы, какъ безсильное вліять на волю сознаніе преступности дѣйствій; всепокоряющая власть страсти съ неудержимою

силою влечетъ барона въ заколдованный кругъ мыслей и чувствъ, тѣсно связанныхъ съ предметомъ страсти, въ этотъ дорогой для него міръ своихъ радостей и наслажденій, — а въ настоящій разъ влечетъ тѣмъ съ большею силою, чтобы заглушить хотя и становящееся „невѣдомымъ", но все же инстинктивно испытываемое чувство страха...

Баронъ отпираетъ сундукъ, чтобы всыпать въ него горсть накопленнаго золота. Это обстоятельство, внося разнообразіе въ положеніе барона, существеннымъ образомъ вліяетъ на дальнѣйшее развитіе его душевнаго настроенія.

Мысли и чувства, обнаруженныя барономъ до настоящаго момента, являются не непосредственно относящимися къ самому предмету его страсти — золоту, но служатъ выраженіемъ той сложной и разнообразной психической жизни, какая сосредоточивается вокругъ предмета страсти. Изучая Шекспира, Пушкинъ изумлялся искусству великаго драматурга—не выдавать своего дѣйствующаго лица преждевременно: оно говоритъ у него со всею беззаботностью жизни, потому что въ данную минуту, въ настоящее время поэтъ уже знаетъ, какъ заставить его говорить, сообразно характеру, имъ выраженному (см. „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина" сост. Анненкова, т. I, стран. 136). Безъ сомнѣнія, и по отношенію къ барону, моментъ, когда баронъ всыпаетъ деньги, этотъ торжественный въ его жизни моментъ жертвоприношенія страсти, является также той „данной минутой", тѣмъ „настоящимъ временемъ", когда онъ долженъ заговорить сообразно своему „характеру", заговорить не какъ человѣкъ, одержимый вообще страстью, но страстью—скупостью. Вотъ почему въ словахъ, произносимыхъ барономъ при всыпаніи золота въ сундукъ, высказывается и взглядъ его на предметъ страсти: въ глазахъ барона золото отнюдь не средство, дающее человѣку возможность удовлетворять своимъ потребностямъ и желаніямъ и тѣмъ болѣе соотвѣтствующее своему назначенію, чѣмъ болѣе, „рыская по свѣту", служитъ оно посредникомъ при взаимномъ обмѣнѣ произведеній человѣческаго труда; слѣдовательно, взглядъ барона на золото какъ деньги, заключаетъ въ себѣ отрицаніе существенныхъ признаковъ предмета, характеризующихъ природу самаго предмета: такой превратный взглядъ барона на предметъ является вполнѣ понятнымъ при мысли объ ослѣпляющемъ вліяніи страсти на умъ человѣка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаніе барона надѣляетъ предметъ его страсти атрибутами иного рода, заимствуемыми уже не изъ существа самаго предмета, но изъ внутренняго міра личныхъ представленій барона: идея безпредѣльнаго могущества всепокоряющей силы и власти, присущихъ золоту, ассоціируется въ сознаніи барона съ понятіемъ, въ содержаніи котораго данные атрибуты являются необходимыми признаками существа, подразумѣваемаго подъ этимъ понятіемъ; въ глазахъ барона золото — своего рода кумиръ, божество, предметъ религіознаго поклоненія, благоговѣйнаго созерцанія; эта смѣсь представленій рельефно выражается въ заключительныхъ словахъ барона, обращенныхъ къ золоту:

Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!

Какъ ни многочисленны и ни разнообразны черты душевной жизни, характеризующія отношеніе человѣка, ставшаго рабомъ страсти, тѣмъ не менѣе, при всемъ разнообразіи предметовъ страсти и при всемъ различіи характеровъ людей, наблюдаются черты болѣе или менѣе общія при данномъ состояніи души; такими чертами являются непреодолимое желаніе видѣть предметъ страсти, обладать имъ, желаніе — повѣрять ему сокровеннѣйшія движенія души и въ этомъ выраженіи мыслей и чувствъ, надеждъ и мечтаній — находить для себя источникъ радостей и наслажденій. Предъ взорами барона сундукъ съ золотомъ, — „сундукъ еще неполный"; но рядомъ съ нимъ стоятъ еще пять сундуковъ, уже доверху наполненныхъ металломъ; баронъ любуется блескомъ золота, очаровывающимъ взоръ его то ослѣпительною яркостью солнечныхъ лучей, то багровымъ пламенемъ зарева, а такое зрѣлище можетъ доставить и каждый изъ его „вѣрныхъ сундуковъ"... Подъ возбуждающимъ дѣйствіемъ этихъ впечатлѣній и соединенныхъ съ ними представленій баронъ испытываетъ страстное желаніе насладиться во всей полнотѣ тою радостью, тѣмъ счастіемъ и блаженствомъ, какія доставляетъ человѣку непосредственная близость предмета его страсти: глядѣть и не наглядѣться на золото, отдаться во власть сладостно волнующихъ душу чувствъ, забыться въ глубоко захватывающемъ душу чувствѣ восторга при созерцаніи предмета страсти, вотъ что заставляетъ барона „устроить себѣ пиръ", отпереть всѣ сундуки, зажечь свѣчи предъ каждымъ сундукомъ и „средь нихъ глядѣть на блещущія груды"... Желаніе исполнено. „Волшебный блескъ" золота приводитъ барона въ состояніе экстаза: пламенной, порывистой рѣчью вырывается изъ глубины души его охватившее чувство восторга; всѣ мысли и чувства, всѣ надежды и мечты, волновавшія душу барона, разомъ хлынули потокомъ въ сознаніе барона, тѣсня и перегоняя другъ друга; между тѣмъ какъ въ предыдущей рѣчи его, сравнительно болѣе покойной, каждый изъ этихъ моментовъ душевнаго состоянія находитъ свое выраженіе въ опредѣленныхъ и обособленныхъ другъ отъ друга образахъ и формахъ, теперь всѣ мелодіи душевной жизни барона, всѣ варіаціи ихъ слились въ одинъ общій аккордъ, замыкающійся патетическимъ восклицаніемъ: „я царствую!"

Содержаніе восторженной рѣчи барона представляетъ намъ то обычное въ жизни души явленіе, что наше чувство получаетъ свой извѣстный опредѣленный характеръ отъ сопутствующей ему суммы представленій и желаній. Большая или меньшая степень силы и напряженности этого чувства зависитъ отъ того значенія, какое имѣютъ для насъ эти представленія и желанія; измѣните этотъ міръ представленій и желаній, измѣнится и характеръ самаго чувства; условія измѣнчивости и подвижности нашихъ представленій и желаній, сопутствующихъ чувствамъ, скрываются въ свойствахъ самаго чувства:

чѣмъ болѣе человѣкъ дорожитъ тѣмъ или другимъ предметомъ, чѣмъ глубже его привязанность къ этому предмету, тѣмъ неизбѣжнѣе закрадывается въ душу его тревога, безпокойство о судьбѣ этого предмета; возбуждаемое въ насъ предметомъ удовольствіе, чтобы доставлять намъ прочное, а не временное только наслажденіе, требуетъ, какъ необходимаго для того условія, увѣренности, что и предметъ и его отношеніе къ намъ останутся тѣми же и на будущее время. Дайте этой тревогѣ и безпокойству души выразиться въ опредѣленныхъ представленіяхъ и образахъ, отымите эту увѣренность, и за минуту предъ тѣмъ улыбавшееся и свѣтившееся радостью лицо омрачится печалью или инымъ какимъ чувствомъ. Въ какой степени восторгъ барона при видѣ „блещущихъ грудъ“ золота, сила и напряженность этого чувства тѣсно связаны съ міромъ его представленій и желаній, объ этомъ свидѣтельствуетъ самое содержаніе рѣчи барона, заключающей выраженіе этихъ представленій и желаній. Но вотъ рядомъ съ мыслями о „счастіи“, „чести“, „славѣ“, атрибутами „державы“, „послушной“ и „сильной“, рядомъ съ этой свѣтлой картиной царства, въ душу барона проскальзываетъ мысль о преемникѣ власти, останавливаетъ на себѣ его вниманіе, формулируется въ очень тревожный вопросъ: кто же онъ, этотъ наслѣдникъ власти? По праву наслѣдства, конечно — сынъ...

Отношенія отца къ сыну намъ уже извѣстны изъ содержанія предыдущей сцены; въ данномъ же случаѣ сынъ является въ глазахъ отца злѣйшимъ врагомъ: чувства гнѣва и ненависти яркимъ пламенемъ вспыхиваютъ въ душѣ барона, а потому и неудивительно, что баронъ характеризуетъ Альбера такими качествами и свойствами, которыя представляютъ личность молодого рыцаря въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ,—неудивительно это и потому еще, что баронъ въ настоящую именно минуту смотритъ на своего сына сквозь увеличительное стекло чувство страха, мгновенно охватившее душу барона при мысли о судьбѣ своего царства. И въ самомъ дѣлѣ, въ испуганномъ воображеніи барона возникаетъ страшная потрясающая картина: едва смежились вѣчнымъ сномъ очи барона, какъ вокругъ неостывшаго еще трупа его уже начинается чуть не оргія; „ключи“ отъ „вѣрныхъ сундуковъ“ „украдены“ „у трупа“, и „безумецъ“, „расточитель молодой“, сопровождаемый толпой „развратниковъ разгульныхъ“, ласкателей, „жадныхъ“ до чужихъ денегъ, сходитъ въ „тайный“ подвалъ: „мирные, нѣмые своды“ его оглашаются неистовымъ хохотомъ ворвавшейся толпы хищниковъ; святотатственная рука разбиваетъ „священные сосуды“, и „атласные дырявые карманы наполняются расхищаемыми „сокровищами“: „елей царскій“ осквернится житейскою „грязью“, нарушится божественный „сонъ“ золота, полный „силы и покоя“ и снова, обреченное служить „страстямъ и нуждамъ человѣка“, начнетъ оно свою скитальческую жизнь, „рыская по свѣту!“ Чѣмъ рельефнѣе вырисовывались въ воображеніи барона эти столь страшныя для него представленія и образы, тѣмъ неотразимѣе и сокрушительнѣе долженъ былъ дѣйствовать на дальнѣйшее развитіе душевнаго настрое-

нія барона рѣзкій контрастъ между прежними и новыми представленіями: свидѣтельствомъ такого настроенія барона служитъ постепенное возрастаніе въ немъ чувства, страха до высшей степени его — ужаса.

Порывъ — преодолѣть опасность, сказавшійся сначала въ душѣ барона чувствомъ гнѣва, довершился сознаніемъ неизбѣжности опасности и ея безпредѣльности. Подъ страшнымъ гнетомъ этого сознанія быстро мѣняется и душевное настроеніе барона; вслушиваясь въ дальнѣйшую рѣчь его, невольно приходится задуматься и спросить:

Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

Передъ нами уже не величавая фигура исполина-деспота, мечтающаго править міромъ, съ „демоническою“ властью все и всѣхъ подчиняя своей волѣ, — сокрушающаго на пути удовлетворенія своей страсти всѣ преграды и препятствія, въ чемъ бы они ни заключались: во внѣшнихъ ли условіяхъ жизни, или во внутреннихъ протестахъ голоса совѣсти; смолкали величественные аккорды торжественнаго гимна, оглашавшіе своды храма въ честь и прославленіе золотого тельца и погружавшіе душу молящагося фанатика въ міръ роскошныхъ галлюцинацій и видѣній, въ состояніе благоговѣйнаго созерцанія боготворимаго имъ предмета и въ чувство безграничнаго восторга предъ нимъ. Передъ нами дряхлый, безпомощный старикъ, силящійся оспорить у своего сына право на наслѣдство; въ рѣчи его слышатся рыдающія ноты мольбы о пощадѣ; фигура барона, нѣкогда внушавшая къ себѣ ужасъ, — при мысли о томъ, какое страшное вліяніе можетъ имѣть на направленіе и характеръ душевной жизни и практической дѣятельности человѣка страсть-скупость, теперь способна возбудить въ зрителѣ чувства жалости и состраданія, при мысли о той душевной пыткѣ, какую испытываетъ въ настоящую минуту баронъ, порываясь охранить святыню своей души отъ святотатства и поруганія, при мысли о томъ пути, какой пройденъ имъ на службѣ интерессамъ страсти... То былъ суровый и тернистый путь лишеній и страданій; „горькія воздержанія“, доходившія до отказа въ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ потребностей жизни; „обузданіе страстей“, заманчивыми картинами, одна другой роскошнѣе и разнообразнѣе, влекшихъ на пиръ и свободу рыцарской жизни; „дневныя заботы“, „безсонныя ночи“, посвященныя „тяжелымъ думамъ“ о средствахъ пріобрѣтенія золота, о способахъ его приращенія — вотъ верстовые столбы этого суроваго пути лишеній; а рядомъ съ нимъ — „докучливый собесѣдникъ“: длинной вереницей стоятъ въ воображеніи барона „высылаемые могилами мертвецы“, жертвы его алчности; въ ушахъ барона раздаются вопли „мученій и проклятій“ несчастныхъ страдальцевъ, доведенныхъ имъ до горя и нищеты, до злодѣяній и погибели, — и отдаются въ сердцѣ его тою рѣжущею болью, отъ которой нѣтъ никакихъ средствъ облегчить себя, — вотъ панорама видовъ и запасъ впечатлѣній барона на тернистомъ пути страданій... И это-то богатство, купленное

столь дорогою цѣною тяжелыхъ лишеній и страшныхъ душевныхъ мукъ, „пріобрѣтенное кровью“, „выстраданное“, должно стать достояніемъ сына. Между тѣмъ, между наслѣдникомъ барона и этимъ богатствомъ не существуетъ такой „кровной“ связи: право сына на богатство — право иного рода. Такимъ образомъ, усиліе барона оспорить это право приводитъ его только къ сознанію, что отношеніе сына наслѣдника къ этому богатству не можетъ быть такимъ, какимъ было его собственное отношеніе къ нему, а, слѣдовательно, и страшная, потрясающая душу картина, возникшая въ испуганномъ воображеніи барона, — при мысли о судьбѣ его золота, является неотразимой катастрофой... Неудивительно, что въ связи съ данными представленіями и чувство страха должно было возрасти въ душѣ барона до высшей степени: ужасъ и отчаяніе овладѣваютъ душой его, служа выраженіемъ полной безнадежности.

„Ужасъ въ крайней степени не можетъ оставаться долго въ душѣ: онъ или убиваетъ человѣка внезапно, или доводитъ его до помѣшательства, или повергаетъ въ безпамятство“. Эти характеристическіе признаки даннаго душевнаго состоянія ясно обнаруживаются въ заключительныхъ словахъ рѣчи барона: вопль ужаса и отчаянія вырываются изъ груди его; его дикое, безумное желаніе:

О, если бъ изъ могилы
Прійти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!

обнаруживаетъ предъ нами всю силу и глубину этого ужаса и отчаянія.

Въ свойствахъ такого душевнаго состоянія лежитъ и основаніе, почему поэтъ оканчиваетъ настоящую сцену изображеніемъ этого состоянія барона: „достигнувъ послѣдней степени ужаса, когда уже человѣкъ не сомнѣвается ни въ своемъ полномъ безсиліи ни во всемогуществѣ опасности, предѣловъ которой не видитъ, страхъ останавливаетъ психическую жизнь“.

Такимъ образомъ, вторая сцена настоящей драмы раскрываетъ предъ нами со всею полнотою и глубиною анализа и законченностью изложенія въ высшей степени сложную и разнообразную психическую жизнь скупого рыцаря; нити этой душевной жизни барона настолько тѣсно сплелись съ предметомъ его страсти, составляющимъ средоточіе всей его жизни и дѣятельности, что предстоящее столкновеніе между сыномъ и отцомъ непремѣнно должно получить роковое значеніе для одного изъ нихъ, завершиться неминуемой катастрофой.

Запольскій.

Комическій и трагическій элементы въ „Скупомъ рыцарѣ“.

Нечего говорить объ идеѣ поэмы „Скупой рыцарь“: она слишкомъ ясна и сама по себѣ и по знанію поэмы. Страсть скупости — идея не новая, но геній умѣетъ и старое сдѣлать новымъ. Идеалъ

скупца одинъ, но типы его безконечно различны. Плюшкинъ Гоголя гадокъ, отвратителенъ — это — лицо комическое; баронъ Пушкина ужасенъ — это лицо трагическое. Оба они страшно истинны. Это не то, что скупой Мольера — реторическое олицетвореніе скупости, карикатура, памфлетъ. Нѣтъ, это лица страшно истинныя, заставляющія содрогаться за человѣческую природу. Оба они пожираемы одною гнусною страстью, все-таки нисколько одинъ на другого не похожи, потому что и тотъ и другой — не аллегорическое олицетвореніе выражаемой ими идеи, но живыя лица, въ которыхъ общій порокъ выразился индивидуально, лично. Мы сказали, что скупой Пушкина — лицо трагическое. Альберъ говоритъ жиду: когда мнѣ будетъ пятьдесятъ лѣтъ, на что̀ мнѣ тогда и деньги?

Жидъ.

Деньги? — Деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ.
И не жалѣя шлетъ туда, сюда,
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
И бережетъ ихъ, какъ зѣницу ока.

Альберъ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служитъ,
И какъ же служитъ? какъ алжирскій рабъ,
Какъ песъ цѣпной. *Въ нетопленной конурѣ*
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ.

Въ этомъ портретѣ мы видимъ лицо чисто комическое; но сойдемъ въ подвалъ, гдѣ этотъ скряга любуется своимъ золотомъ, и пусть поэтъ багровымъ заревомъ своего поэтическаго факела освѣтитъ намъ мрачныя бездны сердца своего героя: мы содрогнемся отъ трагическаго величія гнусной страсти скупости; мы увидимъ, что она естественна, что у ней есть логика. Любуясь своимъ золотомъ, старый баронъ восклицаетъ:

Что не подвластно мнѣ?... Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И *вольный* геній мнѣ *поработится,*
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свистну — и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство.
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же — ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья...

Ужасно, потому что истинно! Да, въ словахъ этого отверженца человѣчества, къ несчастію все истинно, кромѣ того, что не въ его волѣ пожелать многое изъ того, что могъ бы онъ выполнить. Въ этомъ и заключается наказаніе за порокъ скупости. Скупецъ раскрываетъ всѣ свои сундуки и зажигаетъ (ужасное мотовство!) по свѣчѣ передъ каждымъ изъ нихъ. Это его сладострастіе, его оргія! При видѣ освѣщенныхъ грудъ золота, онъ приходитъ въ сатанинскій восторгъ, и въ патетической рѣчи обнажаетъ передъ нами страшныя тайны страшнѣйшей изъ человѣческихъ страстей. Золото — кумиръ этого человѣка, онъ исполненъ къ нему поэтическаго чувства, говоритъ о немъ языкомъ благоговѣнія, служитъ ему, какъ преданный, усердный жрецъ! Расточить его наслѣдство, по его мнѣнію, значитъ разбить священные сосуды, напоить грязь царскимъ елеемъ... Онъ смотритъ еще на золото, какъ молодой, пылкій человѣкъ на женщину, которую онъ страстно любитъ, обладаніе которою онъ купилъ цѣною страшнаго преступленія и которая тѣмъ дороже ему. Онъ хотѣлъ бы спрятать ее отъ „недостойныхъ взоровъ“, его ужасаетъ мысль, чтобы она не принадлежала кому-нибудь послѣ его смерти.

По выдержанности характеровъ (скряги, его сына, герцога, жида), по мастерскому расположенію, по страшной силѣ паѳоса, по удивительнымъ стихамъ, по полнотѣ и оконченности, — словомъ, по всему, эта драма — огромное, великое произведеніе, вполнѣ достойное генія самого Шекспира. *Бѣлинскій.*

Отношеніе Пушкина къ античному міру.

Гомеръ.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Еще въ родительскомъ домѣ, до поступленія своего въ Лицей, Пушкинъ прочелъ въ переводѣ Битобе обѣ поэмы Гомера. Въ Лицеѣ подъ руководствомъ Кошанскаго онъ изучалъ греческаго поэта по переводу Кострова. Въ посланіи „Городокъ“ поэтъ сообщаетъ намъ, что въ его библіотекѣ

На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.

Между Пушкинымъ и Гомеромъ есть много родственнаго: Пушкинъ ясенъ и простъ, какъ Гомеръ, и оба художника смотрятъ на міръ одинаково дѣтскими очами. Въ своемъ романѣ „Евгеній Онѣгинъ“, герой котораго бранилъ Гомера, поэтъ такими шутливыми словами характеризуетъ великаго эпика —

... замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

Пушкинъ даже выставляетъ себя соперникомъ Гомера въ описаніи пировъ:

Въ пирахъ готовъ я непослушно
Съ твоимъ бороться божествомъ.

Хотя въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

Я не Гомеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды греческихъ дружинъ
И звонъ и пѣну чашъ глубокихъ.

Однако Пушкинъ уступаетъ Гомеру пальму первенства въ изображеніи героевъ:

Но, признаюсь великодушно,
Ты (т.-е. Гомеръ) побѣдилъ меня въ другомъ:
Твои свирѣпые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевесъ
Большой имѣютъ перевѣсъ,
Передъ Онѣгинымъ холоднымъ.

Пушкину, повидимому, не особенно нравилась Елена, причинившая троянскую войну —

Но Таня (присягну) милѣй
Елены пакостной твоей, —
Никто и спорить тутъ не станетъ,
Хоть за Елену Менелай
Сто лѣтъ еще не перестанетъ
Казнить фригійскій бѣдный край,
Хоть вкругъ почтеннаго Пріама
Собранье стариковъ Пергама,
Ее завидя, вновь рѣшитъ:
Правъ Менелай и правъ Паридъ.

Гомера Пушкинъ ставилъ неизмѣримо выше Пиндара потому именно, что восторгъ, создающій оды, непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство, каковыми являются эпопеи Гомера (ср. V, 17), у котораго важная и вѣрная гармонія (V, 98).

Совершенно случайное знакомство Пушкина съ Гнѣдичемъ,

который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,

побудило поэта съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за выходомъ въ свѣтъ всѣми ожидаемаго перевода Иліады. Пушкинъ познакомился съ Гнѣдичемъ въ засѣданіяхъ общества такъ называемой „Зеленой лампы“, гдѣ въ одномъ изъ первыхъ свиданій съ Гнѣдичемъ, на вопросъ послѣдняго, какъ нравится ему переводъ „Иліады“, начатый первоначально александрійскими стихами, Пушкинъ, какъ передаютъ, отвѣчалъ неодобрительнымъ экспромтомъ, замѣтивъ въ названномъ переводѣ жесткость и шероховатость стиха. Живя въ Кишиневѣ, „бессарабскій пустынникъ“ (VII, 69) писалъ Гнѣдичу (12 мая 1822 г.): „Что дѣлаетъ Гомеръ? Давно не читалъ я ничего прекраснаго“... Такимъ образомъ ожидаемый переводъ Гомера и настоящее наслажденіе этимъ прекраснымъ памятникомъ древнихъ эллиновъ, о которомъ поэту не мало сообщилъ въ Лицеѣ его наставникъ — Кошанскій, въ понятіи

Пушкина были нераздѣльны. Въ другомъ письмѣ (VII, 75) отъ 23 февраля 1825 года поэтъ писалъ Гнѣдичу изъ Михайловскаго: „Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи (ср. VII, 172 и 284) вашего Гомера. Это будетъ первый, классическій, европейскій подвигъ въ нашемъ отечествѣ... Но, отдохнувъ послѣ Иліады, что предпримите вы въ полномъ цвѣтѣ генія, возмужавъ въ храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра?“ Въ томъ же году (21 марта 1825 г.) Пушкинъ писалъ А. А. Бестужеву: „Гнѣдичъ въ тишинѣ своего эпикурейскаго кабинета совершаетъ свой подвигъ: посмотримъ, когда появится его Гомеръ“ (VII, 172). Черезъ пять лѣтъ послѣ написанія приведенныхъ строкъ наступило „совершеніе Гомера“, и по этому случаю Пушкинъ писалъ (6 января 1830 г.,“ VII, 76): „Незнаніе греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Иліады вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи“. Восторгъ, съ какимъ встрѣчена Иліада, былъ неописанный; выражаясь словами Гоголя (объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ, III, 360) передъ глазами Пушкина предсталъ во всемъ величіи старецъ Гомеръ, и слышались тѣ величавыя, вѣчныя рѣчи, которыя не принадлежатъ устамъ какого-нибудь человѣка, но которыхъ удѣлъ вѣчно раздаваться въ мірѣ...

Пушкинъ привѣтствовалъ выходъ Иліады (1830 г.) извѣстнымъ двустишіемъ:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Въ стихотвореніи къ Н. (императору Николаю Павловичу), какъ это значится въ одномъ письмѣ Гоголя къ Жуковскому (стихотвореніе написано по случаю поздняго выхода императора на балъ въ Аничковскомъ дворцѣ, послѣ чтенія Иліады въ своемъ кабинетѣ) читаемъ:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ вышелъ ты съ таинственныхъ вершинъ...

У Пушкина имѣемъ замѣтку (1830 г.) „О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича“; на эту замѣтку, вызвавшую неумѣстную выходку со стороны критики, выходку, изобличающую въ авторѣ послѣдней мало художественнаго вкуса и недостаточное знакомство съ литературнымъ памятникомъ, Пушкинъ вынужденъ былъ дать „Объясненіе въ замѣткѣ объ Иліадѣ“ (V, 95 сл.). Въ этомъ объясненіи признается несомнѣнная важность перевода Иліады, при чёмъ значеніе этого великаго труда не можетъ подорвать никакая интрига. Самая замѣтка такова: „Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Иліады!... когда люди пренебрегаютъ образцами величавой древности, съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совер-

шенію единаго, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы со временемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность“ (V, 76). И Гомера Пушкинъ дѣйствительно изучалъ (ср. VII, 88, 92 и др.), но отчета о переводѣ Гнѣдича онъ не далъ по причинамъ, вполнѣ понятнымъ: Пушкинъ не зналъ греческаго языка, какъ и самъ онъ не разъ признается въ этомъ, не зналъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы правильнѣе могъ оцѣнить трудъ переводчика, и цѣнилъ его, какъ художникъ, чутьемъ понимавшій духъ оригинала. Гомера Пушкинъ читалъ съ удовольствіемъ и любилъ приводить изъ него стихи; такъ, вспоминая въ своемъ путешествіи въ Арзерумъ пированія Иліады (ср. VII, 4), поэтъ приводитъ стихъ Гомера (ср. Il. III, 146 sq.)

... и въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу.

Очевидно, Пушкинъ былъ глубоко убѣжденъ, что „Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, несмотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ созидали изящное и для всѣхъ вѣковъ (ср. V, 364), и что „блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекспиръ, Тассо и многіе другіе читаны будутъ, доколѣ не истребится родъ человѣческій“ (V, 215).

Анакреонъ.

Подайте гроздъ Анакреона:
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона.

Имя Анакреона весьма часто встрѣчается въ раннихъ произведеніяхъ Пушкина, которыя, въ большинствѣ случаевъ, являются подражаніемъ любовной и вакхической лирикѣ. „Это собраніе его мелкихъ стихотвореній“, пишетъ Гоголь (II, 108), „рядъ самыхъ ослѣпительныхъ картинъ. Это тотъ самый міръ, который такъ дышитъ чертами, знакомыми однимъ древнимъ, въ которомъ природа выражается такъ же живо, какъ въ струѣ какой-нибудь серебряной рѣки, въ которомъ быстро и ярко мелькаютъ ослѣпительныя плечи или бѣлыя руки; или алебастровая шея, обсыпанная ночью темныхъ кудрей, или прозрачная гроздь винограда, и мирты, и древесная сѣнь, созданная для жизни. Тутъ все: и наслажденіе, и простота, и мгновенная высокость мысли, вдругъ объемлющая священнымъ холодомъ вдохновенія читателя“.

Анакреонъ былъ учителемъ Пушкина, въ этомъ признается самъ поэтъ; онъ пишетъ въ своемъ „Завѣщаніи“ (1814—I, 101):

Когда востокъ озолотится
Во тьмѣ денницей молодой,
И бѣлый тополь озарится,
Покрытый утренней росой —
Подайте гроздъ Анакреона;
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона.

Мысль стихотворенія „Гробъ Анекреона“ (I, 104 сл.), написаннаго въ подражаніи Парни, заимствована изъ 1-й оды Анакреона.

Въ стихотвореніи „Фіалъ Анакреона“ (I, 130,—1816 г.) поэтъ разсказываетъ, какъ онъ ходилъ на поклоненіе въ дальній Пафосъ и тамъ, въ уборной Венеры, видѣлъ фіалъ „тіискаго пѣвца“ Анекреона, наполненный свѣтлой влагой и убранный вѣнкомъ изъ розъ, плюща и миртъ; этотъ вѣнокъ плела сама царица наслажденій. На краю чаши сидѣлъ Амуръ, грустно смотрѣвшій на пѣнистую влагу; поэтъ спросилъ проказника Купидона, что онъ такъ присмирѣлъ. Тогда коварный богъ отвѣтилъ, что, рѣзвясь, онъ бросилъ въ это море свой колчанъ, лукъ и стрѣлы, и такъ какъ не умѣетъ самъ плавать, то просилъ бы его достать ихъ, но поэтъ отъ этого отказался, сказавъ:

Спасибо, что упали,
Пускай тамъ остаются:
Тѣмъ лучше для меня!

Въ разговорѣ поэта съ книгопродавцемъ (1824 г.) читаемъ:

Сердце женщинъ славы проситъ,
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріятна лесть Анакреона.

Между анакреонтическими стихотвореніями Пушкина слѣдуетъ различать его подражанія Анакреону отъ собственныхъ переводовъ. Изъ первыхъ извѣстна передѣлка — подражаніе 58-й одѣ Анакреона, писанное поэтомъ во время его пребыванія въ Малинникахъ, вдали отъ суетнаго свѣта, среди роскошной сельской природы. Вотъ это подражаніе —

Кобылица молодая,
Честь кавказскаго тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебѣ пришла пора!
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди, тебя заставлю
Я смириться предо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю
Укороченной уздой.

Нижеслѣдующее стихотвореніе (III, 395), равно какъ и дальнѣйшія за нимъ (III, 395 сл.) были написаны поэтомъ для одного изъ подготовительныхъ очерковъ къ „Египетскимъ ночамъ“.

55-ю оду Анакреона Пушкинъ перевелъ съ пропусками въ 1835 году; точной даты этого перевода-подражанія мы не имѣемъ.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвый;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно.
Нѣтъ! За чашей я пою
Иль бесѣдую невинно.

Послѣдніе четыре стиха приведенной оды, быть-можетъ, дали поэтому сюжетъ для слѣдующаго стихотворенія, написаннаго въ томъ же 1835 году:

Юноша! скромно пируй и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

Судя по отмѣткамъ написанія Пушкинымъ нѣкоторыхъ переводовъ изъ Анакреона, можно видѣть, что поэтомъ временами овладѣвало анакреонтическое настроеніе; такъ въ „анакреонтическій" день 6 января 1834 года имъ были переведены, или, правильнѣе, довольно близко переложены изъ Анакреона оды 53-я и 54-я:

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ парѳянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ;
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сіяетъ пламень томный —
Наслажденій знакъ нескромный.

———

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри, честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ не много
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей,
Страшенъ хладъ подземна свода;
Входъ въ него для всѣхъ открытъ.
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ навѣки тамъ забытъ.

Въ анакреонтическомъ духѣ и слѣдующее стихотвореніе, быть-можетъ, передѣланное изъ 41-й оды Анакреона:

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая
Краснощекому здоровью;
Третья дружбѣ многолѣтней.
Мудрый, послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

Въ томъ же родѣ и нижеприведенныя строки изъ посланія Н. И. Кривцову:

Каждый у своей гробницы
Мы присядемъ на порогъ,
У пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни;
Круговой нальемъ сосудъ,
И толпою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ.

Изъ римскихъ писателей поэта болѣе всего интересовали Овидій и Горацій, а также Тацитъ.

Овидій.

Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ.

Вспомните преданія миѳологическія, превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазифаю... и признайтесь, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи (или, справедливѣе, ей принадлежатъ).

Въ концѣ посланія къ Батюшкову (1814 г.) „юному мечтателю и наперснику милыхъ аонидъ", прекратившему свои занятія на златострунной арфѣ или, какъ выражается поэтъ, разставшемуся съ Фебомъ, дается такой совѣтъ:

Доколѣ, музами любимый,
Ты, Піэридъ, горишь огнемъ
. . . .
Мірскія: забывай печали,
Играй: тебя младой Назонъ
Эротъ и граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ.

Въ стихотвореніи „Сонъ“ (1816 г.), полномъ неподдѣльной грусти, поэтъ пишетъ:

Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.
Пускай любовь Овидія поютъ,
Мнѣ не даетъ покоя Цитерея;
Счастливыхъ дней амуры мнѣ не вьютъ...

Въ своемъ „Желаніи“ (1821 г.) поэтъ уже открыто признается, что ему, „изгнаннику неизвѣстному“, стала близка участь римскаго поэта:

Въ моихъ рукахъ Овидіева лира
Счастливая пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки...

Въ томъ же году Пушкинъ писалъ Чаадаеву изъ Кишинева:

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ. (I, 340.)
. . . .
Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою.
И жизнь перенесу стоической душою. (I, 340.)

И вотъ вскорѣ (въ декабрѣ 1821 г.), посѣтивъ г. Овидіополь Херсонской губ. и прочтя въ Аккерманѣ Овидія, вдохновленный поэтъ пишетъ своему пустынному сосѣду и другу цѣлое посланіе (Къ Овидію), которое было плодомъ изученія поэтомъ произведеній Овидія.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ.
Твой безотрадный плачъ мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеньи
Пустыню мрачную, поэта заточенье.
. . . .
Какъ часто увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.

Въ 1822 году Пушкинъ пишетъ Баратынскому изъ Бессарабіи:

Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Апполона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутого...

Разсказъ дикаго цыгана о жизни изгнанника Овидія на Дунайскихъ берегахъ есть дивное откровеніе поэзіи младенческихъ народовъ.

Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье.
. . . .
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.

Святой старикъ, всеобщій любимецъ, плѣнявшій своими разсказами людей, никакъ не могъ привыкнуть къ заботамъ нищенской жизни; изсохшій и блѣдный онъ ждалъ избавленія, въ тоскѣ вспоминая на чужбинѣ свой „дальній градъ“.

Продолжая свое посланіе къ Овидію, Пушкинъ говоритъ:

Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали.
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ,
Дни старости твоей въ забвеніи потонутъ.

И вотъ Пушкинъ посѣтилъ страну, гдѣ Овидій нѣкогда грустно влачилъ свой вѣкъ.

Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ.
. . . предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Въ посланіи къ Языкову (1824 г.) поэтъ клянется Овидіевой тѣнью въ томъ, что

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ.

Характеризуя своего героя въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ“ Пушкинъ пишетъ (1822—1823 г.):

Но въ чемъ онъ истинный былъ геній
. . . .
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь —
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежный,
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей.

Когда Пушкинъ писалъ въ 1822 году Гнѣдичу изъ Кишинева: „пожалѣйте обо мнѣ: живу между гетовъ и сарматовъ: никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ-нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній“, передъ поэтомъ уже ясно предстала вся жизнь Овидія во всей ея горькой правдѣ — она во многомъ напоминала Пушкину его собственную жизнь, его изгнаніе —

Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ,

смиренно восклицалъ бессарабскій изгнанникъ. И вотъ, пребывая

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный,
Овидій мрачны дни влачилъ,
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ.

Пушкинъ забылъ вѣчный туманъ сѣвера, о чемъ и пишетъ тому же Гнѣдичу (1821 г.).

Въ отчизнѣ варваромъ безвѣстенъ и одинъ.

Овидій не слышалъ вокругъ себя звуковъ своей родной земли, въ тяжкой горести онъ писалъ друзьямъ:

О возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами отклоните.
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ —
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной...
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости...

Но избавленія не было — и изъ устъ Алеко невольно вырвались слова горькой досады на неблагодарный градъ:

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?

О мѣстѣ и обстоятельствахъ, послужившихъ причиною ссылки Овидія, Пушкинъ въ примѣчаніи къ вышеприведенному мѣсту изъ „Евгенія Онѣгина“ дѣлаетъ филологическое разысканіе, изъ котораго видно, что мѣстомъ ссылки поэта былъ городъ Томы при устьѣ Дуная, а не Аккерманъ; неправильно (по мнѣнію Пушкина) считаетъ Вольтеръ виною ссылки благосклонность Юліи, дочери Августа; равнымъ образомъ и предположенія другихъ ученыхъ не что иное, какъ догадки; тайна поэта умерла вмѣстѣ съ нимъ —

Alterius facti culpa silenda mihi.

Изъ всѣхъ „до изысканности щеголеватыхъ“ стиховъ Овидія Пушкинъ особенно высоко ставитъ „Tristia“; относительно ихъ именно онъ писалъ:

Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
Сіи элегіи — послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Въ другомъ мѣстѣ, разбирая (1837 г.) Ѳракійскія элегіи Теплякова, поэтъ по поводу признанія Гросета, что „онъ перестаетъ ува-

жать Овидія, когда этотъ скучный плакса начинаетъ слабыми тонами свои безконечныя завыванія" —

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Mechanter, pleurer insipide
De longues lamentations —

пишетъ: „Книга Tristium не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидія (кромѣ „Превращеній"). Героиды, элегіи любовныя, и самая поэма „Ars amandi", мнимая причина его изгнанія, уступаютъ элегіямъ понтійскимъ. Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! сколько живости въ подробностяхъ! и какая грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы!"

Стихами изъ „Tristia" начинаетъ Пушкинъ и одно изъ своихъ писемъ къ Гнѣдичу (1882 г.). Вотъ начало письма:

Parve, nec invedeo, sine me, liber, ibis in urbem,
Ei mihi, quod domino non licet ire tuo!

Не изъ притворной скромности прибавлю:

Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse!...
(Trist. I, 1, 1—3)".

Въ дальнѣйшемъ своемъ разборѣ стихотвореній Теплякова Пушкинъ уличаетъ автора Ѳракійскихъ элегій въ томъ, что его пѣснь, вложенная въ уста Назоновой тѣни, не согласуется съ характеромъ Овидія, такъ искренно обнаруженнымъ въ его плачѣ. При набѣгахъ гетовъ и бессовъ поэтъ далеко не

Радостно на смертный мчался бой.

„Овидій", пишетъ Пушкинъ, „добродушно признаетъ, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ, и трепетной рукою хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (см. Trist. lib. IV, el. I)".

Относительно этого именно поэтъ пишетъ въ стихотвореніи „Къ Овидію":

Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
Ты съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить на шлемъ тяжелый,
И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой —

все это нужно на случай внезапнаго набѣга свирѣпыхъ сыновъ хладной Скиѳіи.

Овидіевы „Tristium libri", повидимому, были настольной книгой Пушкина, когда онъ влачилъ тяжелую жизнь изгнанника. „Печалями" римскаго поэта были навѣяны: элегія „Къ Овидію", разсказъ стараго

цыгана и рядъ стиховъ въ посланіяхъ Чаадаеву и Баратынскому; скажемъ болѣе: мѣста Овидіевой ссылки, его печальныя пѣсни и его тѣнь, сопутствовавшая изгнаннику, содѣйствовали какъ будто невѣроятной метемпсихозѣ: въ тяжелыя минуты одиночества въ тѣлѣ Пушкина жила душа Овидія. *Черняевъ.*

Отношенія Пушкина къ иностранной словесности.

Ранній періодъ поэтической дѣятельности Пушкина, заканчивающійся его ссылкой на югъ Россіи, характеризуется преобладаніемъ французскаго вліянія какъ въ его поэзіи, такъ и въ его нравственныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ. Подобно большинству своихъ современниковъ, Пушкинъ былъ воспитанъ на произведеніяхъ французской литературы XVII — XVIII вв. и изъ переводовъ классиковъ на французскій языкъ. Еще до отъѣзда своего въ Лицей Пушкинъ прочелъ Плутарха и Гомера во французскихъ переводахъ и цѣлую массу романовъ, поэмъ, путешествій и т. п. Первые поэтическіе опыты ребенка-поэта были написаны на французскомъ языкѣ: въ нихъ онъ подражалъ Мольеру (импровизованная комедія Escamoteur) и Вольтеру (шуточная поэма Toliade, написанная въ подражаніе Вольтеровой Генріадѣ); извѣстно также, что, за превосходное знаніе французскаго языка, Пушкина въ Лицеѣ прозвали французомъ. Лицей могъ только поддержать и развить въ Пушкинѣ любовь къ французской литературѣ. Что бы ни говорили о невысокомъ уровнѣ научныхъ занятій и слабости дисциплины въ Лицеѣ, несомнѣнно, что литературный интересъ былъ возбужденъ тамъ въ весьма сильной степени. Воспитанники Лицея составляли между собою литературные кружки, издавали нѣсколько рукописныхъ журналовъ и пополняли недостатки своего образованія чтеніемъ классическихъ писателей, преимущественно, французскихъ, пріобщавшихъ ихъ юные умы къ великому умственному движенію XVIII в. Воспитанный въ безусловномъ благоговѣніи къ корифеямъ французской литературы, Пушкинъ еще не дерзалъ относиться къ нимъ критически. Поэтическимъ кумиромъ его былъ въ это время литературный диктаторъ XVIII в., Вольтеръ, котораго Пушкинъ считалъ величайшимъ изъ поэтовъ. Одно изъ раннихъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина „Городокъ", весьма важное въ автобіографическомъ отношеніи даетъ намъ прекрасное понятіе о степени начитанности Пушкина и о его литературныхъ вкусахъ. Здѣсь 15-лѣтній Пушкинъ описываетъ другу, какъ онъ проводитъ время въ Лицеѣ, чѣмъ занимается, и при этомъ перечисляетъ всѣхъ своихъ любимыхъ авторовъ:

Укрывшись въ кабинетѣ,
Одинъ я не скучаю
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ — мертвецы,
Парнасскіе жрецы.
Надъ полкою простою
Подъ тонкою тафтою
Со мной они живутъ.
Пѣвцы краснорѣчивы,

Прозаики шутливы
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ
И съ дѣтства сталъ піитъ,
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ.
Соперникъ Эврипида,
Эрота нѣжный другъ,
Арьоста, Тасса внукъ —
Скажу ль? отецъ Кандида!
Онъ все: вездѣ великъ,
Единственный старикъ!

Упомянувъ затѣмъ о Гомерѣ, Виргиліи, Гораціи, Торквато Тассо, „добромъ и простосердечномъ" мудрецѣ Лафонтэнѣ, „исполинѣ" Мольерѣ, Расинѣ, Руссо, о „воспитанныхъ Амуромъ", Парни съ Грекуломъ, объ „Аристархѣ" Лагарпѣ, и изъ русскихъ — о Державинѣ, Дмитріевѣ, Крыловѣ, Княжнинѣ, Озеровѣ, Фонвизинѣ, Богдановичѣ и Карамзинѣ,—Пушкинъ продолжаетъ:

Мой другъ! Весь день я съ ними,
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесенъ.

Пушкинъ забылъ упомянуть еще объ одномъ поэтѣ, оставившемъ слѣдъ въ его лицейскихъ стихотвореніяхъ, именно о Макферсоновомъ Оссіанѣ, котораго онъ читалъ, по всей вѣроятности, въ Летурнеровскомъ переводѣ. Извѣстно то неопредѣлимое очарованіе, которое производилъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія этотъ мечтательный пѣвецъ, вытѣснившій изъ сердца Вертера самого Гомера. Пушкинъ заплатилъ дань общему увлеченію въ нѣсколькихъ своихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ („Кольна", „Осгаръ", „Эвлега"), но тѣмъ все и ограничилось. Свѣтлое, бодрое анакреонтическое міросозерцаніе юнаго поэта не могло ужиться съ мечтательнымъ сумракомъ Оссіановыхъ поэмъ, и Пушкинъ въ скоромъ времени разстался съ шотландскимъ бардомъ, и разстался навсегда. Гораздо сильнѣе было вліяніе французскихъ эротическихъ поэтовъ: Грекура, Парни, а изъ русскихъ — Батюшкова, настроившихъ музу Пушкина на эротическій ладъ и сообщившихъ его стиху античную грацію и пластику. Подъ вліяніемъ передовыхъ мыслителей XVIII вѣка начали формироваться у юноши Пушкина серіозные взгляды на жизнь и ея задачи, какъ это видно изъ перваго посланія къ Чаадаеву (1818 г.), написаннаго вскорѣ послѣ выхода изъ Лицея. Пушкинъ отправился на нѣкоторое время къ себѣ въ Михайловское; за нимъ слѣдовали и его любимые авторы:

Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю
васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ сонъ лѣни угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Вдохновленный ими, онъ пишетъ въ деревнѣ свое знаменитое „Уединеніе", гдѣ съ ювеналовскимъ негодованіемъ клеймитъ крѣпостное право. Въ скоромъ времени къ сонму вдохновителей Пушкина прибавилось еще одно знаменитое имя, имя Андрэ Шенье, съ произведе-

ніями котораго, вышедшими полнымъ собраніемъ въ 1819 году, Пушкинъ впервые познакомилъ русскую публику. Симпатическая личность Шенье, его безстрашный характеръ, его восторженная любовь къ свободѣ, наконецъ, его трагическая судьба — все это влекло къ нему Пушкина съ неотразимой силой. Пушкинъ остался вѣренъ Шенье даже тогда, когда главный кумиръ его юности, Байронъ сталъ утрачивать надъ нимъ свое обаяніе.

Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,
Зоветъ меня другая тѣнь;
Давно безъ пѣсенъ, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могилу сѣнь.

Ссылкой Пушкина на югъ Россіи заключается періодъ исключительно французскаго вліянія, — періодъ, который самъ поэтъ прекрасно охарактеризовалъ въ своемъ „Посланіи къ Дельвигу“:

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.

На югѣ Пушкинъ подпалъ подъ могучее вліяніе новаго литературнаго свѣтила, горѣвшаго тогда полнымъ блескомъ на литературномъ горизонтѣ Европы, — поэта, котораго самъ Пушкинъ назвалъ властителемъ думъ современнаго ему поколѣнія, лорда Байрона. Не одной силой таланта обусловливалось это вліяніе; были другія причины, подготовившія его, и притомъ причины чисто личныя. Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга, пресыщенный грубыми эпикурейскими удовольствіями, которыя не могли наполнить собою его души, — озлобленный противъ власти, полный презрѣнія къ обществу, которое отвернулось отъ него въ годину невзгоды. Душевная пустота томила его; онъ искалъ серіозной и возвышенной цѣли въ жизни — и не находилъ ее. Такое настроеніе было какъ нельзя болѣе благопріятно для воспріятія байронизма. Пушкинъ, настолько овладѣвшій тогда англійскимъ языкомъ, что могъ читать Байрона въ подлинникѣ, бредилъ его произведеніями и старался подражать ему даже въ образѣ жизни. Впрочемъ, вліяніе Байрона на поэзію Пушкина было не такъ сильно, какъ можно ожидать, судя по отзывамъ современниковъ, собственнымъ признаніямъ Пушкина, говорившаго, что онъ въ бытность свою въ Кишиневѣ буквально сходилъ съ ума отъ Байрона, и письмамъ друзей поэта, убѣждавшихъ его не подражать Байрону, а оставаться самимъ собою (Рылѣевъ); во всякомъ случаѣ вліяніе Байрона на Пушкина было несравненно слабѣе вліянія того же поэта на Лермонтова. Лирическія стихотворенія Пушкина, относящіяся къ этой эпохѣ, показываютъ, что байроническое настроеніе по временамъ овладѣвало нашимъ поэтомъ („Я пережилъ мои желанья“, Элегія и т. п.), но не успѣло пустить глубокихъ корней въ его душѣ, попрежнему раскрытой всему живому и поэтическому. Сказанное примѣняется и къ поэмамъ Пушкина. Первые признаки

байронизма мы замѣчаемъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“, гдѣ Пушкинъ задался мыслію создать типъ разочарованнаго героя, который

Жизни молодой
Давно утратилъ сладострастье,

который любитъ природу и презираетъ человѣка; но неизвѣстно, сколько въ этомъ типѣ личнаго, пережитаго и сколько нужно отнести на счетъ Байрона, Ренэ, Шатобріана и другихъ произведеній того же направленія, ибо Пушкинъ прямо заявляетъ, что характеръ „Кавказскаго плѣнника“ навѣянъ на него окружающей жизнью. „Я хотѣлъ“ пишетъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, „изобразить это равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами XIX в.“. Пушкинъ самъ сознавалъ, что характеръ плѣнника вышелъ блѣденъ, самъ смѣялся надъ нимъ, но въ то же время признавался, что не можетъ отдѣлаться отъ симпатіи къ нему, потому что, говорилъ онъ, „въ немъ есть стихи моего сердца“. Гораздо болѣе байроновской тенденціи въ другой поэмѣ Пушкина „Цыгане“. Здѣсь Пушкинъ затрогиваетъ одну изъ самыхъ живыхъ сторонъ байронизма — именно вражду къ пропитанному матеріализмомъ и рабски настроенному современному обществу, хотя герой поэмы, Алеко, презирающій людей за то, что они

Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ и цѣпей, —

самъ выставленъ мелкимъ эгоистомъ и не имѣетъ въ себѣ ничего титаническаго, свойственнаго героямъ Байрона. Въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ“ вліяніе Байрона почти не замѣтно: задуманный первоначально въ подражаніе шуточной поэмѣ Байрона „Беппо“, „Евгеній Онѣгинъ“ развивается совершенно самостоятельно, наполняется чисто русскими бытовыми подробностями, пока не становится, наконецъ, невиданной дотолѣ яркой картиной русскаго помѣщичьяго быта начала нынѣшняго столѣтія.

Низведенный до самыхъ скромныхъ размѣровъ, байронизмъ поэмъ Пушкина оказывается, кромѣ того, явленіемъ своеобразнымъ, во многомъ отступающимъ отъ своего источника. Пушкинъ могъ усвоить себѣ нѣкоторыя черты байроновскаго міросозерцанія, отвѣчавшія въ данный моментъ его личному настроенію; но, во-первыхъ, онѣ не проникли глубоко въ его душу, — во-вторыхъ, подъ вліяніемъ особыхъ условій жизни, онѣ приняли своеобразную окраску. Такъ, напримѣръ, байроновскій индивидуализмъ, эта апоѳеоза личности въ борьбѣ ея съ обществомъ и его устарѣлыми предразсудками превратилась на русской почвѣ въ обожаніе собственной личности и презрѣніе ко всякой чужой; равнымъ образомъ поколѣніе, къ которому принадлежалъ Пушкинъ, не могло понять всей глубины байроновскаго разочарованія и видѣло въ немъ только слѣдствіе жизненнаго пресыщенія. Словомъ, вся философская, пессимическая и политико-соціальная

основа поэзіи Байрона, съ ея пламеннымъ протестомъ противъ наступившей въ Европѣ реакціи, съ ея страстною любовью къ свободѣ и священною ненавистью къ ея угнетателямъ, осталась почти совершенно чужда его русскимъ подражателямъ. Мы можемъ указать только на одно стихотвореніе Пушкина „Возстань, о Греція, возстань", — въ которомъ слышится байроновскій мотивъ сочувствія къ бьющемуся за свободу народу. Несмотря на то, что байронизмъ былъ понятъ у насъ односторонпимъ образомъ, несмотря на условность и тенденціозность самыхъ типовъ, созданныхъ Байрономъ, — все-таки безспорно, что поэзія его вошла обновляющимъ элементомъ на поэзію Пушкина, что она была необходимою ступенью, чрезъ которую долженъ былъ пройти его геній на пути къ правдѣ и художественному совершенству. И именно такимъ образомъ смотрѣлъ самъ Пушкинъ на этотъ переходный моментъ своей поэтической дѣятельности. Въ своемъ разборѣ Ѳракійскихъ элегій Теплякова, Пушкинъ, защищая молодого поэта отъ упрековъ въ рабскомъ подражаніи Байрону, даетъ намъ ключъ къ правильному пониманію своихъ собственныхъ отношеній къ англійскому поэту. „Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудрено", говоритъ онъ, „садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить своей судьбы съ судьбою Чайльдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ — еще не поэтъ и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія? Можно ли за то укорять его? Талантъ неволенъ и его подражаніе не есть безстыдное похищеніе — признакъ умственной скудости, неблагодарная надежда на свои собственныя силы, *надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія*" — вотъ разгадка такъ называемаго байроническаго періода поэтической дѣятельности Пушкина. Вотъ та идея, которая одушевляла Пушкина, когда онъ, пробуя свои силы, создавалъ въ духѣ Байрона характеры своихъ героевъ. И, прибавимъ, надежда не обманула поэта: на почвѣ байронизма зародилась идея „Евгенія Онѣгина", которымъ Пушкинъ открылъ новый міръ правды и народности въ нашей поэзіи.

Стихотвореніемъ своимъ „Къ морю" онъ, по вѣрному замѣчанію г. Анненкова, простился не только съ моремъ, но и съ пѣвцомъ моря — Байрономъ. Въ деревнѣ Пушкинъ всецѣло предался изученію Шекспира, и это изученіе не замедлило отразиться во взглядахъ его на задачи поэзіи вообще и драматическаго творчества въ особенности. Сопоставляя драмы Шекспира съ трагедіями Байрона, Пушкинъ видѣлъ, какъ его недавній кумиръ тускнѣлъ и меркнулъ въ лучахъ шекспировскаго генія. „Я не читалъ ни Кальдерона ни Веги, — пишетъ Пушкинъ къ Раевскому, — но что за человѣкъ Шекспиръ! Я не могу прійти въ себя. Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ, во всю жизнь понявшій только одинъ характеръ — именно свой собственный. И вотъ Байронъ одному изъ своихъ лицъ далъ гордость, другому — ненависть, третьему — меланхолію; такимъ образомъ изъ

одного полнаго мрачнаго и энергичнаго характера вышло у него множество незначительныхъ характеровъ. Развѣ это трагедія? Существуетъ еще одно заблужденіе: задумавъ разъ какой-нибудь характеръ, писатель старается выразить его и въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, наподобіе моряковъ и педантовъ въ старинныхъ романахъ Фильдинга. Все это далеко отъ природы. Отсюда неловкость діалога и бѣдность его. Но разверните Шекспира. Никогда не выдаетъ онъ своего дѣйствующаго лица преждевременно. Оно говоритъ у него со всею беззаботностью жизни, потому что въ данную минуту поэтъ уже знаетъ, какъ заставить его говорить, сообразно характеру, имъ выражаемому".

Подъ вліяніемъ драматическихъ хроникъ Шекспира Пушкинъ задумываетъ историческую трагедію изъ русской жизни. Онъ останавливается на эпохѣ Бориса Годунова и прилежно изучаетъ лѣтописи и Исторію Карамзина. „По примѣру Шекспира,— говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,—я ограничился соображеніемъ эпохъ и лицъ историческихъ, не гоняясь за сценическими эффектами и романическимъ паѳосомъ. Стиль его вышелъ смѣшанный. Онъ пошлъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица". Слѣды пристальнаго изученія Шекспира видны и въ стремленіи къ объективному воспроизведенію эпохи, и въ созданіи цѣльныхъ и живыхъ характеровъ, соединяющихъ въ себѣ типическое съ индивидуальнымъ, и въ психологическомъ мотивированіи дѣйствія, и, наконецъ въ самомъ языкѣ, нерѣдко достигающемъ у Пушкина шекспировскаго лиризма, энергіи и типичности. Еще Бѣлинскій замѣтилъ, что Борисъ Годуновъ построенъ по образцу драматическихъ хроникъ Шекспира, что вся трагедія состоитъ изъ отдѣльныхъ сценъ, изъ которыхъ каждая существуетъ какъ бы независимо отъ цѣлаго. Можно указать также на нѣкоторые отдѣльные мотивы и положенія, которые Пушкинъ нашелъ у Шекспира, но которые онъ разработалъ совершенно самостоятельно. Такъ, одна сцена въ „Генрихѣ IV" Шекспира, когда умирающій король даетъ наставленіе своему сыну, какъ царствовать, вызвала подобную же сцену въ „Борисѣ Годуновѣ"; подобно англійскому узурпатору, и русскій узурпаторъ считаетъ нужнымъ поставить на видъ своему преемнику, что ему царствовать будетъ легче, потому что престолъ переходитъ къ нему не путемъ преступленія, но по праву. „Мнѣ кажется также, что молитва преступнаго и кающагося короля въ III актѣ „Гамлета" осталась не безъ вліянія на знаменитый монологъ Бориса, начинающійся словами: „Достигъ я высшей власти". Можно указать еще на народныя сцены, на введеніе въ драму личности юродиваго, какъ на отдаленные шекспировскіе отголоски, но все это — мелочи. Главная заслуга Пушкина состоитъ въ глубокомъ проникновеніи въ духъ шекспировскаго творчества. Мицкевичъ былъ такъ пораженъ истинно-шекспировскимъ духомъ Бориса Годунова, въ особенности прологомъ, что надѣялся со временемъ привѣтствовать въ Пушкинѣ второго Шекспира и невольно воскликнулъ: „Tu Shakespeare eris si fata sinant".

Подъ вліяніемъ изученія Шекспира Пушкинъ отчасти развилъ, отчасти перестроилъ свою собственную литературную теорію. Въ глубинѣ души Пушкина всегда лежало стремленіе къ правдѣ и естественности; все искусственное выходило у него блѣдно и искусственно. Онъ прежде всѣхъ чувствовалъ фальшь своихъ собственныхъ героевъ, но теперь эти взгляды, укрѣпленные изученіемъ Шекспира, сдѣлались главной основой его литературнаго кодекса. Когда онъ съ высоты шекспировскаго творчества и шекспировскаго реализма взглянулъ на произведенія своихъ прежнихъ кумировъ, то они показались ему дѣланными и холодными: въ Вольтерѣ, который въ ранней юности казался ему первымъ изъ поэтовъ, онъ теперь отрицалъ не только поэтическое вдохновеніе, но даже и поэтическое чутье; самъ „исполинъ“ Мольеръ казался ему далеко не исполиномъ въ сравненіи съ Шекспиромъ. Сопоставленіе ихъ между собой повело Пушкина къ замѣчательнымъ соображеніямъ о сравнительномъ достоинствѣ ихъ драматической манеры, сохранившимся въ его *Запискахъ*. „Лица, созданныя Шекспиромъ“, говоритъ Пушкинъ, „не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры. У Мольера скупой скупъ и только; у Шекспира Шейлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женой своего благодѣтеля — лицемѣря, спрашиваетъ стаканъ воды лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщательной строгостью, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленными сужденіями государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными увлекательными софизмами, а не смѣшною смѣсью набожности и волокитства“. Трудно въ немногихъ словахъ выразить сильнѣе коренное различіе въ драматической манерѣ не только Мольера (по нашему мнѣнію, Мольеръ менѣе грѣшенъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ Корнель и Расинъ) и Шекспира, но англійскихъ и французскихъ драматурговъ вообще. Дѣйствительно, французскіе драматурги XVII вѣка, подобно своему великому соотечественнику Декарту, идутъ, по большей части, отъ абстракта, отъ идеи, сосредоточиваютъ все свое вниманіе на изображеніи одной страсти, чаще всего въ одномъ данномъ положеніи; оттого ихъ герои кажутся воплощеніемъ извѣстной идеи, а не живыми людьми; напротивъ того, англійскіе драматурги, идя по слѣдамъ своего соотечественника, Бэкона, отправляются отъ конкретнаго, отъ разнообразія жизни; общее и типическое они такъ искусно сливаютъ съ частнымъ и индивидуальнымъ, что созданные ими характеры производятъ впечатлѣніе живыхъ людей. Зная отвращеніе Пушкина отъ всего искусственнаго, напряженнаго, манернаго, мы поймемъ, почему онъ проходитъ мимо французскихъ романистовъ — Альфреда де-Виньи, Ламартина, даже Виктора Гюго — и относится восторженно къ Альфреду де-Мюссе, который поразилъ его своею непосредственностью и глубиною чувства.

Обыкновенно принимаютъ, что періодъ шекспировскаго вліянія на Пушкина заканчивается 1832 годомъ, потому что съ этихъ поръ онъ не пробуетъ себя болѣе въ драматическомъ родѣ. Это мнѣніе можетъ быть принято, не иначе, какъ съ большими оговорками. Справедливо, что послѣ „Русалки" Пушкинъ не написалъ ничего драматическаго, но что онъ не переставалъ заниматься Шекспиромъ, это доказывается нѣкоторыми мѣстами его *Записокъ*, гдѣ онъ старается проникнуть въ характеръ Фальстафа проведенной параллелью между Шекспиромъ и Мольеромъ и т. д. и, наконецъ, его поэмой „Анжело", которая есть не иное что, какъ передѣлка Шекспировой „Мѣры за мѣру". Не догадываясь объ источникѣ „Анжело", не подозрѣвая, съ какими трудностями приходилось бороться Пушкину, Бѣлинскій несправедливо призналъ это произведеніе недостойнымъ таланта Пушкина, между тѣмъ какъ оно несомнѣнно обладаетъ многими существенными достоинствами: помимо художественной простоты разсказа и прекраснаго стиха, Пушкинъ былъ сильно заинтересованъ психологической проблемой, заключающейся въ характерѣ Анжело. „Анжело — лицемѣръ, — замѣчаетъ онъ въ *Запискахъ*, — потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ его тайнымъ страстямъ. А какая глубина въ этомъ характерѣ!" Сообразно своей задачѣ, Пушкинъ выбрасываетъ изъ своего переложенія все не идущее прямо къ цѣли и, напротивъ того, пользуется всякимъ выраженіемъ, всякой чертой, проскользнувшей въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ, которая можетъ бросить свѣтъ на загадочный характеръ Анжело. У Шекспира Анжело бросаетъ Маріанну, главнымъ образомъ, потому, что приданое ея погибло во время кораблекрушенія. Пушкинъ справедливо счелъ этотъ мотивъ слишкомъ тривіальнымъ для человѣка съ такой чистой репутаціей, какъ Анжело, и, упомянувъ вскользь объ этомъ обстоятельствѣ, выдвигаетъ другой мотивъ, именно дурные слухи, которые ходили объ его невѣстѣ.

Пускай себѣ молвы неправо обвиненье, —
Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнье
Къ супругѣ кесаря.

Послѣднихъ стиховъ нѣтъ у Шекспира: они прибавлены Пушкинымъ, — и нельзя не сознаться, что мотивъ, выдвинутый Пушкинымъ на первый планъ, какъ нельзя болѣе соответствуетъ характеру Анжело, которому была всего дороже его незапятнанная репутація. Разсматриваемый какъ психологическій этюдъ, „Анжело" окажется весьма замѣчательнымъ произведеніемъ, а мастерской переводъ нѣсколькихъ сценъ показываетъ, что мы лишились въ Пушкинѣ великаго переводчика Шекспира.

Я далеко не исчерпалъ всего богатаго матеріала, представляемаго исторіей отношеній нашего поэта къ богатой литературѣ Запада, но, полагаю, и приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы признать, что поэты и мыслители западной Европы имѣли для нашего поэта громадное воспитательное значеніе. Изучая ихъ, муза Пушкина проникласъ

общественнымъ содержаніемъ, обогатилась множествомъ новыхъ мотивовъ, нашла въ нихъ, наконецъ, недосягаемые образцы художественнаго совершенства. *Стороженко.*

Вліяніе Байрона на европейскія литературы.

Могучая поэзія Байрона наложила свою оригинальную и неизгладимую печать на европейскую литературу первой половины настоящаго столѣтія. Помимо геніальнаго таланта Байрона, были двѣ причины, содѣйствовавшія популярности его поэзіи на континентѣ. Первая заключалась въ космополитическомъ характерѣ этой поэзіи, вторая — въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, среди которыхъ она возникла. Порвавъ связи съ неблагодарной родиной, оказавшейся для него не матерью, но злой мачехой, Байронъ провелъ почти половину своей жизни въ странствованіяхъ по Европѣ и, оставаясь англійскимъ лордомъ по своимъ инстинктамъ и привычкамъ, мало-по-малу сдѣлался чистымъ космополитомъ по своимъ убѣжденіямъ. Интересы свободы и человѣчества были всегда въ его глазахъ выше интересовъ національныхъ; даже сюжеты своихъ произведеній онъ заимствовалъ не изъ англійской жизни, но изъ жизни различныхъ народовъ Европы. Не даромъ Гёте называлъ его всемірнымъ гражданиномъ и привѣтствовалъ въ немъ провозвѣстника той общечеловѣческой, всемірной литературы, скорое наступленіе которой онъ не разъ предсказывалъ. Второй причиной всеобщаго увлеченія поэзіей Байрона было то обстоятельство, что она пришлась какъ разъ ко времени, что могучіе звуки ея раздались въ удушливой атмосферѣ, созданной все болѣе и болѣе усиливавшейся въ Европѣ реакціей идеямъ XVIII вѣка, завершившейся учрежденіемъ священнаго союза. Поэзія Байрона возстановила связь между прерванными традиціями XVIII вѣка и начинавшимся пробужденіемъ умовъ въ XIX вѣкѣ; выражая свои чувства, онъ въ то же время выражалъ чувства общія. Вотъ почему вся либеральная партія въ Европѣ увидѣла въ немъ своего поэтическаго вождя и жадно прислушивалась къ его пѣснямъ, громившимъ гнетъ и тиранію и призывавшимъ народы къ священной борьбѣ за свободу. Апоѳеозъ личности въ борьбѣ съ общественными предразсудками, протестъ противъ политическаго и соціальнаго гнета, горячее сочувствіе къ бьющимся за свою свободу народамъ, неудовлетвореніе и пресыщеніе безцѣльной жизнью и тѣсно связанный съ нимъ скептицизмъ, доходящій порой до мизантропіи и отчаянія, и рядомъ съ нимъ поэтическій восторгъ передъ вѣчно юными красотами природы, на лонѣ которой человѣкъ находитъ нѣкоторое облегченіе отъ терзающихъ его жизненныхъ противорѣчій — таковы основныя черты и идейное содержаніе того направленія, которое извѣстно въ европейской литературѣ подъ именемъ байронизма.

Ранѣе другихъ континентальныхъ странъ Байронъ былъ оцѣненъ въ Германіи. Почминъ въ этомъ отношеніи былъ данъ самимъ

Гёте, считавшимъ Байрона величайшимъ поэтомъ XIX вѣка и поддержавшимъ своимъ авторитетомъ его только что начинавшуюся популярность въ Германіи. Въ бесѣдахъ Гёте съ его секретаремъ Эккерманомъ не разъ заходила рѣчь о Байронѣ, и всякій разъ Гёте отдавалъ полную справедливость генію англійскаго поэта. „То, что я считаю изобрѣтеніемъ въ поэзіи, — сказалъ однажды Гёте Эккерману, — ни у кого не достигаетъ такой высокой степени развитія, какъ у Байрона. Способа, которымъ онъ развязываетъ драматическую интригу, никогда нельзя предвидѣть, и онъ всегда выше ожидаемаго читателемъ". Вообще Гёте былъ весьма высокаго мнѣнія о драматическихъ произведеніяхъ Байрона, которыя признаются критикой слабѣе всего имъ написаннаго. Онъ удивлялся искусству, съ какимъ Байронъ, обладавшій такой мощной индивидуальностью, сумѣлъ совершенно скрыться за дѣйствующими лицами своихъ драмъ, особенно въ Марино Фальеро. По мнѣнію Гёте, въ характерѣ Байрона было нѣчто общее съ Т. Тассо, хотя сравненіе ихъ талантовъ могло только повредить италіанскому поэту. „Байронъ, это — воспламененный кустарникъ, который можетъ превратить въ пепелъ священный кедръ Ливана. Великая эпопея Т. Тассо сохраняла свою славу въ теченіе вѣковъ, но „Освобожденный Іерусалимъ" можно совершенно уничтожить однимъ стихомъ изъ „Донъ-Жуана". Сожалѣя о преждевременной смерти англійскаго поэта, Гёте былъ того мнѣнія, что для литературы эта потеря безразлична, ибо онъ не могъ пойти дальше того, до чего дошелъ. „Байронъ коснулся уже вершинъ творчества, и во всемъ, что бы онъ ни написалъ впослѣдствіи, онъ не могъ бы переступить границъ, очерченныхъ вокругъ его таланта. Въ своей несравненной поэмѣ „Видѣніе Суда" онъ достигъ высшей точки возможнаго для него совершенства". Когда однажды его собесѣдникъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ отзывовъ реакціонной англійской печати, выразилъ сомнѣніе, чтобы произведенія Байрона оказали полезное вліяніе на умственное развитіе человѣчества, Гёте возразилъ ему довольно рѣзко: „Я не раздѣляю мнѣнія. Да и почему вы думаете, что смѣлость, дерзость и грандіозность Байрона сами по себѣ не могутъ способствовать нашему развитію? Нужно остерегаться признавать образовательное значеніе только за тѣмъ, что безупречно въ нравственномъ отношеніи; все великое можетъ содѣйствовать нашему развитію, если только мы сумѣемъ понять, въ чемъ состоитъ его величіе". Въ другой разъ, разговаривая съ Эккерманомъ по поводу недоконченной фантастической драмы „*Deformed Transformed*", Гёте воскликнулъ: „Я снова перечелъ ее и долженъ сознаться, что талантъ Байрона показался мнѣ на этотъ разъ еще болѣе могучимъ. Его дьяволъ, очевидно, сродни моему Мефистофелю, но это нельзя назвать подражаніемъ, ибо все здѣсь ново и оригинально. Нѣтъ ни одного мѣста величиною съ булавочную головку, которое было бы слабо, въ которомъ не просвѣчивали бы творчество и умъ. Не будь у Байрона меланхоліи и отрицанія, онъ могъ бы сравниться съ Шекспиромъ и древними". Кромѣ

переводовъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ „Донъ-Жуана“ и „Манфреда“. Гёте заплатилъ дань удивленія и симпатіи генію Байрона, изобразивъ его подъ видомъ Эвфоріона во второй части „Фауста“. Въ этомъ фантастическомъ существѣ, сынѣ Фауста и троянской Елены, мелькнувшемъ какъ метеоръ и сдѣлавшемся жертвой отваги, прекрасно олицетворенъ безпокойный духъ и порывистое стремленіе къ свѣту и свободѣ, которое отличало Байрона. Сѣтованіе хора о безвременно погибшемъ юношѣ есть едва ли не лучшая характеристика Байрона:

Плачъ не нуженъ погребальный:
Намъ завиденъ жребій твой!
Жилъ ты свѣтлый, но печальный,
Съ гордой пѣснью и душой.
Ахъ! рожденъ для счастья былъ ты!
Древній родъ твой славенъ былъ,
Рано самъ себя сгубилъ ты,
Въ полномъ цвѣтѣ юныхъ силъ.
Все имѣлъ ты: взглядъ глубокій,
Быстрый умъ и сердца жаръ,
И любовь жены высокой,
И чудесныхъ пѣсенъ даръ.

Ты летѣлъ неудержимо,
Вдаль невольно увлеченъ,
Ты презрѣлъ неукротимо
И обычай и законъ.
Свѣтлый умъ къ дѣламъ чудеснымъ
Душу чистую привелъ;
Ты погнался за небеснымъ
Но его ты не нашелъ.
Кто найдетъ? Вопросъ печальный!
Рокъ отвѣта не дастъ,
Въ дни, когда многострадальный,
Весь въ крови, молчитъ народъ.

Оплакавъ такими теплыми поэтическими слезами гибель Байрона Гёте чтилъ въ немъ главнымъ образомъ возвышенныя стремленія и крупную поэтическую силу. Къ политическимъ тенденціямъ Байрона германскій олимпіецъ былъ совершенно равнодушенъ и едва ли придавалъ имъ большое значеніе. Но послѣдующее поколѣніе поэтовъ, въ которомъ негодованіе противъ торжествующей реакціи чередовалось съ приливами мизантропіи и унынія, происходившими отъ сознанія своего безсилія, увидало въ Байронѣ своего вождя, а въ его произведеніяхъ боевой кличъ, призывающій къ борьбѣ за попранныя права человѣческой личности. Такой взглядъ на Байрона господствуетъ у поэтовъ южной Германіи, которые находились къ нему почти въ такихъ же вассальныхъ отношеніяхъ, въ какихъ ихъ предшественники, поэты Sturm und Drang, находились къ Шекспиру. Уже въ вышедшихъ въ 1822 году юношескихъ стихотвореніяхъ самаго крупнаго поэта южной Германіи, Гейне, мы находимъ нѣкоторые изъ основныхъ элементовъ байронизма,— обстоятельство, тогда же замѣченное критикой. „Пѣсни Гейне,— писалъ Иммерманъ,— проникнуты недовольствомъ, нерѣдко доходящимъ до ярости и отчаянія. Горькое негодованіе противъ невыносимаго настоящаго, глубокая ненависть къ современному порядку вещей всецѣло овладѣли нашимъ Гейне, и этимъ объясняется, что изъ 53 стихотвореній, написанныхъ юношей, нѣтъ ни одного, изъ котораго бы вѣяло веселымъ и радостнымъ настроеніемъ. Нѣкоторое сходство замѣчается между этими стихотвореніями и произведеніями лорда Байрона, къ которымъ нашъ соотечественникъ, повидимому, питаетъ особенное сочувствіе. Сравненіе ихъ другъ съ другомъ можетъ послужить отчасти къ выгодѣ, а отчасти и къ невыгодѣ для нашего поэта. Никто сильнѣе Байрона

не умѣетъ изобразить страшную пропасть растерзанной души человѣка, и въ этомъ отношеніи Гейне можетъ слѣдовать за нимъ развѣ въ почтительномъ отдаленіи. Но зато у нашего поэта больше свѣжести и бодрости. Для него еще возможно любоваться поэзіей извѣстнаго явленія, тогда какъ Байронъ одинаково презираетъ и божественное и человѣческое, и временное и вѣчное". Годъ спустя послѣ этой рецензіи Гейне издалъ въ свѣтъ свою трагедію „Ратклифъ", герой которой имѣетъ несомнѣнное сходство съ любимымъ байроновскимъ образомъ падшаго ангела. Смерть Байрона глубоко поразила Гейне. „Это былъ единственный человѣкъ, — писалъ онъ Мозеру, — съ которымъ я чувствовалъ духовное родство, и во многихъ отношеніяхъ насъ можно сравнивать другъ съ другомъ". Повидимому, смерть Байрона еще болѣе укрѣпила это духовное родство, потому что въ послѣдующихъ произведеніяхъ Гейне нерѣдко замѣчаются байроновскіе мотивы и байроновская манера. Чудныя, какъ бы подернутыя меланхоліей описанія природы въ Reisebilder невольно приводятъ на память подобныя же картины въ Чайльдъ-Гарольдѣ, а проникнутое ѣдкой ироніей описаніе нѣмецкихъ порядковъ въ „Зимней сказкѣ" до такой степени носитъ на себѣ отпечатокъ байроновской манеры, что кажется отрывкомъ изъ „Донъ-Жуана". Вліяніе это сказывается въ болѣе или менѣе сильной степени въ „Греческихъ пѣсняхъ" Вильгельма Мюллера, въ „Польскихъ пѣсняхъ" Планета, въ „Донъ-Жуанѣ" Ленау, въ „Шильонскомъ" узникѣ" Морица Гартмана, въ стихотвореніяхъ нѣмецко-американскаго поэта Дранмора, въ политической лирикѣ Гервега и т. п. Популярность Байрона въ Германіи доказывается, сверхъ того, множествомъ стихотворныхъ переводовъ отдѣльныхъ его произведеній на нѣмецкій языкъ, количество которыхъ развѣ немного уступитъ количеству переводовъ изъ Шекспира.

Тѣ же причины, которыя способствовали популярности поэзіи Байрона въ Германіи, существовали, пожалуй, еще въ большей степени, во Франціи; и тамъ и здѣсь реакція создала удобную почву для воспріятія поэзіи борьбы, отчаянія и проклятія. „Всю нравственную болѣзнь нашего столѣтія, — какъ выразился въ одномъ мѣстѣ Альфредъ де-Мюссе, — можно объяснить изъ двухъ причинъ. Народъ нашъ, продѣлавшій 1793 и 1814 года, носитъ въ своемъ сердцѣ двѣ раны: того, что̀ было — нѣтъ и то, что должно быть — еще не наступило. Нечего искать другихъ причинъ и объясненій нашей міровой скорби". Самымъ раннимъ представителемъ байронизма во Франціи былъ Ламартинъ. Сообразно складу своей мягкой и сентиментальной натуры, Ламартинъ могъ усвоить себѣ только нѣкоторыя стороны байронизма, которымъ придалъ сентиментальный оттѣнокъ. Считая Байрона падшимъ ангеломъ, Ламартинъ возымѣлъ оригинальную и назидательную мысль примирить его съ Богомъ и Церковью и съ этой цѣлью вскорѣ послѣ смерти Байрона издалъ окончаніе Чайльдъ-Гарольда („Le dernier chant du pélerinage de Child Harold"), въ которомъ онъ заста-

вляетъ Чайльдъ-Гарольда раскаяться, отказаться отъ своихъ скептическихъ воззрѣній и умереть смертью вѣрующаго христіанина на поляхъ Греціи. Въ заключительномъ обращеніи къ лорду Байрону, Ламартинъ, сопоставляя себя съ умершимъ поэтомъ, увѣряетъ, что судьба его имѣетъ много общаго съ судьбой Байрона, что, подобно послѣднему, и ему довелось осушить отравленный кубокъ (J'ai vidé comme toi la coupe empoisonnée). Вдохновленный Байрономъ, Ламартинъ написалъ свою извѣстную оду къ Наполеону и свою безконечную поэму „La chute d'un Ange", но оба подражанія безконечно ниже своего образца, не говоря уже о томъ, что они не вполнѣ проникнуты байроновскимъ духомъ. По слѣдамъ Ламартина пошло не мало поэтовъ романтической школы, издавшихъ въ свѣтъ массу стихотвореній, въ которыхъ они воспѣвали и Байрона, и Востокъ, и свободу Греціи. С.-Бёвъ въ свое время зло и остроумно посмѣялся надъ ихъ бездарными произведеніями, но не нужно забывать, что памятникомъ этого увлеченія Греціей и Востокомъ были, между прочимъ, „Les Orientales" Виктора Гюго и Мессенскія элегіи „Les Messeniennes" Казимира Делавиня. Хотя Альфредъ де-Мюссе и отвергалъ мнѣніе критиковъ, что онъ въ своей поэмѣ „Namouna" подражалъ Байрону и съ гордостью утверждалъ, что онъ пьетъ изъ своего собственнаго кубка, какъ онъ ни малъ (Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre), но новѣйшая критика сумѣла отыскать во многихъ его произведеніяхъ слѣды пристальнаго изученія Байрона, между прочимъ, въ его „Порціи", характеръ которой представляетъ много сходныхъ чертъ съ характерами Лары и Паризаны и въ его поэмѣ „Намуна", гдѣ дѣйствуетъ легендарный Донъ-Жуанъ и которая какъ по формѣ, такъ и по поэтической манерѣ напоминаетъ Байроновскаго Донъ-Жуана. Равнымъ образомъ, вліяніе Байрона замѣтно въ раннихъ романахъ Ж. Сандъ. Выступивъ на борьбу съ обществомъ и его вѣковыми предразсудками за права женщины, Ж. Сандъ нашла себѣ сильную нравственную поддержку въ произведеніяхъ англійскаго поэта, раньше ея поднявшаго знамя индивидуализма и въ процессѣ общества съ личностью всегда стоявшаго на сторонѣ личности. Разница между ними состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что Байронъ обвиняетъ въ эгоизмѣ и несправедливости все человѣчество, тогда какъ Ж. Сандъ только одну половину человѣческаго рода, поработившую, по ея словамъ, женщину и коварно придуманными законами и обычаями стѣснившую свободу ея чувства и лишившую ее дѣятельнаго участія въ общественной жизни. Къ числу восторженныхъ поклонниковъ Байрона нужно причислить такъ родственнаго ему по духу „Ямбовъ" и „Гимна къ свободѣ" — Огюста Барбье. Посѣтивъ Вестминстерское аббатство и не найдя тамъ праха Байрона, Барбье написалъ превосходное стихотвореніе „Westminster", гдѣ вложилъ въ уста поэта трогательную жалобу на преслѣдованія, которымъ онъ подвергался при жизни, и на вражду, препятствующую и послѣ смерти найти успокоеніе подъ сѣнью національнаго пантеона, въ уголкѣ поэтовъ. Барбье объясняетъ эти пре-

слѣдованія тѣмъ, что Байронъ смѣло обличалъ пороки своихъ соотечественниковъ, что онъ сорвалъ маску съ ихъ мнимой добродѣтели. Къ концу сороковыхъ годовъ вліяніе поэзіи Байрона проявляется во французской литературѣ все слабѣе и слабѣе, но зато количество переводовъ изъ Байрона и этюдовъ о немъ увеличивается, — фактъ, доказывающій, что увлеченіе прошло и что наступило время изученія и серіозной критической оцѣнки произведеній англійскаго поэта. Впрочемъ, послѣдній лучъ байронизма блеснулъ еще не такъ давно въ „Tentation de Saint Antoine“ Флобера, гдѣ многое оказывается навѣяннымъ вторымъ актомъ Байроновскаго Каина.

Изъ всѣхъ странъ Европы менѣе другихъ подвергалась вліянію поэзіи Байрона столь любимая имъ и столь часто имъ воспѣваемая Италія. Строго говоря, Байронъ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ больше обязанъ Альфіери, чѣмъ Уго Фосколо ему. Раздробленная политически, страдая отъ деспотизма австрійской династіи на сѣверѣ и бурбонской на югѣ, Италія была слишкомъ поглощена своимъ собственнымъ горемъ, чтобы переноситься въ идеальный міръ романтической поэзіи, слѣдить за демоническими героями въ борьбѣ ихъ съ обществомъ или предаваться космополитической міровой скорби. Вся ея новая поэзія носитъ на себѣ мѣстный и патріотическій характеръ, преимущественно отзывается на злобу дня. Пессимистическіе мотивы, попадающіеся у Фосколо, Манцони и другихъ поэтовъ, имѣютъ мало общаго съ байроническимъ повѣтріемъ; въ большинствѣ случаевъ они представляютъ собою плоды патріотическаго отчаянія въ возрожденіи и свободѣ Италіи. Даже меланхолія Леопарди, самаго космополитическаго и философскаго изъ италіанскихъ поэтовъ, сильно обостряется жгучими воспоминаніями о прежней славѣ его родины и ея теперешнемъ униженіи. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, италіанскіе поэты вдохновляются только одной политической тенденціей поэзіи Байрона и оставляютъ въ сторонѣ другія стороны байронизма. Таковъ, напримѣръ, Джьованни Берке́ (Berchet), поэтъ сѣверной Италіи, авторъ весьма популярныхъ патріотическихъ пѣсенъ, въ произведеніяхъ котораго знаменитый италіанскій критикъ Франческо де-Санктисъ видитъ несомнѣнные слѣды вліянія Байрона. Но если, въ силу указанныхъ обстоятельствъ, байронизмъ оказалъ сравнительно незначительное вліяніе на характеръ италіанской поэзіи, нигдѣ зато личность англійскаго поэта не была такъ популярна, какъ въ Италіи. Долговременное пребываніе Байрона въ Италіи, его высокопоэтическія описанія Рима и Венеціи, его сочувствіе дѣлу италіанской свободы, наконецъ, его роскошная, загадочная, фантастическая жизнь въ Венеціи — все это создало вокругъ его личности ореолъ, до сихъ поръ не совсѣмъ поблекшій. До сихъ поръ въ Венеціи живо воспоминаніе о немъ, до сихъ поръ гондольеръ укажетъ вамъ на Canale Grande pallazzo, гдѣ жилъ Байронъ, и при этомъ не преминетъ сообщить нѣсколько слышанныхъ имъ отъ отца или дѣда анекдотовъ о щедрости и эксцентричности англійскаго поэта.

Стороженко.

Пушкинъ и Байронъ.

Нашъ байронизмъ есть явленіе своеобразное, во многомъ отступающее отъ своего источника. И у насъ, какъ и на западѣ Европы, въ поэзіи привились далеко не всѣ составные элементы байронизма. Политико-націальная основа поэзіи Байрона, не имѣвшая корней и въ самой жизни, была у насъ понята весьма немногими и оставила мало слѣдовъ въ литературѣ; байроновскій индивидуализмъ, апоѳеозъ личности въ борьбѣ ея съ обществомъ, превратился у насъ въ обожаніе собственной личности и презрительное ко всякой чужой; перенесенное на русскую почву байроновское разочарованіе совершенно лишилось своего трагическаго характера и было понято весьма одностороннe, какъ слѣдствіе жизненнаго пресыщенія. Видоизмѣненный такимъ образомъ байронизмъ оказалъ не малое вліяніе не только на поэзію, но и на нравы нашей интеллигентной молодежи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Москвичи въ Гарольдовыхъ плащахъ, какъ ихъ мѣтко окрестилъ Пушкинъ, — вдругъ ни съ того ни съ сего почувствовали непонятное презрѣніе къ обществу, ни въ чемъ передъ ними неповинному; непризнанныя натуры стали относиться пренебрежительно къ общественной нравственности и освященнымъ вѣками обычаямъ и считали такое отношеніе признакомъ высшей породы. Всѣ эти видоизмѣненія байронизма могли только уронить въ глазахъ общества значеніе поэтическаго направленія, которое, взятое въ цѣломъ, дѣйствовало во всякомъ случаѣ благотворно, внося въ литературу массу новыхъ идей, чувствъ и поэтическихъ образовъ, поднимая нравственное достоинство человѣка, возбуждая въ немъ энтузіазмъ къ дѣлу свободы и ненависть къ насилію и всякаго рода соціальной неправдѣ. Знакомство русскаго общества съ поэзіей Байрона началось только за нѣсколько лѣтъ до смерти великаго поэта. Въ то время какъ вся Европа давно уже зачитывалась его произведеніями и съ страстнымъ участіемъ слѣдила за его судьбой, мы имѣли о немъ и о его поэзіи довольно смутное понятіе, да и то съ чужихъ словъ. Первые переводы изъ Байрона появляются въ русскихъ журналахъ не ранѣе 1819 года. Съ этихъ поръ интересъ къ его поэзіи видимо растетъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“, „Сынѣ Отечества“ и другихъ журналахъ то и дѣло попадаются переводы изъ Байрона. Каченовскій, не знавшій англійскаго языка, спѣшитъ удовлетворить любознательность своихъ подписчиковъ, печатая въ „Вѣстникѣ Европы“ свои неуклюжіе переводы отдѣльныхъ произведеній Байрона съ французскаго. Гнѣдичъ, Ротчевъ и другіе переводятъ „Еврейскія мелодіи“, а въ 1821 году отецъ русскаго романтизма Жуковскій, лично не симпатизировавшій Байрону и даже, по свидѣтельства А. И. Тургенева, дремавшій надъ нимъ, тѣмъ не менѣе, увлеченный общимъ потокомъ, издаетъ, хотя и съ нѣкоторыми смягченіями и сокращеніями, свой переводъ „Шильонскаго узника“. Наибольшій энтузіазмъ возбуждала поэзія Байрона

въ либеральномъ кружкѣ русскихъ поэтовъ, во главѣ котораго стояли кн. Вяземскій и Пушкинъ. Вяземскій, жившій въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ Варшавѣ, по словамъ Тургенева, бредилъ Байрономъ и переводилъ его мелкія стихотворенія, а сосланный на югъ Россіи Пушкинъ, по его собственному признанію, буквально сходилъ съ ума отъ Байрона; онъ подражалъ англійскому поэту въ привычкахъ и образѣ жизни и, впадая подъ вліяніемъ чтенія Байрона въ мрачное настроеніе, давалъ ему исходъ въ мелкихъ стихотвореніяхъ. Таковы его стихотворенія „Погасло дневное свѣтило“ и „Я пережилъ свои желанья“, оба написанныя на югѣ Россіи въ 1820 и 1821 годахъ. Смерть Байрона вызвала въ либеральномъ кружкѣ русскихъ поэтовъ самое живое и неподдѣльное сожалѣніе. Рылѣевъ, Кюхельбекеръ и кн. Веземскій излили свое горе въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ. Есть трогательное преданіе, что, получивъ извѣстіе о смерти своего любимаго поэта, Пушкинъ, по русскому обычаю, отслужилъ панихиду по рабѣ Божьемъ Георгіи. Вся Россія знаетъ наизусть тѣ чудныя строфы которыя посвящены памяти Байрона въ стихотвореніи къ „Морю“, гдѣ Пушкинъ называетъ англійскаго поэта властителемъ нашихъ думъ, пѣвцомъ, оплаканнымъ самой свободой. Что до вліянія Байрона на Пушкина, то оно оказывается далеко не такъ значительнымъ, какъ можно было ожидать, не говоря уже о томъ, что оно продолжалось не болѣе трехъ — четырехъ лѣтъ. Слѣды влiянія Байрона можно отыскать въ нѣкоторыхъ мелкихъ стихотвореніяхъ и въ юношескихъ поэмахъ Пушкина. Съ особенной силой оно проявляется въ „Цыганахъ“, которыми и оканчивается краткій байроническій періодъ Пушкинскаго творчества. Здѣсь не только встрѣчаются отдѣльные мотивы байронизма, но — что гораздо важнѣе — самый типъ героя сложился подъ вліяніемъ Байрона. Въ Алеко нѣтъ ничего русскаго, да и вообще въ немъ нѣтъ никакой національной окраски. Онъ появляется неизвѣстно откуда и неизвѣстно куда пойдетъ. Какъ явленіе русской жизни, онъ необъяснимъ, но онъ прекрасно объясняется какъ явленіе литературное, какъ родственное героямъ Байрона воплощеніе гордости и мятежнаго протеста противъ устарѣвшаго общественнаго устройства, основаннаго на торжествѣ насилія, предразсудковъ и преклоненія предъ золотымъ тельцомъ. Самостоятельность Пушкина проявилась здѣсь не въ созданіи типа, но въ знаменательномъ критическомъ отношеніи къ нему, въ его осужденіи старика-цыгана. Когда друзья Пушкина, переведеннаго лѣтомъ 1824 года изъ Одессы въ деревню, узнали, что онъ трудится надъ поэмой въ байроническомъ родѣ, подъ которой разумѣлся „Евгеній Онѣгинъ“, они пришли въ сильное безпокойство. „Пушкинъ“, писалъ ему Рылѣевъ, „ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства; ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета — не подражай ему! Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа, могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ“. Опасенія друзей Пушкина были, впрочемъ, напрасны, ибо

Байронъ въ это время уже утратилъ надъ нимъ прежнее обаяніе. Въ это время Пушкинъ увлекался Шекспиромъ, передъ которымъ его недавній кумиръ (какъ драматургъ) казался ему ничтожнымъ. Непродолжительность и сравнительная слабость вліянія Байрона на Пушкина зависѣла, по моему мнѣнію, въ значительной степени оттого, что ихъ художественные темпераменты были совершенно различнаго закала. Байронъ, если можно такъ выразиться, былъ человѣкъ фанатическаго темперамента; онъ не зналъ средины ни въ ненависти ни въ любви; онъ считалъ малодушіемъ дѣлать малѣйшія уступки тому, что было противно его убѣжденіямъ. Напротивъ того, Пушкинъ была натура уравновѣшенная, гармоническая, въ которой уживались и взаимно сглаживались самыя противоположныя стремленія и симпатіи. Уступая англійскому поэту въ глубинѣ мысли, картинности описаній, силѣ лирическаго полета. Пушкинъ далеко превосходитъ его чувствомъ мѣры, художественной простоты и жизненной правды. Онъ не могъ подняться до высоты политическаго энтузіазма Байрона, но зато не могъ спуститься въ мрачныя бездны Байроновскаго пессимизма и меланхоліи. Сосредоточенная скорбь, демоническая гордость, мрачное, отчаяніе, непримиримая ненависть никогда не могли привиться къ его мягкой, свѣтлой и гармонической натурѣ, способной сохранить въ самомъ пылу увлеченія трезвость ума и мѣру въ сужденіяхъ. Разница художественныхъ темпераментовъ обоихъ поэтовъ всего яснѣе обнаружилась въ ихъ отношеніяхъ къ Наполеону. Съ уничтожащей иронiей относится Байронъ къ развѣнчанному завоевателю, называетъ его презрѣннымъ ничтожествомъ, злымъ духомъ для человѣчества. Ненависть его къ поработителю народовъ не смягчается ни мыслью объ его геніи ни воспоминаніемъ о разразившемся надъ нимъ ударѣ судьбы, сразу низвергнувшемъ его съ высоты величія въ бездну ничтожества. Не такъ смотритъ на недавняго врага Россіи Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Наполеонъ“, написанномъ въ 1812 году, т.-е. въ эпоху самаго сильнаго увлеченія геніемъ Байрона. Великодушно забывая все зло, сдѣланное міру Наполеономъ, нашъ поэтъ не позволяетъ себѣ никакого злорадства, не издѣвается надъ развѣнчаннымъ величіемъ, находитъ, что всѣ его воинственные замыслы и стяжанья искуплены

Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ

и въ заключеніе приглашаетъ путника начертить слово примиренья на надгробномъ камнѣ Наполеона и заранѣе осуждаетъ всякаго, кто позволилъ себѣ невеликодушно издѣваться надъ его памятью:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь.

Подъ вліяніемъ находившихъ на него мрачныхъ минутъ, Байронъ высказываетъ иногда такія безотрадныя пессимистическія воззрѣнія на жизнь, которыя мы можемъ найти развѣ только у Леопарди или

г-жи Аккерманъ. „Сочти радостные часы твоей жизни, перечисли дни, свободные отъ нравственныхъ страданій, и убѣдишься, что тебѣ, можетъ быть, было бы лучше совсѣмъ не существовать“. Зналъ такія минуты и Пушкинъ, но его свѣтлая натура не допускала пессимизму всецѣло овладѣть имъ, и какъ ни горька была ему подчасъ печаль прошедшихъ дней, но онъ не жалѣетъ о томъ, что живетъ, не жаждетъ уничтоженія, но хочетъ жить хоть бы для того, чтобы мыслить и страдать, и питать надежду, что жизнь дастъ ему не мало утѣшенья

Средь горестей, заботъ и треволненья.

Приведенные примѣры, надѣюсь, доказываютъ, что въ силу коренной разницы въ поэтическихъ темпераментахъ, Пушкинъ никогда не могъ проникнуться вполнѣ Байроновскимъ міросозерцаніемъ, что даже въ пору увлеченія поэзіей Байрона онъ всегда сумѣлъ остаться самимъ собою. *Стороженко.*

Біографы и критики Пушкина давно пришли къ заключенію, что „байронизмъ“ былъ у Пушкина только переходящимъ явленіемъ, съ которымъ онъ уже вскорѣ распрощался и навсегда. Одни объясняли, что подобное настроеніе не отвѣчало самой природѣ Пушкина, его основному міровоззрѣнію и самому свойству его дарованія, широкаго, свѣтлаго, открытаго всѣмъ впечатлѣніямъ жизни, при всей высотѣ его поэзіи, реальнаго и трезваго, и что поэтому мрачное отрицаніе могло быть только временнымъ увлеченіемъ, которое въ концѣ концовъ должно было уступить передъ истинными мотивами его внутренней жизни. Другіе замѣчали, что байронизмъ и не могъ укрѣпиться въ содержаніи поэзіи Пушкина, какъ явленіе чисто „западное“, не свойственное національной природѣ Пушкина: онъ долженъ былъ рано или поздно сбросить его, потому что былъ *русскій* человѣкъ... По существу байронизма, Пушкинъ, дѣйствительно, не могъ воспринять его глубоко и во всемъ объемѣ его содержанія: въ его отношеніи къ байронизму сказалось то же явленіе, какое можно наблюдать на всемъ пространствѣ новѣйшей русской литературы въ ея зависимости отъ западно-европейскихъ теченій. Западная жизнь такъ не походила на русскую, была отъ нея такъ далека, такъ превышала ее въ своемъ политическомъ развитіи и особливо въ своемъ образованіи, что какъ во времена Ломоносова, такъ и во времена Пушкина, наша литература могла имѣть къ западно-европейской только отношеніе болѣе или менѣе сильной зависимости. Въ чисто поэтическомъ смыслѣ наша литература ко временамъ Пушкина пріобрѣтала, наконецъ, свою оригинальность, которая была признакомъ возникшей самобытности; но въ тѣхъ областяхъ, гдѣ къ чистой поэзіи присоединялось или надъ нею преобладало идейное содержаніе, которое давалось развитіемъ европейской мысли въ области науки и общественности, подобная самобытность была невозможна: содержаніе западно-европейской литературы являлось опять результатомъ вѣкового труда,

въ которомъ мы не участвовали, свободы мысли, о которой мы не имѣли понятія, наконецъ свободы общественной, которая была у насъ немыслима. Какъ нѣкогда въ XVIII вѣкѣ мы заимствовали изъ западноевропейскаго источника только немногое, что было по нашимъ средствамъ, такъ это было и теперь: весь объемъ байроническаго міровоззрѣнія былъ не по средствамъ русской литерутурѣ, даже въ рукахъ Пушкина, но смѣшно, конечно, говорить, что причина была въ томъ, что это міровоззрѣніе было „западное", которое Пушкинъ долженъ былъ отвергнуть, какъ противорѣчащее, его „русскому" характеру: русскій характеръ не мѣшалъ ему, какъ не мѣшалъ Жуковскому и Батюшкову, не говоря о толпѣ ихъ предшественниковъ, черпать цѣлыми пригоршнями изъ западной литературы и, напр., послѣ, отказавшись отъ Байрона, сохранить заимствованныя у него литературныя формы, а затѣмъ учиться по Шекспиру, восхищаться Вальтеръ-Скоттомъ и несомнѣнно слѣдовать его примѣру въ историческихъ повѣстяхъ.

Такимъ образомъ поэзія Байрона родилась въ средѣ броженія европейской мысли конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, которое во всемъ его могущественномъ объемѣ было чуждо русской жизни; тѣмъ не менѣе русскій байронизмъ могъ бы быть названъ случайнымъ только въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы раньше находили случайными многія другія заимствованія русской литературы изъ европейскаго источника. Эти явленія бывали случайны потому, что изъ цѣлаго европейскаго движенія къ намъ обыкновенно проникали одни и не проникали другія, не менѣе многозначительныя: нельзя отвергать извѣстной случайности въ томъ, что, напр., Карамзинъ увлекается сентиментальными писателями и Лафатеромъ, Жуковскій — нѣмцами-романтиками, Батюшковъ — Тассомъ, что англійская литература долго остается почти неизвѣстна, и у насъ очень поздно стали понимать Шекспира, что Пушкинъ мало интересуется нѣмецкой литературой и т. д.; случайность сказывалась и въ томъ, что, большею частью, наши заимствованія бывали запоздалыя, и намъ, по выраженію одного суроваго критика, приходилось „донашивать старыя шляпки"... Но если и прежде эти заимствованія теряли свою случайность въ томъ отношеніи, что съ ними русская литература каждый разъ все-таки пріобрѣтала нѣчто новое, что имѣло свое воспитательное значеніе для русскаго общества (особливо при его маломъ образованіи въ большинствѣ) и укрѣпляло въ немъ собственные инстинкты и потребности развитія, то тѣмъ болѣе они получали значенія, когда ко временамъ Пушкина эти инстинкты и потребности были возбуждены сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде. Байронизмъ именно отвѣчалъ — конечно, въ извѣстномъ, болѣе образованномъ кругу — тому настроенію, какое создавалось условіями времени: событія двѣнадцатаго года, освободительная война, тѣсное общеніе съ европейскимъ обществомъ въ великія историческія минуты возбуждали умы къ возвышенному идеализму и патріотическимъ надеждамъ, но то и другое было вскорѣ

нарушено, и русская жизнь въ эпоху Аракчеева, Магницкаго архіепископа Фотія, представляла, напротивъ, унизительную картину круглаго обскурантизма, грубаго и лицемѣрнаго, подавленія даже слабыхъ признаковъ просвѣщенія и свободы мысли. Естественно возникало гнетущее чувство недовольства, раздраженія, протеста, наконецъ, у крайнихъ людей — мысль о сопротивленіи и заговорѣ... Вліяніе байронизма падало у Пушкина на подготовленную почву. Ссылка не могла не раздражать его; если онъ и сознавалъ съ своей стороны ошибку въ недостаткѣ благоразумія, когда онъ забывалъ объ общественной средѣ, въ которой находился, то онъ все-таки не могъ помириться съ ея уродливыми явленіями: прежнее возбужденіе продолжалось, и его новыя произведенія прямо или косвенно выражали настроеніе, овладѣвавшее имъ въ условіяхъ тогдашней дѣйствительности. Въ его поэмахъ, писанныхъ на югѣ, сколько бы ни было въ нихъ навѣяннаго байроническими вліяніями, сказался несомнѣнно и отголосокъ этого непосредственнаго недовольства; тогда же написанная поэма на библейскую тему, какъ и извѣстное (перехваченное) письмо объ „афеизмѣ", были своего рода противовѣсомъ тогдашнему изувѣрству и т. д., что байроническія поэмы, хотя потомъ казались иногда слабыми ему самому, передавали, однако, его задушевныя мысли данной минуты, свидѣтельствуютъ его собственныя показанія. Въ одномъ письмѣ 1822 года, онъ признаетъ самъ крупные недостатки „Кавказскаго плѣнника" и заключаетъ: „Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня насчетъ „Кавказскаго плѣнника", но, признаюсь, люблю его, самъ не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца"... Въ письмѣ 1822 года онъ говоритъ объ основной мысли поэмы: „Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка". Въ другихъ поэмахъ это равнодушіе къ жизни сказывается ярче, какъ протестъ противъ условій общественной жизни, подавляющей своими мертвыми формами стремленіе къ высшимъ идеаламъ, и опять съ личной мыслью поэта сказываются несомнѣнные отголоски Байрона. Постоянное развитіе этой темы недовольства, разочарованія, протестовъ противъ пустоты и ничтожества общественности, очевидно, выдаетъ внутренній процессъ въ душѣ самого поэта, и въ образахъ его фантазіи скрывались также сомнѣнія и тревоги его собственнаго чувства. Различныя черты одного образа развиваются отъ „Кавказскаго плѣнника" и до „Евгенія Онѣгина". *Пыпинъ.*

Пушкинъ и Шатобріанъ.

Своеобразный колоритъ, лежащій на „байроновскихъ" мотивахъ, разработанныхъ у Пушкина, невольно заставляетъ насъ припомнить Шатобріана, того пѣвца разочарованія и пессимизма, которому исторія приписала печальную славу быть однимъ изъ родоначальниковъ поэзіи

„міровой скорби“. Имя это, несправедливо забытое, упоминается въ исторіи русской литературы рѣдко, — объяснить это не трудно: блестящій, энергичный талантъ Байрона скоро заставилъ померкнуть менѣе замѣтный образъ французскаго писателя, а, между тѣмъ, исторія назвала Шатобріана однимъ изъ самыхъ близкихъ и вліятельныхъ учителей англійскаго поэта.

Шатобріана нашъ Пушкинъ зналъ прекрасно... Вообще вся французская литература была ему очень хорошо извѣстна: на ней онъ воспитался съ дѣтства, ей подражалъ съ первыхъ шаговъ своего творчества... Правда, въ домѣ родителей его культивировалась почти исключительно „легкая поэзія“, — но, думается намъ, едва ли эмигранты-аристократы, наводнявшіе московскія гостиныя, часто посѣщавшіе также и Пушкиныхъ, съ легкимъ сердцемъ откликались на модную забаву русскихъ поэтовъ-баръ плодить подражанія французской легкой поэзіи“, — вѣроятно, въ рѣчахъ многихъ изъ этихъ французовъ, потерявшихъ все съ революціей, слышался уже Ренэ, этотъ аристократъ-неудачникъ, бѣжавшій съ горькими жалобами и упреками на лоно дѣвственной природы, бѣжавшій не по своей волѣ, оставившій свое сердце и думы на родинѣ, тоскующій, разочарованный...

Если на первыхъ порахъ Пушкина увлекала легкая, игривая поэзія Парни и К°, поэтовъ безмятежнаго наслажденія, — то стоило измѣниться обстоятельствамъ въ жизни Пушкина, чтобы въ сердцѣ его отозвались мотивы другой французской музыки, мотивы „разочарованія“, „міровой скорби“.

И, думается намъ, не Вольтеръ, а скорѣе Шатобріанъ подсказывалъ Пушкину „разочарованіе“, „тоску“ въ тѣхъ раннихъ произведеніяхъ, которыя написаны до знакомства нашего поэта съ Байрономъ. Это тѣмъ возможнѣе, что Пушкинъ прекрасно зналъ Шатобріана — это одинъ изъ любимыхъ его писателей: на протяженіи всей своей литературной дѣятельности нѣсколько разъ поминаетъ онъ его. Симпатіи къ нему пережили у Пушкина даже увлеченіе Байрономъ, — въ 1837 году, когда Пушкинъ о Байронѣ пересталъ говорить давно, онъ еще называетъ Шатобріана *первымъ изъ современныхъ писателей, учителемъ всего пишущаго поколѣнія*... Въ запискахъ Смирновой мы находимъ потвержденіе этого мнѣнія: прозу Шатобріана нашъ писатель считалъ выше стиховъ французскихъ молодыхъ романтиковъ; „Ренэ“, по его мнѣнію, — лучшій романъ Шатобріана[1])...

Такіе отзывы Пушкина насъ нисколько не удивятъ, если мы обратимся къ твореніямъ Шатобріана: Ренэ, главный герой двухъ его романовъ „René“ и „Natchez“ и дѣйствующее лицо въ повѣсти „Atala“, конечно, болѣе по плечу Пушкину, чѣмъ герои Байрона, — и „Кавказкій плѣнникъ“ гораздо ближе къ Ренэ, чѣмъ къ соотвѣтствующимъ

---

[1]) Насколько глубокое впечатлѣніе имѣлъ Шатобріанъ на русскую молодежь лучше всего видно изъ біографія Батюшкова, написанной акад. Л. Н. Майковымъ, — нашему почтенному ученому Ренэ помогаетъ съ необыкновенною полнотою раскрыть страдающую душу поэта... Конечно если Пушкинъ и не подчинился до такой степени Ренэ, какъ Батюшковъ, то и надъ его ясною душою, несомнѣнно, проносилось порою настроеніе Ренэ.

типамъ англійскаго поэта... Въ Ренэ, какъ и въ героѣ „Кавказскаго плѣнника“, нѣтъ ничего специфически-байроновскаго: нѣтъ „богатырскаго, мрачнаго, сильнаго“. Ренэ, какъ и русскаго героя, гораздо легче охарактеризовать отрицательными качествами, чѣмъ положительными: онъ не возмущается, не ненавидитъ, не мститъ; онъ жалуется, тоскуетъ, такъ какъ онъ — жертва, а не борецъ. Глубокая, болѣзненная меланхолія, напоминающая настроеніе Вертера, — вотъ, чувство, которымъ онъ живетъ, отъ котораго страдаетъ, но и съ которымъ онъ, тѣмъ не менѣе, носится...

Если мы отбросимъ совершенно чуждую Пушкину тенденціозно-религіозную окраску, присущую произведеніямъ Шатобріана, мы увидимъ полное тождество въ типическихъ чертахъ героевъ и героинь обоихъ писателей и даже большую близость въ ходѣ самой интриги.

Прежде всего, конечно, наше вниманіе обращается къ главному герою Шатобріана — Ренэ. Какъ мы говорили уже, это юноша — „sans force et sans vertu“, оставившій родину вслѣдствіе несчастной любви, а также, повидимому, и потому, что среди цивилизованныхъ людей ему мало мѣста съ его безмѣрнымъ эгоизмомъ. Впрочемъ, мотивы, заставившіе его покинуть родину, имъ самимъ, повидимому, такъ же мало выяснены, какъ и нашимъ „кавказскимъ плѣнникомъ“... Самая „свобода“, „веселый призракъ“, который мещерился вдали обоимъ героямъ, также не ясенъ обоимъ... Ренэ бѣжитъ къ дикарямъ, но тоска, грусть слѣдуетъ за нимъ по пятамъ; его охлажденное сердце не долго наслаждалось радостями бытія вдали отъ суеты мірской, — теплая, самоотверженная любовь дикарки не вытѣсняетъ изъ его сердца думъ о той женщинѣ, которая осталась на его родинѣ, и трогательная любовь Селуты мало его трогаетъ...

Теперь передъ нами двѣ героини Шатобріана — Atala и Celuta, — героини на одно лицо... Это — поэтическіе образы, легкіе, полувоздушные, проникнутые самоотверженною, теплою любовью... Atala, влюбленная въ плѣнника, появляется къ нему ночью и съ тѣхъ поръ постоянно ходитъ тайкомъ къ юношѣ и ведетъ съ нимъ долгія бесѣды о любви... Потомъ она освобождаетъ юнаго плѣнника и умираетъ въ борьбѣ со своею любовью, умираетъ просвѣтленная, сомоотверженная... Другая героиня Шатобріана — Celuta, отдавшая всю жизнь свою Ренэ, въ награду за это услышала отъ него признаніе, что сердце его занято думой о другой женщинѣ; она ведетъ несчастную жизнь и, наконецъ, потерявъ дорогого человѣка, которому она принесла столько жертвъ, бросается въ рѣку...

И всѣ эти трогательныя исторіи развиты на фонѣ блестяще написанныхъ картинъ американской природы, въ обстановкѣ самой своеобразной, романтической... Шатобріанъ нарочно, въ погонѣ за couleur locale, ѣздилъ въ Америку, присматривался къ природѣ, къ обычаямъ и нравамъ тѣхъ племенъ, жизнь которыхъ служитъ фономъ для его драмы...

Обращаясь теперь къ поэмѣ Пушкина, мы находимъ цѣлый рядъ поразительныхъ сходствъ: герой „Кавказскаго плѣнника“, какъ мы

уже имѣли случай говорить, очень близокъ къ Ренэ и по характеру, Ренэ и по его судьбѣ... Онъ, какъ и Ренэ, покидаетъ цивилизованный міръ и, гоняясь за какимъ-то призракомъ свободы, является на Кавказъ, единственное мѣсто въ Россіи, гдѣ можно было встрѣтить романическую обстановку...

Далѣе интрига развивается совершенно параллельно съ той, которая положена въ основу повѣсти „Atala"... Герой въ плѣну, онъ закованъ и не можетъ спастись бѣгствомъ... Въ него влюбляется дикарка, освобождаетъ его, онъ, какъ Ренэ, остается холоденъ къ любви дѣвушки и открываетъ ей, что сердце его занято... Развязка также довольно схожа въ обоихъ произведеніяхъ: герои остаются въ живыхъ, героини погибаютъ...

Если мы обратимся къ Пушкинской поэмѣ „Цыганы", то и здѣсь найдемъ мы нѣсколько интересныхъ точекъ соприкосновенія между Пушкинымъ и Шатобріаномъ... При созданіи образа Алеко самостоятельность Пушкина сказалась рѣшительнѣе, яснѣе. Но въ разработкѣ интриги мы найдемъ много общаго съ произведеніями Шатобріана... Алеко, какъ Ренэ, бросаетъ шумный свѣтъ и идетъ къ дикарямъ-цыганамъ... Его такъ же, какъ и Ренэ, принимаютъ дружелюбно... Онъ, какъ Ренэ, болѣе или менѣе, сживается съ тѣмъ народомъ, къ которому пришелъ, хотя всецѣло слиться съ дѣтьми природы онъ не можетъ. Оказывается, —

... уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину,
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира,
Теперь онъ — вольный житель міра
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ...
Что жъ сердце юноши трепещетъ?
Какой заботой онъ томимъ?

Какъ за Ренэ, за нимъ тоска слѣдуетъ по пятамъ...

Кромѣ главнаго лица, обращаетъ на себя наше вниманіе еще одно дѣйствующее лицо, тождественное у обоихъ авторовъ: патріархъ индѣйскаго племени Chaktas и старый цыганъ... Эти два старика, знающіе жизнь съ ея бѣдами и печалями, много видѣвшіе на своемъ вѣку, являются передъ читателемъ судьями эгоизма и сердечной пустоты юношъ Ренэ и Алеко... Правда, у Шатобріана его Chaktas не произноситъ тѣхъ энергичныхъ укоровъ, которые услышалъ Алеко отъ стараго цыгана, но величественная фигура индѣйца, умудреннаго жизнью, съ душой спокойной и прекрасной по своей наивности и цѣльности, является нѣмымъ и въ же время краснорѣчивымъ укоромъ Ренэ... Впрочемъ, Chaktas прекрасно понялъ душу Ренэ и далъ ему цѣлый рядъ характерныхъ совѣтовъ.

Если Байронъ далъ Пушкину образчикъ для героя „Цыганъ" и набросилъ нѣсколько слабыхъ невѣрныхъ чертъ на героя „Кавказскаго плѣнника", то Шатобріанъ далъ болѣе характерныхъ чертъ для героя „Кавказскаго плѣнника и далъ интригу для обѣихъ поэмъ. Развязка въ обѣихъ поэмахъ самостоятельная, не совсѣмъ удачная въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" и очень интересная въ „Цыганахъ"... Этому по-

могло живое лицо Земфиры, очевидно, срисованной съ натуры... Вѣроятно, жизнь въ Кишиневѣ дала Пушкину не одинъ образчикъ такихъ героинь, какой была героиня „Цыганъ“... На Кавказъ, какъ мѣсто самое подходящее для романтической поэмы, указалъ Пушкину, быть-можетъ, Xavier de Maistre, съ его повѣстью: „Кавказскій плѣнникъ“... Природа Кавказа, Пушкину *въ 1825 году еще незнакомая,* такъ какъ тогда онъ былъ лишь на минеральныхъ водахъ, набросана имъ съ чужого голоса; между прочимъ, онъ самъ указалъ въ 1-мъ изданіи своей поэмы на стихи Жуковскаго и Державина, какъ прекрасно передающія дикія красоты Кавказа... *Сиповскій.*

Пушкинъ, его предшественники и историческая ихъ связь.

Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ,
Голосъ шуму водъ подобный.

Великія рѣки составляются изъ множества другихъ, которыя, какъ обычную дань, несутъ имъ обиліе водъ своихъ. И кто же можетъ разложить химически воду, напр., Волги, чтобы узнать въ ней воды Оки или Камы? Принявъ въ себя столько рѣкъ, и большихъ и малыхъ, Волга пышно катитъ свои собственныя волны, и всѣ, зная о ея безчисленныхъ похищеніяхъ, не могутъ указать ни на одно изъ нихъ, плывя по ея широкому раздолью. Муза Пушкина была вскормлена и воспитана твореніями предшествовавшихъ поэтовъ. Скажемъ болѣе: она приняла ихъ въ себя, какъ свое законное достояніе, и возвратила ихъ міру въ новомъ, преображенномъ видѣ. Можно сказать и доказать, что безъ Державина, Жуковскаго и Батюшкова не было бы и Пушкина, что онъ ихъ ученикъ; но нельзя сказать, и еще менѣе доказать, чтобъ онъ что-нибудь заимствовалъ отъ своихъ учителей и образцовъ, или чтобъ гдѣ-нибудь и въ чемъ-нибудь онъ не былъ неизмѣримо выше ихъ. Поэзія Державина была преждевременною, а потому и неудавшеюся попыткою на народную поэзію. Могучій геній Державина явился слишкомъ не во-время и не могъ найти въ народной жизни своего отечества какіе-нибудь элементы, какое-нибудь содержаніе для поэзіи. Общество его времени хорошо понимало поэзію патронатства, лести и угодничества; но о всякой другой поэзіи не имѣло рѣшительно никакого понятія и, слѣдовательно, не имѣло въ ней никакой потребности, никакой нужды. Слава Державина была основана не на общественномъ мнѣніи, котораго тогда не было ни признака ни тѣни, особенно въ дѣлѣ литературы; нѣтъ, слава Державина была основана на просвѣщенномъ вниманіи немногихъ къ его таланту. И если во всей Россіи того времени было человѣкъ десять или двадцать, болѣе или менѣе умѣвшихъ цѣнить этотъ высокій талантъ, то остальные, человѣкъ сто или двѣсти, изъ которыхъ состояла тогдашняя читающая публика, кричали о немъ съ голоса первыхъ, сами хорошенько не

понимая собственнаго крика. Гдѣ жъ тутъ было явиться истинной поэзіи и великому поэту? Правда, природа производитъ таланты, не спрашиваясь времени и не справляясь, нужны они, или нѣтъ; но, вѣдь, великіе поэты творятся не одною природою: они творятся обществомъ, т.-е. историческимъ положеніемъ общества. Думать, что поэта составляетъ одинъ талантъ — значитъ грубо ошибаться. Разумѣется, прежде всего поэтомъ дѣлаетъ человѣка талантъ; но къ этому также необходимы еще и характеръ, и образованіе, и направленіе, которые зависятъ отъ общества, среди котораго является поэтъ. Чтобы поэтически воспроизводить дѣйствительность, мало одного природнаго таланта,— нужно еще, чтобы подъ рукою поэта была поэтическая дѣйствительность. Хорошо было грекамъ творить ихъ изящныя, исполненныя идеальной красоты статуи, когда греческіе художники и на площадяхъ, и на улицахъ, и на рынкахъ безпрестанно встрѣчали то мужчинъ съ головою Зевеса, съ станомъ Аполлона, то женщинъ съ выраженіемъ величаво-строгой красоты Паллады, съ роскошными формами Афродиты или обаятельною прелестью харитъ. Только италіанскимъ живописцамъ среднихъ вѣковъ былъ доступенъ идеалъ Мадонны, ибо типъ ея они видѣли безпрестанно въ прекрасныхъ женщинахъ своего богатаго красотою отечества. Странное дѣло! Всѣ понимаютъ, что нельзя сдѣлаться великимъ живописцемъ, имѣя какой бы то ни было великій талантъ, если въ годы изученія искусства нѣтъ хорошихъ натурщиковъ; всѣ понимаютъ, что всякій живописецъ, творя идеальную красоту, все-таки нуждается, во время своей работы, въ образцѣ дѣйствительности; а никто не хочетъ понять, что точно такъ же и для великихъ поэтовъ образцомъ ихъ идеальныхъ созданій служитъ тоже окружающая ихъ дѣйствительность. Природа творитъ великихъ полководцевъ, когда ей угодно, а не только на случай войны но безъ войны и великій полководецъ проживетъ весь свой вѣкъ, даже и не подозрѣвая, что онъ — великій полководецъ: только во времена сильныхъ движеній общественныхъ люди, одаренные отъ природы большими военными способностями, дѣлаются великими полководцами. Чопорный, натянутый Расинъ въ древней Греціи былъ бы страстнымъ и глубокомысленнымъ Эврипидомъ; а во Франціи, въ царствованіе Людовика XIV, и самъ страстный, глубокомысленный Эврипидъ былъ бы чопорнымъ и натянутымъ Расиномъ. Таково вліяніе исторіи и общества на талантъ! У насъ этого не хотятъ знать. Кричатъ о Державинѣ, что онъ геній; стиховъ его давно уже совсѣмъ не читаютъ, а считаютъ чуть не безбожниками тѣхъ, кто осмѣливается говорить, что теперь поэзія Державина — слишкомъ непитательная и невкусная пища для эстетическаго вкуса. Повторяемъ не разъ уже сказанное и смѣемъ надѣяться, доказанное нами, что при всей огромности таланта, который мы и не думаемъ отрицать и предъ которымъ мы умѣемъ благоговѣть больше, нежели всѣ крикуны и лицемѣры, вопіющіе противъ насъ, — Державинъ не принадлежитъ къ тѣмъ вѣчноюнымъ геніямъ, которыхъ созданія никогда не старѣются, всегда новы

и интересны. Поэзія Державина была блестящею и интересною попыткой, для успѣха которой не были готовы ни русское общество, ни русскій языкъ, ни образованіе самого поэта. Это — поэзія, носящая на себѣ всѣ родовые признаки своего времени, а потому для насъ, русскихъ, имѣющая свой историческій интересъ; но какъ время этой поэзіи, такъ сама эта поэзія чужды всякаго дѣйствительнаго и опредѣленнаго идеальнаго содержанія, которое дается только сильно развитою народною жизнью. Лучшее, что есть въ поэзіи Державина, — это намеки на поэзію, часто не достигающіе цѣли по ихъ неопредѣленности и темнотѣ; проблески поэзіи, часто погасающіе въ водяной массѣ реторики; словомъ, это несвязный дѣтскій поэтическій лепетъ, но еще не поэзія. Въ поэзіи Державина есть и полётистая возвышенность, и могучая крѣпость, и яркость великолѣпныхъ картинъ, и, несмотря на ея подражательность, есть что-то, отзывающееся стихіями сѣверной природы; но все это является въ ней не въ стройныхъ созданіяхъ, вѣрныхъ и выдержанныхъ по концепціи и отличающихся художественною полнотой и оконченностью, но отрывочно, мѣстами, проблесками. Словомъ, это еще не поэзія, а только стремленіе къ поэзіи.

Задумчивая и мечтальная поэзія Жуковскаго совершенно чужда главнаго недостатка поэзіи Державина: она исполнена содержанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишена разнообразія и многосторонности. Ни одному поэту такъ много не обязана русская поэзія, въ ея историческомъ развитіи, какъ Жуковскому, и между тѣмъ въ созданіяхъ Жуковскаго поэзія является не столько искусствомъ, сколько служительницею и провозвѣстницею тайнъ внутренней жизни. Жуковскій — романтикъ въ духѣ времени среднихъ вѣковъ, а не художникъ. По своей натурѣ онъ чуждъ этой способности, совершенно поэтической и артистической, свободно переноситься во всѣ сферы жизни и воспроизводить ея явленія въ ихъ разнообразіи и свойственной каждому изъ нихъ особенности. Ему чуждо это свойство Протея, принимать всѣ виды и формы и оставаться въ то же время самимъ собою, — это свойство, въ которомъ заключается сущность поэзіи, какъ искусства. Поэзія Жуковскаго была отголоскомъ его жизни, вздохомъ по утраченнымъ радостямъ, разрушеннымъ надеждамъ, поэтическою тризной надъ умершимъ для очарованія сердцемъ. Поэзія души и сердца, она чужда всѣхъ другихъ интересовъ и рѣдко выходитъ изъ-за магическаго круга неопредѣленныхъ стремленій и туманныхъ мечтаній. Это ея величайшій недостатокъ, но это же и ея величайшее достоинство. Она была необходима не для самой себя, а какъ средство къ развитію русской поэзіи; она явилась не какъ готовая уже поэзія, подобно Палладѣ, родившейся во всеоружіи, а какъ моментъ возникавшей русской поэзіи. Она обогатила русскую поэзію содержаніемъ, котораго ей недоставало; указала ей на богатые и неистощимые источники европейской поэзіи, которой явленія умѣла съ непостижимымъ искусствомъ усвоивать русскому языку. Сверхъ того, Жуковскій далеко подвинулъ впередъ и русскій языкъ, придавъ ему много гибкости и поэтическаго выраженія.

Въ поэзіи Батюшкова преобладаетъ элементъ чисто художественный. Это видно и въ фактурѣ его стиха, и вообще въ пластическомъ характерѣ формъ его произведеній: это же видно и въ артистическомъ, полномъ страсти стремленіи его къ наслажденію, къ вѣчному пиру жизни; это же видно и въ разнообразіи предметовъ его поэтическихъ пѣсенъ. Это преимущества поэзіи Батюшкова передъ поэзіею Жуковскаго; но поэзія Жуковскаго несравненно богаче поэзіи Батюшкова содержаніемъ. Поэзія Батюшкова скользитъ по жизни, едва зацѣпляясь за нее; содержаніе ея весьма скудно и бѣдно. Самая художественность стиха его не достигла полнаго своего развитія: Батюшковъ любилъ произвольныя усѣченія прилагательныхъ; между превосходнѣйшими стихами у него встрѣчаются негладкіе и даже не поэтическіе; сверхъ того, вѣрный преданіямъ русской поэзіи и примѣру отца ея — Ломоносова, Батюшковъ очень и очень не чуждъ реторики.

Пушкинъ былъ призванъ быть первымъ поэтомъ-художникомъ Руси, дать ей поэзію, какъ искусство, какъ художество, а не только какъ прекрасный языкъ чувства. Само собою разумѣется, что одинъ онъ этого сдѣлать не могъ. Всѣ предшествовавшіе поэты относятся къ Пушкину, какъ малыя и великія рѣки къ морю, которое наполняется ихъ водами. Поэзія Пушкина была этимъ моремъ. По смыслу нашего сравненія, море больше и важнѣе рѣкъ; но безъ нихъ оно не могло бы образоваться. Такое сравненіе не можетъ быть оскорбительно для предшествовавшихъ Пушкину, особенно, если мы напомнимъ при этомъ, что поэтическая дѣятельность Жуковскаго явилась на высшей степени своего развитія и принесла самые сочные, зрѣлые и прекрасные плоды свои уже при Пушкинѣ, а Батюшковъ погасъ для литературы въ цвѣтѣ лѣтъ и силы. Читая стихотворенія Пушкина, отзывающіяся вліяніемъ прежней школы, чувствуешь и видишь, что была на Руси поэзія прежде Пушкина; но, читая по выбору только самобытныя его стихотворенія, не то что не вѣришь, а совершенно забываешь, что была на Руси поэзія и до Пушкина: такъ оригиналенъ, новъ и свѣжъ міръ его поэзіи! Тутъ нельзя даже сказать: то же, да не то! напротивъ, тутъ невольно воскликнешь: не то, совершенно не то! Стихъ Державина, часто столь неуклюжій и прозаическій, нерѣдко бываетъ, въ поэтическомъ отношеніи, могучъ, ярокъ, но въ отношеніи къ просодіи, грамматикѣ, синтаксису и особенно къ акустическимъ требованіямъ языка, онъ ниже стиха не только Дмитріева, но и Карамзина; стихъ Дмитріева и даже Озерова во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо ниже стиха Жуковскаго и Батюшкова, — и было время, когда нельзя было не вѣрить, что подъ перомъ этихъ двухъ поэтовъ стихъ русскій дошелъ до крайней и послѣдней степени совершенства, — и между тѣмъ, этотъ стихъ относится къ стиху Пушкина такъ же точно, какъ стихъ Дмитріева и Озерова относился къ стиху Жуковскаго и Батюшкова... Правда, впослѣдствіи, т.-е. при Пушкинѣ, стихъ Жуковскаго много усовершенствовался и въ переводѣ „Шильонскаго узника“, а также отчасти и въ переводѣ „Суда въ под-

земельн“ походилъ на крѣпкую дамасскую сталь, и у самого Пушкина нечего противопоставить этому стиху; но эту стальную крѣпость, эту необыкновенную сжатость и тяжело-упругую энергію ему сообщилъ тонъ поэмы Байрона и характеръ ея содержанія, — и Пушкинъ, если бы онъ написалъ поэму въ такомъ тонѣ и духѣ, конечно, умѣлъ мы придать этому стиху еще новыя качества, сохранивъ главныя свойства стиха Жуковскаго, — чему можетъ служить доказательствомъ его поэма „Мѣдный всадникъ“. Обращаясь къ общей характеристикѣ стиха Жуковскаго и Пушкина, мы снова повторяемъ, что только при отсутствіи эстетическаго чутья и такта можно не видѣть между ними огромной разницы... Мы не безъ умысла такъ много распространяемся о стихѣ: ибо подъ стихомъ разумѣемъ первоначальную, непосредственную форму поэтической мысли, — форму, которая одна, прежде и больше всего другого, свидѣтельствуетъ о дѣйствительности и силѣ таланта поэта. Это стихъ, который дается талантомъ и вдохновеніемъ, а трудомъ только совершенствуется; стихъ, который, какъ тѣло человѣка, есть откровеніе, осуществленіе души — идеи: стихъ, которому нельзя подражать, подъ который всякая поддѣлка, какъ ни была она ловка и искусна, всегда будетъ мертва, относясь къ нему, какъ искусно-сдѣланная восковая статуя или автоматъ относится къ живому человѣку. И потому стихъ Пушкина, въ самобытныхъ его пьесахъ вдругъ какъ бы сдѣлавшій крутой поворотъ, или рѣзкій разрывъ въ исторіи русской поэзіи, нарушившій преданіе, явившій собою что-то небывавшее, непохожее ни на что прежнее, — этотъ стихъ былъ представителемъ новой, дотолѣ небывалой поэзіи. И что же это за стихъ! Античная пластика и строгая простота сочетались въ немъ съ обаятельною игрой романтической риѳмы; все акустическое богатство, вся сила русскаго языка явилась въ немъ въ удивительной полнотѣ; онъ нѣженъ, сладостенъ, мягокъ, какъ ропотъ волны, тягучъ и густъ, какъ смола, ярокъ, какъ молнія, прозраченъ и чистъ, какъ кристаллъ, душистъ и благовоненъ, какъ весна, крѣпокъ и могучъ, какъ ударъ меча въ рукѣ богатыря. Въ немъ и обольстительныя, невыразимыя прелесть и грація, въ немъ ослѣпительный блескъ и кроткая влажность, въ немъ все богатство мелодіи и гармоніи языка и риѳма, въ немъ вся нѣга, все упоеніе творческой мечты, поэтическаго выраженія. Если бъ мы хотѣли охарактеризовать стихъ Пушкина однимъ словомъ, мы сказали бы, что это по превосходству поэтическій, художественный, артистическій стихъ, — и этимъ разгадали бы тайну паѳоса всей поэзіи Пушкина...

Читая Гомера, вы видите возможную полноту художественнаго совершенства; но она не поглощаетъ всего вашего вниманія; не ей исключительно удивляетесь вы: васъ болѣе всего поражаетъ и занимаетъ разлитое въ поэзіи Гомера древне-эллинское міросозерцаніе и самый этотъ древне-эллинскій міръ. Вы на Олимпѣ среди боговъ, вы въ битвахъ среди героевъ; вы очарованы этой благородною простотой, этой изящною патріархальностью героическаго вѣка народа, нѣкогда представлявшаго въ лицѣ своемъ цѣлое человѣчество; но поэтъ остается

у васъ какъ бы въ сторонѣ, и его художество вамъ кажется чѣмъ-то уже необходимо принадлежащимъ къ поэмѣ, и потому вамъ какъ будто не приходитъ въ голову остановиться на немъ и подивиться ему. Въ Шекспирѣ васъ тоже останавливаетъ прежде всего не художникъ, а глубокій серцевѣдецъ, мірообъемлющій созерцатель; художество же въ немъ какъ будто признается вами безъ всякихъ словъ и объясненій. Такъ, разсуждая о великомъ математикѣ, указываютъ на его заслуги наукѣ, не говоря объ удивительной силѣ его способности соображать и комбинировать до безконечности предметы. Въ поэзіи Байрона прежде всего обойметъ вашу душу ужасомъ удивленія колоссальная личность поэта, титаническая смѣлость и гордость его чувствъ и мыслей. Въ поэзіи Гёте передъ вами выступаетъ поэтически-созерцательный мыслитель, могучій царь и властелинъ внутренняго міра души человѣка. Въ поэзіи Шиллера вы преклонитесь съ любовью и благоговѣніемъ передъ трибуномъ человѣчества, провозвѣстникомъ гуманности, страстнымъ поклонникомъ всего высокаго и нравственно прекраснаго. Въ Пушкинѣ, напротивъ, прежде всего увидите художника, вооруженнаго всѣми чарами поэзіи, призваннаго для искусства, исполненнаго любви, интереса ко всему эстетически-прекрасному, любящаго все и потому терпимаго ко всему. Отсюда всѣ достоинства, всѣ недостатки его поэзіи, — и если вы будете разсматривать его съ этой точки, то съ удвоенною полнотой насладитесь его достоинствами и оправдаете его недостатки, какъ необходимое слѣдствіе, какъ оборотную сторону его же достоинствъ...

Призваніе Пушкина объясняется исторіею нашей литературы. Русская поэзія — пересадокъ, а не туземный плодъ. Всякая поэзія должна быть выраженіемъ жизни, въ обширномъ значеніи этого слова, обнимающаго собою весь міръ физическій и нравственный. До этого ее можетъ довести только мысль. Но чтобы быть выраженіемъ жизни, поэзія прежде всего должна быть поэзіею. Для искусства нѣтъ никакого выигрыша отъ произведенія, о которомъ можно сказать: умно, истинно, глубоко, но прозаично. Такое произведеніе похоже на женщину съ великою душой, но съ безобразнымъ лицомъ: ей можно удивляться, но полюбить ее нельзя; а между тѣмъ немножко любви сдѣлало бы счастливѣе, чѣмъ много удивленія, не только ее, но и мужчину, въ которомъ она возбудила это удивленіе. Произведенія непоэтическія безплодны во всѣхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ произведенія наполовину прозаическія бываютъ полезны для общества и для частныхъ людей; они дѣйствуютъ и въ этомъ отношеніи только наполовину. Гдѣ помнятъ начало поэзіи, гдѣ поэзія явилась не какъ плодъ національной жизни, а какъ плодъ цивилизаціи, тамъ для полнаго развитія поэзіи нужно прежде всего выработать поэтическую форму; ибо, повторяемъ, поэзія прежде всего должна быть поэзіею, а потомъ уже выражать собою то и другое. Вотъ причина явленія Пушкина такимъ, какимъ онъ былъ, и вотъ почему онъ ничѣмъ другимъ быть не могъ. До него у насъ не было даже предчувствія того, что такое

искусство, художество, которое составляетъ собою одну изъ абсолютныхъ сторонъ духа человѣческаго. До него поэзія была только краснорѣчивымъ изложеніемъ прекрасныхъ чувствъ и высокихъ мыслей, которыя не составляли ея души, но къ которымъ она относилась какъ удобное средство для доброй цѣли, какъ бѣлила и румяна для блѣднаго лица старушки-истины. Это мертвое понятіе о пользѣ поэтической формы для выраженія моральныхъ и другихъ идей породило такъ называемую дидактическую поэзію и было выражено Мерзляковымъ въ слѣдующихъ стихахъ, кажется, переведенныхъ имъ изъ Тассо:

Такъ врачъ болящаго младенца ко устамъ
Несетъ фіалъ, сластьми упитанъ по краямъ:
Счастливецъ, обольщенъ, пьетъ горькое цѣленье,
Обманъ ему далъ жизнь, обманъ ему спасенье!

Наша русская поэзія до Пушкина была именно позолоченною пилюлей, подслащеннымъ лѣкарствомъ. И потому въ ней истинная, вдохновенная и творческая поэзія только проблескивала временами въ частностяхъ, и эти проблески тонули въ массѣ реторической воды. Много было сдѣлано для языка, для стиха, кое-что было сдѣлано и для поэзіи; но поэзіи, какъ поэзіи, то-есть, такой поэзіи, которая, выражая то или другое, развивая такое или иное міросозерцаніе, прежде всего была бы поэзіей — такой поэзіи еще не было! Пушкинъ былъ призванъ быть живымъ откровеніемъ ея тайны на Руси. И такъ какъ его назначеніе было завоевать, усвоить навсегда русской землѣ поэзію какъ искусство, такъ, чтобы русская поэзія имѣла потомъ возможность быть выраженіемъ всякаго направленія, всякаго созерцанія, не боясь перестать быть поэзіей и перейти въ риѳмованную прозу—то, естественно, что Пушкинъ долженъ былъ явиться исключительно художникомъ.

Еще разъ: до Пушкина были у насъ поэты, но не было ни одного поэта-художника; Пушкинъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ-художникомъ. Поэтому, даже самыя первыя незрѣлыя юношескія его произведенія, каковы: „Русланъ и Людмила“, „Братья разбойники“, „Кавказскій плѣнникъ“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“, отмѣтили своимъ появленіемъ новую эпоху въ исторіи русской поэзіи. Всѣ не только образованные, даже многіе просто грамотные люди увидѣли въ нихъ не просто новыя поэтическія произведенія, но совершенно новую поэзію, которой они не знали на русскомъ языкѣ не только образца, но на которую они не видали никогда даже намека. И эти поэмы читались всею грамотною Россіей; онѣ ходили въ тетрадкахъ, переписывались дѣвушками, охотницами до стишковъ, учениками на школьныхъ скамейкахъ, украдкою отъ учителя, сидѣльцами за прилавками магазиновъ и лавокъ. И это дѣлалось не только въ столицахъ, но даже и въ уѣздныхъ захолустьяхъ. Тогда-то поняли, что различіе стиховъ отъ прозы заключается не въ риѳмѣ и размѣрѣ только, но что и стихи, въ свою очередь, могутъ быть и поэтическіе и прозаическіе. Это значило уразумѣть поэзію уже не какъ что-то внѣшнее,

но въ ея внутренней сущности. Явись теперь на Руси поэтъ, который былъ бы неизмѣримо выше Пушкина, — его появленіе уже не могло бы надѣлать столько шума, возбудить такой общій, такой страшный энтузіазмъ, потому что, послѣ Пушкина, поэзія уже не невиданная, не неслыханная вещь. И по тому же самому теперь уже слишкомъ слабый успѣхъ могъ получить поэтъ, который, не уступая Пушкину въ талантѣ, даже превосходя его въ этомъ отношеніи, былъ бы, подобно ему, преимущественно художникомъ.

Если въ поименованныхъ нами первыхъ поэмахъ Пушкина видно такъ много этого художества, которымъ такъ рѣзко отдѣлились онѣ отъ произведеній прежнихъ школъ, то и еще болѣе художества въ самобытныхъ лирическихъ пьесахъ Пушкина. Поэмы, о которыхъ мы говорили, уже много потеряли для насъ своей прежней прелести; мы уже пережили, и слѣдовательно, обогнали ихъ; но мелкія пьесы Пушкина, ознаменованныя самобытностью его творчества, и теперь такъ же обаятельно прекрасны, какъ и были во время появленія ихъ въ свѣтъ. Это понятно: поэма требуетъ той зрѣлости таланта, которую даетъ опытъ жизни, — и этой зрѣлости нѣтъ нисколько въ „Русланѣ и Людмилѣ“, „Братьяхъ разбойникахъ“ и „Кавказскомъ плѣнникѣ“, а въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ замѣченъ только успѣхъ въ искусствѣ; но юность самое лучшее время для лирической поэзіи. Поэма требуетъ знанія жизни и людей, требуетъ созданія характеровъ, слѣдовательно своего рода драматизировки; лирическая поэзія требуетъ богатства, ощущеній, — а когда же грудь человѣка наиболѣе богата ощущеніями, какъ не въ лѣта юности?

Тайна Пушкинскаго стиха была заключена не въ искусствѣ „сливать послушныя слова въ стройные размѣры и замыкать ихъ звонкою риѳмой“, но въ тайнѣ поэзіи. Душѣ Пушкина присуща была прежде всего та поэзія, которая не въ книгахъ, а въ природѣ, въ жизни, — присуще художество, печать котораго лежитъ на „полномъ твореніи славы“. Разумъ, это — духъ жизни, душа ея; поэзія, это — улыбка жизни, ея свѣтлый взглядъ, играющій всѣми переливами быстро смѣняющихся ощущеній. Бываютъ женщины, одаренныя отъ природы рѣдкою красотою, но которыхъ строго-правильныя черты лица поражаютъ какою-то сухостью, а движенія лишены граціи; такія женщины могутъ быть по-своему ослѣпительно блестящими и возбуждать удивленіе, но ихъ появленіе не заставитъ ничье сердце забиться отъ невѣдомаго волненія, ихъ красота не родитъ любви, а красота, не сопутствуемая харитою любви, лишена жизни, лишена поэзіи. Такъ точно и природа и жизнь возбуждали бы только холодное удивленіе, если бы онѣ не были насквозь проникнуты поэзіею; не любовью — небеснымъ огнемъ жизни, а холодною сыростью могилы вѣяло бы отъ нихъ. Пусть свѣтила небесныя образуютъ собою стройные міры; не тѣмъ только возвышаютъ они душу созерцающаго ихъ человѣка, но поэзіею своего таинственнаго мерцанія; но дивною красотою живой игры своихъ блѣдно-огнистыхъ лучей; въ ихъ стройномъ ходѣ Пиѳагоръ видѣлъ

не одну математику въ фактѣ, но и слышалъ гармонію міровъ... Если бы солнце только грѣло и свѣтило, оно было бы не болѣе, какъ огромный фонарь, огромная печка; но оно проливаетъ на землю яркій, весело дрожащій, радостно играющій лучъ, — и земля встрѣчаетъ этотъ лучъ улыбкою, а въ этой улыбкѣ — невыразимое очарованіе, неуловимая поэзія... Природа полна не однѣхъ органическихъ силъ, — она полна и поэзіи, которая наиболѣе свидѣтельствуетъ о ея жизни: въ ея вѣчномъ движеніи, въ которомъ любовно играетъ лучъ солнца, въ ропотѣ ручья, вѣяніи вѣтра, волнующаго золотистую жатву, разлитъ для человѣка таинственный блескъ и слышатся ему живые голоса, то грустные и одинокіе, какъ звуки эоловой арфы, то веселые, радостные, какъ пѣснь взвивающагося подъ небо жаворонка... Человѣкъ еще болѣе исполненъ поэзіи. Отчего вамъ такъ хочется расцѣловать этого ребенка, шумно играющаго на лугу; отчего такъ плѣняютъ васъ и его блестящіе чистою радостью глаза, его дышащая блаженствомъ улыбка, живость и рѣзвость его движеній? Что общаго между вами, измученнымъ жизнью, опытомъ и житейскими заботами, вами, человѣкомъ пожилымъ и мудрымъ, и между нимъ, ничего не понимающимъ, почти безсознательнымъ существомъ? Зачѣмъ же, торопливо бѣжа по важному дѣлу съ озабоченнымъ видомъ, вы вдругъ остановились на лугу, забывъ ваши важныя дѣла, и съ улыбкою умиленія смотрите на это дитя, и чело ваше разгладилось и прояснѣло, забота на мигъ слетѣла съ него, и улыбка счастія на мгновеніе освѣтила ваше угрюмое лицо, какъ лучъ солнца, проникнувшій сквозь щель въ мрачное подземелье и трепетно заигравшій на сыромъ его полу?... Оттого, что видъ этого дитяти пахнулъ на васъ поэзіею жизни... Вотъ прекрасная, молодая женщина: въ чертахъ лица ея вы не находите никакого опредѣленнаго выраженія — это не олицетвореніе чувства, души, доброты, любви, самоотверженія, возвышенности мысли и стремленій, словомъ, ничто не говоритъ вамъ въ этомъ лицѣ ни о какомъ рѣзко выпечатавшемся нравственномъ качествѣ; оно только прекрасно, мило, одушевлено жизнью — и больше ничего; вы не влюблены въ эту женщину и чужды желанію быть любимымъ ею, вы спокойно любуетесь прелестью ея движеній, граціею ея манеръ — и въ то же время въ ея присутствіи сердце ваше бьется какъ-то живѣе, и кроткая гармонія счастія мгновенно разливается въ душѣ вашей... Отчего это, если не оттого, что красота сама по себѣ есть качество и заслуга, и притомъ еще великая?... Прекрасна и любезна истина и добродѣтель, но и красота также прекрасна и любезна, и одно другого стоитъ; одно другого замѣнить не можетъ, но то и другое въ одинаковой степени составляетъ потребность нашего духа.. Вотъ почему древніе греки въ своемъ поэтическомъ политеизмѣ обожествили не только истину, знаніе, могущество, мудрость, доблесть, справедливость, цѣломудріе, но и красоту, сопровождаемую харитами любви и желанія... По ихъ религіозному созерцанію, исполненному поэзіи и жизни, богиня красоты обладала таинственнымъ поясомъ —

. . . . всѣ обаянія въ немъ заключались:
Въ немъ и любовь и желанья, въ немъ и знакомства
и просьбы,
Льстивыя рѣчи, не разъ уловлявшія умъ и разумныхъ.

Чтобы выразить всю силу неотразимаго вліянія на душу и сердце человѣка поэзіи Гомера, греки говорили, что онъ похитилъ поясъ Афродиты...

Пушкинъ первый изъ русскихъ поэтовъ овладѣлъ поясомъ Киприды. Не только стихъ, но каждое ощущеніе, каждое чувство, каждая мысль, каждая картина исполнены у него невыразимой поэзіи. Онъ созерцалъ природу и дѣйствительность подъ особеннымъ угломъ зрѣнія, и этотъ уголъ былъ исключительно поэтическій. Муза Пушкина, это дѣвушка-аристократка, въ которой обольстительная красота и граціозность непосредственности сочетались съ изяществомъ тона и благородною простотою, и въ которой прекрасныя внутреннія качества развиты и еще болѣе возвышены виртуозностью формы, до того усвоенной ею, что эта форма сдѣлалась ей второю природою.

Бѣлинскій.

Отношеніе Пушкина къ писателямъ старшаго поколѣнія.

Изъ современныхъ писателей старшаго поколѣнія Пушкинъ выше всѣхъ почиталъ Карамзина. Извѣстны восторженные отзывы объ „Исторіи государства россійскаго“: „Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ“; „у насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина, зато никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ“; „Исторія государства россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка“, и пр.

Мы упомянули, что Карамзинъ въ глазахъ Пушкина былъ не только великій писатель, но и честный человѣкъ: это могло относиться къ твердости убѣжденій, которыхъ Карамзинъ не уступалъ передъ самимъ императоромъ Александромъ, но также къ его литературной дѣятельности вообще, и къ той рѣшимости, съ которою онъ предпринялъ свой продолжительный и тяжелый историческій трудъ. Карамзинъ давно уже представлялся Пушкину примѣромъ мужества въ литературномъ служеніи. Въ 1817 г., вступая на свое литературное поприще и предвидя борьбу съ врагами, онъ говорилъ въ посланіи къ Жуковскому: „мнѣ Карамзинъ — мнѣ ты примѣръ!“ Въ письмѣ къ Бестужеву въ 1825 г. онъ опять указываетъ молодымъ писателямъ примѣръ Карамзина: „ты, да, кажется, Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить“. Но твореніе Карамзина тѣмъ не менѣе дало мотивы для „Исторіи села Горохина“.

Въ небольшой замѣткѣ 1822 года Пушкинъ пишетъ: „Вопросъ: чья проза лучшая въ нашей литературѣ? Отвѣтъ: Карамзина“. Въ тѣ времена рядомъ съ прозаикомъ Карамзинымъ ставили поэта Дмитріева, которому приписывали такое же усовершенствованіе русскаго стиха, какое сдѣлано было Карамзинымъ въ прозѣ. Пушкинъ, кажется, только однажды отозвался о Дмитріевѣ съ нѣкоторой похвалой, говоря о его книжкѣ „Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ“, но свое настоящее мнѣніе онъ нѣсколько разъ повторилъ въ письмахъ, и это мнѣніе было крайне неблагопріятно. Въ общемъ хорѣ восхваленій Дмитріева одни отзывы Пушкина представляются справедливой оцѣнкой этого писателя. Въ самомъ дѣлѣ, Дмитріевъ не совершилъ никакого особеннаго подвига въ отрицаніи старой напыщенной поэзіи, потому что самъ служилъ ей довольно усердно; теперь, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, восхваленія Дмитріева становились слишкомъ преувеличеннымъ комплиментомъ литературному ветерану и, наконецъ, безвкусіемъ, противъ котораго и возставалъ Пушкинъ. Еще въ письмѣ къ Гнѣдичу 1822 года онъ высказываетъ мысль, что начинавшееся тогда вліяніе англійской словесности на русскую „будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ съ своими *чувствами и мыслями*, взятыми изъ Флоріана и Легуве“. Въ 1823 году кн. Вяземскій написалъ извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Дмитріева къ новому изданію его сочиненій. Пушкинъ, еще не видавъ этой біографіи, но, зная, конечно, отношеніе кн. Вяземскаго къ этому писателю, уже напалъ на него въ письмѣ отъ марта 1824 года. Сохранились черновые наброски этого письма. Пушкинъ, повидимому, не рѣшался сказать всей правды своему другу, но въ этихъ черновыхъ мы читаемъ слѣдующее: „О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хотя всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры — одного изъ твоихъ посланій, а все прочее — перваго стихотворенія Жуковскаго; но мнѣ Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина. Сказки его написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты, а Ермакъ такая дрянь, что нѣтъ мочи... Грустно мнѣ видѣть, что все у васъ клонится Богъ знаетъ куда! Ты одинъ бы могъ прикрикнуть налѣво и направо, порастрясти старыя репутаціи, приструнить новыя и показать истину, а ты покровительствуешь старому вралю“. Въ письмѣ къ Бестужеву (въ мартѣ 1825 г.) по поводу его „Взгляда на русскую словесность“, гдѣ тотъ говорилъ, что у насъ есть критика и нѣтъ литературы, Пушкинъ говоритъ, что напротивъ, у насъ вовсе нѣтъ критики, что до сихъ поръ не оцѣненъ Державинъ, что „Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ также“.

При всемъ великомъ уваженіи, которое Пушкинъ питалъ къ Карамзину, при всемъ вниманіи, которое послѣдній ему оказывалъ, эти отношенія не могли быть вполнѣ близки: слишкомъ дѣлилъ ихъ

возрастъ и характеры и самое различіе областей литературы; у Карамзина недостало, наконецъ, терпѣливой снисходительности къ молодымъ рѣзкостямъ Пушкина, такъ что между ними, наконецъ, наступило охлажденіе. Но взамѣнъ у Пушкина былъ другъ съ начала до конца неизмѣнный, поэтъ, который рано почуялъ и встрѣтилъ съ великою любовью необычайный талантъ, какого не видала еще русская литература, наконецъ, исполненный благодушія человѣкъ, который если не находилъ иногда оправданія для иныхъ поступковъ Пушкина, то всегда былъ готовъ на участіе и помощь въ бѣдѣ. Съ своей стороны Пушкинъ едва ли къ кому-нибудь питалъ такое прочное и теплое сочувствіе, какъ къ Жуковскому. Послѣдній зналъ Пушкина еще ребенкомъ въ домѣ его отца, потомъ навѣщалъ его въ Лицеѣ; главнымъ образомъ черезъ него Пушкинъ вступилъ въ избранный кружокъ „Арзамасъ", и добродушный юморъ Жуковскаго также способствовалъ укрѣпленію взаимной привязанности. По тогдашнему обычаю поэты дѣлились своими мыслями и дружескими чувствами въ посланіяхъ, и въ 1817 году, передъ своимъ вступленіемъ въ общественную жизнь и рѣшивъ свое поэтическое поприще, Пушкинъ пишетъ извѣстное посланіе къ Жуковскому, гдѣ представлялись ему впередъ трудности этого поприща, недоброжелательство враговъ, но гдѣ высказывалось также и сознаніе великой задачи и трогательная увѣренность въ опорѣ у старшаго друга. „Благослови поэтъ!" — этими словами Пушкинъ начиналъ свое посланіе, и, сказавъ, какъ первые шаги его ободрили своимъ вниманіемъ Карамзинъ, Державинъ, Дмитріевъ, онъ обращается къ Жуковскому:

И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья,
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И, мнится, геній вашъ промчался надо мной.

Впослѣдствіи, въ VIII главѣ „Онѣгина" (въ варіантахъ), Пушкинъ вспоминаетъ Жуковскаго:

И ты, глубоко вдохновленный,
Всего прекраснаго пѣвецъ,
Ты, идолъ дѣвственныхъ сердецъ!
Не ты ль, пристрастьемъ увлеченный,
Не ты ль мнѣ руку подавалъ
И къ славѣ чистой призывалъ?

Жуковскій былъ дорогъ Пушкину вдвойнѣ, и какъ рѣдкій характеръ и какъ поэтъ. Ни къ кому Пушкинъ не обращался съ такою полною довѣрчивостью, убѣжденный иной разъ, какъ капризное дитя, что для него сдѣлано будетъ все; а вмѣстѣ съ тѣмъ ни у кого изъ

старшаго поколѣнія изъ сверстниковъ Пушкинъ не находилъ такого возвышеннаго представленія о поэзіи, ея художественной и нравственной задачѣ: Пушкинъ развилъ это представленіе, но остался на томъ же высокомъ тонѣ этого пониманія. Самъ Жуковскій былъ тогда въ полномъ развитіи своего таланта; еще можно было ожидать его самостоятельныхъ твореній, но и въ то время Пушкинъ ставилъ его очень высоко какъ переводчика, открывшаго путь романтизму, и какъ великаго мастера стиха. Въ молодомъ поколѣніи, въ двадцатыхъ годахъ, сказывалось иногда недовольство Жуковскимъ, особливо тѣмъ мистическимъ оттѣнкомъ, который такъ часто придавалъ онъ своему романтизму; иные, какъ Рылѣевъ, находили этотъ мистицизмъ даже вреднымъ; но Пушкинъ постоянно былъ на сторонѣ Жуковскаго. „Зачѣмъ, — писалъ онъ Рылѣеву въ январѣ 1825 года, — зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубки прорѣзались? Что̀ ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому же, превосходный слогъ его останется навсегда образцовымъ. Охъ, ужъ эта мнѣ республика словесности! За что̀ вѣнчать?“ Въ маѣ того же 1825 года онъ пишетъ Вяземскому по поводу статьи послѣдняго въ „Телеграфѣ“ о Пушкинѣ и Жуковскомъ: „Ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Жуковскому. Я не слѣдствіе, а точно ученикъ его и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный. Переводы избаловали его, измѣнили; онъ не хочетъ самъ созидать; но онъ, какъ Voss, геній перевода. Къ тому же смѣшно говорить объ немъ, какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ“.

На Жуковскаго Пушкинъ возлагалъ свои надежды въ критическія минуты при началѣ новаго царствованія. Когда кончилась ссылка и Пушкинъ вернулся въ Петербургъ, ихъ отношенія стали еще тѣснѣе, чѣмъ бывали прежде: это былъ испытанный другъ и въ ту минуту единственный равносильный поэтъ; еще въ началѣ 1820 года, когда Пушкинъ окончилъ „Руслана и Людмилу“, Жуковскій подарилъ ему свой портретъ съ надписью: „ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя“. Лѣто и осень въ 1831 году Пушкинъ провелъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ жилъ тогда же Жуковскій, такъ какъ здѣсь былъ и дворъ по случаю холеры. Здѣсь между Пушкинымъ и Жуковскимъ происходило извѣстное поэтическое состязаніе въ сказкахъ: Жуковскій написалъ тогда „Спящую царевну“, „Сказку о царѣ Берендеѣ“, „Войну мышей и лягушекъ“, Пушкинъ — сказку „О попѣ (переименованномъ послѣ въ купца Остолопа) и его работникѣ“ и сказку „О царѣ Салтанѣ“; вмѣстѣ они издали тогда и „Три стихотворенія на взятіе Варшавы... По смерти Пушкина, когда дѣлалось изданіе его сочиненій, Жуковскій иногда исправлялъ ихъ...

И другой поэтъ изъ предшествовавшаго поколѣнія имѣлъ свою долю въ образованіи таланта Пушкина: это былъ Батюшковъ. Послѣд-

ній зналъ семейство Пушкиныхъ, и юнаго поэта встрѣтилъ въ первый разъ, повидимому, въ 1815 году. Но еще въ 1814 году Пушкинъ адресовалъ Батюшкову посланіе съ поэтическими привѣтствіями къ парнасскому „счастливому лѣнивцу“ и наперстнику аонидъ, и съ вызовами на новую широкую дѣятельность и оканчивалъ такъ:

Но что? Цѣвницею моею,
Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ,
Я пѣсни продолжать не смѣю,
Прости — но помни мой совѣтъ:
Доколѣ, музами любимый,
Ты Піэридъ горишь огнемъ,
Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты не сидешь домъ,
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя, младой Назонъ,
Эротъ и граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ.

Второе посланіе къ Батюшкову, писанное въ 1815 году, является отвѣтомъ на предложеніе Батюшкова предпринять серіозный поэтическій трудъ и именно, простясь съ Анакреономъ, воспѣть войны кровавый пиръ, по примѣру Марона: Пушкинъ отклоняетъ трудную задачу, которая ему не по силамъ, и кончаетъ стихомъ, взятымъ изъ посланія Жуковскаго къ тому же Батюшкову: „будь всякій при своемъ“... Въ своихъ первыхъ поэтическихъ опытахъ Пушкинъ имѣлъ уже готовые и привычные образцы во французской поэзіи; но тѣми же Вольтеромъ, Парни и проч. увлекался въ свое время Батюшковъ, и весьма возможно, что его обработка этихъ образцовъ не осталась безъ вліянія на выборъ и манеру Пушкина. Въ лицейскихъ стихотвореніяхъ есть несомнѣнные слѣды подражаній Батюшкову. Пушкинъ высоко ставилъ его заслугу въ обработкѣ русскаго поэтическаго языка, и въ одной замѣткѣ 1824 года считаетъ возможнымъ сказать: „Батюшковъ, счастливый сподвижникъ Ломоносова, сдѣлалъ для русскаго языка то же самое, что Петрарка для италіанцевъ“. Извѣстенъ разсказъ, что въ 1828 году Пушкинъ написалъ въ альбомъ одного знакомца свое стихотвореніе „Муза“, а на вопросъ, почему онъ его выбралъ, отвѣчалъ: „я люблю его, оно отзывается стихами Батюшкова“. Батюшковъ, съ своей стороны, уже вскорѣ высоко оцѣнилъ въ Пушкинѣ то необыкновенное искусство формы, которой онъ самъ придавалъ такое значеніе, и которая, видимо, такъ легко давалась Пушкину. Какъ говорятъ, быстрые успѣхи молодого поэта даже возбудили въ самолюбивомъ Батюшковѣ нѣкоторое соревнованіе, и что онъ судорожно сжалъ въ рукахъ листъ бумаги, на которомъ читалъ Пушкинское „Посланіе къ Юрьеву“ (1818 г.), и сказалъ: „О, какъ сталъ писать этотъ злодѣй!...“ Это показывало уже, какъ высоко ставилъ онъ дарованіе Пушкина; уже тогда Батюшковъ ссылался на его „чуткое ухо“ и боялся только, чтобъ онъ не растратилъ своего дарованія въ разсѣянной жизни: „да спасутъ его музы да молитвы наши“. Когда онъ познакомился съ отрывками „Руслана и Людмилы“, онъ отзывался въ письмѣ кн. Вяземскому, что Пушкинъ „пишетъ прелестную поэму и зрѣетъ“, — между тѣмъ, какъ замѣчаетъ біографъ Батюшкова, „поэма Пушкина упразднила собою всѣ давно лелѣянные Батюшко-

вымъ замыслы о подобномъ же произведенiи съ содержанiемъ, взятымъ изъ народныхъ преданiй русской старины".

Позже, когда талантъ Пушкина созрѣлъ и содержанiе литературы расширилось, очень измѣнилось и мнѣнiе Пушкина о „наперсникѣ аонидъ". Свидѣтельствомъ этого позднѣйшаго мнѣнiя остались сообщенныя недавно замѣтки Пушкина на экземплярѣ „Опытовъ" Батюшкова. Какъ полагаютъ, онъ перечитывалъ Батюшкова около 1826 года: вся книга покрыта отмѣтками Пушкина, выражающими одобренiе или неодобренiе относительно цѣлыхъ пьесъ и отдѣльныхъ стиховъ. Замѣтки очень любопытны, и самая подробность ихъ свидѣтельствуетъ, что самому Пушкину какъ будто хотѣлось провѣрить старыя впечатлѣнiя и отдать себѣ отчетъ о томъ, что остается дѣйствительно прекраснаго и прочнаго въ произведенiяхъ его прежняго любимца и учителя. Эта историческая повѣрка очень часто оказывалась не въ пользу Батюшкова, и очевидно, что въ ошибкахъ и слабыхъ сторонахъ поэзiи Батюшкова нерѣдко осуждались ошибки самаго перiода литературы, къ которому онъ принадлежалъ — имъ бывалъ причастенъ и самъ Пушкинъ въ его юношеской поэзiи.

Пушкина непрiятно поражаетъ излишество подражанiя. По поводу одного мадригала Батюшкова, онъ замѣчаетъ: „переведенное остроумiе — плоскость". По поводу „Моихъ пенатовъ" Батюшкова, гдѣ по старому обычаю въ русскiе нравы замѣшивалась классическая миѳологiя, Пушкинъ замѣчаетъ: „Главный порокъ въ семъ прелестномъ посланiи есть слишкомъ явное смѣшенiе древнихъ обычаевъ миѳологiи съ обычаями жителя подмосковной деревни. Музы — существа идеальныя: христiанское воображенiе наше къ нимъ привыкло; но *норы* и *кельи*, гдѣ лары разставлены, слишкомъ переносятъ насъ въ греческую хижину, гдѣ съ неудовольствiемъ находимъ столъ съ изорваннымъ сукномъ и передъ каминомъ — суворовскаго солдата съ двуструнной балалайкой. Это все другъ другу слишкомъ уже противорѣчитъ". Въ другомъ случаѣ онъ отмѣчаетъ какъ нелѣпость: „сильваны, нимфы и наяды — межъ сыромъ выписнымъ и гамбургскимъ журналомъ!..." Онъ много разъ отмѣчаетъ у Батюшкова разныя неловкости, излишества, совсѣмъ неудачныя подробности, и не однажды въ его замѣткахъ стоитъ: „дурно", „вяло", даже „пошло", „дрянь". Въ стихотворенiи Батюшкова „Отвѣтъ Гнѣдичу" начальные стихи:

Твой другъ тебѣ навѣкъ отнынѣ
Съ рукою сердце отдаетъ,

вызываетъ объясненiе Пушкина: „Батюшковъ женится на Гнѣдичѣ!"

Но въ другихъ случаяхъ Пушкинъ отмѣчаетъ истинно-поэтическiя мѣста, красивые обороты, удачные стихи. Напримѣръ, къ тѣмъ самымъ пенатамъ, въ которыхъ онъ находилъ частные недостатки, онъ дѣлаетъ такое общее замѣчанiе: „Это стихотворенiе дышитъ какимъ-то упоеньемъ роскоши, юности и наслажденiя, слогъ такъ и трепещетъ, такъ и льется, гармонiя очаровательна". О посланiи къ

Жуковскому Пушкинъ пишетъ: „Прекрасно, достойно блестящихъ и небрежныхъ шалостей французскаго остроумія, — и вездѣ языкъ поэзіи“; но о стихахъ, обращенныхъ къ гр. Віельгорскому, онъ рѣшаетъ: „преглупая пьеса“ и т. д.

Такъ, въ этихъ критическихъ замѣткахъ Пушкина совершалось уже историческое опредѣленіе литературныхъ фактовъ: указывалась ихъ цѣна для своего времени, но указывалось и все устарѣлое, ложное, непригодное для настоящаго, устранялись не въ мѣру восхваленные кумиры и извлекалось то, въ чемъ могъ быть источникъ живого литературнаго дѣйствія. Эти взгляды Пушкина въ свое время только частію были высказаны въ печати, но и его неполныя и случайныя замѣтки свидѣтельствовали о новомъ, гораздо болѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, высокомъ уровнѣ исторической и художественной оцѣнки, и открыта была дорога для систематической критики, а вмѣстѣ съ тѣмъ для новаго литературнаго стиля было уже обязательно устраненіе устарѣлыхъ остатковъ XVIII вѣка. *Пыпинъ.*

Отношеніе Пушкина къ предшествующему литературному направленію.

Широкому литературному движенію, начавшемуся въ западныхъ литературахъ съ половины XVIII вѣка, въ нашей литературѣ соотвѣтствовало подобное же, можетъ-быть, не столь глубокое, но не менѣе запутанное и сложное движеніе, возникшее съ конца XVIII вѣка и продолжавшееся въ различныхъ фазисахъ до 30-хъ и даже отчасти 40-хъ годовъ текущаго столѣтія. Какъ и въ каждой изъ другихъ европейскихъ литературъ, и въ нашей литературѣ это движеніе не было какимъ-либо подражаніемъ или заимствованіемъ: общность явленій указывала лишь на общность потребностей. Всюду, во всѣхъ литературахъ хотя въ различныхъ видахъ и формахъ, возникали однѣ и тѣ же явленія,—обращеніе къ природѣ и естественности чувства, требованіе отъ поэзіи и вообще литературы большей жизненной правды, большей поэтической искренности и реальности, стремленіе къ художественности, независимо отъ литературныхъ формъ, — даже пренебреженіе, открытая борьба противъ этихъ, такъ долго обязательныхъ, формъ, — съ другой стороны, недовольство общественными условіями, недовольство и результатами, полученными литературой „просвѣщенія“, и, позже, результатами, совершившихся во Франціи политическихъ переворотовъ, общее разочарованіе и самоуглубленіе, — обращеніе, вслѣдствіе недовольства настоящимъ, къ историческому прошлому, къ средне-вѣковой старинѣ, къ преданіямъ народнаго прошлаго, къ національности, народности... Шаблонность предшествовавшей литературы всѣмъ надоѣла; всѣмъ хотѣлось чего-нибудь простого, чего-нибудь своего, національнаго. Весь умственный горизонтъ Европы, всѣ европейскія литературы одинаково охвачены были одной общей широкой волной обновленія.

Съ конца XVIII вѣка и въ нашей литературѣ наступаетъ переходная эпоха, — возникаетъ борьба стараго съ новымъ, или, выражаясь старыми терминами, борьба романтизма съ классицизмомъ. Переходность эпохи обозначается именами Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, Крылова — и кончается лишь съ именемъ Пушкина. Поэтическая дѣятельность Пушкина явилась наиболѣе полнымъ выраженіемъ литературныхъ стремленій эпохи.

Какъ и въ каждой изъ другихъ европейскихъ литературъ, — и въ нашей движеніе являлось въ особыхъ, своеобразныхъ формахъ, съ мѣстными чертами и особенностями. Изъ политическихъ событій конца XVIII и начала XIX вѣка, для нашей литературы особенно важной была, въ смыслѣ общаго возбужденія, эпоха борьбы съ Наполеономъ и непосредственное знакомство русскихъ съ Западомъ. Русская молодежь, пережившая это время, побывавшая на Западѣ, — „не могла не быть поражена тою скудостью мысли, тѣмъ нищенствомъ содержанія, которыя господствовали въ тогдашней русской печати“.

Когда въ русскихъ журналахъ стали появляться первыя стихотворенія Пушкина, литература наша представляла какой-то неопредѣленный, смѣшанный характеръ. Это всегда бываетъ съ эпохами переходными. Рядомъ съ именами Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Крылова — шелъ длинный рядъ поэтовъ и писателей, которые еще продолжали „творить“ напыщенныя оды, эпическія поэмы, героическія трагедіи. Реформы Карамзина въ слогѣ вызвали цѣлую бумажную войну. Имя творца „Россіады“ было окружено еще общимъ благовѣніемъ. Правда, въ 1815 году, въ одной журнальной статьѣ, одинъ молодой авторъ (П. М. Строевъ, въ то время студентъ Московскаго университета) горячо доказывалъ, что „Россіада“ недостойна тѣхъ похвалъ, коими ее до сихъ поръ осыпали“ и что вообще въ словесности весьма часто „имена бываютъ болѣе безсмертны, чѣмъ творенія“; но въ томъ же году, въ другомъ журналѣ, извѣстнымъ въ то время критикомъ и ученымъ (А. Ѳ. Мерзляковымъ, профессоромъ Московскаго университета) съ новыми соображеніями излагалось въ сущности прежнее мнѣніе о величіи и безсмертности „Россіады“; въ концѣ изслѣдованія, ученый авторъ даже сравниваетъ эту поэму съ храмомъ св. Петра и патетически восклицаетъ: „Какъ громада неподвижная и въ буряхъ времени и въ буряхъ мнѣній, „стоитъ „Россіада“, огражденная неизмѣннымъ своимъ величіемъ!... Вообще поклоненіе французскому классицизму было еще полное, и на это справедливо жаловались нѣкоторые изъ тогдашнихъ нашихъ писателей. Исключительная любовь къ французской словесности“, пишетъ Батюшковъ въ одномъ письмѣ въ 1814 году, „неизлѣчима: она выдержала всевозможныя испытанія и времени и политическихъ обстоятельствъ“. Исключительное господство и въ литературѣ и обществѣ ложноклассическихъ теорій поддерживалось и наукой: въ лекціяхъ университетскихъ профессоровъ (собственно Московскаго университета) по прежнему развивалось и доказывалось важное значеніе французскихъ классическихъ

правилъ и обязательность ихъ для поэтическихъ произведеній. Ослѣпленіе укоренившимися теоріями было настолько сильное, что за ними не замѣчали, или не хотѣли замѣчать новыхъ явленій въ литературѣ, или старались взглянуть на нихъ по своему, съ точки зрѣнія тѣхъ же теорій. Тотъ же Мерзляковъ, въ одной изъ журнальныхъ статей, въ 1817 году, доказывалъ, что успѣхъ комической оперы Аблесимова „Мельникъ“ зависѣлъ не отъ того, что она, какъ думали тогда нѣкоторые — „сочинена въ русскихъ нравахъ“, а долженъ быть объясняемъ исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что опера составлена съ строгимъ сохраненіемъ всѣхъ законовъ классической драмы, что она вполнѣ оправдываетъ собою эстетическіе законы Аристотеля, наставленія Горація, Буало, и вообще всѣ правила науки о вкусѣ...

Уже въ самомъ первомъ своемъ стихотвореніи, напечатанномъ въ „Вѣстн. Европы“ 1814 году въ іюльской книжкѣ, — пятнадцатилѣтній авторъ, въ то время еще лицеистъ, въ довольно яркой картинѣ рисуетъ общую бездарность большинства тогдашнихъ піитовъ и преобладающій безсодержательный характеръ современной литературы. Обращаясь къ одному изъ такихъ піитовъ, 15-лѣтній поэтъ говоритъ:

Аристъ! И ты въ толпѣ служителей Парнасса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса;
За лаврами спѣшишь опасною стезей,
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!
Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернила,
Забудь ручьи, лѣса, унылыя могилы,
Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
Ихъ напечатаютъ — и цѣлый свѣтъ забудетъ.
Быть можетъ, и теперь, отъ шума удалясь
И съ глупой музою навѣкъ соединясь,
Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды
Сокрытъ другой отецъ второй Телемахиды.
Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива:
На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшись безславія! Что, если Аполлонъ,
Услышавъ, что и ты полѣзъ на Геликонъ,
Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградитъ — спасительной лозою?...
Аристъ, не тотъ поэтъ, кто рифмы плесть умѣетъ
И, перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ;
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштейну французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные и честь и слава россовъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Ріоматова, Графова,
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятія печать.

Указывая на общую страсть къ стихамъ, — поэтъ-сатирикъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ:

Проводитъ тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
Своими одами журналовъ не тягчитъ
И надъ экспромптами недѣли не сидитъ...

Представительницей продолжавшаго все еще преобладать въ нашей литературѣ ложноклассическаго направленія была въ то время у насъ „Бесѣда любителей русскаго слова", основанная въ 1811 году Шишковымъ и Державинымъ и существовавшая до 1816 года. Пушкинъ уже въ Лицеѣ является ярымъ противникомъ „Бесѣды". Въ 1816 году, въ лицейскомъ письмѣ къ Вяземскому, Пушкинъ, называя „Бесѣду любителей" — „Бесѣдою губителей россійскаго слова", — шутя пишетъ ему:

Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ
И надъ словенскими глупцами
Смѣется русскими стихами...

Въ другомъ своемъ лицейскомъ стихотвореніи, говоря, что онъ рѣшился выбрать литературное поприще, и обращаясь за благословеніемъ къ Жуковскому, молодой поэтъ предчувствуетъ нападки на себя со стороны „дружинъ" Бесѣды, но смѣло заявляетъ:

Что нужды? Смѣло вдаль дорогою прямою:
Ученью руку давъ, поддержанный тобою
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ! Что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба:
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
Ихъ слава — имъ же стыдъ, творенья — смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

И въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ нерѣдко подсмѣивался надъ правилами ложноклассическихъ теорій. Такъ, въ I главѣ „Евгенія Онѣгина" поэтъ шутя обѣщаетъ написать „поэму пѣсенъ въ двадцать пять"; въ концѣ VII главы того же романа онъ пародируетъ приступы эпическихъ поэмъ:

. . .Здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою...
Да кстати, здѣсь о томъ два слова:
Пою пріятеля младова
И множество его причудъ
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ врučивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривь.
Довольно. Съ плечъ долой обуза,
Я классицизму отдалъ честь.
Хоть поздно, а вступленье есть.

Въ очеркѣ „Домикъ въ Коломнѣ" поэтъ подсмѣивается надъ александрійскимъ стихомъ, излюбленнымъ стихомъ „пудреной піитики", и тутъ же указываетъ на столкновеніе двухъ литературныхъ теорій, прежней и новой: стихъ этотъ, говоритъ поэтъ,

. . . вынянченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ цезурой;
По пудренной пiитикѣ на зло
Растрепанъ онъ свободною цензурой.
Ученiе не въ прокъ ему пошло:
Hugo съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.
О, что бъ сказалъ поэтъ-законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ рифмачей!
И ты, Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
И ты, Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты, Делиль, парнасскiй муравей,
Что бы вы сказали, сей соблазнъ увидя?
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ, вашъ стихъ обидя!

Поэтъ смѣется надъ требованiями современными критиками торжественности въ пѣснопѣнiи, возвышенныхъ предметовъ для литературныхъ сюжетовъ, — „героевъ“ двора, знати, высшаго общества:

Какой вы строгiй литераторъ!

восклицаетъ поэтъ:

Вы говорите, критикъ мой,
Что ужъ коллежскiй регистраторъ
Никакъ не долженъ быть герой,
Что выборъ мой всегда ничтоженъ,
Что въ немъ я, страхъ неостороженъ,
Что долженъ дать себѣ поэтъ
Всегда возвышенный предметъ,
Что въ спискахъ цѣлаго Парнасса
Героя нѣтъ такого класса...

И это не было одною шуткой. Отождествляя торжественность съ вдохновенiемъ, — сторонники господствовавшихъ литературныхъ традицiй были крайне недовольны самой формой Пушкинской поэзiи, разлитой въ ней веселостью и реальностью содержанiя. Многiе изъ современныхъ критиковъ были недовольны легкимъ, веселымъ сюжетомъ, напримѣръ, „Евгенiя Онѣгина“. Пушкину приходилось серiозно защищаться и серiозно говорить, напримѣръ, слѣдующее: „Ужели хотятъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзiи? Куда же дѣнутся сатиры и комедiи? Слѣдственно должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраза, и Pucelle, и Веръ-Вера, и Рейнеке-Фуксъ и лучшую часть „Душеньки“, и сказки Лафонтена, и басни Крылова и проч. и проч. Это немного строго“...

На господствующее пристрастiе въ современной литературѣ къ французскимъ образцамъ Пушкинъ иногда указывалъ и въ своихъ критическихъ статьяхъ и замѣткахъ. Онъ видѣлъ въ этомъ главную причину бѣдности нашей литературы. Ему кажется довольно страннымъ, что, младенческая наша словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публикѣ“, — и продолжаетъ: „французская словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко зна-

комая, вѣроятно, причиною сего явленія". Онъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ ея законы"... Во многихъ современныхъ произведеніяхъ поэтъ видитъ одно — „жеманство ложноклассицизма французскаго..." Общее пристрастіе къ укоренившимся правиламъ и формамъ вызываетъ у него даже безнадежное замѣчаніе: „нововведенія опасны и, кажется, не нужны..."

Съ представителями „Бесѣды" и вообще со всею старою литературною школою Пушкинъ расходился самымъ взглядомъ на сущность и задачи литературы. Мы позволимъ себѣ съ нѣкоторой подробностью остановиться на этихъ литературныхъ мнѣніяхъ нашего поэта; ихъ мало касались раньше. Взгляды Пушкина въ этой сферѣ были совершенно другіе, чѣмъ взгляды „пудреной піитики", продолжавшей еще привлекать литературные вкусы. „Пѣснопѣвческое" направленіе продолжало еще оставаться довольно сильнымъ. Кто бы что ни писалъ, — онъ пѣлъ, а не писалъ. Нѣкоторыя изъ страницъ „Записокъ" И. И. Дмитріева, гдѣ онъ описываетъ „лучшій свой піитическій годъ", хорошо знакомитъ насъ съ тѣмъ узкимъ, ограниченнымъ горизонтомъ, котораго было совершенно достаточно, чтобы вдохновить современнаго сентиментальнаго поэта и дать ему возможность „запастись матеріалами" для будущихъ его произведеній; одна недѣля пути могла обогатить такого поэта „запасомъ идей и картинъ, по крайней мѣрѣ, на полгода..." Содержаніе поэзіи было, по преимуществу, идиллическое. Заботились только о формѣ. Говоря о первомъ періодѣ своего стихотворства, Дмитріевъ замѣчаетъ: „Вся моя забота (тогда) была только о томъ, чтобъ стихи мои были менѣе шероховаты, чѣмъ у многихъ. Одну только плавность стиха и богатую риѳму я считалъ красотой и совершенствомъ поэзіи..." Основнымъ началомъ творчества поэзіи, по правиламъ ложноклассической теоріи, считался безотчетный восторгъ, которымъ внезапно плѣняется умъ, и который чаще всего на помощь призывалъ реторику...

На поэтическое творчество Пушкинъ смотрѣлъ иначе. На мѣсто восторга онъ ставитъ сознательный, спокойный трудъ, соединенный съ вдохновеніемъ, столь же сознательнымъ и спокойнымъ; трудъ является необходимымъ условіемъ истинно-великаго. „Вдохновеніе", писалъ Пушкинъ, „есть расположеніе души къ дальнѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Близость нашего поэта, въ этомъ опредѣленіи поэтическаго вдохновенія, со

взглядами В. Гумбольдта, въ его „Эстетическихъ опытахъ" очевидна. Въ словахъ Чарскаго, обращенныхъ къ импровизатору (въ „Египетскихъ ночахъ") Пушкинъ съ чрезвычайной ясностью опредѣляетъ послѣдовательность процесса поэтическаго творчества. „Какъ!" восклицаетъ Чарскій: „чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностью, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно? Итакъ для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію?..." „Трудъ" и „вдохновеніе" были двумя главными и постоянными факторами поэтической дѣятельности Пушкина. „Тихій трудъ", „жажда размышленій", „вниманіе долгихъ думъ", — вотъ чѣмъ питался его „своенравный геній", и вотъ для чего поэтъ всю жизнь свою стремился „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ"... Поэзія должна „питать здравый умъ", и ближайшимъ союзникомъ музъ долженъ быть разумъ.

Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ! — восклицаетъ поэтъ, и восклицаніе это, какъ справедливо замѣчено, имѣло въ устахъ Пушкина, особый глубокій смыслъ. По единогласному свидѣтельству людей, очень близко знавшихъ поэта, — за исключеніемъ нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ его жизни, проведенныхъ имъ совершенно безплодно и о которыхъ онъ съ такимъ раскаяніемъ вспоминалъ послѣ — никто такъ не трудился надъ своимъ образованіемъ, какъ Пушкинъ. Понятно поэтому его сожалѣніе, что — мало у насъ писателей, которые „учатся"; большая часть только „разучивается"... *Архангельскій.*

Духовная организація Пушкина.

„Поэзія бываетъ исключительно страстью немногихъ, *родившихся поэтами:* она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни..." Пушкинъ былъ вправѣ такъ говорить, потому что онъ на себѣ испыталъ и провѣрилъ все это. Если мы прослѣдимъ по его словамъ развитіе въ немъ литературнаго поэтическаго дарованія, то мы убѣдимся, что онъ широтой и глубиной своего таланта превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не напрасно лучшій біографъ Пушкина останавливаетъ наше вниманіе на томъ, что „языкъ поэзіи былъ его природный языкъ, данный ему вмѣстѣ съ жизнью": поэтическія грезы, крылатыя мечты и міръ фантазіи были знакомы ему съ младенческихъ лѣтъ; душа его и воображеніе уже съ ранняго дѣтства работали надъ усвоеніемъ окружающей дѣйствительности, которую мы потомъ сами познали и оцѣнили изъ чудныхъ созданій его поэтическаго генія, мы сами вслѣдъ за Пушкинымъ перестали смѣяться надъ нашей жизнью, утомившись отъ чрезмѣрнаго смѣха, вызваннаго сатирой Кантемира, Сумарокова, Фонвизина, сатирой журналовъ XVIII вѣка, Капниста, басенъ и Грибоѣдова; мы отдохнули на типахъ поэзіи Пушкина и узнали свою жизнь

съ другой стороны въ лицѣ Евгенія Онѣгина, Татьяны, капитанской дочки и многихъ другихъ. Эту художественную переработку впечатлѣній дѣйствительности Пушкинъ называлъ „вымыслами“ въ извѣстномъ смыслѣ и душою любилъ плоды своихъ думъ и чувствъ, говоря намъ о нихъ:

И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья.
Порой опять гармоніей упьюсь,
Подъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ-быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.
(Элегія. 1830.)

Это было сказано, какъ и все другое у Пушкина, совершенно искренно: безграничная любовь къ своему дѣлу — поэзіи — наполняла всю его жизнь и дѣлала его счастливымъ. Сравните, напр., съ этимъ сказанное имъ еще въ 17 лѣтъ:

Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье —
И въ жизни сей *мнѣ будетъ въ утѣшенье*
Мой скромный даръ и счастіе друзей!
(Къ Горчакову. 1816.)

Пушкинъ своимъ же геніальнымъ чутьемъ чувствовалъ, что его *искреннее* увлеченіе поэзій вызоветъ въ насъ такую же искреннюю и сильную любовь къ нему. Его глубокая преданность поэзіи и высокое мнѣніе о вдохновеніи сдѣлали изъ него строгаго судью и критика нашей литературы. Мы видимъ, что прежде, чѣмъ сдѣлаться писателемъ, онъ уже былъ поэтомъ, поэтомъ въ душѣ: такъ, въ 15 лѣтъ онъ пишетъ къ сестрѣ:

Фантазія, тобою
Одной я награжденъ!
И въ кельѣ я блаженъ! (Къ сестрѣ. 1814.)

Въ этомъ же возрастѣ, будучи ученикомъ Лицея, онъ пишетъ:

Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Спускающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ —
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.
(Городокъ. 1814.)

Черезъ годъ, въ 16 лѣтъ, Пушкинъ опять говоритъ намъ о томъ, что ему уже съ дѣтства знакомо вдохновеніе:

Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ.
Въ дни рѣзвости златые
Мнѣ дудку подарилъ,
Знакомясь съ нею рано,
Дудилъ я безпрестанно;
Нескладно хоть игралъ,
Но музамъ не скучалъ.
(Къ Батюшкову. 1815.)

Отъ этого же года сохранились другія слова Пушкина:

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погруженъ
На ложѣ одинокомъ;
Съ волшебной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньѣ,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтанья...
Нашелъ въ глуши я мирный кровъ
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безцѣнный;
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой,
И дикая пустыня.
На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И, горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью,
И чуть дышала, преклонясь,
Надъ дѣтской колыбелью.
(Мечтатель. 1815.)

Въ теченіе всей своей жизни Пушкинъ, оставаясь наединѣ, часто погружается въ сладкія думы, въ невольныя поэтическія грезы, и это состояніе было его любимымъ; мы видимъ, что онъ страстно любилъ предаваться своимъ мечтамъ; въ 17 лѣтъ онъ опять пишетъ:

Я трепеталъ, и тихо, наконецъ,
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой съ лазурной высоты
На ложе розъ *крылатыя мечты*,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ *сладкихъ думъ*
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней —
И въ вымыслахъ носился юный умъ...
(Сонъ. 1816.)

Мы видимъ такую рѣдкую впечатлительность мальчика-Пушкина, какая можетъ быть только у больного или разстроеннаго ребенка, а между тѣмъ это состояніе *сладкихъ думъ*, эта жизнь въ средѣ поэтическихъ образовъ, эти *крылатыя мечты* были обыкновеннымъ и нормальнымъ состояніемъ у Пушкина; никто изъ его біографовъ не указываетъ намъ на его разстроенное здоровье въ дѣтствѣ, никто не говоритъ о слабости его организма, напротивъ, мы знаемъ о его здоровьѣ совершенно обратное, а между тѣмъ стоило только нянѣ его разсказать ему на сонъ грядущій одну-другую сказку, какъ нашъ вдохновенный мальчикъ начиналъ еще и наяву и во снѣ грезить: для него начиналась *другая жизнь*, и онъ страстно любилъ эту жизнь, это одиночество съ поэтическимъ настроеніемъ: свои думы онъ вездѣ называетъ „сладкими". Мы должны признать у Пушкина врожденный вкусъ и чутье изящнаго: онъ самъ говоритъ „Дельвигу" въ 18 лѣтъ:

О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ *младенческую* грудь
Вліяли искру *вдохновенья*
И тайный указали путь.
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ.
(Дельвигу. 1817).

Когда посѣщало его божество — вдохновеніе (срв. вдохновеніе Чарскаго — Пушкина въ „Египетскихъ ночахъ"), онъ весь перерождался, онъ чувствовалъ приближеніе этого сладостнаго состоянія, это былъ

особый психическій процессъ, сопровождавшійся возбужденіемъ всего организма. Въ самомъ дѣлѣ, еще 19-лѣтнимъ юношей Пушкинъ *по своему опыту* такъ изображаетъ вдохновеніе передъ Жуковскимъ:

Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый *холодъ вдохновенья*
Власы подъемлетъ на челѣ:
Ты правъ: творишь ты для немногихъ...
Священной истины друзей.

Далѣе онъ восклицаетъ:

Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ...
(Жуковскому. 1818.)

Здѣсь мы узнаемъ въ Пушкинѣ артиста, глубокаго поклонника всего прекраснаго, чистаго художника. Это произведеніе справедливо навело на всѣхъ современниковъ какой-то невѣдомый трепетъ, чувствовалась невидимая *сила*, созидающая и вмѣстѣ сокрушающая. Князь Вяземскій по поводу этого стихотворенія писалъ Жуковскому изъ Варшавы отъ 25 апрѣля 1818 года: „Стихи чертенка-племянника чудесно хороши!... Какая бестія! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ: не то, этотъ бѣшеный сорванецъ *насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ...*“

Послѣ этого мы начинаемъ невольно вѣрить, что Пушкинъ въ моменты вдохновеннаго состоянія прозрѣвалъ и понималъ то, что другимъ людямъ не было доступно: онъ тогда могъ говорить о себѣ:

И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье...
(Пророкъ. 1826.)

Очень естественно, что Пушкинъ преобразовался въ моменты вдохновенія и бѣжалъ отъ людей и толпы, чтобы кто-нибудь не нарушилъ его состоянія:

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ...
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый.
И звуковъ и смятенья полнъ.
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.
(Поэтъ. 1827.)

Вотъ его состояніе вдохновенія, вотъ тотъ психологическій процессъ, который намъ переданъ самимъ поэтомъ, испытывавшимъ это настроеніе, и мы понимаемъ, благодаря этому, почему Пушкинъ такъ строго относился къ тѣмъ, кто писалъ не по вдохновенію, кто не былъ настоящимъ поэтомъ, почему, наконецъ, онъ *гналъ* отъ себя тѣхъ, кому непонятна святость и возвышенность поэтическаго творчества и вдохновенія. Пушкинъ еще 15-лѣтнимъ мальчикомъ бросилъ укоризненную фразу по адресу людей, у которыхъ не было художественнаго дарованія и таланта:

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто риѳмы плесть умѣетъ
И, перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ;
Хорошіе стихи не такъ легко писать...
(Къ другу-стих. 1814.)

Въ одномъ стихотвореніи Пушкинъ въ 22 года вводитъ насъ въ самый процессъ своего творчества, излагаетъ передъ нами, *какъ* онъ еще неопытной рукой въ дѣтствѣ дѣлалъ первые шаги въ творчествѣ, увлекаемый страстью къ поэзіи; обращаясь къ намъ, онъ говоритъ о своей музѣ:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ *съ улыбкой,* и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубровъ
Прилежно я внималъ уроки дѣвы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала;
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.
(Муза. 1821.)

Вотъ какъ учатся даровитые ученики поэтической музы, вотъ что они считаютъ для себя высшей наградой!...

Наконецъ, въ томъ же году, обращаясь къ своей бабушкѣ, поэтъ говоритъ:

Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила
(Наперсница волшебной старины. 1826.)

Такой полноты автобіографическихъ свѣдѣній не оставилъ намъ ни одинъ писатель, въ особенности по вопросу о своемъ талантѣ.

Будде.

Прежде всего мы видимъ въ Пушкинѣ натуру артистическую. Ея типическія черты въ немъ выразились особенно полно. Отличительное свойство этой натуры есть преобладающее, врожденное стремленіе къ изящному; въ ней всѣ впечатлѣнія отъ жизни перерабатываются въ художественные образы; всѣ идеи, надъ которыми работаетъ умъ, переходятъ въ чувство и вызываютъ творческую дѣятельность фантазіи.

Сильная впечатлительность есть какъ бы основаніе артистической натуры; отсюда способность быстро поддаваться чувствамъ, всѣмъ увлекаться до страсти, переходить отъ увлеченія къ новому увлеченію, съ которыми въ то же время могутъ уживаться и сильныя глубокія чувства. Артистическая наклонность иногда кажется легкомысленною оттого, что одни впечатлѣнія уступаютъ мѣсто другимъ, которыя быстро овладѣваютъ душой и дѣлаются въ ней какъ бы господствующими, но не

надолго: имъ снова готова и смѣна: но они не забываются, время отъ времени снова возникаютъ и въ чувствѣ и въ фантазіи и преобразовываются, какъ бы очищенныя, въ поэтическій образъ. Эта смѣна не мѣшаетъ преслѣдовать и одинъ и тотъ же образъ, одну и ту же идею, которые могутъ быть главнымъ содержаніемъ духовной жизни. Петрарка вѣчно мечталъ о своей Лаурѣ, но это не мѣшало ему увлекаться другими женщинами. Данте молился на свою Беатриче, хотя не закрывалъ глазъ и передъ другими красавицами.

Артистическая натура любитъ жизнь не въ отвлеченной мысли, не въ теоріи, а въ чувствахъ, въ реальномъ представленіи. Жить по теоріи она не можетъ; впечатлѣнія безпрестанно увлекаютъ ее за тѣ предѣлы, которые другими называются предѣлами благоразумія; она отдается вполнѣ жизни, въ какомъ бы видѣ та ни представлялась. О ней можно сказать то же, что Пушкинъ сказалъ о нѣкоторыхъ минутахъ жизни поэта:

Изъ всѣхъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Артистическая натура легко впадаетъ въ крайности, за которыя часто приходится платиться страданіями и несчастіями; но грязь жизни не пристаетъ къ ней, хотя минутами эта жизнь и можетъ казаться неприглядною. Ее спасаютъ тѣ художественные образы, которые вырабатываются въ глубинѣ души и которые вызываютъ къ другимъ и высшимъ стремленіямъ. Обстоятельства жизни направляютъ артистическую натуру или къ постоянной мечтательности, или къ раздраженію, или къ восторгамъ; горе и радость представляются ей въ преувеличенномъ видѣ: довольно пустого обстоятельства, чтобъ она воспламенилась гнѣвомъ, довольно и простого дружескаго участія, чтобъ она утѣшилась.

Наблюдательность, замѣтная въ произведеніяхъ ея фантазіи, мало приноситъ ей пользы въ практической жизни. Артистическую натуру обыкновенно упрекаютъ въ непрактичности и нерасчетливости. Она рѣдко успѣваетъ въ практическихъ предпріятіяхъ, хотя нерѣдко увлекается ими; ея блестящіе расчеты въ началѣ дѣла потомъ оказываются невѣрными. Эти типическія черты въ иныхъ натурахъ усиливаются, въ иныхъ ослабляются подъ вліяніемъ другихъ особенныхъ свойствъ, которыя найдутся въ каждой личности.

Что касается Пушкина, то, кромѣ того, мы должны назвать его натурой геніальной. У нея есть также свои типическія черты, и въ этомъ случаѣ между всѣми геніальными личностями есть высшее духовное родство. До Пушкина русская исторія представляетъ намъ двухъ несомнѣнно геніальныхъ — Петра Великаго и Ломоносова. Поставимъ рядомъ съ ними Пушкина, и онъ ничего не проиграетъ отъ сравненія. Во всѣхъ нихъ мы замѣчаемъ не только необыкновенныя природныя силы души, быстрый, все охватывающій умъ, страстность, но и особенную способность направлять всѣ эти силы на то дѣло,

которое намѣчено, какъ задача жизни. Геній не можетъ довольствоваться тѣснымъ кругомъ дѣятельности: къ ней его вызываютъ потребности всего народа, которыя, можетъ-быть, большинствомъ и не сознаны, но угаданы даровитѣйшей натурой изъ его среды. Геній видитъ не только то, что есть въ жизни, и чѣмъ другіе должны довольствоваться; онъ хочетъ видѣть и то, чего въ ней пока нѣтъ, но что должно быть, для того, чтобы дать ей новыя жизненныя силы и двинуть ее впередъ. Онъ проникается новымъ идеаломъ и всегда такимъ, который создается изъ впечатлѣній дѣйствительной жизни и является, какъ отзывъ на истинную ея потребность. Полная увѣренность въ его жизненности въ страстной натурѣ генія обращается въ такую силу, которая обыкновенно удивляетъ всѣхъ. Она проявляется и въ борьбѣ противъ препятствій, и въ собственныхъ созданіяхъ, и даже въ неудачахъ. Геній упоренъ въ своихъ идеяхъ и замыслахъ, и въ то же время гордъ въ сознаніи своего призванія. Но онъ же считаетъ себя и слугою народа, только изъ личностей не создаетъ себѣ кумировъ.

Всѣхъ этихъ чертъ никто не будетъ отрицать ни въ Петрѣ Великомъ ни въ Ломоносовѣ. Ихъ мы находимъ въ Пушкинѣ. Его геніальная натура сдѣлала рѣзче всѣ тѣ черты, которыя составляютъ натуру артистическую. Память его необыкновенная, остроуміе — изумительное, сила творчества — неизмѣримая; его обширный умъ освѣщалъ ему цѣль и значеніе искусства, которому онъ отдавался, какъ истинный артистъ. Поэзія была исключительной сферой его дѣятельности; но съ нею онъ связалъ высшія задачи жизни. Въ поэзіи онъ нашелъ одну изъ общественныхъ силъ, которая должна пробуждать лучшія чувства въ народѣ, слѣдовательно и нравственно образовывать и вызывать возвышенныя стремленія духа. Онъ угадывалъ, что чрезъ поэзію можно проводить въ разрозненные классы народа сознаніе единства, въ которомъ и заключается нравственная народная сила. Его страстность давала ему силы и въ трудахъ, и въ борьбѣ, выпавшей ему на долю. Онъ ясно сознавалъ свое высокое призваніе, честно относился къ нему и гордо смотрѣлъ на враговъ своего дѣла. Благодаря силѣ своего духа, онъ во всемъ оригиналенъ — и въ трудахъ, и въ мысляхъ, и въ обыкновенной жизни, и въ юношескихъ шалостяхъ, и въ любви, и въ гнѣвѣ, и даже какъ жертва чужой силы. Его многіе не любили, многіе осуждали, многіе боялись, но всѣ уважали эту самостоятельную и открытую личность.

Въ геніальной артистической натурѣ Пушкина была еще одна исключительная особенность, которую онъ самъ считалъ зломъ для себя и за которую ему приходилось дорого платиться — это несчастное наслѣдство, доставшееся ему отъ его прадѣда по матери — арабская кровь, которая превратила въ вулканъ пылкій темпераментъ геніальной натуры. Она кипѣла, бурлила и клокотала, особенно когда ему казалось, что затрогивалась его честь. Обыкновенно благоразумный въ спокойныя минуты, все представляющій себѣ ясно въ минуты творчества, онъ терялъ разсудокъ въ приливѣ страсти: она переходила у него

въ бѣшеные порывы, и онъ дѣлалъ безразсудства, если бы кто-нибудь изъ друзей не успѣвалъ охладить его рѣзкими словами и даже бранью. Поэтъ сознавалъ въ себѣ этотъ недостатокъ, но никогда не могъ съ нимъ справиться. Въ эти минуты борьба съ собою безъ чужой помощи для него была невозможна. Арабская кровь нарушала миръ его души, раздвояла его, ставила въ противорѣчіе съ самимъ собою. Она составила его судьбу. Подобно трагическому герою, онъ боролся съ нею и, наконецъ, палъ ея жертвою. Къ нему можно примѣнить его собственныя слова о геніи: „Геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалятъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества; независимость и самоуваженіе одни насъ могутъ выносить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы“. *Стоюнинъ.*

Нравственный обликъ Пушкина.

Поэтъ съ многогранною душой — Пушкинъ былъ не только геніальнымъ художникомъ, но и великимъ явленіемъ жизни русской. Въ признаніи именно такого его значенія сходятся между собою, — съ различныхъ точекъ зрѣнія, — Гоголь, Бѣлинскій и Достоевскій. Но великія явленія, какъ въ области нравственной природы, такъ и въ области природы физической, имѣютъ одно общее свойство: при нихъ никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно. Ихъ глубокое значеніе, ихъ сила и воздѣйствіе на окружающее никогда не раскрываются вдругъ и сразу. Поэтому и Пушкинъ — несравненный выразитель коренныхъ началъ народнаго духа, могучій и вдохновенный ковачъ родного языка, мыслитель и пѣвецъ, историкъ и гражданинъ — представляетъ неисчерпаемый матеріалъ для изученія. Въ его духовной природѣ, по мѣрѣ созрѣванія и расширенія русской мысли, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства со всѣмъ, что̀ къ нему относится, — открываются все новые горизонты. Этимъ онъ походитъ на своего любимаго историческаго героя, — на великаго Петра.

Съ него начинается у насъ литература въ ея настоящемъ значеніи — выразительницы свойствъ и потребностей общества и провозвѣстницы его упованій. Какую бы сторону ея ни изслѣдовать, приходится почти всегда подняться, вверхъ по теченію, къ Пушкину. Ему ничто не было чуждо; его трезвый, проникновенный и свободный отъ исключительности умъ, вооруженный геніальною силою выраженія, отзывался на всѣ проявленія и вопросы окружающей жизни и сыпалъ искры при каждомъ ея прикосновеніи, а его глубокая любовь къ родинѣ, исполненная чувства, но чуждая чувствительности, заставляла его вникать во всѣ условія ея быта и исторіи. Полонскій справедливо сказалъ о немъ: „Это геній — все любившій, все въ самомъ себѣ вмѣстившій...“

Пушкинъ былъ исполненъ чувства и исканія правды. Но въ жизни правда проявляется, прежде всего, въ искренности въ отношеніяхъ

къ людямъ, въ справедливости при дѣйствіяхъ съ ними. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ отношеніи цѣлаго общества къ своимъ сочленамъ, объ ограниченіи ихъ личной свободы во имя общаго блага и о защитѣ правъ отдѣльныхъ лицъ — эта справедливость должна находить себѣ выраженіе въ *законодательствѣ*, которое тѣмъ выше, чѣмъ глубже оно всматривается въ жизненную правду людскихъ потребностей и возможностей, — и въ *правосудіи*, осуществляемомъ судомъ, который тѣмъ выше, чѣмъ больше въ немъ живого, а не формальнаго отношенія къ личности человѣка. Вотъ почему — justitia fundamentum regnorum! Но право и нравственность не суть чуждыя или противоположныя одно другому понятія. Въ сущности источникъ у нихъ общій, и дѣйствительная ихъ разность должна состоять, главнымъ образомъ, въ принудительной обязанности права въ сравненіи съ свободною осуществимостью нравственности. Отсюда связь правовыхъ воззрѣній съ нравственными идеалами. Чѣмъ она тѣснѣй, тѣмъ больше обезпечено разумное развитіе общества. Право имѣетъ однако свой писанный кодексъ, гдѣ указано, что *можно* и чего *нельзя*. У нравственности такого кодекса быть не можетъ — и отыскивая, *что надо* сдѣлать въ томъ или другомъ случаѣ, человѣку приходится вопрошать свою совѣсть. Внутренній голосъ, называемый совѣстью, истекаетъ у многихъ людей изъ началъ, невидимо, но неразрывно связанныхъ съ вѣрою, съ религіознымъ ихъ строемъ. Въ этомъ голосѣ имъ слышится выраженіе воли высшаго существа, сознаніе связи съ которымъ и отвѣтственности передъ которымъ такъ поднимаетъ и укрѣпляетъ душу многихъ въ минуты житейскаго смятенія. Нравственныя начала, черпая свои силы въ религіи, проникаютъ съ разныхъ сторонъ и въ область права. Надпись на зданіи старинной ратуши въ Лугано: „Quod sunt leges sine moribus, quod sunt mores sine fide“ — имѣетъ свое глубокое значеніе. Поэтому, говоря о правовыхъ воззрѣніяхъ Пушкина, трудно избѣжать необходимости ознакомиться съ его нравственными воззрѣніями и его отношеніемъ къ вопросамъ вѣры. Такимъ образомъ, самъ собою создается *нравственный обликъ Пушкина*.

Недальновидные и поспѣшные на заключенія читатели юношескихъ произведеній Пушкина, писанныхъ въ „часы забавъ иль праздной скуки“, — въ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, „пѣлись порочныя забавы и славились сѣти сладострастья“ — создали ему довольно прочно утвердившуюся репутацію не только эротическаго поэта, но и язвительнаго отрицателя вѣры.

Имъ помогли въ этомъ нѣкоторые высокодобродѣтельные друзья молодости поэта, чей „предательскій привѣтъ“ преслѣдовалъ его и за гробомъ, — въ забвеніи его словъ, что „судить взрослаго человѣка за вину юноши есть дѣло ужасное“. Одинъ изъ нихъ, чью умѣренность и аккуратность, при воспоминаніяхъ объ угасшемъ уже поэтѣ, непріятно поражало отсутствіе у него не только „ровной, систематической бесѣды“, но даже и „порядочнаго фрака“ — провозгласилъ, что Пушкинъ не имѣлъ „ни *внѣшней* ни *внутренней* религіи и смѣялся

надъ всѣми отношеніями". Но въ этомъ представленіи о Пушкинѣ и въ вытекающихъ изъ него непродуманныхъ или лицемѣрныхъ упрекахъ — нѣтъ правды. Необходимо глубже всмотрѣться въ эту сторону личности Пушкина — судить человѣка и писателя не по случайнымъ проявленіямъ, а по кореннымъ свойствамъ его природы. Безпорядочное домашнее воспитаніе въ безалаберной семьѣ дало отроку раннюю возможность отравиться дурманомъ фривольныхъ произведеній французской литературы XVIII вѣка. Отголоскомъ этого было появленіе трехъ-четырехъ подражательныхъ произведеній. Все остальное въ этомъ легкомысленномъ родѣ лживо и безъ всякой критики писалось въ пассивъ поэзіи Пушкина. Да и эти немногія произведенія мутили его совѣсть, заставляли краснѣть за себя, негодуя „на *грѣшный* свой языкъ, и празднословный и лукавый" — и сжигать попадавшіеся ему ихъ рукописные списки. Какъ всякая сильная натура — онъ не могъ не пройти періода *скитанія мыслей*, прежде чѣмъ остановиться на болѣе или менѣе прочномъ міросозерцаніи.

Переломъ боровшихся сомнѣній въ сторону вѣры совершился у Пушкина на двадцать второмъ году жизни. „Съ измученной души его исчезли заблужденья" подобно тому, „какъ краски чуждыя съ лѣтами спадаютъ ветхой чешуей". Съ этого времени мы видимъ у него уже вполнѣ сложившійся взглядъ, которому онъ остается вѣренъ до конца. Въ душѣ его блеститъ немеркнущимъ свѣтомъ не только вѣра въ высшій разумъ, управляющій вселенною, но и, — употребляя выраженіе Лермонтова, — „вѣра гордая въ людей и въ жизнь иную", т.-е. въ возвышенныя стороны человѣческаго духа и въ его безсмертіе. „Я нашелъ Бога въ своей совѣсти и въ природѣ, которая говорила мнѣ о Немъ", объяснялъ онъ А. И. Тургеневу. Рекомендуя сыну своего друга кн. Вяземскаго *пристально* и *постоянно* читать книги священнаго Писанія, Пушкинъ называлъ ихъ „ключомъ живой воды". Замѣчая, что евангеліе настолько истолковано, объяснено и проповѣдано повсюду, что не заключаетъ въ себѣ уже ничего для насъ неизвѣстнаго, — онъ указывалъ на его вѣчно новую прелесть для всѣхъ пресыщенныхъ міромъ или погруженныхъ въ уныніе... Въ разговорахъ съ Барантомъ, восторженно отзываясь о библіи и въ особенности объ евангеліи — онъ, по поводу стремленій подвести смыслъ святой и вѣчной книги подъ мѣрило временныхъ человѣческихъ различій и направленій, говорилъ: „Мы всѣ несемъ бремя нашей жизни, иго нашей человѣчности, столь подверженной заблужденію — и это иго уравниваетъ все; Христосъ велитъ взять Его иго и бремя, которыя помогутъ намъ донести наше собственное до конца, если мы будемъ помогать ближнему поднять и нести иго, подъ которымъ онъ изнемогаетъ. Здѣсь нѣтъ мѣста ни для аристократіи ни для демократіи. Весь законъ въ нѣсколькихъ словахъ. Здѣсь только одна, единственная великая сила — любовь!" Такимъ образомъ онъ былъ не только вѣрующимъ, но и христіаниномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Религіозность его проявлялась не только въ удивительныхъ по формѣ и силѣ отдѣльныхъ стихахъ и цѣлыхъ произведеніяхъ, какъ, напр., переложеніе молитвы св. Ефрема Сирина („Отцы-пустынники и жены непорочны“), не только въ изображеніи могучей вѣры Кочубея, не поколебленной и его горькимъ концомъ, но и въ формахъ, освященныхъ народнымъ чувствомъ. Въ тоскѣ своего принудительнаго уединенія въ Михайловскомъ, онъ вызывалъ предъ умственнымъ взоромъ образы тѣхъ, кого Господь надѣлилъ высокимъ творческимъ даромъ и „всеобъемлющей душою“. Онъ молился о нихъ и служилъ панихиды о рабахъ Божіихъ — Петрѣ и Георгіи. Этотъ Петръ былъ тотъ „вѣчный работникъ на тронѣ“, котораго онъ воспѣлъ съ такою силой, понялъ съ такою любовью, — этотъ Георгій былъ „властитель думъ“ — лордъ Байронъ... Пушкинъ придавалъ огромное значеніе христіанству. Онъ считалъ его появленіе великимъ духовнымъ и политическимъ переворотомъ нашей планеты. „Въ этой священной стихіи, — говорилъ онъ, — исчезъ и обновился міръ, — древняя исторія кончилась съ ея появленіемъ“. Исторія внѣшняго христіанства — Церкви, ея положеніе и задачи останавливали на себѣ думы Пушкина. Онъ цѣнилъ заслугу русскаго монашества, сохранившаго среди всеобщаго мрака историческіе памятники и ведшаго лѣтописи; онъ строго осуждалъ Екатерину II за „властолюбивое угожденіе духу времени“, выразившееся въ явномъ гоненіи на духовенство и лишеніи его независимаго состоянія, чѣмъ наносился ударъ его самостоятельности и его содѣйствію народному просвѣщенію.

Признавая одною изъ важнѣйшихъ задачъ Церкви — проповѣдь ученія Христова, Пушкинъ видѣлъ въ послѣдней и одно изъ средствъ умиротворенія завоевываемаго нами въ то время Кавказа. Говоря, въ своемъ путешествіи въ Арзерумъ, объ укрощеніи ненависти къ намъ черкесовъ посредствомъ ихъ обезоруженія или привитія къ нимъ болѣе утонченныхъ потребностей, онъ замѣчаетъ, что есть однако средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка — проповѣданіе евангелія, о чемъ Россія до половины тридцатыхъ годовъ и не подумала. Онъ ставилъ очень высоко миссіонерство. „Надо препоясаться и итти съ миромъ и крестомъ“, восклицаетъ онъ, рисуя примѣръ святыхъ старцевъ, мужей вѣры и смиренія, скитающихся по пустынямъ въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ. „Какая награда ожидаетъ ихъ?“ спрашиваетъ онъ: — „обращеніе престарѣлаго рыбака или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, — а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть“... „Кажется, — заключаетъ онъ, — для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ живого слова, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ“. Придавая высокое значеніе миссіонерству, Пушкинъ требовалъ однако, чтобы, идучи съ проповѣдью христіанства, оно было, вмѣстѣ съ тѣмъ,

само исполнено христіанскаго духа любви и терпѣнія. „Терпимость вещь очень хорошая, — писалъ онъ, — но развѣ апостольство съ ней не совмѣстно?“ Указывая на необходимость итти *съ миромъ*, онъ клеймилъ мрачный образъ своеобразно-знаменитаго юрьевскаго архимандрита Фотія за то, что ему служили „орудіемъ духовнымъ — проклятіе и мечъ, и крестъ, и кнутъ...“ И въ своихъ чудныхъ подражаніяхъ корану совѣтовалъ: „спокойно возвѣщать коранъ, не понуждая нечестивыхъ!“

Сознательная вѣра, — а таковая несомнѣнно жила въ душѣ Пушкина, — проникаетъ внутренній міръ человѣка и отражается на отношеніяхъ его къ людямъ. Она, по глубокой мысли Хомякова, является однимъ изъ высшихъ общественныхъ началъ, ибо самое общество есть не что иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними. Поэтому, вѣрованія Пушкина и его взглядъ на смыслъ евангельскаго ученія должны были неминуемо выразиться въ отношеніяхъ его къ людямъ и въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ нимъ и къ самому себѣ. Въ душѣ его не было мѣста не только для грубаго себялюбія, приносящаго, по мѣрѣ силъ, въ жертву своимъ вожделѣніямъ все, что возможно, не брезгая никакимъ результатомъ, — но и для болѣе утонченнаго эгоизма, создающаго привычку всегда и при всякихъ впечатлѣніяхъ прежде всего думать исключительно о самомъ себѣ. Ив. Тургеневъ въ своихъ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“ оставилъ тамъ образъ эгоиста, вооруженнаго самодовольствомъ легко достигавшейся добродѣтели, которая „хуже откровеннаго безобразія порока“. Отталкивающія черты этого образа вѣютъ такимъ холодомъ, что убиваютъ возможность насмѣшки. Создавая его, художникъ слѣдовалъ мысли своего любимаго учителя — Пушкина, который характеризовалъ эгоизмъ какъ явленіе чисто *отвратительное*, но отнюдь не *смѣшное*, ибо онъ „отмѣнно благоразуменъ“. Это послѣднее свойство требуетъ извѣстной сдержанности и самообладанія. Когда ихъ нѣтъ, эгоизмъ утрачиваетъ свою неуязвимость для смѣха. „Есть люди, — говоритъ Пушкинъ, — которые любятъ себя съ такою нѣжностью, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ страданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности“.

Проповѣдь благороднаго альтруизма и нравственной обязательности въ отношеніяхъ съ окружающими думать о нихъ, о ихъ страданіяхъ и человѣческомъ достоинствѣ внятно и опредѣленно слышится въ произведеніяхъ Пушкина, возмущеннаго высокомѣрнымъ взглядомъ на людей, которыхъ „мы почитаемъ лишь нулями, а единицами — себя“. Жестокосердное „seid hart“ Заратустры не нашло бы отклика въ поэтѣ, испытавшемъ восхищеніе предъ исполненнымъ долгомъ, предъ подвигомъ, предъ забвеніемъ себя ради другихъ. Сурово отнесясь къ Наполеону и примиренный съ нимъ лишь смертью, Пушкинъ тѣмъ не менѣе съ восторгомъ говоритъ о немъ, когда тотъ, чтобы

оживить угасшій взоръ и родить бодрость въ погибающемъ умѣ, „играетъ жизнію своею предъ сумрачнымъ недугомъ и хладно руку жметъ чумѣ". Въ противоположеніи долга эгоизму состоитъ и смыслъ заключительныхъ строфъ знаменитой его поэмы, гдѣ долгъ олицетворенъ глубокою внутреннею жертвою Татьяны, которую Пушкинъ называетъ своимъ „вѣрнымъ идеаломъ", а представителемъ эгоизма является Онѣгинъ „съ его безнравственной душой, себялюбивою, сухой, съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ"...

Этотъ взглядъ на отношеніе къ людямъ отражается на всей личности Пушкина. Она дышитъ добротою и дѣятельною любовью. Голосъ „кроткой жалости" слышится не только на страницахъ его произведеній, но и въ порывахъ его сердца, дѣлающихъ его вѣчнымъ заступникомъ за нуждающихся, за несчастныхъ. Гоголь оцѣнилъ въ немъ эту черту — и разсказываетъ, что Пушкинъ искалъ случаевъ быть кому-либо полезнымъ и пользовался каждой минутой благоволенія къ себѣ императора Николая, чтобы заикнуться — и никогда о себѣ, а всегда о другомъ несчастномъ, упадшемъ. Онъ самъ, однако, бывалъ несчастенъ и часто нуждался въ облегченіи своихъ житейскихъ и духовныхъ узъ. Намекъ на свое положеніе былъ бы естественъ и понятенъ, но Пушкинъ хватался за указываемые Гоголемъ благопріятные случаи исключительно съ мыслью *о другихъ*, какъ бы тяжело и оскорбительно ни жилось въ это время ему самому. „Какъ весь оживлялся и вспыхивалъ онъ, — пишетъ Гоголь Жуковскому, — когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника или подать руку падшему".

Можно привести множество примѣровъ его доброжелательныхъ хлопотъ и въ случаяхъ менѣе важныхъ. Онъ хлопочетъ предъ Академіей Наукъ объ изданіи въ пользу семейства убитаго писателя Шишкова — сочиненій послѣдняго; пишетъ князю Вяземскому, прося его *пожарче* похлопотать о денежномъ пособіи молодому ученому, и поручаетъ брату Льву, самъ находясь въ принудительномъ уединеніи села Михайловскаго и въ крайне стѣсненномъ денежномъ положеніи, подписаться на нѣсколько экземпляровъ издаваемаго по подпискѣ *слѣпымъ священникомъ* перевода книги Іисуса сына Спрахова. Когда „Нева, какъ звѣрь остервенясь, на городъ кинулась" и „всплылъ Петрополь, какъ тритонъ, по поясъ въ воду погруженъ", — Пушкинъ пишетъ брату: „этотъ потопъ съ ума у меня нейдетъ. Онъ вовсе не забавенъ. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ *онѣгинскихъ* денегъ, но прошу — безъ всякаго шума, ни словесно ни письменно".

Строгій литературный цѣнитель и судья, требовавшій отъ писателя серіознаго и вдумчиваго отношенія къ предмету своего творчества, Пушкинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ чуждъ мелочного чувства ревности къ успѣху собратій по перу и недоброжелательнаго къ нему отношенія. „Умѣя презирать, — умѣлъ онъ ненавидѣть", но *завидовать* — не умѣлъ. Достаточно указать на его отношенія къ Мицкевичу, на его

оцѣнку Козлова, на переписку съ поэтомъ А. А. Шишковымъ, — наконецъ, на то, съ какою искреннею радостью привѣтствовалъ онъ произведенія Баратынскаго, какъ горячо защищалъ ихъ отъ равнодушія публики и нападокъ рутинной критики, въ теплыхъ выраженіяхъ отводя автору одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной ему литературѣ, на ряду съ Жуковскимъ и выше Батюшкова. „Свои права передаю тебѣ съ поклономъ, чтобъ на *волшебные напѣвы* переложилъ ты страстной дѣвы иноплеменныя слова“, провозглашаетъ онъ, обращаясь къ „первому элегическому поэту“, чей каждый стихъ „звучитъ и блещетъ какъ червонецъ“, и болѣе котораго „никто не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ“.

Мицкевичъ, уже разорвавъ навсегда съ Россіею, все-таки съ благороднымъ чувствомъ вспоминалъ Пушкина и свою близость съ нимъ. Ихъ думы, по словамъ польскаго поэта, возносясь надъ землею, соединялись какъ двѣ скалы, которыя, будучи раздѣлены силою потока, склоняются одна къ другой смѣлыми вершинами. Пушкинъ въ глазахъ Мицкевича являлся олицетвореніемъ глубокаго ума, тонкаго вкуса и государственной мудрости. Поэтическое безмолвіе Пушкина, въ которомъ многіе видѣли признакъ истощенія таланта, таило, по мнѣнію Мицкевича, великія предзнаменованія для русской литературы, въ которой, по мѣткому и вѣрному его замѣчанію, Пушкинъ никогда не былъ подражателемъ Байрона — *байронистомъ*, но былъ самостоятельною величиною, лишь временно чувствовавшею *притяженіе* къ великому британскому поэту — былъ *байроніакомъ*. Онъ сталъ на собственный путь, на которомъ умѣлъ, несмотря на краткую жизнь, сраженную пулей, — нанесшею ужасный ударъ не одной Россіи, — создать среди ряда выдающихся произведеній такую единственную, по своей самобытности и величію, въ европейской литературѣ вещь, какъ изумительной красоты сцену въ кельѣ Пимена въ „Борисѣ Годуновѣ“. Такому посмертному отзыву, дѣлающему великую честь безпристрастію Мицкевича къ памяти поэта изъ „племени ему чужого“, соотвѣтствовало и отношеніе Пушкина къ „вдохновенному свыше“ и „съ высоты взиравшему на жизнь“ пѣвцу. Онъ искренно восхищался его талантомъ, образованностью и многосторонними знаніями, съ увлеченіемъ говорилъ о немъ, переводилъ его произведенія („Воевода“, „Будрысъ и его сыновья“), читалъ ему свои поэмы и посвящалъ его въ планы и идеи задуманныхъ твореній. Когда Жуковскій сказалъ ему однажды: „А знаешь, братъ, вѣдь со временемъ тебя, пожалуй, Мицкевичъ за поясъ заткнетъ“, — Пушкинъ отвѣчалъ ему: „Ты не такъ говоришь: онъ уже заткнулъ меня!“... и самъ ему потомъ повторялъ это свое выраженіе. Не словами раздраженія отвѣчалъ онъ на доходившій издалека знакомый голосъ ставшаго враждебнымъ поэта, а мольбою о ниспосланіи мира его душѣ...

Даже и къ людямъ ему несимпатичнымъ старался онъ относиться справедливо. Нельзя не указать на благородную защиту имъ въ 1830 году Полевого противъ „непростительнаго“ отношенія къ нему Погодина

и „изступленной брани“ Каченовскаго по поводу „Исторіи русскаго народа“ — и если впослѣдствіи отзывы Пушкина о Полевомъ утратили необходимое спокойствіе безпристрастія, это вызвано было нападеніями послѣдняго на его друзей и преимущественно на Дельвига.

Дружбѣ Пушкинъ придавалъ огромное значеніе, понималъ ее серіозно и вѣрилъ ей искренно. Онъ отличалъ эту, по выраженію Шербюлье, „любовь безъ крыльевъ“ отъ тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ въ „легкомъ пылу похмелья“, среди „обмѣна тщеславія и бездѣлья“ и, прикрываясь названіемъ дружбы, выражаются лишь въ фамильярности и безцеремонномъ залѣзаніи въ чужую душу или въ „позорѣ покровительства“. Та дружба, представленіе о которой разсыпано во множествѣ его произведеній, есть стойкое, неизмѣнное, самоотверженное чувство, „недремлющей рукою“ поддерживающее друга „въ минуту гибели надъ бездной потаенной“, оживляющее его душу „совѣтомъ иль укоромъ“, врачующее его раны и способное разбить „сосудъ клеветника презрѣнный“.

Этому представленію былъ онъ вѣренъ и въ жизни. Стоитъ указать на его отношенія къ Дельвигу и Кюхельбекеру, на его трогательныя обращенія къ Чаадаеву, къ Пущину. Проявленія дружеской пріязни его глубоко трогали и оставляли неизгладимый слѣдъ въ его душѣ. „Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!“ пишетъ онъ въ Сибирь благороднѣйшему И. И. Пущину, посѣтившему его „пріютъ опальный“ въ Михайловскомъ. „Какъ жаль, что нѣтъ теперь Пущина!“ говоритъ онъ на смертномъ своемъ одрѣ. Въ минуты житейскихъ горестей, чуждый малѣйшей зависти, Пушкинъ умѣлъ утѣшаться „наслажденіемъ слезъ и счастіемъ друзей“ и не отрекался отъ послѣднихъ никогда и ни передъ кѣмъ, твердо и безбоязненно проявляя свое къ нимъ отношеніе, несмотря на то, что его привѣтамъ приходилось летѣть „во глубину сибирскихъ рудъ“ и въ „мрачныя пропасти земли“.

Если эти далекіе друзья и сберегали въ свое время для Россіи Пушкина, заботливо и предусмотрительно не пріобщивъ его къ своимъ планамъ, то между окружавшими его нашлись зато платившіе обидой за жаръ его души „довѣрчивой и нѣжной“. Ихъ „предательскій привѣтъ“ глубоко уязвляли его впечатлительное сердце. Онъ могъ повторить слова Саади въ „Гюлистанѣ“: „Врагъ бросилъ въ меня камнемъ, и я не огорчился, — другъ бросилъ цвѣткомъ — и мнѣ стало больно“. Рядомъ такихъ скрытыхъ обидъ и злоупотребленій „святою дружбы властью“, очевидно, вызваны выстраданные звуки негодованія въ его „Коварности“, когда ему довелось „своимъ печальнымъ взоромъ“ прочесть все тайное въ нѣмой душѣ того, кого онъ считалъ другомъ и осудилъ его „послѣднимъ приговоромъ“.

Таково было *отношеніе* Пушкина *къ людямъ*. Посмотримъ на *нравственныя требованія*, которыя онъ предъявлялъ прежде всего къ самому себѣ. Эти требованія въ значительной мѣрѣ опредѣляются тѣмъ, *что* признаетъ человѣкъ необходимымъ для сохраненія въ себѣ самоуваженія. Чуткою душой своею Пушкинъ не могъ не сознавать, что

лишь упорный и серіозный *трудъ* и полная *правдивость* съ собою и съ другими могутъ поддержать въ человѣкѣ самоуваженіе и защитить его отъ сокровеннаго самопрезрѣнія въ тѣ минуты, когда онъ не развлеченъ мелочною пестротою обыденной жизни.

Любовью къ труду и была проникнута вся его жизнь. Ему — „*взыскательному* художнику“ — съ теплымъ чувствомъ вспоминается „живой и *постоянный*, хоть милый трудъ“, — „молчаливый спутникъ ночи, другъ Авроры златой“. Онъ ощущалъ *обязанность* трудиться и жадно ждалъ любимаго осенняго уединенія, когда „роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“ и можно приняться съ обновленными силами за плодотворную работу. Недаромъ „въ шорохѣ ночи“ слышится ему „укоризна или ропотъ имъ утраченнаго дня“, — недаромъ съ горечью вспоминаетъ онъ „растраченные годы“, и его тревожитъ призракъ невозвратимыхъ дней“ въ то время, когда „судьбой отсчитанные дни“ особенно дороги, чтобъ „мыслить и страдать“ и, слѣдовательно, работать умственно. Отсюда многочисленныя поправки въ его рукописяхъ и варіанты его стиховъ, отсюда настойчивая работа надъ языкомъ, надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать гибкимъ и сладкимъ, какъ сахарный тростникъ. Аллахъ говоритъ его пророку: „Не я ль языкъ твой одарилъ могучей властью надъ умами“. Для этой власти нужна, однако, не одна форма, но и содержаніе, продуманное и прочувствованное, вылившееся изъ души и заключающее въ скупости словъ богатство мысли. Это содержаніе въ поэтическомъ произведеніи тогда лишь сильно и глубоко, когда оно явилось плодомъ вдохновенія, которое необходимо отличать отъ преходящаго настроенія. Пушкинъ самъ указалъ разницу между вдохновеніемъ и восторгомъ, объясняя первое — одухотворенною работою, а второе — мимолетнымъ порывомъ.

И *любовь къ правдѣ* царитъ въ Пушкинскомъ трудѣ, — къ той высшей правдѣ, которая ищетъ и рисуетъ идеалъ дѣйствій человѣка, а не къ той низшей, которая изображаетъ все въ предѣлахъ факта, не устремляя взора кверху и вдаль, и „праздно угождая хладной посредственности, завистливой и жадной къ соблазну“.

Признавая обычнымъ явленіемъ связь геніальности съ простодушіемъ и величія характера съ откровенностью, Пушкинъ самъ являлъ примѣръ ихъ, слѣдуя совѣту своего „Подражанія корану“: „Мужайся! презирай обманъ, — стезею правды бодро слѣдуй!“ Ложь была ему ненавистна до забвенія собственной опасности. Смѣлое указаніе имъ генералъ-губернатору Милорадовичу того, какія именно изъ ходящихъ въ рукописи „недозволительныхъ стихотвореній“ принадлежатъ ему, — остроумное замѣчаніе на запросъ Бенкендорфа о томъ, не Уваровъ ли имѣется въ виду въ „выздоровленіи Лукулла“, — и, наконецъ, прямодушный отвѣтъ императору Николаю, въ 1826 году, въ Москвѣ — на вопросъ о томъ, участвовалъ ли бы онъ въ происшествіи 14 декабря — служатъ одними изъ многихъ примѣровъ его безусловной и безтрепетной правдивости. Эта любовь къ правдѣ и искренности заставляла его цѣнить цѣльныхъ людей, даже и не соглашаясь со всѣми

ихъ взглядами, но уважая ихъ прямоту и отсутствіе въ нихъ двоедушія. Онъ не разъ ссылался въ бесѣдахъ на то мѣсто откровенія св. Іоанна, гдѣ ангелу лаодикійской церкви говорится: „Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ ни горячъ; о, если бъ ты былъ холоденъ или горячъ! но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ — извергну тебя изъ устъ моихъ!“ Наравнѣ съ цѣльными людьми, цѣнилъ онъ и цѣльныя чувства, которымъ человѣкъ отдается безъ расчетливой оглядки. Все показное въ этомъ отношеніи, какъ видно изъ его писемъ, его возмущало, — всякая огласка добраго дѣла ему претила. „Торгуя совѣстью передъ блѣдной нищетой, — не сыпь своихъ даровъ расчетливой рукой“, не сжимай „завистливой длани“ — совѣтуетъ онъ. Какъ сурово отнесся бы онъ къ представителямъ столь развившагося въ современномъ обществѣ типа акробатовъ благотворительности, умѣющихъ присасываться къ живому и возвышенному дѣлу и нерѣдко мертвить его! У него была, отмѣченная княземъ Вяземскимъ, ненависть къ поддѣльной наукѣ и къ лицемѣрной нравственности. Въ запискѣ о воспитаніи, представленной государю въ 1826 году, онъ возставалъ противъ преподаванія фальсифицированной исторіи и, вѣрный своей правдивости, — въ то время, когда воспитанникамъ принято было, напримѣръ, сообщать, что Наполеонъ былъ просто возмутившійся противъ короля предпріимчивый генералъ, — указывалъ на необходимость объяснять „разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ, не искажая республиканскихъ учрежденій“, и дѣлать правильную оцѣнку историческимъ дѣятелямъ безъ офиціально-предначертаннаго на нихъ взгляда.

Здѣсь не мѣсто разбирать историческіе взгляды и труды Пушкина, но нельзя не замѣтить, что они проникнуты стремленіемъ къ отысканію правды, и въ виду крайне слабаго развитія современной ему русской исторической науки, представляютъ нерѣдко яркіе образчики своего рода ретроспективной интуиціи, благодаря которой Пушкинъ опредѣлялъ дѣятелей, событія и эпохи далекаго прошлаго съ вѣрностью и глубиною, возможными лишь для тѣхъ, кто основательно знакомъ съ матеріаломъ, всесторонне разработаннымъ въ теченіе полувѣка со времени его смерти. Это стремленіе къ правдѣ не давало внѣшнему блеску затемнить въ глазахъ Пушкина истину и въ то же время не допускало его забывать про культурныя условія — духовныя и матеріальныя — среди которыхъ приходилось жить и творить историческимъ дѣятелямъ, — впадать въ забвеніе про нравы и обычаи времени, столь часто заставлявшее у насъ дилетантовъ-историковъ неправильно освѣщать, а затѣмъ и оцѣнивать тотъ или другой историческій образъ. Изслѣдованія Соловьева и Павлова о Борисѣ Годуновѣ, — всѣ главнѣйшіе труды о Петрѣ Великомъ, — почти всѣ богатые выводы нашей историко-литературной критики — явились послѣ Пушкина, а между тѣмъ сколь многое *доказаннаго* и *установленнаго* ими *прочувствовано* Пушкинымъ и облечено въ дивные художественные образы и опредѣленія! Какъ тонки его замѣчанія объ отношеніи къ ученію энцикло-

педистовъ Екатерины II, ободрявшей сначала эти „игры искусныхъ борцовъ“ своимъ царскимъ рукоплесканіемъ и съ безпокойствомъ увидѣвшей ихъ торжество въ жизни; какъ содержательна въ своей сжатости внутренняя картина Александровской Руси въ „Дубровскомъ“; какъ справедливы, въ записанномъ Смирновою разговорѣ, сравнительныя оцѣнки Петра и Екатерины и указанія на національныя ошибки послѣдней и лицемѣріе ея знаменитаго Наказа... Красивыя декораціи царствованія Екатерины не вводили Пушкина въ заблужденіе о томъ, что за ними скрывалось. Его всецѣло привлекала въ себѣ та житей— ская и историческая правда, которою дышитъ личность Петра. „Онъ одинъ цѣлая всемірная исторія“, пишетъ Пушкинъ Чаадаеву. Памятникъ Петра — современная Россія, которая „вошла въ Европу, какъ спущенный корабль“, говоритъ онъ, указывая на безповоротность реформы Петра и рисуя его самого такъ, что онъ встаетъ предъ нами какъ живой, среди своихъ священныхъ трудовъ и заботъ. Мы видимъ его дома, на верфи, въ бою, на пиру. Образныя и глубоко продуманныя выраженія Пушкина, его удивительныя по богатству мысли прилагательныя изображаютъ намъ въ незабвенныхъ чертахъ нравственный складъ, наружность и великія думы „славнаго кормчаго, кѣмъ наша *двинулась* земля“.

Но Пушкинъ не ослѣплялся чувствомъ привязанности къ Петру и къ Россіи. Горячая любовь къ Россіи и вѣра въ нее были у него неразлучны съ чувствомъ правды, которое не позволяло ему закрывать глаза на ея недостатки и на чужія достоинства. Онъ желалъ видѣть родину сроднившеюся съ Западомъ во всемъ лучшемъ, но сохранившею самобытныя формы, заключающія все хорошее *свое*. Гнѣвныя подчасъ выраженія его писемъ, грустное восклицаніе при чтеніи Гоголемъ „Мертвыхъ душъ“: „не веселая штука Россія!“ — только на предвзятый взглядъ могутъ итти въ разрѣзъ съ этою любовью и съ вѣрою въ „высокій жребій“ русскаго народа. Недостатки любимаго существа всегда вызываютъ болѣе острые взрывы душевной боли, именно потому, что оно любимое и что его хочется видѣть лучше и выше всѣхъ. Гордясь скромностью русскаго человѣка и величіемъ всего, что совершено имъ по почину Петра, Пушкинъ тѣмъ не менѣе преклонялся предъ достоинствами общечеловѣческими. Ему былъ чуждъ узкій патріотизмъ, враждебно, надменно или косо смотрящій на все иноземное. Указывая на терпимость къ чужому, какъ на одну изъ прекрасныхъ сторонъ простого русскаго человѣка, онъ говорилъ о необходимости уваженія къ *человѣчеству* и его благороднымъ стремленіямъ. „Не достаточно имѣть только мѣстныя чувства, — говорилъ онъ Хомякову, — есть мысли и чувства всеобщія, всемірныя...“ Правдою, по мнѣнію Пушкина, должна быть проникнута не одна личная, но и вся государственная дѣятельность правителя. Въ правдѣ — великая притягательная сила, въ ней же и вѣрный критерій. Умѣнье понимать это составляетъ одно изъ свойствъ истинно великаго историческаго дѣятеля. Не даромъ Петръ „правдою привлекъ къ себѣ

сердца“, — и, благодаря его умѣнью цѣнить ее, „былъ отъ буйнаго стрѣльца предъ нимъ отличенъ Долгорукій...“ Но уравновѣшенность душевныхъ силъ и воспріимчивое чувство живой дѣйствительности заставляли Пушкина видѣть побужденіе для исканія правды въ чувствѣ любви, которому свойственно пониманіе и снисхожденіе. Поэтому онъ не считалъ возможнымъ найти эту правду въ крайностяхъ. Если ея нѣтъ въ вѣнкахъ льстецовъ, то точно такъ же нѣтъ ея и въ безусловныхъ отрицаніяхъ. „Нѣтъ убѣдительности, — пишетъ онъ, — въ поношеніяхъ, — и нѣтъ истины тамъ, гдѣ нѣтъ любви!“

Намѣчая такія требованія, Пушкинъ умѣлъ отличать существенное и вѣчное въ человѣкѣ отъ случайнаго и внѣшняго, высоко ставилъ свое призваніе и отдѣлялъ его задачи отъ неизбѣжныхъ условій своей личной жизни и отъ роковыхъ даровъ природы, называемыхъ страстями.

„Малодушное погруженіе“ въ заботы „суетнаго свѣта“ не заглушало для него „божественнаго глагола“, и онъ отряхалъ съ себя эти заботы подъ дуновеніемъ вдохновенія. Но онъ все-таки былъ потомокъ — и близкій — того, кто „думалъ въ охлажденны лѣта о знойной Африкѣ своей“. Этотъ зной жилъ въ его крови, давалъ себя чувствовать въ обыденные часы жизни, и въ молодости поэта, въ видѣ „алчнаго грѣха“, гнался за нимъ по пятамъ. Но и тогда онъ не утопалъ, самоуслаждаясь въ этомъ грѣхѣ, а „бѣжалъ къ сіонскимъ высотамъ“, никогда не теряя ихъ изъ виду, не забывая о ихъ существованіи. Вѣрный народнымъ русскимъ свойствамъ, онъ относился къ себѣ, какъ къ человѣку — отрицательно и даже съ преувеличеннымъ самоосужденіемъ. „Презирать судъ людской не трудно, — пишетъ онъ, — презирать судъ собственный — невозможно“. Поэтому отношеніе его къ своему прошлому было иное, чѣмъ у большинства людей его общественнаго положенія. Въ годы наступившаго успокоенія страстей, онъ не взиралъ съ тайно-завидующимъ снисхожденіемъ на увлеченія своихъ юныхъ дней. Карая себя за нихъ въ „тоскѣ сердечныхъ угрызеній“, онъ будилъ и вызывалъ тяжелыя воспоминанія, отравляя ими „видѣнія первоначальныхъ чистыхъ дней“. Рыдающіе звуки его „Воспоминанія“, когда онъ „съ отвращеніемъ читаетъ жизнь свою“ и горькими слезами не можетъ смыть „печальныхъ строкъ“, — служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Но, безпощадно бичуя себя, онъ однако строго отдѣлялъ свою *личность* отъ своего *призванія*. „Воронцовъ думаетъ, что я коллежскій секретарь, — пишетъ онъ, — но я полагаю о себѣ нѣчто большее...“ Это *большее* состояло въ призваніи быть пророкомъ своей родины, „глаголомъ жечь сердца людей“ и ударять по нимъ „съ невѣдомою силой“. Онъ сознавалъ выпавшія на его долю роль и обязанность въ духовномъ развитіи Россіи, въ подготовкѣ ея свѣтлаго нравственнаго будущаго, въ которое онъ вѣрилъ горячо, подобно Петру, „зная предназначенье родной страны“. Когда изъ своего печальнаго уединенія онъ былъ, въ 1826 г., вызванъ въ Москву, гдѣ ждало его невѣдомое и тревожащее его разрѣшеніе

его судьбы, онъ и тогда не усомнился въ своемъ призваніи и взялъ съ собою стихи, начинавшіеся словами: „Возстань, возстань, пророкъ Россіи, — позорной ризой облекись“. Отъ земной власти могли зависѣть многія существенныя условія его личной жизни и даже объемъ содержанія темъ для его творчества, но не его „предназначенье“. Онъ былъ въ своихъ глазахъ „небомъ избранный пѣвецъ“, который, для блага страны, не можетъ и не долженъ „молчать, потупя очи дóлу...

Отношеніе Пушкина къ требованіямъ своей совѣсти и его раннее, вдумчивое проникновеніе въ сущность разумныхъ условій человѣческаго существованія, въ потребности сердца, въ права мысли — опредѣлили и взглядъ его на главнѣйшія проявленія справедливости, какъ осуществленія общественной совѣсти, выражающіяся въ правосудіи и законодательствѣ.

Уже двадцатилѣтнимъ юношею онъ выражаетъ опредѣленный въ этомъ отношеніи взглядъ, которому оставался затѣмъ вѣренъ во всю свою остальную жизнь. Восхищаясь уединеніемъ, онъ учится „блаженство находить въ *истинѣ*, — *свободною* душой *законъ боготворить*, роптанью не внимать *толпы* непросвѣщенной и отвѣчать *участіемъ* застѣнчивой мольбѣ“. Эта цѣлая программа, тѣмъ болѣе замѣчательная, чѣмъ менѣе она подходила къ рамкамъ, въ которыя тогда охотно укладывалась личная и общественная жизнь на Руси. Движеніе законодательства и возбуждаемые при этомъ вопросы историческаго и общественнаго характера чрезвычайно интересовали Пушкина. Его записки и письма хранятъ несомнѣнныя доказательства глубины этого интереса. Въ нихъ содержится множество замѣчаній критическаго характера и указаній на бытовыя особенности, столь важныя для законодателя. Между ними есть опыты проектовъ различныхъ мѣръ, вызываемыхъ общественными потребностями. Изъ нихъ видно, что, относясь къ подобнымъ вопросамъ съ живѣйшимъ вниманіемъ, Пушкинъ желалъ видѣть законъ примиреннымъ съ житейской правдой и необходимою личною свободой, видѣть человѣка не рабомъ непонятнаго ему принудительнаго приказа, а слугою разумныхъ требованій общежитія. „Мысль — великое слово, — говоритъ онъ, — что же и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль! Да будетъ же она свободна, какъ свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ“. Эта разумная свобода, построенная на уваженіи къ правамъ личности, на признаніи правъ организованной совокупности личностей — общества — и есть „святая вольность“, которую Пушкинъ противополагаетъ тому, что онъ называетъ „безумствомъ гибельной свободы“. Несмотря на относительную близость французской революціи, картина которой въ большинствѣ оставляла еще смутное и слитное впечатлѣніе, онъ со свойственнымъ ему пониманіемъ исторической перспективы и умѣньемъ дать опредѣленіе въ двухъ словахъ, установлялъ, по отношенію къ политической свободѣ, глубокую разницу между „львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо“ и дѣйствіями „сентиментальнаго тигра“ — Робеспьера. Настоящая свобода не можетъ

опираться на насиліе, — она „богиня чистая“, и ея „цѣлебный сосудъ“ не долженъ быть „завѣшенъ пеленой кровавой“. Она погибаетъ, если, въ забвеніи ея истиннаго смысла, наступаютъ „порывы буйной слѣпоты“, и тогда надъ ея „безглавымъ трупомъ“ можетъ возникнуть палачъ „презрѣнный, мрачный и кровавый“. *Кони.*

Личность Пушкина, какъ человѣка.

Гоголь въ одномъ письмѣ къ старинному другу Пушкина, Нащокину, говоритъ: „Свѣтъ остается навсегда при разъ установленномъ отъ него же названіи. Ему нѣтъ нужды, что у повѣсы была прекрасная душа, что въ минуты самыхъ повѣсничествъ сквозили ея благородныя движенія, что ни одного безчестнаго дѣла имъ не было сдѣлано, что бывшій повѣса уже давно умудренъ опытомъ и жизнью, что онъ уже не юноша, но отецъ семейства, выполняющій строго свои обязанности къ Богу и къ людямъ“ и т. д. Эти слова были сказаны какъ будто съ мыслью о Пушкинѣ. Легкое направленіе поэзіи его въ первые годы по выпускѣ изъ Лицея, нѣкоторые стихи, въ которыхъ онъ, подъ вліяніемъ Вольтера и другихъ писателей XVIII вѣка, принесъ дань юношескимъ увлеченіямъ, были причиною, что на Пушкина стали смотрѣть какъ на вольнодумца и безбожника. Эта репутація въ глазахъ многихъ оставалась за нимъ не только въ позднѣйшіе періоды его творчества, когда въ его образѣ жизни, въ его воззрѣніяхъ и общемъ направленіи его поэзіи давно совершился рѣшительный переворотъ, но, къ удивленію нашему, отчасти еще и теперь держится, по крайней мѣрѣ, въ средѣ людей, которые никогда серіозно не изучали Пушкина. Между тѣмъ для наблюдательнаго взора даже и въ молодости его сквозь видимое легкомысліе и беззавѣтную веселость проглядываетъ серіозное настроеніе и строгій взглядъ на жизнь. Такая противоположность отражалась и въ наружности Пушкина. Одинъ изъ современниковъ его[1]), разсказывая о первыхъ своихъ впечатлѣніяхъ при встрѣчѣ съ нимъ въ Кишиневѣ, говоритъ, что былъ молодой человѣкъ необыкновенно живой въ своихъ пріемахъ, часто смѣющійся въ избыткѣ непринужденной веселости и вдругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе.

Въ Пушкинѣ съ ранняго возраста какъ будто таилось предчувствіе крайности отмежеваннаго ему вѣка; онъ спѣшилъ и жить и создавать, какъ бы угадывая, что ему предназначенъ жребій прославиться, наполнить міръ блескомъ своего имени и вдругъ погибнуть въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ: крайне щекотливое чувство чести много разъ заставляло его рисковать жизнью и, наконецъ, привело къ роковой развязкѣ. Пылкая природа его не знала мѣры еще въ годы

---

[1]) В. П. Горчаковъ.

его воспитанія. Изъ разсказовъ его лицейскихъ товарищей и наставниковъ извѣстно, что онъ, сознавъ свой талантъ, въ послѣднее время пребыванія въ Лицеѣ съ лихорадочнымъ жаромъ предавался страсти къ поэзіи, день и ночь думалъ о стихахъ и даже разъ во снѣ сочинилъ два удачные стиха, включенные имъ потомъ въ одну изъ тогдашнихъ пьесъ его. Слывя въ Лицеѣ повѣсою, онъ, однакожъ, никогда не былъ празднымъ, съ удивительною быстротою навсегда усвоивалъ себѣ все, что, повидимому, бѣгло читалъ или слышалъ. „Ни одно чтеніе, ни одинъ разговоръ, ни одна минута размышленія, — говоритъ Плетневъ, — не пропадали для него на цѣлую жизнь". Вопреки тому, что мы обыкновенно встрѣчаемъ даже въ даровитыхъ людяхъ, у Пушкина память была одинаково воспріимчива и для фактовъ и для словъ: онъ такъ же легко и прочно запоминалъ историческія событія и анекдоты о знаменитыхъ людяхъ, какъ и новые звуки и формы иностраннаго языка. Лицейскія стихотворенія Пушкина представляютъ, между прочимъ, одну любопытную черту: въ нихъ можно найти слѣды того, что онъ уже тогда самъ понималъ неосновательность взгляда, который сквозь оболочку юношеской вѣтренности не замѣчалъ въ немъ совсѣмъ другого рода основы. Такъ еще передъ выходомъ изъ Лицея онъ говорилъ въ своемъ посланіи къ гусару Каверину:

Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный...

Здѣсь 18-лѣтній поэтъ обнаруживаетъ уже замѣчательное самосознаніе и психическую наблюдательность. О тогдашнемъ мірѣ его даетъ понятіе читанная имъ на выпускномъ экзаменѣ пьеса „Безвѣріе". Во второй половинѣ ея изображено безотрадное состояніе невѣрующаго. Очень ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что эта пьеса, какъ написанная для случая, не можетъ служить вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительнаго образа мыслей поэта. Пушкинъ никогда не умѣлъ притворяться, не умѣлъ, особенно въ стихахъ, говорить что-нибудь для виду или для угожденія другимъ: правдивость и искренность составляли одну изъ господствующихъ сторонъ нравственнаго существа его; онъ самъ называлъ себя „врагомъ стѣснительныхъ условій и оковъ".

По выходѣ изъ Лицея поэтъ посреди шумныхъ развлеченій столицы, въ кругу легкомысленныхъ друзей, не переставалъ читать и учиться; развитіе его души и таланта шло съ усиленной быстротой, и въ концѣ 1819 года, 20 лѣтъ отъ роду, онъ уже самъ сознавалъ въ себѣ новаго человѣка. Это прекрасно выразилось тогда же въ пьескѣ, напечатанной только девятью годами позже, подъ заглавіемъ „Возрожденіе", гдѣ онъ сравниваетъ себя съ картиной мастера, надъ которой какой-то бездарный живописецъ намалевалъ было новое изображеніе:

Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей:
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

Между тѣмъ, однакожъ, своенравный геній поэта увлекалъ его иногда къ созданіямъ, бывшимъ въ рѣдкомъ противорѣчіи какъ съ собственными его основными понятіями, такъ и съ общественными условіями, посреди которыхъ онъ жилъ, и надъ головою его собралась грозная туча. Къ счастью, она не сдѣлалась для него гибельною: удаленіе его изъ Петербурга было чрезвычайно плодотворно и для поэзіи и для нравственнаго перерожденія. Это событіе, безъ сомнѣнія, глубоко потрясшее впечатлительную душу юноши, не могло не пробудить въ немъ грустныхъ размышленій, не заставивъ его задуматься надъ жизнью и судьбой человѣка, а наглядное знакомство съ живописной природой юга Россіи, съ разнохарактерными племенами ея и съ провинціальнымъ обществомъ должно было дать новый, сильный толчокъ и такъ уже далеко опередившему годы развитію Пушкина. Въ Кишиневѣ, несмотря на множество случаевъ къ разсѣянной жизни, у него болѣе нежели въ столицѣ оставалось времени для занятій: это принужденное уединеніе естественно оживило въ немъ охоту къ умственному труду, и вотъ какъ самъ онъ отдаетъ отчетъ о томъ въ посланіи къ бывшему царскосельскому другу, гусару Чаадаеву:

Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ...
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ друженъ умъ,
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ...

Съ этихъ-то поръ особенно въ Пушкинѣ становится замѣтно сочетаніе рѣдкаго поэтическаго таланта съ любознательностью; онъ глубоко изучаетъ предметъ, котораго коснется; потребность эта скоро приводитъ его къ заимствованію предметовъ для поэзіи изъ исторіи и, наконецъ обращаетъ его къ чисто историческимъ трудамъ: плодомъ новаго направленія его былъ рядъ поэмъ, гдѣ съ каждымъ шагомъ видимо зрѣетъ и мысль его и художественное пониманіе. Можно сказать, что въ нихъ поэтъ уподобляется сказочному богатырю, растущему не по днямъ, а по часамъ: не удивительно, что самъ онъ какъ будто ежеминутно замѣчалъ полетъ времени надъ собою и на 22-мъ году жизни уже готовъ былъ оплакивать улетѣвшую юность. „Я перевариваю воспоминанія“, писалъ онъ въ эту пору Дельвигу, „и надѣюсь набрать вскорѣ новыя: чѣмъ намъ и жить, душа моя, *подъ старость нашей молодости*, какъ не воспоминаніями?“ Въ 25 лѣтъ Пушкинъ является намъ уже совершенно остепенившимся, трудолюбивымъ, осторожнымъ въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ. Изъ писемъ его, относящихся къ этой эпохѣ, когда онъ приступилъ къ созданію „Бориса Годунова“, видно, съ какою трезвостью ума, съ какимъ глубоко-критическимъ смысломъ онъ всматривался въ изучаемыя имъ произведенія отечественной и иностранной, особенно англійской литературы; уже

Байронъ его не удовлетворяетъ, и онъ все свое сочувствіе отдаетъ Шекспиру. Углубляясь въ русскія лѣтописи, онъ такъ опредѣляетъ ихъ характеръ, воспроизведенной имъ въ лицѣ Пимена: „умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ".

Нѣтъ сомнѣнія, что такое добросовѣстное приготовленіе Пушкина къ выполненію его художническихъ задачъ не могло не наложить печати зрѣлости не только на его талантъ, но и на всю нравственную физіономію его. Между прочимъ оно утвердило въ немъ правильный взглядъ на прошлое, на дѣятельность нашихъ предшественниковъ, и онъ въ своихъ замѣткахъ набросалъ эти слова, которыхъ нельзя довольно повторять въ наше время: „Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда нашего сердца?... Только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго". Когда явился его блестящій разсказъ „Графъ Нулинъ" и журнальная критика обрадовалась случаю пощеголять своимъ цѣломудріемъ, то обвиненіе поэта въ безнравственности содержанія глубоко оскорбило его, какъ видно изъ найденныхъ въ его бумагахъ возраженій, въ которыхъ онъ объясняетъ своимъ противникамъ, что такое безнравственное сочиненіе, и какая разница между нравственностью и нравоученіемъ.

Рукописи Пушкина, оставшіяся послѣ его смерти, служатъ краснорѣчивыми документами его необыкновеннаго трудолюбія. По безчисленнымъ поправкамъ въ его произведеніяхъ можно судить, какъ не легко онъ удовлетворялся тѣмъ, что выходило изъ-подъ пера его, какъ шло къ нему самому названіе *взыскательный художникъ,* употребленное имъ въ одномъ изъ его сонетовъ, какихъ, наконецъ, усилій стоило ему то совершенство формы, та ровность отдѣлки, которыхъ онъ достигалъ во всѣхъ своихъ стихахъ. И это упорство въ работѣ тѣмъ изумительнѣе, что намъ извѣстно, какою пламенною душою онъ былъ одаренъ, какъ охотно онъ предавался развлеченіямъ общества и наслажденіямъ природою. Въ одной замѣткѣ его о разныхъ родахъ поэзіи наше вниманіе невольно останавливается на выраженіи: „Безъ постояннаго труда нѣтъ истинно великаго".

Хотя Пушкинъ никогда не рисовался своими душевными качествами, но есть много доказательствъ его сердечной доброты и человѣколюбія. Его отношенія къ Льву Сергѣевичу были истинно братскія, — болѣе того: будучи 7 годами старше его, онъ питаетъ къ нему нѣжную, какъ бы родительскую любовь, выражающуся то въ заботливости о его образованіи, то въ совѣтахъ житейскаго благоразумія. Сердясь на брата за легкомысліе и неряшество въ исполненіи порученій, онъ при первомъ свиданіи все забываетъ, платитъ долги его и не щадитъ хлопотъ, чтобы выводить его изъ затрудненій, въ которыя тотъ по своей винѣ безпрестанно попадаетъ.

Такое же сочувствіе внушаетъ намъ Пушкинъ постоянствомъ своей сердечной привязанности къ старой нянѣ, къ которой онъ такъ часто возвращается въ стихахъ своихъ, черты которой въ фантазіи его сливаются съ образомъ вдохновляющей его музы, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ, писанныхъ еще въ Лицеѣ:

Наперстница волшебной старины,
. . . .
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила.

Любящее сердце Пушкина просвѣчиваетъ и въ житейскихъ его отношеніяхъ и въ дружеской перепискѣ, даже въ добродушной шутливости ея. Въ его письмахъ къ Нащокину, относящихся къ счастливымъ годамъ его женитьбы, есть мѣста драгоцѣнныя по своей простотѣ и искренности. Такъ въ 1835 году, обрадованный полученіемъ длиннаго письма отъ московскаго друга своего, онъ ему отвѣчаетъ:

„Говорятъ, что несчастіе хорошая *школа*: можетъ быть. Но счастіе есть лучшій *университетъ*. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, *какова и моя*, какъ тебѣ извѣстно!“ Вотъ какъ Пушкинъ понималъ самого себя, и мы не можемъ не признать этой оцѣнки вѣрною.

Одну изъ отличительныхъ чертъ его личности составляло благородство, замѣчаемое въ поведеніи его въ юности, которую онъ въ одномъ стихотвореніи не даромъ назвалъ гордою. Покойный Плетневъ, бывшій въ весьма частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Пушкинымъ, свидѣтельствуетъ: „Въ жизни честь, можно сказать, рыцарская была основаніемъ его поступковъ, и онъ не отступалъ отъ своихъ понятій о ней ни одного разу въ жизни, при всѣхъ искушеніяхъ и перемѣнахъ судьбы своей“. Равнымъ образомъ и въ его поэзіи серіозная и безпристрастная критика никогда еще не могла отыскать слѣдовъ нравственнаго униженія.

Въ глубинѣ души его смолоду теплились искреннее религіозное чувство. Уклоненія его въ противоположную сторону были не болѣе какъ либо мимолетныя сомнѣнія, либо юношескія шалости, въ которыхъ онъ позднѣйшіе годы горько раскаивался. Любопытно имъ самимъ переданное замѣчаніе въ разговорѣ съ человѣкомъ другихъ убѣжденій: „Сердце мое склонно къ матеріализму, но умъ отвергаетъ его“. Извѣстнымъ стихамъ его:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

могутъ быть противопоставлены не только его же стансы, написанные въ отвѣтъ на укоръ митрополита Филарета, но и другіе гораздо менѣе распространенные и болѣе ранніе стихи его:

Ты сердцу непонятный мракъ,
Пріютъ отчаянья слѣпого,
Ничтожество, пустой призракъ!
Не жажду твоего покрова!
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка,
Я все не вѣрую въ тебя.

Ты чуждо мысли человѣка,
Тебя страшится гордый умъ!...
Но, улетѣвъ въ міры иные,
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной!

Такое настроеніе сопровождалось въ душѣ Пушкина наклонностью къ суевѣрію и расположеніемъ объяснить самые простые житейскіе случаи таинственными причинами, что, впрочемъ, составляетъ естественную черту поэтическихъ, одаренныхъ богатою фантазіею, натуръ. Извѣстно, напримѣръ, какое значеніе онъ придавалъ совпаденію нѣкоторыхъ событій его жизни со днемъ праздника Вознесенія. (Мимоходомъ замѣтимъ, что его собственное показаніе о рожденіи своемъ въ этотъ день подтверждаетъ вѣрность факта, что онъ родился въ четвергъ 26 мая, число, на которое падалъ этотъ праздникъ въ 1899 году). О сочувствіи Пушкина къ религіозности свидѣтельствуетъ, между прочимъ, статья его о Байронѣ, въ которой онъ старается оправдать британскаго поэта отъ упрековъ въ безвѣріи и замѣчаетъ, что, можетъ-быть, скептицизмъ его былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго противъ внутренняго убѣжденія. Съ лѣтами религіозное чувство Пушкина становилось все теплѣе, все явственнѣе отражалось въ его поэзіи. Въ послѣдніе годы жизни однимъ изъ любимыхъ занятій его сдѣлалось чтеніе евангелія и молитвъ православной церкви; нѣкоторыя изъ нихъ, поражавшія его своимъ поэтическимъ достоинствомъ, заучивались имъ наизусть; одна переложена была даже въ стихи.

Приходило къ концу второе десятилѣтіе самостоятельной жизни поэта со времени его выпуска изъ Лицея. Нельзя безъ изумленія остановиться на томъ фактѣ, что все великое, совершенное Пушкинымъ въ литературѣ, есть плодъ только двухъ съ небольшимъ десятилѣтій дѣятельности — отъ 1814 до начала 1837 года. Его нѣкогда столь веселая и шаловливая муза принимала все болѣе задумчивый характеръ. Ничто не выражаетъ этого перехода такъ наглядно, какъ двѣ первыя строфы стиховъ, приготовленныхъ имъ къ послѣдней при жизни его лицейской годовщинѣ, въ 1836 году.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй;
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея затѣй.
Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ,
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился,

Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ.
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ,
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Извѣстно, что Пушкинъ, при чтеніи этихъ стиховъ за столомъ, отъ волненія не могъ кончить ихъ, и, пересѣвъ на диванъ, закрылъ лицо руками. Уже и за пять лѣтъ до того стихи, читанные имъ на лицейскомъ праздникѣ, отличались такимъ же оттѣнкомъ грусти: насчитавъ шесть опустѣвшихъ мѣстъ въ кругу своихъ товарищей, онъ задумчиво говорилъ:

И мнится, очередь за мною...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый.

Давно уже его преслѣдовала мысль о смерти:

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ...

Своею кончиною Пушкинъ вполнѣ искупилъ тѣ страстные порывы, тѣ заблужденія сердца и ума, которые только въ глазахъ неумолимо-строгихъ судей его бурной молодости могутъ омрачить его память. Посреди страшныхъ мукъ на смертномъ одрѣ онъ явилъ и изумительную силу духа въ стоическомъ самообладаніи, и истинно-христіанскую кротость, и трогательную нѣжность семьянина. Побѣждая нестерпимую боль, онъ удерживался отъ стоновъ, чтобы не смущать жены, и говорилъ, что стыдно было бы пересилить себя такому вздору. Благодарность къ царю, прощеніе враговъ, заботливость объ оставляемой имъ семьѣ, полное примиреніе съ самимъ собою, таково было настроеніе, которое наполняло душу Пушкина въ послѣднія минуты жизни; такъ разстался онъ съ этимъ міромъ, гдѣ пожиравшее его пламя было для него источникомъ и столькихъ наслажденій, гдѣ онъ оставилъ столь блестящій и неизгладимый слѣдъ своего существованія на радость грядущимъ поколѣніямъ. Біографъ Пушкина П. В. Анненковъ справедливо называетъ его кончину „событіемъ, исполненнымъ драматической силы и глубокой нравственной идеи“.

Послѣ всего, что далъ Пушкинъ своему народу и человѣчеству, послѣ его труженической жизни, послѣ его мученической смерти у кого еще станетъ духу упрекать за ошибки юности эту почтенную тѣнь, являющуюся намъ въ двойномъ ореолѣ терпѣнія и страданія? Кто не благословитъ съ умиленіемъ память этого великаго писателя, навѣки связавшаго свое имя съ судьбами русскаго искусства?

Гротъ.

А. С. Пушкинъ по его письмамъ.

„Жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегiей“ (Соч. *Пушкина* т. VII, стран. 150).

... Читая однажды бiографiю Байрона и видя, какъ искажается великiй образъ подъ безцеремоннымъ перомъ его судьи, Пушкинъ совершенно справедливо напалъ на „толпу“, дерзающую судить генiя, оскорбляющую его святую память старательнымъ собиранiемъ разныхъ „мерзостей“ изъ его жизни[1]). Дѣйствительно, такая „толпа“, ликующая по поводу слабостей выдающихся людей, можетъ вызвать негодованiе у всякаго, кому дороги великiя имена свѣточей цивилизацiи. Вотъ почему порою такъ непрiятно бываетъ читать нѣкоторыя „добросовѣстныя“ бiографiи, представляющiя собою пестрое собранiе всѣхъ анекдотовъ, всѣхъ сплетенъ о какомъ-нибудь дѣятелѣ! Кому приходилось имѣть въ рукахъ старыя бiографическiя статьи, тотъ, конечно, чувствовалъ, какъ подъ ворохомъ мелочей, ненужныхъ никому, искажались и туманились человѣческiе образы. Передъ бiографомъ нашихъ друзей другiя задачи: онъ стремится понять прежде всего внутреннюю жизнь великаго писателя, онъ пытается уяснить себѣ и другимъ психологiю и физiологiю творчества великаго художника, сущность и характерныя черты его духа. Бiографъ не можетъ обойтись безъ мемуаровъ, записокъ и переписки великихъ людей, онъ прислушивается иногда и къ анекдоту, и сплетнѣ, и часто его вниманiе остановится на томъ, что иногда совсѣмъ не занимаетъ добросовѣстнаго собирателя разныхъ историческихъ курьезовъ. Онъ не будетъ *судить* великаго человѣка, ни, тѣмъ не менѣе, злорадствовать и ликовать, — онъ будетъ только воскрешать прошлое sine ira et studio, создавать изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ мозаики образъ, цѣльный, живой, *уясняющiй творенiе писателя.* Поэзiя и жизнь въ такомъ взаимодѣйствiи между собой, что раздѣлить ихъ нельзя и понять ихъ отдѣльно — нѣтъ возможности: мы не оцѣнимъ по достоинству казовой стороны жизни, если не будемъ знать закулисной, — ея бояться критикъ-бiографъ не долженъ, но въ его работѣ она не должна закрывать собою все остальное.

О Пушкинѣ говорилось уже очень много, но, конечно, не мало еще будетъ говориться впредь: нелегко дается пониманiе великаго, и долго еще будетъ онъ загадкой для пытливыхъ умовъ, — лишь „по горсти бѣдной“ собираются тѣ знанiя, изъ которыхъ со временемъ сложится пониманiе великаго человѣка. Мы имѣемъ большое число разныхъ бiографическихъ замѣтокъ о Пушкинѣ, въ которыхъ иногда

[1]) Соч. *Пушкина*, изд. 1887 г., т. VII, стран. 160.

блеснетъ вѣрно схваченная черта дѣйствительно-пушкинскаго образа, но до сихъ поръ не имѣемъ мы еще полной характеристики его, какъ человѣка, до сихъ поръ не использованы даже его письма, — богатѣйшій біографическій матеріалъ.

Попробуемъ быстро перелистывать лирическія стихотворенія Пушкина, — насъ поразитъ, прежде всего, ихъ страшное *разнообразіе*. Какой пестрый калейдоскопъ отдѣльныхъ шедёвровъ всякаго рода! Вотъ — застольная пѣсенка въ честь вина и любви, вотъ — мѣткая эпиграмма, невольно вызывающая улыбку, вотъ задушевная, теплая элегія, вся дышащая любовью къ людямъ, сейчасъ же за нею осколокъ злой сатиры, за нею возвышенная молитва, страстный вопль, какая-то скабрезность, ласковая шутка, обломокъ какой-то, какъ будто религіозной, поэмы, обильно изуродованной цѣломудренными точками, тамъ — дружески-теплое посланіе, опять любовь, опять смѣхъ и слезы, радость и горе, вѣра и невѣріе... Нѣтъ почти ни одного однороднаго стихотворенія, которое по времени стояло бы рядомъ — передъ читателемъ все время сверкаютъ дивнымъ букетомъ разноцвѣтныя искры.

Откуда такое богатство мелодій, разнообразіе настроеній? Какъ это въ одномъ сердцѣ можетъ звучать столько струнъ, что на *всякое* впечатлѣніе могутъ отзываться онѣ своими звуками?

Не даромъ душу поэта назвали „многогранной", — въ ней, какъ въ хорошемъ алмазѣ, не пропадаетъ ни одна искорка свѣта ни одно впечатлѣніе красоты. Югъ и сѣверъ, западъ и востокъ, — отовсюду онъ беретъ свои мелодіи и своихъ героевъ: старушка няня и красавецъ Донъ-Жуанъ, суровый скупецъ-рыцарь и нѣжная Татьяна, Годуновъ и Ленскій, Мефистофель и Маша Миронова, — всѣ эти пестрые образы тѣснятся передъ нами. Какое страшное разнообразіе лицъ, сердецъ, костюмовъ! Откуда это неизсякаемое богатство образовъ, яркихъ, живыхъ, какъ впечатлѣнія самой жизни?

Жизнь поэта отвѣтитъ намъ на этотъ вопросъ. Заглянемъ въ закулисную жизнь великаго человѣка; перечитаемъ, хотя бы, его письма и постараемся понять тѣ психическія особенности его, которыя объяснятъ намъ разнообразіе его генія.

Первое, что бросается въ глаза при чтеніи этихъ „писемъ", — это, опять-таки, то же *разнообразіе*. Оно сказалось и въ выборѣ друзей-корреспондентовъ и въ характерѣ писемъ, къ нимъ отправленныхъ; если сравнить нѣкоторыя изъ нихъ одно съ другимъ, — положительно нельзя повѣрить, что писаны они однимъ лицомъ; стоитъ вчитаться въ нихъ, всмотрѣться, — и мы сможемъ по нимъ писать характеристики тѣхъ, *кому* они были отправлены! Какой, напримѣръ, прекрасной, серіозной и доброжелательной женщиной рисуется Осипова, окруженная неизмѣннымъ уваженіемъ поэта! Какимъ легкомысленнымъ эгоистомъ представляется братъ поэта, „милая пустельга" Левушка... Мелькаетъ тревожный, страстный образъ красавицы Кернъ; въ нѣсколькихъ короткихъ записочкахъ очерчивается „свѣтлая душа" Жуковскаго, вѣчнаго заступника поэта; тутъ же, недалеко отъ пѣвца

Свѣтланы, обыкновенно отпечатывается жесткій, каменный профиль Бенкендорфа, попутно мелькаютъ разные литераторы, поэты, критики и наконецъ, все это вытѣсняетъ красавица Nathalie, легкомысленная до жестокости, пустая и холодная, вся окруженная нѣжнѣйшей любовью поэта,—роковой образъ, покрытый его поцѣлуями, облитый его слезами и кровью.

Особенность этихъ писемъ, повторяемъ, заключается въ томъ, что образъ поэта мѣняется въ зависимости отъ того, *къ кому* онъ пишетъ, мѣняется до неузнаваемости, до слiянія съ чуждымъ образомъ: съ литераторомъ — онъ только литераторъ, съ политикомъ онъ — политикъ, съ сплетникомъ — сплетникъ, съ гулякой — только гуляка и ничего болѣе. Какъ хорошій артистъ, котораго никто не узнаетъ въ разныхъ роляхъ, сживается Пушкинъ со всякими ролями. О такихъ людяхъ принято говорить, что у нихъ нѣтъ личности, нѣтъ воли, нѣтъ духа; ихъ любятъ немногіе, сумѣвшіе открыть, что подъ измѣнчивой уступчивой внѣшностью кроется духъ ясный, опредѣленный, но не легко себя проявляющій. Оттого-то ихъ легкая приспособляемость — не слабость, а чуткость впечатлительнаго духа, всегда инстинктивно соразмѣряющаго себя со средой. Невольно припоминаются намъ по этому поводу слова апостола Павла: „Будучи свободенъ отъ всѣхъ, я всѣмъ поработилъ себя... Для Іудеевъ я былъ, какъ Іудей... Для чуждыхъ закона, какъ чуждый закона... Для немощныхъ былъ, какъ немощный... Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ!“... Эта „зеркальность“ души апостола сдѣлала его властителемъ сердецъ человѣческихъ. Онъ понималъ — и всѣ понимали его...

„Первый признакъ умнаго человѣка — съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому подобными“ — пишетъ Пушкинъ, критикуя Чацкаго. Да, онъ не былъ Чацкимъ, потому что обладалъ способностью заразъ жить интересами и Репетилова и Чацкаго, искренне любя ихъ сегодня, также искренне презирая завтра. У него былъ тѣсный кругъ друзей, съ которыми онъ всегда былъ неизмѣненъ и ровенъ. Дельвигъ, кн. Вяземскій, Жуковскій, Осипова, — вотъ эти лица, судя по его письмамъ; къ остальному же пестрому міру людей онъ относился такъ же пестро. Когда, напримѣръ, друзья упрекали его за то, что онъ вступаетъ въ сношенія съ Булгаринымъ, котораго завѣдомо презиралъ, онъ отвѣчалъ: „потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и прочіе. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. Они на дняхъ меня зарѣжутъ“ [1]) Такая нравственная неразборчивость связала его тѣсной дружбой съ Нащокинымъ, человѣкомъ, можетъ быть, и добродушнымъ, но совершенно пустымъ, безтолковымъ и въ нравственномъ отношеніи невысокимъ. „Домъ его“, пишетъ Пушкинъ, — „такая безтолочь и ералашь, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные

[1]) Соч. Пушкина, т. VII, стран. 104.

гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы“ [1])... Надо сознаться, что приблизительно такой же букетъ пріятелей былъ и у нашего великаго поэта, и, если онъ иногда скучалъ [2]), глядя на эту галлерею, то порою, оказывается, смѣялся „до упаду“ [3]). Припомнимъ, какъ привязался онъ къ своимъ друзьямъ по обществу „Зеленой Лампы“, перечитаемъ его письмо къ Мансурову [4]), письму, въ которомъ юноша захлебывается скабрезнымъ духомъ „Зеленой Лампы“, — и невольно намъ припомнятся его слова о томъ, какъ поэтъ теряется въ толпѣ, дѣлается „ничтожнѣе“ многихъ „ничтожныхъ“.

Но мгновенье, — и поэтъ воскреснетъ. Да, *мгновенье* играло въ его поэтической жизни большую роль: почти всѣ его лирическія стихотворенія — отзвуки такого минутнаго настроенія. Именно отъ того въ нихъ столько разнообразія, порой граничащаго съ противорѣчіемъ. Какъ помирить, напримѣръ, представленіе о поэтѣ, какъ священнослужителѣ, жрецѣ, съ тѣми стихами, которые написаны на злобу дня, или посвящены „выметанію сора“ путемъ эпиграммъ и сатиръ. Онъ искренне воспѣваетъ декабристовъ, — стоитъ императору Николаю сдѣлать что-нибудь пришедшееся по вкусу поэту — онъ искренне воспѣваетъ Николая. Онъ самъ признается, что „мгновенье“ имѣетъ надъ нимъ большую силу [5]), — подъ вліяніемъ минуты онъ можетъ то совершенно пренебречь мнѣніемъ свѣта [6]), то не въ силахъ удержаться отъ собиранія великосвѣтскихъ сплетенъ, его касающихся [7]). Онъ самъ сознаетъ эту слабость, оттого пишетъ Жуковскому, что его поведеніе по отношенію къ правительству будетъ зависѣть „отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія“ съ нимъ правительства [8]).

Эта впечатлительность, жизнь во власти минуты, помѣшала Пушкину устойчиво относиться къ людямъ, — отсюда вытекаетъ та двойственность, которая легко изобличается письмами. Вотъ онъ пишетъ поэтессѣ А. А. Фуксъ, теплое, сердечное письмо, проникнутое чувствомъ признательности за то гостепріимство, которое она ему оказала: „Съ сердечной благодарностью посылаю вамъ мой адресъ, и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, милостивая государыня, изъявленіе моей глубокой признательности, и пр.“ [9]). Послушаемъ теперь, что пишетъ онъ черезъ четыре дня своей очаровательной женѣ, желая ее, конечно, разсмѣшить: „попалъ на вечеръ къ одной blue stockings, сорокалѣтней, несносной бабѣ съ вощеными зубами и съ ногтями

---

[1]) Тамъ же, стран. 297.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стран. 306.
[4]) Тамъ же, стран. 5.
[5]) Тамъ же, стран. 11.
[6]) Тамъ же.
[7]) Тамъ же, стран. 111.
[8]) Соч. Пушкина, т. VII, стран. 173, 174.
[9]) Тамъ же, стран. 324.

въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхваливалъ ея красоту и геній [1]). „Съ жадностью прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія", пишетъ Пушкинъ той же поэтессѣ, „и между ними ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы. Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на-дняхъ доставить" и т. д. [2]). Таково же двойственное отношеніе поэта къ Дмитріеву [3]), Катенину [4]), Хвостову [5]). Насколько мы понимаемъ Пушкина, здѣсь нельзя говорить о неискренности, фальши поэта въ отношеніяхъ къ людямъ, — напротивъ онъ всегда *черезчуръ искрененъ:* стоитъ кому-нибудь сказать ему теплое слово, онъ сейчасъ же уступалъ его вліянію и отвѣчалъ такимъ же теплымъ словомъ. Но пролетала эта минута, уносилось это впечатлѣніе, подвертывался новый собесѣдникъ, мелькала какая-нибудь новая мысль, шутка, — и часто, въ глазахъ Пушкина, вся картина освѣщалась другимъ свѣтомъ, — и гостепріимная поэтесса обращалась въ смѣшную карикатуру. Уважая Плетнева, онъ, напримѣръ, не въ силахъ удержаться, чтобы не посмѣяться надъ нимъ въ письмѣ къ Вяземскому [6]); искренне любя своего поэта-дядюшку, добродушнѣйшаго Василія Львовича, онъ потѣшается надъ нимъ, пристегнувъ заодно и только что скончавшуюся тетушку [7]). Въ тридцатыхъ годахъ отношенія его къ правительству были уже вполнѣ ровными, — однако въ веселую минуту онъ не прочь зло пошутить надъ тогдашнимъ режимомъ. И. И. Дмитріевъ въ его присутствіи нашелъ страннымъ сочетаніе словъ: „*московскій англійскій* клубъ", — Пушкинъ со смѣхомъ замѣтилъ, что есть названіе еще страннѣе, — „*императорское человѣколюбивое* общество" [8]).

Отличаясь (говоря его же словами) „веселымъ лукавствомъ ума", а потому большой любитель „поповѣсничать и въ язычки постучать" [9]), онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, что въ минуту смѣшливаго настроенія „ради краснаго словца не пожалѣютъ и отца". А такое

---

[1]) Тамъ же, стран. 325.

[2]) Тамъ же, стран. 372. Прекрасной иллюстраціей къ этимъ отношеніямъ могутъ служить выдержки изъ записокъ самой Фуксъ. Пушкинъ, добродушный, милый, сердечный, какъ живой, встаетъ передъ нами, — въ его искренности сомнѣваться нельзя. „Я, простившись съ нимъ, думала, что его обязательная привѣтливость была обыкновенно свѣтскою любезностью, но ошиблась. До самаго конца жизни, гдѣ только было возможно, онъ оказывалъ мнѣ особенное расположеніе... Онъ писалъ ко мнѣ по нѣскольку разъ въ годъ и всегда собственною своею рукою; познакомилъ меня заочно со всѣми замѣчательнѣйшими русскими литераторами и наговорилъ имъ обо мнѣ столько для меня лестнаго, что я, по пріѣздѣ моемъ въ Москву и Петербургъ, была удостоена ихъ посѣщеніемъ" (*А. С. Архангельскій.* А. С. Пушкинъ въ Казани. Казань, 1899). См. также статью *Н. П. Загоскина:* „Пушкинъ въ Казани" — *Историческій Вѣстникъ,* 1899 г., № 5).

[3]) Соч. Пушкина, т. VII, стран. 57, 75, 187, 301, 376, 408.

[4]) Тамъ же, стран. 7, 35, 118, 153, 167, 175.

[5]) Соч. Пушкина, т. VII, стран. 286, 310.

[6]) Тамъ же, стран. 106.

[7]) Тамъ же, стран. 126, 132, 156.

[8]) *Д. Н. Садовниковъ:* „Отзывы современниковъ о Пушкинѣ" — *Историческій Вѣстникъ,* 1883 г., т. XIV, стран. 536.

[9]) Соч. Пушкина, т. VII, стран. 67.

настроеніе, какъ извѣстно, часто посѣщало его: во многихъ письмахъ слышится его неудержимый хохотъ, тотъ заразительный, всепобѣждающій хохотъ, о которомъ въ своихъ запискахъ писала такъ много Смирнова [1]).

Минутное настроеніе [2]) иногда заставляло его дѣлать такіе поступки, которые потомъ долго мучили его совѣсть. Обласканный Карамзинымъ, принятый въ его семью, какъ родной, слишкомъ впечатлительный юноша, въ минуту обиды вдругъ сочиняетъ эпиграмму на своего стараго друга [3]), — прошло это настроеніе, и раскаянье его мучитъ, и любовь снова возвращается въ его сердце... „Карамзинъ боленъ“, пишетъ онъ Плетневу при вѣсти о болѣзни исторіографа: „милый мой, это хуже многаго — ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты“ [4]). Обиженный Петербургомъ, поэтъ, узнавъ о наводненіи 1825 года, легкомысленно восклицаетъ: „Что это у васъ? Потопъ? ништо проклятому Петербургу!“ [5]) „Я очень радъ этому потому, потому что золъ!“ [6]), — но стоило перемѣниться настроенію, и онъ говоритъ иное: „Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго ни письменнаго“ [7]).

Такое неожиданное заключеніе ликованій по поводу наводненія приводитъ насъ къ основной чертѣ Пушкина, — къ его добротѣ. Мы понимаемъ, почему многіе современники, начиная съ лицейской скамейки до могилы, ненавидѣли поэта [8]): его глубокая любовь къ людямъ скрыта была отъ близорукаго взгляда его непостоянствомъ, вѣтреностью, его высмѣиваньемъ слабыхъ сторонъ въ глаза и за глаза, — вѣдь для сухого педанта, человѣка „правилъ“, — всѣ эти недостатки вырастали до громадныхъ размѣровъ, а за ними мало кто видѣлъ живое, доброе, отзывчивое сердце поэта. Онъ самъ признается, что „добродушіемъ преисполненъ до глупости, несмотря на опыты жизни“ [9]). Бороться съ врагами ему не подъ силу, — пройдетъ его настроеніе, — и онъ пишетъ: „Ольдекопъ надоѣлъ. Плюнемъ на него, и квитъ“ [10]). Послѣ различныхъ суровыхъ прижимокъ со стороны правительства, Пушкинъ

---

1) Тамъ же, стран. 182.

2) Насколько впечатлителенъ былъ Пушкинъ къ вліяніямъ минуты, видно изъ словъ А. П. Кернъ: „Трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться; онъ былъ очень неровенъ въ обращеніи: то шумно веселъ, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ, и нельзя было угадать, въ какомъ онъ будетъ расположеніи духа черезъ минуту“ (*Л. Н. Майковъ.* Пушкинъ. С.-Пб. 1899, стран. 241).

3) Соч. Пушкина, т. VII, стран. 182.

4) Тамъ же, стран. 176.

5) Тамъ же, стран. 91.

6) Тамъ же, стран. 92.

7) Тамъ же, стран. 99.

8) Напр. его товарищъ графъ М. А. Корфъ (см. его „Записку“ въ книгѣ *Я. К. Грота:* „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“. С.-Пб. 1899; также Записки *А. О. Смирновой,* ч. I, С.-Пб. 1895, стран. 16, 19, 33, 73, 91, 103).

9) Соч. Пушкина, т. VII, стран. 353.

10) Соч. Пушкина, т. VII, стран. 94.

хотѣлъ было уйти въ отставку, но ея онъ не получилъ, и кончилось дѣло тѣмъ, что задоръ у Пушкина прошелъ, и онъ все простилъ: „Долго на него (Николая I) сердиться не умѣю: хотя онъ и неправъ“[1]). Незлобливость его доходитъ до того, что, сосланный на окраину Россіи, забытый всѣми, онъ не только не ожесточается, но даже тона раздраженія не слышится въ его отношеніяхъ къ друзьямъ, не присылающимъ ему вѣстей. Только иногда тихая жалоба на свою участь прозвучитъ въ его письмахъ, да легкій упрекъ вырвется, словно противъ воли. „Представь себѣ“, пишетъ онъ брату, „до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружный голосъ — друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію — и это состояніе несносно“[2]). „Дельвигъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ“ — жалуется онъ. „Попеняйте ему и обнимите его за меня“[3]). „Не могу повѣрить“, пишетъ онъ Всеволожскому, „чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій, — ты помнишь Пушкина, проведшаго съ тобою столько веселыхъ часовъ, — Пушкина, котораго ты видалъ и пьянаго и влюбленнаго“[4]). Сердце вѣсти проситъ, — а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился, но не утерпѣлъ). Ради Бога, слово живое объ Одессѣ“[5]). Зато, когда долетаетъ до него вѣсточка отъ друга, онъ забываетъ упрекнуть его за годовое молчаніе, а радостно восклицаетъ: „Вчера повѣяло мнѣ жизнью лицейской; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пущину!“)[6].

Почти съ лицейской скамейки онъ является ходатаемъ за разныхъ несчастныхъ, пришибленныхъ судьбой[7]). Кюхельбекеръ, этотъ потѣшный „Кюхля“, о которомъ Пушкинъ не можетъ говорить безъ смѣха, окруженъ его вѣчными заботами и самой нѣжной любовью[8]). Сердиться Пушкинъ, по-крайней мѣрѣ, въ письмахъ (мы исключаемъ письма наканунѣ дуэли) совершенно не умѣетъ. Единственный разъ раздраженіе зазвучало въ объясненіи съ И. Е. Великопольскимъ, и то оно сейчасъ же разрѣшилось шуткой и миромъ. За этимъ исключеніемъ его упреки всегда мягки, скорѣе напоминаютъ жалобы. Бестужевъ напечаталъ стихи, которыхъ Пушкинъ печатать не хотѣлъ. „Я давно уже не сержусь за опечатки“, пишетъ онъ по этому случаю Бестужеву, „но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ, какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли ни бѣдной собственности. Это простительно Воейкову, но et tu autem Brute?[9]) „Что это со мною дѣлаютъ журналисты!“ восклицаетъ онъ — „Булгаринъ хуже Воейкова. Какъ можно

---

[1]) Тамъ же, стран. 364.
[2]) Тамъ же, стран. 28.
[3]) Тамъ же, стран. 50—51.
[4]) Тамъ же, стран. 82.
[5]) Тамъ же, стран. 96.
[6]) Тамъ же, стран. 58.
[7]) Тамъ же, стран. 4, 93, 96 и др.
[8]) Тамъ же, стран. 109, 169.
[9]) Соч. Пушкина, т. VII, стран. 70.

печатать партикулярныя письма — мало-ли что мнѣ приходитъ на умъ въ дружеской перепискѣ, а имъ бы все и печатать — это разбой!"[1]). Особенно много испытаній долготерпѣнію и добротѣ причинялъ поэту его братъ Левъ. Въ первыхъ письмахъ А. С. Пушкинъ съ самой теплой любовью относится къ нему[2]): разсказываетъ свою жизнь[3]), даетъ разные совѣты житейской мудрости[4]); затѣмъ очень скоро неблагодарная роль „вождя по жизни" пріѣдается Пушкину, и онъ обращается къ Льву съ разными просьбами и порученіями[5]). Левушка, по легкомыслію и эгоизму, очень халатно относился къ просьбамъ брата: стихи его, еще не напечатанные, но уже проданные, раздавалъ въ спискахъ по всему городу[6]), писалъ ихъ въ альбомы дамъ[7]), деньги, вырученныя отъ продажи сочиненій брата, проигрывалъ[8]), — въ результатѣ, тонъ писемъ къ нему А. С. Пушкина дѣлается все суше, и скоро они принимаютъ дѣловой характеръ. Не менѣе интересна переписка съ женой, — здѣсь любовь Пушкина, положительно, неисчерпаема; онъ заботится о своей женѣ, какъ о ребенкѣ, въ каждомъ письмѣ шлетъ ей прописныя наставленія, умоляетъ ее вести себя въ обществѣ прилично, не кокетничать, беречь себя, — а она, въ отвѣтъ на эти отеческія посланія, поддразниваетъ его, сообщаетъ о своихъ побѣдахъ, о своемъ веселомъ, но глупомъ времяпровожденіи и пр. Въ отвѣтъ на эти письма поэтъ пишетъ опять нѣжныя посланія, выражая изрѣдка порицаніе укоризненнымъ: „Женка, женка! Но оставимъ это!"[9]) Или: „Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу — для чего? Для тебя женка: чтобъ ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мущины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc"[10]). Когда никакія мольбы не помогаютъ, поэтъ разрѣшаетъ своей женѣ „кокетничать". „Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ", пишетъ онъ, „но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побранивъ тебя, беру нѣжно тебя за уши и цѣлую"[11]). Въ такомъ тонѣ всѣ письма Пушкина къ женѣ: его любовь къ ней выдерживала всѣ испытанія, она приковала его къ мелкимъ хозяйственнымъ хлопотамъ, къ заботамъ объ экипажахъ, квартирахъ, обстановкахъ, она заставила его страдать отъ разныхъ назойливыхъ поползновеній назойливой жениной родни, считаться съ разными сплет-

[1]) Тамъ же, стран. 76.
[2]) Тамъ же, стран. 16.
[3]) Тамъ же, стран. 16.
[4]) Тамъ же, стран. 36, 37, 43—44.
[5]) Тамъ же, стран. 91, 92.
[6]) Тамъ же, стран. 76.
[7]) Тамъ же, стран. 139.
[8]) Тамъ же, стран. 159.
[9]) Соч. Пушкина, т. VII, стран. 308.
[10]) Тамъ же, стран. 333.
[11]) Тамъ же, стран. 69.

нями... Эта жизнь медленно отравляла его, — его, свѣтлая душа котораго была такъ далеко отъ отчаянія; пессимизмъ вообще былъ чуждъ его природѣ. „Судьба не перестаетъ съ тобой проказить“, писалъ въ 1826 году онъ Вяземскому. „Не сердись на нее, не вѣдаетъ бо, что творитъ. Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? Ни ты, ни я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего!“[1]) Еще въ 1831 году, когда онъ уже вкусилъ сладостей супружеской жизни, онъ еще не терялъ надежды на счастье: любовь къ женѣ и дѣтямъ освѣщала ему жизнь. „Опять хандришь!“ — писалъ онъ Плетневу: „Эй, смотри: хандра хуже холеры, — одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ, погоди умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши — старыя хрычевки; а дѣтки будутъ славные, молодые, веселыя ребята; мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ душа моя: не хандри, холера на-дняхъ пройдетъ; были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы“[2]). Сколько всепрощающей, всепримиряющей любви въ этомъ образѣ поэта, много страдавшаго, но не утратившаго вѣры въ будущее!

Если ко всѣмъ этимъ чертамъ мы прибавимъ живость его духа, вѣчно ищущаго новыхъ настроеній и впечатлѣній, мы исчерпаемъ главнѣйшія черты его души, *поскольку онѣ высказались въ его письмахъ*. Послѣднія слова выразительно подчеркиваемъ, желая указать этимъ, что, конечно, въ своемъ бѣгломъ очеркѣ мы далеко не исчерпали всѣхъ чертъ пушкинскаго духа, — въ письмахъ своихъ онъ не выразилъ всего себя, такъ какъ между корреспондентами его не было ни одного по плечу ему. Оттого письма помогаютъ понять Пушкина лишь въ обществѣ его друзей; они объясняютъ намъ, насколько его человѣческія черты отразились на его творчествѣ, но они не даютъ пониманія Пушкина, какъ „пѣвца земли“, понявшаго духомъ драматизмъ ея жизни, съ ея радостями и горемъ, — передъ нами чисто внѣшнія черты его облика, черты, однако характерныя и важныя.

Сравнимъ этотъ образъ съ тѣмъ, что просвѣчиваетъ въ его лирическихъ произведеніяхъ, мы увидимъ полное совпаденіе. И это безконечное разнообразіе мотивовъ, и этотъ всепрощающій свѣтъ любви, искренность и живость настроенія, отличительныя черты пушкинской лирики, — все это черты поэта, какъ человѣка; для него, не въ примѣръ многимъ другимъ поэтамъ, жизнь и поэзія во всякій отдѣльный моментъ сливались въ одно!

Разнообразіе героевъ въ его эпическихъ и драматическихъ произведеніяхъ вытекало изъ того же богатства его природы. Мы говорили

---

[1]) Тамъ же, стран. 180.
[2]) Соч. Пушкина, т. VII, стран. 283.

уже выше, что онъ легко сживался со всякимъ, лего жилъ его думами и чувствами. Всякій эпическій писатель непремѣнно проходитъ въ своемъ творчествѣ чрезъ такой процессъ. Нужно сдѣлаться самому немного Чичиковымъ, Подколесинымъ, чтобы заставить ихъ жить. Истинно художественное творчество (и лирическое и эпическое) можетъ быть только субъективнымъ, въ большей или меньшей степени: образы, созданные объективно, — или не живы, отвлечены, сухи, — или портреты, не болѣе. Наконецъ, и духъ примиренія, которымъ былъ богатъ Пушкинъ въ жизни, сказался въ его герояхъ: онъ освѣтилъ ихъ всѣхъ свѣтомъ любви, — въ Пугачевѣ мы видимъ мягкія черты благодарности и милосердія, суровый Петръ изображенъ въ моментъ примиренія съ врагами, — въ его душѣ отмѣчено Пушкинымъ мягкое чувство признательности и даже нѣжности. Въ Донъ-Жуанѣ, жизнерадостномъ, какъ ясный день, беззаботномъ, какъ сама юность, не остается почти ничего суроваго для судьи-моралиста; образъ преступнаго Годунова внушаетъ только глубокое сожалѣніе; Скупой Рыцарь и Сальери, несчастные мученики глубокой страсти, у одного къ поэзіи золота, у другого — къ божеству музыки, тоже ни въ комъ не пробудятъ къ себѣ злобы.

Заканчивая этимъ нашъ очеркъ, мы не можемъ, въ заключеніе, не указать, что образъ поэта, бѣгло очерченный нами, вполнѣ сливается съ тѣмъ, что встаетъ передъ нами при чтеніи записокъ Смирновой. Странная судьба постигла эти живые, талантливые мемуары, встрѣченные такъ сурово нашей критикой! Точно ко всѣмъ запискамъ можно примѣнять одну и ту же мѣрку, — одни даютъ факты, имена, устанавливаютъ хронологію, сохраняютъ для историка рядъ мелкихъ историческихъ данныхъ, — другіе не даютъ ничего этого, зато рисуютъ живыя лица далекаго прошлаго, а вѣдь это вовсе не мало! Записки Смирновой принадлежатъ къ послѣднему роду мемуаровъ — пусть въ нихъ спутана хронологія, пусть невѣрны факты, пусть они даже подправлялись издательницей, пусть Dichtung превышало порою Wahrheit, зато въ этихъ запискахъ жизнь 20—30 годовъ бьетъ ключомъ, зато передъ нами встаютъ ясныя, характерныя лица, намъ дорогія... И между ними — центральная фигура — Пушкинъ! Стоитъ сравнить письма Пушкина съ воспоминаніями Смирновой, и мы убѣдимся, что они — документъ цѣнный, заслуживающія уваженія и вниманія! Какія стороны своей души Пушкинъ раскрывалъ передъ друзьями въ письмахъ, тѣ же раскрылъ онъ и въ салонѣ Смирновой! Оттого записки ея и письма поэта взаимно провѣряютъ и дополняютъ другъ друга, — стоитъ ихъ перечитать вмѣстѣ и, какъ живой, возстанетъ передъ нами, безконечно добродушный и благожелательный, порою насмѣшливый, то грустный, то блестящій и сверкающій „Искра"-„Сверчокъ" — весь яркое воплощеніе мгновенія, вѣчно живущій впечатлѣніемъ минуты, нѣжный и ласковый съ одними, задорный съ другими, съ его веселымъ, раскатистымъ беззаботнымъ смѣхомъ, съ его серіозными думами и страданіями, съ его горячими рѣчами... *Сиповскій.*

Завѣты Пушкина молодому поколѣнію.

Къ вашему выпуску, дорогіе питомцы, какъ къ пушкинскому, я считаю нужнымъ обратиться съ нѣсколькими напутственными словами увѣщанія, взятыми изъ твореній того, чью память мы собрались сегодня чествовать. Я не стану разъяснять вамъ литературное и общественное значеніе поэзіи Пушкина или напоминать важнѣшія обстоятельства его жизни и дѣятельности: все это, конечно, вамъ извѣстно, все изучено вами основательно. Вмѣсто этого я хочу вамъ только напомнить тѣ завѣты, которые необходимо знать каждому доброму сыну земли русской, и сдѣлать это намѣренъ съ помощью самого поэта, придерживаясь, по возможности, его словъ. Вѣдь великій поэтъ былъ въ то же время и великимъ мудрецомъ, глубокомысленнымъ учителемъ жизни и не только для молодежи, но и для всего общества, даже для самыхъ его руководителей и писателей. Его завѣты вслѣдствіе этого особенно дороги и цѣнны, и ими-то я хочу украсить свое напутственное слово.

Пожелаю вамъ, прежде всего, любить отечество наше и его просвѣщеніе такъ, какъ умѣлъ любить ихъ Пушкинъ; этимъ исполнено будетъ и то желаніе незабвеннаго учредителя нашей коллегіи Г. П. Галагана, въ силу котораго развитію учащихся въ коллегіи юношей должно быть дано твердое и опредѣленное направленіе, „сколь возможно чуждое того духа равнодушія ко всему, что составляетъ главныя основы русской жизни, который, убивая въ молодыхъ людяхъ всѣ лучшіе своенародные зародыши, дѣлаетъ ихъ часто малоспособными служить дѣйствительнымъ интересамъ родной страны“. У Пушкина вы именно найдете высоко-патріотическое отношеніе къ родной землѣ и ко всѣмъ основамъ ея существованія: вѣрѣ, языку, народности, искреннее желаніе ей свободы просвѣщенія, развитія и всякаго вообще блага. Это былъ сердечный, добрый и честный человѣкъ, съ самыми гуманными мыслями и чувствами, съ рыцарски-пріятнымъ и великодушнымъ характеромъ, вѣрный въ дружбѣ и любви, любящій въ жизни все высокое и прекрасное, глубоко сочувствовавшій народу, любившій его и пламенно желавшій ему лучшей доли. Стихотвореніе „Деревня“, какъ и многія другія прекрасно характеризуютъ намъ въ этомъ отношеніи Пушкина; вамъ, конечно, извѣстны заключительныя строки этой роскошной вещи, выставляющей въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ молодого автора, бывшаго тогда въ вашемъ возрастѣ:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію Царя.
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

У Пушкина же найдете вы и неуклонное стремленіе къ самообразованію, и я отъ всей души желаю вамъ имѣть возможность въ ваши

дальнѣйшіе годы ученія примѣнить къ себѣ слѣдующія строки, сказанныя имъ въ извѣстномъ посланіи къ Чаадаеву 1821 года.

„Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ,
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной молодостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ!

Подобно Пушкину, не бойтесь труда и усилій мысли, учитесь „въ истинѣ блаженство находить, свободною душою законъ боготворить“, почаще вопрошайте „оракулы вѣковъ“, потому что, какъ говоритъ этотъ поэтъ, ихъ голосъ

Гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ.

Тогда будете имѣть возможность испытать и то чудное, волнующее, полное удовлетворенія чувство, которое возбуждается въ насъ окончаніемъ труда, потребовавшаго большихъ усилій мысли и затраты времени. Вспомните то чудное стихотвореніе юбиляра-поэта, которое такъ прекрасно передаетъ чувства, овладѣвающія человѣкомъ, покончившимъ съ тяжелой, но зато иногда и сладостной работой, чувства, знакомыя теперь и вамъ, покончившимъ съ нелегкимъ четырехлѣтнимъ трудомъ:

Мигъ вожделѣнный насталъ! Оконченъ мой трудъ многолѣтній,
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работы другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

Старайтесь далѣе, подобно нашему поэту, резвить въ себѣ способность проникать въ сущности вещей и давать настоящую цѣну внѣшней блестящей мишурѣ, которую часто маскируется полное отсутствіе дѣйствительно цѣннаго содержанія. Между тѣмъ, въ обществѣ нашемъ часто погрѣшаютъ противъ этого, и именно это печальное явленіе заклеймено чрезвычайно мѣткими и въ данномъ случаѣ просто ядовитыми стихами поэта, заключающими его вдумчивую и глубокую пьесу „Полководецъ“:

„О, люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

А вѣдь, „поклоненіе успѣху", въ самомъ дѣлѣ, очень ужъ распространенно среди общества и нерѣдко препятствуетъ ослѣпленному оку разсмотрѣть подъ простою, сѣренькою внѣшностью драгоцѣнную внутреннюю суть.

Пушкинъ является, наконецъ, превосходнымъ выразителемъ и для того чувства товарищества, въ атмосферѣ котораго и вы прожили подъ кровомъ нашей alma mater 4 года: нѣсколько задушевнѣйшихъ стиховъ поэта относятся именно къ опоэтизированію этого драгоцѣннаго чувства первоосновы всяческаго широкаго человѣческаго общенія. Вспомните, напримѣръ, стихотвореніе на 19 октября 1825 года.

Поэтъ говоритъ:

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ —
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ — чужбина,
Отечество намъ — Царское Село,

Или, перефразируя Пушкина:

Отчизна намъ — коллегіи храмина!

Съ признательностью, надѣюсь, отнесетесь вы и къ вашимъ наставникамъ, подобно нашему великому поэту, возгласившему въ томъ же чудномъ стихотвореніи:

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію: и мертвымъ и живымъ,
Поднявъ къ устамъ признательную чашу
Не помня зла, за благо воздадимъ!

Любите же нашу alma mater, какъ любилъ свою Пушкинъ, и вспоминайте о ней съ тѣмъ горячимъ чувствомъ, съ какимъ вспоминалъ онъ о своемъ Лицеѣ. Давая вамъ, вмѣстѣ съ аттестатами зрѣлости, и сочиненія нашего величайшаго генія поэзіи, отъ души желаю вамъ выучиться почерпать изъ его книгъ и удовлетвореніе запросовъ художественнаго наслажденія и отвѣты на высшіе вопросы жизни и нравственности!

Директоръ Коллегіи Павла Галагана *А. І. Степовичъ.*

VI вып. Объ европейскомъ просвѣщенiи XVII — XVIII вв. и о вліяніи его на русскую литературу и общество. Ц. 2 р.
VII „ О литературной дѣятельности Екатерины II. Ц. 1 р. 50 к.
VIII „ О Фонвизинѣ и значенiи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р. 50 к.
IX „ О Державинѣ и значенiи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
X „ О просвѣщенiи въ древней Руси. Ц. 3 р.
XI „ О просвѣщенiи въ XVIII в. Ц. 3 р. 50 к.
XII „ О положенiи и состоянiи русскаго общества въ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
XIII „ О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц. 3 р.
XIV „ О Новиковѣ. Ц. 3 р. 50 к.
XV „ О Радищевѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Сокращенная историческая хрестоматiя. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной и книжной словесности до эпохи Петра.) Пособiе при изученiи русской словесности для учениковъ среднихъ учебныхъ заведенiй (8°, 659 стр.). Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о **Кантемирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Екатеринѣ II, Фонвизинѣ и Державинѣ.)** Пособiе при изученiи литературы для учениковъ среднеучебныхъ заведенiй (8°, 1175 стр.). Изд. 2-е. Ц. 2 р. *Одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.)** Пособiе при изученiи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведенiй. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к. (8°, 818 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Пушкинѣ.)** Пособiе при изученiи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведенiй. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8°, 733 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Гоголѣ. Лермонтовѣ и Кольцовѣ.)** Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8°, 648 стр.), *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VI. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ).** (8°, 1044 стр.). Изд. 3-е. Ц. 2 р. 50 к. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критическихъ статей **о Майковѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ.)** (8°, 505 стр.). Ц. 1 р. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанiя. Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библiотекъ.*

Систематическiй диктантъ для среднеучебныхъ заведенiй, городскихъ и начальныхъ училищъ. Ч. I. Этимологiя. Изд. 15-е. Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., Уч. Ком. при Св. Синодѣ для духовныхъ училищъ и Учил. Сов. при Св. Синодѣ для церковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 13-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

Имена существительныя, употребляющiяся только во множественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанiя. Ц. 20 к.

Справочный орѳографическiй словарь. Изд. 9-е. Ц. 25 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

15K

